

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. СТУЧКА

ТОМ III

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

МОСКВА
1925—27

27-я типография
„Красная Печать“
при изд-ве Коммун. Акад.
Москва, Остоженка, 10
Главлит № 79.192. Тираж 15.000

О

ОБЕСПЕЧЕНИЕ обязательств, вернее, их исполнения, является одним из основных вопросов гражданского права. Древнее право знало вначале лишь примитивное (О), обязательства личностью, или рабочей силой должника, или захватом его имущества (см. Заем, Залог). Буржуазное общество со своим развитым гражданским и особенно торговым оборотом новых способов О. не изобрело, но усовершенствовало, видоизменило до неузнаваемости перешедшие к нему от древнего права способы О. Если «декларация прав человека» выдвинула в первую очередь обеспеченность священного частного права собственности, то не менее священным считается обеспеченность исполнения договоров и обязательств вообще. Конечно, первым условием успешности гражданского оборота является материальная, экономическая возможность. Но вслед за тем идет вопрос о формальном О. договоров и обязательств вообще.

Гражданские договоры знают целый ряд таких способов О. договоров, из коих важнейшими являются: з а л о г (см.), пеня и неустойка (см.), задаток (см.) и поручительство (см.). Наш закон в общем не знает законного О. договоров, каким, например, является право залога или удержания из имущества нанимателя квартиры или арендатора земли. Только железные дороги и у нас по уставу имеют особое преимущественное право на удовлетворение всех своих претензий по перевозке из перевозимого груза, пока таковой находится в ведении железной дороги или ее агентов.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСКА состоит в принятии судом мер, направленных к тому, чтобы то право, осуществления коего добивается истец, реально могло быть осуществлено; чтобы имущество, получение коего со-

ставляет предмет иска, не было ответчиком во время процесса сокрыто или растрчено, или чтоб ответчик своими действиями не поставил истца в положенно фактической невозможности реализации того законного интереса, который за ним будет признан судебным решением. О. и. состоит в наложении ареста на имущество должника, находящееся в его распоряжении или у третьих лиц, в запрещении ему совершать те или иные действия. Меры обеспечения взыскания принимаются как по делу, возбужденному в гражданском порядке, так и в порядке уголовного процесса. Согласно ст. 121 У. П. К., следователь в праве, по ходатайству гражданского истца или по собственной инициативе, принять меры обеспечения гражданского иска (см.), если признает, что непринятие этих мер может лишить гражданского истца возможности получить возмещение понесенных вреда (см.) и убытков. Следователь, усмотрев, что потерпевшему причинены вред и убытки и что есть основание ждать предъявления гражданского иска, в праве принять меры обеспечения, хотя бы иск еще не был предъявлен. Следователь обязан в порядке ст. 121-а У. П. К. принять такие же меры в обеспечение возможной конфискации имущества обвиняемого, если преступление, совершенное им, влечет за собою конфискацию (см.) имущества. В некоторых случаях допускается принятие мер обеспечения требования до предъявления иска. Согласно ст. 198 Г. П. К. «лица, имеющие претензии к наследодателю в праве обратиться к народному суду (см.) в районе которого открылось наследство, с просьбой о принятии мер, обеспечивающих удовлетворение их требований». Пленум Верховного суда 24 ноября 1924 г. разъяснил, что по ходатайствам госорганов допускается обеспечение их будущих исковых требований в тех случаях, когда эти будущие требования носят

беспорный характер и когда бесспорно устанавливается, что необеспеченно иска повлечет за собой неисправимый ущерб для государства.

Являясь весьма существенным стеснением хозяйственной свободы ответчика, О и допустимо лишь в случаях, когда: 1) иск представляется достаточно обоснованным и 2) когда непринятие мер обеспечения иска может повлечь за собой для истца невозможность получить удовлетворение или когда по самому характеру требования промедление делает затруднительным и невозможным исполнение решения (ст. 83 Г. П. К.). Для О и. в общем достаточно наличия одного из условий, указанных в ст. 83 Г. П. К. Но в тех случаях, когда ответчиком является кооперативная организация, для О и. против нее ГКК Верховсуда СССР требует наличия обоих условий, предусмотряемых ст. 83 Г. П. К. (определение от 28 ноября 1924 г.).

По общему правилу, О и., пред'явленно-го к государственному учреждению или предприятию, не допускается. Исключения представляют иски Госбанка, основанные на протестованных векселях, выписках из торговых книг Госбанка и типичных сделках, предусмотренных положением о Госбанке и утвержденными правилами (циркуляр НКЮ 1923 г., № 51), и иски центрального сельскохозяйственного банка СССР и центрального коммунального банка. Иски этих банков, пред'являемые к госпредприятиям и госучреждениям, подлежат обеспечению.

Для исков, пред'являемых госучреждениями и госпредприятиями, Г. П. К. устанавливает (ст. 88) особый вид обеспечения, заключающийся в том, что суд может допустить назначение истцом своего представителя для наблюдения за правильным ходом предприятия ответчика.

Ходатайства об О и. должны разрешаться в день их заявления. Они рассматриваются единоличным судьей или судом в коллегиальном составе (нарзаседателями). Вызов ответчика необязателен. Определения судьи или суда об О и. или отказе в таковом могут быть обжалованы в кассационную инстанцию в 7-дневный срок. Этот срок исчисляется для истца со дня определения суда, а для ответчика, не бывшего на суде при разрешении вопроса об О и., с того дня, когда определение стало ему известно.

Ф. Вольфсон

ОБЖАЛОВАНИЕ (в гражданском процессе). Под О. в гражданском процессе следует понимать совокупность предоставляемых процессуальными законами сторонам способов, направленных на исправление недостатков судебного постановления высшими судебными органами и включенных в нормально действующую систему судебного производства. Характерными чертами для системы О. являются след.: 1) инициатива исправления недостатков судебного постановления находится в руках непосредственных участников процесса сторон и третьих лиц (интервенентов); в тех случаях, когда гражданское правонарушение может быть преследуемо *ex officio* иском прокуратуры или иных органов власти или общественных организаций, инициатива исправления предоставлена и этим органам; инициатива проявляется в форме жалобы на неправильное постановление суда, а не на неправильные действия судьи (медленность, грубость и т. п.); 2) исправление производится высшим судебным органом, судом высшей инстанции, а не судом, вынесшим обжалуемое постановление; 3) исправление судебного постановления высшей судебной инстанцией должно являться составной частью нормально протекающего процесса, одной из его стадий. Таким образом, к способам О., с одной стороны не относятся все те способы исправления, которые закон предоставляет в распоряжение суда, вынесшего нуждающееся в исправлении постановление. Сюда относятся исправления всякого рода неправильностей при арифметических расчетах, описках в фамилиях сторон, свидетелей, неясности, нуждающихся в разъяснении, пропусков, нуждающихся в дополнении.

С другой стороны, к способам О. не могут быть отнесены те способы исправления, которые, имея надзорно-ревизионный характер, являются способами экстраординарными, чрезвычайными, допускаемыми лишь в виде исключительных мер и не столько в интересах правильного разрешения данного конкретного дела, сколько в более общих интересах правильной деятельности судебных органов, отчего и перемещается инициатива от сторон в процессе к органам гос. власти.

Приведенное деление и разграничение всех способов исправления постановлений суда, как и всякая классификация по ка-

ким-либо признакам, вытекающим из существа данного способа исправления, из внутренних его свойств, является очень удобным. Историческое развитие гражданского процесса показывает, что не только в различных процессуальных системах одни и те же способы отнесены то к самосправлению, то к нормальным, то к чрезвычайным способам, но и что в каждой процессуальной системе происходит сплетение различных способов, вследствие чего попытки более или менее четких теоретических конструкций ни к чему не приводят.

Исторически различным формам *O.* постановлений суда предшествовали, с одной стороны, жалобы на действия судьи, а с другой—всякие способы самосправления и экстраординарные способы. В примитивном процессе лицо, недовольное постановлением суда, вступало как бы в спор с судьей по поводу его постановления. Во Франции судья должен был наединке защищать правильность своего постановления; в Англии признание новым составом присяжных вердикта первого состава тяжким влекло за собой штрафы и даже конфискацию имущества. Состязание жалобщика, челобитчика с судьей знало и древнерусское право. В своем дальнейшем развитии рассмотрение неправильных действий судьи отошло к ведению специальных дисциплинарных судов (а в соответствующих случаях и общеуголовных), а неправильные постановления исправлялись в порядке гражданского судопроизводства. Из институтов гражданского процесса, имеющих целью исправление недостатков судебного постановления мерами самосправления наибольшего развития достиг т.-н. отзыв на заочное решение.

Заочным решением признается такое решение, которое вынесено без предшествующего вынесению решения устного состязания сторон перед судом. Диспозитивность гражданских прав создает при неявке сторон определенные презумпции (см.) В случае неявки истца, невольно создается презумпция его незаинтересованности в исходе дела и отказа, следовательно, от иска; неявка ответчика на состязание рассматривается, как отказ от принятия боя, а следовательно, как признание своей неправоты, признание иска. Поэтому неявка обеих сторон устранивает состязание.

Неявка же одной из сторон влечет разные последствия в зависимости от того, кто не явился—истец или ответчик.

Если отпадает презумпция, если отпадает основание, должно отпасть и судебное решение, на презумпциях основанное. Заочное решение как бы аннулируется отъездом, в котором неявившаяся на состязание сторона просит допустить ее к состязанию и еще раз вынести свое решение. Такой отзыв по общему правилу не нуждается ни в каких обоснованиях, ни в какой мотивировке. Когда диспозитивность гражданских прав, как теоретическое обоснование конструкции безмотивных отзывов на заочное решение, оказалась сама по себе несостоятельной, на подмогу является состязательность процесса. Дело в том, что в состязательном процессе неявка стороны неизбежно должна влечь за собой односторонность решения. Поэтому для его пересмотра достаточно одного заявления неявившейся на судебное состязание стороны, поэтому отзыв не является жалобой и некоторые законодательства допускают также отзывы и на заочные решения второй инстанции. Невроятная волокита, вызванная отзывами на заочное решение, поставила на очередь дня вопрос о необходимости внесения в этот институт каких-либо коррективов даже и при состязательности процесса. Попытку в этом направлении делает германская повесть 1924 г., допускающая при неявке обеих сторон по инициативе суда, а при неявке одной из сторон по требованию явившейся стороны, вынести при соблюдении известных условий решение на основании имеющихся в деле материалов (*Entscheidung nach Lage der Acten*). Такое решение не считается уже заочным, отзыв на него не допускается. Революционные декреты советской власти о суде уничтожили безмотивные отзывы на заочные решения и обязательную их силу для суда. Декрет о суде № 2, сохраняя вообще отзывы на заочные решения и рассматривая их, как вид жалоб (примечание к ст. 5, говорящей о кассационном *O.*), ограничивает действие отзыва теми случаями, когда неявка стороны, подающей отзыв, будет признана уважительной. Затем первое положение о нарсуде от 30 ноября 1918 г. уже прямо запрещает отзывы на заочные решения (ст. 59), подчеркивая что заочные решения могут

быть обжалуемы лишь на общем основании. Ту же ликвидацию отзывает на заочное решение продолжает положение о нар суде от 31 октября 1920 г. Изменившаяся роль судьи в процессе, его независимость от сторон в отношении собирания материала сделали совершенно излишними отзывает в качестве самостоятельных процессуальных институтов.

Г. П. К. устранил также и сохранившееся в положении о нар суде извещение неявившейся стороны о состоявшемся решении путем посылки ей копии решения. Восстанавливает отзывает на заочное решение Г. П. К. УССР, однако, лишь для тех случаев, когда неявка будет судьей (единолично во избежание затяжки) признана уважительной. Копия решения по Г. П. К. УССР во всяком случае посылается неявившейся стороне. Восстановление хотя бы в ограниченных размерах, отзывает в УССР комментарий т. Малицкого объясняет ненадежностью аппарата связи в УССР, вызванной гражданской войной.

О в собственном смысле этого слова, как гражданско-процессуальный институт, появляется тогда, когда появляется иерархическая лестница должностных лиц и государственных органов, завершающаяся в Риме императором, в Италии, Франции, германских государствах — королевской властью, а суд становится одним из органов этой государственной власти. Римскому праву в период республики была чужда идея О. судебных решений. Проверка внутренней материальной правильности решения — его существа — не допускалась, формальные же нарушения влекли за собой недействительность решения, независимо от какого бы то ни было обжалования, от какого бы то ни было нового рассмотрения. В таких случаях, как будто и не было решения — *res judicata non est*. Помимо сего существовали еще и экстраординарные способы административного вмешательства, например, народных трибунов, приостанавливавших исполнение без исправления самого решения. Императорский Рим на место выборных арбитров вводит судебных чиновников; деятельность их, как и деятельность любого должностного лица или органа, подлежит проверке вышестоящих органов власти. Постепенно появляется инстанционная судебная система, появляется О в форме апелляции — призыва

к императору с указанием на неправильность решения его чиновников-судей. Точно так же и в средние века развитие различных способов О. обязано борьбе королевской власти с правами феодалов, из которых каждый барон творил свой суд. Характерными для судостроительства и судопроизводства того периода были множественность инстанций, разнообразие способов О., бесконечная волокита процесса. Достаточно указать, что в России дореформенный суд (до судебных уставов 1864 г.) имел шесть нормальных инстанций, а в некоторых случаях количество инстанций доходило до 12—13. По мере усиления центральной власти, по мере упорядочения госаппарата, начинается упорядочение суда и судебного процесса. Число судебных инстанций сокращается, начинает выкристаллизовываться та форма апелляции О., которая в настоящее время является общепринятой на континенте Европы. Существование апелляционного суда приводит к вторичному разбору дела, но лишь в пределах, указанных жалобой.

Предмет спора в апелляционном суде тот же, что и в суде первой инстанции. Изменение оснований иска, увеличение требований не разрешаются в суде высшей инстанции. Апелляционный суд может прежде всего проверить весь имеющийся в деле материал. Апелляционный суд может совершить и новую оценку этого материала. В апелляционном суде могут быть представлены и новые доказательства, не представленные в суд первой инстанции. Апелляционный суд выносит новое решение взамен решения суда первой инстанции, апелляционный суд не в праве возвратить дело в суд первой инстанции для собирания и исполнения фактического материала, апелляционный суд проверяет решения суда первой инстанции как с фактической, так и с юридической стороны. Существование апелляционного суда создает инстанционную систему так что апелляционный суд как суд второй инстанции, не в праве решить дело, если нет решения по нему суда первой инстанции. Подача апелляционной жалобы допускается в пределах установленного законом апелляционного срока. Заметна тенденция к сокращенным срокам. Подача апелляционной жалобы одной стороной дает другой стороне право на встречную апелляцию и по истечении сроков.

Изложенные функции, характер и деятельность апелляционного суда хотя и являются общепринятыми (за исключением англо-американского процесса), но все же отдельные законодательства допускают существенные отклонения от этой классической формы апелляции. Существование двухинстанционной системы, да еще при наличии и отзывов на заочное решение, значительно удлиняет судебный путь и замедляет процесс. Вопрос о плюсах и минусах существования двухинстанционной системы и необходимых реформах вызвал большие споры и разногласия в литературе. Противники апелляции указывают, что если необходима проверка решения суда первой степени, то нет никаких оснований считать безошибочными и не нуждающимися в дальнейшей проверке и решения апелляционных судов. Суд первой инстанции ближе к населению, лучше воспринимает и оценивает представленный сторонами фактический материал, чем суд апелляционный. Существование апелляционного суда ослабляет деятельность и суда первой инстанции и сторон, так как предвидится возможность исправления ошибок, допущенных судом и в суде первой инстанции. Особенно же вызывает возражения неограниченная возможность представления новых документов в апелляц. суде, что дает возможность сторонам как затягивать процесс, так и сохранять наиболее веские доказательства на последнюю минуту. В связи с этим за последнее время вводятся разнообразные ограничения апелляции, в частности ограничивается право представления новых доказательств в апелл. суде, если доказательства могли быть представлены при разборе дела в суде первой инстанции. Германская новелла 1924 г. предоставляет суду право отказать в их приеме, если по свободному убеждению суда непредставление их при разборе дела в суде первой инстанции имеет целью затянуть процесс или вызвано грубой небрежностью стороны. Защищая полную, неограниченную апелляцию для чехо-словацкого процесса, проф. Вайс указал, что, когда составлялся австрийский кодекс, он предназначался для большой империи, в состав которой в момент издания закона входили области, хозяйственно отсталые, «страны дельничников». с многочисленной, сверх меры, адвокатурой. В этих частях было силь-

но развито стремление затянуть процесс и отодвинуть по возможности дальше момент выдачи исполнительного листа. Это—чрезвычайно меткая характеристика неограниченной апелляции, показывающая гражданский процесс наизнанку. Хозяйственный кризис, переживаемый целым рядом стран в результате войны и послевоенных событий, заставляет их, и в первую очередь богатую организаторскими талантами Германию, стремительно заняться поисками упрощенного и ускоренного гражданского процесса. вполне естественно, что вопрос об ограниченной апелляции играет здесь большую роль. Апелляционная жалоба приостанавливает силу решения суда первой инстанции. Решение же апелляционного суда является окончательным, дальнейшей проверке по существу не подлежит и вступает в силу независимо от возможности его дальнейшего изменения другими способами.

Институт кассации возник и получил свое наиболее полное и последовательное развитие в французском процессе. Кассационный суд установлен и утвержден Великой французской революцией, хотя зачатки касспроизводства существовали и раньше. Сущность кассации сводится к тому, что на ряду с существующей для разрешения гражданских дел инстанционной системой вводится самостоятельный внеинстанционный орган судебного контроля за законностью судебных решений. Функции касссуда исключительно контрольные. Его задачей является защита закона, т.-е. защита общеклассовых интересов пришедшей к власти и утвердившейся буржуазии в противоположность защите частных интересов отдельных собственников. осуществляемых судебной системой.

Центр тяжести отнюдь не в единообразном применении всеми судами закона, как об этом заявляли и заявляют апологеты касссуда, а в том, чтобы каждый закон применялся так, как нужно. И вот создается специальный орган, который и занимается разъяснением, толкованием закона так, «как нужно», приспособлением законов к тому, что нужно, и для тех, кому нужно, т.-е. господствующему классу. Этими основными задачами—централизацией судебной политики, как части общей политики, и толкованием закона—определяются построение и деятельность касссуда. Кассуд

должен прежде всего забыть частные интересы отдельных собственников, он должен отвратиться от конкретного спора, от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Абстрагирование закона—квинтэссенция института кассации.

Отсюда необходимость ограничиться в кассуде ответом на вопрос: нарушен или не нарушен в решении суда закон и если нарушен—отменить, аннулировать, кассировать решение с передачей для установления последствий отмены решения в другой суд или в тот же суд, но в ином составе. Кассуд же никогда не должен изменять или заменять отменяемое им решение. Кассуд не решает, а контролирует. Но так как в период утверждения буржуазной собственности во Франции связь между интересами отдельного собственника и интересами класса собственников была по хозяйственному положению страны слаба, то кассация хотя и получает характер экстраординарного, чрезвычайного способа О. судебного решения с точки зрения его законности, но последствия этой незаконности могут иметь реальные результаты лишь по воле заинтересованных, т.е. неограниченных в своем праве распоряжаться собственностью участников процесса. Отсюда и т.н. кассация в интересах закона французского процесса, который допускает как кассжалобы сторон, так и кассжалобы прокуратуры (см.), но в этом последнем случае, при отсутствии жалобы сторон, решение суда, отменяемое в касспорядке, остается в силе и является обязательным для сторон независимо от его отмены. Кассжалоба как способ экстраординарного исправления недостатков судебного решения, может быть подана только на решение окончательное когда исчерпаны все нормальные пути и способы О. Как способ экстраординарный, кассжалоба не приостанавливает силы судебного решения. (В качестве необходимого корректива допускается предварительное исполнение решения). Чтобы подчеркнуть беспристрастие кассуды и отказ от малейшего влияния на разрешение конкретного спора, определения кассуды не получили обязательной силы и суд, разрешая вновь дело после отмены решения кассудом, не был связан толкованием законов, данных кассудом, и в случае неоднократных перерешений дела и разногласия между решениями по суще-

ству и взглядом кассуды спорные вопросы разрешались в законодательном порядке. Созданный в таком виде Французской революцией институт кассации отличался стройностью и логической последовательностью. Но с стройностью, последовательностью и чистотой кассационных принципов действительность считалась очень мало. Целый ряд существенных поправок, вносимых как во Французский Кодекс (закон 1837 г. сделал мнение кассуды в конечном итоге, хотя только после второй отмены, обязательным при новом разборе дела), так в особенности в законодательство тех стран, которые в общем и целом переняли французскую систему кассации, значительно нарушили чистоту кассации.

При обсуждении судебных уставов 1864 г. в России недостатки кассисистемы были совершенно очевидны для составителей Устава гр. судопроизводства.

Победу одержало начало французское и кассуд мог только, не касаясь существа дела, отменять решения за нарушением судопроизводственных или материальных законов, с передачей дела на новое рассмотрение в другую судебную палату.

Много пового в систему О. внес общегерманский устав гр. суд. 1877 г. Более близкая связь частных интересов отдельного собственника с общими публичными интересами всего класса смягчает противопоставление конкретного тела и абстрактной законности и ведет к изживанию резкого противопоставления апелляции и кассации. Покончив с необычайной пестротой партикулярного законодательства, германский *С. Р. О.* создал двухинстанционную систему и так называемую ревизию, включая ревизию, осуществляемую (за исключением Баварии) Рейхсгерихтом (Верхсудом) в нормально действующую систему О. Особенность германской ревизии заключается в том, что она до известной степени соединяет апелляционные начала с кассационными. Ревизия так же, как кассация, сводится исключительно к проверке правильности юридической стороны решения. Ревизионный суд связан как требованиями сторон, так и доводами и основаниями ревизжалобы. Но с другой стороны, Рейхсгерихт может не только отменить решение с передачей его на новое рассмотрение, но и изменить решение, если решение неправильно в его юридической части и может

быть исправимо без изменения установленных судом обстоятельств путем изменения его юридической части, путем правильного применения закона. Неправильности же относящиеся к фактической стороне дела не могут быть исправлены Рейхсгерихтом. Германск. начала были в общем и целом приняты австрийским кодексом (1895 г.) и венгерским (1911 г.). Венгерский устав идет дальше и допускает в ревиз. суде проверку выводов суда относящихся к установлению фактических обстоятельств дела на основе судебного протокола, приложений к нему и имеющихся в деле документов (ст. 534). Здесь ревизия вплотную подходит к неполной, ограниченной апелляции. Независимо от положений процессуальных кодексов практика всех без исключения кассационных и кассационнообразных судов показывает вполне определенную тенденцию к расширению своей компетенции; к охвату решения не только в его юридической части, но и всего дела в целом, в его существе. Кассуды ведут борьбу за легализацию практики приоткрытия завесы гад. существом иска. За расширение прав кассуды раздавались голоса в дореволюционной русской литературе, за это высказалась и комиссия по составлению проекта новой редакции У. Г. С. (объяснительная записка 1900 г.). И в советском гражданском процессе заметны колебания между апелляционным и кассационным началом, постоянная борьба между ними, с переменным успехом то одного, то другого начала. Стремление к созданию процесса а) упрощенного и б) ускоренного заставило авторов первых декретов о суде (№ 1 от 24 ноября 1917 г. и изданный в его развитие декрет № 2 от 1918 г.) провозгласить решительный отказ от апелляции, создать одноинстанционный суд с приданием его решениям силы окончательных решений, допустить «только кассацию решений». В декрете № 1 играло решающую роль то, что речь шла о народном выборном рабочем суде.

Все гражданское судопроизводительное законодательство, от первых декретов о суде до последнего изменения ст. 186 Г.П.К. о вступлении решения в закон. силу и включая практику Верховного Суда РСФСР то отступает в сторону усиления апелляционного начала, то устремляется в сторону кассационного начала.

Уже первая инструкция об организации и действии местных народных судов от 23 июля 1918 г. (С. У. № 53, ст. 597), с одной стороны, подчеркивает строго кассационный характер совета местных народных судей, предоставляет «совету как кассационной инстанции, отменять решения по формальным нарушениям, признанным существенными» (ст. 54). Такое ограничение оснований к отмене мирно сочетается в той же статье с правом совета отменить обжалуемое решение и в случае его «явной несправедливости», определить наличие которой возможно, лишь войдя в рассмотрение всех обстоятельств дела. Оба эти начала перенесены в «Положение о народном суде» 1918 г., а затем и 1920 г.

С введением в действие Г. П. К. получают перевес тенденции кассационные. Явная несправедливость, как основание к отмене решения кассудом высшей инстанции, отпадает (ст. 237). Решение суда первой степени вступает в силу и подлежит исполнению с момента его постановления (ст. 186) в полном соответствии с тем, что суспензивной силы кассжалоба не имеет. Суд высшей инстанции не выносит решения, а только отменяет, с передачей дела на новое рассмотрение, или прекращает дело. Но в то же время Г. П. К. (246) предоставляя суду высшей степени прекращать наряду с неподведомственностью дела суду за отсутствием права на иск (см.) заставляет суд при рассмотрении кассжалобы выйти за рамки кассационного производства и посмотреть в существо дела. В дальнейшем в Г. П. К. были внесены две поправки, существенно изменяющие характер суда высшей инстанции. После основательного обсуждения вопроса, которому предшествовала литературная дискуссия, V съезд деятелей советской юстиции высказался за расширение прав суда высшей степени. В результате 246 ст. Г. П. К. была дополнена, и высшая инстанция получила постановлением ВЦИК и СНК от 25 июля 1924 г. право не только отменять решения, но и изменять их, не передавая дела на новое рассмотрение. Постановление от 28 июля проводит границу между существом дела и неправильностями решения вытекающими из неправильного применения закона, запрещая высшей инстанции изменять решение по существу и допуская исправление юридических ошибок решения.

Всякое изменение решения, независимо от причины, объема и характера изменения, не может не являться изменением существа решения, и формулировка новой редакции ст. 246, хотя и не совсем удачная вызванная уступками противникам апелляции, имеет в виду не что иное, как разграничение фактического состава от юридического. Изменена была и ст. 186, и по новой редакции от 16 февраля 1925 г. решение суда первой степени, несмотря на одноинстанционную систему, не является окончательным решением, за исключением решений по искам о зарплате и алиментах, по искам, основанным на документах, по которым могут быть выданы судебные приказы (см.), и по искам, признанным ответчиком. Помимо указанных случаев, суд может, но не обязан, допустить немедленное исполнение по искам, основанным на нотариальных документах и в тех случаях, когда неисполнение решения может причинить непоправимый ущерб. Кассжалобу могут подавать стороны, третьи лица, участвовавшие в процессе, прокуратура, действующая на правах стороны. Вступление (главное и побочное) и привлечение третьих лиц в дело путем О. решения, как это было в дореволюционном УГС, не допускается. Иначе в УССР, где вступление третьих лиц допускается до момента вынесения определения кассинстанцией. Обжалованы могут быть решения нарсудов в губсуд в 2-недельный срок, решения губсудов в Верхсуд в месячный со дня объявления решения. Решение судебной коллегии Верхсуда не может быть обжаловано. В касспорядке могут быть обжалованы и решения арбитражной комиссии при биржах, в зависимости от цены иска, в губсуд или Верхсуд (ст. 203). Рассмотрение жалоб в губсуде происходит с вызовом сторон повесткой, в ГКК Верхсуда стороны извещаются путем объявления списка дел в здании суда за семь дней до слушания. В качестве оснований к отмене решения ГКК указывает свойственные кассации а) нарушение или неправильное применение действующих законов, в частности ст. 4 ГКК (ст. 237, п. «а»). и в то же время вводит несвойственное кассации основание—явное противоречие решения фактическим обстоятельствам дела, установленным разрешавшим дело судом (ст. 237, п. «б»). Наконец, суд высшей степени ни-

сколько не связан указанными в кассационной жалобе поводами (ст. 245) и, если найдет нужным, может обсудить по своей инициативе. и вогросы. не выдвинутые жалобой оставаясь, однако, в пределах материала, установленного судом, решавшим дело, без права собирать и получать новые материалы. ГКК не содержит указаний, какие нарушения законов или неправильное их применение являются основанием к отмене решения. Наказ ГКК, утвержденный пленумом 22 декабря 1924 г., подводя итоги деятельности ГКК, указывает следующие главные случаи: 1) когда нарушены были элементарные требования правил гражданского процесса, как-то: а) при неправильном составе суда; б) при принятии судом к рассмотрению дела, не подлежащего судебному рассмотрению; в) при разрешении дела в отсутствие стороны, не извещенной установленным порядком и не знавшей о производящемся деле; г) при вынесении решения по отношению к лицу, не имевшему никакого отношения к процессу и не привлеченному ни в качестве истца, ни ответчика; 2) когда нарушены или неправильно истолкованы были материальные и процессуальные законы, ограждающие существенные интересы рабочекрестьянского государства и трудящихся масс, хотя бы эти нарушения не были указаны в жалобе; 3) когда резолютивная часть решения по своей неполноте или неопределенности не дала ясного представления о том, что собственно суд имел в виду при судить; 4) когда между резолютивной и описательной частями решения суда существовало непримиримое противоречие, или когда ГКК не в состоянии была судить о правильности решения вследствие отсутствия мотивов или недостаточности обоснования решения фактическими данными; 5) когда вынесенное решение противоречило другому, вступившему в законную силу, судебному решению, если это последнее не следовало отменить в том или ином порядке (ст. 7 наказа).

Еще раз подчеркивая, что ГКК, как инстанция кассационная, не разбирает дел по существу и не превращается в суд апелляционный, наказ предостерегает от формально-бюрократического подхода к делу. Очерченные функции и характер суда высшей инстанции в достаточной мере го-

воряг о том, что этот суд, несмотря на неоднократно подчеркивание его кассационного характера, кассационным судом не является, и очень интересны слова П. И. Стучка, сказанные им на V съезде деятелей юстиции, где он заявил, что упоминание в секретете о суде № 1 о кассации было неправильно, и что теперь он этого не написал бы и избегал бы вообще слов «кассационный порядок». Уже теперь судебная практика расширяет рамки ст. 237 Г. П. К. относя, например, толкование договоров не к существу дела, а к функциям кассационной инстанции, проверяет соответствие выводов суда с имеющимися в деле документами, и дальнейшее развитие суда высшей степени пойдет по пути как отказа от кассации, так и отказа от боязни апелляции, по пути сочетания в этом суде разнородных элементов и функций, совершенно независимо от старых систем О. Одно дело—апелляционный суд, как вторая инстанция, вновь разбирающая дела по существу от начала до конца, и другое дело—вопрос о функциях и характере суда высшей степени. Наказ пленума Г. П. К. Верх. Суда РСФСР (ст. 7) еще подчеркивает, что Г. П. К. имеет право применять и ревизионный порядок, обязательный в уголовном процессе, почему она не связана указанными жалобой или протестом доводами (см. выше): при отмене решения относительно одного лица Г. П. К. имеет право отменить решение и по отношению к лицам, не обжаловавшим его, или отменить вступившее в законную силу другое неправильное решение (применительно к ст. 254 с выслушанием заключения прокурора). Практика показывает, что независимо от способов О. стороны используют все пути, предусмотренные процесс. код. Борьба с необычным наплывом дел в высшие судебные учреждения не сходит с порядка дня во всех странах. В качестве средств борьбы применяются: а) установление определенного минимума цены иска, как условия для возможности О. решения в апелляционном или кассационном порядке; таким образом, для незначительных по количеству их оценке дел устанавливается одна инстанция, решения которой являются окончательными; б) вводится кассационный (и апелляционный) залог, вносимый вместе с жалобой, который в случае оставления жалобы без последствий обра-

щается в доход государства, а иногда в известной доле и в пользу другой стороны; в) подача жалоб, признанных впоследствии неправильными, влечет за собой денежный штраф; д) предварительное рассмотрение вопроса о допустимости О. по установленным в законе основаниям и в случае отсутствия таких оснований оставление жалоб без рассмотрения, без внесения их в судебные заседания. А для того, чтобы эти средства оказались более действительными, ограничиваются основания для О. и запрещается их изменение после подачи жалобы. У нас же «Положен. о нар. суде» отказалось от ограничительной системы и допустило касс. О. каждого решения вне всякой зависимости от цены иска или присужденной суммы. Не знает никаких ограничений и Г. П. К. Пленум Верховного Суда признал, что использование права О. решения не может служить основанием для иска о вознаграждении за вред, причиненный затяжкой дела вследствие подачи жалобы (протокол № 4 за 1924 г.).

От О. решений следует отличать О. частных определений суда.

Допущение (напр., в германском процессе) самостоятельного О. частных определений неизбежно создает волокиту и удлиняет процесс, так как в одном деле может быть очень много частных определений. С другой стороны, поскольку частные определения не обладают неотменяемостью, суд не лишен возможности в любой стадии процесса изменять и заменять свои определения и, следовательно, невозможность О. определения не особенно чувствительна. Г. П. К. не допускает отдельно от О. решений О. частных определений, устанавливая исключение для определений о подсудности (см.)—ст. 31 о цене иска (ст. 48) по вопросам об обеспечении иска (см.)—ст. 91. и о допущении немедленного исполнения или об отказе в нем (ст. 187г).

Жесткость Г. П. К. объясняется стремлением ускорить движения судебных дел, с каковой целью и отодвигается момент О. частного определения до вынесения решения. Но бывают такие определения, которые устраняют возможность вынесения решения (прекращение дела, отказ в принятии искового заявления) или которые выносятся после решения (отказ в восстановлении срока на подачу кассационной жалобы). Для такого рода частных определений пленум

ВС признал возможным допустить их О., если ими «преграждается возможность дальнейшего движения данного дела» (цирк. № 66, 1923 г.).

Помимо касс. О., ГКК знает и чрезвычайный, экстраординарный способ исправления неправильных решений

Таким способом является *пересмотр «законченных»* (ст. ст. 250—254) гражданских дел. Пересмотр может иметь место: а) по вновь открывшимся обстоятельствам, б) в порядке надзора. Как способ чрезвычайный, пересмотр может иметь место лишь в тех случаях, когда уже исчерпан или закрыт нормальный способ О. Пересмотр судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам направлен на исправление таких неправильностей и недостатков решения, которые относятся к фактическому основанию решения и которые при разборе дела не могли быть приняты судом во внимание, так как не были известны и не могли быть известны. Институт пересмотра судебных решений был известен римскому праву, но которому в известных случаях претор мог восстановить допроцессуальное положение, как будто бы и процесса не было (*restitutio in integrum*). Во французском процессе пересмотр судебных решений и отмена вначале были объединены, революция 1789 г. разделила эти два способа с отнесением к кассации отмены по нарушению законов, пересмотр же оставлен для случаев, когда решение основано было на обмане, подлоге (см.), взятке (см. Взятничество) и т. п. В связи с тем, что неправильность судебного решения в последнего рода случаях не могла быть предотвращена судом при постановлении решения, так как обстоятельства, порочащие решение, стали известны уже после решения, разрешение вопроса об исправлении решения, о его пересмотре было передано тому же суду который вынес решение.

Германский процесс различает две категории жалоб по пересмотру (*Wiederaufnahme des Verfahrens*): в одном случае жалоба направлена на признание решения ничтожным (ненадлежащий состав суда, неправильное представительство стороны в процессе и т. п.); в другом по тем же основаниям, что в римском и французском праве (ложная присяга на суде, подложный документ, положенный в основа-

ние решения, служебные корыстные преступление суда, обнаружение после решения новых документов или другого решения по этому же делу) идет речь о реституции. Компетентным для разрешения этих дел в обоих случаях является тот суд, решение которого оспаривается. При этом предварительно подлежит разрешению вопрос об основаниях к пересмотру, затем происходит и новый разбор дела.

Но Г.П.К. пересмотр допускается: 1) когда открылись новые обстоятельства, имеющие существенное для дела значение, которые не были и не могли быть известны заявителю; б) когда решение основано на подложном документе на ложном показании свидетелей или экспертов, или когда обнаружены корыстные действия суда при условии, если обстоятельства, указанные в пункте «б», подтверждены приговором уголовного суда. Инициатива возбуждения вопроса о пересмотре принадлежит как сторонам, так и прокуратуре и председателю губсуда. Срок для заявлений сторон о пересмотре установлен месячный с того дня, когда обнаружены обстоятельства, служащие основанием для пересмотра. Вопрос о наличии оснований, необходимых для пересмотра, разрешает ГКК Верховного суда, которая, если признает необходимость пересмотра, отменяет решения и передает дело на новое рассмотрение по общим правилам подсудности. До учреждения Верховного Суда вопрос о пересмотре был сосредоточен в НКЮ, согласно «Положения о высшем судебном контроле» от 10 марта 1921 г.

Совершенно на других началах построен и другое назначение имеет пересмотр решений в порядке надзора. Уже «Положение о высшем судебном контроле» предоставило НКЮ право «признать не имеющими законной силы решения хотя и вступившие в законную силу» (ст. 1). Высший судебный контроль был создан, с одной стороны, для установления правильного и единообразного применения всеми судебными органами законов РСФСР а с другой, для того, чтобы деятельность судебных органов находилась в соответствии с общим направлением политики рабочего крестьянского правительства.

С реорганизацией судебной системы с 1 января 1923 г. Верховному Суду предоставлен был судебный контроль над всеми без-

исключения судебными местами РСФСР рассмотрение в кассном порядке решенных губсудами дел и в порядке надзора всех дел, разрешенных любым судом республики («Пол. о суд.», ст. 5). Надзор Верховного Суда за решениями любого суда республики осуществляется по «Полож. о суд.» пленумом ВС. Право инициативы принадлежит Президиуму ВЦИК, председателю Верховного Суда и прокурору республики (ст. 9 «Пол. о суд.» 1922 г., ст. 179 новой редакции). Специально права прокуратуры в области гражданского процесса были отмечены дополнительной статьей (59-а) к «Полож. о суд.», по которой прокуратуре предоставлено право истребования производств по гражданским делам в порядке надзора и опротестование судебных решений и кассационных определений по гражданским делам. Ни «Положение о высшем судебном контроле», ни «Положение о судостроительстве» не разграничивают оснований к отмене в порядке кассационном и в порядке надзора; и в том и в другом порядке основания проверки одни и те же.

Разграничение проводится по другой линии: касс. О. является средством в руках сторон, надзор исходит от руководящих органов судебной политики. Поэтому при разборе дел в Верховном Суде в порядке надзора не допускаются ни устные, ни письменные объяснения сторон. Дополнение к вопросу о порядке надзора вносит Г. П. К. Определяя право протеста по законченным гражданским делам, Г. П. К. указывает что протест прокуратуры обусловливается «охраной интересов рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс» (ст. 254 в ред. 1923 г.).

Исходный пункт для этого порядка — неправильное разрешение конкретного дела, не защита интересов сторон, а исправление решений в общих интересах государства и масс трудящихся. Перечисленные в законе условия для опротестования решений по законченным гражданским делам имеют инструктивный характер для прокуратуры, но не подлежат проверке Верховного Суда. Верховный Суд разрешает вопрос о правильности оснований к протесту, а о правильности самого протеста и решения.

В виду исключительного характера надзорного порядка, право опротестования решения не было ограничено никаким сроком.

Взятый совластью курс на революционную законность и в особенности трудности нэпа привели к существенному изменению надзора за судебными решениями. Постановлением от 5 мая 1925 г. надзорный порядок распространялся в первую очередь на все случаи существенного нарушения судом действующих законов.

Надзор становится орудием борьбы за революционную законность в области судебного регулирования гражданских правоотношений: остается в силе и прежняя инструкция: охрана интересов рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс, но основным моментом является борьба за революционную законность. Дальнейшее развитие надзор получает с постановлением ВЦИК и СНК от 28 июля 1926 г. До закона 28 июля надзор был централизован. Право протеста принадлежало исключительно прокурору республики, право отмены — исключительно Верховному Суду. Закон 28 июля распространяет надзорное право на губсуды и на губпрокуратуру. Право протеста на решения народных судов (и определения кассотделов губсудов по этим делам) новый закон под еще ярче подчеркнутым углом зрения революционной законности предоставляет председателю губсуда и губпрокурору, а разрешение протеста — пленуму губсуда. Однако за центральной прокуратурой сохраняется право внести постановление пленума губсуда на рассмотрение ГКК Верховного Суда. Дела, для которых губсуд является первой инстанцией, вносятся на рассмотрение в порядке надзора в ГКК. Решения судебной коллегии и определения кассколлегии ВС вносятся по протесту председателя Верховного Суда или прокурора республики в пленум Верховного Суда. Одновременно с расширением надзора по гражданским делам вводится и серьезное его ограничение. Надзор теряет свой бессрочный характер, и в силу постановления от 5 июля 1926 г. возбуждение производств в порядке надзора ограничивается одним годом. Только протест в пленум Верховного Суда никаким сроком не ограничен. Децентрализация надзора по органам идет параллельно с его концентрацией по времени.

В целях сугубой защиты интересов труда и специального наблюдения за деятельностью судов в области трудовых дел и правильного применения Т. К. право над-

зора и протеста на решения по трудовым делам перед Верховным судом предоставлено народному комиссару труда (ст. 37 «Пол. о суд.» в ред. 1926 г.). Что касается надзора по делам земельных и арбитражных комиссий, то «Пол. о суд.» 1922 г. подчинило эти учреждения надзору Верховного Суда и прокурора на след. общих основаниях: действующие положения устанавливают право председателя Верховного Суда или прокурора республики вносить вопрос об отмене решения высшей арбитражной комиссии или особой коллегии высшего контроля по земельным делам в пленум Верховного Суда, а пленум вносить соответствующие представления или в ВЦИК по делам ОКВК или в ЭКОСО по делам ВАК. Надзор за решениями и постановлениями высших судов союзных республик осуществляется Верховным судом СССР и заключается в праве опротестования перед Президиумом ЦИК СССР решений и постановлений высших судов в тех случаях, когда: а) решениями или определениями высших судов союзных республик нарушены общесоюзные законодательства, или б) когда решениями и постановлениями высших судов этих республик затрагиваются интересы другой республики (Ст. 2 «Пол. о ВС СССР»).

С. Прушицкий

ОБЖАЛОВАНИЕ (уголовный процесс).

Главнейшие основания и задача установления института пересмотра высшей судебной инстанцией решений низшей в уголовном процессе те же, что и в гражданском. Понятия апелляции и кассации общи уголовному процессу и гражданскому.

1 Все европейские законодательства, кроме советского, признают апелляцию и в уголовном процессе; однако и их отношение к этому институту, по выражению Розина, довольно «скептическое». В большинстве государств, действительно, далеко не все приговоры подлежат апелляционному О

В настоящее время, как общее правило (соблюденное, напр., французским, германским и русским дореволюционным законодательствами), выносимые судом присяжных приговоры апелляционному О не подлежат. Исключением представляется Англия, которая с 1908 г. ввела апелляционное О. вердикта присяжных заседателей.

2. Институт кассации в уголовном процессе французского происхождения. Он возник во времена Великой революции. В 1790 г. и явился результатом долгих и страстных дебатов в учредительном собрании, в которых принимали самое горячее участие Робеспьер, Барнав и Мерлан. При исключительном фетишизме закона в глазах французских революционеров, основная мысль, владевшая умами членов собрания при обсуждении проекта декрета о введении кассации, заключалась в том, чтобы учредить такой орган, который наблюдал бы за строгим соблюдением закона всеми судебными местами Франции. Эта мысль проникла затем во все европейские законодательства. Институт кассации из чисто французского превратился, таким образом, в общеевропейский. И Германия, несмотря на всю сложившуюся исторически неприязнь к Франции, восприняла, подобно другим государствам, основы французского института кассации, но, не пожелав сохранить за ним применяемого французскими законами термина кассации, дала ему существующее уже в Германии название *revision*.

3. Частное О. состоит в О. постановлений следственной власти или определений суда по отдельным вопросам дела.

4. Кроме упомянутых трех нормальных форм О. судебных актов, наука и практика уголовного процесса знают исключительные формы О. К последним относятся 1) возобновление уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам и 2) известное только советскому праву обжалование в порядке надзора.

а) Возобновление уголовных дел имеет своим предметом вступившие в законную силу приговоры и допускается современными европейскими законодательствами лишь в самых исключительных случаях. Вопрос о возобновлении уголовного дела может возникнуть только в том случае, когда, после вступления приговора в законную силу, будут обнаружены новые обстоятельства, устанавливающие явную ошибочность или порочность приговора. Новыми являются те обстоятельства, которые не были известны суду первой инстанции при вынесении приговора. К обстоятельствам, доказывающим фактическую ошибочность приговора, относятся, например, обнаруже-

ние истинного виновника преступного деяния или факты, с несомненностью устанавливающие отсутствие самого события преступления¹⁾.

К обстоятельствам же, устанавливающим порочность приговора, относятся подложность представленных суду доказательств, лжесвидетельство, корыстные виды судей при вынесении приговоров и т. д. Большинство современных законодательств сильно ограничивает возможность возобновления дела яри оправдательном приговоре, а французское право такого возобновления и вовсе не допускает.

б) О в порядке надзора свойственно исключительно советской процессуальной системе.

Частное обжалование в советском процесс. праве допускается в следующей конструкции: а) частное О.—О. не приговора суда по существу дела, а постановления следственной власти или определения суда по отдельным вопросам, возникающим в деле. Таким образом, сущностью частного О. является то, что оно не затрагивает окончательного по существу решения дела, а касается лишь многочисленных частных вопросов, по которым в процессе производства по делу следствие или суд выносят различные определения и постановления. Ясно, что частное О. в смысле гарантии правильности разрешения дела и обеспечения прав участвующих в деле лиц имеет меньшее значение, чем О. кассационное, однако, все же не следует слишком преуменьшать значения частного О.: весь ход производства по делу складывается из ряда отдельных актов, объединяющихся одной общей целью—выяснением по делу материальной истины; поэтому неправильное разрешение какого-либо частного вопроса в отдельных стадиях процесса может отрицательно отразиться на этой конечной цели, напр., отклонив расследование дела от правильного пути.

Начальная стадия процесса—вернее, его возникновение, возникновение уголовного дела—производится в порядке правил гл. 7 У. П. К. Здесь предметом частного О. является отказ органов дознания и следствия, прокурора или суда от возбуждения такового, при чем отказ органов дознания, следствия и прокурора об-

жалуется заявителями в семидневный срок в суд, а отказ суда—в уголовно-кассационное отделение губсуда.

Далее идет дознание. Действия органов дознания обжалуются следователю, в участке которого состоит данный орган дознания (ст. 107 У. П. К.).

В стадии предварительного следствия. Стороны, свидетели, переводчики, поручители, залогодатели за обвиняемого и другие лица могут обжаловать прокурору действия следователя, нарушающие или стесняющие их права (ст. 212 У. П. К.).

Постановление же прокурора по жалобе на действия следователя в свою очередь может быть обжаловано в суд (ст. 220 У. П. К.). В стадии предания суду или прекращения дела постановление следователя о прекращении дела сторонами может быть обжаловано в суд (ст. 221 У. П. К. Хотя У. П. К. текстуально определяет частную жалобу, как жалобу на определение суда (ст. 349 У. П. К.), однако по сути дела жалобы и на указанные выше действия органов дознания, следствия и прокурора могут быть определены, как частные жалобы.

Определение на суда и уголовно-судебного отделения губсуда обжалуются в УКО губсуда. Передача рассмотрения этих жалоб регламентирована в ст. ст. 405 и 431—433 У. П. К. Исключение сделано для определения суда об избрании меры пресечения для неявившегося в суд без уважительных причин обвиняемого и для осужденного по вынесении приговора до вступления его в законную силу (ст. 347 У. П. К.), которые не подлежат О., но могут быть изменены или отменены высшей судебной инстанцией в порядке надзора.

Кассационный пересмотр по действующему праву.

Кассационное рассмотрение дел—это единственный в советской республике нормальный путь пересмотра судебных приговоров. Основная особенность нашей кассации заключается в неотделимости ревизионного просмотра дел от чисто кассационного. Закон в ст. 412 У. П. К. возлагает на кассационный суд обязанность рассматривать дело не только в пределах кассационных жалоб и не

¹⁾ Человек, скажем, осужден за убийство лица, которое впоследствии оказывается живым.

только в отношении жалующихся Кассационный суд должен, независимо от содержания кассационных жалоб, но собственному почину обзреть все дело и, в случае обнаружения тех или иных нарушений, хотя бы и не отмеченных сторонами и не относящихся даже к жалующимся, принимать надлежащую меру к исправлению или отмене приговора. Закон допускает, таким образом, отмену приговора по нарушению, относящемуся к осужденному, кассационной жалобы не подавшему. Этот порядок рассмотрения кассационного дела носит название ре-визионного¹⁾. Он в нашем процессе совершенно неотделим от кассационного пересмотра. Ревизионный порядок имеет глубокое социальное значение, поскольку он в первую очередь обеспечивает права и гарантии пролетарской и вообще трудящейся части населения. В самом деле, жалобы в большинстве случаев пишутся людьми малограмотными, в юридических вопросах несведущими, почему основываться при проверке дела только на жалобах значило бы значительно сузить права и гарантии этой части населения. Этот способ пересмотра следует строго отличать от рассмотрения дел в порядке надзора. Ревизионный порядок есть составная, нормальная часть кассационного производства. Он возможен только тогда, когда дело по жалобе сторон уже поступило в кассационный суд. Рассмотрение же дел в порядке надзора начинается только по почину высших должностных лиц прокуратуры и суда и допускается лишь, как исключение.

Значение ревизионного порядка рассмотрения дел подчеркивается наказом пленума Верховного Суда РСФСР П. 7 наказа говорит: «УКК, во избежание формально-бюрократического подхода к делу, не ограничивается чтением лишь приговора, жалобы и проч., но в силу самого закона рассматривает все производство, проверяя в

ревизионном порядке всякое нарушение закона».

Добрая половина решений Верховного Суда вытекает из ревизионного обследования дела¹⁾. «Наш суд не есть кассационный суд, он есть, скорее, ревизионный суд²⁾, когда кассационная жалоба имеет лишь характер формальный, влекущий восхождение дела на рассмотрение кассационного суда»

Ревизионный порядок пересмотра получил у нас особенное значение после разъяснений пленума Верховного Суда от 7 июля и 15 декабря 1924 г., а равным образом наказа от 21 июля того же года. До издания упомянутых разъяснений вызывал известные сомнения вопрос о пределах ревизионного пересмотра.

Кассационная практика уже давно расширила тесные рамки закона (411, 415, п. 1, 417 и 418 ст. У. П. К.). Отмены приговоров в отношении осужденных, не подавших кассационных жалоб, имели место в ревизионном порядке по всяким существенным поводам, предусмотренным ст. 413 У. П. К. Пленум Верховного Суда своими разъяснениями лишь санкционировал и уточнил положение, создавшееся в процессе многолетней кассационной работы.

Всяким толкованием ст. 411 У. П. К. положен отныне практический конец разъяснениями пленума от 7 июля и 15 декабря 1924 г., а также наказом от 21 июля того же года. Кассационные инстанции³⁾ «При рассмотрении дела в ревизионном порядке (ст. 412 У. П. К.) в праве отменять приговоры в отношении всех обвиняемых как подававших, так и не подававших кассационной жалобы, не только по основаниям ст. 412 У. П. К., но и при обнаружении нарушений, предусмотренных ст. 413 У. П. К. при обязательном соблюдении требований ст. ст. 414—418 У. П. К.»⁴⁾. Подробное перечисление предметов ревизионной проверки дано в наказе пленума, п. 7. Согласно наказу, УКК «рассматривает все производство, проверяя в ревизионном порядке

1) Отдельные элементы ревизионного осмотра кассационных дел встречаются в некоторых законодательствах, как, например, в германском. Однако ни одна процессуальная система не знает столь широкого применения ревизионного порядка, какой имеет место в советской России.

1) Ср. слова г. Галкина, „Стен. отчет V Съезда“, стр. 113.

2) Там же, стр. 135.

3) Уголовно-кассационные отделения губсудов и УКК Верховного Суда.

4) Разъяснение пленума от 7 июля 1924 г.

всякое нарушение закона (ст. 412 У. П. К.), проверяя недостаточность и неправильность проведения следствия (ст. 414), в исключительных случаях по явной несправедливости (ст. 413, п. 4, и ст. 417) отменяет приговор, а по ст. 437 сама изменяет приговор, смягчая наказание, явно по соответствующее деянию осужденного». Мало того, разъяснение пленума от 15 декабря 1924 г. дает право кассационной инстанции отменять в ревизионном порядке приговоры в отношении лиц, оправданных судом первой инстанции. Таким образом, если по какому-нибудь уголовному делу вынесен приговор, которым некоторые обвиняемые осуждены, а другие оправданы, при чем дело по жалобе осужденных перешло в кассационный суд, последний, усмотрев в отношении оправданных существенные нарушения, может оправдательный приговор отменить, независимо от подачи или отсутствия по делу кассационного протеста.

Пределы ревизионного пересмотра, как видно, весьма широки. Кассационная инстанция при рассмотрении дела в ревизионном порядке имеет целый ряд возможностей:

1) Она может отменить не вступивший в законную силу приговор в отношении подавшего жалобу осужденного а) по поводам, в жалобе не указанным, б) в пользу или во вред осужденному¹⁾.

2) Она может отменить вступивший в законную силу приговор а) в отношении осужденного, жалобы не подавшего, б) в пользу или во вред осужденному²⁾.

3) Она может отменить вступивший в законную силу приговор в отношении оправданного, и во вред ему при отсутствии кассационного протеста.

Другой особенностью нашей системы кассационного О является применение

1) См. разъяснение пленума Верховного суда от 16 ноября 1925 г., дающее право кассационной инстанции отменять в ревизионном порядке приговор в отношении осужденного, подавшего жалобу, в случае неправильного применения к нему ст. 28 или 36 У. К.

2) Речь идет, разумеется, о тех случаях, когда не подано кассационного протеста. В случае же отмены приговора по кассационному протесту, она производится не в ревизионном, а кассационном порядке.

ние в известных случаях метода исследования некоторых вопросов дела по существу.

Ст. 349 У. П. К., указывая, что «жалобы на приговоры народного суда могут быть принесены каждой из заинтересованных сторон, исключительно лишь по поводу формального нарушения прав и интересов данной стороны при производстве по делу или рассмотрении дела на суде и не могут касаться существа приговора», казалось бы, достаточно для вывода о существовании у нас института так называемой «чистой» кассации, устраняющей всякую возможность рассмотрения в кассационной инстанции дела по существу; однако анализ ряда других статей нашего процессуального права, определяющих пределы и содержание кассационного О, говорит о том, что у нас принята система «смешанной» кассации, при которой кассационная инстанция обязана некоторые вопросы дела разрешать по существу. Этот взгляд о возможности при кассационном рассмотрении дела входить в исследование некоторых вопросов по существу, воспринят прежде всего в самом процессуальном законе, определяющем принципы кассационного разрешения дела.

Согласно п. I ст. 413 У. П. К. и ст. 414 У. П. К. кассационная инстанция может отменить приговор суда в случае «недостаточности и неправильности проведенного следствия».

Если кассационная инстанция найдет, что «остались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоятельства, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор, она обязана такой приговор отменить.

Это право кассационного суда предполагает, в известных пределах и в определенном разрезе, исследование фактических обстоятельств дела, ибо без рассмотрения дела по существу невозможно определить, являются ли существенными для дела те обстоятельства, кои остались невыясненными. Чисто формальным методом разрешить этот вопрос кассационная инстанция не может.

Далее, согласно п. 4 ст. 413 У. П. К. и ст. 417 У. П. К. кассационный суд может отменить приговор за его «явной несправедливостью». «Приговор признается явно

несправедливым, когда назначенное судом наказание, хотя и не выходит за законные пределы, но по размеру своему резко не соответствует «одеянному». Совершенно очевидно, что при разрешении вопроса о справедливости приговора, поскольку наказание не выходит за законные пределы, кассационный суд неизбежно должен учесть тяжесть совершенного преступления, должен остановиться на характеристике личности осужденного (ст. 24 и 25 У. К.).

Эта проверочная работа кассационного суда, имеющая целью разрешение вопроса о степени соответствия назначенной судом первой инстанции наказания, хотя и основанная исключительно и только на тех фактических обстоятельствах дела, которые установлены судом в приговоре, должна быть отнесена к деятельности кассационного суда по существу дела.

Аналогичны по своему содержанию ст. 417, 437 У. П. К. и ст. 419-а У. П. К. Согласно этим статьям кассационный суд может в случае «явного несоответствия» меры репрессии «одеянному» осужденным смягчить наказание в пределах соответствующей статьи У. К., оперируя только фактами, установленными судом первой инстанции в приговоре.

Наконец, к этой же области деятельности кассационного суда надлежит отнести проверку правильности тех фактических обстоятельств дела, которые суд фиксирует в приговоре и исходя из которых он определяет и пределы ответственности подсудимого и размер меры социальной защиты, с точки зрения соответствия этих фактических обстоятельств материалам по делу (ст. 319 У. П. К.) и обоснования их на таких данных, которые на нашем процессе являются доказательствами (ст. 58 У. П. К.). Само содержание этой стороны деятельности кассационного суда определяет собой работу не формальную, а работу по существу дела.

Изложенная особенность нашего кассационного О. в полной мере воспринята и Верховным Судом и наиболее видными руководителями советской юстиции. П. 4 наказа пленума Верховного Суда уголовно-кассационной коллегии гласит: «УКК, будучи инстанцией кассационной в том смысле, что она принципиально не разбирает дела по

существу, одновременно избегает чисто формально бюрократического подхода в делу, и таким образом никогда не превращается в суд апелляционный, но и не закрывает лицемерно глаза на существо: на явную невыясненность обстоятельств, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор: на явное несоответствие назначенного наказания с «одеянным» осужденным; на явные ошибки, противоречие между приговором и имеющимся в деле бесспорным материалом»

Та же мысль в несколько смягченной форме проводится и в резолюции V съезда деятелей советской юстиции: «Наш кассационный контроль не есть чисто кассационный контроль, так как совмещает его одновременно с ревизионным осмотром дела и допускает жалобы на явную несправедливость приговора. Этот ревизионный порядок... не должен, однако, превращаться в апелляционный порядок, т. е. систематическое перерешение дел по существу».

Тов. Крыленко, считая, что перерешение дела по существу «должно быть абсолютным исключением», и высказываясь против предоставления касс. суду «слишком больших полномочий по пересмотру дела и изменению приговора», констатирует, что у нас «нет в чистой форме кассационной инстанции, а есть «скрытая» апелляция».

Мы считаем, что «перерешение» дела в кассационной инстанции, т. е. на основании оценки всего имеющегося в деле доказательного материала постановить новый приговор, не может иметь места ни в исключительных случаях, ни тем более систематически. Пределы рассмотрения кассационным судом дела по существу многообразны и широки, но ничего общего с «перерешением» дела не имеют.

Анализ этой области работы кассационного суда даст возможность выдвинуть некоторые положения:

1) Кассационный суд может и должен в известных пределах и в строго ограниченном разрезе исследовать и проверить определенные вопросы дела по существу.

2) Оценка имеющихся в деле доказательств, оценка их доказательной силы и

значимости, их истинности или ложности—сущность и основа работы суда первой инстанции—и является той стороной существа дела, которая не подлежит проверке кассационного суда, вторгаться в которую кассационный суд не должен.

3) Кассационный суд, исследуя дело по существу, отнюдь не перерешает дела, отнюдь не переоценивает доказательства по делу, а исключительно и только а) проверяет метод исследования судом первой инстанции дела; б) проверяет, все ли сделал суд первой инстанции, чтобы выяснить материальную истину по делу; в) правильно ли он это сделал; г) соответствуют ли факты и обстоятельства, изложенные в приговоре материалам дела, и д) основаны ли эти факты и обстоятельства на данных, являющихся доказательствами.

Органами кассационного пересмотра в РСФСР являются: уголовные кассационные отделения губернских судов и уголовная кассационная коллегия Верховного Суда. УКО губсуда есть кассационная инстанция для приговоров нар-судов данной губернии, а УКК Верховсуда—для приговоров, вынесенных губсудами республики. Кассжалобы на военные трибуналы подаются в военную коллегия Верховсуда Союза. Необходимо отметить своеобразное значение в нашей судебной системе пленумов Верховного и губернских судов (ст. 429, 438 У П К., п. 2 ст. 99 иол о судоустр.).

Подавать кассационные жалобы на приговор могут «заинтересованные стороны», т.е. 1) прокурор; 2) обвинители, предусмотренные ст 50 У П К, 3) частный обвинитель; 4) подсудимый и его защитник; 5) гражданский истец.

Прокурор может подавать протест и по тем делам, где он не выступал на суде в качестве обвинителя. По делам, допускающим лишь частное обвинение (ст. 10 У П. К.), прокурор права протеста не имеет, за исключением тех случаев, когда в целях охраны публичного интереса он вступил в дело. В этом последнем случае частный обвинитель устраняется, и все это права переходят к прокуратуре. У. П. К. допускает выступление на суде в качестве обвинителей и лиц, не принадлежа-

щих к прокурорскому надзору: уполномоченных профсоюзов, инспекторов труда, РКП и т. д. (ст. 50 У. П. К.). Все эти лица имеют право на подачу кассационного протеста. Вместе с тем необжалование приговора указанными лицами не лишает представителя прокуратуры права данный приговор опротестовать.

Потерпевший, как таковой, права подачи кассационной жалобы не имеет и приобретает его только в тех случаях, когда он выступает в качестве частного обвинителя, по делам, предусмотренным ч. 2 ст. 143, частью 1 ст. 146, 159—161 У. К., или в качестве гражданского истца.

За подсудимого жалобу могут подавать защитник или его законные представители (см. Представительство).

Предметом кассационного О. являются не вступившие в законную силу приговоры народных губернских (глав.-край-обл. и окр.) судов, а равным образом судебные приказы, народным судом выносимые. Жалобы на приговоры и судебные приказы народного суда приносятся в губернский суд, жалобы на приговоры губернского и равных ему судов—в Верховный Суд по уголовно-кассационной коллегии. Жалобы на определения губернского суда о прекращении дела приносятся равным образом в УКК Верховного Суда.

Кассационными поводами именуются все те нарушения, допущенные судом первой инстанции, процессуального и уголовно-материального законов, которые могут повлечь за собой отмену приговора в кассационном порядке. Безусловными и кассационными поводами являются те, которые имеют непременно последствием отмену приговора (2 часть, ст. 145 У. П. К.); относительными же поводами принято именовать те нарушения, при наличии которых должен каждый раз ставиться кассационной инстанцией вопрос: являются ли они существенными или нет, и могли ли они отразиться на вынесенном приговоре, при чем нарушения не существенные влекут лишь преподание суду первой инстанции надлежащих указаний в порядке частного определения.

У. П. К. в общем не связывает кассационной инстанции в ее оценке нарушений. Единственное ограничение содержится во

2-й части ст. 415 У. П. К., обязывающей отменять приговор в случае наличности в деле одного из перечисленных абсолютных кассационных поводов. Практика Верховного Суда несколько расширила пределы 2-й части ст. 415 и считает, например, безусловным кассационным поводом непредоставление подсудимому последнего слова или предъявление ему на суде более тяжкого обвинения, нежели то, которое было предъявлено по обвинительному заключению, и т. д.

Каждая сторона может ссылаться в своей жалобе лишь на те, допущенные судом первой инстанции, нарушения, которые отразились на ее собственных интересах. Прокурор в интересах революционной законности может подавать протест не только во вред, но и в пользу подсудимого. Гражданскому истцу принадлежит право касаться в своей жалобе лишь моментов, относящихся к гражданскому иску, а не к вопросу о наказании.

Действующий процессуальный закон не требует определенной формы составления кассационной жалобы. По содержанию жалоба может ограничиваться просьбой об отмене приговора (ст. 350 У. П. К.). Ревизионный порядок рассмотрения дел дает возможность кассационной инстанции самой проверить, независимо от того или иного содержания жалобы, соблюдение судом требований закона.

К жалобе, поданной одним из осужденных, могут в течение всего кассационного срока, присоединиться и другие. До дачи прокурором заключения по делу, стороны в праве подавать дополнительные кассационные жалобы и протесты или представлять письменные объяснения по поводу жалоб других сторон.

Сроки жалобы на приговор народного суда — 14 суток со дня вынесения приговора, на приговор губернского суда — в течение 72 часов. С момента вручения осужденному копии приговора в случае пропуска срока по уважительным причинам жалобщик может ходатайствовать перед судом, вынесшим обжалуемый приговор, о восстановлении кассационного срока. При вынесении заочного приговора осужденному после его задержания или явки должна быть вручена копия приговора, после чего в течение установленного законом срока он имеет право на подачу кассационной

жалобы (разъяснение пленума от 26 октября 1925 г.).

Подаются жалобы в тот самый суд, который вынес обжалуемый приговор. Суд первой инстанции, по получении жалобы, в установленный законом срок направляет ее в кассационный суд вместе с подлинным делом. Губернский суд при этом может приложить к делу свои объяснения по поводу принесенной жалобы. На дело подача жалобы непосредственно в кассационный суд, а не через суд первой инстанции, не влечет возвращения жалобы: кассационная инстанция, в таком случае, запрашивает суд о присылке подлинного дела, что может иметь результатом лишь некоторую задержку кассационного пересмотра. Непосредственным последствием подачи кассационной жалобы является приостановление приведения в исполнение обжалуемого приговора в отношении стороны, подавшей жалобу, и в той части приговора, которая обжалована. По истечении кассационного срока приговор в той части, которая не обжалована, в отношении подсудимых, жалобы не подавших, вступает в законную силу и подлежит приведению в исполнение (ст. 342 У. П. К.).

Кассационная инстанция может вынести определение:

- 1) об отмене приговора с передачей дела на новое рассмотрение;
- 2) об отмене приговора с прекращением дела;
- 3) об оставлении приговора в силе;
- 4) об оставлении приговора в силе, с внесением в него тех или иных изменений.

В случае отмены приговора по мотивам кассационной жалобы, суд первой инстанции, при новом рассмотрении дела, не в праве назначать более тяжелого наказания, нежели то, которое было избрано судом при первом разборе. В случае отмены приговора по протесту прокурора или в ревизионном порядке, даже в отношении лиц, подавших жалобу или оправданных, суд при вторичном рассмотрении дела не связан первоначальным приговором ¹⁾.

О. в порядке надзора. Советский уголовный процесс в ст. 427—429 и

¹⁾ См. разъяснения пленума Верховного Суда от 16 ноября 1925 г. и от 15 декабря 1924 г.

ст. 440 У. П. К. допускает инициативу высших органов прокуратуры и суда по опротестованию в порядке надзора любого приговора как обвинительного, так и оправдательного, вошедшего в законную силу, причем это опротестование не ограничено никаким сроком. Уголовный процесс не регламентирует этого порядка, он определяет лишь круг лиц, могущих проявить свою инициативу по истребованию и пересмотру дел в порядке надзора.

Рассмотрение приговоров в порядке надзора мыслится нашим законодательством, как исключительная форма пересмотра.

При пересмотре дел в порядке надзора все производство распадается на две части: 1) затребование и предварительное рассмотрение дела соответствующими должностными лицами; 2) окончательное рассмотрение его судебной инстанцией.

Лицами, имеющими право на затребование дела из любого суда республики, являются председатель Верховного Суда, его заместитель, прокурор республики и его помощник при Верховном Суде (ст. 440 У. П. К.). Такое же право, в отношении дел, разрешенных судами губернии, принадлежит губернскому прокурору и председателю губернского суда. Участковому прокурору право затребования предоставлено лишь в отношении дел народных судов его участка (ст. 427 У. П. К.)

Судебными органами рассмотрения дела в порядке надзора являются: в отношении дел, разрешенных народными судами, уголовно-кассационное отделение губернского суда и, в предусмотренных законом случаях, пленум того же суда; в отношении же дел, разрешенных уголовным отделением губернского суда—уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда (ст.ст. 429, 441 У. П. К.) Только те нарсудские дела направляются в УКК Верхсуда, по которым, при их разрешении в уголовно-кассационном отделении, а затем в пленуме губернского суда, не было достигнуто соглашения между судом и губернским прокурором. При отсутствии разногласий между судом и прокурором дела находят окончательное разрешение в губернском суде.

При рассмотрении дела в порядке надзора высшая судебная инстанция проверяет правильность приговора как с точки зре-

ния соблюдения судом формальных требований закона, так и с точки зрения самого существа дела. В этом—глубокое различие надзорного порядка пересмотра от кассационного. В результате надзорного рассмотрения дела суд выносит определение, которое по форме и по юридическим последствиям во всех отношениях сходно с кассационным. В случае отмены приговора и передачи дела на новое рассмотрение суд первой инстанции при вторичном разборе, разумеется, не связан первоначальным приговором.

О. особого рода является возобновление уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам (ст.ст. 373—379 У. П. К.). Это исключительная форма пересмотра вошедших в законную силу приговоров. Новыми признаются все те обстоятельства, которые не были известны суду первой инстанции при вынесении приговора. К обстоятельствам, устанавливающим порочность приговора, закон относит: 1) подложность доказательств, на которых основан приговор; 2) преступные злоупотребления судей, постановивших приговор.

К подложным доказательствам относятся и дача свидетелем заведомо ложных показаний, когда это установлено вошедшим в законную силу другим приговором суда.

К обстоятельствам, устанавливающим ошибочность приговора, относятся те, которые доказывают: а) невиновность осужденного; б) совершение осужденным более или менее тяжкого преступления, нежели то, за которое он был осужден; в) виновность оправданного.

Таким образом, возобновление может иметь место как в пользу, так и во вред судимого лица.

Предметом возобновления являются вступившие в законную силу приговоры. Единственное ограничение введено У. П. К. в случае обнаружения новых обстоятельств, устанавливающих фактическую ошибочность оправдательного приговора; возобновление допускается лишь в течение года со дня открытия новых обстоятельств и не позже пяти лет вообще со дня вступления приговора в законную силу (ст. 374 У. П. К.)

Прокуратура является тем органом, на который возложена обязан-

ность первоначального возбуждения вопроса о возобновлении дела и дальнейшего его направления. Она может по собственному почину возбудить вопрос о пересмотре как обвинительных, так и оправдательных приговоров. Ходатайства о возобновлении дела, от кого бы они ни исходили, направляются к местному прокурору. О пересмотре обвинительного приговора могут возбуждать ходатайства осужденный, его защитник и родственники, а равным образом и профессиональные и общественные организации, в которых осужденный состоял. Вопрос же о пересмотре оправдательного приговора возбуждается исключительно прокуратурой. Прокурор производит расследование и в случае, если оно подтвердит необходимость возобновления дела, представляет акты расследования со своим заключением в уголовно-кассационную коллегию Верховного Суда. На этом кончается предварительное производство по возобновлению дела.

Органом, окончательно разрешающим вопрос о возобновлении дела, является исключительно уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда¹⁾. Она может отказать в ходатайство о возобновлении или удовлетворить его. В последнем случае приговор отменяется, и дело направляется уголовно-кассационной коллегией для нового рассмотрения в суд первой инстанции. Приговор, вынесенный последним, может быть обжалован на общем основании

Г. Рогинский.

ОБЛАСТИ. Областные, краевые советские организации стали складываться в первые же дни после февральской революции 1917 г., главным образом на организационном базисе существовавших до того подпольных областных (окружных) партийных организаций. Так, в Москве между 4—12 марта при Московском Совете организовался провинциальный отдел, сразу установивший работу в областном масштабе и подготовивший на 25—27 марта созыв областной конференции советов, избравшей областное бюро советов

г. Москвы и Московской области. На состоявшемся в конце марта 1917 г. в Петербурге всероссийском совещании советов (участием нескольких сот депутатов назначен был план всероссийского объединения советов, в порядке организации которого «повсеместно должны быть созданы областные (районные) комитеты советов», описываемые «на периодически созываемые районные с'езды». Совещанием было назначено к организации 9 следующих О.: Московская (Центральная), Северная, Западная, Приволжская, Южная, Донецкая, Уральская, Кавказская и Азиатской России. По этим районам разбились участники совещания и выделили от каждого района (О.) по одному представителю в комиссию при исполкоме Петроградского Совета по созыву всероссийского с'езда советов, при чем предполагалось, что представители этих девяти О. будут созываться на конференции будущих ЦИК советов «для разрешения важных вопросов». В дооктябрьский период наиболее оформилась Московская О. в составе 14 губерний: Московской, Владимирской, Воронежской, Курской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Ярославской. На первом областном с'езде советов Московской области 28—31 мая был создан областной центр в количестве 69 человек, в состав которого вошли по 3 представителя рабочих, солдатск. и крест. депутатов всех 14 губерний, при чем центр этот (областное бюро), реорганизуясь несколько раз, играл активную роль весь дооктябрьский период. В большинстве других районов областные организации до Октября очень слабо оформлялись; кое-где дело ограничилось областными конференциями и совещаниями, областные же с'езды имели место на Урале (в мае и августе), в Киевской О. (апреле и сентябре), Северной и Западной О. (в октябре) и несколько с'ездов, начиная с апреля, было в Сибири, где образовались три областные организации: Западно-Сибирская, Восточно-Сибирская и Дальне-Восточная (Амурская) О., которые объединялись общесибирской организацией советов (Центросибирь) противостоявшей общесибирской буржуазной организации—сибирской областной думе.

До Октября областные объединения создавались, главным образом, в интересах об

¹⁾ За 1924 г. в УКК поступило в порядке ст. 378 У. И. К. 79 дел: за 1925 г.—95 дел.

легчения агитационно-информационной и организационной деятельности политических партий по линии их работы в советах. После Октябрьской революции перед областными организациями вплотную стали задачи объединения и руководства всей государственной деятельностью на местах и главным образом в области хозяйственно-снабженческой, по линиям продовольственной, промышленной и транспортной, поскольку организации последнего типа совпадали с границами О. Начинаясь с момента и другой момент в областничестве— момент национальный. Все это было учтено в одном из постановлений III Всероссийского Съезда Советов (январь 1918 г.), в котором говорилось об «образовании областных советских республик», «О. отличающихся особым бытом и национальным составом», и дальше в постановлении указывается, что «на центральную власть возлагается проведение мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе, при чем, однако, не должны быть нарушаемы права отдельных, вступивших в федерацию, областей». В обращении Народн. Ком. Внутр. Дел «Ко всем советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов», опубликованном 24 декабря 1917 г. в «Газете Временного Рабоче-Крестьянского Правительства», всюду, наряду с губернскими и уездными, упоминаются и «областные советы», включаемые тем самым в основную систему советской организации. В этот период происходит ряд «учредительных» областных съездов советов, на которых принимаются основные положения об их организации, как органов власти, и создаются и самые эти органы до областных совнаркомов с наркоматами включительно. Это происходит на II и III съездах Московской области 10—16 декабря 1917 г. и 10—13 марта 1918 г., на III Западно-Сибирском областном съезде 2—10 декабря 1917 г., на III уральском съезде 24 января 1918 г.; на II западном областном съезде 13 апреля 1918 г. В период областничества с октября 1917 г. по июль 1918 г. замечается в нем наличие двух тенденций—пролетарской, коммунистической, стремившейся вести областное строительство на началах демократического централизма и мелкобуржуазной, лево-эсеровской, перегибавшей все время в сторону федерализма для федерализ-

ма. Вопреки левым эсерам после переезда правительства в Москву в апреле—мае 1918 г. была начата ликвидация Московской области и в то же время стал оформляться союз коммун Северной области. В принятой в июле 1918 г. V Всероссийским Съездом Конституции ст. 11 говорит, что «советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды советов и их исполнительные органы. Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в РСФСР». Но ст. 55 предусматривает организацию исполн. ком. О., как и губерний, в числе не более 25 чел., а ст. 66 и др. определяют его компетенцию так же, как и губисполкома. На происшедшем вскоре после принятия Конституции I Всероссийском съезде председателей губисполкомов и зав. губ. отдел. управления доклад об областных организациях вызвал чрезвычайно бурные прения, резолюции по докладу несколько раз переголосовывались из-за невозможности собрать большинство, и в конце концов была принята резолюция, лишь весьма осторожно допускавшая областные объединения «при условии хозяйственно-экономической общности интересов всех губерний, которые желают войти в состав данного областного объединения», «затрудненности управления из общего центра» и «непременного утверждения центром»; конец резолюции был направлен против областных образований национально-политического характера, оговариваясь о признании «прав трудящихся масс всех наций на самоопределение» и проявляя вместе с тем в данном вопросе удивительное упрощенство. Другая резолюция шла еще дальше и допускала организацию областных объединений только на далеких окраинах—в Сибири, Туркестане, Кавказе, и тоже лишь административно-экономического характера. Но уже в октябре 1918 г. Наркомвнутдел опубликовал постановление, санкционировавшее организацию Западной Коммуны (О.), при чем в постановлении указывалось, что О. создана «волей рабочих и крестьян губерний: Смоленской, Могилевской, Витебской, Минской, и в свое время Ковенской, Виленской и

Гродненской», которая была явно выражена на первом, втором и третьем съездах Западной области и направлена на их объединение, как неотъемлемую часть РСФСР» Постановление об образовании Западной Коммуны было определенно направлено против немецких оккупантов, поддерживавшего их польско-белорусско-литовского шляхетства и буржуазии и национал-шовинистических, мелкобуржуазных социалистов Белоруссии и Литвы, как об этом говорилось и в самом постановлении, 23 декабря 1918 г. было опубликовано постановление ВЦИК «Об областных объединениях», которым утверждались «областные объединения на Урале, на Западе и на Севере» Согласно п 4 постановления «основная задача областных объединений заключается в быстром неуклонном проведении в жизнь всех предначертаний центральной советской власти. Областные объединения являются подсобными к центру органами на местах». Эта несколько своеобразная постановка вопроса диктовалась, очевидно, условиями напряженной борьбы того времени. В дальнейшем Уральская и Западная области перестали существовать благодаря передвинувшимся внутрь РСФСР фронтам гражданской войны, условия же эпохи военного коммунизма привели и к ликвидации Союза Коммун Северной О. Но в эпоху же военного коммунизма широко, в стиле эпохи поставлен был вопрос о новом административно-территориальном делении РСФСР. Состоявшийся в декабре 1919 г. VII Всероссийский Съезд Советов поручил ВЦИК «разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР», для чего ВЦИК в феврале 1920 г. была образована административная комиссия. В 1921 г. 2-я сессия ВЦИК VIII созыва по докладу М. Ф. Владимирского утвердила «Основные положения», разработанные этой комиссией; в них в известной постепенности предусматривался переход к строению РСФСР по районам, при чем указывалось, что «образование областных административно-хозяйственных объединений допустимо лишь по отношению к тем районам, где уже имеется более или менее определенное тяготение к одному главному пролетарскому центру и при условии его отдаленности от центра республики. В конце 1920 г. на VIII Всероссийском Съезде был заслушан доклад Г. М.

Кржижановского об электрификации, которым тоже предполагалось новое районирование РСФСР. Обе линии были увязаны в комиссии М. И. Калинина, которая в конце 1921 г. утвердила проект деления Европейской части СССР на 12 О. и Азиатской—на 9 О. В 1921 г. был создан ряд областных и краевых совещаний (обл. и крайэко), совпадавших в общем с районами ряда проектируемых О. В ближайшие годы оформились три О.—Уральская в 1923 г., Северо-Кавказский край (Юго-Восточная О.) в 1924 г. и Сибирский край в 1925 г. Первыми органами областного объединения для Урала и юго-востока в 1920 г. явились рев. советы трудармий Урала и юго-востока. В 1921 г. их заменили обл. и краевые экономсоветы, выполнявшие и ряд административных функций. XII съезд ВКП(б) принял постановление о необходимости пересмотреть существующую систему административно-территориального деления республики и приступить к организации нормального областного управления на Урале и юго-востоке (промышл. и земледельческая область) с тем, чтобы на учете опыта работы этих О. перейти к дальнейшему районированию. Уральская область строилась сверху вниз—сначала были установлены границы округов, заменивших уезды и губернии, а затем в пределах округов волости стали укрупняться в районы. Эта система дала ряд отрицательных последствий и потребовала ряда перекроек, тогда как построение нового административно-территориального деления с низов с волости к району и округу дало в Северо-Кавказском крае вполне положительные результаты. Эта же система была применена и в районировании Сибирского края. Структура краевых и областных органов в общем аналогична со структурой органов губернских, но только нормы представительства на съезды при их вариациях в разных О. дают гораздо более многочисленные съезды; исполкомы же ими избираются в количестве до 100 человек. Кроме 15 отделов: административного, организационного, финансового, земельного, совнархоза, внуторга, коммунального, труда, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, ГПУ, военного, раб.-крест инспекции, статистического бюро и плановой комиссии, при областных (краевых)

исполкомах состоят уполномоченные союзных наркоматов: почт и телеграфов, путей сообщения, и до слияния с внутренним состоял уполномоченный Внешторга; кроме того на территории области (края) существуют краевой суд, краевая прокуратура, а при край (обл.) исполкоме—краевая арбитражная комиссия и архивное бюро.

Отличительной чертой обл. и крайисполкомов сравнительно с губисполкомами (см.) является то, что ГИК не только руководят работой в губернии, но и сами через свои отделы ведут целый ряд непосредственных работ, тогда как облисполкомы являются главным образом органами руководства и планирования. Объем прав облисполкома отличается от объема прав губисполкома главным образом в области бюджетно-финансовой, управления промышленностью, торговлей и сельским хозяйством. По трем рассматриваемым обл. объединениям объем прав несколько варьируется, возрастая с каждым годом в каждом новом положении. Но, как отмечено было в докладе об итогах районирования на IV с'езде Уральской области, «если бы облисполком имел бы только права ГИК, то, выражаясь одними и теми же правами, они были бы крупнее, потому что распределялись бы на большую территорию и большее количество населения» (Уральская О. втрое больше Украины). Поскольку в 1926 г. начато было разработкой единое типовое положение для краев и О., здесь в изложении обобщались действующие для различных областей и краев нормы, и в этом порядке можно отметить, что в области финансовой краевым органам предоставлены сравнительно с ГИК права предварительного составления и рассмотрения областных смет по государственным доходам и расходам по всем подчиненным обл. (край) исполкому учреждениям, право приведения в действие и наблюдение за исполнением госбюджета по О и представлению обл. (край) с'езду отчета по исполнению госбюджета по О., право передвижения кредитов из сметы одного ведомства в смету другого, в пределах, установленных для автономн соц. сов республик. Соответственно с этим обл. (край) с'езд имеет право предварительного рассмотрения обл. бюджета в части государственных доходов и расходов, в пределах установленных СНК По линиям промышленности, торго-

вли и сельского хозяйства права обл. (край) исполкомов сводятся к предоставлению им широкого руководства деятельностью и распоряжения предприятиями и имуществами общегосударственного значения, находящимися на территории О. (края) Вообще краевые руководящие органы все с большим правом могут быть названы краевыми правительствами, ведущими государственную работу в данной части государства. Поскольку на территории Северо-Кавказского края имеется целый ряд национальных автономных О., отношения между ними и краем обеспечивают их автономию предоставлением всецело их ведению деятельности по внутреннему управлению, судоустройству, нар. образ., здравоохран., соц. обесп. местному бюджету, местному хозяйству и земельному делу, при чем лишь планы работ по местному бюджету и местному хозяйству согласуются с общекраевым хоз. планом. Подчинение (на определенных началах) национальных областных органов краевым идет главным образом по линии объединенных наркоматов и общих начал советской системы двойного подчинения в отношениях между областным, краевым, и общегосударственным центром. На всероссийский с'езд советов и другие общегосударственные с'езды и совещания национальные О. делегируют своих представителей непосредственно.

Г. Михайлов

ОБНАРОДОВАНИЕ. О. законов состоит в объявлении ко всеобщему сведению текста нового закона уполномоченными на это органами власти. От простой публикации закона О отличается тем, что органы власти, объявляющие новый закон, одновременно с этим удостоверяют идентичность публикуемого текста закона тексту, утвержденному законодательным органом. В виду этого в понятии О. можно различать два элемента—опубликование самого текста закона и удостоверение его правильности. Обыкновенно оба эти момента сливаются. Например, согласно ст. 70 конституции германской державы, законы публикуются президентом в месячный срок по их принятии. Здесь опубликование закона президентом предполагает, вместе с тем, удостоверение им точного соответствия обнародуемого закона закону, принятому рейхстагом.

Во Франции, напротив, президент сначала в торжественной формуле удостоверяет факт принятия данного закона законодательными палатами—промульгирует закон и затем публикует его. Эта особенность французского порядка О. законов обусловлена стремлением оставить в руках президента некоторое подобие королевской санкции законов. В других же странах не существует особого акта удостоверения текста нового закона.

В современных государствах законы публикуются главою государства или высшими органами власти.

В монархических государствах законы публикуются обыкновенно монархом, хотя и не всегда. Так, по основным законам бывшей Российской империи законы обнародовались сенатом. В некоторых государствах Запада О. законов возлагается на министерство юстиции или иные учреждения, как, например, в Австрии, где законы опубликовывались канцлером.

В праве современных государств О. законов является, по общему правилу, моментом, обуславливающим введение законов в действие, при чем момент введения закона в действие устанавливается путем отсчета определенного промежутка времени с момента О. закона или в зависимости от получения обнародованного закона на местах. Так, во Франции, согласно декрета от 5 января 1870 г. новые законы вступают в силу в Париже через день после опубликования закона в «Journal Officiel», а в округах—через день после получения содержащего закон номера «Journal Officiel» в главном городе округа. Таким образом, во Франции закон вступает в силу одновременно, в зависимости от расстояния округов от Парижа. Другое начало применяется в Германии, Бельгии и других европейских государствах. В этих государствах закон вступает в силу независимо от времени получения его на местах, одновременно во всей стране через определенное число дней после О. закона.

Таким образом повсюду О. признается необходимым условием для вступления закона в силу. Это объясняется находящим выражение во всех законодательствах правилом, что никто не может отговариваться незнанием законов. О. законов создает презумпцию знания законов органами власти и гражданами и дает возможность

устранять возражения о неизвестности закона. Только во Франции допускается небольшое исключение из действия презумпции об известности закона после его О. Это исключение состоит в том, что по ст. 4 декрета от 5 ноября 1870 г. суды и органы администрации не могут применять нового закона к лицам, его нарушающим, в течение трех дней после О. закона, если эти лица заявят, что такой закон им еще неизвестен.

Разумеется, нельзя думать, что О. закона влечет за собою фактическое ознакомление с законом всего населения. Благодаря О. с законом действительно знакомятся органы власти и часть населения. Для более же полного ознакомления населения с законами, помимо О., производится простая публикация нового закона местными органами власти. Во Франции, согласно тому же декрету от 5 ноября 1870 г., префекты и супрефекты должны принимать меры, чтобы новый закон был напечатан и вывешен повсюду, где в этом встречается необходимость. Такого рода оповещения населения о новых законах отличаются от О., во-первых, тем, что они исходят не от тех высших органов власти, которые удостоверяют подлинность текста закона, и, во-вторых, тем, что такие оповещения не служат основанием для вступления законов в силу.

Кроме этого, О. законов отличается от простой публикации так же и тем, что оно предполагает проверку прохождения обнародуемого закона через законодательные органы в установленном конституцией порядке. Так, во Франции, например, если законопроект принят только одной из законодательных палат, то президент не должен его обнародовать. Отсюда видно, что государственные органы, на которые возлагается О. законов, должны предварительно проверять законы, подлежащие О., с точки зрения формального соответствия их конституции. В некоторых государствах органы, обнародующие законы, осуществляют проверку принятых законодательными палатами законов не только с формальной стороны, но и с точки зрения возможных их последствий, а также согласованности с действующим законодательством вообще и, в частности, с принципами конституции. Такое положение мы находим в Германии, где президент до опубликования закона может поставить его на народное голосова-

ние; во Франции, конституция которой предоставляет президенту право передавать законопроекты палатам для вторичного обсуждения; в Соединенных Штатах Америки и в целом ряде других государств.

В Союзе Советских Социалистических Республик порядок О. и вступления в силу законов регулируется как законодательством Союза ССР, так и законодательством отдельных союзных республик. Порядок О. общесоюзных законов определен в постановлении ЦИК и СНК Союза ССР от 22 августа 1924 г. «О порядке опубликования законов и распоряжений правительства Союза ССР» («С. З.» № 7, 1924 г., ст. 79). Согласно этому постановлению все декреты и постановления ЦИК, его Президиума, СНК и СТО Союза ССР, за исключением не подлежащих опубликованию, обнародуются в «Собрании законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза ССР». Не подлежат же опубликованию, во-первых, постановления, о неопубликовании которых имеется специальное распоряжение ЦИК, его Президиума, СНК, СТО, их председателей, секретаря ЦИК или СТО, и, во-вторых, постановления административного и хозяйственно-административного характера, опубликование которых будет признано излишним секретарем ЦИК и его Президиума или управляющими делами СНК и СТО. Основание неопубликования постановлений второй категории служит то обстоятельство, что они, как сказано в самом законе, не имеют «общего значения».

Кроме опубликования законодательных постановлений в «Собрании законов», важнейшие из них и требующие более широкого распространения публикуются в «Известиях ЦИК СССР», а постановления СТО — в «Экономической Жизни». При этом опубликование в этих органах печати имеет такое же значение для вступления законов в силу, как и опубликование в «Собрании законов», как это видно из ст. 1 более позднего постановления ЦИК и СНК от 6 февраля 1925 г. «О времени вступления в силу законов и распоряжений правительства Союза ССР, а равно распоряжений ведомств Союза ССР».

Проверка содержания подлежащих опубликованию постановлений, с точки зрения согласованности с действующим законодательством, возлагается на редактора-консультанта (ст. 7 положения о редакторе-

консультанте). В случае какого-либо противоречия переданных для опубликования законов с действующим законодательством, окончательное разрешение возникшего вопроса принадлежит, очевидно, органам, принявшим подлежащий опубликованию закон. В отношении же ведомственных распоряжений, опубликование которых в «Собрании законов» предусмотрено постановлениями ЦИК, СНК или СТО, жалобы на отказ в опубликовании разрешаются председателем СНК Союза ССР.

Отдел опубликования законов управления делами СНК Союза ССР обязан, согласно постановлению СНК Союза ССР от 20 янв. 1925 г. (проток. № 83, п. 17), опубликовать утвержденные законодательными органами законы не позднее, чем в течение трех недель со дня подписания таковых. Немедленно по выходе «Собрания законов», «Известий ЦИК» и «Экономической Жизни», экземпляры этих изданий направляются в ЦИК, СНК, СТО и народные комиссариаты Союза ССР, во все центральные исполнительные комитеты и совнаркомы союзных и автономных республик, во все губернские, областные и уездные исполнительные комитеты. Помещенные в означенных изданиях законы вступают в силу на местах с момента получения официального издания, в коем опубликован новый закон в высшем государственном органе данной территориальной единицы (ЦИК союзной республики, губисполкоме, уездном исполкоме и пр.). Этот принцип вступления в силу закона применяется и по отношению к ведомственным распоряжениям, опубликованным в «Собрании законов», в «Известиях» или «Экономической Жизни». Если же ведомственные распоряжения напечатаны в ведомственных органах, то днем вступления их в силу считается день получения ведомственного издания в руководящем учреждении данного ведомства тех же административных единиц (уезда или округа).

Таким образом, у нас получил применение близкий к французскому метод вступления законов в силу, и нужно сказать, что такой порядок единственно приемлем в Советском Союзе вследствие громадности территории Союза и трудности почтовых сообщений.

Неудобство принятой у нас системы состоит в том, что она допускает возможность

нахождения отдельных частей территории Союза под действием различных законов, что может повлечь за собою целый ряд затруднений (при заключении сделок по телеграфу, по воздушной почте и т. д.). Однако эти нежелательные последствия применяемой у нас системы можно предупредить путем введения некоторых законов по телеграфу или радио, как это предусматривает ст. 4 приведенного постановления о времени вступления в силу законов Союза ССР. При таком способе введения законов момент О., в строгом смысле этого слова, отпадает, но это не избавляет местные органы власти от обязанности тотчас же по получении соответствующей телеграммы опубликовать закон в местной прессе.

Кроме введения законов по телеграфу, в ст. 3 рассматриваемого постановления ЦИК и СНК предусматривается введение законов в действие в срок, специально в них указанный. Нередко применяется и такой способ, когда в обнародованном законе содержится поручение тому или другому ведомству установить срок введения законов в действие. Что касается постановлений, не подлежащих опубликованию, то они получают обязательную силу с момента получения их учреждениями, которым они сообщаются.

Что касается О. республиканских законов, то оно построено в большинстве союзных республик на тех же основаниях, как и О. общесоюзных законов. Так, напр., постановление Зак. ЦИК и СНК ЗСФСР от 28 февраля 1925 г. («С. У.» № 3) «О опубликовании и времени вступления в силу законов и распоряжений правительства ЗСФСР, а также распоряжений ведомств ЗСФСР» почти буквально воспроизводит вышеуказанный союзный орган. В УССР время вступления в силу законов определяется днем получения экземпляра одного из официальных изданий, в которых опубликован закон, в местном исполкоме. Если же текст закона получен исполкомом каким-либо путем ранее получения официальных изданий, то закон вступает в силу с момента получения его удостоверенного текста («С. У.» УССР № 3, 1921 г.).

С изданием декрета ВЦИК и СНК РСФСР «О времени вступления в силу декретов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР и распоряжений ведомств РСФСР» («С. У.» № 72, 1925 г.) от 9 дека-

бря 1925 г. в РСФСР получила применение та же система вступления в силу законов, которая принята в отношении союзных законов, т. е. законы вступают в силу в городах и одноименных с ними уездах со дня получения закона в высшем административном органе данного уезда (ст. 1 указанного декрета ВЦИК и СНК).

Особый порядок О. законов принят в Узбекской республике, где законы вступают в силу с момента опубликования их в газете «Красный Узбекистан», «Правда Востока» или же в «Собр. узак. и распор. правительства Уз. ССР», в зависимости от того, в каком из указанных органов опубликование последовало раньше (пост. ревкома от 13 декабря 1924 г., «С. У. Уз. ССР» № 1, 1925 г.).

Распоряжения же правительства Союза ССР вводятся на территории Узбекистана на общих основаниях.

В. Дябло

ОБОГАЩЕНИЕ. Неосновательное незаконное, несправедливое или неправильное О — а только о таком специально говорит буржуазный закон — представляет собою основание для истребования всего того, чем другой обогатился. Этот институт на первый взгляд имеет несколько своеобразный характер. Все капиталистическое общество основано на принципе О. (*Plusmachersci* у Маркса), всегда неправомерном или неосновательном с точки зрения эксплуатируемого класса. Но свою тяжбу о возврате неправомерного О рабочий класс ведет не в суде, а в порядке революционной классовой борьбы. Имущие классы у себя установили известный порядок распределения этого несправедливого, но законного по их законам О., известное равновесие имуществ, которое, если оно не сохранено положительно и конкретно законом, охраняется по аналогии с правовым основанием и в случаях, не перечисленных в законе. Это — как бы ответственность за кражу у вора. Занимая обыкновенно в кодексе одну-две статьи, оно в практике буржуазного суда занимает довольно значительную часть дел. Даже в таком устарелом, полуфеодальном законе, как в нашем дореволюционном гражданском своде, где ничего об этом

институте не говорилось истолковали ст. 574—и весьма широко—в пользу приговора «несправедливого» О.

Под этим названием скрываются самые различные основания: восстановление в прежнее состояние или «поворот решения» возврат выданного по ошибке или по ошибочному адресу и т. д. Оно в очень близком родстве с возмещением убытков (убыли) или вреда и представляет известный клапан для применения «свободного от закона» принципа справедливости, но только в отношениях между членами имущих классов. Класс неимущий, эксплуатируемый в нем по существу не может принимать участия.

Наи Г. К. вводит и институт обязательств, возникших вследствие О. и поясняет это обязательство словами: «Обогатившийся за счет другого без достаточно установленного законом или договором основания обязан возвратить неосновательно полученное» (ст. 399). Статья эта расширяет это обязательство и на случай, когда основание О. отпадает впоследствии. Наш кодекс, таким образом, это обязательство расширяет сравнительно с буржуазным законом, предусматривающим разные ограничения: напр., в некоторых кодексах обязательство ограничивается лишь тем, что еще осталось в целостности в имуществе обогатившегося и т. д. Однако, наш кодекс вводит одно дополнение, свойственное лишь советскому праву: обогатившийся за счет другого лица, вследствие противозаконного или направленного в ущерб государства действия этого лица, обязан внести неосновательно полученное в доход государства (402). Такие случаи перечислены в ст. ст. 30, 32, 33, 149, 150 Г. К. Дает ли эта статья известную практическую выгоду государству или останется одною декорацией, пока установить нет возможности. На практике ст. 402 получила сравнительно широкое применение лишь по договорам, признанным недействительными по ст. 30 п. 147 Г. К., т. е. противозаконным или заключенным в обход закона, особенно по договорам о продаже домов до 1921 г. относительно строений, когда предмет по праву неосновательного О. присуждается государству, если владелец его «нетрудовой элемент».

С того момента, как обогатившийся узнал или должен был узнать (не мог не знать) о неосновательности О., его обязанность приравнивается обязательству ответственности за убытки, т. е. он должен возместить и доход, но он, в противовес, в праве получить свои необходимые затраты на имущество.

И. Ст

ОБРАТНАЯ СИЛА ЗАКОНА и вообще права означает применение нового закона и вообще новой правовой нормы к отношениям, возникшим до издания этого закона ф. деяниям совершенным до возникновения данной нормы. В этом вопросе имеются два диаметрально противоположных взгляда. «Закон действует только (только) на будущее время; никакой закон не имеет обратного действия и т. д.». Так гласила ст. 60 царских «Основных законов». Исключение допускалось лишь тогда, если закон сам распространил свое действие на предыдущее время. Это не выдумка царских законодателей, это буквальное повторение ст. 2 «Кодекса Наполеона», которая во Франции в силе и поныне. А для буржуазной теории права это положение считается положением приращенного естественного права. Как известно, Октябрьская революция уничтожила все старые законы, а своим революционным законам придала обратную силу ко дню Октябрьской революции (7 ноября 1917 г.). Мы, конечно, тогда никому не подражали сознательно, но на деле мы бессознательно списали практику первой эпохи французской революции, установившей также общее правило, что все революционные законы имеют обратную силу ко дню победы революции, 14 июля 1789 г. (см. «Энци.» т. I, стр. 293). Но как только закончился разрушительный период революции, взгляды революционных юристов меняются, и в конституции (Конвента) 1793 г. мы в Декларации прав уже читаем: «Приписывание О. с. закону является преступлением». 24 апреля 1795 г. началась некрасивая борьба против О. с. и революционных законов первого периода, а 3 месяца спустя этот революционный принцип официально отвергается. Нечто вроде того произошло и происходит и у

нас с переходом к новой экономической политике

Но это совпадение только внешнее, и как явления периода наступления той и другой революции, так и явления периода отступления не имеют одинаковых оснований; их объединяет только то общее основание, что у власти стал новый класс. И в то время, как буржуазия свой принцип, хотя пока и бессознательно, основывала на приобретенных правах («Свобода и собственность—это крик природы» Вольтер), пролетариат свой вывод сделал как раз из упразднения этих «прав и свобод» буржуазии. Стоит подробнее остановиться на том и ином явлении.

Буржуазия во Франции на мгновение забыла, что она является наследницей, преемницей класса той же категории (эксплуататоров-угнетателей), как и она, только иной эпохи. Но отрезвившись от увлечения, она отвергла революцию; победив феодализм и абсолютизм, она объявила свой знаменитый принцип непрерывности, преемственности, единства (continuité) власти. Буржуазное право существует, мол, вечно (правда, до революции только в философской форме естественного права (см.) во Франции, в форме интуитивного права психологистов в России и т. д.) и будет существовать вечно («Так было—так будет»). Напротив, пролетарская советская революция решительно рвет связь с прошлым («Долой бывшее»); она переходит к новому строю, строит социализм.

Ныне и буржуазная наука, однако, не стоит, безусловно, на отрицательной точке зрения по отношению к О. с. всякого закона. Если буржуазная политическая экономия ныне не прочь заявить, что и она в отрицании «зрелости» революции стоит на почве учений Маркса (правда, в понимании соц.-предательском), то буржуазные юристы не боятся при случае хвастнуть, что «господствующее учение об О. с. закона стоит теперь на точке зрения Лассалья» Таким образом, надежды Лассалья, что ему удастся переубедить буржуазную науку правоведения, как будто сбылись; только его предсказания, что от этого произойдет целый переворот в обществе, оказались ложными. Наоборот, ныне, напр., в 1917 г. в России и 1918 г. в Гер-

мании, в вопросе об имуществе бывших монархов и владетельных князей Германии, праведы—и не только буржуазные, но и с.-д.—отстаивают чисто юридическими доводами права этих князей, хотя и приобретенные явно грабительским способом. В чем заключается суть теории Лассалья? Он делит приобретенные права 1) на права, которые приобретены лицом на основании закона при посредстве актов своей воли, т. е. в сущности договорные права. Туда относятся, в широком смысле, вся капиталистическая собственность, весь гражданский оборот, ибо и предприниматель и торговец свои права приобретают по свободному договору¹⁾, как волевому акту; на эти права закон О. с. не имеет; 2) на права, приобретенные лицом на основании закона, но без посредства такого добровольного акта, значит так называемые публичные или унаследованные права, напр., феодальные права и привилегии, феодальную собственность. На эти права новый закон имеет О. с. без всякого возмещения. Признать вознаграждение за отмену таких прав означало бы признавать за отдельными лицами или классами «право облагать народный дух податью за его дальнейшее развитие». Лассаль сам охарактеризовал свою работу, как попытку «соорудить твердою научной юридической системы социализма». На деле он продолжил мысли, изложенные еще Савиньи; его учение было смесью социализма и исторической школы, революции с контрреволюцией.

Мы видели, что такая решительная буржуазная революция, как Великая французская революция, в этом вопросе шла дальше Лассалья, но только в разрушительный период революции. Как только укрепились благоприобретенные права буржуазии, дальнейшее законодательство с О. с. прекратилось, объявлено было даже преступным. А с наступлением контрреволюции отменялись и новые революцион-

1) Верные этому принципу, нынешние с.-д. юристы Германии борются за благоприобретенные права королей и князей на т.-наз. личные имущества их. Совсем такую же позицию занимали наши буржуазные юристы, но исключая меньшевиков, после февраля 1917 г. по отношению к имуществу Романовых.

ные законы: контрреволюция под видом отмены революционного принципа об О. с. закона одновременно на деле провела такие же законы с О. с. Другими словами, контрреволюция в своей реставрации действовала сама революционно, если хотите—отрицательно революционно. Недавно еще Маркс сказал, что и контрреволюция по существу является революцией.

Буржуазное право в дальнейшем, оставаясь верным принципу обеспечения священного права капиталистической собственности, твердо стоит на принципиальной точке зрения Лассалля. Отрицание О. с. закона обеспечивает неприкосновенности прав, приобретенных по воле лица, на основании существующих законов. Договор всегда обсуждается по законам момента заключения сделки, хотя бы закон с тех пор круто изменился. За вред от отмены закона и введения нового закона, напротив, никакого вознаграждения, по общему правилу, не выдается. Но и тут буржуазия ухитряется выдать себе вознаграждение за нарушение разных приобретенных прав: напр., выкуп земельной собственности, выкуп разных привилегий, в новейшее время даже вознаграждение свергнутым монархам за лишение трона (ср. Германию). Тот же принцип в общем проводится и в уголовном праве: на деяния, бывшие ненаказуемыми, новый закон, признающий их наказуемыми, не распространяется, но, в исключение из этого правила, закон, объявляющий то или иное деяние ненаказуемым, имеет О. с. То же самое относится к наказанию: увеличение законом меры наказания О. с. не имеет, смягчение наказания, наоборот, имеет обратное действие. Это исключение мотивируется идеей гуманности. Законы не материального, а формального характера имеют О. с. Еще два случая О. с. закона знает и буржуазное право: 1) в случае, если о том имеется оговорка в самом законе, и 2) в случае, если закон дает так называемое авторитетное толкование (см.) закона, т.-наз. интерпретативные (истолковательные) нормы, ибо они не являются новыми законами, а лишь истолкованием старых законов. Однако эти случаи чрезвычайно редки, в теории очень спорны, а практикой (напр., французской) толкуются строго ограничительно. Иное дело с толкованием закона судебной властью.

но существу являющейся довольно часто «правотворческой»; эти толкования по буржуазному праву всегда имеют О. с.

По советскому праву все законы старого режима были объявлены отмененными («сожжены»), и введение к Г. К., к этому, так сказать, основному закону нэпа, объявляет: никакие споры по гражданским правоотношениям, возникшим до 7 ноября 1917 г., не принимаются к рассмотрению. Все новые законы имеют О. с. ко дню революции, 7 ноября 1917 г. Все накопления прав в виде частной собственности, поскольку они имели эксплуататорский характер, объявлялись конфискованными, и основанием свободного пользования и распоряжения тем или иным имуществом сделался трудовой принцип. Правда, принципиально и новые революционные законы признавались обязательными лишь со дня опубликования их, если не было о том особого постановления, но, напр., национализация банков была проведена раньше на деле, а затем лишь опубликован декрет и т. д., так же как и власть была взята советами накануне ее признания съездом советов.

О переходе к новой экономической политике дело меняется. Отступление означает и тут переход к принципу отрицания О. с. закона, по отнюдь не к отмене достижений революции. Прим. I к ст. 59 Г. К. категорически раз навсегда определяет: бывшие собственники, имущество которых было экспроприровано на основании революционного права (О. с. закона) или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г., не имеют права требовать возвращения этого имущества. Подтверждение этого принципа дает и 15 ст. Конституции РСФСР 1925 г., разные узаконения о национализации (см.), муниципализации (ом.), о выселении бывших помещиков и т. д. Но как на будущее время? Ст. 3 и 4 введения к Г. К. устанавливают принцип частичной О. с. Г. К. к отношениям, возникшим за промежуток времени от 7 ноября 1917 г. по 1 января 1923 г. (день введения в действие Г. К.), поскольку они недостаточно полно регулируются упомянутыми законами. Практика признает законы революционного периода обязательными для всей территории с 7 ноября 1917 г., хотя таковые временно занимались белыми.

Отступая к буржуазному гражданскому праву, нам в интересах устойчивости оборота пришлось на будущее время («надолго и всерьез») признать, что новый закон будет иметь в виду будущее и О. с. не имеет.

Несколько иначе дело обстоит в уголовном праве. Мы по уголовному праву стоим на принципиально новой почве: на принципе социальной опасности деяния или лица, его совершившего, а не на формальном запрещении закона и вине преступника в нарушении этого закона. Мы применяем принцип аналогии ко всем социально-опасным деяниям, даже не предусмотренным У. К., хотя мы и стремимся перечислить в законе типы этих соц. опасных деяний. Поэтому У. К. и первые поправки к нему были объявлены с О. с. Ст. 3 введения к У. К. прямо гласит: У. К. применяется ко всем преступным деяниям, не рассмотренным в судебном порядке до введения его в действие. Однако в то же время У. П. К. стал на противоположную позицию: «Преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим в момент совершения преступления»—и только. «Законы, устраняющие преступность совершенного деяния или смягчающие его наказуемость, имеют О. с.» Еще изданная 19 октября 1922 г. ст. 114-а У. К. о взяточничестве (см.), усиливающая репрессию, получила О. с., по в дальнейшем законы издаются уже без такой оговорки, и у нас для новых законов ныне существует порядок, общепризнанный и буржуазной наукой, как он изложен выше. Нельзя сказать, чтобы это произошло сознательно; это—просто повторение слов буржуазных «спецов»-юристов, не усвоивших принципа социальной опасности. Сейчас, в связи с чрезмерно широким применением ст. 4-а У. П. К. о прекращении дел по маловажности преступления и по нецелесообразности уголовного преследования, возникло предложение возобновить ст. 16 Руководящих Начал 1919 г. «С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию». В результате ВС РСФСР выработал вместо ст. 4а У. П. К. проект ст. 6 и 6а У. К. (см. Преступление). Эти

статьи, введенные с согласия президиума ВЦИК в действие определением Верховного суда до их опубликования, означают возврат к означенному выше принципу Рук. Начал.

Что касается разъяснений судебных, то, по общему правилу, и у нас разъяснение имеет О. с., но у нас имеется целый ряд случаев, особенно по гражданским делам, в которых Верх. суд поясняет, что новое разъяснение не должно применяться к делам, уже решенным, т.-е. что оно не может служить основанием для пересмотра решений или состоявшихся добровольно расчетов.

П. (Т

ОБЩАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, это—частная собственность двух или нескольких лиц на данную вещь или совокупность вещей. О. с. не следует смешивать с общественной собственностью; она совершенно никакого отношения к социализму не имеет. В силу того или иного способа приобретения собственности на вещь или совокупность вещей, вместо одного частного собственника оказалось несколько участников, т.-е. сособственников (Miteigentümer) или совладельцев, в равных или неравных долях. Они не объединены единой фирмой, как, напр., полное товарищество (см.), товарищество или общество по уставу, или акционерное общество (см.), в которых общая фирма снабжается особым свойством юридического лица (см.). О. с. еще менее походит на общественную собственность данного социального объединения при объявлении собственности государственной (национализации) или общественной (социализации). Различия во всех этих случаях чрезвычайно велики, последний случай является даже прямой противоположностью двух первых.

В О. с. сособственники-совладельцы имеют так называемые умственные (idea!) доли в частном праве собственности, т.-е. доли не в природе, а лишь в уме, идее—равные или неравные. Но каждый из них при известных условиях может требовать выдела своей доли или полного раздела общего имущества. Каждый собственник может в известных пределах распоряжаться своей долей. Кредитор каждого из них может при установленных

законом условиях обратить взыскание на долю его должника в общем имуществе. Не так обстоит дело в общественной собственности под единой фирмой. Тут раздел или выдел части имущества предполагает предшествующую ликвидацию фирмы, всего общества и дележ чистого остатка результата ликвидации или установленную в законе или уставе выплату его доли прав как члена общества или товарищества. Наконец, во втором роде общественной собственности (государства или общества, как понятия социального) никакой выдел, никакое возмещение при выходе, напр., из гражданства, из общины и т. п. даже немислимы.

Здесь у нас речь идет только об О. с., и вопрос мы рассматриваем, как чисто практический вопрос. По нашему Г К (ст. 61) «право собственности может принадлежать двум или нескольким лицам, сообща, по долям (О. с.)». Осуществление права О. с. (пользование, владение, распоряжение) должно производиться по общему согласию всех участников, а в случае разногласия—по большинству голосов. Соразмерно праву на участника в О. с. возлагаются и доли обязанностей (в уплате сборов, общих долгов и т. д., в издержках по управлению и сохранению имущества и т. д.). Участники при добровольном отчуждении кем-либо из участников своей доли имеют право преимущественной покупки, кроме лишь продажи с торгов. Если это не запрещено договором или законом (ст. 65), общий собственник имеет право требовать выдела; если соглашение не состоится, то деление производится натурою, поскольку это возможно без несоразмерного ущерба хозяйственному значению предмета О. с., в противном случае назначается вместо выдела денежная компенсация. При реальном разделе общего права застройки необходимо согласие коммунального отдела. Известные отступления допущены законом для О. с., вытекающей из договора простого товарищества (см.), из сотрудничества в силу семейного права (см.), земельного права двора (см.), поскольку к этим случаям вообще применимы нормы об О. с.

П. Ст.

ОБЩЕСОЮЗНОЕ ИЛИ ОБ'ЕДИНЕННОЕ ГОС. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

является учреждением, образованным при Совете Народных Комиссаров Союза ССР в целях «об'единения революционных усилий республик во борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». В системе советских органов Союза ССР ОГПУ, по своим задачам и по своей роли, является наследником «Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности», охраняющим, в новых условиях, Союз Советских Социалистических Республик от происков как внутренней так и внешней контрреволюции.

«История учит,—говорит тов. Ленин,—что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог притти к господству, не переживая периода диктатуры т. е. завоевания политической власти и насильственного подавления самого отчаянного, самого бешепого, ни перед какими преступлениями не останавливающегося сопротивления, которое всегда оказывали эксплуататоры». «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия была,—как докладывал тов. Ленин IX Съезду Советов,—нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас» «Из истории этих заговоров известно, как действовали эти люди», и поэтому «иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было». И ВЧК, по характеристике тов. Ленина, была учреждением, которое «знало каждый шаг заговорщика и умело быть учреждением не уговаривающим, а карающим немедленно». «Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желаний преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов»

С переходом на новую экономическую политику, тов. Ленин на IX Съезде Советов сказал, что «перед нами сейчас задача развития гражданского оборота согласно нашей новой экономической политике, а это

требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке наступления, если бы тогда эту задачу поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но ее не делали бы. Чем дальше мы входим в условия, которые являются условиями прочной твердой власти, тем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков». IX Съезд Советов по докладу тов. Ленина постановил «поручить президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть положение о ВЧК и ее органах в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности» («С. У.» за 1922 г., № 4, ст. 43). Выдвигая требования о реорганизации ВЧК, тов. Ленин на этом же съезде выступил и с категорическим предупреждением. «Если попытки контрреволюции будут таковы,—сказал тов. Ленин,—каковы они были до сих пор, а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований, то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе нечто серьезное. Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать советскую власть, чему бывали примеры. В положение такого государства мы не попадем благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать»

На основании постановлений IX Съезда Советов ВЦИК своим постановлением от 6 февраля 1922 г. реорганизовал ВЧК в Государственное политическое Управление под личным председательством наркомвнудела т. Дзержинского. Этим же постановлением на местах были учреждены политические отделы, в автономных республиках и областях—при ЦИК, а в губерниях—при губисполкомах. Политические отделы при ЦИК и губисполкомах были оставлены в непосредственном подчинении Государственного Политического Управления.

В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик на первом же Союзном Съезде 30 дек. 1922 г. при СНК Союза ССР был учрежден Объединенный орган Госуд. Полит. Управл., а на II сессии ЦИК Союза ССР 6 июля 1923 г. была принята Конституция Союза ССР, IX глава которой определяет основное положение ОГПУ («С. У.» 1923 г., № 81, ст. 782). На основании ст.ст. 61, 62, 63 Конституции Союза ССР, ЦИК Союза 15 ноября 1923 года было утверждено положение об ОГПУ Союза ССР и его органах («С. У.» 1924 г., № 12, ст. 105).

Согласно этого положения председатель ОГПУ и его заместитель назначаются президиумом ЦИК Союза ССР, при чем председатель или его заместитель входят в СНК Союза ССР с правом совещательного голоса. При председателе ОГПУ образуется коллегия, члены которой утверждаются СНК Союза ССР и пользуются всеми правами членов коллегии народных комиссариатов. ОГПУ руководит работой госполитуправлений союзных республик и подведомственными им учреждениями через своих уполномоченных при СНК союзных республик, действующих на основании специального положения, утвержденного в законодательном порядке. Непосредственное руководство и управление ОГПУ осуществляет лишь в отношении Особых Отделов фронтов и армий. Точно так же в непосредственном распоряжении ОГПУ состоят особые войска в количестве, устанавливаемом Советом Труда и Оборона Союза ССР, которые во всех отношениях подчинены председателю ОГПУ или его заместителю. На ОГПУ возлагается организация охраны границ Союза ССР, и, кроме того, ОГПУ ведет непосредственную оперативную работу в общесоюзном масштабе. В вопросах пользования железнодорожными и водными путями сообщения, а также и государственными средствами связи (телеграф, телефон, почта и пр.), ОГПУ и его местные органы пользуются правами действующих частей Красной армии; в отношении же снабжения своих войск и местных органов продовольствием, обмундированием ОГПУ пользуется правами, присвоенными частям Красной армии. Сотрудники органов ОГПУ в своих правах и обязанностях, а также и во всех других отношениях приравниваются к лицам, состоящим на действительной воен-

ной службе. ОГПУ имеет свою самостоятельную смету, утверждаемую СНК Союза ССР и включаемую в бюджет Союза. По этой смете проходят также сметы Особых Отделов фронтов и армий, а также и сметы госполитуправлений союзных республик, со включением в них смет подведомственных им учреждений.

ОГПУ и все его местные органы действуют на основе постановлений: ВЦИК от 6 февраля 1922 года («С. У.» 1922 г., № 16, ст. 160) и от 16 октября 1922 года («С. У.» 1922 г., № 65, ст. 844), ВУЦИК от 22 марта 1922 г., ЦИК союзных республик и постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 2 сентября 1923 года.

Таким образом, на ОГПУ и его местные органы возложены нижеследующие задачи, которые перечисляются и в постановлении ВЦИК от 6 февраля 1922 года. а) подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе и бандитизма, б) принятие мер охраны и борьбы со шпионажем, в) охрана железных дорог и водных путей сообщения. г) политическая охрана границ СССР, д) борьба с контрабандой и переходом границ без соответствующих разрешений, е) выполнение специальных поручений Президиума ВЦИК или СНК по охране революционного порядка. На основании этого же постановления каждому арестованному, числящемуся за органами ОГПУ в продолжение двухнедельного срока, считая с момента ареста, должно быть предъявлено обвинение. Каждое дело, припаятое к расследованию органами ОГПУ, должно быть закончено в течение двухмесячного срока, считая со дня применения меры пресечения, и передано в соответствующие судебные органы для слушания, и если особые обстоятельства дела требуют дальнейшей изоляции, то ОГПУ об этом спрашивает разрешения Президиума ЦИК Союза ССР на срок, определяемый последним.

В другом постановлении ВЦИК от 16 октября 1922 года, которым тоже руководствуются органы ОГПУ, сказано, что на основании пункта «е» ст. 2-й постановления ВЦИК от 6 февраля 1922 г 1) в целях скорейшего искоренения всякого рода бандитских налетов и вооруженных ограблений предоставить ГПУ право внесудебной расправы, вплоть до расстрела, в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте

преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях (ст.ст. 76, 183 ч. 2, 184 У. К.); 2) в дополнение и развитие постановления ВЦИК о порядке высылки лиц, признаваемых социально опасными («С. У.» 1922 г., № 51, ст. 646), предоставить образованной, согласно декрета о высылке, комиссии при НКВД право высылать и заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки на тот же срок (не свыше трех лет): а) деятелей антисоветских политических партий (ст.ст. 60, 61, 62 У. К.); б) лиц, дважды судившихся за преступления, предусмотренные ст.ст. 76, 85, 93, 140, 170, 171, 176, 180, 182, 184, 189, 190, 191 и 220 У. К.; в) ГПУ обязывается отчитываться в своей деятельности перед Президиумом ВЦИК один раз в 3 месяца».

Надзор за закономерностью действий ОГПУ осуществляется прокурором Верховного Суда Союза ССР на основе специального постановления Президиума ЦИК Союза ССР. Прокурор Верховного Суда имеет помощника, утверждаемого Президиумом ЦИК Союза ССР, со штатом сотрудников, выделяемого специально для надзора за деятельностью ОГПУ. Надзор за закономерностью действий и распоряжений госполитуправлений союзных республик принадлежит прокурорам этих республик. Верховный Суд в порядке судебного надзора имеет право на рассмотрение и представление к отмене в Президиум ЦИК Союза ССР незаконных распоряжений и постановлений ОГПУ. ОГПУ имеет право направить в Верховный Суд на рассмотрение вопросы, относящиеся к компетенции Верховного Суда в области общего надзора за закономерностью, так и по судебному надзору, и эти вопросы по Положению о Верховном Суде подлежат обязательному рассмотрению Верховным Судом. На основании ст. 45 Конституции Союза ССР ОГПУ имеет своего представителя в Верховном Суде, утверждаемого Президиумом ЦИК Союза ССР.

М. Климов

ОБЩЕСТВА И СОБРАНИЯ. О.—добровольные планомерные объединения людей, ставящие себе задачей достижение какой-либо общей цели. Имея постоянную цель, О. рассчитано на более или менее длительное существование; этим оно отличается от простого С., рассчитанного на достижение какой-нибудь временной цели (выражение сочувствия и т. д.). Однако в виду того,

что С., по общему правилу, являются одной из форм деятельности О., поэтому обычно в каждом государстве и О. и С. регламентируются одновременно в одном законодательном акте. В зависимости от целей, преследуемых различными О., последние можно разбить на две категории: одни из них ставят себе задачей извлечение прибыли (напр., акционерные О.); другие, напротив, не имеют своей задачей извлечение прибыли и ставят себе различного рода идейные цели (культурно-просветительные, политические, профессиональные и т. д.). О. первого рода регламентируются нормами хозяйственного права. О. второго рода—нормами права административного. Далее, нередко бывает, что некоторые категории О. из числа не преследующих целей извлечения прибыли, по тем или иным соображениям, подвергаются в действующем праве специальной регламентации; именно так у нас обстоит дело, с одной стороны, с профсоюзами, а с другой—с религиозными О. Таким образом, мы будем иметь в виду только О., не преследующие целей извлечения прибыли и притом—за исключением профсоюзов (см.) и религиозных О. (см.).

Насколько О. представляет собою существо с точки зрения охраны власти господствующего класса явление общественной жизни, на это указывает исторический опыт всех буржуазных государств. Все буржуазные государства очень долгое время относились к О. отрицательно и подвергали как возникновение их, так и их работу чрезвычайно строгому полицейскому надзору. Отрицательное отношение буржуазных государств к О. находило себе 1) административно-правовое выражение в форме существования т.-н. концессионной системы, т.-е. такого порядка, при котором всякое О. могло возникнуть только с предварительного разрешения администрации, и 2) уголовно-правовое выражение в том, что организация неразрешенного правительством О. или состояние в таковом рассматривалось, как уголовное преступление. Буржуазное законодательство, запрещая формально О. как таковые, имело при этом, конечно, в виду главным образом организации, которые могли быть созданы угнетенными классами. Что буржуазное государство всегда имело при этом в виду не О. вообще, а именно организации, создаваемые угнетенными классами,—об этом красноречиво говорят

все законы буржуазных государств об О., которые издавались непосредственно после подавления всех тех революций, в которых выступали народные массы в качестве особой общественной силы со своими особыми общественными требованиями. Так, например, во Франции свобода союзов отсутствовала, вообще говоря, до 1901 г.; однако после подавления Парижской Коммуны, 14—23 марта 1872 г. был издан еще особый закон, который объявлял преступным посягательством на общественный мир интернациональный рабочий союз и всякую иную международную ассоциацию, ставящую целью устройство забастовок, уничтожение права частной собственности, семьи, отечества и религии; участникам таких ассоциаций этот закон грозил тюремным заключением до 2 лет. В Германии постановлением союзного сейма от 1854 г. на правительства отдельных германских государств возлагалась обязанность в том, что рабочие союзы, преследующие политические, социалистические или коммунистические цели, должны быть закрыты в течение 2 месяцев. В 1878 г. в Германии был издан закон против социалистов, которым на полицию возлагалась обязанность запрещать С. и закрывать союзы, которые «путем социал-демократических, социалистических и коммунистических домогательств задаются ниспровержением существующего государственного и общественного порядка».

Буржуазное государство держало О. под строгим полицейско-уголовным режимом не только в период господства торгового капитала и мануфактуры (абсолютной монархии), но и очень долгое время даже в эпоху господства промышленного капитала и перехода к конституционному строю. В Англии свобода С. и союзов ведет свое начало с 1832 г.; во Франции свобода С.—с 1881 г., а союзов—с 1901 г.; в Германии—с 1908 г. Дореволюционная Россия не дожидаясь даже и до буржуазной свободы союзов и С.; законом 4 марта 1906 г. под видом «свободы» установлен был в отношении союзов и С. самый настоящий запретительно-полицейский режим. Чрезвычайно типичной для буржуазного государства этой эпохи является постановка регламентации союзов и С. во Франции. По законам 1881 г. и 1907 г. С. можно устраивать не только без предварительного разрешения (явочный порядок), но даже и без предварительной заявки по-

лиции (за исключением С. на улицах и площадях); всякое С. должно закрываться не позднее 11 час вечера; полиция имеет право закрыть С. лишь в двух случаях: 1) если того требует президиум С. и 2) если в С. будут произведены насилия. По закону 1901 г. требуется предварительное разрешение и для открытия О. Предварительная заявка и предъявление устава требуется только для тех ассоциаций, которые желают пользоваться правами юридического лица; дела о закрытии ассоциаций подлежат ведению гражданского суда; ассоциация подлежит закрытию судом, если она преследует что-либо недозволенное, противное законам и добрым нравам и т. д.; формулировка здесь дается такая широкая, что суд при желании может закрыть любую ассоциацию. В Англии, в виду того, что там совсем отсутствует законодательная регламентация права союзов и С.,—суд имеет, в случаях надобности, еще большие возможности подвести под понятие «незаконного О.» какую угодно организацию. Таким образом, даже и «свободу союзов и С.», устанавливаемую буржуазным государством, нужно понимать в высшей степени условно и с целым рядом чрезвычайно существенных ограничений. Несмотря на все это, надлежит, тем не менее, констатировать несомненное облегчение форм надзора за О. и С. во всех передовых капиталистических странах в конце XIX и начале XX столетия (а в Англии даже и раньше). Причиной этого явления следует считать прежде всего то укрепление капиталистического строя и некоторое притупление классово-борьбы, которые имели место в это время в наиболее развитых капиталистических странах и которые, в свою очередь, явились следствием усиленной со стороны последних экономической эксплуатации колониальных и полуколониальных стран. Однако кроме этого, в основе указанного явления лежат и свои специфические причины. Дело заключается в том, что политические вожди буржуазии к этому времени достаточно хорошо успели убедиться в том, что в том обществе, где все принадлежит тем, кто имеет деньги, признать одно голое право союзов и С. не представляет особенно опасной вещи. В самом деле, ведь всякому О. необходимы известные материальные ресурсы: ему необходимо помещение для С., освещение, отопление, обстановка; для рас-

пространения своих идей ему нужно издавать книги, брошюры, газеты и т. д. и т. д. Таким образом, формальной свободой С. и союзов, установленной в законе, фактически могут воспользоваться только те, у кого есть деньги; для того же, у кого их нет, отсутствие их на фактическое использование свободы союзов и С. будет действовать не менее стеснительно, чем прямые полицейские запрещения, но зато в менее грубой и более скрытой форме. Какое громадное значение для использования права С. имеет хотя бы вопрос только о помещениях, указывают следующие факты. При обсуждении во французской нижней палате закона о С. 1907 г. социалистическая партия внесла проект возложить на мэров обязанность предоставлять в распоряжение граждан для С. общинные помещения; однако это предложение, естественно, не прошло. А английские лорды однажды на этом вопросе даже вздумали поспекулировать: в 1905 г. палата лордов приняла проект о предоставлении школьных помещений для публичных С.; проект этот, естественно, дальнейшего развития не получил.

Раз свободой С. и союзов фактически может воспользоваться только тот, кто имеет для этого материальные возможности, Конституция РСФСР 1918 г. и установила, 1) что «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы С. РСФСР; признавая право граждан советской республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. д., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных С. помещения с обстановкой, освещением, отоплением» (ст. 15 Конст. 1918 г. приблизительно в той же редакции—ст. 8 Конст. 1925 г.); 2) «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов, РСФСР, сломив экономическую и политическую власть имущих классов, и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации» (ст. 16 Конст. 1918 г.; в той же редакции—ст. 9 Конст. 1925 г.).

Что касается административно-правовой стороны вопроса об О., то партийные и

профессиональные, объединяемые ВЦСПС, организации рабочего класса совершенно свободны от административного надзора как в их возникновении, так и в их работе.

Однако, конечно, далеко не все общественные и культурные интересы рабочего класса и в особенности крестьянства могут уলেখься в рамки партийных или профессиональных организаций. Кроме того, советская власть поставила себе такие широкие задачи во всех областях культурного и хозяйственного строительства, что, без широкого развития общественной самодеятельности и общественной инициативы рабочих, и крестьян, и интеллигенции этих задач не достигнешь. Однако, с другой стороны, при допущении широкой свободы С. и союзов легко возможно объединение и контрреволюционных элементов, особенно опасное в первый период господства нового общественного класса. В виду всего этого действующее советское законодательство в отношении всех О., кроме профсоюзов и партийных организаций, не преследующих целей извлечения прибыли, установило особый порядок утверждения и регистрации О. и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли, а также и порядок надзора за ними; они регулируются в настоящее время декретом ВЦИК и СНК от 3 авг. 1922 г. (С. У., 1922 г., № 49, ст. 622) и декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. (С. У., 1922 г., № 49, ст. 623). Согласно этим декретам, для осуществления своей деятельности на территории РСФСР идеологические О. должны иметь утвержденный устав и подвергнуться установленной регистрации. Следовательно, для образования этого рода О. у нас установлен разрешительный порядок. Проекты уставов О., район деятельности которых ограничивается одной губернией (краем, областью) представляются на предмет утверждения в 3 экземплярах в губ. (обл., край) адм. отдел, вместе с заявлением об утверждении, с указанием имени, фамилии и адресов учредителей в числе не менее 10 подписей. Проекты уставов О., предусматривающие деятельность во всероссийском масштабе, представляются в НКВД. Названные органы обязаны в месячный срок со дня представления устава сообщить учредителям об утверждении или отказе в таковом, с указанием мотивов отказа. В утверждении должно быть отказано, если утверждаемое О.

по своим целям или методам деятельности противоречит Конституции РСФСР и ее законам. Отказ в утверждении может быть обжалован в президиум соответствующего исполкома. После утверждения устава О. обязано зарегистрироваться в НКВД или его местном органе, в зависимости от предусматриваемого уставом района деятельности; без такой регистрации О., хотя бы оно и имело утвержденный устав, не может открыть своих действий. На НКВД и его органы возлагается наблюдение за законностью деятельности О., в частности—предоставляется знакомиться с их денежными и хозяйственными операциями с точки зрения соответствия последних законам РСФСР и утвержденным уставам. В случае обнаружения в деятельности О. целей или методов, противоречащих Конституции РСФСР и ее законам, соответствующий адм. орган делает постановление об их закрытии. При уклонении О. от его устава, но без нарушения Конст. РСФСР и ее законов, О. должна быть предоставлена возможность принять в назначенный срок меры к устранению допущенных нарушений.

9 мая 1924 г. ЦИК и СНК СССР было издано постановление о порядке утверждения уставов и регистрации О., не преследующих целей извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего СССР, и надзоре за ними (С. У., 1924 г., № 63, ст. 626). Проекты уставов таких О. утверждаются СНК СССР, а регистрация их производится НКВД союзных республик, которые осуществляют и надзор за их деятельностью. Закрытие и ликвидация этих О. производится СНК СССР.

Порядок созыва С., съездов и совещаний различных организаций, союзов и объединений регулируется декретом ВЦИК от 12 июня 1922 г. (С. У. 1922 г., № 40, ст. 477) и декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. (С. У. 1922 г., № 49, ст. 624). Означенные съезды или совещания могут быть созываемы только с предварительного разрешения НКВД или его местных органов, по принадлежности. Прочие виды С. (за исключением партийных, профессиональных и ведомственных) в советском законодательстве пока не регламентированы.

Понятие о том, что представляют собою в РСФСР О., возникшие на основании закона от 3 августа 1922 г., могут дать следующие статистические данные на 1 октября

1925 г., опубликованные НКВД в «Статистич. обзоре деятельности местных адм. органов НКВД РСФСР» (вып. 6, М. 1926 г.): на 1 октября 1925 г. по РСФСР было зарегистрировано 1.094 общества; из них: научных и научно-технических—314 (31,6%), помощи и взаимопомощи—260 (26,2%), культурно просветительных—169 (17%). Время возникновения О. на 1 октября 1925 г.—993 (о которых есть сведения); из них возникли: в 1922 г.—46 (4,7%); в 1923 г.—222 (23,7%); в 1924 г.—377 (38,5%); в 1925 г.—324 (33,1%); следов., почти $\frac{3}{4}$ обществ возникли в 1924 и 1925 г.г. По району своей деятельности эти 993 общества распределяются так: СССР и РСФСР—69 (6,9%); губернии и области—389 (39,2%); города—346 (34,8%); округа—87 (8,8%); в сельск. местностях—102 (10,3%). В масштабе СССР и РСФСР работают преимущественно научные, литературные и художеств. О.; в сельских местностях—преимущественно культурно-просветит. и краеведческие. В составе членов О. интеллигенция составляет 68%, рабочие—16%, крестьяне—11%, учащиеся—5%. В составе правлений О.— $\frac{2}{3}$ беспартийные и $\frac{1}{3}$ —коммунисты.

А. Колесников

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ (Oeffentliche Meinung, opinion publique) — понятие, утвердившееся в политической жизни современных культурных стран приблизительно с конца XVII в. В Англии теоретическое обоснование роли О. м. впервые дает William Temple („Essay upon the origine and nation of government“); во Франции его значение подчеркивают Паскаль, далее энциклопедисты и просветители предреволюционной эпохи (Ламонтт-Ле-Вейе, Сюар, Гольбах, Гельвеций и др.), вплоть до известной писательницы наполеоновского времени, г-жи де-Сталь, которая называла «несчастливыми государственными людьми, не нуждающихся в О. м.». Аналогичный образ роли О. м. всячески подчеркивается и немецким либерализмом, и притом в самых различных вариациях, напр., в форме той «критической критики», с которой воевал в свое время Маркс. Наконец, общеизвестно, какое огромное значение О. м. придавала русская просветительная и либеральная интеллигенция, постоянно противопоставляя его, как критерий и

опору общественной деятельности, произволу самодержавно-полицейской власти и пользуясь этим достаточно широким термином в интересах обхода царской цензуры.

Уже это одно историческое развитие представлений об О. м. должно убедить нас в том, что мы имеем здесь дело не о какой-либо «абсолютной» социальной категорией. И совершенно недостаточны рассуждения, которые мы встречаем по поводу О. м. у таких авторов, как Гольцендорф, В. Бауэр, Тенниес, отсылающих нас порой к «массовой психологии», к «душе толпы», или как Лайси, ищущий опору рабовладельческой системы также в господствовавших О. м., и т. п. О. м. категория не абсолютная, но историческая, вызванная к жизни определенными историческими условиями развития буржуазного общества. С точки зрения взаимоотношений классов, такой исторической предпосылкой является борьба революционной буржуазии с феодальной государственностью. Идеологи буржуазии еще не дошли до материалистического понимания общественных явлений и в лучшем случае, говоря о человеке, как о продукте социальной среды, они должны были отводить в общественной жизни значительную роль влиянию «учреждений», «законов» государства. Но будучи противниками феодализма, они, естественно, не могли видеть в феодальном государстве источник дальнейшего социального прогресса и находили единственный выход из положения в обработке О. м. Отсюда то известное противоречие в их воззрениях, на котором подробно останавливался Плеханов: с одной стороны, человек—продукт социальной среды; с другой стороны—не эта ненавистная им «среда», но, наоборот, О. м. управляет миром» (Гольбах). Противопоставляя абсолютизму государства «общество», «общественный договор» и т. д., они сосредотачивали таким путем свои усилия на «просветительстве», на борьбе с «традиционными иллюзиями и мнениями», с «освященным небом безумием», с «незнанием яснейших начал политики».

Если к вопросу об О. м. подойти с точки зрения специфически-государственной организации, то здесь обнаруживаются еще некоторые существенные особенности О. м. оказывается не только формой борьбы буржуазного общества, но и характерным

ингредиентом буржуазного государства. Это понятие развивается вместе с представлениями о государстве, как об особой силе, отделившейся от общества и стоящей над ним, вместе с понятием государственного суверенитета, «общих» и «частных» интересов, вместе с «правами человека» и «гражданина», вместе с учением о разделении властей, буржуазным парламентаризмом и т. д. В нем находит себе отражение знаменитая идея «равновесия» взаимно-контролирующих друг друга государственных органов. О. м. является совершенно необходимым завершением этой системы; контроль органов О. м. является лучшей гарантией прочности буржуазного правопорядка. Поэтому, напр., по словам Маркса, французское национальное собрание накануне переворота Луи Наполеона должно было утратить свое действительное значение, раз «оно не позаботилось создать для буржуазного общества и О. м. самостоятельные органы, независимые от правительственной власти». «Ведя непрерывную борьбу с О. м., калеча и ослабляя всякие самостоятельные органы для движения общества», французская буржуазия тем самым «уничтожила жизненные условия для всякого, и следовательно, и для своего собственного парламентского господства». О. м. таким образом не только является «жизненным условием» французского государства: оно нуждается, помимо того, в особых самостоятельных органах. Совершенно очевидно, что мы имеем здесь дело не с «мнением» всех членов капиталистического общества, но с «мнением» эксплуатируемых классов, но прежде всего с постоянным контролем над государственной властью со стороны избранной верхушки господствующего класса. Но под «обществом» имеются в виду не только определенные общественные «круги», влияющие на государственную власть «косвенно». Проводя свои политические тенденции, господствующий класс вынужден в то же время вести борьбу за промежуточные элементы общества, за средние, колеблющиеся классы, за мелкую буржуазию. Необходимой гарантией равновесия системы буржуазной государственности является не только контроль государственной верхушки со стороны самого господствующего класса, но и видимость такого контроля со стороны средних классов. Понятие О. м. таким об-

разом расширяется: на ряду с государством появляется общество «критических личностей», либерально или радикально настроенной буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции

Каковы же те «органы» или формы, в которых осуществляется О. м. в буржуазном обществе? По отношению к исполнительной власти такой формой прежде всего является само «народное представительство»: последнее особенно отчетливо выявляется тогда, когда исполнительная власть приобретает значительные полномочия и когда «законодательные» учреждения по существу обращаются в учреждения «законосовещательные». Форма выявления О. м., которая имеет несколько более реальное значение, это—т. н. «всемирные голосования» (референдумы), голосования по отдельным профессиональным организациям и т. д. Практика в достаточной мере показала, что и эти как будто демократические способы выявления точки зрения масс теряют свое значение при господстве буржуазии благодаря сложным и выгодным для господствующего класса методам подсчета голосов и, что особенно важно, благодаря воздействию буржуазной печати. «Свобода печати», т. е. в переводе на язык материальных фактов, захват и подкуп печатного слова буржуазией, делает печать наиболее важным и существенным органом О. м. «Независимость» печати от правительственных органов—лучшее средство создать видимость общественного контроля над ними со стороны средних классов, и в то же время лучшее средство усыпить бдительность эксплуатируемых масс. Точно так же обстоит дело и с другой аналогичной формой контроля—с публичностью (гласностью) законодательной работы и судопроизводства. Законодательные и судебные органы внешне считаются с О. м.: депутаты отчитываются перед своими избирателями, заседания парламента и суда протекают публично—фактически гласность эта не подвергается частым ограничениям; и тем не менее, вся эта политическая система демократии оказывается идеальной формой господства буржуазии.

О. м., как социально-историческая категория, таким образом, тесно связано с существованием современной государственности, как необходимая дополнительная гарантия осуществления в легальных формах:

диктатуры господствующего класса—гарантия, вытекающая из самого факта обособления государственного аппарата от общества. Разумеется, совершенно иной характер носит наша, как говорят иногда, советская общественность. Самые особенности государственной советской организации в значительной мере изменяют не только классовое содержание нашей общественности, но и формы его выявления. Массовые организации, лежащие в основе всего нашего госаппарата, вплоть до низовых его этажей, представляют наилучшее выражение мнения рабочих и крестьянских масс: самое разделение функций правительственных органов и общественного контроля в известной мере уже теряет свое значение в наших вступающих на путь все большего оживления и расширения своей деятельности советах. Этими формами, однако, не может ограничиваться советская общественность. Ленин, указывая на бюрократические извращения нашего аппарата, учил не смешивать его функций с функциями профсоюзов. Профессиональные организации, их съезды, конференции, создаваемые ими производственные совещания, сельская потребительская и производственная кооперация—таковы дополнительные формы выявления советского О. м. И, наконец, печать—не «свободная» в буржуазном смысле печать, но печать, принадлежащая рабочему классу и его партии, печать, организующая огромную армию рабочих и крестьянских корреспондентов исправляющих своей деловитой критикой обнаруживающиеся недочеты нашего социалистического строительства,—таков третий могучий орган советского О. м.

Советская общественность, таким образом, относится к общественности капиталистических стран примерно так же, как советский (пролетарский) демократизм относится к буржуазной демократии. Не формальное «выявление» О. м., но создание подлинной общественности путем воспитательной работы и под'ема активности масс—такова характерная особенность нашего советского строительства.

И. Р.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОРИЦАНИЕ является одной из мер социальной защиты советского уголовного права. Оно применялось пролетарскими судами, начиная с первых месяцев существования советской власти:

так, по данным, опубликованным в начале 1919 г. тов. Курским, во II полугодии 1918 г. московскими народными судами было приговорено к выговору и О. п. 4,2% всех осужденных. Перечисляя «примерные виды наказания», могущие применяться советскими судами, «Рук. начала» 1919 г. упоминают—и притом даже на первом месте—«внушение» и «выражение О. п.» (ст. 25, п.п. «а» и «б»). Согласно У. К. РСФСР 1922 г. О. п. «заключается в публичном (на собрании, сельском сходе и т. п.) объявлении вынесенного судом осуждения данному лицу с опубликованием приговора в печати за счет осужденного или без такового». Издание этого У. К. привело, впрочем к сокращению применения О. п. нашими судами, что, само собою разумеется, вовсе не входило в намерения авторов У. К. и принявшего его ВЦИК: если, например, в I полугодии 1922 г. (т.-е. до введения У. К. в действие) нарсудами г. Москвы и Моск. губернии было приговорено к О. п. 5,4% всех осужденных, то во II полугодии того же года—всего 3,4% а в I полугодии 1923 г.—даже только 2,0%. Такой результат получился вследствие того, что ни одна статья Особенной части У. К. не указывала О. п. в качестве нормальной санкции за предусмотренное соотв. статьей преступление и что, таким образом применение судом О. п. оказывалось возможным лишь в порядке смягчения положенной по закону за то или иное преступление меры соц. защиты (ст. 28 У. К.); не прибегая к ст. 28 У. К. суд мог, правда, применить О. п. в качестве дополнительной меры наряду с избранной им, в соответствии с санкцией той или иной статьи Особ. части У. К., основной мерой соц. защиты, однако такого применения О. п. судебная практика почти вовсе не знала. Принятый ВЦИК в конце 1925 г. и введенный в действие с 1927 г., новый У. К. РСФСР предусматривает О. п. и в отдельных статьях Особенной части (ср. ст. 159 нов. У. К. об оскорблении). Следует в связи с этим, а также в связи с общей тенденцией нашего законодательства и судебной практики к сокращению применения лишения свободы, ожидать, что О. п. займет в практике наших судов более видное место, что будет вполне соответствовать той положительной оценке этой меры (меры «общественно-

педагогического характера», по выражению т. Скрышника), которая содержится уже в программе ВКН(б). Следуя статье 24 «Осн. начал» угол. законодательства СССР, новый У. К. РСФСР в ст. 39 характеризует содержание О. п. несколько отлично от У. К. 1922 г.: «О. п. заключается в публичном выражении приговоренному осуждения от имени суда».

В буржуазном праве могут быть сопоставлены с нашими О. п. такие меры, как выговор, опубликование приговора. Большинство бурж. криминалистов отрицательно относится к выговору, как к наказанию, мотивируя такое отношение тем, что выговор является «совершенно нерепрессивным». По действующему германскому У. К. выговор (Verweis)—мера, могущая быть примененной только к несовершеннолетним. Опубликование же приговора предусмотрено германским У. К. лишь как дополнительная мера удовлетворения потерпевшего. будучи допущено по делам о ложном обвинении и о публичном оскорблении. Современное французское право вообще не знает выговора (крупный франц. криминалист Garraud предлагал вновь ввести эту меру). Что касается опубликования приговора, то оно во франц. праве является обязательным последствием приговора к т.-н. «уголовным наказаниям» (смертная казнь, ссылка, строгое заключение — séclusion), но не к «исправительным наказаниям», вроде простого лишения свободы. Опубликование приговора, как формы самостоятельной меры уголовно-правового воздействия, вроде нашего О. п. буржуазному праву вообще неизвестно.

А. Э.

ОБЩЕСТВО—понятие, над определением которого немало потрудились мысль социологов и юристов. О., в смысле всей современной общественной организации, и О., в смысле юридического или морального союза, человеческое общежитие и «общества» животные или растительные, О организованное и О неорганизованное, О и община, О и государство—различение, порой весьма тонкое, всех этих смежных явлений, до сих пор находящих себе терминологически недостаточно отчетливое выражение, имеет весьма существенное значение для социальной науки и для юридической области в частности.

В развитии воззрений на О. у различных мыслителей немаловажную роль играли современные им общественные условия. Так, для древне-греческого философа Аристотеля (см.) высшей естественной формой общественной жизни была политическая община, единственно могущая обеспечить ее гражданам удовлетворение важнейших неотложных потребностей («автаркия»). Человек по природе своей существо общественное, политическое. Идеологи «естественного права» склонны были видеть в О. искусственный, механический агрегат индивидов, результат соглашения или договора. Согласно Гоббсу (см.), напр., в естественном состоянии «О. не существует»: в отличие от «согласий животных», политическое О. «создается искусственно», путем всеобщего признания верховной принудительной власти. Локк также видит в «едином общественном теле» продукт «соглашения большинства». Для Руссо (см.) «единственно естественной» формой человеческого сожителства представляется семья; высшая же форма О.—«ассоциация, гарантирующая своей совокупной мощью права личности и достоинство членов О.». Представители закрепившего за собой господство буржуазного класса склонны видеть в О. естественное явление: своеобразный, развивающийся по биологическим законам разделения труда, общественный организм (см. Органическая школа). К точке зрения на О., как на разумную или волевою «ассоциацию», возвращаются позднейшие буржуазные социологи, стоящие на психологической точке зрения. О. определяется ими, как «организация подражания» (Г. Тард); в отличие от животных О., человеческое О. «разумно и искусственно». «продукт коллективного разума» (Л. Уорд); О.—продукт психического взаимодействия людей (Г. Зиммель). С такой же точки зрения, связывая общественную жизнь в первую очередь с психикой и сознательными взаимодействиями людей, склонны рассматривать О. социологи-неокантианцы (Макс Вебер) и даже представители т.-н. австрийского марксизма (Макс Адлер).

Неудивительно, что при такой неясности критериев для определения О. наиболее радикальные из буржуазных мыслителей, как, напр. Л. Гумплович, предлагали вовсе отказаться от понятия «О.», как «не представляющего ничего реального»; и посвя-

тить внимание исключительно общественным группам, в борьбе которых протекает общественная жизнь („Grundriss der Sociologie“, 1885). Другой социолог, стоящий на экономической почве, Ф. Теннис, склонен видеть О. лишь в современном товаро-производящем О., О. раз'единенных, отчужденных друг от друга индивидов: этому О. (Gesellschaft), с которым по Теннису совпадает и сливается государство, исторически предшествует уже не О. в отрогом смысле олова, но общества, общины (Gemeinschaften), связанные единством воли („Gemeinschaft und Gesellschaft“, 1887). Различие между «О.» и «сообществом» вообще играет видную роль в немецкой социологии, стремящейся выявить постепенный перевес государственно-разумных моментов в историческом развитии. На нем настаивает поэтому и известный марксист-оппортунист Г. Кунов, видящий в государстве политическое «сообщество», которое, по его мнению, вовсе не должно отмереть, но должно развиваться в высшее «государство социалистического управления», в «хозяйственное сообщество».

Отличительной чертой почти всех перечисленных направлений—вплоть до русской народнической социологии—является то, что они склонны ограничиваться абстрактными рассуждениями об «О. вообще», готовыми и его определениями, не опирающимися на конкретное изучение современного товарно-капиталистического О. Общественная жизнь рассматривается ими с точки зрения якобы осуществляющихся в ней физических, механических, в лучшем случае, биологических законов; игнорируется классовая борьба, понятие государства сливается с понятием О., как необходимая и прогрессивная ступень развития общественного сотрудничества. В отличие от них, марксизм (см.) дал дальнейшее плодотворное развитие понятию «гражданского О.», которое было выработано еще созерцательным материализмом и далее разработано Гегелем, а теории классовой борьбы, зачатки которой имелись в воззрениях Сен-Симона. Марксизм, по словам Ленина, «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений» Марксистская теория, говорит он в другом

месте, «выработала понятие общественно-экономической формации, взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт—способ добывания средств к жизни; она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе данных отношений («производственных отношений») — по терминологии Маркса) указала ту основу О., которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм» О.—таким образом, не «договор», не союз, не механическая сумма частей, хотя и не биологический организм: оно представляет нечто новое, по сравнению с составляющими его людьми, некоторый качественный скачок; оно—особый социальный организм (Маркс).

Важнейшей отличительной чертой всякого О. в марксистском смысле является производственная связь людей в процессе производства ими необходимых средств существования; общественное производство—прежде всего материальное производство. Мериллом производительных способностей общественного человека являются производительные силы О. (подчиняемая человеческому труду природа, орудия и вообще средства труда—его техника и, наконец, самая рабочая сила). Формой того или иного определенного общественного производства людей являются общественные отношения производства. Их совокупность и образует ту или иную общественную форму. Политические юридические и т. д. отношения людей возникают уже, как нечто производное, как особая, специфическая форма, которую принимают в процессе своего исторического развития и на отдельных его ступенях материальные общественные отношения. «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, О., и притом О. на определенной исторической

ступени развития.—О со своеобразным, отличным от других характером. Античное О.; феодальное О., буржуазное О суть такие совокупности производственных отношений, из которых каждое одновременно означает особую ступень развития в истории человечества» (Маркс). В этом своем определении О. марксизм опирается прежде всего на конкретный анализ «гражданского», т. е. буржуазного, О. Изучив особенности этой наиболее сложной общественной формации, этой высшей формы доныне существовавших классовых обществ, сопоставляя их с другими общественными формациями, марксизм получает наиболее совершенное представление и о других предшествовавших ему О.

При таком понимании О., исходя из специфических особенностей социальной жизни, отпадают не только сопоставления с «О.» животных и растений, но и всякие аналогии с О в юридическом смысле, в смысле сознательного союза, корпорации (акционерными, научными О. и т. п.). Система взаимных потребностей и опосредствований, зачастую лежащая вне сознания ее участников,—вот что характерно прежде всего для О. в социологическом смысле: различие между О. и сообществом, общиной (Gemeinschaft) с этой точки зрения имеет известный смысл. Исторически, однако, такие более ранние «сообщества» (орда, род, земельная марка), которые К. Каутский называет «стихийно возникшими», в отличие от «планово организованных», и были ранними формами О. ранними общественными формациями. Современное товаропроизводящее О. отличается тем, что объединяет в единое социальное целое целый ряд прежних О., совпадая, таким образом, со всем человеческим общежитием. Зато это объединение человечества в товаро-капиталистическом О. утрачивает тот характер сознательного объединения, который оно носило на более ранних исторических ступенях и который оно приобретает вновь лишь в коммунистическом О.

И. Р.

ОБЩЕСТВО ЗЕМЕЛЬНОЕ определяется в З. К. РСФСР как «совокупность дворов, имеющих общее пользование землями» (ст. 43). Нельзя смешивать старое сельское

общество с известными административными функциями, являвшееся низовой административной единицей, с нынешним О. з. Последнее не имеет никаких административных функций и территориально может и не совпадать с границами сельсовета—новой административной единицей. Главнейшей целью деятельности О. з. является распределение земли между дворами и до известной степени—контроль за использованием земли его членами. По особому порядку принятия членов, по способу управления и по отсутствию непосредственно производственной деятельности, а также вследствие того своеобразия, что членство в О. з. связано с состоянием в крестьянском дворе,—это не есть кооперативная организация. Только О. з. с товарищескими формами землепользования (все коллективы) являются кооперативными объединениями. О. з. имеет некоторые обязанности государственного органа; как-то: распределение земли, ответственность перед государством за правильное использование земель (ст. 57 З. К. РСФСР), но поскольку О. з. не включено в систему административных, ведомственных учреждений, не находится в чем-либо прямом подчинении, оно не может быть названо государственной организацией. Однако наличие указанных выше функций не дает основания причислять его к частным организациям.

Таким образом, можно сказать, что О. з. есть своеобразное объединение, как бы остаток старого сельского общества, компетенция которого ограничена исключительно земельными отношениями. А отсюда для О. з. особое значение имеет форма землепользования. В РСФСР преобладает общинная форма землепользования, и можно сказать, что в большинстве случаев О. з. совпадают там с общиной. Украина, Белоруссия почти не знают общинной формы землепользования там преобладает подворное землепользование, почему и О. з. должно там иметь иной характер. Необходимо отметить, что ст. 43 З. К. УССР, так же, как и ст. 43 З. К. РСФСР, говоря о таком признаке существования О. з., как общее пользование полевыми землями, не дает никаких дальнейших указаний относительно форм этого общего пользования. Между прочим, отличие украинского зе-

мельного законодательства состоит в том, что там право на землю осуществляется «лишь в составе О. з., с подчинением установленному обществом порядку землепользования», а земельное законодательство РСФСР допускает осуществление земельного права «отдельно, без вхождения в состав земельного общества». Поскольку общее пользование землей осуществляется в формах общины, с ее принудительным севооборотом, постольку к О. з. относится все то, что сказано об общине (см.). О. з. в том виде, как они сейчас существуют, часто не имеют ничего общего с коллективной товарищеской формой землепользования, по основаны на индивидуальном хозяйстве двора.

Для перевода О. з. на кооперативные формы потребуется много терпения, настойчивости и времени, при чем никак нельзя утверждать, что О. з. являются единственным исходным пунктом процесса коллективизации.

Порядок разрешения земельных вопросов в О. з. также имеет своеобразный характер. Делами О. з. ведают, главным образом, сходы. Там, где границы землепользования О. з. совпадают с территорией сельсовета, последний исполняет роль выборного органа О. з. Следовательно, сельсовет по зем. делам является исполнительным органом схода О. з. и разрешает все важнейшие вопросы, касающиеся О. з. З. К. только упоминает о выборных органах О. з. (ст. 50), но не определяет, какими они должны быть. В результате О. з. лишено того, что имеет любой кооператив или коллектив, т. е. правления или совета. Упоминаемые в прим. к ст. 50 З. К. РСФСР «особые уполномоченные» фактически выбираются от случая к случаю, преимущественно для ведения спорных земельных дел. Сельсовет не контролирует деятельности О. з., т. к. контроль этот по З. К. возложен на волисполком (прим. к ст. 55 З. К.). Отсюда взаимоотношения О. з. с сельсоветом нельзя признать нормальными и соответствующими тому значению сельсовета, которое он должен иметь по Конституции. Следует еще отметить, что сход О. з. по земельным делам и общее собрание жителей селения, созываемое сельсоветом по всем другим вопросам жизни деревни, часто смешиваются при практическом проведении того или иного вопро-

са. Между тем, полноправными членами О. з. на сходе являются только взрослые члены дворов, ведущих земледельческое хозяйство, в том числе и лица, лишённые избирательных прав по конституции, а участвовать в общих собраниях, созываемых не по земельным, а по другим вопросам, имеют право все жители селения в том числе и безземельные за исключением лиц, лишённых избирательных прав.

О. з. может принять устав, на основе нормального устава, выработанного Наркомземом. Однако, поскольку обязательного перехода на устав не предусмотрено законом, лишь значительное число О. з. действуют на основе устава. В подавляющем большинстве в О. з. дела решаются сходом, от случая к случаю, по старому способу вынесения приговоров, содержание которых зависит от соотношения классовых сил деревни и борьбы интересов разных групп деревни. Сход не может быть орудием защиты интересов бедноты, т. к. соотношение сил на нем большею частью бывает не в пользу бедноты. Кроме того, самый способ беспорядочного созыва и проведения схода, где первенствуют крикуны и горланы, препятствует планомерному влиянию сельсовета в интересах бедноты. В этом отношении многое должно быть упорядочено и изменено.

О. з. может иметь общественное имущество, заключать договоры, искать и отвечать в суде и ходатайствовать в других учреждениях, при чем З. К. УССР прибавляет: «и иметь другие права, предусмотренные уставом», при чем устав для осуществления означенных имущественных прав признается обязательным. З. К. РСФСР об обязательности в этом отношении устава ничего не говорит.

Трудность разрешения гражданских исков, в которых участвует О. з., состоит в том, что имущественные права и обязанности отдельных дворов, составляющих юридическое лицо О. з., точно не определены. В какой пропорции дворы, входящие в О. з., отвечают или должны пользоваться имущественными правами—разрешить крайне затруднительно. Сводить же ответственность О. з., например, только к размеру общественного имущества—было бы неправильным. По целому ряду вопросов суду в каждом отдельном случае

приходится в порядке исполнения решения устанавливать принципы распределения между дворами прибыли или убытков в результате разрешения спора об имущественном интересе.

Что касается непосредственного права на землю, то его осуществляют входящие в состав данного О. з. дворы. Однако, такими общественными угодьями, как выгоны, лес, неудобные и запасные земли, распоряжается непосредственно О. з. В частности О. з. в праве сдавать запасные земли в аренду, но доходы от аренды поступают в волостной или сельский бюджет; самостоятельным правом сдачи земли под застройку О. з. не пользуется, т. к. такое право предоставляется зем. органам (ст. 71. прим. 2, Г. К.).

Вступление в О. з. новых членов зависит от усмотрения схода. Однако, безземельных жителей селения (напр., батраков, пастухов и т. д.), живших в селении долгое время, зем. комиссии, как видно по их практике, включают в состав О. з. и без согласия последнего

Помимо естественного вхождения в состав О. з. посредством рождения, З. К. знает еще вхождение во двор (мужчины или женщины) посредством брака, а, следовательно, и в состав О. з. Вступление во двор примаков по договору с членами двора может происходить с согласия О. з.

В тех О. з., где имеются излишки земельного наделения, может быть произведено доприселение, производимое по специальным правилам Наркомзема. При этом без согласия О. з. новые землепользователи, поселяемые на излишних землях, не могут быть включены в состав его, и, если такового согласия нет, излишки земли поселенцам выделяются из землепользования О. з. в порядке землеустройства.

А. Л.

ОБЩИНА. Русские народники идеализировали О., как самобытную коллективную организацию. Народники считали, что О. может содействовать переходу к социалистическому строю, может превратиться в ассоциацию, в коммуну с общим трудом земледельцев. В своей аграрной программе с.-р. делали ставку на О., как на хозяйственную ячейку, призванную осуществить социализацию земли. Резкую боевую критику этим взглядам народников и

с.-р. на О. и вообще народническим славословиям «общинного быта» дали в ряде статей и исследований Плеханов и Ленин.

Вопрос об О. занимал умы и многих других исследователей: экономистов, историков и юристов.

Народники опирались в своих взглядах на «самобытность» русской О. Однако самобытность русской О. отвергнута с разных точек зрения многими историками. М. Н. Покровский считает, что процесс феодализации шел по линии дифференциации О. Крупная поземельная собственность, по его мнению, «возникла «путем захвата более сильными семьями в О. себе все больше и больше земли».

«Для некоторых стран—Англия, например,—говорит М. Н. Покровский,—свободная О. как первичное явление, феодальное имение как вторичное, позднейшее, считается в настоящее время доказанным» («Русская История», т. I. изд. «Мир», стр. 34).

Вопреки мнению народников, является спорным древнее происхождение русской О. До XVI века по историческим памятникам нет следов земельных переделов, каковые прежде всего характеризуют О. М. Н. Покровский говорит о существовании у славян своеобразного коллективного землевладения «печищного» или «дворищного», которое, правда, имело черты первобытного коммунизма, но отличалось, например, от О. древних германцев, описанной некоторыми исследователями как ассоциация свободных и равных земледельцев. Эсеровская идеализация русской О. идеализация, пахнувшая славянофильским душком, и их представление о самобытности О. не имеют твердых научных оснований.

Самобытность русской О. опровергнута и в другом смысле. Многие иностранные исследователи находили общие черты западно-европейской О. с общинным землевладением в самых различных странах Азии, Африки и Америки (см. Ю. М. Тахтарев—«Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм», ч. II, глава XVII Развитие сельской О.). Что касается русской О., целый ряд произведений русских исследователей проводит тот взгляд, что великорусская О. не имеет корней в древнем патриархальном быте славян.

Еще в 50-х годах прошлого столетия профессор Чичерин в своей книге «Опыты по истории русского права» доказывал, что крестьянская О. в современном ее виде возникла сравнительно недавно и что ее возникновению много содействовали правительственные распоряжения. Проф. Сергеевич держался того же взгляда.

Сенат признавал О. юридическим лицом. Царское законодательство было довольно скудно и туманно в этом вопросе, как и во многих других вопросах, касающихся крестьянского землевладения. Между прочим, переделы—существенная особенность О.—в дореволюционном законодательстве не регламентировались вплоть до 1893 г. Практика переделов определялась обычным крестьянским правом и классовым соотношением сил каждой отдельной О. Вообще же в дореволюционное время О. выполняла прежде всего роль административной единицы и податного органа, способствовавшего, благодаря круговой поруке, выжиманию недоимок. Это значение О. сохранилось и после отмены круговой поруки. Деятельность общины была под бдительным надзором земского начальника, и фактически никаких прав свободного самоуправления О. не имела. Произвол по отношению О. со стороны власти, произвол мира, схода в отношении отдельных членов, классовая борьба внутри О. и преобладание во всех решениях схода влияния деревенской буржуазии—вот чем характерна дореволюционная О. Споры отдельных членов О. против решений схода не допускались в судебном порядке. Обжалование приговоров схода допускалось в административном порядке в учреждения по крестьянским делам, где, конечно, проводилась линия защиты верхушечных буржуазных слоев деревни с струей крепостнически-патриархальных тенденций. В настоящее время споры о происхождении О., ее юридической природе и т. п. потеряли свое значение, так как дореволюционной О., как таковой, советское земельное право не знает; земельные кодексы С. С. Республик знают земельное общество, в котором может быть общинная форма землепользования, а может и не быть, заменяясь подворной или товарищеской (коллективной) формой. Таким образом на юриди-

ческих и исторических изысканиях останавливаться долго нет надобности. Но споры об экономике О., об общинном быте, о взглядах на О., как на коллектив, до сих пор значения своего не утратили, и очень многим коммунистам, путающим О. с коллективом, не мешает вновь и вновь возвращаться к спорам с народниками об О. и ее судьбе.

Напомним суть этих споров. Плеханов говорит (т. II, стр. 236): «Сельские О. обнаруживают несомненную живучесть до тех пор, пока они не выходят из условий натурального хозяйства». Но развитие денежного хозяйства и товарного производства, дифференциации деревни разлагает О. и даже под внешностью сохранившегося общинного быта в виде уравнительности скрываются совсем иные отношения, а именно эксплуатация пролетарских и полупролетарских слоев деревни сельской буржуазией.

По поводу же «справедливого», уравнительного землевладения и «общинного духа» Ленин так высмеивал мелкобуржуазную романтику народников:

«Нельзя не отметить тут того мечтательного преувеличения значения О., которым всегда грешили народники. Автор выражается так, как будто бы «общинный быт» исключал буржуазию, исключал раздробление крестьян. Да ведь это же прямая неправда. Всякий знает, что и общинные крестьяне тоже раздроблены по правам и наделам; что во всякой наиобщинной деревне крестьяне опять-таки раздроблены и «по правам» (безземельные, наделные, бывшие дворовые, выкупившие наделы особыми взпосами, приписные и т. д. и т. д.), и «по владению»: крестьяне, которые сдали наделы, у которых их отобрали за недоимки, за то, что не обрабатывают и запускают, и которые снимают чужие наделы; крестьяне, имеющие «вечную» землю или «покупающие на года» по несколько десятин; наконец, крестьяне бездомовые без всякого скота, безлошадные и многолошадные. Всякий знает что в каждой наиобщинной деревне на этой почве хозяйственной раздробленности и товарного хозяйства растут пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах. А народники все еще рассказывают свои приторные сказки о каком-то «общинном быте» (т. II, стр. 39).

Все вредные стороны О., сковывающие развитие культурного земледелия, интенсификацию сельского хозяйства, тянущие назад к натуральному, отсталому хозяйству; сохранились до настоящего времени. Современное земельное общество с общинной формой землепользования не ушло далеко от тех ядовитых описаний хозяйственного состояния О., которые приводились Плехановым.

Особенности русской О.—принудительный севооборот (с преобладанием трехполья), общий выгон и выпас по озими и по парам, ежегодная дележка урожая травы на естественных лугах—приводят к полной невозможности для культурного и передового крестьянства вести хозяйство в рамках О. (см. письма крестьян в газ «Беднота» 1926 г., № 2578 и 2582)

О. не имеет будущего. Новые товарищеские, кооперативные формы земледелия могут родиться лишь из преобразования О в кооперативную организацию, или из окончательного распада и разложения О. Распространенное в настоящее время представление, что О. легче перевести на коллективную форму хозяйства, является глубоко неверным и ошибочным. Наоборот, по составу существующих видов селхоз. кооперации можно заключить, что отрубщики и хуторяне входят в кооперацию в значительно большем проценте, чем общинники. Диалектика общественного развития несомненно скажется и на О. Маркс, рассматривая на примере индийской О. разделение труда в период мануфактуры, говорит о том, что примитивный производственный механизм О. остается неизменным и тем самым характеризует общественное состояние азиатских государств. Этот примитивный первобытный механизм О. обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немислимо (Капитал, т I кн. I, Москва, 1909 г., стр. 323).

Наша О., не имеющая вообще и в помине каких-либо остатков первобытного общинного хозяйства, не создавшая ни в дореволюционный период, ни за время революции никакого нового «производственного механизма», очевидно, неспособна без уничтожения старых основ ее перейти к общественному крупному хозяйству. Попытки перехода на многополье всей О., общинного ведения лесного хозяйства об-

щинного улучшения лугов и т. п. не дают положительных результатов, в виду полной хозяйственной неорганизованности земельной О. и вообще земельного общества. По опыту видно, что только в тех случаях, когда крестьянство организуется в новый свободный тип кооперативного объединения—земледельческая артель или коммуна, машинное, молочно-льноводческое, животноводческое и т. п. товарищество,—получаются удовлетворительные и устойчивые хозяйственные результаты. И тем более нет оснований покровительствовать О., что учение Ленина о кооперации, как пути к социализму в стране мелкого и мельчайшего хозяйства диктует необходимость или полного и радикального преобразования О. в новую кооперативную форму организации землепользователей или упразднения О. с переходом на подворное и поселковое землепользование с целью расчистки пути для кооперации.

А. Лисицын

ОБЫСКИ И ВЫЕМКИ. Правильная организация судебного процесса является необходимым условием правильной судебной деятельности. Но правильная организация судебного процесса вообще и уголовного процесса в частности предполагает такое положение вещей, при котором в распоряжении суда имеются материалы, необходимые для разрешения дела по существу. Собрать и представить в распоряжение суда эти материалы—это чрезвычайно серьезная и ответственная задача.

Поручая в уголовном процессе разрешение этой задачи специальным органам (органам дознания, следственным органам) государство предоставляет этим органам и особые права, среди которых мы находим и т.-н. право О. и В.

И то и другое является средством отыскания и предоставления в распоряжение суда материалов, могущих играть роль доказательств (см.) по делу. Производство О. и В. имеет именно эту цель и поэтому ограничивается пределами, устанавливаемыми специальными правилами, находящими себе место обычно в У. П. К. (напр., в герман. Strafprozessordn. 1924 г., §§ 94—111; Code d'instruct crim. §§ 35—39 и др., У П К РСФСР—ст.ст. 175—188, и У П К др. республик).

Предметами О. и В. могут быть все те предметы, которые могут иметь значение для дела (ст. 175 У. П. К. РСФСР), при чем это «значение для дела» должно пониматься в смысле значения судебного доказательства, как это прямо выражено в германском *Strafprozessordn.* (§ 94), где говорится: «Предметы, которые могут иметь значение для дела, как средства доказательства», и т. д.

Дать перечень таких предметов и невозможно и не нужно: достаточно указать, что их характерным признаком является свойство «служить средством к обнаружению преступления и открытию виновных» (ст. 66 У. И. К. РСФСР). Только те предметы, которые отличаются этим свойством, и могут служить объектам О и В.

Правила, регулирующие производство О и В. по советскому уголовно-процессуальному праву, сводятся к следующему:

1) О. и В., т.-е. изъятия предметов из обладания тех, в чьем распоряжении они находятся, могут производиться как органами дознания, так и следственными органами (ст. ст. 101, 175 У. П. К. РСФСР); 2) они должны производиться днем; ночью — лишь в случаях, не терпящих отлагательства. Обязательно присутствие понятых, лица, занимающего обыскиваемое помещение, его домашних или соседей (ст. 177); 3) О. должно предшествовать оглашение или представление соответствующего постановления (ст. 179); 4) результаты О. и В. должны быть зафиксированы в протоколе, при чем к протоколу должна быть присоединена опись отбираемых предметов (ст. 183); 5) в протокол должны быть занесены все заявления и протесты, если таковые имели место во время производства О. или В.; копия протокола вручается обыскиваемому или его домашним (ст. 185); 6) отбираемые предметы и документы, кроме того, должны быть опечатаны (ст. 184); 7) при производстве О. разрешается открывать запертые помещения и хранилища, но с соблюдением осторожности в целях избежания излишних повреждений (ст. 180).

В. в почтово-телеграфных учреждениях производятся следственно-розыскными органами с разрешения прокуратуры (см.) и в присутствии представителя п.-т. учреждения (ст. 188).

В помещениях дипломатических представителей (см.) иностранных государств О. и

В. производятся лишь с разрешения НКВД и в присутствии прокурора (ст. 178). Выдача требуемых следственно-розыскными органами документов и вообще предметов. составляет обязанность государственных учреждений, должностных и частных лиц, при чем в отношении документов, носящих характер государственной тайны, могут устанавливаться по соглашению заинтересованных учреждений с прокуратурой особые условия, гарантирующие сохранение этой тайны (ст. 176)

А. Вышинский

ОБЫЧНОЕ ПРАВО. Это громкое и в свое время модное название ныне было бы правильнее заменить более скромным: *правовые обычаи*. Понятие О. п. возникает из противопоставления писаного права проще, закона и неписаного, т.-е. обычая в широком смысле слова. И как всякое понятие, связанное со столь непонятным термином, каковым в буржуазном обществе все еще остается право, и обычай является одним из наименее понятных социальных явлений. К правильному пониманию его можно прийти только тем же путем, как к правильному пониманию права вообще.

Для идеологов права это понятие останется навсегда непонятным. Это они являются творцами представления: «О. п. в виде убеждения существует до обычая и независимо от него» (Эртман). А этот взгляд в истории последних столетий повторяется несколько раз, каждый раз в совершенно различной обстановке: до французской революции (*coutumes*), в исторической школе права и в борьбе наших народников во имя обычая против проникновения в общину разлагающего капитализма. Мы видим каждый раз новую классовую обстановку, но каждый раз мы можем констатировать, что защитники обычая борются против прогресса, против революции и т. д. Иные результаты получаются, если мы к этому вопросу подходим не с идеологической, но с материалистически-социологической меркой. Что представляет собою первобытный обычай? Это разве право? До образования классов во всяком случае нет! Это просто привычное отношение производства, труда, а впоследствии и обмена, или, шире, всякое привычное взаимо-

отношение людей вообще. Причинных факторов тут много: инстинкт; просто бесомощная зависимость от природы, из которой еще не вполне выделился первобытный человек; в дальнейшем подражание, особенно в процессе наиболее успешных случаев борьбы с природою, а затем и с людьми и т. д., и т. п. Это повторные социальные явления способные при количественном повторении превратиться в качественно новые, «внутренне» или даже «внешне» обязательные правила поведения. Но разве все эти понятия можно бросить в одну кучу? Отнюдь нет.

Но каково отношение права к этим различным группам обычаев? «У большей части первобытных народов нельзя ясно отделить право от общенародных нравов... Можно бы сказать, что право возникает только с возникновением государства». Так писал еще Зибер (1884 г.), и правильно уже он отметил, что «право в нашем смысле» возникает только с государством, т. е. с государством класса, т. е. меньшинства. Значит, побеждает обычай меньшинства, это просто обычай, введенный «барином» прецедент, объявленный им, как судью, в свою же пользу. А обычай масс, угнетенного класса?

С ними право господствующего класса или вовсе не считалось, или считалось лишь постольку, поскольку они для права были безразличны, или поскольку они были слишком сильны по своей экономической основе, чтобы их искоренить насильственно. В последнем случае юридические обычаи иногда даже побеждали, образовывалось право компромисса. Строго классовое римское право признавало юридическое значение за обычаем (*consuetudo*), только как за санкционированной законом практикой многократно и одинаково повторяемых действий. Но позднейшее римское право (*jus gentium*) ввело в свою практику немало не-римских обычаев (особенно в области торговых отношений). В крестьянской общине земельное О. п. общинников, вытекающее из общинного, первобытно-коммунистического производства, очень стойко боролось против индивидуального капиталистического права. Крестьянские революционеры XVI ст. боролись во имя обычаев против рецепции римского права. Французские *coutumes*

были предметом серьезной борьбы во время французской революции и т. д. А когда наши крестьяне борются против праздников по новому календарю, то они по существу не столько поддаются влиянию попа, сколько сопротивляются перенесению своего хозяйственного уклада на две недели (13 дней).

Наиболее ярко теория О. п. проявила свой характер в исторической школе права. Это была чисто контрреволюционная классовая борьба против прогрессивно-буржуазного классового естественного права, тогда безусловно революционного. В этой борьбе историческая школа (Пухта, Савиньи и др.) впервые и дала свою теорию О. п. Против естественного права «революционного» разума она выдвинула теорию О. п. «народного духа» и его медленного развития «народного правосознания». «правовых убеждений народа» и т. д. Но если это так, если источник права в обычае народного духа для О. п., то достаточно уже единичного случая без неоднократного проявления этого народного духа. Сам Пухта требует неоднократного проявления обычая, чтобы его объявить правом; среди его последователей встречаются, однако, сторонники и первого взгляда. Но если историческая школа (см.) говорила не только о крестьянском, т. е. классовом или сословном О. п., а об О. п., как о продукте духа целого немецкого народа, выражающемся в прусском земском праве, то даже такой уверенный человек, как проф. А. Менгер, мог ответить, что ^{9/10}, т. е. неймущая часть этого народа, в этом творчестве народа не принимает никакого участия. Вообще эта теория отсталого класса была недолговечна. С победою капитализма буржуазия перешла к римским рационалистическим началам частной собственности, применительно к капитализму. Тут мало остается места для О. п. или «правовых обычаев». Их применение возможно только в случаях, когда они не противоречат писаному закону. Специально же допускаются обычаи в торговом и особенно международном гражданском праве, когда нет писаного закона.

И судебный прецедент все более теряет значение как источник права: его вытес-

няет писаный закон. Особенный вид О. п. составляют судебные прецеденты Англии—Америки, но это О. п. уже составляет то же писаное право и отличается от закона только тем, что его творит суд, т. е. более устойчивый классовый элемент, чем «смешанное акционерное общество—парламент»

Другой интересный случай борьбы во имя О. п. мы видели в России, где народнические партии, в том числе и революционеры отстаивали крестьянское О. п. против капиталистического, буржуазного гражданского права. Конечно, здесь надо строго различать обычаи, как чисто производственно-технические правила вызываемые просто необходимостью данного периода, и реакционно-утопические иллюзии.

В борьбе классового права обычай обыкновенно играет контрреволюционную реакционную роль. Соответственно этому к О. п. относится тот или иной закон. Большинство европейских законодательств требует для применения обычая в каждом данном случае особого разрешения—статьи закона (французский австрийский и др. кодексы). Германское новое гражд. уложение не допускает обычая и артикулярного, т. е. отдельных штатов, ибо это противоречит созданию единого кодекса. Швейцарское гражданское уложение а равно и герм. торг. кодекс допускают обычай при отсутствии положительного закона и т. д.

Казалось бы что для побеждающего пролетариата отрицательное отношение к правовому обычаю само собою разумеется, что революционное «правосознание» имеет больше общего с революционными естественным правом Великой французской революции, чем с обычаем и духом народа исторической школы. К сожалению, вопрос оказался сложнее, чем нам могло казаться. Если мы с писаным правом старого режима легко справились, то под видом обычая старое право еще держится довольно крепко. Оно властвует и будет довольно долго властвовать в крестьянстве, где мы его даже признаем, поскольку оно безразлично для нашего революционного права и поскольку крестьянство добровольно не хочет от него отказаться. Мы его в известной степени терпим и в торговом оборо-

те, поскольку мы этой областью еще недостаточно овладели организационно, а то и по простому недоразумению. Мы ему отводим лишь ограниченное место в гражданском праве в виде ссылки на отмененное право, но только в интересах трудящихся масс и государства (ст. 5 Вводного Закона Г. К.). В трудовых или публично-хозяйственных отношениях у нас нет места обычаю. Нет места обычаю и в теории, ибо наше революционное право выводится из прогресса экономических отношений и из революционного декрета, как организованного способа воздействия авангарда класса трудящихся, т. е. пролетарского правительства, на общественные отношения в общегосударственном масштабе

II. Стучка

ОБЪЕКТ ПРАВА—одно из основных систематических понятий юриспруденции, теснейшим образом связанное с понятием правоотношения и субъективного права. «Всякое действительное право есть право на что-нибудь» (Коркунов). О. п., как отвлеченное и общее понятие, не связан с какой-либо отдельной отраслью права, но тем не менее, подобно большинству абстрактных юридических категорий, он имеет наиболее ясный и точный смысл в гражданском праве и специально в имущественных отношениях. Сравнительно легко ответить на вопрос, что составляет О. п. собственности или права залога, или права наследования; наоборот, среди юристов велись большие споры относительно того, что составляет объект, например, пассивного избирательного права, или О. п. гражданства. Трудности, которые при этом возникали, заставили даже некоторых утверждать существование безобъектных прав (Беккер).

У римских юристов с их практическим, не философским складом мышления отвлеченное понятие О. п. вовсе отсутствовало. Оно заменялось более конкретной категорией вещи—*res*—куда относились также и люди—рабы. К правам на вещи по своим формальным юридическим признакам близко подходила власть домовладыки над женой и детьми (*patria potestas*). Конкретному пониманию О. п. вполне соответствовали и отсутствие у римлян отвлеченного понятия субъективного права, которое тоже выступало в конкретной форме

иска—*actio*. Отсюда установившееся у римских авторов систематическое подразделение на лица (*personae*), вещи (*res*), иски (*actiones*).

Некоторую способность к обобщению проявили римские юристы, подразделяя вещи, как *О. п.*, на телесные (*corporealia*) и бестелесные (*incorporealia*), куда относились, например, права наследования, право пользования полями.

Развитие оборота и обязательственных отношений выдвинуло как особый *О. п.*, действия обязанного лица. Права на вещи и права по обязательствам объединяются в общем понятии имущества.

Учение об *О. п.* принимает отвлеченный характер соответственно с развитием абстрактного учения о субъективном праве как общей способности лица, т. е. в буржуазной юриспруденции XVIII и XIX вв. На этой стадии развития юридической мысли возникает целый ряд трудно разрешимых проблем. Во-первых, благодаря попыткам указать объекты так называемых публичных субъективных прав, во-вторых—благодаря стремлению строить систему права из основного понятия нормы, понимаемой как императив. Если основное в праве—императив и вытекающая из него обязанность, то, например, *О. п.* собственности логически оказывается не сама вещь с ее свойствами потребительской и меновой стоимости, а нечто отрицательное: воздержание всех прочих людей от действий, препятствующих собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться собственностью.

Такие формально-догматические построения, отрывающиеся от экономического содержания юридических категорий, характерны для новейшего времени когда в буржуазной юриспруденции руководящая роль по части разработки общих вопросов перешла от цивилистов к публицистам.

Е. И

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ—

правила (нормы), издаваемые местными советами и исполкомами или центральными ведомственными органами (наркоматами) и устанавливающие обязанности населения с определенной ответственностью за их невыполнение. Следовательно, *О. п.* есть норма, общее правило, которое распространяется на все предусматриваемые им случаи

жизни. С этой точки зрения *О. п.* есть как бы местный закон (см.), который от законов, издаваемых центральной властью, отличается только тем, что ограниченнее та территория, на которую оно распространяет свое действие. Это обстоятельство делает *О. п.* очень важной категорией среди других видов распоряжений административных органов, и поэтому в законодательстве всех государств имеются особые законы, определяющие специально порядок издания *О. п.*: порядок этот во всех странах более или менее одинаков. Наиболее важным является вопрос об *О. п.*, издаваемых местными органами; поэтому этот вопрос и надлежит рассмотреть в первую очередь. Порядок издания *О. п.* в настоящее время у нас регламентирован: 1) для вигов и риков—декретом ВЦИК и СНК от 6 апреля 1925 г. («С. У.» 1925 г., № 24, ст. 170) и 2) для всех прочих исполкомов и горсоветов—декретом ВЦИК и СНК от 28 июля 1926 г. («С. У.» 1926 г., № 39, ст. 304).

Кто может издавать *О. п.*? По действующему законодательству *О. п.* могут быть издаваемы: 1) краевыми, областными, губернскими и окружными исполкомами, их президиумами, городскими советами соответствующих городов и их президиумами; 2) уездными исполкомами и их президиумами, городскими советами уездных городов и иных городов, население которых превышает 5 тыс. чел., и их президиумами, и 3) волостными и районными исполкомами и городскими советами городов, имеющих население менее 5 тыс. чел. Права перечисленных трех категорий органов советской власти на издание *О. п.*, а также и на установление взысканий за их нарушение чрезвычайно различны, о чем будет сказано ниже. Все другие местные учреждения, кроме перечисленных, в том числе и отделы исполкомов, права издавать *О. п.* не имеют и в случаях необходимости должны входить ходатайством об издании *О. п.* в соответствующий исполком и горсовет. Исполкомы и горсоветы не имеют права поручать подведомственным им учреждениям издавать *О. п.* а равно передавать нижестоящим исполкомам свои полномочия в отношении издания *О. п.* Инструкции по применению *О. п.* из-

даются тем же органом, который изда-
ет соответствующее О. п.

Круг действия О. п. Действие
О. п. может распространяться как на всю
территорию соответствующей административно-территориальной единицы, так и на
определенную часть ее. Поэтому в
каждом О. п. должна быть точно указана
та территория, на которую распространяется
действие данного О. п. Далее, в отношении
лиц действие О. п. распространяется как
на частных лиц, так и на государственные
учреждения и предприятия и общественные
организации, при чем соответствующие
должностные лица за нарушение О. п. не-
сут в административном порядке такую же
ответственность, как и частные лица.

Предметы, по которым могут
быть издаваемы О. п. Компетен-
ция местных органов на издание
О. п. может быть определена в
законе двумя способами: 1) способом об-
щего определения, когда закон просто гово-
рит, что местные органы могут издавать
О. п. в пределах их общей компетенции, и
2) перечневым способом, когда в законе
точно перечисляются те предметы, по ко-
торым местными органами могут быть из-
даваемы О. п. Первый способ является бо-
лее простым для законодателя, более удоб-
ным для местных органов при осуществле-
нии ими своих задач управления, и, пожа-
луй, он более соответствует и тому общему
организационно-правовому положению, ко-
торое занимают местные органы в системе
советского строя. Во избежание злоупотре-
блений со стороны местных органов в на-
стоящее время принят, однако, второй спо-
соб, и для каждой из вышеуказанных трех
категорий советских органов точно перечи-
слены те предметы по которым они могут
издавать О. п. В виду этого местные органы
своими О. п. могут регулировать только те
вопросы, которые предусмотрены в соответ-
ствующих статьях вышеуказанных двух
декретов, а также по которым право изда-
ния О. п. им предоставлено особыми зако-
ноуказаниями; такие особые полномочия, напри-
мер, содержатся в отдельных статьях У. К.
(ст. ст. 217, 218 и т. д.). Те же самые пред-
меты, по которым местным органам предо-
ставлено право издания О. п. могут быть
урегулированы центральными органами. В

виду этого действующее законодательство
об О. п. устанавливает твердое правило,
что О. п. не должно противоре-
чить действующим на территории РСФСР
законам а равно постановле-
ниям, инструкциям и другим
актам народных комиссариатов и вы-
шестоящих исполкомов, или повторять со-
держание означенных актов.

Порядок издания О. п. В отно-
шении порядка издания О. п. действующее
законодательство устанавливает только то
общее правило, что О. п. должны быть под-
писаны председателем исполкома или гор-
совета или их заместителями, скреплены
секретарем и опубликованы во всеобщее
сведенье.

Срок действия О. п. В каждом
О. п. должен быть указан срок всту-
пления его в силу. Срок этот не
может быть менее 2 недель со дня опубли-
кования О. п. в каждой местности, на кото-
рую распространяется его действие, за ис-
ключением случаев особой срочности, как-
то: расквартирование проходящих войск,
борьба со стихийными бедствиями, эпиде-
миями, эпизоотиями. О. п. могут быть изда-
ны на срок не более одного года со дня
введения в действие. По истечении срока
его действия О. п. теряет силу, если не бу-
дет подтверждено и вновь опубликовано
органом, его издавшим. Установление в
законе максимального и притом такого ко-
роткого, как один год, срока действия
О. п. представляет собою новшество, не
встречающееся в других законодательствах.
Именно этим обстоятельством можно об-
яснить стремление многих мест-
ных исполкомов составлять сво-
дки своих О. п. в форме местных кодек-
сов, чтобы возобновлять их действие одним
актом вместо того, чтобы следить, когда
кончается срок каждого из многочислен-
ных изданных данным исполкомом О. п.

Надзор за О. п. Двухнедельный
срок, который установлен для вступления
в силу изданного О. п., введен за тем, что-
бы вышестоящий исполком имел время по-
лучить, ознакомиться и в случае надобно-
сти отменить изданное нижестоящим сове-
том или исполкомом О. п. Это правило
усвоено только действующими законами об
О. п. и не было известно декрету от

27 июля 1922 г. Высшестоящим исполкомом О. п., изданное нижестоящим советом или исполкомом, может быть отменено как по соображениям его незаконности, так и по соображениям нецелесообразности.

Порядок ответственности за нарушение О. п. в каждом О. п. должно быть указано, в каком порядке—судебном или административном—граждане будут нести ответственность за его нарушение. При этом местные советы и исполкомы в одних случаях могут, по своему усмотрению, устанавливая ответственность либо в судебном, либо в административном порядке; в других они обязаны устанавливать ответственность только в судебном порядке и, наконец, в третьих, только в административном порядке. Первое местные советы и исполкомы могут делать, когда им это разрешает У. К. (напр., ст. 141 У. К.); второе—когда У. К. определенно указывает на ответственность в судебном порядке за нарушение О. п., издаваемых по данному предмету; третье—когда У. К. определенно указывает на ответственность в административном порядке за нарушение О. п., издаваемых по данному предмету, или когда О. п. издано по предмету, вовсе не предусмотренному У. К. Судебный порядок ответственности за нарушение О. п. гарантирует населению большую основательность наложения взысканий; административный порядок обеспечивает большую быстроту наложения взысканий за нарушение О. п. а следовательно, и более интенсивную регулирующую силу О. п.

Порядок издания ведомственных О. п. пока не урегулирован какими-либо общими правилами, и право отдельных наркоматов на издание О. п. по тому или иному отдельному предмету, а также и порядок ответственности за их нарушение зиждутся на отдельных законодательных актах. Случаи предоставления наркоматами права на издание О. п. крайне немногочисленны. НКПС напр., предоставлено право издавать О. п. в целях обеспечения порядка и безопасности движения в пределах отчуждения жел. дорог и водных путей: издание О. п. наблюдается в практи-

А Колесников

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПРАВО. По существу эта глава гражданского или хозяйственного права, подавляющая по размерам, занимается целиком и исключительно правовыми отношениями, относящимися к обмену. Все остальное, оказывающееся в этой главе, лишь искусственно попало туда по мере того, как в буржуазном обществе все превратилось в товар. Таким образом, эта глава дает «формальное опосредствование» отношений обмена, вернее естественного обмена веществ общества товаропроизводителей. Однако не всякий обмен подходит под рубрику О. п. В случае, когда обмен происходит за «наличный расчет», никаких обязательств как будто не возникает. Совершенно правилен вывод сделанный т. Пашуканисом, что право вообще имеет дело в первую голову, если не исключительно, лишь с нарушением его. Наоборот, нормальное отношение сразу не фиксируется, как правовое «оно просто существует». Во всяком случае, это положение остается вне спора по отношению к О. п. Формальное обязательство (по-немецки *Schuld* — долг) возникает и предупреждение, по крайней мере будущего спора; напротив, неформальный обмен происходит просто на деле. «Купля-продажа за наличный расчет может быть совершена и в устной форме без ограничения суммы» (наш Г. К., ст. 184). Миллиарды таких сделок, т. е. простых покупок, совершаются в лавочке, на базаре и т. п., и никто обыкновенно и не думает при осуществлении этих сделок о каком-либо праве. Характерно еще и то, что тут даже в названии подчеркивается лишь обязательство, а не право требования: обязанность, долг, а не правомочие.

Не стоит останавливаться на бесконечных рассуждениях буржуазных правоведов о характере и пределах права обязательственного и «противоположности его—праву вещному». В первом, мол, преобладают отношения лица к лицу, во втором лица к вещи, как утверждают буржуазные юристы. В своей интересной работе т. Пашуканис исходит от О. п., как основного права, и на нем строит всю историю права и его возникновения вообще. Он прав постольку, поскольку товарообмен является основой этого права и поскольку к нему впервые и исключительно относится применение равенства, эквивалента,

приложение одинакового масштаба и т. д. Можно сказать, что выражение Маркса «буржуазное право» (в «Готской программе») целиком относится к О. п. О. п., как последствие развития денежного хозяйства, стоит в резкой противоположности к феодальному праву, с особенно характерным для него вещным правом, как обладанием вещью вместе с людьми, вернее землю с живущими на ней живыми лицами, только не в отношениях к этой земле и к этим крепостным людям, но к другим феодалам или вообще свободным людям. С победою капитализма победило буржуазное, в первую очередь О. п. и вещные права начинают принимать обязательственный характер. Раб более не вещь, а рабочая сила «свободного» наемного раба-рабочего. Даже земля мобилизовалась, превратилась в товар, простой титул на земельную ренту.

Так буржуазное право дошло до полного смешения двух родов двух разных областей права, вещного и обязательственного, с иреобладанием О., превращающегося, однако, в новую обновленную систему вещного права, как отражения нового господства над людьми, при помощи вещей. Характерно, что прославившийся у нас сверх меры герм. проф. Гедеман в своих жиденьких теоретических пояснениях дает чолговому *Schuldrecht* (т.-е. О. п.) следующее всеобъемлющее определение: «Выделяя из взаимоотношений людей, все, что относится не к праву (дружба, товарищеские, профессиональные и т. д. отношения) а равно и область семейных отношений все остальное можно определить, как «деловые» (*geschäftliche, rechtsgeschäftliche*) взаимоотношения (*Verkehr*) людей. Они и совпадают с О. п.»

Мы, стоя на точке зрения Маркса (ср. его «Капитал»), относим к О. п. всю совокупность отношений обмена и этим ограничиваемся.

Мы таким образом, последовательно, как основное отношение О. п., на первое место ставим простую «мену» в ее наиболее обычной форме «купли-продажи»: товар — деньги, деньги — товар, включая туда и товар — рабочую силу. «Даю, чтобы ты дал; даю, чтобы ты сделал; делаю, чтобы ты сделал; делаю, чтобы ты дал». Такова рим-

ская простейшая формула О. п.: «Do ut des, do ut facias; facio ut facias, facio ut des».

Далее идет с с у д а - з а е м. Маркс (в «Капитале» III, I) показывает, что и это есть также продажа-ссуда и купля-заем. Но в чем тут заключается «меновая стоимость», составляющая предмет купли-продажи, так как ссуженный капитал (деньги) подлежит возврату? «Потребительная стоимость денег, как капитала, заключается в том, что он способен производить среднюю прибыль». Как рабочая сила по ходу истории превратилась в товар, так и эта способность денежного капитала стала товаром. Капитал сам просто возвращается собственнику. А эквивалент (цену) в этой купле-продаже составляет средняя прибыль, средний процент

Эту несколько сложную мысль Маркса мы можем легко пояснить примером. Рабочий, панимаясь на работу, продает на время не самого себя, а лишь свою способность приносить прибавочную стоимость, ибо сам он подлежит возврату. Продажа себя в рабство формально запрещена. Также ссуда капитала, как «сгущенной рабочей силы», заключается в продаже способности приносить среднюю прибыль а капитал сам подлежит возврату.

Имущественный наем (аренда) представляет, но этой конструкции, ту же куплю-продажу, при чем тут предметом купли является право пользования имуществом, вещью просто, или право извлекать из него доходы в особенности. Эквивалент (цену) исчисляют из капитализированного предмета найма, как воображаемого («умственного») денежного капитала.

Если в последних двух случаях применение института купли-продажи несколько непривычно, то по отношению к купле-продаже рабочей силы оно каждым марксистом вполне усвоено уже по I тому «Капитала». К этому роду купли-продажи относится как личный наем (купля-продажа рабочей силы непосредственно), так и подряд (купля этой силы через посредника).

У нас договор личного найма и О. п. изъят и отнесен в особый Т. К. (см. Трудовое право). Таковы

основные договоры, имеющие своим предметом обмен товаров. Особое место во главе О. п. занимают обязательства без договора, куда наш Г. К. относит неосновательное обогащение (см.) и причинение вреда (см.). Первый институт имеет в виду некоторый принудительный обмен ценностей: А получил без договора или сверх договора известную ценность, в пределах данного кодекса гражданского права. Принцип равенства эквивалента, т.-е. «гражданская справедливость», требует его возмещения. Труднее решить вопрос о причинении вреда, но и тут вопрос сводится к тому же принудительному обмену эквивалентами. Вся атмосфера обмена эквивалентами-товарами предполагает известное имущественное равновесие, нарушение которого вызывает в пользу потерпевшего известное право, однако, без лишнего ущемления нарушившего это равновесие (см. Вред). Гражданское право по отношению к имуществу вводит меры и мущественного воздействия, для неимущего имеются лишь скорпионы уголовного и административного воздействия («возмездия»)

Еще в О. п. мы видим институты: дарение — это мена без эквивалента, вернее, без видимого эквивалента: поручение (доверенность) — это нечто среднее между договором отчуждения раб. силы и замены субъекта права его представителем. Такую же среднюю роль играет товарищество, поскольку оно устанавливает отношения между товарищами и поскольку оно придает известную форму (юридического лица) коллективу субъектов права. В договоре страхования страховщик покупает эквивалент вещи условно, на случай гибели самой вещи, что вытекает из тех же отношений капитала, а за это уплачивает часть прибыли с вещи в виде страховой премии.

По нашему Г. К. этим ограничивается круг обязательств, поскольку такие не введены иными законами; распространительное толкование Г. К. в этом отношении не допускается в силу ст. 5 и 6 вводного закона.

Но на той ступени развития капитализма, когда почти весь обмен товаров происходит не непосредственно, а через осо-

бый класс торговцев, право осложняется. Купля-продажа этим классом совершается уже не в целях обмена эквивалентов, как это происходит в простом обмене. «Дешево купить, чтобы дороже продать — таков закон торговли, а не обмен эквивалентов» Возникает совершенно новая отрасль права под общим названием «торгового права», вначале как право, имеющее предметом «опосредствование отношений торгового капитала»¹⁾. Оно возникает, как и всякое право вообще, в форме обычаев и судебных прецедентов; потом оно излагается в виде специальных уставов (напр., вексельный устав). Часть этих отношений с дальнейшим развитием торгового капитализма переходит в общее гражданское право, часть же кодифицируется в особое торговое право. Характеристика торгового права сводится, главным образом, к быстроте и к упрощению разрешения вопросов, к урегулированию специальных вопросов коммерческого оборота, неизвестных обыденной жизни. Установлению известных строгостей взыскания, а с другой стороны, большей гибкости в исполнении. Обыкновенно торговое право считается исключительным правом и подсудно исключительным судам или обычным судам в упрощенном порядке. Отношение к торговому праву и торговой подсудности зависит либо от принадлежности сделок к торговым, либо от принадлежности сторон (или хотя бы одной стороны) к торговому классу. Здесь еще более бесспорно то положение, что торговое право относится только к отношениям обмена, изредка и производства. Но в последнем случае при условии участия в деле представителей торгового капитала.

У нас часть институтов «торгового права» уже принята, напр., положение о векселях, чек (по уставам банков) и т. д. Выработан даже проект особого Торгового Кодекса. Пока еще идет борьба вокруг этого Кодекса, но некоторые институты, как, напр. несостоятельность, положительно

¹⁾ У буржуазных юристов (напр., у Гедемана) мы встречаем прямые недоумения, почему в римском праве не было особого торгового права. В римском праве революцию права произвело т.-н. *jus gentium*, что представляло собою нечто в роде торгового права.

необходимы, маклерство и комиссионные сделки уже введены на деле. Спор идет больше о том, необходимо ли эти институты объединить в особый кодекс «торговцев», т.е. создать известный кодекс привилегий для разряда лиц, политически имеющих, поскольку они не являются представителями Госторга, лишь, так сказать, отрицательные привилегии, т.е. лишенные по конституции избирательных прав. Но это все формальные соображения: торговое право может существовать и без особого торгового кодекса и без особых торговых «коммерческих» судов.

Общие начала нашего *О.* и. изложены под словом «Обязательство».

II. Ступки

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО. Определение *О.* дано в статье об обязательственном праве. Оно составляет один из полюсов каждого правового отношения, где оно, как обязанность (должника) противостоит противоположному полюсу — и правомочию, и притязанию (кредитора). Характерно, что этот полюс правовых отношений, а не притязание, требование, присвоил название специальному буржуазному праву, обязательственному. В древнем римском праве «облигация» приравнивается к прочным «кандалам права», «*vincula juris*», чтобы этим характеризовать основной смысл права, как средства осуществления спорного притязания. Буржуазная революция очистила договор от его римских и феодальных традиций, но название осталось без изменения. Правда, герм. кодекс отделил об *О.* называет отделом о «праве требования», но общее название «*Schuldrecht*» — долговое, обязательственное право — осталось. Общую характеристику *О.* мы рассматривали под общим названием сделки. Здесь обратимся непосредственно к нашему Г. К. (ст. ст. 106—129)

Возникновение *О. О.* у нас возникают из договоров и других, указанных в законе, оснований, в частности вследствие неосновательного обогащения (см.) и вследствие причинения другому лицу вреда (см.) Значит договор является одним из видов *О.*, и поэтому все общие соображения о нем относятся и к договорам. «В силу *О.* одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого лица

(должника) выполнения *О.*, т.е. определенного действия относительно предмета *О.* в частности, передачи вещи или уплаты денег, либо воздержания от действия». Но, конечно, для цели *О.* буржуазного права безразлично лицо исполняющее, важен лишь результат *О.* в сущности всегда оцениваемый на всеобщий эквивалент — деньги.

Передача, уступка требования кредитором другому лицу, которое тогда становится кредитором со всеми правами, допускается без особого согласия должника, поскольку это не противоречит закону или договору или поскольку требование не связано с личностью кредитора. Но должник должен быть уведомлен о передаче, иначе он вправе исполнение считать прежнему кредитору: передавать возможно и спорные требования напр., предъявленный иск и присужденное уже требование в виде исполнительного листа.

К приобретателю требования переходят и все права, обеспечивающие требование, но с особенной передачей. Уступка обуславливается по законам о купле-продаже, почему уступивший отвечает лишь за действительность долга, а не за благонадежность должника (ст. 202). Перевод должником своего долга на другое лицо не допускается иначе, как только с согласия кредитора, при чем и обеспечение долга, поручительство и залог со стороны третьего лица прекращаются с переводом долга, если законодатель и поручитель не изъявили согласия отвечать и за нового должника. Буржуазное право, всюду подчеркивающее равноправие сторон и твердящее о безразличии для него экономического неравенства сторон, здесь по отношению к должнику этой фикции не поддерживает, ибо кредиторы свободно обменивают себя на другого кредитора, должники — нет.

Передача, уступка требования и перевод долга должны быть совершены поскольку в законе нет специальных указаний, в форме, установленной для договоров вообще; если *О.* вытекает из письменного договора, то непременно в такой же письменной форме.

О. прекращается полностью или в части: а) исполнением; б) зачетом (компенсацией); в) совпадением в одном лице

кредитора и должника (confusio); г) соглашением сторон в частности заключением нового договора. должествующего заменить прежний так называемую новацию (novatio); д) невозможностью исполнения, за которую должник не несет ответственности; е) отступлением от обязательства одной стороны, если имеется соглашение что при условии потери или уплаты отступного или без такового, она в праве отказаться от исполнения договора (см. Неустойка).

Исполнение обязательства должно быть надлежащее как оно установлено в законе или договоре, при чем тут играют роль следующие моменты: срок, место, способ и предмет исполнения. Срок исполнения, установленный законом или договором, составляет один из основных моментов. Если срок не указан, то кредитор в праве требовать, а должник произвести исполнение немедленно, в любое время. Но если в законе нет иных указаний, то должник имеет право на 7-дневный льготный срок со дня требования. Должник в праве исполнять **О** и до срока, если это не противоречит смыслу договора, но он в праве вычесть проценты за оставшееся время (учет) лишь в том случае если это предусмотрено в договоре или законе. Пронуск срока, просрочка со стороны должника обязывает его возместить кредитору убытки, причиненные просрочкой, и возлагает на него ответственность за случайно наступившую после просрочки невозможность исполнения. Если вследствие просрочки исполнение утратило интерес для кредитора, последний может отказаться принять таковое. Должник просрочивший платеж денежной суммы, за время просрочки обязан платить проценты, т.е. если не было иного условия, 6%. Просрочки со стороны должника нет, если исполнение не могло последовать вследствие обстоятельства, за которое должник не отвечает, в частности, вследствие просрочки кредитора.

Просрочка со стороны кредитора, т.е. отказ в принятии причитающегося исполнения без законного к тому основания, или несовершенство им лежащих на его обязанности действий, до совершения которых должник не может исполнить своего **О**, дает должнику

право на возмещение убытков от просрочки и освобождает его от ответственности за последующую невозможность исполнения, кроме случаев умысла или грубой неосторожности.

В случае отсутствия кредитора, уклонения его от принятия, а также его недееспособности, при отсутствии представителя, уполномоченного или законного, согласного принять исполнение, должник в праве (но не обязан) для освобождения себя от последствий просрочки внести причитающееся с него в надлежащем порядке в депозит (см.) суда, о чем суд извещает кредитора повесткой или публикацией.

От суда зависит смотря по обстоятельствам дела и в зависимости от имущественного положения должника отсрочить или рассрочить взыскание, т.е. принудительное исполнение. Но это не относится к обязательствам по специальным законам (напр., пол. о векзелях).

Место исполнения, когда оно не установлено законом и договором и не вытекает из самого содержания **О**. По теории все **О** делятся на долги, которые кредитор должен сам получать (queralles, Holschulden), или которые должник должен доставить, принести (portables, Bringschulden) Нан Г. К. все денежные **О** относит к последним, т.е. должник обязан уплатить долг в месте жительства кредитора (по времени выдачи **О**), а если кредитор изменил жительства и своевременно известил должника, то и в новом месте жительства но с отнесением на счет кредитора всех расходов, связанных с переменой места исполнения. По всем прочим **О** местом исполнения считается место жительства должника в момент возникновения **О**. Исключения: исполнение, заключающееся в передаче прав на строения и земельные участки,—в месте нахождения строения или земли; по сделкам, входящим в круг деятельности предприятия.—в месте нахождения предприятия.

Способ исполнения. В случае неисполнения должником **О**, о предоставлении в пользование индивидуально определенной вещи кредитор в праве требовать через суд отобрания вещи, если она

не перешла к третьему лицу, имеющему одинаковые права. Кредитор в праве не принимать долга по частям, если нет иного соглашения или закона.

Если предмет *О.* определен только родовыми признаками, и право выбора не предоставлено законом или договором одной из сторон (см. Альтерн. об.) или третьему лицу, то должник обязан доставить предмет не ниже среднего качества. Если кредиторов или должников два или несколько, то возникает вопрос об их солидарности. Если и солидарность (круговая ответственность) оговорена в *О.* или предмет *О.*, в том числе и действия, неделим, то как кредиторы каждый в праве требовать все, так и должники отвечают каждый за все, имея право взаимного расчета. При безуспешности взыскания с одного солидарного должника вся невзысканная сумма или любая часть ее может быть потребована с другого или с других. Что означает неделимое требование, при крайней скупости нашего кодекса на слова приходится решать суду по всем обстоятельствам дела, намерениям и интересам сторон и т. д., а не по букве закона.

В случае неисполнения *О.* должник должен возместить кредитору причиненные неисполнением убытки (см. Вред).

Невозможность исполнения может быть различного рода.

Должник освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которое он не мог отворотить, или если она создалась вследствие умысла или неосторожности кредитора. Но должник не освобождается от ответственности, если предмет *О.* обозначен родовым признаком и доставление имущества того же рода не стало объективно невозможным и если он умышленно или по неосторожности вызвал или не предотвратил обстоятельства, сделавшего исполнение невозможным.

Значения умысла и неосторожности Г. К. не излагает. Но У. К. (ст. 11) поясняет: а) действовать умышленно означает «предвидеть последствия своего деяния и все-таки желать

или сознательно допускать их наступление»; б) действовать неосторожно — «легкомысленно надеяться предотвратить последствия своих действий или же не предвидеть их хотя и должен был их предвидеть».

О. прекращается еще зачетом одного родного требования, срок которому наступил, но это подлежащее зачету требование должно быть между теми же лицами и одинаково бесспорно. Закон чрезвычайно краток, но надо иметь в виду, что вместо многословного формального гражданского права буржуазных кодексов наш Г. К. в этом отношении предоставляет право суду решать эти вопросы по обстоятельствам дела. Суд, имея перед собою встречное требование сумеет разобраться в допустимости зачета или, по крайней мере, наложения на иски должника ареста на требование кредитора. Зачет является равносильным уплате. Идея зачета послужила основанием для образования при Госбанке особого отдела взаимных расчетов (С. У. 49 ст. 632) между госучреждениями и крупными предприятиями.

О., далее, прекращается, когда должник и кредитор совпадают (т. наз. *confusio*) в одном лице; по если это совпадение отпадает, *О.* возникает вновь. Это сравнительно редкий случай, напр, когда кредитор делается наследником должника или, наоборот, когда должник приобретает требование кредитора и т. д.

Наконец, т. наз. мировая сделка (см.) или возобновление договора (новация) прекращает старое требование и заменяет его новым. Но и тут отпадение нового договора или соглашения естественно восстанавливает прежнее.

Если вникнуть в эти вопросы, они вызывают затруднений и не требуют дополнительной регламентации: надо лишь исходить из того положения, что для всех *О.* в области гражданского права имеется один всеобщий эквивалент — денежное вознаграждение

П. Ст.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО АБСТРАКТНОЕ — это *О.* которое существует независимо от его материального основания и в котором одного обещания выполнить то или иное *О.*, одного признания

долга достаточно для правовой силы сделки. Ни в одном другом вопросе не видно так выпукло двойное происхождение права, как в этом. Захват завладение—основа права, так ярко выраженная в первоначальном формальном праве, с остатками чисто грабительской терминологии и формы. Получается даже на первый взгляд непонятное явление что первоначальный договор наиболее близко подходит к абстрактному договору, ибо для него достаточно формального словесного «волеизъявления» (напр., римское *mancipium*, дословно—захват), чтобы прерратиться в беспспорное право. Лишь формальность весов и кусочка меди отмечает платность сделки. Этот вид сделок касается средств производства (*res mancipii*, м. Вещь). Спор об основании (*causa*) договора тут и не возникает; сделка основывается как бы на фактическом или формальном захвате или принуждении, на отношении господства. Это — остаток эпохи чрезвычайно слабого развития гражданского оборота. Преобладает вещное право, «грабеж по закону»

Второй вид права возникает из «товарооборота». Это обязательственное право, вносящее в право простой принцип передачи без формальностей. Он основан на трудовом элементе, на принципе эквивалента, и это обязательственное право в первоначальной стадии как раз в высшей степени близко связано с основанием (*causa*) договора. Одно соглашение без эквивалента, без материального основания в первый период товарооборота, просто недействительно. Но право периода оживленного и развитого товарообмена, напротив, и в прямую противоположность первому периоду, не только создает абстрактное *O.*, но в период развития торгового капитализма в торговом праве проявляет прямую тенденцию к превращению этого типа *O.* в господствующий тип (вексель, перевод, чек и т. д.). В то время как *O.* вообще может быть оспорено, как безденежное, т. е. лишенное материального основания, это абстрактное *O.*, особенно если оно приняло вид бумаги на предъявителя или держателя по бланковой передаточной надписи, не допускает вовсе или очень ограничивает споры об отсутствии материального основания. *O.* превращается

в простое платежное средство, заменяющее деньги. Таким образом, двухсторонняя сделка превращается в одностороннее *O.*: «по сему моему векселю повинен я заплатить» а за что—суду безразлично «Уплатите по этому моему чеку столько» и т. д. Естественно, что такой акт для капиталистического общества очень привлекателен, ибо легко прикрывает ростовщичество и всякие спекуляции «Владелец *O.* никогда неизвестен». Поэтому такие сделки в то же время встречают и известное сопротивление даже в буржуазном праве. Эта форма сделки, однако, настолько облегчает оборот, что в развитом капиталистическом обществе она имеет тенденцию вытеснить все остальные виды *O.* Все они превращаются в бумаги по бланковым передаточным надписям или в безыменные *O.*, вплоть до земельной собственности, до титула на земельную ренту (см.) т. е. доход с заложенной земли (закладная закладной лист).

Дореволюционное русское право, кроме банковых *O.*, всегда имеющих более или менее абстрактный вид, знало еще и вексель, но первоначально лишь в ограниченном кругу оборота: крестьянам и замужним женщинам, напр., до революции 1905 г. было запрещено обязываться векселями. Кроме того, и в вексель обязательно было поместить фразу, что «валюта получена». Эта последняя фраза, конечно, являлась пустой формальностью. Революция 1905 г. принесла и крестьянам (чуть ли не единственное) «право»—право «обязываться векселями». Вексель вместе с тем, получил универсальный характер в обороте и в России.

Наш Г. К. допускает спор о безденежности займа и вообще, лишь как исключение, допускает *O.* на предъявителя. Но так как оспаривать письменный заем можно только письменными же доказательствами, то путь для абстрактных *O.* все-таки отчасти открыт и у нас. Вексель (см.) и по нашему положению о векселях является вполне абстрактным *O.* и, как естественное последствие непа, получает очень широкое распространение. Вклады в Госбанк, Гоструд, сберег кассах и т. д. могут быть именные и на предъявителя, а в дополнение к этому Госбанк ввел у себя даже особый вид залога облигации выигрышно-

го займа, без указания фамилии залогодателя, придавая и этим бланковым залоговым актам значение бесспорных документов на предъявителя.

И. Стука

ОГРАНИЧЕНИЕ СРЕДСТВ ВОЙНЫ. Современная буржуазная доктрина международного права признает, как общее положение, что на войне дозволены все средства, чтобы сломить сопротивление врага (*in hostes, quam hostes, omnia licet*—Бинкершук). Однако в такой абсолютной форме это положение если и применялось, то преимущественно в гражданских и колониальных войнах. Войны господствующих классов между собой велись всегда с соблюдением известных ограничений и правил, само установление которых было возможно, благодаря одинаковой классовой структуре общества в различных странах. Типичным примером этого является рыцарский кодекс чести феодального периода. Буржуазная доктрина, как она сложилась в эпоху Великой французской революции, проводя резкую черту между официальными государственными вооруженными силами и остальным населением, внесла существенное ограничение по объекту военных действий. Быстрое развитие смертоносной техники и соревнование вооружений заставили буржуазные государства обратить внимание на эти стороны дела. Отсюда попытки, во-первых, ввести рост вооружений в чисто количественные рамки (см. Разоружение), во-вторых, запретить применение некоторых определенных средств истребления.

В основе соответствующих предложений лежало обычно или стремление некоторых держав сохранить свои специфические военные преимущества, или желание буржуазных политиков успокоить народные массы картиной своей пацифистской и гуманитарной деятельности направленной якобы к смягчению ужасов войны. Поэтому ни в одной области не было проявлено столько лжи и лицемерия, как в вопросе об О. с в.

Первой хронологически попыткой международного установления так называемых недозволённых средств войны является Петербургская декларация 1868 г., запрещавшая употребление разрывных пуль (разрывных снарядов менее 400 грамм ве-

сом). Дальнейшие постановления были приняты на Гаагских конференциях 1899 и 1907 г.г. В конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (ст. 22) было даже выставлено, как общее положение, что «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». В частности, эта статья запрещала: употреблять яд или отравленное оружие; предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался; объявлять, что никому не будет дано пощады; употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания; незаконно пользоваться парламентерским или национальным флагом, военными знаками и форменной одеждой неприятеля, равно как и отличительными знаками, установленными Женевской конвенцией (см.); истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват вызывается военной необходимостью: объявлять потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты права и требования поданных противной стороны; наконец, принуждать поданных противной стороны принимать участие в военных действиях, направленных против их охраны. Прежде всего надо отметить, что, согласно комментариям буржуазных международников, эти постановления вовсе не означают запрещенія изобретать новые орудия и средства истребления. «То обстоятельство, что международное право в данный момент еще не установило нормы для тех или иных военно-технических новинок, не есть основание для того, чтобы их отвергать. Беспомощность юристов—не повод считать то или иное средство неподходящим» (Лист 12 изд. в обработке Флейшмана). Кроме того, запрещенія или касаются таких средств, которые вообще отошли в область прошлого например, отравленное оружие или сформулированы нарочито туманно: как, например, решить, какие страдания, причиняемые на войне, не являются «излишними» и какие «излишни» или какое истребление не-

приятельской собственности вызывается военной необходимостью и какое не вызывается. Наконец, вообще замечается тенденция запрещать применение таких средств, которые еще не могут дать больших результатов, благодаря их техническому несовершенству. Так, запрещение воздушной бомбардировки, принятое на первой Гаагской конференции сроком на пять лет, относилось к тому времени, когда о серьезном значении авиации в военном деле не могло быть речи; после этого срока оно уже не возобновлялось (вторая конференция 1907 г. приняла соответствующую декларацию, но она не была ратифицирована многими государствами). Между тем, как раз к концу первого десятилетия XX века развитие авиации выдвигает ее как особый род оружия. То же самое с химической войной. Декларация, запрещающая «употребление снарядов, единственной целью которых является распространение удушливых или смертоносных газов» (принятая в ту пору, когда применение газов для военных целей только намечалось), не помешала тому, что в войне 1914—1918 г. обе стороны широко применяли методы газовой войны и путем обстрела химическими снарядами, и путем пуска газов из баллонов. Версальский мир (ст. 171) запрещает Германии производство удушливых газов, но в то же самое время (ст. 172) обязывает ее выдать союзникам все способы и рецепты их изготовления. «Странная любознательность!»—воскликает по этому поводу тот же Флейшман. Постановление Вашингтонской конференции 6 февр. 1922 г. запрещает употребление удушливых или ядовитых газов. Однако подписавшие конвенцию державы—С. Ш. Англия, Франция, Италия и Япония—продолжают одновременно усиленно развивать свою химическую промышленность. Запрещение разрывных снарядов, пуль дум-дум и т. п. (третья декларация Гаагской конвенции) тоже не соблюдалось во время войны обеими сторонами. Вообще, во время империалистической войны 1914—1918 г. почти все ограничения, установленные на Гаагской конференции, нарушались в той или иной мере обеими воюющими сторонами. Это вызывалось неизбежным озверением воюющих (отказ брать в плен, «очищение» взятых окопов и т. д.), и тем, что новые методы ведения войны делают невозможным соблюдение

этих ограничений. При наличии дальноточных орудий и при воздушных или газовых атаках в тылу делается итязорным различие между защищенными и незащищенными пунктами, которое проводит Гаагская конвенция, запрещая бомбардировку последних (ст. 25). По мнению военных авторитетов, война будущего перенесется на глубокие тылы воюющих, при чем главной мишенью атак будут именно промышленные центры и железнодорожные узлы. Что касается прочих постановлений Гаагской конвенции, то обе воюющие стороны стремились разжечь национально-освободительную борьбу в лагере противника, используя для этого пленных, создавая из них особые формирования. Обе стороны обвиняли друг друга в злоупотреблении парламентарскими знаками и знаками красного креста, обе стороны совершали самые бесцеремонные вторжения в права частной собственности подданных неприятельских стран (см. Неприятельская собственность; о недозволенных средствах морской войны см. Минная война и Подводная война).

Е. П.

ОККУПАЦИЯ (военная) означает заволагование неприятельской территории вооруженными силами одной из воюющих сторон. Первоначальная О. по своим последствиям не отличалась от аннексии (см.); воюющая сторона рассматривала оккупированную территорию, как принадлежащую ей, и считала себя в праве издавать для нее законы, устанавливать гражданскую администрацию, принуждать жителей к присяге, призывать в войска и т. д. Еще в 1808 г. во время военной О. русскими Финляндии Александр I принудил финляндцев принести присягу, хотя Финляндия юридически была частью Швеции. В XIX в., в связи с распространением либеральных принципов, являвшихся отражением первоначальной фредредерской фазы в развитии промышленного капитализма, во внешней политике постепенно начинает проводиться разграничение между временной военной О. и аннексией или присоединением территории (главным теоретиком этого различия был Heffter в своем сочинении *D: s "го-рäische Völkerrecht der Gegenwart*, 1844 г.). Это различие в конце XIX в. было зафиксировано в ст. ст. 42—56 Гаагской

конвенции об обычаях сухопутной войны. Согласно этому принципу оккупант имеет лишь право временного управления областью; он не может изменять ее государственного статута, аннексировать, разделять или превращать оккупированную территорию в независимое государство и не может вносить иных изменений в существующие законы и управление кроме тех, которые вызваны чисто военной необходимостью. Далее, оккупант обязан соблюдать существующие права, особенно право собственности и гражданские свободы жителей оккупированной территории; последние могут привлекаться в порядке трудовой повинности к исполнению разного рода работ для оккупирующих армий, но не должны использоваться для участия в военных операциях против своих соотечественников. Поскольку учение об О., как временном режиме, не затрагивающем основ социального строя, явилось результатом повсеместного упрочения буржуазных отношений и буржуазной собственности, постольку для буржуазных теоретиков казалось само собой разумеющимся, что отсталые, т.е. полуфеодалские, учреждения и правовые институты могут быть уничтожаемы в результате военной О. Так, напр. проф. Мартенс оправдывал поведение царского правительства, которое во время турецкой войны 1871 г. не стало поддерживать в оккупированных частях Балканского полуострова все те архаические институты и юридические отношения, которые были связаны с владычеством турок, но немедленно же по отходе турецких войск приступило к реорганизации управления, судеустройства и налоговой системы в более или менее европейском, т.е. буржуазном, духе.

Ссылаясь на этот пример, а также на обмен мнениями, предшествующий принятию гаагских резолюций, Е. А. Коровин, автор книги «Международное право переходного периода», приходит к выводу, что вместо начала незыблемости местного режима при военной О. постепенно прокладывает себе дорогу новый принцип «обеспечения населению максимума социальной справедливости», чем, по его мнению, обосновывается с международно-правовой точки зрения советизация местностей, оккупируемых Красной армией.

Намечая эту «эволюцию» международного права, Е. А. Коровин забывает лишь об одном, а именно, что никакой отвлеченной внеклассовой социальной справедливости не существует и что, в частности, ни одно буржуазное государство не согласится считать более справедливым тот строй при котором буржуазия, как класс, перестает существовать. А если говорить о «международном праве» социалистических государств, то позволительно усомниться в том, чтобы в их взаимоотношениях сохранился, между прочим, и такой институт, как военная О.

Гораздо проще будет сказать, что те завоевания, которые сделало некогда буржуазное международное право в деле охраны прав мирного населения и основ буржуазного порядка от победоносной военщины, пошли прахом с тех пор, как капитализм из фритредерского стал монополистическим и империалистическим.

Во время мировой войны 1914—1918 г.г. обе воюющие стороны в целом ряде случаев открыто нарушают либеральные принципы гаагской конференции и возвращаются к прежней практике О. Так, германцы, оккупировавшие Бельгию, вводят, из политических мотивов, административное деление ее на две части: в 1918 г. после массовой высылки бельгийских судей, последние заменяются германскими. Как германское правительство в Бельгии и северной Франции, так и царское правительство в Галиции осуществляют массовое использование гражданского населения для чисто военных операций (постройка укреплений и окопов) и насильственный вывоз его за пределы оккупированной территории. Подобная же система О., приближающая последнюю к аннексии, осуществляется и после мировой войны; так, греки, занявшие в 1919—1922 г.г. вилайеты Айдин и Смирну, ввели в них собственную административную систему и законы, хотя эти области формально не были аннексированы; так же поступили поляки в отношении Галиции, оккупированной ими в 1919 г. и Виленщины, оккупированной в 1920 г. хотя официально эти области присоединены к Польше лишь в 1923 г. Таким образом, развитие империалистической политики, восстанавливая в международных отношениях кулачное право феодальной

эпохи, уничтожило робкие попытки ограничения произвола завоевателя, относящиеся к той стадии развития промышленного капитализма, когда последний был еще проникнут фритредерским и миролюбивыми тенденциями. В войнах между государствами различного классового типа например, в войнах коалиции против революционной Франции или в войнах империалистических держав Запада против советской России, изменения социального строя составляют основную цель войны. Поэтому в таких войнах смешно говорить о неизблемости местного строя при режиме военной О. Наступление германских войск весной 1918 г. или союзников во время интервенции означало не медленное уничтожение советов, расстрелы и репрессии против рабочих; наоборот, появление советских войск означало установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Л. Иванов

ОКРУГ, как административно-территориальная единица местного советского управления, появился впервые лишь в 1923 г. с началом районирования на Урале и на Украине. К началу 1927 г. окружная система полностью введена в Украинской и Белорусской союзных соц. сов. республиках и в районированных частях РСФСР—Уральской области и краях Северо-Кавказском и Сибирском. В связи с его новизной О. еще недостаточно определены, как единица местного управления и хозяйства, тем более, что он в этом отношении носит несколько различный характер в Украинской и Белорусской союзных республиках, где О. создавался, главным образом, в порядке рационализации административно-территориального деления, и в областях и краях РСФСР, где О. явился органическим элементом намеченного Госпланом районирования в его полном объеме. Обычные попытки определить О., как укрупненный уезд или уменьшенную губернию, по существу несостоятельны. Даже белорусские и украинские О.—это прежде всего целостные территориально-хозяйственные объединения, по своей хозяйственно-производственной сущности глубоко отличные от советски подремонтированных исторических пережитков—уезда и губернии. С чисто внешней стороны имеются сле-

дующие отличия О. от уезда и губернии: среднее количество населения О. составляет от 400 до 600 тысяч населения, к чему приближался минимум населения губерний, достигавших и нескольких миллионов населения; среднее же население уезда составляло несколько десятков и редко около сотни тысяч жителей. Территориально на Северном Кавказе и в Белоруссии О. составляет около $\frac{1}{2}$ территории прежних губерний, на Урале— $\frac{1}{3}$, на Украине—от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{5}$. Служебный аппарат окресткома на Урале и Сев. Кавказе состоит из 600 человек тогда как губернский аппарат состоял в среднем из 1.600 человек на Урале и 2.000 чел. на Северном Кавказе, а уездный—соответственно из 212 и 259 чел. Общее сокращение этих частей аппарата с введением О. на Северном Кавказе составило 26%. На Украине введение О. началось в 1923 г. взамен упраздняемых уездов, с одновременным укрупнением волостей в районы и с сохранением губерний. Но 49 О., созданные внутри 9 хотя и переброшенных после революции губерний, сразу выявили ненужность и несовместимость с развитием работы О. исторических пережитков в виде губерний, стоявших между республиканским и местными административно-хозяйственными центрами. В 1925 г. губернии были упразднены, а О. укрупнены с сокращением их количества до 41. В Белоруссии О. в количестве 10 были организованы в 1924 г., вслед за организацией районов с упразднением всех прежних административно-территориальных единиц; в 1926 г. число О. Белоруссии увеличилось на 2, благодаря упразднению Гомельской губернии и присоединению части ее к Белоруссии. О. на Урале были организованы вначале довольно неудовлетворительно и по территории и по объему нрав. Территориальная перестройка уральских О. потребовалась потому, что они строились хотя и с учетом по возможности экономической целостности территорий, но на базе старых волостей. Перестройка волостей в рациональные районы потребовала перестройки и самих О. Опыт этот был учтен на Северном Кавказе и в Сибири при построении там О., которые организовывались по окончании низового районирования. Тяжело отражался на развитии уральских округов и недостаточный объем их нрав—«укрупненных уез-

дов». И окружные и областной центры добились передачи О. прав губернских исполкомов. Хотя формального пересмотра положения об Уральской области не было, вопрос был разрешен, с одной стороны, практикой на почве насущных жизненных потребностей, с другой — одним из постановлений по советскому строительству, принятых на III Всесоюзном Съезде Советов в 1925 г. о пересмотре компетенции исполкомов и советов, гласившим, что «в связи с происходящим районированием такой пересмотр должен в основном обеспечить районам компетенцию уездов, а О. — компетенцию губерний». Сжатые и организационно и в отношении компетенции О. Урала значительно развернулись, и к концу 1926 г. все О. Уральской области и краев имели в общем аналогичную структуру и компетенцию, закрепленные в проекте типового положения о краях и областях, выработанного Орготделом ВЦИК. Окружные исполкомы к концу 1926 г. имели при себе отделы: административный, организационный (при президиуме окр. исп. комитета), военный (окрвоенкомат), финансовый, земельный, промышленный, торговли, коммунальный, здравоохранения, народного образования и соц. обеспечения; кроме того, при окр. исполкоме имеются: орган гос. полит. управления, камера инспекции труда, статистическое бюро, уполномоченный краевого отдела РКИ и окружная плановая комиссия, а также в О. имеется окружная прокуратура, и проектируется создание окружных судов. Как и в губернских исполкомах, в О. происходят расширенные (сессионные) заседания исполкомов, окружные же съезды избираются по пониженным нормам сравнительно с губернскими, напр., на Урале — 1 деп. на 500 избирателей в городах (вместо 1 на 2.000 избирателей на губ. съезды) и 1 на 5.000 сельского населения (вместо 1 на 10.000 на губ. съезды). Таким образом наряду с приближением органов управления в лице окрисполкомов к населению, и самое население сильнее втягивается в их работу. К концу 1926 г. объем прав у окрисполкомов и в частности в бюджетной области в общем был тот же, что и у губисполкомов.

Г. М.

ОПЕКА. Ни одно классовое общество не может равнодушно отнестись к тем условиям, в которых протекает воспитание не-

совершеннолетних, и организовывается управление принадлежащим им имуществом. Классовое общество и государство не могут выпускать из своих рук надзора и влияния как на развитие мировоззрения и психологии подрастающего поколения, так и на способ использования имущества несовершеннолетних и недееспособных вообще. Интерес его заключается в том, с одной стороны, чтобы не допустить такого обращения с несовершеннолетними, которое пагубно отзывается на их личности и имуществе, а также и в том, чтобы ведение воспитания и дел несовершеннолетних в возможно большей мере шло по линии, соответствующей интересам господствующего класса. Отсюда вытекает весьма серьезное значение семейного и опекунского права.

Организация О. в соответствии с этим носит резко выраженный отпечаток социального строя и классового деления каждого данного общества. В сословной крепостной России О. носила сословный характер, и организация ее, начиная от «Русской Правды», до самой революции менялась в соответствии с изменением сословного строя. Основной интерес для царского правительства представляла конечно, организация О. для привилегированных сословий, которая и была детально регламентирована, для каждого сословия порознь. О. же для крестьян была предоставлена действием «обычного права» иначе говоря, в значительной мере произволу деревенских воротил. В государствах с «демократическим» строем организация О. как и вся общественная организация, не строится на столь открытом выявлении общественного неравенства, а регулируется правилами, по внешней видимости, «равными для всех». Законодательство германское, где сильнее активность государственной власти и в меньшей мере получило признание индивидуалистическое начало, предоставляет руководство О. особому опекунскому суду. Французское законодательство, на против того, предоставляет руководить О. семейному совету, а роль представителя власти, мирового судьи, очень скромна: он играет лишь роль арбитра между родственниками отца и матери, вводимыми в совет поровну. Вместе с тем

принятие опекунской обязанности является там для родственников обязанностью, от которой допускается отказ лишь по означенным в законе причинам.

Вопросы опекунского (как равно брачного и семейного) права были одними из первых на ряду с вопросами труда, которые получили у нас детальную регламентацию в особом кодексе.

Ведение О было, по кодексу, возложено на органы социального обеспечения, при чем предполагались широкая поддержка и широкое участие в этом деле со стороны государства.

Декретом от 2 декабря 1920 г. заведывание О. было изъято от органов социального обеспечения и было разделено между органами Наркомпроса (в отношении несовершеннолетних), здравоохранения (в отношении душевнобольных), административными органами (в отношении родителей и лиц, обнаруживающих такие свойства, которые делают опасными и невозможными оставление их без общественного попечения). О. принадлежит у нас в частности всякое несовершеннолетнее лицо, не находящееся на попечении родителей (ст. 192). О. должна быть назначена также к несовершеннолетнему, родители которого лишены родительских прав: последнее может иметь место «при неправомерном осуществлении ими этих прав» (формулировка эта шире, чем для соответственного случая в иностранных законодательствах). О. над несовершеннолетними может осуществляться как непосредственно отделами народного образования (путем помещения ребенка в одно из подведомственных ему учреждений), так и через особого опекуна, назначаемого отделом народного образования и действующего под его надзором. По кодексу (ст. 232) О., являясь представителем подопечного, в праве совершать сама все сделки, которые мог бы совершать сам подопечный, если бы обладал полной дееспособностью (см.). Основываясь на указаниях опыта, практика ограничивает, однако, такое право опекуна необходимостью испрошения в важнейших случаях разрешения отд. пар. обр. О. над несовершеннолетними должна иметь место до достижения ими совершеннолетия. Последнее было установлено Кодексом об опекунском праве (ст. 191)

для лиц мужского пола с 18 лет и для лиц женского пола с 16 лет, при чем по специальному постановлению соответствующего отдела народного образования лица, не достигшие упомянутого возраста, могли, однако, быть объявлены совершеннолетними досрочно, при условии их на то согласия. Г. К. РСФСР установил, как возраст достижения совершеннолетия для лиц обоего пола, 18 лет. Кодекс об опекунском праве содержит детальные правила установления и снятия О над несовершеннолетними и душевно больными (ст. ст. 190—205). В настоящее время, согласно постановлению сессии ВЦИК, происходит пересмотр норм опекунского (как равно и брачного и семейного) права.

По проекту О. предполагается над несовершеннолетними до 14-летнего возраста, после чего вводится попечительство. Родители и усыновители состоят опекунами без назначения. О. ведают президиумы исполкомов через отделы народного образования, а в деревне—вол-и райисполкомы через сельсоветы. Обязанность опекуна является общественною обязанностью, от которой могут отказаться лишь по законным причинам (по старости—60 лет; по болезни, или лица, имеющие сами на воспитание двух или более детей, и т. д.). Введены и ограничения для опекунов—посторонних лиц (напр., нелишение избирательных прав). Вводятся и ограничения в правах управления без разрешения опекуна управления

С. Раевич

ОППОЗИЦИЯ (от латинского *oppo-* противно- и *ponere* ставить) в политической жизни понимается в двух смыслах: 1) как борьба против власти или руководящей партии и 2) как партия, или объединение, ведущая эту борьбу. Однако не всякая партия, ведущая борьбу с правительством, может называться О. Для этого необходимо, чтобы борьба велась в легальных формах, без нарушения существующих законов. Поэтому О. в общепринятом смысле появляется с переходом к конституционному строю, когда те или иные партии получают возможность легальных оппозиционных выступлений, организации оппозиционной прессы и т. п. Наиболее ярко деятельность О. проявляется в парламентах, где она критикует правительственные законопроекты, вносит запросы и

интерпелляции, поправки к ответному адресу на тронную речь и т. д. Поскольку О включает в парламенте все фракции, расходящиеся с политикой данного правительства, к ней, с оговорками, примыкают и находящиеся в парламентах революционные фракции (напр., коммунистические). Однако буржуазные политики отгораживаются от этих попутчиков, определяя О. буржуазных партий, как ответственную — готовую принять власть, а революционную О. (такое выражение может быть применимо только к парламентской группе революционной партии), как безответственную. Социал-демократы примыкают к буржуазным партиям и, проповедуя возможность завоевания власти путем парламентской борьбы, стараются подменить революционную классовую борьбу оппозиционными выступлениями и парламентскими комбинациями. Во многих случаях социал-демократические фракции примыкают теперь не только к буржуазной — «ответственной» О., но и к парламентскому большинству. Коммунистический Интернационал признает использование парламентской трибуны и роли оппозиционной партии для агитационной и организационной работы.

В государствах с парламентарным строем О. является неизбежной принадлежностью политической жизни. В них победа О. на выборах или при голосовании в парламенте влечет за собой переход власти к О. Наиболее прочное положение, в связи с установившейся системой двух партий и слабостью революционного движения, занимает О. в Англии, где она существует и в нижней и в верхней палатах. Ее вождь является или бывшим или будущим премьер-министром и называется лидером О. Таким бывает лидер самой большой из оппозиционных партий — в настоящее время Макдональд. Чтобы подчеркнуть легальность и лояльность О. в Англии, она часто называется — в противоположность «правительству его величества» — «О. его величества». Этот термин, в приложении к кадетской партии, употребил П. Н. Милюков, желая этим подчеркнуть лояльность кадет по отношению к монархии.

В некоторых английских доминионах О. настолько считается составной частью всего государственного аппарата, что лидер О. получает из государственных средств осо-

бое вознаграждение. В других буржуазных государствах, кроме Англии и С. Штатов, деятельность О. при многопартийности не носит такого правильного и организованного характера, — ее нет, как постоянной величины. В эпоху финансового капитала, в связи с ослаблением значения парламента падает и значение О. Даже в Англии, как отмечает Сидней Лоу, О. не может ни законодательствовать, ни помешать пройти какому-либо законопроекту: «Власть творить законы принадлежит на практике только тем членам палаты, которые группируются в данный момент вокруг кабинета».

В советском государстве, в условиях, когда коммунистической партии принадлежит монополия легальности, не может быть речи о политической О., но термин этот проник в последнее время и к нам, в смысле внутрипартийных фракций.

1. 7.

ОПТАЦИЯ — право жителей территории, перешедшей от одного государства к другому, сохранить прежнее гражданство путем подачи индивидуальных заявлений. Такое заявление обычно сопряжено с обязанностью выселиться в определенный срок, но выселяющиеся сохраняют при этом все свои имущественные права. Условие о праве выбора подданства встречается еще в договорах XVIII в., но там оно связывалось с отказом от земельных владений, расположенных в уступленной области. В XIX в. это условие отпадает.

Позиция СССР в международно-правовых вопросах, связанных с территорией, вытекает из провозглашенного Октябрьской революцией права наций на самоопределение и из резко отрицательного отношения революционного пролетариата к политике колониальных захватов и насилия. Вопрос населения неоднократно выдвигался советской властью, как средство разрешения территориальных споров (например, наше предложение плебесцитов в Бессарабии). О. нашла себе широкое применение в советских договорах с окраинными государствами (Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией). Так, согласно мирному договору с Польшей, подписанному в Риге 18 марта 1921 г., право О. советского гражданства предоставляется по достижении 18 лет всем бывшим подданным Российской империи проживаю-

ним на территории Польши и приписанным, либо имеющим право быть приписанными; к книгам постоянного народонаселения царства Польского, или к одному из городских, сельских или сословных обществ на территории империи, вошедшей в состав Польши; прочие категории бывших российских подданных на территории Польши в О. не нуждаются для признания их гражданами СССР (ст. 6, § 1). Право О польского гражданства предоставляется проживающим на советской территории всем лицам перечисленных выше категорий. Сверх того, право О польского гражданства предоставляется также лицам, являющимся потомками лиц, принимавших участие в борьбе за независимость Польши и вместе с тем явно засвидетельствовавшим свою приверженность польской нации. Рижский договор распространяет право О польского гражданства и на лиц, пребывающих на территории третьих государств (ст. 6, § 3). Аналогичные постановления включены в наши мирные договоры с Латвией от 11 августа 1920 г. (ст. 8) и Литвой от 12 июля 1920 г. (ст. 6); в обоих договорах право О советского гражданства безоговорочно признается за всеми лицами, проживающими на территории Латвии и Литвы, а право О латвийского и литовского гражданства за теми лицами, проживающими на советской территории, которые до 1 августа 1914 г. были приписаны к городским, сельским или сословным обществам территории указанных стран. Напротив мирный договор с Эстонией от 2 февраля 1920 г. (ст. 4) устанавливает лишь ограниченное право О именно для лиц «не эстонского происхождения» — на эстонской территории и для лиц «эстонского происхождения» — на советской. Мирный договор с Финляндией от 14 октября 1920 г. устанавливает право О лишь для лиц, проживающих в пограничных территориях; для российских граждан — в Печенгской области и для финских граждан — в Ренольской и Поросозерской волостях, Карельской области.

Следует отметить, что в данных конкретных исторических условиях процедура О являлась средством не только национального, но и в значительной мере классового самоопределения, ибо буржуазные слои, независимо от их национального происхожде-

ния, в первую очередь стремились покинуть пределы советской республики

Е. П.

ОРГАНИЧЕСКАЯ ШКОЛА общества и государства — особое направление в буржуазной социологии и государственной науке, стремящееся перенести на общественную жизнь метод биологических аналогий. Общество — не как экономическое, но как органическое целое; государство — как «физический», «биологический», «нравственный» или «социальный» — в зависимости от оттенка — организм, стоящий выше классов и отдельных личностей и составляющий сознательный направляющий центр общественной жизни, — таковы наиболее характерные, типические черты этого воззрения.

Очень часто — иногда и со стороны буржуазной науки — делаются попытки изобразить теорию «общественного организма» в чересчур легковесно-карикатурном виде; все разнообразие ее оттенки сводятся к тому вульгарному уподоблению общества и государства живому физическому организму, которое она получила у некоторых крайних своих представителей. Этим искажается историческая перспектива, в которой только и должны рассматриваться различные выявляющиеся «органические» направления. Между тем, они на определенном этапе исторического развития имели свое историческое оправдание. Общественный организм, в историческом прошлом — на определенном этапе развития буржуазного общества — был лозунгом либеральной, а порой и радикальной буржуазии, ставшей на путь диалектического понимания этого общественного развития лозунгом самого Маркса в его ранний либеральный период: «Новейшая философия, — писал тогда Маркс, — ... строит государство из идеи целого. Она рассматривает государство, как великий организм, в котором должны осуществиться правовая, нравственная и политическая свободы, при чем отдельный гражданин, повинующийся законам государства, повинуеться только естественным законам своего собственного разума». В противоположность французской революционной буржуазии стоящей на точке зрения необходимости рационального переустрой-

ства общественной жизни, буржуазия более отсталых наций в роде Германии нач. XIX в., буржуазия, еще не созревшая для революционного действия и настроенная поэтому примиренчески по отношению к феодальному режиму, ограничивалась мечтами о возможности изменения общества, ища выход в его собственном, дальнейшем, органическом развитии.

Философы-материалисты и энциклопедисты, стоявшие на точке зрения «Общественного договора», т.е. видевшие в обществе разумный, сознательный союз, заключаемый людьми в процессе их общественной жизни, естественно, должны были рассматривать общество прежде всего, как сложный искусный механизм. Правда, они, начиная с Гоббса и кончая Руссо, употребляли наряду с этим и «органические» сравнения, сравнения общества с человеческим организмом. Но это не противоречило их основной позиции, т.к. в силу тогдашнего состояния естественной науки они и в человеческом организме также видели особого рода механизм, лишь весьма искусный и сложный. Из этого следовало, что будучи революционерами, они не могли рассматривать революцию, как результат предшествующего общественного развития. Немецкие философы-идеалисты нач. XIX в. (Фихте, Шеллинг, Гегель) сделали по сравнению с ними огромный шаг вперед в понимании общественной жизни, применив к ней диалектический метод: однако «органическое» понимание общественного развития мешало им увидеть в революции неизбежное следствие и необходимый посредствующий этап того же общественного развития. Позднейший буржуазный либерализм гораздо более отчетливо выражает идею буржуазной революции по отношению к феодальному государству, чем это делала философия «государственного организма».

Уже оба эти сравнения показывают, что даже и на тех этапах развития теорий «общественного» и «государственного организма» когда они играют исторически-прогрессивную роль, теории эти имеют некоторый «органический» дефект, препятствующий им стать в полной мере теориями буржуазной революции. Дефект этот заключается в том, что для изучения того особого рода «общественного орга-

низма», каковым является общество нужны не биологические уподобления и не общие фразы о «естественных законах» развития, но исследование материальных производительных сил, на которых покоится этот «организм», исследование отношений классов и их борьбы, обуславливающей его жизнь и его развитие.

Марксизм не отказывается от применения к общественной жизни и к государству термина «организм». Теперешнее общество,—говорит Маркс в «Капитале»,—не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения». Под государством он понимает «правительственную машину или государство, поскольку оно через разделение труда образует обособленный от общества собственный организм». Согласно Ленину, научный метод в социологии состоит в том, что «общество рассматривается, как живой, находящийся в постоянном развитии организм». Но говоря об обществе, как об организме, марксизм все время имеет в виду особую, отличный от биологического, социально-производственный организм. Государство мыслится не как органическое завершение развития общества, но, напротив того, как обособившийся от общества на определенной исторической степени развития этого общества, «собственный», бюрократический организм: о государстве Наполеона III Маркс говорит, напр. как о «чудовищном паразитическом организме, плотно облекающем тело французского общества». Говоря об обществе и о государстве, как об особых организмах, марксизм, таким образом рассматривает их не как биологические особи и не как сознательные, «нравственные» единства. Единство социально-производственного организма, этс.—единство определенной формы производственных отношений и классовой эксплуатации. «единство и противоположностей», т.е. общественных классов.

Мыслить общественный организм без его классового расчленения, без протекающей в нем классовой борьбы, представлять себе высшие интересы государства, как надклассовые интересы, это значит мыслить общественное развитие без его необходимых революционных

моментов, значит оправдывать интересы господствующего класса. И если в органической теории общества и государства Гегеля оказалось возможным видеть оправдание «разумности настоящего» даже тогда, когда в действительности за нею скрывалась буржуазная революция, то тем более и уже явные реакционные характер принимают теории О. ш. после победы и укрепления у власти буржуазии. Половинчатость и компромисс с феодальным прошлым, характерные для О. ш. нач. XIX в., вырастают у Спенсера, Лилленфельда, Блюнчли и др. буржуазных идеологов конца XIX и нач. XX в. в строгой теории буржуазного общества и государства, направленную против классового его понимания. При этом О. ш. очень часто является наиболее удобной формой идеологической маскировки всевозможных надклассовых теорий общества и государства: сохраняя видимость серьезного социологического, связанного с эволюционной теорией, изучения, она в то же время учит становиться выше общественной борьбы, поскольку делает независимыми от этой общественной борьбы законы «органической» эволюции общества. Марксистская критика О. ш. должна быть направлена поэтому не только против биологических аналогий, не пригодных для понимания с и е ц и ф и ч е с к о г о характера общественной жизни, но и против представления о развитии как об «органическом», автоматическом, при котором исчезает классовая борьба и которое глубоко противоположно марксистской диалектике.

Историческое развитие течений О. ш. Сравнения общества и государства, человеческого организма и с разделением в нем физиологических функций имеет место еще у древних мыслителей (Платон, Плутарх) и у древних политиков (известная пошлая басня римлянина Менения Агринпы). Аналогичные уподобления встречаются также у отдельных средневековых схоластиков (Марсилиус Падуанский, Иоанн Салисберийский, Винцент из Бовэ) и у деятелей реформации (Альтузий). Наконец, довольно часты они и в работах некоторых представителей естественного права, нередко соединявших в государстве понятие организма с поня-

тием моральной личности: у «Левинафана» Гоббса, являющегося собственно не организмом, но искусным механизмом, у Гуго Гроция, Пуффендорфа, отчасти даже и у Руссо.

Однако наибольшее развитие встречаются эти воззрения в системах немецких идеалистов-диалектиков («нравственный организм») и в реакционной немецкой политической литературе начала и середины XIX в. («физический» и «биологический организм»). Уже у Фихте замечается переход от естественно-правовых представлений об «общественном договоре», господствовавших в его ранних работах, к теории государства, как высшего нравственного организма. Фихте различает («Die Staatslehre», 1813 г.), кроме современного государства, еще первобытное государство и государство разумное. Признак современного государства—принудительность, которая исчезает лишь в разумном государстве, которого мы достигаем лишь путем длительной воспитательной работы. Оба высших начала, авторитет и рассудок, находят свое примирение в х р и с т и а н с к о м государстве, каким исторически явилось германское государство. Так, буржуазные идеи сохраняют у Фихте старую оболочку «христианско-германского» государства.

Явно реакционный характер—в особенности в позднейший период—принимают аналогичные идеи у Шеллинга. В неравенстве Шеллинг усматривает высший закон, «умопостижимый порядок вещей»: постоянная форма человеческого общежития—господство и подчинение, освящаемые тем или иным законным порядком. «Этот внешний порядок разума, обладающий принудительной силой, есть государство». Государство, таким образом, находит свое обоснование в самой человеческой природе, как часть «мирового процесса», как некая априорная форма человеческого мышления. Наконец, у Гегеля (см.) мы вновь имеем попытку примирения буржуазных идеалов и авторитарной феодальной организации в наиболее отчетливо выраженном учении о государстве, как нравственном организме. Государство перестает быть результатом общественного развития, но «оказывается истинным основанием», «первым началом». Оно не служит, как гарант, правам и собственности личности,

но господствует, будучи не средством, но высшей конечной целью. Как истинно всеобщая воля, государство включает и охватывает волю и интересы отдельных человеческих особей: оно есть саморасчленяющееся живое целое. нравственный организм. Гегель оригинален именно тем, что пытается дать «разумное» буржуазное истолкование и «нравственное» обоснование слегка подправленному под английскую конституцию феодальному государству и характерной для него организации. Так, принимая «разделение властей», Гегель мыслит себе его не как взаимное ограничение их, но как разумное расчленение государственного целого в форме конституционной монархии. Государство также расчленено во всех своих органах—сословиях, корпорациях, общинах и т. д. Этим создается неделимое единство, внутри которого ничто не независимо, точно так же, как в живом организме желудок не может быть независим от прочих органов и т. д. Вот почему разумная конституция должна быть системой посредств и примирений между существующими в обществе противоположностями. Этим самым отдельные общественные группы, в форме сословий, получают государственное значение: сословия—форма проявления государства в сознании народа.

Учение Гегеля о государстве, проводя новые буржуазные (либеральные) идеалы в форме идеализации существующей прусской монархии, тем самым закрывало двери для прямого революционного действия и говорило о возможности в будущем буржуазной, органической, мирной эволюции этого полуфеодалного настоящего. Неудивительно, что оно долго не могло служить формой выявления революционных настроений буржуазии и под ударами критики Фейербаха «пышный плащ либерализма спал и отвратительнейший деспотизм стал во всей своей наготы» (Маркс) К середине столетия мы находим лишь немногие отзвуки теории нравственного организма, напр., у Г. Аренса в его «органическом учении о государстве» Несколько иная участь как мы увидим далее, постигла тех немецких политических писателей начала XIX в., которые прямо и непосредственно выражали стремление феодальной реакции в провозглашение буржуазному пра-

вовому идеалу. В их глазах феодальное государство не нуждалось ни в каких «нравственных преобразованиях, являясь и без того естественным, физическим организмом. Так, напр., Иосиф фон-Геррес в «Deutschland und Revolution» проводит аналогию между демократическими и монархическими принципами государственной жизни и автоматическими и волевыми элементами человеческого сознания и вообще человеческого организма. В демократии и ее представительных учреждениях Геррес видит лишь низшие стороны государственного организма, его дыхательную, пищеварительную и кровеносную системы; монархия же представляет волевые, сознательные центры: совершенно необходимым является их примирение под эгидой монархии. Карл Цахариа (в своих «Vierzig Bücher vom Staate». 1839—42 г.г.) подробно занимается химией, механикой, физиологией и биологией государственной жизни. Как и во всех организмах, он видит в ней соединение неодушевленной материи и духовного начала. Если в государстве имеет место борьба, то и она аналогична борьбе живых сил, протекающей во всяком живом организме. Политический покой, поэтому, был бы подобен смерти, но и борьба не должна разрушать самый государственный организм. Улучшение существующей государственной системы мыслимо лишь по пути наследственной монархии и дальнейшего развития бюрократической системы управления

Несколько иные политические тенденции отражают «органические» теории, выдвинутые с середины XIX в., главным образом, во Франции и в Англии, и в дальнейшем нашедшие себе почву и в Германии, и др. странах. Теории «социального организма» носят уже вполне буржуазный характер и отражают новые устремления победившего буржуазного класса, стремящегося уже предотвратить новую революционную волну. Вместе с тем, на построении их сказались успехи биологии, выдвинувшей стройную теорию органической эволюции и занявшей видное место в ряду естественных наук: создается стремление и общественную жизнь рассматривать, как предмет естественно-научного изучения. Уже гениальный Сен Симон в одном из своих трактатов («Mémoires sur les sciences de l'homme») и затем в своей

«Социальной физиологии» указывает, что наука о политической жизни является общественной физиологией и частью общей физиологии: «Общество не есть простое накопление живых существ.. Соединение людей воедино образует самостоятельное существо, развивающееся подобно индивиду». Эти идеи далее развивает его ученик, Огюст Конт («Курс позитивной философии» 1829—1842 г.г.) отец буржуазной социологии, как науки «о порядке и прогрессе человеческих обществ». «Положительная философия» Канта, устанавливающая три последовательные стадии в развитии научного мышления (см. Позитивизм), видела свою воспитательную цель, по словам автора, в том, чтобы «умерить и сократить продолжительность пароксизмов революционной горячки». Те же интересы сдерживать «грозный натиск всемирной анархии» сквозят и в учении Конта о «социальной динамике». Так как в социальной науке невозможен эксперимент, то Конт считает возможным исходить из патологических состояний общества, из его «болезней», но аналогии с болезнями организма. При изучении общества Конт отирается от представлений о физической и психической природе человека, от представлений об ограниченности человеческой мускульной энергии, о преобладании в человеческом индивиду чувственной стороны над рациональной, эгоистической стороны над альтруистической. Он создает поэтому «отвлеченную теорию коллективного организма», равнозначную, по его словам «учению об основных тканях и изучению индивидуального организма». Основу этого «общественного организма» Конт видит не в человеческой особи, но в семье: в общественной жизни господствует стройная иерархия составляющих ее общественных групп, связанных между собой взаимозависимостью различных выполняемых ими общественных функций. Эта «сионная гармония» превращает человечество в некое поистине «Великое Существо» (*le vrai Grand-Être*)-предмет новой религии.

Наиболее обстоятельное развитие и научное обоснование органическая теория получает у знаменитого английского социолога Герберта Спенсера. Уже в своей «Социальной статике» (1850 г.) Спенсер устанавливает, что сходство между организаци-

ей общества и человеческого индивида есть нечто большее чем простая аналогия. «Различные виды организации, которые принимает общество, начиная от низшей и кончая высшей ступенью своего развития, существенно похожи на различные виды животной организации» Сходство это Спенсер видит в том, что как в жизни общества, так и в жизни единичного животного организма проявляется установленный Спенсером общий закон эволюции, идущий путем осложнения целого и разобщения разнородных частей и функций (дифференциации) и объединения однородного (интеграции). В общественной жизни органическая эволюция незаметно вырастает в эволюцию «суперорганическую». Нужно заметить, в этом достоинство теории Спенсера по сравнению с многочисленными теориями О. ш., что Спенсер сравнивает общество не с человеческим, высоко сознательным, организмом, но вообще с организмом животным, указывая в то же время и черты их отличия одного от другого—отсутствие у общества внешних «покровов», подвижность общественных ячеек («Социальный организм», 1860 г.) Последнее обстоятельство Спенсер подчеркивает и в своих «Основаниях социологии» (1876) «Единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей»: общность общественного и животного организмов «есть общность основных принципов организации». Представлению об обществе как об организме, противоречит воззрение Спенсера на общественную жизнь, как на созпательное сотрудничество составляющих ее индивидов. Здесь особенно ярко сказалась слабая сторона построения Спенсера, безуспешность стремления его обосновать буржуазный либерализм данными естественной науки. Политически Спенсер занимает крайнюю позицию в вопросе охраны «прав личности» и в защите личности против государства: будущее государство, согласно Спенсеру, должно привести к постепенному ограничению, сужению функций государственного принуждения в пользу свободных ассоциаций человеческих индивидов; зато вырастают те функции государства, которые гарантируют, охраняют права личности. К социализму, признающему государственное вмешатель-

ство в общественную жизнь, Спенсер поэтому относится враждебно, видя в нем «грядущее рабство». Между тем, самый принцип объективной закономерности развития, как развития органического, установленный Спенсером, предполагает все большее ограничение прав индивида интересами общественного целого, все большую специализацию отдельных человеческих особей и выделение социальной деятельности в качестве особой функции. Но еще в большей степени должен быть подвергнут критике самый метод построения Спенсера, метод биологических аналогий, при котором исчезают и специфически-биологическое и специфически-социальное, при котором и органическая жизнь и общественная жизнь одинаково рассматриваются в абстрактных, механических терминах устойчивого или неустойчивого равновесия. В то же время эти схемы затушевывают классовую борьбу и революционные скачки, имеющие место в общественной жизни.

Воззрения О. ш. встретили поэтому резкую критику со стороны ряда социалистических мыслителей, в том числе и в русском народничестве (И. К. Михайловский). нападавшем на объективный метод Спенсера. Они получили дальнейшее развитие у некоторых буржуазных социологов (Дж. Мекензи и Мак-Кехни в Англии, Г. Форд в Америке и др.) При этом «органические» сопоставления приобретают иногда явно вульгаризованный и политически-тенденциозный характер. Так немецкий социолог фон-Лилленфельд («Мысли о социальной науке будущего», 1872—81 г.г.) видит в государстве реальный организм и находит в нем все признаки, отличающие его от неорганической жизни.—рождение, рост, цветение, болезни, смерть. Правительство—мозг этого социального агрегата, и на строгой его авторитетности основывается социальный прогресс. Под «болезнями» же понимается политический паразитизм, вырастающий на почве зловредной агитации..

Интереснее попытки, сделанные некоторыми авторами, приспособить воззрения О. ш. к выявлению идей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, идей мирного вращивания в социализм. Так, еще немецкий социолог Шеффле («Ван und Leben des sozialen Körpers» 1875—78 г.г.) в противоположность Спенсеру, доказывает что органическая теория ведет, в конечном

счете, к социализации производства. Он различает социальную морфологию, социальную физиологию и социальную психологию. Социальные «органы» бывают тройного типа: институты «высшей» национальной жизни (производство, транспорт, торговля), институты «внутренней» национальной жизни (воспитание, культура, религия), и объединяющее те и другие учреждения—государство. Государство—высший, центральный орган социальных желаний и социальной мощи. В развитии государственных форм осуществляется общий закон социального отбора (патриархальная группа, феодализм, город-государство территориальная община, национальное государство), который должен эволюционным путем привести их к обобществленному производству. К той же точке зрения близок хотя и не приходит к столь последовательным выводам, французский социолог Рене Вормс («Organisme et société», 1896 г.). У известного французского философа Альфреда Фуллье («Современная наука об обществе» 1885 г., и др.) биологическое понимание общественной жизни соединяется с психологическим («умственный сверхорганизм»), органическая теория с «общественным договором» («договорный организм»). Влияние органических воззрений обнаруживают и работы французского социолога Эмиля Дюркгейма (конец XIX в.) Нзуба, русского автора Новикова и др.

К концу XIX и началу XX столетия органические теории общества уступают место буржуазной социологии психологическим теориям, т.е. теориям явно идеалистическим. Однако от времени до времени они возрождаются и в наши дни (напр. в работах Маутнера и др.) Буржуазная теория общественной жизни мечется сейчас между психологией и биологией («социальная биология» де-Робертп). О. ш. импонирует буржуазным теоретикам тем, что ставит социальное исследование на почву объективной закономерности и в то же время является наиболее последовательным выражением чисто эволюционного (не революционно-диалектического) представления об общественном развитии. В этом сила ее влияния, в этом—основа ее теоретической слабости.

ОРДЕНА — особый отличительный знак установленной формы и рисунка, который жалуется за военные или другие заслуги. На право пользования О. выдается соответствующая грамота. Слово О происходит от *ordo*, что значит «сословие» или «община». Колыбелью О. являются монашеские братства рыцарей, возникшие впервые по время Крестовых походов, напр., мальтийский О., тамплиеров, меченосцев. Монашеские братства принимали в качестве своей эмблемы крест

После прекращения Крестовых походов феодалы стали организовывать подобные же О., но на светских началах. Такие О. выступали в походы на защиту страны или по другим поводам, а члены О. приносили установленную статутами клятву служить верою и правдою О. и христианству. Условием поступления в О. ставилось благородное происхождение. Такие О. с течением времени расширялись, богатели, приобретали обширные земельные угодья и сыграли в истории значительную роль.

Впоследствии в Западной Европе императоры и короли сами стали учреждать светские О. и становились во главе их, именуясь начальниками или гроссмейстерами. По мере укрепления государственной власти, знаки отличия стали приобретать чисто государственное значение. Верховная власть окончательно закрепила за собой право на установление тех или иных О. и жаловала их за выдающиеся заслуги.

В настоящее время во всех государствах существуют О. за заслуги на военном и гражданском поприще. Каждый О. имеет свой статут, в котором обычно указаны права, преимущества и обязанности членов О., которые именуются кавалерами. Многие из О. подразделяются на степени или классы.

В России О. были введены Петром I. К моменту падения царского режима их насчитывалось восемь.

Советская власть признала полезным отличать военные подвиги и общегражданские заслуги граждан Союза орденскими знаками и установила два О. Красного Знамени: 1-й за военные подвиги (декрет 16/IX 1918 г.) 2-й за общественно-гражданские и трудовые заслуги—О. Трудового Знамени (постановление VIII Съезда Советов, С. У. I. ст. 7, 1926 г.). Они состоят из сочетания революционно советских

эмблем—красного знамени, пятилучевой звезды и орудий труда. Наши О. существенно отличаются от всех знаков отличия буржуазных государств, у которых, как правило, отличительные знаки имеют форму креста. Кроме того, получение О. не дает награжденному никаких прав и преимуществ и является только видимым доказательством его заслуг перед страной трудящихся. Затем, О. Красного Знамени не имеют степеней, и, если одно и то же лицо удостоивается повторного награждения, ему выдается новый О. Наконец, О. Красного Знамени жалуются советской властью не только отдельным лицам, но и целым учреждениям и организациям, фабрикам, заводам, армиям и т. п.

Порядок награждения О. Красного Знамени сходен с общепринятым О. жалуются по представлению имеющих на это право лиц высшей власти СССР (Президиум ЦИК), и на право ношения О. выдается грамота. Приговор суда по уголовному делу может в случае поражения прав, лишить и права ношения О. Красного или Трудового Знамени, но это определение вступает в силу лишь с утверждения ЦИК.

К. Душин-Борковский

ОРУЖИЕ служит в первую очередь интересам господствующего класса и употребляется для обороны государства, а также для охраны внутреннего порядка. Кроме того, О. может употребляться частными лицами в целях охоты (см.) В соответствии с этим, некоторые виды О. могут предоставляться только военно-служащим и другим должностным лицам для исполнения служебных обязанностей; другие же виды О. могут находиться в пользовании частных лиц.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 12 декабря 1924 г. (С. У. 1924 г., № 29, ст. 256) «О порядке производства, торговли, хранения, пользования, учета и перевозки О., огнестрельных припасов разрывных снарядов и взрывчатых веществ» делит все О. (в том числе орудия)—огнестрельные припасы, разрывные снаряды и взрывчатые вещества—на три категории; А—типа военных и военно-морских образцов, припаятых для вооружения Красной армии и Красного флота; Б—типа образцов, могущих быть использованными для вооруже-

ния Красной армии и Красного флота; В — типа образцов, не могущих быть использованными для вооружения Красной армии и Красного флота, а также охотничьи. Производство и торговля О. также регулируется в соответствии с разделением на указанные три категории. Приобретение предметов, отнесенных к категории А, не допускается ни государственными учреждениями, ни частными лицами: они состоят в исключительном ведении и пользовании Наркомвоенна, при чем Реввоенсовет может, по соглашению с ОГПУ (см.), устанавливать, в исключительных случаях, изъятия из этого правила. Приобретение предметов, отнесенных к категории В, определяется особыми правилами. Приобретение же предметов, указанных в категории В, определяется правилами, издаваемыми народными комиссариатами внутренних дел союзных республик по соглашению с ОГПУ В РСФСР соответствующие правила содержатся в инструкции НКВД от 12 октября 1925 г., № 596 «О пользовании и торговле охотничьим О. огнестрельным и торговле охотничьим О. огнестрельным и торговле взрывчатых и детонирующих веществ» («Бюллетень НКВД» 1925 г., № 44) По этим правилам все О., употребляемое для охоты (т. е. относящееся к категории В закона от 12 декабря 1924 г.), делится на три категории: а) нарезное охотничье О., б) ненарезное охотничье О., в) охотничье холодное О.

Всем гражданам, а также охотничьим профессиональным и спортивным обществам и союзам предоставляется право свободного приобретения, пользования и хранения ненарезного и холодного охотничьего О. как для целей охоты, так и для целей охраны. Нарезное охотничье О. может быть приобретено по разрешению, выдаваемому окружными, уездными, городскими, районными и волостными органами милиции. Не могут пользоваться охотничьим О. всех категорий несовершеннолетние, а также лица, коим по суду запрещено заниматься охотничьим промыслом. При выдаче разрешений охотничьим и спортивным организациям предоставляется право получения разрешений на приобретение О. для всех своих членов по общему списку.

Изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ или снарядов, а равно хранение огнестрельного (не охотничьего) О. без надлежащего разрешения по ст 182

У. К. РСФСР редакции 1926 г. влечет принудительные работы на срок до 6 месяцев или штраф до одной тысячи рублей с конфискацией названных предметов. Приобретение и хранение нарезного охотничьего О. без разрешения влечет ответственность в административном порядке, согласно издаваемым местными исполкомами обязательным постановлениям.

Употребление О. должностными лицами допускается лишь в исключительных случаях; так, милиционер может употреблять О. только а) при вооруженном на него нападении или при вооруженном сопротивлении его законным требованиям; б) для отражения произведенного на него нападения, хотя бы и невооруженного, но угрожающего опасностью для его жизни, здоровья, свободы или сделанного с целью отбить препровожаемых арестантов или имущество, деньги, бумаги или О.; в) для защиты других лиц от нападения; г) для прекращения насильственного посягательства на имущество; д) для задержания преступников и поимки арестантов, убежавших из-под стражи.

Применение О. во всех этих случаях может быть произведено только в случаях когда никакими другими мерами восстановить порядок невозможно («Инструкция волостному и постовому милиционеру»).

При этом нельзя применять О. в отношении убегающих арестованных, задержанных за маловажные проступки, или когда о них нет еще постановления о содержании под стражей. Также не допускается применение О. в отношении лиц, не подчиняющихся требованию милиции остановиться, если нет вполне определенных данных подозревать в таких гражданах серьезных уголовных преступников (приказ ЦАУ НКВД от 29 августа 1924 г., № 145)

А. Т—р

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ УБЕЖДЕНИЯМ.

Самое большое послабление, которое согласно допустить в этом отношении буржуазное законодательство, это предоставить такое О. членам некоторых отдельных, точно перечисленных сект, в форме исключительной, только им свойственной, привилегии. Так, в Сев.-Америк. Соед. Штатах во время междуусобной

войны от непосредственной службы в боевых частях были освобождены члены некоторых квакерских общин, в дореволюционной России от военной (точнее, строевой) службы освобождались так называемые меннониты, одно из сравнительно небольших разветвлений некогда очень значительного в истории европейской реформации анабаптистского движения. Их преимущество восходило еще ко II половине XVIII в., к тем льготам, при помощи которых правительство Екатерины II старалось заманить их предков в Россию для колонизации только что отнятого у Турции полупустынного черноморского побережья. Исключительный корпоративный характер подобной привилегии меннонитов при царском режиме виден из того, что русских сектантов, иногда признававших буквально то же самое учение, за отказ от отбывания воинской повинности подвергали суровым наказаниям.

Только в советском законодательстве О. от воен. сл. по религ. убежд. принимает впервые характер права, а не привилегии, при чем в более ранних декретах 4 янв. 1919 г. и 14 дек. 1920 г., это право проводилось очень широко, ибо могло, при доказанности непротивленческих убеждений, быть предоставленным гражданину и не принадлежащему к сектам, учение которых запрещает военную службу. Так как это, однако, привело к злоупотреблениям, ибо явилось много искателей подобного освобождения, стремившихся использовать эти законы исключительно в «шкурных» интересах, пришлось ввести некоторые ограничения. По действующему с 1 октября 1925 г. закону об обязательной военной службе (С. У. 1925 г., вып. № 62, зак. № 463, ст. 216) это О. теперь может даваться только лицам, принадлежащим к тем сектам, которые и до революции отвергали военную службу. Но и в таком виде наше законодательство по данному вопросу значительно шире буржуазного.

Советское законодательство об О. от воен. служ. по религ. убежд. имеет вообще очень любопытную историю, ярко иллюстрирующую, как даже самые непротивленческие религии готовы противиться государству трудящихся. Советская власть первой провозгласила широкую принципиальную возможность О. еще в декрете 23 января 1918 г. об отделении церкви от

государства. Практическое значение данный вопрос приобрел лишь с усилением гражданской войны, когда формирующаяся на добровольческих началах Красная гвардия сменилась Красной армией, служба в которой стала обязательной. 4 января 1919 г. Совнарком принимает первый специальный декрет об О. от воен. сл. по религ. убежд. Декрет превзошел все ожидания, которые только были у отрицавших военную службу сектантов. Он не только допускал возможность в некоторых случаях полного О., без всякой замены выполнением каких-либо иных повинностей по отношению к государству, но даже и самое дело этого О. передал в значительной степени в руки непротивленческих религиозных обществ, а именно: согласно п. 2 этого декрета, в качестве учреждения, из которого судам особенно рекомендовалось приглашать экспертов для выяснения вопроса, действительно ли претендующие на О. лица могут считаться искренно убежденными противниками военной службы, был рекомендован т.-н.

Объединенный совет религиозных общин и групп—организация составившаяся из ряда непротивленческих сект. Доминирующую роль в ней играли толстовцы с Чертковым и Шохор-Троцким во главе. Нужно заметить, что вначале суды так доверчиво относились к этим экспертам, что их свидетельством в пользу лица, искавшего подобное О. дело в сущности и определялось, а «объединенный совет» оказавшее ему советской властью доверие использовало исключительно в целях массового, интенсивного развития своей религиозной пропаганды. Он стремился разрекламировать себя перед темными кругами населения как особую инстанцию по О. от воен. сл. давая благоприятные отзывы всякому, кто к нему ни обращался. Дело дошло до того, что даже бывшие кадровые офицеры—георгиевские кавалеры, становившиеся непротивленцами лишь ко дню их призыва к Красную армию, получали у «объединенного совета» нужную им характеристику. Поэтому был издан новый декрет, 14 декабря 1920 г., главное отличие которого от декрета 4 января 1919 г. то, что он отнял у «Объединенного совета» религ. общ. и групп» преимущественное право посылать эксперта в суды по делам О. от воен. сл. и взамен его выдвинул на

первое место экспертов от советских учебных учреждений и коммунистической партии. В настоящее время это О. совершается по закону об обязат. военн. сл., разд. 18 и уставу гражд. судопроизводств., гл. 26. В частности, здесь урегулирован вопрос о сроках, в течение которых следует вчинять иск о данном О. Первой инстанцией, рассматривающей теперь эти дела, являются гражданские отделения губсудов. Обжалование — в обычном порядке в гр.-касс. кол. Верх. Суда. Интересы государства теперь обязательно представляются на этих процессах представителем прокуратуры. Иск об О. считается гражданским, и отказ от нем сам по себе для просителя, конечно уголовной ответственности не влечет. О. от воен. сл. теперь обязательно заменяется какой-нибудь иной работой государству (напр., посылкой на эпидемии, тушением лесных пожаров и пр.). Претендовать на О. как сказано, теперь могут лишь лица принадлежащие к религиозным обществам. действительно всегда отрицавшим войну, почему на суде приобретает большое значение эксперт, знаток по истории религий. Суды могут обращаться и к научным учреждениям, напр., университетам, за историческими справками о соответствующих религиях. Спорный вначале вопрос можно ли добиваться данного О. на основании нерелигиозных, а просто непротивленческих убеждений, разрешен отрицательно. Так как у нас молодое поколение свободно от религиозного воспитания, то суд при решении вопроса обращает главное внимание на искренность заявления не только на формальную принадлежность к секте по и на практическое осуществление этой принадлежности. Та же политика, па которой основан наш закон об отделении церкви от государства, проводится и в этом вопросе политика не принуждения а свободного переубеждения.

С Урсыновиц

ОСКОРБЛЕНИЕ (лат. *injuria*, франц. *injure*, нем. *Beleidigung*) подавляющим большинством криминалистов Зап. Европы и старой России рассматривается, как посягательство на честь. Вполне понятна необходимость для юристов ответить на вопрос, что же такое честь. Автор наиболее

обстоятельной в доревол. русской литературе монографии об О. Н. Н. Розин, приводит сегования отдельных германских криминалистов по поводу того, что «и общая литература, и философия, и юриспруденция дают на этот вопрос самые разнообразные и несогласимые определения и ответы». Неспособность буржуазных идеологов дать научный ответ на этот сравнительно второстепенный вопрос не может удивить того, кто знает, что эти же идеологи не могут договориться между собой и по поводу существа основных понятий своей же идеологии. К тому же, бесчестное поведение и безнравственное поведение — синонимы. И вполне естественно, что в классовом обществе, где содержание морали, признаваемой одним классом, никак не укладывается в рамки «морального сознания» представителей другого класса, вместе с тем и содержание понятия чести оказывается далеко не единым для всего общества: ср. «дворянскую честь» («честь мундира»), «коммерческую честь» («честь фирмы») и т. п., с одной стороны, и чувство собственного достоинства сознательного пролетария с другой.

Подобно тому, как «идея принципиальной ценности и равноценности человеческой личности имеет свою длинную историю», так имеет свою длинную историю и история выработки формально единого приложимого в одинаковой мере к каждому человеку, понятия чести, которое буржуазные теоретики в определенном смысле уже отождествляют с понятием «достоинства» личности, присущего в равной мере всякой личности, как таковой. Раб вовсе «не имел чести», не имел потому что вовсе не был личностью» с точки зрения права, а лишь «говорящей вещью». Лишь тот кто имеет права, лишь субъект права, т.е. лицо в юридическом смысле, есть в то же время и моральная личность, обладающая «честью» и достоинством. В средневековом сословном строе, т.е. строе, где классовое деление общества непосредственно отражено и юридически, делении на сословия высшие (феодалное дворянство и духовенство), среднее (городское бюргерство) и низшее (крестьянство), различающиеся между собою по объему право-

способности, там сословному неравенству соответствует и различная оценка—и охрана—достоинства личности, в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию. Наиболее ранний памятник русского права, упоминающий об О. словом, «Двинская уставная грамота» 1397 г., знает вообще только бесчестье (т. е. О.) боярина. А в Московской Руси XVII в (по уложению 1649 г) за боярское бесчестье били кнутом; за бесчестье крупного купца («гостя») взыскивалось в пользу такового с обидчика 50 рублей; за бесчестье посадского человека, мещанина—от 5 до 10 рублей, за бесчестье крестьянина—1 рубль. Исторически вполне вероятным является предположение, что первоначально понятие чести создают для себя, требуя особого уважения к себе со стороны всех остальных наиболее мощные экономически, а значит и политически группы: не даром филология латинского языка связывает слово *existimatio* честь, со словом *aestimatio*—оценка, а через него и со словом *ars*—деньги. Сословная честь только с переходом к буржуазной эре сублимируется (подымается на высшую ступень), превращаясь в честь общечеловеческую. Равенство чести каждого человека и равная охрана этой чести—чисто демократический принцип, вытекающий из внутренней сущности буржуазной демократии, как юридической оболочки общества товаропроизводителей, связанных между собою через рынок, где все равны и все признают друг в друге достоинство равноправных продавцов и покупателей. Впрочем, как мы сейчас увидим, буржуазные юристы признают в полной мере лишь равенство внутреннего достоинства всех людей и равенство репрессии за О. независимо от того, кто оскорблен, сплошь да рядом не распространяя этого равенства на все содержание понятия «честь».

Современные криминалисты обыкновенно различают субъективную честь (внутреннее достоинство человека) и честь объективную, выражающуюся в уважении сограждан. Говоря о последней, Лист пишет: «Честь в первую голову является фактом: она—приобретенное образом жизни уважение, социальное положение; но, далее, честь обозначает и интерес отдельного

лица, чтобы его уважали соответственно его образу жизни» Исходящий из той же мысли Биндинг прямо делает вывод, что человек может предъявлять притязание на обращение с ним соответственно его «счету чести (*Ehrenkonto*)»—вывод, очень характерный для буржуа.

Выдвинутые Биндингом положения логически приводят к конструкции О., как нарушения права па уважение. Однако, почти все современные криминалисты эту конструкцию отвергают, считая, что право, как выразился Лист «только негативно» охраняет честь, как интерес лица, чтобы его уважали.

Немудрено, что отдельные бурж. криминалисты пытаются выдвигать, в качестве объекта преступления при О. вовсе не честь, а что-либо иное. Эти криминалисты (Бар, Линман, Гесс и др.) рассматривают О., как посягательство на чувство человека. О есть посягательство не на честь, а на чувство чести, говорит Гесс; по мнению Бара, О. следует признавать такие действия, которые обладают объективной способностью вызывать в человеке душевную боль. Дефектность всех выдвинутых определений объекта преступления при О. но привлекла к себе особого внимания, ибо криминалисты могли, на худой конец, обходиться и при помощи простого перечисления тех действий, которые могут образовывать собою объективный состав О. Так, излагая дореволюционное русское угол. право, Фойницкий делил О. (обиду) на обиду словом и обиду действием, причем относил к обидным словам: 1) слова бранные и ругательные, 2) слова поносительные, 3) слова унижительные. 4) упреки в оскорбительной или унижительной форме или упреки поведением и образом жизни, не соответствующим достоинству человека, 5) оскорбительные предложения и 6) оскорбительные суждения и отзывы.

Правда, «шаткость и неопределенность понятия чести отразились на широком развитии судебных процессов об О. по самым ничтожным поводам» (Розин) как в Германии, так и в дореволюционной России, поскольку и там и здесь право (в России—пачиная с Петра I) стало на путь

признания уголовно-преследуемым всякого О. как такового.

Значительно уже область наказуемого О по английскому и по французскому праву. Действующее английское право еще с эпохи средневековья не знает, как не знало и древне-римское право, наказуемости простого устного О. (slander); оскорбленный в этих случаях в праве лишь в порядке гражданского иска требовать денежного удовлетворения за вред, причиненный О. поскольку докажет, что такой вред имеет место (а если устное О. заключало в себе элемент клеветы, не исключая и случаев, когда, с нашей точки зрения, налицо полный состав клеветы, то истец не обязан доказывать факт причинения ему оскорбителем ущерба; однако ответчик в этом случае освобождается от ответственности, если докажет, что его утверждения соответствовали действительности). Уголовная ответственность наступает лишь в случаях опозорения кого-либо в печати (libell); устная же обида может влечь уголовную ответственность (но уже не как О., а как соот. полицейский деликт), лишь когда она одновременно является «публичным скандалом».

По французскому праву устное О. признается уголовным преступлением (délit) и влечет штраф от 60 до 500 франков лишь в том случае, если оно 1) совершено в публичном месте и в то же время 2) содержало указание на существование у того к кому относилось, определенного нравственного порока; но во всех прочих случаях устное О. признается простым contravention (полицейский проступок), влекущим штраф от 1 до 5 франков.

Розин, в указанном своем труде предлагал резкое изменение подхода дореволюционного уголовного права к О. Он предлагал признавать наказуемым посягательством на честь только опозорение, «только то, что создает психологическую почву для изменения общественного суждения о данном индивиду, что вносит в группу фактов, на которых это суждение покоится, новые факты, разрушающие прежнее суждение» т.е. только клевету (см.) или диффамацию. Пользуясь нашей современной терминологией, и в применении к советскому

УК можно сформулировать это предложение так: ст. 172 УК 1922 г. (ст. 159 УК 1926 г.), с точки зрения Розина, излишня; деяния, ею предусмотренные, сами по себе могут оставаться ненаказуемыми; в тех же случаях, когда в них налицо элемент хулиганства (см.), они и должны преследоваться, как хулиганство, а не как О.

Это предложение для советского права в данный период, следует признать неприемлемым. Не только УК 1922 г., но и новый УК не пошел по пути такого упрощения. Принцип, согласно которому всякое О. (как О. действием, так и О. словесное или О. на письме) влечет уголовное преследование, проводится и в УК 1922 г., и в новом УК. Отличие нового УК заключается лишь в том, что он выделил О. действием назначая за него более строгую меру сои защиты (принудработы до 2 месяцев или штраф до 300 руб.), чем за О. словесное или на письме, за которые положены только штраф до 300 руб., или общественное порицание (согласно же У. К. 1922 г. и в том и другом случае применяются принудработы на срок до 6 месяцев, или штраф до 500 руб., или обе меры вместе). О., нанесенное в распространенных или публично выставленных произведениях печати или изображениях, влечет и у нас, подобно иностранным законодательствам, более строгую репрессию—принудработы на срок до 6 мес. или штраф до 300 рублей (по У. К. 1922 г. полагалось лишение свободы на срок до 1 года).

Применяя уголовную репрессию за О., наносимое одним гражданином другому гражданину, пролетарское государство руководится не одним, единым для всех граждан, критерием охраны «чести», а двумя критериями: 1) оно, конечно, заинтересовано в том, чтобы развить и укрепить в каждом трудящемся сознание собственного достоинства, как личности, имеющей все основания требовать от всех и каждого признания своей полноправности и уважения к себе, то сознание, которое капиталистическое общество всемерно старалось и старается в трудящихся вытравить, несмотря на все фразы идеологов этого общества о «человеческом достоинстве, присущем каждому человеку

без исключения» (равенству всех перед законом, как лозунгу буржуазной демократии, вполне корреспондирует, как мы видели, «всеобщее и равное» право на уважение, в то же время, подобно тому же «равенству всех перед законом», остающееся только «негативным» правом для массы граждан); 2) оно в то же время обеспечивает всех граждан, а не одних лишь трудящихся, от такого обхождения с ними, которое, будучи для культурного человека нестерпимым, вместе с тем противоречит и условиям культурного общежития—тем условиям, которые заинтересованное в поднятии общего уровня культуры пролетарское государство стремится всемерно развивать и укреплять. Для достижения последней цели было бы возможно ограничиться в У. К. и одной лишь борьбой с хулиганством; но достижение первой цели требует большего, требует сохранения в У. К. и особой статьи об О. Вот в силу каких «ображений советскому законодательству и не приходится покидать той позиции, которая давно уже занята им по вопросу об О. Мы не говорим уже о том, что, отрицая буржуазную демократию, пролетариат и его партия не отрицают и принципов демократии, заполняя эти принципы социалистическим содержанием и таким путем, через осуществление впервые демократии для масс, диалектически подходя к преодолению самого понятия демократического государства; пролетариат и его партия не допускают унижения достоинства какой бы то ни было человеческой личности, как таковой.

Всякое О должно быть умышленным О. Лицо, не сознающее, например, оскорбительности своих слов не может быть привлечено за О с другой стороны, не всякое выражение сказанное с умыслом оскорбить и действительно оскорбившее образует состав О., предусмотренного У. К.: пролетарский суд не признает, например, О словом «безбожник», хотя бы с точки зрения обеих сторон это слово и казалось крайне обидным. Не признавая оскорбительными таких наименований, которые вполне «легализованы» пролетарской революцией и дальнейшей политикой советской власти, и вообще не поощряя склонности

отдельных граждан с раздутым самолюбием создавать из каждого пустяка процесс об О., советский суд в остальном должен учитывать, как воспринимается конкретное выражение или действие в той трудовой среде, где возникло дело об О или где это дело получило, или могло бы получить, ту или иную огласку. Если дореволюционное русское право провозглашало, что «обида заочная не вменяется в поношение обидчику и никакие по ней жалобы не принимаются», то советская судебная практика отвергает формальное деление О. на заочные и личные обиды. Старое право знало т.-н. «посредственную личную обиду», под которой понимало «1) обиду одного лица посредством О другого (напр., название мужа рогоносцем есть О. жены) и 2) обиду отсутствующего, чувствуемую присутствующим как О. самого себя в силу тесных семейных или родственных связей, устанавливающих для них как бы единую честь» (Фойницкий). Для советского права вопрос о квалификации аналогичных делений—вопрос факта.

Взаимный зачет О., признаваемый в дореволюц. русском праве, и сохранившийся до некоторой степени еще в У. К. 1922 г (ч. 2, ст. 172: «Не карается О., вызванное равным или более тяжким насилием или О. со стороны потерпевшего»), новому У. К. уже неизвестен.

Об О. представителя власти—см. Преступления против порядка управления

Дореволюционное русское право знало особый вид удовлетворения оскорбленного—т.-н. «бесчестие» (см.). Это архаическое последствие О. в советском праве, конечно, исчезло.

А. Эстрин

ОСНОВЫ ОБЩЕСОЮЗНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. Целый ряд пунктов ст. 1 Конституции СССР предусматривает основы судостроительства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза, установление основных законов о труде общих начал в области народного просвещения и т. д. Оттуда образовалось понятие О. о. з. Рассматривая буржуазную революцию (см.) кодексы герм. (см.) и Наполеона (см.), мы видели, какую тяжелую и длительную борьбу всю-

ду буржуазия вела за унификацию, единство права в общегосударственном масштабе; эта борьба по некоторым отраслям, напр., вексельному праву, разрослась даже в международном масштабе. У нас порою наблюдается интересное явление противоположного направления. Наши кодексы (Г. К., У. К., З. К., Т. К., даже У. П. К. и Г. П. К., и т. д.) первоначально хотя и относились к одной РСФСР, но на деле охватили всю территорию Союза. С образованием Союза началось движение за обособленность кодексов. Началось с того, что союзные республики внесли для себя изменения в исторический текст Конституции 1918 г., а вслед за тем стали дополнять и изменять статьи отдельных кодексов. Так у нас образовалось понятие общесоюзных законов и законов республиканских, и началось противопоставление Конституции Союза конституциям союзных республик. Был даже образован особый Верховный Суд Союза (см.), на котором как основная (и почти единственная, если не считать военной коллегии, несколько искусственно включенной) задача, лежало наблюдение за нарушением Конституции СССР союзными республиками и, наоборот, конституций республик союзными учреждениями и т. д.

В 1923 г. началось осуществление текста Конституции СССР об основах О. з. Вопрос был поставлен еще раньше при составлении Конституции Союза. По вопросу о Верховном Суде Союза был выдвинут вопрос о единой кассационной инстанции но это предложение было категорически отклонено. Приступая к обсуждению вопроса об основах общесоюзного уг. права, судоустройства и угол. судопроизводства, мы опять встретились с двумя мнениями. Первое мнение заключалось в том, что эти основы должны содержать текст общесоюзных кодексов, в которые союзные республики могут внести лишь дополнения, не противоречащие основам. Второе мнение свелось к тому, что эти основы должны быть основными статьями, входящими в республиканские кодексы. Победило на этой стадии второе мнение и соответственно этому комиссией были выработаны пять законов: 1) основы судоустройства СССР и союзных республик; 2) основные начала уг. законода-

тельства СССР и союзных республик, 3) основы угол. судопроизводства СССР и союзных республик; 4) положение о воинских преступлениях и 5) о союзном гражданстве. Но не успели проекты дойти до СНК, как изменилась тенденция, и Совнарком принял основы судоустройства в гораздо более централистическом духе. На 2-й сессии ЦИК II созыва (октябрь 1924 г.) основы были приняты, но вопрос об их значении не был открыто поставлен. Вследствие этого остался открытым вопрос о вступлении в силу принятых основ Президиум ЦИК Союза предложил ЦИК союзных республик переработать согласно своим кодексам, назначая определенные сроки. Работа эта затянулась и в срок ни в одной республике не была выполнена. За это время вышел первый общесоюзный закон об авторском праве. Так как для республиканского авторского права (см.) пришлось переработать существующие законы то ЦИК РСФСР постановил отсрочить вступление в силу союзного закона но это постановление было отменено Президиумом ЦИК Союза, и установилось правило, что О. о. з. должны вступить в силу с момента их опубликования или с особого, назначенного в самом законе, времени. Это правило было применено на деле и к положению о воинских преступлениях. Но эти оба закона, строго говоря, нельзя отнести к одним общим началам, а вопрос о вступлении в силу так называемых общих начал, в узком смысле слова, еще ждет окончательного урегулирования. Верховный Суд Союза стоит на той точке зрения, что «основы» вступили в силу со дня их опубликования и до их включения в республиканские кодексы, что фактически создает большие затруднения на практике

II. Ст.

ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ, или, как говорит ст 156 нового У. К. РСФСР «заведомое оставление без помощи лица находящегося в опасном для жизни состоянии, лишенного возможности принять меры самосохранения но малолетству, дряхлости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности», преследуется лишь в тех случаях, если оставивший без помощи обязан был чинить заботу об

оставленном и имел возможность оказать помощь», и влечет по новому У К принудработы на срок до 6 мес. или штраф до 300 р. (а по У. К. 1922 г.—лишение свободы до 2 лет). Когда оставивший без помощи не был обязан иметь заботу об оставленном, то к нему статья У К. об О. в опасности не применяется, а его поведение можно квалифицировать только как «неоказание помощи» (ср. о последнем в Деянии); по новому У. К. неоказание помощи постороннему лицу, как таковое, признано вообще не влекущим уголовного преследования, кроме случаев неоказания помощи больному лицом медперсонала и т. п., в то время как, согласно ст. 164 У. К. 1922 г., неоказание кем бы то ни было возможной помощи погибающему влечет принудработы до 6 мес. во всех тех случаях, когда в результате неоказания помощи причинена была смерть или тяжкое телесное повреждение.

Можно сказать, что применяемые капиталистами локауты (см.), при которых выбрасываются, в полном смысле слова, на улицу массы рабочих, остающихся в результате локаута без всяких средств к существованию, сплошь да рядом являются массовым поставлением в опасность, однако, по буржуазному нраву, совершенно ненаказуемым. Только с этой оговоркой возможно утверждать, что О. в опасности преследуется всеми современными законодательствами, при чем обычно различают 1) простое О. в опасности и 2) и оставление в опасное положение. Такое же различие проводилось и в У. К. 1922 г. (ч. 1 и ч. 2 ст. 163). Новый У. К. не оговаривает особо 2-й разновидности О. в опасности. Это упрощение устраняет и некоторые недоразумения. Всякое О. в опасности должно быть заведомым (т.-е. за О. в опасности может быть осуждено только то лицо, которое сознавало опасность того положения, в котором оно—опять таки сознательно—покидало другое лицо). Если налицо заведомое поставление в опасное положение, т.-е. если кто-либо сознательно ставит другого в опасные для его жизни условия (иначе говоря, создает для другого опасное положение), то такие действия можно, в тех случаях, когда вероятность гибели более или менее

велика, рассматривать уже как умышленное посягательство на жизнь другого лица (см. Умысел, в частности сказанное там об «эвентуальном умысле»). Существование в У. К. 1922 г. ч. 2 ст. 163 позволяло приходиться к выводу, что наш У. К. не допускает возможности квалифицировать как покушение (см. Деяние), такие не приведшие к вредным последствиям действия, которые совершались с сознанием, что результатом их может быть причинение вредных последствий, хотя и без прямой цели вызвать эти последствия (т.-н. *Gefährdungsdelikte*, новейших германских криминалистов. см. Деяние). Между тем, отрицать возможность квалифицировать отдельные (необязательно все) случаи подобного рода как покушение—т.-н. покушение с эвентуальным умыслом—в советском праве нет никаких принципиальных оснований.

Иностранные законодательства (напр. германское) часто признают гибель оставленного в опасном положении лица обстоятельством, усугубляющим ответственность за О. в опасности. Наш У. К. не затрагивает этого вопроса в статье, предусматривающей О. в опасности. С точки зрения правильного понимания вопроса о причинности в уголовном праве (см. Деяние), если О. в опасности имело своим последствием смерть, налицо уже не О. в опасности, а причинение смерти, дающее основание квалифицировать деяние, приведшее к этому результату, как убийство (умышленное или неосторожное—в зависимости от обстоятельств дела).

Наша судебная практика, за отсутствием другой подходящей статьи в У. К., распространяла ст. 163 У. К. 1922 г. и на случаи подкидышания своего ребенка. Между тем, обычно ребенок «подкидывается» таким образом, что своевременное нахождение его другим лицом является, по мнению подкидывающей матери, обеспеченным, т.-е. в сущности отсутствует состав «заведомого О. в опасности». Новый У. К. содержит вновь редакцированное постановление (ч. 2 ст. 158), предусматривающее «оставление родителями малолетних детей без всякой поддержки, а равно понуждение детей к занятию нищенством» и назначающее в этом случае ли-

шение свободы на срок до 6 мес. или штраф до 300 руб., т.-е. значительно более строгие меры, чем предусмотренные в ст. 156. В связи с этим, все случаи подкидывания ребенка матерью правильнее квалифицировать по этой последней статье. Впрочем, в тех случаях, когда заведомо для матери жизни подкидываемого ею ребенка грозила значительная опасность, не исключена возможность квалифицировать ее действия и как покушение на жизнь ребенка.

Необходимо иметь в виду, что рассмотренные только что конкретные случаи применения статьи нашего У. К. об О. в опасности и примыкающих к ней постановлений должны, с повышением материальной обеспеченности широких масс трудящихся в результате дальнейших успехов нашего социалистического строительства, постепенно все более сходить на-нет. Более полный и широкий охват социальным обеспечением всех тех, кто в нем нуждается уже сделает на практике соотв. постановления У. К. беспредметными. Пока, однако, советская власть не в состоянии уделить делу соц. обеспечения достаточного количества средств. О. в опасности и родственные с ним явления продолжают оставаться и сами по себе социально опасными, так что У. К. не может обойтись без особых постановлений о таковых.

4. 2.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА.

Во внутригосударственном общении государство может выступать, как правительственная власть (законодательствуя, управляя и т. д.) и как частно-правовой субъект (собственник имущества и т. д.). Естественно, что в обоих этих случаях О., которую несет государство, различна. О. государства, выступающего в качестве правительственной власти, с теми или иными ограничениями, определенно выражена во всех существующих правовых системах. О. государства, выступающего в качестве субъекта частно-правового общения, сомнения не вызывает, но в различных правовых системах объем этой О. различен. Особое своеобразие внесло в этот вопрос советское право.

Государство, осуществляя власть правительственную, отправляет при этом различные функции. Наи-

более важными среди этих функций являются законодательная, функция управления и судебная. О. государства, как правительственной власти, видоизменяется в зависимости от того какую функцию оно отправляет.

Общепринято, что государство не несет О. при отправлении им законодательных функций. Издание закона, нарушающего интересы и даже права частных лиц, О. государства за собой не влечет. Такова позиция не только советского права, но в известной мере и буржуазных правовых систем (см. Обратная сила закона). Так, например, Франция, установив в 1835 г. табачную монополию и нарушив этим в сильной степени интересы частных лиц, не сочла нужным установить им выплаты компенсации, и, несмотря на это очевидное нарушение права собственности, государство никакой О. не понесло. Не требует специальных пояснений, что таковую позицию по этому вопросу в полной мере разделяет советское право.

Однако это общее правило нуждается в одном весьма существенном ограничении. В случае, если законодательство государства нарушает интересы частного лица, в той области, в какой оно оговорило за собой сохранение известных прав в особом договоре с государством, государство О. нести должно. Это правило содержится во французском законодательстве в применении к интересам концессионеров. Такова же концепция по отношению к концессиям советского права, которое прокламировало в декрете СНК от 23 ноября 1920 г. «Об общих экономических и юридических условиях концессии», п. 6, что «правительство РСФСР гарантирует концессионеру недопустимость одностороннего изменения какими-либо распоряжениями или декретами правительства условий концессионного договора». В концессионных договорах, заключаемых правительством СССР, это положение обычно подтверждается, при чем оговаривается обязанность правительства возместить концессионеру убытки происшедшие в результате действий правительственной власти. Однако нетрудно заметить, что в данном случае отвечает не государство, как законодатель, а государство, как частно-правовой субъект, за неисполнение им взятого на себя по договору обязательства,

каковое неисполнение проистекает из-за его действий, как законодателя ¹⁾.

При отправлении судебных функций государство по общему правилу, также никакой О. не несет. Однако исключение в этом отношении составляют действия, основанные на неправильном отправлении судебных функций. Большинство правовых систем допускает О. государства за такие действия. Некоторые законодательства (довоенное австрийское, испанское, отчасти французское и германское) допускают и О. судей за неправильные их действия. Советское право не знает О. государства за судебные действия.

Значительно шире круг О. государства при отправлении им функций управления. Более или менее несомненным считается, что государство, как правительство, не отвечает за свои действия, направленные к нарушению интересов частных лиц (например, военные действия), если оно специально на это же изъявляет согласие по политическим соображениям (пример—компенсация пострадавшим от мировой войны во Франции). Значительно сложнее представляется проблема О. государства за свои административные действия, поскольку с нею связан вопрос об О. государства за отправляющих его административные функции должностных лиц. Порядок, принятый в этом отношении в различных государствах, не отличается единообразием. В теории принято различать системы континентальных государств Европы имеющие между собой, несмотря на все различия, много общих черт, и своеобразную англо-американскую систему.

Из континентальных государств Европы наибольшей разработке учение о правовой О. государства за действия своих должностных лиц подвергает Франция. Французская система признает в широкой степени О. государства за действия своих должностных лиц.

¹⁾ В Соединенных Штатах государство не отвечает, как частно-правовой субъект, за свои действия, как законодателя. Право частного лица охраняется здесь в той мере, в какой оно может установить судебным порядком „неконституционность“ нарушающего его интересы нового законодательного акта. Это обстоятельство характерно для англо-саксонских стран с их верой в непогрешимость закона.

Исключение в этом отношении составляют не служебные, а персональные действия должностных лиц, за которые государство не несет О. Точно так же государство не отвечает за свои действия в случае *force majeure*, либо в случае, когда правонарушение вызвано небрежностью пострадавшего, либо когда действия административной власти, обычно составляющие правонарушение для определенных случаев предусмотрены законом (например, уничтожение зараженных животных и т. д.)

Иная система принята в англо-саксонских странах. Здесь широта судебного контроля над административными действиями совершенно изменяет основу проблемы. Незаконмерные действия должностных лиц подлежат обычному судебному преследованию в обыкновенных судах. В соответствии с этим находится и то обстоятельство, что, по общему правилу, государство в Великобритании и Соединенных Штатах не несет О. за своих должностных лиц. Официальная доктрина англо-саксонских стран исходит из предпосылки, что государство не может быть неправо, что совершающее правонарушение должностное лицо тем самым действует не от лица государства, и поэтому государство за его действия О. нести не может.

Советское право признает в принципе, что государство не несет О. за свои действия при отправлении им государственных функций. Оно считает, говоря словами Г. К. (ст. 407), что «учреждение отвечает за вред, причиненный неправильными служебными действиями своего должностного лица лишь в случаях, особо указанных законом, если притом неправильность действий должностного лица признана надлежащим судебным или административным органом. Учреждение освобождается от О., если потерпевший своевременно не обжаловал неправильного действия».

Однако ст. 407 Г. К. получила слишком широкое применение; забыли, что она находится в главе Г. К. о входе и ее нельзя толковать распространительно. Да и статью прочитывали не особенно внимательно. Она во всяком случае неприменима к случаям, когда государственное учреждение (от имени государства) в силу закона или основанного на нем распоряжения власти (а не по договору, как субъект частно-гра-

жданского права) принято суммы от частного лица на хранение (напр., в депозит, в качестве вещ. доказательства, для перевода и т. д. или в платеж налогов, сборов, штрафов и т. д.). Тут достаточно, чтобы платеж был сделан (и удостоверен) надлежащим порядком, надлежащему учреждению или должностному лицу, чтобы О. пала на учреждение или государство в целом. Практически мы можем сказать, что государство отвечает за растрату или приращение служащим внесенных ему надлежащим образом сумм (ст. 116, У К. 1926 г.), а за причинение убытков иными преступными или неправильными служебными действиями несет О. лишь в пределах особого закона, напр., ст. 403 или 407 Г. К. Эта практика за последнее время твердо установилась в Верховуде РСФСР. Этот взгляд об О. за растрату разделяет и пленум Верховуда УССР. Особая О. за целостность внесенных сумм устанавливается особыми уставами и положениями (напр., для почт.-тел. учреждений, которые отвечают даже в случае выдачи сумм неподлежащему лицу по подложному документу, вел. дороги и т. д.).

По вопросу об О. государства, выступающего в качестве субъекта частного права (собственника вещи, либо контрагента сделки), можно отметить, что по этому вопросу система континентальных государств (в первую очередь Франции) признает О. государства в полном объеме, установленном гражданским правом для частного-правовых субъектов.

Развитие частной инициативы и узкий объем частного-правовой деятельности государства в англо-саксонских странах приводят к неразработанности этого вопроса в англо-американском праве и к неразличению функций государства, как правительственной власти от его частного-правовых функций.

От обеих систем резко отличается позиция советского права. Государство при советском строе является крупнейшим собственником предпринимателем и купцом. В частно-правовом обороте оно является одним из важнейших его субъектов. В соответствии с этим и вопрос об О. государства, как субъекта частного права, приобретает особое значение в СССР. О. государства по советскому праву являет-

ся различной в зависимости от того, в чем лице оно выступает в частно-правовом обороте. Если оно выступает в обороте непосредственно (т.-е. в лице своих комиссариев), то объем его О. ограничен лишь положением этих комиссариев. Но чаще всего оно выступает в гражданском обороте в форме своеобразных государственных образований частного-правового порядка: трестов, торгов. синдикатов—юридических лиц, образуемых путем отделения им от казны определенных средств, с тем, что в дальнейшем государство за них О. не несет. Правило это определено выражено в Г. К. (ст. 19): «Государственные предприятия и их объединения, переведенные на хозяйственный расчет и не финансируемые в сметном порядке, выступают в обороте, как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица. За их долги отвечает лишь имущество, состоящее в их свободном распоряжении» и в положении о трестах от 10 апреля 1923 г. (ст. 1): «Государственные тресты несут О. по своим обязательствам лишь в пределах состоящего в их распоряжении имущества. Государственная казна за долги трестов не отвечает».

Точно так же государство не несет О. за действия своих местных органов (губ. и облисполкомов) при осуществлении ими частного-правовых действий (см., напр., декрет ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 г. «О порядке сдачи губернскими (областными) исполнительными комитетами концесий на коммунальные предприятия» (ст. 8): «Но договорам, заключенным в порядке настоящего постановления, О. несут лишь подписавшие их губернские исполнительные комитеты в пределах местных средств и имущества, состоящих в их распоряжении. Государство никакой дополнительной О. не несет».

Б. Р.

Ответственность государства (международно-правовая) § 1. Проблема О. г., в плоскости международного права, является одной из самых сложных и спорных. Дело тут конечно, не в догматических затруднениях, самих по себе. Дело в том, что неуклонная последовательность при догматической постановке вопросов (когда и за какие действия государство несет ответствен-

ность) может привести к нежелательным выводам в плоскости чисто политической.

Поэтому в буржуазной доктрине международного права существует даже радикальное течение (Функ-Бреитано, Сорель), которое вовсе отрицает международно-правовую О. г. Эти теоретики считают, что идея суверенитета (см.) государства (см.) противоречит его ответственности. Государство—суверен над самим собой и поэтому ни перед кем отвечать не может. Однако отрицание всякой юридической О. г. в международных отношениях неприемлемо просто потому, что ни одно государство его на практике не проводит, да и провести не в состоянии (зато нередки случаи, когда то или иное государство отказывалось признавать свою ответственность как раз по такому поводу, по которому оно возлагало ее на других). Поэтому и большинство буржуазных международников, не отрицая О. г. в принципе, занимается выяснением того, в каких случаях, в каких пределах и в каком смысле эта ответственность существует.

Марксистское понимание государства, как органа классового господства, заставляет внести в понятие О. г. очень серьезное ограничение, которого не знает буржуазная доктрина, трактующая государственную власть, как явление внеклассовое и надклассовое. Если всякая государственная власть есть власть господствующего класса, то изменение этой классовой основы путем революции является фактом, устраняющим абсолютную преемственность государственных обязательств а, следовательно, и абсолютную ответственность. В самом деле, может ли пролетариат СССР нести ответственность за займы царского правительства, сделанные для его порабощения? Может ли правительство СССР считать себя преемником тех обязательств, которые царская Россия взяла на себя, вступая в империалистическую войну? Разумеется, нет. Смена господствующих классов не может не отразиться на О. г. ибо бессмысленно требовать, чтобы класс угнетаемых отвечал за класс поработителей. В свое время революционная буржуазия поступала именно таким образом, когда, например, французское национальное собрание в 1790 г. отвергло обязательства, вытекавшие из династического договора, заключенного Людовиком XV с Испанией,

признав, что этот договор не связывает Франции. Теперь, в эпоху империализма (см.), буржуазия отрекается от своего революционного прошлого, требуя от рабоче-крестьянской республики выполнения обязательств царского правительства и навязывая революционному Китаю соблюдение угнетательских неравноправных договоров.

Второй особенностью советской точки зрения по вопросу о международно-правовой ответственности следует считать узкое ограничительное толкование последней. Поскольку СССР является единственной социалистической республикой в капиталистическом окружении, постольку у нас нет оснований трактовать юридическую О. г. в международных отношениях шире, чем это вытекает из взятых на себя договорных обязательств или требуется условиями обоюдно выгодного международного общения.

Вопрос о том, за какие деяния государство несет юридическую ответственность в плоскости международной, связан с понятием международно-правового деликта. Последний определяется либо как «исходящее от государства нарушение защищенного международным правом интереса» (Лист), либо как «вред, наносимый главой или правительством государства другому государству путем нарушения международно-правового обязательства» (Ониенгейм). Последнее определение представляется более точным, хотя и здесь вопрос о деликтности решается сравнительно просто лишь в случае нарушения обязательства, прямо выраженного в договоре. Гораздо сложнее обстоит дело, когда международно-правов. деликт является не нарушением договорного обязательства, но т.-н. «общеобязательных положений международного права». Как известно, ни объем, ни точное содержание этих общеприятых норм не являются бесспорными.

Отсюда возможность бесконечных контроверз. Дело запутывается тем, что господствующая теория вводит как необходимый признак деликта, еще и неправомерность. Уже несколько раз отмечалась относительность этого понятия в применении к международному праву (см.) тем более, что тут на сцену появляются такие растяжимые понятия, как «правомерная самопомощь», «необходимая самооборона», «крайняя необходимость» и т. д. примене-

ние или неприменение которых в данном конкретном случае оставляет широкое поле произволу. Спрашивается, что считать правомерным и что считать неправомерным нарушением интересов государства? Несомненно, что оккупация Рура с точки зрения французов была правомерным актом, с точки зрения немцев—явным деликтом. Точно так же «правомерной» считали свою интервенцию в русские дела союзники. Ясно, что такие вопросы решаются, действительно, соотношением сил. Применение в данном случае юридической терминологии означает в лучшем случае смешной педантизм, а в худшем—сознательное лицемерие.

Субъектом деликта может быть государство, действующее непосредственно, т.-е. в лице его органов, наделенных международно-правовыми полномочиями, или через посредство должностных лиц, таких полномочий не имеющих, и, наконец, в некоторых отношениях через посредство частных лиц. К первой категории относятся действия главы государства, министра ин. дел, послов, консулов, а также действия военачальников, предпринятые во время войны. Непосредственная О. г. за все действия лиц, принадлежащих к их вооруженным силам, установлена в ст. 3 четвертой гаагской конвенции 1907 г. Ко второй категории относятся действия органов законодательных, административных и судебных, т.-е. не пользующихся правом международного представительства. Государство может снять с себя ответственность за действия дипломатического агента ссылкой на неисполнение или неправильное исполнение им инструкции.

Поскольку буржуазные конституции провозглашают принцип разделения властей, некоторые международники находят, что государство в лице его главы не может быть сделано ответственным за парламентские выступления, хотя бы и самые резкие. Юристы С. Ш. идут даже дальше и находят, что не только мнения отдельных членов конгресса, но даже и резолюция, принятая собранием, как целым, и заключающая в себе критику какого-либо иностранного правительства, не дает оснований обращаться с претензиями к президенту С. Ш., ибо он не имеет конституционных средств воспрепятствовать принятию подобной резолюции. Так было дело с резо-

люцией сената С. Ш. от 6 июня 1919 г., в которой выражались «симпатии стремлениям ирландского народа иметь избранное им самим правительство». Протесты Англии по поводу «вмешательства в ее внутренние дела» успеха не имели.

Если привилегия безответственности распространяется на официальные органы буржуазного государства, то тем более странно, когда советскую республику хотят сделать ответственной за политическую деятельность негосударственных и неофициальных организаций рабочего класса (партия, профсоюзы, Коминтерн).

Такую (впрочем, неудачную) попытку расширительного толкования О. г. представлял собой протест английского правительства против денежной помощи, которую профсоюзы СССР оказывали бастующим английским рабочим, а также неоднократные претензии по поводу деятельности Коминтерна.

СССР, признавая полностью ответственность за собственные действия, не может принять ответственности за выступления той или иной классовой организации, политической или профессиональной, равно как он не возлагает ответственности на иностранные государства за деятельность частных лиц или организаций, ведущих анти-советскую пропаганду (см.). Так, напр., советскому правительству чужда была мысль возложить ответственность за анти-советскую пропаганду II Интернационала на Великобританию во время нахождения у власти деятелей этого интернационала—членов рабочей партии. Исходя из изложенной концепции, советское правительство неоднократно отклоняло попытки буржуазных правительств возложить на СССР ответственность за деятельность Коминтерна, подчеркивая, что советское государство отвечает лишь за свои действия, действия своих органов и зависящих от него организаций, а не за действия частных организаций. Эта точка зрения с особой отчетливостью зафиксирована в ст. 5 конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией: «Высокие договаривающиеся стороны торжественно подтверждают свое желание и намерение жить в мире и дружбе друг с другом, добросовестно уважать несомненное право каждого государства устраивать свою

собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по своему собственному желанию, воздержаться и удерживать всех лиц на их правительственной службе и все организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от всякого открытого или скрытого действия, могущего каким бы то ни было образом угрожать порядку или безопасности какой-либо части территории Союза Советских Социалистических Республик или Японии».

Особо стоит вопрос об О. г. за свое законодательство. Считается, что государство, по общему правилу, не несет ответственности за свои действия, как законодателя, за исключением того случая, когда его законы нарушают принятые им на себя обязательства. Государство—суверен на своей территории и поэтому ответственности за свои законодательные действия не несет. Оно может устанавливать такие законы, которые нарушают интересы частных граждан, включая и ипострапцев, напр., устанавливать государственные монополии на отдельные отрасли промышленности, повышать или устанавливать таможенные пошлины (см.), национализировать предприятия, муниципализировать строения, и за эти свои действия оно не должно нести международно-правовой О. Хотя в XIX в. и делались отдельные попытки установить в этих случаях О. г. (напр., протест Соединенных Штатов против испанских таможенных законов в Порто-Рико в 1869 г.; протест их против законов Венецуэлы о понижении курса валюты в 1899 г.), однако, в настоящее время может считаться установленным даже и в буржуазной науке и практике, что действия государства, как законодателя, не могут почитаться деликтными. Эта точка зрения нашла себе яркое отражение в судебных решениях в некоторых капиталистических государствах по искам против советских республик за действия декретов по национализации (см.). Наиболее характерно в этом отношении решение английского суда по делу Лютера-Сэйгора

Сходные решения были вынесены и в ряде других государств (Германия, Италия, Соединенные Штаты)

Таким образом, не представляет сомнений что государство за свои действия, как

законодателя, по общему правилу международно-правовой О. не несет. Иное, однако, имеет место в случае нарушения законами государства его международно-правовых обязательств. Если, напр., государство в договоре с другим государством закрепило определенные ставки таможенных пошлин, то повышение им односторонним актом этих пошлин и применение повышенных ставок к товарам государства-контрагента было бы деликтом и повлекло бы за собой О. г.—правонарушителя¹⁾. Точно так же может считаться деликтом наращение внутренним законом государства общепринятых норм в отношении иностранцев, напр., насильственная натурализация, лишение всех гражданских прав, отказ в защите и т. д.

За действия своих судебных властей, даже высших судебных инстанций, государство, по общепринятому в теории воззрению, также ответственности не несет (противоположное решение третейского суда в деле «Costa Rica Pacquet» 1895 г. где, между прочим, арбитром выступал русский профессор Мартенс, подверглось ожесточенной критике и не воспринято практикой) Согласно советского правительства заплатить компенсацию за казнь инженера Дэвисона и арест журналистки Стэн Гардинг (обмен нот в мае—июне 1923 г., в связи с известным ультиматумом Керзона) менее всего может служить подтверждением теории об О. г. за действия судебных властей, поскольку это согласие нами рассматривалось, как вынужденное (ср. телеграмму Чичерина Красину после ультиматума Керзона: «Россия готова уплатить компенсацию за расстрел Дэвисона и арест журналистки Стэн Гардинг с той оговоркой, что эта готовность ни в малейшей мере не означает признание Россия неправильности принятых в отношении этих шпионов мер»).

1) Конечно, здесь, как и во всем изложении, необходимо помнить, что государство есть форма господства класса. Понятно, что с торжеством революции в Китае были бы отменены односторонним актом установленные в договорах с т.-н. трактатными державами невыгодные для Китая пошлины, и это не было бы деликтом.

Однако О. г. несомненна в случае нарушения судебным решением международно-правового обязательства государства. По распространенному убеждению, государство отвечает также за отказ в правосудии, санкционированный высшей судебной инстанцией.

О. г. за действия своих должностных лиц различна в зависимости от характера должностного положения лица-правонарушителя. Наиболее сложным является вопрос об О. г. за действия должностных лиц, совершенные ими при исполнении обязанностей, но с превышением их полномочий.

Теория и практика придерживаются того взгляда, что государство несет в этом случае ответственность за действия своих агентов, в особенности же это относится к представителям вооруженной силы.

За действия портовых и таможенных властей в отношении иностранных судов и товаров государство отвечает лишь тогда, когда они носят неправомерный характер, т. е. нарушают постановления внутреннего права государства или его международные обязательства.

О. г. за действия частных лиц совершенные на его территории и направленные против чужого государства или его граждан, возникает лишь в случае, если первое государство не приняло мер к предупреждению этих действий или к наказанию виновных. На практике применение этого положения вызывает бесконечные споры. Каждое государство склонно быть очень требовательным к другим и весьма снисходительным к самому себе. Наиболее яркий пример такой двойной меры дает хотя бы поведение С. Ш., которые в 1838 г. отрицают всякую ответственность за поход ирландских фениев против Канады организованный на американской территории при явном попустительстве властей С. Ш., а в 1879 г. требовали от великобританского правительства организации военной экспедиции против индейцев (которые под давлением американских войск ушли на Канадскую территорию в дикой необитаемой местности на севере от Монтаны), заявляя, что в противном случае великобританское правительство будет нести ответственность за возможные обратные вторжения индейцев на территорию С. Ш.

Особенно откровенно применяется двойная мера по отношению к слабым полуко-

лоннальным народам. Те же С. Ш. неоднократно отказывались признавать себя ответственными за линчевание китайцев на своей территории, хотя они совершались при попустительстве властей (иногда укрываясь при этом за федеральную конституцию, которая, мол, не дает возможности федеральной власти вмешиваться в отправление правосудия в отдельных штатах (нота Эвартса 30 декабря 1880 г., см. *Moog Digest VI. §§ 1025, 1026*).

Наоборот, по отношению к «менее квалифицированным членам семьи народов» (Китай, Персия и т. д.) буржуазное международное право считает вполне обоснованным требование больших гарантий и большей степени защищенности для иностранцев, чем для туземцев. Империалистические государства, вызывающие своей политикой естественное недовольство народных масс Востока, пользуются всяким случаем для того, чтобы возложить тяжелую ответственность на государство за каждое действие частных лиц. В данном случае государство, по циничному заявлению буржуазных международников (срв. *Henwick „International Law“*), должно нести ответственность не потому, что оно не приложило должных стараний к охране жизни и собственности иностранцев, но потому, что его государственная организация вообще отличается слабостью». На этом основании» державы в 1900 году принудили Китай к уплате боксерской контрибуции хотя, как общее правило, государство не несет ответственности за убытки, причиненные иностранцам мятежом или гражданской войной. Это положение было сформулировано в ноте С. Ш. в 1862 г., обращенной к европейским державам, требовавшим возмещения убытков от междоусобной войны (доктрина, отрицающая О. г. за убытки, причиненные гражданской войной, была разработана аргентинским международником Кальво).

Новейший прецедент возложения ответственности на государство за акты, совершенные на его территории, составляет италио-греческий конфликт 1923 г., возникший по поводу убийства на албано-греческой границе итальянских членов международной пограничной комиссии. И в этом случае юридические формулы являлись лишь средством для прикрытия политики грубого насилия более могущественного государства

над слабым. Итальянское правительство в ноте 29 августа 1923 г., раньше, чем были выяснены все подробности нападения, потребовало от Греции оказания почестей итальянскому флагу, производства следствия с участием итальянского военного атташе, смертной казни для виновников и уплаты в течение пяти дней возмещения в 50 млн. лир. Эти требования были подкреплены захватом Корфу Комедия юридического рассмотрения вопроса в Лиге Наций (см.) не привела ни к каким результатам в виду отказа Италии подчиниться юрисдикции этого учреждения. Совет послов признал Грецию «виновной в неприятии мер к раскрытию преступления» и заставил уплатить 50 миллионов лир. Это решение, как признают и некоторые буржуазные народники, было основано «скорее на политических, чем на юридических соображениях» (Хенвик). Лига практическое участие которой в разрешении конфликта равнялось нулю, поручила юридическим экспертам разработать вопрос теоретически. В результате работ этой комиссии была подтверждена формула, по которой государство ответственно за совершенное на его территории политическое преступление против иностранца лишь в том случае если оно не приняло мер к предупреждению этого преступления или к преследованию, аресту и наказанию виновного. Государству вменяется в обязанность особенная бдительность в случае, если данное лицо и обстоятельства пребывания его на государственной территории имели признанный официальный характер (решение Совета Л. Наций от 13 марта 1924 г.).

Из попыток международной (буржуазной) кодификации норм о международно-правовой ответственности государства надлежит еще отметить отчет специальной комиссии комитета экспертов Лиги Наций по прогрессивной кодификации международного права. Отчет подписан П. Герреро и разослан 29 января 1926 г. комитетом экспертов на заключение всем государствам. Отчет содержит мало оригинального. Он достаточно осторожно суммирует наиболее распространенные теории по вопросу. Главнейшие выводы его вкратце следующие.

1. Государство отвечает за неправомерные действия в отношении иностранцев на

своей территории лишь в случае, если этими действиями нарушены договорные обязательства государства или совершенно определенные нормы обычного права.

2. Государство не отвечает за действия частных лиц.

3. Государство отвечает за политическое преступление на своей территории, если оно не приняло мер предупреждения преступления или преследования и суда над преступником.

4. Государство отвечает за действия своих должностных лиц, действовавших в пределах своей компетенции, если нарушено позитивное договорное право и если должностное лицо не действовало в целях охраны интересов своего государства.

5. Государство не отвечает за действия своих судебных органов.

6. Однако государство отвечает за отказ в судебной защите.

7. Государство не отвечает за убытки, причиненные революцией, бунтом или гражданской войной.

8. Однако государство отвечает за конфискацию имущества у иностранцев во время войны и революции непосредственно, если конфискация произведена его органами, или путем предоставления необходимых возможностей для восстановления прав потерпевших, если конфискация осуществилась революционерами.

Отчет рекомендует заключение международной конвенции по вопросу о специальных комиссиях, которым заинтересованные государства передавали бы на разрешение свои разногласия по вопросу наличия и объема ответственности.

В советской международной практике имело место возложение ответственности на иностранное государство за действия частных лиц. Так, напр., советское правительство с полным основанием возлагало на Польшу ответственность за действия банд Булаха-Булаховича, так как оно располагало несомненными данными о помощи, оказываемой этим бандам польским правительством и польскими военными властями. Точно так же с полным правом советское правительство возложило на швейцарское правительство ответственность за убийство Воровского, т. к. поведение швейцарского правительства после убийства с достаточной отчетливостью показало не только его сочувствие убийце но и соучастие в

преступлении, выразившееся, «во-первых, в непринятии должных мер охраны жизни и безопасности полномочного делегата России, Украины и Грузии на 2-й сессии лондонской конференции, что имело последствием убийство тов. Воровского и ранение двух его сотрудников; во-вторых, в том, что швейцарский федеральный совет не дал советскому правительству удовлетворения, которого последнее требовало в связи с убийством тов. Воровского, а на последнее представление советского правительства вовсе не ответило; в-третьих, в том, что швейцарское правительство проявляет явное попустительство по отношению к убийцам тов. Воровского и к соучастникам убийства, не принимая против этих лиц тех мер пресечения, которые обычно принимаются против важных государственных преступников; в-четвертых, в том, что швейцарское федеральное правительство не передало этого дела на расследование суда, рассматривающего тяжчайшие государственные преступления, каковым является убийство полномочного делегата на международной конференции...» (постановление ВЦИК от 20 июня 1923 г. «О бойкоте Швейцарии»).

Последствия международно-правового деликта. Наиболее обычным требованием государства, потерпевшего ущерб и возлагающего ответственность за этот ущерб на другое государство, является требование восстановления или возмещения нарушенного (реституция, репарация) (см.); на ряду с этим столь же часто фигурирует требование наказания виновных и т. н. морального удовлетворения (в виде отдания почестей флагу, посылки особо торжественного принесения извинений и т. д.). наконец, нередко фигурирует требование гарантий от повторения аналогичных действий в будущем. В случае отказа дать удовлетворение на сцену выступают такие средства, как обращение к третейскому суду, а также бойкот, эмбарго и др. репрессалии (см.), самоуправное вмешательство, т. е. интервенция (см.) и, наконец, война.

Международно-правовая О. г., выступающего в качестве субъекта частного права. Международно-правовая О. г. как субъекта частного права возникает в случае конфликта государства, выступающего в гражданском

обороте, с иностранным гражданином или другим государством. В этом случае, по общему правилу, возникает вопрос не о том, должно ли государство нести ответственность, а о том, в какой форме его к этой ответственности привлечь.

Большинство теоретиков права, исходя из предпосылки полного равенства между собой суверенных государств, считает, что одно государство не может быть привлечено к ответственности в суде другого государства. По этому же пути идет практика англо-саксонских стран, Франции и с некоторыми колебаниями Бельгии, Италии и Германии. Для последовательности судебной практики Великобритании и Соед. Штатов характерно отметить, что она придерживалась той же позиции даже в отношении советских республик, несмотря на враждебность этих государств к советам. Так, в известном деле возбужденном гр. Вульфсон против советского правительства за реквизицию товаров в 1920 г., американский суд в высшей инстанции, разрешая дело в пользу советских республик, исходил при этом из след. соображений: «Перед нами правительство, суверенное и пределах его территории его юрисдикция поэтому абсолютна и подлежит только таким ограничениям, которые наложены им на себя добровольно. Это результат его независимости. Может быть найдено, что его действия согласуются с естественным правом и справедливостью. Но если и нет, то наши суды все равно не компетентны рассматривать их. Они не могут привлекать иностранного суверена на наши скамьи не из международной вежливости, а потому, что он не подчинен нашим законам. Без согласия он не может быть судим ими».

Тем не менее, несомненно, что, поскольку государство все больше и больше выступает в обороте, как субъект частного права, расширяя сферу своих имущественных интересов, должен быть найден путь привлечения его к ответственности вне дипломатического порядка, слишком сложного и недостаточно надежного для гражданского оборота. Навстречу этой потребности идет отчасти итальянская теория и практика, с ее резким отграничением государства, как власти, от государства, как фиска, и с правом привлечения этого последнего к ответственности в его же внутренних судах.

Советское право, для которого вопрос о привлечении государства в судах другого государства представляет особый интерес в виду того, что оно, во-первых, чаще, чем другие государства, выступает на мировом рынке, как субъект частного права (торгпредство), и, во-вторых, потому, что есть основания опасаться возбуждения против него процессов в иностранных судах по делам претензий частных граждан (ср., напр., приведенное дело Лютера-Сэйгора, дело Вульфсона и др.), вносит в этот вопрос значительную ясность. Признавая полностью доктрину о неподсудности одного государства судам другого и считая, что государство может быть привлечено к суду только в случае своего согласия подчиниться юрисдикции другого государства, советское право, считаясь с интересами гражданского оборота мирового рынка, идет на признание своей ответственности по всем сделкам, заключаемым представляющим торгующее государство торгпредством, но не самостоятельными государственными юридическими лицами-трестами и т. д., за которые государство ответственности не несет (см. выше о внутренней ответственности) и дает общее согласие на подчинение юрисдикции иностранного государства в делах, по которым оно приняло на себя ответственность. Однако в связи с этим оно не соглашается на применение к его товарам мер предварительного характера. Наиболее определенно эти положения нашли себе отражение во временном соглашении между РСФСР и Германией от 6 мая 1921 г. и в последующих договорах (напр., о торговле и мореплавании между СССР и Италией от 7 февраля 1924 г., ст. 3) где особо оговаривается неприменение к государственным грузам СССР судебных мер предварительного характера.

Е. П.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАБОТНИКИ.

Советское понятие О. п. р. (ответполитработники) охватывает и политических работников, которые принимают ответственное участие в деле партийного, профессионального, советского, хозяйственного и кооперативного строительства и несут ответственность не только за техническое исполнение возложенных на них обязанностей но также и за политическое и идейное проведение этих обязанностей. Поскольку ответполитработники

есть «политический» работник постольку он должен иметь стаж общественно-политической деятельности; ответполитработникам не могут быть отнесены лица, исполняющие только административно-техническую работу и не несущие ответственности за идейное и политическое направление работы.

Трудовое право СССР выделяет ответполитработников из общей массы рабочих и служащих как по вопросу рабочего времени, так и по вопросу оплаты труда.

Рабочее время ответполитработников, как равно и рабочее время специалистов, получающих т.-н. специальные ставки, признается, по советскому трудовому праву, не нормированным. Иначе говоря, на указанные категории работников не распространяются установленные нормы рабочего времени, а потому и работа этих работников сверх установленных норм рабочего времени не является сверхурочной и не подлежит особой оплате по правилам о сверхурочных работах. Работы сверх общих норм рабочего времени принимаются, однако, во внимание при определении для отдельных ответполитработников надбавок за т.-н. нагрузку, как равно при определении размера специальных ставок для лиц, получающих таковые.

Для ответполитработников установлен особый тариф ответполитработников. Существует определенная обязательная разбивка всех ответполитработников в зависимости от занимаемых ими должностей по разрядам «единой тарифной сетки» которая установлена ВЦСПС для определения соотношения между размером ставок отдельных разрядов (вообще говоря, разбивка по разрядам от 10 по 17, но работники ВЛКСМ, тарифицируемые на два разряда ниже соответствующих партийных работников, могут в зависимости от занимаемой должности, проходить также по 8 и 9 разрядам). Согласно постановления НКТ и ВЦСПС от 28 июля 1922 г., размер ставок тарифа ответполитработников периодически определялся для отдельных губ. и областей губернскими и областными органами НКТ по средним ставкам 3—5 коллективных договоров, заключенных на наиболее выгодных для работников условиях в основных отраслях промышленности данной местности. В связи с проведением денежной реформы было из-

дано постановление НКТ СССР о снижении с 1 апреля 1924 г. ставок тарифа ответполитработников на 20%. С 1 же апреля 1925 г. размер ставок тарифа ответполитработников установлен Наркомтрудом СССР в централизованном порядке, а затем несколько повышен с 1 ноября 1925 г. В настоящее время данный тариф различает пять территориальных поясов, особо выделяя вне этих поясов Москву и Ленинград. Для работников уездного масштаба соответствующая ставка понижается на 10%, для работников волостных и сельских — на 25%.

За работы, выполняемые по характеру занимаемой должности во внеслужбное время, тариф ответполитработников предусматривает дополнительные твердые надбавки от 10% до 50% основной ставки (в зависимости от тарифного разряда и степени нагрузки данного работника). Для работников, оплачиваемых по тарифу ответполитработников, не допускается ни оплата совместительства ни другого рода дополнительные оплаты, кроме указанной нагрузки. Допускается только оплата на общих основаниях за литературные работы и за преподавание, если литературная работа и преподавание не входят в круг обязанностей по должности ответполитработника. Выплата ответполитработникам компенсаций (см. Компенсации) производится на общих основаниях из расчета полного получаемого работником содержания, в том числе и платы за нагрузку.

Тариф ответполитработников устанавливает максимальные пределы нормы оплаты труда ответполитработников для лиц, занимающих должности, отнесенные к тарифу ответполитработников, более высокое вознаграждение допустимо лишь в порядке оплаты их не по тарифу ответполитработников, а персональными ставками, с соблюдением всех ограничительных постановлений о персональной оплате труда. В отношении же коммунистов нормы оплаты тарифа ответполитработников приобретают характер совершенно жесткого нормирования, так как к коммунистам, согласно партийным директивам, не может применяться персональная оплата труда.

Таким образом, тариф ответполитработников устанавливает для ответполитработников оплату с одной стороны, достаточно

учитывающую ответственный характер их работы и, с другой, не отрывающуюся в сторону чрезмерного новышени, от общего уровня оплаты по коллективным договорам (см.).

И. Б.

ОТОЗВАНИЕ депутатов, членов парламента, по господствующей в буржуазно-юридической литературе, доктрине и по постановлениям конституций, не допускается. Еще со времен Великой французской революции устанавливается теория о том, что депутат является представителем всей нации в целом, а не только избравшего его округа, а потому не может быть ни связан какими-либо обязательными инструкциями, ни отозван своими избирателями до истечения срока своих депутатских полномочий (см. Депутат, Мандат и Наказ).

Эта теория просуществовала в течение всего XIX в. и до сего времени составляет принадлежность конституций буржуазно-демократических государств, находя даже в конституциях стран Востока, национальное движение которых приводит к установлению порядков классической буржуазной демократии. Напр., ст. 13 конституции Турецкой республики также утверждает, что каждый депутат великого национального собрания является представителем всего народа в целом.

Поэтому потеря членом парламента своих депутатских полномочий до срока возможна лишь в случае: 1) добровольного отказа от своего мандата (в Англии и это право формально отсутствует), 2) принятия депутатом какой-либо оплачиваемой должности в государственном учреждении и 3) досрочного роспуска парламента. Цитированная турецкая конституция прибавляет в качестве причины, могущей повлечь за собой лишение депутатских полномочий, еще не посещение без разрешения заседаний собрания в течение двух месяцев (ст. 28).

Советские конституции стоят на диаметрально противоположной точке зрения. Члены совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, будучи членами трудящихся классов, конечно, выражают волю и интересы трудящихся. С этой точки зрения они, несомненно, гораздо более полно и точно выражают волю большинства трудящегося населения, чем официально признаваемый «выразителем воли народа» депутат буржуазного парла-

мента. Но в советском избирательном праве принят принцип представительства от данной группы трудящихся (производственные единицы, профессиональные союзы, селения), так как интересы различных групп трудящихся могут отличаться друг от друга не в своей политической классовой сущности, а лишь в деталях местной жизни и условий.

В. И. Ленин подчеркивал, что советский аппарат «в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа без бюрократических формальностей является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты... Он дает самую крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии («Удержат ли большевики государств. власть», собр. соч., XIV ч. 2).

Поэтому советские конституции и устанавливают право О. своих депутатов со стороны той группы трудящихся, которая избрала данного депутата. Ст. 75 Конституции РСФСР 1925 г. гласит: «Избиратели, пославшие в совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы»; то же устанавливает ст. 100 Конституции Белорусской ССР, 111 ст. Конституции Грузинской ССР и пр.

«Положение о городских советах» от 24 октября 1925 г. (С. У. 1925 г., № 91, ст. 662) несколько детализирует это общее положение о праве О., определяя, что «отдельные депутаты городского совета выбывают из его состава: 1) вследствие постановления об О. избирателями от того избирательного собрания, которое избрало данного депутата, принятого простым большинством голосов, при участии в вынесении означенного постановления не менее 35% избирателей, объединенных этим собранием» (ст. 12).

Институт О. депутатов существует и в некоторых штатах Сев. Америки, т.-н. recall. По сообщению Брайса («Modern Democracies») этот институт существует в 10 штатах; отзывать могут депутаты законодательных собраний этих штатов, судьи и администраторы. Самое О. происходит посредством народного голосования.

Н. Ч.

ОТЧУЖДЕНИЕ—переход права собственности на вещь от одного лица (юридического или физического) в силу договора или

в силу особого акта правительственной власти. Последний вид называется принудительным О. (см. Национализация и Реквизиция). Наш Г. К. регламентирует уступку права собственности лишь в этих видах (но договору—ст.ст. 66 и 67, и в силу правительственного акта—ст.ст. 68 и 70); он не допускает ни приобретательной давности, ни присвоения находки или клада и т. п.

Право собственности на вещь, при добровольном О., переходит, как говорит наш Г. К., на основании договора, заключаемого между отчуждателем и приобретателем (ст. 66). Это означает, что у нас О. (перевод права собственности и, в частности, передача, совершаемая с этой целью) является договором каузальным, а не абстрактным, т.-е. действительность совершаемого таким образом переноса права собственности зависит от действительности той сделки, которая этому переносу предшествует и его вызывает. Такой сделкой может быть купля-продажа, мена, дарение, заем, товарищество: все эти сделки, кроме товарищества, прямо направлены на перенесение права собственности; договор товарищества же хотя и не всегда, но по большей части также заключает в своем содержании обязанность членов его к отчуждению того или другого имущества (ст. 279 и др.); но нашему закону недействительность каждой из этих сделок, поскольку из нее вытекает обязанность переноса права собственности, делает недействительным и самый этот перенос, совершаемый во исполнение ее. Иначе разрешается этот вопрос по некоторым иностранным законодательствам и судебной практикой иностранных судов. По германскому, например, гражданскому уложению для перенесения права собственности на движимую вещь необходимо (лишь), чтобы собственник вещи передал ее приобретателю и чтобы они были согласны, что право собственности переходит от одного к другому (§ 929). Верховный суд Германии толкует эту статью так, что О.—передача вещи—является самостоятельной, абстрактной сделкой, т.-е., что действительность переноса собственности не зависит по общему правилу, от действительности того соглашения, во исполнение которого О. и передача совершаются. Лишь в том случае когда стороны сами пожелали поста-

вить действительность *O* в такую зависимость, или если основная (предшествующая) сделка «противна добрым нравам» недействительность последней сделки обуславливает собой недействительность *O*. Такой разрыв юридической связи между основной сделкой (куплей-продажей, товариществом и т. п.), с одной стороны, и переносом права собственности, с другой, имеет то реальное экономическое значение, что оно ускоряет обращение имущества, делает значение передачи более прочным и безусловным и выбивает почву из-под ног могущей выступить с желанием оспорить силу его более слабой стороны. В конце концов такой разрыв—в интересах крупного частного капитала.

Момент, в который происходит *O*., определяется различными законодательствами неодинаково. По взгляду, получившему господство во французском праве приобретающий становится собственником с момента совершения сделки. По английскому праву моментом перехода права собственности (при купле-продаже) является тот момент, к которому приурочивается этот переход по намерению сторон. По германскому уложению таким моментом является, как уже мы знаем, момент передачи. В истории права многих стран точка зрения на этот момент менялась. Точка зрения на этот предмет *X* тома не была выражена ясно и определенно. Сенат толковал ее так, что право собственности на индивидуально определенную вещь переходит с момента соглашения, а на вещи, определенные родовыми признаками,—с момента передачи. С этим пониманием свыклась практика. Проект гр. уложения, не дождавшийся при царском правительстве своего проведения, разрешал этот вопрос по германскому образцу. Междуведомственное совещание по разработке проекта нашего кодекса (см. Г. К., история) предполагало разрешить его в том же направлении. Авторы Г. К. решили его иначе. По ст. 66 Г. К. право собственности приобретателя возникает в отношении индивидуально-определенной вещи с момента совершения договора, а в отношении вещей, определенных родовыми признаками (числом, весом, мерой),—с момента их передачи. В пользу любого из возможных способов разрешения—и английского, и французского, и германского—

можно привести известные аргументы. За французское и английское решения и против германского говорит соответствие их интересам и намерениям сторон; за германское—соответствие потребностям оборота.

Под передачей на первоначальных ступенях развития права разумелась лишь передача в буквальном смысле слова, как наиболее наглядный и осязательный способ перехода права собственности. Развитие капитализма делает, однако, невозможным обходиться только этой простейшей формой перехода во владение—передачей из рук в руки. Все современные законодательства знают наряду с передачей, в этом узком смысле, также и передачу в переносном смысле слова. По Г. К. РСФСР передачей признается как вручение вещей приобретателю, так равно, поскольку из договора не вытекает иного, вручение приобретателю или сдача на почту, по указанию последнего, распорядительного документа на товары (накладной, коносамент, складочного свидетельства и т. п.), или вручение отчужденных без обязательства доставки вещей возчику для отправки их по распоряжению приобретателя, или сдача вещей на почту для пересылки их по указанию приобретателя (ст. 67).

Особый интерес представляет для советского права вопрос об *O*. государственных имуществ (см. Имущества государственные). Основные категории государств. имуществ составляют материальную базу диктатуры пролетариата, почему наше законодательство и не может допускать сделки по *O*. этого имущества в столь широких и свободных рамках, в каких допускается *O*. всякого иного рода имуществ. В виде общего правила, не могут быть отчуждаемы: промышленные, транспортные и иные предприятия в их целом, промзаведения (фабрики, заводы, рудники и пр.), оборудование промышленных заведений, подвижной состав желдорго, морские и речные суда и летательные аппараты, сооружения желдоргожного, водного и воздушного транспорта и связи, электростанции общего пользования, коммунальные сооружения и строения. Изъятия допускаются лишь в ограниченном круге случаев и в особом порядке гарантирующем государство от необоснованного разбазаривания государственного достояния; случаи эти и упомя-

нутый порядок определяются постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 июня 1926 г. об отчуждении государственных имуществ (С. У. 1926 г., № 42, ст. 304—05).

Принудительное О. имущества может иметь место в виде национализации (см.), или муниципализации (см.), реквизиции (см.), конфискации (см.) и экспроприации или принудительного О. в узком смысле слова. В отличие от реквизиции, имевшей своим объектом преимущественно мелкое имущество (главным образом, продовольственные припасы) и падавшей своей главной тяжестью на крестьянство, а потому мало интересовавшей буржуазных законодателей и т.-н. «науку права», институт экспроприации пользовался большим вниманием и законодателей, и юридических идеологов буржуазии, так как затрагивал неприкосновенность священнейшего из прав—права собственности на помещичье и буржуазное имущество. Более или менее произвольные вторжения в право частной собственности, в котором от времени до времени под влиянием финансовых затруднений прибегали «деспотические» правительства до установления соответствующего интересам буржуазии «правового порядка», лишали собственников уверенности в том, что плоды производительного использования собственности не станут достоянием того, кто собирает там, где не сеял. Наиболее настоятельным требованием, которое выдвигала в ту эпоху либеральная буржуазия, было установление неприкосновенности частной собственности. Декларация 1789 г. провозгласила частную собственность «нерушимую и священную» (ст. 17). Наполеон, лишив буржуазию политическую «свободу», в то же время удовлетворил основные ее экономические требования и провозгласил в частности в своем кодексе, что «никто не может быть принужден к уступке собственности» кроме как для целей публичного права и не иначе, как за предварительное и справедливое вознаграждение» Целый ряд конституций капиталистического мира считает необходимым включить такое положение в свое содержание. Оно имеется, например, в конституциях испанской, бразильской, голландской, японской, ряда швейцарских кантонов и т. п. Характерно, что несколько более «отсталое»

государство, в смысле приближения к идеалу «правового государства», как Сербия, не содержало в своей конституции оговорки о «предварительности» и «справедливости» вознаграждения, довольствуясь тем, чтобы оно было «законным». Дореволюционное русское законодательство содержало ряд отдельных указаний о возможности принудительного О. в законах гражданских, «Уставе врачебном» и «Своде военных постановлений» Главное внимание законодателя было обращено, конечно, на недвижимое имущество. Все случаи, в которых отчуждалась или временно занималась недвижимость или на ней устанавливались сервитуты, определялись «именным высочайшими указами», проекты которых рассматривались «особым присутствием государственного совета».

За время войны 1914—18 г.г. все воюющие государства (и впереди других Германия), напрягая свои силы в борьбе со своими соперниками не на жизнь, а на смерть, вынуждены были производить в интересах господствующих классов многочисленные вторжения в права отдельных граждан. Послевоенные неурядицы хозяйственной жизни и политические потрясения в ряде государств, в частности в той же Германии, обусловили необходимость дальнейших нарушений священной неприкосновенности права собственности, особенно там, где дело касается не торгового промышленного и банковского капитала, а домовладельцев и землевладельцев, чье политическое влияние ослабело. Подводя итоги положению, фактически сложившемуся в годы войны и непосредственно следовавшему за нею и стремясь использовать эти примеры для затуманивания сознания социальных низов, ряд новейших конституций ввел в свой состав статьи, из словесного смысла которых легкомысленные люди могли бы сделать заключение, что современное буржуазное государство склонно кое в чем поступиться священным правом собственности ради «общего блага». В Германскую, в частности, конституцию включено упоминание о возможности принудительного О. без вознаграждения. Реального значения, однако, эти словесные перемены не имели почти никакого.

ОХОТА. О вообще называется добывание диких животных и птиц, а также и добыча морского зверя. Свое начало О берет с самых древних времен, как средство питания. По мнению некоторых историков, О является одним из первых способов накопления материальных ценностей и кладет начало частной собственности.

В эпоху феодализма отдельным лицам принадлежали огромнейшие пространства земель, леса и воды со всем населяющим эти пространства,—следовательно, феодал, обладающий землями, лесами и водами, являлся собственником и зверей, и птицы, хотя бы находящейся на свободе в диком состоянии. При таких условиях для улова дичи или убоя зверя нужно было получить разрешение от владельца.

В конце XVIII в. с ослаблением феодализма в некоторых государствах Западной Европы О была признана свободным занятием, но право на О являлось составной частью поземельной собственности.

По мере того, как, с одной стороны, О переставала быть основным источником существования человека, а с другой—уничтожалась и дичь, во всех странах начали издавать законы, регулирующие О в смысле установления правил—где, в какое время года, какую дичь и какими способами можно ловить или убивать. В XVIII в. законодательствами почти всех стран О была запрещена крестьянскому и рабочему населению и сделалась почти исключительным правом т.-е. привилегией имущих классов.

Развитие О в России шло теми же путями, что и в других странах Западной Европы: здесь также имела место О для барина (барщина), запрещенная в некоторых местностях О рабочим и крестьянам и т. д. В России точно так же, как и в других странах была специальная организация царской О в виде сначала охотного, а позже конюшенного приказа (ведомства), которое ведало царской О. Для этой цели отводились как в России, так и в других странах специальные пространства, где, кроме царских и королевских дворов, запрещалось охотиться кому бы то ни было под страхом жесточайших репрессий. Русские цари издавали, например, указы, что лица, ули-

ченные в О в местах царской О, подвергаются избиению батогами.

По статистике 1897 г. в России насчитывалось охотников, занимающихся О, в виде промысла, и любителей около 10 миллионов человек, а сумма доходов от всех видов О была около 300 миллионов рублей.

В настоящее время в Советском Союзе охотному промыслу также придается большое значение как с точки зрения извлечения государственных доходов, так и в целях изведения хищников (зверей и птиц), разоряющих крестьянское хозяйство.

Одной из основных задач управления лесами наркомземов союзных республик является регулирование охотничьих промыслов. Это регулирование состоит из трех родов основных функций: 1) защита вырождающейся дичи от хищнического уничтожения, 2) искусственное разведение более ценных и редких пород зверя и птицы, и 3) установление рациональных правил О, а все это в общем и является охотничьим хозяйством советского государства.

К числу функций по защите вырождающейся дичи относится установление заповедников, в которых совершенно воспрещается О, каким бы то ни было способом, и даже воспрещается пребывание на территории заповедника с орудиями О. Наиболее крупным заповедником в данное время является государственный кавказский зубровый заповедник с общей площадью около 250 тысяч десятин.

К искусственному разведению диких животных и птиц относится, например, разведение оленей, серебристой лисицы, бобра и др. ценных экземпляров, имеющих в данное время валютную ценность. Здесь следует указать, что в системе советского экспорта пушнина (ценные меха) играет далеко не маловажную роль, ибо за первое полугодие 1925 г. пушнины вывезено за границу на сумму около 17 миллионов р.

Область регулирования права О имеет наибольшее значение в местностях, где О является основным источником дохода населения. В данное время основными охотничье-промысловыми районами являются: Якутская республика, Туруханский округ Енисейской губ., Сахалин, область Коми

(Зырян), Мещенский и Печерский уезды, Архангельской губернии, и некоторые другие, менее значительные районы. В остальных местностях СССР О. производится либо в виде спорта и развлечения, либо является вспомогательным заработком местного крестьянского населения.

В охотничье-промысловых районах СССР охотники со стороны органов государственной власти никаким ограничениям не подвергаются и никакими специальными налогами не облагаются; на них распространяется действие единого сельскохозяйственного налога наравне со всеми гражданами.

В районах же не промысловых на охотников распространяется целый ряд ограничений, состоящих из выборки специальных разрешений на право О., установления особых сроков по времени года О., воспрещения О. мучительными для животных способами (давящими или членовредящими и т. п. приспособлениями), введен специальный охотничий сбор, и воспрещена совершенно О. лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста.

На территориях союзных республик организованы кооперативно-промысловые союзы охотников и их местные отделы областного, губернского и т. п. масштаба, объединяющие лиц, занимающихся О.

В правовом отношении О. в СССР глубоко отличается от норм, регулирующих О. в буржуазных странах. В буржуазных странах, где существует частная земельная собственность, за собственником земли признается собственность и дичи, водящейся на этой земле и, таким образом, если охотник получил от государственной власти право на О., то это еще не означало, что он имел право охотиться во владениях того или иного помещика; для этого, т. е. для фактической О., охотнику еще нужно было получить разрешение у помещика охотиться в его владениях. В советском союзе отсутствует частная земельная собственность: следовательно, вопрос о чьей бы то ни было собственности на дичь совершенно отпадает. Поэтому советским законодательством установлено что О. является особым видом общего пользования государственным имуществом и, в частности, О. отнесена к побочным пользованиям лесными богатствами всеми гражданами СССР. В

данном случае, если учесть огромнейшие природные богатства Советского Союза, использование которых производится охотниками безвозмездно, то станет ясно, какой огромный переворот внесла пролетарская революция в такое, на первый взгляд, скромное дело, как О.

II. Зайцев

ОХРАНА ТРУДА. Термин «О. т.» можно понимать двояко. В более широком понимании этих слов они обозначают собою всю борьбу рабочего класса за улучшение условий своего труда и обеспечение основных прав, связанных с трудовыми отношениями (по вопросам заработной платы, рабочего времени, прав коалиций, борьбы с безработицей, социального страхования и т. д.). С другой стороны, термин этот понимается в гораздо более узком смысле (исключительно с точки зрения физиологическо-биологической), как охрана жизни и здоровья рабочего в процессе производства. Последнее значение является сейчас почти общепринятым. Поэтому О. т. можно определить, как защиту организма рабочего при работе от всех тех вредностей и опасностей, с которыми связан обычный профессионально производственный труд.

Санитарная статистика труда показывает, что смертность и заболеваемость рабочих выше, чем у всего населения; средний возраст их ниже: инвалидность наступает раньше; число выкидышей, преждевременных родов, мертворождений и детская смертность также выше. Рабочие дают менее благоприятные, чем окружающее население, антропометрические показатели (рост охват груди, вес мышечная сила и т. п.), а также повышенное количество бракуемых при рекрутских наборах. Также и дети рабочего класса значительно отстают обычно в своем физическом развитии.

Вместе с тем внутри рабочего класса отдельные группы дают худшие санитарные показатели, чем остальные. Это последнее обстоятельство ясно показывает, что серьезное значение имеют не только общие социальные условия жизни и быта пролетариата по сравнению с другими классами общества, но и непосредственные условия трудового процесса и его конкретной обстановки. Наконец, имеется ряд специальных заболеваний, непосредственно вызываемых

определенной работой и не встречающихся никогда среди других групп населения или даже других слоев рабочего класса, не связанных с тяжелой работой. Достаточно указать хотя бы на так называемые профессиональные отравления.

Если, несмотря на теоретически безусловно правильное положение, что труд есть источник здоровья, мы видим в конкретной, реальной действительности прямо противоположную картину, то объясняется эта картина тем, что в условиях капиталистического строя труд является лишь источником прибавочной стоимости для капиталиста: предприниматель всемерно заинтересован в максимальной эксплуатации труда и являясь полным хозяином средств производства, организует его без соблюдения основных требований физиологии и гигиены труда. Лишь коммунистический строй, с уничтожением частной собственности, разрешит проблему охраны труда. Труд вновь станет здоровым и радостным.

В капиталистическом обществе борьба за О. т. велась в двух направлениях: с одной стороны, рабочие в процессе повседневной экономической борьбы добивались непосредственного улучшения условий труда в отдельных предприятиях или в масштабе целых производств (стачки, коллективные договоры и т. п.), а с другой—рабочий класс боролся за проведение соответствующего рабочего законодательства. В начале XIX в. в английском парламенте все чаще и чаще стали раздаваться голоса отдельных филантропов, что условия труда рабочих становятся совершенно невыносимыми, и в результате был назначен ряд комиссий для детального обследования всех условий труда. Полученные данные были поистине ужасающими. Первые шаги по охране труда были сделаны в направлении охраны детского труда. Наиболее ранний закон в этой области появился в Англии в 1802 г. Закон этот, проведенный по инициативе сэра Роберта Пилля и названный «Законом о здоровье и нравственности учеников» запрещал почтовой труд и ограничивал рабочее время детей и подростков 12 часами.

Вслед за Англией пошел целый ряд других стран и ко 2—3-й четвертям XIX в. не оказалось уже ни одного европейского государства, где бы не имелось уже того или иного законодательства по О. т.

Буржуазия вынуждена была проводить законодательство по О. т., хотя бы в самых минимальных размерах, по следующим причинам. Прежде всего самый факт вырождения рабочего класса в это время не оставил совершенно равнодушными и представителей других классов. Так, в докладе английской комиссии с доктором Персивалем во главе, назначенной городскими властями Манчестера для выяснения причин возникновения жестокой эпидемии тифа в 1784 г. доказано было, что источником эпидемии являлись местные фабрики с огромным количеством учеников, где вследствие тяжелых условий труда развивались среди рабочих заразные болезни, не останавливавшиеся затем на рабочих кварталах, а захватывавшие в круг своего распространения и другие, зажиточные, классы общества. Заразные болезни распространялись из лачуг и на коттеджи богатых кварталов, и английский парламент, в интересах всего общества, должен был коснуться О. т. рабочего класса.

Второй причиной «альтруизма» буржуазии было следующее. Капиталисты, смотрящие на рабочих исключительно, как на источник своего обогащения, всячески старались использовать их рабочую силу в максимальном размере. Поэтому наиболее прогрессивная часть предпринимателей стремилась к тому, чтобы рабочая сила и по состоянию здоровья рабочих действительно давала максимум того, что она может дать.

Третья самая главная причина лежала в чисто социальных отношениях. Поднимавшее голову рабочее движение развивалось первоначально на почве чисто экономической борьбы рабочих с отдельными предпринимателями, но переходило непосредственно и в революционно-классовую борьбу пролетариата. В связи с этим более дальновидные элементы буржуазии начали ясно понимать невозможность дальнейшего упорства и предусмотрительно предпочли идти на отдельные уступки. На государственную охрану труда эти элементы буржуазии начали смотреть, как на своего рода громомотвод, отводящий от них гораздо более серьезные опасности. Неудивительно поэтому, что история О. т. обыкновенно характеризуется удивительным параллелизмом между этапами классовой борьбы и

моментами более оживленного законодательного творчества. Особенно ярко сказывается эта тесная связь на русском законодательстве по О. т., где основные законы—1845, 1882, 1886 и 1897 г.г.—изданы были в моменты наиболее широкого распространения забастовочного движения в крупных промышленных центрах

В современных условиях советского строя О. т. ставит перед собой не только задачи защиты рабочего путем борьбы с чрезмерным использованием его рабочей силы, но и выдвигает целый ряд требований положительного характера, имеющих в виду реальное оздоровление условий труда. В этой постановке О. т. должна составлять как бы часть НОТ (научной организации труда), ставя перед собой разрешение проблемы такого режима труда и такой его обстановки, при которой труд давал бы наибольшую производительность при наименьшей затрате энергии и при возможно меньшем количестве дополнительных расходов для всего народного хозяйства, связанных с чрезмерной заболеваемостью, ранней инвалидностью, повышенной смертностью и т. п. Встречающееся нередко противопоставление охраны труда и производительности труда является глубоко неверным и основано на поверхностном суждении и недостаточном знакомстве с вопросом

Прежде всего весьма вредно сказывается на производительности труда удлинение рабочего дня и широкое применение сверхурочных работ. Военный опыт Англии и других государств и опыт гражданской войны у нас ясно показали, как жестоко мстит за себя утомление рабочего, вызывая весьма осязательное количественное понижение производственного эффекта и сильно понижая качество работы. Имеется также много данных, совершенно твердо устанавливающих значительное понижение производительности при непрерывной работе, без обеденного перерыва и еще пары коротких (5—10-минутных) перерывов посреди работы. Поэтому необходимо стремиться не к удлинению рабочего дня, а к его максимальному уплотнению и полному использованию в пределах закрепленных в СССР 8 часов и при установлении необходимых промежутков времени для отдыха

Пренебрежение нормами охраны же н-

ского труда еще сильнее отражается на производительности труда женщины, с ее более слабым организмом и отражается также на здоровье потомства женщины-работницы. А нарушения требований охраны детского труда бьют по производству еще тем, что подрывают потенциальные силы будущих рабочих.

Как показывают наблюдения рабочие-использовавшие нормально свой очередной отпуск, работают круглый год несравненно лучше чем их товарищи, пользующиеся на денежную компенсацию.

Особенное значение для поднятия производительности труда имеет соблюдение санитарных и технических требований в области гигиены и безопасности труда. Прежде всего влияют на производительность труда общие санитарно-гигиенические условия работы, достаточная кубатура, правильное и достаточное освещение и отопление рабочего помещения. Почти всегда игнорирование этих моментов не дает возможности использовать целиком человеческую энергию. Из многочисленных доказательств приведем только свидетельства кембриджского профессора Мейерса, основанные на его личных наблюдениях: увеличение освещения на фабриках давало повышение производительности за 1 месяц от 8 до 27%; изоляция рабочих подняла ее на 25%; повышение влажности и температуры понижали продуктивность труда на 15 и 26%, устройство же вентиляции повышало на 12% (по другим данным даже на 20—30%)

Удаление специальных профессиональных вредных веществ (чрезмерный жар, пыль, яды, пары, сырость и т. п.) почти всегда имеет большое экономическое значение; не только повышается бодрость рабочих, улучшается самочувствие рабочего, уменьшается заболеваемость, понижается травматизм, но при этом обычно бережется еще много материалов (сырья, полупродукта или конечного продукта). Современная техническая литература всех стран в ряде работ подсчитывает материальную ценность собираемой в циклонах или электрическим методом пыли (распыленных частиц разных материалов), конденсируемых газов и т. и.

О. т. обычно делится на три основные раздела: 1) правовая О. т. занимаю-

шаяся урегулированием в законодательном порядке чисто правовых условий труда: рабочее время (см.); О. т. малолетних и подростков (см. Детский труд). О. т. женского (см. Женский труд) охрана во вредных производствах (специальные компенсации—дополнительные отпуски, сокращенный рабочий день); 2) санитарная О. т., занимающаяся, с одной стороны, предупреждением и устранением различных профессиональных вредностей, а с другой—заботящаяся о санитарной обстановке промышленных предприятий (так называемая фабричная санитария); 3) техническая О. т., имеющая своей задачей специальное предупреждение несчастных случаев на фабриках и заводах путем наиболее безопасной организации всего производственного процесса.

Проведением О. т. в СССР заняты как чисто государственные, так и профессиональные органы. Государственной О. т. ведают отделы О. т. народных комиссариатов труда СССР и союзных республик в центре, отделы О. т. губернских отделов труда и инспекция труда на местах (см. Инспекция труда). Главной задачей инспекции является государственный контроль за соблюдением законодательства по О. т. и принятию репрессивных мер при обнаружении нарушений. Профсоюзы (см.) и их отделы О. т. и комиссии по О. т. на предприятиях имеют своей главной задачей, с одной стороны, внимательное изучение профессиональных вредностей и опасностей соответствующих отраслей труда с другой стороны, организацию тщательного повседневного надзора со стороны самих рабочих за соблюдением законов о труде и за общим правильным санитарно-техническим состоянием предприятий распространение необходимых знаний по вопросам О. т. и гигиены труда среди рабочих масс, а также достижение в порядке коллективных договоров или специальных соглашений с хозяевами дополнительного улучшения положения рабочих по сравнению с тем минимумом который гарантирован законодательством о труде. Наконец, в работу по О. т. вовлечены также коммунистический союз рабочей молодежи (через его экономически-правовые комиссии) и отделы по работе среди женщин (главным образом, через делегаток-работниц на предприятиях)

С. Каплиц

Охрана труда в Уголовном Кодексе. В современных буржуазных уголовных кодексах мы почти не встречаем статей, угрожающих уголовной ответственностью нанимателю за нарушение тех или иных постановлений, регулирующих его взаимоотношения с рабочими. Их вовсе нет и в новейшем германском официальном проекте нового У. К., опубликованного в 1925 г. Даже постановления об охране жизни рабочих от несчастных случаев в процессе производства (постановления о «технике безопасности») обычно имеют в буржуазных государствах своей санкцией лишь штраф в административном порядке, а не уголовное наказание. Между тем, количество погибших от «несчастных случаев» (а на самом деле принесенных капиталистами, всячески урезающими свои расходы на «технику безопасности», в жертву своей жажде наживы) рабочих в капиталистических государствах в несколько раз превышает количество умышленно или неосторожно убитых в стране. Так, по данным М. М. Исаева, в Германии за 15 лет (1886—1900 г.г.) было 90.333 несчастных случая со смертельным исходом в одних тех предприятиях, где страхование рабочих признано обязательным, в то время как за тот же период германская уголовная статистика насчитала всего 4.928 случаев умышленного и 14.770 случаев неосторожного убийства. Иными словами, если в 19.698 случаях причинения смерти вне фабричных стен буржуазный суд требует виновных к ответу, то почти в пять раз большее количество случаев причинения смерти рабочим внутри стен фабрики, благодаря преступному безучастию к их жизни и здоровью со стороны капиталистов, оставляло буржуазное законодательство и суд также безучастными, поскольку не вызывало с их стороны даже возбуждения уголовного преследования против виновных. Правда,—делает вывод приводивший эти цифры автор,—убийство, причинение смертельных ран телесные повреждения рассматриваются (в бурж. У. К.), как преступления, безразлично, кто является жертвой. Но именно это и входит в интересы господствующих классов, дабы они могли чувствовать себя в безопасности на улице или дома, и поэтому уголовный закон

распространяет свою охрану в данном случае и на рабочего. Но стоит ему переступить порог завода, он становится «вне закона». Его жизнью и здоровьем во время работы законодатель не интересуется.

Что касается советского уголовного права, то оно специально предусматривает как особое серьезное преступление, «поставление работника с нарушением правил об О. т. в такие условия работы при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность» (ч. 3 ст. 133 нового У. К. РСФСР; соотв. ст. 156 У. К. 1922 г. не содержала подчеркнутых нами слов и отличалась также тем, что объявляя преследуемым лишь заводское поставление работника в упомянутые условия, говорила: «... при которых он вполне или отчасти утратил или мог утратить...»). Это влечет лишение свободы на срок до 2 лет или принудработы до 1 года, или штраф до 500 руб. (по У. К. 1922 г.—лишение свободы или принудработы на срок не ниже 1 г.). Если в результате такого деяния наступила смерть рабочего, то наниматель отвечает за убийство по неосторожности (в отдельных случаях может быть применена и статья У. К. об умышленном убийстве—см. Умысел, в частности сказанное там об «эventуальном умысле»). Поставление в опасность трудоспособности рабочего нанимателем таким образом по нашему законодательству, влечет уголовную ответственность и тогда, когда грозивший, в силу этой опасности, вред не наступил. При этом за поставление в опасность трудоспособности установлена в нашем У. К. даже более серьезная мера соц. защиты, чем за оставление в опасности (для жизни) такого лица, забота о котором лежала на обязанности оставившего (см. Оставление в опасности: ср. между прочим сказанное там о поставлении в опасность).

Кроме изложенного постановления, У. К. 1922 г. устанавливал, в ст. 132 У. К., уголовную ответственность за всякое «нарушение нанимателем Т. К. и издаваемых в развитие и дополнение его ВЦИК, Совнаркомом, СТО и НКТ декретов, постановлений и инструкций, регулирующих условия тру-

да, а равно и нарушение действующих норм об О. т. и социальном страховании», в виде штрафа не ниже 100 руб. или лишения свободы на срок до 1 года, а если нарушение обнимает группу рабочих, то в виде лишения свободы на срок не ниже 1 года или штрафа не ниже 1.000 руб. В новом У. К. это постановление переработано и уточнено. Ст. 133 нов. У. К. различает: 1) «Нарушение нанимателем, как частными лицами, так и соответствующими лицами госучреждений и предприятий, законов, регулирующих применение труда, а равно законов об О. т. и социальном страховании (ч. 1 и 2 ст. 133) и 2) нарушение правил об О. т. технике безопасности, промышленной санитарии и гигиены, устанавливаемых местными органами власти в порядке обязательных постановлений, а равно постановлений, приказов и инструкций НКТ» (ч. 4, ст. 133 У. К.). Нарушение 2-го рода влечет только взыскание в административном порядке (принуд. работы на срок до 1 мес. или штраф до 100 руб.). Нарушение же 1-го рода составляет уголовное преступление, влекущее принуд. работы на срок до 6 мес. или штраф до 300 руб., при чем нарушение Т. К. обнимающее группу рабочих, и по новому У. К. остается квалифицированным, существенно преследуемым (влечет лишение свободы или принудработы на срок до 1 года или штраф до 10.000 руб.). при условии, что «нарушение обнимает группу рабочих не менее 3 человек, однородно по своему составу в отношении всех входящих в данную группу лиц и совершено в отношении всех их одновременно».

Меры соц. защиты, предусмотренные в ч. 1 и 2 ст. 133 нов. У. К. (в ст. 132 У. К. 1922 г.), применяются и за «нарушение нанимателем заключенных им с профессиональным союзом коллективных договоров, тарифных соглашений и соглашений примирительных камер» (ст. 134 нов. У. К. соотв. ст. 133 У. К. 1922 г.). Особенностью нового У. К. является то, что уголовная ответственность в этих случаях наступает лишь тогда, когда «при производстве дела в судебном или примирительном порядке установлен злонамеренный характер нарушения».

Здесь же следует упомянуть и про «вопрепятствование законной деятельности фабрично-заводских и местных комитетов, профессиональных союзов и их уполномоченных» влекущее, согласно ст. 135 нов. У. К., лишение свободы или принудработы на срок до 1 года или штраф до 1.000 руб.

Поскольку, согласно ст. 1 Т. К. РСФСР 1922 г., постановления Т. К. обязательны для всех предприятий, учреждений и хозяйств (государственных, общественных и частных), постольку под понятием «нанимателя» несущего за нарушение нашего трудового законодательства уголовную ответственность, согласно сказанному выше, разумеется как частный наниматель, так и администрация соотв. государственного или общественного учреждения или предприятия. Более детальные указания об условиях ответственности хозяина предприятия или высшей администрации его за нарушения трудового законодательства, допущенные агентами предпринимателя (низшей администрацией), даны в пост. ЦКЮ и НКТ от 29 октября 1923 г. («С. У.» 1923 г. № 80, ст. 780).

Полное проведение у нас всех установленных нашим трудовым законодательством правил об О. т. затрудняется отчасти технической отсталостью отдельных наших предприятий, недостаточностью средств, могущих быть в данное время затраченными на устройство в перешедших к нам «по наследству» от капиталистов предприятиях всех тех диктуемых О. т. приспособлений и улучшений, введением которых бывшие владельцы совершенно пренебрегали, и т. п. Поэтому и у нас еще нельзя признать совершенно изжитыми нарушения и даже преступления в деле О. т. Тем большее внимание вынуждена советская власть обращать на это дело, добиваясь: 1) максимального и рационального использования всех ресурсов, которые только возможно затратить на это дело, 2) привлечения к ответственности всех халатно относящихся к О. т. администраторов госпредприятий и хозяев частных предприятий 3) полного имущественного удовлетворения потерпевших от несоблюдения правил О. т. работников за счет соотв. предприятий и лиц, на основании ч. 2 п. 3 ст. 413 Г. К. гласящих: «...Если вред

причинен преступным действием или бездействием предпринимателя, орган соц. страхования, удовлетворивший потерпевшего, имеет право требования к предпринимателю в размере выданного потерпевшему пособия. В указанном случае потерпевший, поскольку он в порядке соц. страхования не получает полного возмещения вреда, имеет право дополнительного требования к предпринимателю». 20 мая 1926 г. пленум Верховного Суда РСФСР повторно разъяснил (см. «Еж. Сов. Юст.» № 29 того же года) что слова «преступные действия» или «бездействие» понимаются ст. 413 Г. К. в широком смысле преступного несоблюдения мер предосторожности или ноставления работающего в ненадлежащих условиях труда (156 ст. У. К.) независимо от того, было ли возбуждено дело в уголовном порядке или нет, и обратил внимание судов на выводы, вытекающие из содержания ст. 413 Г. К.

В соотв. случаях суд, при рассмотрении уголовного дела о нарушении норм О. т. даже и без иска потерпевшего может приговорить виновных в том лиц, кроме указанных в ст. 133 нов. У. К. мер соц. защиты, также и к заглуживанию вреда (ст. 44 нов. У. К.), в качестве дополнительной меры соц. защиты о порядке ст. 23 ч. 2 нового У. К. (ст. 50 У. К. 1922 г.).

А. Эстрин

ОШИБКА (в уголовном праве). Буржуазные криминалисты в большинстве своем проводят резкую грань между О. фактической и О. юридической. Развитое древне-римскими юристами учение о значении О. в гражданском праве, согласно которому *error facti prodest* (фактическая О. идет на пользу тому, кто ошибся), а *error juris nocet* (юридическая О. вредит тому, кто ошибся), в дальнейшем было целиком воспринято и наукой уголовного права. Для всякого криминалиста является бесспорным, что не может подлежать уголовному преследованию то лицо, которое в силу заблуждения относительно тех или иных фактических обстоятельств, не сознавало, что совершаемое

им является преступлением; вместе с тем до недавнего времени также само собой разумеющимся для подавляющего большинства буржуазных криминалистов являлось и то, что не может быть освобождено от уголовной ответственности то лицо, которое, в силу заблуждения относительно того или иного положения права, не сознавало преступности своих действий. Дав формальное определение преступления (см.), буржуазные юристы в своем формализме дошли до отрицания даже тех скромных выводов, которые можно сделать из их собственного определения. В самом деле, если преступление, по словам буржуазных криминалистов, есть наказуемое нарушение закона, то как можно обвинять в нарушении закона, в нарушении требования законодателя, того гражданина, до которого это требование законодателя вовсе не дошло? Основатель классической школы Фейербах, правда, принципиально исходил из того, что условием возможности применения наказания к преступнику является сознание таковым в момент учинения деяния наказуемости его действий; но и Фейербах при помощи разного рода оговорок практически сводил на-нет значение этого своего принципа.

Непоследовательность массы буржуазных юристов в данном вопросе продиктована логикой классовой борьбы. Видный германский криминалист Бар писал в 1886 г. «Если бы ссылка на О. в праве могла быть оправдательным документом, то это было бы равносильно учреждению государством премии за незнание закона». Бар, как и прочие его коллеги, конечно, понимал, что этой «премией за незнание закона» прежде всего воспользовались бы эксплуатируемые массы в своей борьбе против навязанных им, враждебных их интересам и чуждых их классовому сознанию буржуазных законов. Этим и объясняется то явление, что принцип «неведением закона никто не может отговариваться» так укоренился в мозгах юристов (в царской России он даже попал в «Основные законы»), несмотря на полное, казалось бы, противоречие его с учением этих же юристов о «вине» (см.). «Все граждане должны знать законы, если они не знают их, тем хуже для них» (граждан, а не законов).

так рассуждают буржуазные юристы, превращающие положение об «общеизвестности закона» в *praesumptio juris et de jure*, т. е. в абсолютную, не допускающую никакого опровержения «юридическую истину» для суда.

Как бы то ни было, буржуазное право в данном вопросе прямо-таки «не свело концов с концами», и это обстоятельство не укрылось от зрения наиболее «проницательных» юристов буржуазии. Многие из них в настоящее время, сознавая неловкость положения, в которое попало в данном случае буржуазное право, стремятся к тому, чтобы как-нибудь «с честью» выйти из создавшегося противоречия. Договоренности по этому вопросу у них, однако, пока никак не получается. Одни выдвигают в качестве условия наказуемости сознанье совершителем преступления противоречия его деяния другим—сознание противоречия деяния «этико-социальным нормам», третьи—сознание противоправности деяния, наконец, четвертые—сознание вредности деяния. Официальный проект нового германского У. К. (1925 г.) идя по этому же пути, выдвигает следующую формулировку: «О., не дающая совершителю деяния сознать недозволенность деяния, исключает возможность наказания его за это деяние, как за умышленное. Если О. произошла вследствие небрежности (неосторожности), то применяются постановления о наказании за неосторожные деяния». Толчок к этому «смелому» для буржуазного права решению (уже раздаются «предостерегающие» голоса даже тех криминалистов, которые, как Hippel, признают негодность прежнего решения вопроса) дали условия военного времени, вызвавшего в Германии издание огромного количества новых постановлений законодательного характера, что заставило правительство в январе 1917 г. признать, что уголовное дело о нарушении таких постановлений подлежит прекращению, если «обвиняемый, в силу возникшей без всякой вины с его стороны О. относительно существования или применимости нарушенного постановления считал свое деяние дозволенным».

Советское законодательство до издания нового У. К. особых постановлений уголовно-правового характера об О. не содержало

если не считать того намека, который заключался в редакции пункта «д» ст. 25 У. К. 1922 г. («для определения меры наказания различается... д) совершено ли преступление с полным сознанием причиняемого вреда или по невежеству и неосознанности»). У. К. редакции 1926 г., вслед за Осн. Началами 1924 г., дает отчетливое решение вопроса об О. в статье 10, согласно которой «в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия, меры соц. защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица: а) действовали умышленно, т.-е. предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление и б) действовали неосторожно...» Включение подчеркнутых здесь слов, отличающих цитированную статью от соответствовавшей ей в У. К. 1922 г. статьи 11, и дает ответ на вопрос об О. Советское право не знает формального и схоластического деления О. на фактическую и юридическую, против которого из буржуазных юристов возражал Гиндинг. Всякая О., в силу которой гражданин не осознал общественно-опасный характер своего деяния, устраняет возможность обвинять этого гражданина в умышленном (см. Умысел) совершении преступления, т.-е. общественно-опасного деяния; однако, если самая О. была следствием неосторожности (см.) в частности если данный гражданин хоть и не сознавал, но должен был сознавать общественно-опасный характер своего действия, то этому гражданину будет предъявлено обвинение в неосторожном совершении преступления.

Само собой разумеется, что ст. 10 нового У. К. в указанной редакции имеет в виду главным образом те случаи ко-

гда грядущийся, совершая общественно-опасное действие, не сознавал, в силу особой культурной отсталости или по иным причинам, общественно-опасного характера своего действия, а вовсе не те случаи, когда общественно-опасное, с точки зрения рабочего или крестьянина, деяние субъективно расценивалось каким-либо сознательно совершившим его буржуа, как неопасное или даже «общественно-полезное» (см. Умысел).

Лист. а за ним и некоторые другие предполагают применять общие правила об О. также и к таким случаям, каковы (1) так называемое отклонение действия (*aberratio ictus*), когда, напр., пуля, направленная в одного, попала в другого, и (2) так называемая О. в объекте (*error in persona sive objecto*), когда, напр., желая убить Иванова, преступник убивает другого человека, по О. принятого им за Иванова. По мнению Листа (с нашей точки зрения, совершенно ошибочному), деяние в этих случаях, так же, как и вообще при О., не может считаться умышленным (в данном случае—оконченным умышленным) преступлением, если правильное представление о фактическом гечении событий удержало бы совершителя от учинения данного деяния. Обычно в случае (1) признают совокупность умышленного покушения на одно лицо и неосторожного преступления в отношении фактически пострадавшего лица, а в случае (2) признают оконченное умышленное убийство человека. С точки зрения постановлений об О. нашего У. К., последнее разрешение представляется правильным; но вопрос для нас вообще не имеет практического значения, ибо покушение влечет по нашему У. К. те же последствия, что и оконченное преступление (см. Деяние).

А. Эстрип

П

ПАЙ—часть, доля, соразмерно которой участник в товариществе или обществе имеет право и несет обязанности. Паевым товариществом или акционерн. обществом (см.) называется товарищество (см.), учрежденное для достижения хозяйственных целей (промышленные, торговые и т. д. акц. общества), в которых товарищи (пайщики или акционеры) отвечают только внесенным им П., при чем они и в прибыли участвуют соразмерно общей сумме своих П. Но П. часто называют и просто вклад товарища в товарищество с ограниченной ответственностью, где ответственность определяется соразмерно П., но не только в пределах П., а в двойном, тройном или многократном отношении к сумме П. или вклада. Слово П. в таком смысле применяется к потребительным, кредитным, кооперативным и др. товариществам. Смотря по уставу П. может передаваться другим лицам либо без согласия и даже ведома товарищества (напр., акции на предъявителя), либо с согласия товарищества, или наконец он вовсе непередаваем. Во всех этих случаях П. не является ликвидным имуществом, т. е. имуществом, которое представляло бы конкретно определенную ценность, на которую можно было бы уже обратиться взыскание (см.), ибо П. возвращается лишь в определенный уставом или договором срок, до которого он отвечает за все убытки операций, а доля пайщика в общем имуществе или товариществе может быть окончательно определена лишь в случае ликвидации. Паевой или акционерный капитал в паевых товариществах обыкновенно занимает лишь незначительную долю всего капитала в обороте П. является капиталистическим началом организации, поскольку прибыль определяется не соответственно труду, а соответственно вкладу (накоплению).

При нашем советском строе переходного времени П., это—способ привлечь частный, внутренний или внешний, капитал в акционерное общество, а мелкие накопления— в кооператив.

П. Ст.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ. П. общее название развитого политического строя в буржуазном государстве, где получила полное осуществление система классового представительства, называемого буржуазией народным представительством. Будучи наилучшим при данных исторических условиях, видом политического господства капиталистов, П. возникает всюду с утверждением в власти промышленной буржуазии—раньше в Англии, позже на континенте Европы и в Америке—достигает высшей точки развития и значения к середине прошлого столетия, ко времени расцвета буржуазной демократии, склоняется постепенно к упадку с 60-х годов в связи с новыми экономическими условиями и переходом революционной инициативы в руки нового класса и переживает период дряхлости и развала в наше время вследствие отхода собственников от производства и неспособности буржуазии, как класса, законодательствовать и управлять; буржуазия уже не может, а пролетариат уже не хочет пользоваться парламентом для своих целей.

П. т. е. фактическое господство парламента дающего в лице своего большинства направление внутренней и внешней политике государства, так что правительственная коллегия (министерство, кабинет) формируется из числа приверженцев той политической программы, которой в данную минуту обеспечено парламентское большинство, при чем, как следствие, коллегия эта связана солидарной ответственностью перед парламентом и обязуется уйти в отставку в случае потери опоры в парла-

ментском большинстве («вотум недоверия» — вотум порицания»), — зародился, развился и получил широчайшее распространение наперекор теории всегда, вопреки положительному праву иногда и был до самого последнего времени неизвестен, но общему правилу, как институт, законодательству парламентарных государств. Уже одно это свидетельствует о том, что в лице П. мы имеем явление, вполне адекватное общему экономическому естеству европейских стран, в то время как правовые теории и правовые законы отражают эту экономику лишь идеологически, извращенно. И действительно, политическая мысль первой половины XVIII ст. присутствуя при начинающемся потрясении абсолютизма и зарождении еще робкой государственной идеи буржуазии, остановилась или, вернее, была остановлена хозяйственными потребностями того времени, когда феодальная система еще не окончательно была дискредитирована, а капиталистическая еще не располагала полным признанием, на поисках «гармонии властей», — такой системы государственного устройства, где монарх, знать и демократия покоились бы в «балансе», в устойчивом равновесии, образуя «умеренную» по выражению Монтескье форму правления. Ему, а еще раньше Свифту и Локку показалось, что среди современных им стран Англия сумела «существить это счастливое изобретение»: там власть законодательствовать, власть исполнять общественные постановления, власть судить и карать за преступления отделены друг от друга путем распределения их между различными сословиями, и так в английской конституции достигается и гарантируется политическая свобода. Отсюда теория «обособления» властей (термин, служивший у Монтескье синонимом не то независимости, не то взаимозависимости властей) получила широкое распространение и в своих вариациях много десятилетий господствовала над умами. Феодалы видели в ней способ удержать за собой известную долю политического влияния, буржуазия рассчитывала с ее помощью приобщиться к государственной власти «надклассовым» мыслителям она представлялась безупречным средством утихомирить борьбу сословий, направить их энергию на согласованное полезное действие, во всяком случае, сделать невозмож-

ными революционные взрывы; но словам того же Монтескье: «власти должны быть равносильны. Они должны либо действовать согласованно, либо оставаться в равновесии т. е. совсем бездействовать».

Эта превосходная теория ни в одной стране, однако, не соответствовала государственной действительности ни до, ни после великой буржуазной революции. На всем протяжении XVIII и законодательная власть в Англии никогда не была отделена от исполнительной так, как это мерещилось наблюдателям, ибо король, глава исполнительной власти, участвовал, конечно, и в законодательной. И уже в эпоху революции 1789 года принцип разделения власти доктринерски провозглашаемый в конституциях, безжалостно разрушается политической действительностью, создавая опасность возникновения тех двух конституций, одной — легальной но вполне иллюзорной, другой — секретной, но вполне реальной, от которых предостерегал Конвент Кондорсе. Развитие же европейских государств в XIX в. показало с несомненной ясностью происхождение и смысл теории обособления властей: во всякой данной стране перед приходом буржуазии к власти она служила теоретической пробой сил, отражением первых авангардных стычек на подступах к государственному аппарату. Ее корни — в том положении вещей, когда экономическая сила буржуазии уже овладевшей большей частью производством, но еще отстраненной от государственной власти, уравновешивается политическим могуществом феодалов, уже на три четверти вытесненных из производства, но еще целиком сохраняющих в своих руках политические командные высоты. Но как только капитализму удастся приобщиться к управлению государством, вместо мирного и плодотворного разделения властей, которые он обещал обществу и продолжает для отвода глаз проповедывать в книгах и конституциях он организует упорную борьбу с феодалами за всю власть, за безраздельное господство, за безусловную диктатуру, моментами отступая лишь для того, чтобы набраться сил для нового, уже неотразимого удара. Видимым образом борьба эта кристаллизуется в форме единоборства, именно между исполнительной и законодательной властями.

и через ряд этапов приводит к решительной победе законодательных собраний—к парламентаризму, чтоб в наше время, время падения буржуазной государственности найти свое диалектическое завершение в господстве преобразенной исполнительной власти, в тяжелом и унижительном бремени министерализма, предвестника гибели буржуазного государства.

Дело в том, что увлекаемая своим экономическим интересом— свободной игрой освобожденных хозяйственных сил и анархическими законами рынка, с одной стороны, и все явственнее выступавшим общественным характером производства, с другой—буржуазия исходила в своих политических учреждениях из представления о равноценных и равноправных индивидах—прирожденными правами и обществе—нации, народе— как добровольном организованном по договору соединении этих единиц. Поэтому идея народного представительства была необходимым и непосредственным порождением буржуазной экономики. Политической же плотью и кровью этой идеи явился парламент, законодательное собрание согласно которому издание закона есть неизбежное условие силы этого закона. Естественно, что именно парламент явился той цитаделью, которую прежде всего стала штурмовать и завоевавши приспособлять для своих целей буржуазия, при чем завоевание это шло двумя путями: установившееся разделение парламента на две части— верхнюю и нижнюю палаты—буржуазия приняла с тем чтобы целиком завладеть для себя нижней. но общему правилу, палатой, а в верхней изолировать остатки феодальных слоев и повести против них правильную осаду. Не менее естественно, что враждебные буржуазии силы прошлого сгруппировались под именем исполнительной власти вокруг конституционного монарха, и одной из обычных задач этой исполнительной власти стала организация постоянной связи с осажденной верхней палатой на предмет взаимной поддержки.

Борьба была полна драматизма и весьма живописных эпизодов, когда «то сей, то оный на бок гнется». В данном случае для нас не важно, что она в разных странах принимала разные формы, что ее решительные этапы в различных государствах далеко не совпадали во времени: значение

имеет лишь тот факт, что повсюду, как в Европе, так и в Северной Америке, т.-н. дуализм, т.-е. преобладание над парламентом, вернее, над нижней палатой, главы государства и исполнительной власти, сменился во благовремени перевесом законодательной власти, и смена эта неуклонно сопровождалась умалением авторитета и законной силы верхней палаты (в С.-А. С. Ш. в виду особых условий развития сенат— правда, не по закону, а лишь в силу обычая—заслонил собою нижнюю палату—палату представителей) В Англии уже в первой половине XVIII столетия при Вальполе не могло бы существовать министерство, не пользующееся доверием палаты лордов, а в 1872 г. правительство Норза (North) принуждено было нижней палатой выйти в отставку. Первые короли ганноверской династии вновь делают ряд попыток отстаивать независимость кабинета от палаты общин, и лишь с началом «викторианской эры» связана, по общему мнению, дата водворения строгого парламентского режима. Тем не менее правило, что министры должны рекрутироваться исключительно из числа членов верхней и нижней палаты, предполагающее, как следствие, их политическую ответственность перед парламентом, и доныне не только неизвестно английскому законодательству, но прямо противоречит «акту о престолонаследии», утверждающему, что король правит страной с помощью членов своего тайного совета. Больше того: закон, воспрещающий чиновникам присутствовать в заседаниях законодательного учреждения, тем самым прямо устраняет министров из числа членов палат, приходя таким образом в курьезно-противоречие с прочно установившейся парламентской практикой.

Водворение в Англии П., т.-е. полное завоевание промышленной буржуазией нижней палаты, обеспечение верхней и превращение правительства в покорного ставленника большинства палаты общин, совершалось со времени краха чартизма без революционных потрясений и достигло уже к 70-м годам прошлого столетия кульминационной точки вследствие особых условий экономического развития Великобритании. Здесь рано господствующий класс собственников вполне отождествил себя с нацией и достиг той свободы и самостоятельности, при которой только и возможно

царство П., ибо «исполнительная власть в противоположность законодательной выражает собой гетерономию нации, внешнее по отношению к ней господство. в противоположность ее автономии» (Маркс). Исключительный промышленный подъем этой страны во второй половине XIX в., ее безусловное господство в мировой торговле ее обширнейшие и богатейшие колонии во всех частях света, ее выгодное островное положение, в значительной степени обеспечившее ей военную безопасность, дали возможность могущественной английской буржуазии замирить многочисленный рабочий класс, поднять общий уровень его существования путем отмены ввозных пошлин на предметы питания, вырастить значительные и влиятельные слои рабочей аристократии, подкупаемые из ресурсов колониальных сверхприбылей, и направить рабочее движение в русло тред-юнионской цеховщины так, чтобы движение это никогда не представляло для буржуазии политической угрозы. В то время, вообще, как государство европейского континента, окруженное врагами, выработало суровую идею этатизма с ее внешним выражением в виде регулярной армии и могущественной центральной и местной администрации. Англия с ее свободной торговлей, отсутствием воинской повинности, шпротой старинного местного самоуправления, доходившей до беспорядочности и бессистемности, имела возможность с успехом затушевывать в глазах рабочего класса значение государства, как организации классового насилия и угнетения. Обеспечив, таким образом, свой тыл от нападения пролетариата и имея пособников, буржуазия могла с развязанными руками вести свою политическую борьбу с земельной аристократией, не торопясь и не надрываясь, обдумывая каждый ход, вовлекая неприятеля в невыгодные для него компромиссы и заставляя его принимать бой в неудачные для него моменты. Горьба вылилась исключительно в форму изящного парламентского поединка между двумя партиями, консерваторами и либералами, и разнообразилась лишь от времени до времени выступлениями ирландских националистов. Эти две партии монополизировали политическую жизнь до того, что только в последние годы XIX ст. образовалась независимая рабочая партия ко-

торая опять-таки лишь в парламенте 1906 г. получила фракцию, небольшую сравнительно по численности и совершенно безличную и несамостоятельную в политике. Рост и значение этой партии в виду новых экономических условий, в которых очутилась Великобритания с выходом на мировую арену торгово-промышленных соперников, увеличивались, однако большими шагами. Не далеко уже было до закона 1911 года, формально закрепившего бессилие палаты лордов и являвшегося не чем иным, как заключительным звеном тех социальных превращений, автором которых выступил финансовый капитал: аграрий и промышленник тесно связались и слились в единого получателя дивидендов. Рабочая партия очутилась перед выровнявшимся собственническим фронтом, к атаке на который она не была подготовлена ни в каких отношениях. Да и в английском П. произошли к тому времени такие конститутивные изменения, которые убеждали, что круг его развития бесповоротно завершен.

В другой «образцовой» стране европейского П., во Франции, развитие шло иными путями, но достигло той же цели. В течение XIX столетия Англия более, чем когда бы то ни было, была, по словам Маркса, «Демидургом буржуазного космоса». Счастливо обходя сама революционные потрясения, она, тем не менее, всегда служила причиной континентальных революций, ибо «насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там» (Маркс) П. в своем наиболее чистом виде есть политическая форма господства промышленной буржуазии; последняя, будучи в первой половине XIX в. сильнее во Франции, чем где бы то ни было на континенте значительно, однако уступала в развитии своей английской сестре и крайне болезненно переживала все те хозяйственные кризисы и катастрофы, которые проходили по Англии лишь более или менее заметной рябью, а на континенте разыгрывались в виде шторма. Поэтому промышленная буржуазия приближалась во Франции к власти неравномерными толчками и взрывами, колеблясь между страхом и сомнением, вынужденная прибегать к вооруженной помощи пролетариата

который рано выступил на сцену боевой политической силой. Так, в 1830 г рабочие завоевали буржуазную монархию, а в 1848 г.—буржуазную республику, но буржуазия редко упускала случай испугаться этой помощи пролетариата и отступить перед чистой формой своего государственного господства. Таким образом несмотря на то, что еще Луи XVIII признал ответственность министров перед парламентом, июльская монархия, установившая господство денежных тузов и отодвинувшая промышленную буржуазию в оппозицию, не могла укрепить парламентский режим, а напротив, подготовила его капитуляцию перед Наполеоном III. Вторая империя была представительницей интересов и иллюзий обширного малоземельного крестьянства, новосозданного 1789 г. Но эти массы не связаны были никакой общностью потребностей, неспособны были ни к какому объединению, ни к какой политической организованности. Парламент поэтому и не мог стать выразителем их интересов, поскольку парламент покончил на представительстве, а крестьяне не могли организовать представительство в собственном смысле. «Их представитель должен быть в то же время их господином» и «политическое влияние малоземельных крестьян находит себе, таким образом, наиболее полное выражение в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество» (Маркс). Империя Наполеона III должна была, следовательно, знаменовать, и в действительности знаменовала двадцатилетнюю отсрочку парламентаризма во Франции. Всевластие безответственной бюрократии при полном ничтожестве палат развернулось тогда во всем блеске. Но этот режим с первой минуты своего утверждения таил в себе смертельную болезнь, от которой и погиб. Он был в гораздо большей степени представителем иллюзий малоземельного крестьянства, чем его подлинных интересов; он хотел упрочить крайнюю раздробленность крестьянского землевладения, от которого сельское население на самом деле страдало, не сознавая источника своих страданий. Таким образом, империя не могла обеспечить себе симпатии крестьянства, но, опираясь на чудовищно разветвленную и всепроникающую администрацию, она управляла, потому что разбитая на фракции буржуазия не могла и не хо-

тела управлять, предпочитая просто обогащаться. Действительно, «промышленное развитие пошло с такой быстротой, которая была немыслима при мелочно-трусливой системе Луи-Филиппа, в эпоху исключительного господства одной лишь небольшой части крупной буржуазии» (Энгельс). В связи с этим становившаяся, наконец, на ноги промышленная буржуазия настойчиво потребовала парламентарного строя и Наполеон III восстановил, было, принцип министерской ответственности непосредственно перед тем, как военный разгром упразднил его империю и его самого.

Во всяком случае, из войны Франция вышла парламентской страной. Национальное Собрание управляло как будто без конкурентов. Кабинеты сравнительно послушно уходили в отставку в случаях враждебных вотумов собрания, и конституция 1875 г. запечатлела даже в специальной статье ответственность министров. Это, конечно, не могло помешать Франции еще в течение многих лет пребывать страной мелкого, но преимуществу производства со значительным удельным весом крестьянства. Хозяйственная пестрота обуславливала многочисленность и текучесть буржуазных и рабочих фракций в стране, что парламент отражал крайним многообразием политических групп и партий, знаменитых своей неустойчивостью, неоформленностью своих взглядов и эфемерностью своих программ и кличек. Обстоятельство это заранее предreshало значительно иной, чем в Англии, характер II. При отсутствии в палатах сплоченного партийного большинства, при неожиданности и мимолетности партийных группировок, ответственное министерство не может отличаться ни силой и уверенностью своей политики, ни продолжительностью своего существования. II необыкновенно частая смена кабинетов была верным отражением той совершенно исключительной политической анархии, которая временами подолгу парила в палате депутатов и которой особенно отличились 80-е и 90-е годы прошлого столетия. Характерной чертой этих кабинетов, сообщавшей особенно жалкий вид всей системе была внутренняя неоднородность каждого из них, зависевшая, конечно, от партийной мозаичности палаты и делавшая часто невозможной сколько-нибудь согласованную деятельность кабинета, обязанного, однако,

выступать перед палатой солидарно. Когда же министерство свергалось, новое оказывалось нередко составленным в большинстве из прежних членов, только обменявшихся портфелями. В результате возрастали с каждым годом роковая самостоятельность и зловещее значение французских бюрократов, остававшихся на своих местах независимо от смены «государственных людей» в министерствах и управлявших страной бесконтрольно и самодержавно, подчеркивая своим существованием ту своеобразную болезнь «парламентского кретинизма» — диагноз которой был поставлен Марксом еще в 1851 г. и которая, развиваясь, обусловила в ряду других причин гибель французского II: свержение министров и даже президентов перестало в конце концов затрагивать управление государством, шедшее своим порядком, и превратилось в игру тем более пустую, чем больше значения ей придавал парламент и чем менее ему оставалось других занятий.

Развитие государственной жизни в С.-А. С. III подтверждает закон, действующий в Англии и на континенте, согласно которому законодательная власть буржуазного государства подчиняет себе в более или менее длительной борьбе власть исполнительную с тем, чтобы в дальнейшем вновь и уже окончательно подпасть под ее произвол. Образцовое рутинерство, самомнение и отчасти лицемерие американских исследователей конституции 1787 г. заставляли их видеть в государственном строе штатов полное осуществление идеальной системы разделения властей, удивительное гармоничное сочетание «сдержек и противовесов», которое, будучи действительно провозглашено в конституции, никогда и не почевало в реальном государственном организме. На самом деле, огромная и ответственная, более чем на полвека растянувшаяся работа утверждения национального суверенитета С.-А. С. III, протекавшая в суровой борьбе центрального правительства с сепаратизмом отдельных штатов, работа, суть которой состояла в превращении буржуазии в нацию, была целиком выполнена серией властных президентов. Они опирались на министров, располагавших полной самостоятельностью по отношению к конгрессу, но назначаемых и увольняемых единоличным распоряжением президента, как его про-

стые приказчики. Совпадение в одном лице президента республики и премьер-министра, о чем любят толковать говоря об Америке, различные исследователи, есть лишь недоброкачественный плод их тряблой фантазии: американский президент никогда не был своим премьером по той простой причине, что он почти всегда был гораздо больше конституционным монархом, чем президентом. И Брайс, характеризующий возникновение и развитие американского президентства, хотя и без достаточного удара, говорит об отвращении к конгрессу и жажде сильной исполнительной власти, которое чувствовали отцы конституции, не может все-таки обойтись без сближения американского президента с британскими королями и даже германскими императорами. И способ выбора президента (народом), делающий из него сразу соперника законодательной власти, и право вето, которым он никогда не пренебрегает и усердное пользование которым есть средство снискать народную популярность, и знаменитый обычай «системы опустошений» (spoils system) — генеральной чистки всех союзных должностных лиц при смене президента с целью замены их приверженцами нового избранника, и те чисто диктаторские полномочия, которыми он пользуется в случае какого-либо кризиса, — все говорит о безусловном перевесе исполнительной власти над законодательной в течение первых шести десятилетий XIX в.

И что же? Уже в восьмидесятих годах Вудро Вильсон не преминул констатировать, что «действующая в настоящее время система есть просто система верховенства конгресса», который осуществляет это верховенство через свои комитеты, что дает, по его мнению, право окрестить американское правление именем «конгрессонального». Парламент стал господствующей и контролирующей силой, «средоточием и источником всякой деятельной и регулирующей власти». В то же время, как и следовало ожидать, процесс усиления законодательной власти совершался одновременно с падением престижа президентской власти и ухудшением качества президентского правления. Должность президента потеряла свое значение. «потому что ослабла предоставленная ей власть; а последнее случилось потому, что власть конгресса получила преобладающее значение». И.

конечно, ослабление власти президента имеет значение и может привлекать внимание. Лишь как ослабление власти исполнительной. «Исполнительная власть утратила свое влияние, а значение конгресса усилилось, и положение, которое в конце концов занял кабинет, было положением власти, значение которой ослабело и продолжает уменьшаться». Так на все лады повторяется мысль, поразившая американца, который думал раньше, что для заокеанской республики существуют какие-то особенные пути развития, отличные от европейских: все пути ведут к парламенту, настоящему источнику света и тепла, и правительство, которое вздумало бы эмансипироваться от него вместо послушного исполнения его предначертаний, заслужило бы лишь лавры Дон-Кихота.

Парламентарное правление, установившееся, как видим, и в Северной Америке, было и там, разумеется, следствием решительного преобладания крупной промышленности. Необыкновенно быстрый рост крупного капитала сделал то, что, раз водворившись, американский П. довел до крайнего вырождения все знаменательные черты европейского собрата и с большей скоростью пробежал путь к своему развалу и вырождению. В своей партийной подоплеке он сумел соединить английскую систему двух устойчивых больших партий с французским явлением полнейшей политической беспринципности этих партий, их счастливой, так сказать, бланкетностью; благодаря которой любой достаточно могущественный трест может в любую минуту наполнить их любым содержанием. Почтенные когда-то названия республиканцев и демократов, под которыми и сейчас выступают эти партии, давно потеряли всякий смысл, превратившись в нечто в роде порядкового номера. И каждая из них «управляется в свою очередь людьми, которые из политики сделали себе гешефт: они спекулируют на места в законодательных собраниях союза или отдельных штатов, или живут агитацией в пользу своей партии и вознаграждаются какой-нибудь должностью в случае победы». Так «две больших шайки политических спекулянтов попеременно владеют государственной властью и эксплуатируют ее самым грязным образом для самых грязных целей»... (Энгельс).

Предыдущее изложение должно значительно помочь нам осмыслить те превращения П., корни которых уходят в два последние десятилетия прошлого века. Первым увидевшим эти превращения был Маркс, когда писал в 1871 г. об «искусственной атмосфере П.» и противопоставлял ей коммуны, долженствовавшую быть «не парламентским учреждением, а деловой коллегией, соединявшей в себе исполнительную и законодательную власть». Буржуазные специалисты обратили на них внимание лишь в начале XX в.; теперь они ни для кого не тайна, хотя самое важное — их смысл — остается, невидимому, скрытым для буржуазии.

Действительно, было время, когда мощное развитие т.-н. народных представительств казалось конечной целью возможного прогресса. «век абсолютизма должен был смениться веком парламентаризма, как последней (курсив мой. Г.) возможной ступенью развития государства» (Юллинек). Таково было самообольщение промышленной буржуазии, что форму своего политического господства она считала делом доступного на грешной земле счастья и благоденствия. Но ее уже подстерегали неприятные открытия и разочарования. Одновременно с окончательным водворением П. в главных странах мира, которым вскоре более или менее дружно последовали и младшие члены капиталистической семьи, выявились важные перемены в строении буржуазного хозяйства, медленно, но верно разлагавшие П. изнутри. Ведь источником классового представительства, которое буржуазия ввела в жизнь под именем народного, было атомистическое воззрение на общество, как на сумму равноценных, равноправных, свободных, автономных единиц. А в основе этого представления лежали опять-таки жизненные потребности молодого буржуазного хозяйства: живая, нестесняемая инициатива личности, свободная экономическая деятельность конкурирующих собственников орудий производства и товаров. Но уже в последней четверти XIX в. обнаружилось, что концентрация и централизация капитала находит в новой форме синдикатов и трестов то оружие, которым она сведет на-нет соперничество отдельных капиталистов, заменив его конкуренцией колоссальных капиталистических союзов. А

эти союзы сломают ограниченность национального рынка и под предводительством финансового капитала, объединившего все основные виды собственников, выйдут на мировую арену как единственно возможное для них поле деятельности, где и продолжат уже в мировом масштабе прежнюю борьбу хищников-конкурентов. Попутно они раздавят и сотрут, между прочим, все старые понятия о территории и нации-населении, явившиеся с возникновением национального государства промышленной буржуазии и совершенно выветривающиеся в раскаленной атмосфере многонационального государства. Очевидно, что с превращением и иллюзией старого свободно хозяйствующего индивида, с вытеснением вообще индивидуальной особи, как экономического фактора, и с заменой ее массовым действием массового, рассчитанного на мировой рынок, производства падают все экономические предпосылки такого политического института, как народное представительство, и П.—наиболее полное выражение его—должен развалиться и исчезнуть.

Этими экономическими потрясениями в основном объясняются та несостоятельность, несолидность, неработоспособность, смехотворная, иногда, бестолковость парламентских учреждений, которая в начале XX в. стала очевидна почти для всех исследователей вопроса, но которую они пытались объяснить то несовершенством господствующих избирательных систем, то повсеместной демократизацией избирательного права, то изъянами партийных организаций и систем, то наличием других институтов современной общественной жизни, которых не знало государство первых времен капитализма и в которых теперь концентрируются публичные силы и бьется пульс общественности—пресса, предпринимательские и рабочие союзы, различнейшие корпорации, всякого рода «специальные парламенты». Между тем, все эти факты не объясняли падения П. просто потому что они сами относились в большинстве случаев к этому падению, как следствие к причине и, прежде чем что-либо объяснить, должны были быть сами объяснены. А при попытках это сделать неизменно получался перочный круг, в котором беспомощно билась идеалистическая мысль.

Как и следовало ожидать, наиболее веские обвинения по адресу П. имевшие своей подкладкой не запоздалые вождедения реакционера с его мечтой о возвращении к абсолютистскому или полу-абсолютистскому режиму, а трезвые наблюдения вполне современного ума, ищущего вполне новых путей, стали исходить со стороны отечества П.—Англии. Здесь один исследователь (Лоу), с замечательным в этом случае спокойным, но горьким юмором обстоятельно рассмотрел положение парламента и провел, в результате, резкую черту между периодом его бывшего авторитета и могущества и периодом его современного состояния калеки и уродла. Оказывается, что перед многообразными и многоразличными вопросами законодательства и управления, ежедневно возникающими в государстве XX в., вынужденном во все вникать, все опекать и регулировать, парламента—разношерстная толпа людей, в которой обычно преобладают журналисты и адвокаты,—останавливается в полной беспомощности. Рассмотрение бюджета, важнейшая функция законодательного учреждения, происходит таким способом, что финансы страны оказываются «вне всякого реального контроля членов парламента». Вотирование расходов на армию и флот превратилось во «всем хорошо известную комедию». Законодательной деятельностью палата общин не занимается: она лишь «регистрирует эдикты временного большинства». Для такой именно регистрации и только для нее приспособлен весь удручающий «деловой» механизм парламентских заседаний «его блокадами» (заявление члена парламента о намерении возбудить один вопрос или ряд вопросов, что уже на всю сессию исключает возможность внесения этих вопросов другим депутатом), «гильотинами» (назначение голосования на определенный день и час с тем, чтобы голосование в этот срок состоялось независимо от того, кончились прения или нет), «избиением младенцев» (отказ от всех законопроектов, которые ко времени закрытия сессии не были проведены по всем стадиям рассмотрения в обеих палатах) (Лоуэлль) и прочими ухищрениями, которых, пожалуй, и не счесть.

Разумеется, такое знаменательное дело, как атрофирование законодательных и

контрольных функций парламента, не могло ограничиться одной Англией. Джемс Брайт хорошо изобразил, в какое неавторитетное собрание интриганов превратилась американская палата представителей, принадлежа к которой считается весьма сомнительной честью. Длинный ряд авторов, от монархистов до синдикалистов, подвергнул всем видам критики французскую палату депутатов уже к тому времени, когда она завоевала несомненный перевес над сенатом, и пришел к заключению, что никогда даже и не проявлялась во Франции одна из важнейших функций парламентской системы: отсеивание и выдвижение наиболее крупных государственных деятелей. Но зато какая блестящая серия профессиональных скандалистов, казнокрадов, торговцев орденами, подделывателей завещаний, настоящих духовных наследников Тьера и Жюля Фавра, вышла из этой палаты, как из высшей школы всех родов шантажа! Еллинек добросовестно суммировал все отзывы и суждения о кризисе парламентского правления и не без удовольствия повидимому сослался на итальянца Сигеле, который свою статью о П. включил в сочинение о преступных сообществах.

При таких условиях что могло остаться от прежнего преобладания законодательной власти над исполнительной, т. е. от П., как такового? Более чем кто бы то ни было раньше нуждался финансовый капитал в правительстве которое отличалось бы следующими чертами: 1)—гибкость в политике. 2)—быстрота мероприятий, 3)—их гайность. Демократические государственные учреждения при совершенно демократическом укладе нового хозяйства, когда финансовый капитал в руках нескольких десятков людей вкладывает распоряжение всеми богатствами мира, не могли сохранить свою силу. Диктующее направление всей политике государства стал давать империализм, и капиталистический мир, увидев до какой степени он зависит теперь от своих колониальных владений в отсталых, земледельческих частях света, почти все свое внимание и энергию перевалил на вопросы внешней политики. Давно ли Бисмарк смотрел на великобританские колонии, как на неблагоприятное бремя метрополии? Давно ли Бисмарк лишь нехотя и брезгливо уступал непонятной ему тенденции Германии занять место

в ряду колониальных держав? И вот уже все изменилось. и многолюдные, изменчивые, плохо осведомленные парламенты, которые и раньше тщательно держались вдали от ведомства иностранных дел, поставлены лицом к лицу с таким положением, когда вопросы иностранной политики, требующие гибкости, быстроты и тайны решений, не сходят с порядка дня и проникают собою все стороны государственной жизни.

В соответствии с такими обстоятельствами, конституционный государственный строй пережил новый перелом, передвинувший активную политическую силу из рук законодательной власти на сторону власти исполнительной. Не прошло и двух десятилетий с того времени, как Вильсон констатировал для С.-А. С. Ш. «систему верховенства конгресса», и он же вынужден (в 1900 г.) признать свои выводы «бесконечно устаревшими» отметить «рост власти президента и возможность для него создания государственной политики, путем вмешательства в международные отношения и через посредство управления отдельными колониями». А власть президента в данном особенно случае не может быть отделяема от власти секретарей (министров); следовательно это «новое руководство исполнительной власти, поскольку оно, вероятно, будет продолжаться, возымеет коренное влияние на всю нашу систему правления». Оно, конечно, продолжалось, и влияние его вышло, конечно, таким, что уже несколько лет спустя заставило Еллинека отнестись с полным доверием к следующему заключению: «форма правления в Северо-Американском Союзе—это абсолютный безответственный деспотизм, который находится в руках шести лиц, прикрывающихся конституционными формами, а именно: президента Соединенных Штатов, статс-секретаря, секретаря казначейства спикера палаты представителей и назначаемых последним председателей двух упомянутых комитетов» (две парламентские комиссии по государственному хозяйству).

Но то же самое положение, и едва ли не теми же словами, рисуют различные наблюдатели и относительно Англии. Засилье исполнительной власти, использующей парламентский механизм таким способом, что рассчитывать на обсуждение и продолжение могут лишь законопроекты, под-

держиваемые правительством, система «дополняющих закон указов», легализующая внепарламентское законодательство кабинета, общая манера, с которой кабинет держит в руках все нити управления, не допускающая депутатов ни к инициативе, ни к контролю, ни к помощи—давно убедили англичан, что ничего не изменилось бы, если бы парламент исчез (Лоу). Но если такие перемены происходят в стране старейшего П., то на континенте превращение П. в министерализм совершилось, может быть, позже, но еще явственнее и без сколько-нибудь значительных протестов со стороны депутатов и избирательской массы. Послевоенные французские писатели относятся к этому факту со спокойствием уже чисто эпическим: в иные эпохи «преобладание кабинета таково, что наш режим может быть квалифицирован, как министерский» (Жозеф Бартеlemi).

Все-таки история не повторяется. Формы господства ее в послепарламентарный период буржуазного государства существенно отличаются от форм господства ее в допарламентарный период. Министры дуалистического государства имеют законную главу, монарха или президента (ибо дуалистической может быть и республика), перед которым они ответственны и который имеет возможность не только назначать их, но и увольнять их в отставку. Кабинет министерциального государства, отделенного от дуалистической эпохи П., не может быть, по общему правилу, вынужден к уходу ни потерей благоволения главы государства, ни неблагоприятным вотумом парламента. Не говоря уже о том, что кабинет в Англии почти всегда в состоянии привести палату к повиновению угрозой роспуска, сопряженного для депутатов с расходами по новой избирательной кампании, разнообразными хлопотами и несчастливым риском не быть переизбранными, т. е. все более укореняется практика согласно которой судьба кабинета, в случае решительной потери им большинства в нижней палате, определяется новыми выборами. Министерство своими действиями определенно заявляет, что неодобрительный вотум парламента по принципиальному вопросу если и обязывает кабинет к чему-либо, то разве только к переносу дела на суд избирателей. Таковы именно приемы английских кабинетов за последние тридцать лет,

приемы, привлечшие особенное внимание в недавние дни борьбы между консерваторами и рабочей партией.

Буржуазные исследователи, с тревожным вниманием присматривающиеся к эволюции парламентского строя склонны усмотреть в этой новой тактике кабинетов весьма утешительную компенсацию за унижение народного представительства. Энтузиасты буржуазной демократии объявили открывшейся эру народовластия, когда народ, отстранив парламент, сам непосредственно решает вопрос об участии своего правительства. Золотой век демократии.—сказали нам,—находится не позади, а впереди. Пророки буржуазного золотого века забыли, однако, что избирательская масса призванная в качестве нового судьи решать вопрос об участии кабинета, еще менее способна к этому, чем самый неспособный парламент. Невежественная, инертная, чуждая секретов и тайн государственного управления, оглушаемая противоречивыми зазываниями, одуревшая от партийных интриг, от ониума продажной прессы, быстро устающая в предвыборной сутолоке и готовая в конце концов все отдать тому, кто пообещает ей порядок и спокойствие,—эта толпа призывается решить в кратчайшее время конкретнейшие вопросы внешней и внутренней политики! Забыта и другая малость: аппарат государства находится в распоряжении не парламента, и не народа, во всяком случае. Вся организационная сила исполнительной власти давит на этот аппарат и заставляет его принять ближайшее участие в выборах, и свои навыки, свой опыт, свое знание страны, свои неисчерпаемые ресурсы он бросает на весы так, как ему велит министерство. Таким образом, в значительном большинстве случаев кабинет выступает хозяином избирательной кампании и своим собственным судьбою, и требуется очевидное и глубокое расхождение его с большинством избирательного корпуса, или явная неспособность управлять, или грубые промахи в организации выборов, чтобы кампания окончилась не в его пользу.

Господство исполнительной власти в его современной форме весьма симптоматично. Если в прежние времена в поединке между парламентом и кабинетом парламент олицетворял прогрессивное начало, которому принадлежит будущее, то кто же теперь

перед лицом грубого и высокомерного деспотизма кабинетов воплощает будущее буржуазного государства? Не буржуазный ли «народ»? Но ведь ничтожество парламента есть лишь следствие и свидетельство вырождения буржуазной демократии, упраздненной новейшим экономическим развитием. Министериализм, действительно, не имеет соперников, но только потому, что он — последний в роде. Диалектический круг развития капиталистического государства завершен, оно умирает, не имея наследников, ибо приходящий на смену буржуазии пролетариат идет, как завоеватель, чтоб не оставить камня на камне в государственной машине собственников и на чистом месте воздвигнуть новое государство в новых формах.

1. Гурвич

ПАРЛАМЕНТ (от французского *parier* говорить). Этим именем, в качестве общего родового обозначения, обычно называют организуемые по принципам «народного» представительства законодательные учреждения стран буржуазных конституций, хотя фактически у себя на родине эти учреждения носят имя П. лишь только во Франции, Англии, Италии и некоторых других странах (в Северо-Америк. Соед. Штатах он называется конгрессом, в Югославии — скупщиной, в Германии — рейхстагом, в Эстонии — риникогом, в Финляндии — сеймом и т. д.)

I. Название П. устанавливается в Европе в первой половине XIX в. по французскому и английскому примеру.

Между тем в дореволюционной Франции П. назывались не законодательные, а судебные органы округов. Существовавшие же до революции 1782 г. во Франции сословные представительные органы назывались Генеральными Штатами. Но П. уже задолго до революции смотрели на себя не только как на судебные учреждения, но и как на органы, призванные контролировать законодательную деятельность королей с точки зрения соответствия королевских указов писаному праву или неписаным обычаям («кютюмы»). В виду того что французские короли пользовались П. для обнародования (см.) своих указов, П. считали себя в праве заносить их в книгу указов (т.-н. *livre des ordonnances royales*) лишь после разбора публикуемого закона

и критики его постановлений. Находя те или иные отступления от действующего права в предложенных для опубликования законах, П. делали королям представления об изменениях, соглашаясь на внесение их в книгу указов лишь после принятия этих изменений. Таким образом, П. вмешивались в законодательную деятельность королевской власти, присваивая себе функции законодательного контроля. В середине XVIII в. П. проводили ту точку зрения, что верховные суды Франции составляют в своей совокупности «единый П. Франции» стоящий на страже основных законов государства и прав подданных. Поэтому естественно, что П. и самое их название вытеснили в народном сознании Генеральные Штаты, сословные представительные органы, которые крайне редко собирались и были неспособны фактически бороться с самодержавными притязаниями королей. И мы видим затем, после эпохи французской революции, что законодательные органы народного представительства в самой Франции получают именно название П., а не Генеральных Штатов.

П. По господствующей до сего времени доктрине, а также и по букве писаных конституций положение П. среди других органов государственной власти основывается на следующих положениях.

Поскольку носителем всей полноты государственной власти и источником всех властей в государстве является народ, нация, то воля нации и представляет собою верховное определяющее начало во всех государственных делах. Воля нации получает свое выражение в законах, издаваемых от имени народа («Закон есть выражение общей воли», провозглашала «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г.). Поэтому тот орган, который призван законодательствовать, т.-е. вскрывать и выражать в законе эту общую волю, т.-е. П., есть высший среди всех других органов. «П. есть местопребывание самодержавной власти» писал в XVIII в. знаменитый комментатор английской конституции Блэкстон («Комментарии к английским законам»).

Но парламентские представители «народа» депутаты П., не есть простые поверенные народа или его «приказчики». После того как П. избрали, именно он уже

является носителем народного суверенитета (см.). Депутат не может быть связан никакими обязательными инструкциями от своих избирателей; он не отвечает ни перед кем за свои мнения, высказанные в П., и за свои голосования; он не может быть отозван своими избирателями (редкое исключение представляет собою право отзыва, существующее в некоторых штатах Северной Америки). Все это делает «народное» представительство совершенно независимым от народа, и «народная воля» заменяется волей парламентского большинства. «Народная воля еще должна быть отгадана, она не является для депутатов готовым фактом, а лишь руководящим принципом» (Новгородцев—Кризис современного правосознания, М. 1909 г., стр. 141)

Фактически «руководящим принципом» для П. как и для кабинета министров и других органов буржуазного государства, является вовсе не «народная воля», а интересы биржи, банков, трестов и синдикатов, или, точнее, интересы магнатов финансового капитала, которые и определяют собою ход всех дел внутреннего управления и внешней политики. И, например, в Соединенных Штатах распространена поговорка, гласящая, что законы издаются «третьей палатой конгресса», т. е. не официально существующими двумя его палатами (сенат и палата представителей) а той его частью которая состоит из заполняющей кулуары конгресса публики—представителей крупнейших фирм и банковских концернов.

III. Строение П. в подавляющем большинстве государств—двухпалатное. И только лишь в некоторых государствах мы видим однопалатные П. (см. Двухпалатная система).

IV. П. избираются на определенный срок (сроки эти в разных государствах весьма различны). Этот срок их полномочий называется легислатурой (см.). В тех государствах, где верхние палаты также избираются, их легислатура часто бывает более длительна, чем легислатура нижней палаты. Напр. в Соед. Штатах срок полномочий палаты представителей—2 года, сената (верхней палаты)—6 лет, во Франции—полномочия члена палаты депутатов (нижней палаты)—4 года, полномочия сенатора—9 лет в Чехо-Словакии—палата де-

путатов—6 лет, сенат—5 лет и т. п. Но в целом ряде государств длительность легислатур обеих палат одинакова—Германия, Румыния, Польша и нек. др.

Обновление состава обеих палат в том случае, когда длительность полномочий верхней палаты более продолжительна, происходит обычно различным способом. В то время, как нижняя палата переизбирается вся целиком в один срок, верхние палаты (с более длительной легислатурой) обновляются по частям, напр., в Соед. Штатах через каждые 2 года переизбирается $\frac{1}{2}$ сенаторов, во Франции $\frac{1}{3}$ сенаторов переизбирается каждые 3 года. Но в тех государствах, где длительность легислатур обеих палат одинакова, обе палаты обновляются одновременно во всем составе по истечении срока полномочий.

Полномочия нижней палаты могут быть прерваны и до истечения срока посредством роспуска П. Право роспуска принадлежит главе государства (королю, президенту). При этом, как отмечено, распускается только нижняя палата, и назначаются новые перевыборы. И только в Польше и Чехии в случае роспуска нижней палаты распускается и верхняя палата—сенат. В некоторых республиках это право президента обусловлено некоторыми ограничениями. Так, во Франции и Польше для роспуска П. требуется согласие сената (в польской конституции—с согласия $\frac{3}{5}$ членов сената, ст. 26 конст.); в Латвии президент может предложить роспуск сейма, поставив вопрос об этом на народное голосование, и сейм распускается, если $\frac{1}{2}$ всех участников голосования выскажется за роспуск; но конституция Чешской республики президент не может распускать палат П. в последние 6 месяцев своего пребывания в должности (§ 31). Но некоторые республиканские конституции не предоставляют президенту права досрочного роспуска, напр., в Соед. Штатах, в Эстонии, Австрии, Турции.

Помимо досрочного роспуска по декрету главы государства, польский сейм может сам постановить о своем роспуске до истечения срока полномочий. В этом случае требуется большинство $\frac{2}{3}$ голосов при наличии половины законного числа депутатов; при таком роспуске сейма распускается одновременно и сенат.

V. В целом ряде государств верхняя палата является судебной инстанцией для суждения о преступлениях главы государства (в республиках: Франции, Соед. Штатах, Чехо-Словакии) или министров (в тех же республиках и, кроме того, в Англии). Предание суду верхней палаты указанных лиц может произойти лишь по постановлению нижней палаты (в Англии и Соед. Штатах т. е. impeachment). В таком порядке возбуждаются дела по обвинению в государственной измене президента и министров. Для действительности постановления нижней палаты с предании суду президента обычно устанавливается определенный кворум и квалифицированное большинство—в Чехии, например, требуется большинство $\frac{2}{3}$ голосов при наличии $\frac{2}{3}$ депутатов, в Польше— $\frac{3}{5}$ голосов при не менее чем половинном составе законного числа депутатов и пр. Приговор верхней палаты по большинству конституций, знающих этот порядок преследования высших должностных лиц государства, может заключаться лишь в отрешении от должности и лишении права занимать государственные должности, но не влечет за собой освобождения от судебного преследования в обычном порядке для тех лиц, виновность которых будет признана верхней палатой. Когда в таком судьице превращается верхняя палата (сенат) конгресса Северо-Амер. Соед. Штатов, то ее заседания председательствует не президент сената, а председатель верховного суда (см.).

VI. В вопросах внутреннего распорядка, способа прохождения дел и пр. каждая палата П. является единственно полномочной инстанцией. Только П. имеет право проверять депутатские полномочия своих членов, и только ему принадлежит право признания недействительности мандата того или иного депутата.

Порядок прохождения законопроектов в комиссиях П. и его пленуме, распорядок заседаний палаты, пределы полномочий председателя и т. д. определяются наказами (см.) каждой палаты, которые вырабатываются и утверждаются самими палатами.

Согласно наказу председатель палаты (в разных государствах председатели палат именуются различно: в Англии и Соед. Штатах председатели палаты называются

спикерами во Франции председатель каждой из палат носит название президента и т. п.) может подвергать членов палаты, нарушающих порядок заседаний или не выполняющих распоряжений председателя, взысканиям (замечание, лишение слова). Более серьезные взыскания (напр., удаление из зала заседания или исключение на несколько заседаний) налагаются на членов палаты лишь постановлением последней по предложению председателя.

VII. Такова система и роль П. в современных буржуазно-демократических государствах согласно текстам конституций и сочинениям теоретиков государственного права. На практике мы видим как центр тяжести государственной деятельности, в том числе и законодательной, все больше и больше передвигается от П. к кабинетам министров (см. Кабинет и Инициатива). П. все более теряют свое руководящее значение, и правящая буржуазия постепенно начинает расставаться с иллюзиями парламентского верховенства, прибегая все чаще к методам «внепарламентского действия». Итальянский фашизм режим Цанкова в Болгарии, переворот, совершенный Пилсудским в мае 1926 г., литовский переворот в декабре 1926 г.—все это явления одного порядка. Они свидетельствуют о том, что современные буржуазные политики считают для себя не только стеснительными, но подчас излишними все формы и методы «законного», парламентского способа решения дел, прибегая к открытому насилию. Методы парламентской процедуры уже не удовлетворяют правящие классы, и разрешение своих интересов они теперь предпочитают поручать представителям вооруженной силы, а не «выразителям воли нации».

Н. Челябинов

ПАРТИЗАНЫ—участники войны, не входящие в состав регулярных армий. В качестве иррегулярных сил П. в правовом отношении несколько отличаются от остальных комбаттантов. Ранее в международном праве различались две категории П.: уполномоченные воюющей стороной и действующие за свою ответственность, без особого разрешения. Из них первые приравнивались к членам регулярных военных сил, вторые же рассматривались, как военные преступники и, будучи взяты в плен, рас-

стрельвались. С течением времени отношения П. несколько изменяются по мере того, как меняется характер войн, в которых ныне фактически принимает участие в той или иной форме, все население. Ст. гаагской конвенции 1907 г. о праве сухопутной войны устанавливает, что участники нерегулярных войск приравниваются к членам регулярных армий независимо от того, имеют ли они официальное разрешение от своего правительства; однако этот принцип применим лишь при наличии некоторых условий. В частности П. должны находиться под командой ответственного за своих подчиненных лица, иметь свою эмблему, открыто носить оружие и соблюдать законы и обычаи войны. Таким образом, права воюющей стороны признаются лишь за П. выступающими организованными группами. П.-одиночки попрежнему считаются военными преступниками.

Если партизанское движение приобретает массовый характер и охватывает целые области, то оно превращается в «массовое восстание» (*levée en masse*); к участникам такого движения применимы нормы, относящиеся к восстаниям на неприятельской территории. В частности, если такое восстание совершается по призыву воюющего государства, то участники его рассматриваются как воюющая сторона. Если же оно совершается стихийно, по инициативе самого местного населения, то согласно ст. 2 указанной гаагской конвенции, участники такого восстания приравниваются к членам вооруженных сил лишь в том случае, если движение начинается перед оккупацией (см.) данной территории противником. Напротив такого рода движение, возникающее на уже оккупированной территории, рассматривается, как неправомерное, и П. принимающие участие в таком движении считаются военными преступниками и подлежат расстрелу.

С чисто военной точки зрения термин П. имеет несколько иное применение. Именно под это понятие подходят все мелкие подвижные отряды, ведущие борьбу в тылу противника главным образом по линии его сообщений; методом партизанской войны являются внезапные нападения, налеты и т. д. Поскольку П. являются участниками регулярных армий, особого вопроса об их правовом положении не возникает. Партизанское движение сыграло большую роль

в гражданской войне, облегчив разгром белых армий Колчака и Деникина силами революции.

Л. И.

ПАРТИЯ (от латинского слова *pars* — часть; мн. число *partes* — стороны, напр., в тяжбе, откуда оно, повидимому, и перешло в политику). «Партийность есть результат и политическое выражение высоко развитых классовых противоположностей (Ленин). Настоящий смысл П. вполне понятным становится лишь при классовом понимании государства. Первые же П., как руководящие организации классов, являются организациями для борьбы за политическую власть: за взятие власти или за ее удержание. Из этого вытекает и стихийное образование двухпартийной системы (в Англии, Америке) соответственно борьбе двух классов за власть: капиталистов и землевладельцев. Обе П. представляют собою органы власти: настоящей и потенциальной (оппозиция) (см. схему у Ленина: П.—государство, программа П.—закон государственный). Не П. нигде не тождественны с классом: у буржуазии они шире класса, большинство членов и последователей из других классов: в пролетарской П., наоборот, уже; нигде до победы прол. П. не охватывает всего рабочего класса, но «перебежчики» из других классов в ней составляют редкое исключение. Политическая борьба прол. П. в первую очередь и заключается в отвоевании рабочих масс у буржуазных П. Родины политических П. как и буржуазно-демократического строя является Англия. Две крупнейшие английские П. существующие и доныне.—консерваторы и либералы—зародились еще в XVII в. в виде П. тори (нынешние консерваторы) и вигов (нынешние либералы). Торийская П. была политической организацией крупного землевладения. П. вигов являлась организацией городской промышленной и торговой буржуазии. Эти две П. были единственными П. в Англии до первого десятилетия XX в. Политические их различия на протяжении XIX в. в сущности стерлись в результате фактического сближения интересов обуржуазившихся землевладельцев и интересами промышленного и финансового капитала. Проводить между этими П. какое-либо резкое различие почти невоз-

можно. Политическая практика этих П. дает ряд примеров, когда правительство консервативной П. проводило в отдельных случаях политику более «либеральную», чем кабинеты, принадлежавшие к составу П. либералов, и обратно. Организация этих английских П. отличается от обычного представления о П., существующего на континенте Европы, тем, что эти П. не имеют какой-либо определенной писаной программы дисциплина в них не отличается большой строгостью, и, напр., голосование в парламенте членов одной П. вместе с представителями другой и против голосования своих сочленов является делом терпимым. Наблюдатели и исследователи политической жизни Англии говорят, что принадлежность к той или иной П. определяется не столько различием программ и убеждений, сколько темпераментом и личными симпатиями. Во всяком случае, переход из консервативной П. в либеральную или обратный—явление не редкое.

В первое десятилетие настоящего века в Англии образовывается рабочая П., а после войны Германией—коммунистическая. Последняя П. количественно невелика, но удельный ее вес и влияние на рабочие массы растут и особенно выросли и укрепились в результате всеобщей забастовки в мае 1926 г. и 6-месячной стачки горнорабочих, захватившей всю вторую половину 1926 г.

С.-А. Соед Штаты. политическая жизнь которых во многом построена по английскому образцу, тоже имели до империалистической войны две П.—республиканскую (нечто вроде английской консервативной П.) и демократическую (ее можно назвать американской либеральной П.; при этом, конечно, надо учитывать всю фактическую разницу классового строения и политической жизни Америки по сравнению с Англией). В настоящее время там также имеются коммунистическая П. и, кроме того, некоторые полит. организации фашистско-банлитского типа напр., ку-клукс-клан.

В буржуазных государствах европейского материка мы не видим такой консолидации классов и такой четкой их дифференциации, как в Англии и отчасти в Северной Америке. В таких государствах, как Франция, Испания, Германия и др.,

мелкая деревенская и городская буржуазия является общественной силой и количественно очень значительной и политически гораздо более влиятельной, чем в странах т.-н. «англо-саксонской культуры» Различные экономические и политические оттенки этих классовых слоев являются причиной организации большого числа различных П. начиная от ярко-реакционных—монархических и кончая революционной П. рабочего класса—коммунистической Немало пока влияния на рабочий класс Западной Европы оказывают и социал-демократические П., существующие уже десятки лет и входящие в состав П. Интернационала.

Все эти П., за исключением коммунистической, представляют собою политический фронт буржуазии. Это утверждение со времени империалистической войны можно распространить и на социал-демократов в лице их партийной верхушки, вождей этих П. (Каутский, Бауэр, покойные Эберт, Гэд, Гаазе, Брантинг, Туратти и др.)

Континентальные П., в отличие от английских консервативной и либеральной П. имеют обычно свои писанные программы Но, несмотря на различие этих программ политическая деятельность и практика всех буржуазных П. в сущности, одинаковы. И самые программы их, партийные платформы, являются документами, о которых вспоминают лишь во время выборной кампании в парламенты или органы муниципалитета. Тогда, на основании этих программ, избирателям даются широкие обещания и посулы, чтобы забыть о них на второй день после выборов.

В виду большого количества П. борющихся за власть и на выборах и в самом парламенте, на континенте Европы не удается создать такого цельного однопартийного кабинета министров, как мы это видим, напр., в Англии, где долгое время вся политическая арена была занята только двумя П. Поэтому в государствах материка мы и видим так часто у власти различного рода коалиционные министерства (см. Коалиция), которые обычно оказываются очень недолговечными.

Практика английских и северо-американских П. ввела в жизнь принцип «добыча принадлежит победителям». Отсюда мы наблюдаем, как победившая на выборах П. смещает со всех сколько-нибудь значи-

тельных и выгодных должностей своих противников и замещает их своими сторонниками. Особенно откровенно этот прием практикуется в Америке.

Несмотря на наличие программ и партийной дисциплины, ряды буржуазных и мелкобуржуазных П не отличаются сплоченностью. Так как принадлежность к какой-либо П. является обязательным условием политической, а за ней и всякой другой, карьеры, то в погоне за ней члены этих П. часто перебегают из одной в другую. Сплочение этих П. обычно происходит лишь на вопросах объединения сил всей буржуазии против растущей мощи рабочего класса (ср. партии кадетов в России в 1917 г.).

Во всяком буржуазно-демократическом конституционном государстве политические П. являются непременной составной частью политической организации. Наиболее заметной и привлекающей к себе внимание ареной их борьбы (но далеко не единственной и не решающей) является парламент (см.) (выборы и связанные с ними организации, дебаты, голосования, смена правительств, образуемых из парламентского большинства, и т. д.)

Буржуазный парламентаризм сохраняется, однако, лишь при условии сохранения буржуазного порядка эксплуатации. Классовая борьба, подрывающая основы буржуазной эксплуатации ведет к разрушению рамок буржуазного парламентаризма (см.)

Самодержавное государство, как это было в России до революции 1905 г. не допускало существования политических П. В дореволюционный период возникла и организовалась только революционная П. пролетариата—Российская социал-демократическая П. (большевиков), приобретшая чрезвычайно большое влияние на массы в 1905 г., организованнее других П., сумевшая отступить в период реакции, при подъеме, начавшемся с 1910—11 г., снова восстановившая свое влияние.

Наиболее сплоченной, наиболее боевой и наиболее массовой П. в настоящее время является коммунистическая П.—П. пролетариата, потому что из всех классов современного общества именно этот класс (см.) самый революционный и самый многочисленный, является представителем и вождем широчайших масс угнетенных и

эксплуатируемых капиталом. (В странах развитого промышленного капитализма, как Англия, пролетариат—большинство. В аграрных странах большинство составляют полупролетарии, вместе с промышленным пролетариатом, который в настоящее время имеется и в таких странах, как Китай Индия,—эти слои населения составляют подавляющее большинство).

Учение о П. и борьба за создание коммунистической П., способной руководить революционной борьбой пролетариата, является весьма существенной частью теории и практики марксизма.

Согласно взгляду Маркса, изложенному им еще в «Коммунистическом Манифесте», коммунистическая П. это—и ередовой отряд рабочего класса, это—часть класса, наиболее сознательная, наилучшим образом понимающая «прошлое и будущее движения», умеющая выделить и отстаивать «общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата», защищающая «общие интересы движения в его целом» на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии. П.—это часть класса наиболее активная, «самая решительная, всегда толкающая вперед» («Коммунистический Манифест»).

1. Являясь частью класса П. не может включить в себя весь класс в целом, т.е. весь класс не может быть одинаково сознательным и активным. Смешивать П. с классом—это значит принижать уровень сознательности, организованности, активности авангарда. В классовом обществе неизбежен различный уровень разных слоев одного и того же класса, неизбежно, что массы пролетариата угнетены, задавлены нищетой и эксплуатацией и не могут войти целиком в П., захватываются, и то не полностью, различными формами организаций, более широкими, находящимися лишь под влиянием П., но формально беспартийными (как профсоюзы, различные менее оформленные общества и т. п., и т. д.). Одинаково высокий уровень развития всех решительно членом класса может быть достигнут при условии уничтожения гнета, эксплуатации, нечеловечески тяжелых условий жизни, т.е. лишь в том случае, когда исчезнут классы, а следовательно П. не будет более нужна

«Было бы машиловщиной и «хвостизмом» писал Ленин в 1904 г. в брошюре «Шаг вперед два шага назад» «думать, что когда-либо весь класс в состоянии, при капитализме (см.), подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической (коммунистической) П. Ни один еще разумный социал-демократ (коммунист. А. В.) не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи—значило бы забывать различия между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда поднимать все более и более обширные слои до этого передового уровня» (Соч., т. V, стр. 351).

Этим стиранием разницы, непониманием значения П., как передового отряда, грешат анархисты-синдикалисты. Эту же ошибку совершали экономисты в конце 90-х, начале 900-х годов и меньшевики-ликвидаторы в 1907 г. выдвигавшие идею рабочего съезда и широкой рабочей партии.

2. Далее надо отметить, что хотя и нельзя стирать грани между П., как передовым отрядом, и всей массой класса, необходима тесная связь коммунистической П. с массами класса. П. не должна ни в коем случае от них отрываться. В противном случае П. превратилась бы в кружок, в секту и не смогла бы выполнять свою главнейшую задачу—руководство борьбой масс.

3. Для коммунистической П. характерно, что политическая борьба не является для нее самоцелью. «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство», писал Маркс в Уставе I Интернационала.

1. Отличительной чертой коммунистической П. является полная ее теоретическая и практическая самостоятельность и независимость от каких-либо чуждых пролетариату идейных буржуазных влияний. Лишь при строгой принципиальной выдержанности коммунистиче-

ская П. может удовлетворительно выражать и отстаивать интересы пролетариата, непримиримо враждебного буржуазии, стремящегося к уничтожению всякого классового господства и к созданию бесклассового общества.

5. Наконец, необходимо указать на международный характер пролетарской коммунистической П.

Боевой союз связанных во-едино организаций передовых элементов класса, П. основывает свое единство на единстве программы организации и тактики.

Программа коммунистической П. является сжатым изложением ее взглядов на сущность общественных отношений данного исторического периода, тенденцию их развития и вытекающие отсюда задачи пролетариата.

Организация является главнейшим необходимейшим орудием борьбы пролетариата. «Пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой», писал Ленин в 1904 г. «лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса» (Шаг вперед, V, 482). Сила буржуазии основана на дезорганизации пролетариата, на расколе его на различные группы (по национальностям, вероисповед., против поставлению рабочей аристократии—верхушки рабоч. класса—массам и т. п.). «Наемный труд основывается исключительно на конкуренции рабочих между собою», говорит Маркс в Коммунистическом Манифесте. Боевая коммунистическая П. и является как раз той организацией, которая должна руководить всей борьбой рабочего класса. Развивая в 1902 г. план организации П., Ленин писал в своей брошюре «Что делать?». «Только централизованная боевая организация, выдержанная, проводящая классовую политику и удовлетворяющая так сказать, все революционные инстинкты и стремления, в состоянии предохранить движение от необдуманной атаки и подготовить обещающую успех атаку.

Единственный способ придать массовой борьбе миллионов действительную силу—создание организованного передового отряда, связанного с массами и руководящего их борьбой. «Партия—сознательный, пе-

передовой слой класса. его авангард. Сила этого авангарда раз в десять, в сто раз более велика, чем его численность. Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силы тысячи?—Может и превышает, когда сотни организована. Организация удесятывает силы. Сознательность передового отряда в том, между прочим, и проявляется, что он умеет организоваться. А организуясь он получает единую волю, и эта единая воля передовой тысячи, сотни тысяч, миллиона — становится волей класса. Посредником между классами является широкий слой (шире П. но уже класса)—слой голосующих за с.-д., слой помогающих, слой сочувствующих и т. д.» (Собр. соч. т. XII, ч. II стр. 588).

Только наличность коммунистической П., завоевавшей доверие масс и умеющей руководить их революционным движением, обеспечивает победу революции. Без такой П. революционный класс ни победить настоящим образом, ни удержать власть не может.

Тактика П.—это ее «политическое поведение или характер, направление, способности ее политической деятельности» (Ленин. Две тактики). Тактика определяется в соответствии с каждым данным политическим положением, применительно к задачам, выдвигающимся данным моментом; в то же время принимаются в расчет и общие задачи движения в его целом, и прошлое, и будущее. В период, когда по сложившимся обстоятельствам приходится отступать, надо делать это так, чтобы в любой момент, если бы понадобилось, можно было бы перейти в наступление. В период реакции, в январе 1910 г., Ленин писал в статье «К единству»: «Тактика нашей П. толжна в одно и то же время в одном и том же действии пролетариата. в одной и той же сети организационных ячеек делать пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе» (без этого мы утратили бы право причислять себя к революционной социал-демократии. мы не исполнили бы основного своего дела, завещанного эпохой 1905 года и предельно возможного каждой черточкой современной экономической и политической обстановки) и «давать пролетариату возможность использовать для себя все противоречия неустойчивого режима контррево-

люции» (без этого наша революционность превратилась бы в фразу, в повторение революционных слов вместо иррименения всей суммы революционного опыта, знаний и уроков международной социал-демократии. к каждому практическому действию, к использованию каждого противоречия и колебания царизма, его союзников и всех буржуазных П.»).

Тактика и соответственные лозунги должны меняться сообразно с изменением положения. «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще», писал Ленин. «Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену. при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнечом сделанной цепи».

Лозунги, выдвинутые в определенной обстановке не могут оставаться неизменно правильными ибо обстановка меняется. Поэтому простое повторение старых лозунгов может превратиться в препятствие борьбе пролетариата, а не в помощь ей.

П. как высшая боевая организация класса, существующая для руководства всей его борьбой, возникает и развивается в борьбе. Энгельс в письме к Бернштейну в 1882 г. касаясь партийных дел во Франции, писал «Повидимому, каждая рабочая П. большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, как это вообще и соответствует диалектическим законам развития. Немецкая П. стала тем, что она есть в борьбе эйзенхауер с тассальянцами, в борьбе где даже самая драка играет главную роль». Это, конечно, ни в коем случае нельзя толковать так, что в П. законы всевозможные оттенки. Суть дела не в том, что есть различные оттенки, а в том, что П. должна очищать себя очищать свою принципиальную линию от всяких уклонов. Сила П. всегда в ее единстве на основе принципиально выдержанной программы и тактики. При диктатуре пролетариата, когда пролетариат правит целой страной, сплоченность и единство являются еще более насущной необходимостью. Не

единство это завоевывается непримиримой борьбой против всех буржуазных, мелкобуржуазных, непролетарских, анти-марксистских течений и групп и против уклонов.

Настоящим марксистом, действительно верным духу марксизма, является только тот, кто понимает вред анти-революционных лозунгов, теорий, течений, программ. умеет вскрыть их анти-пролетарское содержание, какими бы внешне революционными по виду узорами они ни прикрывались, и умеет вести борьбу с различными немарксистскими, некоммунистическими течениями, которые будут существовать, меняя форму все время, пока не исчезнут классы и не закончится таким образом классовая борьба.

Объясняя Горькому смысл борьбы против ликвидаторства и отзовизма. Ленин в одном из писем в апреле 1910 г. подчеркнул все значение подобной борьбы за очищение партийной линии от уклонов: «Это очищение», писал Ленин, «неразрывно связано с самой гущей рабочего движения, которое учится постановке с.д. работы в теперешнее трудное время, именно путем отрицания учится, путем отрицания ликвидаторства и отзовизма выходит на дорогу» (Ленинский Сборник, I, стр. 109).

Революционная марксистская П. пролетариата возникает в результате соединения рабочего движения с научным социализмом. Пролетариат поддерживает и выдвигает своих вождей, которые, овладев революционной теорией марксизма, переработавшей и преодолевшей результаты всего предшествующего развития человеческой истории и теоретической мысли, оказываются способными руководить классовой борьбой пролетариата

В процессе развития классовой борьбы и революции развилась и окрепла боевая коммунистическая П. пролетариата. Подводя итоги предыдущему опыту борьбы, большевики под руководством Ленина проводили в строгом соответствии с теорией революционного марксизма организационные принципы, охраняющие выдержанный боевой характер П. Перечисляя эти принципы, необходимо указать на следующие: 1) централизм, 2) дисциплина, 3) единство П., 4) подчинение меньшинства большинству (в настоящее время при диктатуре пролетариата недопустимость

фракционности), 5) энергичная борьба против буржуазных влияний, 6) очищение партийной линии от уклонов, а П. от неустойчивых элементов, 7) воспитание всех членов П. в боевом духе, 8) активность всех членов, 9) связь с массами, 10) отбор и воспитание руководящих кадров, 11) гибкость организации

Эти принципы отражают характерные черты пролетариата, являющегося самым революционным классом в силу своего положения в обществе, не могущим не бороться против капит. эксплуатации, а вместе с тем и против всякой эксплуатации. против классового строения общества, за коммунизм (см.)

В. Адоратский

ПАСПОРТНАЯ СИСТЕМА есть совокупность мероприятий, которыми устанавливается обязанность граждан иметь для удостоверения личности установленного вида документы — паспорта (франц. passeport). П. с. создается в целях учета и надзора за населением, а также в фискальных целях. Появившись с переходом от феодального строя к абсолютной монархии, П. с. развивается в эпоху полицейского государства, играя особенно большую роль в деле ограничения прав низших сословий. В особенности требование наличности паспорта стесняет население при выезде из своего постоянного места жительства. С развитием капитализма П. с. стала чрезвычайно обременительна для населения, т. к. ею стеснялась возможность быстрого передвижения. С другой стороны, она ничего не достигала и с точки зрения охраны порядка, т. к. опыт показал, что именно неблагонадежные лица, по общему правилу, оказывались снабженными вполне правильными документами. Все это вызвало в Зап. Европе в XIX в. (а в Англии и еще раньше) переход от П. с. к системе легитимации. При этой системе не устанавливается обязанность иметь какой-либо определенный вид документа, но по требованию органов власти гражданин обязан удостоверить свою личность любым способом; он может иметь паспорт, но в своих собственных интересах, — это составляет его право, но не обязанность. П. с., фактически отмененная во всех капиталистических государствах, сохраняет некоторое значение во взаимоотношениях государств между собой

в виде необходимых для выезда за границу заграничных паспортов и установления специальных видов на жительство для иностранцев.

В царской России в соответствии с ее общим укладом, П. с действовала до самого ее конца, обрушиваясь своей тяжестью на крестьян и рабочих. Впервые, как общее правило, паспорта были введены при Петре I в связи с установлением подушной подати и рекрутской повинности. Впоследствии паспорта приобрели фискальное значение: в начале XIX в. сборы за паспорта для мещан и крестьян доходили даже до 70 руб. (ассигнациями). Недостатки П. с стали особенно резко чувствоваться с развитием капиталистического хозяйства. Изданное после многолетнего обсуждения в 1894 г. «Положение о видах на жительство» всецело сохраняет паспорта, по новому закону никто не был обязан иметь паспорт в месте своего постоянного жительства. Однако в некоторых случаях подданные обязывались иметь паспорта и в месте постоянного жительства, напр., рабочие на фабриках, заводах и мануфактурах. Также требовалась выборка паспорта в местностях, находившихся под усиленной охраной.

Только в 1906 г. и сельским обывателям и другим лицам бывших податных состояний предоставлена была свобода избрания места постоянного жительства, которым стало считаться не место приписки, а место, где они живут.

После Октябрьской революции введение трудовой повинности и гражданская война вынудили советскую власть установить трудовые книжки (см. декрет «О выдаче трудовых книжек в г.г. Москве и Петрограде» от 25 июня 1919 г.—С. У. 1919 г. № 28 ст. 315).

С окончанием гражданской войны и переходом к новой экономической политике отпала необходимость в сохранении трудкнижек. Законом от 24 января 1922 г. (С. У. 1922 г., 11, ст. 106) всем гражданам предоставлено было право беспрепятственного передвижения по всей территории РСФСР, в черте ее федеральных границ до пределов пограничных пунктов. Право свободного передвижения и поселения подтверждено было также в ст. 5 Г. К. в соответствии с этим на очередь стал во-

прос о переходе к легитимационной системе. Этот переход был осуществлен декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1923 г. «Об удостоверении личности» (С. У. 1923 г., № 61, ст. 575). По ст. 1 органам управления воспрещается требовать от граждан РСФСР обязательного предъявления паспортов и иных видов на жительство, стесняющих их право передвигаться и селиться на территории РСФСР. Паспорта и другие виды на жительство, а также трудовые книжки аннулировались. Для облегчения возможности удостоверить свою личность, граждане с 16-летнего возраста могут получать удостоверения личности новой установленной формы. Удостоверения личности выдаются милицией или волносполкомами. Для получения удостоверения личности достаточно предъявления одного из следующих документов: 1) в городах и поселках городского типа—актовой (или старой метрической) выписи о рождении или справки домоуправления о проживании, или удостоверения с места работы или службы; 2) в сельских местностях—выписи о рождении или справки сельсовета о проживании. При невозможности для гражданина представить какой-либо из указанных документов, милиция выдает ему временно, взамен удостоверения личности, письменную справку на срок, необходимый для получения документов, но не более чем на три месяца. При наличии уважительных причин срок этот может быть продлен еще на три месяца.

Удостоверение личности выдается на срок не более 3 лет и имеет единую для всех граждан РСФСР форму, содержа следующие графы: а) фамилия, имя и отчество получателя удостоверения; б) год, месяц и число рождения; в) место постоянного жительства; г) род занятий (основная профессия); д) отношение к отбыванию воинской повинности; е) семейное положение; ж) перечень малолетних до 16 лет, внесенных в удостоверение; з) личная подпись; и) место и время выдачи, подпись ответственного лица и гербовая печать. Удостоверение личности выдается бесплатно; взыскивается лишь сумма, равная себестоимости бланка, — не более 10 коп. (цирк. НКВД, 1925 г. № 348). При этом, как указывается в инструкции НКВД № 370 от 6 июля 1925 г., органы управления не имеют права принуждать граждан

получать удостоверение личности Предъявление чужого удостоверения личности, а также подделка бланков и самих удостоверений влекут ответственность по У. К.

Вполне выдерживая основной принцип отказа от П. с., декрет от 20 июня 1923 г. при проведении его в жизнь, с трудом приживался на местах. Его осуществлению мешал не только обычный консерватизм аппарата, не могущего отрешиться так скоро от методов, применявшихся в эпоху военного коммунизма, но и то, что сам декрет не давал ответа на вопрос—можно ли в каких-либо случаях предъявлять органам власти другие документы а не только удостоверения личности. В особенности большое значение имел этот вопрос при прописке граждан. Поэтому Совнарком РСФСР утвердил 27 апреля 1925 г. постановление «О прописке граждан в городских поселениях» (С. У. 1925 г. № 28, ст. 197), которым устанавливалась прописка не только по удостоверениям личности. Гражданин может быть прописан по предъявлении как удостоверения личности, так и выписки о рождении, членского билета профессионального союза, расчетной книжки или удостоверения с места работы или службы, а также какого-либо другого документа, удостоверяющего личность. При отсутствии каких-нибудь документов, удостоверяющих личность, допускается временная, на срок не более 3 месяцев, прописка по письменному заявлению содержащему все необходимые сведения. Таким образом, правила прописки служат как бы закреплением установленной системы легитимации. Постепенно и другие учреждения перестают требовать обязательного предъявления удостоверения личности.

Если в отношении граждан РСФСР внутри Союза ССР твердо проводится легитимационная система, то при выезде граждан за границу сохраняется установленный заграничный паспорт. По утвержденному ЦИК и СНК СССР «Положению о въезде в пределы Союза ССР и о выезде из пределов Союза ССР» от 5 июня 1925 г. (С. У. 1925 г., № 37, ст. 277) выезд за границу граждан Союза допускается только по заграничным паспортам. Последние разделяются на общегражданские, служебные и дипломатические. Выдача общегражданских заграничных паспортов производится

административными отделами местных исполкомов.

Иностранцы обязаны иметь установленные для них виды на жительство. Прописка иностранцев может производиться только по видам на жительство. Выдача видов на жительство для иностранцев также производится административными отделами и регулируется в РСФСР правилами, издаваемыми Народным Комиссариатом Внутренних Дел.

А. Турдонов

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО — см. Изобретение

ПАТРИОТИЗМ—чувство отечества, любовь к отечеству, выставляемые, как норма общественного поведения. С точки зрения всей современной буржуазии во всех ее политических разновидностях, эта идея совпадающая с государственной идеей и являющаяся «государственным смыслом» (Струве), представляет собой высшую ценность, абсолютную норму. В таком качестве она имеет «априорно-человеческое» происхождение и должна подчинять себе все «исторические» идеи и временные ценности, напр. классовую борьбу. В наше время П. играет роль наиболее реакционной идеологии, которая призвана обосновывать империалистическое хищничество и заглушать классовое сознание пролетариата, ставя непереходимые границы его освободительной борьбе. П. сейчас остался единственной (или основной) идеей, которую буржуазия может противопоставить идее коммунизма. Между тем, из истории трудно убедиться, что не столь давно П. играл прогрессивную и даже революционную роль, а несколько раньше не существовал вовсе. В эпоху пролетарской революции все реакционные классы выступают под знаменем П., а рабочий класс противопоставляет ему идею Интернационала и право наций на отделение. В революции буржуазной (1789 г.) дело обстоит как раз наоборот: контрреволюционные классы именовались «аристократами» (т.е. носителями внесоциального и вненационального феодально партикуляристского принципа) и «федералистами» а революционеры называли себя «патриотами», и символом революции был П. В памятниках г.-н. «раннего средневековья» этого понятия не встречается вовсе (как почти пе

встречается понятий, соответствующих современному государству и нации), и после античного периода оно появляется впервые лишь в течение «новой истории». П. оказывается совсем не «над-исторической идеей», он имеет земное и притом не слишком давнее происхождение. Торговый капитализм, впервые объединив людей в обширные хозяйственные союзы, создал и современную государственность, и современные нации, и современный П. Для революционной буржуазии XVIII в. идея «общей воли» или единой нации была формой для ее борьбы за капитализм, где ее класс выражал собой родившееся понятие нации, а П. был формой защиты революционных завоеваний. Интересно, что в наименее капиталистически развитых частях Франции эта форма (так же, как и классовое содержание революции) долго не прививалась, и еще в 1799 г. в Вандее мог найтись «честный малый, который во время мессы св. Роха чистосердечно припевал «Боже истреби нацию» Порожденная капитализмом идеология П. изменялась вместе с ним, при чем все более заметной становится ее реальная связь не с нацией, а с государством, так как применяется она в обиходе многонациональных империалистических образований; тем самым, все более агрессивной и объективно-реакционной становилась ее роль. Роковое значение она сыграла в катастрофе 1914 г. Правящим классам тогда удалось отравить пролетариат патриотическим угаром посредством промежуточных мелкобуржуазных слоев, которые в силу своей экономической ограниченности «более патриотичны в сравнении с крупной буржуазией» (Ленин, XV, «О мелкобуржуазных партиях»; «Ценные признания Питирима Сорокина»). По выражению Маркса, «пролетариат не имеет отечества», он интернационален по своему производственному существу. Задача его истинных идеологов в этот период заключалась в разоблачении «социал-П.», который «льет воду на мельницу царско-пуришкевического шовинизма», «при чем даже не затрагиваются вопросы о национальностях России» (Ленин, XIII, «Русские Зюдекумы»). После революций эта задача была дополнена излечиванием мелкобуржуазной демократии от великорусского П.; брестский мир и организация свободного союза национальностей в СССР явились по вы-

ражению Ленина, «предметными уроками прогрессивности пролетарского интернационализма. Ему, конечно, несколько не противоречит лозунг защиты социалистического отечества. Защитой своего классового государства пролетариат как раз и выполняет свою интернационалистическую миссию. Он защищает именно социалистическое отечество, а не то «национальное единство», которое его заполняет. «Отечественная» буржуазия к советскому П. отнюдь не призывается; доказательством этого является и запрещение службы в Красной армии нетрудовым элементам

ПАЦИФИЗМ—идеологическое и политическое движение, ставящее себе задачей борьбу с военным способом разрешения международных конфликтов, не посягая на основы этих последних, которые объявляются неприкосновенными или молчаливо признаются таковыми.

Движение это приобрело в Европе систематический и организованный характер в новое время, главным образом, со второй половины XVIII и первых десятилетий XIX в. П. рос и развивался вместе с капитализмом, являясь спутником всех этапов его эволюции, а главным образом, двух последних ее стадий: промышленной и финансовой. Материальные предпосылки для развития идей П. были даны распространением капиталистического способа производства умножением хозяйственных и иных связей между различными странами, распространением одинаковой буржуазной культуры. Перерастая национальные рамки, капитализм обнажал единство интересов международного пролетариата, национальные ветви которого подвергались и подвергаются всюду однотипной эксплуатации. Этим капитализм подготовил движение, лозунгом которого сделалось «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Но вызывая таким путем к существованию интернационализм пролетарский, капитализм работал и над созданием интернационала буржуазного. Извлечение прибавочной стоимости, облеченной в безличную форму денежной предпринимательской прибыли всюду одинаковую, легко выразимую на языке золота, — это дело было и остается реальной базой и действительным содержанием буржуазного интернационализма. Что

могло быть в таких условиях естественнее, элементарнее, тривиальнее, чем жажда мира, чем неистребимая потребность в том, чтобы капиталисты всех стран могли без международных помех, стычек и кровопролитий извлекать равно для всех их желанную прибыль! Вот в чем источник миролюбия, вылившегося в форму П., вот где реальная основа ненависти к войне, всегда неверной по своему исходу, дорогой по стоимости и психологически тревожной по своей обстановке. В дальнейшем к этому присоединяются страх перед пролетарской революцией и желание или оттянуть конфликты, или замаскировать их неизбежное нарастание и их подготовку. Ибо капиталисты являются интернационалистами, лишь поскольку речь идет о качестве объединяющего их интереса. Но едва заходит речь о количественном насыщении этого интереса, отношения между капиталистами начинают подчиняться правилу, неосмотрительно распространенному Гоббсом на человека вообще: человек человеку—волк. Сколько, кому и где присвоить прибавочной стоимости—становится источником вечной борьбы между капиталистами в такой же мере, в какой общий им интерес к ее присвоению делает их естественными союзниками, жаждущими мира. Борьба эта идет между ними повсюду—и в рамках общества, членами которого они являются, и за пределами этого общества там, где разворачиваются отношения междунациональные. Внутри общества она приобретает относительно мирный характер. Здесь капиталисты ассоциируются, организуются образуя своего рода иерархию сил, направленных на эксплуатацию «своего», «отечественного», пролетариата. Зато в международных отношениях этим национально-иерархическим организациям капиталистов несравненно труднее ладить друг с другом. И тут война, со всем громоздким аппаратом подготовляющего ее и живущего подготовкой к ней милитаризма, становится хотя и крайним, по зато и решающим средством и способом ликвидации споров, кому сколько присвоить прибавочной стоимости, вырабатываемой международным пролетариатом. П., эта организованная потребность в «спокойной» эксплуатации пролетариата, оказывается таким образом, лицом к лицу с милитариз-

мом, составляющим необходимое проявление того же капитализма, который создает себе на потребу и самый П. Не бороться с войной и милитаризмом он не может, но и бороться с ним по-настоящему всерьез он тоже не в состоянии, не подрывая тех капиталистических корней, из которых сам же и растет.

Нервоначальные проекты пацифистского устройства Европы восходят к средним векам и к эпохе торгового капитала¹⁾. П. в средние века отличался по своей форме от П. позднейших капиталистических столетий. Обычно средневековые предшественники П. носились с планами образования союза всех христианских держав против «нехристей». При этом одни из них, как знаменитый Фома Аквинский (XIII в.) ставили во главе этого союза римского папу, другие же, подобно Данте, предпочитали, напротив, светского главу в виде всемирного императора. План единой «христианской республики» Генриха IV, относящийся ко второй половине XVI в., также имел непосредственной целью объединение европейских народов для войны с турками и... москвитями, буде они откажутся примкнуть к священной борьбе с «нехристями». Но здесь «христианская республика» являлась, уже довольно явственно, средством к облегчению торговой экспансии Франции на восток.

Типическим пацифистом эпохи торгового капитализма является Лакруа („*De pouceau Sucee*“, 1623 г.). Он убежден в полной возможности мирного удовлетворения торговых appetitов капиталистов всех стран. «Зачем,—спрашивает он,—я, будучи французом, должен желать зла англичанину или испанцу?» Не достаточно ли для всех них места под солнцем? В этом же языке упражнялись по ту сторону Ламанша и английские пацифисты XVII—XVIII вв., именно квакеры—секта, в которой бок-о-бок сотрудничали мелкий ремесленник Фокс, ее

¹⁾ Чисто внешняя, фактическая история П. хорошо рассказана Фридом, который посвятил ей весь II том своего *Handbuch'a*. Но Фрид. как и большинство других историков движения, не отдает себе ни малейшего отчета в социологическом смысле и причинах развития П. Как бы конспектом труда Фрида является статья Квиде в сборнике „*Die Friedensbewegung*“ (1922 г.)

основатель, и богатый банкир В. Пени («*Essay on the present and future peace in Europe*», 1693 г.) Пени пытался перенести идею «внутригражданского мира» на международные отношения. Как парламент, «представляющий» все слои данного общества, согласует их интересы в рамках последнего, так и «парламент европейских государств» создание которого рекомендует Пени, способен примирить интересы европейских народов. Против нарушителей постановлений этого парламента должны выступать согласованно все члены, представленные в нем. В XVIII в. идеи П. получили очень широкое распространение. Идеологи континентальной буржуазии включили П. в свою программу борьбы с феодальной аристократией. И хотя П. по своему назначению должен был иметь в виду международную политику в процессе этой борьбы он сделался больше вопросом внутренней, междуклассовой политики. В таком виде он стал элементом идеологии деятелей «просвещения» во Франции и Германии; в этом качестве он фигурирует у Руссо, Вольтера, Монтескье, энциклопедистов и Канта. Особого упоминания заслуживает Аббе де Сен-Пьер, выпустивший свой труд «*Projet de la paix perpetuelle*» в 1712—1716 г.г. Автор—французский дипломат—не ограничился общими соображениями и предположениями, а выставил подробный план мирной организации Европы (христианской). Во главе европейской федерации должен, по его мнению, стоять сенат, составленный из представителей 24 держав. При сенате, в качестве его главных исполнительных органов следует учредить как бы несколько министерств. Аббе определяет также численность вооруженных сил, которые можно разрешить каждой стране для борьбы с внутренними врагами и для исполнения постановлений сената по отношению к внешним. Популярность этих идей коренилась во-первых, в том, что Аббе де Сен-Пьер санкционировал то состояние внутриобщественных отношений, которое он застал в начале XVIII в. Это обеспечило ему сочувствие господствующих классов всех стран. Во-вторых, торговая гегемония к этому времени окончательно перешла к Англии. Ни одна из европейских держав не могла и помышлять о конкуренции с нею. Под эгидою английского торгового капитала на-

долго единственной, реальной идеологией в области международных отношений сделался П., ибо оружие милитаризма было непосильно для главных стран континента, а следовательно, было не нужно и Англии. Вот в чем источник успеха и самый смысл проекта Аббе и многих других пацифистских идеологий XVIII в. Последнею из них, и крупнейшею, а вместе с тем и законченнейшею, была предложенная Кантом в его сочинении «*Zum ewigen Frieden*». Кант предложил целый готовый трактат, регулирующий все международные отношения. Он формулировал ряд условий, которым должна подчиняться международная политика всех стран, чтобы предупредить возможность войны между ними. Они сводятся к господству права и к установлению федеральных отношений между государствами «Природа» по его мнению сама соединяет друг с другом народы в их взаимных интересах, к их обоюдной пользе. Эта природа состоит в «торговом духе» (*Handelsgeist*), который несовместим с войною и рано или поздно подчиняет себе каждую страну».

Девятнадцатый век породил массу литературных выражений П., но ничего нового они не прибавили. Зато возникает ряд сперва национальных, а затем интернациональных пацифистских обществ и их конгрессов. Их родиной и главным местом их действия были англо-саксонские страны, в особенности Англия. Эта страна, испытывавшая во второй половине XVIII и в начале XIX в. «промышленный переворот», имевший результатом наступление в ней эры промышленного капитализма, оказалась в виду этого хозяином экономического положения в Европе и во всем мире. Официальная идеология этой новой Англии, фритредерство, была столько же национальной, сколько и международной программой экономической политики. В интересах фритредерской Англии было открыть британской промышленности беспрепятственный доступ во все страны, где национальные ростки индустрии не были способны выдерживать с ней конкуренцию. Этого было достаточно, чтобы английская буржуазия сделалась самой энергичной представительницей П.—защитницей полного мира, под охраной которого она и без применения оружия, силой одних лишь экономических «аргументов» могла господ-

ствовать над всеми странами. Пацифистские общества начинают возникать в Англии сейчас же после наполеоновских войн (1816 г.). Почти одновременно такие же общества возникли и в Соединенных Штатах (с 1815 г.), где они скоро объединились в одну организацию (American Peace society 1828 г.). В 1848 г. (в Брюсселе) был созван первый международный конгресс пацифистов, на котором главную роль играли британские пацифисты. На следующих пацифистских конгрессах (в Париже—1849 г., во Франкфурте на Майне—1850 г.) тоже преобладали англичане. Крымская война приостановила это движение, но в 60-х годах опять начали появляться международные организации. Так, в 1867 г. в Париже возникла *Ligue internationale et permanente de la paix*; в том же году в Женеве была учреждена *Ligue internationale de la paix et de la liberté* и т. д. Возобновились и пацифистские конгрессы, так, лондонское *Peace society* добилося созыва такого конгресса в 1878 г. в Париже при чем протоколы его впервые были напечатаны на казенные (французские) средства, и тем конгрессу был придан оттенок официальности. Особенно сильный рост числа пацифистских организаций начинается с конца 80-х годов. В 1892 г. возникла постоянная международная организация—«Международное бюро мира»—с постоянной резиденцией в Берне. В связи с этой организационной мерой международные конгрессы пацифистских обществ стали собираться регулярно почти каждый год начиная с 1889 по 1913 г., таких конгрессов состоялось 20. На ряду с централизацией движения в мировом масштабе, особенностью новейшего П., с 80-х годов, сделалось именно постепенное его проникновение начатом официальности. В том же самом 1889 г. когда пацифистские общества всего мира объединились для согласованной централизованной деятельности, возникла и первая официальная пацифистская организация, причем—сразу же в международном объеме. Это был т.-н. междупарламентский союз, основателями которого явились кетати опять-таки английский пацифист и депутат парламента Кремер и французский пацифист и депутат Пасси. Собственно, этот союз не был непосредственно пацифистской организацией. Но представляя междуна-

родное объединение парламентов, союз естественно должен был сделать обсуждение вопроса о мире одной из главных своих задач. Надобно заметить также, что в союзе были представлены не прямо парламенты, как целые, а скорее отдельные течения, группировки и партии в парламентах. Таким образом, союз отнюдь не был международным парламентом, но не являлся и просто частным объединением отдельных парламентариев. Официальный характер организации обнаруживался в том, что расходы по содержанию и деятельности союза покрывались посредством взносов соответствующих правительств. В 1892 г. междупарламентский союз создал постоянное «бюро» в Берне, а с 1889 г. стал почти ежегодно созывать свои «конференции». На них обсуждались все обычные темы П., особенно же проблема ограничения вооружений и проблема международного арбитража (см. Третейское разбирательство). Здесь представители международной буржуазии, как сказать, примеряли рецепты П. к решению перманентных конфликтов, разделяющих их по обыкновению и на волос не касаясь тех основ, которые соединяли и соединяют их в процессе возбуждения этих конфликтов. Никаких существенных результатов при этом условии получиться конечно не могло. Попыткой официального применения идей П. явилась I Гагская конференция (1899 г.) Предпринятая больше всего в интересах якобы ограничения вооружений (см. Разоружение) она была объявлена пацифистами носительницей пацифистской миссии. Однако на ней не только не удалось договориться об ограничении вооружений, но даже вопрос о третейском разбирательстве международных споров и о посредничестве в международных конфликтах был решен в довольно платоническом смысле, так как и разбирательство, и посредничество не были признаны обязательными и зависели от доброй воли сторон. Дальше этого в официальном проведении П. не пошла и II Гагская конференция (1907 г.). После мировой войны 1914—1918 г. попыткой официального, междугосударственного осуществления П. явилась организация Лиги Наций (см.), статут которой вошел в состав версальского договора (1919 г.)

Осуществление пацифистской программы, несмотря на то, что оно централизовано и

включено в официальные задачи международной политики и в настоящее время не пошло таким образом. дальше того, на что могли рассчитывать пацифисты эпохи торгового капитализма. Капитализм торговый, промышленный или финансовый—всегда капитализм. в условиях которого мир и война—непрерывные попутчики. Эту истину провозгласил международный социализм, едва он успел организовать, как антипод капиталистического пацифизма. Еще на втором конгрессе I Интернационала (сентябрь 1867 г.) была вынесена резолюция, в которой говорилось: «Мир, является первым условием всеобщего благополучия должен быть, в свою очередь, закреплен порядком вещей, не допускаящим более деления общества на два класса, из которых один эксплуатирует другой»¹⁾. На парижском конгрессе II Интернационала, состоявшемся в 1889 г.—следовательно когда II вступал в новейшую фазу своего развития—было констатировано, что «война, как роковое следствие современных экономических условий, окончательно исчезнет лишь с уничтожением капиталистического строя, с освобождением труда и торжеством международного социализма». На следующем конгрессе (1891 г.) было подчеркнуто что «все попытки, направленные к уничтожению милитаризма и к восстановлению мира между народами, какими бы благородными побуждениями они ни диктовались, окажутся бесплодной утопией, если оставят нетронутыми экономические корни зла». Затем II Интернационал начал обращать внимание на пролетарские способы борьбы с войной, более действенные, чем буржуазный П. Рекомендую для этого применение всех средств, приближающих разрушение капитализма и наступление социализма. II Интернационал всего решительнее и определеннее формулировал свою позицию в постановлениях VI конгресса в Штуттгарте (1907 г.): «Конгресс заявляет: если готовится война, то обязанность рабочего класса всех заинтересованных стран и должностных их представителей направить с

помощью международного бюро, путем энергичных и координированных действий, все усилия к тому, чтобы помешать войне всеми мерами, кои будут признаны ими наиболее подходящими и которые, само собою разумеется, могут быть различны в зависимости от степени обостренности классовой борьбы и общеполитического положения. Если же война, несмотря на все это, все же начнется, тогда они обязаны приложить все усилия для возможно скорейшего ее прекращения и всемерного использования вызванного войной экономического и политического кризиса для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубокие общественные слои и ускорить падение власти капитала» Это постановление было кульминацией в антимилитаристической и антипацифистской деятельности II Интернационала. Эти постановления, подтвержденные позднее на Копенгагенском и Базельском конгрессах обосновывают тот лозунг, который выдвинул Ленин: превращение войны империалистической в войну гражданскую. Наоборот, изменившие революционным принципам социал-реформистские вожди II Интернационала заговорили языком буржуазных пацифистов: «Мы надеемся, что жестокая школа страданий пробудит в миллионах новых людей отвращение к войне и обратит их к идеалу социализма и всеобщего мира. Руководясь этими положениями, мы будем голосовать за требуемые кредиты» (из германской с.-д. декларации 4 августа 1914 г.). В манифесте Коммунистического Интернационала в десятилетие мировой войны борьба с войной, в отличие от буржуазного П., определяется как «путь суровой борьбы в каждой стране пролетариата разных стран во имя захвата власти и установления диктатуры пролетариата». А в это самое время социал-демократия пополняет собою ряды пацифистов. Прежде, свидетельствует буржуазный пацифист Квидде о немецких социал-демократах, «они были убеждены, что международный социализм уже есть мир и на ряду с ним не признавали никакого П. Война убедила многих старых социал-демократов, что это было заблуждением, теперь они работают не только с пацифистами но и в рамках П.» Такова последняя, самоповейшая фаза в развитии П.

¹⁾ См. „Материалы и документы по истории отношений международного социализма к войне“, в „Коммунист Интернационале“, 1924, № 5—6.

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ СИСТЕМЫ. Сравнение советской П. с с тюремными системами капиталистических стран особенно вышукло выявляет особенности советского исправительно-трудового законодательства и способствует выяснению принципиальных его отличий от аналогичных по форме институтов других стран. Так как к тому же многие из основ советского П. права, исторически рассматриваемые имеют свои близкие или отдаленные корни в П. с. капиталистических стран, то только при помощи сравнительно-правового метода лучше всего иллюстрируется, как одна и та же теоретическая мысль получает различное оформление и иное содержание, будучи преломлена чрез классовое правосознание капиталистических стран, с одной стороны, и Советского Союза—с другой.

Остановимся поэтому на системах, получивших особо широкое применение или оказавших особо сильное влияние на П. теорию и практику.

Ф и л а д е л ь ф и й с к а я или **п е н с и л ь в а н с к а я** система, это—система одиночного заключения, получила впервые систематическое применение в американском штате Пенсильвания. Основная идея этой тюремной системы в ее первоначальном применении состояла в том, что оставаясь постоянно наедине с собой, преступник должен молитвой и самосозерцанием прийти к сознанию своей виновности, к раскаянию и примирению с богом и людьми. Отсюда вытекала необходимость устройства тюрем по системе одиночных камер. В конце XVIII в. был сделан первый подобный опыт. В начале XIX в. в Пенсильвании и Филадельфии были построены большие одиночные тюрьмы со специфическим режимом: полным обезличением преступника, заменой фамилий номерами, грубой тишиной, обязательным пощением масок, т.-е. абсолютной изоляцией заключенного не только от внешнего мира, но и от других заключенных.

Новая тюремная система вызвала в Европе повсеместное подражание. Первый международный тюремный конгресс 1846 г. во Франкфурте провозгласил пенсильванскую систему единственной пригодной для долгосрочных и краткосрочных заключенных, уже осужденных и подсудимых. Последовательность в проведении одиночного заключения, молчания и изоляции от внеш-

него мира дошла до уродливых форм: одиночных клеток в церквях, одиночных дворишков для прогулок, подъемных машин с одиночными отделениями, завязывания глаз во время прохождения по двору, мягких бесшумных туфель на ногах надзирателей.

Однако вскоре же после первого увлечения пенсильванской системой началась и критика этой системы. В тридцатых годах XIX в. квакерское американское тюремное общество назвало одиночные камеры «ужасными и страшными логовищами», являющимися «символом человеческого страдания, в сравнении с которыми французская Бастилия и испанская инквизиция—лишь бледные и слабые копии».

К голосам филантропов вскоре присоединились и голоса тюремных указывавших, что одиночное заключение не достигает главной задачи заключения—приспособления преступника к обществу—и делает невозможным какое-либо действительное исправление. Несомненно и губительное действие одиночного заключения на психику. Заключенный без вреда для душевного здоровья не может вынести более или менее длительного абсолютного одиночества.

Но борьба с системой одиночного заключения не закончилась еще до сих пор. Только в последнее время отказалась от него Бельгия, которая в свое время особенно полно провела эту систему. Почти уничтожено одиночное заключение в Англии, но оно до сих пор применяется в ряде стран, как Франция Германия, Италия и др. Некоторые из буржуазных тюремных продолжают до сих пор защищать систему одиночного заключения.

Исправительно-трудов. кодексы советск. республик, отвергающие всякое мучительство и причинение нецелесообразного вреда заключенным, запрещают одиночное заключение, как способ осуществления меры социальной защиты.

П О б о р н с к а я система. Совместное пребывание заключенных днем и разлучение их на ночь применялось в некоторых европейских тюрьмах еще в начале XVIII в. Но в качестве системы этот способ заключения был впервые проведен в Америке же в Оборнской тюрьме, от которой он получил и свое наименование. Стремясь исправить дефекты одиночного заключения, в Оборне

были введены совместные работы в течение всего дня и разобщение по одиночным камерам на время отдыха и на ночь. Правило молчания было оставлено в силе и проводилось с особой строгостью. Американские тюремные общества, в особенности нью-йоркское и бостонское горячо приветствовали новую систему, встретившую подражание и в других странах, в особенности во Франции, где она применяется до сих пор. Крупнейший недостаток обориской системы—обязанность молчания. Однако это правило оказалось живучим. Во Франции и Англии оно продолжает соблюдаться до сих пор. В английских тюрьмах правило молчания господствует не только в тюрьмах для взрослых, но и в реформаториях для несовершеннолетних. послабления допускаются только в виде привилегий и исключений.

III Система реформаториев. Идея создания реформаториев в Америке обязана своим происхождением двум стремлениям: отделить несовершеннолетних и впервые совершивших преступление взрослых от привычных и профессиональных преступников и создать такие условия заключения, которые явились бы для заключенных стимулом к приобретению и укреплению социальных привычек.

С этой целью в 1876 г. в штате Нью-Йорк в гор. Эльмайра был открыт первый реформаторий, руководителем которого был известный американский тюремный деятель Броквей. Вслед за Эльмайрой в различных штатах было открыто еще около 15 реформаториев. Основной признак реформаториев — ограничение в возрасте заключенных. В большинстве реформаториев этот возраст 16—30 лет, но в отдельных реформаториях он понижается до 15 лет или повышается до 40 лет.

В реформаторий принимаются осужденные за серьезные преступления, за которые закон устанавливает наказание не ниже государственной тюрьмы. Отбытие ранее наказания в государственной тюрьме (но не арест или штраф) является препятствием к помещению в реформаторий.

Осужденные заключаются в реформатории на относительно неопределенные сроки. Суды, присуждая в заключение в реформаторий, указывают в приговоре, в какой именно должен быть помещен осужденный.

Прогрессивная система отбывания наказания является главным признаком реформаториев. Заключенный поступает сначала в средний класс, и от его дальнейшего поведения зависит переход в низший или высший класс. Так как освобожден он может быть только из высшего класса, то это является стимулом для стремления хорошим поведением и успехами (по системе марок) в работе и школьных занятиях добиться перевода в высший класс. Пребывание не менее 6 месяцев в высшем классе и получение определенного количества марок дает право на условное освобождение. Заключенные оплачивают все, что они получают в реформатории, вплоть до медицинской помощи, но и им оплачивается все, что они делают, включая школьные занятия и гимнастику.

Реформатории встретили подражание в Европе, главным образом в Англии, где они были применены для несовершеннолетних подвергнувшись при этом значительным видоизменениям, в форме лондонских борстаблских учреждений.

IV Система колонизационной ссылки. Неудовлетворительное состояние английских тюрем и рост преступности в Англии в начале XVII в. навели английское правительство на мысль прибегнуть к удалению из метрополии наиболее тяжких преступников, приговоренных к долгосрочному уголовному рабству. Английское правительство стало направлять приговоренных к уголовному рабству сперва в свои американские колонии, а с 1759 г. в Австралию, в Новый Южный Уэльс. Преступники должны были превратить девственную местность в благоустроенную колонию. Эта задача, которая могла быть выполнена только при помощи тяжелых изнуряющих работ, все же была в значительной степени осуществлена. Однако колония превратилась в гнездо разврата, преступности, алкоголизма и проституции и вызвала протесты со стороны свободных эмигрантов, которые требовали прекращения ссылки в Австралию.

Но в процессе развития австралийской ссылки родилась идея досрочного освобождения и прогрессивной системы. Преступники ссылались в Австралию пожизненно, и число их возрастало столь быстро, что содержание их в условиях лишения свободы становилось все более затруднительным. С

другой стороны, свободные эмигранты пуждались в рабочих руках. Возникла мысль досрочно освобождать ссыльных после определенного срока и «приписывать» их к свободному населению в качестве рабочих, слуг и т. п. с тем, чтобы в случае совершения нового преступления они возвращались бы в состоянии уголовного рабства. Однако рост числа ссыльных заставлял условно освобождать все большие количества ссыльных, совершавших много численные преступления и ставших предметом ужаса для свободного населения. Капитан Мекончи, начальник колоний на острове Наркфолке, применил в 1840 г. новую систему, которая должна была превратить преступников в полезных членов общества. По системе Мекончи поведение и успехи ссыльных оценивались марками, выдаваемыми в зависимости от поведения и успехов в работе. Система Мекончи дала хорошие результаты.

А. Прогрессивная система В учебниках по тюрьмоведению принято указывать на Ирландию, как на страну, в которой впервые была в отчетливой и строго последовательной форме осуществлена прогрессивная система отбытия лишения свободы, называемая поэтому часто ирландской. Ирландская система, как она мыслилась творцом ее Крофтоном, заключалась в делении отбывания лишения свободы на три ступени: одиночного заключения, совместных работ с другими заключенными и пребывания в переходных домах.

Заключенный, осужденный на срок не менее 3 лет и не достигший еще 40-летнего возраста, должен был оставаться в одиночном заключении 9 месяцев, занимаясь однообразной и тяжелой работой (щипание каната и т. п.). Эта стадия преследовала исключительно карательные цели.

Пребывание во второй ступени происходило в специальной тюрьме, разделявшейся в свою очередь на 4 класса, и длилось не менее 3 лет при осуждении на 7 лет и не менее 4 лет при осуждении на 10 лет.

После пребывания в высшем классе второй ступени заключенный переходил в новую т.-н. переходную тюрьму, где заключенным давалась возможность совершенствоваться в ремесле или заниматься сельскохозяйственными работами. Заключенные имели право на ношение собственного

платья пользование известной свободой, хождение на работу без надзора в соседние местности, получение в свою пользу части заработной платы и т. д.

После пребывания в переходной тюрьме следовало условно-досрочное освобождение.

Скорость прохождения заключенным всех ступеней и классов прогрессивной системы зависела от накопления им достаточного количества марок. В марочной системе видели средство против дурного влияния худших элементов, которому противопоставлялось стремление к достижению заключенным реальных результатов.

Система, созданная Крофтоном и послужившая образцом для многих стран, с оставлением Крофтоном в 1887 г. должности, стала мало-помалу терять свои существенные черты. Переходные дома—лучшее достижение Крофтона покончившееся на его личном влиянии—были вскоре закрыты.

Советское исправительно-трудовое законодательство построено на прогрессивной системе, со значительным ее видоизменением и придавшим ей классового характера.

VI. Борстальские учреждения Борстальские учреждения представляют собою ту форму американских реформаториев, которую последние приняли на английской почве. В противоположность американским реформаториям они предназначены для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 21 года. Помещаются в них на срок от 1—3 лет не несовершеннолетние правонарушители, совершившие преступления впервые а «юные хулиганы» находящиеся на преступном пути, уже ранее судившиеся и, очевидно, неминуемо становившиеся привычными преступниками.

К числу таких юношей закон относит осужденных за тяжелые преступления за которые полагается уголовное рабство или тюремное заключение, и осужденных за преступления, за которые суд может назначить тюремное заключение на срок больше одного месяца и осужденных ранее за преступления или нарушивших правила о непечительном надзоре, обнаруживающих к тому же преступные наклонности и привычки или имеющих связи с лицами предосудительного поведения.

Срок заключения от 1 года до 3 лет. Допускается условное освобождение после шести месяцев для мальчиков и трех месяцев для девочек.

В основу положена прогрессивная система с делением на четыре класса: штрафной, первый, средний и специальный. Несовершеннолетний поступает вначале в первый класс, во время пребывания в котором он исполняет домашние работы по учреждению. В следующий класс он может быть переведен не ранее чем через двенадцать недель примерного поведения. Во втором классе он остается шесть месяцев и выбирает в это время какое-либо ремесло, в котором он специализируется. Пребывание во втором классе связано с некоторыми привилегиями как-то: совместная еда и игры, право свиданий, получение писем. После первых шести месяцев следует испытательный период к специальному классу, в котором юноши работают без всякого надзора, занимаются раз в неделю спортом за стенами учреждения и получают карманные деньги, которые могут расходовать или посылать родным. Дурное поведение влечет за собою перевод в штрафной класс с тюремной одеждой, работой в одиночных камерах и запрещением свиданий и писем. Школьным занятиям уделяется мало времени. Для перехода из одного класса в другой требуется получение определенного количества марок, выдаваемых за успехи и хорошее поведение.

Английские писатели и общественные деятели склонны превозносить борстальские учреждения. Однако целый ряд существенных недостатков заставляет усомниться в тех блестящих результатах, которые им обычно приписываются.

Уч. Превентивное заключение. С начала XX в наука уголовного права уделяет значительное внимание вопросам о т.-н. опасном состоянии, свойственном главным образом, профессиональным и т.-н. «ненасправимым» преступникам. В отношении этого типа преступников особые задачи встают перед пенитенциарными органами. Наказание в отношении их бесцельно. Не их виновность, а их опасность—причина особого к ним отношения, точно так же как не их конкретное деяние, а их личность представляет собою опасность для общества. Сторонники теории опасного состояния указывают на непригодность общих тюрем для профессиональных преступников, содержание которых является нецелесообразным, так как главной задачей в отношении их является не исправление, а

изоляция их от общества. К тому же содержание их в общих тюрьмах вредно, так как они являются учителями преступности для случайных преступников, находящихся с ними вместе в заключении. Поскольку на исправление их имеется мало надежды и поскольку они сохраняют свое «опасное состояние», но выходе на волю, сторонники т.-н. «превентивного» заключения ставят вопрос о принятии мер для защиты общества от новых преступлений, которые они, по всем вероятностям, вновь совершат.

В качестве такой меры была предложена изоляция их от общества (превентивное заключение) для предупреждения совершения ими преступлений по отбытии ими наказания. Предложение это встретило широкое сочувствие, и в числе одной из первых страп, осуществивших его на практике мы находим Англию. Закон о предупреждении преступлений (*Prevention of Crime Act, 1908*) предоставляет суду право приговаривать определенные категории преступников осужденных к уголовному рабству, помимо основного наказания, к дополнительному превентивному заключению. К этим категориям относятся преступники, которые со дня достижения ими 16-летнего возраста были не менее трех раз осуждены за преступления и которые вели постоянно бесчестный или преступный образ жизни, или же которые были уже однажды признаны привычными преступниками и были уже однажды приговорены к превентивному заключению.

Приговор должен быть вынесен на срок не свыше 10, но и не менее 5 лет, и лицо, присужденное к превентивному заключению, должно быть подвергнуто такой дисциплине и такому режиму, а также должно быть занято такими работами, в результате которых оно должно получать желание и возможность вести по освобождении честный образ жизни.

Для отбывания превентивного заключения в Англии предназначена специальная тюрьма (*Camp Hill*), режим и дисциплина которой отличается от принятых во всех остальных тюрьмах. Заключенные делятся на три класса—дисциплинарный, нормальный и специальный, они начинают отбывать лишение свободы в нормальном классе. За труд они получают небольшое вознаграждение (около 50 кои. в неделю),

на которые они могут покупать добавочные продукты и табак. За каждые шесть месяцев хорошего поведения заключенному дается особое удостоверение и вместе с ним ряд новых привилегий и лишняя напивка на рукаве. Четыре таких удостоверения дают право на переход в специальный класс. Заключенные этого класса живут в отдельных кабинках, расположенных в саду за тюремной стеной, в условиях полувольного режима с минимальным надзором.

Официальные авторы считают опыт превентивного заключения удачным и выдвигают предложение о применении его ко всем осужденным к уголовному рабству.

Превентивное заключение применяется, кроме Англии, в Австралии, в Норвегии, в Германии (т. н. *Corectionelle Nachhaft*) и в Швейцарии. Опыт этих стран еще недостаточен для того, чтобы судить о степени целесообразности этой меры.

VIII. Советская П с — см. «Исправительно-трудовой кодекс».

И. Е. Ширвиндт

ПЕРЕДАЧА — см. Цесния.

ПЕРЕМИРИЕ. П. в широком смысле слова называются всякого рода соглашения между воюющими сторонами о временном прекращении враждебных действий. Они не означают прекращения состояния войны. Некоторые постановления о П. содержатся в ст.ст. 36—41 гаагских регламентов. Различают следующие виды П.:

1. **Приостановление вооруженных действий** — означает соглашение, заключенное между военными и морскими силами на очень короткий промежуток времени с какой-либо конкретной целью, не носящей политического характера и имеющей чисто местное значение (уборка раненых, погребение убитых, добровольная эвакуация осажденной крепости). Эти пункты касаются исключительно тех воинских частей, которые имеют отношение к цели П и делятся столько времени, сколько потребует исполнение этой цели.

2. **Общее П.** — представляет соглашение, распространяющееся на все силы воюющих сторон и на весь театр войны. Вследствие этого общее П имеет политическое значение (примеры новейшего времени: П. советской России с центральными державами 15 ноября п. с. 1917 г.; П. союзных держав

с Болгарией 23 сентября 1918 г., Австро-Венгрией—3 ноября 1918 г., Турцией—30 октября 1918 г., Германией—11 ноября 1918 г.).

3. **Ч а с т и ч н о е П.** — означает соглашение о прекращении враждебных действий между определенными частями сил воюющих сторон; в отличие от приостановления вооруженных действий в каком-либо пункте театра войны частичное П. имеет всегда не случайную цель, но вызывается мотивами общеполитического характера: часто оно служит переходной стадией к общему П. (пример. прекращение военных действий на море, в колониях и т. д.)

Приостановление вооруженных действий может устанавливаться соглашением местных военных властей, общее П. может быть заключаемо лишь правительством или верховным командованием и по установившейся в настоящее время традиции требует ратификации со стороны высшего государственного органа; наконец, частичные П. заключаются обязательно с санкции правительства или верховного командования, но не требуют ратификации.

Относительно формы П не существует общих правил; общие и частичные П. обыкновенно заключаются в письменной форме, тогда как приостановление вооруженных действий может устанавливаться словесно. П. означает лишь обязательство прекращения военных действий в узком смысле слова и не означает вообще прекращения всех мер, вытекающих из состояния войны. Так, заключив П. 11 ноября 1918 г. с Германией, союзники не сняли блокады Германии.

Особый вид П., которого не знает буржуазная доктрина международного права, представляет собой братание на фронте. Это не что иное, как революционный протест солдатской массы против империалистической войны и выражение того факта, что цели войны далеки и чужды трудящимся обеих воюющих сторон; братание есть одно из средств превращения войны империалистической в войну гражданскую, направленную против господствующих классов, оно есть, говоря словами Ленина (XIV, 134), «одно из звеньев в цепи шагов к социалистической пролетарской революции». Братание на русско-германском фронте в 1917 г. приняло характер массового

стихийного движения. Отдельные случаи братания имели место и на западном фронте. Но только большевистская партия пошла навстречу этому движению, заботясь о наибольшей организованности его и о придании ему ясной политической программы.

Л. Иванов

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ СТАВКИ— см. (специальные ставки).

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический П. п. и государство этого периода не может быть чем-либо иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» (Маркс—«К критике Готской программы»). Эти слова К. Маркса Ленин положил в основу своей теории развития пролетарской революции («Государство и революция») и эту мысль можно назвать одним из основных тезисов революционного марксизма. Если гениальный диалектик Ленин всякое общественное движение рассматривал по этапам то этап перехода из классового общества в бесклассовое социалистическое общество неизбежно должен быть продолжительным этапом целым П. п.

Для буржуазной революции (см.) новые экономические организации создаются уже в недрах старого строя. Перед ней «стояла только одна задача: смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества». «В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые. Неслыханной трудности задачи организационные» (Ленин, 7 марта 1918 г.). Поэтому если политический П. п. в буржуазной революции мог происходить и эволюционно,—в социалистической революции, в которой впервые побеждает угнетенный, эксплуатируемый класс, этот период должен быть обязательно периодом революционным. Тут «взятие власти, это—только начало дела. Надо удержать власть, укрепить ее, сделать ее непобедимой» (Сталин). Только после победы пролетариат при пролетарской диктатуре (см.) может завоевать большинство населения на свою сторону, для чего он беспощадным

разбитием старой власти должен подорвать авторитет, влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей в среде не пролетарских трудящихся масс одновременно добывая это влияние революционным осуществлением их экономических нужд за счет эксплуататоров. Лишь после этих первых шагов можно приступить к строительству социализма.

Таким образом у нас получается «экономика П. п.» (см. Н. И. Бухарин, 1920 г.): «Социализм придется строить. Национальные вещественные и личные ресурсы являются лишь отправным пунктом развития, которое обнимает собою целую громадную эпоху» Как мы уже видели, необходимо особое «государство переходного времени» пролетарская диктатура (см.), у нас—советская власть. «Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент конституции РСФСР заключается в установлении диктатуры городского и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» (ст. 9 конституции РСФСР 1918 г.). Наконец, появляется и особое право П. п., т. е. советское право (см.)

Этот П. п. начинается с момента победы пролетариата, с установления советской власти. Он кончается переходом в новое бесклассовое, коммунистическое общество Государство (см.) тогда становится излишним, «оно отмирает» (см. Ленинизм). «Диалектика конкретна и революционна. «Переход» от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличает от «перехода» демократического пролетарского государства к негосударству («отмирание государства»)» (Ленин, ноябрь 1918 г.) От капитализма (см.) до коммунизма (см.) Маркс и вслед за ним Ленин различают две основных фазы: первая — социализм, вторая — коммунизм.

Какие перемены в эти фазы происходят с государством? Пролетарское государство с изживанием унаследованного бюрократизма все более превращается в государство самих трудящихся масс. «Самая лучшая

политика отныне—и о м е н ь ш е по м и г и к и. Двигайте больше инженеров и агрономов, у них учитесь, их работу проверяйте, превращайте съезды и совещания не в органы митингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству» (Ленин, 22 декабря 1920 г.). Так мы должны приближаться к моменту, когда «место правительства над лицами заступают распоряжения вещами и руководство процессами производства» (Энгельс).

А как будет с правом? В первой фазе вообще «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью (см. ст. 15 конст. РСФСР 1925 г.). Буржуазное право остается в другой части в качестве регулятора (о п р е д е л и т е л я) распределения продуктов и распределения г р у д а между ч л е н а м и общества (см. Ленин—«Гос. и рев.»).

Но для нас ныне ясно и то, что вопрос значительно сложнее. Мы отступили и допустили изъятия в смысле частного признания частного права собственности даже на средства производства, за исключением земли, разрешая далее и аренду земли и наемный труд на земле. У нас поэтому пока остается не только формальное равенство буржуазного права: «за равное количество труда равное количество продукта» (а Маркс показал, в какой степени это на деле является правом неравенства), но одновременно с вскрытием подоплеки буржуазной идеологии права (см.), заключающейся в принципе трудового эквивалента при обмене товара на товар, мы открываем и настоящую суть этого права, заключающуюся в формальном опосредствовании, организации «общественного обмена веществ». Заменив свободную конкуренцию капиталистического общества все более и более плановостью производства и распределения и проводя это не отдельными непосредственными мерами вмешательства, а организовано в порядке общих норм мы со-

здаем — правда, все меняющееся — новое право П. п., которое, однако, так же, как и государство, постепенно превратится в простую систему распределения продуктов снабжения людей

И в буржуазной революции, как уже указывалось, бывает вообще непродолжительная «Буржуазные революции, быстры, скоро достигают своего высшего пункта, и продолжительное настроение похмелья охватывает общество, прежде чем оно успеет трезво усвоить себе результаты бури и патиска (Маркс—«18 брюмера»)». Переход от капитализма к коммунизму нужно рассматривать не как мимолетный период в виде ряда революционных актов и декретов, а как целую историческую эпоху (курсив мой. П Ст.). Эта историческая эпоха необходима не только для того чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых, воспитать и закалить себя, как силу, способную управлять страной во-вторых—перевоспитать и переделать мелкобуржуазные слои и направления, обеспечивающие организацию социалистического производства» (Сталин)

Наш П. п. таким образом, сам не неподвижен; в нем самом есть этапы различные моменты. «Мы—сказал Ленин в конце 1920 г., могли бы сказать, что мы переживаем переходный период в переходном периоде», ибо «вся диктатура пролетариата есть П. п., но теперь мы имеем так сказать, целую кучу новых П. п.»

д. В самом деле: период т.-н. военного коммунизма—наступления революции, новой экономической политики с ее подразделениями: отступление и снова наступление, только иными методами, на базе непа в прямом направлении к социализму по пути социалистического строительства (резол XIV съезда ВКП(б))

Не обязательно предпосылкою П. п. есть и остается пролетарская диктатура, советская власть. Лишь она дает нам возможности «начать с завоевания революционным путем (не достигающих) предпосылок для определенного уровня (культуры)... чтобы на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы».

Пред нами встает задача «подведения экономического фундамента для нового социалистического здания» «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной»

Люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение государства эксплуататоров; теперь у нас это свержение состоялось и теперь многое из того, что было фантастическим, даже пошло в мечтах старых кооператоров, становится самой непокрашенной действительностью» ..

«Посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам концессию) находятся в руках рабочего класса. Теперь мы, в праве сказать, что простор рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (Ленин)

И, и, мы можем ныне определить как период перерастания одной революции в другую «Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую» (Ленин) Основным вопросом и ныне остается вопрос: «Удержат ли большевики государственную власть?» Утвердительный ответ Ленин дал еще в 1917 г. Десятилетняя практика этот ответ подтверждает.

Но не следует предаваться ложному взгляду, что П. и, эпохи будет эпохой мирного развития. До победы революции в остальных капиталистических странах всегда возможна их интервенция. Недаром Ленин нас предупреждает:

«Я говорил о коммунистическом соревновании с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада. Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная если не последняя то близкая к тому борьба не на живот а на смерть

между капитализмом и коммунизмом» (1922 г., 27 марта, XVIII, 2 42)

И. Ст

ПЕТИЦИЯ (Petitio) в широком смысле слова, — каждое обращение к органу власти, от кого бы оно ни исходило. Известный государствовед начала XIX в. Бенжамен Констан устанавливает пять категорий П: 1) подаваемая частным лицом в своих интересах; 2) содержащая жалобу на злоупотребления местными властями; 3) преследующая местные интересы; 4) требующая общественных реформ; 5) содержащая адрес выражением благодарности или сочувствия правительству, парламенту и т. п. В более узком смысле под П. понимается ходатайство отдельным гражданином или группы их, обращенное к органам власти (главе государства, парламенту и т. п.) В текстах конституций буржуазных государств обычно закрепляется право граждан подавать П. Так, по 1-му дополнению конституции Сев.-Ам Соединенных Штатов «конгресс не будет издавать законов ограничивающих... право народа мирно собираться и обращаться к правительству с П. об исправлении злоупотреблений». По ст 126 германской конституции «каждый немец имеет право обращаться письменно с просьбами или жалобами к соответственной власти или к народному представительству. Это право может быть осуществлено как отдельными лицами, так и многими совместно» Если дело не идет однако об отдельных злоупотреблениях, П. не имеют, по общему правилу, никакого значения. Даже в английском парламенте громадное большинство их вовсе не рассматривается Из массовых П. особенно известны П., подававшиеся чартистами в английский парламент, собиравшие по несколько миллионов подписей. Известна также «П. о правах» (Petition of Rights) представленная королю Карлу I обеими палатами английского парламента в 1628 г.

В советском государстве термин П. не имеет употребления. Жалобы же на действия органов власти, а также возбуждение вопросов о несовершенстве государственного аппарата могут производиться всеми гражданами. Это признано как в постановлении VI Всероссийского Съезда Советов «О точном соблюдении законов» («С У.» 1918 г., № 90, ст 90S), так и в ст 32

«Положения о Народном Комиссарнате Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР» («Вестник ЦИК», 1923 г., № 10, -ст. 310).

А. Т

ПИРАТСТВО. Морской разбой, или П. есть, собственно говоря, разновидность преступления против собственности. Международно-правовое значение П. получает благодаря совершению его в открытом море т.-е. вне сферы юрисдикции какого-либо одного государства. Поэтому независимо от определенной морской разбой, имеющих в отдельных национальных законодательствах, существует определение его с точки зрения международного права, а именно как неправомерного, насильственного действия, совершенного в открытом море без позволения какой-либо правительственной власти (иначе это будет «грабёж по закону» т.-е. каперство, см.) экипажем частного судна с целью присвоения чужой собственности.

П. исторически появилось одновременно с мореходством. В древней Греции морской разбой считался одним из законных способов обогащения наравне с морской торговлей. Самое слово «пират» производится от греческого Πειράζειν, что значит «испытать» или «попытать счастье» все равно в торговле или разбое.

На протяжении всей европейской истории основной целью морских войн являлся захват на море чужой собственности с помощью узаконенного П. или каперства (см. Капер).

Древний Рим, объединивший под своей властью все народы, жившие по побережью Средиземного моря, вел упорную борьбу с морскими разбойниками, которые не только нападали на торговые корабли, но и грабили берега. Береговое П., имевшее большое распространение в древности и в средние века (норманны), не имеет отношения к вышеустановленному международно-правовому понятию П., ибо береговой пират совершает свои деяния на территории или в территориальных водах какого-либо государства и, следовательно, подлежит исключительной юрисдикции последнего.

П., как организованный и систематический грабёж торговых судов, процветало у северных берегов Африки вплоть до XIX

века при этом организаторами морского разбоя являлись туземные правительства, с которыми европейские государства заключали даже особые договоры и за известную плату освобождали свои суда от опасности быть ограбленными. Пиратские флотилии малайских островитян и теперь еще делают опасным для небольших парусных торговых судов плавание по Индо-Китайскому морю.

Важнейшим международно-правовым следствием морского разбоя является лишение пиратского судна национальности. Это означает что военное судно любого государства может захватить пиратское судно, в случае если оно застигнуто на месте преступления, и привлечь его экипаж к ответственности по законам захватившего государства.

Относительно похищенных пиратами предметов существует с XVIII века норма обычного международного права, гласящая, что эти предметы должны быть возвращены собственнику (*pirata non mutat dominium*).

Если имеется налицо только подозрение, то военное судно под ответственность командира имеет право проверить истинный характер подозрительного судна, потребовав поднятия флага. Если подозрение было неосновательно, то задержанное судно при известных обстоятельствах имеет право на удовлетворение и возмещение убытков.

Кроме судов, действительно занимающихся морским разбоем, к пиратским судам с большим или меньшим правом приравнивают суда занимающиеся торговлей рабами (такого рода постановления имеются в отдельных национальных законодательствах); 2) в известных случаях каперские суда, 3) суда, плавающие без флага или несущие флаг непризнанного государства. Случаи последнего рода чаще всего бывают связаны с революцией или гражданской войной. В 1861 г. во время междоусобной войны Сев. Африки президент Линкольн объявил крейсера Южных Штатов пиратскими судами и предлагал всем морским державам поступать с ними соответственным образом. Но Англия и Франция признали Южные Штаты воюющей стороной и объявили о своем нейтралитете. В другом случае, во время революции в Картагене (Испания), в 1873 г испанское правительство объявило пиратскими судами военные

корабли, захваченные мятежниками и плавающие под красным флагом. На этот раз командир одного германского военного судна принял к руководству декрет испанского правительства и предпринял враждебные действия против судов, поднявших красный флаг. Впрочем, германское правительство не санкционировало этих выступлений и отозвало предпринятого командира. Так как английское военное судно то же принимало участие в борьбе «пиратами» то результатом явился запрос в парламенте и издание инструкции согласно которой английским военным судам было предписано «не считать революционные суда пиратами, пока они не совершили ничего разбойничьего по отношению к английским подданным» Это же правило формулировано в общей форме в ст. 433 английских *Queens Regulations*, которая гласит: «В случае, если судно, находящееся во власти инсургентов, совершит нападение на собственное правительство или на торговые суда, принадлежащие их собственникам или на доходы порта и населения в территориальных границах собственной нации суда его величества не имеют права вмешиваться». Исключение составляют случаи, когда грозит опасность жизни или имуществу английских граждан. С. Ш. примкнули к этой точке зрения в послании президента Клевеленда в 1885 г., в котором провозглашается принцип, что внутригосударственное определение П. не имеет международно-правового значения и что иностранные государства не обязаны трактовать суда, захваченные мятежниками, как пиратские суда (определение пиратов дано еще Цицероном).

Во время интервенции Антанты против советской России логическим выводом из позиции союзных держав, предпринимавших против нас враждебные действия и в то же время не признававших советское правительство правительством было бы объявлением наших военных судов «пиратскими». Однако на такую «последовательность» у Антанты нехватило смелости, хотя Цицероновское определение пиратов—«враги всего рода человеческого»—с буржуазной точки зрения как нельзя лучше подходит к большевикам; поэтому Англия не решилась, например, предать суду, как пиратов наших моряков, захваченных в плен

во время столкновения в Балтийском море в 1919 г. наших судов с английской эскадрой.

Е. Пашуканис

ПЛАГИАТ. В древне-римском праве термин «*Plagium*» обозначал похищение человека (для обращения его в рабство): странным образом в современной литературе, в частности юридической, подобным же термином стало обозначаться «похищение» чужих идей. Так Лист определяет П. как «умышленное или учиненное по неосторожности неуказание источника» (откуда позаимствован использованный данным лицом в своем произведении чужой текст) В современных законодательствах термин П. не употребляется. Во Франции, напр., П., который французские юристы, по словам Фойницкого, определяют, как «издание под своим именем произведений чужого ума», может подлежать уголовной ответственности лишь на основании постановления ст. 425 *Code pénal* относительно *Contrefaçon*, т.-е. контрафакции (см.), каковой термин охватывает уже всякое нарушение авторского права при издании произведений науки, литературы, искусства и т. п. Германское законодательство назначает особое наказание за деяние, соответствующее цитированному определению Листа, не называя его П. У нас П. рассматривается, как нарушение авторского права, предусм. ст. 177 *У. К.* *А. Э.*

ПЛАТОН—знаменитый древне-греческий философ (V в. до Р. X.) потомок аристократического рода, получивший блестящее образование В течение продолжительного периода ученик Сократа, в дальнейшем входит в научную связь с пифагорейской философской школой и живет при дворе сиракузских тиранов: далее основывает в Афинах собственную школу философии—прославленную Академию. В своих диалогах (из коих около 30 признается несомненно принадлежащими его перу—особенно известны «Федр», «Теэтет», «Пир», «Государство», «Софист», «Парменид», «Законы») П., устами Сократа, проводит жестокую критику релятивистических воззрений своих современников софистов и закладывает основы всей позднейшей идеалистической философии.

Центром философских построений П. является его учение об идеях Уже

т.-н. идеаты указывали на то, что необходимо различать сущность явлений и их чувственную, обманчивую видимость, школа Пифагора такую неизменную сущность бытия видела в их числе. «Идеи» П. и являются таким сверхчувственным миром «первообразов», слабые отраженные черты которых мы находим в реальных вещах. Этот сверхчувственный мир идей существует независимо от реального бытия; ошибочно попытка некоторых позднейших комментаторов (П. Натери) видеть в идеях П. лишь законы реального мира. Идеи не постигаются путем чувственного познания: познающий философ приближается к ним путем абстрактно-разумного движения от низших идей к высшим, которое сам П. называет «диалектическим» движением. Связь между идеями—не причинная связь, но чисто целевая, телеологическая: «идея добра» является той вершиной, к которой направлено все развитие пирамиды идей. Высшее моральное благо—сопричастность идее добра; воспоминание мыслителя о вечных «первообразах», страстное стремление познать их указанным вне-эмпирическим путем образуют высшую добродетель—платоническую любовь.

Учение П., оказавшее огромное влияние на все дальнейшее историческое развитие философии, представляет немалый интерес с точки зрения политико-правовых воззрений философа. Здесь выступает с особенной отчетливостью социально-классовая сущность платонизма, нашедшая в нем свое отражение. В противоположность буржуазной точке зрения софистов, идеология феодальной аристократии П. является противником нарождающегося торгового капитала и демократии: его критика богатства и любостыжания, как и у позднейших представителей т.-н. «феодального социализма», чужда, однако каких бы то ни было революционных стремлений.

Цель идеального государства («Государство» «Законы») по П.—осуществление общего блага, «общего интереса» в процессе общественного сотрудничества. Однако права различных общественных групп должны быть «соразмерны» их «неравенству по природе». Число и особенности этих групп в государстве П. определяет в соответствии с «началами» человеческой

души, применяя соответствующие «органические» сравнения: трудящиеся «лице» говорят у него чувственность, «стражи»—аффекты и, наконец, правители (философы)—разумное начало. Задача трудящихся, куда П. кроме землевладельцев и ремесленников, включает также буржуазию, купцов,—«содержать и кормить» высший класс «стражей» и небольшую группу правителей. «Стражи» освобождены от всякого труда, в вознаграждение за охрану ими общественного порядка: это—явно аристократическая группа, организованная не военному и наделенная феодальными привилегиями. Чувствуя, однако, необходимость задержать начавшийся под влиянием развития торгового капитала распад феодальной аристократии П. предлагает целую систему мероприятий, заимствуя их из практики древнего Египта и сохранившей еще свой феодальный характер Спарты. Меры эти сводятся, в основном, к строго регламентированному потребителю коммунизму—к введению для стражей общности жен, детей и собственности, и общности воспитания для мужчин и женщин. Нужно заметить, что этот коммунизм потребления отнюдь не распространяется П. на хозяйство эксплуатируемого класса, которое ведется трудящимися вполне индивидуально. В основе жизни стоит в центре деятельности Платонова государства: задача его—развивать в трудящихся «обуздание влечений» в стражах—мужество, в правителях—мудрость. Поэтому низшему классу преподаются только мифы и гимнастика; господствующему же классу, помимо того—поэзия, музыка, математика и военные занятия; наиболее способные его представители готовятся позже к правительственной деятельности, обучаются диалектике. Занятия поэзии также строго регламентированы: некоторых поэтов, «опасных рассказчиков». П. предпочитает, воздав им должные почести, вовсе изгнать за пределы своего идеального государства. Из числа стражей отбирается высшая иерархия правителей-философов, осуществляющая духовное руководство и получающая санкцию своей деятельности в религии.

В позднейшем произведении («Законах») П. несколько более конкретизирует свою общую концепцию, пытается применить ее к современной ему действительности. Выс-

ная аристократическая группа «граждан» кивает на доходы, доставляемые земледельцами-рабами. Общность имущества сохраняется в принципе; на практике, однако, граждане непользуются наследственными наделами, купля-продажа земли очевидно в интересах сохранения феодального землевладения остается воспрещенной.

Феодально-кастовый идеал П. таким образом, имеет очень мало общего с социализмом, к которому иногда относят его воззрения. Влияние же некоторых принципов Платонова «государства» на позднейшие попытки создания социалистических и коммунистических систем объясняется, главным образом, тем, что потребительский коммунизм вообще является наиболее ранней ступенью в развитии утопического социализма.

И. Р

ПЛЕННЫЕ. П. или военнопленные, на ранней стадии международных отношений или превращались в рабов, или убивались. Сравнительно на ранних ступенях общественного развития развивается практика выкупа П. а также обмена П. С развитием государственности и урегулированных международных отношений, а также с исчезновением института рабства (см.), правовое положение П. несколько меняется. Однако в продолжение XVII, XVIII и начале XIX вв. П. в отношении режима приравниваются к уголовным преступникам. Вместе с тем сохраняется практика их выкупа. Относительно последнего часто заключались даже соглашения между воюющими сторонами при начале враждебных действий, устанавливавшие суммы, подлежащие уплате за выкуп П. в зависимости от их чинов и положения. Последнее соглашение такого рода заключено между Англией и Францией в 1780 г. В продолжение XIX в., с развитием промышленного капитализма, ростом торговли и экономическими взаимоотношениями между отдельными странами, в различных сферах международных отношений наблюдается общий рост либеральных тенденций. Этот процесс касается и права войны (см.). В частности, положение П. радикально изменяется в том смысле, что лишение их свободы рассматривается лишь как средство предотвратить их возвращение в ряды воюющих сил противной стороны. Такого рода новый статус П., фактически

проявившийся в практике европейских войн XIX ст., был формально санкционирован постановлениями гаагских конференций о праве войны. Ст. ст. 4—17 и 16—19 генерального акта второй гаагской конференции (1907 г.) устанавливают ряд правил, которые должны применяться в отношении военнопленных. Последние должны пользоваться «гуманным» обращением; они сохраняют всю свою личную собственность, исключая оружия, средств передвижения и военных документов; они могут быть подвергаемы тюремному заключению лишь в случаях, когда это необходимо по соображениям безопасности; труд П. (исключая офицеров, принужденные которых к какому-либо труду воспрещено) не должен быть чрезмерным, не должен также иметь отношения к военным операциям и подлежит оплате по нормам, установленным для солдат собственной армии данного государства, выполняющим соответствующие работы. С материальной стороны государство во всех отношениях обязано содержать П. на общих основаниях со своими собственными войсками. П. гарантируется беспрепятственная переписка и получение посылок с родины а также отправление обрядовых религий и т. д. Что касается наказания П. за совершаемые ими правонарушения, то в этом отношении к ним должны применяться законы, действующие в отношении соответствующих военных чинов армии содержащего их государства. За попытку бегства П. не подлежат никаким карам. Однако эти нормы фактически не соблюдались воюющими сторонами во время последних войн. Фактическое положение П. ныне вновь изменилось в худшую сторону. Последнее обстоятельство тесно связано с общим кризисом международного права — в особенности права войны — наблюдаемым в эпоху монополистического капитализма, когда империалистическая политика государств, беспощадно борющихся между собой за распределение рынков, ломает правовые барьеры, воздвигнутые в предыдущую историческую эпоху. Кроме того, школой жестокости в отношении П. явились колониальные войны: указанные выше нормы международного права применялись в XIX и начале XX в. лишь в войнах «цивилизированных» государств между собой, не

относительно не к туземцам колоний, захватываемых этими государствами. Решающее значение этих факторов сказалось во время мировой войны 1914—18 г.г. Во время этой войны постановления гаагской конвенции об обычаях и законах войны систематически нарушались и попирались воюющими сторонами. Последние не только содержали П. в наихудших материальных условиях (в Германии, напр. от голода и недоедания умерло до полумиллиона русских П.), но и зачастую третировали их в отношении применяемого к ним правового режима, как уголовных преступников, или даже как настоящих рабов. Жестокие наказания в отношении П., иногда сопровождавшиеся форменными истязаниями, были обычным явлением. Вопреки постановлениям гаагской конвенции П. массами использовались для работ чисто военного характера (фортификационные работы как в тылу, так и на фронте, обслуживание частей армии воюющего государства). Широко практиковалась также вербовка войск из числа П.—чехо-словацкие легионы в странах Антанты, легионы из русских поляков в армиях центральных держав. Мировая война, помимо жестокого режима для военнопленных, возродила также институт так называемых гражданских П. не бывший в употреблении в течение долгого исторического периода. В оккупированных территориях воюющими сторонами применялась система принудительного использования мирного населения для военных целей. Работоспособные элементы населения массами заключались в концентрационные лагеря и, наряду с военнопленными, использовывались для всякого рода принудительных работ, в том числе и военного характера. Вместе с тем широкое применение получил институт заложников (см.) из мирного населения, который возник и практиковался в эпоху древних войн, но сравнительно редко применялся в войнах XVIII—XIX в.в. Новейшая эволюция права войны особенно отчетливо отражает в себе кризис буржуазной цивилизации, а в отношении П. это проявляется с особой силой и яркостью.

Прекращение состояния плена наступает по следующим причинам: 1) обмен П. последний ныне, как правило, практикуется лишь в отношении лиц, не имею-

щих возможности принимать фактическое участие в продолжении военных действий (инвалидов, тяжело раненых, престарелых); обмен этими категориями П. практиковался и во время мировой войны по особым соглашениям между воюющими сторонами; лишь в виде исключения практикуется обмен боеспособными П. (напр. обмен Г. Ф. Раскольников, находившегося в плену в Англии, на британских офицеров, находившихся в плену у Советской России в 1919 году); 2) освобождение П. волей содержащего их государства (ранее это практиковалось в форме т.-н. освобождения на честное слово взамен за обязательство П. не принимать дальнейшего участия в военных действиях до конца войны): такого рода акт практически имеет место лишь тогда, когда данное государство рассчитывает использовать определенных лиц из числа П. в своих целях (напр., освобождение Германией во время мировой войны П. ирландцев для антибританской агитации на их родине); такого рода акты имеют место и при вербовке войск из числа П.; 3) успешное бегство П.; 4) доставка П. на нейтральную территорию интернируемыми там военными силами содержащего их государства; 5) прекращение военных действий; при этом в некоторых случаях обмен П. совершается уже в силу условий перемирия, в других случаях—в силу лишь окончательного мирного договора. В случаях решительного поражения одной из сторон последняя иногда ставится в менее выгодные условия в отношении репатриации П. чем противная. Так, например, страны Антанты уже в силу условий перемирия от 11 ноября 1918 г. выговорили от Германии обязательство немедленной репатриации П., в то же время германские П. попрежнему оставались в плену вплоть до заключения версальского мирного договора, также установившего неравные условия репатриации П. для союзных держав, с одной стороны, Германии—с другой.

С обоюдной репатриацией П. связывается иногда обязательство обоюдной компенсации за их содержание. Впрочем, в проекте договоров новейшего времени по большей части фигурирует обоюдный отказ от этого рода возмещения.

Обязательство обоюдной репатриации П. наряду с обоюдным отказом от компен-

сашиг за их содержание, включено во все мирные договоры СССР, заключенные с воевавшими с ним государствами.

Л. Иванов

ПЛОДЫ (*fructus*) в правовом смысле представляют собою весьма своеобразное понятие. Это—как бы прямое противоречие теории трудовой ценности политической экономии. Все вещи по этой юридической теории делятся на предметы потребления и на вещи плодоприносящие. Понятие это возникает впервые в области земледелия и относится к периоду, когда в силу отношений господства владелец получал продукты труда в виде естественного П. земельного владения (почвы, растущих на ней деревьев и т. д.). Вещи плодоприносящие по представлению правоведа, дают постоянный, т. е. правильно возвращающийся доход, без изменения субстанции производящей вещи, которая не терпит заметного ущерба в своем существовании. Под это понятие подходят не только органические П. почвы, но и добыча угля, песка, минералов, убитая дичь и т. д., если добыча их составляет предмет постоянного хозяйственного оборота.

Этот доход юрист и называет И. Сравнение тут взято первоначально из природы, но вскоре эта связь с природою совсем забывается и производится деление самых П. на естественные и гражданские или юридические¹⁾.

Понятие это имеет значение при делении П. на П. отделенные, т. е. поступившие уже в обладание владельца, и неотделенные, т. е. составляющие еще одно целое с приносящей их вещью. Это деление имеет значение при расчете о доходах при добросовестном владении и т. д. Но новейшие юристы предлагают вместо понятия

«П.» перейти к понятию дохода, как регулярной, постоянной прибыли в отличие от случайной прибыли не входящей в состав дохода.

Наш Г. К. знает только понятие «доход», вместо прежних П., например, в отделе о доходах с собственности (ст. 59), об общей собственности (ст. 63) о неосновательном обогащении (ст. 400) и др. Но для верного понимания этих взятых из других кодексов статей не мешает припомнить представление о П., оставившее известные следы и на нечисленном доходе.

И. Ст.

ПОВРЕЖДЕНИЕ ИЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВА

принадлежит к числу имущественных преступлений (см.) и предусмотрено ст. ст. 196 (простое) и 197 (общепринадлежит ли оно частному лицу или государству Постановлением ВЦИК и СНК от 24 августа 1925 г. в раздел о преступлениях против порядка управления (см.) была включена ст. 92а, предусматривающая П. или И. имущества государственных учреждений и предприятий, а также кооперативных и иных общественных организаций; вместе с тем была изменена и ст. 196 У. К. (но не ст. 197 У. К.), охватывающая отныне только П. или И. имущества частных лиц. В новом У. К. ст. 92а У. К. 1922 г. целиком воспроизведена в виде ст. 79, а в главе об имущественных преступлениях прежние две статьи 196 и 197 объединены в одну ст. 175. Эта последняя распадается на 3 части и предусматривает: 1) простое (необщепринадлежит ли оно частному лицу или государству) умышленное П. или И. имущества, принадлежащего частным лицам, за что положено лишение свободы или принудительные работы на срок до 6 месяцев, или штраф до 500 руб.; 2) те же действия, совершенные путем поджога, затопления или каким-либо иным опасным способом,—в этом случае применяется лишение свободы на срок до 5 лет; 3) те же действия, повлекшие за собой человеческие жертвы или общественное бедствие,—влекут лишение свободы на срок до 10 лет. Статья же 79 нового У. К. за простое умышленное П. или И. гос., кооп. или иного

¹⁾ Так Аристотель полагал что деньги по природе не плодоносны, почему проценты, в которых деньги как бы рождают деньги, составляют самое противоестественное явление. Но уже Маркс мог сообщить, как вывод буржуазной полит. экономии, что «способность плодить ценности, приносить проценты превращается в такое же качество денег, как качество грушевого дерева носить груши» („Кап.“ III, 1. 378).

общественного имущества, в том числе электропроводов и средств связи, устанавливает лишение свободы или принудительную работу на срок до 1 года; квалифицированным преступлением, втекущим, согласно ч. 2 ст. 79, лишение свободы со строгой изоляцией на срок до 5 лет, с конфискацией имущества или без таковой, это деяние становится в том случае, «если установлено неоднократное их совершение или если в результате их последовала приостановка или перерыв производства или причинен другой тяжелый ущерб государству»

Как видно отсюда, выделение квалифицированных составов преступления в ст. 79, с одной стороны, и в ст. 175, с другой, произведено не на основе одних и тех же признаков. Поджог госфабрики, например, если своевременно принятыми мерами удалось прекратить возникший пожар в самом начале и дело обошлось без приостановки производства и без серьезного имущественного ущерба, образует собой только состав ч. 1 ст. 79 нового У. К. В то же время этот поджог, как поджог, несомненно остается общеопасным преступлением, требующим более серьезной репрессии, чем указанная в ч. 1 ст. 79. Согласно действующему У. К. данный случай разрешается очень просто: ст. 197 У. К. 1922 г. и сейчас распространяется на поджог любого имущества, а не только имущества частных лиц; таким образом, в нашем примере налицо т.-н. идеальная совокупность преступлений (см.), поскольку данное преступное деяние в одно и то же время подходит и под ст. 92а и под ст. 197. При применении нового У. К. судебной практике придется и ст. 175 его истолковать в том смысле, что только 1-я ее часть не распространяется совершенно на II или III имущества гос. или кооп. предприятий и учреждений, в то время как 2-я и 3-я части ст. 175 могут быть применены в случаях, подобных рассмотренному выше, и к II или III. и такого имущества.

В зап.-европейских и деревенно-русском законодательствах общеопасное II или III имущества трактуются обычно в целом ряде статей, при чем поджог выделяется в отдельные статьи (ст. ст. 1606—1615 царского улож. о наказ., ст. 306—310 германского У. К.): квалифицированным поджогом там в частности признается поджог жи-

лых помещений, судов и т. п. (где налицо опасность и для человеческой жизни) Наш У. К. не исключает возможности рассматривать отдельный конкретный случай поджога, затопления и т. п., в зависимости от обстоятельств, одновременно и как посягательство на человеческую жизнь, совершенное с эвентуальным умыслом (см. Умысел). Дореволюционное русское законодательство особо предусматривало умышленный поджог застрахованного имущества с целью воспользоваться страховой премией. По нашему У. К. не выделяющему этого случая, в нем следует видеть совокупность поджога и мошенничества (приготовления к мошенничеству) По правилам о совокупности преступлений (см.) применяется статья, назначающая более строгую меру соц. защиты; такой статьей в данном случае обычно окажется ч. 2 ст. 175. Мыслимы, однако, случаи, когда поджог не является общеопасным поджогом (напр., поджог одиноко стоящего нежилого здания в сельской местности) или когда данное деяние связано с убытком для госстраха. В этих случаях основной, подлежащей применению, статьей явилась бы не ст. 175 а ст. 169 нов. У. К. (о мошенничестве).

Германский У. К. в отдельных случаях признает наказуемым и неосторожный поджог или неосторожное затопление имущества. Наш У. К. знает только умышленное II или III имущества (в виде исключения, в новый У. К. включена статья о неосторожном II. морского телеграфного кабеля—ст. 80). То общественное бедствие, которое представляют сельские пожары в нашей стране, где основным типом сельских построек являются пока деревянные постройки, заставляет поднять вопрос о необходимости такого дополнения У. К., которое дало бы возможность уголовного преследования и отдельных наиболее тяжелых случаев неосторожного поджога. А. Э.

ПОДВОДНАЯ ВОЙНА. Употребление подводных лодок, или субмарин, против вооруженных морских сил неприятеля никогда не вызывало сомнений с точки зрения международного права. Поэтому до мировой войны этот вопрос почти не обсуждался в междунар.-правовой литературе. Зато во время войны 1914—18 гг. когда немцы сделали попытку осуществления блокады при помощи подводных ло-

док. вокруг этого вопроса был поднят большой шум. Совершенно очевидно, что подводная лодка, остановившая неприятельское торговое судно в открытом море не в состоянии «захватить» его, если неприятельский надводный флот господствует на море, а встреча произошла вдали от базы. Точно так же подводная лодка не в состоянии снять команду и пассажиров с парохода, который она—не имея возможности отвести в отечественный порт—решила бы уничтожить. Наконец, действуя по всем правилам, которые были установлены для крейсеров, подводная лодка всегда рискует, что остановленный ею пароход либо ускользнет, либо, более того, протаранит и пустит к дну самую подводную лодку. Поэтому немцы, решившие пустить в ход подводные лодки для осуществления блокады Англии, постепенно отбросили все эти ограничения и начали таранить неприятельские, а затем и нейтральные суда вообще без предупреждения. При этом, разумеется, погибало много неучастных к военным действиям лиц, в том числе и граждан нейтральных государств, что дало повод союзникам обвинять Германию в варварском способе ведения войны. Наибольший шум вызвало потопление 1 мая 1915 г. гигантского трансатлантического парохода «Лузитания», принадлежавшего английской компании.

Т.-п. неограниченная И. в. имела только временный успех, ибо в последний год войны англичане нашли весьма действительные способы борьбы с германскими подводными лодками. Зато такие факты, как потопление «Лузитании» дали великолепный материал для военной пропаганды союзников и «моральное» оправдание для правительства С. Ш., которое вступило в войну, следуя указке американского финансового капитала. Крах надежд связанных с неограниченной И. в. послужил источником внутреннего политического кризиса Германии.

Между прочим, в связи с И. в. остро стал вопрос о праве торговых судов участвовать в военных действиях. Английские торговые суда, случалось, делали попытки таранить германские подводные лодки. Немцы, захватив в плен капитана, который был уличен в такой попытке, осудили его как пирата и расстреляли (дело

Фрейата). Германские международники считают, что эта казнь была вполне «правомерной», а англичане продолжают рассматривать ее просто как убийство.

Версальский договор лишил Германию права иметь подводный флот. Что касается союзников, то они попытались урегулировать вопрос о И. в. особым соглашением. На Вашингтонской конференции в 1922 г. были подтверждены в качестве общепризнанных положений международно-го права следующие правила, касающиеся захвата торговых судов:

1) Торговое судно до его захвата должно получить распоряжение о необходимости подвергнуться осмотру и обыску.

2) Поскольку торговое судно, получив предупреждение, не отказывается от осмотра или обыска, или не отказывается пойти, как ему указано после захвата, нападение на него недопустимо.

Торговое судно не может быть уничтожено, поскольку команда и пассажиры предварительно не ограждены от опасности.

3) Подводные лодки воюющих ни при каких обстоятельствах не освобождаются от вышеуказанных общих для всех правил. Если же подводная лодка не может захватить торговое судно соответственно этим правилам, существующее международное право требует от нее отказа от нападения и от захвата и разрешения торговому кораблю беспрепятственно продолжать свой путь (ст. 1). Далее говорится, что подписавшие конвенцию державы (Америка, Великобритания, Франция, Италия и Япония) «в целях того, чтобы воспрепятствовать пользоваться подводными лодками в качестве истребителей торговых судов сделалось бы общепринятой частью международного права, отныне же принимают это воспрепятствование как связывающее и впрямь в отношении между собой, и приглашают все другие нации присоединиться к нему». Чтобы оценить реальное значение этих постановлений, надо иметь в виду, что постройка подводного флота во всех государствах, подписавших конвенцию, продолжается усиленным темпом; кроме того, ни Франция, ни Япония не ратифицировали соглашения, почему оно формально не является еще вступившим в силу.

Е. П.

ПОДДАНСТВО— см. Гражданство.

ПОДДЕЛКА МОНЕТЫ, КАЗНАЧЕЙСКИХ И БАНКОВЫХ БИЛЕТОВ

и т. п. Вплоть до конца средних веков и даже позже, до наступления буржуазной эпохи, уголовные законы предусматривали подделку только монеты, влекущую тогда смертную казнь (на Западе обычно сожжение, в Московской Руси—заливание горла расплавленным металлом). Еще Фейербах находил, что П. бумажных денег не есть «монетное преступление», а простой подлог. Развитие денежного оборота заставляет приравнивать к П. монеты и П. бумажных денег. Наполеоновский Code Pénal, хотя и предусматривает оба деяния в разных статьях, назначает за них одинаково смертную казнь и конфискацию имущества (с 1863 г.—только бессрочную каторгу). Если этот кодекс (1810 г.) имеет при этом в виду только банковые билеты, то действующий германский У. К. (1871 г.), предусматривающий уже в одной статье П. металлических или бумажных денег (хотя бы иностранных) и назначающий за нее каторгу на срок не ниже 2 лет, в особой статье оговаривает, что к бумажным деньгам приравниваются долговые обязательства на предъявителя банкноты и акции, выпущенные государством или уполномоченным на выпуск таковых обществом или частным лицом.

Ст. 85 У. К. 1922 г., без изменений перешедшая, впредь до замены ее постановлением общесоюзного характера, и в новый У. К. РСФСР (ст. 598), предусматривает 1) П. металлической монеты, государственных казначейских билетов, банковых билетов Госбанка и государственных ценных бумаг и 2) П. марок и других знаков государственной оплаты, в том числе и билетов железнодорожного и водного транспорта. П. объектов первой категории в свою очередь может быть двоякого рода: а) П. учиненная по предварительному соглашению нескольких лиц, а также П., учиненная хотя бы одним лицом, но занимающимся такими П. в виде промысла,—влечет расстрел всех участников и пособников, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения меры соц. защиты до лишения свободы на срок не ниже 5 лет со строгой изоляцией, с конфискацией всего имущества; б) во всех остальных случаях (т. е. при совершении одним лицом и

притом не в виде промысла) П. объектов первой категории влечет лишение свободы на срок не ниже 3 лет. П. объектов второй категории признается П. как преступление против порядка управления, лишь при учинении ее по предварительному соглашению нескольких лиц или в виде промысла и в таком случае влечет также лишение свободы на срок не ниже 3 лет; П. объектов второй категории, при совершении ее одним лицом и притом не в виде промысла не рассматривается уже как преступление против порядка управления и может быть квалифицирована лишь по ст. 170 нового У. К. (ст. 189 У. К. 1922 г.) в качестве простой П. в корыстных целях официального документа (см. Подлог).

П. ценных бумаг, выпущенных не государством (вроде предусмотренной германским У. К. П. частных долговых обязательств на предъявителя или акций частных обществ) опять-таки не составляет П. в смысле ст. 85 У. К. 1922 г. Что касается П. иностранной валюты, то Верхов. Суд СССР признал ее подлежащей уголовному преследованию наравне с П. денежных знаков СССР.

Западно-европейские законодательства, подобно дореволюционному русскому, знают еще и иные «монетные преступления» как-то: переделку монеты путем обрезывания, отпиливания, скобления и т. п. Практического значения в наших условиях, по меньшей мере до тех пор, пока в обращение не выпущена золотая монета такого рода деяния иметь не могут, и наш У. К. их не предусматривает. Упомянутые законодательства особо останавливаются и на вопросе об ответственности лица, которое, не принимая участия в самом акте П. пускает в оборот (сбывает) фальшивые деньги, полученные им от другого лица. Так, дореволюционное русское улож. о наказаниях признавало подлежащим наказанию в качестве сообщника в П. монеты и того, «кто будет выпускать монету, заведомо поддельную, в обращение зная и поддельщиков оной или лиц, занимающихся переводом фальшивой монеты» напротив подлежащим наказанию только как за мошенничество (см.) оно признавало того, «кто, получив случайно фальшивую монету и узнав достоверно, что она есть фальшивая, передает ее под видом настоящей другому» В общем таков же подход и

французского Code Pénal, не рассматривающего последнего случая даже, как мошенничество, а просто устанавливающего за него сравнительно невысокий штраф. Действующий германский У. К. приравнивает к П. монеты сбыт поддельной монеты лицом, которое приобрело ее, зная, что она поддельная, или ввезена для цели сбыта из-за границы; сбыт же поддельной монеты, полученной в качестве настоящей, германский У. К. карает лишением свободы до 3 месяцев или штрафом.

У К. РСФСР не предусматривает в статье о П. денежных знаков особо сбыта фальшивых денежных знаков. Однако проект общесоюзного «Положения о преступлениях контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления» приравнивает сбыт в виде промисла фальшивых монет, казначейских билетов и т. п. к соотв. П.; сбыт же не в виде промисла сам по себе все же не выявляет такой степени социальной опасности лица, в нем уличенного, как самая П. денежных знаков, почему квалификация такого сбыта по статье о мошенничестве (см.) представляется целесообразной, кроме тех случаев, когда сбывающий является соучастником в П. или укрывателем П., в каковых случаях подлежат применению соотв. постановления о соучастии (см.) и укрывательстве (см.).

4. Эстрион

подлог впервые, как особое преступление, появляется еще в древне-римском праве, где особый закон (I в. до нашей эры) устанавливал наказание за П. завещания. с одной стороны, и за подделку (см.) монеты, с другой (т.-н. lex Cornelia testamentaria punnaria)

Уже объединение в одном постановлении этих двух различных преступлений показывает, что римская юридическая мысль рассматривала в них общий обоим признак — обман; имелся и особый термин для обозначения обмана — falsum. Тем не менее следует иметь в виду, что «древне-римское право считалось с обманом только в исключительных, особенно вопиющих случаях» (Дернбург). В частности в некоторых случаях П. в дальнейшем складывается и понятие мошенничества (см.) — stellionatus. В конце средних веков германская уголов-

но-правовая доктрина начинает все более широко пользоваться понятием обмана (falsum), толкуя реципированное римское право в том смысле, будто им установлена, как общее правило, уголовная ответственность за всякий обман, как таковой; вместе с тем, естественно, и П. и даже мошенничество перестают рассматриваться как самостоятельные преступления. Так продолжалось вплоть до начала XIX в., ибо еще в начале последнего «германские кодексы объединяли обман и П., относя к ним всякую наказуемую ложь на словах, на письме и предметную, которая шла далеко за пределы нарушений имущественной сферы» (Фойницкий); изданный в 1832 г. русский «Свод законов» первоначально (до издания улож. о наказ.) также обнаруживал ту же тенденцию: в нем существовало широкое понятие т.-н. «ложных поступков».

К середине XIX в. буржуазные криминалисты отказываются от идеи о наказуемости обмана, как такового; они отрицают уже самое существование «права на истину». Мошенничество, одной стороны, и П. документов, с другой, становятся самостоятельными преступлениями. П. становится самостоятельным, конечно, лишь юридически ибо по существу он всегда носит вспомогательный характер, являясь средством достижения той или иной цели. Возможен П. и по идейным соображениям: так, наша партия в своей борьбе с царизмом вынуждена была иметь и свои «паспортные бюро», чтобы снабжать нелегальных своих работников «видами на жительство», конечно — подложными. С точки зрения царизма и здесь был налицо полный состав П. который, однако, поглощался в данном случае гораздо более суровыми статьями о рев. организациях. Если мошенничество оказывается при этом чисто имущественным преступлением (впрочем, в нашем новом У. К. мошенничество сконструировано шире) то П. документов продолжает охватывать 1) П. документа имущественного характера или, общее, П. всякого документа к о р ы с т н о й ц е л ь ю и 2) П. определенных документов неимущественного характера с какой-либо иной целью. Так, действующий германский У. К. различает следующие основные разновидности П. документов (Urknndenfälschung)

II. любого отечественного или иностранного официального документа или такого частного документа, который может быть доказательством прав или правоотношений, и преследующий притом цели доставить себе или другому имущественную выгоду или причинить другому имущественный ущерб, влечет лишение свободы, но лишь в том случае, если подложный документ был действительно использован автором подлога для введения в заблуждение другого (иначе деяние не заключает в себе состава преступления): 2) II. частного документа, преследующий изложенную цель, влечет (все равно, был ли документ использован или нет) каторгу до 5 лет; 3) II. официального документа с той же целью влечет каторгу до 10 лет. При смягчающих обстоятельствах II 2-го и 3-го рода могут иметь своим последствием и лишение свободы (II 3-го рода—не ниже 3 мес.).

II. официального документа, učinенный должностным лицом, во всех современных угол законодательства признается должностным преступлением при чем он может быть либо материальным, либо интеллектуальным II. (см. т. I ст. 1027). Не составляющий должностного преступления II обязательно должен быть материальным II, иначе в нем, по общему правилу вообще отсутствует состав II. В виде исключения германский У. К. карает и того, кто умышленно вызывает (bewirkt) занесение в официальные документы, книги и реестры таких, имеющих значение для установления прав или правоотношений записей, которые не соответствуют действительности, или используют таковые ложные записи для введения в заблуждение другого: это деяние влечет как особая разновидность II лишение свободы до 6 мес. или штраф, а если оно совершено с корыстной целью или с целью причинения другому имущественного ущерба, то—каторгу до 10 лет или, при смягчающих обстоятельствах, тюремное заключение.

Советский У. К. употребляет термин II лишь в применении к служебному II (ст. 116 У. К. 1922 г. и 120 нов. У. К.), имея все прочие случаи II. термином «подделка». Так ст. 189 У. К. 1922 г. предусматривала «подделку и корыстных целей как официальных, так и

простых бумаг, документов и расписок», назначая за это лишение свободы на срок до 2 лет. Кроме этой статьи, помещенной в главе об имущественных преступлениях, среди статей о преступлениях против порядка управления У. К. 1922 г. содержалась еще ст. 85а, назначающая лишение свободы на срок до 1 г. за «подделку мангатов, удостоверений и иных предоставляющих право или освобождающих от повинности документов, а также придание вида действительных погашенным, просроченным или по иным причинам потерявшим силу документам или знакам оплаты, с целью использования их как действительных, для получения предоставляемых на их основании льгот и преимуществ» (хотя бы и немущественного характера—например, II. документа для получения льгот по призыву на военную службу). Помимо этих ст. ст. некоторые другие статьи предусматривали отдельные случаи ложных сообщений сделанных гражданским органам гос. власти (ст. ст. 90, 96 и 226б У. К. 1922 г. и статьи о налоговых преступлениях, а также статьи о лжесвидетельстве (177—179), каковое во всех угол законодательствах предусмотрено особо). Новый У. К. внес довольно существенные изменения в эту систему постановлений. Основная статья о II соответствующая ст. 189 У. К. 1922 г.—ст. 170 нов. У. К.—предусматривает только «подделку в корыстных целях официальных бумаг, документов, расписок» оставляя в силе прежнюю санкцию ст. 189 У. К. 1922 г. Из ст. 72 нов. У. К. (соответствующей ст. 85а У. К. 1922 г.) вычеркнуто, как излишнее и само собой охватываемое словом «подделка», упоминание о припадании вида действительных погашенным документам; вместе с тем изменена здесь и санкция (в сторону повышения репрессии), которая предусматривает отныне лишение свободы на срок до 3 лет; наконец, в этой ст. 72 добавлена 2-я часть об «использовании заведомо подложных документов» (лишение свободы на срок до 6 мес.).

II. документа с корыстной целью есть с одной стороны особое рода самостоятельное преступление (являющееся окончательным уже в момент окончания самой подделки документа), с другой же стороны, он почти всегда является в то же время и

приготовлением (см. Деяние) к мошенничеству (см.) Не следует поэтому думать, будто упоминание в ст. 170 нов. У. К. подделки частных бумаг и документов лишает таковую подделку (напр. подделку векселя) характера уголовного преступления и будто уголовное преследование в этом случае окажется, по введении нового У. К. в действие, возможным лишь при условии использования соответствующего подложного документа. Необходимо помнить, что новый У. К. признает и приготовление к тому или иному преступлению также влекущим меры соц. защиты, и притом именно меры, указанные в статье У. К. предусматривающей то преступление, ради совершения которого предпринималось данное приготовительное действие. Таким образом, подделка векселя частного лица может и в том случае, если этот «вексель» еще не был предъявлен к оплате повлечь за собой по новому У. К. уголовное преследование, правда, не на основании ст. 170 этого У. К., а на основании ст. 19 и ст. 169 нов. У. К. Практического значения эта разница в квалификации, в данном случае, впрочем, не имеет, ибо санкции ст. 170 и 1-й части ст. 169 нов. У. К. одинаковы.

1. Э.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ, как налог личный, в противоположность отдельным реальным налогам (см.), облагает, по общему правилу, всю совокупность доходов, принадлежащих данному хозяйствующему субъекту, от каких бы источников они ни происходили.

П. н. получил в новейшее время необычайно широкое распространение. В настоящее время лишь немногие государства земного шара не имеют в своей налоговой системе лично-подоходного налога. Причина столь широкого распространения этой формы налога коренится в ее несомненных преимуществах по сравнению с реальными налогами (поземельный, поломовый, промысловый и др.).

В странах развитого капитализма П. н., при условии соответствующего нажима налогового винта, способен дать фиску огромные и быстро возрастающие суммы.

Объектом П. н. является доход, который разделяется на валовой, чистый и сво-

бодный. Хотя наиболее точным показателем платежеспособности лица является его свободный доход, представляющий собою г. сумму, на которую, за покрытием всех издержек по получению дохода, в том числе и личных потребностей налогоплательщика, увеличивается за известный период его капитал, все же, в силу растяжимости понятия «личные потребности», к обложению привлекается обычно чистый доход. Однако мысль о целесообразности обложения лишь свободного дохода находит свое выражение в установлении в П. н. необлагаемого минимума, который называют часто также прожиточным минимумом (Existenzminimum). Законодательства всех стран, имеющих у себя П. н., устанавливают обычно некоторую минимальную сумму, в большей или меньшей степени соответствующую минимуму средств, потребных для поддержания существования налогоплательщика, которая не привлекается к обложению. Сумма эта в различных странах различна и колеблется от нескольких сот марок в Германии до нескольких тысяч долларов в Америке. Установление необлагаемого минимума обусловлено в большинстве случаев не столько стремлением оставить налогоплательщику неприкосновенною некоторую часть его дохода, сколько относительно высокими издержками по привлечению к обложению мелких доходов.

Помимо введения понятия необлагаемого минимума, помимо требования пониженного обложения вообще для небольших доходов налоговая теория различает доходы по характеру их происхождения, по степени их устойчивости и т. д. В этом отношении доходы делятся на фондируемые и нефондируемые, или, что то же на нетрудовые и трудовые; далее на определенные (постоянные) и неопределенные (случайные). Источником фондируемых доходов является капитал в той или иной форме. Существование подобных доходов и самая величина их обычно очень устойчивы. Отсюда их повышенная налоговоспособность по сравнению с нефондируемыми доходами, источником которых являются исключительно труд, энергия ит. владельца. Поэтому правильная организация П. н. должна включать в себя повышенное обложение фондируемых доходов по сравнению с прочими.

В основе определения привлекаемого к обложению дохода (податная оценка) лежит заявление (декларация) самого владельца дохода, которое затем проверяется органами фиска с помощью разных собираемых ими данных. По способу обложения различают две системы И. н.: прусскую, по которой к обложению привлекается весь доход налогоплательщика в совокупности, и английскую, где доход облагается у самого источника его происхождения, следовательно, по частям и даже в руках различных лиц. Английская система представляет больше гарантий против злоупотреблений и обманов со стороны налогоплательщика, но зато прусская система проще, удобнее и легко допускает применение прогрессии в обложении доходов.

Английская система подходного обложения, помимо общего влияния на континентальные страны, ближайшим образом отразилась на структуре И. н. во Франции, Италии и Соед. Штатах Прусская система послужила образцом для целого ряда европейских, в особенности немецких, государств. По системе прусского, ныне уже германского имперского построен и действующий в СССР И. н. но его организация сильно изменена введением в И. н. классового принципа.

В дореволюционной русской налоговой системе построенной, главным образом на косвенном обложении И. н. отсутствовал. Тем не менее, мысль о введении в России И. н. возникала каждый раз, когда обстоятельства чрезвычайного характера, как-то: войны, неурожай 1891 г и пр., резко нарушали финансовое равновесие государства. Только во время мировой войны, уже накануне финансового и политического краха был введен законом 6 апреля 1916 г (с 1 января 1917 г.) И. н. в России.

Будучи затем реформирован советским правительством, И. н. формально существовал до конца 1919 г., когда действие его было приостановлено. Вновь восстановлен И. н. был декретом 23 ноября 1922 г.

По действующему в настоящее время положению о государственном И. н. от 24 сентября 1926 г. к обложению привлекаются: а) физические лица, в том числе иностранцы, самостоятельным доходом от источников, находящихся в пределах СССР, хотя бы сами владельцы до-

хода и жили за границей; б) акционеры и члены общества (пасивные товарищества) и товарищества с ограниченной ответственностью, правления которых находятся на территории Союза ССР, за исключением государственных, кооперативных и смешанных обществ, которые облагаются по положению от 15 октября 1926 г. в) иностранные общества и товарищества, допущенные к операциям на территории Союза, в пределах этих операций.

Необлагаемый минимум дифференцирован в зависимости от пояса местности а также от социального положения плательщика И. н. Для доходов, представляющих собой вознаграждение за работу или службу по найму, а также пенсий, литературных заработков и др., необлагаемый минимум колеблется от 960 руб. дохода в год (IV пояс местностей) до 1.200 руб. (в местностях I пояса) Для прочих же видов дохода необлагаемый минимум соответственно колеблется от 500 до 800 руб. дохода в год. При этом под доходом понимается разность между валовой суммой всех полученных плательщиком ценностей в денежной и натуральной форме и суммой расходов, связанных с извлечением дохода.

Резкое различие проведено также в выоте самого обложения доходов различных социальных групп плательщиков. Так, шкала, по которой облагаются доходы лиц, получающих вознаграждение по найму, прогрессирует от 0,7% для доходов не свыше 1.000 руб. в год и до 18% для доходов в 24.000 руб. в год плюс 30% со всей суммы свыше 24.000 руб. Прочие же доходы от личного труда, но по найму (содержание кустарных и ремесленных предприятий с числом наемных рабочих не более трех и др.) облагаются 2,5% с суммы дохода не свыше 1.000 и 24% с дохода в 24.000 руб. плюс 35% со всей суммы дохода сверх 24.000 руб. Наконец, доходы от участия в торговых и промышленных предприятиях, доходы от денежных капиталов и проч. облагаются 3% с суммы дохода до 1.000 руб. и 31% с дохода в 24.000 руб. плюс 45% со всего излишка сверх 24.000 руб. К основным ставкам государственного И. н. необходимо присоединить надбавку в 25% указанной ставки, идущую в пользу местных финансов.

Особенностью упомянутого выше иложения от 15 октября 1926 г., в порядке которого облагаются все государственные предприятия (тресты, комбинаты, синдикаты, а также нетрестированные государственные предприятия, эксплуатируемые на основе хозяйственного расчета) кооперативные предприятия и смешанные общества, является, прежде всего, то, что налогооблагаемый минимум дохода здесь равен 1.500 руб. Кроме того, к государственным, кооперативным предприятиям и смешанным обществам не применима ни одна из приведенных выше прогрессивных шкал обложения. Они облагаются однообразной ставкой налога в размере 8% с суммы чистой прибыли независимо от его размера.

Г. Болдырев

ПОДРЯД—договор, в силу которого одна сторона (подрядчик) принимает на себя обязанность выполнить (сам или силами своего предприятия) за свой риск определенную работу по заданию другой стороны (заказчика или подрядившего) с тем, что эта последняя сторона обязуется уплатить определенное вознаграждение. Чаще всего предметом П. являются строительные работы, далее перевозка, устройство разного рода ремонта и т. д. Экономическое значение П. сводится к тому, во-первых, что он предоставляет возможность переложить на подрядчика экономический риск, который падал бы при производстве работ «хозяйственным образом на заказчика; во-вторых, заинтересовывая подрядчика, обычно опытного дельца, возможностью получения прибыли, подрядивший рассчитывает использовать энергию подрядчика и накопленные у него опыт, связи и вспомогательные технические средства.

Особенно охотно (а в капиталистическом мире часто и обязательно) к подрядчикам обращаются учреждения и предприятия юридических лиц (и в частности государства).

П. играл особо важную роль в дореволюционной России, где значение государственного хозяйства в общей экономике страны было более значительным, чем в З. Европе. Это был один из излюбленных способов первоначального накопления. Поэтому по преимуществу П. стал играть значительную роль и в Советском Союзе.

хотя он и противоречил самой сущности реорганизации экономической жизни России. Но широкие злоупотребления со стороны разных спецов и госорганов при сдаче подрядов вызвали необходимость принятия особых мер предупреждения против расхищения народного достояния как в виде особых статей уголовного закона, так и в виде а так же в а т ь н о г о г р а ж д а н с к о г о з а к о н а . Поэтому практически нормы, устанавливаемые положением о государстве П., имеют гораздо больше значения, чем крайне скудные общие правила о П., заключающиеся в Г. К. (ст.ст. 220—235).

Согласно Г. К. предполагается если противное не установлено договором, что подрядчик обязан производить работу своим изданием (ст. 221), т. е. при помощи своих орудий и материалов. В случае недоброкачества материалов, доставленных заказчиком, или при наличии других обстоятельств, грозящих годности или прочности работы, подрядчик обязан своевременно предупредить о том заказчика под страхом ответственности за убытки (ст. 223). Если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора или настолько медленно выполняет его, что окончание работы к сроку становится явно невозможным, заказчик имеет право, не дожидаясь истечения срока договора, требовать расторжения такового и возмещения убытков (ст. 225). Такое же право предоставляется заказчику, равным образом, и в том случае, если во время исполнения работы становится очевидным, что работа не будет исполнена надлежащим образом и подрядчик не исправит недостатков в течение назначенного ему для того соразмерного срока. В этом случае подрядивший в праве, равным образом, поручить продолжение или исправление работы третьему лицу за счет подрядчика (ст. 226).

Наличие в выполненной уже работе недостатков, делающих результат ее непригодным к назначению, предусмотренному договором, или обычному, дает заказчику право требовать на выбор или 1) безвозмездного исправления недостатков в соответственный срок, поскольку исправление возможно без несоразмерных расходов, либо 2) соответственного уменьшения цены П., либо 3) расторжения договора и возмещения убытков. Если недостатки менее

существенны, то суд может отказать в расторжении договора, обязан подрядчика исправить недостатки или уменьшить цену П (ст. 227). Требование по поводу недостатков может быть предъявлено заказчиком в течение 6 месяцев, а относительно строений и сооружений—в течение 3 лет со времени сдачи работы, если в договоре не указаны более длительные сроки. При наличии обмана со стороны подрядчика требование по поводу недостатков может быть предъявлено в течение трех лет; если же в договоре указан более длительный срок для предъявления требования,—в течение указанного срока (ст. 222).

Если вследствие изменения объективных условий окажется необходимым чрезмерно превысить приблизительную смету, составленную подрядчиком, одобренную заказчиком и положенную в основание договора, заказчик в праве требовать расторжения договора как во время исполнения работы так и по окончании ее, возместив подрядчику понесенный последним положительный ущерб в имуществе. Если подрядчик своевременно не предупредил заказчика необходимости превысить смету, он обязан выполнить работу не требуя от заказчика сверхсметных расходов (ст. 231). Если предмет П. до сдачи его случайно погиб или окончание работы стало невозможным, подрядчик не в праве требовать вознаграждения за работу. Но если указанные обстоятельства произошли вследствие недостатков материала, доставленного заказчиком, или его распоряжений о способе исполнения П., либо произошли после просрочки или принятия П., он обязан дать подрядчику вознаграждение согласно ст. 146 (ст. 232). Риск случайной гибели материалов до сдачи работы несет сторона доставившая материал. Если гибель произошла вследствие умысла или упущения другой стороны, последняя отвечает за убытки (ст. 233).

При наличии уважительных причин заказчик в праве до окончания работы во всякое время отказаться от договора, вознаградив подрядчика за выполненную часть работы и возместив ему убытки, причиненные расторжением договора. (с зачетом того, что подрядчик сберегает или при-

обретает благодаря расторжению договора (ст. 234).

Положение о государственных П. и поставках (прилож. 5 к Г. К.) впервые было издано 30 сентября 1921 г. и явилось первым значительным актом в области гражданского законодательства после начала члена. Положение это было заменено новым—постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1923 г. («Изв. ВЦИК» от 1 августа 1923 г.). Новое положение несколько ограничивает те случаи, в которых (до этого положения—почти во всех) П. сдается с публичных торгов и фиксирует предельную цифру, начиная от которой торги обязательны в твердой валюте—10.000 рублей золотом. Из этого правила допущены изъятия для стихийных бедствий, для сдачи П. госорганов госорганами же и для тех подрядов сдаваемых государственными предприятиями, действующими на коммерческом расчете которые входят в круг оперативной деятельности таковых. В обеспечение П. подрядчик обязан, кроме того, вносить залог не менее 10% суммы договора (ст. 13).

С неисправного подрядчика госорган в праве взыскивать одновременно как убытки его согласно действительно понесенному размеру так и условленную неустойку (ст. 10). Включение неустойки в такой договор обязательно под страхом недействительности его (ст. 15).

Аванс может быть выдаваем подрядчику в размере до 25% (ст. 10)

Для госорганов и кооперативных объединений допускаются в этого правила изъятия.

В настоящее время для внесения большей плановости в дело государственных П. учрежден особый комитет государственных заказов.

С Равич

ПОДСУДНОСТЬ. Правильная организация судебной деятельности является одним из важнейших условий обеспечивающих правильность самой работы судебных органов. В деле правильной организации судебной деятельности немаловажную роль играет определение круга дел, подлежащих рассмотрению того или другого суда. Это последнее обстоятельство объясняется тем, что судебная система включает в се-

бя суды различных категорий, отличающихся друг от друга рядом особенностей. Советская судебная система, отличающаяся простотой своего построения, стремится осуществить принцип единства, однако не может отказаться, в силу определенных исторических условий, от деления судов на различные категории с различными функциями, правами и обязанностями. Основная судебная система, действующая на территории союзных республик состоит из трехчленки—народный суд (являющийся основной ячейкой всей судебной системы), губернский (или соответствующий ему) суд и Верховный суд.

Каждый из этих судов, составляющих основную судебную систему имеет определенно очерченный законом круг дел, подлежащих его компетенции. Но, кроме этих судов, советская судебная система знает еще суды так сказать специального назначения. Таковы—военный трибунал имеющий своим назначением рассмотрение дел о воинских преступлениях, судбно-земельные комиссии, арбитражные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, камеры народных судов по грудным делам. Эти суды также имеют определенную компетенцию, точно установленную процессуальными законами.

Компетенция того или другого суда определяющая круг дел, ему подведомственных, и называется на языке процессуального права подсудностью. В процессуальном праве отдельно определяется П. уголовных и гражданских судов, с одной стороны, и в пределах уголовного и гражданского процессов П. предметная и местная с другой стороны.

Исторический смысл П. стоит в прямой связи с характером и формами процесса в целом. В условиях примитивного процесса, отличающегося простотой и несложностью своего механизма, не было нужды в дроблении дел между различными категориями судов, ибо не было этих категорий судов. Если в это время можно говорить о П. то разве только местной П. В средние века действительно, мы встречаем основной процессуальный принцип, относящийся к вопросу о П., гласящий: чья земля—того и суд. Но в условиях современности создавшей весьма сложные правоотношения, возникает потребность определить для каждого суда

П. по роду и характеру самих дел. Эта потребность возникает в связи с усложнением самой государственной деятельности, в связи с усложнением государственного аппарата, с требованиями рационализации и наибольшей экономичности в его построении и функционировании.

Оказывается совершенно нерациональным и неэкономичным такое построение судебной работы, при которой и серьезные, и маловажные дела подлежали бы рассмотрению одного и того же судебного места. Наоборот гораздо целесообразнее такая организация судебной работы, при которой одни дела—наиболее простые и незначительные по своему государственному удельному весу—подлежали бы компетенции более просто и, следовательно, более скоро и дешево работающего суда; дела же, затрагивающие более серьезные государственные и общественные интересы и вместе с тем представляющие большие трудности, а, следовательно, требующие и большего умения, опыта, квалификации своих работников и т. д., подлежали бы рассмотрению более сложно построенных судебных органов. Именно таков смысл т. н. предметной П. Поэтому то предметная П. и играет такую роль в судебном процессе, что нарушение ее влечет за собой во многих случаях обязательное аннулирование состоявшегося при этом условии судебного приговора или решения (419 У П. К. РСФСР).

Обращаясь непосредственно к П. по уголовным делам, надлежит отметить, что предметная П. именуемая в нашем законе П. по роду дел как общее правило устанавливается законодательством союзных республик (ст. 13 «Основ угол. судопроизв.»). В порядке союзного законодательства установлено лишь одно правило этого порядка—обязательность рассмотрения в губернских и им соответствующих судах дел о государственных преступлениях. Общесоюзным же законом определена и П. военных трибуналов («Пол. о в. т. р. 20 авг. 1926 г. С. З. № 57 ст. 413) и ВС СССР («Пол. о ВС и «Наказ», С. З. 1924 г. № 2, ст. 25 и С. З. 1924 г. № 19, ст. 183).

По действующему в союзных республиках уголовно-процессуальному праву предметная П. определяется: а) для народных судов—в составе единоличного народного

судьи—простейшие дела с преступлениях связанных с нарушением различного рода правил (напр. правил для учета военнослужащих) и обязанностей (напр. явка в суд в качестве свидетеля эксперта и т. д.); б) для народных судов (см.) в трехчленном составе—все те дела, которые не подлежат рассмотрению губсудов и верховных судов; в) для губсудов—твердым перечнем указанных в законе дел, относящихся к категориям преступлений государственных, против порядка управления, должностных, хозяйственных, имущественных, против личности (см. ст. 26 У. П. К. РСФСР, ст. 28 У. П. К. УССР); г) для верховных судов—дела исключительной важности передаваемые постановлениями Президиумов ЦИК и др. указанными в законе государственными органами, и дела о должностных преступлениях членов ЦИК, коллегий наркоматов и др., также перечисленных в законе (см. ст. 449 У. П. К. РСФСР, ст. 456 У. П. К. УССР).

П. воен. трибуналов определяется в настоящее время Пол. 20 августа 1926 г. где компетенции военных трибуналов отнесены не только дела о воинских преступлениях, но также и те, которые угрожают мощи Красной армии и воинской дисциплине. Военным трибуналам могут передаваться на рассмотрение по постановлениям Президиумов ЦИК СССР и союзных республик дела и об иных преступлениях, кроме указанных выше, так же, как преступления общие в местностях, где нет иных судов.

При рассмотрении вопроса о П. надлежит остановиться на вопросе о так называемых пререканиях, т. е. спорах, возникающих между судебными местами, о том, подсудно им или нет то или другое дело. Ст. 13 «Основ угол судопроизв.» категорически воспрещает всякие споры о П. Аналогичные нормы, воспрещающие пререкаться судам по поводу П., содержатся и в У. П. К. союзных республик (напр. ст. 40 У. П. К. РСФСР, ст. 44 У. П. К. УССР). Смысл воспрещения вступать в пререкания заключается в стремлении избежать перебрасывания дел из одного суда в другой и вызывающейся этим волокиты. Согласно правилам о воспрещении вступать в пререкания, суд, получивший дело к своему рассмотрению, обязан принять его к своему производству рас-

смотреть по существу и затем уже обжаловать неправильное направление дела в порядке надзора в высшую инстанцию. Исключение из этого правила должно быть сделано лишь при обнаружении нарушения предметной П. в таком случае суд обязан направить дело по П., ибо иначе вынесенный им приговор все равно будет кассирован и, следовательно, будут напрасно потеряны время и силы. Что касается нарушения местной П., т. е., когда дело подается в суд такой же категории, но иного, чем это требовалось бы района, то такое нарушение не влечет за собой само по себе отмены приговора. Местная П. имеет значение техническое, и поэтому ее влияние на правильность судебного приговора, разумеется, ничтожно.

Характерным для советского уголовно-процессуального права моментом в истории вопроса о П. является последовательно проходящее через советское законодательство сужение П. всех судов, кроме народного суда, компетенция которого все более и более расширяется. Объяснение этого явления мы находим в том принципе построения советской судебной системы, который делает народный суд действительно основной и нормальной ячейкой судебной системы. Губсуды и верховные суды республик, а Верховный Суд СССР в еще большей степени, чем первые являются не столько судебными органами в смысле судов первой инстанции, сколько судебно-административными и контрольно-кассационными. С одной стороны, и конституционными (Верховный Суд СССР) с другой.

4 *Вышинский*

ПОЕДИНОК, или **ДУЭЛЬ**—средневековый институт непосредственно примыкающий к практике «частных войн» и являющийся «облагороженной» формой саморасправы-мести (см.), сложился в среде «рыцарской» феодальной знати. К концу средних веков католическая церковь, с одной стороны, и окрепший королевский абсолютизм, с другой, начинают борьбу против П. Церковь еще в 1563 г. приравнивает дуэлянтов к убийцам и предаст П. анафеме, в ближайшие же годы королевским эдиктом во Франции П. признается «оскорблением величества» и запрещается под угрозой смертной казни; в Германии такие же запрещения относятся к XVII в. Эти меры,

однако остаются безрезультатными. В буржуазную эпоху дворянство, оттесняемое буржуазией экономически и политически на задний план, продолжает тем более цепко держаться за свои «благородные» обычаи, стремясь хотя бы таким путем сохранить свое превосходство над «неблагородной» буржуазией: с того же момента, как буржуазия и сама превращается в реакционный класс и все более и более начинает политически блокироваться с дворянским землевладением, дворянские понятия о «чести» находят доступ в сферу самой буржуазии. Современное французское уголовное право (Code Pénal 1810 г.) не знает, как и английское, особых постановлений о П., почему теоретически там признается, что убийство на дуэли должно квалифицироваться, как убийство вообще. Германский У. К., подобно дореволюционному русскому законодательству, содержит детально разработанные постановления о наказуемости П.

В России царская власть, одной рукой указывая на наказуемость П. другой рукой сама заставляла определенную категорию лиц—именно, офицерство—прибегать к П.

Советское уголовное право особых постановлений о П. не содержит. Не только убийство (покушение на убийство) при П., но и причинение телесного повреждения (или покушение на таковое) при П. влечет ответственность по соотв. статьям У. К.

По первому, дошедшему до Верховного Суда РСФСР делу о дуэли пленум разъяснил, что «т.-н. дуэль, как остаток феодально-дворянских традиций, при советском строе является преступлением по инициативе и побуждению, и убийство поэтому квалифицируется по ст 142 У. К. и по существу противоречит ст 144 У. К. (ст редакции)»

Как известно, красноармейская общественность по этому случаю резко выступила против дуэли.

А. Э

ПОЗИТИВИЗМ Термином этим обозначают зачастую весьма различные по своим принципиальным положениям направления научной и философской мысли. Общим для них всех, однако является стремление к созданию «положительной (позитивной) философии», системы «положительного знания», иначе говоря, зна-

ния, исходящего из наличного опыта, из наличной действительности, из наличных возможностей, исключая всекие метафизические предположения. Поэтому П. в области теории познания (гносеологии) тождественен с философским эмпиризмом: так, напр., называет себя философское направление, признающее «метафизикой» материалистическое учение об объективности внешнего мира и близкое к субъективному идеализму (ученики Юма и Маха).

Однако чаще всего под П. имеется в виду течение научной методологии, ведущее происхождение от основателя буржуазной социологии Огюста Конта (см. Органическая школа). Уже в 1822 г. Конт формулирует свой знаменитый закон трех стадий духовного развития, согласно которому «любая отрасль наших познаний необходимо проходит в своем развитии три различных периода: период теологический, или период фикции, период метафизический, или период абстракции, и период научный, или период положительный». Эти идеи Конт далее развивает в своем «Курсе положительной философии», где проповедует необходимость перейти от метафизического, т.-е. гипотетического, обобщающего толкования явлений к толкованию научному, основанному на изучении реальных условий и реальных возможностей, на изучении причинных связей явлений. Избегая всяких широких обобщений и утопических построений, П. строит строгую «иерархию наук», из коих каждая более сложная наука все в меньшей степени может пользоваться методом дедукции: наиболее эмпирический характер носит поэтому Конт социология, отличающаяся возможным от невозможного и единственно способная обеспечить правильное руководство и «органическую» революцию нашей духовной жизни. Легко подметить социально-классовые корни теории Конта; в 1848 г. ее творец был убежден, что «позитивизм не замедлит быть призван на помощь порядку как единственная доктрина, способная выдержать грозный натиск всемирной анархии»... Нужно заметить также, что «своей «положительной политикой» Конт менее всего стоит на эмпирической точке зрения и дает волю всякого рода субъективным построениям, вплоть до религии

«человечества», долженствующей заменить веру в сверхэмпирический мир. Неудивительно, что этот «пошлый позитивизм» как его квалифицировал Маркс, в отдельных своих моментах встретил критику даже со стороны своих последователей (Дж. Ст. Милль, Литтрэ, Вырубов, Тэн, и др.) Умеренный сторонник И. Дж. Ст. Милль (см. Либерализм) доказывал, что «позитивный» метод Конта должен быть дополнен теорией логического доказательства; другой стороны, он считал чересчур материалистическим введенное Контом понятие причинности, предлагая заменить его ассоциацией явлений по Юму. Зато более строгий позитивист Литтрэ всячески подчеркивает необходимость эмпирического исследования также и в социально-политической области. Известный историк и литературный критик Ин. Тэн также, в противоположность Миллю, выдвигает на первый план изучение причинной связи явлений. П., таким образом, оказался весьма удобным прикрытием и для естественников-агностиков и «стыдливых материалистов» (Энгельс), и для последователей Юма, и для историков, близких к материалистическому пониманию.

Какое содержание ни связывали бы П. его последователи, несомненно, однако, две характерные для него особенности. Прежде всего, П. глубоко враждебен всякой социально-политической «метафизике» т.е. революционным теориям, якобы опирающимся на «реальные возможности»: охрана буржуазного порядка и та или иная доза умеренности и консерватизма—такова одна его характерная черта. Другой такой чертой является тесная связь П. с учениями об органической эволюции общества, об его разумном «прогессе» заставляющими некая эмпирического подтверждения теории в исторических фактах и историческом прошлом. Разумеется, эта разновидность «ползучего эмпиризма» не могла встретить сочувствия у Маркса, Энгельса, Ленина, которым Конт и его последователи казались жалкими карликами по сравнению с диалектиком Гегелем. Зато у всякого рода ревизионистов марксизма попытки гносеологического П., естественно-научного П. и т. д., встречали всегда явное сочувствие.

Указанные особенности П. получили отчетливое выражение и в юридическом П.

Провозвестником его явился известный английский юрист первой половины XIX в., автор «Lectures on jurisprudence» (1832 г.) и учитель Милля, Джон Остин (Austin). В позитивистской теории права Остина, с одной стороны, получили свое развитие принципы бентамовского утилитаризма (см.). С другой стороны, на ней сказались шедшие из Германии влияния родоначальника исторической школы (см.), получившего печальную известность благодаря знаменитому памфлету Маркса—Густава фон-Гуго. От последнего заимствовал Остин и термин «философия положительного права». Самое мышление Остина, образец юридической логики и юридического формализма, способствовало созданию им юридической теории, чуждой всякой тени юридической «метафизики» и полной презрения к естественному праву (см.). Но своим политическим настроениям английское судебное чиновничество и торговая буржуазия, интересы которых главным образом представлял Остин, менее всего нуждались в революционной естественно-правовой доктрине, отголоски которой звучали еще отчасти в либеральных теориях промышленной буржуазии. Задачей юристов типа Остина (напр. Блекетона и др.) было искоренить всякое представление о праве, которое бы исходило не от законной государственной власти. Он создает поэтому государство иную теорию права. Не общепринятый договор, но лишь привычка повиновения связывает людей, создает общественные связи. Закон есть не что иное, как императив, приказание вышестоящей инстанции низостоящим: совокупность законов образует позитивное право—право в точном смысле слова. Для издания их необходим высший авторитет, «суверен», а таким сувереном и является государство — единственный источник права. Все остальные нормы, не исходящие от государства, но тем не менее связывающие людей, образуют поэтому не право, но лишь позитивную мораль: сюда именно включается все так называемое обычное право. К «морали» отсылит Остин и те правовые принципы, которые, повидимому, не исходят от одного суверена—государства, но тем не менее тежат в основе как деятельности государства, так и в отношениях между от-

дельными государствами. Таковы принципы государственного права и права международного. Таким образом, между правом и обычаем (моралью) Остин проводит резкую пограничную черту, ограничивая пределы права и этим самым изгоняя из области юриспруденции всякие произвольные «естественно-правовые» конструкции. В теории суверенитета Остин стоит в точке зрения неограниченного и неделимого суверенитета государства, всячески возражая против признания множественного (делимого) суверенитета. Нужно сказать, что в последнем пункте теории Остина встретила критику немецкой исторической школы, так как положение полуфеодалной Германии требовало иных точек зрения. Вплоть последовательно выдвигает Остин «воспитательное» значение политической узлы накладываемой государством и высказывается против крайностей демократии: он был между прочим врагом парламентской реформы 1859 г.

В теории Остина мы имеем раннюю классическую разновидность юридического П. Другое его направление, в Германии, состоялось с большим опозданием, в конце XIX в. Наиболее выдающимися его представителями выступили криминалист Адольф Меркель и интернационалист Карл Бергбом. Известная работа Бергбома «Jurisprudenz und Rechtsphilosophie» (1882 г.) целиком направлена против естественного права. По мнению Бергбома, прежняя, «естественно-правовая» философия отделяет юридическую науку от реальной действительности, философия эта не способствует обоснованию и исследованию основных понятий юридической науки, теории ее не имеют никакой юридической ценности, ею вносятся в юридическую науку совершенно неизбежный и вредный дуализм идеального и действительного права. Юристам нужно исходить только от действительного права, и нет смысла заниматься ненужной им и научно не обоснованной философией. «Юристам остается только одно: поскольку это возможно, самостоятельно философствовать о праве». На ряду с таким отношением к естественному праву, Бергбом предостерегает и от слишком некритического отношения к исторической школе, сторонником которой он является: многие положения исторической

школы, в частности деление на обычное право и юридическое право, по мнению Бергбома, уже потеряли свой смысл. «Философия права юристов» — это прежде всего философия положительного права... Только то, что действует, что функционирует в качестве права, есть право, и помимо того — больше ничего; и все это действующее право — без исключения есть право. Нужно заметить, что плодом разрушительной работы Меркеля и Бергбома, являясь не только почти полное исчезновение естественно-правовой теории из немецкой юридической науки, но и временный остракизм по отношению ко всякой вообще философии права. И лишь с начала XX ст. начинается новое философско-правовое возрождение на неокантианской почве. Многочисленные сторонники юридического П. нашлись и в других странах: в России видным его представителем был Г. Ф. Шершеневич.

Несомненной заслугой юридического П. перед юридической наукой было перенесение им центра внимания юристов от отвлеченных философски-этических категорий на эмпирическое изучение права и обоснование правовых понятий. Важное значение имело также отграничение им сферы юриспруденции от области морали, обычая и т. д., все это способствовало, несомненно, уточнению и углублению юридической области и вносило моменты теоретического изучения в самую науку о праве. Этим самым, однако юриспруденция отрывалась от целого общественной жизни, становилась безразличной к тем или иным политическим идеалам, сводилась к юридической логике и юридической технике. Представление о государстве как единственном источнике права, ограничение понятия права нормами государства, законами приводило юристов-позитивистов к вульгарному эмпиризму в понимании правовых явлений. Юридический П. в этих глубоко отрицательных своих моментах, несомненно, подготовил почву для крайностей юридического нормативизма (см.)

И. Разумовский

ПОКЛАЖА — договор известный римскому праву под названием *depositum*, имеет своей целью хранение предмета. По римскому праву П. (*depositum*) был безвозмездный договор. Депозитарий (поклажеприниматель) обязан был наблюдать за вещью

исрученной его хранению, но особенно тщательных мер к ее охране он не был обязан принимать. В случае возложения особых обязанностей по хранению, договор считался *mandatum* (Дернбург). Наблюдение за вещью должно заключаться в проявлении того внимания, которое депозитарий проявлял к своему собственному имуществу. В случае повреждения или гибели вещи депозитарий отвечал только за умысел и грубую небрежность. Предметом П. является вещь, определенная индивидуальными признаками. Возвращению разумеется, подлежит та именно вещь, которая сдана на хранение. Получение вещи с обязанностью возвратить не ту самую вещь, но лишь однородную с ней, нельзя рассматривать как отношение по договору П. Это будет ссуда или заем. Однако практика торгового оборота знает случаи принятия вещей на сохранение с обозначением их. Тогда поклаженприниматель обязуется возвратить однородные лишь вещи, но не те самые предметы по натуре которые от данного покладчика приняты на хранение.

Современное право отказывается от римской точки зрения на П., как на безвозмездный договор. Ибо П. в настоящее время не есть отношение, возникающее на почве дружеских, чисто нравственных отношений, а является весьма распространенной в хозяйственном обороте сделкой. Если *Code Civil* (§ 1917) еще считает безвозмездность существенной чертой П., то австрийское уложение (§ 969), швейцарское (§ 472) считают возмездность обычным условием П., а германское гражданское уложение (§ 659) устанавливает законное предположение возмездности сделки. Согласно дореволюционному проекту гражданского уложения (ст. 390) П. предполагалась возмездной, если из договора или из обязательств, сопровождавших П., не вытекало, что поклаженприниматель обязался хранить вещь без вознаграждения.

Советский Г. К. не регулирует договора П. Этот договор предусматривается лишь «Временными правилами о порядке хранения товаров на товарных складах общего пользования» (пост. НКВнуторга РСФСР от 8 сентября 1925 г. опублик. в «Торг. Изв.» 26 сентября 1925 г., № 68, см. «Бюллетень Финансов и Хозяйств. Закона» № 19 1925 г.) постановлением ЦИК и СНК

СССР от 4 сентября 1925 г. «О документах, выдаваемых товарными складами в приеме товаров на хранение», а также ст. 41 уст. жел. дор. и «Правилами производства складочной операции по долгосрочному хранению отправляемых и прибывающих грузов» (приказ ЦН от 28 июля 1922 г., № 3624).

Таким образом советское законодательство знает лишь П. в складах общего пользования. Частная П. договор о хранении чужого имущества, заключаемый хранителем не в виде торговой операции, а в виде единичной сделки, остается у нас до настоящего времени вне законодательной регуляции. Возникающие на почве такой П. отношения могут лишь по аналогии регулироваться нижеизложенными правилами. При этом надо иметь в виду, что распространительное толкование этих правил допускается лишь в пределах, устанавливаемых ст. 5 Вводного Закона к Г. К.

Согласно «Временным правилам» Наркомвнуторга товарные склады общего пользования могут открываться как частными лицами, так и государственными и кооперативными организациями, в уставах которых предусматривается производство складских операций. Владельцы складов общего пользования не в праве отказывать предъявителям товаров в приеме их на хранение. Они могут отказать в приеме товара лишь в том случае, когда нет свободного помещения, обеспечивающего нормальные условия хранения. Оплата хранения производится на основании тарифов, устанавливаемых владельцами складов и публикуемых в официальных органах печати или же вывешиваемых в помещениях ближайшей товарной биржи, а также в самом складе на видном месте. Тарифы вводятся в действие не ранее 15 дней с дня объявления. Наркомвнуторгу предоставлено право регулировать тарифы. Если он признает необходимым установить предельные тарифы, то созывается по этому вопросу совещание с участием предприятий, содержащих товарные склады. Постановление совещания может быть опротестовано в 7-дневный срок в Наркомторг. Если нарком не соглашается с постановлением совещания или же поступает протест на это постановление, вопрос вносится на разрешение ЭКОСО.

Товарные склады принимают товары на хранение без обезличения и с обезличением. В случае принятия товара на хранение без обезличения товарный склад обязан выдать тот самый товар, который сдан на хранение, и отвечает за утрату и повреждение товара, если не докажет, что утрата и повреждение не могли быть предотвращены и произошли от непреодолимой силы. «Временные правила» предусматривают обязанности склада страховать товар.

Принятие товара с обезличением обязывает склад выдать не тот самый товар, который был принят на хранение, а товар того же сорта. Обязанность выдать соответствующий товар не отпадает в случае гибели его по какой бы то ни было причине, даже вследствие действия непреодолимой силы (см.).

Размер ответственности склада за гибель и повреждение груза определяется по биржевой цене товара, а в случае отсутствия таковой — по оценке экспертизы.

Склад в праве продать сданный на хранение товар в том случае, когда по истечении срока хранения товарохранитель не возьмет товара, или же когда истечет 6-месячный срок хранения товара, сданного на неопределенный срок. Кроме того, товар может быть в части или полностью продан, если весь товар или часть его подверглась порче и тем самым угрожает порчей другим находящимся на складе товарам или оборудованию самого склада.

Договор П. в товарном складе сопровождается выдачей одного из следующих документов. 1) свидетельства или 2) квитанции. Свидетельства бывают двойные и простые. Двойное свидетельство состоит из складочного свидетельства и залогового свидетельства, именуемого варрантом. Получение свидетельства из товарного склада дает возможность держателю его распорядиться товаром путем передачи свидетельства. В таком случае товарный склад обязан выдать товар держателю свидетельства. Свидетельства являются одним из тех распорядительных документов, о которых говорит ст. 67 Г. К. Если в принятии товара выдано не свидетельство, а квитанция, то передача права на сданный на хранение товар осуществляется путем трансферта по книгам товарного склада.

Выдача свидетельства о принятии на хранение товаров производится только теми складами, которые получили на то разрешение от Наркомторга СССР или соответствующих комиссариатов союзных республик.

Двойные свидетельства могут быть только именными, простые свидетельства выдаются только на предъявителя. Выдача двойного свидетельства позволяет расчленил два способа распоряжения товаром: продажу и залог.

Продажа производится путем передачи складочного свидетельства; залог осуществляется путем передачи залогового свидетельства.

Переуступка прав по свидетельствам производится путем надписи на них, которая должна быть удостоверена нотариусом или же путем внесения ее в реестр товарного склада.

Держателю складочного свидетельства выдается товар при условии одновременного предъявления залогового свидетельства.

Условия залога товара излагаются в надписи на залоговом свидетельстве, которая должна быть дословно воспроизведена в складочном свидетельстве. В случае неоплаты в срок выданной ссуды держатель залогового свидетельства должен представить свидетельство в нотариальную контору для учинения протеста в неплатеже. Протест производится в том же порядке, в котором производится протест векселей. По истечении 7 дней со дня наступления срока платежа держатель залогового свидетельства в праве предъявить его в склад с требованием о продаже товара на удовлетворение долга по ссуде. Продажа производится через биржевого маклера или с публичного торга. Из вырученной суммы погашаются издержки по продаже товара, сборы, причитающиеся складу за хранение и другие операции, связанные с хранением товара; оставшая сумма поступает держателю залогового свидетельства. Если будет остаток, то он поступает товарохранителю, каковым является держатель складочного свидетельства. Если вырученной от продажи суммы недостаточно на удовлетворение держателя залогового свидетельства, то он имеет право на довызыскание с предшествовавших ему держателей залогового свидетельства.

от которых оно перешло к нему по передаточным надписям.

При выдаче простого свидетельства залог товара совершается путем передачи свидетельства с соответствующей надписью. Товарохранители в праве в этом случае получить копию свидетельства.

Ф. Вольфсон

ПОКУПКА ПОХИЩЕННОГО, особого рода имущественное преступление (см.), начинается преследоваться уже в римском праве, как самостоятельное преступление, и во вполне понятным соображениям существование лиц, занимающихся П. п., благоприятствует распространению краж. Это своего рода эксплуатация вора в интересах прибыли. Можно сказать даже более: опасен не столько сам вор, сколько лицо, профессией которого является П. п., поскольку воры «работают» на него, как на своего рода «предпринимателя» («не крыса ворует, а нора», метко сказано о П. п. в еврейском Талмуде). В Германии в средние века сложилась поговорка «*der Nehler ist gleich dem Stehler*» (укрывающий похищенное—тот же вор); в соответствии с этим П. п. рассматривалась там до конца XVIII в. большей частью, как соучастие (см.) в краже. Законодательства XIX в. возвращаются к конструкции П. п.—и укрывательства (см.) вообще—как самостоятельного преступления (впрочем, во Франции это происходит только в силу закона 22/V 1915 г.) По действующему германскому У. К. простая П. п. карается тюрьмой (до 5 лет), т.-е. наравне с простой кражей; П. п. (как и вообще всякое укрывательство преступлений или преступников) в виде промысла влечет, однако, уже каторгу на срок до 10 лет, наравне с квалифицированной кражей.

У. К. РСФСР, признающий всякое укрывательство (см.) одной из разновидностей соучастия (см.), содержит тем не менее особую статью о П. п.—ст. 164 У. К. ред. 1926 г.,—хотя, конечно, всякая П. п. заведомо п. (а только она п. образует собою состав уголовно-преследуемой П. и.) заключает в себе элемент укрывательства.

Особое постановление о П. п. в нашем У. К. понадобилось для проведения взгляда нашего законодательства на П. п., как на деяние сплошь да рядом более опасное,

чем кража, и обложенное поэтому уголовной репрессией не наравне с обычной кражей, а несколько более суровой. За П. п. в виде промысла положено лишение свободы на срок до 3 лет с конфискацией имущества (ст. 164, ч. 2); прочие случаи П. п. влекут лишение свободы или принудительные работы на срок до 6 месяцев, или штраф до 500 рублей.

А. Э.

ПОКУШЕНИЕ (на какое-либо преступление) как и приготовление (к какому-либо преступлению) охватываются в У. К. РСФСР редакцией 1926 г. одной 19-й статьей, гласящей: «П. на какое-либо преступление, а равно и приготовительные к преступлению действия, выражающиеся в приискании или приспособлении орудий, средств и создании условий преступления, преследуются так же, как совершенное преступление, при чем суд, при выборе меры социальной защиты судебно-исправительного характера, должен руководствоваться степенью опасности лица, совершившего П. или приготовление, подготовленностью преступления и близостью наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца. В случаях если преступление не было совершено по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление, от его совершения, суд устанавливает соответствующую меру социальной защиты за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся». Изложение теории и постановлений о П. буржуазного уголовного права и развитие постановлений о П. и приготовлении в советском уголовном праве см. в статье Деяние.

ПОЛИТИКА ГРАЖДАНСКО ПРАВОВАЯ П. и гражданское право в буржуазном обществе кажутся понятиями, ничего общего между собою не имеющими. Эта боязнь «пред внесением П. в гражданское право» заметна иногда и у нас. Тем не менее, понятие «гражданско-правовая П.» в жизни встречается все чаще, и мы должны и на нем остановиться. Что эта П. означает и в чем она заключается? Под словом «П.» обыкновенно понимается отношение к государству, и с этой точки зрения гражданско-правовую П. •пришлось бы противоно-

ставить публично-правовой или политической политике. Но Ленин, как известно, понимал, как «отношения между классами» и если мы показали, что на деле гражданское право или, вернее как раз гражданское право или, вернее, как раз не только результат классовой борьбы, но и самое широкое поле осуществления этой борьбы, то понятие становится и привычным, и понятным и, наконец, полезным. Чтобы привести хотя бы один конкретный пример, я укажу на известную каждому, имевшему какое-либо отношение к нашему праву и суду по гражданским делам, статью 4 Г. П. К. с ее известным предложением руководствоваться «общей политикой раб.-крест правительства». Тут в первую очередь имеется в виду именно гражданско-правовая П. Но в чем эта П. заключается? Еще буржуазный профессор Лоренц фон-Штейн учил, что «теоретические системы политической экономики одновременно являются и системами экономического управления». Поэтому и в буржуазном государстве говорят об «экономически-политической роли» государства. А если гражданское право является формальным осуществлением, или опосредствованием или наконец, отражением (здесь не важны эти различные оттенки мысли) экономики, то самое понятие гражд.-правовой П. для нас, стоящих на классовой точке зрения, становится ясным. А именно: это есть учение об осуществлении той или иной классовой П., П. того или иного класса, т.е. отношение того или иного класса к другим классам в области гражданского права.

Не будем останавливаться на феодальном обществе. Так называемое гражданское или уже, обязательственное (см.) право по существу является правом буржуазным; значит, в обществе, предшествовавшем буржуазному, могут быть лишь зачатки гражданского или буржуазного права, в виде оригинального двоевластия, в период абсолютизма, по существу двух классового общества, если под обществом понимать совокупность одних свободных людей. Трудящиеся в своей массе были отнесены к несвободному или «подлому» сословию, к рабам или крепостным; они были вне всякой П.

В буржуазном обществе гражданское право является чисто буржуазным правом, правом наиболее благоприятствующим классу капиталистов. Но тут смотря по тому, какой слой данного класса преобладает, заметны различные оттенки и в гражданском праве и в гражд.-правовой политике. Торговый, финансовый, промышленный капитал, фритредерство (свободная торговля), национальные монополии и империализм (см.) как мировой монополизм, представляют собою разные классовые образования, существенно влияющие на гражданско-правовую П. того или иного классового государства, того или иного периода. Рассматривая отдельные гражданские кодексы, мы уже по одному внешнему виду распределения их материала, а еще больше по его содержанию, можем судить о проводимой в каждом из них классовой П. Отец «юридического социализма» А. Менгер в своем «Гражданское право и неимущие классы», напр., дал довольно верную классовую оценку (хотя и умеренную) тогда еще проекту нового германского Г. К., вернее, его гражд.-правовой П.

Очень трудным представляется вопрос о переходный период от капитализма к социализму, особенно в период так называемого нэпа. Где уже до революции действовало чисто буржуазное право, часть этого права остается; где оно еще не существовало или, как у нас в X томе имело крайне уродливый вид, переносится заимствуемая из наиболее передовых кодексов ограниченная часть этого права, с ограничительной оговоркой, что оно не подлежит распространительному толкованию (ср. нашу ст. 5 и 6 вводного закона Г. К.). Но это только полработы. Этим установлением или заимствованием гр. права в существенной части сделана закондательная работа, как одна область, в которой осуществляется гражд.-правовая П. Остается кроме нее еще административная и судебная практика. Я здесь останавливаюсь лишь на последней.

У нас «вкраплены» в буржуазный кодекс или, вернее, в обломки, отрывки его, статьи в защиту класса трудящихся и их государства. Я назову лишь некоторые статьи: уже цитировавшиеся ст. 5 и 6 вводного

закона к Г. К., да еще 1, 4, 30, 33, прим. 1, к ст. 59, 147, 156 и др. Г. К. и 4, 5, 179, 237 и др. Г. П. К. Буржуазный юрист их боится, как Мефистофель креста; он их замалчивает, обходит или контрабандою действует вопреки им. Наша задача — беспощадно проводить их на практике, но вместе с тем постоянно наблюдать, какие изменения они вносят в коренное буржуазное право па деле. Всякая рецепция всякое заимствование права, как показал еще Маркс (см. письмо его к Лассалю 22 июля 1861 г.) сами по себе заключаются в заимствовании этого права не в чистом, а в непонятом, плохо понятом или даже исковерканном виде. Но это именно и характеризует данную экономическую, а вслед за тем и гражданско-правовую П.

Лишь если мы рассматриваем всю область гражданского или, как у нас принято говорить, частно- и публично-хозяйственного права, как единое целое, как единую «формальную организацию общественных отношений» данного классового общества с его преобладающим интересом господствующего класса, мы можем себе составить понятие об «общей П.» данного класса и данного правительства.

Мы последовательно на деле создаем целый ряд новых или видоизмененных институтов гражд. права. Трудовое пользование, трудовые основы частной собственности и т. д. в Г. К. не отмечены, но они введены в жизнь и составляют, сознательную или бессознательную, практическую переработку гражданско-правовых институтов. И там, где эти преобразования оказываются «целесообразными» или соответствующими общей П., они получают подтверждение в судебных решениях высших судебных органов; одновременно отмечаются также попытки ввести вместо законного процента какую-то среднюю оборотную прибыль, понятие трудового владения (вместо пользования), преувеличенные неустойки, пени и т. п. «уклоны» в старое право.

XIV съезд ВКП(б) имеет громадное значение и в этом вопросе. Его резолюция о том, что мы ведем наступление по направлению к социализму на почве новой экономической П., означает поворотный пункт не только в общей экономической П. СССР, но, в частности, и в нашей гражданско-

правовой П. Тов. Ленин как-то сказал, что «мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем» (XV. 373). Значит, говоря о гражданском праве (см. Советское право) переходного времени (см.), мы можем сказать, что оно является «переложением в параграфы» политической экономии данной эпохи, конкретнее говоря, новой экономической П. Мы избрали это направление еще раньше XIV съезда, когда мы в секции права и государства Комм. Академии провозгласили свою «революцию права». В этом смысле для нас и гражданско-правовая П. все время казалась политикою революционной.

Наша цель здесь была лишь вкратце дать наше понятие «гражданско-правовой П.». Ее надо понять не как бессодержательную фразу, на которую ссылаются, когда не находят другого выхода, но как вполне конкретный вывод из всей нашей формы «организации отношений производства и обмена», как системы классового господства пролетариата в союзе с крестьянством, ни на минуту не забывая что во главе этой системы стоит собственность пролетарского или советского государства на землю, на громадное большинство фабрик и заводов, на средства транспорта и торговли и т. д. По в основном советское государство представляет оригинальное двухклассовое общество. П. в данный момент здесь означает, главным образом, согласование интересов двух классов трудящихся (рабочих и крестьян) между собою (смычку); и лишь во вторую очередь отношение борьбы (стычки) с вновь нарождающимся или цепляющимся за остатки прежних прав классом капиталистов.

П. Стучка

ПОЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНАЯ охватывает всю совокупность тех целей и стремлений, которые ставятся государствами в их отношениях друг с другом, равно как путей и средств, применяемых для достижения этих целей. Как содержание П. м., так и ее методы менялись в зависимости от исторического развития и от того, какой класс являлся господствующим в данном государстве, на данной ступени его развития.

В феодальную эпоху главнейшим содержанием и целью П. м. являлись территориальные захваты, покорение новых земель и новых данников—подданных. Очень рано, по мере развития торговли и денежного хозяйства, к этой цели начинает примешиваться другой момент—борьба за торговые пути, за овладение важнейшими рынками. Наиболее крупное внешнеполитическое предприятие средних веков—Крестовые походы—были неразрывно связаны с торговыми интересами французских и итальянских городов; цель этих походов заключалась в том, чтобы овладеть средиземно-морским и левантинским рынками и проложить путь в Индию. Торговые интересы определяли собой и внешнюю политику Московского государства (например, ливонские войны Ивана Грозного).

Развитие торговли не только создает новые объекты международной политики, но и влияет на развитие методов последней. На основе денежного хозяйства создаются такие ее орудия, как постоянная армия и дипломатия. П. м. развивается как особое рода искусство, основанное на точном учете сил и внимательном наблюдении всех процессов, происходящих в соседних государствах. Родиной этого искусства являлась Италия, страна наиболее раннего развития торгового капитализма. В городских республиках северной Италии и при папском дворе расцветает дипломатическое искусство, в котором видную роль играют сложные комбинации, всякого рода союзы и альянсы, направленные неизменно к одной цели—увеличению внешнеполитического могущества данного государства (или государя).

Успехи мореплавания и открытие новых континентов выводят П. м. из узкого круга средиземно-морских интересов. Основной осью П. м. становится все более и более борьба за морские колонии. Последовательное возвышение в качестве мировых колониальных держав Португалии, Испании, Нидерландов и затем Англии и Франции

борьба между этими державами заполняют собой ряд столетий (1492—1598 г.г.—португальско-испанский период, 1598—1676 г.г.—голландский период, 1670—1783 г.г.—французско-английский период).

В эту эпоху П. м. еще теснее переплетается с торговой политикой. Основной задачей

является создание привилегированного монопольного положения для отечественной торговли и отечественного мореплавания. Этой цели служат такие акты, как знаменитый кромвелевский акт о навигации 1651 г. Эксплоатация колоний передается монопольным компаниям, наделяемым государственными правами (голландская ост-индская компания 1602 г., английская ост-индская компания 1600 г.). Система покровительства получает свое теоретическое обоснование и завершение в меркантилизме, творцом которого считается министр Людовика XIV Кольбер.

Эксплоатация колоний на основе политики протекционизма и монополий являлась причиной отпадения ряда колоний от своих метрополий (в 1776 г. Сев.-Американские Штаты отделились от Англии; в 20-х годах XIX в. Португалия и Испания утратили все свои колонии в Центральной и Южной Америке). Внешняя политика Великой французской революции являлась, с одной стороны, продолжением в международном масштабе классовой борьбы буржуазии против феодально-абсолютистского режима; с другой стороны, по мере отступления революции внутри ее внешняя политика начинает все более и более выявлять себя как борьба за мировое первенство с Англией (египетский поход Наполеона, континентальная блокада и т. д.).

Еще в начале XVII в. на арене П. м. появляется Россия (эпоха Петра I—захват Прибалтики). Вскоре основной осью внешнеполитических устремлений Российской империи становятся проливы Черного моря. В этом направлении действовали и интересы торгового капитала и интересы помещиков, вывозящих хлеб. Главным противником царской России являлась Англия; борьба между ними составляла наиболее существенную сторону т. н. «восточного вопроса», т. е. вопроса о судьбе Османской империи.

Наполеоновские войны положили начало новой эпохе П. м. Англия отразила ту угрозу ее мировому могуществу, каковой являлась империя Наполеона, и закрепила свое первенствующее положение в качестве колониальной державы и владычицы морей. Вместе с тем она обеспечила своей капиталистической промышленности безусловное преобладание на всех мировых рынках. Интересы британской промышлен-

ности. и в первую очередь текстильной промышленности Ланкашира. легли в основу либеральной фритредерской и пацифистской системы П. м., главным идеологом которой явился Кобден. Отрицательное отношение ко всякого рода завоевательной политике, равнодушное отношение к колониальным приобретениям, вплоть до заявления, что для Англии будет лучше, если ее колонии получат полную самостоятельность, и, наконец, свобода торговли, как абсолютный догмат,— вот основные принципы этого течения.

В практической политике «крайности» кобденовского пацифизма, разумеется, и находили себе применения. Его либеральные друзья целиком оправдывали участие Англии в крымской войне. Еще раньше английский капитал силой вторгся в Китай, открыв для себя этот рынок (опиумная война 1840—1842 г.г.)

Происходившая на континенте Европы борьба за национальное объединение и установление конституционного режима (Германия, Италия, Австро-Венгрия) вызывали симпатии фритредерской Англии, которая видела в ликвидации пережитков феодализма условие для повышения покупательной способности европейского рынка. Однако Англия не участвовала непосредственно в европейских войнах, результатом которых явилось объединение Германии и Италии. Наоборот, Франция в эпоху II империи ведет активную европейскую политику, стремясь использовать национальное движение в интересах увеличения своей мощи и своего влияния (итальянская политика Наполеона III) и в то же время предпринимая колониальные экспедиции (мексиканская авантюра). Попытка помешать национальному объединению Германии под верховенством Пруссии повлекла военный разгром Франции и падение империи (1870—1871 г.г.).

Следующий этап в развитии П. м. характеризуется начавшимся переходом от фритредерского промышленного капитализма к эпохе монополий, к эпохе господства финансового капитала (см. Империализм). Последняя четверть XIX в. и в особенности последние пятнадцать лет являются периодом усиленной колониальной экспансии. В это время происходит раздел мира между главнейшими империалистическими державами (один из примеров—

раздел африканского континента). Решающую роль во внешней политике начинают играть вывоз капиталов в виде займов и вложений (концессии, колониальные предприятия). В связи с этим лозунг свободной торговли теряет всякое практическое значение; его место занимают протекционизм и стремление к монопольному обладанию источниками сырья и сфер приложения капитала. Внешняя политика приобретает сугубо милитаристический и реакционный характер. Империалистические государства поддерживают в колониальных и полуколониальных странах самые реакционные формы классового гнета и препятствуют их развитию даже в буржуазно-демократическом направлении. Это тем более легко удается осуществить, что во всех, даже самых демократических, государствах вопросы иностранной политики менее всего доступны контролю народных масс. В эту эпоху в колониальном соперничестве начинают принимать участие новые державы, с 80-х годов Германия, затем С. III (война с Испанией 1898 г.—захват Филиппинских о-вов).

Окончательный раздел мира делает невозможным «мирное» расширение империалистических государств. В то же время меняющееся соотношение сил, обусловленное законом неравномерного развития капитализма, делает неизбежными попытки новых переделов. Это ведет к небывалому обострению противоречий, развивающихся в мировом масштабе, и на ряду с другими моментами позволяет определить империализм как последний этап капитализма, ведущий с неизбежностью к его катастрофе и к установлению диктатуры пролетариата.

Конкретная расстановка сил в эту эпоху была в самых общих чертах такова. Вплоть до конца XIX в. Англия выступает как главный соперник Франции и России. С Францией британские интересы приходят в столкновение резко всего в Африке (захват Англией Египта в 1882 г., борьба за верховья Нила и фашодский инцидент 1898 г., едва не поведший к войне). Царская Россия сталкивалась с британским империализмом на всем протяжении азиатского материка, от передней Азии и до Дальнего Востока. Не вступая в союз ни с одной из европейских держав. Англия

попадает в изолированное положение, которое особенно остро дало себя чувствовать во время англо-бурской войны (1899—1900 г.г.) Она из него выходит, заключив союз с Японией (1902 г.), направленный преимущественно против царской России. Япония была первой азиатской державой, занявшей место среди империалистических государств после побед над Китаем (1895 г.) и царской Россией (1904—1905 г.г.).

На европейском континенте в то же время складываются две группировки: тройственный союз—Германия, Австро-Венгрия

Италия (1879 и 1882 г.г.) и двойственный союз—Франция и России (1892 г.). Быстрое экономическое развитие Германии, рост ее торгового флота и вооружения, в особенности морских, заставил Англию видеть в ней своего главного соперника. Англия сближается с державами двойственного союза (соглашение с Францией о Египте и Марокко 1904 г., соглашение с Россией о Персии, Афганистане и Тибете 1907 г.). Так создается коалиция, получившая название тройственного согласия. В войне 1914—18 г.г. на сторону тройственного согласия стала Италия, а затем С. III. После войны союзники, навязав Германии тяжелые условия версальского мира, начали борьбу между собой. Главным претендентом на мировое господство вышли из войны С. III. Противоречия между ними и Англией составляют основную ось II м. На ряду с этим выступают противоречия между Англией и Францией. За последние годы положение осложнилось благодаря начавшемуся возрождению германского империализма и усилившемуся значению Италии.

Создание Лиги Наций (см.) и лицемерные речи о разоружении и всеобщем мире не в силах разумеется устранить эти противоречия, развертывающиеся на фоне пробуждающегося Востока и первых успехов пролетарской революции.

Октябрьский переворот, выход России из империалистической войны и появление на международной арене государства, где власть принадлежит рабочему классу открывают собою новый период II м.

На ряду с противоречиями империалистических государств между собой, вырастает новое исторически решающее противоречие между всем капиталистическим миром и государством диктатуры пролета-

риата. Международные отношения последнего с буржуазным окружением складываются из моментов непосредственной вооруженной борьбы (интервенция, блокада) и борьбы «мирными» экономическими и дипломатическими методами. Коренное отличие II м. пролетарского социалистического государства состоит в том, что, отстаивая свое существование и свою независимость это государство тем самым выполняет великую международную задачу освобождения трудящихся.

В то же время советское государство самым радикальным образом разрешает национальную проблему, провозглашая и проводя в жизнь право наций на самоопределение.

Эти моменты обеспечивают советскому государству сочувствие и поддержку как пролетариата, борющегося с буржуазией, так и восточных народов, восстающих против империалистической эксплуатации.

Е. П.

ПОЛИТИКА ПРАВА. Слово «политика» происходит от греческого слова *πόλις* (город, вернее—город-государство). II это то что относится к государству. Аристотель (см.) этим словом обозначал учение о государстве и его формах в их естественном развитии. Но впоследствии это слово получает крайне широкое, а вместе с тем и неопределенное значение. В новейшее время его вновь суживают, относя II, как науку, к «цели» или «целям» государства, к «направлению» государственной власти, собственно к средствам для достижения этой цели, понимая цель и направление то абстрактно, то конкретно. Не одновременно слово II, означает искусство направлять деятельность государства. Маркс слово «политический» понимает в смысле классовом: «Политическая власть в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса» («Коммун. Манифест»); а движение, имеющее целью завоевание этой власти или хотя бы «осуществление своего классового интереса в общей форме», т.е. в форме государственного закона, является политическим движением. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая» Ленин из слов Маркса

делает вывод, что таким образом «П. есть отношение между классами и но классами в целом. Лишь если мы вносим понятие классовый в житейское понимание П., оно получает определенное содержание. Классовая П. данного государства исходит всегда из классового интереса, из классовой целесообразности. П. гос. власти осуществляет основной интерес данного господствующего класса. Мы говорим об общей П. гос. власти, внешней и внутренней — П. разбивая последнюю на целый ряд подразделений: П. финансовую, торговую, правовую (судебную, уголовную, карательную, у нас и гражданско-правовую) (см.) и т. д. Мы здесь вкратце остановимся лишь на П. и.

В чем заключается основной смысл П. и? В том направлении, какое получает право в целом или в какой-нибудь ее области в данный период. П. правительства или государства в целом в правовой области если не единственно то главным образом проявляется в законодательстве и в применении закона. Но буржуазное право, наоборот, ставит себя как раз выше правительства. Для этого имеются совершенно определенные объективные основания: идеи, принципы буржуазного права берут свое начало из товарообмена, из основы этого обмена — трудового эквивалента. Но не сознавая или скрывая это земное происхождение, право, как внутреннее сознание т. е. справедливость воображает себе, что оно определяет П. правительства («правовое государство»), а не наоборот. Проводя принцип разделения властей, буржуазия в законодательстве видит проявление воли всенародной, без вмешательства исполн. власти, правительства, т. е. П. вообще. Судебная власть предполагается совершенно независимой от правительства т. е. П. Так у буржуазного идеолога возникает мысль, что право, особенно гражданское право, должно быть совершенно независимым, далеким от П. Буржуазное общество находясь в плену у фетишизма товарообмена, создает себе рядом и фетишизм права вообще и закона в особенности.

По целевой момент в товарообороте, вытекающий хотя бы из потребительного характера товара, насильно прокладывает себе путь и в правоведении (см.). Начинают говорить сперва о П. уго-

ловного права, как средства поддержания данного правопорядка. Хотя и в уг. праве властвует фетишизм идеи права и правовой нормы, но все же тут в порядке исполнения приговора или освобождения от наказания (напр. помилования) дается известный простор и для П. Переходя к открытую борьбу с преступностью, уг. праве должно и открыто признать П. уголовное и правовую. Гораздо более правового лицемерия остается в области гражданского права, и о П. и там заговорили лишь недавно (см. ниже).

Соответственно развитию хозяйственной жизни меняется и П. п., как часть идеологии права (см.), но она сама не всегда сознает или нарочно скрывает это. Так, во время французской революции, в момент наибольшего увлечения абстрактной формулой закона («закон, это — сам разум»), перед законом (см.), как иконой, буквально молились. Когда составляли Г. К. (см.), требовали составления его в минимальном количестве общих формул, из которых будут выводиться все гражд. отношения. Это буквально то, что писал Энгельс: «Сначала из предмета делают понятие предмета; затем переворачивают копье и меряют предмет по его отражению — понятию» (Энгельс. «Антидюринг», стр. 86). Правда, этот проект Г. К. так и не осуществился. Но П. и этого момента действительно заключалась в формулах естественного права, прямо в идеалистическом ее понимании, притом в виде «идеализма сверху». В момент революции эта П. и была революционная и направлена к интересам восходящей буржуазии.

В буржуазной науке первого периода П. вообще понимается, как «учение о средствах или способах достижения целей» или «единой цели государства». В праве, как и в государстве ищут и находят абстрактных целей, в виде различных абстрактных формул: «всеобщий интерес» (Бентам), «благо всего народа, общественный прогресс, общее благо (германск конституц.) и т. д. По мере выступления пролетариата, нарастания классовой борьбы, эти формулы сводятся к разным компромиссным или предательски примиренческим формулам: идея любви между людьми (Штаммлер), солидарность (Дюги и др.), «начала морали в праве» и т. д. Вся эта идеалистич-

ческая П и на словах базируется на примате права над хозяйством. но на деле она, конечно, не нарушает «естественного» течения экономики. Когда противоречия между словами права и делом экономики становятся слишком резкими, сама П. и отказывается от формул цели вообще, довольствуется одною «абстрактной» техникой. В теории право получает высшее развитие в школе нормативистов (см. Нормативизм) или возвращается к вновь воскресшим учениям «естественного» права (ср. интуитивное право Петражицкого). Война особенно ярко обнаружила тенденции капиталистической плановости (буржуазного, т.-н. гос. или военного социализма), П. и. которой увлекла и кое-кого нас, как приближение к пролетарскому социализму.

П. и. советской власти вначале была ограничена: очень много места заняла неорганизованная целесообразность, т.-е. целесообразность отдельных учреждений и более или менее руководящих лиц и т. д. На издаваемые соввластью первого периода законы Ленин впоследствии смотрел, как на форму пропаганды. Впервые П. и., в настоящем смысле слова, проявилась в борьбе против «социально опасных деяний и лиц» (ср. «Руководящие начала уг. права», 1919 г.). В У. К. РСФСР мы находим раздел 3, озаглавленный «Общие начала уголовной политики РСФСР» (см. ст. 6—19). В положении о судеустройстве (ст. 5) говорится «о проведении общей линии судебной политики», возложенной на НКЮ, хотя и без более конкретных указаний. А органом, реально «осуществляющим, путем непосредственного руководства судебной практики, единую судебную политику на территории РСФСР», является по тому же положению Верхсуд. Одновременно мы говорим и об особой карательной П. и. ныне вернее—П. угол. репрессии. Лишь с переходом к эпохе П. и. приняла более систематический характер не только в издании У. К. и проведении его в жизнь, но и в гражданском праве (см. П. гр. прав.)

И. Стуцка

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

можно, с нашей точки зрения, охарактеризовать, как выступления против основ внутренней и явля-

ющейся ее продолжением важнейшей политики данного государства. т.-е. данной организации классового господства, и притом обычно выступления представителей класса, стремящегося свергнуть с себя это господство. Свое оформление в терминах законна понятие П. и. получает впервые в древнем Риме около 100 л. до нашей эры, в виде *crimen majestatis*, т.-е. преступления против величества. при чем под «величеством» здесь разумелось величество римского народа (Рим был тогда республикой), а классовым содержанием соответствующего закона являлась охрана завоеванных илебеями политических прав. Пришедшая к концу республики императорская диктатура воспользовалась формами старого закона для охраны уже своих интересов, в связи с чем это преступление превращается в преступление против величества римского императора. Если и в эпоху республики рамки этого преступления оказывались очень растяжимыми в угоду требованиям политической борьбы, то в эпоху империи формальная неопределенность этого понятия была использована императорской юстицией для применения его как орудия расправы (за *crimen majestatis* полагалась смертная казнь) со всеми теми, кем считали нужным расправиться. Недаром Моммзен охарактеризовал тогдашний уголовный процесс как простое применение права войны (можно добавить в частности к своим политическим врагам).

Рецепция римского права в средние века означала, конечно, и рецепцию его постановлений о П. и. и теперь целый ряд преступлений против порядка управления (напр., подделка монеты, присвоение власти и т. п.) квалифицируется, как «преступление против величества».

К середине XVIII в. идеологи готовившейся к захвату власти буржуазии начинают протестовать против растяжимости этого понятия. Став у власти, революционная буржуазия создает новое понятие П. и. которое в свою очередь в силу потребностей революционной борьбы не могло не оказаться гибким, а стало быть и растяжимым понятием. Это понятие содержится в словах «враг народа»

Какой широкий смысл вкладывался в термин «враг народа» якобинской диктатуры мелкой буржуазии, видно из закона 22 февраля II г. (10 июня 1794 г.): «Враги народа—те, которые стремятся уничтожить общественную свободу, силой или хитростью... Те, которые будут помогать планам врагов Франции, способствуя бегству и укрывательству заговорщиков и аристократии, преследуя патриотизм и клеветая на патриотов. Те, которые будут стараться направлять общественное мнение на ложный путь мешать народному просвещению развращать нравы» и т. п. Все враги народа (в цит. законе приведен и ряд других категорий таковых) подлежали смертной казни. Просто подозреваемые лица уже в силу своей политической подозрительности подлежали, по закону 17 сентября 1793 г. заключению в тюрьму. Всеми подобными постановлениями оформлялся тот режим террора (см.), который революционная мелкая буржуазия была вынуждена применять по отношению к своим политическим врагам. Но это понятие П. п. существует лишь, пока длится сама буржуазная революция. В XIX в. в монархических странах (Германия, Австрия) законодательство о П. п. строится опять-таки путем использования старого понятия *crimen majestatis*, но уточняет его, устраняя его расплывчатость и расчленяя на отдельные виды.

Монархическим *Code Pénal* Наполеона пользуется для борьбы со всеми преступлениями, в том числе и П. п., еще и современная Французская республика.

Современные германские теоретики и законодательство довоенной Германии различают прежде всего 1) «посягательства на правовую организацию государства», как формулирует Лист, т.-е. П. п. в области внутригосударственной жизни, которые обозначаются термином *Hochverrat* (измена верховной власти); 2) т.-и. *Landesverrat* (измена стране), т.-е. П. п. в области внешнеполитической (см. Измена); кроме того, особо предусматриваются: 3) оскорбление императора или монарха одного из союзных германских государств; 4) враждебные действия отдельных граждан против дружественных держав и 5) посягательства, затрагивающие осуществление политических прав, например, покушение незаконно разогнать парламент.

воспрепятствовать кому-либо из членов парламента осуществлять свои полномочия, посягательства на свободу парламентских выборов. Особенная часть действующего и по сие время германского У. К. 1871 г. начинается ст. 80, карающей смертью за посягательство на убийство кайзера или другого германского монарха (в послереволюционных изданиях этого У. К. статья сопровождается «маленькой» и несколько наивной оговоркой: «ст. 80 в силу республиканского образа правления стала (пока? А. Э.) беспредметной»). Следующая ст. 81 угрожает пожизненной каторгой или пожизненным заключением в крепости, в частности, за всякое посягательство насильственно изменить конституцию Германии или какого-либо из составляющих ее союзных государств. До издания закона об охране республики от 21 июля 1922 г., о котором см. ниже, эта статья и применялась для расправы с коммунистами, причем, конечно, их приговаривали к каторге (заключение в крепость, как «почетное» наказание, резервируется германскими судами для фашистов, если, в виде исключения, дело о П. п. или общеуголовном преступлении, совершенном фашистами, попадает в суд и кончается обвинительным приговором, а не прекращается «доброй» — фашистам—германской юстицией).

Рассмотренные постановления о П. п. германского У. К. 1871 г. в сущности ничем принципиально не отличаются от соответствующих постановлений царского уголовного уложения 1903 г. «причесанных» уже на «европейский» лад, особенно если сравнивать их с действовавшими до 1904 г. статьями о П. п. уложения о наказаниях, согласно которым один лишь умысел посягнуть на царя уже должен был караться смертной казнью. Уголовное уложение 1903 г. содержало три главы о П. п.: 1) гл. 3—«о бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома»; 2) гл. 4—«о государственной измене», и 3) гл. 5—«о смуте». Основными в этих главах для судебной практики применявшихся их царских судов были статьи 99, 100, 102, 126, 129, 132. Ст. 99 карала смертной казнью за всякое посягательство на жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность импера-

тера, императрицы или наследника, или на низвержение царствующего императора с трона, или на лишение его верховной власти, или на ограничение прав оной. Ту же меру назначала ст. 100 виновному «в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных законами основными образа правления или порядка наследия престола или на отторжение от России какой-либо ее части». Ст. ст. 102 и 126 предусматривали участие в революционных организациях; при этом «участие в сообществе составившемся для учинения тяжкого преступления», предусмотренного ст. 99, влекло бессрочную каторгу, а участие в сообществе для учинения преступления, предусмотренного ст. 100, — каторгу на срок до 8 лет, или каторгу на срок до 15 лет, если сообщество имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия (ст. 102); случаи, не подходящие под ст. 102, должны были квалифицироваться по чуть более мягкой ст. 126, согласно которой подлежал каторге на срок до 3 лет или ссылке на поселение «виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности испровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов». Ст. 129 имела в виду революционную агитацию, и назначала за таковую ссылку на поселение или заключение в исправдоме на срок до 6 лет; в феврале 1906 г. к ней был добавлен особый пункт, назначавший тюремное заключение за «возбуждение вражды между отдельными частями или классами населения между сословиями или между хозяевами и рабочими». Ст. 132 предусматривала П. п. посредством печати.

Изданные в разных государствах в конце XIX или в первые годы XX в.в. законы о наказании за П. п. кажутся несколько более мягкими, чем первый У. К. после революционной Франции — наполеоновский Code Pénal 1810 г., в котором перепуганная революцией крупная буржуазия угрожала смертной казнью не только за всякую военную измену или посягательство на жизнь или личность императора, но и за всякую попытку (или хотя бы согла-

шение двух или более лиц) свергнуть или изменить правительство или вызвать, вооружая или побуждая вооружаться одних граждан против других, гражданскую войну. Не следует, однако, слишком принимать всерьез эту большую мягкость постановлений о П. п. более новых кодексов, как например, отсутствие в проекте германского У. К. 1925 г. вообще смертной казни за П. п. Эти постановления рассчитаны вообще на более или менее спокойные, с точки зрения господствующего класса, периоды времени. При политических волнениях, связанных с обострением классовой борьбы, глава государства, как предусмотрено в любой, самой либеральной и «передовой» конституции любого буржуазного государства, в праве распорядиться о «приостановлении конституционных гарантий», т. е. ввести исключительное положение (см.), в частности военное положение, а это обычно связано с передачей дел о П. п. на рассмотрение исключительных судов и с применением к этого рода делам особых, исключительных (например, военных) законов. Но, кроме того, буржуазия при расправе со своими классовыми противниками часто в этих случаях просто оставляет в стороне какие бы то ни было нормы права, прибегая к попыткам, расстрелам без суда, к убийствам из-за угла и т. д. и дублируя работу «органов юстиции» работой разного рода фашистских банд. Таким образом, борьба с П. п. приобретает и здесь характер неограниченного террора в тех случаях, когда, по мнению буржуазии, опасность начинает грозить самому существованию ее власти, а это состояние с 1917 г. считается перманентным.

В царской России в годы первой революции борьба с П. п. велась, главным образом военными судами, которым было дано право рассматривать и карать на основании военно-уголовных законов (в частности на основании предусматривавшей смертную казнь также за многие общеуголовные преступления ст. 279 «Воинского устава о наказаниях») определенные дела или категории дел П. п., о вооруженном сопротивлении властям и т. п. (а при действии г.-н. «военного положения» — все такие дела), в местностях, объявленных на исключительном

положении, т. е. повсюду, где было введено в действие положение об усиленной или чрезвычайной охране или военное положение. В 1905 г. эти положения распространялись почти на всю Россию (под их действием оказалось тогда около 120 миллионов человек). Даже и в местностях, на исключительном положении не объявленных, отдельные дела о П. н. о вооруженном сопротивлении властям и т. п. могли, по соглашению министров внутренних дел и юстиции, быть передаваемы на рассмотрение военных судов. Не довольствуясь этим, царское правительство 19 августа 1906 г. пустило в ход еще и особый тип органов, так сказать «сверхскорострельной юстиции» — военно-полевые суды, которые за полгода своего существования, рассмотрев около 1.100 дел, расстреляли 950 человек. Всего за период 1905—1910 гг. в царской России было приговорено, таким образом, к смертной казни, по данным И. Жбанкова, 7.101 человек. Многие сотни лиц были, кроме того, расстреляны без всякого суда и притом не только во время «усмирения» разного рода восстаний, например, декабрьского восстания 1905 г. в Москве; по данным того же Жбанкова, количество расстрелянных без суда за первые три месяца 1906 г. было 079 человек.

Буржуазные правительства Западной Европы в аналогичной обстановке ничуть не уступали царскому правительству. При разгроме Парижской Коммуны Тьером и Мак-Магоном в 1871 г. было расстреляно без всякого суда от 20 до 30 тысяч человек, мужчин, женщин и детей (сам Мак-Магон говорил о 15.000 расстрелянных) после чего начали свою работу военные суды, приговорившие 270 человек к смертной казни, и несколько тысяч человек — к каторге и ссылке, фактически в данном случае означавшим ту же, только менее смертную казнь. Германская буржуазия (как и финляндская, венгерская, польская, латвийская, эстонская и т. п. — в последних трех демократических республиках к делам о П. н. когда эти дела решаются в «нормальном» порядке до сих пор применяются соответствующие статьи царского уголовного уложения) в борьбе с пролетарской революцией также использовала и «исключительные положения», и исключительные суды, и

особые исключительные законы, не отказываясь конечно и от массовых расстрелов без суда, как без суда были убиты меньшевистским правительством пролетарские вожди Карл Либкнехт и Роза Люксембург. В современной Германии таким исключительным законом о борьбе с П. н. является закон об охране республики от 21 июля 1922 г., новым для издания которого послужила угроза республике со стороны правых, фашистских и монархических организаций (дело Калпа, убийство Ратенау и т. д.), в который на практике применяется исключительно для борьбы с коммунистами. Ст. 1 этого закона гласит: «Тот кто принимает участие в организации или заговоре, в цели которых входит устранение путем убийства, членов республиканского правительства Германии или отдельной входящей в ее состав страны, карается каторгой не ниже 5 лет или пожизненной каторгой. Если при преследовании этих целей будет учинено убийство или покушение на него, то всякий, кто принимал во время учинения такого участия в организации или заговоре и был осужден по ее (его) целям, карается смертью или пожизненной каторгой». Каторгой же и лишь при смягчающих обстоятельствах тюремным заключением карается согласно ст. 5 всякий не доноситель о такой организации или заговоре. Тюремным заключением на срок до 5 лет, а в особо тяжелых случаях каторгой, карается всякий, кто принимает участие в тайной или враждебной государству организации, преследующей цель подрыва установленной в конституции республиканской формы государства, или поддерживает такую организацию или ее членов (ст. 7).

Новейшим исключительным законом о борьбе с П. н. является итальянский фашистский (см. Фашизм) закон об охране государства от 5 ноября 1926 г., одобренный парламентом 9 ноября. Этот закон, изданный после покушения на Муссолини, установил смертную казнь не только за всякое покушение на жизнь, неприкосновенность или свободу короля, но и за такие же действия против главы правительства. Всякое подстрекательство к гражданской войне, всякое покушение на безопас-

ность государства, не говоря уже о восстании, также караются смертью. Простое соглашение двух или более лиц об исполнении одного из этих преступлений влечет заключение на срок от 5 до 15 лет соответствующая агитация или восхваление таковых—от 15 до 20 лет, руководители же соответствующих организаций подлежат заключению на срок от 15 до 20 лет. Всякий, кто, хотя бы в другой форме или под другим именем, будет воссоставлять распущенные политические союзы или партии, карается заключением на срок от 3 до 5 лет и пожизненным лишением права на занятие государственных должностей. Граждане государства распространяющие или поддерживающие за пределами государственной территории ложные, преувеличенные или тенденциозные сведения о событиях в государстве, которые могут умалить кредит или престиж государства за границей, а также лица, ведущие какую-либо деятельность, могущую повредить национальным интересам, подлежат заключению на срок от 5 до 15 лет с указанным выше лишением прав. Суд по этим делам осуществляется в любом чрезвычайном судом, назначаемым военным министром из офицеров национальной (фашистской) милиции. В отношении дел о покушениях, произведенных на Муссолини до издания данного закона, последний получил обратную силу.

Фашистская практика оставила, конечно, далеко позади себя и этот закон. Последнее покушение на Муссолини было предложено для массовых расправ без суда. Для ссылки без суда политических противников, главным образом, представителей пролетарских партий, на отдаленные пустынные острова и т. д. Генеральный секретарь фашистской партии Турати прямо заявил, что судебная процедура не обязательна, и что «народное правосудие» (т. е. линчевание) так же законно, как и приговор суда, при условии, что во всех случаях приговором будет «смерть для изменников». Это и есть последнее слово буржуазного «правосознания» по вопросу о борьбе с П. п. в эпоху загнивания капитализма.

О П. п. в советском уголовном праве см. Контрреволюционные преступления.

А. Эстрин

ПОЛИТПРОСВЕТАРАБОТА среди взрослого населения республики ведется учреждениями и организациями Наркомпроса (Главполитпросвета), культотдела ВЦСПС, ЦУР и Цектрана. Целевая установка П.— пропаганда коммунизма, воспитание рабочих и крестьянских масс «к революционному мировоззрению и революционному действию» (В. И. Ленин), выливаемому в строительство социализма. И по цели, и по своему характеру П. резко отличается как от феодально-помещичьей эпохи, когда пропаганда и агитация велись духовенством, а единственным политико-просветительным центром являлись церкви и монастыри, так и от постановки внешкольного образования за время господства буржуазии, которая, по выражению В. И. Ленина, «обрабатывает массы через церковь, через весь институт частной собственности» И в том, и в другом случае просвещение носило ярко выраженный классовый характер, хотя и изображало себя совершенно «аполитичным». Главнейшие особенности П. следующие.

Прежде всего отражена в ее названии **г е р а з р ы в н а я с в я з ь с п о л и т и к о й**. П. открыто ориентируется на очередные задачи социалистического строительства и борьбу с капитализмом. В. И. Ленин в своих речах на политпросветских съездах резко подчеркивал этот момент: «Самое главное—это вопрос отношения просвещения к нашей политике»; в работе Главполитпросвета «должно быть открыто признано главенство политики коммунистической партии»

Вторая особенность П. — ее **п о л н и м о м а с с о в ы й х а р а к т е р**. В. И. Ленин дал в этом смысле определенные директивы. «По нашему представлению, писал В. И. в 1917 г.,—государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»: «социализм живой есть создание самих народных масс» (собр. соч. XV, 29) «Нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, влилось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами» (XV, 42). П. в основном и направлена «на изучение масс и их запросов, на правильную постановку пропаганды (см.) в массах идей коммунизма, на

организацию инициативы и активности масс в деле их культурного подъема» (Н. К. Крупская—«Основы П.» в I стр. 32). П. должна быть тесно увязана с советами, которые «втягивают массы в разрешение вопросов экономики, политики и культуры и тем повышают интерес трудящихся масс к этим вопросам» (Н. К. Крупская—«Основы П.», стр. 26). Исходя из организационной связи органов соввласти с массой, П. углубляет эту связь, «добивается все большего сплочения рабочих и крестьян а также трудовой и, в особенности, деревенской интеллигенции (учитель, агроном, врач) вокруг советов и укрепления союза рабочих и крестьян» (резолуция III Съезда Советов Союза ССР) Установка П. обязывает ее практически помогать строить социализм. Вся агитация и пропаганда должны быть тесно увязаны с задачами, стоящими перед партией (см.) и советской властью.

Дальнейшая характерная особенность П.—ее марксистский дух, ее «воинствующий материализм» (в философском смысле). П. ставит себе целью сделать научное миросозерцание «непримиримым ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета» (Ленин, собр. соч., XII, 2, 55), достоянием широких масс рабочих и крестьян.

Основные задачи П. и современное ее состояние. I. Одна из самых трудных и ответственных задач П.—это борьба с неграмотностью и малограмотностью. «Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении говорить очень трудно. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо обучить азбуке» (из речи В. И. на II съезде политпросветов) 26 декабря 1919 г. был издан специальный декрет о ликвидации неграмотности среди населения РСФСР, устанавливающий обязательное обучение для каждого неграмотного в возрасте от 8 до 50 лет. Постановление ВЦИК от 14 августа 1923 г., подтвержденное постановлением XI Всероссийского Съезда Советов, установило предельным сроком ликвидации 10-летнюю годовщину Октябрьской революции (7 ноября 1927 г.). Коллегия НКПроса в связи с этим утвердила (7 июля 1924 г.) «Примерный схематический план проведения кампании». Труд-

ностей при проведении этого плана оказалось очень много. В настоящее время (начало 1927 г.) неграмотных по РСФСР насчитывается свыше 10 млн. (всеобщая перепись, проведенная в конце 1926 г., уточнит это число). Всероссийская чрезвычайная комиссия ГПП, которая руководит делом ликвидации неграмотности, переланировала свою работу. Центр работы при этом переносится на борьбу с малограмотностью. За последние два года стабилизировалось число инструктивных ликпунктов, находящихся на государственном бюджете (1.039, в том числе 234 инструктивных школы малограмотных). На местном бюджете в 1924/25 г. состояло 32.898 ликпунктов и 2.474 школы малограмотных (из этого числа 1.208 ликпунктов и школ малограмотных приходилось на нацмен). В 1925/1926 г. сеть состояла из 31.144 ликпунктов и 3.127 школ малограмотных. В 1926/1927 г. предполагается развернуть 26.060 ликпунктов и 3.330 школ малограмотных. С каждым годом все больше развертывается система охвата неграмотных индивидуально-групповым обучением (в 1926/27—25%).

II Вторая задача П.—сделать книгу и газету достоянием широких масс рабочих и крестьян. И в отношении библиотечного дела политпросвет выполняет прямые указания В. И. «Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогали бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию». Декретом 4 ноября 1920 г. было положено начало «единой планомерной организации» «Все библиотеки, как состоящие в ведении НКПроса, так и библиотеки всех других ведомств, учреждений и общественных организаций,—говорится в п. I декрета,—объявляются общедоступными, связываются в единую библиотечную сеть РСФСР и передаются в ведение НКПроса (Главполитпросвета)». Паряду с развитием и укреплением сети, работа с книгой разрешает следующие задачи: 1) отбор и создание нужной книги для рабочих и крестьян на основе изучения читательских интересов; 2) выработка умения пользоваться книгой, как орудием труда и жизни; 3) продвижение кни-

ги в массы, правильное ее распределение
4) создание вокруг библиотеки живой общест-венности, читательских организа-ций и объединений.

Рост деревенской библиотечной сети ви-ден из такого сопоставления:

Стан. библиот. Передвижек

1923 г. (на 1/XII) . . .	2.326	4.147
1925 „ „ 1/III) . . .	6.414	13.726
1926 „ „ июль . . .	—	25.579

Рост несомненный, особенно в отноше-нии передвижек. Все же он отстает от темпа, намеченного постановлением ЦК (в сентябре 1925 г.) об укреплении и расши-рении существующей сети. Точно так же состояние книжного инвентаря остается тяжелым. Если считать, что в сельских местностях РСФСР имеется 51 млн. чел. (данные ЦСУ на 1 января 1925 г.), то на это число приходится 5½ млн. книг; следовательно, одна книжка на 10 человек. На городское население прихо-дится значительно больше — 36.148.507 книг (по данным ЦСУ) Городского насе-ления на 1 января 1926 г. по РСФСР 13 млн.; следовательно, на одного чело-века—около 3 книг. Стационарных город-ских библиотек в РСФСР, по данным ЦСУ («Пар. Обр. в СССР»), на 1 января 1925 г. числилось 3.724 (всех типов). На 1 дека-бря 1925 г. число городских библиотек поднялось до 4.215. Городские передвиж-ки дают меньший рост, чем деревенские. Число их поднялось с 3.341 (в 1923 г.) до 4.343 к концу 1926 г.

III Следующая задача II—удовлетво-рить более сложные образовательные за-просы рабочих и крестьян. На эти запро-сы отвечает школьно-курсовая система ислитпросветучреждений:

1) Крестьянские курсы для взрослых и одногодичные ра-бочие курсы, ставящие себе задачей общеобразовательную подготовку первые—крестьянского, вторые—рабочего актива. По имеющимся в Главполитпросвете све-дениям, по 20 губерниям открыто 75 кре-стьянских курсов и 80 одногодичных ра-бочих курсов.

2) Школы взрослых повы-шенного типа (срок обучения 3 года) ставят себе более сложную задачу—дать рабочему, не отрывая его от производства,

общее естественно-научное, математиче-ское и общественно-политическое образова-ние, увязанное с современностью и прово-димое на основе марксизма и ленинизма. В настоящее время (1926/27 учебный год) насчитывается 280 школ повышенного типа. За последние два-три года есте-ственный рост этой сети выражается в открытии 8—10 школ ежегодно

3) Вечерние рабочие универ-ситеты «имеют своими задачами: а) углу-бление коммунистического мировоззрени-я слушателей на основе их общекуль-турного уровня; б) выработку у слуша-телей навыков к самостоятельному при-обретению знаний; в) содействие повыше-нию производственной квалификации слу-шателей (рабочих) путем научно-теорети-ческого освещения важнейших сторон про-изводства фабрично-заводских предприя-тий данного района; г) помощь слушате-лям в деле получения большей подготов-ки к общественной работе» (из положения, утвержденного коллегией НКП 17 августа 1926 г.) Развертывание сети вечерних университетов идет довольно энергично. На 1926/27 г. имеется 9 рабочих универ-ситетов в Москве и 10 по РСФСР (в это число не входят партийные рабочие уни-верситеты и Московский проф. универси-тет им. Октябрьской революции, имевший целью готовить квалифицированных проф-работников). Контингент, охватываемый раб. университетами, — около 5.000 чел. (200—250 на университет)

4) На ряду со школами взрослых повы-шенного типа и раб. универс. действуют советско-партийные школы и комвузы, осуществляющие планомер-ную организацию теоретической подготов-ки рабочих и крестьян к советской и пар-тийной работе (так формулировалась за-дача циркуляром ЦК и Наркомпроса, изд. в 1920 г.). В 1925/26 г. работали 93 сов-партшколы I ст. и 41 школа II ст. АПО ЦК ВКП(б) и ГПИ было принято решение реорганизовать сеть с тем, чтобы в течение 2 лет создать однотипную совпартшколу с 2-летним сроком обуче-ния. В 1926/27 г. числится 41 совпарт-школа I ст. и 56 шк. II ст. и 10 комвузов (ком. унив. им. Свердлова перешел в бюджет ЦК СССР). Число национальных отд. при совпартшколах в 1925/26 г. рав-нялось 27.

IV Четвертая, большая, особенно трудная задача II.—создание единого политико-просветительного центра в деревне. Таким общепризнанным центром является изба-читальня, (название несколько устаревшее, хотя и держится твердо; оно не соответствует ни объему, ни содержанию работы). Изба-читальня направляется в своей работе волостным политико-просветительным комитетом, состоящим из представителей партии и комсомольской ячейки, библиотекаря, ликв. неграмотн., завед. культсекц. вика. ком. взаимопомощи, женотделов, агронома, врача предст. кооперации, профсоюзов. Задачи, разрешаемые избой-читальней в настоящее время, могут быть сформулированы таким образом: а) поднятие культурного уровня крестьянского населения (борьба неграмотностью и малограмотностью); б) помощь в деле поднятия крестьянского хозяйства (агропропаганда и кооперативная пропаганда); в) содействие политической активности крестьянского населения (оживление советов); г) помощь в развитии общественности (активное участие в комитете взаимопомощи, содействие внесению гласности в жизнь деревни, вовлечение в общественную работу крестьян); д) помощь в деле оздоровления и рационализации быта. Общее количество бюджетных изб-читален по РСФСР на 1926/27 г.—8.928, включая в это число 2.215 изб-читален автономных республик. В среднем на волость это даст 2,1 изб-читальню. Каждая изба-читальня обслуживает приблизительно 18 селений. Вся сеть охватывает не более 35%—40% населения, из которых 2/3 приходится на молодежь.

Наркомпрос на 1927/28 г. устанавливает бюджет избы-читальни в 1.500 рублей.

V. Пятая задача II.—установка работы рабочих клубов, как центров коммунистического воспитания масс. Работа эта сводится: а) к производственной пропаганде, б) поднятию общего культурного уровня пролетарских масс, в) организации культурного отдыха, г) укреплению связи и союза между трудящимися города и деревни (шефство), д) к выработке и пропаганде основ нового быта. Общее число городских клубов по РСФСР на 1 января 1925 г. (по данным ЦСУ)—3.270, на 1 декабря 1925 г.—2.954. Таким образом, на-

лицо сокращение клубной сети (укрупнение). К 1 января 1925 г. членов клуба было (по материалам ЦСУ) 779.734 чел.; по сведениям ВЦСПС в 2.444 клубах на 1 января 1925 г. имеется 639.670 членов клуба.

VI Использование художественного творчества в разнообразных его формах в политико-просветительных целях составляет шестую задачу II. Сделано в этом отношении еще очень мало. В огромном большинстве политпросветов до сих пор не имеется специальных аппаратов (и даже просто работников) по типичной художественной политпросветработы. Без всякого почти руководства остаются везды и деревни. Систематическая работа в деревне ведется только ленинградским и нижегородским политпросветами. Тип квалифицированного руководителя по художественному просвещению еще не выработался. Формы управления также неоднородны: в Москве, Н.-Новгороде, Самаре, в Воронеже, Курске—существуют управления зрелищными предприятиями; в Саратове—художественный трест; в Ленинграде—художественный совет и т. д.

Сеть художественных предприятий и учреждений. По РСФСР насчитывается 670 театров, 18 цирков, до 3.000 кинотеатров, около 10.000 клубно-художественных кружков и около 20.000 деревенских художественных кружков. Вся стационарная профессиональная сеть и вся масса профессиональных работников (81.000 чел.) падают на город. В деревне сильно развита самодеятельность; некоторым завоеванием для деревни является только все растущая сеть кинопередвижек (1.500 передвижек и 39 стационарных установок).

Одной из форм пропаганды является радиовещание (см. Радиоправо) которое в II. приобретает все более серьезное значение. За первые 3 квартала 1925/26 г. произведена 1.521 передача (со станции им. Коминтерна, обслуживающей большую часть республики), из них: политических передач (доклады, речи на съездах и заседаниях, газеты)—621, научный материал (беседы, лекции, доклады)—451; музыкально-художественный материал (концерты из студии, трансляция опер) и др.—449.

Общее количество громкоговорителей с марта по август 1926 г. выросло (по СССР) с 66 до 1.341, в том числе в городе с 49 до 892. Для городского радиослушателя это означает рост аудитории, примерно, до 178.000 человек. Количество радиоприемников с октября 1925 г. по август 1926 г. выросло с 11.000 до 80.000 (индивидуальных с 10.000 до 75.000 коллект.—с 58% до 4.702).

Организация П. в первые годы революции велась внешкольным отделом Наркомпроса. В ноябре 1920 г. был издан декрет СНК, которым устанавливалось что «для объединения всей политико-просветительной, агитационно-пропагандистской работы республики и сосредоточения ее на обслуживании политического и экономического строительства страны при НКПресе учреждается главный политико-просветительный комитет республики (Главполитпросвет)» (п. 1). «В соответствии с этой задачей,—говорится в 2 декрета,—ГПП в первую очередь организовано объединяет П. НКПреса, ПУР, ВЦИК. Главполитнута, ВЦСПС и ЦК РКСМ». «Все прочие учреждения, ведущие постоянную или временную П.,—прибавляет п. 3,—ведут ее под руководством и фактическим контролем ГПП»

За последующие годы СНК издал ряд декретов в направлении выделения от ГПП и его органов П. в ряде отраслей: а) П. в Красной армии и флоте возвращена ПУР постановлением СНК от 27 июля 1922 г.; б) работа на транспорте выделена и передана Цектрану; это оформлено специальным согласованием НКПреса, НКПС и Цектрана (постановление коллегии НКПреса 11 мая 1922 г.); в) ВЦСПС сохранил за собой самостоятельный аппарат (культотдел в центре и на местах), имеющих те же функции и П. Необходимо отметить что при всех произведенных организационных изменениях за ГПП сохранено идейное руководство всеми отраслями П. (постановление СНК от 27 июля 1922 г.). Резолюция X съезда, подчеркивая этот момент, вместе с тем устанавливает другую организационную особенность политпросветорганов выделяющую их в системе других государственных органов: политпросветы по существу своей работы являются прямым аппара-

том партии. Коллегия НКПреса, утверждая резолюцию III съезда политпросветов, постановила (18 января 1923 г.): «Губполитпросвет, входя в состав губ. отд. нар. образования и подчиняясь последнему в административно-организационном отношении, в идейном отношении подчиняется непосредственно губкому РКП, от которого и получает директивы» На местах ГПП подчиняются губполитпросветы, объединяющие П. и культурную работу в губернии через губполитпросвет. комитеты (состоящие из представителей всех губ. учреждений и организаций, ведущих просветительную работу среди взрослых). Губполитпросветы руководят работой уездных и окружных политпросветов, которым в свою очередь подчиняются волостные и районные политпросветы.

Ф. Павлов

ПОЛИЦИЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ. Развитие и усложнение международных связей экономического и социально-культурного характера в XIX в. повело к заключению ряда многосторонних международных конвенций и к образованию многих союзов технического характера. Видное место среди этих соглашений занимают те, которые устанавливают обязательства согласованных международных мероприятий полицейского характера. Последние имеют в виду пресечение, в международном масштабе, определенных деяний, признаваемых уголовно-наказуемыми всеми участвующими в соответствующих соглашениях государствами а также предупреждение каких-либо бедствий, одинаково угрожающих всем странам (напр., эпидемий). Вследствие этого, в основном, мероприятия, относящиеся к области П. м., можно разделить на две категории: 1) мероприятия санитарного контроля; 2) мероприятия по борьбе со всякого рода преступлениями и злоупотреблениями (работоторговлей, торговлей женщинами, злоупотреблениями опиумом и спиртными напитками и т. д.)

1 Первая международная санитарная конференция состоялась в Париже еще в 1851 г.: она привела к конвенции 27 мая 1853 г. которая, однако, была ратифицирована лишь немногими из подписавших ее государств и не вошла в силу. За парижской конференцией последовал ряд других,

из которых наибольшее внимание заслуживает константинопольская конференция 1866 г. установившая ряд норм, регулирующих международный санитарный контроль на Востоке.

Венецианская конвенция 30 янв. 1892 г. (подписанная Австро-Венгрией, Бельгией, Великобританией, Германией, Голландией, Грецией, Данией, Италией, Норвегией, Португалией, Россией, Францией и Швейцарией) предусматривала совместное осуществление мероприятий по борьбе с эпидемическими заболеваниями в Египте и на судах, проходящих через Суэцкий канал: подозрительные суда подлежат дезинфекции, а зараженные—задержанию. Дрезденская конвенция 15 апреля 1893 г. (участниками которой явились Австро-Венгрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Голландия, Италия, Черногория, Люксембург, Россия, Румыния, Сербия, Франция и Швейцария) касается мероприятий по борьбе с холерой в самой Европе (обмен информацией, обоюдное задержание заболевших пассажиров, дезинфекция подозрительных и карантин для задержанных судов). Парижская конвенция от 3 апреля 1894 г. и дополнительная парижская декларация от 30 октября 1897 г. детализируют положения венецианской и дрезденской конвенций и устанавливают точные нормы санитарного надзора над мусульманскими паломниками и судами в портах отправления (в Индийском океане и Океании), в Красном море и Персидском заливе. 19 марта 1897 г. Австро-Венгрией, Бельгией, Великобританией, Германией, Голландией, Грецией, Испанией, Италией, Люксембургом, Персией, Португалией, Россией, Румынией, Францией и Черногорией подписана специальная международная конвенция «относительно мер предупреждения занесения чумы и ее дальнейшего распространения». Все перечисленные конвенции, касающиеся санитарной полиции, пересмотрены и заменены объединяющей все их важнейшие постановления парижской конвенцией 3 декабря 1903 г. касательно мер борьбы против холеры, чумы и желтой лихорадки: конвенция подписана Австро-Венгрией, Бельгией, Бразилией, Великобританией, Германией, Голландией, Испанией, Италией, Люксембургом, Персией, Португалией, Россией, Румынией, Соединенными Штатами Америки, Францией и

Швейцарией. Предыдущие конвенции относительно санитарной полиции остаются в силе для тех государств, которые не присоединились к парижской конвенции. Указанная конвенция несколько пересмотрена в 1912 г., результатом чего явилась конвенция 17 января 1912 г. СССР присоединился к этой конвенции в 1925 г.

2. Еще в декларации Венского конгресса от 8 февраля 1815 г., принятой по настоянию Англии, торговля рабами объявлена нарушающей принципы человечности и общей морали (об экономических причинах, определивших позицию Англии, см. Рабство). Однако практические мероприятия по борьбе с работорговлей были включены впервые лишь в договор 1841 г., подписанный Австрией, Великобританией, Пруссией, Россией и Францией. В ст. 9 генерального акта Берлинской конференции о Конго 1885 г. также включено обязательство договаривающихся сторон о подавлении работорговли. Наконец, генеральный акт Брюссельской конференции (2 июля 1890 г.) учредил союз для подавления работорговли.

Постоянными органами союза являлись международное морское бюро в Занзибаре и особое бюро (*Bureau spécial*) в Брюсселе при бельгийском министерстве иностранных дел. После войны генеральные акты конференции о Конго и Брюссельской конференции не действуют более в прежнем виде, т. к. из числа их участников, в силу мирных договоров, вышли Германия, Австрия и Турция. Сделана попытка заменить эти акты конвенцией, подписанной 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермене без участия указанных государств, а также России: обязательство о подавлении рабства и морской и сухопутной работорговли оставалось в силе; однако указанные выше, соответствующие органы П. м., учрежденные актом 1890 г. были упразднены; впрочем, эта конвенция не вошла в силу вследствие того, что она не ратифицирована Соединенными Штатами.

Соглашение о борьбе с торговлей «белыми рабами» (торговлей женщинами) было подписано 18 мая 1904 г. в Париже: следующая конвенция по тому же вопросу подписана в Париже 4 мая 1910 г. Австро-Венгрией, Бельгией, Великобританией, Германией, Голландией, Данией, Испанией, Италией, Норвегией, Португалией,

россией, Францией и Швейцарией. Участвующие в конвенции державы обязуются подвергать наказанию за торговлю женщинами и за преступления такого рода устанавливать выдачу преступников. Конвенция оставлена в силе мирными договорами, заключенными после мировой войны, а Вейский мирный договор обязал присоединиться к ней также и Болгарию.

Парижская конвенция от 4 мая 1910 г. пресечении обращения порнографических изданий (в которой участвуют все государства Европы, исключая Швеции, а также Соединенные Штаты и Бразилия) также осталась в силе и после войны. Конвенция обязует договаривающиеся стороны к созданию особых учреждений по собиранию и обоюдному обмену информацией, могущей способствовать международной борьбе с порнографией.

Попытки распространения II. м. на область торговли опиумом и др. вредными наркотиками, а также спиртными напитками до настоящего времени не дали практических результатов, главным образом вследствие заинтересованности коммерсантов различных стран, участвовавших в соответствующих конвенциях, в сбыте и перепродаже указанных товаров. Особенно это относится к торговле опиумом. Гаагская конвенция о борьбе с торговлей опиумом от 23 января 1912 г. была подписана большим количеством государств; однако она не получила ратификации и не вошла в силу. Следующая конференция об опиуме состоялась в Гааге в 1914 г. и разработанный в результате ее специальный протокол был открыт для подписей правительств с тем, чтобы по присоединении определенного числа государств конвенция 23 января 1912 г. вступила в силу. Согласно мирным договорам, заключенным в результате мировой войны (Версальскому сен-жерменскому, нейскому и трианонскому), конвенция должна быть ратифицирована всеми государствами, участвующими в заключении указанных договоров и эти государства обязуются к изданию соответствующих законов для введения конвенции в силу. Формально к конвенции примкнуло большое число государств, однако в действительности не было предпринято никаких практических мероприятий для проведения этой конвенции в жизнь. Созванная Лигой Наций

осенью 1924 г. конференция по вопросу о мерах борьбы с производством и торговлей опиумом не дала никаких результатов, так как на ней отчетливо обнаружилось отмеченное нами выше стремление отдельных капиталистических государств к обеспечению для своих подданных коммерческой прибыли от продажи опиума; по этой причине СССР отказался участвовать в указанной конференции. Что касается применения мероприятий II. м. в области торговли спиртными напитками, то единственным достижением в этой области явилась гаагская конвенция 16 ноября 1857 г. между Бельгией, Великобританией, Германией, Голландией, Данией и Францией о мерах к прекращению торговли водкой в открытом море, среди моряков Северного моря. Конвенция специально направлена против т. н. пловучих кабаков, запрещает продажу и покупку в открытом море лицам, или лицам, принадлежащими к экипажу рыбачьих судов, спиртных напитков и предоставляет право соответствующего надзора рыболовным крейсерам договаривающихся сторон. Постановления брюссельского генерального акта 2 июля 1890 г. в части, относящейся к ограничению торговли спиртными напитками в определенной полосе Африки, фактически не проводились в жизнь. То же относится и к ряду отдельных соглашений, подписанных в течение 1924—1925 г.г. Соединенными Штатами с рядом иностранных государств (первым из этой серии явился англо-американский договор от 23 января 1924 г.) и предусматривающих мероприятия по борьбе с контрабандным ввозом спиртных напитков в пределы Соединенных Штатов, вопреки существующему в этой стране запрету; постановления этих договоров систематически нарушаются.

Наконец, в области II. м. относится также международная охрана рыбных богатств и остального животного мира (см. Рыболовство в межд. праве). Статут Лиги Наций возлагает на последнюю верховное руководство II. м. § 6 ст. 23 статута гласит: «Члены Лиги поручают Лиге общий контроль над соглашениями по поводу торговли женщинами и детьми, торговли опиумом и др. вредными веществами». Постоянными техническими органами Лиги, в ведение которых входят соответствующие вопросы,

являются т.-и. социальная комиссия и комиссия опиума. Санитарная полиция отчасти входит в ведение санитарной организации Лиги Наций (см.); однако, практические мероприятия в области П. м. ничего не выиграли от передачи Лиге Наций функций контроля над некоторыми из них.

После мировой войны делаются попытки распространения П. м. и на политическую сферу. Так, первоначальный французский проект Лиги Наций предусматривал создание постоянной П. м., которая находилась бы в ведении Лиги Наций с тем, чтобы карать всех «нарушителей мира» и обеспечивать проведение в жизнь решений Лиги. Однако этот проект оказался неосуществимым. Точно так же не дали практических результатов попытки проведения в международном масштабе ограничения и контроля над торговлей оружием. Конвенция, заключенная по этому предмету в Сен-Жермене 10 сентября 1919 г., не была ратифицирована и не вошла в силу (см. Конвенции). Конференция, созванная Лигой Наций в 1925 г. на предмет заключения новой конвенции, также не дала никаких практических результатов. Попытки ограничения ввоза оружия в некоторые колониальные и полуколониальные страны Африки и Азии вызывались стремлением соответствующих империалистических держав к ограждению своих интересов перед лицом национально-освободительного движения колониальных народов. Однако непреодолимыми препятствиями к этому явились, с одной стороны, противоречия между различными империалистическими державами, а с другой—интересы частного капитала, оружейных фирм, экспортирующих свои товары во все страны, где они имеют выгодный сбыт. Таким образом эти попытки окончились полной неудачей

Л. Иванов

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — группа социально-опасных деяний в сфере половых отношений, половой жизни человека. Цель советского законодательства в этой области—только оградить свободу личности в сфере половой жизни.

П. п. среди других социально-опасных явлений занимают своеобразное место вследствие интимного характера половой

жизни человека и близкой связи ее с областью морали и еще в большей степени с моральными предрассудками людей. Поэтому грань преступного и не преступного в сфере половых нарушений крайне шатка в разных законодательствах. Прежде борьбу с П. п. мотивировали просто различными религиозными или моральными мотивами. Против этого возражают даже буржуазные писатели. Так, напр., криминалист Чубинский свою точку зрения аргументирует следующими соображениями: «Стоит ли во имя отвлеченного нравственного принципа карать эти единичные случаи, когда.. мы переживаем теперь моральный кризис.. развращенность пустила глубокие корни... в больших городах дошла до невозможных пределов»... Буржуазная криминалистическая мысль вынуждена была признать, что социальные корни половых аномалий—общее разложение буржуазного быта, ряд экономических противоречий и т. п.—сильнее всяких уголовных законов, и тот же Чубинский правильно квалифицирует эту борьбу при помощи уголовной репрессии, как «социальное лицемерие»

Советское законодательство совершенно отвергает этические мотивы криминализации П. п., считая борьбу с этими переживаниями старого быта задачей культурной революции и изживания остатков буржуазных общественных отношений а в основу своей борьбы с П. п. кладет лишь принцип ограждения половой свободы личности и охраны половой сферы и здоровья тех индивидов, которые в силу своего возраста не в состоянии сами сознательно распоряжаться своими половыми отношениями. Поэтому советское законодательство отвергает социальную опасность ряда таких деяний, которые до сих пор криминализируются буржуазным законодательством. Самые П. п. в особенной части новой редакции У. К. помещены в главе о «преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»

Борьба с П. п., как я уже сказал, прежде носила преимущественно религиозную окраску; преследуемые половые нарушения носили характер религиозных преступлений, выступлений против божества, вернее, церкви. Брак признавался священным; поэтому, напр., одним из тяжелых нарушений

было вступление в брак с лицами, с которыми брак не разрешался. Очень видное место занимало кровосмешение, половая связь в близких степенях родства, которое «оскорбляет духов и навлекает бедствие на страну» (ср. Пост и др.).

Теория уголовного права различает в П. н. любодеяние (*stuprum*) и любострастие (*attentat à la pudeur*). Под первым понимается естественное половое сношение, под вторым — удовлетворение половой страсти в извращенных формах или иные действия в области половых отношений. Как правило, любострастие в отношении взрослых лиц не карается, как половое преступление, а рассматривается, как оскорбление действием.

Ряд буржуазных законодательств преследует не только насильственное любодеяние, но и добровольное. Обосновывается это или религиозными мотивами, или «нравственными потребностями общежития», или «защитой прав третьих лиц» (т. е. «законного супруга») на «нераздельность брачного ложа».

Каноническое право считало всякое внебрачное половое сношение, как подлежащее каре нарушение святости брака. Уже буржуазная революция отвергла наказуемость добровольного любодеяния. Однако и до сего времени некоторые буржуазные законодательства, напр., Финляндии и Швейцарии, считают наказуемым деянием конкубинат, т. е. внебрачную половую связь.

Гораздо более жизненной, в стремлении охранить устой буржуазного брака, оказалась криминализация т. н. прелюбодеяния, т. е. «нарушение супружеской верности», вернее остатков права мужа на законную жену, как рабыню. До сих пор прелюбодеяние квалифицируется, как преступление, уголовными законами Франции, Бельгии, Италии, Англии, Германии и др. Некоторые законодательства прелюбодеяние, совершенное мужем, карают мягче, нежели такое же деяние, совершенное женой. Особенно характерны постановления французского *Code Pénal*. По этим постановлениям, жена ответственна за всякое прелюбодеяние; муж — лишь за прелюбодеяние совершенное с женщиной, живущей или поселенной в его квартире. Жена подвергается личному наказанию, муж — только денежному. Экономическое неравноправие

женщины, ее подчиненная роль в буржуазной семье вылились в форму уголовного закона, недалеко ушедшего от постановлений древне-германского права, вообще каравшего прелюбодеяние лишь жены. Предметом посягательства считается «право оскорбленного супруга на нераздельное ложе с виновным супругом». Дореволюционное наше законодательство карало виновного супруга заключением в монастырь или тюрьму.

Кровосмешение, т. е. половое сношение с близкими родственниками, является наказуемым в законодательствах Германии, скандинавских государствах, Англии и др. Наказуемость кровосмешения во Франции была отвергнута законодательством революции 1789 г., и по закону 1863 г. кровосмешение является квалифицирующим обстоятельством лишь при насильственном любодеянии (то же в Бельгии и Голландии). Как основание наказуемости кровосмешения в настоящее время приводится борьба с дегенеративным потомством, которое, по утверждению некоторых авторов, получается от половой связи в близком кровном родстве. По последним мотивам, напр., кровосмешение признается социально-опасным деянием и законодательством Грузинской ССР.

Ряд законодательств до недавнего сравнительно времени пытался применять репрессии и к проституции (см.). Дания, напр., до сего времени карает проституцию телесными наказаниями, до сих пор наказуема проституция и в других скандинавских государствах, а также в Англии. Однако слишком явная связь этого явления с социальными условиями заставила У К ряда буржуазных государств отказаться от криминализации проституции. В ряде государств ведется судебная борьба с т. н. сутенерством, т. е. проживанием па средства проститутки. Французское, английское и бельгийское законодательство приравнивают сутенеров к бродягам и подвергают их довольно суровой репрессии.

Половые аномалии, в собственном значении этого слова (удовлетворение половой страсти в извращенных формах), до недавнего времени карались очень строго в целом ряде государств. Так, напр., скотоложство (половое сношение с животными), которое каралось по каноническим правилам

смертью, за которое «Каролина» (германский законодательный сборник XVII в.) карала сожжением на костре, и до сего времени карается в Германии, Венгрии, скандинавских государствах Законодательство Трансваали карало это преступление (а также мужеложство) даже смертной казнью.

Другие формы удовлетворения половой страсти в извращенных формах (мужеложство, лесбийская любовь или удовлетворение половой страсти женщины с женщиной и т. п.) карались столь же строго. Смертная казнь за мужеложство упоминается еще во Франции в ординасах 1670 г., в Англии отменена всего лишь в 1861 г. в настоящее время мужеложство в Англии карается пожизненным тюремным заключением. В настоящее время мужеложство (добровольное) карается в Германии и Австрии, а также по У. К. Азербайджанской ССР (ст. 167-а).

Несмотря на ряд суровых репрессий против П. п., вплоть до смертной казни в Швеции и Греции за квалифицированное изнасилование (см.) статистика преступности отмечает рост половой преступности (ср. работу Вульфена по данным XIX в.). Так, напр., в России с 1884 г. по 1894 г. половая преступность увеличилась в $8\frac{1}{2}$ раз (данные Тарновского) в Германии с 1862 г. по 1911 г. половая преступность все время обгоняла рост населения. В 1862 г. на 100.000 населения приходилось 13,2 осужденных, а в 1911 г. — уже 29,5 осужденных (аналогичные данные по Италии ср. в исследовании статистика Боско). Увеличились деяния противоестественного разврата, сводничество, сутенерство, половые сношения с злоупотреблением доверием и т. п.

Советское законодательство решительно отменяло все переживания и наслоения отживших и отживающих бытовых предрассудков различных «моральных» (а за их спиной и религиозных) соображений, отказалось от уголовной защиты «святости семейного очага», считая, что целый ряд деяний в области половых отношений может быть изжит созданием нового быта, новых взглядов на семью и половые отношения людей. С поднятием культурного уровня вообще, общим оздоровлением сексуальной жизни и т. д. Поэтому советское

законодательство отказалось от криминализации всех видов добровольного добродетельства, если объект их является взрослым лицом. Конкубинат, прелюбодеяние совершенно неизвестны советскому законодательству. Кровосмешение также не карается хотя в проекте 1922 г. У. К. соответствующая статья предполагалась, но ВЦИК это было отвергнуто. Не криминализируется и удовлетворение половой страсти в извращенных формах, совершаемое взрослыми добровольно.

Ограждение свободы половой жизни взрослого индивидуума и защита не достигших половой зрелости от преждевременной половой жизни или развращения — вот единственные мотивы криминализации половых преступлений советским уголовным законодательством.

Отличительной чертой советского законодательства в рассматриваемой области является также то, что объектом деяния У. К. считает не только женщину, но и мужчину (на той же точке зрения стоят лишь итальянский и норвежский У. К.). Затем под половым сношением У. К. понимает случай и естественного и противоестественного полового сношения. Затем, от насильственного полового сношения охраняется всякое лицо, следовательно, наказуемы изнасилование и жены мужем изнасилование (см.) проститутки и т. п. У. К. защищает свободу полового чувства каждой личности не признавая никаких «прав» ни у «законных» или «незаконных» супругов, ни у покурателей женского тела (как это аргументировали в свое время такие крупные криминалисты, как Ансельм Фейербах, Неклюдов, а сейчас почти примыкает в этой точке зрения Ждановичев) У. К. считает каждого взрослого и дееспособного индивидуума имеющим право на свободное самоопределение своих половых отношений и защищает это право.

В интересах защиты не достигших половой зрелости от преждевременного, отрицательно отражающегося на общем физическом и психическом состоянии, полового развития, а также в целях ограждения этих лиц от угрожающего теми же последствиями развращения У. К. считает особенно опасным всякое половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости

и карает таковое лишением свободы до 3 лет (новый У. К., ч. 2, ст. 151) Ст. 152 У. К. редакции 1926 г. предусматривает также развращение малолетних и несовершеннолетних (включает лишение свободы до 5 лет). Квалифицирующим моментом в половом отношении с не достигшими половой зрелости является растление их (т.е. «лишение невинности») или удовлетворение половой страсти в извращенных формах. В этих случаях мера социальной защиты (см.) повышается до 3 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 151 нового У. К.)

В целях ограждения половой свободы личности социально-опасным признается изнасилование, т.е. половое сношение применением физического насилия, угроз запугивания или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица. Мера социальной защиты — лишение свободы до 5 лет, а если объектом изнасилования было лицо, не достигшее половой зрелости или если следствием изнасилования было самоубийство потерпевшего лица, или, наконец, если изнасилование совершено несколькими лицами, то до 8 лет (ст. 153 нового У. К.)

Так как свобода половой жизни личности может быть нарушена не только прямым насилием но и использованием тех или иных трудных условий его существования материальной или иной зависимости и т.п. У. К. устанавливает меры соц. защиты и за такие деяния, которые, не подходя по внешним проявлениям под понятие изнасилования, как насильственного полового сношения все же представляют случаи нарушения половой свободы личности, поставленной в условия невозможности распоряжения по своему усмотрению своей половой жизнью

Поэтому У. К. признает социально-опасным понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой (ст. 154 нового У. К.) Мера социальной защиты — лишение свободы до 5 лет. Субъектом этого деяния может быть начальник потерпевшей, предприниматель, хозяин домашней прислуги, и т.п.

Советское законодательство не ведет борьбы проституцией (см.), как с соци-

ально-опасным явлением. Но оно борется со всеми попытками эксплуатации проституции или вообще материальной необеспеченности, зависимости женщины в чьих-либо своекорыстных, личных интересах. Поэтому У. К. весьма сурово борется с такими социально-опасными деяниями, как, напр., принуждение к занятию проституцией сводничество содержание притонного разврата вербовка женщин для проституции и т.п. (ст. 155 нового У. К.). Мера социальной защиты против этих деяний — лишение свободы до 5 лет с конфискацией всего или части имущества

В. Ундруевич

ПОРАЖЕНИЕ ПРАВ — одна из мер социальной защиты принятых уголовным законодательством советского государства. Впервые понятие П. п. появляется в «Руководящих началах по уголовному праву». Оно сводилось к лишению политических прав (ст. 25, п. «к»), т.е. права принимать активное участие в работе советских, профессиональных, партийных и иных общественных организаций. В этой формулировке с расчленением этого содержания на поражение избирательных прав в советских и общественных организациях и на поражение права на занятие некоторых общественных должностей. Это понятие перешло в ст. 40 У. К. 1922 года. Развитие экономического оборота, усиление участия в последнем частной инициативы повели к расширению содержания П. п. в ст. 40 июльской редакции 1923 г., которая добавила еще П. п. гражданских, или имущественных предусмотренных ст. 5 Г. К. (т.е. права свободного передвижения и местожительства, права свободного избрания профессии, права приобретения и отчуждения имущества, права вступить в обязательства и т.п.). Эта редакция, вызванная стремлением защитить наш экономический оборот оказалась явно неудовлетворительной уже в виду своей неясности так как фактически сводилась к лишению подвергнувшегося П. п. не только возможности заняться какой-либо производительной деятельностью, но и права передвижения и жительства. Поэтому, при пересмотре ст. 40 У. К. в октябре 1924 г. этот пункт был исключен, при чем Пленум

ВС РСФСР разъясняет, что и лица, подвергшиеся этой мере, со дня отмены ее вообще от нее освобождаются. В новой редакции П. п. сводилось к лишению следующих прав: избирательных прав в советы, профессиональные и другие общественные организации, права занимать ответственные должности, а также быть народным заседателем, защитником на суде, поручителем и опекуном. Все эти права подвергались поражению одновременно, частично. П. п. ст. 40 У. К. в редакции 1924 г. не знала Мысль, вызвавшая в 1923 г. включение в состав П. п. и П. и м у щ е с т в е н н ы х п., теперь гораздо лучше выражена в ст. 38 ч. 2 нового У. К.

«Основные начала уголовного законодательства СССР» устанавливают (ст. 20), что П. п. заключается в лишении избирательных прав в советы, а также права быть членом общественных и профессиональных организаций и права занимать государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание. Лишение права членства в профорганизациях встретило возражения, при пересмотре нашего У. К. на 2 сессии ВЦИК XII созыва, как приводящее на практике к значительному умалению возможности найти работу, и в ст. 31 нового У. К., говорящую о П. п., оно не включено. Согласно нового У. К. П. п. имеет следующее содержание: а) лишение активного и пассивного избирательного права при выборах в советы и съезды советов, б) лишение права занимать ответственные государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание в) лишение права занятия выборных должностей в промышленных или торговых организациях и обществах и г) лишение родительских прав. П. п. может назначаться во всей совокупности перечисленных прав, или же сводиться лишь к поражению одной из категорий последних. Лишение родительских прав может быть назначено судом лишь при установлении злоупотребления этими правами со стороны осужденного.

Это содержание П. п. есть стремление со стороны советского государства выразить лишение общественного доверия, следствием чего является запрещение занятия определенных должностей и выполнения

ряда гражданских и общественных обязанностей, в частности, возможности влиять на замещение выборных должностей. Перечень ст. 31 У. К. не содержит указания, бывшего в прежних редакциях, на воспрещение быть народным заседателем, защитником, опекуном и т. п. Но наличие этого запрещения вытекает из лишения политических прав и права занимать ответственные государственные должности и исполнять общественные обязанности.

Характерными чертами советского института П. п. являются срочность и свобода судебного усмотрения при выборе этой меры реальной защиты в тех случаях, когда она вообще признана допустимой.

Максимальным сроком П. п. является пять лет. Минимальный срок не устанавливается. Практика приблизительно держится минимумом в один год. Течение срока П. п. начинается с момента отбытия той меры социальной защиты с которой было соединено П. п., если эта мера сводилась к лишению свободы.

Суд не стеснен какими-либо обязательными указаниями, которые заставляли бы его назначать П. п. за определенные преступления.

Лишь в одном случае—при дезертирстве лиц командного состава—прежняя редакция У. К. устанавливала обязательное применение П. п. Но союзное законодательство и здесь эту обязательность устранило (ст. 8 Положения о воинских преступлениях). Наше законодательство знает лишь обязательность в известных случаях постановки вопроса о П. п., но не обязательность самого поражения. Согласно ст. 34 У. К. ред. 1926 г., суд обязан ставить на свое обсуждение вопрос о применении П. п. в тех случаях, когда он приговаривает к лишению свободы на срок свыше года; с другой стороны, при назначении более мягкой меры соц. защиты П. п. вообще не допускается (ст. 34 нового У. К.)

У. К. ред. 1926 г. не исключает как это было сделано в У. К. 1922 г., применения П. п. и при условном осуждении (см.).

В то время, как лишение прав но буржуазным законодательствам является дополнительным наказанием, т.е. лишь присоединяется к другому основному

наказанию, согласно советскому У К (см. ст. 23, ч. 2, У. К. 1926 г.). П. и. может быть либо назначаемо в качестве самостоятельной меры соц. защиты, либо сочетается с какой-либо из основных мер соц. защиты (т.-е. с объявлением врагом трудящихся, с лишением свободы или с принуд. работами) в качестве дополнительной меры соц. защиты.

П. п. сопровождается лишением орденов Трудового и Красного Знамени, о чем суд должен войти с представлением в ЦИК или ВЦИК, в зависимости от того, кем был награжден осужденный. Лишение других знаков отличия и почетного звания производится судом, вынесшим приговор (ст. 33 У. К.).

Особыми видами П. п. являются ограничение права местожительства и свободы передвижения, применяемое судом в отношении лиц, которые признаются общественно-опасными по их деятельности в данной местности или районе или по их связи с преступной средой данной местности (ст. ст. 35 и 36 У. К. 1926 г.) (см. Ссылка). Другим особым видом П. п. является воспрещение занятия определенной деятельностью или промыслом. Согласно ст. 38 У. К. ред. 1926 г., последнее применяется, на срок не более 5 лет в случаях, когда суд «признает невозможным, вследствие установленных злоупотреблений осужденного при занятии своей профессией или промыслом, допустить дальнейшее его занятие таковыми». При этом суд, в частности, вправе «воспретить осужденному принимать на себя обязательства по государственным подрядам и поставкам, заключать сделки с государственными и общественными предприятиями и учреждениями руководить от себя или по поручению других лиц торговыми и комиссионным предприятиями» (ст. 38, ч. 2).

Институт реабилитации, в том числе и досрочное восстановление в правах, в нашем Кодексе прямо не предусмотрен (предусмотрено лишь погашение судимости, см.) Но практика ввела этот способ, как само собою разумеющийся, наравне с досрочным освобождением от отбывания меры соц. защиты. По разъяснению пленума Верховного Суда РСФСР от 9/VI—

1924 г. и условно-досрочное освобождение от правопоражения суд может разрешить применительно к правилам ст. 463 У. П. К. (об условно-досрочном освобождении от лишения свободы).

В. Удревич

ПОРТ. Определенные П. называются определенные пункты морского побережья, предназначенные для захода и стоянки судов. Чтобы удовлетворять этой цели, П. должны быть доступны с моря и защищены от волн, ветра и ледохода по своим природным условиям или путем искусственных сооружений.

Соответственно с этим различают П. природные или искусственные, а также незамерзающие и замерзающие.

По своему назначению П. разделяются на военные, торговые, рыбацкие (наяр, Иоканга) на севере СССР и П.-убежища, предназначенные для укрытия судов от непогоды. Наиболее важное значение имеют торговые П.

Торговый П. представляет собой перегрузочную пограничную товаро-пассажирскую станцию, сходную по своим задачам с железнодорожной, но отличную от нее как техническими особенностями морского транспорта, так и своим значением для торговли. Неизбежная выгрузка, погрузка и перегрузка товаров (в значительной степени даже для И., расположенных в устье судоходных рек), требующие несравненно более сложных технических приспособлений и значительных складочных операций: обязательное наличие приспособлений для починки, а обычно и для постройки судов и доминирующая роль морского транспорта в мировой торговле (см. Торговое мореплавание) существенно отличают морские торговые П. от железнодорожных станций и выдвигают их на роль крупнейшего экономического фактора (см. Порто-Франко).

Управление портами П. могут принадлежать государству, городским самоуправлениям и даже частным обществам; первый тип управления П. мы встречаем во Франции; второй—в той или иной форме в Германии, Бельгии и Голландии; третий—в некоторых случаях в Англии, где оборудование П. хотя и предусматривается специальным правительственным актом, однако на практике

владельцы П. пользуются почти полной самостоятельностью.

Формы управления П. весьма разнообразны: управление в пределах П. может быть, напр., разделено территориально или по отдельным функциям; управление может быть строго централизованным и бюрократическим или построенным на принципе автономии и привлечения всех заинтересованных в жизни П. учреждений и организаций. Так, до последнего времени во Франции исключительной формой управления П. являлось разделение его между министерствами Морским (лоцманская служба, морская полиция), общественных работ (портовые работы и оборудование, полиция бассейнов), внутренних дел (санитарная служба, полиция набережных), финансов (взимание сборов, тарифы) и торговли (участие во всех вопросах) без какого-либо привлечения заинтересованных сторон (экспортеров и импортеров) и со строгим подчинением портовых чиновников во всех сколько-нибудь важных вопросах центральным министерствам.

Более совершенную систему представляют способы смешанного государственного-городского управления где в той или большей степени представлены заинтересованные стороны. В Гамбурге город и государство совпадают и в то же время достаточно полно представляют заинтересованные стороны. Иную систему дают английские частновладельческие П., принадлежащие железнодорожным обществам и другим компаниям, например Саут-Хемптон, Кардифф и т. д. управляемые частными директорами.

Специального интереса заслуживают автономные П., первый опыт которых был сделан в Испании (с 1868 г. Барселонская и Бильбаоская гюнта, ныне Лондон, Генуя, Ливерпуль).

Особую форму представляет управление П. международными комиссиями, как, например, управление Сулинским П. подчиненное европейской дунайской комиссии (новая конвенция, подписанная в Париже 23 июля 1921 г. без участия советских республик, сохранила за этой комиссией ее прежние права).

В виду крупного политического и экономического значения П., последние являются объектами военной и мирной борьбы

буржуазных государств. С одной стороны, целью является политический захват П. (напр., борьба за Триест) или мест для устройства таковых (напр., в договорах, заключенных империалистическими державами с Китаем в 1898 г.), с другой стороны, борьба идет за обесценивание других держав путем лишения П. или обеспечения господства в чужих П. (напр., создание независимого от Германии вольного города Данцига и предоставление Польше доступа в данцигский порт по версальскому договору).

Однако несравненно большее значение имеет «мирная» экономическая борьба П. за монопольное господство, достигшая колоссальных размеров и выражающаяся в сравнительном развитии П. Так, за десятилетний период, 1895—1907 г.г., тоннаж судов посетивших Гамбург вырос на 63,7%, Антверпен—на 72,6%, Роттердам—на 78,6%, тогда как Лондон—на 13% и Ливерпуль—на 41%.

Эта сторона борьбы за П., в соответствии с интернациональным характером финансового капитала, находит свое отражение в международном праве, которое все более и более стремится к интернационализации (см.) П., выражающейся в свободе доступа в торговые П. торговых судов всех наций и в обеспечении за ними права пользоваться всеми портовыми устройствами на равных для всех флагов основаниях (см. Национальный режим и Портовые сборы).

Развиваясь первоначально в морской практике, двухсторонних договорах о торговле и мореплавании и международных конвенциях касавшихся отдельных П. это начало нашло свою отчетливую формулировку в статуте об интернациональном режиме П., выработанном на Женевской конференции 15 ноября—9 декабря 1923 г. составленном во исполнение п. 17 ст. 23 Версальского договора (предусматривавшей свободу и равенство торговли всех членом Лиги Наций). Этот статут распространял начала равенства с туземными судами не только на свободу доступа в П., пользование портовыми устройствами, сборы и т. д., но и на таможенный режим и на дальнейшую железнодорожную перевозку. Начало равенства, однако, не распространяется на каботаж (см.) лоцманское дело буксировку; сохранены

также общие ограничения, касающиеся ввоза товаров; кроме того, Англия и Франция выговорили себе право на сохранение некоторых ограничительных мер.

Будучи актом договорным, статут в применении принципа национального режима пошел дальше, чем это установлено недоговорной морской практикой, которая в отношении захода допускает установление разрешительной системы или даже полного закрытия для иностранных судов отдельных, а в исключительных случаях даже всех П. на равных для всех флагов основаниях или для судов отдельных стран в виде репрессии исключение составляет только случай вынужденного захода, в котором не может быть отказа; равным образом, недоговорная практика выставляет национальный режим, только как общий принцип, применяемый в узких пределах пребывания и пользования портовыми устройствами: часто даже договорное право обеспечивает только наибольшее благоприятствование и допускает более многочисленные изъятия.

В военное время действуют особые правила (см. Призы морские).

Порты СССР В СССР, имеющем на 55 тысяч верст морской границы, 30 тысяч верст пригодного морского побережья, где 88% товаров вывозится морем, П. имеют особо важное значение.

Главнейшими П. являются Архангельск (лес) на Белом море; Ленинград в Балтийском море (лес, уголь, хлеб); Одесса, Николаев, Херсон, Новороссийск (хлеб); Пятигорск (марганец); Батум (нефть) в Черном море; Ростов-на-Дону (хлеб) в Азовском море; Астрахань, Баку (нефть) в Каспийском море; Николаевск на Амуре и Владивосток (бобы) в Тихом океане.

Открытыми считаются все П., в которых имеются таможенные учреждения, в тех же П., которые открыты (особым распоряжением) для рыболовных судов. Закон не устанавливает изъятий для иностранных судов, находящихся в порту (кроме взимания портовых сборов, см.)

П. находятся в ведении НКПС (кроме Ленинградского, переданного НКВТ ныне НКТоргу, и каспийских, переданных акционерному обществу каспийского пароходства).

Местными органами являются портовые управления, возглавляемые начальниками

П., которым принадлежит административное, хозяйственное и техническое управление П. (включая приписанные к П. пристанские пункты).

Кроме того, при НКПС находится междуведомственный орган—центральный комитет по портовым делам, объединяющий деятельность по развитию и эксплуатации П. и рассматривающий, а иногда и утверждающий, различные вопросы портовой службы и хозяйства; на местах находятся областные комитеты (при округах путей сообщения) и совещания (при П.) по портовым делам, подчиненные ЦКПД.

Таможенная служба несетя органами НКТорга, морской контроль—ОГПУ, санитарная—Наркомздравом, лоцманская и речная—Народным Комиссариатом по Морским Дела.

В. Егорьев

ПОРТОВЫЕ СБОРЫ. Определенные П. называются сборы, взимаемые в портах с морских торговых судов.

Наименование, виды основания взимания и размеры П. с. в различных странах и даже иногда в различных портах (см. одного и того же государства весьма разнообразны

Классификация. Основные группы на которые могут быть разбиты П. с. следующие: 1) П. с., называемый также корабельным, набережным, тоннажным, попутным, грузовым, якорным, маячным. Он взывается либо в зависимости от груза, либо в зависимости от размеров судна, или как комбинированный сбор, взимаемый по двум этим признакам. Он может быть усложнен введением в основу для его исчисления других признаков, как, напр., увеличение сбора за стоянку судна сверх определенных дней, что имеет целью побудить судно интенсивно производить грузовые операции и освободить место в порту, у причалов и т. д. для других судов (причалный сбор, иногда взимаемый, как самостоятельный сбор, в зависимости от длины судна) 2) Лоцманский сбор, в большинстве случаев носящий характер оплаты действительно оказанных услуг и взимаемый в зависимости от длины пути проводки судна лоцманом 3) Буксирный сбор и являющийся его разновидностью тедокольный, сходный с лоцманским по характеру оплаты реально

оказанных услуг 4) Санитарный сбор, который взыскивается за различные санитарные услуги, оказываемые судну обычно в тех случаях, когда является необходимым принять меры для изоляции судна, груза и пассажиров или дезинфекции. Иногда сверх этого устанавливается обязательный санитарный сбор, взимаемый независимо от оказания санитарных услуг и в таком случае являющийся разновидностью П. с. 5) Местные сборы самого различного наименования и назначения, взыскиваемые в пользу порта или портового города. 6) Сбор за выполнение различных морских формальностей, подачу заявлений, выдачу документов, составление протоколов. 7) Сбор, взыскиваемый за предоставление судну права плавания под флагом данной страны. 8) К П с относятся также плата за различные услуги, оказываемые портом посещающим его судам, как-то: пользование портовыми приспособлениями, снабжение водой и т. д.

В виду разнообразия построения системы взимания портовых сборов в различных странах они не могут быть исчерпывающим образом классифицированы, и вопрос о признании того или иного вида сборов П. с., причисление его к одной из вышеуказанных основных групп зависит от законодательства и морской практики каждой данной страны.

Экономическое значение П. с. являются пошлиной, взимаемой за посещение и право пользования портом, либо за те или иные определенные портовые услуги.

Объектом обложения является морской транспорт, как способ извлечения прибыли; поэтому П. с., за немногим исключением, не взыскиваются с судов, не предназначенных для коммерческих целей (военные суда), а также не взыскиваются даже с торговых судов, не совершающих коммерческих операций (в случаях аварий, укрытия в порту от непогоды) или уменьшаются в зависимости от количества груза.

П. с. являются значительным источником государственных доходов и мощным фактором экономической политики.

Хотя формально сборы уплачиваются судовладельцами (в лице капитана), однако они перекладываются на провозимый на судне груз путем соответственного по-

вышения стоимости фрахта. В результате этого, за исключением случаев ввоза грузов для транзитного следования, они перелгаются на потребителя страны, которой принадлежит порт.

П с служат также одним из средств поддержания и развития национального флота путем установления для туземных судов более льготных условий или пониженных размеров П. с. Однако, в виду того, что современные договоры обычно уравнивают иностранные суда с туземными, открытая дискриминация, т.е. установление неравных и менее благоприятных размеров и условий уплаты портовых сборов для судов, плавающих под иностранным флагом, оказывается невозможной. Поэтому современное право буржуазных государств стремится к установлению формального равенства во взимании П. с., независимо от флага судна. Однако это не препятствует т.н. скрытой дискриминации, выражающейся в том, что различие П с основывается не на флаге, а на таких условиях, которые на практике оказываются невыполнимыми для иностранных судов (напр., установление льгот для судов, которые выходят и потом снова возвращаются в тот же порт). Кроме того, практикуется рефакция П с., т.е. возвращение государством уплаченных сборов.

П. с. в СССР Система П с., существующая в СССР, ведет свое начало от декретов СНК РСФСР 20 мая и 19 октября 1921 г. «Положение о И. с. и плате за услуги, оказываемые в портах СССР», утвержденное ЦИК СССР 19 февраля 1925 г. (ст. 13 изменена постановлением ЦИК СССР от 24 июля 1926 г.) заменило многочисленные и не совсем одинаковые акты отдельных союзных республик. При этом ряд сборов был упразднен (маячный и др.), и общая система упрощена.

Положение различает 1) П с., которыми являются а) корабельный, б) грузовой, в) лоцманский; 2) плату за услуги; 3) кроме того, существует несколько особых сборов (о них см. ниже).

П. с. разрабатываются центральным комитетом по портовым делам при НКПС (ЦКПД) и утверждаются СНК СССР. Кроме собрания законов, они публикуются в «Известиях ЦИК СССР» и сборнике тарифов железнодорожного и водного транспорта.

Корабельный сбор взимается с морских торговых судов при входе и при выходе из порта. Единицей обложения является регистровая тонна чистой вместимости (см. Мерительные свидетельства). Различаются две ставки корабельного сбора: обыкновенная и льготная соотношение между которыми 6:1 (ныне 60 коп. и 10 коп. с тонны: во Владивостоке—обыкновенная ставка—12 коп. с тонны).

Корабельный сбор не взимается: а) с судов, совершающих плавание в малом каботаже; б) с плавающих под флагом СССР судов полной вместимостью менее 20 регистровых тонн; в) с плавающих под флагом СССР рыбо-зверопромысловых судов; г) с судов, заходящих в порты вследствие аварии и в иных случаях, когда заход является вынужденным; д) со служебных, учебных, госпитальных судов, а равно с судов научных экспедиций; е) с судов, заходящих в порт исключительно для снабжения топливом, балластом, водой и провизантом, а равно для карантинных надобностей.

Корабельный сбор взимается один раз в год в том порту СССР, который судно посетит первым в течение года: а) с судов, плавающих в большом каботаже под флагом СССР; б) с судов поддерживающих срочные рейсы между портами СССР и иностранными портами.

Льготная ставка предоставляется: а) по закону—судам под флагом СССР; б) по договорам и особым соглашениям—судам под иностранным флагом в административном порядке. Обыкновенная ставка а) может понижаться до пределов льготной для судов стран, хотя и не имеющих соглашения, предусматривающего понижение П. с., но находящихся с СССР в дипломатических сношениях; б) может повышаться для судов стран, не состоящих в дипломатических сношениях с СССР.

К концу 1926 г. льготную ставку имели суда Австрии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Италии, Канады, Китая, Латвии, Литвы, Норвегии, Персии, Турции, Франции, Швеции, Эстонии и Японии (только во Владивостоке и по Приморскому побережью, приказ НКПС 1926 г. № 8421 с последующими дополнениями).

Грузовой сбор взимается со всех грузов, погружаемых на морские торговые

суда и выгружаемых с них в морских торговых портах.

Оплате грузовым сбором не подлежат: а) грузы, перегружаемые на другие морские суда для дальнейшей перевозки морем; б) грузы, погруженные на морские суда, но не вывезенные из порта или погрузочного пункта и выгруженные обратно на берег; в) пассажирский багаж; г) почтовые грузы; д) топливо, провизант, судовые материалы и принадлежности в количестве, необходимом для надобностей судна, е) грузы, выгруженные по случаю аварии не в порту или погрузочном пункте их назначения, если они вновь погружены для перевозки морем; ж) военноморские грузы; з) грузы, предназначенные для портовых восстановительных работ; и) продукты рыбо-зверобойного промысла, выгружаемые на участках портовой территории, находящихся в непосредственном ведении органов государственной рыбной промышленности; к) материалы, предназначенные для обработки продуктов рыбо-зверобойного промысла (соль, селитра и т. п.) и тара, предназначенная для указанных продуктов.

Грузовой сбор подразделяется на разделы соответственно категориям грузов и исчисляется по весу брутто.

Предпринятый пересмотр ставок грузового сбора не был закончен к концу 1926 г., и этот сбор продолжал взиматься с весовой метрической тонны (1.000 кг. или 61,046 пуда) в зависимости от категории груза: I категория—31,5 коп. с тонны, II—61 коп. III—1 р. 32 к., с весьма многочисленными отступлениями для тех или иных грузов.

Лоцманский сбор взимается со всех морских судов, действительно пользующихся услугами лоцманов. Обложение лоцманским сбором производится по чистой регистровой вместимости судна.

Ставки лоцманского сбора устанавливаются в зависимости от особых условий проводки судна, дальности проводки, осадки и т. п. по каждому порту отдельно.

Для иностранных судов взятие лоцмана в тех районах, где проводка судов лоцманами установлена в силу навигационных или оперативных условий, обязательно. Для судов, плавающих под флагом СССР, взятие лоцмана обязательно лишь в тех

районах, где обязательность проводки судов лоцманами установлена вследствие оперативных условий.

От уплаты лоцманского сбора освобождаются плавающие под флагом СССР суда военные и госпитальные.

Плата за услуги устанавливается в ИКПД и публикуется в сборнике тарифов. Действующие портовые правила предусматривают плату за следующие услуги: за пользование портовыми буксирами, катерами, баржами и шаландами, пловучими доками, кронами, сходнями стелюгами, щитами и т. п. за швартовку и перешвартовку и отшвартовку, за снабжение пресной водой, за вололазные работы, за бланки, патенты и т. п. за пользование амбарамп, навесами площадей и т. п., а также плату за санитарные услуги (условия оплаты последних указаны в ст. ст. 89 и 90 «Временного положения о санитарной охране границ СССР», утвержденного ПИК СССР 29 апреля 1926 г.). За простой у причалов сверх срока, установленного распоряжениями начальников порта, капитаны могут быть подвергнуты штрафу (не свыше 50 рублей).

К числу особых сборов относятся: 1) специальный целевой попутный сбор с грузов, следующих по Волго-Каспийскому каналу, предназначенный на дно-глубительные работы (постановление ЦИК СССР, 13 июня 1924 г.); 2) сбор за проход на пристань во время прихода и отхода пароходов в размере 10 коп., поступающий в распоряжение центрального комитета спасания на водах (постановление СНК СССР 5 февраля 1926 г.); 3) сбор на профессионально-техническое образование на транспорте (постановление ВЦИК от 3 мая 1923 г.), взыскиваемый с судов Совторгфлота.

О принципах устанавливаемых в торговых договорах в отношении П. ф., см. Национальный режим и Наибольшее благоприятствование. Из особых договорных постановлений, касающихся П. ф., надлежит отметить два договора специального характера 16 июня 1925 г. СНК СССР признал имеющей силу для СССР гаагскую конвенцию 21 декабря 1907 г. об освобождении в военное время госпитальных судов от портовых и иных сборов, а 21 июня 1926 г. в Париже представителями Союза была подписана международная

санитарная конвенция, ст. 55 которой предусматривает, что каждое государство должно иметь единый санитарный тариф, подлежащий опубликованию; санитарные таксы должны быть умеренны; тариф должен применяться независимо от флага судна и от гражданства (национальный режим).

В. Егорьев

ПОРТО-ФРАНКО И ВОЛЬНЫЕ ГАВАНИ.

П.-ф. (итальянское «porto franco» значит «свободная гавань») именуется портовая область, которая для облегчения товарооборота выделяется из таможенной черты государства и куда иностранные товары допускаются (равно как и вывозятся) беспошлинно и без выполнения таможенных формальностей.

Возникновение института П.-ф. возникает естественным путем из вольных портовых городов эпохи торгового капитализма (итальянских и французских средиземноморских коммун и германских ганзейских городов). Во время самостоятельного политического существования этих городов они, естественно, были отделены таможенной чертой от остальной территории. После объединения городов-государств в обширные территориальные государства прежние вольные города, теряя политическую самостоятельность, но привыкнув к самостоятельной хозяйственной жизни, сумели отстоять свое выделение из общей таможенной черты. Так возникают П.-ф. во Франции (Марсель при Кольбере), в Германии (6 Ганзейские города — Гамбург, Бремен и Любек). Эти П.-ф. будучи отделены от остальной территории государства таможенной чертой, освобождали собственных граждан от уплаты пошлин совершенно, а для иностранцев сильно понизили таковые.

Кроме этих П.-ф., возникших естественным путем в силу развития вольных городов различаются еще две группы П.-ф., созданные в большей или меньшей степени искусственно.

Первую группу составляют так называемые колониальные П.-ф.

Начало институту этих П.-ф. положили англичане в XIX в., создав в ряде индийских пунктов, Мальте и Гибралтаре, воз-

возможность иностранным судам производить разгрузку товаров беспошлинно и, таким образом, сосредоточить в своих руках центры колониальной торговли.

Вторую группу составляют П.-ф., которые организовались правительствами для привлечения населения к определенным мало-населенным территориям. Этот метод в сильной степени практиковался царским правительством России (Одесса в 1817 г. для заселения Новороссии, Владивосток в 1858 г. для Дальнего Востока, Мурманский берег и т. д.)

Значение и дальнейшая история института. Значение П.-ф. заключается в том, что благодаря установлению этого института допускается свободный, беспошлинный и не сопряженный с отправлением длительных формальностей ввоз иностранных товаров в определенную область. В силу признания определенной местности П.-ф. иностранные купцы имеют возможность не только свободно и беспошлинно снабжать район своими товарами но и могут не подвергаясь формальностям, выгружать товары, предназначенные для других местностей, в целях их хранения, переупаковки и пересортировки. Одновременно возникает и возможность промышленной их переработки на территории П.-ф. Все это имело существенное значение для развития внешней торговли государств при посредстве своих П.-ф. в XVII и XVIII в.в.

Однако в XIX в. в связи с изменившимися условиями (в первую очередь, развитием национальной промышленности в большинстве европейских государств) институт П.-ф. вызывает существенные затруднения при использовании государствами их портов. В П.-ф. процветала торговля иностранными товарами, но торговля порта со своим интерландом была затруднена вследствие наличия таможенной черты. В то же время территория П.-ф., развивая в исключительных условиях свою промышленность, совершенно отчуждалась от экономического развития своей страны. Она работала лишь для экспорта, не снабжая свою страну своими фабрикатами. Противники П.-ф. указывали также на затруднения борьбы с контрабандой (см.) при наличии протяженной таможенной черты. Все эти обстоя-

тельства привели в течение XIX в. к отмене всех европейских П.-ф. (кроме Гибралтара, который, не имея интерланда, является европейской колонией Англии и Мальты). П.-ф. в настоящее время имеются лишь в колониях (Сингапур, Гонгконг, Аден и т. д.).

В царской России последнее П.-ф. (во Владивостоке) было упразднено в 1900 г.

В СССР П.-ф. в подлинном значении термина не существует. Однако беспошлинный и безлицензионный привоз большинства товаров на рыбные промысла Дальнего Востока, установленный в 1924 г. и продленный на 1925 и 1926 г.г., равно как освобождение от пошлин ряда товаров привозимых в Мурманск, в Якутскую область, на Сев. Сахалин, на Камчатку, вследствие особых условий (отдаленности от центра, трудности снабжения и т. д. этих районов) создают для этих областей привилегированное положение имеющее некоторое подобие П.-ф.

Вольные гавани или вольные зоны. С упразднением П.-ф. не соответствовавших новому этапу экономического развития европейских государств, все же не была устранена необходимость создания определенных зон куда иностранные товары могли бы допускаться без выполнения таможенных (см. Таможенная политика) формальностей. Интересы мировой торговли вызвали необходимость создания транзитных пунктов, куда стекались бы товары из отдаленных местностей, и откуда они могли уже распределяться по назначению, подвергнувшись в случае необходимости пересортировке, переупаковке и даже промышленной переработке.

В виду определившихся дефектов П.-ф. эти пункты не могли уже охватывать целые области, подобно прежним П.-ф. Роль прежних П.-ф. стали выполнять специальные зоны, выделяемые в портах, куда иностранные товары могут свободно без оплаты пошлины ввозиться, не подвергаясь таможенным формальностям. Эти зоны, устанавливаемые в части портов, где находятся главнейшие портовые сооружения и где обычно воспрещается проживать частным жителям, называются то вольными гаванями (Freihafen, port franc), то вольными зонами (Freibezirke, Zones franches).

Последний термин правильней, поскольку он более соответствует существу института и в то же время позволяет отличать его от собственного П.-ф.

Впервые вольные зоны были созданы в Гамбурге при включении бывшего П.-ф. в германскую таможенную черту. Затем такие же зоны были созданы в Бремене и ряде других германских городов. До войны вольные зоны, кроме Германии, существовали еще в Австрии (Триест) и в Дании (Копенгаген в 1894 г.) В Англии вольных зон в собственном смысле слова не существовало, но они заменялись здесь институтом специальных вольных складов (Warehouses).

Во время войны нейтральные государства, а после нее и участники войны, и нообразовавшиеся государства, пошли по пути увеличения числа вольных зон, стремясь всеми мерами к развитию своей торговли, хотя бы и транзитной (см. Транзит). Германия не только не упраздняет вольных зон там, где они были до войны (что она обязалась по версальскому договору ст.ст. 328—330), но и создает новые (Кенигсберг—1918 г., Киль—1922 г.).

Швеция (Стокгольм), Испания (Кадикс, Барселона и Бильбао), Эстония (Ревель), Латвия (Либава) также создают вольные зоны в своих портах.

Виды вольных зон и значение института. Различается несколько групп вольных зон. К первой группе должны быть отнесены вольные зоны в собственном значении слова, где допускается не только выгрузка и пересортировка, но и промышленная переработка товаров (Гамбург Копенгаген)

Вторую группу составляют зоны, где допускаются без таможенного надзора все операции с товаром (пересортировка, очистка и т. д.), кроме промышленной переработки. Третью группу составляют вольные склады, где также производятся эти операции, но где вся территория зоны состоит из одних лишь складов. Сюда относятся *deposito-franco*, существовавшие в XIX в. в некоторых итальянских городах и склады (*Warehouses*) в Лондонском порту.

Вольные зоны играют громадную роль в общей системе мировой торговли. Благодаря им сделалось возможным снабжение всех

государств заокеанскими товарами в соответствии с запросами страны-потребителя и условиями доставки товара. Они становятся естественными складочными местами мировой торговли, где товар может храниться до его продажи и до его приведения в состояние ликвидности. В связи с этим вольные зоны являются главнейшими транзитными пунктами, важнейшими посредниками мировой торговли. Такого, например, было довоенное значение Гамбурга.

Вольные зоны в СССР. В целях всемерного развития роли Владивостока, как транзитного пункта для экспорта и импорта Манчжурии, постановлением Совнаркома СССР от 24 декабря 1924 г. «О транзитной перевозке иностранных товаров через Владивостокский порт» предусмотрено выделение особого изолированного района во Владивостокском порту, свободного от таможенного надзора. На территории этого района учреждаются склады, в которых товары подвергаются всем операциям—пересортировке, упаковке и т. д.—кроме промышленной переработки. Таким образом, этот район является вольной зоной, относящейся ко второй из отмеченных выше групп. Кроме этого района, во Владивостокском порту допускается еще хранение грузов (без оплаты их пошлиной), предназначенных для транзита в Манчжурию, на особых складах, находящихся под надзором таможни. Промышленная переработка хранящихся на этих складах грузов допускается под наблюдением таможни. Таким образом, на этих складах мы имеем вольную зону первой группы в неполной форме, поскольку хранение и переработка грузов производятся под наблюдением таможни.

Возможность учреждения в СССР вольных складов предусмотрена статьей 25 договора о торговле и мореплавании между СССР и Италией от 7 февраля 1924 г. Согласно этой статье итальянские граждане и общества имеют право помещать свои товары на особые склады, указанные таможнями, в важнейших черпоморских и азовских портах и хранить их там без оплаты пошлиной в течение 6 месяцев. Впрочем, эти склады не являются вольными в полном смысле слова, ибо договор предусматривает только освобождение помещаемых на них товаров от оплаты пошлиной, а не от представления

лицензии (см.), а также предусматривает лишь хранение товаров, а не совершение над ними различных операций (сортировка, упаковка и т. д.).

Договор между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. (эконом. соглашение, ст. 22) несколько расширяет постановления договора с Италией, допуская на вольных складах осуществление над товаром всех операций, кроме промышленной переработки. Представление лицензий для завоза товара на склады требуется и по этому договору

Б. Розенблюм

ПОРУЧИТЕЛЬСТВО является одним из способов обеспечения (см.) обязательств. Обеспечение, им устанавливаемое, состоит в расширении круга лиц, ответственных по обязательству. В случае неисполнения обязательства должником, кредитор в праве предъявить требование к поручителю (ст. 241 Г. К.). Таким образом, уменьшается риск, падающий на верителя. П., как способ обеспечения, имеет большое распространение и значение в буржуазно-капиталистическом обществе, преимущественно в средних и мелких кругах торгово-промышленной буржуазии, пользующейся личным кредитом.

По законам о П. у нас обсуждаются родственные П., но экономической природы — виды установления гарантии (в более широком смысле слова). На основании договора гарантии гарантирующий принимает на себя обязанность не только за выполнение конкретного обязательства, а обычно вообще берет риск ведения определенного дела. Как один из видов договора гарантии, может быть рассматриваем договор комиссии. В силу последнего комиссионер поручается за исправность лица, с которым заключается договор при его посредстве. Наиболее популярной и все более завоевывающей себе поле применения формой гарантии, в широком смысле этого слова, является П за долг по векселю

Для оборота Советского Союза, где в частном обороте преобладает крестьянство, институт П. имеет широкое распространение за исключением, конечно, отношений между юридическими лицами, которые преобладают у нас более, чем где-либо.

Важнейшими вопросами регулирования П следует считать вопрос о соотношении ответственности основного должника и поручителя, а также поручителей по одному и тому же обязательству. По новейшим буржуазным кодексам ответственность поручителя имеет место лишь при известных условиях. По германскому кодексу поручитель может отказать кредитору в удовлетворении, если последний не произвел безуспешной попытки взыскать с кредитора (§ 771). Впрочем, правило это допускает исключения и может быть отменено по соглашению сторон. Но швейцарскому закону (§ 495) простой поручитель может быть привлечен к ответственности лишь при одном из нижеследующих условий: а) если над главным должником открыт конкурс; б) если кредитор обращался безуспешно (и не по своей вине безуспешно) к главному должнику; в) если к последнему нельзя предъявить требование в пределах Швейцарии. Поручитель может, однако, по особому соглашению принять на себя и солидарную ответственность.

Г. К. занимает в этом случае, как и во многих других, позицию, благоприятную для кредитора, избирая такую позицию, авторы Г. К. исходили из того предположения, что Г. К. не будет иметь широкого круга применения и из стремления к обеспечению интересов госорганов, часто страдавших в начале эпохи нэпа (см.) от неисправности должников их. Согласно ст. 241 Г. К. в случае неисполнения обязательства должником кредитор в праве предъявить требование к главному должнику и поручителю, как солидарным должникам, если противное не установлено договором. Лица, одновременно и совместно давшие П., отвечают как солидарные должники (ст. 240). В виду тяжести для принимающего на себя обязательство П., установлен крайний пресекательный срок (три месяца), по истечении которого со времени наступления срока по главному обязательству, в случае непредъявления иска к поручителю П. прекращается. Этот срок ни сокращению, ни удлинению (по ст. 49 Г. К.) не подлежит, как это разъяснил пленум Верховного РСФСР

П. по Г. К. допускается лишь по действительному требованию (ст. 237) поэтому не может иметь у нас места П. специально

устанавливаемое на случай недействительности обязательства.

Особое вексельное П., в собственном смысле слова (П за долг по векселю, наделенное свойствами вексельного обязательства), нашему действующему в данный момент законодательству неизвестно. П. с вексельной силой может быть у нас установлено лишь в скрытой форме, т.е. посредством учинения на векселе передаточной надписи, делающей подписавшего ее одним из лиц, солидарно ответственных по векселю, или особым договором на общем основании Г К.

С. Раевич

ПОСРЕДНИЧЕСТВО. П. представляет один из способов улажения международных споров. П. не следует смешивать с третейским разбирательством, при котором спорящие стороны, по соглашению между собой, передают спорные вопросы на разрешение какой-либо избранной ими инстанции. В отличие от этого, П. означает лишь содействие какой-либо третьей стороны достижению непосредственного соглашения между спорящими сторонами. Правительство, выступающее с П. в споре между двумя другими правительствами, ведет переговоры одновременно с ними обоими по вопросу, составляющему предмет спора, с целью выяснить точки зрения обеих сторон и возможность их согласования. Содействие возобновлению и ведению переговоров между спорящими сторонами носит название добрых услуг (*bons offices*). При более активном П. посредник сам предлагает проекты соглашения. П. может иметь место как по просьбе спорящих сторон, так и по инициативе выступающей с ним третьей стороны. Оно может осуществляться как одним, так и несколькими государствами. Обычно П. имеет место по поводу серьезных конфликтов, могущих привести к войне между спорящими государствами. Однако П. может осуществляться как с целью предупреждения разрыва между спорящими государствами, так и в самый период войны, или, вообще, отсутствия нормальных взаимоотношений между ними. В таких случаях П. имеет целью восстановление дипломатических, и вообще нормальных, отношений между спорящими сторонами. Так, русско-японская война была прекращена

при П. президента Соединенных Штатов (1905 г.). В процессе мировой войны имели место неоднократные попытки П. с целью добиться заключения мира, напр., попытка П. со стороны президента Соединенных Штатов Вильсона в 1916 г., со стороны папского престола—в 1917 г. Как правило, ни одно государство не обязано предлагать своего П. или добрых услуг при конфликте между другими государствами. Однако некоторые международные соглашения предусматривают обязательство П. со стороны договаривающихся сторон. Так, по парижскому мирному договору 1856 г., в случае возникновения конфликта между Турцией и какой-либо другой из договаривающихся сторон, обе стороны обязывались прибегнуть к П. других государств, подписавших договор. В ст. ст. 2—8 гаагской конвенции о мирном улажении международных споров (1907 г.) устанавливается обязательство договаривающихся государств, в случаях возникновения между ними конфликта, по возможности прибегать к П. или добрым услугам ранее прибегновения к оружию, а также «желательность» того, чтобы государства, не участвующие в конфликте, сами предлагали свое П. Однако пример новейших конфликтов, в частности мировой войны 1914—18 г.г., достаточно продемонстрировал несовершенство этого способа улажения международных споров.

В практике внешней политики СССР имел место случай П. со стороны французского правительства, которое предлагало свои услуги для улажения конфликта между СССР и Швейцарией, возникшего после убийства т. Воровского. П. это имело место по поводу созыва в Женеве предварительной конференции по разоружению, в число участников которой был приглашен СССР (1926 г.) Однако добрые услуги и П. французского правительства были безрезультатными вследствие отказа швейцарского правительства от удовлетворения требований СССР

Л. П.

ПОСТАВКА—договор, в котором одна сторона обязуется доставить к определенному сроку другой стороне партию каких-либо вещей (обычно предметов, определенных родовыми признаками) за вознаграждение. Характерным признаком П. является орга-

пизационная деятельность поставщика: он должен заготовить данные товары, в частности — приобрести или приспособить их и доставить их к месту сдачи. Это понятие П. стихийно перешло в современный деловой оборот из гражданских законов дореволюционной России, которые постановляли: «Подряд или П. есть договор, по силе коего одна из вступающих в оный сторон принимает на себя обязательство исполнить в оном и ж д и в е н и е м предприятие или поставить известного рода вещи» (ст. 17 зак. гражд., св. зак. т. X, ч. I)

В современных иностранных законодательствах П. обыкновенно не является самостоятельным договорным типом и специальных правил о договоре П. не имеется; соответствующие правоотношения подходят под общую категорию договоров купли-продажи, и обеспечение будущих потребностей производится путем договоров купли-продажи с исполнением через известное время после заключения договора: продавец обязуется доставить вещь по определенной цене, в определенный срок; эти договоры в отношении массовых и наиболее распространенных товаров широко распространены на современных товарных биржах и нередко дают почву для биржевой игры на повышение или понижение цены товара. Г. К. РСФСР и др. союзных республик также не знают особой нормировки договора П. между частными лицами, почему пока приходится применять по аналогии правила о гос. подрядах и П. О сделках между государством и частными лицами мы имеем «Положение о государственных подрядах и П.» от 27 июля 1923 г. (прил. к ст. 235 Г. К.), согласно которому «поставщик (продавец) обязуется доставить государству к определенному сроку известное количество вещей (товаров), определенных родовыми признаками, а государство обязуется уплатить условленную цену в деньгах или патуре» (ст. 5). Отношения между государством и поставщиком регулируются общими правилами Г. К. о купле-продаже, поскольку в положении о гос. подрядах и П. не содержится специальных правил (ст. 6). Из этого видно, что П. характеризуется следующими признаками: а) предметом П. являются вещи, определенные родовыми признаками (т о в а р ы), б) поставщик обязан д о с т а в и т ь вещи; в) между за-

ключением договора и его исполнением со стороны поставщика должен истечь определенный срок; наличие более или менее продолжительного срока является необходимым признаком П.

Однако перечисленные признаки еще не всегда дают ясное отграничение П. от купли-продажи, производимой государством у частных лиц, и вопрос о границах между П. и куплей-продажей, при всей своей бесспорной практической важности (в виду ряда обязательных условий договора П. — необходимость торгов, обязательное включение неустойки и т. д.), дал почву для ряда противоречивых толкований. НКФ СССР (для которого вопрос о признаках П. имеет значение в виду налогового обложения поставщиков) усматривал это различие в том, что поставщик в момент заключения договора предполагается не имеющим налицо объекта договора, а обязывающимся приобрести и сдать объект договора через значительный промежуток времени. Затем в цирк. НКФ СССР от 26 мая 1924 г. № 846 в качестве признака П. указывается необходимость затраты капитала или участия наемной рабочей силы.

На практике договор П. часто смешивается с договором подряда (см.).

Что касается порядка сдачи государством П. (и это относится, конечно, только к государству), отношений между госорганом и поставщиком, порядка приемки поставленного имущества и обеспечения договора П., то положение о гос. подрядах и П. распространяет на П. общие правила о подряде (см.) Кроме того, к П. применяются общие правила Г. К. о купле-продаже (ст. ст. 180—205), поскольку таковые не изменены положением о гос. подрядах и П. (ст. 6). Наряду с этим, внебиржевые сделки по купле-продаже (в том числе и поставке) товаров, в коих одной стороной являются госучреждения и предприятия, подлежат обязательной регистрации в особом бюро на бирже (см.), не позже, как на третий день по их заключении. От этой регистрации освобождаются сделки военного ведомства на все предметы снабжения Красных армии и флота и войск ОГПУ, заключаемые по ориентировочным и сметным ценам, а равно сделки НКВД союзных и автономных республик на предметы вооружения и специального снабжения

милиции; кроме того, биржевые комитеты с утверждения губисполкомов или комвуторгов могут устанавливать изъятия для отдельных видов сделок (пост. СТО СССР от 11 апреля 1924 г., С. У., ст. 532).

Постановлением СНК СССР от 25 ноября 1924 г. разъяснено, что регистрация на бирже договоров II. вообще приравнивается к нотариальному засвидетельствованию (С. У. 1921 г., ст. 237).

Сдача II. госорганами частным лицам представляет собой институт, находящийся, несомненно, на пути к отмиранию. В период военного коммунизма советское государство относилось отрицательно к частному предпринимательству и стремилось искоренить частных подрядчиков и поставщиков (хотя этого и не удалось осуществить в полной мере); при системе плановых заготовок и снабжения для существования договора II. отсутствовали экономические основания. Институт II. возродился с началом нэпа. II., в которых поставщиками являются госорганы или кооперативные организации, регулируются существенно иным образом, чем отношения с поставщиком—частным лицом. Но действующему положению, если поставщиками являются гос. учреждения или предприятия, смешанные акционерные общества и кооперативные организации, аванс может выдаваться в размере более 25% цены договора (прим. к ст. 11), и может не быть представляемо залогом (прим. к ст. 13)

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ.

Современная потребительская К. считает свое начало от рочдельского общества (в Англии), члены которого установили ряд положений в основу своей работы («рочдельские принципы»), послуживших руководством в деятельности потребительских обществ последующего периода всех стран. Важнейшие из этих принципов следующие: демократическое управление делами общества, низкие размеры пая и возможность внесения его по частям, продажа за наличные деньги, продажа по средне-рыночным ценам и распределение прибыли между членами пропорционально забору ими товара

На самом же деле зарождение первых потребительских обществ относится к не-

сколько более раннему периоду. Первыми потребительскими обществами следует считать объединения, возникшие в результате агитации Оуэна, среди непосредственных его последователей, применивших в качестве метода сбора средств для организации коммунистических общин продажу товаров своим членам с определенной накидкой, которая и должна была в результате составить необходимые средства.

Создавая свое общество, рочдельцы действовали на той же идейной основе, что и их предшественники—ближайшие последователи Оуэна. Они также верили в возможность быстрого переустройства общества, быстрого создания нового нравственного мира.

Борьба с частным капиталом в торговле, воспитание в этом направлении широких потребительских слоев трудового населения—вот идейные штрихи, которые остались от родоначальников потребительской К. в капиталистических странах и в настоящее время и которые в известной мере объединяют ее со всеми пролетарскими организациями, борющимися за уничтожение капитализма.

Таким образом, потребительская К. может быть определена, как объединение на началах равноправия и самостоятельности трудящихся для хозяйственно наиболее выгодного приобретения средств личного потребления путем устранения посреднической роли частного торгового капитала и его прибыли из процесса обмена между производителем и потребителем при реализации последним своей покупательной силы.

Потребительские общества за многие десятилетия своего существования не получили, однако, того развития, о котором мечтали его основатели, и удельный вес его в оборотах капиталистических стран до сих пор еще весьма невелик. Основные условия для успешного развития потребительской К.—массовый характер и однородность потребительского спроса—не всегда и не везде имели место. Вследствие этого потребительская К. могла развиваться в начале лишь оазисами при фабриках и заводах в местах концентрации массового и однородного потребительского спроса и в крупных городах в качестве объединений средних сословий (служащих торго-

вых, банковских, муниципальных, иногда офицерских и т. п. учреждений и организаций, с более или менее одинаковыми доходами и потребительскими запросами), а в деревню проникать также лишь по мере роста товарности и отмирания натуральных форм крестьянского хозяйства.

Пришлось также считаться с тем огромным влиянием, которое оказывает частный капитал на развитие К., через государственную власть, находящуюся в его руках как путем законодательства так и отдельных экономических мероприятий.

Вот почему мечта ряда основателей и деятелей потребительской К. о возможности полного вытеснения частного посредника с рынка, а вместе с другими видами К. и крупного фабриканта, и достижения эволюционным путем социалистического строя оказываются неосуществимыми.

Совершенно другие перспективы развития для потребительской К., равно как и для К. других видов открываются после свержения капитализма (см.). «Посмотрите,—говорит Ленин,—как изменилось дело теперь, раз государственная власть в руках уже рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса. Теперь мы в праве сказать, что быстрый рост К. тождественен (с указанным выше небольшим исключением) с ростом социализма».

Понятно, что государство, свергнувшее власть буржуазии, при таком взгляде на К. обеспечивает ей возможность и соответствующего развития.

Для достижения своих целей потребительские общества объединяются в союзы, а последние в свою очередь объединяются в союзы высших ступеней в пределах отдельных районов, областей, целых государств, групп государств (СССР, Германия) и даже в международном масштабе (международное кооперативное объединение).

Потребительская К. не ограничивается торгово-посредническими операциями. Она организует свои промышленные предприятия, ведет вкладные операции среди своих членов, а иногда в среде некоопериро-

ванного населения, организует новый коллективный быт и т. д.

Серьезной отраслью работы потребительской К. является ее культурно-просветительная деятельность. Обладая широко разветвленным аппаратом, в самой толще населения, она поднимает культурный уровень как своих членов, так и некооперированного населения для сознательной борьбы с капитализмом. Бывали периоды в отдельных странах когда потребительская К. являлась почти единственной организацией, ведущей культурно-просветительную работу среди взрослого населения, среди широких слоев рабочих и крестьян.

Обобществляя в процессе обмена на началах экономической выгоды, добровольности и сознательного участия в К. миллионы индивидуальных хозяйств потребителей, потребительская К. наряду с другими видами К. может быть названа путем к социализму.

Потребительская К. в России и СССР. Потребительская К. в царской России до революции 1905 г. не получила сколько-нибудь широкого распространения. Царская Россия боялась проявления общественности, в том числе и кооперативной, поскольку она хоть смутно напоминала о возможности существования иных хозяйственных форм, кроме частнокапиталистических. Потребительские общества рассматривались как благотворительные организации, разрешение на открытие которых давалось министром внутренних дел. Само собой разумеется, что такой порядок возникновения потребительских обществ чрезвычайно задерживал ее развитие. Зарождение первого потребительского общества в России относится приблизительно к 1865 г.; на 1 января 1870 г. их было 4; на 1 января 1880 г.—20; на 1 января 1890 г.—96; на 1 января 1900 г.—366, объединяющих 26.978 членов; на 1 января 1910 г.—4.814, объединяющих 135.000 членов; на 1 января 1914 г. непосредственно перед империалистической войной,—10.400, объединяющих 1.400.000 членов и на 1 января 1917 г.—23.500, объединяющих 6.815.000 членов.

Еще в большей степени задерживалось образование союзов потребительских обществ. Правда, первый союз—московский

союз потребительских обществ—был организован в 1898 г., но дальнейший рост союзного строительства шел весьма медленным темпом.

В 1916 г. их было 138. Как видно, союзное строительство развивалось чрезвычайно медленно. Для избежания разрешительного порядка утверждения уставов союзов потребительские общества прибегали к заключению нотариальных договоров для организации торговых товариществ на основе закона о торговых товариществах.

Оборот по продаже товаров всех потребительских обществ за 1913 г. составил 250 млн. рублей, а паевой капитал—28 млн. руб.

Лишь расстройство внутреннего рынка в результате империалистической войны и переход частично в руки городских самоуправлений и земств заботы о снабжении населения продовольствием дали толчок развитию потребительской К. как в области роста обществ, так и числа членов и оборотов.

Февральская революция значительно облегчила дальнейшее развитие потребительской К. 20 марта 1917 г. временным правительством был принят закон о явочном порядке организации потреб. обществ и их союзов на основе устава или договора, регистрируемого в окружных судах. За один 1917 г. число обществ выросло на 11.500; число членов с 6.815.000 выросло до 11.550.000, а союзов в течение года было вновь организовано 207.

Уже в апреле 1918 г. советская власть издает декрет, регулирующий рост потребительских обществ. Этим декретом («О потребительских кооперативах» от 12 апреля 1918 г.) устанавливалось, что в каждом районе может быть только два потребит. о-ва—рабочее и общегражданское. На потребительские общества возлагалось обслуживание всего населения, устанавливались налоговые льготы. Связи потребительских обществ привлекались к выполнению государственных заданий. Декретом от 21 ноября 1918 г. устанавливался контроль Наркомпрода над операциями потреб. К. Продовольственная разверстка и ликвидация вольного рынка логически привела к декрету 20 марта «О потребительских коммунах», установившему сеть единых потребительских об-

ществ, как единственный распределительный аппарат по снабжению населения. Устанавливается обязательное членство всех граждан; отменяются паевые и вступительные взносы. Избирательными правами пользуются лишь трудящиеся, пользующиеся правом выборов в советы. Устанавливается трехстепенное строительство потребкооперации: ЕПО—губсоюз—Центросоюз. Устанавливается представительство продорганов в правлениях ЕПО, губсоюзов и Центросоюза. На основе декрета 20 марта потребительская К. действует до периода новой экономической политики, имея в своем составе около 25.000 потребительских обществ, 99 союзов (типа губернских) и возглавляющий систему Центросоюз.

Декретом от 27 января 1920 г. под руководством потребительской К. объединяются все виды К. (интеграл).

После замены продразверстки продовольственным налогом (21 марта 1921 г. начало нэпа) декретом от 7 апреля 1921 г. внутри ед. потр. общества разрешается организация добровольных потребительских объединений. Обязательное членство в единых потребительских обществах сохраняется, как и структура потребительской К. (ЕПО—губсоюз—Центросоюз).

Постановлением советского правительства от 13 мая 1921 г. об обмене фонде рабочих и служащих предусматривается организация рабочих кооперативов и их объединений, постановлением от того же числа—организация транспортных обществ и постановлением от 16 августа 1921 г.—организация военной К.

Положение о средствах К от 26 июля 1921 г. предусматривает производство операций за свой счет, страх и риск; установлены паевые взносы, займы, вклады, начисления на себестоимость, комиссионное вознаграждение и т. д.

Развитие товарного хозяйства при нэпе вольный рынок и существование других видов К СССР на началах добровольного членства привело к реорганизации и потребительской К на началах добровольного членства (постановление от 28 декабря 1923 г.). В настоящее время потребительская К. действует на основе закона от 20 мая 1924 г. «О потребительской К.».

Таковы основные законоположения советского правительства о потребительской

К. Кроме указанных здесь, был издан целый ряд декретов и постановлений, касающихся потребительской К. по тем или иным частным вопросам (возврат национализ. имущества, льготы по промысловому и подоходному налогам и т. д.).

Благодаря совпадению целей советской власти и потребительской К.—уничтожение капитализма во всех его формах и строительство социалистического общества—потребительская К. в СССР получила исключительное, небывалое ни в одной стране всего мира, развитие. Рост числа обществ, лавок, пайщиков, союзов, капиталов и оборотов с 1923 г. следующий: на 1 октября 1923 г. было обществ—19.224, лавок—26 660, членов—6.265.414, союзов—145; на 1 октября 1924 г.—обществ 22.621, лавок—37.129, членов—7.093.447 и союзов—248, всех собственных средств 223 488 тыс. черв. руб.: оборот за 1923—1924 хоз. год: валовой, включая продажи внутри системы,—1.799 млн. руб. и чистый (продажи во вне системы)—1.384 млн р., на 1 октября 1925 г.—обществ 25.536, лавок—50.961, членов—9.347.303, союзов—259, всех собственных средств—280.892 тыс руб; оборот за 1924—1925 х. г.: валовой—3.788 млн руб., чистый—2.568 млн руб.; на 1 июля 1926 г.—обществ 28.665, лавок—61.076, членов—11.845.589, союзов—260, всех собственных средств—451.668 тыс руб.: валовой оборот за 1925—1926 х. г.—6.939 млн. руб.

Роль системы потребительской К. в торгово-посредническом обороте СССР (принято за 100) составляла: в 1923—1924 х. году—18,4%; в 1924—1925 г. г.—27,6%, и в 1925—1926 г. г.—34,0%.

В области торгово-организационных расходов и прибылей потребительские общества в 1925—1926 х. г. достигли норм довоенного времени.

Организационная структура системы потребительской К. СССР па 1 октября 1926 г. представляется в следующем виде:

1. Потребительская К. каждой союзной советской республики возглавляется кооперативным центром, республиканские центры потребительской К. объединяются всесоюзным центром—Центросоюзом, являющимся в то же время и центром потребительской К. РСФСР.

2. В Туркменской ССР низовая кооперативная сеть (40 п. о.) объединяется рес-

публиканским союзом Туркменбляшик, который, таким образом, является союзом второй степени.

3 В Узбекской ССР низовая кооперативная сеть насчитывает 135 п. о., которые объединяются тремя союзами: Зеравшанским (Бухара)—18 п. о., Хорезмским (Хива)—17 п. о. и Узбекбляшу (Самарканд)—100 п. о.

Мелкорайонные Зеравшанский и Хорезмский союзы состоят членами Узбекбляшу, который, таким образом, является союзом второй и третьей степени.

4 В Белоруссии потребительские общества объединяются девятью союзами, которые в свою очередь объединяются республиканским центром потребительской К.—Белкоопсоюзом.

Последний в то же время непосредственно объединяет п. о. Минского округа и потому является союзом второй и третьей степени.

5. Каждая из основных республик Закавказской Федерации имеет свой республиканский союз п. о.

В Армении все п. о. объединяются непосредственно республиканским союзом потребительской К.—Айкооп.

В Грузии функционируют три союза п. о.: абхазский, аджарский и общереспубликанский—Цекавшири. Первые два союза состоят членами Цекавшири.

В Азербайджане два союза: нахичеванский и республиканский—Азериттифика-Нахичеванский союз состоит членом Азериттифика.

Все вышеупомянутые шесть союзов объединяются федеративным центром потребительской К. Закавказья—Заксоюзом.

Абхазский, аджарский и нахичеванский союзы, таким образом, находятся в состоянии двойного членства.

6. Украинская потребительская К. объединяется 45 районными и окружными союзами, которые возглавляются республиканским центром—Вукопспилкой.

7 Союзная сеть РСФСР по областям Госплана и АССР представляется в следующем виде:

а) районные союзы Северо-Западной области, Уральской области, Северо-Кавказского края, Сибири, Дальне-Восточной области и Казакской АССР объединяются в областные и краевые союзы а последние состоят членами Центросоюза и

б) районные и национальные союзы прочих областей (Центрально-Промышленной, Центрально-Земледельческой и т. д.) не имеют областных объединений и состоят членами Центросоюза непосредственно

Непосредственную хозяйственную связь Центросоюз, как центр РСФСР, имеет с 106 союзами второй степени и 6 областными союзами. Остальные 72 районных союза РСФСР объединяются и непосредственно обслуживаются областными союзами.

8. В состав членов Центросоюза входят пять центров союзных республик и три республиканских центра Закавказской Федерации, шесть областных и 102 районных союза РСФСР (четыре районных союза не состоят членами Центросоюза)

9. Кроме того, в состав членов Центросоюза входят 120 крупных ЦРК (через Церабсекцию) и Транспосекция. Последняя фактически является союзом ТПО (объединяющим 35 ТПО и три союза дор. п. о.) которые членами Центросоюза непосредственно не состоят.

И Смилга

ПОХИЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВА принадлежит к числу имущественных преступлений (см) Оно может быть насильственным (разбой, грабеж с насилием) или ненасильственным (грабеж без насилия, кража). Наиболее распространенным П. и. является кража. Последняя определялась в ст 150 У. К. 1922 г., как «тайное П. п., находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения» Иностранное законодательство, напр., французское, германское, понимают под кражей (*vol, Diebstahl*) всякое—тайное или открытое, но без насилия—П. чужого имущества; при таком понимании кражи субъектом ее не может оказаться собственник имущества, например, похищающий из ломбарда собственное заложенное имущество залогодатель. С нашей точки зрения такое понимание выявляет собою чисто схоластический подход буржуазных юристов к даваемым ими определениям юридических институтов. И хотя статья о краже нового У. К. РСФСР определяет кражу тоже, как «тайное П. чу-

жого имущества. тем не менее, «чужим» для определенного лица, в смысле нашего У. К. должно быть признано всякое имущество, находящееся у другого лица, если 1) первое лицо не имеет вообще прав на это имущество или если 2) второе лицо обладает этим имуществом на законном основании в силу какого-либо вещного права или в силу полномочий публично-правового характера. К этому определению необходимо только добавить, что существуют случаи когда чужим имуществом, могущим оказаться объектом кражи, придется признать и имущество, находившееся к моменту преступления уже у того лица, которое затем и совершило кражу этого имущества. Криминалисты обычно признают, например, что вещи, предоставляемые содержанием гостиницы в пользование постояльцам, инструменты или инвентарь предприятия, учреждений, домашнего хозяйства, находящиеся в силу выполняемой работы на руках у фабрично-заводского персонала, у работников, обслуживающих домашнее хозяйство и т. п., могут быть предметом кражи со стороны последних, хотя, по общему правилу, имущество, вверенное определенному лицу, может быть последним лишь присвоено (см. Растрата), а не похищено. С нашей точки зрения, разрешение (в перечисленных случаях) вопроса о том, налицо ли присвоение или П. и., должно быть дано судом в зависимости от характера конкретных обстоятельств данного дела

Само собою понятно, что объектом П. и. может быть только имущество (не одни вещи в обычном смысле слова, но и газ, и электрическая энергия), кому либо принадлежащее. Бесхозяйное имущество (пап., брошенное собственником), согласно ст. 68 Г. К. РСФСР, переходит в собственность государства; таким образом, и оно может в отдельных случаях рассматриваться, как пригодный объект П. и.—именно в тех случаях, когда завладевающий бесхоз. имуществом сознает, что оно представляет ценность для государства, и тем не менее противозаконно включает его в состав своего имущества. Утерянное имущество, принадлежащее частному лицу, даже если собственник его известен, может быть, однако, только объектом особого преступления присвоения паходки (ст 163,

ч. 2, нов. У. К. в У. К. 1922 г. соотв. статья отсутствовала); по особому постановлению закона (пост. СНК РСФСР от 14 мая 1924 г.), то же деяние в отношении пригубленного скота влечет уголовн. ответственность как присвоение чужого имущества (по ст. 185 У. К. 1922 г.). Дореволюц. право предусматривало и присвоение клада; в советском У. К. это деяние предусмотрено лишь как «сокрытие... памятников старины и искусства, подлежащих... передаче в гос. хранилища» (ст. 102 У. К. 1922 г., ст. 188 нов. У. К.). Спрятанное каким-либо эмигрировавшим собственником в земле имущество, замаскированное, не рассматривается, как клад, а как бесхозяйное имущество, о котором сказано выше.

Древне-римские юристы определяли кражу (*furtum*), которая в то время еще, по общему правилу, не влекла уголовно-правовых последствий, как «злонамеренное похищение вещи с корыстной целью, и притом либо похищение вещи как таковой либо похищение одного пользования или одного владения вещью». Современное право, в том числе и советское, случаев «похищения пользования» (напр., взятие на время, без ведома собственника, чужой книги, с тем, чтобы по прочтении ее вернуть) не относит к краже и не усматривает в таких случаях состава преступления; о «похищении владения» без похищения собственности—см. выше. Что касается первой части процитированного определения (подчеркнутой лампой), то она почти совпадает с точкой зрения современного права, если только отвлечься от того, что термин *contrectatio*, который мы перевели словом «похищение», охватывал и присвоение. Действительно, и современное право знает только умысленную кражу и вообще только умысленное П. н. Что касается цели деяния, то, напр., итальянский У. К. так и говорит о «корыстной цели», германский—о цели неправомерного присвоения себе похищаемой вещи, а если французский *Code Pénal* и дореволюц. русское ул. о нак. и не вводят указания на цель деяния в определении кражи, то судебная практика все же относит во Франции и относила в старой России к краже только те случаи, когда вещь похищена для

того чтобы воспользоваться ею как своим имуществом (присвоить ее), а не для того, напр., чтобы, в виде акта местн. уничтожить ее. II советской судебной практике нет основания лишать кражу (как и другие разновидности П. н.) характера корыстных преступлений, путем отрицания за целью присвоения значения необходимого элемента состава преступления при краже.

Все законодательства тщательно детализируют возможные случаи кражи, устанавливая разные типы этого деяния с разной репрессией за кражу каждого рода. Наш У. К. 1922 г. расчленил ст. 180 на 7 частей (пунктов) или даже на 8, поскольку примечание к п. «д» (о мелкой фабрично-заводской краже на сумму не свыше 15 руб., совершенной рабочим или служащим в первый раз в пределах своего предприятия) имеет также характер самостоятельного постановления. Ст. 162 нового У. К., говорящая о краже, содержит 5 пунктов, не считая того же примечания, но, кроме того, имеются ст. 163 (о краже электр. энергии) и ст. 166 (о скотокраде). Легче всего преследуется (влечет лишение свободы или принудработы на срок до 3 мес., а при совершении вследствие нужды и безработицы, в целях удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи—только принудработы) кража совершенная в первый раз и притом без применения каких-либо технических средств и без сговора с другими лицами (п. «а» ст. 162); упомянутая же выше мелкая фабрично-заводская кража, в случае совершения ее в первый раз, вовсе не составляет уголовно-преследуемого деяния, и влечет дисциплинарное взыскание по особой, устанавливаемой НКТ, таблице. Кража без применения технич. средств и без сговора с другими лицами, но зато либо повторная, либо имевшая объектом имущество, заведомо необходимое для существования потерпевшего, влечет лишение свободы на срок до 6 мес. (п. «б» ст. 162). Лишение свободы на срок до 1 года влекут всякие кражи, если таковые совершались по судимым неоднократно, всякие кражи с применением технических средств и всякие кражи, совершенные по предварительному сговору с другими лицами, а кроме того также и те кражи, которые, характеризуясь признаками,

указанными в пунктах «а» или «б» ст. 162, совершены на вокзалах, пристанях, парходах, в вагонах и гостиницах (п. «в» ст. 162).

Но кражи, совершенные частным лицом из государственных или общественных складов, вагонов, судов и иных хранилищ, а также кража на вокзалах, пристанях, парходах, в вагонах и гостиницах, влекут уже лишение свободы на срок до 2 лет, или принудработы до 1 года, если та или другая заключает в себе один из трех, перечисленных в пункте «в», признаков (признак «неоднократности», или признак «сговора», или признак «применения технических средств»); ту же меру влечет л ю б а я кража из госуд. или общественных складов или хранилищ, если она совершена лицом, имевшим специальный доступ в эти склады или их охранявшим; ту же меру влечет л ю б а я кража у кого бы то ни было во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия (п. «г» ст. 162). Наконец, всякая кража из госуд. или общественных складов или хранилищ, все равно, кто бы и при каких бы условиях ее ни совершил, влечет лишение свободы на срок до 5 лет, поскольку похищенное отличается о с о б о к р у п н ы м и р а з м е р а м и (п. «д» ст. 162); ту же меру влечет и та из числа предусмотренных пунктом «г» краж, совершенных лицом, имевшим специальный доступ в эти склады или их охранявшим, в которой налицо один из трех признаков, перечисленных в пункте «в» («неоднократность», «сговор» или «применение технических средств»).

Кража электр. энергии (ст. 163) влечет лишение свободы на срок до 1 месяца с обязательным возмещением причиненного ущерба. Кража, а также о т к р ы т о е п о х и щ е н и е лошадей или другого крупного скота у трудового земледельческого населения влечет лишение свободы на срок до 5 лет, а если это деяние совершено повторно или по сговору с другими лицами — лишение свободы на срок до 8 лет.

Особо выделенное, по примеру старого русского законодательства, открытое п е п а о и л ь с т в е н н о е П. и. отнесено как в У. К. 1922 г., так и в новом У. К. РСФСР к грабежу, который и определен, как «открытое П. чужого имущества в присутствии лица,

обладающего, пользующегося, или ведающего им». Грабеж без насилия влечет, согласно ч. I ст. 165 нового У. К., лишение свободы на срок до 1 года.

Западно-европейское право, по общему правилу, различает не тайное и открытое, а 1) ненасильственное и 2) насильственное П. и., при чем П. и. второго рода оно охватывает одним термином (Raub, vol commis à l'aide de violence, в англ. праве robbery; robbery охватывает не только грабеж с насилием и разбой в нашем смысле но и некоторые случаи вымогательства и даже шантажа). Так, германский У. К. признает разбоем (Raub) все случаи, когда кто-либо, посредством насильственных действий против личности другого или угрожая непосредственно применить насилие, грозящее опасностью для организма или жизни другого, отнимает чужую движимую вещь с целью противоправно ее присвоить. При этом различается простой разбой (влечет каторгу) и квалифицированный, когда отдельные участники его были вооружены, или когда он совершен шайкой, или на море, на общественных путях и площадях, или в ночное время в жилом помещении, или, наконец, при рецидиве (влечет каторгу не ниже 5 лет), или когда при разбое были пущены в ход истязания, или последствием примененного насилия оказалось тяжелое телесное повреждение или смерть потерпевшего) (влечет каторгу без срока или на срок не ниже 10 лет; нужно иметь при этом в виду, что умышленное убийство с целью ограбления карается по статье об убийстве, грозящей смертной казнью за всякое обдуманное убийство).

Особое постановление германского У. К. (который, подобно французскому и дореволюц. русскому, и в постановлениях о краже особо выделяет, как квалифицированный случай кражи, т.-н. вооруженную кражу) назначает наказание, как за разбой, тому вору, который, будучи застигнут с поличным, пускает в ход насилие или грозит непосредственным насилием опасным для жизни или организма потерпевшего, чтобы получить возможность унести наворованное (ст. 252 герм. У. К.). С нашей точки зрения для признания этого деяния грабежом или разбоем особого постановления У. К. даже не требуется.

Новый У. К. РСФСР, подобно У. К. 1922 г., различает, было ли для П. и. пущено в ход насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего (ст. 167 нов. У. К.), в каком случае деяние является разбоем, или же насилие иного рода (ч. 2 и ч. 3 ст. 165 нов. У. К.). в каком случае налицо только грабеж с насилием. По статье о разбое определяется ответственность лишь единоличного совершителя разбойного нападения; разбойное нападение группы лиц влечет уже ответственность, как за бандитизм (см.) Если разбойное нападение совершено данным лицом впервые, оно влечет лишение свободы на срок до 5 лет; если оно совершено повторно—лишение свободы со строгой изоляцией на срок до 10 лет с конфискацией имущества; если же действия нападавшего повлекли смерть или тяжкое увечье потерпевшего, то независимо от того, имеется ли в данном случае повторность или нет, применяется указанная за повторный разбой мера соц. защиты, при чем суд в праве, признав совершителя преступления особо социально-опасным, повысить меру соц. защиты вплоть до расстрела. Что касается грабежа с насилием, то, будучи совершен единолично и притом впервые, он влечет лишение свободы на срок до 3 лет, а во всех остальных случаях (при совершении группой или повторно)—всякий насильственный или даже ненасильственный грабеж влечет лишение свободы на срок до 5 лет.

В отличие от У. К. 1922 г. новый У. К., говоря о разбое, не употребляет термина «физическое или психическое насилие, грозящее...», а говорит просто о «насилии, опасном для жизни или здоровья...» Практическое значение этого изменения то, что при старой редакции и нападение лица, вооруженного только «пугачем», поскольку потерпевший принимал последний за смертоносное оружие, могло, рассуждая формально подойти под статью о разбое, тогда как из редакции нового У. К. ясно, что в данном случае налицо только грабеж, ибо последняя редакция исходит не из субъективно воспринимаемой потерпевшим угрозы, а из объективной опасности, связанной с действиями нападавшего.

А. Эстрин

ПОШЛИНЫ. При взимании налогов государство идет различными путями: в одних случаях оно присваивает часть доходов населения непосредственно и без всяких специальных мотивов (подушный, подоходный, поземельный и др. прямые налоги); в других случаях оно превращает в сборщиков налога производителей и продавцов товаров (акцизы и др. формы косвенных налогов); наконец, очень часто государство устанавливает налоги, используя случаи сношений населения с учреждениями и агентами государства; последний метод обложения получил название П.; сюда относятся судебные П., чрезвычайно разнообразные гербовые сборы, крепостные П. (при засвидетельствовании перехода недвижимых имуществ), наследственные П., таможенные П. и т. и

П. взимаются, с одной стороны, в тех случаях, когда то или иное лицо действительно обращается к государственным органам, куда относятся, например, наследственные П. и гербовый сбор со всякого рода бумаг, актов и документов, совершаемых, выдаваемых или принимаемых государственными учреждениями; с другой стороны, П. взимаются при различного рода сношениях друг с другом частных лиц, если такие сношения в данный момент или в последующем могут привести ту или иную сторону в соприкосновение с госорганами: сюда относятся, например, вексельный сбор или крепостные пошлины, которые взимаются в связи с тем, что участники кредитной сделки или сделки купли-продажи могут быть вынуждены обратиться к «услугам» госучреждений (суд и т. д.)

П. представляют собой конгломерат прямых (наследственные, крепостные П., гербовые сборы) и косвенных налогов (см.) (таможенные П.); однако от обыкновенных прямых и косвенных налогов они отличаются условиями взимания. При обычных налогах государство в лице его агентов предъявляет требование к первому плательщику (обладателю имущества или дохода, или производителю товаров), принудительно заставляя его вносить налог; при П. же плательщик, не имея возможности обойтись без обращения к государственному учреждению, сам приходит по тому или иному случаю к агенту государства, устанавливающему только величину того «приношения»,

которое в этом случае обязан сделать плательщик; II платят лишь те и лишь постольку, кто и постольку сам обращается к органам государства.

Очень многие виды II. ведут свое происхождение от взяток и приношений, которые просители вынуждены были давать агентам власти; взятки, как и II., были своеобразной формой налога, к которой прибегали потому, что неокрепшее еще государство боялось или технически не умело достаточно использовать прямые или косвенные налоги в их обычной форме. II. обладала преимуществом перед обычным налогом в том смысле, что при взимании налога государство имело против себя единый фронт миллионов плательщиков, при взимании же II. оно каждый раз имело перед собою только отдельных просителей. «Платы за услугу» государство требовало и за то, чтобы ускорить судебный процесс, и за то, чтобы остановить или затормозить его, и за то, чтобы отложить исполнение судебного решения (см.). По существу II. мало отличалась от тех, совершенно произвольных штрафов, которые взимались во всякому поводу, как, напр., «за глупый ответ» (*pro stulta responsa*), «за сказанную глупость» (*pro stulto dictum*), «за глупый разговор» (*pro stulti loquio*) и т. д.

Эту роль II. сохраняют еще до сих пор в слабо организованных восточных государствах (Персия, Турция), где «пешкеш» (или «бешкеш») — скорее своеобразный налог в пользу государственных чиновников признанный обычным правом, чем взятка в нашем смысле слова; в частности при официальной продаже должностей на Востоке цена данной должности от высшей до низшей определяется прежде всего тем, насколько эта должность связана с получением пешкешей. Восточный пешкеш есть то же самое, что наши II. в прежнем понимании их, как приношений, которые не установлены никакими законами, которые «пошли» из старины («пошлое», пошлины) в порядке вымогательства агентов государства, молчаливо признанных и используемых для содержания своего аппарата.

С усилением государственной власти и госаппарата эта форма налога не исчезает, а только изменяет свою форму: государство запрещает чиновникам получение взяток;

все же сборы, связанные с обращением населения к его агентам, поступают в государственное казначейство. Технически это было усовершенствовано посредством введения в XVII в. (в Голландии) гербовой бумаги и гербовых марок, обязательных при обращении к органам государства или при совершении сделок и актов, охраняемых силой государственных законов.

В XIX в., когда государство, на ряду с основными, исторически всегда приеущими ему функциями (поддержание классового господства внутри, организация нападения и обороны во-вне), начинает обрастать исторически-факультативными функциями (народное образование, медицина, гос. жел. дороги), финансовая теория (см. Бюджет государственный) начинает относиться к II. также и плату за обучение, за пользование лечебницами и даже ...плату за почтово-телеграфные отправления, за проезд по жел. дорогам и трамваям и за перевозку жел.-дорожных грузов, если эта плата не превышает себестоимости этих услуг. Вместе с этим складывается и современная теория II. и «пошлинного принципа», которая является отражением господствующих учений о государстве и вместе с тем одним из средств для подкрепления этих учений. По теории Адольфа Вагнера и других теоретиков (у нас — Озеров и др.), II. — это платежи, которые взимаются с отдельных лиц за оказанные им услуги и общая сумма которых или только-что покрывает «эксплоатационные» издержки данного «института» или даже не вполне их покрывает.

Используя факт, что современное буржуазное государство, на ряду с полицией и тюрьмами, имеет также школы и железные дороги и что государственные школы и предприятия несомненно, оказывают населению реальные услуги, сваливая затем в одну кучу плату за эти услуги вместе с II., Вагнер и другие теоретики объявляют затем II. эквивалентной платой за услуги государству, а само государство — совокупностью «институтов», обслуживающих «коллективные потребности» населения; облагороженной платой за услуги оказываются не только современные II., но и — задним числом — вымогательства и взятки прежних столетий, получавшиеся при продаже должностей губернаторов, судей, полицейских и т. д.

При анализе господствующей теории П. необходимо учитывать три основных момента. Первый—государственные культурные и экономические мероприятия и предприятия имеют весьма недавнюю историю, и потому о природе П. надо судить не по плате за услуги этих предприятий, а по П., имеющим, примерно, такой же возраст, как и само государство (судебные, крепостные, наследственные и т. п.). Второй момент: оказывая судебную защиту, заботясь о выполнении договоров, сделок и т. д., государство отнюдь не оказывает услугу тем или иным лицам (которые платят П.), а лишь охраняет установленную им систему прав, часто заранее направленную против тех, кто платит П. так, например, долговое право, по общему правилу, охраняет права кредитора, П. же при заключении договора платит обычно должник; точно так же при судебной тяжбе между действующим «на законном основании» ростовщиком и его должником государство становится на сторону ростовщика, оказывая весьма сомнительную услугу его должнику, который платит судебные издержки. При переходе недвижимых имуществ П. платит обычно продавец, государство же охраняет гораздо больше право покупателя, чем продавца. Третий момент заключается в том, что охрану действующей системы норм выполняют не отдельные конкретные органы, с которыми имеют дело плательщики П., а вся система органов, поддерживающих классовое господство начиная с рядового агента полиции и судьи и кончая высшими судебными и административными органами и армией. Устанавливая тот или иной размер П. государство никогда не исходит исторически никогда не исходило и не могло исходить из величины издержек по содержанию того или иного «института», ибо систему установленных норм охраняют одновременно и нераздельно все органы государственного принуждения. Поэтому П., как плата за услуги, которая только что покрывает эксплуатационные издержки данного института, существует лишь в голове теоретиков, извращающих в угоду теории всю историческую действительность.

Устанавливая тот или иной размер П. государство исходит не из выдуманного теоретиками принципа эквивалентности, а из тех же принципов, как и при установле-

нии налога, т.-е. сообразуясь или с величиной доходов и имущества плательщиков (крепостные П.) или из характера своих учреждений, избегая высокими ставками П. слишком осложнять деятельность этих им самим установленных учреждений.

В основе господствующей теории П., по существу, лежит теория государства, носящая название «теории обмена», и названная Лассалем «теорией будочника»; будучи уже вытеснена из других отделов учения о налогах, эта теория продолжает еще безраздельно господствовать в той части, где взимание налогов приурочено к случаям обращения населения к госорганам.

В зависимости от того, какой принцип положен в основу понятия П., решается вопрос о составе П. Господствующая теория, соответственно основному ее принципу, выключает из числа П. и причисляет к налогам, наследственные, таможенные и крепостные П. на том основании, что здесь государство взимает явно гораздо больше того, что стоит ему самому «эксплуатация» соответствующих институтов. Однако, поскольку мы с самого начала признаем П. независимо от их размера одним из видов (точнее, форм) налога, нет никакого основания делать такое исключение. С другой стороны, как мы видели, господствующая теория причисляет к П. плату за школьное обучение, шоссейные сборы, почтово-телеграфную и жел.-дорожную плату (если они не выше себестоимости) и т. д., в действительности же, поскольку природа этих мероприятий и предприятий совершенно иная, чем судебно-административных органов государства, и поскольку в этом случае государство, действительно, оказывает реальные услуги тем, кто вносит эти сборы и платы, нет никакого основания относить их к числу П.

В СССР из числа П. наибольшую роль играет гербовый сбор. По действующему уставу от 17/VIII—23 г., гербовый сбор делится на простой и пропорциональный; простой гербовый сбор взимается с документов и актов, не имеющих характера денежных сделок (прошения, заявления, доверенности, удостоверения и т. п.), и имеет четыре ставки в 6, в 15 коп., в 1 р. и в 1 р. 60 к. Пропорциональный сбор облагает документы и акты, имеющие характер

денежных сделок, ставками в $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{4}$, и $\frac{1}{2}$ процента с суммы документа. Крепостные П., играющие крупную роль в буржуазных странах, в СССР отсутствуют в связи с уничтожением частной собственности на землю. Кроме гербового сбора следует отметить потерявшие у нас свое прежнее значение наследственные П., восстановленные декретом 11/XI—23 г и видоизмененные законом, действующим с 1 марта 1926 г. К более второстепенным П принадлежат нотариальные сборы, П. за действия судебных исполнителей, судебные П. П. арбитражных комиссий (см.), 2% лицензионный сбор за разрешения экспортно-импортных операций, с заграничных паспортов, с горных отводов, за торговую регистрацию, за регистрацию товарных знаков, рисунков и патентов, цензурный сбор, и др. Едва ли правильно отнесены к числу П. портовые (см.), маячные и лоцманские сборы.

Законодательство о П. представляет наиболее сложную и громоздкую часть всего налогового законодательства. Среди других налогов П. отличаются крайней неравномерностью: падая на тех, кто вынужден по тому или иному случаю обратиться к государственным органам, П. являются в значительной степени случайными налогами, затрудняющими часто сношения с государственными учреждениями.

В бюджетах буржуазных стран П. играют очень крупную роль, даже если исключить из их числа наследственные П. В СССР доход от П. сравнительно очень невелик, достигая 8—9% всех налоговых доходов государства.

Д. Кузовков

ПРАВИЛА ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА.—] П. в. р. в буржуазно-капиталистическом обществе. Возникновение и развитие капиталистического способа производства влечет за собой появление института, регулирующего организацию внутреннего распорядка на предприятиях.

На фабрике, где под командой капиталиста объединяется более или менее значительное число рабочих характер самого процесса труда предполагает непрерывную связь между отдельными работами, а правильность и порядок в работе всего трудового организма становится технической не-

обходимостью. Регулирование общественно-го процесса труда становится функцией капиталиста, осуществляющего руководство производством и в то же время эксплуатирующего общественный процесс труда.

Пока капиталист издает единолично П. в. р., обязательные для рабочего переступившего порог фабрики, он является самодержцем, по своему произволу устанавливающим фабричный распорядок, осуществляющим надзор за исполнением работ и налагающим взыскания за их нарушение. «Фабричный кодекс, в котором капитал в частно-правовом порядке и самовластно, без разделения властей, вообще столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее формулирует свое самодержавие над рабочими,— этот кодекс есть просто капиталистическая карикатура того общественного регулирования процесса труда, которое становится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств труда, особенно машин» (Маркс).

Законодательное регулирование П. в. р. встречается в западно-европейских странах со второй половины XIX в. Неограниченный деспотизм нанимателя на фабрике обнаружил перед капиталистическим государством и идеологами капиталистической собственности такую ужасающую эксплуатацию, которая заставила призадуматься над необходимостью некоторого контроля над фабричным режимом. Швейцарский юрист Блунчли обосновывал предложенный им проект законодательного регулирования П. в. р. необходимостью воспрепятствовать появлению «слабосильного и испорченного пролетариата, которому становится в тягость его собственное существование, угрожающее благополучию всего политического организма»

Проект Блунчли предусматривал обязанность нанимателя издавать П. в. р. при условии предварительного утверждения органами государства: в утверждении их могло быть отказано, если правила несправедливы, незаконны или неясны, требовалось оглашение правил путем вывешивания в мастерских: установление штрафов и применение их в отдельном случае предоставлялось нанимателю. Проект Блунчли получил силу закона в 1859 г. Руководящие положения этого проекта легли в основу

законодательного регулирования правил в других странах, в том числе в России (закон 1886 г.). Новелла 1891 г. к германскому уставу о промышленности содержала постановления об обязательных правилах труда для предприятий с числом рабочих не менее 20. До издания этих правил рабочим, занятым в предприятии, или рабочим комитетам (где таковые имеются) должна была быть предоставлена возможность высказаться по поводу их содержания.

Во время бурного рабочего движения после 1918 г. на Западе была сделана некоторая уступка рабочим; было допущено участие рабочих или их представительств в составлении П. в. р. Так, по германскому закону 1920 г. о советах предприятия (Фабзавкомах), напиматель обязан согласовать проект правил с советом предприятия. Непом, издающим П. в. р., считается работодатель совместно с советом предприятия. Но в условиях капиталистического режима указанный закон, который, по мысли реформистов, должен был осуществить «производственную демократию», не устранил монархической власти капиталиста. и, переходя в наступление, капиталисты сводят эти уступки на-нет.

П. П. в. р. в СССР. Проблема создания трудовой дисциплины встала перед рабочим государством непосредственно после Октября. Старая капиталистическая дисциплина, осуществлявшаяся капиталистическим гнетом, угрозой увольнения и голода, разрушилась, новая еще не была создана. Необходимо было «закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы декретировали, узаконили, обсудили, наметили,—закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины. Это самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки» (Ленин, собр. соч., XV, 204).

Формой регламентирования трудовой дисциплины являются, по Т. К., П. в. р., предусматривающие повседневное поведение участников производственного процесса и меры поддержания устанавливаемого распорядка.

«Правила» вырабатываются по соглашению между администрацией и профсоюзами и имеют своей задачей установление общих норм. «В целях регулирования труда в

предприятиях, учреждениях и хозяйствах, «Правила» не могут противоречить законам и постановлениям о труде, а равно действующему в данном предприятии или учреждении колдоговору. Таким образом, содержание «правил» определяется как действующим законодательством, так и коллективно-договорным минимумом.

Как по способу установления, так и по выполняемой ими функции, «правила» должны быть отнесены к числу коллективных соглашений о труде: они занимают место в одном ряду с т.-н. внезаконодательными нормами, устанавливаемыми колдоговорами, постановлениями примирительных камер и т. д. Отмечаемый характер «правил» находит свое выражение в установленной законом неотменяемости «правил» индивидуальными соглашениями: действительны условия трудового договора, ухудшающие положение трудящихся по сравнению с законодательством, условиями колдоговора и П. в. р. Это положение принципиально и практически порывает со взглядами многих германских юристов, отстаивающих допустимость изменения индивидуальными соглашениями условий, устанавливаемых «правилами», поскольку такие изменения не запрещены германским законом.

«Правилами» регулируются как обязанности рабочих, так и обязанности администрации. Это положение идет вразрез с господствующим в западно-европейской теории и практике взглядом на назначение П. в. р.—регламентирование обязанностей исключительно рабочих. П. в. р. в Советском Союзе являются формой регулирования отношений всех участников производственного процесса, независимо от характера выполняемых тем или иным лицом функций.

Примерные П. в. р., изданные НКТ имеют обязательную силу до установления в предприятии или учреждении конкретных договорных правил.

Наложение каких-либо дисциплинарных денежных взысканий властью напимателя или администрации допускается лишь в случаях предусмотренных специальными узаконениями или П. в. р. В обстановке отрицательного отношения к дисциплинарным денежным взысканиям органов проф-

союзов и НКТ, практика обнаруживает полное изживание рассматриваемой формы ответственности работника. Неполнение обязанностей, возлагаемых на нанявшегося «правилами», может влечь за собой замечание, предупреждение, выговор, а в случае более серьезных нарушений — увольнение по решению расценочно-конфликтной комиссии (см.). Эти меры взыскания конкретно предусматриваются в табели взысканий, которая является составной частью или приложением к П. в. р. (устанавливается в том же порядке, как и «правила»).

Функции инспектора труда при утверждении «правил» заключаются в проверке их законности, в установлении полноты их содержания и определенности фиксируемых условий труда. Инспекция труда должна активно участвовать в составлении правил санитарии и техники безопасности, включаемых в П. в. р. или в приложения к ним.

Г. Ривин

ПРАВО. «Вопрос о существовании П. принадлежит к числу наиболее трудных и до сих пор нерешенных проблем. До настоящего времени в общем учении о П. оспаривает друг у друга исключительное господство значительное число существенно друг от друга отличных теорий». Таков вывод буржуазной дореволюционной науки (см. «Вольшую Энциклопедию», ст. «Право») после тысячелетий существования понятия П. и столь же длительной борьбы классов из-за этого «права».

Но пролетарская революция ни перед какими затруднениями останавливаться не может: она должна была решить и проблему П., прежде всего дав и ему критическую оценку с точки зрения революционно-классовой борьбы. Не легко прошла эта задача. Не так давно еще безумно смелой показалась мысль: классовому государству буржуазии противопоставить классовое государство переходного времени. Работа Ленина о «Государстве и революции» и Октябрьская революция почти одновременно решили эту задачу, а вместе с тем и проблему государства, перед которой буржуазная наука П. стояла с такою же беспомощностью, как и перед П.

Если до революции 1917 г. марксисты имели смелость говорить о классовой юсти-

ции буржуазии, то они ей робко противопоставляли беспристрастный, бесклассовый или внеклассовый («социалистический» по терминологии программы с.-д. Германии), суд демократии. Октябрьская революция дерзкою рукою написала декрет о «классовом народном суде» пролетариата, и эта мысль за девять лет революции вполне окрепла. Осталась еще область П. Революционное святотатство против священного, общечеловеческого П. впервые было совершено в 1917—1918 г.г., сначала на деле и лишь позже в теории. Первое официальное определение понятию П. советская власть дала в лице Наркомюста РСФСР в 1919 г. (С У № 66, ст. 490) в руководящих началах по уголовному П.: «П.—это система (или порядок) общественных отношений соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т.-е. классовым государством)». С этого определения и началась теоретическая работа в области П. с революционно-марксистской точки зрения. П. в настоящее время можно сказать, что вопрос стал значительно яснее, и спор сводится лишь к тому, назвать ли П. самое эту «систему или порядок», как «форму организации» общественных отношений, или ту «систему норм или законов», которая «устанавливает, регулирует и охраняет этот порядок общественных отношений», как полагает еще значительная часть коммунистов. Революционно-марксистское понимание П., во всяком случае подавляющим большинством авторов, усвоило классовую точку зрения на П. в нынешнем смысле.

Происхождение П. Мы отвергаем, конечно, вечное существование П. как вечной неизменной идеи П., все равно — божественного ли происхождения эта идея или врожденная, или вытекающая из каких-то имманентных, внутренних, неотъемлемых целей. Для нас все изменчиво, а следовательно и П., как понятие общественного характера, изменчиво и меняется вместе с обществом, т.-е. с общественными отношениями. Но где искать исходной точки образования П.? Чтобы ее найти, обратимся к филологическому происхождению слова «П.». Еще покойный Лафарг показывает, как слова, означающие П., на многих языках одновременно означают понятие «прямое», прямую линию. *ortos* (греч.)

rectum (латинск.), *derecho* (испанский), *right* (английск.), *droit* (франц.) Тут можно прибавить еще русское слово «справда» с характерным противопоставлением ему слова «кривда». Ясно, что это объединение в одном слове понятий «прямой» и «П.» не случайно. Оно относится к первоначальному измерению земли, как это указывает уже и Лафарг. Прямая линия межи была первым признаком П., правды. Так же при первых попытках товарообмена локоть, аршин—священное средство измерения—должен быть прямой; кривой аршин на некоторых языках считается признаком неправды, не-П. Каков вывод? Вывод тот, что генезис понятия «П.» относится по времени к первобытной частной собственности на землю и к первому регулярному товарообмену а не раньше. Ведь и первоначальное П. отчуждать вещь в Риме как раз относится к тому же периоду, когда известно было только П. отчуждения так называемых *res mancipi*, к коим в сущности относились земля и инвентарь (включая скот и рабов).

Выделение из рода, общины в отдельные дворы, хутора, усадьбы или т. п. было прямым последствием технической революции, по видимому, «изобретения» применения плуга, сохи. Но эта первичная частная собственность на землю (еще далекая от позднейшего типа собственности) не была еще обязательно связана с рождением государства и П. Пока земли было достаточно, пашня была строго межеться. Межевание, т. е. прямые «правомерные» границы, возникли лишь с рождением известного имущественного накопления, а вслед за тем и неравенства. Тогда эта «правда» получила уже известную санкцию со стороны власти: межи или межевые знаки были объявлены священными, были «освящены» властью. Но от кого защищала эта «правда»: от зверей или от природных явлений? Нет, она защищала результаты или поле применения труда людей (владельцев) от других людей. Эта правда регулировала, разграничивала взаимоотношения людей в процессе труда.

Таким образом, мы вместо всяких неземных идей П. получаем, как исходную точку, чисто реальное понятие земного П. Пер-

вое понятие «правды», как «правомерного» (прямого тоже) разграничения частной собственности на землю имеет чисто реальное, даже вещественное значение. Все, что находилось в пределах подобной «русской» (римской, немецкой) «правды», составляло собственность семьи, двора или лица. Отсюда берет начало развитие не только П. частной собственности, но и П. вообще, в первую голову так называемого П. в субъективном смысле. Отсюда переносится понятие субъективного П. в область так называемого публичного П. или государства, этой классовой организации господства. Так называемое публичное субъективное П. понимается в том же гражданско-правовом смысле, «П. собственности» на избирательное П., на неприкосновенность личности, квартиры.

Это земное П. является основным П., ибо оно под видом П. собственности или владения принимает характер отношений господства рабства, как основу всякого деления общества на классы, а следовательно, всякого классового П. и т. д.

Этому происхождению П. противопоставляется теория происхождения П. впервые из товарооборота. Эту теорию проводит т. Е. Пашуканис в своей очень интересной работе «Общая теория П. и марксизм». Пашуканис исходит из понятия товарного фетишизма и—это его заслуга—показывает как этот товарный фетишизм неминуемо создает фетишизм права: «Капиталистическое общество есть прежде всего общество товаровладельцев. Это значит, что общественные отношения людей в процессе производства приобретают здесь вещественную форму в продуктах труда относятся друг к другу, как стоимости. Товар—это предмет, в котором конкретное многообразие полезных свойств становится лишь простой вещественной оболочкой абстрактного свойства стоимости, проявляющейся, как способность обмениваться на другие товары в определенной пропорции... Но если товар приобретает стоимость независимо от воли производящего его субъекта, то реализация стоимости в процессе обмена предполагает сознательный волевой акт со стороны владельца товара... Таким образом, общественная связь людей... для своей реализации требует особого отношения людей, как распорядителей продуктами, как субъектов.

«воля которых господствует в вещах». «Поэтому одновременно с тем, как продукт труда приобретает свойства товара и становится носителем стоимости, человек приобретает свойство юридического субъекта и становится носителем П.» Таким образом, из товарообмена возникает договорное отношение. «А раз возникнув, идея договора стремится приобрести универсальный характер».

Автор делает категорический вывод: «развитие П., как системы, было вызвано не потребностями господства, но потребностью торгового оборота». Но ведь Маркс утверждает прямо противоположное: когда он говорит «о перевороте в отношениях собственности, из которых, как из своей основы, исходило изменение способа производства», и о том, что «распределение средств производства (т.е. отношений господства) предопределяет и распределение продукта». Мы из римской истории знаем, что и первая форма отчуждения, как П., относилась как раз не к товарам, а к земле и инвентарю (*res mancipi*), т.е. средствам производства.

Тов Пашуканис прав, поскольку он говорит о буржуазном П., но не о П. вообще, как мы его понимаем. П. если мы говорим о П., как о классовом понятии, диалектически меняющемся соответственно соотношению сил общественных классов и соответственно смене у власти классов, то мы должны признать, что буржуазному П. предшествует феодальное П., определенно признаваемое К. Марксом, в котором безусловно решающее значение принадлежит принципу господства, притом господства над людьми при посредстве вещей (оттуда так называемое вещное П.).

Нам приходится сделать вывод, что по времени П., как понятие господства, т.е. П. на землю (вещное П.), возникает раньше, чем понятие П. на продукт, т.е. вытекающее из трудового начала обязательственное П. В правоведении эти два вида П. в грубой форме обозначаются как П. на недвижимость и П. на движимость. И сама буржуазная наука констатирует, что «П. на движимость и П. на недвижимость между собою постепенно сближаются». Дру-

гими словами, постепенно, по ходу развития товарного хозяйства и особенно капитализма, сливаются два, вначале разных, понятия: П. — господство и П. — договор обмена эквивалентов, или вещное и обязательственное П. Теперь даже в буржуазной науке замечается обратное течение: «Без тяжкого нарушения интересов с одной и другой стороны нельзя подчинить движимость и недвижимость одним и тем же нормам», так мы читаем в объяснении к проекту швейцарского гражданского уложения.

Но эти авторы не замечают, что тут идет речь о слиянии двух классовых П., вещного — феодального и обязательственного — буржуазного по преимуществу, при чем обязательственное П. в стадии монопольного капитализма вновь возвращается к началу «господства» над людьми при посредстве вещей (диктования норм), а не «свободного» соглашения.

Работа т. Пашуканиса внесла крупнейший вклад в науку П.; теория буржуазного П. раз навсегда лишена ее фетишизма со вскрытием ее реальной основы. Но остается ее согласовать с теорией П. — господства. Если феодальное П. нам представляется в виде непосредственного (по преимуществу) господства, то господство в буржуазном П. является «посредственным», т.е. через посредство системы абстрактных формул П., норм свободы субъекта П. и т.д. Интереснейшая страница превращения феодального П. в буржуазное, захват формулами эквивалентного обмена товаров всех прочих общественных отношений, не останавливаясь перед земельными и даже чисто личными отношениями, еще никем не написана. Далее, нельзя не остановиться на том, что вскрыта подоплека буржуазной правовой идеологии первого периода: остается исследовать и второй период капитализма, который, удаляясь от простого товарообмена, вновь переходит к открытому господству — рабству монопольного капитализма (см.) и империализма (см.) Вкратце об этом идет речь в статье «Правоведение».

Во всяком случае, земное происхождение П. революционным марксизмом твердо и наглядно установлено.

П. и класс. Я уже сказал, что для нас всякое П. является классовым. Не было его в доклассовом обществе и не будет в

бесклассовом. Но в обществе классовом ни один господствующий класс без II. обойтись не может. Для того и образовалось государство, чтобы держать в подчинении подавленный класс, а II. и является формой организации этого подавления, в широком смысле, как организации эксплуатации подавленного класса. Для понятия II. основное значение имеет классовый интерес, для охраны обеспечения которого и существуют II. и государство. Здесь, конечно, имеется в виду не отдельный интерес отдельных членов класса, который нередко противоречит интересам других членов того же класса, также и не совокупность, как простая сумма интересов, но основной его интерес — интерес класса в целом, который может в данный момент вынужденно или добровольно идти даже на известные компромиссы, уступки. «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против некоторого другого класса, в основном они сами противостоят друг другу враждебно, как конкуренты. С другой стороны, класс объективируется, в свою очередь становясь чем-то самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят пред установленными условия своей жизни класс указывает им их житейское положение, а вместе с тем и их личное развитие, он подчиняет их себе» (Маркс и Энгельс о Фейербахе, «Архив», I, стр. 243).

Хотя пролетариат после победы и уничтожает эксплуатацию человека человеком вообще, но это — длительный процесс классовой борьбы; и на это переходное время для окончательного подавления угнетателей необходимо государство особого типа, пролетарская диктатура, а равно и особое, советское II. «Писаному» советскому II. (см.) предшествует пролетарское правосознание (см.), как сознание победившим классом своего классового интереса.

II. и государство. Тесная связь между ними очевидна. Уже из нашего определения понятия II. вытекает, что не может быть II. там, где нет государства. Но в развитии общественных отношений иногда трудно провести грань между разными этапами движения, например, между орга-

низацией родовой и государственной, первоначальным классовым обществом и обществом бесклассовым и т. д. Скорее всего, что II. и государство возникли одновременно. Тем более, что именно в этот период отношения производства и господства, конкретная система отношений и абстрактная совпадали теснейшим образом. Роль государства заключается в охране, обеспечении, а вначале и в проведении данной организации общественных отношений путем закона и его применения посредством всего своего аппарата. Мы знаем, что Маркс еще в устав I Интернационала вписал, что «цель завоевания политической власти заключается в переорганизации общества» (т.е. общественных отношений). «Буржуазное II. по отношению к распределению продуктов предполагает, конечно, неизбежно буржуазное государство, ибо II. есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм II.» (Ленин, XIV, 2, 377)

II. в покое и II. в движении. II., как всякое общественное явление, может быть рассмотрено либо в покое, либо в движении. Первый метод, догматический, является отличительным признаком буржуазной науки. «Достижения высшей власти», победившая буржуазия объявляет свое государство, свое II. совершенным, вечным, священным. Она объективирует эти отношения либо в идее, понятии, либо в положительном законе, как норме поведения, и уже путем дедукции из первого или путем разъяснения второго эти «объективные» абстрактные отношения применяет к конкретной жизни, по отношению к которой часть этого общества допускает (хотя и в незаметных для глаз дозах) прогресс, развитие, как «саморазвитие идеи II.». Это и есть то, что называется консервативным элементом II.

Классовая теория II. может быть только революционной. Она рассматривает и II. в его движении, т.е. революционно-диалектически — в процессе борьбы классов. Она и в II. видит не вечные категории, а меняющиеся отношения. Но зато это II. играет революционную роль, как II. восходящего класса, как форма переорганизации общества. II. революционно даже в моменты реставрации, только на этот раз контрреволюционно, ибо, как еще Маркс

сказал, и контрреволюция есть все-таки революция.

Рассматривая вопрос о П. революционности диалектически, мы приходим к заключению, что и к нему применимы законы движения или развития общественных явлений вообще. Мы отвергаем взгляды отрицающие вообще возможность открытия подобных законов развития. Так, напр. неправильно утверждение Булгакова, что «Маркс считал возможным мерить и предотвратить будущее по прошлому и настоящему, между тем как каждая эпоха приносит новые факты и новые силы исторического развития—творчество истории не оскудевает». Мы, революционные диалектики, вслед за Марксом говорим совершенно верная мысль, что каждая эпоха приносит новые факты и новые силы, поэтому «каждый исторический период, т.е. каждый период экономического развития, и имеет свои особые экономические законы движения». Мы поэтому и различаем феодальное, буржуазное и советское П. Но, говорим мы все формы классового П. имеют и свои общие законы движения или развития, и особенно в самые моменты перехода одного периода в другой. В момент, когда побеждает новый класс, особенно, если оба борющихся класса стоят на противоположных полюсах (напр. дворяне—крестьяне, капиталисты—рабочие), характер П. резко меняется, но все-таки у того и другого П. общим является то, что оно охраняет интерес победившего класса и т.д. В этом пункте гренат и коммунисты как те, которые вообще не считают возможным найти общее определение понятия всякого классового П. так и те, которые, исследовав одно буржуазное П. свои выводы провозглашают общими для всякого П. Особенно резко это выдвигается при сравнении буржуазного и пролетарского П., потому что другого такого гигантского скачка как переход власти от класса капиталистов к классу наемных рабочих, история не знает (см. Буржуазное П. и Советское П.).

Базис и надстройка. Этот вопрос особенно ярко выдвигается в проблеме о П. и государстве. По существу, в данном случае вопрос сводится к вопросу о бытии

и сознании. Оставляя здесь в стороне вопрос о том, что надстройка в известных случаях понимается более материально (см. т. Бухарина), здесь нам важнее всего подчеркнуть то, что сопоставления П. и экономики с базисом и надстройкой как-никак есть образное выражение, понимаемое не буквально. Так, напр. Ленин доказывает, что после завоевания советской власти пролетариат может под свою новую надстройку подвести недостающий фундамент, имея в виду нэп и «культурную революцию». Но весь этот вопрос по существу относится к вопросу о диалектическом или экономическом материализме (см.). Здесь я скажу только то, что П., как конкретная «форма организации отношений производства», совпадает с самими производственными отношениями и по сему неотделимо от бытия, тогда как правовые нормы (законы и правовая идеология)—очевидная надстройка.

Для нас конечно, нет надобности доказывать преобладание базиса (производительных отношений в зависимости от производительных сил) над надстройкой. Но столь же бесспорно и обратное влияние сознания на бытие. Если мы в П. усматриваем сознательное и организованное воздействие на общество, если революционное право есть не что иное как форма реорганизации общества, то всякие сомнения на этот счет исчезают. Предпосылкой тут является степень, в которой нами осознаны законы общественного развития, ибо наше воздействие происходит лишь по линии этого развития. Конечно, на деле П. чаще всего, до сих пор служило моментом задерживающим, консервативным, контрреволюционным в руках классов-уплетателей.

Право и закон (нормы) П. среди коммунистов еще, пожалуй, преобладает мнение, что П. и закон более или менее гомогенны; что П. в так называемом объективном смысле и есть совокупность норм свод законов. По существу, такое беспомощное отношение к вопросам П. объясняется тем, что мы еще не изжили того «юридического мировоззрения», которое, по словам Энгельса, является классическим мировоззрением буржуазии. А буржуазное мировоззрение в П. поставившее закон на место бога, как раз заключается в обожествлении фетишизации закона.

Нет другой эпохи в истории, когда жажда закона так охватила бы целый класс, как это было у «третьего сословия» во Франции XVIII в. Его основной лозунг—«конституция и законы» Первое революционное собрание так и называлось «конституантэю», следующее—законодательным. А конституция ведь только есть основной закон, закон законов. В чем причина скверных нравов, спрашивает Кондорсе, и отвечает в скверных законах. Комбасерес, один из авторов «Кодекса Наполеона», писал в 1794 г. что «законы являются зародышем новых нравов». Быть вне закона, объявить «вне закона» означало приговор, равный смертной казни. «Я определяю революцию, как наступление закона»—таков вывод Мишле из всей французской революции. Слово «закон» делается как бы абстрактным символом революции. Монтескье свой основной труд назвал «О духе законов». Как «Разуму» и «Высшему существу», так и закону еще по решению Закон. собрания 1792 г., был введен особый праздник в первое воскресенье 9 июня с участием властей и национальной гвардии (см. Теруа—«Закон»).

Но закон третьего сословия нашел и свой революционный протест. Когда, напр., в первые месяцы 1792 г в окрестности Парижа возникли серьезные беспорядки по поводу дороговизны хлеба и мэр отказался назначить таксу ниже цены во имя закона, ответ его вызвал восстание, он призвал войска, которые, однако, его оставили, и он был убит с криками «Да здравствует нация» тем же народом, который на основании конституции 1791 г присягал верности нации, закону и королю. Значит, еще тогда возник протест против закона во имя чего-то другого: хлеба.

Идеологи французской революции, а Монтескье во главе, отождествляли закон и разум как прежде отождествляли короля с богом. В законе искали кратких формул поведения. Когда был выработан первый кодекс, имевший 719 статей («Код. Наполеона» имеет 2.000), он был отвергнут как слишком сложный. Но еще раньше буржуазный писатель (Linguet) на слова Монтескье: «что такое дух законов» с сарказмом ответил: «Это—собственность у буржуазии» Значит, эта «идея закона», этот разум закона и т. д.—не что иное как

«идея обеспечения П. частной собственности»

Маркс и Энгельс еще в своей «Немецкой идеологии» («Арх М и Э.», 252) пишут: «Так как государство—это та форма, в которой индивиды некоторого господствующего класса выявляют свои коллективные интересы и в которой концентрируется все гражданское общество некоторой эпохи, то отсюда следует, что все учреждения общего характера создаются государством целукая благодаря этому политическую форму. Этим объясняется иллюзия, будто закон основывается на воле и притом на свободной, оторванной от своей реальной основы, воле. Точно так же и право сводят в свою очередь к закону»

Но каково в действительности соотношение П. и закона? Если отбросить случай, когда данный закон уже перестал «гласить», сделался «латентным» (latent), исчез на деле, а равно отбросилось и то громадное количество отношений, которые не охватываются законом, то закон действительно является идеологическим выражением П. данной эпохи. Часто это классовый компромисс соглашение как указывает самое латинское слово «lex» Власть господствующего класса в законе выражает идеологически ту форму организации общественных отношений, которая соответствует коллективным взглядам господствующего класса или его вождей (что одно и то же на деле) о своем интересе. Маркс в «Немецкой идеологии» и показывает как «отношения в юриспруденции... становятся понятиями», или в другом месте там же, что «отношение для философов—идея» «они знают лишь отношения человека к самому себе, и поэтому «все реальные отношения становятся для них идеями».

Еще калетский проф. Муромцев писал: «Вместо совокупности норм под П. разумеется совокупность юридических отношений (правовой порядок). Нормы же представляются, как некоторый атрибут (придаток) этого порядка» Слова «атрибут» конечно тут недостаточно. Закон представляет не что большее: это программа господствующего класса, сделанная принудительно обязательной для всего народа, со всеми

мерами ее проведения. Это в некотором роде веши, межевые знаки, поставленные для общественных отношений или линии проведения в жизнь организации этих отношений. Меньше всего это «нормы поведения», — определение, весьма распространённое, но чересчур уже похожее на пережиток.

П. в объективном, П. в субъективном смысле и правда-справедливость, или интуитивное П. Каков смысл этого тройного деления права у буржуазных правоведов? П. в объективном смысле юрист называет совокупность всех норм, в котором, по его представлению объективировалась идея П. воплотилась правда-справедливость законодателя (воля народа). П. в субъективном смысле, напротив, для него представляет соответствующие этим нормам юридические отношения между субъектами П. Во всей совокупности этого представления решающую роль играет, однако, правовая идеология идея П. Эта тройственность П. существует в буржуазном обществе, но она существовала не везде и не всегда. При рождении П. вообще эти три разновидности одного и того же общественного отношения совпали, на что Маркс указал еще в введении к своей «Критике»: «Отношения производства в качестве правовых отношений лишь впоследствии вступают на неодинаковый путь развития». Но конкретное отношение все более расходится с законом (абстрактным изложением отношения) и с идеологией (абстрактная концепция этого отношения). В буржуазном обществе товарному фетишизму соответствует фетишизм закона, а идея П. (справедливое П. — *billiges Recht*) противопоставляется тому и другому. Центр тяжести переносится на закон, а идея победы буржуазной революции на идею П. (естественное П.). Реальное конкретное правовое отношение поставлено на голову, наша задача поставить его опять на ноги. «Сознание никогда не может быть чем-то иным, кроме как только сознанным бытием, а бытие людей — это реальный процесс их жизни» (Маркс и Энгельс)

Из всего сказанного вытекает, что это деление П. для коммуниста не годится. Для него объективным прежде всего является конкретное отношение производ-

ства, или обмена, значит, о П. в объективном смысле он может говорить лишь в этой конкретной области конкретных правовых отношений. Субъективны для него, наоборот, в классовом обществе закон и идея П. Но сама разединенность конкретного и абстрактного общественного отношения и для него остается, пока не будет одержана полная победа и производственные отношения из стихийных отпошений, отражающих господство вещи (напр. машины) над человеком, не превратятся в сознательные отношения. Это же одновременно будет моментом отмирания государства и всякого П., как следствие уничтожения деления человечества на классы.

П. и нравственность. Еще гораздо менее ясно, чем понятие П. — понятие нравственности, морали. Имеет ли она связь с П. близка ли она ему или чужда? Обычно эти понятия противопоставляются по признаку «внутреннее — внешнему», либо как внутренние правила поведения с противоположности внешним или как нормы регулирования «внутреннего» или «внешнего» отношения. Вы замечаете некоторое курьезное передвижение слов «внутренний» и «внешний», относя их то к «употреблению» (внутр. или внешнему), то к результату этого употребления. Но что в человеке считать внутренним и что внешним? Т. Гурвич в своей работе «Нравственность и П.» указывает на интересный факт то сближения, то отдаления П. от нравственности. «Наука начала с принципиального противопоставления П. и нравственности. Но как только П. перестало нуждаться в критике со стороны утвердившего свою политическую власть класса начинается сближение П. с нравственностью». («П. — этический минимум») А сам т. Гурвич приходит к выводу что «в сознании класса правотворящего правовой постулюк совпадает по общему правилу с моральным мотивом: на то он и правотворящий класс. Но когда подчиненный класс принуждается П. к действию, нравственно отрицаемому, он уступает уже не П. и не нравственности, а голому насилию». В этом отпошении т. Гурвич прав. Но когда он говорит о самом характере нравственности и переносит ее из области антропологии в зоологию (Вундт), объясняя ее нравственным инстинктом, то он забывает, что Маркс и

Энгельс (о Фейербахе) показали, что «человек от барана отличается тем, что его сознание ему заменяет инстинкт, или что его инстинкт носит сознательный характер» Энгельс в «Анти-дюринге» и мораль и П одинаково называет «общественными отношениями», значит, отношениями, вытекающими из производства и обмена. Не надо забывать, что в обществе, в котором средство производства, орудие господствует над человеком,—несмотря на то, что человек является именно животным, делаящим свое орудие,—инстинкт-сознание существенно отличается от инстинктов прочих животных. Когда Маркс в «Капитале» говорит о «невидимых нитях, привязывающих наемного рабочего к его господину, в отличие от грубых цепей римского раба», то он этим и указывает, где искать путь к пониманию как П., так и нравственности. В моей кн. «Роль права» определенно отношение П и нравственности словами: «Нравственность есть более общее, П. более узкое понятие, ибо П. охватывает в общем лишь отношения производства и обмена. Нравственность господствующего класса в области этих отношений более или менее совпадает с П.; значит, правосознание господствующего класса есть и часть этики этого класса. Напротив, у угнетенного класса она определенно расходится с П., как расходятся и интересы обоих противоположных классов».

Деление П. П. делится на отрасли, причем для буржуазного правоведения, видевшего П исключительно иди преимущественно в законе это деление протекает весьма просто. Первое место в него занимает основной закон, закон законов (конституция—государственное П.); она устанавливает порядок в виде разделения власти и ставит рамки и для законодательной власти, творящей все П., т.е. все прочие законы П. она дальше делит на материальное (гражданское, торговое, уголовное) и на формальное (судопроизводство, административное П. и т. д.), причем последнее может иметь столько же подразделений, сколько имеется в государстве ведомств.

Наш взгляд на деление П. совершенно иной. Для нас основным П. П. в собствен-

ном смысле слова, должно являться т.-н. гражданское, или, по нынешней терминологии, хозяйственное П., определяющее взаимоотношения людей в процессе производства и обмена. Для проведения и охраны этого П и существует классовое государство, существо которого излагают конституция и государственное П. Схема материальной охраны как основного П., так и государства излагается в уголовном П., как содержащем способы борьбы против социально-опасных для этого строя людей и их деяний путем мер социальной защиты (прежде наказаний) К этой же категории отчасти относится и так называемое административное П. Каждое из этих П. имеет свои подразделения по схемам, пока заимствуемым из буржуазного П. Необходимо прибавить еще и международное П. С развитием отношений международного обмена возникают отношения, выходящие за пределы данного государства, возникают компромиссы и соглашения между целыми государствами о сношениях их «подданных» устанавливаются известные обычаи для сношений как частных лиц, живущих в разных государствах, так и самих государств. Начинают говорить даже о «П. войны».

Теория и практика П. Такое противопоставление на деле существует. Особенно силен антагонизм между теорией и практикой П. в буржуазном обществе. Эта тенденция проявляется и у нас. Мы еще не справились с юридическим мировоззрением, его еще не преодолели, а вместо того, чтобы вести серьезную борьбу, мы закрываем глаза на марксистскую теорию и тащим к себе без критики буржуазную теорию и практику. Нет ничего вреднее такого взгляда. Наша революция, т.е. практика, без нашей сознательной инициативы, поставила классовую проблему П., и мы не в праве от нее уклониться. Пренебрежение этой теорией чревато опасными последствиями. Научная теория П.—впервые как классовая теория она превратилась в науку—должна стать существенной частью теории диалектического материализма. И в П. теория и практика должны быть едины, больше чем в какой бы то ни было другой области. Ибо «истина всегда конкретна, а не абстрактна»

П. Стучка

ПРАВОВЕДЕНИЕ (юриспруденция). «Разделение труда.. обнаруживается и в господствующем классе в виде разделения на духовный и материальный труд, так что одна часть этого класса выступает внутри его в качестве мыслителей его (активные, творческие, концептивные идеологи класса, для которых главным средством пропитания является выработка иллюзий этого класса о самом себе) в то время, как другая часть его относится к этим иллюзиям пассивно и рецептивно, ибо в действительности они являются активными членами этого класса и имеют мало времени для составления себе иллюзий и мыслей о самих себе» (Маркс и Энгельс о Фейербахе). Если такими мыслителями господствующего класса для первоначального классового общества были жрецы, духовенство, то для буржуазного общества это место принадлежит юристам, правоведам. «Еще в XVII в. религиозное мировоззрение теряет свое господствующее положение, и уже 50 лет позже его заменяет новое—юридическое, которому суждено сделаться классическим мировоззрением для буржуазного общества. Оно представляет собою превращение богословского мировоззрения в светское. Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви — государство» Эти слова Энгельса, писанные им в 1887 г. („Neue Zeit“), замечательно метко рисуют роль юристов, правоведов в буржуазном обществе. Ныне статистические данные о составе любого парламента подтверждают эту характеристику (во Франции в 1908 г. из 745 депутатов—300 юристов!) Это особое сословие юристов в буквальном смысле вырабатывает право для буржуазии, понятное только им, а вслед за тем делается посредником между правом (вернее «сводом законов») и прочими смертными.

Но в то время как правоведы играют столь важную роль в государственной жизни, как они еще в древнем Риме свое П именуют «знанием божественных и человеческих дел, наукой права и справедливости», а в буржуазном обществе эту науку в университетах выставляют специальною подготовкою для государственного управления.—наука их сама хромает на все четы-

ре ноги, серьезные ее представители выражают сомнения—«может ли она вообще быть наукой», а известный Виндшейд ее остроумно и метко назвал просто «служанкою, хотя и с короною властителя на голове». Она не могла быть наукою, пока она не стала на классовую точку зрения (хотя бы и господствующего класса), но этого она сделать не могла, ибо внеся классовую (революционную) точку зрения в науку права, она «оправдала» бы, объявила бы законною, правомерною и пролетарскую революцию. Лишь когда революция пролетариата побеждает—и буржуазия тоже становится на «революционную» (т.е. по-нашему, контрреволюционную) точку зрения она начинает откровенно говорить и о своем классовом праве.

Я не буду останавливаться на II римского периода, хотя II и там проделало интересные стадии развития, из жрецов церковных превращаясь в жрецов светских, т.е. впервые в особое сословие юристов. Когда, начиная с XII в. римское право путем рецепции стало действующим правом для всей феодальной Европы, воскресли и римские светские жрецы, «доктора прав», доводившие свое классовое право в интересах господствующих классов до того, что революционные крестьяне (крестьянских войн XVI в.) ругали их живодерами, разбойниками и гнали их палками. Но буржуазия, как новая фракция имущего класса, постепенно вырастает в новое общество, и вместе с буржуазией, как параллельным господствующим классом городов, рождается и ее наука права. Интересно что она здесь начинает с полного разрыва теории и практики положительного права и философского права. Естественное право, как философия, теоретическая программа восходящего класса, находится целиком руках не юристов. Оно проделывает интересные скачки одновременно с нарождающимся капитализмом: из Италии (Фома Аквинский—XIII в.), в Голландию (Гуго Гроций—XVI в.), Англию (Гоббс, Локк) и Францию (Руссо), где с победою буржуазной революции совершается смычка теории и практики: «Философия» естественного права превращается в «декларацию» положительного «права человека и гражданина» Естественное пра-

во (см.) исчезает. По двойственности продолжает существовать в самом положительном праве в его лицемерии. Некоторые отзвуки естественного права еще переходят в философию отсталой революции в Германии—у двойственного (дуалиста) Канта и диалектического идеалиста-мониста Гегеля. В атмосфере революции на время диалектика Гегеля увлекает и часть буржуазной интеллигенции. «Но вражда эта (между интеллигенцией и остальной частью класса) исчезает сама собой при всякой практической коллизии угрожающей существованию класса» (Маркс и Энгельс о Фейербахе). Стоило только подняться пролетариату, появиться революционным выводам Маркса из диалектики Гегеля, чтобы и революционность этой гегельянской интеллигенции исчезла. Естественное право и его школа в правоведении были погребены навсегда.

Место революционной школы естественного права занимает контрреволюционная историческая школа (см.),—Гуго Савиньи. Пухта,—«стремящаяся подлость сегодняшнего дня узаконить подлостями вчерашнего дня». (Маркс). Право по их учению, заключается в изложении «национального духа» и в медленном его развитии. В науку права эта школа внесла ценный вклад правового материала, народных обычаев, исторических материалов и т. д. Она подготовляла почву для научного подхода к праву. Историческая школа снабжала своим научным багажом и наших славянофилов и других буржуазных националистов.

Освободившись от романтизма исторической школы и ее «национального духа», буржуа обратился лично к своей персоне. «Нормальный филистер», властвующий в его полит. экономии, переселился и в П. в виде разного рода психологических школ, к которым причислится приходится и т.-наз социологическую школу, объявляющую социологию наукой о человеке, как члене общества, т.-е. о том же «нормальном филистере». Психология нормального буржуа, его идеология или воля творят право. Известные оттенки во все эти теории вносит принадлежность к тому или иному слою буржуазии, а главным образом, мелкой буржуазии, ибо чисто буржуазный юрист вообще бросает на у к у

права и предпочитает ее технику (законодательную и правоприменительную)

Испугавшись тени своей собственной революции, уже превратившейся в контрреволюцию, буржуазное П. остановилось на пошлейшем из всех философов права, Перемии Бентэме (1748—1832 г.г.). Все эти алхимики права, искавшие чудодейственной формулы своей справедливости, были побеждены Бентэмом, которого еще Маркс обозвал «гением буржуазной глупости». Его «верховным принципом для человеческой жизни является начало пользы», т.-е. «стремления к удовольствию и избегания страдания». «Возможно большая сумма счастья для возможно большего числа людей». «Интерес индивидуума есть в то же время и общественный интерес» и т. д. Бентэм оставил бесконечно много книг. Особенной популярностью он пользовался у нас до самого дня революции. С ним последние десять лет до войны успешно конкурировал разве только германский профессор Штаммлер, прославившийся своим углублением и исправлением Маркса. Это нечто в роде «идеалистического материализма» в праве.

Еще до 1905 г. мы дожили и до своего «естественного права» в русском переплете, до «интуитивного права» психологиста, кадетского профессора Петражицкого. Его крупный талант завоевал ему в России и даже за ее пределами сразу большую популярность благодаря тому, что он сумел найти цензурную формулу для буржуазно-революционного лозунга, «интуитивную, т.-е. внутреннюю, законность». Когда он свою идею права формулировал, как «идею любви между людьми», он как бы предвосхитил популярного не только у нас венского психолога Фрейда (ср. его «либидо»)

В Германии с расцветом эры Бисмарка выдвигается на момент свежая струя, смелая мысль в лице проф. Иеринга (Ihering), провозглашающего свою «борьбу за право» и «теорию защищенного интереса», но только не классовую борьбу и не теорию защищенного классового интереса. Остановившись на полпути, и Иеринг остается в том же глупике телеологии и волевой теории. Из этого глупика теорию интереса не выводит и смелый ученик и последователь Иеринга Муромцев. И он, отбросив волевой подход к

телеологию, остановился перед призраком классовой борьбы, спасая в эклектику, оставил круг правоведов и ушел в политику и недаром впоследствии стал кадетским председателем государственной думы.

Поднимается первая волна «социалистических» теорий права в лице мелкобуржуазного направления «юристов-социалистов», как их обозвал Энгельс. Самым крупным и интересным представителем этого направления является венский профессор Антон Менгер. Эта теория мирного, правового вращивания в новое—социалистическое—общество охватывает в правовой области социал-демократию всего мира. Но надо сказать, что Антон Менгер все-таки интереснее его последователей, особенно если они социал-демократы. Менгер даже не отрицал случаев революционного развития права (например, рецепцию римского права во всей Европе, позаимствование англ. государственного права и т. д.), и, главное, он не скрывал своего буржуазного образа мыслей.

Интересную критику буржуазного права дал мелкобуржуазный анархист проф. Гумплович, но она не развилась в особую школу, а воинственный по тону Гумплович сам застрял в тех же примирительных тенденциях.

Ничего интересного не дали и разные социологические направления в П. Правда, у них подход стал интереснее, но все они Эрлих и др. остановились в недоумении или непонимании пред классовым характером права, застряли в бесплодном экономизме.

Если учения философов естественного права и абстрактные формулы революционного положительного права буржуазии в своих принципах равенства, юридической свободы договора, свободного субъекта права и т. д. лишь отражали принцип эквивалента в обмене товаров, как универсальном отношении людей, то по мере перехода от общества простого товарного производства к капиталистической эксплуатации, как господствующему способу производства, и в особенности к стадии *монополярного капитализма и империализма* все более и более обнаруживается противоречие свободы договора и свободы личности экономической действительности. «Торговец покупает лишь для того, чтобы дороже продать», а капиталистом-монопо-

листом руководит не принцип свободы и эквивалента, а принцип диктования (на счет другого класса) условий распределения продукта труда, не уравнение (Gleichmacherei), а сверхприбыль (Plusmacherei). Вот почему и буржуазная теория права, как бы она ни была консервативна хотя и медленно, поддается влиянию экономики. Особенно во Франции к концу XIX и к началу XX столетий поднимаются протесты против явно устаревших правовых теорий французской революции, и начинается искание новых принципов примирения права с экономической действительностью. На первом месте мы тут имеем теорию Дюги (см.¹) о социальных функциях. Дюги называет теорию свободы воли субъекта права и свободы договора *метафизической*: напротив свою теорию как права, так и государства он называет реалистической ибо выводит ее из факта существования права и государства. Старая теория, по словам Дюги, «в определенный момент» «индивидуалистического государства» (читай: простого товарообмена) соответствовала факту. Теперь этого более нет. Общественное разделение труда (читай: разделение на классы) создает взаимозависимость людей (солидарность) «Человек не в праве быть свободным, ныне свобода заключается в обязанности, «в выполнении своей социальной функции», ибо в силу принципа солидарности «каждый индивид должен выполнить в обществе какую-либо функцию». Существование классов—факт, который критиковать Дюги не считает себя в праве «Собственник имеет обязанность, а тем самым и полномочие»: этой священной функции собственника соответствует священная функция неимущего, рабочего. Эксплоатация рабочего является правом капиталиста, ибо это факт. Тов. Гойхбарг, составившийся поборником этой теории у нас, проглядел ее основу, монополярный капитализм с его стремлением установить капиталистическую плановость хозяйства: он

¹) Я называю здесь Дюги, как теоретика, прославившегося у нас и составившего целую школу. Почти одновременно теорию социальных функций подносит и австрийский теоретик империализма, социалдемократический марксист Реннер (Карнер), примыкающий к юридическому социализму.

нашей в ней социализм. Дюгизм поныне имеет большое влияние на правоведов, особенно у нас.

К той же категории правоведов периода монополюльного капитализма можно отнести другую французскую группу юристов во главе с Салейлем. Жени и др. с их теорией присоединения (*adhésion*) и принудительно диктованному другому сто-роною договору. Они у нас менее известны, чем Дюги, который, несмотря на близкое родство этих теорий, с ними полемизирует.

Наконец, тому же периоду монополюльного капитала соответствует и теория, идущая в противоположную сторону, не к примирению с экономикой, а к полному разрыву с нею. Эта теория отрицает для права всякое значение экономики или социальных отношений. Это—школа и школы (ибо тут сколько авторов, столько школ) нормативистов (см. Нормативизм). Их дело—очистить П. от всяких неправовых (исторических, социальных, правополитических) примесей, превратить ее в науку «чистых параграфов» (статей закона). Это должна быть «чистая наука права», она должна ограничиться «чисто нормативным подходом» к области должного, отбрасывая все бытие и все целевое (Кельсен). Это в известном смысле правовая «право-статейная» (параграфная) робинзонада У других авторов эта теория превращается в чистую правовую математику. Вся эта, доведенная до крайности до абсурда вера в закон, в закон, в котором нас должна интересовать только техника формы, а не его содержание—цель или база.

Вторую волну социально-правового примиренчества открывает начало революционной эпохи 1918 г. Смесь теории социальных функций, опыта государственного военного «социализма» Запада и сознательного социального обмана—таковы те иллюзии, которые в начале мировой революции стали «вырабатывать, как иллюзии» текущего момента для класса капиталистов В Германии мы встречаем целый ряд лиц (крупнейший из них—Гедemann), перекрашивающих в социалистическое хаки все грабительские военно-хозяйственные приемы империалистической Германии. Это пополнен-

ные опытом 1914—18 гг. старые песни социалистов-юристов, от которых ныне с наступлением и по мере наступления фашистского периода все они стараются под разными благородными и неблагородными предлогами отделаться. Весьма возможно, что они найдут дорогу к прямой своей противоположности, к чистым нормативистам. Недаром сейчас поднимается настоящий вопль о разрастающейся популярности Кельсена. Не исключена возможность, что Кельсены превратятся в Бенхамов XX в.

Правоведение в пауку превратила впервые Октябрьская революция 1917 г. Сперва жизнь, за нею теория. Все законы старого мира были сожжены в буквальном смысле слова. Жизнью был поставлен вопрос о вечном характере и вечной жизни права, и был разрешен определенно отрицательно. Выдвинулась и укрепилась мысль о классовом праве. Появилась новая наука классового права. Это настоящая большевизация П. по ней см. Советское право.

Остается еще сказать пару слов о «большевизации» буржуазного П. в реакционном смысле. Буржуазия стала учиться у «большевиков». Особо по это надо отметить в типе вождей фашистов в Италии (Муссолини и др.), копирующих не только методы государственного управления, но и уголовного права и т. д. Но, конечно, эта копия превращается в карикатуру при отсутствии власти трудящихся, ибо правительство незначительного меньшинства не может просто перенять методы громадного большинства, трудящихся. Его провал как теоретический, так и практический неминуем. Однако и в теории буржуазных правоведов мы все чаще находим подчеркивание классового характера буржуазного права, что, однако, тут принимает форму циничной откровенности горсточки контрреволюционного меньшинства. Все эти тенденции прежде всего проявляются в политике и вместе с тем в теории о государстве но от государства к праву есть только один шаг.

Мы усвоили классовую точку зрения и на право и тем указали П. самостоятельное место среди наук. Но само советское право только-что вырабатывается жизнью, а в теории мы еще отстаем от жизни. Мы в

теории еще не сумели освободиться из оков ни права, ни II. буржуазии. Наши попытки создать коммунистические юридические университеты или свои советские факультеты в государственных университетах зависят от лекторов и преподавателей, в большинстве не-коммунистов или лиц, по крайней мере, не освободившихся от буржуазно-правового мировоззрения. Положительные результаты еще не видны, хотя, конечно, молодежь сама сумеет выработать свое мировоззрение как это в свое время сделала и молодая буржуазия, выработавшая свое новое правопонимание при учителях отживающего мира.

В секции теории права и государства Комм. Академии, а равно и в Институте советского права и его журнале работает небольшое ядро коммунистов. Наконец большая армия юристов-практиков размещена по всему ведомству юстиции, но слишком занята практической работой и самоподготовкой. Когда удастся и будет достигнута увязка всех этих сил с новым II, как действительной наукой права по советского, классового права, тогда образуется сила, которая смело сможет пойти в бой со старым, буржуазным, т.-е. юридическим, мировоззрением и в области права.

«Нас,—объявляет Секция права и государства Комм. Академии,—объединяет прежде всего революционно диалектический метод как в научной, так и в практической работе по праву—в прямую противоположность метафизическому формально-догматическому и наконец, в лучшем случае, исторически-эволюционному методу буржуазной юриспруденции. Это одновременно означает и классовый подход к изучению государства и права, ибо мы рассматриваем эти явления, как коренящиеся в материальных условиях общественной жизни и получающие свое развитие в процессе классовой борьбы. Наконец, мы будем материалистами и при изучении государства-права исходим из материальных отношений людей, чтобы оттуда черпать понимание идей и понятий людей о своих же взаимоотношениях»

П. Стучка

ПРАВО ВИЗИТА — см. Визитация

ПРАВО ВОЙНЫ — см. Война.

ПРАВООТНОШЕНИЕ — отношение правовое (юридическое)—означает взаимоотношение людей в силу того или иного права. Общественному отношению, получающему свое отвлеченное выражение в категориях науки политической экономии соответствует вполне конкретное II, в котором живые конкретные люди формально осуществляют, опосредствуют это общественное отношение. Например, товар обменивается на товар, как эквивалент, меновая стоимость, но осуществляют, опосредствуют этот обмен живые конкретные люди, а отнюдь не простые абстракции людей. Так должны смотреть мы на юридическое отношение. Для буржуазного юриста, наоборот, правовое (юридическое) отношение объективно представляется лишь в виде абстрактной формы, выраженной в законе (правовой норме). Это—в известном смысле «нормальное отношение» «нормальных» людей нормального буржуазного общества. Это нормальное отношение сводится к праву (правомочию) одного субъекта и к обязанности (долгу) по отношению к нему другого. В этой абстракции вне времени и пространства независимо от всяких количественных и качественных признаков существует буржуазный принцип правового равенства. Для этого права количественное, экономическое неравенство юридически irrelevantно (безразлично). Говорят: покупает ли или продает субъект права (дом, хлеб, рабочую силу), в каждом данном случае он имеет право с одной стороны, обязанность—с другой.

Тов. Пашуканис («Общая теория пр.») и Маркс показали, «как в условиях товарного хозяйства рождается абстрактная правовая форма, т.-е. способность и мет право вообще отделяется от конкретных правопритязаний. На рынке обязующий обязывается в то же время сам. Из положения стороны требующей он ежеминутно переходит в положение стороны обязанной. Т. о., создается возможность абстрагироваться от конкретных различий между субъектами прав и подвести их под родовое понятие» «Фигура юридического субъекта (см.) начинает казаться не тем, что она есть на самом деле, т.-е. не отра

жением отношений, складывающихся за спиной людей по искусственным изобретением человеческого ума. Сами же эти отношения становятся настолько привычными, что представляются необходимыми условиями всякого общежития». Но вскрыв основание абстрактных понятий буржуазного П. мы на этом остановиться не можем.

Конкретно дело обстоит иначе. Правда юридическое отношение для одной стороны устанавливает право, для другой обязанность, но это—разные полюсы одного и того же явления, повторяющиеся в громадном большинстве случаев строго выдержанной классовой линии. Сами юристы сознали это и вводят понятия активного (право) и пассивного (обязанность) субъекта права. Вернее было бы обозначать эти противоположные полюсы словами положительный и отрицательный, значит, субъект положительного и субъект отрицательного права. Ибо если для абстрактного права «отношение» является лишь некоторым знаком уравнения (равенство), то на деле в капиталистическом обществе суть этого отношения сводится не к уравнению (*Gleichmacherei*), но, говоря словами Маркса, к «*Plusmacherei*» (количественному увеличению, умножению).

Недостаточно объяснить что субъект права это—товаровладелец, воля которого властвует в этой вещи. Какая воля? Только буржуазный исследователь ограничивается абстрактною волею, вытекающей из якобы имманентного стремления товаров к автоматическому взаимобмену. Марксист знает, что воля воле рознь, смотря по классовой принадлежности ее субъекта. Для субъекта, цель которого Т-Д-Т (товар—деньги—товар, т.е. обмен товара на товар), воля направлена на личное потребление. Для субъекта, цель которого Д-Т-Д, да еще Д+д (деньги—товар—деньги, вернее, более денег), воля направлена на прибыль, вернее, на производительное потребление в целях новых прибылей. Вот где ключ классового характера как права, так и правоотношения (см. «Цель в праве»).

Значит, с этой точки зрения неправильно сказать, что «субъект—это простейший, неразложимый далее элемент права». Это—чуждое нам увлечение буржуазными

абстракциями. Таким элементом является только само отношение. Его противоположными полюсами: «право—обязанность», «господство—рабство», «право—мочие—долг», «положительное» и «отрицательное» право. Говорить о субъекте, как едином элементе права, значит выдвинуть на первое место потенциальную, мыслимую возможность любого лица сделаться «активным» субъектом любого права, как коренной признак и права, т.е. отбросить классовый характер всякого права. Но ведь само существование названных выше противоположных полюсов П. является не чем иным, как именно результатом целиния общества на классы, как результата частной собственности и общественного разделения труда, которое отпадает лишь с окончательным уничтожением деления человечества на классы.

Общественное отношение, или отношение производства и обмена, отличается от правового отношения не тем, что во втором играет роль воля сторон, а в первом нет. Всякое общественное отношение, хотя бы и скрытое за экономическими отношениями капитала, товаров и т.п., есть отношение живых людей, т.е. отношение между прочим волевое. Чтобы стать правовым или чтобы претвориться в правовое отношение, общественное отношение должно получить известный дополнительный признак, соответствие классовому интересу и охрана его организованною властью господствующего класса. Это признак на первый взгляд чисто формальный, но форма не всегда является простой формальностью, и во всяком случае не надо ее смешивать с простым отражением, отображением. Отношение общественное к отношению правовому это—отношение экономики к праву. Во всяком случае, из понятия П. надо выбросить отношение людей к вещам, ибо это отношение ничего—ни экономического, ни правового—в себе не содержит, а как отношение человека к внешней природе относится к физике, химии, технике, товароведению и т.д. Право имеет дело только с взаимоотношениями людей, между прочим, в силу власти над вещами, обладающая им правовая точка зрения, значит, в пра-

вовом отношении главное значение имеет момент формы, но формы, означающей одновременно и средство, способ. Я хочу, напр., произвести тот или иной обмен, я не могу выбрать любую форму, а лишь форму правомерную. Если я применю способ первоначальной «покупки» по римскому праву, т.-е. попросту возьму вещь (стере—братъ, потом купить), то это будет в лучшем случае самоуправством, захватом, а то и грабежом, разбоем, и, смотря по привходящим моментам, я должен буду подчиняться форме, напр., письменной, даже нотариальной, чтобы отношение стало законным, правовым. Такая форма будет единственным «нормальным» по праву способом обмена и т. д. В бесконечном количестве разнообразий фактических, конкретных правоотношений вырабатываются группы типичных, наиболее привычных видов П—мы их называем правовыми институтами и, как, напр., мена, купля-продажа, заем-ссуда и т. д. Гражданское право тем в сущности и ограничивается, что передает существенные отличительные признаки этих типичных отношений. А если нам говорят что, напротив, гражданское право предписывает какое-то поведение или даже что-то нормирует, то это для типичного буржуазного права имеет значение лишь в высшей степени ограниченное. Институты права как раз устанавливают лишь пределы границы, размежевывают формально свободу борьбы интересов, конкуренции и даже классовой борьбы, в пределах которых «поведение» субъектов права для права безразлично. Мы берем, напр., нормальный договор купли. Что в нем ныне обязательно? Продавец и покупатель. Прежде, когда можно было просто «братъ», достаточно было одного «покупателя» (грабителя). Обязательно, далее, покупная цена, иначе это опять будет грабеж. если не считать дарения (см.) о котором сами юристы говорят, что оно на деле никогда не бывает безвозмездным. Но нормировка цен предоставляется крупным торговцам-капиталистам; против вмешательства государства в отношения продавцов-покупателей, наймодателей-наимателей, нанимателей рабочей силы—рабочих и т. д. поднимается вопль при всяком по-

кушении на такое вмешательство. Союзный суд Соед. Шт. Америки такое вмешательство объявляет ненормальным, противоестественным. Право . гут дает форму, а не норму для П. Норма этого П зависит от «результанта двух волей», от борьбы экономической.

Но где искать самое П.? В жизни, т.-е. конкретных сделках, в кодексе законов или в головах людей? Основа его, как будто,—конкретное отношение. Иванов продал Петрову дом за 2.000 рублей по письменному договору. Это безусловно конкретное П. Что мы находим о нем в кодексе законов? Продажа дома является договором о передаче его продавцом в собственность покупщику за условленную цену по нотариальному договору. Это—абстрактное отношение в законе. Но договор был заключен в 1920 г., в то время, когда продажа домов была запрещена. Тут расхождение жизни и закона, конкретного и абстрактного отношения. А в головах людей: продавал буржуй, убегая от нашествия советской власти, покупал рабочий. Оба, по разным соображениям, считали тогда сделку правомерною, справедливою. Это третья, также отвлеченная форма отношения в головах сторон. Теперь белогвардеец вернулся и, став на точку зрения сов. права (его искренности мы не обсуждаем), предъявил иск об отобрании дома, ибо договор о доме был-де незаконен. Он воспользовался абстрактным отношением закона, чтобы вернуть себе конкретно дом. Но суд, хотя и признавая договор противозаконным по ст. 30 и ст. 137 Г. К., все-таки присуждает дом в силу ст. 5 вводного закона Г. К. рабочему. Не будь сов. власти, дом получил бы буржуй, ибо рабочий «использовал» «стесненное положение» продавца. Вы тут видите, как расходятся три формы правоотношения, одна конкретная и две абстрактных. В лицемерном, абстрактном и буржуазном праве эти расхождения гораздо больше и составляют общее правило.

Это противопоставление трех категорий П. мы встречаем на каждом шагу и в буржуазной науке: право официальное (закон), право реальное, функционирующее в жизни (реальный договор), и идея права или справедливости: право социологическое, право законное и идеология права и т. п.

При возникновении права вообще эти отношения совпадают, они расходятся лишь постепенно. Когда в недрах феодального общества вырастает новый класс, городская буржуазия, в ней до завоевания всей власти берет верх идеология права, идея равенства, как отражение договора товарообмена на основе эквивалента, свободы договора и буржуазной частной собственности. Мечта превратить эту «идею права» в обязательную норму стала верою, вытесняющею веру в бога. Города подпольно «ввезли» нормы римского права (рецепция). Отдельные общеобязательные законы (в Англии разные «хартии», во Франции ордонансы) покупались городами у королей. Но городская буржуазия возмечтала о бесплатном общегосударственном законе, на основе общественного договора людей (вернее, классов). Конкретному договору жизни должен был соответствовать закон, как объективное право на основании основного закона (конституции), т.е. выражения общественного договора. Так возникла буржуазная вера в закон, ставший настоящим фетишем для буржуазии. Конкретные отношения (практика) отступили как бы на задний план; голая же идея права (философия) потеряла всякую веру.

Значит, имеется троякого рода форма правоотношений: одна конкретная—делка живых людей, и две абстрактных—в законе и представлении людей. Когда-то эти формы вполне совпадали: «активный субъект» конкретного отношения—самоуправства—создал П. напр. отрезал себе по прямой границе, «правде», землю; это отношение, как прецедент, обычай вошел в закон (купля-продажа), а грабитель из господствующего класса считал это своим правом, т.е. справедливостью ибо оно «соответствует способу производства». Эти три отношения более или менее расходятся впоследствии и ныне существуют как бы параллельно. Маркс так и определяет справедливость.

«Справедливость трансакций, происходящих между агентами производства, основывается на том, что эти трансакции вытекают из отношений производства, как естественный вывод. Правовые формы, в которых эти экономические трансакции проявляются, как волевые

акты участников, как выявления их совместной воли и по отношению к каждому из них как осуществляемые посредством власти государства принудительным порядком контракты, будучи только формами, не могут определить самого этого содержания. Они его только выражают. Это содержание справедливо, если оно соответствует способу производства, ему адекватно. Оно несправедливо, если оно ему противоречит. Рабство на базе капиталистического производства, несправедливо; также обман относительно качества товара» («Капит.», III, 1, 324)

В буржуазном обществе законной, т.е. абстрактной, форме придается основное значение (см. Закон). Взаимная связь и взаимодействие этих трех расходящихся форм отношений сами собой разумеются, но материальная основа заключается в конкретном отношении, как массовом явлении, ибо один количественный его перевес превращает «закон в неправду», лишает закон действия: «закон не гласит».

Говоря о правовых отношениях, мы обычно имеем в виду лишь отношения, выраженные в законе, так называемые институты права (см.) Подробностей о них см. Сделка, Общество, Договор, Толкование

П. Стучка

ПРАВОСОЗНАНИЕ. Может быть, ни одно слово из всего словаря права у нас не получило столь широкого распространения после Октябрьской революции, как слово П. Революционное, социалистическое, даже коммунистическое П. мы встречали на каждом шагу, но нельзя сказать, чтобы все или хотя бы большинство товарищей понимали его. Только незначительное меньшинство товарищей отдало себе полный отчет в смысле и значении этих слов. Конечно, неправ тов. Гойхбарг, когда говорит, что это означает веру в «некое из века и навеки существующее право» и т. д. Это, напротив, был своего рода революционный протест против старого права, но во имя чего? В нашу революционную практику это слово впервые попало в декрет № 1 о суде, и туда оно попало из буржуазной литературы. Мы знаем даже источник: от

профессора Петражицкого, автора понятия интуитивного права, как психологического переживания. Но пока не было ясности в его понимании, оно оставалось и остается отчасти поныне лишь необходимым революционным лозунгом, ибо как сознавать то, о чем у нас нет надлежащего понятия? А таким непонятым понятием было как раз право. Интересно констатировать, что никто так и не пытался дать пояснения тому, что мы в декретах обозначали словом П. Все как будто облегченно вздохнули, когда слово это стали заменять постепенно словами «законность» или «революционная законность».

Но на деле понятие революционного П представляло нечто вполне конкретное. Каким-то чутьем мы предугадали тот признак классового господства интереса, который мы впоследствии положили в основу своего определения права и благодаря этому обезвредили буржуазное понятие П., которое таким путем получило вполне революционно-классовое содержание. Если право понимать, как защищенный классовый интерес, и под классовым сознанием — сознание «интереса класса в целом» то получается бесспорный вывод: П является сознанием победившего «взявшего государственную власть» класса о своем интересе, а слово «революционный» отмечает революционное понимание классового интереса. Это уже нечто вполне конкретное. И очень удачно эту мысль выразили слова Ленина, внесенные в декрет № 1 о суде в пояснение слов «рев. П.»: «Отмененными считаются все законы, противоречащие рев. декретам, а равно и программам минимум победивших в революции партий» Еще в 1887 г. Энгельс писал: «Каждая борющаяся партия должна свои притязания формулировать в своей программе в виде правовых требований».

При этом понимании слова П становится понятным и то, почему оно должно было уступить место революционной законности (см.) при нашем отступлении, т.-е. с 1921 г. Отступление революции совершилось также в интересах класса в целом и его революции. Но тут уже недостаточно было индивидуального сознания интереса класса. Необходимо было организованно, в законе и его исполнении, выразить пределы, т.-е.

максимум и минимум, отступления. Эту мысль выражают слова «революционная законность»

Само по себе и ныне революционное П не исчезло, но оно не всегда уже совпадает с конкретным проведением права (см. Правоотношение)

П. Стучка

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ, это — способность быть субъектом (см.) права, т.-е. иметь права и нести соответствующие обязанности. Понятие П. теснейшим образом связано с понятием субъекта права. П., по общему правилу, не является особым качеством человека в силу того, что он человек, и даже не в силу того, что он гражданин государства, а в силу существования о том закона, нормы права. Даже наиболее решительная буржуазная революция, Великая Французская, которая дала победу т.-н. естественному праву, признающему формальное равноправие в силу рождения, формальную свободу и равенство провела далеко неполно. Остался целый ряд ограничений П., не говоря уже о том, что само устранение существовавших до того ограничений шло весьма медленно (см. Буржуазная революция)

Но существу и П. является чисто классовым понятием. Вопрос о ней как и о самом праве, мог возникнуть и возникнуть лишь со времени деления человечества на классы. П. в полном объеме тогда принадлежала лишь свободному гражданину, т.-е. члену господствующего класса, да и то не всему классу а лишь представителям хозяйствующих единиц (главе семьи, дома, двора). Первое деление тут проводится между свободным и рабом. В первобытном классовом государстве раб был лишь вещь, предметом права. Не с ним вступали в правоотношения, а лишь о нем. В первобытном роду, напротив, если и были рабы, то они входили в семью и у многих народов «дети». «холопы» и «рабы» обозначались одним словом. Лишь постепенно рабам предоставляется известная, очень ограниченная П., в смысле прав на имущество (см. Рабство, Прекарий). Буржуазная революция формально отменила все виды рабства (состояние рабов, крепостных и т. д.), но экономическое рабство, т.-е. противопоставление

господства-рабства, осталось. И никакое «делегирование государством» формальных прав этого противоречия устранить не может. Все же формальное признание за всеми гражданами равноправия, т.-е. П., было большим завоеванием.

Мы уже видели, что П. ограничивалась в зависимости от положения лица в семье (см.). Полную П. и формально имел только глава семьи, родитель, домохозяин, дворник-хозяин. Жена, а также дети, не выделенные из семьи или до известного возраста даже после совершеннолетия либо вовсе не имели П. или имели П. лишь ограниченную (с согласия отца). Пока существовали сословия, целые сословия (крестьяне, податные, или «подлые» сословия) были ограничены в П., напр., в России даже после освобождения крестьян. Существовали ограничения П. в зависимости от религии напр. для евреев которым запрещались жительство или занятия вообще или вне указанного места (в царской России—вне черты оседлости). Эти ограничения существуют еще и поныне во многих государствах.

Существовали и существуют ограничения П. в зависимости от пола (для женщин), от расы (для желтых, черных и т. д.), от национальности («инородцы», «туземцы» и т. д.). Наконец, существуют ограничения П. для иностранцев. Но зато П. расширяется и предоставляется не только т.-н. физическим, но и юридическим (см.) лицам.

Наш Г. К. решительно отверг все этого рода деления и ограничения; ст. 4 Г. К. гласит «Пол, раса, национальность, вероисповедание, происхождение не имеют никакого влияния на объем гражданской П.». Всякие ограничения прав женщин, т.-н. низших рас и инородцев юридически устранены. Равноправие внутри семьи или двора провозглашено полностью. И гражданство другого государства само по себе не служит основанием для лишения каких-либо прав. Даже преступники, приговоренные к поражению прав, за исключением лишь краткого периода с 10 июля 1923 г. до 20 августа 1924 г. не лишены гражданских прав и вообще эти ограничения—лишь на срок (не свыше 5 лет после отбывания лишения свободы) относятся лишь к поли-

тическим и некоторым профессиональным правам.

Но советское право не лицемерит. Оно пока деление на классы не изжито окончательно не может не ограничивать прав нетрудящихся, угнетательских классов. Поэтому оно, предоставляя права и членам этих классов, делает это лишь ограничительно (напр. по конституции лишая их прав избирательных) условно («не в противоречие с социально-хозяйственным назначением данного права»), и иностранцам—лишь в пределах международных договоров (за исключением, однако, и иностранцев-трудящихся которым все права гарантированы конституцией). Таким образом советское право видит основание П. не в норме, праве, законе, а в социально-экономических условиях (см. Договор, Сделка).

От П. надо отличать дееспособность (см.)

И. Ст.

ПРАВО УБЕЖИЩА — см. Выдача преступников.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ. Современный уголовный процесс представляет собой довольно сложную систему правоотношений. В отличие от процесса средних веков и эпохи раннего капитализма, когда суду принадлежала в процессе совершенно пассивная роль и когда все дело подготовки и проведения судебного рассмотрения сосредоточивалось в руках потерпевшего, уголовный процесс нового времени строится на началах инициативы и активности судебных органов. Теперь само государство берет на себя задачу подготовки судебного рассмотрения уголовных дел, при чем в случаях, когда это связано с предварительным: сбором необходимых для суда документов материалов и т. п., эта работа поручается специальным органам.

Понятие «предварительного следствия» и охватывает собой всю эту предварительную работу, сущность которой сводится к исследованию совершившегося преступления в целях установления всех обстоятельств дела и обнаружения виновника.

Задачей П. с. именно это и является. П. с. потому и называется предвари-

тельцы м, что оно не идет далее того, что нужно для решения вопроса о достаточности или недостаточности данных для предъявления к лицу, подозреваемому в совершении преступления, обвинения и для предания его суду. Эта мысль хорошо выражена в германском Strafprozessordnung (уст. угол. процесса), в ред. 22 марта 1924 г., где в § 190 говорится: «П. с. не простирается далее, чем нужно для постановления мотивированного решения о том, должно ли быть открыто главное производство или же обвиняемый должен быть освобожден от преследования».

Совершенно очевидно, что стоящая, таким образом, перед П. с. задача оказывается весьма сложной и ответственной, нередко требующей для своего разрешения специальных познаний и навыков и достаточного со стороны государства доверия к тем, кто эту работу должен проводить.

Вот почему в современном уголовном процессе, построенном на принципе публичности обвинения, выполнение этой задачи возлагается на специальные т.-н. следственные органы. Деятельность этих органов регулируется специальными правилами, составляющими часть уголовно-процессуальных кодексов.

По действующему советскому праву П. с. регулируется нормами, установленными в порядке законодательства союзных республик. Общесоюзным же законодательством установлены лишь общие начала производства П. с., сущность которых сводится к следующему:

1) П. с., или, как оно называется в «Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», предварительное расследование, производится, как общее правило, под надзором прокуратуры; 2) органами, уполномоченными производить П. с., являются органы дознания, милиция, следователи и иные должностные лица; 3) производство П. с., как правило, обязательно по всем делам, рассматриваемым губернскими (и соответствующими им) и верховными судами республик и ВС СССР (ст.ст. 7, 8 «Основ»); 4) обязательность П. с. по всем иным делам может устанавливаться законодательством союзных республик.

Согласно действующим в союзных республиках У. П. К. (У. П. К. РСФСР—ред.

1924 г., С. У., № 78, ст. 784 с измен. 22 ноября 1926 г., У. П. К. УССР—С. У. 1922 г., № 41, ст. 593 и дополнения: С. У. 1925 г., № 11, ст. 59; № 24, ст. 175; № 40, ст. 259, и 4 ноября 1925 г.; У. П. К. БССР—С. У., 1923 г., № 4, ст. 41 с доп. 1924 г., № 24, ст. 218; У. П. К. Аз. ССР—изд. 1924 г., У. П. К. Гр. ССР—1923 г., с изм. 1926 г., еще не опубликованными; У. П. К. ССР Арм.—изд. 20 мая 1926 г., в ТССР и Уз ССР—У. П. К. РСФСР) правила производства П. с. сводятся к следующему.

А) П. с. должно быть проведено наиболее полно, всесторонне и объективно. Следователь обязан, как говорят об этом соответствующие статьи У. П. К. (РСФСР—ст.ст. 111—112; УССР—ст.ст. 113, 114), выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности. «Следователь направляет П. с. в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела».

Однако выраженное этими статьями требование «полноты» и «всесторонности» не следует понимать в смысле слишком широкого раздвижения рамок П. с. Это требование надо понимать, как это и делает наша судебная практика, в смысле достаточной полноты и наибольшей объективности производства.

Б) П. с. должно быть проведено в определенный срок—государство заинтересовано в его быстроте. Следователь обязан приступить к производству П. с. немедленно по получении сведений о совершившемся в его участке преступлении (ст. 110 У. П. К. РСФСР) или во всяком случае, не позже 24 час. по арестантским делам и 48 час. во всех остальных случаях (ст. 112 У. П. К. УССР) П. с. должно быть закончено, как общее правило, не позже 2 мес. со дня предъявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (ст. 116 У. П. К. РСФСР, ст. 119 У. П. К. УССР) При необходимости продления этого срока обязательно разрешение прокуратуры.

В) Следователь в праве принимать по своему усмотрению и в зависимости от наличия обстоятельств, указанных в законе меры пресечения по отношению к

обвиняемому и меры сохранения следов преступления (ст.ст. 143—161 У. П. К. РСФСР, ст.ст. 146—164 У. П. К. УССР). Надо отметить, что лишение свободы в качестве меры пресечения возможно лишь по делам о таких преступлениях, которые влекут за собой в качестве меры социальной защиты лишение свободы (в РСФСР — на срок свыше 1 г.) и притом лишь при наличии опасения, что обвиняемый скроется от суда и следствия или, оставаясь на свободе, будет мешать следствию. В РСФСР еще и при производстве следствия по делам об особо важных преступлениях, точно указанных в законе (ст. 158 У. П. К., в ред. 23 февраля и 6 июля 1925 г. и 22 ноября 1926 г.). В случае заключения под стражу из опасения, что обвиняемый будет препятствовать раскрытию истины в процессе П. с., лишение свободы не может продолжаться более 2 месяцев (ст. 159 У. П. К.). Назначенная следователем мера пресечения может быть отменена или заменена прокурором, наблюдающим за производством П.

Разногласия по этому поводу между ним и следователем разрешаются судом, которому подсудно данное дело (ст. 148 У. П. К. РСФСР; ст. 151 У. П. К. УССР).

Г) При наличии достаточных данных для предъявления обвинения следователь должен составить мотивированное постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого и предъявить его не позже 48 часов со дня составления такого постановления (ст. 128 У. П. К. РСФСР). В У. П. К. содержатся подробные правила как содержания такого постановления, так и характера дальнейших действий следователя по отношению к обвиняемому (его вызов допрос и пр.).

Д) Самое производство П. с., т. е. допрос свидетелей, экспертов, производство исследования различных материалов, производство обысков, выемок, осмотров, свидельствований и т. п. подробно регулируется рядом специальных правил, направленных на достижение наибольшей полноты, объективности и целесообразности следственных действий (ст.ст. 162—201 У. П. К. РСФСР, ст.ст. 165—205 У. П. К. УССР).

Среди этих правил подлежат особенно подчеркнуть правила, касающиеся определения психического состояния обвиняемо-

го (ст.ст. 196—201 У. П. К. РСФСР, ст.ст. 198—205 У. П. К. УССР).

Е) По окончании П. с. в зависимости от выяснившихся обстоятельств дела следователь обязан составить постановление о направлении дела в суд или: а) для рассмотрения по существу (ст. 206 У. П. К. РСФСР), или б) для прекращения за отсутствием улик или за необнаружением виновного (ст. 203). В первом случае составляется следователем же обвинительное заключение, состоящее из двух частей — описательной (описание фактических обстоятельств совершения преступления и доказательств виновности обвиняемого) и резолютивной (указание виновного лица, мотивов, способа совершения преступления и статьи закона, преследующей данное преступление — ст. 210). Обвинительное заключение направляется в суд через прокурора (ст. 211), при чем последний имеет право: а) войти в распорядительное заседание суда, если он признает, что П. с. не дало достаточных оснований для предания делу, с предложением о прекращении дела (ст. 228); б) возвратить дело следователю для дополнения (ст. 227); в) предложить суду утвердить обв. заключение и предать обвиняемого суду (ст. 229).

Во втором случае суд (в распорядительном заседании) рассматривает мотивированное постановление следователя и либо утверждает его, вынося определение о прекращении дела, либо возвращает следователю для доследования с теми или иными указаниями. Возможен и третий случай, когда суд сочтет дело не требующим доследования и в то же время не согласится с предложением следователя о прекращении дела. Тогда суд должен дело возвратить следователю для предъявления его обвиняемому в порядке ст. 207 У. П. К. (в РСФСР), а затем поручить кому-либо из членов суда составить обвинительное заключение (применительно к ст. 240 У. П. К.).

Возможно прекращение дела, несмотря на наличие формальных оснований, и по мотивам ничтожности или маловажности последствий преступления (ст. 4-а У. П. К. Р., ныне ст. 6 и 9 У. К.). При прекращении дела по этим основаниям дело поступает от следователя к прокурору и передается на рассмотрение суда

лишь при согласии с предложением следователя последнего.

Ж) Действия следователя в течение всего П. с. могут быть обжалуемы перед прокурором, при чем определение последнего по этим жалобам подлежит немедленному исполнению со стороны следователя, хотя последний и имеет право протеста перед судом (ст. ст. 212—220), решения которого в таком случае являются окончательными.

З) Оглашение данных И с возможно не иначе, как с разрешения следователя и в установленном им объеме (ст. 115 У. П. К. Р., ст. 118 У. П. К. У.).

И) Допускается соединение нескольких уголовных дел в одно следственное производство: а) если обвиняется одно лицо в совершении нескольких преступлений однородных или связанных единством намерений, или б) если обвиняется несколько лиц в соучастии в совершении одного или нескольких преступлений (ст. 117 У. П. К. Р.).

К) В целях создания наибольших технических удобств П. с. производится следователем того или иного участка в зависимости от места обнаружения преступления или преступника. Этим последним местом (совершения преступления или нахождения преступника) определяется место (участок) производства П. с. (ст. 123 У. П. К. Р.; ст. 126 У. П. К. У.). Следователь одного участка в праве поручать отдельные следственные действия следователям других участков, однако, лишь в том случае, если эти участки находятся за пределами города, где находится следователь. Споры о подсудственности разрешаются прокуратурой.

Особенностью П. с. по советскому праву является то, что между ним и дознанием не проводится никакого принципиального различия. Ряд правил, определяющих ход П. с., одинаково применим и к дознанию (напр., ст. ст. 111—115, 117, 162—174, 175—188, 189—195 У. П. К. Р.). Материалы дознания могут в известных случаях заменять собой материалы П. с. (ст. 109 У. П. К. Р., ст. 111 У. П. К. У.).

Таковы в основных чертах сущность и содержание предварительного следствия по советскому праву. Таковы и функции, права и обязанности следственных органов — народных следователей (при нару-

дах), старших следователей (при губсуд.) и следователей по важнейшим делам (при верхсудах и НКЮ).

В РСФСР (а также и в БССР) на следователей возложены еще дополнительные обязанности «помощников прокуроров» Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г. и 3-й сессии ЦИК БССР VI созыва от 4 ноября 1925 г. следователям переданы все права и обязанности прокуратуры по надзору за действиями органов дознания в процессе его производства. Следователи наблюдают за производством дознаний, составляют постановления по таким делам о предании суду и о прекращении дела (ст. 105 У. П. К.). В известных однако случаях право прекращения дел предоставлено и самим органам дознания (ст. 105 У. П. К.; см. гл. VIII У. К. РСФСР).

1 Вышинский

ПРЕДПРИЯТИЕ. «Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении, для производства одного и того же сорта товаров под руководством одного и того же капиталиста, и исторически, и логически образует исходный пункт капиталистического производства» (К. Маркс — «Капитал», т. I). Этот совместный труд большого числа рабочих, особенно при применении машин, требует определенной организации и капитал организует рабочие массы «походатски». Появляется «фабричный кодекс, в котором капитал в частно-правовом порядке и самовластно, без разделения властей, и без представительной системы..., формулирует свое самодержавие над рабочими» («Капитал», т. I). Как организационное единство, капиталистическое П. противостоит неорганизованной анархической стихии рынка.

Если с внутренней стороны для П. является характерным организационный момент, то с внешней стороны капиталистическое П. характеризуется непосредственной связью с рынком: оно работает на рынок и для рынка. Вот почему самая постановка вопроса о П. выдвигается именно капиталистическим строем, когда П., как таковое, вполне и окончательно обособляется от потребительского хозяйства капиталиста-предпринимателя.

Экономическое явление—II. обособленное имущественно от личности своего владельца представляющее первичную организованную хозяйственную ячейку капиталистического общества—получает и свое правовое выражение. Останавливает на себе внимание буржуазных юристов и внутренняя организация II., проблема хозяйской власти. Последняя для апологетов капитализма не есть простое следствие из права собственности на средства производства, или «кнут надсмотрщика над рабами», как ее характеризовал Маркс. Наоборот, «вверенная хозяину власть подобно власти законодательной, административной, семейной, дана ему ради успешного выполнения необходимых и целесообразных с общественной точки зрения функций II» (проф. Таль). Нетрудно в этом объяснении разглядеть прежде всего оправдание хозяйской власти.

Буржуазное право, исходя из того реального экономического факта, что с развитием капитализма личность предпринимателя все более заслоняет в гражданском обороте (т.е. в сфере рыночного обмена) II, стремится юридически закрепить это положение. Так, практика германского имперского суда (Reichsgericht) склоняется к тому, чтобы признать II особым объектом права, особым целевым имуществом. Реальное значение этого признания заключается в том, что объединяемый понятием II, сложный комплекс материальных и нематериальных элементов по своей экономической ценности превышает сумму ценностей отдельных его элементов. Из нематериальных элементов, неразрывно связанных с II., следует отметить, во-первых, закрепленные за ним исключительные права на фирму, на товарный знак, на промышленные изобретения, и, во-вторых, чисто фактические преимущества данного II.: завоеванное положение на рынке крупных заказчиков и потребителей (т.е. клиентела II.) и т.п.

Мобилизация капиталов в буржуазном обществе ставит актуально вопрос об отчуждении (продаже) и залоге II «на ходу». В этом заинтересован класс капиталистов в целом. Как германское торговое сложение 1897 г., так и венгерский закон 28 декабря 1905 г. об отчуждении торговых II, и швейцарское обязательственное право (ст. 181 в ред. закона 30 марта 1911 г.) возлагают

при определенных условиях на приобретающего II, ответственность по обязательствам, связанным с этим II. По французскому закону 17 марта 1909 г. о каждом отчуждении II, должна делаться официальная публикация. При недостаточности покупной цены для удовлетворения всех заявленных претензий кредиторы могут требовать проклажи II, с торгов.

Интересы промышленного и коммерческого кредита заставляют поставить вопрос о возможности залога (см.) II, на ходу, без передачи его во владение залогодержателя-кредитора. В настоящее время этот вопрос как законодательствами, так и судебной практикой разрешается положительно. Французский закон 17 марта 1909 г. требует обязательного внесения залога II, в торговый реестр.

Тенденция капиталистического развития—концентрация капиталов и вытеснение мелких и средних II крупными. Этот процесс во много раз ускоряется централизацией капиталов в акционерных обществах, где капитал получает «непосредственно форму общественного капитала... и его II выступают, как общественные II, противоположность частным II.» («Капитал» т. I)

По отношению к акционерным II, часто ставится вопрос, кто является предпринимателем, собственником такого II. Большинство буржуазных экономистов и юристов сходятся на том, что коллективным предпринимателем здесь является совокупность всех акционеров. Нетрудно видеть, что этот ответ имеет целью поддержать иллюзию демократичности акц. общества (см.), между тем как действительными «хозяевами» в них является кучка заправил, подчиняющих себе и своим интересам всю распыленную массу мелких акционеров вместе с их капиталами. На эту сторону дела—фактическое господство меньшинства в акц. обществах—было обращено внимание даже в среде буржуазных юристов. Вообще акционерная форма II, уже не укладывается в рамки частной собственности, так как здесь мы имеем «упразднение капитала, как частной собственности, в границах самого капиталистического способа производства» («Капитал» т. I).

Одна из основных тенденций новейшего империалистического капитализма — обра-

зование монополистических объединений П. Такого рода союзы предпринимателей, которые имеют целью создать для данного объединения монопольное положение на рынке, но без тишения отдельных объединяемых П. их самостоятельности, носят название картелей или синдикатов (см.). При слияниях (фузиях) все, или по крайней мере огромное большинство П. данной отрасли промышленности объединяется в одно П., совершенно теряя свою экономическую самостоятельность. Такой же характер имеют и американские тресты, объединяющие участвующие в них П. в одно общее новое П. Этого рода объединения обыкновенно происходят также в форме акц. общ. Образование капиталистических трестов обычно бывает связано с более или менее сложными и более или менее мошенническими акционерными комбинациями подкупом железнодорожных компаний и т. п. преступлениями Провла, в Соед. Штатах существуют законы (т.-н. закон Шермана 1890 г. и закон Клейтона 15 октября 1913 г.), специально направленные против трестов и их монополистических объединений, в защиту свободной конкуренции. Но эта борьба в действительности несколько не препятствует росту капиталистических объединений. Зато закон Шермана не без успеха применялся американскими судами против рабочих коалиций и стачек, «нарушающих свободу конкуренции». В настоящее время «типичными стали уже не «свободно» конкурирующие внутри страны и в отношениях между странами П., а монополистические союзы предпринимателей, тресты» (В. Н. Ленин).

На заседании VII расширенного пленума ИККИ в Бухарии приводил пример германского стального треста, сумма первоначальных акций которого составляет 500.000.000 имперских марок. В красильном тресте (Farbenindustrie) объединены следующие производства: красящих веществ, фармацевтических средств, фильм, искусственного шелка, электроматериалов, добывание азота и производство удобрительных веществ, превращение угля в жидкое состояние и др. Кроме того, трест имеет свои гипсовые томки, коменноугольные П. свое производство стали и т. п.

Акционерная фирма П. облегчает участие империалистического государства в капиталистических трестах. Государство

покупает часть акций соответствующего П. в то время как другая их часть находится в руках обыкновенного треста». Получается т.-н. «смешанное П.» (Н. Бухарин — «К теории импер. государства»). Наконец акционерная фирма служит для образования современных сложных комплексов П. т.-н. концернов. Методы образования последних весьма разнообразны. Помимо организации «филиальных» акц. обществ (Mutter-Tochter- и Enkel-Gesellschaften) мы имеем здесь «объединения интересов» (Interessegemeinschaften, т.-е. соглашения о распределении прибыли, финансовое участие (Beteiligung) одного П. в другом в качестве акционера. Основываются специальные общества для финансирования П. (Finanzierungsgesellschaften); основываются общества специально для того, чтобы участвовать в других акц. обществах, — это общества владения акциями (Effektenübernahme-Gesellschaften). Отдельные акционерные общества обмениваются акциями, происходит процесс замещения акций (Effektensubstitution). Благодаря этим сложным системам владения акциями, получается взаимный переплет (Verschachtelung) П. приводящий иногда к круговому сплетению. Такого рода отношения «кругового контроля» облегчают искусственное закручивание баланса, сокрытие, перемещение имущества и обязательств между сплетенными П. Получается то, что в эпоху финансового капитала «исчезает прежде всего основа капиталистического индивидуализма: отдельное частное П. как клетка экономического организма. Создается система коллективного капитализма, которая до известной степени противоположна по своей структуре капитализму в его прежних формулировках» (Н. Бухарин — «К теории импер. государства»).

Учреждением дочерних обществ (Tochtergesellschaft) облегчается организация филиалов за границей, т.-е. экспорт капитала.

Современные тресты и концерны уже больше не умещаются в национальных границах. Так, концерну всеобщей кампании электричества (A. E. G.) принадлежат П. в Германии, Швейцарии, Бельгии, Франции, Румынии и Южной Америке. Недавно образовавшийся европейский стальной картель включает в себя Германию, Францию,

Бельгию, Люксембург и Саарскую область существует немецко-французский калийный синдикат; недавно образовались международный рельсовый и проводочный картели.

Октябрьская революция в России осуществила переход к пролетарскому государству посредством национализации всех крупных и средних частновладельческих П. в том числе и в первую очередь акционерных. В настоящее время предметом частной собственности в Советском Союзе могут быть лишь такие промышленные П., число рабочих в которых не превышает установленного специальными законами. Для РСФСР такой предел установлен в 20 человек рабочих. Это ограничение не распространяется на кооперацию. Иностранные П. могут организовывать свои отделения в пределах Союза ССР не иначе, как на основании предоставляемой советским правительством концессии (см.). Большинство государственных П. в настоящее время организовано у нас в форме трестов (см.). Нетрестифицированными остались, главным образом мелкие П. т.-н. низового подчинения, т.-е. находящиеся в непосредственном ведении уездных, районных и волостных исполкомов. Эти П. составляют имущество местных советов. По образцу государственных промышленных П. трестируются также П. коммунальные и сельскохозяйственные (совхозы). В настоящее время переведены на хозяйственный расчет также гос. пароходства и—с некоторыми ограничениями—правления жел. дорог. Переведенные на хоз. расчет государственные торговые П. носят наименование торгов. Государственные П. организуются также в форме акционерных обществ (Хлебопродукт, торгово-промышленный банк). Концессии тоже облакаются часто в форму т.-н. смешанных акционерных обществ, часть акций которых принадлежит концессионеру, а другая часть—советскому правительству.

Государственные П., переведенные на хозяйственный или коммерческий расчет (тресты, торги и т. п.) в имущественном отношении обособлены от государственной казны; последняя не несет ответственности по их обязательствам. В сфере рыночного (гражданского) оборота они выступают, как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица. Но не следует

забывать, что эти обособленность и самостоятельность имеют лишь относительное значение. «Государство является владельцем основных средств производства и транспорта. Право государства распоряжаться всем свободным от обязательств достоинством трестов, жел. дорог и пр. остается неограниченным. Фактический предел форма вмешательства государственной власти в текущую работу хозяйственных органов и этих последних в текущую работу отдельных полномочных учреждений, трестов и проч. определяются исключительно с точки зрения хозяйственной целесообразности» (резол. XII съезда РКП о промышленности).

В правовом смысле вопрос о П. у нас не разработан хотя вопросы этого рода возникают нередко. Напр., вопрос о принадлежностях заводских предприятий (как-то: построек завода, жилых помещений рабочих завода и т. д.), также вопрос о залоге П. на ходу (о переходе права на П. на ходу напр. в случае несостоятельности частника, при чем к соображениям буржуазного мира прибавляется еще и интерес рабочих П., которым угрожает безработица, и т. д.).

А. Карась

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО в гражданском праве, это—заместительство лиц в гражданском обороте в случаях невозможности для них лично участвовать по отсутствию дееспособности (напр., опека) или при полной дееспособности по доброй их воле (напр., доверенность). Права и обязанности, возникающие из действий представителя, совершенных им от имени лица представляемого и в пределах закона или полномочия, переходят непосредственно на это лицо, не требуя особой уступки, цессии или передачи их от лица представляемого (ст. 39 Г. К.). В силу этого комиссионер не может считаться представителем коммитента, ибо комиссионер заключает сделки хотя и за счет коммитента, но от своего имени. Нельзя считать представителем и попечителя назначаемого в силу ст. 70 (код. зак. о семье браке и опеке) к несовершеннолетним и лицам, имеющим физические недостатки, ибо попечители не заменяют собою подопечных, а лишь оказывают им в соответствующих

случаях содействие при осуществлении ими их прав и при выполнении ими их обязанностей, а равно охраняют их от злоупотреблений третьих лиц.

Различается П. законное и договорное. Законное П. устанавливается при отсутствии дееспособности (ст. 9 Г. К.) Опекун (см.) может быть естественная, в силу закона, это—родители, или назначенная распоряжением подлежащей власти. Таков случай назначения опекунов к несовершеннолетним, не имеющим родителей, к слабоумным и умалишенным, а также назначение опеки над имуществом лиц, безвестно отсутствующих или умерших.

Второй вид законного П. это—П. юридических лиц.

Особым и характерным для советского права видом законного П. является П. профессиональных союзов (см.) Ст. 151 Т. К. усматривает основную функцию профсоюзов в П. ими интересов своих членов. Профсоюзы «имеют право выступать перед различными органами от имени работающих по найму в качестве стороны, заключающей коллективные договоры, а равно представлять от их имени по всем вопросам труда и быта». Поскольку профсоюзы (см.) являются законными представителями своих членов лица выступающие от имени профсоюзов по делам членов союза (как защитники или истцы и ответчики) должны быть снабжены полномочиями от профсоюзов, а не от тех лиц, чьи непосредственные интересы ими защищаются; только на действия, указанные ст. 18 Г. П. К. (отказ от иска, примирение, передача трет. суду и г. д.), требуется доверенность от самого участника в деле (цирк. НКЮ № 47 1923 г. и № 236 1926 г.). В деятельности профсоюзов приходится различать их функции по П. от тех действий, которые они правомочны совершать в силу признаваемого за ними свойства юридического лица. Поскольку при заключении колдоговоров профсоюзы выступают как представители организуемых ими работников по найму, а не как частно-правовая организация права устанавливаемого колдоговором, возникают непосредственно для нанимающихся, на них же и ложатся обязательства. Поэтому согласно ст. 20 Т. К. профсоюзы не несут имущественной ответственности по колдоговорам.

Договорное П. лиц дееспособных устанавливается на основе договора поручения, а также договора товарищества. По договору поручения может быть возложено на представителя совершение любой сделки, за исключением тех случаев, когда законом это воспрещено (ст. 38 Г. К.).

Специальный вид договорного П. предусмотрен положением о коммивояжерах государственных торговых и промышленных предприятий (пост. СНП от 2 января 1923 г.). Государственным торговым и промышленным предприятиям разрешается пользоваться услугами коммивояжеров, с которыми должен быть заключен специальный договор. По этому договору коммивояжер обязывается от имени предприятия продавать в определенном районе его товары по прейскурантным ценам и согласно полученных указаний. Договор с коммивояжером заменяет доверенность (см.). Содержанием этого договора определяется тот круг сделок, которые он в праве заключить от имени госпредприятия и которые для последнего обязательны.

Договором поручения устанавливается предварительное согласие представляемого на принятие прав и обязательств, имеющих возникнуть из сделок представителя, совершенных им в пределах данного ему полномочия. Действия, совершенные представителем вне пределов данного ему поручения и полномочия обязательны для представляемого лишь в том случае, когда он одобрит их (ратификация, *ratihabitio*).

Это одобрение не должно быть обязательно формальным изъяснением согласия. Одобрение будет и тогда, когда представляемый примет действия представителя на свой счет, использует результаты, вытекающие из действий представителя, и т. п.

Представителями юридических лиц являются их органы, действующие на текущих началах и в том порядке, которые предусмотрены уставом или положением о юридическом лице. Поскольку устав юридического лица есть до известной степени специальный закон, органы юридического лица могут рассматриваться, как законные представители. На ряду с этой формой законного П. юридические лица в праве использовать и договорное П. в форме договора поручения.

П., являясь средством осуществления правоспособности, предполагает общую

правоспособность и дееспособность в лице представителя. Для определенных видов П требуется специальная правоспособность. Согласно ст. 77 код. зак. о бр., сем. и опеке, не могут быть опекунами и попечителями: а) лица, перечисленные в п.п. «г», «д», «е» и «ж» ст. 69 Конституции РСФСР; б) лица, лишённые родительских прав по суду; но особым отношениям к подчиненным не могут быть опекунами и попечителями, в) лица, интересы коих противоположны интересам подлежащих опеке и попечительству, а равно лица, находящиеся во враждебных к ним отношениях; не могут быть опекунами и попечителями; г) несовершеннолетние.

Процессуальное П. т.е. П. стороны в судебном процессе, имеет две задачи: 1) помочь стороне в защите ее законного интереса, 2) помочь суду в деле отыскания законного разрешения спора (см. Адвокатура).

Согласно ст.ст. 52, 53 и 54 У. П. К. в качестве представителей интересов гражданских истцов, а равно в качестве защитников могут выступать следующие лица: члены коллегии защитников, близкие родственники гражданского истца или обвиняемого и их законные представители, а также и другие лица по специальному разрешению суда. При защите допускается и П. в лице профсоюзов или др. общественных организаций.

Согласно ст. 16 Г. П. К. друг лиц допускаемому в процессуальному П. по гражданским делам, значительно уже ограничивается следующими категориями: членами коллегии защитников, уполномоченными профсоюзов по делам своих членов, руководителями и постоянными сотрудниками коллективов по делам своего коллектива и лицами, допущенными судом, разбирающим дело, каждый раз по особому постановлению. Законные представители недееспособных признаются и их законными процессуальными представителями. Лица, не могущие быть представителями сторон в гражданском процессе, перечислены в ст. 20 Г. П. К. не могут быть представителями сторон: а) лица, не достигшие восемнадцати лет; б) лица, ограниченные в личных и общественных правах по судебному приговору на все время ограничения; в) лица, состоящие под опекой; г) лица, исключенные из

коллегии защитников; д) народские судьи, члены суда, следователи и прокуроры: последние, кроме случаев когда они участвуют в деле в порядке ст.ст. 2, 12 и 172 Г. П. К.

Ф. Вольфсон

ПРЕЗИДЕНТ — от лат. *praesidere*, т.е. сидеть впереди, председатель, начальствовать. Этим именем в странах латинской культуры обычно обозначают главу какого-нибудь коллектива, напр., министр-П. (во Франции)—председатель кабинета министров; П. во Франции называются также председатели каждой из палат парламента (напр., П. палаты депутатов), также именуются главы некоторых научных обществ и учреждений, напр., П. Академии наук и пр. В этом смысле указанный термин заменяет собою слово «председатель».

Кроме того, именем П. называется глава государства (см.) в буржуазно-демократических республиках. П. в этом последнем своем значении титул П. является наиболее распространенным и известным. В этих государствах П. является, кроме того, формальной главой исполнительной власти. Исключением являются только республики Швейцарская и Эстонская.

В этих республиках исполнительная власть целиком осуществляется коллективными органами: в Швейцарии—союзным советом из 7 лиц, а в Эстонии—кабинетом министров. Следует указать, что швейцарская конституция знает титул П. (как и вице-П.) но П. Швейцарской республики представляет собой не что иное, как только председателя союзного совета, избирается из его среды сроком на 1 год и не имеет никаких особых полномочий, точно ему присвоенных. Эстонская же конституция вообще не употребляет этого титула: глава исполнительной власти в Эстонии именуется «государственным старейшиной».

Стремление олицетворить государство в персоне единоличного главы несомненно, является пережитком монархических традиций. И буржуазия, в периоды наивысшего подъема своей революционной энергии, уничтожая абсолютизм, иногда упраздняла и единоличность главы государства. Так было во Франции в эпоху ее первой революции вплоть до конституции VIII г. (т.е. 1800 г.), когда французская буржуазия, учредив консулат, фактически передала

исполнительную власть в руки первого консула. Но революционные традиции все еще были так сильны, что кроме должности первого консула, были учреждены должности второго и даже третьего консула совершенно, впрочем, номинальные.

Следует указать, что стремление персонифицировать государство в лице II и поставить во главе исполнительной власти одно лицо, в сущности, вполне естественно вытекало из: 1) психологии буржуа, сформировавшейся на основе частнокапиталистического хозяйствования, где во главе предприятия обычно стоит единый «хозяин», и 2) из желания политически усилить значение исполнительной власти, как некоего противовеса власти законодательной, все более демократизирующейся.

По способу избрания II-а конституции могут быть разделены на две группы. В одну из них входят те конституции, которые устанавливают избрание при помощи «народного» голосования (Соед. Штаты, Германия, Финляндия), в другую — те которые определяют, что II избирается парламентом (все остальные республиканские конституции). Для выборов II, обе палаты парламента собираются на объединенное заседание.

Но в Соед. Штатах и Финляндии, вводящих «народные» выборы II, последний избирается особыми коллегиями выборщиков: в Финляндии в количестве 300 чел., избираемых по тому порядку, по которому происходят выборы в сенат, а в Соед. Штатах выборщики назначаются законодательными собраниями штатов, в числе, равном соединенному количеству сенаторов и депутатов, посылаемых данным штатом в конгресс. При этом ни члены сената от данного штата, ни члены палаты представителей не могут входить в состав выборщиков. В Германии выборы II, происходят аналогично тому, как избирается рейхстаг.

Сроки полномочий II, различны: 7 лет — во Франции, Чехии, Германии, Польше; 6 лет — в Финляндии; 4 года — в Соед. Штатах, Турции, Австрии; 3 года — в Литве и Латвии.

Большинство конституций устанавливает для II, право переизбрания на следующий срок, но в общей сложности не более двух раз подряд; выборы на 3-й срок не допу-

скаются. Турецкая же конституция устанавливает даже один избирательный срок.

II, республики имеет целый ряд полномочий, присвоенных ему конституцией. Он прежде всего является официальным главой государства представляющим его во внешних сношениях. Как таковой, он принимает послов иностранных государств и аккредитует (уполномочивает) послов и других представителей своего государства. Во время путешествий по другим странам он пользуется правом экстерриториальности (внеземельности).

В этом же качестве главы государства он подписывает мирные договоры и различного рода международные трактаты. Ему же, как главе государства, формально принадлежит (по конституциям) верховное командование вооруженными силами республики.

Из старых монархических прерогатив за II также обычно сохраняется право помилования осужденных судом, право награждения орденами и повышения в чинах офицеров армии и флота.

Далее, II санкционирует своей подписью законопроекты, принятые парламентом. Ему принадлежит право т.-н. «суспензивного (отлагательного) вето», т.-е. право возвратить закон, принятый обеими палатами, обратно в парламент в случае несогласия с таковыми. Если возвращенный II, закон будет вторично подтвержден парламентом, он вступает в силу уже без санкции II. Но II Германской республики принадлежит, кроме того, право подвергнуть закон народному голосованию.

Законы, принятые парламентом и санкционированные II, опубликовываются за его подписью. Ему же принадлежит назначение сроков выборов в парламент, право экстренного его созыва, а в некоторых государствах и досрочного роспуска (см. Парламент).

Как глава исполнительной власти, II, согласно официальной формуле, назначает кабинет министров. Фактически его роль в этом деле сводится к поручению главе руководящей партии парламента составить кабинет и затем утвердить своей подписью представленный ему премьер-министром (или, иначе, министром-II.) список членов кабинета.

Полномочия II, прекращаются: 1) за истечением срока его выборов; 2) за

смертью П., если она последовала до истечения срока избрания: 3) в силу отрешения от должности. Последнее может произойти в том случае, если П. привлечен к ответственности по обвинению в государственной измене. В подобном случае П. судится верхней палатой парламента, но предание его суду верхней палаты может произойти только лишь по постановлению нижней палаты. Приговором верхней палаты может быть лишь отрешение от должности, но оно не освобождает бывшего П. от последующего суда в общих судебных установлениях. Но конституция Германии содержит, кроме того, положение, что П. может быть отрешен от должности до срока народным голосованием, а конституция Турции предоставляет это право законодательному органу—великому национальному собранию. Конституционная практика Франции знает, помимо этого, примеры досрочной отставки П. под давлением палат парламента, вынуждающего П. выйти в отставку. Такие случаи были: первый в 1857 г.—в президентство Гревя, и второй в 1924 г.—в президентство Мильерана.

И. Челябинце

ПРЕЗУМПЦИЯ (предположение), это—признание без доказательств, установленною наличности вероятных фактов, событий или прав, либо вовсе не подлежащих проверке, либо считающихся бесспорными до тех пор пока они не будут опровергнуты несомненными доказательствами. П. относится вообще к области общего логического мышления, но, переходя в область права, она в виде законодательной нормы приняла фетишистский характер, свойственный буржуазному, а в известной степени, и всякому праву вообще. П. в правоведении обыкновенно относится к области процесса и доказательств, а так как наш процесс не стоит на точке зрения формальных теорий доказательств то нам нечего долго останавливаться на этом понятии. Прежде насчет П. действовали очень сложные теории. П. правоведы делили на фактическую и юридическую, в зависимости от того, что предполагалось доказанным: факт ли событие или право лица, утверждающего свое право. Далее различали П. необходимые, вероятные

или правдоподобные и т. д. П. делились на П. вовсе не допускающие доказательствами противного, и П. допускающие таковые. Так, по буржуазному закону в общем ответчик всегда предполагается правым, пока истец не доказал нека, а обвиняемый виновным, пока не доказана его вина. Первой, гражданско-правовой П. наш процесс не принимает полностью; и в уголовном процессе мы не считаем ее бесспорной и в значительной степени нарушаем этот принцип.

П., как и все остальное в правовой области, носит выражено классовый характер, и на этой стороне вопроса приходится остановиться. В практической жизни всякий, даже самый «демократический» буржуазный судья в спорах между членами разных классов легко проявляет свое определенно классовое отношение в виде разных П. в пользу имущего, цензового элемента; в феодальном, крепостном строе был даже особый сословный суд для привилегированного сословия, а наш советский суд не скрывает лицемерно своего классового подхода. Но классовым подходом пронитаны не только отношения классового суда и текст классового права но и законы логики легко подчиняются интересу. В том числе и П. Возьмем несколько азбучных истин буржуазного гражданского права: всякий частный владелец предполагается частным собственником, пока не доказано противное, всякий договор предполагается возмездным, всякий долг—процентным, всякий гражданин—знающим все законы, всякий субъект права—«распорядительным (рачительным) хозяином» и т. д. По «Кодексу Наполеона» и договор найма рабочей силы утверждение нанимающего об уплате зарплаты предполагалось доказанным (ныне отменено); наоборот, против нанимателя квартиры предполагалось доказанным утверждение частного собственника, домовладельца. Всегда, значит П. в пользу имущего, цензовика, П. в пользу владельца, как частного собственника, перетаскала и наша судебная практика, несмотря на ее полное противоречие нашему хозяйственному и правовому строю. Против нее пришлось выступить Верховному Суду РСФСР в пользу П. государственной или вообще общественной собственности (см. Бесхозяйное имущество).

Вокруг установления юридической П была настоящая классовая борьба. Возьмем хотя бы ответственность за несчастные случаи (см.) с рабочими. Нелегко прошло в буржуазном законодательстве правило, что в силу принципа риска ответственность предприятия предполагается, пока не доказана вина или приравниваемая ей грубая неосторожность самого потерпевшего. Эта П победила, но на условиях уменьшения денежной ответственности предприятия на $\frac{1}{4}$ или даже на $\frac{1}{3}$. Эта П перешла и к нам в ст. 404 Г К (см. Вред)

В интересах детей у нас по алиментным делам состояние в зарегистрированном браке создает П. отцовства за зарегистрированным мужем матери, пока не доказано иное

Но как я уже сказал, в виду того, что отброшена формальная теория доказательств, понятие П. у нас играет незначительную роль.

П. Ст

ПРЕКАРИЙ. Так называлось в римском праве (и в некоторых более поздних буржуазных законодательствах, перенявших это понятие из римского права) предоставление вещи в пользование до востребования без установления каких бы то ни было обязанностей для дающего. П встречался главным образом в отношениях между лицами, одни из которых находились в сильной зависимости от других — между представителями господствующего класса и их полурабами (например, между бывшим господином и вольноотпущенником, между патронами и клиентами, сеньором-помещиком и крестьянином, и т. п.) В интересах господствующего класса римское право и следовавшие ему законодательства отрицали за получившим вещь в прекарное владение право на какие бы то ни было требования к собственнику но признавали вместе с тем право чрекариста на предъявление от своего имени исков о восстановлении нарушенного владения. Последнее признавалось за получившим вещь в прекарное владение не потому конечно что законодатель хотел защитить его интересы а для того, чтобы дать прекаристу возможность выступить своевременно в защиту интересов собственника, не беспокоя последнего испрашиванием у него надлежащих полномочий. П является, таким обра-

зом, одним из тех институтов, где наиболее выпукло выявляется природа права, как орудия классового господства. Нашему праву он, конечно, неизвестен.

С Р

ПРЕЛИМИНАРИЙ. Под П. подразумеваются предварительные мирные договоры, заключенные воюющими сторонами вполн до заключения окончательного договора П являются международными договорами со всеми проистекающими отсюда последствиями: они ввиду этого требуют ратификации. Обычно П. заключают важнейшие условия мира, оставляя урегулированные детали на долю окончательных договоров. Они таким образом, устанавливают принципы на которых заключаются эти последние. Примеры: прелиминарный договор 11/VII 1859 г.; в Виллефранке, окончивший войну Австрии с Францией и Сардинией; Никольбургский п. д. 26/VII 1866 г., окончивший австро-прусскую войну; Версальский п. д. 26/VII 1871 г. которым закончилась франко-прусская война; п. д. в Сан-Стефано 3/III 1878 г., положивший конец русско-турецкой войне. Наконец, прелиминарный договор между представителями советских республик и Польшей 12/X 1920 г. в Риге.

А. Иванов

ПРЕРОГАТИВЫ Под этим названием понимают различного рода преимущества, связанные с отправлением государственных должностей. В этом смысле П. различают от привилегий, напр. сословных, которые создают различные преимущества одним гражданам в ущерб другим в силу принадлежности к сословиям по рождению. Всякое закрепленное в законе формальное преимущество гражданина, основывающееся на рождении, на принадлежности к сословию неприемлемо с точки зрения буржуазии, которая признает только фактические неравенства, проистекающие из обладания имуществом. Поэтому «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г. провозгласила: «Общественные отличия могут основываться только на общей пользе» (§ 1) и далее «Так как все граждане равны перед законом то все они имеют равный доступ ко всяким званиям, местам и общественным должностям, безо-

всяких других различий, кроме различий в их добродетели и дарованиях» (§ 6).

Смысл П. буржуазные теоретики административного права усматривают обыкновенно в том что они способствуют выполнению функций, возложенных на государственный орган. Однако исторически большая часть П. возникла из привилегий господствующих классов, и нередко элементы П. и привилегий представляются тесно связанными в тех особых правах и гарантиях, которыми наделяются государственные органы.

В установлении П. на протяжении истории громадную роль играло стремление государственной власти поставить в привилегированное положение государственных чиновников, судей и других агентов власти. Привилегии устанавливались обыкновенно для наиболее преданных и отличившихся агентов. Так, например, французский король Филипп IV Красивый в 1302 г. признал некоторых наиболее угодивших ему судей постоянными и несменяемыми. Филипп VI Валуа следовал примеру Филиппа Красивого, устанавливая несменяемость преданных ему судей, и таким образом возникла П. несменяемости судей, которая утвердилась во Франции в XVI в.

В 1790 г. институт судейской несменяемости был официально признан, как одна из гарантий независимости судебной власти от власти исполнительной (см.) В Англии институт несменяемости судей утвердился после революции 1688 г. и был перенесен в Америку, где несменяемость признана конституцией 1787 г. Из европейских государств несменяемость судей установлена в Германии, Польше, Чехии, Латвии, Финляндии и др.

В советских республиках, где принципиально отвергается теория разделения властей, П. несменяемости судей не находит места.

Кроме судебной несменяемости из различных видов П. сохраняют свое значение в современном праве следующие: П. монарха и президента, П. сенаторов и депутатов—депутатский иммунитет особая подсудность высших должностных лиц, и т.п. административная гарантия.

К П. монарха следует отнести его безответственность, неприкосновенность, почетные преимущества—право на двор и имущественное обеспечение и наконец,

внешние знаки отличия: титул, герб (см.) и проч. Безответственность монарха признается всеми монархическими конституциями (см.)

Самый термин «безответственность» встречается в немногих конституциях. Но принцип принят везде, так как из «неприкосновенности» и «священности» монарха вытекает, разумеется, и его безответственность.

Безответственность монарха распространяется как на действия, совершенные им в качестве органа государства, так и на действия носящие личный характер. При этом она понимается в широком смысле, как не возможность не только уголовной но и политической ответственности монарха. Даже гражданская ответственность монарха весьма ограничена поскольку предъявление иска к монарху невозможно без его разрешения. Из безответственности монарха вытекает и его неприкосновенность, т.е. свобода от ареста и других видов судебного или административного принуждения. Неприкосновенность монарха в уголовном праве гарантируется усиленной уголовной ответственностью за преступления, направленные против личности монарха.

Для объяснения безответственности монарха придумывали немало весьма остроумных фикций, и буржуазные ученые и до сих пор изощряются в этом направлении. Впервые обоснование безответственности монарха мы находим у Локка в его трактате «О правительстве». Здесь Локк П. называет право короля принимать те или другие меры для блага государства в случаях, когда законы оказываются недостаточными, а парламент не заседает. Это—дискреционное право короля, и народ не может быть судьей по вопросу—применяет ли король свою П. на пользу общества или нет. Если же король злоупотребляет своей властью, то у народа остается крайнее средство—«воззвать к небу, сделать самого бога судьей в открывшемся преириательстве».

В дальнейшем английские конституционалисты стали обосновывать безответственность монарха на фикции «Король не может творить зла» Эта фикция имела смысл во времена обожествления монарха, но теперь она представляется, разумеется, анахронизмом.

Некоторые современные государствоведы говорят, что безответственность монарха является естественным следствием отсутствия у монарха реальной власти, так как в современных конституционных государствах всякий акт монарха должен быть контрастирован министром, и поэтому монарх не может нести ответственности за действия, не им предугадываемые. Такое объяснение безответственности монарха совершенно непригодно для оправдания безответственности дуалистического монарха, который по своему усмотрению назначает министров, но оно мало удовлетворительно и для парламентарной монархии, так как парламентарный монарх может в известных пределах влиять на политику правительства.

Безответственность монарха находит объяснение не в отсутствии у него реальной власти, а в политической необходимости ограждения от потрясений авторитета, верховной власти, носителем которого является «священная особа монарха».

Поэтому суд над монархом всегда является революционным актом, как это видно из истории. Во всех таких случаях судили монархов, уже лишенных престола (суд над Карлом I и Людовиком XVI).

Таким образом, безответственность монарха вытекает из того же источника как и безответственность парламента, равно как и всякого другого верховного органа буржуазного государства.

История знает только один случай установления ответственности монарха в тексте конституции—при Наполеоне III во Франции, но фактически и Наполеон III был безответственен.

На ряду с безответственностью монарха к числу II его относится, как сказано, право на имущественное обеспечение. Во всех монархических государствах монарх получает определенное содержание, имеющее назначением как удовлетворение личных нужд монарха, так и доставление средств, необходимых для содержания двора. Акт определяющий сумму, предназначенную для монарха, носит название «цивильного листа».

Переходя к II президента республики нужно сказать что в противоположность безответственности монарха, конституции устанавливают ответственность президента. Однако объем ответственности президен-

та весьма узок. Так напр., французский президент (Закон об организации государственных властей, ст. 6) ответственен только в случае государственной измены. То же начало установлено и в чехо-словацкой конституции (конституция, ст. 67), и в финляндской (конституция ст. 47). По турецкой конституции президент в пределах выполнения своих публично-правовых функций также ответственен только за измену, но за личные действия президент может быть привлечен к уголовной ответственности с согласия национального собрания. В других республиках, как например, в Соедин. Штатах Америки, в Германии, Польше, Литве, Латвии, президент отвечает за нарушение конституции и законов республики. Как в тех, так и в других государствах президент может быть привлечен к ответственности только по постановлению законодательных палат.

Ответственность президента ограничивается ответственностью за нарушение законов, но политической ответственности президент не несет. Это начало находит выражение в целом ряде конституций. Например, по чешской конституции: «Президент республики не ответственен за осуществление своих функций». В других конституциях начало политической безответственности президента не находит выражения, но и в них признается на практике.

Таким образом, поскольку президенты в ряде отношений выступают как высшие органы, постольку создаются затруднительные условия для привлечения их к ответственности. Ответственность президента практически означает борьбу между высшими властями государства. И действительно, единственный известный в истории случай суда над американским президентом Джонсоном в 1868 г. представлял собой не что иное, как борьбу между парламентом и президентом по поводу уравнивания негров в правах с белыми, противником коего был президент Джонсон.

К числу II относят также особую компетенцию высших должностных лиц. Так, например, в конституционных государствах решение о возбуждении уголовного преследования против министров за их должностные преступления должно исходить от парламента а

судит их или верхняя палата (Англия, Америка) или высший суд (Польша—конст. ст. 59; Литва—конст. ст. 63; Чехия—конст., ст. 79; Германия—конст. ст. 59). Пары Англии также пользуются П. быть судимыми только пэрами, т. е. палатой лордов.

Что касается советских социалистических республик, то особая подсудность Верховному Суду Союза ССР установлена согласно положения о Верховном Суде Союза, для членов ЦИК и СНК Союза ССР, а также для высших должностных лиц Союза ССР по обвинению в должностных преступлениях (см.). Эта подсудность членов ЦИК и Совнаркома не аналогична буржуазному понятию П., а вытекает из того, что Верховному Суду Союза и верховным судам союзных республик подведомственны уголовные и гражданские дела особой важности. Между тем, преступления, совершенные представителями высшей государственной власти, в силу самого положения таких лиц, не могут не быть относимы к делам «особой государственной важности». Аналогичные нормы содержатся в законодательствах отдельных союзных республик. Так, например, согласно ст. 449 У. П. К. РСФСР и ст. 456 У. П. К. УССР, члены ЦИК и Совнаркома и другие высшие должностные лица подлежат за преступления по должности суду Верховного Суда республики, рассматривающего эти дела в качестве суда первой инстанции.

К П. причисляют также институт т. н. административной гарантии, состоящей в том, что для возбуждения преследования по должностным преступлениям требуется согласие начальства обвиняемого. Этот институт существовал во Франции со времени конституции VIII года которая установила порядок привлечения должностных лиц к ответственности лишь с согласия государственного совета. В 1870 г. этот порядок был отменен, но префектам было предоставлено право изымать от судебных властей для предварительного рассмотрения дела по должностным преступлениям.

В дореволюционном праве России возбуждение преследования по должностным преступлениям сосредоточивалось в руках того начальства, от которого зависело определение обвиняемого в должности, или от первого департамента сената, или от не-

которых других административных лиц и учреждений. После рассмотрения объяснений обвиняемого дело разрешалось в дисциплинарном порядке или передавалось в судебно-следственное учреждение, при чем предание суду проходило без участия прокурора, за исключением случаев, когда по закону требовалось производство предварительного следствия. На деле это приводило почти к полной ненаказуемости должностных лиц.

В. Дябло

ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Вопрос о сущности П. рассматривался и рассматривается обычно буржуазной теорией под углом зрения вопроса о принципах разграничения уголовной и гражданской «неправды». Попытка дать разрешение этого вопроса в плоскости чисто юридической, предпринятая классической школой (см.), оказалась бесплодной (см. т. II, стр. 410). Антропологическая школа (см.), объяснявшая генезис П. биологическими факторами, вполне понятным образом пришла к конструкции «естественно-научного» понятия П., сформулированной Гарофало. Последний задался выяснить, «нет ли среди преступлений и проступков наших современных законов таких действий, которые во все времена и повсюду рассматривались как наказуемые», и пришел к выводу, что общественное мнение всегда рассматривает, как П., «оскорбление той доли нравственного чувства, которая состоит из основных альтруистических чувств, а именно жалости и честности», однако лишь в том случае, когда поступок поражает «не высшую, более деликатную, часть этих чувств, но среднюю меру, в какой ими обладает общество и которая безусловно необходима для приспособления к нему индивида». Не говоря уже о том, что Гарофало в данной формулировке достигает лишь замены одного понятия (П.) другим, более туманным и расплывчатым, понятием («оскорбление нравственного чувства», однако далеко не всякое), предложение Гарофало оказывается непригодным и потому, что «естественное П.», как его понимает автор, вовсе не покрывает собою «позитивно-правового П.», т. е. всего того, что рассматривается, как подлежащее уголовной репрессии деяние в

том или ином У. К. Сам Гарофало был вынужден на ряду с «естественным П.» поставить «политическое П.», преследуемое и в том случае когда оно вовсе не затрагивает нравственного чувства.

Казалось бы, социологическая школа уголовного права (см.) должна была задаться целью дать социологическое а не чисто юридическое или «естественно-научное» определение П. На самом деле, однако, «своего слова», нового слова в этом вопросе упомянутая школа так и не сказала, и по вполне понятным причинам: вместо анализа социального содержания понятия П. буржуазные криминалисты, в силу своей классовой природы, сознательно или бессознательно стремятся, скорее к маскировке социального, т.е. классового, содержания и понятия П. и всего уголовного права вообще. Самое большее, что могут дать буржуазные криминалисты в качестве социологического определения П., это признание, что деяние объявляется со стороны законодателя наказуемым деянием (т.е. П.) в тех случаях, когда это деяние особенно вредно для общества (разумей: для общества в целом, для общества, как единого целого). Такой выход П. дан уже Иерингом, в дальнейшем же в таком же духе высказывались и классики (особенно Биндинг), и социологи; так, по словам Листа, «П.—антисоциальное действие, как и всякая «неправда (Unrecht)» но, в отличие от прочих видов «неправды» оно может быть характеризовано, как «рассматриваемое в качестве особенно опасного посягательства на сферу правовых благ (Rechtsgüterwelt)». Подобные формулировки приобретают большую популярность среди буржуазных криминалистов по мере того, как они все более убеждаются в неразрешимости для них задачи дать принципиальное определение П по существу (ср. слова новейшего классика Зауэра: «П—особо тяжкая «неправда». ср. также стрипацие Белингом самого существования общего понятия П.). Другой видный германский криминалист Миттермайер в опубликованной в 1923 г (в «Zeitschrift» Листа) статье о П. цитирует, как приемлемую, хотя и неполную, формулировку Либлиенталя, определяющего П. как «деяние, объявленное законодате-

тем общественно опасным». Характерна следующая мысль Миттермайера, подчеркивающего (со ссылкой на Иеринга), что при анализе понятия П. следует иметь в виду и типичность (Typizität) определенного признаваемого П., деяния: «Если бы арендаторы, по общему правилу (allgemein) стали умышленно уклоняться от платежа арендной платы, то это деяние с полным правом можно было бы уже признать достойным наказания (strafwürdig)».

Таким образом, и буржуазные криминалисты в настоящее время различают формальное и материальное понятие П.: правда обычно они считают определением П. по существу (материальным) уже и такие определения, как «П.—это наказуемое, совершенное при наличии вины, неправомерное деяние», которые с нашей точки зрения, конечно, остаются только чисто формальными определениями. Миттермайер в цитированной статье подчеркивает что материальное определение П. должно исходить не из момента «наказуемости» (strafbarkeit) определенного деяния по позитивному праву, а из того, что деяние, обнимаемое понятием П., «достойно наказания» (strafwert). Криминалист-классик, рассматривающий наказание, как заслуженное возмездие за вину, мог бы принять такую формулировку, хотя она и уводит его несколько от того позитивного (действующего) права к догматическому изучению норм которого классическая школа сводит всю науку уголовного права. Но для криминалиста-социолога (а тем более антрополога), для которого основным понятием уголовного права, на ряду с понятием П. является понятие меры (соц.) защиты (см.), она казалось бы, должна являться столь же малоудовлетворительной, как и формулировка «П.—наказуемое деяние». И все же Миттермайер попадает в большое место и социологической и даже антропологической школы, когда заявляет: «Мы юристы, так сильно привыкли идентифицировать П. с «деянием, влекущим наказание», что склонны теперь (когда, кроме наказания, приходится оперировать и с мерами соц. защиты, А. Э.) просто субсуммировать (в этой формуле «П.—деяние, влекущее наказание». А. Э.) под понятие «наказание» и новые меры борьбы с преступно-

ство». Те, кто поступает так, «вводят в заблуждение и себя и других», резонно замечает цитируемый автор.

Действительно, самые новейшие буржуазные проекты У. К., как германский 1925 г. составленный под сильнейшим влиянием криминалистов социологической школы, и итальянский 1921 г. проект Ферри (антропологич. школа), преподносят нам в сущности, старое формальное определение П. поскольку и эти новейшие проекты во главу угла кладут знаменитую формулу «*nullum crimen sine lege*» (см. также т. I, стр. 894). Так, ст. I итальянского проекта гласит: «Никто не может быть осужден за деяние, не предусмотренное как П. законом того времени когда оно было совершено, ни подвергнут санкциям, не установленным этим законом». вполне понятно после этого, что ст. 11 того же У. К. признает П. «всякое деяние, за которое установлена одна из санкций этого Кодекса».

Принцип «*nullum crimen sine lege*» (не может быть преступным деяние, не указанное в законе) и дополняющий его принцип «*nulla poena sine lege*» (никакое наказание не может быть применено, если это наказание не назначено законом) особенно ценятся буржуазными криминалистами, усматривающими в них важную гарантию прав личности. Лист даже видит в них «бастион» ограждающий гражданина против всемогущества государства; в силу этого соображения, он—несколько парадоксально—характеризует и самый У. К. как *Magna Charta* («великая хартия вольностей») преступника. Кстати сказать, Лист недаром, в связи с принципом «*nullum crimen sine lege*» вспомнил про *Magna Charta*: именно в самом раннем историческом документе английского конституционного права относящемся к 1215 г. и носящем название «*Magna Charta Libertatum*», впервые зафиксировано (в ст. 39) и положение согласно которому не допускается арест или наказание свободного человека. «*nisi per legale iudicium parium suorum vel per legem terrae*» (кроме как в силу законного суда его равных или в силу закона страны). Общепризнанным принципом буржуазного конституционного права этот принцип становится после провозглашения его в Декларации

Прав», сперва американской (1774 г.), затем французской революции (1789 г.). В эпоху своего прихода к власти буржуазия действительно была заинтересована в том, чтобы уголовное право давало гарантии личности, тем более, что слишком свежи еще в ее сознании были воспоминания об испытанном ею произволе «дореволюционных судов». По мере того, однако, как буржуазия переставала выражать интересы общественного развития и вместе с тем все более убеждалась, что для самой нее достаточной гарантией является самый характер созданных ею судебных органов, заполненных людьми «же класса и великолепно вымуштрованных в смысле обслуживания ее интересов, она все более оказывалась заинтересованной лишь в том, чтобы уголовное право, превращенное в возможно и более орудие против ее классовых врагов и вообще против вредных для нее элементов общества, сохраняло лишь видимость внеклассовой гарантии личной свободы. Для сохранения этой «видимости» буржуазные криминалисты, к какой бы школе они бы принадлежали, сплоченными рядами и сейчас стоят под знаменем, на котором написано «*nullum crimen sine lege*» и формальное определение П. в У. К. В силу этих же побуждений они почти единодушно (исключение—Бипдинг) возражают против самой мысли о применении, по аналогии (см.), уголовной репрессии за деяния, не предусмотренные в У. К., поэтому же они, в большинстве своем, отрицательно относятся и к приданию уголовному закону обратной силы (см.), за исключением тех случаев, когда получающий такую силу новый закон мягче старого.

Советское уголовное право последовательно и без всякой маскировки (ненужной в государстве пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в интересах огромного большинства населения, в отличие от буржуазной «демократии», которая всегда остается диктатурой незначительного капиталистического меньшинства, направленной против интересов подавляющего большинства населения), кладет в основу строго научное социологическое определение П. как общественно опасного, с точки зрения интересов господствующего класса, действия или бездействия. Только такая точка зрения даст возможность

единым понятием П., как явления классового общества, как явления, меняющего свой облик и свое содержание вместе с изменением классовой структуры данного общества, охватить все многообразие конкретных деяний, которые в одни эпохи считались П., а затем переставали ими считаться («Когда в Англии кончается эпоха сжигания ведьм, то в это самое время начинается эпоха вешания подделывателей кредитных билетов», говорит Маркс), или наоборот.

Эта точка зрения зафиксирована в ст. 6 У. К. 1922 г., во вводящей статье к Осн. Началам угол. законодательства СССР (см. т. I стр. 895), равно как в ст. 6 нового У. К., вступившего в действие с 1 января 1927 г., гласящей: «Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Эта новая редакция ст. 6 У. К., как и прежняя, выражает ту мысль, что 1) П. признается в с я к о е общественно-опасное действие, а 2) как общественно-опасное рассматривается л и ш ь действие угрожающее советскому строю или угрожающее советскому правопорядку. Можно пожалуй, сказать, что прежняя редакция ст. 6 У. К. выражала эту мысль в некоторых отношениях отчетливее (так едва ли можно признать правильной замену слов «угрожающее правопорядку» словами «нарушающее правопорядок», ибо ведь всякое «правонарушение», даже чисто гражданского характера, в известном смысле есть «нарушение правопорядка»). Однако полную ясность создает вновь добавленное примечание к ст. 6, включение которого в У. К. (из У. П. К., где соотв. постановление содержалось в ст. 4а—см. т. I стр. 916) следует признать шагом вперед. Это примечание гласит: «Не признается П. действие которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного». Это постановление нового У. К. дополняется еще следующим постановлением: «Если конкретное действие, являющееся в момент совершения его согласно ст. 6 настоящего кодекса П., к моменту

расследования или его рассмотрения в суде потеряло характер общественно-опасного, вследствие ли изменения уголовного закона или в силу одного факта изменившейся социально-политической обстановки, или если лицо, его совершившее, по мнению суда, к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным, действие это не влечет применения меры социальной защиты к совершившему его» (ст. 8 нов. У. К.). С другой стороны, и общественно-опасное действие, прямо не предусмотренное ни одной статьей Особенной части, все же рассматривается как П. и, в качестве такового, подлежит уголовной репрессии по а н а л о г и и (см.) согласно ст. 16 нового У. К., соответствующей прежней ст. 10 У. К. 1922 г. и в общем воспроизводящей ст. 3, ч. 3 Осн. Начал.

Законодательства Франции и Германии делят П. на 3 группы: 1) crimes, Verbrechen—тяжкие преступления; 2) délits, Vergehen—преступления, и 3) contraventions, Uebertretungen, проступки; в основу такого деления, которое впервые было проведено во французском У. К. 1791 г., кладется различие наказаний, применяемых в том или ином случае за П. Так, по действующему германскому У. К. к Verbrechen относятся все П., влекущие смертную казнь, каторгу или заключение в крепости на срок свыше 5 лет; к Vergehen—влекущие заключение в крепости на меньший срок, тюремное заключение или штраф на сумму свыше 150 марок; к Uebertretungen—влекущие арест или штраф до 150 марок. П. третьей, наименее серьезной, группы выделены при этом в особые разделы У. К. Такое деление П. большинством теоретиков признается неудачным, и У. К. многих других стран его не знают. Многие криминалисты предлагают не относить к П. т.-н. «полицейские деликты», как не заключающие в себе нарушения или поставления в опасность какого-либо общественного блага (Лист); многие другие против этого возражают. Советский У. К. (ст. 2 Осн. Начал, ст. 46 нового У. К.) делит все П. на две категории: 1) направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР властью рабочих и крестьян, и признаваемые в силу этого наиболее опасными и 2) все остальные П. Статьи Особенной части, предусматривающие П. 1-й категории, имеют санкции «н е н и ж е» определенного срока лишения свободы, по-

вышающиеся иногда, в особо тяжких случаях, вплоть до расстрела. Статьи, предусматривающие П. 2-й категории, имеют санкции, устанавливающие лишение свободы на срок до стольких-то лет (месяцев) или ограничивающие суд еще более мягкой мерой соц. защиты; расстрел за такого рода П., к каковым, между прочим, относятся все П. против личности и все имущественные П., кроме некоторых случаев разбоя, вообще не может иметь места.

Юридическое учение о П. есть учение о субъективных и объективных элементах «состава П.», т.-е. о тех субъективных и объективных предпосылках при которых того или иного рода действие определенного лица образует собою уголовно-преследуемое деяние, влекущее меры, указанные в соотв. статье Особенной части У К. (см. Вина, Вменение, Невменяемость, Умысел, Неосторожность, Деяние, Крайняя необходимость, Необходимая оборона, Соучастие).

Новейшие буржуазные проекты У К. содержат, впрочем, в своей особенной части постановления о применении (ко «вменяемым» лицам) таких мер социальной защиты как помещение в рабочий дом и в случаях не заключающих по признанию самих составителей соотв. проекта, никакого «состава П.» Так включив в проект германского У К. постановления о помещении за бродяжничество и нищенство в рабочий дом на неопределенный срок, что в некоторых случаях может по признанию составителей проекта, означать помещение в это заведение на всю жизнь, составители проекта в объяснительной записке пишут: «Изложение (в §§ о бродяжничестве и нищенстве) предпосылки помещения в рабочий дом не имеет природы уголовно-правовых «составов П.». Они обозначают только симптомы, оправдывающие вывод, что данное лицо—а социальная личность» Здесь мы имеем стало быть постановления о применении определенных мер соц. защиты уже не за П. а в связи с «уголовной неблагонадежностью» того, к кому эти меры применяют (см. т. II, стр. 926—927) Бродяжничество и нищенство, по советскому праву никаких мер уголовной репрессии сами по себе не влекут. Об отношении советского права к вопросу об «уголовной неблагонадежности»—см. т. II, стр. 934 и 935.

О том, какое конкретное содержание в разные эпохи вкладывалось в понятие П.—см. Уголовное право. О причинах, порождающих П. или влияющих на увеличение числа таковых,—см. Факторы преступности.

А. Эстрин

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПЕЧАТИ. Буржуазная «свобода печати» означает лишь свободу печати от цензуры; не говоря уже о том, что «свободная печать» оказывается в бурж. государстве фактически зависимой от капитала (такая «свобода печати» есть, по Ленину не что иное, как «свобода подкупа газет и скупки их капиталистами»). представителям пролетарской печати угрожает там и уголовное преследование во многих и многих случаях. Всякая буржуазная «партия порядка» хочет, как выразился Маркс в «Борьбе классов во Франции», «иметь дело лишь с оплаченным писателем, с именем, местом жительства и описанием примет», как гарантией, что писатель не выйдет из рамок буржуазного правопорядка. Постановления о П. п. буржуазных законодательств и имеют в виду, главным образом, борьбу против печати революционных элементов и классовых противников, и фактически лишь во вторую очередь ставят перед собой задачу борьбы с разного рода злоупотреблениями чисто личного, в частности корыстного, характера, для которых буржуазная пресса, пролаянная по самой своей природе, представляет отличную «питательную среду»

П. п. могут быть: 1) П. п. в узком смысле слова, т.-е. а) преступления против законов о цензуре и б) прочие П. п. особо предусмотренные в законах о печати даже в государствах, где цензура отменена; 2) преступления против авторского права (см.) и 3) обычные преступления (против личности, имущественные против порядка управления или политические), но совершенные посредством печати. Кроме политической печатной агитации и пронаганды революционного содержания, преследуемой в буржуазных государствах в качестве политического преступления (см.) или такой же агитации и пропаганды контрреволюционного содержания, преследуемой у нас в

качестве контрреволюционного преступления (см.) в П. п. 3-го рода относятся: оскорбление (см.) в печати, клевета (см.) в печати, диффамация (см. Клевета) и шантаж (см.) при помощи печати; сюда же можно отнести и порнографию П. п. 2-го рода, это плагиат (см.) и контрафакция (см.). Что касается П. п. 1-го рода, то таковыми являются некоторые нарушения деятелями печати особых, возложенных на них тем или иным законодательством, полицейских или административных обязанностей. По германскому закону о печати (Pressgesetz от 7 мая 1874 г.¹⁾, напр., каждое произведение печати должно быть снабжено указанием имени и местожительства того, кто его отпечатал, а если это произведение предназначено для распространения, то также и издателя. Издания периодической печати (газеты, журналы и т. п.) должны, кроме того, быть снабжены указанием имени и местожительства ответственного редактора, по экземпляру каждого номера данного периодического издания должно быть представлено в полицию места издания немедленно после начала рассылки или распространения этого номера за исключением изданий, посвященных исключительно науке, искусству или промышленным целям. Ответственный редактор обязан, по требованию заинтересованных частных лиц или официальных учреждений, помещать в очередном номере без сокращений и вставок, присылаемые и подписанные этими лицами и учреждениями опровержения, если они ограничиваются установлением соотв. фактов и не заключают в себе ничего преступного; опровержение должно быть напечатано тем же шрифтом и в том же отделе как и опровергаемая им статья или заметка, и притом бесплатно, если размер опровержения не превышает размера опровергаемого. Нарушение какой-либо из этих и других перечисленных в данном законе обязанностей карается штрафом или арестом, а в некоторых слу-

чаях и тюремным заключением на срок до 6 месяцев. Аналогичные постановления существуют и в законодательствах многих других государств.

В целях борьбы против свободы печати вообще, кроме экономических мер, буржуазия применяет и особый угол.-правовой подход; так, под предлогом специфических условий печатного и книжного или газетного дела, законодательства обычно, в изъятие из общих постановлений о соучастии (см.) и об умысле (см.) особо регулируют ответственность разных категорий лиц, причастных к появлению того печатного произведения, которое включает в себе состав П. п. По царскому уложению о наказаниях ответственными за содержание напечатанных или литографированных сочинений, эстампов и проч. могли быть, сочинитель, издатель, типографщик или типографщик книгопролавец и редактор. Они отвечали по очереди, в порядке, как они здесь перечислены, т.-е. если нельзя было (в виду неизвестности или нахождения вне досягаемости для царской полиции) привлечь 1-го то привлекался, в порядке своеобразной «круговой поруки», 2-ой и т. д. Эта т.-н. «бельгийская» система ответственности за П. п. в несколько иной, правда, форме установлена и германским законом о печати. Согласно германскому законодательству, в частности, ответственный редактор предполагается умышленным совершителем допущенного в его газете П. п. если он не докажет что определенные особые обстоятельства исключали возможность в данном случае умысла с его стороны, доказавший это ответственный редактор периодического издания, а также во всех случаях, издатель типографщик и лицо распространившее в публике какое-либо (хотя бы и не периодическое) произведение печати преступного содержания, предполагается действовавшим по неосторожности и карается за эту свою неосторожность (см.), как за преступление особого рода, если не докажет, что с его стороны была проявлена соответствующая его обязанностям внимательность, или что существовали обстоятельства, которые лишили его возможности проявить таковую. Иными словами, ответственность за П. п. построена здесь на основаниях, диаметрально-

¹⁾ Он действует и поныне; в конце 1926 г. в него внесены некоторые поправки сугубо реакционного характера, напр., запрещение депутатам парламента быть ответственными редакторами.

не противоположных провозглашаемому обычно современными законодательствами принципу «всякий предполагается виновным, пока не будет доказано противное».

Советское уголовное право по вопросу с П. п. (в узком смысле слова) ограничивается лишь статьей 155 У. К. 1926 г., согласно которой «нарушение правил, установленных для размножения и выпуска в свет печатных произведений, а равно правил фото-кино-цензуры» влечет принудительные работы на срок до 3 месяцев или штраф до 300 руб.; и ст. 96 о незаконном оглашении данных следствия, дознания или ревизионного обследования. Никаких изъятий из общих принципов своего уголовного права и процесса советское законодательство для П. п. не устанавливает.

Что касается порнографии, то этим термином охватываются произведения, которые, имея целью возбуждение полового чувства, являются явно непристойными с точки зрения современного культурного человека. Царское законодательство предусматривало ее в ст. 1001, в которой говорилось о «сочинениях, имеющих целью развращение нравов, или явно противных нравственности или благопристойности, или клонящихся к сему соблазнительных изображениях». Германский У. К. содержит соотв. постановления в ст. 184 которую дополняет ст. 184а (о передаче или предложении порнографических произведений за вознаграждение несовершеннолетнему моложе 16 лет). Действие, о котором идет речь в ст. 184а германского У. К., с точки зрения нашего У. К. заключает в себе состав развращения малолетних или несовершеннолетних (ст. 152 У. К. 1926 г.). Прочие случаи порнографии могут в отдельных случаях квалифицироваться по нашему У. К. как хулиганство (см.), или по ст. 155 У. К. 1926 г.

1 Эстриль

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ. Новый У. К. РСФСР характеризует существо П. п. п. у. в ст. 59¹, согласно которой таковым признается всякое действие, которое не будучи направлено непосредственно к свержению советской власти и рабоче-крестьянского правительства, тем не менее приводит к нарушению правильной деятельности органов

управления или народного хозяйства и сопряжено с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти». Определение это очень широкое; если же ознакомиться с отдельными постановлениями главы 2 нового У. К., в которой идет речь о П. п. п. у. и которая в общем и целом воспроизводит, но в значительно расширенном виде, содержание раздела 2 главы I У. К. 1922 г., то нельзя не согласиться, что в этой главе собраны самые разнородные постановления, начиная от постановлений о бандитизме и кончая постановлениями об изготовлении и продаже самогона и о продаже и покупке квартир. И в западно-европейской теории и в законодательствах, по справедливому замечанию Трайнина, группа П. п. п. у. до сих пор «лишена надлежащей четкости». Несомненно, что при систематизации содержания особенной части уголовного права (см. Уголовное право) прежде всего и проще всего выделяются в отдельные группы такие преступления, как: 1) имущественные преступления и 2) преступления против личности с одной стороны, и как: 3) политические преступления, 4) должностные преступления и 5) воинские преступления—с другой, а в советском праве еще 6) хозяйственные преступления. Эти группы преступлений, однако, не исчерпывают собою всей массы общественно опасных деяний, с которыми власть современного—не только буржуазного, но и пролетарского—государства борется путем уголовной репрессии. Остающиеся по выделении перечисленных групп преступления все имеют между собой (и с группами 3—6) то общее, что непосредственно задевают не интересы отдельных граждан, а те или иные интересы госвласти, содержа в себе в той или иной мере элемент активного или хотя бы пассивного сопротивления (противодействия или простого неповиновения) госвласти со стороны граждан. И в германской теории этого рода преступления характеризуются, как *Widerstand gegen die Staatsgewalt* (сопротивление госвласти) — при чем «сопротивление» понимается в самом широком смысле. В уголовных кодексах П. п. п. у. чаще в виду их большой разнородности сводятся не в одну, а в несколько глав. Стремясь, однако, к созданию

возможно менее сложного но своей системе У. К., советское законодательство предпочло выделить все П. п. и. у. в одну главу У. К., в которую не попали лишь г.-н. «нарушения правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок» (глава VIII У. К.), отличающиеся сравнительно наименьшей социальной опасностью; в применении к «нарушениям» подобного рода западно-европейская теория употребляет термин «полицейские деликты» при чем многие теоретики не считают их вовсе преступлениями (см.)

В главе II У. К. 1926 г. прежде всего можно выделить («А») довольно большую группу преступлений, относящихся к хозяйственной области. а именно: 1) предусмотренная ст. 59⁸ подделка монеты, казначейских и банковых билетов (см.); 2) нарушение правил о валютных операциях—ст. 59¹²; 3) преступления «налоговые» или вообще задевающие интересы гос. казны—ст.ст. 59⁵, 60—63, 100. 4) нарушения гос. монополий—ст. 59¹¹ и, в частности, связанная с нарушением монополии внешней торговли контрабанда (см.)—ст.ст. 59⁹ и 83; 5) преступления против целостности госимущества и вообще народно-хозяйственных фондов, в частности незаконные лесонорубки, незаконная разработка являющихся достоянием СССР местонахождений ископаемых и незаконное производство рыбного, звериного и других т. п. промыслов—ст.ст. 79, 80, 85—87. 6) нарушения разного рода постановлений, регулирующих торговый и вообще гражданский оборот или ограничивающих производство или сбыт тех или иных предметов и продуктов, в частности самогонварение—ст.ст. 97—99 и 101—108. Постановления У. К. о П. п. и. у. этой группы будут рассмотрены в статье «Хозяйственные преступления»

Следующую группу П. п. и. у. составляют («Б») те или иные нарушения декрета об обязательной военной службе—ст.ст. 64—69 (см. Уклонение от военной службы), положений о службе в милиции или в персонале мест лишения свободы (ст. 71) и постановлений о военно-конской повинности и т. п. (ст. 70).

Рассмотренные две группы П. п. и. у. в законодательствах Западной Европы обычно к П. п. и. у. не относятся. Переходя от них к остальным

П. п. и. у. мы выделим, прежде всего группу («В») случаев открытого нарушения революционного порядка, охватывающую и деяния, отличающиеся особой социальной опасностью, каковы предусмотренные ст. 59⁴ бандитизм (см.) или массовые беспорядки (см. Беспорядки массовые) общеопасного характера (ст. 59²) и деяния не столь социально-опасные, как-то предусмотренные ст. 59³ массовые беспорядки, сопротивление отдельных граждан представителям власти или оскорбление таковых, наконец, хулиганство (см.)—ст. ст. 73, 74, 76.

Случаи препятствования правильной деятельности органов власти составят дальнейшую группу («Г»), охватывающую как препятствование путем похищения документов из госучреждений (ст. 78) так и введение в заблуждение органов власти (ст. 88), одаче ложных сведений при регистрации брака. далее—срыв печатей, наложенных властью на определенные предметы и помещения (ст. 89) наконец—препятствование отiranвлению пролетарского правосудия (ст.ст. 81, 82, 92, 95, 96). Сюда же можно отнести и предусмотренные ст. 77 случаи присвоения власти (см.) и предусмотренные ст. 72 случаи подделки (см. Подлог) удостоверений и т. п. или использование заведомо подложных документов, наконец, случаи участия в выборах в советы и их с'езды, не имеющих на то права (ст. 91)

Случаи простого неисполнения требования власти (ст. 75) составят опять-таки особую группу («Д»), к которой примыкает и предусмотренное ст. 90 самоуправство (см.). в нем всегда налицо момент игнорирования власти и установленного ею порядка осуществления гражданами своих, оспариваемых другими прав.

Последнюю группу («Е») составят П. п. и. у. борьба с которыми становится необходимой в силу задач возникающих перед СССР в виду участия в международном общении. Кроме контрабанды, которую мы уже отнесли в группу «А», сюда относятся незаконный переход границы (ст. 84) и содействие такому переходу (ст. 59¹⁰) а также незаконный подъем на морском торговом судне флага СССР (ст. 93) или под

лежащее преследованию в силу международной Женевской конференции 1906 г., к которой примкнул и СССР, незаконное пользование знаками или наименованием Красного Креста и Красного Полумесяца.

Не останавливаясь на тех П. и н. у., которые рассмотрены или будут рассмотрены отдельно под соотв. словами (см. Хозяйственные преступления, Подделка монеты, Контрабанда, Уклонение от воинской службы, Бандитизм, Беспорядки массовые, Хулиганство, Присвоение власти, Подлог, Самоуправство), мы рассмотрим здесь, прежде всего как наиболее типичное П. п. у. сопротивление власти в тесном смысле слова.

Согласно ст. 73 У К. ред. 1926 г., «сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженное с насилем над личностью представителя власти» влечет лишение свободы на срок не ниже 1 года, а сопротивление без применения насилия — лишение свободы или принудработы на срок до 6 мес. или штраф до 500 руб. Последние меры, согл. ст. 76 У К., влечет и публичное оскорбление представителей власти при исполнении таковыми служебных обязанностей. Не следует смешивать понятие «представитель власти» с понятием «должностное лицо» (см.). Должностными лицами признаются и работники тех или иных общественных организаций, но представителями власти могут быть лишь лица, состоящие на государственной (советской) службе или хотя и не состоящие на службе, но, в силу привлечения их к советской работе по выборам, в порядке общественной повинности и т. н. выполняющие те или иные функции государственного управления (напр. народные заседатели, заседающие в составе присутствия суда, выступающий в судебном процессе по ордеру прокуратуры общественный обвинитель и т. п.). С другой стороны, не всякое состоящее на советской службе лицо тем самым уже является представителем власти, ибо таковым не является «технический работник, не наделенный никакими административными пранами. Сказанное не должно быть понято в том смысле, что понятия «представитель власти» и «ответственный работник» —

равнозначущи. Милиционер, не будучи ответственным работником, тем не менее является представителем власти.

Дореволюционное русское право карало как за оскорбление чиновников при исполнении обязанностей службы, так и за оскорбление их по поводу исполнения ими обязанностей. Так же поступает и германское право. Советское право рассматривает, как П. п. у., только оскорбление предст. власти при исполнении им обязанностей. Все прочие случаи оскорбления представителей власти рассматриваются уже как обычное «преступление против личности» (см. Оскорбление).

О случаях и препятствовании правильной деятельности органов власти говорит, далее, ст. 78 У К. предусматривающая «похищение, повреждение, сокрытие или уничтожение официальных или частных документов из государственных учреждений, в целях препятствования правильному разрешению дел или вообще деятельности учреждений», и назначающая за такое деяние лишение свободы на срок до 1 года, а если оно совершено в отношении особо секретных или особой важности государственных документов, то на срок до 3 лет.

Большое значение имеет ст. 95, предусматривающая заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти или иным, имеющим право возбуждать уголовное преследование, должностным лицам (см. Донос ложный), а равно заведомо ложное показание, данное свидетелем, экспертом или переводчиком при производстве дознания следствия или судебного разбирательства по делу. Санкция в данном случае — лишение свободы или принудработы на срок до 3 месяцев, а если деяние было соединено с обвинением в тяжком преступлении или с корыстными мотивами, или с искусственным созданием доказательств обвинения, то лишение свободы на срок до 2 лет.

Препятствованием пролетарскому правосудию является, с одной стороны, уклонение свидетеля, вызванного судебным или следственным органом или органом дознания на допрос, от явки, а также воспрепятствование этой явке со стороны лица, от которого неявившийся является материально или по службе зависимым (ст. 92, ч. Д). В этой статье

предусмотрены и уклонение от явки эксперта, переводчика или понятого, или препятствование их явке, и уклонение от исполнения обязанностей народного заседателя. Препятствование правосудию является и оглашение данных предварительного следствия, дознания или ревизионного обследования без разрешения прокурора, следователя или производившего дознание или ревизию должностного лица (ст 96).

Что касается побег а арестованного из-под стражи или из места заключения, то он преследуется лишь тогда, когда совершен посредством подкупа, взлома или повреждения стен, затворов (ст. 82) и в этом случае влечет лишение свободы на срок до 1 года. Ту же меру влечет всякий побег с места обязательного поселения или пути следования к нему а равно возвращение в запрещенные для проживания места. Самовольное временное же оставление местопребывания, назначенного постановлением судебного или административного органа, или неявка в срок к назначенному теми же органами месту жительства, влекут принудработы на срок до 1 месяца или штраф до 100 руб., налагаемые в административном порядке. Незаконное освобождение (частным лицом) арестованного из-под стражи или из места заключения или содействие его побегу (ст. 81) влечет также лишение свободы на срок до 1 года, а если совершено посредством насилия над стражей, то—до 3 лет (когда насилие не сопровождалось нанесением тяжелых, опасных для жизни повреждений) или до 10 лет (когда оно сопровождалось нанесением именно таких повреждений).

Из остальных статей о П. п. п. у. отменим могущую иметь частое применение ст. 75 (соотв. ст. 219 У. К. 1922 г.), назначающую лишение свободы или принудработы на срок до 3 месяцев или штраф до 300 р. за «неисполнение законного распоряжения или требования находящегося на посту военного караула или иных властей, охраняющих общественный порядок и безопасность» (ст. 219 У. К. 1922 г. упоминала еще и неисполнение требования находящегося на посту органа милиции, что исключено ВЦИК из ст. 75 и потому не может быть основанием для ее применения (кроме особо предусмотренных отдельными законами случаев).

Статья 84 о выезде за границу или въезде в СССР без установленного паспорта или разрешения подлежащих властей, за что положены принудработы на срок до 1 года или штраф до 500 руб., дополнена примечанием, согласно которому действие этой статьи не распространяется на случаи прибытия в СССР без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей для использования предоставляемого ст. 12 Конституции РСФСР права убежища для иностранцев, преследуемых за политическую деятельность или религиозные убеждения». Гораздо более строго преследуется способствование незаконному переходу государственной границы, совершенное в виде промысла или должностным лицом (согл. ст. 59¹⁰ оно влечет лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже 1 года с конфискацией имущества, с повышением при отягчающих обстоятельствах вплоть до расстрела.

Статьи 59²—59¹² У. К. ред. 1926 г. и статьи о массовых беспорядках, бандитизме, массовом отказе от внесения налогов, об агитации и пропаганде в пользу совершения таких преступлений (или изготовлении, распространении или хранении с целью распространения соотв. литературы) о подделке монеты и т. п., о контрабанде о способствовании переходу госграницы, о нарушении положений, регулирующих проведение в жизнь гос. монополий, и о нарушении правил о валютных операциях включены в новый У. К. временно в старой редакции, впредь до издания общесоюзного положения об этих наиболее опасных П. п. п. у. законодательство о борьбе с такими отнесено к компетенции правительства СССР, а не отдельных союзных республик.

А. Эстрин

ПРЕЦЕДЕНТ ЮРИДИЧЕСКИЙ. П. («предшествовавшим») вообще называют случай, на который ссылаются при повторении подобного случая. На правовом языке это слово означает процесс или, вернее, решение в процессе, на которое ссылаются по аналогии (см.) в повторных случаях. Это первый случай в пени случаев, образующих обычай (см.) В образовании права (см.) это было решение барина-судьи или суда (см.) господствующего класса по конкретному делу без или до закона, принимаемое к руководству при всех

последующих делах и получившее, таким образом, силу закона. На судебных прецедентах в значительной мере основывается английское право. Они играли в древнем Риме особое значение в т. н. преторском праве. Но и в прочих странах поныне П. вообще, а где существуют подробные писанные законы, судебный П., разъясняющий и истолковывающий, а часто и изменяющий смысл этого закона, играет большую роль и приводится в науке права, как один из источников права («судебная практика»). Часто и закон сам решениям известных судов обыкновенно вышних, а часто и специальных, напр., коммерческих, призовых и т. п., придает обязательную силу равную закону. Другие законодатели боролись—и часто тщетно—во имя закона против подобной ссылки на П. Тенденция или полное отношение в данный период в данной стране против или за силу судебных П. обыкновенно зависит от соотношений классовых сил страны и классового состава суда (напр., суд феодалов при буржуазии или наоборот). Большую роль играет и неполнота или отсталость закона. Так, дореволюционное буржуазное гражданское право в России в значительной степени основывалось на судебных П., знаменитых разъяснениях сената, да и прочих судов. Известна сатира Щедрина на этот русский суд в его процессе пискарей: «В Кашинском окружном суде образовался П.» Так объявляет г. судья после каждого своего определения.

У нас в советском законе этого слова нет: но П. на деле имеет у нас слишком большое и, можно сказать, весьма нежелательное значение. Искать в практике случаев, в которых другой суд решил уже подобное дело, чтобы решить и данное дело, понятно, очень заманчиво, ибо освобождает судью от процесса самостоятельного мышления. Особенно любили буржуазные юристы тащить в нашу практику вместо отмененных революцией законов разъяснения также отмененных царских судов. Статьей вводящего закона к Г. К. пришлось даже запретить истолкование постановлений кодекса на основании законов, свергнутых правительством и практики дореволюционных судов». Сознательное и открытое применение дореволюционных П. в действительности и не играет сейчас особой роли. Но ссылки на П. высших

судов соввласти попадают на каждом шагу, хотя в предисловии к первому сборнику определений Г. К. Верховуда РСФСР (за 1924 г.) мы читаем: «По закону определения угол, как гр.-касс коллегий, обязательны только по данному делу и обязательным указанием для других дел быть не должны почему ссылка на них, как на П., воспрещается» Обязательны только особые разъяснения по делам судебной практики пленума Верховного Суда республики (ст. 99 пол. о суд.). Эти посылки подобных или аналогичных решений, чтобы руководствоваться «ну готовую буквою», вместо того, чтобы самому себе составить конкретный ответ, умерщвляют живую инициативу мыслящего судьи, почему мы и боремся против этой тенденции. Содействуют этой тенденции краткость и крайняя неполнота наших кодексов и услужливые комментаторы, снабжающие разные части кодексов не собственными мыслями и пояснениями, но мертвыми цитатами из напечатанных или ненапечатанных, часто неправильных решений. На изданных сборниках решений верх. судов можно и надо учиться, как мыслить и выносить решения по конкретным делам, но не списывая уже готовые решения в виде готовых П. Марксет и в роли судьи должен научиться мыслить не чисто формально, но диалектически (см. Толкование). Только тогда он будет творить революционную законность (см.)

И. Стучка

ПРЕЮДИЦИЯ (*Præjudicium*) — буквально «предрешение» — в римском праве имеет два значения: во-первых, это слово означало то же самое что прецедент (см.) в том смысле, что раз установленное предрешенное мнение суда обязательно и для будущего суда в том ли самом деле или в подобных делах. В более узком смысле оно означало обязательное предварительное расследование в другом порядке или в другом суде спорного вопроса. Напр. надо предварительно установить известный факт или известное гражданское право свободный ли гражданин, законный ли сын и т. д. Суд при этом сам никаких выводов не делал.

Понятие II перешло из Рима и в буржуазный суд. Напр., если в уголовном суде приходится решить сложный вопрос о формальном гражданском праве на имущество (недвижимость), суд приостанавливает у себя дело или не возбуждает вовсе дела до решения этого вопроса в гражданском порядке судопроизводства. Вопрос о качестве несостоятельности (см.) (злостной, неосторожной, несчастной) до уголовного суда по прежним законам необходимо было решить в гражданском порядке, ибо в уголовном порядке преследовались только злостные и несостоятельные должники. Разрешение вопроса о правах состояния или семейном положении зависело от гражданского или церковного суда. Или, наоборот, приговор уголовного суда о наличии преступления должен быть «предрешен» в уголовном порядке судопроизводства, прежде чем сделать выводы в гражданском процессе (напр. об убытках за преступление), присуждение по документу приостанавливается до разрешения вопроса о его подлоге (см.) и т. п. Или одно уголовное дело зависит от разрешения другого дела. Современный буржуазный процесс скуп на случаи II. Гражданский процесс в Германии различает преюдициальное разрешение вопроса в одном суде до разрешения или возбуждения дела в другом, от т.-н. промежуточных исков (*Zwischenlage*) или исков об установлении данного факта и права по требованию одной из сторон.

В нашем кодексе слов «преюдициальный вопрос» нет, что объясняется максимальным отсутствием у нас формального элемента в судопроизводстве. Но само понятие нам не чуждо. По ст. 12 У П К вступившее в законную силу решение гражданского суда обязательно для уголовного суда, но лишь в отношении вопроса, имело ли место событие или деяние, но не в отношении виновности подсудимого, вернее социальной опасности и ее степени. Однако, и это недостаточно точно, и едва ли где-либо в наших судах проводится последовательно. В свою очередь по ст. 13 У П К вступивший в законную силу приговор уголовного суда по вопросу о том, совершилось ли преступление и совершено ли оно подсудимым, обязательен

для гражданского суда в тех случаях, когда этим судом рассматриваются гражданские последствия преступления (см.) рассмотренного уголовным судом. Эта статья, однако, не согласована с нашим понятием преступления, основанным не на вине и не на нарушении закона, а на социальной опасности подсудимого II, только в несколько ином смысле, напоминает ст. 113 Г. П. К., в которой говорится о невозможности решить дело до разрешения другого дела, почему данное гр. дело должно быть приостановлено.

Но в общем наш Г. П. К. не придерживается лишнего формализма и приостановление дела до разрешения другого дела вводится только тогда, когда это не имеет своим последствием волокиту. Ведь даже при заявлении о подлоге дело возбуждается в уголовном порядке лишь в том случае, если гражданский суд «прилетит к убеждению» о подложности документа, тогда как в прежнем суде достаточно было заявить прямое обвинение в подлоге, чтобы приостановить гражданское дело. При этих условиях у нас не было надобности вводить в наши кодексы термин II.

ПРИДАНОЕ — имущество, передаваемое мужу или обоим супругам совместно при вступлении в брак, долженствующее служить материальной базой совместной жизни супругов и принадлежавшее до того либо самой жене, либо ее родственникам, или вообще лицам, пожелавшим о ней таким способом позаботиться. Наделение II, представляет собой бытовое явление весьма широко распространенное среди нетрудовых и полутрудовых элементов во всех почти странах как в эпоху буржуазно-капиталистического строя, так и в предшествовавшую ей. Народы находящиеся на низких ступенях экономического и культурного развития, не все знают обыкновенно наделять II, возлагая, напротив того, на мужа обязанность выплачивать роду или родителям невесты выкуп («калым») за переход ее в чужой род и превращая ее тем самым как бы в купленную собственность мужа. Юридическое значение, которое придавалось и прилагается II, законом, в различные эпохи и в различных странах весьма неодинаково.

По древнему римскому праву, где семья и власть ее главы были особенно крепки. *П.* (*dos*) становилось такою же собственностью мужа, какою было остальное его имущество. Оно не подлежало возвращению ни в случае смерти жены, ни в случае развода, при чем безразличным было, какими причинами этот развод вызван. Сдержкою против злоупотреблений на этой почве со стороны мужа служила крепость «добрых нравов» сильного своей сплоченностью, однородностью и солидарностью класса мелких собственников, составлявших преобладающую часть полноправного населения Римской республики. Победоносные войны и классовое расслоение этого населения в последние два века существования республики и в период империи разрушили эти «добрые нравы» и открыли широкое поле для злоупотреблений, вплоть до спекуляции на разводе тотчас после брака, с целью захвата крупного *П.* В целях борьбы с этими явлениями стали практиковать заключение с мужем, при вступлении в брак, особых договоров, гарантировавших возврат *П.* в случае прекращения брака. Императорское законодательство пошло еще несколько дальше и установило, что муж обязан и без особого с тем договора возвратить *П.* во всех случаях прекращения брака, кроме развода по вине жены (в этом случае *П.* играло роль штрафа). Для того, чтобы предотвратить среди вырождающейся знати легкомысленную распродажу составлявших *П.* недвижимостей было запрещено продавать их даже при согласии на то жены.

Почти все современные законодательства буржуазно-капиталистического мира хотя и не делают мужа единственным собственником *П.* (или «внесенного имущества»), но также исходят из представления о неспособности женщины самостоятельно управлять долей, внесенною ею или за нее в супружеский материальный фонд, и провозглашают как нечто нормальное и презюмируемое признание за мужем тех или иных прав на управление *П.* и вообще имуществом жены. Буржуазно-капиталистическое семейно-имущественное право ориентируется на нетрудовую среду, в которой основным материальным базисом является доход от унаследованного главой семьи, либо его женой имущества и где личная деятельность жены по добыванию средств

или хотя бы по управлению предприятиями является редким, почти исключительным явлением. Против признания за границей за женщиной права распоряжения всем ее имуществом говорит, в глазах буржуазно-капиталистического законодателя, между прочим, и то, что порядок раздельности супружеских имуществ невыгоден для кредиторов единой хозяйственной единицы семьи, и благоприятен для сокрытия имущества мужа в случае его несостоятельности. Во всяком случае «передовые демократии» современности с редким единодушием (в основном, несмотря на различия в деталях) отрицают имущественно-правовое равенство и самостоятельность супругов, и подчиняют, поскольку противное не обусловлено особым договором, имущество жены, за некоторыми исключениями управлению мужа. Во Франции поскольку не заключен между супругами особый договор, презюмируется система общности имущества, при которой муж и жена являются собственниками имущества, паличного в момент брака (в том числе и *П.*), а также и приобретаемого впоследствии, кроме трудового заработка. В Германии презюмируется система, по которой собственность супругов раздельна, но муж имеет право управления «внесенным имуществом» (соответствует *П.*). К «внесенному имуществу» не принадлежит приобретенное трудом или «собственной промышленной деятельностью» жены.

Царское законодательство принадлежало к числу немногих исключений из большинства других буржуазных законодательств и устанавливало раздельность имущества супругов. Поэтому *П.* могло в царской России или дариться мужу перед браком по царственной записи или оставалось в полной собственности жены. Такая «прогрессивность» царского законодательства объясняется скорее всего отсталостью экономического строя царской России в эпоху создания «Свода законов».

Наделение *П.* рассматривается одними законодательствами (в частности германским) как обязанность родителей, имеющих состояние, выполнение которой может служить предметом иска, другие законодательства (в частности русское дореволюционное) предоставили вопрос о наделении *П.* усмотрению родителей.

В советском праве П., как особый юридический институт существует только в крестьянстве (З. К. допускает применение обычая о П.). В наших условиях возможность установления родственниками жены П., служащего единственным или хотя бы главным материальным базисом более или менее широкого существования семьи, члены которой живут исключительно на доход от имущества, почти исключена, так как до 1926 г. дарения на сумму свыше 10 тысяч не допускались вовсе, а в настоящее время хотя и допускаются, но с обложением налогом, захватывающим более половины всей даримой суммы. По общему правилу имущество, принадлежавшее жене до брака или специально по случаю брака подаренное ей родственниками, является ее собственностью, и соглашения ограничивающие ее права, недействительны. В то время, как буржуазное законодательство об имущественных отношениях супругов имеет своим главным содержанием ограничение прав замужней женщины даже на то имущество, которое приобретено ею до брака или подарено ей по случаю брака, советское брачное право не только охраняет полностью права ее на это имущество, но и объявляет в новом кодексе брачного семейного и опекунского права общей собственностью обоих супругов также и то имущество, которое нажито супругами во время состояния в браке, не исключая отсюда и тех случаев, когда зарабатывал лишь один супруг (обычно муж), а другой занят домашним хозяйством.

С. Р.

ПРИЗНАНИЕ (в международном праве).

Под П. в широком смысле понимается формальный акт или конклюдентное действие одного или нескольких государств, выражающее с их стороны готовность считать тот или иной факт имеющим юридическое значение. Типическим и основным случаем является П. нового ранее не существовавшего государства в качестве самостоятельного субъекта международно-правовых отношений. Однако термин П. применяется и в других случаях:

1) когда какое-либо государство расширяет путем захвата свои территориальные владения — домогается признания за ним новых территорий;

2) когда какое-либо государство, стремясь изменить свое международное положение, принимает новый титул и т. д.

От П. государства отличают П. правительства. Последнее имеет место в том случае, когда внутри государства революционным путем происходит смена государственной власти. Наконец, особый вид П. составляет П. в качестве воюющей стороны.

Мировая война обогатила практику новым модусом П. «в качестве независимой нации» (акты государств Антанты в отношении Чехословакии и Польши в июле августе и сентябре 1918 г.)

Попытки буржуазных международников построить юридическую доктрину П. не могли увенчаться успехом по той простой причине что ни одно буржуазное государство никогда не подчиняло своей политике в этих вопросах каким-либо юридическим принципам, а предпочитало действовать руководствуясь исключительно своими интересами.

В юридической доктрине П. спорным является прежде всего вопрос о том, имеет ли этот акт чисто декларативное значение или, наоборот он впервые констатирует международную правоспособность нового государства. С этим отчасти связан вопрос, составляет ли П. обязанность или право признающего государства. Споры на эту тему имеют, конечно, не только логическое и догматическое значение, но и свою политическую, т.-е. классовую подкладку. В общем и целом можно сказать, что тот взгляд, который стремится придать П. характер акта только регистрирующего, но отнюдь не основывающего международную правоспособность нового государства (Ривье, Филмор Блунчли, Гарейс, Гольц и др.), носит на себе слабый отблеск той эпохи, когда буржуазия вела борьбу за национальное освобождение и образование национальных государств. Учение о том, что П. ничего не прибавляет, но только *post factum* констатирует возникновение нового субъекта международного права, содержит в себе до некоторой степени юридическое оправдание национального освобождения и национальной революции, создающей новое государство. В скрытой форме эта доктрина проводит в международном (см.) праве принцип национального самоопределения. Раз дело могло идти только о национально-

«свободительном, т.е. буржуазном, движении или о буржуазной же революции, то новое государство и новое правительство представляли собой явления, не выходящие за рамки буржуазных общественных отношений. Поэтому некоторые из вышеприведенных авторов (Блунчли, Гарейс) решаются даже утверждать, что всякое само себя конституировавшее и доказавшее свою жизнеспособность государство имеет право на П.» Впрочем, большинство ограничивается утверждением, что упорный отказ П. государства, доказавшего свою фактическую прочность, является хотя и правомерным, но политически бессмысленным и вредным. Наоборот, все эти авторы согласны в том, что слишком поспешное П. государства, вышедшего из победоносного восстания, представляет собой неправомерное вмешательство во внутренние дела, или как выражаются некоторые, «моральную интервенцию». Таким образом, и в этой доктрине охранительные или консервативные тенденции брали верх. Отрицалась обязанность П. победоносной национальной революции и, наоборот, признавалась обязанность осторожного отношения к правам государства, против которого революция направлена. У английского международного юриста Моримера мы находим прямое заявление, что в П. должно быть отказано государству, нарушающему общепринятые начала цивилизации. В качестве примера он берет два гипотетических случая: победу Парижской Коммуны 1871 г. и победу «нигилистов» в России. У некоторых авторов декларативный характер П. толкуется так, что по существу оно становится конституирующим. Например, Ривье различает «обладание суверенными правами» которое от П. не зависит и «обеспеченное пользование этими правами» которое дается только П. Таким образом, суверенитет в международном отношении истолковывается, как „*nudum jus*“ «Теория» Ривье представляет собой переходную ступень к прямо противоположной и гораздо более современной точке зрения, отражающей практику империалистических государств по своему усмотрению перекраивающих карту мира и создающих по мере надобности «независимые» государства. Эту точку зрения отчетливо сформулировал Оппенгейм. «Государство является и становится международ-

ным субъектом только благодаря П. и исключительно благодаря ему», и далее: «П.—это вопрос Политики но не права» (Oppenheim International Law, I, 273). Доктрина П. в такой формулировке является прямым оправданием вмешательства крупных империалистических держав во внутренние дела своих соседей, напр., С. Ш. во внутреннюю жизнь средне- и южно-американских республик. Согласно этой доктрине Лига Наций (см.) могла упорно не считаться с четырехлетним существованием советской Грузии и конструировать «состояние войны» между «признанной» ею меньшевистской Грузией и Советским Союзом. В современную историческую эпоху, когда на очереди стоит завоевание пролетариатом власти в целом ряде государств, буржуазная наука международного права должна неизбежно отбросить старую либеральную доктрину П. и провозгласить вместо нее теорию, которая развязывала бы руки для ожесточенной политической борьбы против пролетарских государств.

Нетрудно видеть, что учение о декларативном характере П. и о «праве на П.» является с логической стороны не чем иным, как перенесением конструкций частного права в область международных отношений. Это обнаруживает полной очевидностью сама аргументация сторонников указанной доктрины. Вот например, одно из типичных рассуждений: «Подобно тому, как фактическое, хотя бы и иллегитимное, рождение свободного человека сообщает ему качество лица, и подобно тому, как всякое цивилизованное государство охраняет индивидуальное право свободы деятельности и физической неприкосновенности без особого акта надления этим правом, так и международное право признает в каждом государстве, все равно, каким путем оно возникло, сочлепа между народно-правового общения субъекта международного права и притом до тех пор, пока оно (это новое образование) объединяет в себе существенные элементы государства (Gareis, Institutionen des Völkerrechts. S. 56). В этом виде доктрина П. получает наиболее законченную юридическую формулировку. Но, несмотря на логическую стройность этой доктрины или, может быть, благодаря ей, она не имеет ничего общего с реальной действительностью, т.е. с между-

народной практикой. Ибо на самом деле ни одно государство никогда не связывало себя в вопросах П. какими-либо правовыми принципами, но руководствовалось исключительно своими политическими интересами. Поэтому мы имеем в истории одинаково много примеров как преждевременного П., так и упорного отказа в П.

Швейцарская конфедерация была фактически независимой в течение двух столетий до того, как ее признала священная Римская империя в 1648 г.

Отделение Португалии от Испании произошло в 1640 г. и было признано последней только в 1668 г. Греция была признана великими державами в 1827 г., а Турцией только в 1832 г. Бельгия, отделившаяся от Голландии в 1830 г. была признана последней только в 1839 г. Южно-американские колонии, отложившиеся от Испании и Португалии, просуществовали в качестве независимых государств десятки лет, раньше чем получили П. от своих метрополий. Наконец, наше советское государство в 1926 г., на девятом году своего существования, не получило еще юридического признания С. III и некоторых других государств.

Наоборот, С. III были признаны Францией в 1778 г. в тот момент когда они еще находились в войне за независимость с Англией: сама Англия признала королевство Италии раньше, чем был свергнут король неаполитанский Франсуа II. Соединенные Штаты в 1903 г. меньше чем через две недели признали «независимость» Панамы, отделившейся от Колумбии и предоставившей Соед. Штатам все те права по сооружению канала, в которых отказывала Колумбия. Выше уже указывалось, что Антанта признала Чехословакию и Польшу в качестве независимых наций раньше чем соответствующие территории фактически отпали от тех государств, в состав которых они входили.

Чисто юридическая «теория» П. видит в нем генеральный абсолютный и неотменяемый акт (Ривье). Но так как на деле П. выражается в завязывании сношений то оно допускает всевозможные градации. Классическая доктрина различает виртуальное П. или П. *de facto*, от формального, или П. *de jure*. Но при этом под П. *de facto* понималось поддержание сношений, ограничен-

ное самыми узкими пределами (признание флага, назначение консулов). П. *de facto* указывает на отсутствие уверенности в том, что завязываемые с новым государством отношения окажутся длительными и прочными. По большей части оно имеет место, когда новая государственная власть еще не окрепла, когда не определены окончательно государственные границы. Однако практика советской России показала, что П. *de facto* гораздо более растяжимое понятие и что в него может вкладываться любое содержание (взаимное представительство с дипломатическими привилегиями, заключение договоров, обоюдное П. внутреннего законодательства), так что разница между П. *de facto* и *de jure* свелась почти исключительно к моментам внешнего или церемониального свойства (внесение представителей в списки дипломатического корпуса, передача зданий занимаемых посольствами). В сношениях РСФСР с иностранными капиталистическими государствами наиболее важное принципиальное и практическое значение имело именно П. нашего внутреннего законодательства отменяющего частную собственность. Оно лишало бывших частных собственников возможности обращаться в иностранные суды с исками о возвращении принадлежавшей им собственности, например, национализированных товаров. Решающее значение в этом смысле имело дело Лютер-Сэгора, разбиравшееся в 1921 г. в английском суде. С другой стороны, П. юридической силы за нашим внутренним законодательством делает недействительной сделку по продаже национализированного имущества напр., морского судна после декрета о национализации торгового флота, какому-либо третьему лицу, хотя бы иностранцу (приговор батумского народного суда в октябре 1922 г. по делу парохода «Мария»).

Новейшая практика и теория международного права, отвечающая условиям империалистической (см. Империализм) эпохи, создала гораздо более многочисленные градации П. Франция заключила в 1920 г. договор с «народными комиссарами» о репатриации французских граждан, но не придавала этому акту ни значения признания советского правительства *de facto*, ни тем более признания его *de jure*. Советская

Россия, Украина и Грузия были приглашены к участию в лозаннской конференции и к подписанию конвенции о проливах на равных правах с прочими державами, в том числе и с Францией. Однако участвуя вместе с советской Россией в международном политическом соглашении, та же Франция в плоскости международного частного права продолжала рассматривать советское правительство, как несуществующее, а его акты — не имеющими никакой юридической силы.

Что «П. по частям» нашло себе защитников и в новейшей литературе. Так, например Фердрос (*Verdross*) предлагает различать ограниченное и неограниченное (полное) П. и в пределах каждого вида еще предварительное и окончательное (или постоянное) П. Еще раньше градация П. была выдвинута Лоримером, который различал общее, частичное и просто «человеческое» П.

П. *de jure* считалось обычно актом неотменяемым. Однако практика последних лет показала иное. Пример П. взятого обратно дает нам история франко-финляндских отношений в 1918 г. Франция сначала признала независимость Финляндии но затем, убедившись в германофильской ориентации белофиннов, аннулировала это П.

П. нового государства (правительства) не связано никакими внешними формами. Оно может совершаться как путем особой декларации или договора (открытое П.), так и путем завязывания сношений аккредитования постов (молчаливое П.)

Юридическая доктрина проводит различие между П. правительства и П. государства. Непризнание правительства не подвергает, мол, ни малейшему сомнению существование государства, как субъекта международного права, оно влечет за собой «только» прекращение всяких официальных сношений (Ривье, Бонфис, Ойленгейм). На деле, т.-е. в своих практических последствиях непризнание правительства и непризнание государства сводится к одному и тому же. Наконец, мы видели и такие примеры, когда несмотря на то, что акт П. нового революционного правительства состоялся фактические отношения носили такой же характер, как если бы П. не было (Германия и РСФСР в промежутке между ноябрем 1918 г. и заключением Рапальского договора).

Юридическая теория, полагающая центр тяжести П. в «рождении» нового субъекта международного права, попадает в затруднение еще и потому, что она логически предполагает какой-то общий акт, исходящий от всех государств, находящихся в международном общении. Отчасти этому представлению соответствуют те случаи, когда П. новых государств происходило на международных конгрессах (П. независимости Греции, Бельгии, Черногории, Румынии, Сербии). Но на ряду с этим можно привести не меньшее количество примеров, когда П. давалось каждым государством в отдельности и в разное время. В этом случае довольно затруднительно определить самый момент появления на международной арене нового субъекта а потому и рассмотрение П. с этой абстрактно-юридической точки зрения является совершенно бесполезным. Все дело сводится к постепенному фактическому завоеванию новым государством международных позиций. Коллективное П. новых государств нередко сопровождалось предъявлением им определенных условий. Так, берлинский конгресс 1878 г. поставил условием П. независимости Сербии Черногории и Румынии осуществление в этих государствах равенства граждан независимо от их вероисповедания.

В послеверсальский период одним из способов коллективного П. *de jure* новых государств является принятие их в Лигу Наций.

Е. Паукуанис

ПРИЗЫ МОРСКИЕ. П. м. называются захваченные воюющей стороной коммерческие суда. При этом в практике морской войны установился принцип, что суда являющиеся государственной собственностью, переходят в полную собственность захватившей их стороны немедленно с момента захвата; такого рода суда в правовом отношении приравниваются к военным судам. В силу этого захваченное на них имущество также становится собственностью захватившего их государства, а их командиры и экипажи — военнопленными. Исключением являются госпитальные суда, а также суда имеющие научную или филантропическую миссию, которые считаются неприкосновенными. Впрочем, во время империалистической войны 1914—18 г.

широко практиковался захват и такого рода судов. Что касается захвата частных неприятельских судов то этот захват сам по себе не может служить основанием для перехода судна в собственность захватившей стороны. Для этого требуется еще соответствующее постановление со стороны т. н. призового суда. Возникновение призовых судов относится еще к XVI в. Впрочем, даже ранее законность захватов неприятельских судов устанавливалась особыми решениями адмиралов, командующих флотами или советов при них. С развитием международного права установился принцип в силу которого каждая морская держава или содержит постоянный призовой суд, или учреждает таковой на время войны. Стремление установить законность захвата вытекает из желательности для воюющего государства заранее оградить себя от возможных исков со стороны нейтральных государств и их граждан за захваченные суда или имущество. Вследствие этого всякий захват неприятельского или нейтрального суда должен санкционироваться призовым судом соответствующего государства, функционирующим на основании специального законодательства этого государства. Таким образом, призовые суды являются национальными судами. Проект учреждения международного призового суда, намеченный в XII конвенции второй гаагской конференции (1907 г.), остался неосуществленным, т. к. конвенция не была ратифицирована.

В практике международных договоров (СССР упоминание о П. м. содержится в договоре с Эстонией от 2 февраля 1920 г. (ст. 11), согласно которому СССР признает собственностью Эстонии все захваченные ею или переданные ей во время эстонско-советской войны русские суда; в договоре с Финляндией от 14 октября 1920 г. (ст. 23), в силу которого Финляндия возвращает СССР захваченные ею русские суда, согласно особому списку, приложенному к договору, а также в особом соглашении с Германией от 23 апреля 1923 г. относительно торговых судов, попавших во власть другой стороны (ст. 4)

Л. И.

ПРИКАЗ НАЧАЛЬСТВА сам по себе не освобождает подчиненного от ответственности за совершенное, в силу этого П. н., не-

правомерное действие. Признавая в принципе это положение, современные криминалисты сопровождают его рядом оговорок. В советском праве специальные правила касательно образа действий подчиненного, получившего преступный, незаконный или вредный П. н., содержатся лишь в соответствующих постановлениях (см. т. I, стр. 456). Вообще же вопрос об ответственности должностных лиц (см.), совершивших какое-либо должностное преступление (см.) и ссылающихся в свое оправдание на П. н., решается у нас на основании общих постановлений У. К. об умысле (см.) и неосторожности (см.) и вытекающих отсюда правил об ошибке (см.); ответственности не подлежит лишь то должностное лицо которое добросовестно ошибалось, считая исполняемый им П. н. не преступным, если притом, по обстоятельствам дела, нельзя обвинять его в том, что оно лишь по своей небрежности не усмотрело преступности исполняемого. В случае совершения какого-либо общего преступления возможность ссылки на П. н. вообще отпадает. Лицо, отдавшее преступный П., отвечает за исполнение последнего независимо от того или иного решения вопроса об ответственности исполнителя.

1. 9

ПРИКАЗ СУДЕБНЫЙ—единоличное распоряжение судьи о производстве взыскания с должника по специально в законе указанным документам и актам, достоверность и бесспорность которых презюмируются (предполагаются), а потому и не требуют проверки по существу в общесудебном порядке. Закон специально перечисляет документы и акты (ст. 219 Г. П. К.), взыскание по которым не требует возбуждения искового производства; законодатель исходит как бы из того предположения что по этим категориям документов для возражения ответчиков-должников не остается места, что в этих случаях достаточно лишь производства формальной проверки соответствия предъявленных к взысканию документов и актов условиям, установленным для них законом. После производства этой проверки судья придает документу силу исполнительного листа. Таким образом, институт П. с. мы имеем наиболее упрощенное производство по гражданскому делу (см. Взыскание). Существование его в граждан-

ском процессе оправдывается прежде всего необходимостью максимального ускорения производства по некоторым категориям не терпящих отлагательства дел. Кроме того, интересы развитого оборота требуют создания твердой уверенности в достоверности и прочности юридических документов и актов. Поэтому для некоторых наиболее важных из них законодатель устанавливает определенную форму, соблюдение которой создает привилегированное положение для обладателя их не только в виде придания им большой доказательной силы, но и путем облегчения и упрощения производства взыскания по ним. Этим и объясняется историческая необходимость и происхождение института П. с.

Поскольку производство по выдаче П. с. представляется не чем иным, как констатированием со стороны судьи определенных фактов (фиксированных в документах спор о которых представляется недопустимым или невероятным), но не разбирательством споров о праве гражданском, постольку можно было бы сказать, что выполняемые судьей функции по выдаче П. с. являются не судебной функцией. Функции эти могут с успехом выполняться нотариусом, в задачу которого входит преимущественно констатирование имеющих юридическое значение фактов и действий. Такая точка зрения, нашедшая для себя законодательное обоснование в некоторых странах Европы (Франция, Германия), ныне проведена в нашем пол. о госуд. нот. («С. У.» РСФСР 1926 г., № 74, ст. 576).

Наш закон (ст. 22 Г. П. К.) выдачу П. с. независимо от суммы взыскания возлагает на народного судью по месту жительства должника, по месту нахождения требуемого имущества (ст. 213 Г. П. К.) или по месту исполнения, обозначенному в документе (раз'ясн. пл. В. С. от 29 января 1925 г., «Е. С. Ю.», № 6, 1925 г.)

Предметом взыскания по П. с. может быть всякое имущество, если оно является объектом требований, основанных на актах и документах, в отношении которых допускается выдача П. с. Число таких актов в нашем законе значительно велико: кроме Г. П. К., устанавливающего семь категорий таких актов и документов, во многих других законодательных актах предусмотрены случаи выдачи П. с. Г. П. К. перечисляет следующие документы.

допускающие применение П. с.: а) протестованные векселя; б) акты, для которых установлен обязательный нотариальный порядок совершения или засвидетельствования, при условии его соблюдения; в) мировые сделки всякого рода, совершенные судебным порядком; г) соглашения о размере содержания детям и супругу, заключенные в порядке, предусмотренном кодексом зак. об актах гр. сост.; д) расчетные книжки (см.) на зарплату; е) документы, устанавливающие просрочку должниками и их поручителями возврата ссуд, полученных от кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, от сельскохозяйственных товариществ с кредитными функциями и от потребительских обществ с кредитными функциями; ж) документы, устанавливающие просрочку установленных платежей по индивидуальному кредиту, полученному должниками в потребительских обществах и в союзах потребительских обществ. Из других случаев применения П. с., не перечисленных в Г. П. К., отметим следующие: а) согласно пост. ВЦИК и СНК от 11 августа 1924 г. («С. У.» 1924 г., № 70, ст. 693) взыскание по обязательствам, выдаваемым крестьянами или коллективными крестьянскими хозяйствами при покупке с рассрочкой платежа сельскохозяйственных орудий, производится в порядке выдачи П. с. (ст.ст. 210—219 Г. П. К.); б) согласно пост. ВЦИК и СНК от 18 октября 1926 г. («С. У.» 1926 г., № 72, ст. 570) в случае невзноса квартирной платы, при отсутствии судебного спора о ее размере, накопившаяся задолженность с начислением пени подлежит взысканию с неплательщиков квартплаты П. с., в порядке ст. 210 Г. П. К., в том же порядке подлежат выселению из квартиры лица, живущие на нетрудовые доходы, в случае невзносов квартплаты в течение семи дней после установленных законом о квартплате сроков (позднее опубликованным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 октября 1926 г. — С. У. № 77, 1926 г., ст. 580 — внесено соответствующее этому дополнение в ст. 210 Г. П. К.); в) согласно постановления СНК РСФСР от 8 декабря 1926 г. («Изв. ЦИК» от 24 декабря 1926 г., № 298) «Об условиях и сроках сохранения права на жилую площадь за временно отъезжающими» в случае невозвращения отсутствующего жильца в течение установленного

законом срока, домоуправление в праве просить о выселении отсутствующего в порядке П. с.

Таким образом мы видим что с целью сокращения и упрощения производства по некоторым категориям не терпящих отлагательств дел наш закон расширяет круг случаев когда применяется этот особый порядок взыскания установленный в изъятие из общего правила производства гражданских дел. Однако при всем своем удобстве П. с. не может быть применен в ряде случаев, перечисленных в ст. 211 Г. П. К. а именно: 1) если требование обращено к государственному учреждению или государственному предприятию, за исключением случаев, когда требование, обращенное к государственному предприятию, основано на опротестованном векселе; 2) если со дня наступления срока требования прошло более двух месяцев (по Г. П. К. УССР—более месяца); 3) если для установления прав просителя на предъявление требования необходимо представление дополнительных доказательств; 4) если ответственность должника не явствует из самого текста представленных документов; 5) если исполнение обязательства, на коем основано требование, поставлено в самом документе в зависимость от условий, наступление которых должно быть предварительно доказано.

Во всех перечисленных случаях народный судья отказывает в выдаче П. с. и возвращает просителю все представленные документы. И тогда у последнего остается два выхода: либо подать кассационную жалобу на отказ в выдаче П. с., либо же предъявить иск к должнику в общем порядке.

Если предъявленный судье подлинный акт соответствует установленным законом формам и условиям, то судья пишет по установленной (ст. 215 Г. П. К.) форме П. с. и выдает его вместе с подлинным актом (копия которого оставляется при делах народного суда) взыскателю. На основании П. с., который имеет силу исполнительного листа судебный исполнитель производит взыскание с должника в общем порядке исполнения судебных решений.

Должник, узнав о выдаче против него П. с., может обжаловать его в кассационном порядке. Так как обычно узнает он об этом из повестки судебного исполнителя об

исполнении, то срок на подачу кассжалобы установлен для должника двухнедельный со дня получения им извещения об исполнении. Однако подача им жалобы не приостанавливает исполнения приказа. Г. П. К. УССР предоставляет должнику право вместо подачи касс жалобы в семидневный срок со дня получения им извещения об исполнении просить об отмене приказа и о рассмотрении дела в общенсковом порядке но и в этом случае не приостанавливается исполнение П. с. Положение должника, до извещения суд. исполнителя, незнавшего ничего о производящемся у народного суда против него деле еще больше осложняется тем, что при рассмотрении поданной им кассжалобы он не в праве предъявить суду высшей инстанции никаких доказательств в подтверждение возражений против требований истца, так как кассационная инстанция не рассматривает дела по существу. Поэтому пленум Верховного Суда РСФСР разъяснил «Е. С. Ю. № 28 1925 г. разъясн. от 21 июня 1925 г.), что в этих случаях ответчик не лишен права в общем порядке (путем предъявления иска или возбуждения уголовного обвинения) предъявить все, допускаемые законом, возражения о недействительности или необязательности этого акта, но без приостановления исполнения П. с., за исключением лишь случаев, допускаемых в порядке обеспечения иска (например, путем наложения ареста на взыскиваемые деньги или имущество).

По ст.ст. 47 и 48 пол. о нот. части РСФСР 1926 г. нотариусы имеют право в указанных этими статьями случаях сделать исполнительные надписи на счетах нотариальных удостоверенных (напр., векселях и т. п.), каковые надписи приравниваются в общем к П. с. Жалобы на неправильные надписи подаются в суд на общем основании.

В Тадевосян

ПРИМИРИТЕЛЬНО-ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО.

П.-т. р. между рабочими и нанимателями рабочей силы играет большую роль в области регулирования труда в буржуазно-капиталистическом обществе, а при новой экономической политике также и в советских республиках.

П.-т. р. в буржуазно-капиталистическом обществе П.-т. р. между рабочими и предпринимателями является организационной формой для

установления, толкования и применения условий труда. При этом предметом П.-т. р. могут быть как вопросы, касающиеся индивидуальных отношений между отдельными рабочими и отдельными предпринимателями, так в особенности вопросы, касающиеся более или менее широких коллективов (групп) рабочих.

В основе противопоставления примирительных камер и третейских судов лежит противопоставление организационных принципов соглашения и арбитража (трет. разбирательства).

Примирительная камера — это согласительная комиссия из разного количества представителей работников и нанIMATEЛЕЙ рабочей силы (председателем может быть также и постороннее лицо, не имеющее, однако, решающего голоса). Соглашение может осуществляться в двух основных формах: а) организационная форма непосредственного соглашения (представители работников и представители предпринимателей выступают, как две стороны, из которых каждая, как единое целое, договаривается с другой) и б) организационная форма паритетных комиссий, выносящих постановления по большинству голосов. При второй организационной форме прим. камера сохраняет характер согласительного учреждения, так как при разрешении более или менее важных вопросов представители каждой стороны обыкновенно голосуют единогласно.

Так как соглашение между рабочей и предпринимательской частями прим. камеры не всегда может быть достигнуто и так как, при паритетности представительства даже принцип решения вопросов по большинству голосов может фактически приводить к разделению голосов поровну, то деятельность паритетной прим. камеры не обеспечивает разрешения спорных вопросов. Иначе обстоит дело с третейским судом. Третейский суд состоит или из единоличного судьи, или же из нечетного числа третейских судей, из которых один является председателем трет. суда: представители же рабочих и предпринимателей могут в равном числе войти в состав трет. суда на правах его членов. В трет. суде, в отличие от прим. камеры, председатель пользуется правом

решающего голоса, при чем решения или выносятся по большинству голосов, или же, при недостижении соглашения между членами суда от рабочих и от предпринимателей выносятся единолично председателем. И при этом, и при другом из этих организационных вариантов состав трет. суда обеспечивает ему возможность вынести решение по каждому рассматриваемому вопросу.

В своем историческом развитии П.-т. р. возникает под влиянием роста профсоюзов, стремящихся к коллективному контролю над установлением и применением условий труда, и прежде всего возникает, как определенная форма непосредственных взаимоотношений между рабочими и предпринимателями.

На ряду с этим, прим. камеры и трет. суды вызываются к жизни также особыми законами. Это — область государственной инициативы в деле П. и т. р., область государственного вмешательства. Последнее может идти двумя путями: а) путь государственного посредничества (содействие организации П. и т. р., при сохранении добровольности этого разбирательства — назначение председателя прим. камеры или трет. судьи по просьбе спорящих сторон или же создание постоянных прим.-трет. органов, обращение которым зависит от добровольного соглашения спорящих сторон) и б) путь государственного принуждения.

В практике рабочего движения П. р. применяется шире, чем т. Принцип соглашения играет большую роль как при решении вопросов толкования и применения установленных условий труда, так и при решении вопросов об установлении новых условий труда. напротив, принцип арбитража применяется в практике рабочего движения почти исключительно для решения вопросов первой категории. В области острых вопросов об установлении новых условий труда принцип соглашения означает при непримиримой противоположности интересов труда и капитала, соглашение на основе соотношения сил рабочих и предпринимателей. Это однако относится к

случаям П. р. и при прекращении, и при предупреждении боевых конфликтов между трудом и капиталом. И в этом решающем значении соотношения сил спорящих сторон выражается неразрывная связь между взаимно переплетающимися моментами непосредственной стачечной борьбы и П. р. Напротив, принцип арбитража при разрешении вопросов силы (каковыми всецело являются споры об установлении новых условий труда) соответствует не равенству на соотношения сил спорящих сторон, а равенству на ту или иную третью силу, представленную в лице трет. судьи и подчиняющую себе спорящие стороны. А на эту третью силу рабочие не могут положиться в дело установления новых условий труда, так как на практике третейскими судьями являются буржуазные или мелкобуржуазные деятели; приприниматели, часто стараясь в случае острых конфликтов навязать рабочим т. р., всегда умеют оградить свои интересы при соглашении относительно личности трет. судьи. Естественно, что при спорах об установлении новых условий труда рабочие обыкновенно отвергают трет. суд, стараясь не выпускать из собственных рук решение своего дела. При спорах же о толковании и применении условий труда обыкновенно и самый спор представляет меньшую остроту, и, вместе с тем, обе стороны бывают заранее согласны относительно того, чем должна руководствоваться инстанция, разрешающая спор.—и поэтому здесь находит себе применение не только П. р., но также и арбитраж.

Что касается государственного посредничества при трудовых спорах, широко практикующегося в капиталистических странах, то в этой области органы буржуазной государственной власти прежде всего стремятся к тому, чтобы притупить стачечную борьбу, для чего стараются подчинить рабочих «общественному мнению» буржуазии. Ввиду такого характера буржуазно-государственного посредничества при трудовых спорах профсоюзы, ведущие выдержанную линию классовой борьбы, предпочитают, когда чувствуют себя достаточно сильными, организационные формы П.-т. р., свободные от гос. посредничества,

В области П.-т. р. под государственным принуждением в тесном смысле слова следует понимать принуждение, выходящее за пределы охраны договорных обязательств. Такое принуждение может быть связано с разными организационными стадиями (моментами) П. и т. р., может быть различным по своему характеру и по своей степени. Здесь выступают в той или иной своей разновидности и в тех или иных сочетаниях, следующие элементы принуждения: а) обязательность передачи спора на разрешение прим. или трет. учреждения (эта обязательность может выражаться или в разборе спора по заявлению одной стороны и независимо от согласия другой, или в разборе спора независимо от обращения и согласия хотя бы одной из сторон, может быть непосредственно установлена законом для определенного круга трудовых споров или же может в отдельных случаях устанавливаться, в силу данного законом полномочия, определенным органом гос. власти),— при этом с обязательностью передачи спора на разрешение прим. или трет. учреждения может сочетаться обязательность воздержания сторон от изменения условий труда и от боевых экономических действий до передачи спора на разрешение подлежащего прим.-трет. органа и во время П.-т. р.; б) обязательность для сторон участия в П. или т. р., т.-е. обязательность явки к разбору спора, обязательность представления объяснений документов и т. д. (процессуальное принуждение, которое может выражаться в установлении денежных штрафов за уклонение от участия в П.-т. р.); в) признание принудительной силы за примирительными постановлениями или трет. решениями.

Присвоение принудительной силы прим. постановлениям и трет. решениям выходит за пределы охраны договорных обязательств постольку, поскольку самое направление дела к П. или т. р. не зависело от согласия заинтересованных сторон. Принудительная сила прим. постановлений и трет. решений может не идти дальше обязательности применения в предпрятиях установленных усло-

вий труда и связанной с этим обязательности для предпринимателей воздерживаться от боевых экономических действий, направленных к ухудшению этих условий (под угрозой уголовного преследования или гражданско-правовой ответственности перед противной стороной) и тогда прим. постановления и трет. решения являются двусторонне-принудительными. В иных же случаях принудительная сила прим. постановлений и трет. решений бывает связана с полным запрещением стачек (см.) и локаутов (см.).

В соответствии с приведенным анализом, непосредственное государственное вмешательство в дело П.-т. р. дает в практике буржуазно-капиталистических стран следующие основные и типичные формы принуждения: 1) обязательный (в смысле обязательности обращения) государственный трет. суд с двусторонне-принудительными решениями — т.-н. принудительный арбитраж; 2) обязательное П.-т. р. с запрещением до его окончания, изменения условий труда и боевых экономических действий, но без принудительной силы выносимых постановлений и с сохранением за обеими спорящими сторонами полной свободы экономической борьбы по окончании П.-т. р. — т.-н. канадская система; 3) установление максимальной зарплаты (независимо от наличия конфликта в тесном смысле слова) в порядке обязательного П.-т. р. с односторонне-принудительными постановлениями — т.-н. система комиссий зарплаты; 4) принуждение к участию в П.-т. р., как чисто процессуальная мера не связанная с другими элементами принуждения (принудительное расследование)

В практике современного капитализма принудительный арбитраж и канадская система являются просто мерами принуждения против стачек. «Равноправие», выражающееся в одинаковом ограничении свободы стачек и свободы локаутов, есть равноправие чисто формальное и совершенно фиктивное. Ради подчинения условий труда решению буржуазного трет. суда, при принудительном арбитраже, или давлению буржуазного председателя прим.-трет. учреждения,

при канадской системе, предпринимателям может быть выгодно отказаться от свободы локаутов, но рабочим невыгодно отказаться от свободы стачек. К тому же, путем запрещения локаутов теоретически возможно устранение только явных или открытых локаутов, но никак не скрытых локаутов, выражающихся в провоцировании стачек или маскируемых якобы вынужденным сокращением производства. Отсюда ясно, что при принудительном арбитраже и при канадской системе острое государственного принуждения односторонне направлено против рабочих, и суть дела сводится к ограничению свободы стачечной борьбы.

Классическими странами принудительного арбитража являются страны пятой части света — Австралия и Новая Зеландия. Родиной же канадской системы является Канада. За пределами этих стран ни принудительный арбитраж, ни канадская система до мировой войны почти не применялись. В период же мировой войны принудительный арбитраж являлся одним из организационных элементов государственного капитализма при военно-хозяйственной диктатуре буржуазии. Для военнообязанных рабочих обычное последствие неподчинения принудительному арбитражу заключалось в прекращении отсрочки и отправке на фронт. Крайнее обострение классовой борьбы в послевоенном периоде заставляет буржуазно-капиталистические круги обращать свои взоры к организационному опыту мировой войны. Принудительный арбитраж сделался одним из вожделиний империалистического капитализма одним из вожделиний мировой реакции. В современной Европе яркий пример применения системы принудительного арбитража дает фашистская Италия. В смягченной форме элементы принудительного арбитража (с гражданско-правовыми, а не уголовными санкциями) имеются в той системе П.-т. р., которая введена в Германии постановлением 30 октября 1923 г.

Система комиссий зарплаты нашла себе особенно широкое применение в австралийском штате Виктория и в Англии. Эта система предполагает примирительно-третейский орган, в состав которого, кроме представителей рабочих и представителей предпринимателей соответ-

ствующей отрасли производства, входя с решающим голосом также представители государственной власти. Такой орган (в Виктории называется комиссией зарплаты, в Англии — промышленным бюро) устанавливает для определенной отрасли производства минимальную зарплату. В некоторых странах также другие условия труда. Эта система комиссий зарплаты, не включая в себе элементов государственного принуждения по отношению к рабочим, в общем и целом соответствует интересам рабочего класса поскольку речь идет о рабочих с недостаточно сильной профсоюзной организацией. Что же касается хороших организованных рабочих, то опыт показывает, что они предпочитают обыкновенно всецело оставаться на почве коллективного режима и непосредственных переговоров с предпринимателями (без участия таких государственных посредников как председатели или правительственные члены комиссии зарплаты). В Англии система комиссий зарплаты распространяется приблизительно на 3 миллиона рабочих которые отстаивают сохранение этой системы.

Наиболее ярким примером системы принудительного расследования являются английские следственные комиссии («следственные суды»), организуемые на основании второй части закона 1919 г. о промышленных судах. Для этой системы наиболее характерен не самый момент процессуального принуждения а давление на спорящие стороны которое правительственная комиссия оказывает опубликованием результатов расследования. То, что с внешней стороны представляется простым расследованием фактов, в действительности приближается по своей тенденции к арбитражу хотя бы и без формальной обязательности выносимого решения. Вместе с тем, отчет следственной комиссии может служить опорой для правительственной политики по отношению к данному трудовому конфликту. А по отношению к стачкам английское правительство (как и всякое другое буржуазное правительство) располагает не только средствами убеждения, но также и средствами весьма осязательного для рабочих насильственного принуждения, чему ярким иллюстрацией дала стачка

горняков в 1926 г. Поэтому понятно, что при правительстве Макдональда, широко прибегавшем к назначению следственных комиссий при крупных и острых трудовых спорах, английская коммунистическая партия сигнализировала в практике системы следственных комиссий опасную для рабочего класса тенденцию к принудительному арбитражу.

II. П.-т. р. в СССР. В период военного коммунизма строго централизованное и общегосударственное жесткое регулирование условий труда, а равно и принудительные методы привлечения к труду, в принципе исключали самую проблему П.-т. р. между работниками и администрацией гос. предприятий и учреждений. Возникавшие споры получали разрешение в порядке распоряжений органов Народного Комиссариата Труда и профсоюзов, как проводников жесткого централизованного регулирования. С переходом же к новой экономической политике известная противоположность интересов по вопросам условий труда между работниками и администрацией гос. предприятий и учреждений (см. резолюцию XI съезда РКП о роли и задачах профсоюзов в условиях новой эконом. политики) и классовые антагонизмы интересов в частных предприятиях потребовали как соответствующих способов защиты интересов работников, так и новой организационной формы разрешения трудовых споров. Такой организационной формой оказалось разбирательство трудовых споров прим. камерами и трет. судами при органах ИКТ, расценочно-конфликтными комиссиями (см.) в отдельных предприятиях и учреждениях.

В области современного советского П.-т. р. имеются существенные различия между государственными и частными предприятиями.

При трудовых спорах в частных предприятиях и хозяйствах нормальным способом защиты интересов работников, в случае неуступчивости нанимателя, является стачка. В стачечной борьбе позиция работников в СССР неизмеримо прочнее чем в буржуазно-капиталистических государствах. И тем легче профсоюзам СССР использовать в борьбе с частными нанимателями метод П.-т. р. При этом действующим советским законодательством

в основу П. и т. р. при трудовых спорах «частными нанимателями» положен последовательно проведенный принцип добровольности. Если бы при трудовых спорах в частных предприятиях арбитраж признавался, по требованию одной из спорящих сторон, обязательным для другой спорящей стороны, то этим либо фактически ограничивалась бы для работников свобода стачечной борьбы с частным нанимателем (при обязательном арбитраже по требованию частного нанимателя), либо стачечная борьба, непосредственно мобилизующая рабочую массу перед лицом классового противника, становилась бы излишней и всецело заменялась бы государственным вмешательством (при обязательном арбитраже по требованию работников частного предприятия или представляющего их профсоюза). И то, и другое затушевывало бы классовые противоречия и ослабляло бы в рабочих массах энергию классовой борьбы.

В государственных предприятиях и учреждениях, где отсутствует противоречие классовых интересов и где администрация является органом пролетарского государства коммунистическая партия и профсоюзы, естественно, должны в принципе отвергать стачку как метод отстаивания интересов работников. Здесь, при недостижении соглашения между профсоюзом и администрацией, неизбежным становится вмешательство авторитетного госоргана, нейтрального по отношению к спору. Такие мотивы привели к созданию обязательного арбитража (трет суда по требованию одной из спорящих сторон) при спорах на почве заключения и толкования коллективных договоров в государственных предприятиях и учреждениях (см. новую редакцию ст. 171 Т. К.). Этот обязательный арбитраж не связан с формальным ограничением свободы стачек. Советское законодательство не запрещает стачек в гос. предприятиях и учреждениях. В данном вопросе дисциплина и известное самоограничение, которых пролетариат, как класс, требует от отдельных групп рабочих, поддерживаются по профсоюзной линии без каких-либо особых принудительных санкций советского законодательства (поэтому в применении к СССР и следует го-

ворить не о принудительном, а только об обязательном арбитраже)

В виде исключения, в случаях острых конфликтов, угрожающих безопасности государства, трет суд, по действующему Т. К. 1922 г., может быть назначен по особому постановлению высших госорганов. Это постановление, скорее всего имевшее в виду острые конфликты в предприятиях, работающих на оборону во время войны, ни разу не применялось на практике.

В настоящее время признано, что компетенция советских прим.-трет. органов распространяется, как правило, на коллективные трудовые споры и лишь в виде отдельных исключений, при определенных условиях, на споры индивидуальные. Со стороны работников участником П.-т. р. должен непременно являться профсоюз. Прим. камеры и трет. суды организуются при органах НКТ, уездных (окружных) и выше стоящих в зависимости от территории, захваченной спором, и от того, насколько серьезный характер носит данный спор. Председателем прим. камеры, без права решающего голоса, является постоянное лицо, назначаемое органом НКТ из числа своих ответственных работников. Председатель же трет. суда (суперарбитр) избирается по соглашению спорящих сторон, а в случаях обязательного арбитража при недостижении соглашения сторон по данному вопросу, назначается органом НКТ. Членами прим. камер и трет. судов с правом решающего голоса являются непосредственные представители самих спорящих сторон (профсоюза и нанимателя) делегируемые специально для разрешения каждого отдельного спора. При т. р., в случае недостижения соглашения между членами трет. суда от спорящих сторон, спорные вопросы разрешаются суперарбитром, которым обыкновенно является ответственный работник органа НКТ.

Вся структура советских прим.-трет. органов отражает тенденцию (трудно проводимую на практике) к использованию П. р. преимущественно перед третейским и к разрешению трудовых споров, даже в трет. суде преимущественно по непосредственному соглашению представителей самих спорящих сторон. Что же касается принципа государственного посред-

ничества при трудовых спорах (организация прим. камер и трет. судов при органах НКТ), то в СССР при трудовых спорах с частными нанимателями посредничество органов советской власти укрепляет позицию работников; при трудовых же спорах с администрацией гос. предприятий и учреждений, при отсутствии противоречия классовых интересов, посредничество органов НКТ есть посредничество авторитетного центрального органа рабочего класса в споре между профсоюзом и администрацией, как двумя другими органами того же класса. Так принцип гос. посредничества при трудовых спорах коренным образом меняет свое значение с заменой пролетарской властью государственной власти буржуазии.

Соглашения прим. камер и решения трет. судов обжалованию не подлежат, за исключением пунктов, противоречащих закону, которые, будучи недействительными, подлежат отмене исключительно органами НКТ, в особо установленном порядке обжалования. Вместе с тем, советское законодательство в максимальной степени обеспечивает правовую силу закономерных постановлений прим.-трет. органов (уголовная санкция в отношении нанимателей, приведение трет. решений в исполнение по отношению к нанимателям в порядке выдачи народным судом исполнительного листа). По отношению к рабочим решение трет. суда проводится профсоюзом, так что и в вопросе об исполнении решения трет. суда дисциплина среди работников поддерживается по профсоюзной линии, без каких-либо особых принудительных санкций советского законодательства.

Для некоторых категорий работников (батраки, домашние работники, выполняющие работы по личному обслуживанию нанимателя и его семьи, ученики, занятые у кустарей и ремесленников, в промысловой кооперации и в трудовых артелях) установлен особый порядок П р.

И Войтинский

ПРИСВОЕНИЕ ВЛАСТИ. Ст. 77 нового У. К. РСФСР, соответствующая ст. 91 У. К. 1922 г. и помещенная в главе о преступлениях против порядка управления (см.) гласит: «Самоволь-

ное присвоение себе звания или власти должностного лица, сопряженное с дискредитированием советской власти или учинением на этом основании каких-либо общественно-опасных действий, влечет лишение свободы на срок до 2 лет». В этой формулировке объем понятия уголовно-преследуемого П. в. сужен по сравнению со ст. 91 У. К. 1922 г., ибо, согласно последней, состав преступного П. в. оказывался налицо всякий раз, когда присваивающее власть лицо учиняло на этом основании «те или иные» (стало быть, даже не общественно-опасные) действия. В этом отношении объем понятия уголовно-преследуемого П. в. у нас теперь уже объема этого понятия и в дореволюционном русском законодательстве, и в буржуазных У. К. (ср. ст. 289 ул. о нак. и ст. 132 германского У. К.). П. в. может быть учинено не только частным лицом, но даже и лицом, состоящим на гос. службе. Это признавалось и дореволюционными русскими криминалистами; впрочем, при этом делалась (напр., Тагапцевым) вполне правильная оговорка, что в случае П. в. лицом, состоящим на госслужбе, его деяние «близко соприкасается с понятием превышения власти» (см. Должностные преступления). Пример применения в советском праве понятия П. в. к действиям должностных лиц — см. в ст. 107 ветеринарного устава РСФСР согласно которой «ветеринарные фельдшера и лица вспомогательного ветеринарно-санитарного персонала, учиняющие без особых на то разрешений неприсвоенные им по званию или по занимаемой должности действия, караются по ст. 91 У. К.». По вопросу о разграничении сфер применения статьи о П. в. и статьи о превышении власти к должностным лицам можно, кажется, руководствоваться следующим правилом: технических работников, не пользующихся никакой властью, правильнее привлекать в соотв. случаях именно по ст. о П. в., а не по статье о превышении власти; что касается прочих должностных лиц, то совершение ими действий, на которые они не имели права, может квалифицироваться, как П. в., лишь в тех случаях, когда такие действия совершены ими вне своей служебной деятельности.

Царское угол. уложение 1903 г. в ст. 151 (с П. в.) содержало довольно своеобразное

постановление, согласно которому «если присвоивший власть учинил деяние, соотвествующее... преступлению по службе государственной или общественной, то он подлежит тому же наказанию, которому подлежал бы за такое деяние служащий». Здесь имелось в виду, что если, например, кто-либо, выдавая себя за должн. лицо, вымогал у граждан взятку, то к нему и должно быть применено наказание, положенное за вымогательство взятки должн. лицом. Советское право, по общему правилу, не склонно к отождествлению, хотя бы лишь в отношении меры соц. защиты, мн. много должностного преступления, совершенного при П. в., с подлинными должностными преступлениями: если вторые преследуются в первую голову потому, что с ними связана опасность разложения аппарата власти, то первое этой опасностью, конечно, не грозит.

А. Э.

ПРИСЯГА — религиозная клятва, принимаемая по определенной форме с поднятием правой руки кверху. П. имеется двух видов: 1) в подтверждение правильности своих слов и 2) на верность. Первый вид П. имеет место в суде, где она вытеснила по степени древние суды божии—поединки, испытание огнем и т. п. П. применяется обычно по отношению к свидетелям в уголовном процессе. П. второго рода может приноситься всеми гражданами или какими-либо должностными лицами (напр. членами парламента) П. всегда играет реакционную роль в политической жизни, давая формальную возможность устранять лиц, принадлежащих к какой-либо национальности или вероисповеданию. Даже в Англии до 1829 г. ни один католик не мог из-за текста П. сделаться членом парламента. Но и после этого в парламент не могли попасть евреи; только в 1866 г., после ряда конфликтов, текст П. был изменен: но, выбросив слова «клянусь словом христианина», новая П. сохранила упоминание о вере в бога и закрывала доступ в парламент всем атеистам. Лишь в 1888 г. это было изменено. И сейчас еще, напр., президент Польской республики не может, из-за текста П., быть выбран не-христианин (см. ст. 54 польской конституции)

В советском государстве религиозная клятва не может, конечно,

применяться. Для граждан СССР, состоящих на действительной военной службе, установлена, однако, ст. 9 закона об обязательной военной службе («С. У.» 1925 г., № 62, ст. 463) красная П. Красной П. можно, по существу, считать также подписку, даваемую работниками милиции («С. У.» 1925 г., № 68, ст. 539).

А. Т.

ПРОВОКАЦИЯ, провокатор,—а) вызов какого-либо действия (лат. provocatio). вызов, вынуждение кого-нибудь на что-нибудь (провоцирование восстания, провоцирование кого-нибудь на оскорбление); примером П. в этом смысле является знаменитая речь Цицерона против Катилины, вынудившая последнего начать восстание; действия Бисмарка, вызвавшие франко-прусскую войну 1870 г.; б) термин римского права, в гражданском праве (см. Иск, стр. 256); в) наиболее квалифицированная и наиболее рискованная форма политического, военного и уголовного шпионажа—совмещение шпионской деятельности с активным участием в подвергающихся шпионажу организациях; провокатор или агент-провокактор (франц. agent-provocateur)—тайный агент, раскрывающий те деяния, которые признаются в известном отношении преступными, не только сам совершает эти деяния но и является их инициатором, отличаясь этим от обыкновенного шпиона или предателя.

Пр-ры вербуются, главным образом, из деклассированных элементов интеллигенции и мелкой буржуазии, из лиц, которым грозит уголовное преследование, из менее квалифицированных полицейских агентов, доносчиков, сыщиков, или из наименее устойчивых элементов преследуемых полицией конспиративных организаций, из так называемых предателей.

Пр-ры занимают привилегированное положение среди других полицейских агентов: их служба в полиции держится в полной тайне, они связаны лично и совершенно секретно только с главными верхами полиции; все другие полицейские агенты выполняют по отношению к ним подсобную роль; на основе сообщений пр-ров, т.-н. «внутреннего освещения» конспиративных организаций ставится и ведется внешнее наблюдение за организациями—сыщиков,

филеров—на улицах и в общественных местах, перлюстрация писем и т. п. Пр-ры, по общему правилу не знают друг друга: они доносят друг на друга, дело доходит иногда до ареста пр-ра по доносу другого.

Пр-р всегда стремится выдвинуться в той конспиративной организации которую он выдает, и проникнуть в ее центр, чтобы узнать все ее тайны: он втирается в личное доверие к наиболее авторитетным членам организации и, разлагая наименее сознательных всеми средствами, вплоть до вовлечения их в пьянство и разврат, он иногда достигает многого при малоразвитом политически или неустойчивом составе организации, при неконспиративности, легковерии и преувеличенном значении отдельных вождей в организации. Так, Азеф, имя которого стало нарицательным для самой П. («азефовщина»), был одним из вождей партии с.р., членом ее ЦК руководителем ее центральной боевой организации, осуществлявшей убийства членов царского правительства: он был представителем партии на бойкотированной большевиками конференции всех революционных и либеральных партий в Париже в 1904 г.; его постоянно поддерживали такие лица, как В. Чернов, даже тогда когда его П. была доказана; благодаря этому он скрылся от партийного суда.

С другой стороны пр-р считается ценнейшим сотрудником полиции: он добивается иногда чрезвычайно высокого положения в обществе, если соединяет пр-скую деятельность с официальной должностью. Так, Абрам Гекельман, известный под именами Ландезена и Гартинга был кавалером всех важнейших орденов всех европейских держав, пользовался личным доверием многих императоров и королей, как охранитель коронованных особ во время их официальных свиданий.

П. обычно проявляется в двух формах—более квалифицированной, единичного характера и массовой. К представителям первой мы относим таких крупных пр-ров, как названные уже Азеф или Гекельман. Вторая встречается в истории государств с особенно развитым полицейско-бюрократическим строем в обстановке политической реакции; сюда относится П. во Франции во время белого террора при реставрации старой монархии и той же Франции после подавления июньского вос-

стания рабочих в 1848 г. при второй республике и Наполеоне III; сюда же относится П. в России после подавления революции 1905 г.; последняя особенно сильно отозвалась на нашей партии, единственной сохранившей более или менее свой конспиративный аппарат при самых тяжелых внешних репрессиях, разрушивших остальные революционные партии. К этому времени относится деятельность более, чем двух третей из тех 30—40 тыс. н-ров, которые действовали в России с 1880-х гг.

П. наносит огромный вред тем, против кого она направлена. Трудно исчислить количество казненных, убитых, арестованных революционеров, «проваленных» складов оружия, типографий, складов литературы и т. п., открытых пр-рами. Благодаря П. было предупреждено выступление коммунистов во время первой французской революции («заговор равных») и казнен его вожди (Бабеф и Ларте) разрушен ряд тайных обществ во Франции во времена деятельности Бланки (провокатор Де-ля-Од), много террористических актов, вполне подготовленных, не состоялось благодаря П. Азефа; состоя вместе с Савиновым в боевом комитете по руководству восстанием 1905 г. Азеф помешал выполнению всех планов боевых действий против семеновского полка, подавившего московское восстание. П. особенно вредна тем, что она дает возможность полиции узнать все тайны конспиративных организаций их строение и важнейшие факты их жизни.

Однако П. имеет чрезвычайно важную обратную сторону. Пр-р по самому характеру своей деятельности, ведет двойную игру: чтобы быть верным слугой полиции, он должен систематически выдавать ей «преступников»; в то же время, находясь сам в рядах этих «преступников» как их организатор и вождь он должен задумывать и совершать «преступления». В этом величайшая опасность и рискованность П., как одной из форм шпионажа. Это особенно сказывается в области уголовного розыска. Про агентов полиции времен июльской монархии во Франции так и говорили, что они поочередно являлись то во рами, то сыщиками.

П. в области военной разведки и вообще в области отношений между государствами рискованна в ином отношении: она мо-

жет вызвать несвоевременно такой конфликт в котором вызвавшее его государство само может быть разбито. Формы П. здесь также своеобразны. Большое значение в подготовке мировой войны 1914—1917 г.г. сыграли провокационные выступления националистских французских газет, подкупленных немецкими фабрикантами орудий фирмы Крупа (это выяснил в германском рейхстаге К. Либкнехт задолго до войны)

Политическая П. приводит к тому, что пр-р, вынужденный скрывать свое истинное лицо перед революционерами, должен неизбежно скрывать некоторые известные ему факты из деятельности революционеров от полиции которой он служит, как и последняя, пользуясь этими сведениями и арестуя указанных пр-ром лиц, может легко навести революционеров на его след. Этим он объективно вынуждается не преследовать некоторые известные ему заранее действия революционеров. Мало того, в этих же целях пр-р допускает и совершение террористических актов над собственным своим начальством, если это ему нужно для того, чтобы замести свои следы в глазах революционеров. Эти обстоятельства привели к таким интересным фактам, как меры к установлению своего полнейшего *alibi* (отъезд за границу) со стороны Азефа во время совершения организованных при его участии убийств полномочного министра в деп. Плева и московского генерал-губернатора в. кн. Сергея Александровича.

В Северо-Америк. Соединенных Штатах где как раз П. имеет особенно яркий классовый характер, во время рабочих стачек организовывались под руководством частных сыскных агентов (вроде известности агентства семейства Пинкертон) якобы анархистские взрывы бомб, нарочно устраиваемые среди толпы мирного населения на железных дорогах, чтобы оправдать этими жестокими действиями, приписываемыми стачечникам, дикие репрессии, которым правительство и капиталисты подвергали рабочих.

Для борьбы против П. революционеры должны всегда прежде всего раскрыть пр-ра. В обстановке подполья это всегда очень трудно, прежде всего потому, что до назначения над пр-ром партийного суда нужно еще совершенно тайно расследо-

вать его деятельность, иначе он может всегда выдать и судей и следователей. После работы расследования и партийного суда имя и приметы пр-ра обыкновенно оглашались во всеобщее сведение. Это было главным средством борьбы с провокаторами. Кроме того, даже самые умеренные революционеры считали вполне приемимой к пр-ру такую меру, как убийство; иногда пр-рам предлагали покончить с собой при свидетелях. Несмотря на то, что эта мера в отношении пр-ра—единственно целесообразная, она применялась редко, часто неполная доказанность, по мнению многих революционеров, чьей-либо П. мешала расправиться с пр-ром, как он того заслужил. Предупредительными средствами борьбы против П. могут служить: строгий подбор членов революционной организации осуществляемый нашей партией при помощи прохождения кандидатского стажа, который должен дать члену партии необходимую подготовку и проверить его преданность партии (см. Устав ВКП(б), раздел 2-й), второе—средство—подконтрольность и ответственность перед парторганизациями всех активных работников партии, и третье—в обстановке подполья—строгая конспирация.

В настоящее время П. достигла весьма высокой степени развития во всех буржуазных государствах. Такие случаи относящиеся к 1926 г. как раскрытие П. фашиста Ричьоти Гарибальди или убийство нескольких пр-ров (в т. ч. Висковского в Польше) показывают, что П. действительно имеет сейчас глубокие корни в странах современного империалистско-фашистского режима. К сожалению, политические условия не дают возможности обстоятельно изучить П. в этих странах.

Массовое раскрытие пр-ров царского режима стало возможно после свержения самодержавия. Несмотря на уничтожение полицейских дел разными способами (поджоги охранных отделений, сжигание бумаг и т. п. при участии самих пр-ров) многие из них были раскрыты вскоре после февральской революции. К числу других позорных дел временного и коалиционного правительства относится преступная мягкость к пр-рам, благодаря которой многие из них остались неразысканными, а разысканные укрылись от суда. Только советский революционный трибунал

нокончил с раскрытыми провокаторами, но его приговору многие из них были расстреляны (Малиновский, Романов, Лобов и др.). Позднее ряд процессов пр-ров был проведен судами Союза ССР и союзных республик (Фишер-Бельский, Окладский, Серебрякова и др.). До сих пор значительная часть пр-ров не разыскана. Только диктатура пролетариата дала возможность покончить с пр-рами старого строя, только она дает возможность уничтожить окончательно самую П., поместив ее в один и тот же музей с эксплуататорским государством.

П. специально предусмотрена в главе о контрреволюционных преступлениях У. К. РСФСР и У. К. других союзных сов. республик (см. П., 556—57).

В. Максимовский

ПРОДАЖА В РАССРОЧКУ—см. Купля-продажа в розницу с рассрочкой платежа.

ПРОКУРАТУРА. Возникновение П., как особого института, осуществляющего наблюдение за революционной законностью, с одной стороны, и ведущего государственное преследование преступлений, с другой стороны, относится к XIII—XIV вв. В эту эпоху во Франции сложился особый орган государственного обвинения в лице т.-н. «*officiers du roi*», *procureurs*, *avocats du roi*, *gens du roi*. Впоследствии на этот орган была возложена обязанность наблюдения за законностью. что и осталось, несмотря на последующие отступления от этого, характерной особенностью французского типа П., как она существует и сейчас. Этот тип института П. был заимствован впоследствии и другими странами (Австрия, Германия, Россия) и к началу XIX в. сделался господствующей формой организации П. на континенте. В России П. появляется в 1722 г. (указ Петра I 12 января 1722 г.), как орган наблюдения за законностью действий должностных лиц и охраны государственных интересов. Обвинительные функции П. в России усвоила значительно позже (в XVIII в.). После реформы 1864 г. П. превращается по преимуществу в судебный орган осуществляющий свою задачу «охранения силы законов» главным образом через судебную деятельность и в составе судебного ведомства. Русское дореволюционное право в П. видело раньше и

больше всего орган «государственного возмездия за преступления и вместе блюстителя уголовного правосудия» (Н. В. Муравьев «Прокур. надзор в его устройстве и деятельности»). «В представлении общества и народа,—писал тот же Муравьев,—перед уголовною задачей прокурора отступают на второй план все другие его обязанности».

П. по советскому праву представляется институтом совершенно иного характера. П.—орган укрепления революционной законности. «Прокурор имеет право и обязан делать одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям». Так определял задачи советской П. В. И. Ленин в 1922 г., указывая одновременно на громадную воспитательную роль, которую призвана сыграть П. в деле борьбы с нашей, как говорил Ленин, некультурностью,

«попустительством исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской».

Советская П. и построена в полном соответствии с этим основным взглядом на нее, как орган воспитания в населении чувства подлинно революционной законности и укрепления ее. Судебные функции П. являются поэтому не только не главнейшими, но и далеко уступающими тем, которые заключаются в постоянном и систематическом наблюдении за осуществлением революционной законности.

В основе построения института советской П. лежит идея защиты при помощи этого органа, как одного из органов всей советской системы, интересов рабоче-крестьянского государства, защиты интересов трудящихся масс и пролетарской революции. Ее технические функции во многом, разумеется, совпадают с функциями П. в буржуазных странах. Но это совпадение—только формальное, ибо сущность деятельности советской П., душа ее глубоко отличны от сущности деятельности П. в буржуазном государственном аппарате: оно столь же отлично, сколь отлично существо самого государства, в руках пролетариата, осуществляющего историческую миссию уничтожения классовой эксплуатации, а вместе с тем и уничтожения самого государства..

Советская П. учреждена постановлением 3-й сессии ВНИК 28 мая 1922 г., опубликованным в виде «Положения о прокуратуре» 16 июня 1926 г.

В настоящее время организация и деятельность П. регулируется рядом как общесоюзных норм, так и республиканских. Общесоюзные нормы следующие: 1) «Основы судостроительства СССР и союзных республик», где П. посвящены ст.ст. 13 и 14, определяющие функции П. союзных и автономных республик, с одной стороны, и построение П. «на началах централизации и подчинения исключительно прокурору республики»: с другой стороны; 2) положение о Верховном суде СССР, глава VII которого посвящена институту П. (ст.ст. 21—23); 3) наказ Верховному суду СССР, некоторые статьи которого говорят об обязанностях и правах органов П. (ст.ст. 16, 17, 18, 20, 22, 24 и др.); 4) «Основы угол. судопроизводства СССР и союзных республик» — ст. 4, 11, 17, 18, 30, 31, также посвященные вопросу о функциях, нравах и обязанностях П.; 5) «Положение о военных трибуналах и военной П.» 20 августа 1926 г., VII глава которого содержит в себе подробные правила, определяющие как построение, так и деятельность военной П.

В порядке республиканского законодательства работа и построение П. определяются «Положениями о судостроительстве» и У П. К. союзных республик.

На основании всех указанных выше источников законодательного характера институт П. в отношении построения и деятельности его органов рисует в следующем виде.

Общесоюзной П., как института, организационно подчиняющего себе П. союзных республик и руководящего в качестве центрального органа всей прокурорской системы деятельностью этих последних, в СССР еще не существует.

П. у нас построена, как учреждение республиканское; во главе П. в качестве прокуроров республик, стоят народные комиссары данной республики (ст. 13 «Основ суд.») Прокуроры республики подотчетны и подведомственны исключительно органам своих республик (ст. 14 «Основ суд.»). Прокуроры республик и подчиненные им аппараты П. действуют на основании особых положений, издаваемых республиками

Согласно этим положениям («Полож. о судостроит. союзн. республик», напр., РСФСР от 19 ноября 1926 г.; УССР от 23 окт. 1925 г. и др.), при прокурорах П. состоят помощники, утверждаемые ЦИК республик; из числа этих помощников назначаются прокуроры при НКЮ, при Верховных судах и, в частности, прокуроры при Верховных судах по трудовым делам.

На периферии находятся губернские (в УССР и БССР — окружные) прокуроры, их заместители и помощники, назначаемые и увольняемые прокурорами республик.

В краевых (областных) админ.-территориальных объединениях во главе П. стоят назначаемые и увольняемые Прав. республики краевые прокуроры, с двумя заместителями и соответствующим числом помощников. Эти помощники, возглавляющие П. округов, в РСФСР называются *окружными*; возглавляющие участки, образуемые из нескольких районов, называются *участковыми*; работающие же при управлении краевой П. называются *камерными помощниками* (ст. 141 и прим. 1, 2, 3 «Положения о судостроительстве» РСФСР)

Во главе П. автономных республик стоят народн. комиссары этих республик (ст. 63 «Полож. о суд. РСФСР»; ст. 103 «Полож. о суд. УССР»). При прокурорах автономных республик состоят старший помощник, помощники прокурора автоном. респ. и прокуроры, действующие как при управлении П. республики, так и на местах (в уездах, районах, участках).

В автономных областях РСФСР П. организуется на тех же основаниях, что и губернская П. (ст. 64 «Полож. о суд. РСФСР»).

При Верховном суде СССР состоят прокурор Верховного суда, его заместитель и два помощника, из которых один — по надзору за ОГПУ (см.), другой — по военной П. и военной коллегии ВС («Полож. о ВС СССР», «Вестник ЦИК», 1923 г., № 10, ст. 311)

Особо организована военная П. («Полож. о воен. трибун. и военной П.», 20 авг. 1926 г., С. З., 1926 г., № 57, ст. 413). Военные прокуроры и их помощники состоят при военных округах (фронтах, отд. армиях, флотах), корпусах, дивизиях и при войсковых соединениях, где имеются военные трибуналы (ст. 11 «Полож.»).

Назначение, увольнение и перемещение военных прокуроров и их помощников производится в порядке ст. 23 «Пол. о Верховном Суде СССР», приказом прокурора ВС СССР по представлению прокуроров соответствующих союзных республик. Личный состав военной П. и обслуживающий ее персонал, за исключением лиц, работающих по вольному найму, считается состоящим на действительной военной службе (ст. 15 «Пол.» 20 авг. 1926 г.).

Функции П. Основная функция П. — осуществление общего надзора за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц.

П. ВС Союза ССР эту функцию осуществляет в отношении общего надзора за законностью, предлагая на рассмотрение Президиума ЦИК СССР и ВС СССР вопросы, подлежащие рассмотрению последнего (см. А ст. 2 «Пол. о ВС СССР») и опротестовывая решения ВС и его коллегий (ст. 22 «Полож.»). Кроме того, П. Верховного Суда осуществляет надзор за закономерностью деятельности ОГПУ.

Прокуроры республик осуществляют эту функцию в порядке наблюдения за законностью действий всех народных комиссаров и иных центральных учреждений и организаций республик и внесения предложений об отмене или изменении изданных ими незаконных распоряжений или постановлений (ст. 66 «Пол. о суд. РСФСР»; ст. 10 «Пол. о суд. УССР»).

Им же принадлежит право опротестования этих постановлений в СНК и президиумы центр. исп. комитетов.

Губернские (окружные), краевые (областные) прокуроры осуществляют ту же функцию в отношении органов и учреждений губерний (округов) непосредственно или через соответствующих помощников.

В области судебного надзора П. Верховного Суда СССР распространяет свою компетенцию на союзные республики, требуя, рассматривая и представляя для дальнейшего направления в пленарные заседания ВС Союза ССР постановления, решения и приговоры Верховных Судов этих республик, с одной стороны, и истребуя уже решенные дела из производства судебных учреждений республик, с другой.

Губернская (окружная, краевая) П. осуществляет надзор за деятельностью органов дознания, утверждает обвинительные заключения следователей и вообще действует в этой области согласно правил У. П. К.

Прокуроры республики осуществляют общее руководство за деятельностью своих помощников, а в случаях, когда они признают это необходимым, и непосредственно выполняют функции местных прокуроров (ст. 66 «Пол. о суд. РСФСР»; ст. 101 «Пол. о суд. УССР»).

В области судебной деятельности, регулируемой не только правилами «Пол. о суд. РСФСР», но и У. П. К. П. осуществляет следующие функции.

А) П. Верховного Суда Союза ССР по делам, поступающим на рассмотрение коллегии ВС, делает предложение о начале предварительного следствия (см.) (ст. 49 «Пол. о ВС»); по военной коллегии — возбуждает судебное преследование, осуществляет прокурорский надзор по делам, подсудным военным трибуналам: осуществляет надзор за всеми органами следствия и дознания; за правильным содержанием под стражей лиц, числящихся за военными трибуналами, органами следствия и дознания; за правильным исполнением приговоров военных трибуналов (ст. 16 «Пол. о воен. триб. и воен. прокур.»).

Б) П. союзных республик — общее наблюдение за деятельностью органов дознания в области розыска и производства дознания; непосредственное наблюдение за деятельностью органов следствия; поддержание обвинения на суде и дача заключений по уголовным делам в кассационной инстанции; участие в гражданском процессе в целях ограждения интересов государства и трудящихся; наблюдение за исполнением приговора, за законностью содержания под стражей за состоянием и деятельностью мест заключения; общее наблюдение и согласование деятельности всех органов, ведущих борьбу с преступностью (см. ст.ст. 59, 64, 68, 146 «Пол. о суд. РСФСР»; ст.ст. 100, 105, 107 «Пол. о суд. УССР» и др.).

В последнее время выдвинута идея авторитетного прокурора Союза ССР, не только в ограниченной роли прокурора Верховного Суда Союза, но по типу всесоюзной централизации П., одновременно связывая

е с ЦКК партии. Основные принципы намечены. С введением этого института временно предполагается значительная перегруппировка функций всей П

А. Вышинский

ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ. К в промышленности, в противовес К, в области обмена. Маркс придавал исключительное значение. т. к. объединение рабочих в целях создания общественной фабрики отрицало необходимость организующей роли капиталиста в производственном процессе

Кооперативное производственное объединение рабочих совершенно по-новому разрешало вопрос об организации крупного производства. Именно, оно на деле показывало возможность ведения крупного производства одними силами рабочих, на началах общественных.

Но К. в этой области вплоть до последнего времени не удавалось стать на собственные ноги. Промышленная деятельность не поддавалась широкому кооперированию, и отдельные рабочие фабрики, спорадически возникавшие в различных государствах, развивались весьма медленно; организации часто распадались, и очень немногие из них укрепились. В общем К. в крупной промышленности не получила широкого развития.

Однако промышленной К. удалось укрепиться и развить широкую деятельность в области мелкого производства.

Мелкий производитель в своей конкурентной борьбе с капиталистическими предприятиями вынужден был искать такие формы организации процессов производства, а равно и формы объединения снабжения и сбыта, которые позволили бы ему устоять против разрушительной конкуренции крупного производства. Одновременно мелкий производитель нуждался в освобождении от эксплуатации посреднического капитала. Выполнение всех этих задач уложилось в кооперативные организационные формы.

Артельная, кооперативная проповедь начата у нас очень давно. Еще Н. Г. Чернышевский в своем романе «Что делать» настойчиво указывал на необходимость приложения труда в деле развития общественных фабрик и мастерских, связывая это с социализмом. Но марксисты относились отрицательно к артельному движению, кото-

рое временами возникало среди рабочих в моменты промышленных кризисов и острой безработицы

Рабочие артели (см.), как общее правило, значительно удалялись от классовой борьбы в ее непосредственной форме и тем как бы сеяли утопические надежды на возможность перехода к новому социалистическому строю путем мирного насаждения артельных предприятий

Поэтому К. в мелком производстве развивалась не среди промышленного пролетариата в городах, а в деревне—в кустарном производстве и во внеземледельческих промыслах крестьянского населения (рыболовство, охота).

В то время, как в рабочей среде в городе кооперативная форма производства является не столь положительным фактором социализма, в крестьянской среде, наоборот, кооперативная форма объединения кустарей—мелких производителей и промышленников—лесников, рыболовов и охотников—являлась безусловно высшей формой организации и притом коллективистической.

Индивидуалистическая психология мелкого производителя-кустара посредством К. поднимается до уровня коллективной общности интересов.

Теория К. вопрос о ней в области производства разрешает в двух формах. Т.-н. «ассоциативная школа» считает правильным и соответствующим кооперативным принципам организацию производства на артельных началах. Прибыль, говорят они, поступает в руки производителя; эксплуатация устраняется. Другая школа—«рочдельская», наоборот, считает правильной организацию крупного кооперативного производства только в недрах потребительской К., доказывая, что артельная фабрика рабочих эксплуатирует потребителя. Кооперативно и социалистически, говорит она, более правильно, если прибыль, создаваемая в производстве, распределяется между всеми потребителями. Этим, в виду всеобщности потребительского интереса, достигаются справедливое распределение прибыли и полное устранение эксплуатации даже в групповой его форме. Долголетним опытом доказано, что крупное кооперативное производство наиболее успешно развивается именно в рамках потребительской К. Промысловой же К. место нашлось лишь как

указано, в сфере мелкого и притом преимущественно крестьянского подсобного производства.

В том виде, в котором промысловая К. существует в настоящее время, к ней мы относим:

а) кустарно-промысловую К. в собственном смысле, т.-е. «крестьянское мелкое, товарное, внеземледельческое производство для рынка» и мелкое ремесленное производство в городах; этот вид К. объединяет Всекопромсоюз (всероссийский союз промысловой кооперации);

б) лесную К., объединяемую Всеколесом (всерос. кооп. лесной союз) с частями: лесозаготовительной, лесомеханической, лесохимической, кустарной, деревообделочной;

в) К. инвалидов в ее артельно-производительной части—артели булочников, сапожников, портных, мыловаров и др., преимущественно из инвалидов, проживающих в городах. Этот вид городской К. объединяется ВИКО (всерос. союз инвалидов К.);

г) К. рыбаков-ловцов, объединяемую Всекопромрыбаксоюзом (всерос. кооп.-промысл. союз рыбаков), и

д) К. охотников-промысловиков, объединяемую Всеохотсоюзом (всерос. кооперативно-производств. союз охотников).

Общее между всеми этими видами К. то, что они объединяют почти исключительно избыточный в сельском хозяйстве труд, прилагаемый крестьянами во внеземледельческих промыслах. Этим она обособляется от сельскохозяйственной К., объект которой—крестьянское земледельческое производство и связанные с ним промыслы (скотоводство, пчеловодство и др.).

К 1 апреля 1926 г. число промысловых кооперативов, по данным Госплана, составляет 17.846, объединяющих 790.166 человек. Главную массу этих кооперативов составляют кустарно-промысловые и лесные кооперативы, объединяющие $\frac{6}{7}$ всех кооперированных лиц. Примерно, $\frac{2}{3}$ этих кооперативов объединяются специальными союзами промысловой К. Число союзов каждого вида и число объединяемых ими членов следующее: Всекопромсоюз имеет 110 местных союзов, объединяющих 319 т. чл.; Всеколес—22 союза с 57,9 т. член. коопер.; Всекопромрыбаксоюз—9 местных союзов с 39,5 т. член.; Всеохотсоюз—48 мест. союзов с 28 т. охотников-промысловиков; ВИКО—около 70 губ инв. союзов с

35,9 т. промысловиков, кроме инвалидов, входящих в торговые артели.

Стоимость продукции кооперированных промышленников, сбытой через К., составляла: в 1923/24 г.—64,9 млн. черв. руб. в 1924/25 г.—139,9 млн. ч. р., 1925/26 г.—417,6 млн. ч. р. По отношению ко всей соответствующей валовой продукции мелкой и кустарно-ремесленной промышленности это составляет годично: в 1924/25 г.—7,7%, в 1925/26 г.—19,0%, каковые цифры с известной степенью приближения дают представление об удельном весе пром. К. в мелкой промышленности.

Весь оборот пром. К. по сбыту и снабжению по продажным ценам составляет в 1923/24 г. 110,9 млн. черв. р., в 1924/25 г. 331,1 млн. ч. р., в 1925/26 г.—821,4 млн. ч. р. (предположительно)

Работа пром. К. направлена в сторону объединения важнейших отраслей промышленности, а именно на промыслы: металлический, текстильно-трикотажный, кожевенно-обувной, сапого-валяльный, войлочный, рукавично-шубный, шорный, с.-х. машиностроения, деревообделочный, рогожный, строительных материалов, частно-пошивочный, рыбацкий, охотничий и лесной пли на особо патронируемые группы населения—К. инвалидов.

Социальное и экономическое значение кооперирования промыслов поэтому далеко выходит за пределы того скромного места, которое оно занимает в общей массе продукции мелкого производства.

Для некоторых основных групп кустарных промыслов процент кооперирования кустарей, а следовательно, и продукции, следующий: в кустарной металлообрабатывающей промышленности % кооперированных кустарей к общему числу кустарей, занятых этим промыслом, для РСФСР исчисляется в 1924/25 г. в 20% и для 1925/26 г.—31%; для УССР соответственно в 21 % и 25%, в текстильно-трикотажной промышленности для РСФСР в те же периоды процент кооп. кустарей составляет 30 и 51,5; одновременно с этим по УССР всего 0,6% и Узбекск. ССР—7%. В кожевенно-обувной промышленности в РСФСР объединено всего 4—5%, в УССР—10—12% и в БССР—37%.

Промысловая К. организует не только снабжение и сбыт индивидуального производителя, но и создает обобщественные

промышленные предприятия (общие мастерские, фабрично-заводские предприятия), внося технически прогрессивные течения в сферу мелкого производства. В данное время учет общих предприятий не поставлен. Имеются лишь следующие частичные данные: лесная К. имеет 121 обществ. предприятие; рыбацкая К.—203, охотничья К.—6.

Промысловая К. принимает форму широкого общественно-кооперативного движения лишь в условиях советской власти. Именно, до 1917 г. кустарно-промысловых артелей насчитывалось всего не более 500—600, охотничьей и рыбацкой К., как самостоятельной ветви, не существовало вовсе, лесная К. в деле своего развития делала лишь первые шаги.

А. Афонский

ПРОМЫСЛОВЫЙ НАЛОГ падает на торговые и промышленные предприятия и личные промысловые занятия. Обложение промышленности и торговли П. н. может существовать на ряду с подоходным их обложением от которого оно значительно отличается. При П. н. облагается доход по каждому предприятию в отдельности независимо от того, имеются ли у владельца данного предприятия другие предприятия или иные источники дохода (земля, дома т. д.). При такой конструкции обложения недопустимо введение прогрессии, прожиточного минимума, скидок по семейному положению и вычета процентов по долгам, допускаемых обычно при подоходном обложении (см. Налоги). Выявление дохода, подлежащего обложению т. е. податная оценка при П. н. сопряжена с исключительными трудностями вследствие крайнего разнообразия этой промысловой деятельности и сравнительной легкости уклонения от налога. Как бы признавая свое бессилие определить доходность предприятия, законодатель, как правило, обложение действительного дохода предприятия заменяет обложением дохода предполагаемого, для исчисления которого прибегает к чрезвычайно сложной системе внешних признаков; такими внешними признаками обычно являются размеры помещений, занимаемых предприятиями (торговыми), число служащих или рабочих, наличие механических двигателей, местонахождение предприятий (столичные,

губернские, уездные, городские), род промыслового предприятия; далее, о величине чистого дохода пытаются судить по размерам оборотов предприятий или по размерам капитала. Обложение по обороту—наиболее распространенное. Но и оборот, и размеры капиталов и ряд других признаков на практике оказываются недостаточными. Желая корректировать одни внешние признаки другими, законодатель прибегает все к новым и новым признакам, нагромождая одни на другие. Вот почему все законодательства о П. н. так сложны и дробны. П. н. обычно носит раскладочный характер и состоит из нескольких отдельных сборов, взаимно дополняющих друг друга, что точно так же стоит в связи с трудностями оценки промысловых доходов.

П. н. должен быть признан переложимым налогом, особенно в той его форме обложения оборота, которая носит название универсального акциза. Только в тех случаях, когда предприятие занимает monopolное положение на рынке и уже до введения налога взвинчивает цены до максимума,—только в этих случаях П. н. не может быть переложено на потребителя путем повышения цен. Переложение П. н. затрудняется также при прогрессивных ставках обложения.

Остановимся хотя бы коротко на организации промыслового обложения в разных государствах. В Англии и Франции сейчас не существует самостоятельного П. н. Там обложение промышленности и торговли входит в общеподоходный налог. В Италии П. н. входит, как часть, в состав налога на «доходы от движимого богатства».

В Германии существует общеподоходный налог, учитывающий также доходы и от промысловой деятельности. Что касается П. н. в тесном смысле слова, то таковой не установлен в общереспубликанском масштабе, а относится к числу налогов, применяемых отдельными немецкими республиками, входящими в состав Федерации. В прусском промысловом налоге предприятия распределяются на классы, при чем при разнесении по классам, а следовательно, при определении ставок, принимаются во внимание как доход, так и капитал. Форма налога раскладочная; правительство только указывает максимальные и минимальные размеры ставок, предлагая

самим плательщикам разверстать между собой ту сумму налогового поступления, которая ему нужна и которая получается путем помножения среднего оклада для данной местности на число плательщиков.

В довоенной России П. н. по закону 1898 г имел классный и раскладочный характер и состоял из основного и дополнительных сборов. Вся империя по местности делилась на четыре класса, в пределах которых торговые предприятия делились на пять разрядов, а промышленные — на восемь разрядов. Деление торговых предприятий по разрядам производилось на основании разнообразных признаков: размеры основного капитала, сумма оборота, наемная плата за помещение характер деятельности предприятия и т. д. Промышленные предприятия делились на разряды преимущественно по числу рабочих, а в отдельных случаях — по размерам добычи (горные предприятия), по стоимости выбравших бандеролей (табачные фабрики) и т. н. Таким порядком по определенным ставкам взимался основной налог, носивший название патентного сбора. К нему присоединялось дополнительное обложение: предприятия, обязанные публичной отчетностью, платили процентный сбор с прибыли и налог на основной капитал а прочие предприятия — раскладочный сбор и процентный сбор с предполагаемого излишка прибыли. Если прибыль предприятий, обязанных публичной отчетностью, не превышала 3%, то она не подлежала процентному сбору. Прибыль свыше 3% облагалась прогрессивно

Раскладочный сбор исчислялся государством в определенной сумме на всю империю и разверстывался по губерниям, уездам и податным участкам, где и раскладывался по предприятиям

Действующее в СССР промысловое обложение возникло первым среди других видов обложения после введения новой экономической политики. В настоящее время П. н. в СССР применяется по положению 24 сентября 1926 г. Налог состоит из двух частей: патентного и уравнительного сборов, взимаемых с промышленных и торговых предприятий, а также с особо поименованных личных промысловых занятий (ремесленники и кустари, извозчики, торговые служащие, заведующие торговыми предприятиями и члены правления их,

разносчики, торговые и неторговые посредники, таможенные экспедиторы, члены правлений частных предприятий). Патентный сбор—плата за разрешение начать дело—взимается до его начала. В целях его взимания торговые предприятия поделены на 6 разрядов в пределах 6 классов. Деление на классы производится по местонахождению предприятия, а деление на разряды—по роду предприятия с учетом числа служащих: I разряд—единоличная торговля; II—с помощью одного члена семьи; III—розничная торговля, обслуживаемая не более, чем 4 лицами; IV—розничная торговля с 5—8 обслуживающими; V—розничная торговля с 9—12 обслуживающими а VI—розничная торговля с числом обслуживающих выше 15. Помимо этого также перечисленным способом указывается характер предприятий, отнесенных к тому или иному разряду. Полуоптовая торговля предусматривается с 4 разряда, а оптовая—с 5 разряда, с подробным указанием характера предприятия и числа служащих. Промышленные предприятия в пределах тех же шести классов по местности разбиты на 15 разрядов в зависимости от числа рабочих (ни одного рабочего—I разряд и 751 рабочий—XV разряд) и размера годовой продукции с учетом наличности двигательной силы. Личные промысловые занятия в пределах упомянутых шести классов по местности делятся на пять разрядов по характеру занятия. Отдельные патенты взимаются для складочных помещений при торговых и промышленных предприятиях.

Помимо патентного сбора, в состав промыслового налога входит уравнительный сбор, взимаемый со всех предприятий торговых и промышленных, выбирающих патент, за исключением торговых предприятий I разряда, ярмарочных предприятий и тех, для которых законом установлено кратное взимание суммы патента вместо уравнительного сбора. Уравнительный сбор взимается в определенном проценте с оборота предприятия на основании норм, определяемых Наркомфином по соглашению с ВСНХ и НКТоргом, исходя из следующих общих размеров: 1% для оптовой торговли, 5%—для розничной и 1,25%—для промышленных предприятий. Закон подробно указывает, что должно понимать под оборотом разного рода пред-

приятий: оборот в товарно-торговых предприятиях—сумма валовой выручки по продаже товаров за наличные и в кредит; для промышленных по добыче сырья—продажная стоимость последнего; для промышленных по производству изделий из своих материалов—продажная стоимость проданных изделий для промышленных предприятий по производству из чужого материала—валовой заработок без стоимости чужого материала и т. д. В исчисленный таким образом уравнительный сбор зачитывается половина стоимости выбранного патента.

Обложение производится в общем порядке или в централизованном (по месту нахождения правления). В централизованном порядке облагаются государственные тресты, торги, синдикаты, акционерные общества и паевые товарищества, банки, общества взаимного кредита и кооперативные союзы. На все остальные предприятия, как государственные, так и частные, распространяется общий порядок. Эти предприятия не позднее, чем через полтора месяца по открытии в текущем отчетном периоде подают финансовому инспектору сведения (декларацию) о своем обороте в минувшем периоде. Размеры оборота определяют налоговые комиссии, руководствуясь декларацией владельца, его торговыми книгами и всеми иными сведениями, полученными комиссией от владельца или через сведущих лиц, или на основании своих проверок и наблюдений. При разногласии между плательщиком и налоговой комиссией тяжести доказательства (*onus probandi*) лежит на плательщике.

Обороты государственных, коммунальных и кооперативных предприятий определяются только на основании их торговых книг с внесением мотивированных постановлений в случаях сомнений в правильности записей. То же имеет место в частных предприятиях, если комиссия определит их доход по торговым книгам. При обложении в централизованном порядке учитываются в одной сумме обороты правления и всех отделений, исключая передвижение ценностей внутри данного промышленного или торгового объединения, общества или предприятия. Все эти предприятия подают о своем обороте

особые сведения, которые и ложатся в основу исчисления оборота.

Производство предметов роскоши (по особому списку) обложено особым повышенным патентным сбором, в 2—3 раза превышающим основной патентный сбор. Торговля на ярмарках пользуется особыми льготами. Черты, отличающие промышленный налог СССР от аналогичных налогов других стран, заключаются в усиленном обложении частного капитала по сравнению с государственным и кооперативным и, особенно усиленном обложении роскоши во всех ее проявлениях. П. н. дает немного государственному бюджету Союза (до 50 млн. руб.), и это также говорит в пользу налога (умеренность обложения).

П. н. в СССР является в значительной мере местным налогом. По «Положению о местных финансах СССР» от 26 апреля 1926 г. устанавливаются отчисления от государственного П. н. в местные бюджеты в размере 50% поступлений и надбавки к ставкам государственного П. н. до 100% цене патентов и окладам уравнительного сбора; еще более крупные надбавки допускаются по отношению к предприятиям, ведущим торговлю или производство предметов роскоши (до 300%)

Н. Падейский

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОБРАЗЦЫ. Этим названием в действующем советском праве (ст. 1 декрета о промышленных образцах, «С. У. СССР» 1924 г., № 9) охватываются: а) художественные рисунки, предназначенные для воспроизведения на фабричных и иных изделиях (фабричные и вообще промышленные рисунки); б) модели, изображения в пространственной форме промышленных изделий—предметы имеющие назначением воспроизводить в памяти ту объемную (в трех измерениях) форму, какой обладает соответственное изделие.

Особенно важное значение П. о. имеют для изделий художественной промышленности (как фабричной, так и кустарной).

На почве пользования П. о. между промышленниками и торговцами рождается конкуренция, стремление удовлетворять в возможно большей мере моду и вкус потребителя и подражание образцам, имевшим наибольший успех: такое подражание имеет

место как в целях «недобросовестной конкуренции» (создания впечатления, что товары с ранее употреблявшимися и имевшими успех рисунками и товары, выпускаемые подражающим—имитирующим—конкурентом,—это «одни и те же» товары), так и в целях широкого использования, при украшении своего товара, того художественного замысла, который имел успех у публики. Буржуазные законодательства признают (во Франции с 1806 г. в других странах со второй половины минувшего века) целесообразным поощрять промышленников и коммерсантов к употреблению промышленных рисунков и моделей и защищать результаты направленной на создание их работы принадлежащих им предприятий от беззастенчивого копирования конкурентами, отнимающего у такого творчества почву из-под ног. Эти законодательства фиксируют за предпринимателями, впервые введшими в употребление определенные образцы, при наличии определенных условий, исключительное право пользования такими образцами. С введением н.э.п., допущением у нас частной торговли и переводом государственной промышленности и торговли на начала коммерческого расчета появилась потребность в защите образцов и у нас.

Еще декрет об основных «частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», изданный 22 мая 1922 г., признал подлежащим защите со стороны советских судов «право на промышленные модели и рисунки в пределах устанавливаемых особыми законами». Г. П. К. упоминая также о правах этого рода, устанавливает особую для них подсудность. Но самое существо этих прав и пределы защиты их не были до сего времени урегулированы нашими законами. Постановление ЦИК и СНК СССР «О промышленных образцах» (рисунках и моделях), датированное 12 сентября 1925 г. и опубликованное в «Изв. ЦИК и ВЦИК» от 18 сентября, восполнило наконец, имеющийся в этом отношении в нашем законодательстве пробел.

Для того, чтобы право на рисунок или модель подлежало защите, необходима, по декрету, новизна их (ст. 1); рисунки должны быть новы «по виду или форме»

модели должны быть «новы по виду, по форме, по устройству или расположению частей»

Для пояснения того, какие рисунки и модели не должны почитаться новыми, закон указывает, что новыми не считаются образцы, «если ко времени совершения заявки такие же или весьма сходные с ними образцы открыто применялись на территории СССР¹⁾ или были достаточно описаны в печати в течение пятидесяти предшествующих лет».

Декрет предоставляет предприятиям заключать со своими служащими, особо приглашенными для составления образцов, договоры, по которым эти служащие заранее уступают предприятиям права на образцы, составленные ими по этим договорам (ст. 2)

Закон в этом случае не оговаривает особо в интересах служащего, как это делает в отношении подобных договоров декрет о патентах на изобретателя, недействительности договора об отказе служащего от права на будущее изобретение если создание такого не входит в круг служебных обязанностей изобретателя. Излагаемый закон не повторяет, равным образом, оговорки, имеющейся в ст. 6 декрета о патентах на изобретения, о том, что право на изобретение (см.), во всяком случае, не переходит на предприятие, в котором работал изобретатель, если изобретение выходит за пределы данного ему задания.

Советский закон, конечно, не мог бы стать по точке зрения допустимости безвозмездного присвоения предпринимателем дополнительных продуктов труда, которые являются для него неожиданным подарком и для появления которых он специально ничего не предпринимал. Поэтому только такого рода изобретения становятся, по нашему закону, объектом права предприятия, которые произведены лицом, специально для учинения таких изобретений приглашенным. По инак обстоит дело с промышленными рисунками и моделями: они являются обычно результатами деятельности специалистов, нарочно для того приглашенных.

¹⁾ Из иностранных законодательств одни тоже довольствуются новизной для своей страны (Англия), другие требуют абсолютной новизны (Франция).

Правд на зарегистрированный образец (рисунок или модель) устанавливается на 3 года считая со дня заявки (ст. 4). Действие этого права может быть продолжено по желанию управомоченного дважды: в первый раз еще на три и во второй раз еще на четыре года, итого максимальная длительность права не может быть более десятилетней. Смысл такого сложного исчисления состоит в прогрессивном обложении последовательных заявок. Первая заявка о регистрации оплачивается сравнительно небольшой пошлиной, чтобы большой расходом на пошлину не мог отпугнуть предпринимателя от использования образца, прибыльность которого использования пока еще сомнительна. Вторая заявка оплачивается гораздо более крупной и третья еще более крупной пошлиной. Размеры всех трех пошлин (5, 25 и 100 р.) у нас значительно выше чем в буржуазных законодательствах.

Образец вносится комитетом по делам изобретений в реестр, о чем заявителю выдается свидетельство и производится публикация в органе комитета по делам изобретений (ст. 5).

Лица, зарегистрировавшие промышленный рисунок или модель, пользуются исключительным правом в виде промысла воспроизводить этот образец в пределах СССР как весь в целом, так и в отдельных характерных чертах его, вводить в оборот изделия, воспроизводящие образец (торговать ими), и всяким иным непротивным законом образом пользоваться ими (ст. 7). Предоставляя заявителю образца «исключительное» право на пользование им, закон тем самым предоставляет ему право требовать от всех третьих лиц, чтобы они не использовали эти образцы на своих изделиях. Заявитель имеет право на исключительное пользование образцом, конечно лишь «в виде промысла»: он не в праве препятствовать единичному употреблению рисунка или модели третьими лицами (например для своего употребления или по единичному специальному заказу).

Столкновение интересов лица, осуществившего право на образец, с ранее возникшим правом другого лица на изобретение или наоборот, разрешается судом если заинтересованные стороны не пришли к соглашению (ст. 8).

Декрет предусматривает защиту прав на образцы иностранных граждан наравне с гражданами СССР при условии, конечно, выполнения ими требований этого закона, при чем для осуществления какого-либо притязания, из этого декрета вытекающего, лица, имеющие оседлость вне пределов Союза ССР, обязаны назначить представителя проживающего в Союзе ССР (ст. 9).

С. Раевич

ПРОПАГАНДА означает углубленное разъяснение и внедрение путем бесед, лекций, школьного преподавания и через печать, изобразительные, сценические и экранные искусства какого-либо определенного мировоззрения или какой-либо определенной точки зрения по вопросам, имеющим крупное политическое, общественное и культурное значение.

По удачному определению Плеханова, которое Ленин защищал в «Что делать» пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе людей».

II. есть одно из наиболее ярких проявлений классовой борьбы, служащее орудием в руках господствующего в данном обществе класса для организации широких народных масс на основе присущих данному классу взглядов и задач. Так, II. осуществляемая буржуазией через свое классовое государство служит делу затемнения классового самосознания трудящихся масс и внедрению в сознание трудящихся общественнических, религиозных и др. предубеждений дезорганизующих единый фронт борьбы трудящихся против существующего строя.

II. коммунизма (марксизма) (см.) и ленинизма (см.) осуществляемая советским государством и коммунистическими партиями (см.), означает углубленную работу по разъяснению и внедрению в массы учения Маркса—Энгельса—Ленина о законах развития человеческого общества, классовой борьбе и социалистической революции в целях подготовки пролетариата и примыкающих к нему слоев трудящихся к революционным действиям для совершения социалистической революции и организации бесклассового социалистического общества. Коммунистическая II. ведется коммунистами в рабочем классе и в

социально близких рабочему классу полупролетарских слоях населения. Ближайшей задачей коммунистической П. является воспитание рабочих масс в духе классовой сознательности и солидарности как в рамках национальных, так и в рамках интернациональных. В виду того, что философским мировоззрением коммунистов является диалектический материализм (см.), основоположниками которого также были Маркс, Энгельс и Ленин, усвоившие все действительно научное из достижений человечества в науке и философии, коммунистическая П. опирается на П. материализма и борьбу с идеалистическими воззрениями в науке и философии.

П. коммунизма и материализма в СССР пользуется всемерной государственной поддержкой и ведется как коммунистической партией, так и государственными органами власти, в первую очередь всей системой Народного Комиссариата Просвещения. ВКП(б) при этом ведет коммунистическую пропаганду как в партии, так и вне партии; как через свою печать (партийные газеты, литературные труды коммунистов), так и через партийные школы, коммунистические университеты и выступления коммунистов перед массами с докладами, лекциями, беседами, научными марксистскими трудами и т. д. Для руководства П. коммунизма в составе секретариата ЦК ВКП(б) существуют агитационно-пропагандистский отдел и отдел печати, в губкомах, окружкомах и т. д.—агитационно-пропагандистские отделы, а в ячейках—агитпропорганизаторы. Подготовка пропагандистов ведется через специальные курсы пропагандистов, марксистско-ленинские кружки, коммунистические университеты и ряд других коммунистических учебных заведений, созданных для этой цели (институт Красной Профессуры, Курсы Марксизма при Комкадемии, Международные Ленинские курсы и т. д.).

Советское государство ведет коммунистическую П. и П. материализма через всю сеть высших средних и низших учебных заведений, через все учреждения и органы массовой работы (избы-читальни, дома крестьянина, рабочие клубы и т. д.), а также через научно-исследовательские институты и советскую печать. При этом советское государство для распространения коммунистического мировоззрения не применяет ни-

каких принудительных мер, а ставит своей задачей обеспечить полную возможность пролетариату и близким к нему социальным слоям усвоить действительно научное марксистско-ленинское мировоззрение о природе, человеческом обществе и классовой борьбе и отвергнуть всякую ненаучные, идеалистические и неклассовые взгляды и мнения.

Коммунистическая П. вне пределов СССР ведется Коммунистическим Интернационалом и коммунистическими партиями соответствующих стран через своих членов. В большинстве капиталистических стран коммунистическая П. преследуется государственной властью, как П., призывающая к ниспровержению существующего капиталистического эксплуататорского строя; в ряде других государств законом преследуется не сама П., а принадлежность к коммунистической партии, как к руководящему центру этой П.; а в тех государствах, где и существование коммунистической партии легально, как и во всех прочих, против коммунистов направлены все средства экономического и административного воздействия, имеющиеся в распоряжении капиталистического общества. В ряде капиталистических стран, в целях дискредитации коммунистической П. в глазах националистически настроенных масс, буржуазия называет коммунистическую П. советской П., что в этой постановке должно означать не только П. советской формы государства, но и П., якобы исходящую из иностранного государства, ведущуюся в интересах этого государства и поддерживаемую им материальными средствами. Такая постановка вопроса особенно для т.-н. «демократических» государств облегчает буржуазии и ее государственным органам ведение борьбы с коммунистическими рабочими своей страны и дает легальную возможность обвинять их в государственной измене и содействии советскому государству, как иностранному государству.

Буржуазия всех стран ведет свою П. в целях сплачивания всех буржуазных и мелкобуржуазных элементов и дезорганизации рабочего класса для того, чтобы удержать государственную власть в руках незначительного эксплуататорского меньшинства и сохранить капиталистический эксплуататорский строй. В буржуазных государствах эту П. ведут буржуазные по-

литические партии, начиная от крайних правых, монархических и кончая социал-демократическими, буржуазная школа, начиная от высшей и кончая низшей, церковь (см.), находящаяся целиком на услужении у буржуазии. искусство и наука и все другие организации, ставящие своей задачей воздействие на общественное мнение (см.) масс. Во всех буржуазных государствах эта П пользуется как государственной поддержкой правительств и защитой законодательства. так и поддержкой капитала.

В советском государстве буржуазная П. запрещена советским законодательством, как контрреволюционная П бывших эксплуататорских и угнетающих классов. ставящая своей задачей восстановление эксплуататорского строя, подавление воли рабочего класса и низвержение диктатуры (см.) пролетариата. Советское государство не допускает преподавания в школах, университетах и т. д. буржуазной «науки». ставящей своей целью под видом науки поддержку буржуазии и П. восстановления капитализма (см.). Советская власть отказала во всякой поддержке церкви, как затуманивающей сознание масс, предоставляя, однако, полную свободу изложения религиозных учений, поскольку это изложение открыто не направлено к подрыву основ диктатуры пролетариата. Советское государство преследует всякую открытую контрреволюционную П. направленную к подрыву диктатуры пролетариата и восстановлению капитализма.

В. Кнорин

ПРОСТИТУЦИЯ, т.е. торговля своим телом, как объектом удовлетворения полового инстинкта. известна в самой глубокой древности. П. является давнишним и постоянным спутником классового неравенства. Не надо смешивать проституцию с близким, необузданным половым инстинктом первобытного человека; лишь с появлением первых признаков классового деления общества женское тело становится одним из предметов торговли. К этому времени относится и появление самого термина П. от римского слова — *prostare* продаваться публично.

Первым, кто придумал извлекать из половых сношений материальную выгоду

были священнослужители. Началось с того что женщины отдавались в честь божества. так, например, в Вавилонии молодые девушки являлись в храм Милиты и отдавали свою невинность богине в лице ее жрецов; в дальнейшем жрецы стали содержать при храмах женщин, которые отдавались за особую мзду в пользу храма, т.е. жрецов. Эта так называемая храмовая, «религиозная» П была сильно распространена в Персии, Индии, Греции и т. д.

С развитием больших городов, торговли, с появлением в городах пришлого элемента П. выходит за пределы храма и получает широкое развитие. В городах начинают появляться эксплуататоры и эксплуатируемые. Огромные массы рабов служат предметом торговли, и если мужчины-рабы продаются и покупаются для эксплуатации их труда, то женщиной-рабыней торгуют в целях разврата. Рост П. даже побуждает в 594 до Р. Х. архонта Солон в Греции создать первую государственную организацию П. Он организует государственные дома терпимости, так называемые «иктерионы». Характерно, что проститутки в эти дома рекрутируются исключительно из рабынь. Свободная же женщина за измену мужу или за занятие П. строго наказывалась.

П являлась источником дохода для государственной казны. Наиболее привилегированными проститутками являлись гетеры, получавшие воспитание в особых школах и часто игравшие роль в общественной и государственной жизни.

По этим же стопам пошел и Рим. В Римской империи изобиловали дома терпимости под названием «лунарии». Все эти дома терпимости пользовались покровительством, и император Калигула даже устроил дом терпимости в своем дворце. откуда рассылались для зазыва клиентов специальные агенты.

Отдельные же проститутки должны были регистрироваться, получали специальные разрешения но вместе с тем они лишались всех гражданских прав.

В средние века. в связи с ростом городов, промышленности и торговли, П. получила еще более сильное развитие. Появление христианства с его проповедью воздержания делает проститутку ненавистной п

презираемой; на ряду с продолжающимся покровительством П. со стороны государства и духовенства, извлекающими из П. доходы, проститутки в отдельных местах подвергаются беспощадным преследованиям.

Рост П. заставляет государственную власть уже в XIII и XIV в.в. принять меры к локализации П. и в отдельных городах особенно во Франции, проституткам запрещают селиться на тех или иных улицах. Когда же в конце XV века занесенный из Америки сифилис принял исключительное эпидемическое распространение, государство начинает проявлять тревогу, и борьба с П. начинает принимать ожесточенную форму. Но борьба эта ведется не с П., как с социальным явлением, а с проститутками. В то время, как П., как промысел, в большинстве случаев находится под покровительством государства по отношению к отдельным проституткам применяются самые строгие меры: бьют плетью, отрезают уши, изгоняют из страны, а во Франции при Карле VIII проститутки сжигали живьем.

В XVIII в. в разных государствах принимались и другие меры: для проститутки создавались специальные кварталы; в отдельных местах проститутки поселялись в особых казармах во многих городах проституткам запрещалось не только селиться, но даже появляться на целом ряде улиц. Дома терпимости подчинялись особому контролю. Для них издавались специальные строгие правила, но П. продолжает существовать в самых жутких формах. Торговля женщинами в целях разврата приняла ужасающие размеры и велась в международном масштабе. Пришлось созывать даже специальные международные конгрессы для выработки мер борьбы с этими явлениями.

Когда меры, указанные выше, ни к чему не привели, государственная власть начинает прибегать к особой системе полицейской регламентации, которая впервые появляется во Франции по ординасу 1778 г. и распространяется по всей Европе. Сущность этой меры заключается в том, что проститутки заносятся в особый список, получают особый билет («желтый билет» в царской России) и обязаны подчиняться особым правилам, среди которых главное обязательство периодически

являться на медицинский осмотр. Для проведения этих мер организовались специальные «полицейские права». В Париже в 1903 г. было зарегистрировано 6.418 проститутки, в то время как, по самому умеренному подсчету, там насчитывалось 60—70 тысяч проститутки. В Вене число зарегистрированных едва достигает 5%, в Мюнхене в 1911 г. было зарегистрировано только 7% занимающихся П. и т. д.

Процент больных венерическими болезнями, заразившихся от проститутки, невзирая на регламентацию, чрезвычайно велик. Достаточно указать, что по сведениям 1891 г. от явных проститутки заразилось в Германии 81,1% больных, во Франции—78%, в Петербурге—75%.

Уже в самом буржуазном обществе возникло целое движение в пользу отмены регламентации, так называемое «аболитивное» движение,—движение против торговли белыми рабынями. Движение это имело некоторый успех, и регламентация постепенно уступает место мерам принудительного лечения. Первый шаг в этом направлении сделал датский закон 1906 г. «О борьбе с публичной безнравственностью и венерическими заболеваниями». По этому пути идут и чехо-словацкий закон 1922 г. и другие страны.

Единственная страна, не знавшая системы регламентации П.,—это Соединенные Штаты. Мероприятия там носят в большинстве случаев характер исправительно-трудовой.

В России П. также появилась с давних времен. Приюты были еще известны при Иоанне IV.

Особое развитие П. получила в царствовании Екатерины Второй. Существовало большое количество домов терпимости, невзирая на то, что в уставе благочиния, составленном Екатериной в 1782 г., были статьи, запрещающие «открывать днем и ночью свой дом или наемный для непотребства» и обязующие проститутки, больных венерическими болезнями, лечиться принудительно, а «по вылечении поступать с ними как о бродягах постановлено».

С 1843 г. и царская Россия присоединилась к системе регламентации. В 1884 г. были изданы специальные правила, немногим отличавшиеся от аналогичных правил

Париж, Берлина и т. д. Эта регламентация П. существовала вплоть до революции.

Октябрьская революция окончательно уничтожила систему регламентации. Впервые власть повела борьбу с П., как социальным явлением, а не с проститутками.

Исходя из того, что основным фактором, питающим П., является безработица среди женщин, низкий культурный уровень отдельных категорий женщин (прислуги и т. п.), советская власть обратила внимание на борьбу с безработицей, учла специальные условия женского труда (см.) создала специальные правила, регулирующие порядок увольнения женщин, а также оказания помощи безработным женщинам. Кроме того, специальные меры охраны материнства и младенчества, продолжительные отпуска беременным женщинам, охрана женского труда, устройство яслей в значительной степени парализуют рост П.

Для борьбы с распространением венерических болезней созданы в большом количестве венерические диспансеры при которых созданы специальные мастерские для проституток, в которых их приучают к труду и трудовой дисциплине. Среди остальных элементов женской прислуги ведется культурно-просветительная работа.

Ведется усиленная борьба с пособничеством П., сводничеством, притоносодержательством, и У. К. строго карает вышеуказанное преступление У. К. (ст. 155) также карает не только за заражение другого лица венерической болезнью, но и за заведомое поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью (ст. 150). При Наркомздраве организован специальный совет по борьбе с П. Все вышеуказанные мероприятия в значительной мере парализуют рост П., особенно так называемой «подсобной» П., которой занимаются женщины случайно и благодаря вышеуказанным мерам в большинстве случаев не попадают в кадр профессиональных проституток. Все меры по борьбе с П. не носят характера, унижающего человеческую личность, и при советской власти не имеют и не могут иметь места те отвратительные явления, вроде ночных облав, желтых билетов и др. престестей, которые знает «высококультурная» буржуазная Европа.

Д. Левин

ПРОТЕКТОРАТ. Этим термином обозначается в международном праве «установление путем договора отношений покровительства между двумя государствами, из которых одно более сильное берет на себя защиту более слабого». На дело П. имеет мало общего с этим идиллическим определением и представляет собой форму колониальных захватов и обыкновенно означает первый шаг к полной аннексии (см.). Так, например, в 1855 г. Франция заключила договор о П. с королевой острова Мадагаскара, а в 1896 г. французское правительство объявило Мадагаскар с принадлежащими к нему островами французской колонией. Точно так же Япония 17 ноября 1905 г. заключила с Кореей договор о П. с тем, чтобы декретом 22 августа 1910 г. превратить ее в колонию (см.). В некоторых случаях договор о П. формально остается в силе, но фактически страна превращается в колонию (пример — Камбоджа, фактически управляемая французским резидентом). Самое заключение договора о П. происходит обычно под давлением и в результате военного насилия. Свой П. над Мадагаскаром французы поддерживали военной экспедицией 1895 г. То же самое имело место при установлении протектората Франции над Тонкином и Анамом (договор 1874 г.). В случае Египта установление П. Великобритании произошло даже и без заключения договора, путем односторонней декларации великобританского правительства (18 декабря 1914 г.). Как объясняет известный международник Оппенгейм, договора не понадобилось здесь потому, что англичане фактически уже в продолжение 32 лет оккупировали Египет (Oppenheim: *International Law*, I, § 91).

Египет был в 1922 г. объявлен формально «независимым» государством. Однако фактическая оккупация продолжалась и под этим новым титулом.

Содержание договора о П. сводится в большинстве случаев к назначению государством-«покровителем» генерального резидента через которого осуществляются внешние сношения покровительствуемого государства и которому принадлежит более или менее широкое право вмешательства во внутреннее управление, т.-е. в первую очередь в финансовые и судебные организации страны П. вне колониальных стран пред-

ставляет по своему содержанию несколько иное, ныне, впрочем, весьма редкое явление. В Европе их насчитывается всего четыре республика Андорра (в Пиринеях), находящаяся под совместным П. Испании и Франции; такая же крошечная республика Сан-Марино находящаяся под П. Италии; Исландия, ранее датская провинция, а с 1/ХІІ 1918 г. независимое государство под П. Дании, и вольный город Данциг, поставленный версальским договором под П. Лиги Наций. В первых двух случаях дело идет об исторических курьезах, сохранившихся из времен средневековой раздробленности; в случае Исландии речь идет, возможно, о первом шаге к приобретению полной самостоятельности: что касается Данцига, то П. Лиги Наций (см.), осуществление коего поручено Польше, есть ширма для аннексии Данцига Польшей.

Е. П.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ. Под П. с. в настоящее время понимается длительное объединение работников наемного труда, создающееся на почве наиболее общих и близких всей массе рабочих интересов, уровень которых соответствует в каждый данный момент уровню классового сознания большинства рабочего класса.

Это определение сущности П. с. вытекает из общественной функции профессионального движения. Уже в 1847 г. Карл Маркс дал совершенно четкое определение этой последней: «Экономические отношения.— читаем мы в «Нищете философии»,—обратили сначала массу населения в работников. Господство капитала создало для этой массы некоторую общую почву некоторые общие интересы. Таким образом, эта масса людей уже составляет класс (см.) в противоположность капиталу, но себе самой еще не представляется таковой. Однако в той борьбе, которую мы охарактеризовали в нескольких фразах, масса эта объединяется и выступает уже, как класс задающийся собственными целями. В отношении буржуазии нам приходится отличать две фазы. Одну, в продолжение которой буржуазия

под властью феодализма и абсолютной монархии конституировалась в класс, и другую, когда буржуазия, уже конституированная в класс, разрушила владычество феодалов и монархии, чтобы преобразовать общество в буржуазное общество. Первая фаза длилась больше времени и потребовала наибольшего напряжения. Однако и буржуазия начала с частных коалиций, направленных против феодальных властителей. Уже произведено много исследований, чтобы проследить различные исторические фазы, которые прошла буржуазия, начиная с городской общины и кончая сплочением в класс. Но лишь только речь пойдет о стачках в коалициях и других формах, в которых пролетарии нашего времени осуществляют свою классовую организацию, тогда одни исследователи приходят положительно в ужас, а другие начинают выражать трансцендентальное презрение». Другими словами, в историческом процессе выработки рабочего класса из распыленной массы работников по найму П. с. играет роль реторты, в которой из индивидуальных интересов выработываются интересы классовые.

Само собою разумеется, что в основе объединения рабочих в П. с. лежит та общность интересов, которая вытекает из положения рабочего класса в производстве. «Всякая начальная попытка работников объединиться постоянно принимает форму коалиции. Крупная индустрия сближает множество друг другу незнакомых людей на одном месте. Правда, конкуренция раз'единяет их сообразно их индивидуальным интересам, но стремление поддержать заработную плату (см.) на данном уровне, стремление, представляющее общий интерес работников относительно их хозяина, соединяют их на почве общей мысли о сопротивлении, на почве коалиции» (Карл Маркс— «Нищета философии»). Столь же понятно, что эта общность интересов работников первоначально проста и несложна, а по мере развития противоречий интересов продавца и покупателя рабочей силы по мере развития борьбы между первым и последним усложняется и развивается, превращаясь в классовые интересы. Таким образом, превращение интересов изолированно-

го продавца рабочей силы в интересы класса протекает в виде длительного исторического процесса внутри коалиции внутри П. с. В этом смысле рабочий класс конституируется в профессиональном движении. Отсюда — определение профессионального движения и П. с., как «школы социализма» (К. Маркс), как «школы коммунизма», «школы объединений, школы солидарности, школы защиты своих интересов, школы хозяйничанья, школы управления» (Ленин).

Вместе с тем П. с. есть организация всех рабочих без различия степени развития классового сознания каждого из них («П. с., т.е. массы, объединенной почти поголовно», Ленин). Этим прокладывается водораздел между партией и союзом, так как первая объединяет по признаку наибольшего развития классового сознания, а последний представляет собою такую организацию, в которой процесс классовой борьбы охватывает собою всю рабочую массу.

Из такого определения понятия П. с. вытекает, что зарождение профессионального движения совпадает хронологически с моментом возникновения самого рабочего класса как класса «в себе», т.е. с появлением наемного труда. Некоторые авторы относят момент зарождения П. с. к периоду, предшествующему возникновению капиталистического хозяйства. «Факт тот, что длительные объединения работников по найму в Англии предшествуют

появлению фабричной системы на целое столетие» (Веббы—«История тред-юнионизма») И это, конечно, верно. Первые следы объединений, имеющих право называться П. с., но ими обычно не называющиеся, мы встречаем в Англии в XVII в., во Франции в конце XVIII в., а в Германии—в 40-е, и в России—в 60-е годы XIX в.

Но, хотя данные исторических исследований вскрывают факт появления первых неоформленных союзов уже в столь отдаленное время подлинная история движения начинается позднее, тогда, когда капиталистический способ производства крепнет и становится господствующей формой хозяйствования. Лишь с этого времени профессиональные объединения оформляются, приобретают устойчивые черты. Зачатки движения сменяются развитым профессиональным движением. Для Англии в этом отношении решающее значение имеет не июль 40—50-х годов, для Франции и Германии—60-е и 70-е годы (раньше в Германии, позднее во Франции), а в России—годы девяностые.

Этапы развития. И до своего оформления, и после него, в силу чрезвычайно тесной зависимости формы и содержания профессионального движения от строения народного хозяйства, состава самого рабочего класса и условий классовой борьбы в каждой данной стране, движение пережило ряд совершенно четких этапов. Схематично эти этапы можно было бы представить себе в следующем виде.

Периоды	Англия	Франция	Германия	Россия
Зачатки объединений.	С XVII в. по 1799 г.	Вторая половина XVIII в. 1803 г.	Вторая четв. XIX в., 60-е г.г.	Вторая половина XIX века. 90-е годы.
Борьба за существование. Период брожений в проф. движении.	1799—1825 г.г. 1825—1851 г.г.	1803—1883 г.г. 1883—1895 г.г.	60-е г.г., 1890 г.г.	90-е г.г., 1917 г.г.
Период оформления. Период перестройки.	1851—1889 г.г. а) демократизация: 1889—1911 г.г.; б) революционизирование: 1911—1914 г.г.; в) застой; 1914—1918 г.г.; г) революционизирование: 1918—1926 г.г. (не закончено).	1895—1906 г.г. а) реформизм: 1906—1914 г.г.; б) вырождение: 1914—1918 г.г.; в) революционизирование: 1918—1926 г.г. (не закончено).	1891—1914 г.г. а) реформизм: 1914—1918 г.г.; б) революционизирование: 1918—1926 г.г. (не закончено).	1917—1918 г.г. а) „Новые пути проф. движения“ в 1922—1926 г.г. (не закончено).

На каждом из этапов и характер организации, и характер работы союзов, и их отношение к общеклассовым задачам оказываются совершенно своеобразными. Так если взять только Англию то окажется, что в начальные стадии своего развития профессиональные объединения английских рабочих определенно отображают с одной стороны, реакционные устремления тех групп квалифицированного труда, которые теряли с разложением ремесла свое материальное благополучие и потому добивались у государства (либо самостоятельно проводили) мер, ограничивающих развитие хозяйства (ограничение доступа в производство, борьба за восстановление законодательства XVII в и т. д.), а с другой — естественную но не менее реакционную ненависть к новой технике (фабричный террор конца XVIII — начала XIX вв.). Период брожения здесь отмечен появлением широких массовых организаций ужс неквалифицированных рабочих по преимуществу («Великий национальный консолидированный союз производств» Оуэна, «Филантропический геркулес» строителей и т. п. организаций), которые ставят своей целью перестройку всего хозяйственного уклада. В период оформления в Англии складывается основной тип английского движения — тред-юнион. Затем начинается длительный процесс перестройки движения, затягивающийся с 1889 г. по наше время и приводящий английское движение через толчку узко цехового союза, мирящегося с капитализмом и господством буржуазии к более широкой основе профессионального строительства в нынтяк участия в законодательстве к повышению революционного брожения накануне войны, конец которому кладется патриотическим угаром империалистической войны, и к нарастанию классовых тенденций внутри тред-юнионов с 1918 года.

В разных странах, в зависимости от конкретных условий роста профессионального движения, однако, в совершенно определенный период складывается особый тип П. с. Хронологически первым появляется тип тред-юниона, подражание которому мы находим одновременно почти во всех странах (60-ые годы в Германии и во Франции в особенности; вторым складывается тип

геверкшафта, германский тип; третьим — тип синдиката, тип романский, и, наконец, в самое последнее время оформляется тип производственного объединения, тип русский.

Не следует думать, что если к таким четырем типам можно отнести П. с. разных стран, то каждый такой тип является чистым, наделенным свойственными ему чертами. В частности, тип тред-юниона, исторически сложившийся ранее остальных, пережил значительные изменения. И теперь в Англии, на родине его, и в тех странах, которые более или менее точно копировали английский образец (в особенности в Соединенных Штатах) мы не найдем ни одной фактически организации, которая сохранила бы все черты тред-юниона каким он создавался в период оформления этого типа. Эволюция хозяйства, изменения в самом рабочем классе и новые классовые отношения оказали свое влияние и привели к видоизменению этого типа до полной неузнаваемости. То же самое приходится сказать о синдикате и геверкшафте.

Наибольшее значение в этом отношении имели, конечно, те процессы в мировом хозяйстве, которые с конца XIX в. сводят на нет индивидуальные особенности в строении народного хозяйства во всех европейских странах, равно как и в классовых отношениях во всем мире. Эпоха империализма (см.) как новейшего этапа развития капитализма (см.) повлекла за собой и упадок и уничтожению различий в профессиональном движении различных стран. Особенно сильно было в этом отношении влияние экономических последствий мировой империалистической войны, поставивших перед капитализмом проблему усиленного накопления капитала и заостривших классовые отношения во всех странах.

Вот почему всюду наблюдается с 1918 г. одна и та же тенденция в развитии П. с. как в области организационного строительства, так и в области политики П. с. и их практической работе. Но тем не менее указанные выше основные типы все еще представляют собою тот материал, из которого история последнего времени лепит новое профессиональное движение. Тред-юнион, геверкшафт, синдикат

кат и производственный союз отличаются особенностями строения работы и идеологии.

1) Тред-юнион. Наиболее точное и отчетливое определение тред-юнионизма было дано Лениным в словах: «Тред-юнионизм—это буржуазная политика рабочего класса». Такое определение дает ясное представление о существе данного течения профессионального движения. Для полноты же представления необходимо знать организационные особенности и методы работы тред-юниона.

В организационном отношении тред-юнион отличается следующими основными чертами:

1) Узко цеховая основа организации. Первый союз воспринявший принцип тред-юнионизма в организационном отношении и в то же время послуживший образцом для всего движения на протяжении почти сорока лет. —«Амальгамированное Общество Механиков»,—представлял собою замкнутый аристократический союз квалифицированных механиков. Неквалифицированные рабочие совершенно к нему не принимались. Эта особенность сохранилась полностью до конца 90-х годов во всех почти английских союзах, так что тяга неквалифицированных рабочих в союзы, начавшаяся в 80-е годы, находила выход в создании специальных общих союзов неквалифицированных рабочих (General Worker's Unions).

2) Централизация внутреннего строения каждого союза. Как «Амальгамированное Общество Механиков», так и другие союзы типа тред-юниона сосредоточивали в центральном правлении союза всю работу его. Дело доходило иногда до самой мелочной опеки центра—вплоть до необходимости для секретаря местного отдела испрашивать разрешение центра на приобретение чернил, пера и бумаги. Даже в настоящее время традиция в этом отношении дает все еще себя чувствовать: так, «Амальгамированное Машиностроительное Общество»—прямой наследник «Амальгамированного Общества Механиков»—все дело выдач по собной централизовало так что ни одно пособие не выдается без ведома исполнительного комитета союза.

3) Распыленность движения. Распыленность вытекала из узко цеховой основы, так как при объединении в одном союзе только работников одной и той же профессии, зачастую одной и той же узкой специальности, все движение необходимо разбивалось на бесчисленное число мелких союзов. Даже в 1924 г. после того, как в целом ряде производств произошло слияние многих мелких союзов, в основных отраслях народного хозяйства продолжала наблюдаться значительная распыленность движения. Так, число членов союзов в это время достигало 4.589.776, а число союзов 1.135, что дает среднее число членов на 1 союз в 4.043 человека.

На ряду с этой распыленностью, в движении, построенном по типу тред-юниона, совершенно отсутствовал единый руководящий центр. Несмотря на то, что с 1868 г. регулярно созывался конгресс тред-юнионов, до конца XIX в. здесь не было попытки создать единый руководящий центр, а до 1922 г. эти попытки не давали практических результатов (генеральная федерация тред-юнионов, созданная в 1899 г., объединяла в год создания всего 18% организованных и профессиональные союзы рабочих, а в 1922 г. всего только 16% этого числа). Конгресс должен был выявлять отношение мира английских тред-юнионов к законодательным предположениям английского парламента. Руководящей роли в жизни союзов он не играл.

В области методов работы отличительными чертами тред-юниона были:

1) Метод коллективных сделок. Последний состоял в регулировании отношений между предпринимателями и рабочими путем заключения коллективных договоров, при чем особенно высоко расценивалось мирное, без стачечной борьбы, заключение коллективных договоров и приспособление требований рабочих к технике производства и требованиям хозяина в деле производительности труда.

2) Метод взаимопомощи. «Амальгамированное Общество Механиков» до такой степени много внимания стало уделять взаимопомощи с первого же момента своего существования, что даже вожди тред-юнионов предшествующего поколения считали этот уклон превращающим союз в

простое общество взаимопомощи (отзыв Ричарда Деннинга) Несмотря на ряд радикальных изменений в приемах работы союзов, до сих пор еще преобладание функций взаимопомощи над другими дает себя чувствовать в крупнейших английских союзах. Так, «Амальгамированное Общество Механиков» затратило в 1922 г. на пособия безработным, больным, старикам, пострадавшим от несчастных случаев, на похоронные и благотворительные пособия не менее 77,1% из общей суммы своих расходов.

3) Метод ограничения доступа в производство Наиболее характерный для цехового союза метод работы заключается в том, что в интересах работающих членов создается известная монополия на выполняемую ими работу. Системой ученичества, предусматривающей ограничение количества учеников, борьбой за предоставление определенной работы лишь работникам определенной же квалификации союзы этого типа ограничивали весьма решительно доступ в производство.

В идеологическом отношении свойственные тред-юниону черты определяются тем, что капитализм признается наиболее отвечающим интересам рабочих строем, и о его изменении вопрос и не ставится. Характерно, напр., что такие вожди тред-юнионов, как Роберт Англарт, являвшийся членом I Интернационала и работавший вместе с Марксом и руководившем органе этой организации, ни разу не ставили вопроса об обобществлении средств производства ни на одном из конгрессов тред-юнионов. Тред-юнионизм—это в полном смысле слова «буржуазная политика рабочего класса» В Англии после предоставления избирательных прав рабочим (1871 г.) участие тред-юнионов в выборах выражалось вплоть до самого конца XIX в. в поддержке радикалов.

И Геверкшафт Германский тип движения, зародившийся позднее тред-юниона, отличается во многом от этого последнего. В области организационного строительства геверкшафту свойственны следующие характерные особенности:

1) Производственно профессиональный признак.

Геверкшафт с самого начала своего существования строится именно, как производственно профессиональное объединение, т.е. как объединение в одном союзе всех основных профессий каждого данного производства. Так, в союз металлистов входят все профессии, связанные с непосредственной обработкой металлов, в каких бы отраслях народного хозяйства ни были заняты рабочие данной профессии. Зато в этот союз не входят рабочие, не принадлежащие к основным группам профессий металлообрабатывающих предприятий, но работающие в этих предприятиях. Широта охвата и приближает геверкшафт к производственному объединению и дает ему крупные размеры.

2) Единство руководства всем движением. Тип геверкшафта предполагает наличие общенационального объединения, в которое входят все союзы данного типа. В Германии с 1892 г., т.е. сразу же после оформления германских союзов, создается и руководящий центр всего движения в виде центральной генеральной комиссии геверкшафтов. Правдa-степень централизации всего движения предопределялась ограниченным толкованием задач комиссии (ведение агитации, создание единообразной статистики движения, издание печатного органа и организация международных связей), но все же геверкшафт есть национальное объединение.

3) Централизация внутренней работы. Каждый союз типа геверкшафта определенно централизован, и его исполнительный орган руководит жизнью всего союза.

В области методов работы геверкшафт больше всего ставит ударение, как и английский тред-юнион, на взаимопомощи, но вместе с тем геверкшафт уделяет больше внимания стачечной борьбе. И методом тарифных (коллективных) договоров геверкшафт отличается от тред-юниона в том направлении, что в большей степени уделяет внимание стачечной борьбе за коллективный договор.

В области идеологической для геверкшафта характерны:

1) Реформизм. Руководимое правым крылом германской социал-демократии, профессиональное движение Германии внесло в свою политику отказ от революционных методов работы и борьбы. Характерно отношение к празднованию 1 Мая (переносится на ближайший праздничный день или проводится по окончании работ) и к всеобщей стачке (непризнание ее, как метода борьбы). Конечной целью движения считается социализм, но борьба за него мыслится в виде участия в выборах и голосования за социал-демократических кандидатов.

2) Нейтрализм. Зародившись в самой тесной связи с политической организацией рабочих-лассальянцев (всеобщий рабочий съезд 1868 г. на котором положено начало этой организации), продолжая руководиться социал-демократами, геверкшафты Германии проводили настойчиво мысль о равноправности обеих организаций, г.е. профессиональных союзов и партий, и считали основным условием работы профессиональных союзов независимость их от партии. Даже Бебель не был вполне чужд нейтраллизму («Политические партии и профессиональные союзы» — брошюра, делающая ряд уступок нейтраллистам).

III Синдикат. Третий тип профессионального объединения — синдикат — зародился позднее тред-юниона и геверкшафта и впервые оформился во Франции. Как и первые два, он отличается равно своими организационными особенностями своими методами работы и своей политикой, точнее — идеологией.

В области организационного строительства синдикализму присущи:

1) Отсутствие единства организационного плана. Во Франции мы находим, на ряду с чисто производственными объединениями, объединения чисто профессиональные (напр., союзы паборщиков, печатников, литографов). Здесь же, на ряду с централизованными союзами (напр., металлисты), встречаются союзы, объединяемые в федерации производства («Федерация Книжки»).

2) Федеративный принцип построения. Все движение объединяется на началах «свободной» федерации

Центральный орган — конфедерация труда — представляет собою объединение ряда производственных федераций. Местный союз входящий в федеративное объединение, совершенно самостоятелен в своих действиях.

В области методов работы синдикат имеет следующие характерные черты:

1) Боевой экономизм. Наиболее свойственным синдикату методом борьбы является «прямое действие» т.е. непосредственный удар по предпринимателю. Стачка играет главную роль. Обычно это неорганизованная стачка протеста, стачка наскока. На ряду со стачкой стоят бойкот (см.) и забастовка.

2) Отсутствие взаимопомощи (синдикаты совершенно не организуют помощи на случай болезни, инвалидности, старости или даже безработицы, не создают никаких фондов взаимопомощи).

3) Внимание к культурно-просветительной работе. С самого начала существования синдикатов ими организуются лекции, кружки, доклады, пропагандистские и агитационные митинги, издаются органы печати. Все это проводится вне всякого учета и плана.

В области идеологической отличительные черты синдиката:

1) Отрицательное отношение к «политике». Из того положения, что государство (см.) является органом классового господства построенным исключительно в интересах предпринимателей, делается вывод, что участие в политической жизни и в парламенте (см. Парламентаризм) равносильно сотрудничеству с капиталистами и идет вразрез с подлинными интересами рабочего класса.

2) Боевой экономизм. Боевой экономизм, как метод работы, ставит ударение на стачечной борьбе. Боевой же экономизм, как идеологическое положение, заключается в убеждении, что рабочий класс придет к освобождению от ига капитализма путем исключительно экономической борьбы. В конечном счете пролетариат, «сложив руки», вызовет такой кризис, с которым капиталистическое общество не справится и рабочим останется лишь взять в свои руки управление

всеми предприятиями и организовать народное хозяйство без капиталистов

3) Анархизм (см.) Будущее общество мыслится, как безгосударственная федерация профессиональных союзов, которые организуют всю хозяйственную жизнь на началах свободного соглашения.

IV Производственный союз. Последним хронологическим типом профессионального объединения является производственный союз. Окончательно складывается этот тип уже только после II всероссийского съезда профессиональных союзов в 1919 г., хотя построение именно производственного типа было предусмотрено постановлением учредительной конференции «Индустриальных Работников Мира» в Соединенных Штатах еще в 1905 г.

В области организационного строительства для производственного союза характерны.

1) Чисто производственная основа организации. II с. СССР со II всероссийского съезда строятся по основным группам предприятий, а не по основным группам профессий, как в Германии. Рабочий, занятый на том или ином предприятии, независимо от своей профессии, состоит членом союза, объединяющего всю массу работников данного предприятия. Так, столяр, при текстильной фабрике является членом союза текстилей, сторож металлического завода состоит в союзе металлистов и т. д. На одном предприятии—один союз

2) Единство организационного плана. Все построение профессионального движения предусмотрено резолюциями по организационному вопросу, принимаемыми съездами II с. СССР. Основы организации, взаимоотношения между местными организациями II с. и его центром, взаимоотношения между отдельными профессиональными объединениями устанавливаются одинаковые для всего движения.

3) Единство руководства. Все движение сверху донизу построено на принципе демократического централизма. Полная выборность сочетается с твердым руководством. Постановления вышестоящих органов обязательны для нижестоящих. ВЦСПС руководит всем движением. ЦК отдельного производственного союза

руководит работой этого объединения. ГСПС является органом, руководящим движением в пределах губернии.

В области методов работы производственный союз не останавливается на каком-либо определенном методе, а использует всякий метод, отвечающий в тот или иной исторический период классовым интересам пролетариата. В условиях пролетарской диктатуры (см.) методы работы II с. определяются интересами укрепления рабоче-крестьянской власти. Конкретные же методы работы союзов в условиях новой экономической политики (нэп) (см.) определены постановлением ЦК РКП, опубликованным в «Правде» от 17 января 1922 г. В этом постановлении говорится:

«Одной из самых главных задач II с. является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в его борьбе с капиталом... Аппарат союзов должен быть соответственно пересмотрен, видоизменен или дополнен; должны быть образованы или, вернее, образовываемы конфликтные комиссии, стачечные фонды, фонды взаимопомощи и т. д. По отношению к социализированным предприятиями на II с. безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения государственного аппарата.

В области трений и конфликтов отдельных групп рабочего класса с отдельными учреждениями и органами рабочего государства задачей союзов является содействовать наиболее быстрому и безболезненному улажению конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом...

Будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны быть, в частности, школой управления социалистической промышленностью (а затем и земледелием) для всей массы рабочих а затем и для всех трудящихся... Связь с массой... является самым важным самым основным условием успеха

какой бы ни было деятельности профсоюзов»

В области идеологии и отличительными чертами производственного союза являются:

1) Отрицание нейтральности профессионального движения. С точки зрения производственного объединения процесс превращения класса в себя в класс для себя протекает, и необходимо должен протекать, при неперемennom руководстве наиболее развитой в классовом отношении части рабочих, объединенных в партию рабочего класса. «П. с.—передаточный механизм от компартии к массам» (постановление ЦК ВКП о профсоюзах)

2) Признание диктатуры пролетариата. Считая что классовая борьба превращается в конечном счете в борьбу политическую (Маркс), производственный союз двигает объединенные им массы в борьбу за овладение государственной властью и после победы в этой борьбе всемерно поддерживает пролетарскую диктатуру. Эту точку зрения Даниель Делион проводил еще на учредительной конференции «Индустриальных Работников Мира» в 1905 г. а с I всероссийского съезда П. с эта точка зрения неизменно является платформой профессионального движения в СССР.

3) Борьба за коммунизм (см.). Возникая уже на той стадии классовой борьбы, когда классы сталкиваются в международном масштабе, когда всякое частичное столкновение между работодателем и работником превращается в борьбу классов, производственный союз яснее, чем какой-либо иной тип П. с., намечает для себя конечной целью установление коммунизма.

Тенденция развития профессионального движения. В историческом развитии профессионального движения все четыре типа профессиональных союзов тред-юнион, синдикат, геверкшафт и производственный союз, переживают ряд изменений. Наиболее значительны изменения в старейших типах— в тех, которые развернулись в период устойчивости капиталистического способа производства. Эти типы явились результатом индивидуальных особенностей строения на-

родного хозяйства в разных странах, состава самого рабочего класса и условий классовой борьбы. И так как основная особенность империализма—сглаживание индивидуальных особенностей как в области строения народного хозяйства (организация мировых трестов (см.), выравнивание среднего процента прибыли в мировом масштабе и т. д.), так и в составе рабочего класса в условиях классовой борьбы (мировой фашизм), то сильнее всего переживается перерождение именно теми союзами, организация, методы работы и идеологии которых отражают в себе особенности народного хозяйства и политической жизни отдельных стран.

В общем и целом тенденция развития профессионального движения во всем мире складывается в сторону перестройки движения на производственных пачалах. В Англии с 1918 г. сильно продвинулся вперед процесс амальгамации, т. е. слияния одинаковых или родственных союзов (в машиностроении, в строительной промышленности и т. д.) На ряду с этим крепнет тенденция к централизации. В Англии возникает генеральный совет тред-юнионов (1922 г.). На гулльском конгрессе (1924 г.) и на конгрессе в Скарборо (1925 г.) резолюции по организационному вопросу определенно намечают задачей движения перестройку в указанном направлении. Равным образом, движение в Англии переживает сдвиги и в методах работы, и в идеологии, приводящие английское движение ближе к производственному типу союзов. В этом отношении особенно характерны результаты грандиозного столкновения классов во всеобщей стачке 3—12 мая 1926 г., возникшей для поддержки горняков, которым с 1 мая был объявлен лок-аут (см.). Стачка выявила определенно необычайную сплоченность всей профессиональной организованной массы, готовность ее к борьбе. Вместе с тем она выявила и полное несоответствие аппарата движения и общего его характера. Во главе генерального совета стояли люди, неспособные и нежелающие руководить классовыми боями, которые при первой возможности предали стачку. В своей работе по срыву стачки они использовали недостатки организации движения: для сохранения своего поло-

жения после предательства они опирались на недостаточную чуткость его организационных форм. И хотя на конгрессе в Борнемуте (сентябрь 1926 г.) вождям генерального совета удалось добиться, благодаря своеобразию избирательной системы (выборы на конгрессе происходили еще до стачки), большинства, которое допустило снять вопрос о всеобщей стачке с обсуждения и голосовало против расширения прав генерального совета,—перед английской массой опыт майской борьбы поставил вплотную вопрос о перестройке движения. Вместе с тем этот же опыт значительно повысил уровень классового сознания рабочей массы (число членов британской коммунистической партии более, чем удвоилось, равно как увеличилось число участников «движения меньшинств», т.е. внутрисоюзной оппозиции) и лишил вождей возможности порвать с союзами СССР. Несмотря на явное стремление этих вождей выйти из англо-русского комитета единства, сказавшегося на заседании в Париже в июле 1926 г. ультимативным требованием, чтобы ВЦПС взял обратно свою декларацию о поведении генерального совета, на заседаниях в Берлине им пришлось примириться с создавшимся положением так как массы не допустили бы разрыва отношений с союзами СССР. В Германии точно так же проявляется после империалистической войны тенденция к перестройке движения на производственной основе. Генеральная комиссия геверкшафтов сменяется всегерманским объединением геверкшафтов внутри движения намечаются уклоны в сторону революционирования тактики и политики союзов, появляются коммунистические ячейки. Здесь рост революционных течений идет параллельно с укреплением реакционных позиций вождей, которые энергично борются с коммунистическим влиянием и после посещения Соединенных Штатов подражают все больше и больше политике американских союзов (создание рабочих банков, соглашения о совместной с капиталистами работе) Эти реакционные тенденции, однако, лишь заостряют борьбу внутри союзов, отнюдь не уничтожая революционных влияний. В течение 1925 и 1926 г.г. в ряде союзов коммунистическая партия Германии одержала заметные успе-

хи и добилась руководящего положения. Во Франции происходит раскол на два союзных лагеря—реформистскую всеобщую конфедерацию труда и унитарную конфедерацию труда, при чем последняя становясь все определеннее на почву революционной классовой борьбы, перестраивается на производственной основе. Здесь унитарная конфедерация труда в состоянии была весной 1926 г. провести ряд стачек, показавших, что ее влияние сильно возросло (напр., стачка металлистов парижского района, где унитарный союз насчитывает всего 6.000 членов, но где по призыву его забастовало свыше 100.000 рабочих-металлистов).

Процесс перестройки заостряет внутрисоюзную борьбу течений в мировом масштабе. Эта борьба идет по линии борьбы за международное единство, при чем революционные элементы всех союзов сплачиваются вокруг знамени единства и тяготеют все больше и больше к руководящим этой борьбой союзам СССР, а элементы реакционные, сопротивляющиеся под руководством правых деятелей Амстердамского Интернационала установлению единства, стремятся опереться на американские, созданные покойным Гомперсом, союзы. Последние представляют собою крайнее выражение классового сотрудничества. Союзы в Соединенных Штатах, объединяющие исключительно малочисленные группы высококвалифицированных рабочих, подкупленных и развращенных американским капиталом, открыто отказываются от борьбы с капитализмом и проповедают организацию рабочих банков, как средства поставить промышленность под контроль союзов. В течение 1925 и 1926 г.г. когда союзы СССР установили прочные связи с рабочей массой Англии, Франции, Германии, Бельгии, Австрии, Норвегии, Финляндии и др. стран, деятели реакционного течения пытались не только связаться с американскими союзами, но и перенести практику последних на европейскую почву. Процесс перестройки идет, таким образом, диалектически, путем накопления противоречий внутри самого движения.

Ф а з а в к о м ы. В этом процессе перестройки движения старые формы организации сохраняют известное влияние еще и после того, как условия, их породившие,

сходят на-нет. Надстройка, раз сложившись, продолжает влиять на ход развития классовых отношений. Аппарат профессионального движения подвергается изменениям далеко не в той степени, в какой в определенные моменты назревают новые настроения в объединяемой им массе. Поэтому в движении начинают появляться образования нового типа, противопоставляемые массе союзному аппарату. Накануне Октябрьской революции такие новообразования в России приобрели форму фабрично-заводских комитетов, которые в то время, будучи более подчинены большевистскому влиянию, последовательнее союзов вели классовую борьбу. В Англии с 1915 г. появляются «рабочие комитеты» или «комитеты делегатов от мастерских» (шоп-стюарды) как соперники П. с. через голову последних ведущие классовую борьбу и в этой борьбе объединяющие рабочую массу. В Германии фабзавкомы появляются в роли соперников союзов в конце империалистической войны.

Результаты таких новообразований не всюду оказываются одинаковыми. В России они быстро превращаются в основу союзной организации. Фабзавком становится первичной союзной ячейкой, объединяющей членов союза на самом предприятии. Этому содействует диктатура пролетариата обеспечивающая возможность полного участия рабочих в хозяйственной жизни, возможность перехода через рабочий контроль к участию в управлении в его различных современных формах. В Англии после всеанглийского съезда шоп-стюардов и рабочих комитетов в 1917 г. эти как там их называли, «всесоюзные» организации сходят на-нет, частично превращаясь (у металлистов и в некоторых других союзах) в аппарат по собиранию членских взносов и информации членов союза о решениях союзных органов. В Германии социал-демократия делает попытки превращения фабзавкомов в органы содействия предпринимателям в деле повышения производительности труда, при чем эти попытки увенчиваются лишь частичным успехом, и фабзавкомы все еще остаются угрозой реформистским союзам. Но всюду фабзавком играет роль фермента содействующего перестройке профессионального

движения на началах производственного объединения.

Правовое положение. Буржуазное право начало с того, что отрицало допустимость профессиональных объединений рабочих. В 1799 г. в 1800 г. в Англии коалиции работников наемного труда были совершенно запрещены. Потребовалась длительная борьба рабочих с этим запретительным законодательством, чтобы в 1824 г. а затем, окончательно, в 1825 г. это законодательство было заменено законодательством ограничительным, допускающим на известных условиях существование П. с. Во Франции в эпоху Великой французской революции точно так же имело место запретительное законодательство. Принятый в июне 1791 г. закон Шапелье запрещал совершенно какие бы то ни было объединения рабочих. Столь же категоричен был и закон 1803 г. замененный в У. К. Наполеона 1810 г. ст.ст. 414—416. Эти статьи (особенно ст. 415) карали заключением в тюрьме сроком от двух до пяти лет руководителей коалиции рабочих и сроком от одного до трех месяцев—участников последней. Лишь законом Вальдек-Руссо в 1833 г. эти меры сменяются ограничительными. В России всякая попытка создания П. с. была незаконна вплоть до 4 марта 1906 г. Таким образом, во всех случаях, когда под давлением рабочих запретительное законодательство отменялось, оно заменялось законодательством ограничительным.

В настоящее время легальное существование П. с. в законодательстве всех буржуазных стран обуславливается рядом требований, ограничивающих права союзов. Напр., последний английский закон (*Trade Union Act 1912 г.*) устанавливает ограничение для тред-юниона в деле организации политического фонда правом каждого отдельного члена союза требовать выделения его из числа платящих «политический взнос» и необходимостью для союза иметь два отдельных фонда: общесоюзный и политический.

Эта трактовка П. с. буржуазным правом вскрывает его основной характер. В капиталистическом обществе он является «органом бунта против капиталистической системы» (Веббы), органически неприемле-

мым для этого общества, и потому—поскольку его невозможно уничтожить—законодательство вводит его в определенные рамки. В системе правовых отношении капиталистического общества П. с. представляет собою чужеродный элемент, который окружается толстым слоем защитных мероприятий, способных временно ослабить разлагающее влияние его на всю капиталистическую организацию. Совершенно понятно, что в системе правовых отношений, свойственных переходному периоду, периоду диктатуры пролетариата, профессионалы движению в целом и каждому отдельному П. с. принадлежат уже совершенно иная роль и место. П. с. входит органически в систему этих новых правовых отношений, становится узаконенным правомочным участником во всей хозяйственной, общественной и политической жизни. Т. К. устанавливает в СССР права П. с. на участие в организации и управлении производством, на регулирование хозяйственной жизни. Советская конституция предусматривает непосредственное участие П. с. в органе советской власти (представительство в советах).

А. Чекин (В. Яроцкий)

ПРОЦЕНТЫ — понятие более узкое, чем «рост» («Zins»), «интерес» («Rente»), означает лишь «вознаграждение за пользование чужими деньгами». Исторически рост как вознаграждение за вещь плодотворно приносящую, в первую очередь—хлеб (прирост), скот (приплод) и т. д., гораздо старше П. Первые «ростовщики» относятся к древнему обществу, когда только что начиналась эксплуатация человека человеком. Древние греки (Геродот) рисуют дело так что беднейший земледелец («крестьянин») к весне не имея хлеба, занимал у богатого («кулака») хлеб с обещанием вернуть свой долг из свежего урожая. Первый, рассуждает он спасая от голодовки, а второй получил из нового урожая вместе старого свежий хлеб и оба были довольны. Но хлеб дает прирост и вместе с возвратом хлеба благодетель потребовал и его прироста, если же дан был в ссуду скот, то и его приплода. Нравы первоначального накопления были весьма суро-

вы, и сведения о размерах этого прироста показывают, что они значительно превышали всякий «естественный прирост». Мы знаем, что законодательство Солона, сводящееся к аннулированию П. с. крестьянских долгов, этим на время спасало крестьянство. Одновременно с развитием торговли появляется и рост на деньги, только он вначале нигде не имел характера П. с.-е. дохода «со ста» хотя и представляет аналогию с естественным приростом.

Классовая борьба древнего мира сводилась к борьбе между должником и ростовщиком (кредитором). Не только отдельные должники, но и целые общины попадали в лапы этих ростовщиков, и мы имеем данные о П. на такие долги общин или городов в размере 48% и выше. В те времена революции предупреждались или сопровождалась понижением роста П., законами о разрешении взимания П. или о понижении их, законами об аннулировании накопившихся П. и т. д. Только о Катилине сообщают что он выставил лозунг аннулирования самих долгов, и этим объясняется особая ненависть к нему всего богатого мира Рима¹⁾.

Так, напр., римский закон XII таблиц—результат революции—ограничил рост до $5\frac{1}{3}\%$ в год. В 342 г. до нашего летосчисления, по Ливию, будто бы вышел закон, вообщем запрещающий рост П. По этот закон обходили, не выполняли, а когда в 89 г. некий претор Л. Семпроний Азелно в своей «судебной платформе» обещал применение этого неотмененного еще закона, то взбудораженные ростовщики его на форуме просто убили. Мы в позднейшем римском праве находим для денежных займов закон о максимальном П. в 12, но рост земледельческий, т.-е. продуктами, оставался законным до 50%. Однако этот закон, дважды повторенный (325 и 386 г.г.) оставался все же только на бумаге, поскольку он противоречил течению экономической жизни²⁾.

1) В Риме тогда было централизовано столько денег, что после успокоения умов и подавления «заговора» Катилины общая процентная норма понизилась до 6% в год.

2) Богатый сводный материал о росте древних Греции и Рима см. Gustav Billeter. „Geschichte des Zinsfußes im griechisch-römischen Altertum bis auf Iustinian“. Leipzig.

Средние века отличаются борьбою против всякого роста. Часто это приписывают влиянию церкви и священного писания. Идеологически это может быть и так, но по существу это течение соответствовало интересу господствующего класса, феодального землевладения, все более и более стесняемого городемким ростовщиком, нарастающим ростовщическим капиталом. П. из вознаграждения за пользование превращается в П. за просрочку, за несвоевременный возврат, пеню, в каковом виде он в Германии уже в XIII—XIV столетиях доходил до 60% в год. Значит, правилом стал беспроцентный кратковременный заем, но с высоким П. — пеню за просрочку возврата денег. Интересно, что во Франции до революции по закону вообще всякий процентный заем считался ростовщическим и что только революционный декрет 3 октября 1789 г. допустил, как максимум, 5%. Правда, конвент (декрет 11 апреля 1793 г.) снова выступил против роста и особенно против ростовщического неденежного характера, но при обесценении бумажных денег П. на деле естественно был чрезвычайно высок. «Кодекс Наполеона» как противник всякой «нормы» в первоначальной редакции допускает превышение законного П., но только при условии письменного договора. Можно сказать, что правовую свободу взимать П. во Франции принесла буржуазная революция.

В дальнейшем дача П. в капиталистическом обществе превращается в естественное качество вещи или товара «деньги», и для буржуазных экономистов остается только найти надлежащую теоретическую подкладку. Известный Бем Баверк рассуждает: «Если 2000 л. тому назад философы (Аристотель) во имя стесненных бедных должников поставили вопрос о справедливости «роста», то ныне во имя бедных наемных рабочих экономисты выдвигали вопрос: справедливо ли и естественно, что из продукта труда кто-либо иной, кроме производившего его рабочего, получает какую-либо долю?» И тут-то возникали всякие причудливые теории П., как результат «производительности» самого капитала: вознаграждение за пользование им

(со стороны заемщика), вознаграждение за непользование им со стороны кредитора (теория воздержания) и т. д. Маркс дал исчерпывающую критику всем им, а равно и показал действительный характер П., как средней нормы прибыли (на основе присвоения прибавочной стоимости). На законодательстве теории экономистов мало отразились, ибо конкуренция капиталов сделала свое дело, средний П. понизился и его норму устанавливали уже банки, а не законы. Осталось понятие узаконенного процента для суда, когда не было условленного П., при чем этот узаконенный П. у нас составлял до революции 6% в год, во Франции—5%, и т. д. Имеются законы против ростовщичества (см.) как промысла, или против отдельных, особенно кабальных (см.) сделок по при абстрактности обязательств буржуазного мира теряется всякая возможность доказать ростовщичество и эти законы мало действительны. Падение валюты во время и после войны внесло в большинстве стран такой хаос в хозяйственную жизнь, что тут говорить о каком-либо законе или праве не приходится.

Наш гражданский оборот (см.) ввел снова и П. Надо сказать, что особенно осторожно мы подходили к вопросу о П. в нашем законе. Правда, Г. К., как общее правило, ввел только то, что при отсутствии договорного П. в случаях, когда «на долг, согласно закону или договору, должны начисляться П., таковые исчисляются в размере 6% в год с суммы долга в золотом исчислении» (см. Г. К., ст. 110). Но ст. 121 Г. К. определяет, что в случае просрочки просрочивший обязан во всяком случае платить узаконенные П., если в договоре не установлен более высокий размер П. в обороте уже завоевал прочное место. Но сверх П. в договорах стала играть более заметную роль пеня за просрочку, которая доходила и доходит поныне т.-е. и по установлении твердого курса денег, до 1½% в день, или даже 100% в неделю и т. д. (см. Неустойка и Пеня). По положению о векселях полагается по протестованному векселю 6 со ста П. в год и 3% в год пени. В случае, когда один местный суд по денежному долгу присудил 3% в месяц «оборотной прибыли» гр. кас. кол. Верховсуда на основании ст. 121 Г. К. этот

размер изменила в 6% годовых. В. У. К. имеет статью против ростовщичества, как промысла.

И. Стучки

ПРОЦЕСС — ем. Судопроизводство.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Мысль о том, что право есть явление, связанное с человеческой психикой, что в психике индивида или коллектива право отражается и преломляется—эта мысль не нова. Большинство юристов признает это в той или иной форме и во всяком случае не пытается серьезно оспаривать это положение. Своеобразие И. школы заключается в том, что она психический момент из второстепенную делает исходным и основным. Право не только проходит через психику, оно порождается психикой. Еще Бирлин для обоснования своего учения о праве, как о нормах поведения, признанных обществом, пришел к И. пониманию права. Однако психический момент находится у него еще на втором плане. Впервые вполне категорически приоритет психическому моменту отдается в Германии Людвигом Кнаппом, а в России проф. Петражицким. Для И. Кнаппа в основе правовой мотивации лежит особое мышление, отличное от созерцающего, которое раздражает нашу мускульную систему и таким образом вызывает соответствующие действия и поступки. Этот вид мышления в процессе эволюционного развития разрастается в целую систему особых представлений, фантазмов или, как картинно выражается сам Кнапп, превращается в «фантастическую растительность права», которая получает самостоятельное существование и тенденцию к дальнейшему саморазвитию. Итак, право по Кнаппу является идеологической надстройкой, фантазмами, которые представляют из себя мотивационный аппарат приспособляющий физиологическую деятельность человека к наиболее общим потребностям человеческого рода.

И. теория права проф. Петражицкого является наиболее разработанной.

Петражицкий исходит из того положения, что право есть чисто психический феномен, и лишь только в силу недоразумения и незнания относительно действительной сферы его бытия юристы и философы помещают

право в пространстве, над или между людьми, в социальной среде и т. п. В то же время, с точки зрения проф. Петражицкого, право не укладывается ни в одну из рубрик господствующего учения психологии, поэтому проф. Петражицкий предложил собственную психологическую теорию.

Внутренние переживания, которые, подобно голоду, жажде и т. д. имеют двойственную пассивно-активную природу, содержат элементы и чувства и воли, следует, по мнению Петражицкого, объединить в один основной класс психических феноменов, по признаку указанной двухсторонней природы, противопоставляя их односторонним элементам психической жизни, имеющим односторонне-пассивную (познание и чувство) или односторонне-активную природу («воля»).

Этому классу явлений проф. Петражицкий дает особое условное краткое имя — эмоция (импульс).

Их особенность в том, что они вызывают особые акции (действия): эмоции голода — течение слюны, схватывание пищи, появление желудочного сока и т. п.; эмоция будительно-вставательная — напряжение мускулов, поднимающих тело и т. д. Жизнь животного мира и, в частности, высшего его представителя *homo sapiens* в подавляющей массе своих функций управляется не сознательной волей, а незримыми пружинами-эмоциями, которые в подсознательной сфере руководят поведением, давая правильные бессознательные реакции на явления внешней среды, и вызывают таким образом высшую биологическую функцию сохранения жизни и продолжения рода.

Реформировав, т. о., психологию, проф. Петражицкий переходит затем к праву и читается при помощи только что добытых им знаний реформировать и эту область знания.

На ряду со специально направленными эмоциями имеются и такие играющие важную роль эмоции, которые сами по себе не определяют не только частностей, но даже и общего характера и направления акций и могут служить побуждением к любому поведению, а именно: они побуждают к тем действиям, представлением коих переживается вместе с ними. Такие эмоции

проф. Петражицкий называет абстрактными или бланкетными эмоциями. Если функционирование специальных эмоций носит самостоятельный характер, является активным началом или, иначе говоря, представляет пружины поведения, то бланкетные эмоции пассивны, бледны. Люди начинают функционировать только в том случае, если к ним обращаются с просьбами, приказами, запретами и т. п. Эти эмоции, не имеющие своих predetermined, специфических акций и побуждающие к таким действиям, представление коих переживается в связи с эмоцией, проф. Петражицкий называет этическими эмоциями, вызывающими нравственное и правовое поведение.

Характер и направление нашего поведения определяются содержанием связанного с эмоцией представления повеления (акционного представления).

Эти эмоции обладают своеобразным, митически-авторитетным характером, переживаются, как внутренняя помеха свободе, как давление в сторону того поведения, с представлениями коего сочетается соответствующая эмоция.

Все категорические с высшим авторитетом веления, запреты, поощрения и т. п. суть не что иное, как продукты эмоциональной проекции, своеобразной эмоциональной фантастики.

Этические переживания есть родовое понятие для двух видов других переживаний — обязанностей нравственных и правовых.

Такие обязанности, которые сознаются свободными по отношению к другим, но которым другим ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных, проф. Петражицкий называет нравственными. Такие же обязанности, которые сознаются несвободными по отношению к другим, закрепленными за другими, но которым то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне, как нечто ей должное, проф. Петражицкий называет правовыми или юридическими понятиями. Поэтому права и правоотношения не представляют чего-то отдельного и отличного от правовых обязанностей. То, что с точки зрения одной стороны называется

ее правовой обязанностью, с точки зрения принадлежности другому называется его правом, а со стороны, с точки зрения третьего лица, является правоотношением между сторонами.

Одни нормы устанавливают по отношению к другим обязанности, авторитетно предписывают нам известное поведение, но не дают другим никаких оснований к притязаниям на исполнение. Эти нормы проф. Петражицкий называет чисто императивными.

Но есть другие нормы, которые, устанавливая обязанности для одних, закрепляют эти обязанности за другими, дают им право притязания. Такие нормы проф. Петражицкий называет обязательно-притязательными, императивно-атрибутивными. Чисто императивные нормы — это нравственные нормы, а императивно-атрибутивные нормы — правовые, юридические нормы.

Нравственность — это императивное переживание, право же — императивно-атрибутивное переживание.

П. школа нашла себе сторонников и за границей (в Германии Ленинг, во Франции Левин и др.). В России проф. Рейснер стремится построить П. теорию права на марксистском основании. Проф. Рейснер полагает, что «идеология» как совокупность идей, принципов, норм и идеалов подлежащих воплощению в общественной деятельности человека, является «постоянным спутником всякой общественной деятельности, организации и налагает специфическое клеймо на их сущность». Поэтому, говорит он, «проблема права и государства есть с этой стороны проблема идеологическая, а вместе и психологическая». Право для Рейснера сводится к фикциям или юридическим построениям. Проф. Рейснер считает, что общественность тесно связана не с психологическим, как особенно ярко выражено у Петражицкого, а с идейным идеологическим процессом, который, будучи созданием психологии в то же время обладает и своеобразной и особой реальностью. Реальность правовой идеологии заключается в том, что она имеет социальное значение, так как создана людьми, как массовая реакция на внешние раздражения под влиянием опре-

деленных реальных причин, выражений во внешних символических движениях, предметах и сооружениях внешнего мира, и в свою очередь обладает мотивационной силой, порождающей то или иное индивидуальное или коллективное поведение.

Самый беглый анализ основных юридических положений П. школы приводит к убеждению в том, что она «ставит вещи на голову». Так, «субъективное право» настолько раздвигает в ней свои границы, что захватывает совершенно чуждые явления. Объективное право, а следовательно и весь правопорядок, если следовать логике этого направления, оказываются фикцией и по существу комплексом ощущений индивида. Согласно этому субъектами прав и обязанностей могут быть не только физические и юридические лица, но и классы таковых, роды, виды, животные, мифологические существа и т. д., объектами же прав и обязанностей служат только действия. Само государство с точки зрения Петражицкого является не более, как правовым фантазмом, а собственность не общественным отношением, а психическим переживанием. Точно так же и по Рейсиеру — «Государство, как социальное явление, представляется преимущественно процессом, в котором главное место принадлежит идеологии» («Ист. и Революц.» за 1925 г. № 4). Совершенно очевидно, что П. т. ничего общего не может иметь с марксизмом, видящим в праве, прежде всего, систему общественных отношений. Ближе всего это направление к реакционным психологическим и релятивистическим направлениям в буржуазной психологии и психопатологии (Я. Уорд Джемс Фрей).

К. Яичков

ПУТИ СООБЩЕНИЯ. Значение П. для государства очевидно. Стало уже шаблонным сравнение их с кровеносной системой животного организма. Уже на одном взгляду на сеть П. с. какого-либо государства можно безошибочно судить о развитии его промышленности и торговли. Чем гуще эта сеть тем на более высоком уровне экономического развития стоит данная страна.

П. с. разделяются на сухопутные (железнодорожные, шоссейные или грунтовые) водные (морские и речные) и воз-

душные. Каждая из этих категорий имеет свои особенности и свое значение в жизни государства.

Воздушные П. с. используются пока для перевозки только пассажиров и почты.

П. с. позволяют лучше организовать управление государством и руководит действиями органов власти в самых отдаленных районах страны, приближая их, благодаря скорости передвижения, к центру. Хорошо развитые П. с. дают возможность сократить расходы на содержание армии путем численного уменьшения, которое является вполне возможным при наличии условий для быстрой переброски войск из одного района в другой, и использования этим путем меньшего их количества на большей территории.

Во время войны П. с. приобретают исключительно важное значение. По ним перевозятся войска, по ним подвозятся вооружение, снаряжение, обмундирование и продовольствие для армии, по ним направляются подвижные крепости — бронированные поезда и автомобили. — а ружья вверху аэропланы производят разведку в тылу противника и предупреждают о скоплениях неприятельских войск, о местонахождении вражеской артиллерии и укреплений и т. д. сбрасывают бомбы и превращаются из средства передвижения во время мира в страшное орудие войны.

Такое значение П. с. заставляет причислить их к важнейшим командным высотам, находящимся в распоряжении государственной власти. Это понял рабочий класс, объявивший после Октябрьской революции 1917 г. все железные дороги и пароходства национализированными, т. е. собственностью государства. Следует отметить, что и до революции царское правительство допуская частных капиталистов к постройке и эксплуатации железнодорожных линий, ограничивало, однако, право на постройку их обязанностью получить специальное разрешение и подчиняло эксплуатацию частных железных дорог специальному контролю. В странах Европы точно так же частные железные дороги находятся под контролем органов правительства.

Это исключительно важное значение П. с. для страны явилось причиной того,

что наш транспорт пострадал во время гражданской войны гораздо больше, чем какая-либо другая отрасль народного хозяйства. Белогвардейские генералы при помощи иностранных капиталистов приложили все свои силы к тому, чтобы как можно больше разрушить наши П. с. и тем остановить всю хозяйственную жизнь нашего государства и обречь трудовое население СССР нужде и лишениям на долгий срок. Если мы вспомним, в каких размерах выразилось разрушение транспорта за время гражданской войны, то мы должны будем каждый раз признавать всю исключительную трудность которую пришлось преодолеть для его восстановления, и весь небывалый героизм рабочего класса с помощью которого стало возможно решение этой огромной задачи в тяжчайших условиях послевоенной разрухи.

За период 1918—1920 гг. было взорвано, разрушено, сожжено и уничтожено всякими другими способами: железнодорожных металлических мостов около 4.200, общей длиной свыше 120 километров, станционных ж.-д. зданий и гражданских сооружений свыше 5.000, телеграфных и телефонных аппаратов свыше 20.000 телеграфных и телефонных линий и другого телеграфного имущества на 15.000.000 зол. рублей, железнодорожных мастерских и др. строений общей площадью 570.000 кв. метров.

из-за вызванных войной бедствий, исчислялось многими тысячами и превысило 60% всего нашего паровозного парка. Число уничтоженных товарных и пассажирских вагонов равно многим десяткам тысяч. Процент больных товарных вагонов повысился до 25, пассажирских—до 42. Общий тоннаж судов нашего торгового морского флота уменьшился на 69%, речного непарового—на 50% и парового на 22%. Убытки от гражданской войны и иностранной интервенции выражаются в миллиардах зол. рублей.

В настоящее время СССР располагает таким протяжением П. с. железных дорог всего 74.728 километров (в том числе 1.258 километров узкоколейных), водных путей 267.576 километров, шоссеиных дорог 16.341 километров, воздушных линий 5.964 километра.

Эти значительные цифры оказываются очень маленькими по сравнению с огромной площадью, занимаемой СССР и равняющейся одной шестой части суши всего земного шара.

Следующая таблица показывает пропорцию, в которой находятся железные дороги СССР к площади его территории и к численности населения в сравнении с крупнейшими государствами Европы, к числу которых прибавлена Бельгия, имеющая самую густую железнодорожную сеть:

С т р а н а	Площадь территории (кв. км.)	Численность населения (человек)	Протяжение ж.-д. сети (километр.)	Приходится км. ж.-д. пути	
				На 100 кв. км. террит.	На 10.000 жителей
Англия	230.543	43.000.000	30.576	13,3	7,1
Франция	550.985	39.000.000	41.422	7,5	10,6
Германия.	470.115	62.500.000	52.288	11,1	8,4
Бельгия	30.441	7.600.000	4.940	16,5	6,5
СССР •	21.585.925	159.000.000	74.728	0,35	4,7

45.000 километров ж.-д. пути находились в сфере военных действий и разрушались всеми способами вплоть до снятия рельс и шпал и уничтожения насыпи, при чем многие участки из этих 45.000 километров разрушались неоднократно. В 1921 году количество уничтоженных сваленных под откосы и всеми другими способами выведенных из строя паровозов, включая те, ремонт которых не мог быть произведен

Из этой таблицы видно, как еще ничтожна наша железнодорожная сеть, и сколько сотен тысяч километров ж.-д. линий нам нужно построить, чтобы охватить всю огромнейшую территорию нашего государства.

Из всех видов транспорта железные дороги должны быть поставлены на первое место по скорости передвижения пассажиров и грузов, независимости их от климатич-

ческих, атмосферных и сезонных условий. удобства и безопасности.

В 1 сутки пассажир может проехать: по железной дороге до 2.000 километров, на океанском пароходе до 1.000 километров, на речном пароходе до 350 километров, на лошады до 150 километров.

Наибольшей скоростью обладают конечно, аэропланы, летающие до 400 километров в час но рассматривать их, как средство массовых перевозок, пока нельзя (больше 125—150 пассажиров и нескольких десятков тонн груза аэропланы не поднимают, при чем стоимость перевозки крайне высока).

О безопасности передвижения по железным дорогам можно судить по данным статистики, которая считает на нашей с

ти 1 смертельный несчастный случай на 105.500.000 пассажиро-километров.

Основной задачей перед всеми видами П. с. стоит удешевление и ускорение перевозок.

Управление всеми П. с., кроме воздушных, сосредоточено в Народном Комиссариате Путей Сообщения СССР (см.).

На 1 января 1927 г. НКПС имеет соглашения о прямых международных сообщениях со следующими государствами: Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Германией, Бельгией, Францией, Австрией, Чехо-Словакией, Италией, Турцией, Персией, Китаем и Японией. Число прямых международных сообщений сухопутных и морских в которых участвует СССР, достигает 17.

Г. Сверчков

Р

РАБКРИН — см. Наркома1 РКН.

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ. Организм человека для сохранения своей жизнедеятельности и нормальной работоспособности нуждается в регулярных перерывах в работе. Отсюда вытекает чисто-физиологическая необходимость ограничения продолжительности рабочего дня определенными максимальными пределами. Несоблюдение этого основного требования охраны труда (см.) влечет за собой не только повышение заболеваемости работающих и значительный рост числа несчастных случаев (см.), связанных с работой, но и определенное понижение производительности труда. Наличие тесной связи между длиной рабочего дня и интересами самой промышленности неоднократно отмечалось целым рядом даже буржуазных ученых, экономистов и статистиков. Однако в капиталистических странах Р. в. фактически регулируется конечно, не отвлеченными соображениями об охране труда или о рационализации производства, а силой пролетарских организаций и их реальными достижениями в отношении рабочего законодательства.

История царской России обнаруживает весьма ясный параллелизм между развитием рабочего законодательства и интенсивностью стачечного движения. Единственный закон в этой области—закон 2 июня 1897 г. был издан в результате целого ряда забастовок, разлившихся широкой волной по всей России, начиная с 1894 года. Этому закону посвятил обстоятельную брошюру напечатанную в Женеве и распространившуюся нелегально в России, В. И. Ленин. Самое издание закона он объясняет просто и ярко следующими словами: «Новый фабричный закон точно так же вынужден рабочими в правительства, точно так же отвоёван рабочими у их ближайшего врага, как и изданный 11 лет тому назад закон 2 июня 1886 г. о правилах

внутреннего распорядка, о штрафах, о расценке и т. д.» («Новый фабричный закон», собр. соч., т. I, стр. 304).

Закон 1887 г. ограничивал Р. в., при дневной работе, 11½ часами в сутки, по субботам же и в кануны праздников, а также при ночной работе—10 часами. При этом широко допускались сверхурочные работы. Несмотря на то, что фактически Р. в. было в подавляющем большинстве предприятий несравненно ниже норм, установленных законом 1897 г., дальнейшее сокращение норм Р. в. в законодательном порядке не имело места ни при царской власти, ни при временном правительстве 1917 г.

В период революции 1905 года Петербургский Совет рабочих депутатов пытался революционным порядком провести восьмичасовой рабочий день, но однако завоевание это было уничтожено в связи с локаутом (см.) предпринимателей и дальнейшим разгромом революционного движения. В эпоху же империалистической войны даже чрезвычайно широкие нормы закона 1897 г. стали казаться предпринимателям чрезмерно стеснительными, и министру торговли и промышленности было предоставлено право разрешать отступления от правил закона 1887 г. фабрично-заводск., горным и горнозаводским предприятиям, изготовляющим предметы, необходимые для государственной обороны.

На Западе борьба рабочих за законодательное сокращение рабочего дня началась еще в период ремесла, но более значительное развитие получила при капитализме.

Впервые выдвинул лозунг 8-часового рабочего дня, как одно из основных требований пролетариата, еще Карл Маркс в начале 50-х годов прошлого столетия. Первый съезд II Интернационала в 1889 году вынес постановление о борьбе за законодательное проведение 8-часового рабочего дня.

К 1914 г.—к моменту начала империалистической войны—ни в одной стране мира

не было проведено закона о 8-часовом рабочем дне (фактически 8-часовой рабочий день являлся господствующим лишь в Австралии)

Но окончании же мировой войны в связи с подъемом революционного рабочего движения, почти повсеместно был фактически проведен 8-часовой рабочий день. Ряд правительств пошел на определенные уступки в области законодательной охраны труда и, в частности, на издание законов о 8-часовом рабочем дне. Так, в течение 1917—1919 г.г. были приняты законы о 8-часовом рабочем дне в следующих государствах: в Финляндии (27 ноября 1917 г.) при чем принятый советской властью закон сейчас же после ее падения был отменен контрреволюционным правительством, в Норвегии (14 августа 1915 г., вступил в силу через год), в Германии (о Р. в. промышленных рабочих 23 ноября 1918 г., а 1—18 марта 1919 г. для торговых служащих), затем в Швеции, Люксембурге Чехо-Словакии в Польше Австрии Голландии Испании.

На Вашингтонской конференции, созванной Международным Бюро Труда в 1919 г., был выработан проект конвенции о 8-часовом рабочем дне (48 часов в неделю), который должен был быть затем (не позже 1 июля 1922 г.) ратифицирован всеми странами, входящими в Лигу Наций (см.). Однако в течение истекших с тех пор почти 8 лет конвенция о рабочем дне ратифицирована только Болгарией, Грецией, Голландией, Румынией, Чехо-Словакией и Чили, т. е. только несколькими второстепенными государствами.

Хотя в отдельных государствах уже до Вашингтонской конференции были проведены законы о 8-часовом рабочем дне, однако уже очень скоро началось резкое наступление капитала на все послевоенные экономические завоевания рабочего класса и в первую очередь на продолжительность рабочего дня.

И повсюду в капиталистических странах 8-часовой рабочий день был сведен на-нет.

В Германии постановление от 21 декабря 1923 г., оставляя «в принципе» 8-часовой рабочий день, предусматривает широкую возможность удлинения Р. в. сверх этой нормы, в частности, удлинение рабочего дня до 10 часов в день по коллективным договорам. Ликвидируя 8-часовой рабочий день

Германия мотивировала это тем, что союзники своим грабительским Версальским договором заставили ее пойти по пути максимального повышения производительности. Между тем, союзные правительства утверждали, что план Дауэса (план превращения Германии чуть ли не в колонию стран-победительниц) предусматривает сохранение прежнего Р. в., и что одной из главных причин, по которой и в Англии, и во Франции до сих пор не ратифицируется Вашингтонская конвенция, является опасность конкуренции со стороны других стран и в первую очередь Германии.

В Англии для взрослых рабочих до последнего времени законодательно декретирован был только 10-часовой рабочий день на текстильных фабриках и 7-часовой для горняков, вообще же максимум Р. в. для взрослых рабочих не закреплен, и нередко встречаются случаи и 11-часового рабочего дня. Законодательный предел рабочего дня горняков повышен до 8 часов во время германской стачки 1926 г., и английские горняки принуждены ныне работать на 1½ часа больше, чем до общей английской стачки.

В Северо-Американских Соединенных Штатах регулирование Р. в. относится к компетенции отдельных штатов. Законодательство в малой степени регулирует Р. в. взрослых рабочих. По сравнительно свежим цифровым данным, в Соединенных Штатах 70 часов и более в неделю работает около 20% всех рабочих, 8-часовой рабочий день имеет лишь всего 1½ процента, и имеются даже рабочие, работающие по 98 часов в неделю.

Во Франции 8-часовой рабочий день, «принципально» установленный еще в 1919 году, на практике осуществляется посредством издания различного рода декретов и постановлений, публикуемых за подписью президента для различных отраслей промышленности после предварительного обсуждения их с представителями нанимателей и рабочих. Все эти постановления оставляя «в принципе» 8-часовой рабочий день, содержат целый ряд существенных изъятий и исключений временного или постоянного характера.

В Италии социальная программа борющихся за власть фашистов содержала в себе обещание законодательного проведения 8-часового рабочего дня. Действительно

некоторое время в фашистской Италии формально существовал 8-часовой рабочий день, хотя путем соглашений между предпринимателями и рабочими допускалось увеличение Р. в. до 60 часов в неделю. Но в дальнейшем, когда фашистское правительство укрепило свою власть, был издан закон 29 июня 1926 г., которым в Италии введен для всей промышленности 9-часовой рабочий день.

производства по изготовлению свинцовых белил). Вместе с тем, действующим советским законодательством радикально ограничено применение сверхурочных работ, которые сравнительно свободно допускались в годы гражданской войны.

Фактическая продолжительность рабочего дня в России за последнее десятилетие может быть рассмотрена из следующей таблицы:

Рабочее время за 1913—1924 годы.

Г о д ы	Средний рабочий день			
	Урочный (в часах)	Сверхурочн. работа (в часах)	О б щ и й	
			Абсолютно (в часах)	Относ. (в % к 1913 г.)
1913	9,70	0,30	10,0	100
1914	9,53	0,20	9,7	97
1915	9,50	0,16	9,7	97
1916	9,74	0,18	9,9	99
1917	8,76	0,13	8,9	89
1918	8,13	0,37	8,5	85
1919	7,90	0,40	8,3	83
1920	7,80	0,80	8,6	86
1921	7,80	0,70	8,5	85
1922	7,61	0,29	7,9	79
1923	7,52	0,28	7,8	78
1924	7,61	0,19	7,8	78
1925	7,42	0,18	7,6	76

Единственной страной в мире, где действительно осуществлен лозунг 8-часового рабочего дня, является СССР. После февральской революции 1917 г. временное правительство, при социал-демократических руководителях министерства труда (с мая 1917 г.), упорно отказывалось издать закон о 8-часовом рабочем дне, несмотря на то, что в подавляющем большинстве промышленных предприятий рабочие явочным порядком осуществили это основное революционное завоевание. Советская же власть уже на четвертый день после свержения временного правительства издала декрет о 8-часовом рабочем дне.

Согласно действующему советскому законодательству, для всех лиц физического труда установлен 8-часовой рабочий день, а для лиц конторского и умственного труда, не связанных непосредственно с производством,—6-часовой. Помимо того, целый ряд профессий, занятых на вредных работах, пользуется сокращенным рабочим днем, начиная с 7 и кончая 3 часами (в некоторых отделениях совершенно вредного

Р. в. в СССР составляет к 1926 г. только около $\frac{3}{4}$ довоенного и, включая сверхурочные, не достигает в среднем 8 часов, ибо приходится учитывать категории работников с сокращенным рабочим днем. Число сверхурочных падает значительно в последние годы, давая сейчас величину раза в четыре меньше, чем в 1920 году. Советская власть и профсоюзы продолжают самым неуклонным образом бороться со сверхурочными работами. Невозможность сейчас полного уничтожения сверхурочных работ объясняется в значительной мере отсутствием на рынке труда некоторых категорий достаточно квалифицированных рабочих и недостатком жилищ для рабочих в целом ряде промышленных районов. Определенную роль играет также недостаточное внимание к этому вопросу со стороны хозорганов, а в некоторых случаях определенное стремление их увеличить заработок своих рабочих и служащих вместо приглашения дополнительных работников.

По советскому законодательству ночное Р. в. должно быть на час меньше, чем

нормальное Р. в в данной категории работников и дневную смену. Вместе с тем, ИКТ предоставлено право, по соглашению с ВЦСНС, запрещать ночные работы в тех предприятиях, где они не вызваны особой необходимостью и особо вредно отражаются на здоровье рабочих. Основным постановлением в этой области является категорическое запрещение ночного труда в пекарнях (за что боролись и борются союзы пиццевиков во всем мире).

Советское трудовое законодательство устанавливает обязательный перерыв во время работы не позже, как через 4 часа после начала работы и продолжительностью от ½ часа до 2 часов (о перерывах для кормления ребенка см Женский труд).

Для всех работников наемного труда установлен в СССР обязательный 24-часовой еженедельный отдых. Дни еженедельного отдыха устанавливаются местными отделами труда по соглашению с советами профсоюзов и могут назначаться как на воскресные дни, так и на любой другой день недели, в зависимости от национально-религиозного состава рабочих и служащих данной местности. Тем из трудящихся, которые по условиям работы не могут воспользоваться общеустановленным еженедельным днем отдыха, отдых должен быть предоставлен в другие удобные для них выходные дни.

Кроме еженедельных дней отдыха, в СССР установлены еще двойного рода не рабочие дни: праздники (Новый год и революционные годовщины) и местные дни отдыха (8 в году).

В СССР всем лицам, работающим по найму непрерывно не менее 5½ месяцев, предоставляется один раз в году очередной отпуск, продолжительностью не менее двух недель (в особо вредных предприятиях—четыре недели, для несовершеннолетних—во всех случаях один месяц).

Предоставление взамен очередного отпуска денежной компенсации допускается только с согласия расценочно-конфликтной комиссии а при отсутствии последней—по соглашению соответствующего органа профсоюза с администрацией. Если очередной отпуск не был использован в данном году не по вине трудящегося, и трудящийся не получил за него компенсации то отпуск следующего года должен быть продлен на неиспользованный срок. Соединение отпусков

более, чем за два года, не допускается, как равно воспрещается непредоставление отпуска и замена его компенсацией в течение 2 лет подряд. Категорически запрещено не предоставление и замена деньгами отпусков несовершеннолетних и дополнительных отпусков по вредности работы. Особо предусмотрена компенсация рабочему при увольнении неиспользованного им отпуска.

Следующая табличка (по данным ЦСУ) показывает в какой степени фактически использовывались очередные отпуска:

Г о д ы	Дней отпуска на 1 рабочего
1920 .	5,8
1921	12,5
1922	10,3
1923 .	12,7
1924 .	12,9
1925	14,0

Местными здравоохранительными и страховыми организациями организованы сотни так называемых «домов отдыха», где рабочие бесплатно проводят свой отпуск в наилучших природных условиях (большая часть старых помещичьих имения, монастыри и т. п.), получают хорошее питание, обучаются физкультуре и пользуются различными культурными развлечениями.

В отношении ежегодных отпусков СССР идет далеко вперед капиталистических стран. В большинстве этих стран вопрос об отпусках разрешается только в порядке соглашения между работодателем и работником или в порядке коллективных договоров. Только в последние годы в некоторых капиталистических государствах изданы законы об отпусках, носящие, однако, в сравнении с советским законодательством, достаточно жадный характер. Большинство иностранных законов об отпусках не распространяется на всех без исключения рабочих и служащих. Австрийские законы 1921—1923 г.г. распространяются на большинство работников физического труда в промышленности и торговле но они не применяются к работникам земли и леса, к поденщикам, домашней прислуге и к некоторым группам служащих. В Италии декрет 1919 г. распространяется только на частных служащих, кроме лиц физического труда, на работающих в общественных предприятиях и на лиц, стоящих во главе предприятий. Латвийский закон 1922 г не распространяется на сельских рабочих, судовые команды, домашнюю прислугу, гос-

пгальных и судебных работников, учителей, полицейских и т. д. В Польше закон 1922 г. не относится к рабочим, работающим меньше 10 месяцев в год, и к предприятиям с числом рабочих менее 4, к сельскохозяйственным, садовым и лесным рабочим, к рыбакам и т. п. профессиям.

Продолжительность отпуска по иностранным законодательствам обычно ниже, а срок работы, дающей право на отпуск, напротив значительно выше, чем в СССР. Так, например, в Австрии двухнедельный отпуск получают служащие только после пяти лет работы, в Польше для того, чтобы получить двухнедельный отпуск, нужно проработать не менее 3 лет, в Финляндии 6 месяцев работы дают право на четырехдневный отпуск.

(О Р. в. подростков см. Детский труд).

(С. Канлу)

РАБСТВО. 1. Общие замечания. Та сумма общественных отношений, которые обозначаются в современной литературе термином Р., обнимают собой как определенную систему отношений производства (Р., как экономическую категорию), так и вырастающую из нее систему правовых отношений (Р., как правовую категорию). Р., как экономическая категория, Р., как рабовладельческое хозяйство, характеризуется тем, что непосредственный производитель является в этом хозяйстве сам простым средством труда (рабом), которое по выражению Маркса, отличается здесь «только как *instrumentum vocale* (как оларенное речью орудие труда), от животного, как *instrumentum semivocale* (лишь наполовину оларенное голосом), и от неодушевленного орудия труда—от *instrumentum mutuum* (немного орудия)». Подобно неодушевленному орудю труда и животному, раб при с в а и в а е т с я владельцем средств производства не на определенный срок, а на все время, в течение которого возможно использование его с производственной целью. С этой точки зрения, Р. приравнивается к присвоению людей—к собственности на человека. Как и всякий другой способ производства, рабовладельческое хозяйство возникает лишь на известной ступени развития производительности общественного труда (см. Крепостное право).

Только при наличии этого условия возможно применение в хозяйстве одной или нескольких посторонних рабочих сил.

Но всякий труд, присвоенный без эквивалента есть труд п р и н у д и т е л ь н ы й, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения («Капитал», III², 348) и возможность затрачивать избыточный труд одна еще не создает присвоения его без эквивалента, а «создает его лишь принуждением, превращающее возможность в действительность» (III² 321).

Поскольку это принуждение является внешнеэкономическим, оно выливается в ту или иную форму отношений господства и подчинения. «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет и форму отношений господства и подчинения, которая вырастает непосредственно из самого производства».

Одной из таких форм присвоения чужого неоплаченного труда и является применение рабского труда. Специфическая экономическая форма, в которой высасывается неоплаченный прибавочный труд раба, как непосредственного производителя—это присвоение самого производителя.

Р., как господствующая форма производительного труда, развилось в таких странах, где старое общинное владение землей уже пало, или, по крайней мере, прежняя общая обработка уступила место частной обработке земельных наделов соответствующими семьями¹⁾.

«Но отдельные общины и союзы, к которому они принадлежали, еще сами не вывели из своей среды свободных излишков сил. Зато их доставляли войны, которые велись издавна, с тех пор, как образовались отдельные и независимые друг от друга общественные группы. Прежде труд военнопленных не умели эксплуатировать и потому их просто умерщвляли, а иногда при этом пожирали их мясо. Теперь, с развитием производительности силы труда, они получили известную ценность, и в виду этого им стали дарить жизнь и пользоваться их трудом» (Ф. Энгельс, там же, стр. 288).

«Система Р. сделалась господствующим фактором производства у всех народов,

¹⁾ Ф. Энгельс. «Исторический материализм», стр. 287.

развившихся до пределов разложения старой общины, и явилась господствующей формой производственного труда сначала в земледелии, а затем в мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и Рима».

И. Р. в Греции и Риме. Буржуазные историки античного мира много спорили и продолжают спорить о том, можно ли говорить о капиталистической стадии античного производства. С точки зрения марксистской экономии, конечно, в Греции и Риме не может быть и речи о капиталистическом производстве, ибо это производство основано на системе наемного труда. Античному миру были известны сравнительно развитые формы торгового (товарно-торгового и денежно-торгового) капитала, но в античном мире, несомненно, отсутствовало капиталистическое производство. Преобладающей формой античного производства было мелкое хозяйство, которое уже довольно рано было сопряжено с теми или иными системами Р. и личной зависимости.

Что касается рабского труда, то он играл в античном мире различную роль в зависимости от того способа производства, который являлся преобладающим в различные моменты развития хозяйства (в Греции и Риме). Мы встречаем Р. в древней Греции и Риме еще тогда, когда преобладало хозяйство примитивных семейно-родовых общин. В эту эпоху Р. не играет сколько-нибудь заметной роли в производстве. Рабы здесь служили для выполнения необходимых домашних работ или как роскошь, — словом, это были простые домашние рабы. Когда же, с разложением общинного хозяйства, экономической основой классического общества стало служить мелкое, парцеллярное крестьянское хозяйство, соединенное с деревенским ремеслом, или производство самостоятельных мелких ремесленников в античных городах, как это имело место в наиболее цветущую пору античного хозяйства, рабский труд уже играет довольно значительную роль, хотя, конечно, и здесь еще не овладевает производством. Хотя не может подлежать сомнению что уже в эту эпоху как в Греции, так и в Риме, наряду с мелким и средним землевладением, существовало и крупное, но не существовало еще крупного сельского хозяйства, ибо крупные землевладельцы не имели обыкновенно соб-

ственных крупных запасов; весь избыток земли сверх необходимой им для их собственного небольшого хозяйства они раздавали в пользование зависимым мелким и средним земледельцам (свободного происхождения, вольноотпущенникам или, реже, рабам) совершенно так же, как это делали землевладельцы средневековья, но на несколько иных основаниях, именно, на началах т.-н. прекарных отношений (см. Прекарий), за известную часть урожая и с обязательством несения военной службы. Понятно, что при таких условиях у греков и римлян тех времен, преобладающим, производительным занятием которых было земледелие или скотоводство, Р. могло играть лишь незначительную или, во всяком случае не определяющую способ производства роль. В деревне и городе преобладает свободный труд. Число рабов незначительно, и спрос на рабскую рабочую силу не мог быть велик, ибо степень производительности земледельческого труда самостоятельных или зависимых крестьян едва была достаточна для покрытия потребностей их семей, а для обработки их полей достаточно было рабочей силы членов крестьянской семьи. Если, тем не менее, в крестьянских хозяйствах того времени встречаются рабы, то лишь в качестве помощников или помощниц своих господ в ведении домашнего хозяйства или в качестве заместителей тех членов крестьянской семьи, которые при многочисленности тогдашних военных столкновений, должны были отправляться на фронт. Но даже в более крупных земледельческих хозяйствах («ойкосных», по терминологии Родбертуса, рассчитанных на производство непосредственных средств существования, которые тогда хотя и не были редким явлением, но во всяком случае представляли исключение из общего правила) число рабов далеко не достигало той величины, что в позднейших крупновладельческих хозяйствах. Чрезвычайно ясную и яркую картину такого натурального хозяйства дает гомеровская «Одиссея» в тех ее частях, где изображается хозяйство в имени самого Одиссея.

Как долго держались в древней Греции и древнем Риме порядок чисто натурально хозяйственных отношений и сопряженная с ним система патриархального Р., мы в точности не знаем, но известно, что замкнутое домашнее хозяйство древних греков и

римлян сравнительно рано подверглось разлагающему действию торговли и торгового капитала, развившихся в первых самостоятельных торговых городах у торговых народов, игравших роль посредников между обществами, производство которых в существенном еще имеет в виду потребительную, а не меновую стоимость. Разлагая старые отношения, торговля не только присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта, но и развивает самое производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его размеры, и делает его более разнообразным, и иногда подтачивает само производство и ставит в зависимость от себя целые отрасли производства, и, наконец, в некоторых случаях ведет к развитию промышленного труда, работающего на рынок. Новейшие исследования в области хозяйственных отношений греческого и римского общества подтвердили правильность мысли, брошенной налету Марксом, о том, что:

- 1) степень и результаты разложения, вносимого развитием купеческого капитала в старые отношения, зависит от прочности внутреннего строя и от характера самого старого способа производства и
- 2) что, тогда как в древнем Риме труд—уже в позднейший республиканский период—достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, но без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии,—в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промышленности. Поэтому в Риме развитие купеческого капитала привело лишь к превращению патриархальной системы Р. (в области земледелия и деревенского ремесла) в рабовладельческую систему, целью которой явилось производство прибавочной стоимости, тогда как в Греции патриархальное Р. развилось в систему рабской промышленности. Развитие торговли, купеческого и ростовщического капитала привело в Риме к сильному сокращению мелкого производства в земледелии и к организации крупного производства на землях крупных землевладельцев, целью которого явилось производство на рынок. Конкуренция сицилийского и сардинского земледелия, низкие цены на хлеб и высота процента по денежным займам вынудили римских землевла-

дельцев искать в целях уменьшения издержек производства применения дешевой рабочей силы. Такую дешевую силу и представляли собою рабы.

Приобретение рабочей силы рабов, которая играла роль основного капитала, или ничего не стоило землевладельцу, получавшему их от государства бесплатно или за ничтожную цену в результате распределения военнопленных между представителями военного сословия, или обходилось очень дешево, если рабы приобретались на рынках, где предложение этого товара было в то время очень велико (стоимость взрослого раба не превышала 2.000 сестерций, на наши деньги—около 200 рублей). В результате—образование массы крупных плантаторского типа хозяйств, если не вытеснивших вполне мелкое земледельческое производство, то во всяком случае парализовавших его конкуренцию на рынке.

Менее значительна была сфера применения рабского труда в городах Рима и других городах Италии, где свободный труд в области ремесла и торговли гораздо успешнее конкурировал с рабским, чем в земледелии. Но и в городах было значительное число рабов, работавших в качестве самостоятельных ремесленников и торговцев, уплачивавших своим хозяевам оброк. Общее число рабов в Италии по новейшим исчислениям (Ю. Белоха и Эд. Мейера) было не меньше двух миллионов и составляло не менее половины всего населения Италии.

Достигнув кульминационного пункта своего развития в первом столетии до Р. Х. рабовладельческое плантаторское хозяйство стало медленно клониться к упадку, начиная со второго столетия существования империи.

Сокращение рабского производства выразилось в постепенном сокращении числа рабовладельческих плантаций, в возвращении к старой форме эксплуатации рабского труда в мелких хозяйствах, в парцеллировании крупных землевладений и отдаче парцелл в самостоятельную обработку рабам на условиях выплаты оброка.—очень часто с передачей им в полное пользование также живого и мертвого инвентаря (коллат, см. Креп. право), в массовом отпущении рабов на волю на известных условиях, в сильном сокращении торговли рабами и т. д.

В Греции применение рабского труда получило совершенно иной характер.

Развитие торговли в греческих городах Европы и Малой Азии сопровождалось высоким развитием промышленного производства, для массового производства предметов роскоши.

Рабская промышленность возникла в городах, представлявших крупнейшие торговые центры, и развивалась параллельно с торговым развитием этих городов. Число рабов в крупных городах вырастает до колоссальных размеров, нередко превышая общую цифру всего свободного населения. По самым скромным расчетам, число рабов, напр., в Аттике к концу V в. должно было быть не менее 100—200 тыс., превышая на 20—30 тыс. общую цифру свободных граждан, при чем из этого количества рабов не менее половины было занято в промышленных заведениях и рудниках.

Число занятых в мастерских рабочих-рабов в среднем было не менее 20—30, а в наиболее крупных достигало и целой сотни. В мелких мастерских, рабский труд не мог окончательно вытеснить свободный ремесленный труд. Распространение Р. находит себе объяснение исключительно в дешевизне рабского труда и высокой доходности рабских мастерских (около 15—24% при доходности земли в 8% и ростовщического капитала в 12—16%).

Примененный сначала в обширных размерах с промышленными целями (главным образом в текстильном, металлургическом и гончарном производстве), рабский труд вскоре успел распространиться и на другие области хозяйственной жизни в качестве необходимого фактора производства — именно на сельское и всякое домашнее хозяйство. Весьма распространена была эксплуатация рабского труда в форме отдачи рабов во временное пользование (наем рабов), а также для отправления низших государственных функций. В сельских и домашних работах занято было около половины всего числа рабов, но все это количество рабов было распылено между массой отдельных мелких хозяйств.

III. Р. в средневековой новой империи. В начальную эпоху средневековья применение рабского труда было сравнительно широко распространено, но только почти исключительно в мелком крестьянском, свободном или зависимом, хозяйстве. Но уже в первую половину средних веков Р. хотя и сохраняется почти

повсюду в Западной Европе, но не играет в хозяйстве средневековой Европы сколько-нибудь значительной роли. В Германии, Скандинавии, Англии и Франции (кроме южной Франции) рабство существует только до XI столетия новой эры, и притом почти исключительно для обслуживания домашнего хозяйства. На юге и востоке Европы (в Греции, на Балканах, в Италии и России) Р. сохранялось еще долго после XI века и исчезло совершенно только в начале XIX века.

Для нас важно отметить, что как в средневековом европейском хозяйстве, так и в хозяйстве позднейшей эпохи рабский труд хотя никогда окончательно не был отменен, но не играл сколько-нибудь значительной роли ни в мелком земледельческом, ни в ремесленном производстве, ни во вновь возникшей крупной промышленности и крупном сельском хозяйстве. Место рабского труда в средние века и в начале новой истории западно-европейских народов — главным образом в земледельческом хозяйстве — заняли другие формы эксплуатации подневольного человеческого труда — колонат и крепостничество.

Источник процесса постепенного вымирания института Р. в Западной Европе, завершившегося только к концу прошлого столетия, лежал отнюдь не в противоречии его христианскому мировоззрению или в каких-либо других этических или вообще идеологических концепциях, а всецело в отсутствии необходимых экономических предпосылок.

Возрождение Р. совпало с эпохой развития капиталистического способа производства в Европе и с развитием в частности плантаторского хозяйства в европейских колониях. Уже в начале XVI столетия португальцы организовали в своих колониях обширные плантации сахарного тростника, хлопка, риса, табака и индиго с широким применением труда негров-рабов. Но полного своего развития плантаторское рабское хозяйство достигло в течение XVII, XVIII и XIX вв. в колониальных странах (особенно в Вест-Индии, южных штатах Северной Америки и Бразилии). Главным рынком, поставлявшим негров-рабов, было западное побережье Африки, куда свозилась вся человеческая добыча, получаемая в результате кровавых столкновений афри-

капских племен или простой систематической охоты на людей внутри африканского континента. На рынках Африки человеческий товар скупался представителями главным образом тех наций в руках которых находилась морская торговля—сначала испанцев и португальцев, потом голландцев, французов и, наконец, англичан. С заключением утрехтского мира (1713 г.) англичанам удалось монополизировать в своих руках всю негроторговлю, доставлявшую им колоссальные барыши. Каждое английское невольничье судно перевозило обыкновенно 200—300 негров, набитых плотно, как сельди в бочке, в трюме судна; из них в среднем благодаря варварским условиям перевозки погибало в течение пути не менее 20%, а иногда эта норма повышалась до 50% всего человеческого груза. Что касается бесчеловечных условий применения рабского труда в плантациях Вест-Индии, Южной Америки и южных штатов Северной Америки, то они настолько хорошо известны, что говорить здесь о них не приходится.

В последней четверти XVIII столетия, в результате изменившейся мировой экономической ситуации, для некоторых европейских стран оказалось невыгодным существование торговли рабами и вообще применение рабского труда в добывающей и обрабатывающей промышленности: эти страны начали борьбу против негроторговли (см. Аболиционизм). Та самая Англия, которая проявила раньше такую энергию в деле монополизации в своих руках и развития негроторговли; теперь, при изменившихся условиях, с меньшей энергией, хотя и с гораздо меньшим успехом, повела борьбу за искоренение торговли рабами. Несмотря на все принимаемые Англией меры, торговля рабами продолжала процветать в течение 1807—1819 г.г. было вывезено около 2,3 миллионов негров, а с 1819 по 1847 свыше 2,75 миллионов. Малая успешность в борьбе с негроторговлей вынудила Англию, заинтересованную в вытеснении рабского труда в колониях, прибегнуть в 1832—1833 г.г. к радикальной мере—к полному уничтожению Р у себя и в своих колониях (с выкупом прав рабовладельцев); ее примеру вскоре последовала Франция (1845—1848 г.г.) и позднее все другие Бразилия (окончательно только в 1888 г.) и другие страны. В южных штатах Северной Амери-

ки эмансипация негров последовала только в результате гражданской войны (1863 г.). Хотя в настоящее время рабский труд существует только в некоторых странах Африки и Азии,—главным образом, Турции, Марокко, Триполи, Аравии и Египта,—тем не менее для удовлетворения запросов этих стран продолжают ужасы охоты на людей в Африке, при чем число негров попадающих ежегодно вновь на рабовладельческий рынок, определяется приблизительно в один миллион.

IV. Р. как правовая категория. Первый вопрос, который возникает по отношению к институту Р., как правовой категории, есть вопрос о том, представляет ли Р. систему правовых отношений между свободными людьми в обществе по поводу присвоения рабочей силы рабов, или это есть система одновременно правовых отношений между рабовладельцем и рабом.

Фактические (экономические и иные) общественные отношения между рабовладельцами и рабами, разумеется, существуют, и эти отношения интересующей нас стороны можно охарактеризовать, в общем и целом, как специфическую форму отношений непосредственного господства и подчинения или отношений личной зависимости. Но можно ли в отношениях между рабом и его хозяином видеть какую-либо форму распределения прав и обязанностей? В тех обществах, в которых институт Р. успел отлиться в форму правового обычая или законодательных определений, там правосознание, обычай или закон отрицают возможность существования каких-либо правоотношений между рабом и его хозяином.

Неписаное и писаное право в большинстве случаев или принципиально совершенно не вмешивается в сферу взаимоотношений между рабом и его хозяином или, если на известной стадии развития, совпадающей уже с процессом упадка Р. и признают возможность такого вмешательства, то отнюдь не в форме признания возможности для раба быть обладателем каких-либо прав в отношении хозяина или признания обязанностей хозяина в отношении раба (а если и допускают такую возможность, то в виде крайне редкого исключения). Как бы ни изменялись фактические взаимоотношения между рабами и их хо-

заявами, в одном пункте они оставались неизменными: раб, в виде общего правила, не мог быть, обладателем каких-либо прав, или, выражаясь юридическим языком, раб был лишен всякой правоспособности. Но понятие правоспособности имеет различное содержание в обществе товаропроизводителей и в обществах, основанных на непосредственных отношениях господства и подчинения. В обществах, в которых Р является существенной составной частью общественной системы, все общественные отношения носят характер личной зависимости. Такому обществу совершенно чуждо представление об абстрактном человеке, как носителе, обладателе субъективных прав: в таком обществе нет принципиального представления о том, что всякий человек, как таковой, как человеческая личность, может и должен быть обладателем прав, при чем стелельные люди отличаются друг от друга количественным объемом прав, которыми они могут обладать.

В обществе, где превращение товара в продукт, а следовательно, и функция людей, как товаропроизводителей, играет подчиненную роль, способность обладания правами вовсе не предполагается у абстрактного человека, т. е. у человека как такового, а есть привилегия лишь известного класса свободных, независимых. Только представители этого класса могли быть субъектами прав. Принадлежность к человеческому роду играла здесь роль лишь одного из условий, наличие которых необходима была для того, чтобы тот или иной человек мог быть способным иметь права. Но нужны были еще некоторые условия, которым должен был отвечать индивидум, чтобы иметь возможность быть субъектом прав. В римском праве способность быть обладателем прав зависела от наличия трех условий: свободы от рабского состояния, принадлежности к числу граждан римского государства и свободы от семейного подчинения. Отсюда ясно, что раб принципиально не мог иметь никаких прав. В писаном праве раннего средневековья, в т. н. «варварских законах» такого прямого указания на лишение рабов правоспособности нет—конечно, просто потому, что эти законы суть лишь записи не абстрактных норм права, а судебных решений. Ко-

венно такое юридическое положение рабов с полной ясностью вытекает из того, что вира (композиция) за похищение раба приравнивалась виро за похищение коня или животного и уплачивалась не рабу, а его хозяину.

Если раб не может быть субъектом прав, то какое же его юридическое положение? Раб может быть только объектом (см.) прав приравнивается к движимому имуществу, к телесным вещам. Это приравнение правильно лишь в том смысле, что раб не есть субъект права, а только объект его; но неправильно было бы думать, что юридически его положение было совершенно тождественно со всяким другим предметом или орудием труда. Раб есть совершенно своеобразный объект прав, и это своеобразие находится всегда в полном соответствии с одной стороны, с особенностями раба, как орудия труда, отличного от других орудий труда, и с теми или иными специфически-историческими формами эксплуатации рабочей силы раба—с другой.

Когда рабский труд применялся в мелких свободных хозяйствах, рассчитанных почти исключительно на потребление внутри хозяйства, рабы были обыкновенно людьми одной расы, одной культуры, одного религиозного культа с рабовладельцами: они делили с членами семьи своего хозяина их труды, их трапезы, грелись у одного и того же семейного очага и были участниками домашнего религиозного культа. Поэтому не могло быть и речи о полном приравнении раба ко всякому другому орудию труда или даже вообще к орудию труда: рабы рассматривались скорее, как участники общего труда, приравнивались к другим членам семьи.

Такое отношение к рабам нашло себе выражение не в юридических формулах, а в некоторых памятниках народного эпоса и религиозного культа.

Что касается в частности древней римской культуры, то свидетельством признания за рабом некоторых прав человеческой личности являются: а) удостоверенные историческими памятниками участие рабов в религиозном культе предков, при чем могла раба считалась *res religiosa* (вещью религиозною) совершенно так же, как могла свободного человека; б) ограждение раба от более тяжелых форм злоупотребления властью со стороны своего госпо-

дина возможностью вмешательства одного из цензоров.

Совершенно иную картину представляют взаимоотношения рабов и их господ в эпоху плантаторских хозяйств и рабских мастерских. Рабы в таких хозяйствах—уже не участники общего семейного труда, а в подлинном смысле рабочие машины: они живут не в помещении семьи, а в особых казармах; они безбрачны, бессемейны, работают под суровым надзором особых надсмотрщиков, которые в праве применять к ним телесные наказания; выгоняются утром на работу, а, идя с работы, едят утварь и одежду в особое помещение.

Если прибавить, что в значительной своей части рабы теперь в то же время и люди иной расы и культуры, что в громадном большинстве случаев никаких личных отношений между рабами и его господином не существовало, при чем умерший или нетрудоспособный раб мог быть легко заменен новым, приобретенным на рынке, то понятно, что раб в эпоху процветания рабского труда рассматривался не как член семьи, а как рабочий скот, с которым хозяин может поступать, как хочет. Рабовладелец за малейшую ошибку приказывал бросать рабов в воду или кормить их телом мурен. Все остальные определения права, относившиеся к личности раба, являются просто выводами из этого основного положения. В противоположность свободному человеку, раб не имеет семьи: его половые связи рассматриваются, как фактические отношения, но не как брак. У него не может быть никакого имущества, никакой собственности, он не может вступать ни в какие обязательства, не может ни оставлять, ни получать наследства. Он не может быть стороной в процессе. Если рабу будет причинен какой-либо личный или имущественный вред, то он не может требовать, чтобы виновный был привлечен к гражданской или уголовной ответственности, и только его господину принадлежит право, если он пожелает, требовать удовлетворения за причиненный рабу вред на тех же основаниях, на которых он имеет право искать удовлетворения за причиненный его животным или вещам вред. Подобно другим вещам раб может быть объектом собственности, принадлежащей одному лицу или нескольким, которые в тех же пределах и теми же самыми способами осуществляют

свое право собственности на раба, как и право собственности на другие вещи и в частности могут отчуждать раба, отдавать в наем и т. д., при чем закон принципиально в эти отношения собственника к его человеческой собственности не вмешивается.

Если право не вмешивается в отношения между рабом и его хозяином, то оно всегда содержит известное число норм, определяющих отношение между свободными и по поводу рабовладения. Эти нормы, разумеется, продиктованы не интересами рабов, а хозяйственными интересами командующих классов.

Римское право содержало нормы, определяющие порядок приобретения и утраты состояния свободы. Мы имеем в римском праве классического периода самое тщательное регламентирование этого вопроса. Основное положение римского права по этому вопросу гласило: «Рабы или рождаются таковыми или становятся ими: рождаются от наших рабынь». Если в момент рождения ребенка мать была свободной, то ребенок признавался свободнорожденным, и наоборот. Впоследствии, с развитием представлений о т.-н. охране прав зародыша, вопрос решался по другому моменту: ребенок признавался свободнорожденным, если мать хотя бы на одно мгновение беременности была свободной.

Среди обстоятельств, обуславливавших утрату свободы лицом, которое родилось свободным, римское право различало несколько случаев. Сюда относится прежде всего взятие в плен, превращавшее военнопленного в раба победителя. Это последствие захвата в плен имело место не только в условиях правильной войны Рима с другим государством; даже при отсутствии военных действий, всякий чужестранец, с государством которого Рим не состоял в договорном отношении, права которого поэтому не признавались Римом, мог быть присвоен первым желающим, как бесхозяйная «вещь». На почве такого отношения к чужестранцу, развился особый промысел—охота людей с целью их присвоения и торговли человеческим товаром.

Торговля рабами в стране, где применялся в широких размерах рабский труд, получила широкое распространение, составляя весьма существенную

часть экспорта и импорта в этих странах, и регулировалась путем законодательства и норм международного права, хотя и не нашедших себе выражения в юридических формулах. Этой точке зрения оставалось верным римское правосознание не только в ту эпоху, когда сношения с другими городами были крайне редки и случайны. В обществе древнего Рима, как и в других обществах, представлявших замкнутое самодовлеющее хозяйственное целое, чужестранец рассматривался как совершенно бесправное существо. Но такой взгляд на иностранцев господствовал и в эпоху весьма оживленного хозяйственного общения Рима с другими обществами Италии, Европы, Азии и Африки— вплоть до законодательства Юстиниана.

Уже с самого начала существования римского государства военнопленные обращались в рабство: государство продавало их с публичных торгов. Пока войны велись Римом с итальянскими городами, в рабство обращались, главным образом, только взятые в плен в результате победы на поле битвы; что же касается населения побежденной страны то римское государство избегало обращения его в рабство, довольствуясь другими способами эксплуатации побежденных.

Но с увеличением роли рабского труда в хозяйстве Рима, римляне не довольствовались наложением дани на покоренные города или конфискацией их земель, а стали уводить в рабство тысячи и десятки тысяч людей из завоеванных стран Галлии, Азии и Африки.

Право в рабовладельческих обществах регулирует и вопросы, относящиеся к возвращению раба свободы, т. е. порядок отпущения раба на волю. Древнейшая точка зрения в этом вопросе заключалась в том, что раб юридически ни при каких условиях не может сделаться свободным, пока он остается в пределах той родовой или племенной организации, которой принадлежит его господин. Даже если этот последний фактически отказывается от своих прав на раба, последний не делается равноправным членом этой организации. Смерть господина также не влечет за собой прекращения рабского состояния: раб остается собственностью наследников. Раб мог освободиться от своего подчинения семейной власти (если не считать некото-

рых крайне редких исключений) только с согласия своего господина, а именно или для перехода во власть другого господина или для того, чтобы стать свободным. Но отпущение на свободу даже в эту эпоху принципиально не признавалось законом и осуществлялось сначала при помощи разных юридических фикций. Домовладыка, желавший обеспечить рабу, но крайней мере фактическую свободу, или уступал раба в собственность какому-нибудь храму, или посвящал его какому-нибудь божееству, или (как это было в Греции) улачивался с каким-нибудь подставным лицом о том чтобы последнее начало в качестве истца против него фиктивный процесс о свободе раба (в котором рабовладелец не возражал против правильности притязаний истца), или при периодической переписи населения показывал раба при молчаливом участии должностного лица, свободным.

Только впоследствии, в связи с возникновением новых форм хозяйственной деятельности (торговли, городского ремесла и т. д.) когда рабовладельцу выгоднее было отпустить раба на волю (по причинам о которых речь будет ниже), чем эксплуатировать непосредственно его рабочую силу, действующее право уже не считало нужным прибегать к каким-нибудь фикциям для освобождения рабов и прямо разрешает рабовладельцу отказаться от своей власти над рабом. Но в то же время оно обуславливает акт освобождения соблюдением известных формальностей, а также создает ряд известных ограничений для свободного усмотрения рабовладельца в этом вопросе. Но, допуская отказ рабовладельца от его прав на раба, римское право той эпохи не давало рабовладельцу права превращать раба в вполне свободного, равноправного гражданина. Принятие вольноотпущенного в состав полноправных граждан нигде не разумеется само собой, как последствие отпущения на волю, и всюду составляло прерогативу публичной власти, осуществляющей ее путем особого акта. При отсутствии этого акта вольноотпущенные почти повсюду где существовало развитое рабство, либо образовывали как и в Риме особый класс или особое сословие, значительно ограниченное в своих политических или гражданских правах, либо приравнивались в отношении правоспособности к тем классам,

которые находились в отношениях личной зависимости от других классов (как это было в средневековых обществах). С другой стороны, почти повсюду отпущение на волю еще не обозначало полного прекращения личной зависимости бывших рабов и по отношению к прежнему господину. Вольноотпущенные римских рабовладельцев ставились обычаям и законом в отношении т.-н. патроната, которые предполагали наличие известных прав бывших их владельцев если не на личность вольноотпущенного, то на их труд и имущество. Римскому рабовладельцу разрешалось при освобождении раба выговаривать себе, в качестве пожизненной обязанности освобожденного, право на известные услуги последнего (домашний или ремесленный труд) или право на имущество его (право наследования, опека и т. д.). И это право патроната не прекращалось со смертью рабовладельца, а переходило к его наследникам.

Что касается потомства вольноотпущенного, то первоначально оно не приравнивалось к потомству полноправных граждан, и только впоследствии потомство, рожденное от брака двух вольноотпущенных, становилось в ряды граждан римского государства.

Если, таким образом, рабы были лишены совершенно правоспособности, если даже отпущение их на свободу не делало их полноправными гражданами, то понятно, какое громадное значение получал для рабовладельческих обществ вопрос об ограждении свободных людей от возможности неправомерного превращения их в рабов. Для пресечения такой возможности право (писаное и неписаное) рабовладельческих обществ содержит обыкновенно целый ряд норм, имеющих задачей точно установить, при каких условиях утрачивалось состояние свободы и в каком порядке подлежали разрешению споры о свободе или несвободе данного лица. Римское право, право Афин, право острова Крита и т. д., а также средневековое право содержали сходные в общем постановления, в силу которых лицу, незаконно обращенному в рабство, обеспечивалась возможность в отступление от общего правила, не признававшего за рабами прав непосредственного обращения за судебной защитой, доказывать по суду свое

право на свободу—правда, не непосредственно, а через третье лицо.

Поскольку же для раба было нелегким делом найти такое лицо, а для этого последнего лица—доказать правильность спора римское законодательство стремится облегчить положение истца различного рода судебными процессуальными льготами в форме подчинения этих споров особым судам, допущения возможности предъявления повторных исков и т. д.

Я. Берман

РАВНОВЕСИЕ СИЛ (balance of power) — принцип, который буржуазные теоретики пытались изобразить лежащим в основе международного права и международной политики. Он выражается в поддержании «справедливого» равновесия между государствами, находящимися в международном общении, дабы ни одно из них не сделало бы чересчур сильным и не получило возможности навязать свою волю другим. Формулировка этого принципа встречается еще у древних писателей (Полибий), в 17 в. о нем говорит Гроций ему уделяют внимание Юм, Фенелон и др. В современной международно-правовой литературе можно встретить рассуждения, что за отсутствием надгосударственного авторитета единственной санкцией международного права является «способность держав уравнивать друг друга» (Оппенгеймер). Поскольку выраженная здесь мысль сводится к тому, что безусловная и бесспорная гегемония одного государства над всеми другими означала бы конец междунар. права, с ней нельзя не согласиться. Из этого, однако, вовсе не следует, что во всех тех случаях, когда принцип Р. с. выдвигался, как основное правило практической политики, дело действительно шло о том, чтобы обеспечить функционирование механизма международного права. Как раз наоборот: основной целью междунар. политики никогда не являлось желание поддержать равновесие, но, наоборот, борьба за гегемонию. Начало Р. с. было излюбленной догмой английской политики в период образования европейских коалиций против Людовика XIV и затем против Наполеона, т.-е. тех войн, в которых Англия боролась за свою мировую гегемонию. Начало Р. с. служило, таким образом, лишь благовидным прикрытием для этой борьбы.

РАДИОПРАВО. Порядок устройства и эксплуатации радиостанций частного пользования определяется постановлением СНК СССР от 5 февраля 1926 г. и инструкцией Наркомпочтеля от 11 марта 1926 г. («Бюллетень НКПиТ» от 20 марта 1926 г., № 10). Приемные радиостанции могут устраиваться всеми учреждениями, организациями, предприятиями и гражданами СССР с обязательной их регистрацией (для красноармейцев, учащихся, безработных и крестьян—бесплатно) в органах НКПиТ (почтовых, почтово-телеграфных и др. учреждений связи НКПиТ, в уполномоченных НКПиТ организациях, в почтовых агентствах и у сельских писемноносцев). Регистрация выражается в выдаче особого удостоверения. Установка приемных радиостанций в пограничной полосе, а также установка их иностранными гражданами имеют место в особом порядке. Устройство передающих и приемно-передающих радиостанций допускается лишь с предварительного разрешения соответствующего Управления Округом Связи. Под «частными» радиостанциями понимаются устраиваемые как отдельными гражданами, так и учреждениями, организациями и т. п. С владельцев радиостанций взимается абонентная плата, не менее 50% общего поступления коей должны Наркомпочтелем распределяться между организациями имеющими своей задачей радиовещание. Удостоверение на приемную и разрешение на передающую радиостанцию не могут быть переданы другому лицу. Каждой передающей или приемнопередающей радиостанции присваивается особый позывной знак (2 буквы и №), который станция обязана называть не менее трех раз перед началом каждой передачи. Устройство антенн и мачт подчиняется особым техническим правилам.

Толчком к международно-правовому регулированию вопросов радиосвязи явилась, в начале 1900-х г., борьба за монополию между различными радио-телеграфными предприятиями, в особенности английской компанией Маркони и германской Телефункенгезельшафт. Применение радио тогда сводилось, кроме военного дела, лишь к потребностям морского судоходства. Этим и объясняется то, что, оставляя в стороне многочисленные чисто коммерческие соглашения радиотелеграфных предприятий между

собой, официальное международное регулирование, несмотря на широчайшее в настоящее время применение радио во всех областях жизни, еще и до сих пор касается почти целиком его применения в мореплавании. В погоне за фактической монополией каждая из конкурирующих фирм стремилась к тому, чтобы аппараты ее системы принимали радиотелеграммы только от станций, работающих аппаратами той же системы. Этим в первую очередь нанесился ущерб интересам судоходных предприятий. Необходимо было установить обязательности обмена радиостанциями. После созванной с этой целью в 1903 г. в Берлине подготовительной конференции 3 ноября 1906 года была заключена первая радиотелеграфная конвенция, установившая обязанность независимо от той или иной системы аппаратов обмена радиотелеграмм между судами и береговыми станциями. Эта конвенция была заменена другой, от 5 июля 1912 года, распространившей ту же обязанность также и на судовые станции между собою (впрочем, такая обязанность была и до того установлена между 21 участником конвенции 1906 г. путем особого дополнительного протокола между ними) В обоих случаях обязанность обмена существует независимо от системы аппаратов приспособления, имеющие целью препятствовать обмену аппаратами другой системы запрещаются. Под этот запрет, однако, не попадают аппараты, по своей системе не допускающие сообщения с аппаратами другой системы. Между береговыми станциями и телеграфной сетью каждой участвующей в конвенции страны должен быть установлен срочный обмен депеш. Все станции должны работать так, чтобы не нарушать работы других станций. Призывы о помощи должны во всяком случае приниматься и передаваться вне всякой очереди. Что касается связи сухопутных станций между собою, то, несмотря на отсутствие согласно конвенции 1912 г., обязательности обмена между ними, они также не должны отказываться от него единственно из-за неодинаковости системы применяемых аппаратов. Конвенция 1912 г. подписана 32 государствами, в том числе была подписана и Россией; в настоящее время особым постановлением правительства эта конвенция признана в силе и для СССР. Функции административного бюро по конвенции 1912 г.

возложены на международное бюро всемирного Почтового Союза в Берне, которому поручен также сбор и распространение между участниками конвенции общих сведений по радиотелеграфии и т. п. К международному радиотелеграфному обмену соответственно применяются постановления Международной Телеграфной Конвенции о тайне корреспонденции, о порядке применения шифров, о недонуске сообщений, нарушающих государственную безопасность, порядок или нравственность, а равно о право приостановки радиообмена во время войны.

Во время войны, согласно ст. 53 гаагской конвенции о нормах сухопутной войны от 18 октября 1907 года, неприятельское радиотелеграфное имущество подлежит конфискации. По ст. 24 лондонской декларации о правилах морской войны от 26 февраля 1909 г. радиоимущество, не принадлежащее к оборудованию нейтрального судна, принадлежит к «относительной контрабанде», т.-е. подлежит захвату, если установлено, что оно предназначается для неприятельского государства. Запрещаются также устройство или использование воюющими собственных радиостанций на нейтральной территории (напомним неудачную попытку устройства радиостанции в германском посольстве в Константинополе до вступления Турции в мировую войну 1914—1918 гг. и такую же попытку Англии во время той же войны организовать собственную радиостанцию на С.-Готарде в Швейцарии).

Грандиозное развитие радио за последние годы дает спование ожидать, что на предстоящей в 1927 году в Вашингтоне всемирной радиотелеграфной конференции речь будет идти не только о коррективах к конвенции 1912 г., но и о создании общей системы международного радиоправа; по своему специальному предмету конвенция 1912 г. в этом отношении может явиться лишь одною из частей этой системы. Другой вопрос—насколько подобная задача окажется осуществимой, не вызовет ли она непреодолимых противоречий, принимая во внимание особенности во внимание политическое значение радио как одного из средств колониальной политики.

Г. Лашкевич

РАЗВОД—расторжение зарегистрированного брака при жизни супругов по просьбе обоих или одного из них. В статье о

браке (см.) мы видели, какова была история закабаления сначала жены мужу, затем обоих супругов власти церкви. Из простого соглашения супругов брак превратился в таинство, неразрывный, освященный церковью союз, который при их жизни не расторгим, кроме лишь случая преступления против этого союза со стороны одного из обоих супругов; предусматривалось нарушение союза именно одним из супругов, ибо обоюдное, так сказать, взаимное преступление не служило основанием для Р. так что «неверность» обоих супругов по какой-то странной логике превращалась в верность. Нас здесь не интересует Р. древнего Рима, пока брак не подпал под власть христианской церкви. Был ли это Р. строго формального брака (cum manu, т.-е. с «властью мужа» над женою) или это было расторжение добровольного соглашения, или наконец, сожителства, «по давностному пользованию» (usus), принявшему вид брака «с властью»,—Р. имел там понятное значение: в первом случае освобождение из под рабства мужа, во втором—отмену добровольного соглашения. К концу Римской республики Р., как и брак сделался свободным по взаимному соглашению, а вступление Р., по мнению юристов, считалось таким же насилем, как принуждение к вступлению в брак. Ввели, и то лишь постепенно, известные формальности, гарантирующие некоторые имущественные невыгоды виновного в Р., для чего необходимо было установить и поводы, послужившие побудительною причиною к Р., напр., бесплодие, сумасшествие, ссылку. И христианская церковь вначале мирилась с Р. по соглашению, но она в интересах доходов церкви все изобретала новые поводы, ограничивая, наконец, свободу Р. только этими случаями. Своеобразная история порабощения! При Юстиниане уже был запрещен Р. по взаимному соглашению, но все еще допускались изъятия; при нем был установлен Р. в случаях государственной измены, посягательства на жизнь другого супруга, прелюбодейния, неспособности к супружескому сожитию, заразной болезни, сумасшествия, безвестного отсутствия и пострижения. Западная, римская церковь первая объявляет брачный союз абсолютно нерасторгимым

и для нее даже прелюбодеяние имеет последствием лишь отлучение от стола и ложа. Восточная, византийская церковь придерживалась более либеральных взглядов и ограничивалась запрещением Р., за исключением установленных Юстинианом случаев. Вот с чего началась борьба за свободу Р., принявшая в известной степени революционный характер.

«Церковная революция», реформация Запада сделала первый шаг. Протестантизм уничтожил учение о браке, как о таинстве, и допустил Р. как за прелюбодеяние так и по иным поводам (в общем, византийским). В статье о буржуазной революции (см.) в праве мы видели, какова была борьба за свободу Р. Великой французской революции. Она по существу кончилась, если не считать опубликованного декрета конвента о свободе Р. в пределах 10 поводов и по обоюдному соглашению. Журнал *Revue de la Révolution* за 1883 г. опубликовал по архивным данным интересную табличку случаев Р. за время с 1 января 1793 г. по 17 июня 1795 г. по г. Парижу с указанием поводов и пола инициаторов развода:

Мотив Р.	По заявлению		
	Мужа	Жены	Всего
Непримиримость характера (после длинной процедуры примирения)	253	619	872
Взаимное согласие . . .	548	11	559
5-летнее безвестное отсутствие . . .	178	584	762
Оставление супруга (тоже с примир. разбират.)	241	571	812
Сумасшествие	9	3	12
Дурное обращение . . .	74	447	521
Испорченность нравов (заменившая прелюбодеяние)	95	67	162
Клевета	6	40	46
Эмиграция	3	102	105
Присуждение к отлучению от стола и ложа . .	39	92	131
6 месяцев отсутствия . .	673	1.332	2.005
Всего	2.119	3.868	5.987

Сначала цифра Р. была очень высока. В 1797 г. в Париже было больше Р. чем браков. Потом цифра стала снижаться, а все-таки в 1801 г. на 3.000 браков в Париже

было 900 Р. Эти цифры были раздуты с целью отменить свободу Р.

Мы видели, как контрреволюция сократила Р. (см. Буржуазная революция), а реставрация вернулась к дореволюционному положению. При «буржуазном короле» палата депутатов трижды (1830, 31 и 32 г.) голосовала за Р., но «палата господ» (пэров) отвергла эти проекты. Лишь в 1876 г. адвокат Наке во Франции снова поднял борьбу за восстановление Р. по закону 1792 г. И через 8 лет упорной борьбы Наке выиграл ее в пределах «Кодекса Наполеона» и сделался знаменитостью во Франции, но из кодекса все-таки остался вычеркнутым даже Р. по обоюдному соглашению. В 1886 г. во Франции на 46 браков приходился один Р. В некоторых, особенно протестантских, странах, возможен Р. по обоюдному согласию, вообще наблюдается большая свобода Р., чем во Франции, но нигде нет неограниченной свободы, ибо принципиальная нерасторжимость брака считается dogмой буржуазного общества наравне с dogмой о священном праве частной собственности.

Кого больше всего защищает Р? По данным статистики Сев. Америки, да и вышеприведенным цифрам Парижа, больше в суд обращаются жены. По данным статистики Кароля Райта (C. Wright), в Сев.-Ам. Штатах, где Р. регулируется по законам штатов (в Южной Каролине совсем нет Р. и нигде нет Р. по свободному соглашению), за время с 1867 по 1886 г. подали Р.

По жалобе на	Мужей	Жен	Всего
Прелюбодеяние	38.184	29.502	67.686
Жестокое обращ.	6.122	45.473	51.595
Оставление	51.485	75.191	126.676
Пьянство	1.434	12.432	13.866
Нерадение о семье . . .		7.955	7.955
Всего	97.255	170.553	267.778

По годам эти цифры растут: в 1867 г. Р. всего было 9.937, в 1886 г.—25.535.

Особенно неприглядную форму брак принял в царской России. Здесь действовало византийское право Р. зависел от церкви,

и продажные консистории создавали такую сложную процедуру Р., что необходимы были либо крупная взятка секретарю консистории, либо лжесвидетели мнимого прелюбодеяния, либо наемные свидетели добровольные свидетели действительного факта прелюбодеяния, либо, наконец, то и другое и третье. Признанный виновною стороною (о чем вписывалось в паспорт: «явный прелюбодей») супруг осужден на вечное безбрачие. Кроме прелюбодеяния Р. возможен при безвестной отлучке в течение 5 лет, да еще неспособности к сожительству, если она возникла до брака и прошло 3 года в браке. Обоюдное прелюбодеяние лишало права на развод! А привлечение к уголовной ответственности за прелюбодеяние также устраняло развод. Рядом существовала для евреев свобода Р. по соглашению по правилам их церкви; для католиков еще худшая, чем для православных, форма римской церкви, а для протестантов несколько расширенные поводы к Р., напр. злонамеренная отлучка одного из супругов в течение года и отказ вернуться к другому супругу. Не только 1905 г., но и февральская революция 1917 г. все оставила по старому.

Когда победила Октябрьская революция, в НКЮ в первые дни его существования поступил проект Р. с указанием поводов. Это был на деле прогрессивный проект «оппозиционной юридической мысли». Коллегия НКЮ отвергла этот проект и приняла постановление о выработке нового проекта Р. отмечающего всякие поводы и предоставляющего полную свободу Р. по обоюдному согласию или по заявлению одной из сторон, не затрагивая, конечно, прав детей. Пролетарская революция не могла внести иного проекта и о отношении к союзу любви. Где нет любви, не может быть навязанного, принудительного совместного жительства или даже сожительства. Известие о проекте проникло в печать, и стали поступать со всех концов России телеграммы и письма об ускорении проекта. Так как одновременно с декретом о Р. изготовлялся и проект декрета о гражданском браке о детях и о введении книг актов со-

стояния, дело несколько затянулось. Слишком смелый проект сначала особенно смущал левых эсеров и даже кое-кого из коммунистов. Он несколько раз откладывался и рассматривался ВЦИК, куда он был внесен помимо Совнаркома. Наконец, в 2 ч. ночи, невзирая на позднее время, проекты о браке и Р. были поставлены на обсуждение и через 2 часа стали законом. Это был первый закон в мире о действительной свободе Р., а значит и брака («С. У.» 1917 г. № 16, ст. 152).

Ленин восторженно писал: «От неравенства женщины и мужчины по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено советской властью полностью».

Популярность декрета доказывают цифры, приводимые тов. Гойхбаргом («Брачное право», стр. 80 и 81) о Москве и о 18 губерниях: «Декрет о расторжении браков был издан 20 декабря 1917 г., и уже в январе 1918 г. во всех судебных районах Москвы было подано 98 заявлений о Р. в феврале—384, в марте—981, в апреле—1.053, в мае—980, в июне—804, в июле—611. Кроме того, в нотариальных отделах (заменивших отделы записей актов гражданского состояния) состоялось Р. по обоюдному согласию супругов за май—8, за июнь—9, за июль—14. Итого за 7 только первых месяцев действия освободительного декрета о Р. к нему прибегло около 5.000 супругов, при чем необходимо добавить, что просьбы о Р. исходили не только от сильного пола, от мужей, но почти в равной мере и от «слабых»—женщин, что свидетельствует об уровне развития столичных женщин. После июля 1918 г., когда повидимому, прошел наиболее острый период разрешения супружеских кризисов, накопившихся в течение многих лет, цифра ежемесячных Р. стала более или менее равномерной и колеблется от 400 до 500 Р. в месяц».

Еще более показательны данные о Р. в провинции, и в особенности в волостях (и деревне). У нас имеются в распоряжении следующие данные о бракоразводных делах, возникших в народных судах за

первые три месяца (январь—март 1919 г.) по 18 губерниям и городам Москвы и Ленинграду:

Губернии (или города)	В губерн-ских городах	В уездных городах	В волостях	Всего
Витебская .	38	112	181	331
Владимирская	34	292	248	574
Вологодская	75	48	255	378
Вятская	67	289	1.087	1.443
Иваново Вознесенская	149	146	201	496
Калужская	80	262	720	1.062
Курская	—	—	—	2.175
Ленинградская	907	—	—	907
Москва .	1.048	—	—	1.048
Московская	—	—	—	852
Нижегородская .	118	209	953	1.280
Новгородская	37	69	167	273
Орловская	185	476	1.312	1.973
Пензенская . . .	179	474	1.486	2.139
Псковская . . .	60	160	305	525
Рязанская	92	414	1.189	1.695
Тверская	72	200	625	897
Тульская	118	259	924	1.301
Череповецкая . .	37	51	219	307
Ярославская	101	304	481	886
Всего	3.697	3.765	10.353	20.542

Итого только в волостях 16 губерний за три месяца более 10.000 Р. А за год в 18 губерниях и двух крупнейших городах получится более 80.000 Р. На всю советскую Россию, не считая даже Украины около 200.000 Р. в год. Какой закон мог когда-либо претендовать на большую популярность!

Сам декрет о Р. чрезвычайно краток, всего 12 статей. Он мог быть еще короче, ибо суть его изложена в ст 1: брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них. При общем согласии Р совершает либо орган регистрации, в котором брак зарегистрирован, либо нар. суд. Судья вызывает обоих супругов (если другой супруг в отсутствие—то через публикацию) и, убедившись, что заявление действительно исходит от одного или обоих супругов, объявляет брак расторгнутым, одновременно определяя, у кого останутся (в интересах детей) дети, если есть соглашение о способе их содержания. Если об этом согласия нет, то дело об оставлении

детей и о содержании рассматривается исковым порядком, при чем и нуждающаяся жена имеет право на присуждение алиментов (см.). Закон относится одинаково ко всем бракам всех граждан республики. Эти постановления вошли и в первый кодекс.

Когда в 1925 году НКЮ представил в ВЦИК новый проект Кодекса о браке и семье, была поднята большая агитация против этого проекта. Объединились противники его слева и справа; на этот раз, однако, против Р. поднимались больше правые голоса. Слышны были даже предложения вернуться к ограничению свободы Р. Но, наконец, проект в отношении Р. прошел почти нетронутым. Он вступает в силу с 1 января 1927 г. Свобода Р. остается: «При жизни супругов брак может быть прекращен как по обоюдному согласию супругов, так и по одностороннему желанию кого-либо из них» (ст. 18). Введено упрощение в том смысле, что Р. регистрируется всегда в органах записи актов гр. состояния и лишь вопрос о содержании детей и нуждающегося супруга, при отсутствии соглашения, решается судом. Если состоялось соглашение о содержании, то таковое заносится в книгу регистрации прекращения браков и по выписи в книги, в случае недобровольного платежа, народный суд в бесспорном порядке выдает приказ о взыскании этого содержания. После Р. при отсутствии соглашения, каждый супруг сохраняет добрачную фамилию.

И. Стучка

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ может быть понимаемо в двояком смысле: 1) как система технического распределения функций государственной власти между различными государственными органами и 2) как политический принцип.

В первом из указанных значений понятие Р. в. встречается уже у политических писателей античного мира (Аристотель) и у писателей средневековья (Марсилий Падуанский—XIV век). Рассматривая строение государства и организацию власти в нем, названные авторы указывали, что государственная власть имеет различные стороны деятельности, которые и представлены различными органами. Аристотель насчитывал таких сторон или элементов

три: 1) власть, обсуждающая государственные вопросы, 2) власть правительственная и 3) власть судебная; Марсилиус насчитывает только две: законодательную и правительственную, или исполнительную (см.). Точка зрения Руссо (см.), исходящего из признания единства и неделимости суверенитета (см.), также всецело примыкает к пониманию Р. в., как технического приема распределения обязанностей, так как единственным носителем и источником государственной власти является суверенный народ, которому и подчинены всецело государственные чиновники, правительство, которое народ может сменить в любое время.

Вполне понятно, что Р. в., понимаемое в изложенном выше смысле, как система организации распределения государственных функций, присуща в той или иной степени и форме всякому, сколько-нибудь развитому государственному аппарату. В этом распределении функций находит свое выражение принцип технического разделения труда.

Но теория Р. в., понимаемого, как политический принцип, имеет иное значение и иной исторический смысл.

Учение о Р. в. в этом значении выдвигается буржуазными мыслителями в эпоху борьбы буржуазии за власть с помещичьей аристократией.

Наиболее раннюю формулировку теории Р. в., как политического принципа, мы находим у англичанина Хаптона в период великой английской революции. Он утверждал, что власть должна быть так распределена по различным рукам, чтобы одна власть уравновешивала другую.

Затем эта теория развивается английским же философом Локком (1632—1704) и, наконец, в середине XVIII века с исключительным блеском утверждается Монтескье (см.). Строго говоря, все даже современные попытки так или иначе проанализировать понятие Р. в. и его политическое и организационное значение отправляются от Монтескье, с его знаменитым сочинением «О духе законов» (есть р. пер.) Тем большее значение имела теория Монтескье для его современников и позже—для деятелей Великой французской революции и для авторов многих буржуазных конституций. Самая сущность

учения Монтескье изложена в книге XI, гл. VI указанного его сочинения. Монтескье насчитывает три власти в государстве: законодательную, исполнительную и судебную. Первая власть должна быть, как говорит Монтескье, поручена законодательному корпусу, состоящему из двух палат: собрания благородных и собрания представителей народа. Исполнительная власть должна принадлежать королю, управляющему ее с помощью своих министров, а судебная вручается заседателям, избираемым на короткий срок. Каждая из этих властей «уравновешивает», умеряет обе другие, и таким образом создается то равновесие властей, которое только одно может обеспечить свободу граждан. «Все погибло бы, — пишет Монтескье, — если бы в одном и том же лице или учреждении... были соединены эти три власти» («О духе законов», р. пер., стр. 156). В случае такого соединения каждая власть была бы склонна забывать границу действий и превращалась бы во власть деспотическую, при которой не может существовать никакой свободы. Историческими классовыми корнями этой теории является стремление буржуазии в тот период, когда она еще недостаточно сильна для того, чтобы захватить государственную власть целиком, установить такой порядок, при котором обоим претендующим на власть классам, т.-е. буржуазии и землевладельцам, была бы обеспечена определенная доля участия в государственном строе и определенная степень влияния. Монтескье писал в тот период, когда силы этих двух классов во Франции находились в состоянии известного временного равновесия, и мы видим поэтому в его теории несомненные элементы «соглашательства», попытку установления некоторого сотрудничества классов, при чем буржуазии отводилось главное место в деле законодательства (правда, с привеском феодальной верхней палаты, «собрания благородных») и суда, а ее классовому противнику—власть исполнительная или правительственная.

Характерно отметить, что писавший более, чем за целое столетие до того, Д. Локк ставит исполнительную власть в положение, зависимое от законодательной. Его система отличается от учения Монтескье тем, что он проводит не трех-, а

четырёхчленное деление властей, а именно: 1) власть законодательная, 2) исполнительная (со включением в нее судебной), 3) федеративная, т.е. власть представлять государство во внешних сношениях, и 4) прерогатива, т.е. право короля издавать в случаях, не терпящих отлагательств, указы, имеющие силу законов. Но в его теории, как отмечено, власти не «уравновешивают» друг друга, как у Монтескье, а законодательная власть является высшей среди всех остальных, превалирующей над ними.

Локк писал уже после победы английской буржуазии, проводившей две революции. Английская буржуазия уже успела утвердить свое верховное значение, хотя и должна была еще во многом считаться с экономическим и политическим значением крупных землевладельцев. Поэтому и в системе Локка гораздо увереннее звучит голос буржуа, чем у «соглашательского» Монтескье.

Еще более отчетливо, чем у Монтескье, мысль о трех властях, как о самостоятельных сущностях, из которых каждая автономна и независима в своих пределах, выражена у Э. Канта (см.) в «*Rechtslehre*». Кант даже говорит о «трех моральных лицах», как о самостоятельных властных субстанциях.

Влияние этого учения о Р. в. было так велико, что, напр., Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозгласила: «Всякое общество, в котором не установлены средства для обеспечения прав и не проведено Р. в., лишено конституции» (§ 16). До того этот принцип утверждался в ряде конституций отдельных штатов Северной Америки.

Теория Р. в., доведенная до своего завершения у Монтескье и Канта, находится в непримиримом противоречии с другой буржуазной теорией—народного суверенитета. Если единственным источником всех властей в государстве является этот обычный фантом буржуазных конституций—«нация», или «народ», то для «трех субстанций власти», «трех особых моральных лиц», нет места. Поэтому теоретики естественного права (см.) нередко и отвергали решительно теорию Р. в., как дробящую «неделимый и неотчуждаемый» суверенитет. Так относился к этому, напр., последовательный Руссо, а до него, против вся-

кого деления суверенитета писал еще Гоббс (см.)

Но с того времени, как буржуазия упреждает свое политическое господство, она уже не имеет больше склонности делить с кем-нибудь свою власть. И ее теоретики в XIX в. уже начинают отказываться от теории Р. в. в понимании Монтескье. Отправляясь от учения о народном верховенстве, они утверждают верховенство парламента (см.), который в сущности и является воплощением народного суверенитета и его выразителем. И в государственной практике буржуазии мы видим установленное и укрепление начал парламентаризма (см.), т.е. признание именно парламента источником всех властей. Исполнительная власть в парламентарной системе выходит из недр парламента, комплектуясь из партии (см.) парламентарного большинства, и несет перед парламентом политическую ответственность, будучи вынуждена выходить в отставку, получив вотум недоверия от парламента. В то же время происходит и обратный процесс—рост политического значения именно исполнительной власти, кабинета министров, за счет значения парламента. Все чаще и чаще (в Англии в особенности), получив вотум недоверия, правительство не выходит в отставку, а распускает парламента, «апеллируя к избирателям». Не только правительственная деятельность, но и законодательство все более сосредоточивается в руках кабинета, уходя из парламента (см. Инициатива).

В настоящее время система Р. в. в большей степени сохраняется еще в С.-А. Соед. Штатах, где исполнительная власть, в лице президента и его статс-секретарей, целым рядом конституционных обычаев (частично и постановлений закона) довольно резко отделена от законодательного органа—конгресса. Но и здесь мы имеем не деление власти между классами, а такую систему, при которой верхи банковской и трестовской буржуазии в лице президента, с его довольно значительной властью в Соед. Штатах, имеют более послушный, более гибкий и способный на более быстрые и решительные действия орган, чем многолюдный и громоздкий аппарат конгресса, с его двумя палатами.

И теперь теоретики буржуазии предпочитают говорить уже не о Р. в., а о «рас-

пределении функций», что, конечно, вовсе не одно и то же. В Союзе Советских Соц. Республик победивший и установивший свою диктатуру пролетариат не имеет никакой нужды в признании и проведении теории Р. в. В лице соучаствующего во власти крестьянства пролетариат имеет не классового врага, с которым нужно было бы договориться о «разделении сфер государственного влияния», а союзника и соратника по классовой борьбе с буржуазией и помещиками.

Это принципиальное положение находит свое юридическое воплощение в целом ряде постановлений Конституции СССР и союзных республик. Так, напр., ст. 17 Конст. СССР, определяющая компетенцию ЦИК'а Союза, гласит: «ЦИК СССР издает кодексы, декреты, постановления и распоряжения, объединяет работу законодательству и управлению Союза ССР» и т. д., а в ст. 29 читаем: «Президиум ЦИК СССР в период между сессиями ЦИК является высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза ССР».

Правда, ст. 37 называет Совнарком Союза «исполнительным органом ЦИК СССР», но это вовсе не значит, что в лице Совнаркома мы имеем власть исполнительную в том смысле, как мы употребляем этот термин относительно, напр., буржуазных кабинетов министров.

Прежде всего, Совнарком сам «издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории Союза ССР» (ст. 38), затем к предметам его ведения относятся «предварительное рассмотрение проектов и постановлений, внесенных, согласно Конституции Союза ССР, на утверждение ЦИК Союза и его Президиума» (Положение о Совнарком, ст. 3, п. «в») и т. п. Таким образом, Совнарком является неслучайным участником всей законодательной работы высших органов власти Союза и, помимо того, обладает и определенным кругом собственной законодательной компетенции.

Постановление Конституции союзных республик теми или иными изменениями (главным образом, редакционного характера) также воспроизводят эти положения.

Таким образом, в СССР мы можем говорить лишь об определенной системе разделения труда между органами пролетарской диктатуры, а не о Р. в., в ее классическом смысле.

И. Челябинов

РАЗОРУЖЕНИЕ или точнее, ограничение вооружений,—одно из требований, входящих в программу пацифизма (см.), выдвигается капиталистическими государствами с целью удержать свое военное преобладание над соперниками, а также с целью обмануть народные массы, внушив им, будто при сохранении капитализма (см.) все таки можно предупредить опасности войн и облегчить тяжесть милитаризма (см.) Р. есть, таким образом, способ военной конкуренции, лицемерно прикрываемой мирными фразами. Призыв к такого рода Р. историки отмечают впервые в 40-х годах XIX века и называют его родиной Англию. Развивая у себя могущественную промышленность, нуждающуюся как в источниках сырья, так и в рынках для сбыта, господствуя неограниченно над всеми морями и всех подавляя дешевизной, количеством и качеством своей продукции, капиталистическая Англия могла и должна была мечтать о неопределенно-длительном сохранении такой экономической и политической ситуации. В 1841 году, представляя бюджет парламенту, Роб Пиль тогдашний английский премьер, обратился с увещательным словом по адресу других держав: «Не наступило ли,—говорит он,—время для военных держав Европы сократить свои вооружения? Не пора ли заявить, что в потопных гипертрофированных учреждениях нет никакой нужды? В самом деле, какая польза в том, если одна какая-нибудь пания значительно усилит свою армию и флот? Разве не ясно, что другие державы последуют ее примеру? В результате, ни одна держава не получит никакого увеличения своей относительной силы. А доходы всех стран будут истрачены на военные приготовления... Истинный интерес Европы заключался бы в том, чтобы прийти к какому-нибудь общему соглашению, которое дало бы возможность каждому государству сократить те из военных вооружений, которые скорее свойственны военному, чем мирному положению» Это обращение повторенное официально тем же

Пилем в 1850 году, а затем и некоторыми английскими публицистами (как Кобден, 1861), не встретило отклика в континентальной Европе. Зато в 1863 г. призыв к Р. повторил в своей тронной речи Наполеон III, имея в виду главным образом Пруссию, но тоже безуспешно. Только никому не опасный король Португалии изъявил готовность пойти за Наполеоном. В 1869 г. предложение всеобщего Р. было внесено в сев.-германский рейхстаг прогрессивной партией, но отклонено подавляющим большинством. Уже после разгрома Франции в 80-х годах Бисмарк, на вопрос об его отношении к ограничению вооружений, ответил, что «оно представлялось бы ему желательным, если бы соседи Германии серьезно прониклись желанием разоружиться». Однако как раз в эти годы Германия вступила на путь решительной и широкой мировой политики. Теперь снова Англия выдвигает идею ограничения вооружений, как средство борьбы с растущим соперником (записка Сольсбери 1889 г., предложение конференции по ограничению Р. обращенное к России 1894 г.) Оба предложения успеха не имели. Четыре года спустя царское правительство, вооружаясь до зубов на Дальнем Востоке, отозвалось на давний призыв Англии к ограничению вооружений, надеясь этим путем предупредить усиление своих соперников. Конференция состоялась только в 1899 г. после вторичного предложения, в котором содержалась разработанная программа (гагская конференция 1899 года). Р. была одной из ее тем. Несмотря на усердную разработку этой темы в особой комиссии, выделенной конференцией, результат получился самый плачевный. Русское правительство предлагало остановить в о з р а с т а н и е военных бюджетов на 5 лет, а морских на 3 года. Для него это было очень выгодно. Например, в 1899 году на флотское строительство русский бюджет назначал 211 миллионов крон, тогда как для Германии эта цифра выражалась почти в 171 млн. крон, для Австрии—едва в 36 миллионов, а для Японии чуть больше 35 миллионов. Через 3 года строительства в рамках этих фиксированных цифр, русский флот усилился бы больше, чем германский и австрийский, вместе взятые, а японский флот, вероятный и опасный для России

противник на Дальнем Востоке, свелся бы к ничтожным размерам. Подобное «Р.» очень выгодное для России, нисколько не улыбалось ее соперникам. Другая из держав. Англия, бывшая истинным инициатором проектов о Р., выступила с предложением, которое отличалось от русского только тем, что имело в виду исключительно выгоды Британской Империи. Именно Англия готова была зафиксировать «существующую пропорцию» морских расходов между державами и не увеличивать ее в дальнейшем. «Но,—укоризненно разоблачал этот план Миллюков в своей книге о вооруженном мире и ограничении вооружений,—«существующая пропорция», как она сложилась в результате усиленного судостроения 1877—1898 г.г., составляла (для Англии) 40 броненосцев, в то время, как Соединенные Штаты за тот же промежуток выстроили только 12, Франция 11 Германия 7». Представитель Германии заявил что его страна не страдает от невыносимого бремени вооружений и что он отказывается даже обсуждать этот вопрос. В результате гагская конференция могла выставить только словесное и лицемерное пожелание: «Конференция полагает, что прогрессивное ограничение вооружений, тяготеющее в настоящее время над миром, в высшей степени желательно для увеличения духовного и материального благосостояния человечества». Вторая гагская конференция в 1907 году дала тот же результат, что и первая. Опять Англия советовала (еще перед конференцией) обратить внимание на тяжесть милитаризма и предлагала всем приостановить увеличение вооружений. Тем более, пояснял в парламенте лорд Грей, что «превосходство британского флота ни в какую эпоху нашей истории не было более значительно, чем теперь» Опять Германия заявила, что для нее не может быть и речи о Р. Резолюция, принятая на конференции, гласила: «Вторая мирная конференция подтверждает постановление об ограничении военного бремени, принятое на конференции 1899 года, и в связи с тем, что с тех пор тяжесть военных расходов значительно увеличилась почти во всех странах, она указывает на крайнюю желательность того, чтобы правительства вновь подвергли этот вопрос серьезному изучению». Незадолго перед мировой войной Англия

предприняла безуспешную попытку заставить Германию отказаться от соперничества в области морских вооружений (миссия Хольдена). После мировой войны победители провели почти полное Р. побежденных и в первую очередь Германии (V часть Версальского договора и соответствующие постановления договоров Сен-Жерменского, Нейи, Трианонского, Севрского). Хотя введение к V части договора гласит, что Р. Германии производится «с целью сделать возможной подготовку общего ограничения вооружений всех наций...», однако, никаких практических шагов в этом направлении не было предпринято.

Общее ограничение вооружений включено в статут Лиги Наций, однако, в такой форме, которая почти ни к чему реально не обязывает. Статья 8 этого статута гласит: «Члены Лиги признают что поддержание мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с государственною безопасностью и выполнением международных обязательств, налагаемых общим действием. Совет считаясь с географическим положением и особыми условиями каждого государства, подготавливает планы этого ограничения в целях рассмотрения их и вынесения по ним решения отдельными правительствами. Эти планы должны являться предметом нового рассмотрения или, в случае надобности, пересмотра по меньшей мере каждые десять лет». Далее говорится о пагубных последствиях производства военного снаряжения частными фирмами, и в заключение устанавливается обязательство для членов Лиги «самым открытым и исчерпывающим образом обмениваться всеми сведениями, относящимися к масштабу их вооружений, к их военным, морским и воздушным программам и к состоянию тех из отраслей их промышленности, которые могут быть использованы для войны». Ст. 9 предусматривает образование при Лиге Наций постоянной комиссии (образована в мае 1920 года под названием «Постоянной Советательной Комиссии по военным, морским и воздушным вопросам»).

Менее чем через год Лига нашла необходимым создать еще одну комиссию по Р. не только из военных экспертов, но также из авторитетных политиков и эконо-

мистов: это была «Временная смешанная комиссия», работавшая одновременно с постоянной. Наконец, обе эти комиссии были соединены вместе и, дополненные еще новыми членами, превращены в «отдел Р.» генерального секретариата Лиги Наций. Как эти комиссии, так и Совет Лиги и, наконец, ее пленум—Собрание Лиги—не раз возвращались к вопросам Р. Однако дальше безуспешного рассмотрения разных проектов и вынесения необязательных резолюций при этом не пошли. Из этих резолюций можно отметить прежде всего принятую в декабре 1920 года Собранием Лиги и содержащую «положение о принятии обязательств не превышать в течение двух бюджетных годов, которые последуют за ближайшим бюджетным годом, общей цифры военных, морских и воздушных расходов, предусмотренных для этого года». Ни одна из крупных держав не посчиталась даже с таким растяжимым желанием. После этого Лига Наций несколько раз безрезультатно возвращалась к вопросу о Р. К этим попыткам относятся: так называемая «четырнадцатая резолюция» осенней сессии 1922 года, проект договора о Р., предложенный Англией, рассматривавшийся на сентябрьской сессии 1923 г., конференция по морскому Р. в феврале 1924 г. и постановление о созыве международной конференции по сокращению вооружений, включенное в протокол об арбитраже 2 окт. 1924 г. которое отпало вместе с указанным протоколом.

Таким образом, вся эта «кипучая» деятельность Лиги Наций не дала до сих пор никаких результатов. Вне рамок Лиги Наций вопрос об ограничении морских вооружений был поставлен на Вашингтонской конференции 1921 г., созванной по инициативе С. Ш. А. Соответствующий трактат между 5 державами (Соединенные Штаты Америки, Британская империя, Франция, Италия и Япония) был заключен 6 февраля 1922 г. Он начинается заявлением, что, «желая содействовать сохранению общего мира и уменьшить тяготы соперничества в вооружениях, решили, в видах достижения этих целей, заключить трактат об ограничении своих морских вооружений...» Срок действия договора—31 дек. 1936 г. Он предусматривает прямо только 5 договорившихся держав. Но

косвенно, он касается в некоторых отношениях и других держав, поскольку их морское строительство может быть связано с договорившимися державами; так что, благодаря руководящему значению последних, соглашение подчиняет определенным нормам почти все морские государства. К моменту заключения договора Соединенные Штаты имели право сохранить свои линейные суда с общим водоизмещением в 525.850 тонн. Впоследствии, когда эти суда за устарелостью начнут заменяться новыми, Штатам разрешено удержать 525.000 тонн. Наличный тоннаж линейных кораблей Британской империи определен был в 580.450 тонн, с тем, что при замене этих судов новыми она низведет свой тоннаж до 525.000 тонн сравнявшись, таким образом, со Штатами. Во Франции наличный тоннаж линейных судов определен в 221.170 тонн. При замене их новыми ей предоставляется только 175.000 тонн. Наличный линейный флот Италии был определен в 182.800 тонн; замена должна свести эту цифру к 175.000 тонн. Наконец, линейный тоннаж Японии, простиравшийся до 301.320 тонн, при замене может быть поднят до 315.000 тонн. В договоре фиксирован верхний предел водоизмещения линейных судов (35.000 тонн) и предел для калибра их орудий, который не должен превышать 16 дюймов (406 миллиметров). Кроме линейных судов, ограничения распространяются и на некоторые другие военные корабли. Сюда относятся прежде всего авио-матки (военный корабль водоизмещения больше, чем 10.000 тонн, используемый исключительно для специальных потребностей по перевозке воздушных сил). Каждой из договорившихся держав трактатом предоставлен предельный тоннаж для всей совокупности ее авио-маток. Для Соед. Штатов этот (верхний) предел определен в 135.000 тонн, и столько же для Англии; Франции и Италии предоставлено по 60.000 тонн каждой; Япония добилась 81.000 тонн. Предельный тоннаж авио-маток установлен в 27.000 тонн, а вооружение их не должно превышать 8 орудий (калибра от 6 до 8 дюймов), не считая более мелких. По отношению к крейсерам установлен предельный тоннаж в 10.000 тонн и предельный калибр орудий—8 дюймов. Но число таких судов

ничем не ограничено. Здесь оставлена широкая возможность для замены дорогих и медленных линейных кораблей более дешевыми и быстроходными. Договорившиеся державы поспешили воспользоваться этой возможностью самым широким образом. Наконец, в трактате затрагивается и вопрос о сооружении прибрежных укреплений и морских баз: за вычетом коренной Японии и островных владений, прилегающих к побережью Соединенных Штатов, к Аляске, без Алеутских островов, и в зоне Панамского канала, а также за вычетом Гавайских островов, островов, прилегающих к побережью Канады, затем—Австралии и Новой Зеландии и, наконец, побережий и островов к востоку от меридиана 110° восточной долготы,—во всех остальных владениях и территориях, расположенных в Тихом океане и принадлежащих Японии, Англии и Соед. Штатам, воспрещается устанавливать новые укрепления и морские базы, а также усиливать или увеличивать существующие. Необходимо отметить, что Япония поспешила закончить постройку нескольких новых баз как раз перед конференцией. Что касается Англии, то она тотчас же после конференции принялась за сооружение мощной базы в Сингапуре, лежащем вне запретной зоны, но очень близко от нее. Воздушные и морские вооружения не подверглись всеограничениям. Вашингтонская конференция закрепила отказ Англии от гегемонии на морях, ибо отныне ее линейный флот равен американскому. Соперничество в морских вооружениях после Вашингтонской конференции не прекратилось, но лишь было перенесено в другую область (легкий крейсер, подводный и воздушный флот). В итоге, и первый договор о Р., явившийся на деле трактатом о перевооружении подтверждает заключение, к которому приводит анализ развития проблемы, и которое гласит, что в условиях империалистической государственности движение в пользу Р. сводится практически к стремлению обезоружить или хотя бы ослабить противника проповедью договоризны и тяжести его вооружений.

Т Райнов

РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА — см. **Купля-продажа в розницу с рассрочкой платежа.**

РАЙИСПОЛКОМЫ. Р — руководящий орган укрупненной волости, района. Р. созданы в краях Северо-Кавказском и Сибирском, Уральской области, Украинской, Белорусской, Крымской и некоторых других соц. сов. республиках, где они, с одной стороны, заменили упраздненные уезды, с другой — ликвидированные мелкие волости. Районы организовались вокруг определенных центров экономического тяготения хозяйственно целостной территории с достаточным количеством населения, где можно было бы строить крепкий бюджет и плановое хозяйство, тесно увязывающееся с хозяйством выше стоящих админ.-терр. единиц. В то же время район по размерам территории и количеству населения является естественной целостной низовой единицей деревенской сети различных ведомств: агрономического, врачебного, ветеринарного, милицейского, фин.-налогового и т. д. в виде их участков, целиком совпадающих с границами района и легко доступных в своем общем центре населению, благодаря небольшому радиусу расстояния, позволяющему «обернуться» в один день. В РСФСР районы появились впервые в 1924 г. (на Урале) в количестве 76, в 1925 г. — 353, в 1926 г. — 769; в среднем на один район приходится 12.964 кв. килом. территории, 54.650 чел. населения, 75 селений и 16 сельсоветов. В УССР вместо прежних 1.959 волостей (в 1922 г.) имеется 636 районов (в 1926 г.); на район приходится в среднем 675 кв. км. терр., 42.927 жителей, 62 селения и 15 сельсоветов. Опыт районирования дал весьма положительные результаты в смысле улучшения обслуживания и поднятия общественного хозяйства деревни. По РСФСР в 1926 г. волостной бюджет на душу населения составлял 95 к. в районах — 2 р. 50 к., а в прежнем уездном земстве — 2 р. На районную единицу с упразднением уездов и мелких волостей переведены губернии Тульская, Северо-Двинская и Астраханская. В РСФСР все районы функционируют на основе положения о волостях и волостных участках от 13 октября 1924 г., с некоторыми отступлениями в области организационной; число членов райкомов составляет 15 чел., пять из них выделяются в президиум, ведущий текущую работу через отделения райкома, из которых образуется 5; административное,

военное, общее, финансово-налоговое и земельное.

Г. М.

РАЙСОВЕТЫ. Р. в крупных городах стали образовываться еще до Октябрьской революции и, кроме массовой агитационно-организационной работы, вели главным образом, работу по урегулированию условий труда и разрешению многочисленных трудовых конфликтов. В дальнейшем они заменили районные городские думы с их управами, развернули большую деятельность, которая к 1920 г. стала замирать. Положение о горсоветах (см.) 1922 г. указывает, что «в крупных городах для удобства обслуживания населения могут быть организованы Р. с., составляемые из членов городского совета, разбитых по районам». Р. с. действуют согласно особого положения. Но такого положения о Р. с. пока еще не было издано. Положение о горсоветах 1925 г. предусматривает, что в городах с населением более 50.000 чел. «могут быть образованы, кроме городского, Р. с., объединяющие отдельные части города» при чем Р. с. «действуют на основании особых инструкций», до 1927 г. еще не изданных. На практике Р. с. конструируются обычно по типу горсоветов с президиумами, секциями, а кой-где и отделами (комхоз., здравоохран., наробраза, финансовые); поскольку в 1925 г. в Москве и др. городах стали строиться опять бюджеты Р. с., Р. с. существуют иногда и в небольших городах, где рабочая окраина очень удалена от центра, при чем здесь их заменяет часто районная, построенная по своему составу и содержанию работы по территориальному принципу, секция горсовета.

Г. М.

РАСТРАТА кем-либо вверенного ему имущества предполагает присвоение этого имущества: кто растрчивает чужое имущество, обращается уже с этим имуществом, как со своим. Германский У К ограничивается поэтому упоминанием в соотв. постановлениях лишь о присвоении (*Unterschlagung*). Наш У К. также связывает присвоение и Р. с. один деликт, но упоминает о них в соотв. статьях (116 и 168 У К. 1926 г.) особо. Отличие присвоения от похищения — см. Похищение имущества. Все законодательства

содержат всякого рода постановления о Р.: 1) о Р. как имущественном преступлении (см.), и 2) о Р., как преступлении должностном (см.). Как имущественное преступление Р и присвоение сперва в древнейшем римском праве охватываются понятием кражи, рассматриваясь вместе с последней, вообще, как гражданско-правовое нарушение, а не уголовное преступление.

Современное право оформило два различных подхода к Р и присвоению: французский и германский. Франц. Code Pénal признает наказуемым лишь такое присвоение, в котором налицо момент злоупотребления доверием (*abus de confiance*), прямо перечисляя притом в ст. 408 те случаи, каковым, с точки зрения закона, присущ этот момент германский У К. признает наказуемым всякое присвоение чужого имущества, как особого рода нарушение права собственности, выделяя присвоение вверенного, как строже караемую разновидность присвоения, и обходясь при такой конструкции без особого постановления о присвоении находки. Ст. 168 У К. РСФСР в ред. 1926 г. предусматривает «присвоение, т.-е. удержание корыстной целью, чужого имущества, вверенного для определенной цели, или Р. этого имущества», назначая за таковое лишение свободы на срок до 2 лет; ч. 2 ст. 168 особо предусматривает «присвоение находки», влекущее лишение свободы на срок до 1 месяца

Как должностное преступление, Р. и присвоение уже в древне-римском праве получают уголовно-правовую окраску. Взятничеством и т.-н. *peculatus*, т.-е. Р., в сущности, и исчерпывались в течение очень долгого периода все должностные преступления вообще. Ст. 116 У К. ред. 1926 г. предусматривает «присвоение или Р. должностным лицом или лицом исполняющим какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения, денег, ценностей или иного имущества, находящегося в его ведении в силу его служебного положения или исполнения обязанностей», назначая за таковое лишение свободы на срок до 3 лет. Серьезное зна-

чение, придаваемое советской властью делу борьбы с должностными Р., как опасным для социалистического строительства явлением, выявилось и в сохранении за наиболее тяжкие случаи должностной Р. расстрела. Эти наиболее тяжкие случаи предусмотрены в ч. 2 ст. 116 У К. ред. 1926 г., устанавливающей «лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже 2 лет, с повышением вплоть до расстрела, с конфискацией имущества», за всякое «присвоение или Р., совершенные теми же лицами (т.-е. указанными в части 1 статьи. А. Э.), но при наличии у них особых полномочий, а равно присвоение особо важных государственных ценностей»

А. Эстрин

РАСЦЕНОЧНО-КОНФЛИКТНЫЕ КОМИССИИ Советские расценочно-конфликтные комиссии (РКК), предусмотренные Т. К. и действующие на основании особого постановления о них, являются в СССР одним из важнейших органов регулирования труда а правовое положение РКК составляет одну из важнейших проблем советского трудового права.

Являясь, по основному своему характеру, низшими примирительными инстанциями в отдельных предприятиях и учреждениях (ср. Примирительно-третейское разбирательство), РКК организуются на паритетных началах из равного количества: 1) представителей профсоюза (представители местного комитета рабочих и служащих, т.-е. фабзавкома и т. д. или делегат-уполномоченный работников в профсоюзе) и 2) представителей администрации предприятия или учреждения. В некоторых же отраслях труда для мелких предприятий, учреждений и хозяйств создаются на началах паритетного представительства т.-н. объединенные районные РКК (по линии соответствующих профсоюзов).

Широта задач РКК есть широта участия профсоюзов, через их первичные органы, в регулировании труда по соглашению с администрацией. В работе РКК через рабочую ее часть образуемую низовыми профсоюзными органами, наиболее непосредственно проявляется самодеятельность рабочей массы в области регулирования труда. Вместе с тем нормальная деятельность РКК обеспечивает согласование

широкого круга вопросов на самом предприятии. В этом заключается особенно выдающееся значение РКК. И поэтому понятно, что на организацию работы РКК неизменно обращено внимание руководящих профсоюзных и партийных органов. XIV съезд ВКП(б) признал необходимым расширить права РКК в области разрешения конфликтов, усилить их состав делегированием авторитетных представителей обеих сторон, обеспечить постоянство их состава, а равным образом усилить инструктирование их как со стороны хозяйственных органов, так и со стороны профсоюзов (резюмируя по докладу тов. Томского о работе профсоюзов).

В РКК дела решаются по соглашению сторон. Каждая сторона (рабочая часть и представители администрации) имеет по одному голосу, выступая, как единое целое. Заседания РКК, как правило, происходят в рабочее время, при чем за членами РКК сохраняется их средний заработок.

РКК рассматривают возникающие в предприятии или учреждении споры на почве применения коллективных и трудовых договоров. Это—конфликтные функции РКК. Споры на почве заключения колдоговора, требование отмены отдельных частей его, а равно требование новых или дополнительных условий для включения в колдоговор ведению РКК не подлежат, так как только вышестоящие профсоюзные органы, а не представительство работников предприятия или учреждения, могут быть договаривающейся стороной колдоговора (ср. ст. 15 Т. К.).

РКК осуществляют свои конфликтные функции по требованию заинтересованной стороны (администрации, фабзавкома или отдельного работника). В отличие же от конфликтных функций, рассмотрение определенного круга вопросов, связанных с проведением колдоговоров и трудового законодательства, является обязательными функциями РКК, хотя бы по этим вопросам не имелось налицо никакого трудового спора. Функции РКК, обязательные безотносительно к наличию трудового спора, определяются, таким образом, характером подлежащих рассмотрению вопросов. По этим вопросам решение должно выноситься постановлением РКК, а не единоличным распоряжением администрации:

при отсутствии же РКК (в мелких предприятиях, учреждениях и хозяйствах) согласие рабочей части РКК заменяется, как правило, согласием со стороны профсоюза.

В ряду функций РКК, обязательных безотносительно к наличию трудового спора, первое место занимают обязательные функции по проведению колдоговоров: а) рассмотрение и утверждение разбивок работ и должностей по тарифным разрядам; б) рассмотрение и утверждение, в соответствии с колдоговором, норм производительности и сдельных расценок; в) установление форм испытаний и проб для отдельных работ или профессий. Все это—вопросы установления общих условий труда. Вопросы же индивидуального распределения по тарифным разрядам, вопросы применения в отдельных случаях уже установленных норм производительности и сдельных расценок и вопросы индивидуального установления профессиональных проб для отдельных работников хотя и не подлежат обязательному рассмотрению РКК, но могут поступать на рассмотрение РКК при наличии спора. Таким образом, РКК, в полном смысле этих слов, является ближайшим органом надзора за исполнением колдоговоров (ср. ст. 26 Т. К.).

Увольнение нанявшегося в случае обнаружения непригодности его к работе и в случае систематического неисполнения им, без уважительных причин, своих обязанностей может последовать не иначе, как по постановлению РКК. На РКК возложен, в качестве обязательных функций, контроль над применением сверхурочных работ, распределение ежегодных отпусков, контроль над заменой отпусков денежной компенсацией, разрешение вопросов о вычетах из заработной платы за порчу приспособлений изделий и материалов и т. д.

К компетенции РКК отнесена также разработка проектов договорных правил внутреннего распорядка (если правила разрабатываются для отдельных предприятий или учреждений).

При недостижении соглашения между сторонами, представленными и договаривающимися в РКК, спорный вопрос, в зависимости от его характера, может, как правило, стать предметом разбирательства в примирительной

камере, либо в третейском суде (см. Примирительно-третейское разбирательство), или в порядке гражданского судебного процесса. Исключение составляли некоторые из функций РКК, обязательных безотносительно к наличию спора, при выполнении которых положительное решение вопроса в РКК является для администрации разрешением па о г р е д е л е н н ы е д о й с т в и я (на производство сверхурочных работ, на замену отпуска денежной компенсацией и т. п.), а недостижение соглашения в РКК, одинаково с отрицательным решением вопроса, является окончательным отказом в разрешении соответствующих действий.

В несколько ином положении находятся вопросы о санкции РКК на расторжение договора с трудящимся в случае его непригодности или несоблюдения им правил внутреннего распорядка, а также о санкции РКК на вычет из заработка в случае порчи по небрежности трудящегося орудий, материалов и изделий. Практика установила, что в этих случаях при недостижении соглашения в РКК допускается организация примирительно третейского разбирательства, и таким образом решение РКК восполняется постановлением примирительной камеры или третейского суда. В случае же, если наниматель, при недостижении соглашения в РКК и в примирительной камере об увольнении трудящегося, не допускает его к работе, не платит зарплаты и пр., трудящийся имеет право предъявить иск о признании трудового договора расторгнутым и о допущении его к работе; в этом случае суд сам рассматривает вопрос—имеются ли налицо поводы к увольнению—и в зависимости от этого или постановляет о допущении трудящегося к его работе, или санкционирует увольнение. Если же отсутствие поводов к увольнению было зафиксировано в постановлении прим.-трет. органов, то вопрос не подлежит пересмотру в судебном порядке (см., напр., «Разъяснение пленума Верховного Суда РСФСР» от 17 января 1926 г.).

Определенные категории трудовых споров могут поступать в вышестоящие прим.-трет. органы (прим. камеры и трет. суды) или, в зависимости от характера спора, получать движение в порядке гражданского судебного иска лишь при условии, что эти споры были предварительно рассмотре-

ны и не получили разрешения в РКК. Такая обязательность предварительного рассмотрения спора в РКК распространяется на следующие трудовые споры: а) споры по проведению колдоговоров; б) все вообще споры по вопросам, рассмотрение которых отнесено к обязательным функциям РКК (см. выше); в) некоторые споры по отдельным вопросам проведения трудового законодательства, поскольку в законодательстве специально указано, что эти споры подлежат рассмотрению РКК (напр., все споры между нанявшимся и нанимателем по вопросу о компенсации за использование для нужд предприятия инструментов нанявшегося, некоторые споры связанные с оплатой командировок, и т. д.).

РКК не лишены права в общем порядке своей деятельности пересматривать свои постановления как по соображениям целесообразности (в вопросах установления условий труда) так и в целях исправления допущенного в первоначальном постановлении нарушения закона, колдоговора и т. д. Помимо случаев пересмотра, постановления РКК по вопросам установления общих условий труда утрачивают свою силу в том случае, когда затем будет принято иное решение этих вопросов в колдоговоре, в постановлении примир. камеры, в трет. решении. По вопросам же осуществления прав, принадлежащих отдельным работникам или принадлежащих нанимателю в отношении отдельных работников, постановления РКК не могут быть ни пересматриваемы, ни отменяемы никакими другими органами, за исключением случаев отмены незаконных постановлений РКК органами Народного Комиссариата Труда в особо установленном порядке надзора. Органы НКТ могут отменять в порядке надзора все вообще незаконные постановления РКК как по принесенным жалобам, так и по собственной инициативе.

Постановление РКК в случае отказа нанимателя добровольно исполнить его, передается через подлежащий орган НКТ в народный суд для принудительного исполнения его путем выдачи исполнительного листа.

Прочность положения советских РКК есть отражение прочности положения со-

ветских фабзавкомов, месткомов и т. д., как первичных органов профсоюзов. В государственных же предприятиях и учреждениях общие правовые рамки деятельности РКК заполняются тем социальным содержанием, для которого характерно, что между представителями администрации и рабочей частью РКК могут быть отдельные разногласия и трения, но нет противоречия классовых интересов. Таких органов, как советские РКК, с их конкретными социально-политическими и, в частности, правовыми чертами, не существует в капиталистических странах. Там до сих пор фабзавкомы если и существуют, то в большинстве случаев не являются непосредственными органами профсоюзов, а по законодательству либо вовсе бесправны, либо пользуются во много раз меньшими правами, чем в СССР. В буржуазно-капиталистических государствах, регулирующих правовое положение фабзавкомов (как представительств работников предприятия), совершенно бледной тенью советских РКК является порядок улаживания трудовых споров на самом предприятии путем совместного обсуждения спорных вопросов представительством работников предприятия и предпринимателем (этот вопрос предусмотрен, например, в современном германском законодательстве).

И. Войтинский

РАСЧЕТНАЯ КНИЖКА установленная Т. К. советских республик принципиально и практически отличается от т.-н. рабочей книжки, имеющей свою длительную историю в буржуазно-капиталистических государствах.

I. Рабочая книжка как своего рода трудовой паспорт (а не документ, удостоверяющий условия найма и производство расчета), появилась еще в условиях цехового строя и служила средством прикрепления рабочих к месту работы и надзора за их поведением.

Во Франции рабочая книжка была введена еще до Великой французской революции. Учредительное собрание, уничтожившее цеховую систему и декретировавшее «свободу труда» освободило рабочих от тягостной обязанности обзаводиться рабочей книжкой (1791 г.).

В эпоху консульства и империи рабочая книжка вновь восстановлена, как орудие

полицейского надзора и подчинения рабочих хозяйской власти: закон 1803 г. запрещает допускать рабочего к работе без предъявления им рабочей книжки. Рабочий, не предъявивший по требованию соответствующих органов рабочей книжки, считался бродягой. Многочисленные злоупотребления со стороны нанимателей, сопровождавшие применение рабочей книжки, вызывали негодование и бурные протесты рабочих против двойного гнета хозяйской власти и полицейского надзора. Внесенный в 1881 г. в парламент проект уничтожения рабочих книжек—этого открытого орудия буржуазного насилия—получил силу закона в 1890 г.

В Германии рабочая книжка имела применение до введения устава о промышленности Законом 1869 г. обязанность рабочего иметь рабочую книжку была отменена; эта обязанность была сохранена лишь для несовершеннолетних (с момента окончания обязательного обучения и до достижения 21 года). Предписания о рабочей книжке для несовершеннолетних связаны с контролем над проведением обязательного обучения и с зависимостью несовершеннолетних от родителей или опекунов.

П. Р. к., по советскому законодательству, служит важнейшим документом для закрепления установленных условий труда и для обеспечения возможности проверки выполнения нанимателем его обязанностей.

Выдача Р. к. является обязанностью нанимателя, независимо от количества занятых в предприятии или хозяйстве лиц; изъятие из этого правила допускается по отношению к лицам административного персонала, пользующимся правом пайма и увольнения, а также при найме на срок менее 7 дней.

В Р. к. фиксируются основные условия труда: род работы, размер заработной платы, срок пайма и т. д.; равным образом, наниматель обязан отмечать в Р. к. все последующие изменения в условиях трудового договора, каждую выдачу заработной платы и заявления сторон о предстоящем расторжении договора. В случае возникновения споров, вытекающих из трудового договора, Р. к. является основным документом для разрешения этих споров. Неясность или неполнота в заполнении Р. к.

не может служить во вред интересам нанявшегося: в сомнительных случаях тяжесть доказательств лежит на нанимателе. Невыдача Р. к. может повлечь за собой преследование нанимателя, но не пред- решает вопроса о наличии или отсутствии трудового договора. наличие трудового до- говора и установление по соглашению усло- вий труда могут быть выявлены и дока- зываемы и другими способами—иными до- кументами. а также свидетельскими пока- заниями.

Форма Р. к. устанавливается Народным Комиссариатом Труда.

По действующим правилам советского законодательства, наниматель обязан выда- вать Р. к. не позже 7 дней с момента приема на работу. Р. к. хранится у работни- ка и передается им нанимателю лишь для записи о выдаче заработной платы, после чего возвращается работнику одновремен- но с выдачей заработка. Если в условиях договора последовали изменения, то они записываются в Р. к. одновременно с ближай- шей записью о выдаче зар. платы. В слу- чае расторжения трудового договора Р. к. остается на руках рабочего или служащего.

Р. к. известны и законода- тельству буржуазно-капитали- стических государств. Но, напр., в царской России обязательность выдачи Р. к. установленная законом 3 июня 1886 г. распространялась лишь на более крупные промышленные предприя- тия. В Германии до настоящего времени обязательность выдачи Р. к. установлена лишь в отношении некоторых категорий рабочих.

Г. Р.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО— организация власти выдвинутая победо- носной революцией и осуществляющая диктатуру победившего класса от имени всего государства. Дать его полный теоре- тический анализ сейчас не представляется еще возможным. Теория Р. п. совер- шенно не разрабатывалась в буржуазной науке, где Р. п. представлялось только случайным и ненормальным явлением. Игнорирование Р. п. в науке буржуазии отображало ее политическую практику: придя к власти посредством революции, буржуазия прежде всего старалась заста-

вить забыть о революции, увековечивая свою власть «постоянными» и «ненаруши- мыми» конституциями. Если, т. о., в бур- жуазных революциях историю Р. п. можно вести только от захвата власти и до его санкционирования каким-нибудь «собра- нием» (или—что то же—до его формаль- ной отмены тем же «собранием»), то в ре- волюции пролетарской вопрос о Р. п. ста- вится принципиально иначе. Ставя себе «последовательно» и «законченно» рево- люционные цели, пролетариат захватыва- ет власть, чтобы уничтожить всякую власть, и, т. о., пролетарская (советская) форма организации власти должна быть признана «временным Р. и.» во все время своего существования (а стало быть, по- стоянным, т. е. до отмирания государства); санкция, даваемая ей учредительным Съездом Советов, и принимаемые ею кон- ституции не меняют существа дела.

Все-таки во всех революциях можно вынести за скобки черты, свойственные всем Р. п., вследствие некоторой общно- сти в методах всех революций, одинаково совершаемых руками широких народных масс. Всегда Р. п. является органом клас- совой диктатуры, т. е. прежде все- го властью, не связанной формой легаль- ности, все равно, является ли это ее осо- знанной целью или объясняется «исклю- чительными обстоятельствами»: этим Р. п. отличается от стабильного «правового го- сударства» и представляет особенный ин- терес для марксизма, вскрывая истинную сущность всякого государства. Буржуаз- ные революции здесь представляют не меньший интерес, ибо их Р. п. резко от- личаются от стабильных буржуазных пра- вительств, являясь орудием разрушения феодально-крепостнических пережитков. Поэтому-то вопрос об участии пролетариа- та в подобных буржуазных правительствах должен решаться иначе, чем по отноше- нию к правительствам стабильным (так ставился вопрос Лениным в споре с меньшевиками в 1904—1905 г.г. когда он выдвигал идею буржуазно-демократиче- ской диктатуры пролетариата и крестьян- ства): буржуазное Р. п. для пролетариата служит орудием борьбы за буржуазно-де- мократический строй, но борьбы небур- жуазными («плебейскими») методами. Всякое Р. п. вырастает в большей или меньшей степени, как результат сти-

х и й н о г о движения широких масс, приспособляя свою организацию к уже фактически создавшейся местной революционной власти. Легкость образования и законченность организации Р. п. зависят от того, насколько развит у революционного класса его политический авангард — партия. Вообще, всякая революция движется в пределах трех определений: партия, Р. п., «стабильное» правительство. Наконец, характерным моментом в истории почти всякого Р. п. является двоевластие, так как революция никогда сразу не достигает своего завершения. Но проходит промежуточные классовые этапы перерастая, например, из буржуазной в народную (1789—1793 г.г.) или из буржуазной в пролетарскую (1917 г.) Двоевластие может выражаться в неполной форме, когда рядом с несвергнутым правительством, официально представляющим государство, существует фактическая власть, выдвинутая революцией; последняя однако не является Р. п. в строгом смысле, ибо здесь революция или еще не победила (лето 1793 г.), или уже потерпела поражение (октябрь 1905 г.) В развернутом виде двоевластие проявляется в тех случаях, когда старое правительство свергнуто, и сразу же образовались две классовые организации, «коалиция», которая является только одной из форм борьбы за единую власть. Ограничиваясь этими общими положениями, мы даем ниже исторические справки, используя наиболее типичные революции.

Великая французская революция представляет особый интерес для теории Р. п. во-первых, потому, что она является собой классический тип буржуазной революции, проделавшей полный круг своего развития; во-вторых, потому, что в ее политическом мировоззрении наиболее проявился юридический момент; самый термин Р. п. взят из ее обихода, в котором он получил и законодательное выражение.

Для характеристики Р. п. 1792—1794 г.г. решающим является то обстоятельство, что это был период диктатуры мелкой буржуазии («народной революции»). Намереваясь вести самостоятельную от влияния крупной буржуазии политику, мелкобуржуазное Р. п. остано-

лось на «максимуме» (припудительной таксации цен), балансируя между необходимостью национализации торговли и промышленности и уважением к «священному принципу частной собственности». Конвент учредил все главные органы революционной диктатуры, но декретировал смертную казнь за предложение «ниспровергающее земельную, торговую или промышленную собственность» (18 марта 1793 г.). Выметшая железной метлой всю феодальную собственность, мелкобуржуазная диктатура останавливалась в смущении перед собственностью буржуазной, хотя фактически находилась в жесточайшей борьбе с капиталистической буржуазией.

Из этих противоречий отчасти проистекал террористический уклон мелкобуржуазной диктатуры: она «теряла свои силы в бесплодной и ошибочной попытке истребления своих противников, охраняя в то же время их собственность» (Кропоткин). Отсюда же все колебания и противоречия ее политики в разные периоды и в разных частях Франции: летом 1793 г. (и, как будто, летом 1794 г. перед своим падением) Р. п. пытается создать коалицию с крупной буржуазией, а зимой 1794 г. доходит до прокламаций эгалитарного социализма; в Париже собственность признается священной, а на юге в то же время (осенью 1793 г.) Фуше и Колло-Турбуа производят форменное «ущемление буржуазии», Жамбон Сент-Андре муниципализирует мастерские курабельных снастей и т. д.

Из той же междуклассовой природы мелкой буржуазии происходила и невозможность до конца консолидировать силы революции. Мелкая буржуазия не может никогда ставить себе последовательно и законченно революционные цели и никогда не может проявить достаточной организованности и стойкости в осуществлении своей революции (Ленин). Парижский «народ» составляли ремесленники, ремесленные рабочие лавочники и трактирщики, окрестные мужики, интеллигентская богема, деклассированная прислуга, и этот его состав отражался и на ядре Р. п. До самого своего падения партия революции Гора сохраняла в своих недрах политиков средней буржуазии (т. п. дантонистов),

последовательных радикалов, представителей городской ремесленной бедноты (Шометт и эбертисты — кордельерский клуб; отчасти члены Р. п. Бийо-Варенн и Коллод'Эрбуа) и, наконец, представителей мелкой буржуазии в собственном смысле (триумвират Робеспьера, якобинский клуб). Организационные неурядицы внутри Р и много способствовали его падению.

В юридическое мировоззрение, свойственное мелкой буржуазии, также не укладывалось понятие революции по словам Робеспьера в его докладе 25 декабря 1793 г. самое понятие «Р. и.» «для большинства людей не что иное, как загадка». Задачу своей революции мелкая буржуазия (вместе со всей буржуазией XVIII в.) видела лишь в ликвидации феодальной абсолютной монархии и в организации демократического, правового государства, т. е. диктатуры крупной буржуазии, по существу.

Отсюда проистекли два последствия. Во-первых, во все время диктатуры мелкой буржуазии Р. п. пытались как-то истолковать юридически, придать ему вид формально-демократической власти и снабдить соответствующими органами. Поэтому в течение действия Р. и. продолжала сохраняться законодательная палата, Конвент, как символ «общей воли» французской нации, единой и нераздельной (партии, как представители классовых интересов, французскими революционерами отвергались). Принцип разделения властей почти все время оставался их символом веры, при чем счень долго сохранялось к исполнительной власти «презрительное отношение, как к чему-то низшему» (Олар). И долго после фактического перехода к диктатуре революция официально считалась осуществлением буржуазно-демократической конституции 1791 г.

Конечно, все эти формально-демократические привески революционной диктатуры опровергались самой действительностью. Конвент, выбранный только для ревизии конституции 1791 г. с тем, чтобы потом уступить место «нормальной» законодательной палате, на самом деле существовал «революционным порядком» больше трех лет, издав за это время 11.210 законов. Но политическое лицо этого выразителя общей воли менялось столь-

ко же раз, сколько раз менялось за это время классовое содержание фактической власти. Конвент послушно вотировал декреты сначала жирондистов, потом монтаньяров, потом термидорианцев во всех их разновидностях. От теории разделения властей пришлось отказаться вскоре после свержения монархии, отчасти уже с учреждением исполнительного совета 10 августа 1792 г. и вполне учреждением комитета общественной обороны 1 января 1793 г.; параллельно с этим «презрительное отношение» к «исполнительной власти» сменилось полным подчинением ей власти «законодательной». Наконец, применение демократичнейшей конституции 1793 г. было «отложено» вплоть до заключения мира.

Во-вторых, мелкая буржуазия не могла установить никаких принципов подлинного революционного руководства. Самое понятие «Р. и.», закрепленное законом 10 октября 1793 г., с точки зрения мелкобуржуазной идеологии, должно было означать положение «временное», притом «ненормальное, противоречащее основным принципам в том отношении, что законодательная власть в нем сливалась с исполнительной». Либеральные историки вполне правы, когда они утверждают, что Р. и. «не было результатом какой-либо теории, а было вызвано исключительно обстоятельствами времени», что оно «создавалось эмпирически изо дня в день, приспособляясь к обстоятельствам» (Олар). Однако то, что с либеральной точки зрения является достоинством буржуазной революции, было на самом деле ее величайшим недостатком.

Следствием этого во французской революции оказался некоторый отрыв центра Р. п. от его естественной базы — секций, коммун и клубов. В Париже во все те моменты, когда нужно было проявить действительно революционную акцию, инициатива целиком переходила из рук «центральной власти» в руки парижских секций и их Коммуны (дни августа и сентября 1792 г. май—июль и сентябрь 1793 г. и т. д.). «Центральная власть» так до конца и не отучилась оцепивать их иначе, как противостоящую себе силу; это «двоевластие» сказалось потом во время термидорского переворота. Также в провинции вся тяжесть борьбы с

контрреволюцией лежала на клубах, коммунах и их революционных комитетах; правительственные комиссары часто не столько с ними объединялись, сколько ими командовали, разгоняя их вовсе в каждом случае столкновения. В самом «центральном правительстве» имели место многоначалие, путаница и разиобой. Рядом с комитетом общественного спасения в самостоятельной роли оказалось министерство внутренних дел (комитет всеобщей безопасности), и, кроме того, до апреля 1794 г. существовали отдельные министерства, объединенные в исполнительный совет. Каждая из этих (и многих других) властей имела собственных агентов, что создавало на местах параллелизм и неразбериху настолько, что из департаментов просили прекратить это странное злоупотребление тучей комиссаров, которые сюда посылаются.

Описанный отпечаток, который наложила на французское Р. п. его мелкобуржуазная природа, не меняет, однако, его существа: это был замечательный образец классовой диктатуры, ставящей себе сознательно-революционные цели.

В его истории можно наметить три периода, начиная с низвержения монархии 10 августа 1792 г. До 10 августа революция существовала без Р. п., стоявшая у власти цепсовая буржуазия упорно тщила «считать революцию законченной» вместе с принятием конституции 1791 г. классовый компромисс с «феодалным режимом» нашел свое выражение в том факте что исполнительная власть оставалась в руках короля. Напряжение классовых антагонизмов заставляло, однако, с самого начала нарушать декларацию прав в сторону диктаторского подавления как феодальных классов, так, особенно, народных масс. К мерам первого порядка относятся, например, законы 29 ноября 1791 г. и 27 мая 1792 г. против неприсяжного духовенства. Против народа были направлены «военный закон» 21 октября 1789 г., воспрещающий под страхом смерти «противообщественные скопища»; закон 3 августа 1790 г. устанавливающий в случае «беспорядков» военную диктатуру; введение паспортной системы 30 января 1792 г. и наконец, вотируанный жиропдистами

после народного вторжения в Версаль, закон 5 июля 1792 г., который устанавливал чрезвычайное положение по объявлении «отечества в опасности» и облагал его нарушения смертной казнью.

Переворот 10 августа вызывает отказ от принципа раздoleпия властей и учреждение «исполнительного совета», избираемого законодательным собранием (декреты 10 и 15 августа 1792 г.) Начинается первый период Р. п., который может быть охарактеризован как период коалиции всех революционных сил, т.е. буржуазии и народных масс, против феодальной контрреволюции. Под последней следует понимать не только внутренние, но и внешние попытки реставрации. Война с европейской коалицией, которую вела в это время революционная Франция, это, по выражению Лоренца Штейна, была «первая европейская война организованного, сознавшего самого себя феодального общества против едва только возникшего гражданского общественного порядка».

Этот первый период Р. п. длится примерно до весны 1793 г. и характеризуется, во-первых, гегемонией крупной буржуазии в правительстве и, во-вторых, развитием «двоевластия» Первое выражается в той осторожности, с какой центр решается на революционные меры, а также в буржуазном составе новых органов. С ограниченными полномочиями создается в августе 1792 г. чрезвычайный политический суд, в октябре 1792 г. будущий всемогущий комитет всеобщей безопасности и в январе 1793 г.—«комитет всеобщей охраны», с полномочиями очень широкими, но специальными и кратковременными. Однако террористический уклон новой власти наметился уже очень ясно. В течение августа и сентября принимаются законы о надзоре над родственниками эмигрантов, о повальных обысках для обнаружения оружия, о высылке из Франции всего неконституционного духовенства и т. п. Параллельно буржуазия пытается обуздать и своего союзника слева. Так, перед самым своим роспуском законодательное собрание принимает декрет, распускающий какие бы то ни было «народные общества» (клубы). Однако вследствие

наличного соотношения классовых сил «твоевластие» развилось уже настолько, что этот декрет не был выполнен современниками. Переворот 10 августа произвела парижская коммуна, объединенная с провинциальными муниципалитетами и руководящая народными массами. Фактическая власть находилась в ее руках. Коммуна поддерживала волонтерами фронт, коммуна, помимо законодательного собрания, устанавливала настоящие законы для страны, коммуна же расправлялась, как в сентябрьские дни, с врагами революции.

Весной 1793 г. начинается второй период Р. п., характеризуемый сначала частичным, а затем и полным переходом гегемонии в руки мелкой буржуазии. Возможность «полевения» центральной власти была обеспечена сменой законодательного корпуса. В конвенте, собравшемся 21 сентября 1792 г., уже отсутствовал правый фланг, т.е. представители буржуазии, связанной с феодальным землевладением. Временное преобладание имели представители чистой торгово-промышленной буржуазии (много позже, со времен Тьера они получили название жирондистов) у которых оспаривали влияние на центр («болото») мелкобуржуазные революционеры—монтаньяры. Рост эмиграции и монархических восстаний после казни короля (21 января 1793 г.) а также наступление европейской коалиции вызывают решительный поворот к политике диктатуры. В течение марта—апреля учреждаются революционный трибунал (см.), комитет общественного спасения (6 апреля), институт «народных представителей в миссии» (комиссаров, 9 марта) и наблюдательные или революционные комитеты (21 марта); реорганизуются в сторону расширения полномочий комитет всеобщей безопасности и комитет всеобщей охраны (25 марта). Созданием этих органов (а также законами о контрреволюционной печати, о разоружении «подозрительных» и т.п.) власть окончательно простиается с «принципами 1789 г.». Руководящее влияние постепенно переходит в руки промежуточной группы Дантона. По его предложению «показать, что конвент действительно, революционное учреждение». организуются все прави-

тельственные органы, и его сторонники до переворота 2 июня 1793 года составляют в них большинство. Этот переворот, покончив с жирондистами, не внес ничего существенно нового в организацию Р. п. До осени 1793 г. партия мелкой буржуазии, взявшая власть в свои руки, пытается вести старую (буржуазную) политику лишь новыми методами. Можно только отметить, что за этот период власть постепенно переходит от дантонистов к группе Робеспьера—Марата смыкаясь таким образом с народным движением клубов, коммун и секций: развиваются чрезвычайные полномочия органов Р. п. в частности комитета общественного спасения (закон 26 июля), комиссаров (17 июля и 16 августа) и клубов (25 июля); наконец, Р. п. в этот период быстро завершает собственно-буржуазную программу революции: уничтожает без выкупа все феодальные права и возвращает крестьянам общинные земли (законы 17 июля и 11 июня).

Резкие изменения в организацию Р. п. вносит осень 1793 г., когда политика сотрудничества с буржуазией оказывается дискредитированной, и Р. п., вынуждаемое восстаниями юга и запада, поражениями на фронтах и давлением народных масс, становится на путь чисто народной (т.е. мелкобуржуазной) революции. С сентября 1793 г. начинается третий период Р. п. 5 сентября депутация секций и клуба требует от конвента, чтобы он «поставил террор в порядок дня». В ответ на это требование конвент в тот же день декретирует учреждение «революционной армии» и реорганизацию революционных комитетов; первая должна бороться со спекуляцией и расправляться со спекулянтами, вторые превращаются в чисто народную организацию, острим направленную против буржуазии. Затем 17 сентября принимается знаменитый «закон о подозрительных», который освобождает Р. п. от всех юридических сдержек при подавлении контрреволюции. а 29 сентября подводится, наконец, общее основание под всю политику Р. п. устанавливаются принудительная таксация всех товаров и заработной платы («максимум») и право реквизиции рабочей силы

и продуктов. Официальное выражение нового этапа революции дается в законе 10 октября, который признает, что конституция «отложена», и «вплоть до мира» продолжается революция, и в законе 4 декабря, который дает этому Р. п. «нечто вроде временной конституции». Параллельно ряд частных декретов, касающихся правительственных комитетов (13 сентября 25 ноября), революционных комитетов (24 октября), комиссаров (29 декабря) и клубов (13 сентября, 13 ноября), расширяет полномочия органов революционной диктатуры.

Этот период полной или развернутой диктатуры продолжается в общем вплоть до самого падения Р. п. 9 термидора II г. (27 июля 1794 г.). Следует, однако, отметить, что уже с весны 1794 г. в Р. п. ясно обозначились черты внутреннего разложения, обусловленного безнадежностью самостоятельной политики мелкой буржуазии. С мая 1794 г. робеспьеристы судорожно пытаются консолидировать революцию за счет народных масс и в союзе с буржуазией. Политическое выражение этой тенденции получила очень ясное, например, в законе 22 прериаля (10 июня 1794 г.), который явился симптомом террористической агонии власти (см. Террор). Разгром эбертистов в марте 1794 г. предопределил отрыв Р. п. от народных масс. Парижские секции и коммуна, бывшие под влиянием кордельеров оказались фактически уничтоженными,—их заменили чиновники-присланные из правительственных комитетов. А революционная армия, подерживавшая политику максимума, была и формально распущена законом 27 марта. Тем самым «Париж, столь живой во время Шометта, был умерщвлен» (Мишле).

Контрреволюция 9 термидора (27 июля 1794 г.) не кончила истории Р. п., так как законным порядком оно было «отменено» лишь 26 октября 1795 г., одновременно с введением конституции III г. На самом деле, однако, после 9 термидора остается прежним только название термидорский переворот был контрреволюцией с сохранением «левой» (т.-е. республиканской и террористической) идеологии. По своему социальному содержанию новая власть была правитель-

ством промышленной буржуазии, которая лишь использовала формы и обломки аппарата революционной диктатуры. Его характеризуют такие факты, как разгон народных обществ и массовое истребление демократических лидеров, разрушение предместий, введение ценза и закрытие секций, отмена максимума, опощение ажиотажа и биржевой спекуляции и т. п.

Система учреждений Р. п. в периоду «временной конституции» 4 декабря 1793 г. сложилась следующим образом. Возглавляет Р. п. комитет общественного спасения. Номинально подчиненный конвенту, он фактически представляет собой единую и неограниченную власть революционной Франции. Ему принадлежит распоряжение бюджетом, право назначения (и смещения) всех должностных лиц и право предания революционному трибуналу.

На ряду с ним имеется комитет всеобщей безопасности, ведающий делами «общей и внутренней полиции». Формально он не подчинен первому комитету, и между ним и правительственным комитетом неизбежны трения. Кроме двух комитетов, в центре существовали до апреля 1794 г. еще министерства, объединенные в исполнительном совете.

Местная власть, построенная на началах самоуправления по конституции 1791 г., также почти целиком была перестроена заново. Прежние высшие объединения местной власти—департаментские директории, выбранные по двустепенной системе и растворявшие городское влияние в сельском,—не нашли себе места в системе Р. п.

Революционной властью на местах остаются городские и сельские коммуны и их революционные комитеты. Коммуны (т.-е. муниципалитеты, наименованные так после переименования «городов» в «коммуны» в ноябре-декабре 1793 г.) выполняют не только местно-хозяйственные, но и все политические функции через посредство своих синдикальных прокуроров и мэров, избираемых общим голосованием. Коммуны являются наиболее демократическими учреждениями именно потому, что устраняют формальную демократию:

выборам не допускаются «подозрительные», т. е. целиком бывшие привилегированные и почти целиком буржуазия. С начала 1794 г. отпадают, впрочем, последние признаки выборности: муниципальные чиновники назначаются сверху или законным порядком (как национальные агенты), или в обход закона.

Коммуны поддерживают живую связь с революционными массами посредством периодических общих собраний и своих выборных комитетов — гражданского и революционного. Большие города (коммуны) делятся еще на секции (кварталы), имеющие все эти организации у себя и объединяемые в общей городской коммуне.

Особенно разрастается значение наблюдательных или революционных комитетов. Они «наблюдают» уже не только за «подозрительными иностранцами», но и за подозрительными вообще. Им вообще поручаются все задачи, требующие революционной акции: набор волонтеров, обложение принудительным займом «богатых эгоистов», организация снабжения города продовольствием и т. п. Рост их значения сопровождается ослаблением их «демократичности» (в формальном смысле); даже в Париже их выбывающие члены замещаются по назначению уже с конца 1793 г.

Все городские коммуны связаны между собой и с парижской коммуной; революционные комитеты, кроме того, подчинены комитету всеобщей безопасности. Таким образом, центр революции достаточно крепко спаян с местами. Тем не менее, Р. п. не расстается с суровым орудием централизации — комиссарами (см. Комиссар). Под комиссарами, в собственном смысле, понимаются «народные представители в миссии» — члены комитета общественного спасения и конвента. Их постановлениям придана сила «временных законов», их «неограниченные полномочия» постоянно подчеркивает в переписке с ними правительственный комитет, и они, действительно, ведут себя в департаментах, «как бывшие проконсулы или будущие префекты». По закону 4 декабря 1793 г. эти «странствующие префекты» превращаются в оседлых, при чем полномочия их суживаются. по местной

автономии наносится новый удар: переименованные в «национальных агентов», они отныне заменяют выборных прокуроров-синдиков в качестве представителей центра при округах и больших коммунах.

Цементирующее начало, объединяющее всю машину революционной диктатуры, одухотворяющее ее и связывающее с народными массами, представляют «народные общества», или клубы. В период мелкобуржуазной диктатуры в собственном смысле (сентябрь 1793 г. — июль 1794 г.) эти «частные организации» просто совпадают с Р. п.: якобинский клуб — это и есть совокупность революционных работников, которые здесь встречаются, здесь формируют революционное общественное мнение и отсюда получают направление революционной акции. Строгая партийная дисциплина, централизованная организация и частые проверки личного состава явились следствием такой политической роли клубов. «Правительственный» характер народных обществ получил некоторое законодательное выражение: законы 13 сентября и 13 ноября 1793 г. предоставляют им право требовать смещения недостойных чиновников и указывать властям на желательных кандидатов.

С — й

Первой революцией, в которой участие принимал пролетариат, как ярко выраженный особый класс, была революция 1848 г. Рабочий класс, однако, выступает пока еще не как класс, вполне осознавший себя, и его вожди, это — вожди-примиренцы, предатели.

Революция 1848 г. по существу оказалась буржуазной революцией, по с «социальной» фразеологией. «Первое временное правительство, поднявшееся по февральским баррикадам, по необходимости отразило в своем составе различные партии, между которыми распределялась победа» (Маркс — «Борьба классов во Франции») «Оно не могло быть чем-либо иным, как только компромиссом между различными классами, .. интересы которых находились во враждебном противоречии. Крупное большинство этого правительства состояло из представителей буржуазии... Это правительство было революционным лишь постоль-

ку, поскольку на него давили рабочие массы: так, под давлением рабочих оно объявило социальную республику, признало официальным красное знамя, объявило право на труд; но в то же время оно укрепляло буржуазию и готовило июньскую бойню. Оно приготовило восстание парижского пролетариата, оно же его и подавило»

Вот как Маркс характеризует первое Р. п. 1848 г.: «Характер его (первого периода революции) официально выразился в том, что импровизированное им правительство само объявило себя временным, и все то, что в этот период было намечено, начато или заявлено правительством, выставлялось им, как и само оно, лишь временным. Ничто не дерзало заявлять своего права на существование, никто не решался обнаружить притязания на действительное дело. Все элементы, подготовившие или определившие собой революцию..., лишь временно заняли свое место в февральском правительстве» (18 брюмера). Объективную задачу этого правительства было разбить рабочий класс, чтобы укрепить буржуазию. Этой характеристике первого Р. п. 1848 г. должен быть противопоставлен тот тип Р. п., который сознательно создает революция, идущая в борьбу под руководством пролетариата, как сознательной силы.

Первое действительно рабочее Р. п. представляет Парижская коммуна 1871 г. Она сразу создала и новый тип правительства, диктатуру пролетариата (см. Диктатура, Коммуна Парижская). Что было самым характерным в нем? Если Коммуна представляла собой «буржуазное государство (демократию) без буржуазии» (Ленин) то и ее Р. п. отличалось в этом отношении однородностью своего классового состава, почти исключительно трудовым элементом с примесью мелкой буржуазии, даже попавшие в него представители буржуазии ушли. Как оно относилось к предшествующей ему правительственной власти? Оно просто ее разбило вдребезги: «Государственная власть после революции 1848—1849 г.г. становится национальным орудием войны капитала против труда. Вторая империя закрепляет это»

«Прямой противоположностью империи была Коммуна. Она была определенной формой... такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство». (Маркс).

Маркс излагает образование этого Р. п. и его характер следующими словами: «...Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса». «...Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время». «...То же самое—чиновники всех остальных отраслей управления. По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость. Они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми»...

Ленин из этого делает вывод: «Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гиттискую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство».

Но Коммуна, как Р. п., страдала одним недостатком. Не имея единого сознательного вождя в виде пролетарской революционной партии, она не отдавала себе

полиостью отчета в том, что борьба лишь начинается с момента захвата власти пролетариатом. «Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» (Энгельс).

Ей с полным правом ставят в упрек, что она не пошла сразу в наступление на Версаль, что она слишком осторожно относилась к частной собственности и собственности буржуазного государства (французскому банку), что она не сумела себя связать с крестьянством. Одним словом, она не сознавала в достаточной мере своей революционной роли, и это было ее слабой стороной.

Коммуна сама называла себя демократией, но Энгельс расшифровал ее значение. Предисловие Энгельса к 3 изданию марксовой «Гражданской войны во Франции» кончается такими словами: «В последнее время филистер снова стал обнаруживать ужас при словах «диктатура пролетариата» Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Вспомните в Парижскую Коммуну: это была диктатура пролетариата»

Впервые научно поставлен был вопрос о государстве и революции во всей его широте, а вместе с тем и о Р. п., в России. «Партия, поставившая целью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о том, каким правительством заменить старое, свергаемое правительство. Возникает вопрос о временном Р. п.» Так ставил вопрос величайший теоретик и организатор революции Ленин в 1905 г. для буржуазной революции. Для Ленина сама диалектика революции диктовала постановку вопроса о Р. п. Это обязательно должна быть диктатура (см.), ибо ни один класс добровольно другому классу власти не передает «Сама буржуазия, получила свою власть в цивилизованных странах благодаря целому ряду восстаний, гражданских войн, насильственному свержению королевской власти, феодальных рабовладельцев и полавлению попыток реставраций» (Ленин в 1919 г.) Между тем буржуазные революционные власти сами

не признавали себя диктатурой, напротив, они считали себя именно исполнителями закона и только.

В своей статье «Революционная армия и революционное правительство» Ленин 27 июня 1905 г. впервые подробно развивает свой взгляд по вопросу о революционной власти; он ее глубже разрабатывает в статье «Две тактики» «Революционная армия и Р. п. это—две стороны одной медали. Это—два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его. Это—два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены как единственные последовательные революционные лозунги» (VI, 255).

Для чего создается временное Р. п.? На это Ленин дает совершенно определенный ответ: 1. Р. п. необходимо для политического руководства народными массами в процессе революции сначала в той части территории, которая уже отвоевана, а потом и во всем государстве. 2. Р. п. необходимо для политического объединения восставшей части народа, для политической ее организации. 3. Р. п. необходимо для отвоевания масс от сторонников старой власти, для политического перевоспитания масс, выдвигая лозунги, «которые должны привлечь к нему (Р. п.) сознательное народа» не просто словами, а делом 4. Р. п. необходимо для немедленного приступа к политическим преобразованиям для устройства революционного народного самоуправления, для действительно всенародного и действительно учредительного собрания, для проведения тех «свобод», без которых невозможно правильное выражение свободы народа». «Конечно, только временным может быть Р. п., берущее в руки власть от имени народа для деятельности посредством народа».

Мы видим, что и Ленин подчеркивает необходимость временного характера Р. п. для буржуазной революции 1905 г. Диктатура 1905 г. по Ленину, должна была быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Но союз пролетариата и всего крестьянства мог быть лишь временным. Когда

Ленину возражали, что у пролетариата «крестьянством вообще нет «единства воли», Ленин дал ответ: «Это возражение несостоятельно, ибо оно основано на абстрактном «метафизическом» толковании понятия «единая воля». Бывает воля единая в одном отношении и неединая в другом... В борьбе с прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть «единство интереса». Революционно-демократическая диктатура есть безусловно лишь переходящая, временная задача социалистов, поэтому для Р. п. и «важно выдвинуть именно основные требования..., чтобы показать всему народу, всей даже наиболее темной массе в кратких формулах, в резких ясных очертаниях цели этого правительства, и его общенародные задачи». Конкретно для Р. п. 1905 г. в России Ленин выдвигает следующие лозунги: «Нам думается, можно указать шесть таких основных пунктов, которые должны стать политическим знаменем и ближайшей программой всякого Р. п., которые должны привлечь к нему сочувствие народа и на которых должна сосредоточиться вся революционная энергия народа, как на самом насущном деле.

Вот эти шесть пунктов: «Всенародное Учредительное Собрание, 2) вооружение народа, 3) политическая свобода, 4) полная свобода угнетенным и неполноправным народностям, 5) 8-часовой рабочий день и 6) крестьянские революционные комитеты»

С исполнением этой задачи, с достижением демократической республики, «единство воли» пролетариата и всего крестьянства (см.) естественно распадается. В дальнейшем «пролетариат должен совершить социалистический переворот присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»

У Ленина уже в 1905 г. выдвигается еще одна особенность настоящего Р. п. Оно должно стать массовым. Его лозунг 1905 г. «всю власть, единую, полную и нераздельную власть всему

народу». «Для чего? Для того, чтобы свободный просвещенный народ научился сам вести все свои дела,— а главное для того, чтобы рабочий класс мог свободно бороться за социализм, за такие порядки, когда не будет богатых и бедных, когда вся земля, все фабрики и заводы будут принадлежать всем трудящимся».

Революция 1905 г. была разбита. Она не дошла до Р. п. Но она создала тип нового правительства в виде советов рабочих депутатов, и она местами создавала и местные революционные власти, в виде волостных исполнительных комитетов (в Прибалтике) или крестьянских демократических комитетов (в Грузии). Если ныне просмотреть характеристику этих комитетов в материалах департамента полиции, то мы в этих материалах читаем, что эти комитеты до представляли собою «нечто в виде временного правительства», что они «не признавали никаких законов и никакого авторитета», что их «суды судили не по законам, а по советам» и т. д. О советах в Петрограде уже тогда редакция («Новое Время») говорила, как о «правительстве незаконном»; конечно, она говорила это неискренне, а с провокационной целью.

Ленин в 1906 г. оценивал эти «новые органы революционной власти», эти «советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п.» следующими словами: «Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, воцелю революционным путем.. Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость, в составе и функционировании... Да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или если хотите, революционного правительства» «По своему социально-политическому характеру это была в зачатке диктатура революционных элементов народа» «Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти, никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Не огра-

ниченая, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть—это и «есть диктатура» (1906 г. VII, 1, 97).

Февральская революция 1917 г. сразу началась с образования Р. п. из состава комитета государственной думы. Но по формальному акту отречения царя Николая от 2 марта оно было формально узаконено. Оно состояло главным образом, из буржуазии, включая и либеральных землевладельцев-помещиков, его возглавлял князь (!) Львов, а в состав его вошел один мелкобуржуазный социалист. Керенский. По «вся власть» фактически находилась в руках вооруженных рабочих и крестьян в лице Петроградского совета и исполкома. Этот исполком диктовал ночью с 1 на 2 марта конституцию временного правительства. И только, по крайней мере, в Петербурге, его поддержка «постольку, поскольку»—дала временному правительству возможность осуществлять всю власть. Начинается своеобразная борьба за власть между этими двумя органами, в которой предательские мелкобуржуазные социалисты стараются прекратить это двоевластие, «примиренчески», просто передавая всю власть буржуазии, а большевики, рев. с.-д., ведут борьбу за «всю власть советам», т.-е. за свержение буржуазии и за советское Р. п.

Вот как Ленин характеризует это двоевластие, о котором он говорит, как о новом явлении, ибо «о двоевластии никто раньше не думал и думать не мог»:

«Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции двоевластие. Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, «Временного правительства» Львова и К^о, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, «контролирующего» правительства, в лице Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на во-

оруженных рабочих и солдат. Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 года не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т.-е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие местные советы рабочих и солдатских депутатов».

Не подлежит ни малейшему сомнению, что долго продержаться такой «перенлет» но в состоянии. Двух властей в государстве быть не может. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами, повсюду над устранением и обессилением, сведением на-нет советов рабочих и солдатских депутатов, над созданием единовластия буржуазии.

Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства» (Ленин, 9 апреля 1917 г.).

Революционная борьба приводит к крайней неустойчивости временного правительства. Так, 4/17 мая, под давлением революции в лице петроградского исполкома, образуется новое временное правительство того же Львова, но без Гучкова и Милюкова и с участием 3 эсеров и 2 с.-д. 24 июля (6 августа) уходит Львов, и во главе коалиции становится Керенский—коалиционное временное правительство. Но в то же время левеет и состав советов. После июльского разгрома популярность большевиков вновь вырастает. Единый фронт против Корнилова в августе-сентябре создает момент, когда возможно образование действительной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но социалисты из временного правительства отказываются от компромисса, в результате чего большевики идут в наступление, и ночью на 27 октября—7 ноября коалиция временного правительства объявляется низложенной, а на другой день II Съезд Со-

ветов провозглашает диктатуру пролетариата в лице советов.

И в Львов став у власти, в марте разослал телеграммой приказ о смене всех губернаторов и замене их комиссарами вр. пр., председателями земских управ. Этим был официально разрешен вопрос о местной революционной власти в пользу буржуазии, но и тут шла та же борьба и то же двоевластие, как в центре. Местные демократические самоуправления местами сменяли комиссаров временного правительства и заменяли их выборными комиссарами. Но одновременно продолжалось и развитие местных советов, так что II Съезду Советов достаточно было разослать телеграмму о свержении комиссаров временного правительства и о переходе всей власти к советам, чтобы разбить весь аппарат буржуазной власти на местах и передать власть «большинственным» советам.

28 октября 1917 г. было опубликовано постановление о всероссийском съезде советов Р. К. и С.: «Образовать для управления страной, впредь до созыва учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Мы видим, что и здесь повторяется слово «временное», но это слово быстро и исчезает. И это революционное правительство было также временным, но уже в совсем ином смысле—до отмирания старого государства и окончательного построения социализма и «перехода от государства к негосударству». На нем мы здесь останавливаться не будем: о нем идет речь в целом ряде других статей. Это — развернутая форма диктатуры пролетариата под руководством единой революционной коммунистической партии. Это Р. п. первым делом, довершает свою победу тем, что оно разгоняет силою неподчиняющееся учредительное собрание.

«Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав учредительного собрания... Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об учредительном собрании с формально-юридической стороны в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменою делу пролета-

риата и переходом на точку зрения буржуазии» (Ленин, XV, 53).

Мы видим, что в то время как даже Великая французская революция вырастает стихийно и ее Р. п. лишь под напором улицы продолжает свое революционное дело, не сознавая своих классовых задач, новейшие революции под гегемонией пролетариата идут в значительной степени по сознательно намеченному пути. Теорию Р. п. впервые наметил Ленин, и он мог ее наметить лишь благодаря развернутой им революционной теории Маркса о классовой борьбе.

«Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть,—это решает все... Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней политике» (1917 г., XIV, 2, 102).

П. Стучка

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ Великой французской революции был учрежден Конвентом 10 марта 1793 г., первоначально под названием «чрезвычайного уголовного суда» для безапелляционного суждения о политических преступлениях, почти одновременно с другими органами диктатуры — правительственным комитетом общественного спасения и розыскными «революционными комитетами».

Создание этих органов диктатуры диктовалось внутренней и внешней обстановкой: ростом монархических восстаний и поражениями республиканских армий на фронтах. То и другое требовало чрезвычайной юстиции, особенно принимая в расчет переполненность парижских тюрем и озлобление городских низов. Марат тем и объяснял «сентябрьские убийства» (1792 г.), что существовавший с 17 августа 1792 г. жирондистский «чрезвычайный суд» для суждения о «заговорщиках 10 августа» бездействовал и народу приходилось справляться самому. Первоначальная организация Р. т., вотированного полу-жирондистским Конвентом, не удовлетворяла, однако, потребностям времени. Суд был снабжен институтом присяжных, подсудимый пользовался формальной

защитой, правом отвода судей и т. п. приговор нужно было мотивировать, и хотя общим наказанием была смертная казнь, но действия, но предусмотренные кодексом 1791 г., могли повлечь только ссылку; приговоры обжалованию не подлежали, но Конвент мог их отменить и право передачи суду принадлежало только Конвенту.

Такой суд, особенно при условии классовых антагонизмов внутри самого Конвента, не мог быть действенным. С марта по октябрь он пропустил лишь 316 обвиняемых и из них оправдал 210; нарекания на его «модерантизм» со стороны секций и клубов не прекращались, карательная работа революции проходила попрежнему неорганизованно и вне суда.

Положение меняется после разгрома буржуазии 2 июня 1793 г., а особенно после окончательного отказа монтаньяров от буржуазной политики. Сентябрь 1793 г. открывает период собственно народной (мелкобуржуазной) революции. обостренной буржуазными восстаниями на юге и клерикально-монархическим на западе Франции. Законом 5 сентября в знак «постановки террора в порядок дня» чрезвычайный суд расширяется в 4 раза; 17 сентября знаменитый закон передает в его распоряжение всех «подозрительных», 29 октября суд получает, наконец, название Р. т., и тогда же председателю дается право прекращать судебное следствие, как только присяжные признают, что они «достаточно осведомлены». Закон о подозрительных фактически освободил Р. т. от всех уголовно-материальных слержек, поскольку в число подозрительных включал, напр., тех, «кто не проявлял постоянно своей привязанности к революции» и т. п. Процессуальные стеснения также разрушались неуклонно (законы 5 апреля, 29 октября 1793 г., 7—8 марта, 16 апреля 1794 г.) пока закон 22 прерияля (10 июня 1794 г.) не покончил с ними вовсе.

Знаменитый закон обозначил новый и последний этап революции: попытка самостоятельной политики мелкой буржуазии провалилась, робеспьеристская диктатура к этому времени окончательно изжила себя, и власть уперлась в террористический тупик (см. Террор). Предшествовавший закону доклад Кутона сводился к одному положению: «Срок для наказания врагов отечества это срок, необходимый для уста-

новления их личности; дело заключается не столько в их паказании, сколько в истреблении». В соответствии с этим отменялись формальная защита, свидетельские показания и письменные документы, законная система доказательств и вообще все процессуальные гарантии. Обвиняемый заранее объявлялся «врагом народа», под это понятие закон подводил, напр., «лиц, пытающихся вызвать упадок духа для того, чтобы способствовать замыслам тиранов», и единственным наказанием оставалась смертная казнь.

Закон 22 прерияля давал легальный выход политической необходимости. Но теперь из Р. т. исчезли последние признаки судебной деятельности: вместо специальной формы выяснения «индивидуальной виновности» осталась стремительная регистрация имен подсудимых, проходящих перед судом массами в 20—80 чел., соединяемых вместе как попало (т.-н. «амальгамы»). Если за 15 месяцев своего существования до закона 22 прерияля Р. т. казнил 1.256 чел., то за 47 дней от этого закона до 9 термидора было гильотинировано 1.351. Через Р. т. в продолжение его деятельности прошли все выдающиеся деятели эпохи всех направлений, при чем вышел оттуда оправданным только Марат, неудачно отправленный жирондистами в монтаньярский по составу Р. т. По приговору этого Р. т. были казнены: Мария-Антуанетта, видные монархисты (де-Ватз, Малерб), фейаны (Барнав, Дюпор), 22 лидера Жиронды, дантонисты (Дантон, Демулен, Эро-Сешель и др.), эбертисты (Шометт, Эбер, Клоотс и др.) и, наконец, робеспьеристы: в течение трех дней после термидорского переворота этот же Р. т. отправил на гильотину 103 чел., в том числе двух наиболее выдающихся революционеров буржуазии — Сен-Жюста и Робеспьера.

Под «Р. т. французской революции» подразумевается, обычно, парижский Р. т. Также по мысли его организаторов парижский Р. т. должен был быть единственным воплощением революции, карающей посягательства на нее непосредственно. Обстановка гражданской войны быстро вынудила отказаться от такой исключительности, и трибуналы стали явочным порядком возникать всюду в провинции и при армиях. Центральная власть, смущенная

их крайней «неюридичностью», а также опасаясь в них эбергистского влияния, пыталась с ними бороться, упраздняя либо отдельные местные Р. т., либо все разом (закон 8 мая 1794 г.). Тем не менее, к 9 термидора их насчитывалось до 150, и можно думать, что интенсивностью своей работы они далеко превзошли парижский. Число их приговоров точному учету не поддается, называют цифру 16—17.000. Сюда не входит масса осужденных расстрелянных разными «военными комиссиями» и нормальными уголовными судами, которым комиссары также передавали политические дела.

После контрреволюционного переворота 9 термидора Р. т. продолжал существовать еще почти год (до 31 мая 1795 г.), лишь постепенно обновляя свой состав и «юридически совершенствуя» производство. Теперь он гильотинировал или ссылая в Гвиану «скомпрометированных» революционеров, т.-е. оставшихся верными революции. Для идеологии эпохи, пропитанной стремлением к «юридической преемственности», характерно, что еще долго после Термидора «преступления» революционеров, гильотинируемых реакцией, формулировались, как контрреволюционные (дело прокурора Р. т. Фукье-Тэнвиля, комиссара Каррье, членов пантского рев. комитета и др.). Впрочем, деятельность этого «восстановительного» Р. т. была малозначительна, ибо термидорианцы предпочитали обходиться без его услуг; главная работа и значение Р. т. надает на его революционный период.

Оценка французского Р. т. в свете прелетарской революции и ее репрессии прежде всего останавливается на моменте идеологическом: юридический фетишизм, свойственный вообще буржуазной революции, уменьшал целесообразность и увеличивал жестокость ее репрессии (см. Террор). То же в частности отражалось на деятельности Р. т. Он получил слишком большое значение в политике революции, представлявшей классовую борьбу, как борьбу с «порочными людьми». Его задача, по мнению современников, заключалась не в подавлении опасных элементов, а в возмездии за виновные действия. Поскольку исследование вины (которая является юридически-искаженным показателем опасности) невозможно и ненужно

в революционной обстановке, Р. т., вследствие политической необходимости массового террора, просто выдумывал «составы преступления». Не зная точно, куда бить, Р. т. бил наотмашь. Юридическая презумпция невиновности в обстановке классовой войны неизбежно должна была привести к своей противоположности. «Судьям все твердят,—писал присяжный Р. т. Пэйан,—смотрите, спасайте невинных. А я скажу им во имя отечества: берегитесь, как бы не выпустить виновного!» Своей деятельностью Р. т. был сплошным издевательством над буржуазно-демократической идеологией революции, являя разительный пример «неправосудия», «несправедливости» и т. п.; тем самым, не припеса революции столь существенной пользы, как это ожидалось, он сыграл отрицательную агитационную роль.

Интересен классовый состав политических судов революции. Уголовные трибуналы департаментов и дистриктов часто сохраняли буржуазный состав судей, так что, согласно новейшим исследованиям Альбера Матье, на мягкость их приговоров по делам о «скупщиках» (спекуляции) неоднократно раздавались жалобы революционных низов. 23 октября 1793 г. делегация секций прямо требовала от Конвента, чтобы для подобных дел присяжные избирались «не из класса торговцев, банкиров, биржевиков и вообще богатых», иначе скупщики ничего не боятся, зная, что они попадают в руки «своих людей».

Классовый состав парижского Р. т. более соответствовал природе революции, но это как раз и усиливало нецелесообразность его репрессии. Из 16 судей и 60 присяжных половину составляла мелкая буржуазия, как типографщик Никола, ювелир Жерар, трактирщик Кретъен, столяры-предприниматели Дюплэ и Треншар, музыкальный мастер Реноден и др.; другую, более заметную, половину составляла мелкобуржуазная интеллигенция, как б. адвокаты Эрман (председатель) Дюма и Кофиналь (товарищи председателя), кюрэ Вилат, художники Топино-Лебрен и Приер, врач Субербель и др.; из адвокатов вышел и знаменитый прокурор революции А.-Ж. Фукье-Тэнвиль, ослабленный своей «кровожадностью» не меньше, чем Марат. Этим группам особенно и свойственна идеология формального равенства: для них

все подсудимые были равны, если равны были их преступления; принимать в расчет социальную характеристику обвиняемого мешал объективный состав преступления (художественно изображена их карательная идеология в романе А. Франса «Боги жаждут»). Это также могло частично отразиться на социальном составе жертв революции. Из 13.633 известных по протоколам осужденных только 1.278 принадлежат к привилегированным сословиям (эти цифры, однако, не могут считаться точными, тем более что исследовались они термидориальцами или позднейшими реакционными историками—Прюдом, Тэн).

Чистые рабочие в составе политических судов французской революции обычно отсутствовали. Исключением является сведение о члене лионского Р. т. и затем знаменитой «народной комиссии» Оранжа рабочем-шепкопрядо Ферне (Fergneux). По описанию реакционных историков (Лашапель, Валлон), он «жит одиноко, не сближаясь со своими коллегами» и «склонялся всегда к суровости. Он говорил часто, что отдаст свою жизнь для торжества республики, и так же не щадил чужих жизней. Особенно безжалостен он был по отношению к богатым, потому что (говорил он) он не верит, чтобы они были, подобно ему, преданы новому порядку вещей».

С—й

Р. т. Октябрьской революции также сыграли свою роль, хотя их роль отнюдь по может быть сопоставлена с той, которую они сыграли в Великой французской революции. Первый Р. т. в РСФСР строился (в декрете № 1 о суде) несколько теоретически-кабинетно, на основании слов К. Маркса (его речь перед судом присяжных), не как судебный орган, а как орган «борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний» (следующие слова лишь вставлены в первоначальный текст). Но отсутствие судов и само построение Р. т. превратили их на деле в судебные органы. История русских Р. т. стала, таким образом, по существу, историей зарождения и развития нормальных судебных учреждений для разбора особо опасных преступлений. усту-

пая роль боевых учреждений расправы с врагами революции и органов террора со стороны господствующего класса в отношении его классовых противников другому органу.

Целый ряд причин обусловил эту разницу, интересную, прежде всего, с точки зрения социологического ее объяснения. Историю Р. т. в русской революции можно вести с 1918 г. по конец 1922 года, до введения в жизнь Положения о судеустройстве 1922 года, после чего Р. т. фактически прекратили свое особое существование и сохранились лишь в качестве своеобразного пережитка, как военные т., воспринявшие от прежнего времени, по существу, лишь одно название.

Р. т. впервые были учреждены в конце 1917 года декретом о суде от 25 ноября, согласно 8-го пункта которого, наряду с народными судами, учреждались Р. т. «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел по борьбе с мародерством, хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц», как говорил декрет. Расширение первоначальной редакции этого пункта, как мы видим, заключалось в необходимости создания особых судов для борьбы с наиболее опасными в тот момент (конец 1917 года), на другой день после утверждения диктатуры пролетариата, элементами, к которым декрет относил, кроме контрреволюционеров, и мародеров, хищников, т.-е. лиц, которые могли, из соображений личной наживы, наносить непосредственный ущерб молодой революционной власти, на почве, наиболее затрагивающей последнюю, именно—на продовольственной, и торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц, т.-е. всех тех представителей старого общества, которые не могли воспринять Октябрьскую революцию иначе, как враждебную силу. Для борьбы с ними, как политическое орудие, и создавались Р. т. Их историческая природа в этом отношении—повторяем, в идее—совпала с природой Р. т. периода французской революции.

Должно, однако, отметить, что в этот первый революционный момент дальше названия и идеи дело не пошло. Если уже

первый опыт Р. т., с их подражанием судебным органам и мягкой репрессией, дискредитировал их в глазах революционеров, то сменивший первого временного НКЮ П. Стучка, автора декрета № 1, левый эсер Штейнберг своей инструкцией от 19 декабря свел па-нет революционный характер Р. т. Эта инструкция Р-у т-у «О Р. т., т.-е. его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний», порядком, который она устанавливала для ведения дел в трибуналах, и пределами его карательных полномочий фактически аннулировала его существование, как органа революционной расправы, в идее правильно определенную декретом о суде № 1. Инструкция строила трибуналы в составе председателя и шести народных заседателей, в качестве мер репрессии не шла дальше лишения свободы, ввела, как правило, ведение stenographic отчета, обязательное участие сторон—обвинения и защиты, допустила, помимо одного защитника и обвинителя, любого защитника и обвинителя из публики,—словом, строила эти Р. т., как публичный суд, со всеми необходимыми процессуальными гарантиями для обвиняемых, ничем не отличавшийся по размаху своей репрессии от любого «нормального» суда. Это творчество Штейнберга определило надолго революционную импоницию трибуналов, как органов классовой борьбы в период, когда репрессия и короткий, но энергичный ответ ударом на удар должны были явиться лозунгом для органов классового революционного суда. Правда, назначенный с апреля 1918 г. вновь ШКЮ, Стучка, никогда не признавая силы этой инструкции, изданной одним Штейнбергом без утверждения Коллегии (тогда коалиционной), официально разъяснил, что для Р. т. ограничения мер борьбы вплоть до расстрела не существует, что было подтверждено 16 июня постановлением НКЮ. Но это уже не могло исправить дела.

Еще задолго до декрета о суде (от 24 ноября 1917 г.), а именно по постановлению Совнаркома от 2 ноября 1917 г., была учреждена Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, под председа-

тельством т. Дзержинского—знаменитая ВЧК, вошедшая в историю, как действительно революционный орган классовой борьбы и классовой расправы. И нет никакого сомнения, что в тот момент история совершенно правильно решила борьбу за роль органа рев. борьбы в пользу ВЧК. В целях превратить Р. т. в более решительный боевой орган декрет от 4 мая 1918 г. ввел институт коллегии обвинителей. А вслед за тем 29/16 мая 1918 года был создан Р. т. при ВЦИК (впоследствии Верховный Трибунал). Декрет от 4 мая 1918 года был ценен тем, что он одновременно упорядочил организационную сторону в строительстве Р. т., упразднив Р. т., возникшие повсеместно, чуть ли не при каждом волисполкоме, и организовавший их только в губ. городах и крупных промышленных центрах, как органы действительно революционной расправы. На Р. т. были возложены, кроме контрреволюционных дел, дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправильным использованием советских документов, хулиганством и шпионажем; остальные же дела были изъяты и переданы в судебные учреждения нормального характера. Эта подсудность (см.) также не отличалась достаточной точностью. Однако, она все же была идейно выдержанна. Упразднение излишних Р. т. и установление при них коллегии обвинителей—вот две основные черты этого декрета.

Декретом же о Р. т. при ВЦИК создавался организационный центр в виде высшего судебного революционного учреждения для производства важнейших дел. Только эти декреты, окончательно отменившие инструкцию, изданную Штейнбергом, положили начало эпохе работы Р. т., как действительно органов революционной классовой борьбы, но уже с опозданием, ибо ВЧК к этому времени успела создать и свои периферийные организации и завоевать соответствующее место в общей системе советского управления и советской юстиции.

Дальнейшее организационное строительство Р. т. пошло по двум линиям: с одной стороны, шло упорядочение кассационного дела.—кассация приговоров была передана в особый кассационный отдел при ВЦИК. впоследствии слившийся с Р. т. ВЦИК в один Верховный Трибунал, с другой—радикально изменялась структура трибуналов

в сторону приближения их к форме органов классовой расправы. Выражением этого явилось постановление ВЦИК от февраля 1919 года. Там было одновременно предложено подвергнуть реформе и Р. т., и местные ЧК, и, во-первых, из состава Р. т. были устранены народные заседатели (им придан постоянный состав), во-вторых, неограниченное право репрессии было присвоено всем Р. т., а одновременно ЧК были лишены права внесудебной репрессии, кроме как в местах, объявленных на военном положении; наконец, следствие по всем преступлениям было целиком передано в ЧК, при чем одни из членов ЧК обязательно входят в состав Р. т. Одновременно трибуналам были предоставлены некоторые права своеобразного контроля над следственными действиями ЧК.

Эта попытка слияния обоих учреждений была радикальной реформой в направлении изживания основных дефектов. Вместе с тем на очередь дня был поставлен вопрос о слиянии и соединении Р. т. с возникшими совершенно самостоятельно первоначально и без всякой связи с ними военными трибуналами, созданными по приказу Революционного Военного Совета Республики. В результате первоначально 17 февраля—12 апреля 1919 года было установлено известное разграничение функций ВЧК и Р. т. Затем 18 марта 1920 года издано единое Положение о Р. т., в качестве основного органического закона.

Этот основной закон относил к подсудности Р. т. дела о контрреволюции, о крупной спекуляции, о крупных должностных преступлениях, о явном дискредитировании власти и о злостных дезертирах. Р. т. учреждались во всех крупных городах, избирались советами в постоянном составе, имели целый ряд процессуальных прав, отличавших их от обычных судов, в том числе право слушать дело без защиты и обвинения и без проверки свидетельских показаний, они не были ничем ограничены в смысле вынесения меры репрессии и проверялись лишь в кассационном порядке. Одновременно Р. т. при ВЦИК был объединен с кассационным отделом ВЦИК в Верховном Трибунале при ВЦИК. Последний был объединен и с военными трибуналами в лице председателя Главного Военного Трибунала, кото-

рый входил в состав кассационного трибунала ВЦИК. На тех же основаниях входил туда же и председатель Главного Железнодорожного Трибунала (железнодорожные трибуналы возникли немного позже военных, но также первоначально самостоятельно, по инициативе НКПС).

От Положения 1919 года до Положения 1920 года произошло и еще одно изменение. Одно время существовавший в качестве совершенно самостоятельного учреждения при ВЧК особый Р. т. также в связи с Положением 1920 года был упразднен, и вся трибунальная юстиция, таким образом, получила более или менее законченный и стройный вид.

Оставалось лишь окончательно организационно отшлифовать систему в ее отдельных деталях. Это и было достигнуто последним декретом, касавшимся Р. т.,— декретом от 23 июня 1921 года об объединении всех Р. т. республики. ВЦИК постановил «в качестве единого кассационного органа и органа ближайшего надзора для всех действующих на территории РСФСР Р. т. также судебного учреждения для дел особой важности, установить состоящий при ВЦИК единый Верховный Трибунал; ведомственные же трибуналы: Революционный Военный Трибунал при РВСР с подчиненными ему окружными военными трибуналами, кроме действующих во фронтовой обстановке... Главный Революционный Военно-Железнодорожный Трибунал при НКПС со всей сетью подчиненных ему трибуналов и состоящий при ВЦИК Верховный Р. т. объединить. Так гласила ст. 1-я декрета от 23 июня 1921 года.

При Верховном Трибунале действовали, в качестве его составных частей, Кассационная Коллегия, Военная Коллегия и Военно-Транспортная Коллегия. Пленуму принадлежали все права по надзору и контролю за всеми Р. т. Республики. В связи с этим упразднялись «все Р., Военно-Железнодорожные т. за исключением одного на каждую железную дорогу и водный район, и все те Военные Трибуналы в округах, на фронтах, в армиях и дивизиях, существование коих, в связи с прекращением военных действий, не вызывается необходимостью». При всех Губернских Трибуналах устанавливались, «в качестве постоянно действующего отделения их», «Отделе-

ния по военным и крупным служебным должностным преступлениям».

Этот закон явился завершающим систему строения Р. т. Однако, при всем том этот закон, по сути дела, построил своеобразную систему исключительных судов к моменту, когда острая нужда в исключительных судах уже прошла. Отсюда совершенно логическим был исторический вывод о реформе и объединении этих революционных судов с общей системой судебных учреждений. Последняя работа была произведена реформой 1923 года, которая слита Р. т. с Советами Народных Судей, подчинив им в организационном порядке все народные суды губернии, сохранив за ними ряд особых процессуальных прав, придав им характер исключительных судов для борьбы с наиболее опасными преступлениями и превратив Верховный Трибунал в Верховный Суд РСФСР в качестве верховного судебного органа, действовавшего по общим указаниям и политическим директивам НКЮ.

Такова была история строительства революционно-трибунальной юстиции в РСФСР. Дальнейшая эволюция после 1923 года не представляет уже принципиального интереса. Особо следует отметить здесь лишь момент, когда о учреждении Верховного Суда СССР из ведения Верховного Суда РСФСР была изъята Военная Коллегия и передана в Верховный Суд Союза ССР, куда перешло и организационное строительство, ревизия и контроль над сохраненными военными трибуналами. Железнодорожные трибуналы были упразднены еще раньше, и если Главный Железнодорожный Трибунал существовал еще некоторое время при Верховном Суде Союза ССР, то после реформы 1926 года он также был окончательно упразднен.

Историческая оценка роли и значения русских Р. т. может быть только одна: неправильно построенные с самого начала, они не сыграли той роли, которую должны были сыграть, и эту роль сыграла ВЧК. Но Р. т. имели безусловную историческую заслугу: история Р. т. была попыткой построения системы революционных учреждений пролетарской юстиции в качестве прообраза системы построения всех судебных учреждений вообще. Теперь основные принципы построе-

ния Р. т., — принцип централизованного управления, принцип исключительных процессуальных прав и принцип классового состава, что самое важное — Р. т. перенесли с собой и в область общей юстиции, куда они влились реформой 1923 г. С этого момента они послужили костяком, вокруг и при помощи которого выросла и окрепла вся система судебных учреждений СССР. В этом и было их историческое призвание и революционная заслуга.

Н. Крыленко

РЕВОЛЮЦИЯ. Р. называется великий общественный переворот, в результате которого власть переходит в руки нового класса и все общественные отношения перестраиваются коренным образом. Это — период особенно обостренной классовой борьбы. Рассматривая явления Р., необходимо разграничить переворот в производстве созданием новых способов производства (промышленный переворот) и тесно с ним связанную Р. в строении общества, переворот в производственных отношениях, который является следствием нового способа производства. В дальнейшем мы будем иметь в виду именно переворот в общественных отношениях.

Проводят различие между Р. политической, которая изменяет организацию власти, и Р. социальной, при чем подразумевают под этим последним названием переворот во всем строении общества, во всех социальных отношениях. Эти две стороны Р. тесно связаны друг с другом. Перемены в соотношениях между общественными классами, вызываемые экономическим развитием, требуют перестройки власти; они ведут к переходу власти в руки нового класса, происходит политическая Р., а политическая Р. в свою очередь является необходимым условием дальнейшего социального переустройства. Но насильственные перемены в организации верховной власти и в личном составе правящих могут стать политической Р. лишь в том случае, если политический переворот втягивает в борьбу значительные массы населения и вносит действительно существенные изменения в политическую организацию. В противном случае, если массы остаются равнодушными, мы имеем дело с

переворотом (*coup d'état*). как, на пример, переворот 2 декабря 1851 г. во Франции (или дворцовым, например, убийство Павла I в 1801 г.).

Причиной Р. является противоречие между развившимися производительными силами и узкими рамками старых производственных отношений, в которых производственные силы развивались. Из форм развития этих производительных сил эти старые производственные отношения превращаются в препятствие их дальнейшему развитию. Затруднительность и даже невозможность дальнейшего развития при сохранении старых рамок является основной причиной Р. Экономическое развитие, выдвигая новый общественный класс, являющийся носителем нового способа производства и представителем новых производственных отношений, с неумолимой последовательностью ставит вопрос о власти, являющийся главным вопросом всякой Р.

Р. совершается с закономерностью естественно-исторического процесса, но она должна быть совершена людьми. Материальные условия толкают различные классы к действиям, приводят их в движение и заставляют бороться за новые общественные отношения, перестраивать общество. Рассматривая процесс Р., «необходимо всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными и философскими словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются» (Маркс, предисловие к книге «К критике политической экономии»).

Р.—это не единичный акт, это длительный процесс. Это длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения (Энгельс. Письмо к Бернштейну. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» Книга первая, стр. 349) Сначала происходит переворот в основных общественных отношениях—в производственных, а вслед за этим происходит переворот во всей надстройке—в политических учреждениях и в правовых отношениях. Массы, толкаемые глубокими экономиче-

скими интересами, приходят в движение и вытягиваются в борьбу. Для революционных эпох, когда происходит ускоренная перестройка учреждений и отношений, характерно, что самые широкие слои, бывшие раньше пассивными, начинают принимать деятельное участие в политической борьбе. Эпоха Р., приводя в движение массы, вытягивая их в политическую борьбу, производит острейшую смену событий, лиц, учреждений, является периодом особенно интенсивной, общественной жизни, эпохой, когда особенно быстро идет разрушение устарелых учреждений, вековых предрассудков и приобретает политический опыт самыми широкими массами. Недели, месяцы, а иногда даже и дни, по своему содержанию равняются в такие эпохи годам и десятилетиям относительно мирных органических периодов общественного развития.

Последовательность развития. В Р. происходит чрезвычайно сложный процесс—борьба разнообразных слоев, выступающих против господствующего класса, против системы его управления по различным (иногда даже реакционным) побуждениям. Массовый натиск расшатывает и разрушает власть господствующего класса. При условии развивающейся Р. после свержения старой власти, власть переходит обычно в руки наиболее близко стоявшей к этой старой власти группе и, последовательно, переходя к все более радикальным группам, попадает, наконец, в руки наиболее последовательных представителей революционного класса. «Р. есть продолжительный процесс (ср. 1642—46 г.г. и 1789—93 г.г.) и, чтобы условия созрели для нас (коммунистов. В. А.), а мы для них, все промежуточные партии поочередно должны притти к власти и оскандалиться. И тогда придем мы и, может быть, тоже временно будем разбиты. Хотя я не считаю этого возможным при нормальном ходе вещей» (Энгельс, письмо к Бернштейну от 13 июня 1883 г. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Кн. 1-я, стр. 347)

В эпоху Р. выдвигаются на сцену все формы борьбы классов, включая и самые высшие и решительные формы вооруженной борьбы (восстания, революционные войны). Эпохи Р. являются неизбежными и особо важными периодами в истории развития человеческих обществ в

течение всего того времени, пока общество разделено на классы. В такие периоды «разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «надстройки» которая долго держится потом на базе обновленных производственных отношений. И, в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не отклонения от «нормального пути», не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ» (Ленин, «Против бойкота», т VIII, стр. 451).

От революционной энергии, организованности и сознательности рабочего класса зависит овладеть властью и победить сопротивление контрреволюции, руководимой господствовавшими до сих пор классом и теми группами и слоями которые были в этом господстве так или иначе заинтересованы. Взяв в руки власть, революционный класс пользуется этой властью для осуществления нужных ему преобразований, для разрушения старых отживших учреждений и создания новых. При всякой победоносной Р неизбежна диктатура нового класса (т.е. власть опирающаяся непосредственно на вооруженную силу). Необходимым условием победы революционного класса в Р. является партия, наиболее точно и полно отражающая его действительные интересы, связанная с массами класса и умеющая организовать борьбу за власть, взять власть и удержать ее. Победа революционного класса в Р. далеко не сразу означает его полное торжество, но влечет за собой еще более ожесточенную борьбу и требует массы жертв и страданий. Но без такой борьбы невозможна окончательная победа, невозможно достижение нужных классу целей, осуществить которые революционный класс может только, сломив отчаяннейшее, упорнейшее сопротивление прежнего господствующего класса. «Р необходима не только по-

тому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в Р. очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество» (Маркс и Энгельс с Л. Фейербахе. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Книга первая, стр. 277)

Напряженное, критическое положение, приводящее к обострению классовой борьбы, называется революционной ситуацией. Ленин в статье «Крах II Интернационала» указывает на следующие три главных признака революционной ситуации:

«1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство: тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которой прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления Р. обычно бывает недостаточно, чтобы «пизы не хотели», а гребутся еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение выше-обычного нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению.

Без таких объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отделами классов, Р., по общему правилу, невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 г в России и во все эпохи Р. на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—61, в 1879—1880 годах в России, хотя Р. в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает Р. а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса к революционным массовым действиям, достаточно сильным, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризиса, не «упадет», если его не

«уронят» (Ленин, собр. сочинений, т. XIII, стр. 139—140).

Развитие буржуазного способа производства в недрах феодального общества вызвало буржуазные Р.: борьба буржуазных Нидерландов против испанского владычества в конце XVI в., английская Р. XVII в. (1640—1689), французская Р. XVIII в. (1779—1793 г.г.). Буржуазия руководила этими Р., извлекала выгоды из борьбы народных масс и укрепила свое классовое господство. Но развитие противоречий «капиталистического общества» стало выдвигать новые задачи Р. пролетариата. Рабочий класс стал выступать в виде самостоятельной силы и стал ставить свои особые задачи (восстание ткачей в Лионе в 30-х годах XIX в., чартистское движение в Англии в 30-х—40-х годах, бунты силезских ткачей в 40 годах, выступление пролетариата во Франции в 1848 г.—июньские дни в Париже, Парижская Коммуна 1871 г., выступление пролетариата в Р. 1905 г. в России).

В буржуазной Р. дело шло о разрушении феодальных отношений и учреждений (феодалная земельная собственность, крепостническая эксплуатация крестьян, оброк и барщина), об уничтожении сословных национальных привилегий, равенстве всех перед законом. обеспечении свободы эксплуатации наемных рабочих капиталом и т. д. Все это укрепляло господство класса капиталистов и привело, наконец, к установлению монополии крупного империалистического капитала, ставшей препятствием для дальнейшего развития производительных сил.

Р. пролетариата преследует цель свержения господства класса капиталистов и такое развитие материальных производительных сил общества, которое сделает возможным полное уничтожение разделения труда и классов—уничтожение эксплуатации—установление коммунистического строя. Если буржуазная Р. происходила под руководством буржуазных революционеров и привела к установлению диктатуры буржуазии, то социалистическая Р. пролетариата должна совершиться под руководством пролетариата. Диктатура пролетариата является необходимой для того, чтобы в течение переходного периода от капитализма к

коммунизму подготовить материальные и общественные условия коммунистического строя. Буржуазные Р. передавали власть от одного имущего меньшинства (феодалов) другому имущему меньшинству (капиталистам). Они лишь меняли форму классового господства, разрушали старую и закрепляли новую. Социалистическая Р. передает власть из рук меньшинства в руки громадного большинства для того, чтобы вообще уничтожить классы. Еще необходимо отметить существенную разницу между буржуазной и пролетарской социалистической Р. в том, что задачей масс в буржуазной Р. было разрушить остатки феодализма и крепостничества. Наоборот, главной, труднейшей задачей масс пролетариата в социалистической Р. является задача организационная, задача создать «чрезвычайно сложную и тонкую сеть новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» (Ленин, т. XV, стр. 194).

Эпоха социалистических Р. началась мировой империалистической войной 1914 года, которая стала создавать революционную ситуацию и учить массы Р. толкать к превращению империалистической войны в гражданскую войну против буржуазии. Эта эпоха должна явиться более или менее продолжительным периодом восстаний в различных странах, революционных национальных и контрреволюционных империалистических войн, главными организующими силами в которых является, с одной стороны, империалистическая буржуазия, с другой, пролетариат У пролетариата СССР и современных передовых капиталистических стран есть чрезвычайно многочисленные союзники в лице подвергающихся империалистическому грабежу колониальных и полуколониальных народов. «Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности, миллиарда с четвертью, если мы примем численность всего населения земли в один и три четверти миллиарда, т.е. около 70% населения земли, принадлежит угнетенным пародам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости или относятся к окраинным колониальным

государствам, как, напр., Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистической державы, по договорам оказались в зависимости от нее» (Ленин, «Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросу». 1920 г., т. XVII, стр. 274).

В. Адоратский

РЕГРЕСС это — право обратного требования к содолжнику или содолжникам по солидарному обязательству, принадлежащее должнику, выполнившему обязательство перед кредитором и тем освободившему от обязательства перед ним остальных содолжников. Поручитель, уплативший долг за главного должника, имеет право Р. к последнему об уплате ему всей той суммы, которая была им выплачена за последнего. Надписатель по векселю, выкупивший его у векселедержателя, имеет такое же право к предшествующим надписателям и векселедателю, при чем только последующий надписатель имеет право Р. к предшествующим надписателям а не наоборот. Член полного товарищества, уплативший долг товарищества третьему лицу, имеет право Р. к остальным товарищам об уплате той суммы, которая падает на их долю ответственности по долгам товарищества. Одно из нескольких лиц, обязанных, согласно ст. 408 Г. К., к солидарному возмещению ущерба потерпевшему полностью удовлетворившее последнего, имеет право Р. к каждому из содолжников в размере равной части всей уплаченной суммы. Возможны случаи наличия солидарного обязательства без права Р. По договору полного товарищества товарищи могут установить ответственность одного товарища по определенным обязательствам товарищества, без переложения ответственности на других. Такое соглашение товарищей, не имея обязательной силы для третьих лиц, так как члены полного товарищества несут по закону солидарную ответственность по всем его долгам, влияет на право Р. Таким образом, право Р. зависит от тех взаимоотношений, которые существуют между содолжниками по солидарному обязательству. От содержания этих отношений зависят и объем и содержание права Р. Право Р. может простирается на всю сумму, выплаченную содолжником (Р. векселеда-

писателя к предшественникам и векселедателю; Р. поручителя к главному должнику); оно может иметь своим предметом лишь часть этой суммы, — часть, превышающую долю, которая подлежала бы уплате при равномерном распределении долга между участниками долгового обязательства. Должник по 408 ст. Г. К., удовлетворивший полностью потерпевшего, имеет право на распределение между остальными причинителями ущерба переплаченной им суммы в равных долях.

То же самое относится к праву Р., принадлежащему члену полного товарищества, полностью уплатившему долг товарищества третьему лицу, если договор не содержит на этот счет иных постановлений. Если право Р. подлежит осуществлению в отношении нескольких должников, то, по общему правилу, остальные содолжники отвечают перед осуществляющим право Р. как долевые, а не солидарные должники. Но вышестоящие векселенадписатели и векселедатели отвечают перед нижестоящим надписателем, как солидарные должники. Освобождение кредитором одного из содолжников от ответственности по обязательству не освобождает этого содолжника от ответственности по регрессивному требованию.

Требование на праве Р. имеет своим предметом тот же самый объект, на который распространяется основное обязательство. Этот предмет по своему объему может совпадать с объектом основного обязательства (напр., требование поручителя к главному должнику), может составлять часть его (Р. в порядке ст. 408 Г. К.). Единство объекта составляет характерную черту того обязательственного отношения, которое осуществляется между несколькими субъектами регрессивного требования. При отсутствии этого единства объекта нет права Р., хотя бы с внешней стороны требование напоминало Р.

Так как право Р. представляет собой самостоятельное юридическое отношение между содолжниками, хотя и возникающее на почве основного обязательства, во имеющее самостоятельное от него правовое основание, то давность для осуществления права Р. применяется общая, хотя бы по основному требованию была сокращенная давность; а течение давности начинается не с момента наступления

срока по основному требованию, а с момента возникновения этого права, т.-е. с момента предъявления требования кредитором к должнику, осуществляющему право Р.

В отношении Р. по вексельному требованию установлено особое правило о давностном сроке, в ст. 33 Положения о векселях: «Надписатель, коим вексель оплачен, может предъявить иск к предшествующим надписателям в течение шести месяцев со дня оплаты им векселя», однако не позже трех лет со дня срока платежа по векселю.

Ф. В.

РЕКВИЗИЦИЯ. В действующем советском праве термин этот имеет широкое значение и означает вообще возмездное принудительное отчуждение частной собственности, производимое в порядке, определенном законом. Он соответствует, таким образом, тому, что в буржуазном праве именуется принудительным отчуждением (см.). Ранее термин этот имел более узкое значение. В первоначальном смысле слова в русском языке (в дореволюционном праве) он означал изъятие определенного имущества, необходимого для военных надобностей, в силу предоставленного подлежащим органам чрезвычайного права, из обладания собственников, с возмещением им определяемой, в законе установленном порядке, стоимости такого имущества. Объектом ее были в дореволюционное время преимущественно продовольственные припасы.

В РСФСР, в период военного коммунизма (см.), рядом с конфискацией (см.) применялась и Р., при чем этот термин приобрел расширенное и малоопределенное значение.

В виду того, что в первые годы существования советской власти на местах применялась иногда необоснованная Р. имущества у населения, В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) предложил резолюцию об отношении к среднему крестьянству, которая была принята съездом 23 марта 1919 г. Эта резолюция категорически воспрещает производство произвольных Р., т.-е. таких Р., которые не обоснованы законом и которые обостряют отношения со средним крестьянством: «Всякие произвольные Р.,—говорится в резолюции,—т.-е. не опирающиеся на точные указания законов центральной

власти, должны беспощадно преследоваться. Съезд настаивает на усилении контроля Нар. Ком. Земледелия, Нар. Ком. Внутренних Дел, а равно ВЦИК в этом отношении» (Ленин, собр. соч., XVI 159). Указания тов. Ленина впоследствии были воплощены в декрет о Р. и конфискации.

Еще до перехода к новой экономической политике был выработан, по инициативе Ленина, декрет о конфискации и Р., в котором и этому последнему слову было придано вполне определенное, хотя тоже весьма широкое, по сравнению с дореволюционным, значение, а именно то, о котором говорилось в начале этой статьи. Декрет этот («С. У.» 1920 г № 29, ст. 143) лег в основу последующего нашего законодательства о Р., где значение этого слова более не менялось. По Г. К. Р. имущества у собственников допускается лишь в порядке, установленном декретом о Р. и конфискации имущества частных лиц и обществ, с вознаграждением собственников по средним рыночным ценам к моменту изъятия имущества» (ст. 69).

Декретом, на который ссылается эта статья, является декрет СНК от 7 октября 1921 г. («С. У.» 1921 г., № 70, ст. 564). Согласно этому декрету: «Р. считается применяемое в силу государственной необходимости принудительное возмездное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ (ст. 2). Р. имущества производится в исключительных случаях и не иначе, как по постановлениям Совета Труда и Оборонь (теперь Эконо. республики), которые приводятся в исполнение соответствующими губернскими исполнительными комитетами через отделы управления (теперь адм.отделы). Размер вознаграждения за реквизируемое имущество определяется губернской оценочной комиссией в составе представителей от губернского финансового отдела, губернского совета народного хозяйства, губернского продовольственного комитета, рабоче-крестьянской инспекции и губернского отдела управления по средним рыночным ценам к моменту изъятия имущества из обладания владельца (ст. 4). Имущество концессионных предприятий может подлежать Р. или конфискации исключительно в случаях и в порядке предусмотренном концессионным договором (ст. 6) Должностные лица.

нарушившие правила сего декрета, подлежат ответственности в судебном порядке независимо от сего, потерпевший имущественный ущерб от незаконной Р. или конфискации, имеет право требовать возврата ему неправильно отчужденного имущества, или возмещения убытков посредством иска, предъявляемого в народном суде к органу государственной власти, представителю которого незаконно произвели Р. (ст. 17)

Нормы, касающиеся Р., должны были бы содержаться, судя по заголовку, в декрете СНК от 23 марта 1921 «О конфискации и Р. имущества» частных лиц в местностях, освобожденных от неприятеля («С. У.» 1921 г., № 21, ст. 134), также помещенном в приложении к Г. К. Однако, на самом деле декрет этот говорит исключительно о конфискации; о Р. в нем не содержится ничего. Относительно военных Р. действует специальное положение (помещено также в приложении к Г. К.)

Согласно этому положению Р. производится: 1) в период мобилизации—распоряжением гражданских властей, согласно заранее выработанных окружными военными комиссариатами мобилизационных планов; 2) в военное время: а) на территории РСФСР в местностях, подчиненных реввоенсовету фронта или отдельной армии; в областях неприятеля, занятых по праву войны, а также на территориях нейтральных государств, когда последнее занято неприятелем, — распоряжением военных властей; б) во всех прочих местностях РСФСР—гражданскими властями (ст. 31) Для совершения Р. требуется, по общему правилу, разрешение особо для того учрежденных комиссий (ст. 38). В случае отсутствия на месте органа надлежащей комиссии или нарушения связи с ним, военным властям (начиная с начальника дивизии и выше) разрешается производить Р. самостоятельно, немедленно донося об этом комиссии (ст.ст. 39—40); независимо от того, начальник всякого отряда, не исключая части, потерявшей совершенно связь со своими войсками и действующей отдельно, в случае невозможности заготвить иными способами все необходимое для выполнения поставленной ему задачи, обеспечения довольствием отряда или части, при невозможности испросить своевременно разрешение на производство, обязан применить Р. О причине

и размере Р. указанные начальники доносят и команде при первой к тому возможности (ст. 41). Закон обязывает военные власти при производстве Р. строжайше следить за охраной прав и имущественных интересов трудового населения.

Нравом назначения Р. в последние годы у нас пользуются весьма редко, при чем объектами их являются преимущественно строения

В настоящее время на рассмотрении СНК РСФСР находится проект сводного закона, объединяющего все законодательство о Р. и конфискации.

С. Раевич

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩЕСТВА—объединения граждан для религиозных целей; сюда относятся: а) церкви—православная, старообрядческая, католическая всех обрядов, протестантская и т. д. и исповедания—иудейское, магометанское и т. д., б) все иные Р. о., образовавшиеся для отправления какого-либо культа, и в) все общества, которые ограничивают круг своих сочленов исключительно лицами одного вероисповедания или преследуют цели оказания непосредственной помощи какому-нибудь религиозному культу (инструкция НКЮ от 24 августа 1918 г., С. У. 1918 г., ст. 685). Политика советской власти в отношении церковных организаций с первых же дней после Октябрьской революции определялась следующими основными положениями:

1. Отделением церкви от государства (см. Церковь) и установлением свободы совести: «В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести» (ст. 2 основного декрета о культах 23 янв. 1918 г., С. У. 1918 г., ст. 263). «Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой» (ст. 3).

Однако советская конституция признает свободу не только «религиозной», но и «антирелигиозной» пропаганды. Этим имея по «свобода совести», признаваемая советским государством, и отличается от «свободы совести», признаваемой буржуазными государствами, так как «буржуазная свобода совести есть не более, как терпимость ко всем родам религиозной свободы

совести, рабочая же партия стремится освободить совесть от всякой религиозной отрыжки» (Маркс—«Критика Готской программы»). Как следствие установления свободы совести, а) обеспечивается свободное исполнение религиозных обрядов, но постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопрягаются посягательством на права граждан советских республик (ст. 5). Отправление культа, а также произнесение проповедей, поскольку таковые являются неотъемлемой составной частью богослужения данного культа, допускаются свободно, без какой-либо предварительной цензуры, при условии, чтобы по содержанию своему они фактически имели исключительно религиозный характер. Также свободно, без особого каждый раз разрешения, функционируют и молитвенные собрания, устраиваемые группами верующих в находящихся в их использовании помещениях, а также собрания, посвященные вопросам о содержании храма и управлении культовым имуществом. Религиозные шествия, а также совершение каких бы то ни было религиозных обрядов на улицах и площадях допускаются лишь с письменного разрешения власти.

Однако, устанавливая свободу культов советская власть должна была принять меры к тому, чтобы «...лишить реакционные классы старого общества возможности организовывать и укреплять силы контрреволюции, используя темноту и невежество масс с помощью оставшегося в наследие от самодержавия аппарата и веками накопленных богатств.. Лишить возможности старую ведомственную церковь превратиться в государство в государстве, лишить возможности учреждать Р. о. с правами юридических лиц, т.е. с правом приобретать имущество, накапливать капиталы, располагать ими сообразно со своими целями, расходовать их на содержание всей централизованной церковной организации.. Другими словами, в недрах социалистической республики создавать капиталистическую церковную организацию, со своей бюрократией, законами, юрисдикцией и т. д., организацию, которая, естественно, должна быть связующим аппаратом для всех контрреволюционных элементов старого общества» (Красиков—«На церковном фронте». М. 1923 г.)

Этим определялась в основном политика соввласти по отношению к Р. о. Ст. 10 декрета от 23 января 1918 г. устанавливает что «все церковные Р. о. подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах...» Однако, до 3 авг. 1922 г. у нас, как известно, никаких «общих положений», т.е. законов о частных обществах, не преследующих целей извлечения прибыли, не было. Правда, инструкция НКЮ о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства, изданная 24 августа 1918 г., говорила о «группах верующих», получающих по договору с местными советами, в пользование культовое имущество; но эти «группы верующих» не являются особой организацией, а представляют собою только совокупность отдельных лиц, принявших в пользование по договору храм и богослужебное имущество; здесь мы имеем множественное участие отдельных граждан на ряду друг с другом в юридическом отношении, возникшем в результате договора, заключенного этими гражданами с органами управления.

Таким образом, их объединяет только одно—общее участие в договоре: права и обязанности по использованию и управлению культовым имуществом принадлежат не группе, как таковой, не объединению лиц, заключивших договор, но каждому отдельному лицу, участвующему в договоре; никакой организационной связи между лицами, заключившими договор, и связи этих лиц с другими прихожанами, а также объединений отдельных групп между собою инструкция НКЮ от 24 августа 1918 г. не предусматривала. Однако, несмотря на отсутствие соответствующего законодательства, фактически старые церковные организации продолжали существовать по-прежнему. Так как их положение, принципы образования и организации оставались в законе неурегулированными, то местные и центральные администр. органы не осуществляли в отношении их регистрационных и нормальных контрольных функций; это вело к тому, что деятельность этих объединений нередко ускользала от нормального администр. надзора. Наконец, 3 августа 1922 г. был утвержден декрет о порядке регистрации обществ, а 10 августа 1922 г.—инструкция ВЦИК по тому же предмету (см. Общества и Собрания); на основании этих актов 15 апреля

1923 г. НКВД и НКЮ была издана особая инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых («С. У.» 1923 г., ст. 384). Перед составителями инструкции от 15 апреля 1923 г. стояли следующие политические задачи: во-первых, в соответствии со ст. 10 декр. от 23 января 1918 г. и декр. ВЦИК от 3 августа 1922 г., нужно было признать легальную возможность существования организационных связей между верующими и также органов их объединений; во-вторых, нельзя было при этом признать отступить от одной из основных предпосылок политики советской власти в отношении церкви—уничтожение бюрократич. и иерархического характера церковной организации; др. словами, нужно было установить какие-то пути и возможности для демократизации церковной организации, сохраняя однако, при этом другую основную предпосылку советской политики в отношении религии—полное невмешательство путем принудительных мер в дела веры; в-третьих, признание легальности существования религиозных организаций, их объединений и органов этих объединений вызывало необходимость, в целях установления нормального адм. надзора за ними, их регистрации на основе уставов, определяющих их устройство и деятельность; однако, это не должно было повести к отступлению от третьей основной предпосылки советской церковной политики, что Р. о. юридически лицами не являются и не выступают, как единства ни в области хозяйств. оборота, ни в области сношений с государством. Таким образом, инструкция, которая должна была регулировать порядок регистрации Р. о., должна была примирить в себе почти непримиримые вещи; в виду этого она неизбежно должна была принять чрезвычайно компромиссный характер.

На основании всех вышеперечисленных законодательных и ведомственных актов юридическое положение Р. о. в настоящее время представляется в следующем виде.

Порядок регистрации Р. о. Р. о. регистрируются только губ., обл. краев. администр. отделами; граждане, желающие учредить Р. о., должны подать в адм. отдел в 3 экземплярах соответствующее заявление с целым рядом приложений, указанных в инструкции от 15 апреля

1923 г. Адм. отдел отказывает в регистрации общества, если 1) в числе членов не указано 50 человек местных жителей, не ограниченных в правах, и если 2) устав общества, подлежащий регистрации, или задачи и методы деятельности общества противоречат конституциям СССР и РСФСР и их законам; на отказ в регистрации жалобы приносятся в общем порядке. Устав зарегистрированного Р. о. может быть изменен путем новой регистрации измененного устава в том же порядке.

Устав Р. о. К инструкции от 15 апреля 1923 г. приложен нормальный устав Р. о., формально он для граждан, желающих основать Р. о., необязателен. Однако нужно принять во внимание, что в нормальном уставе Р. о. изложены почти все основные положения советского законодательства о культах; поэтому адм. отделам приходится требовать, чтобы нормальный устав целиком входил в состав устава каждого Р. о. Это, конечно, не лишает учредителей Р. о. права дополнять устав своего общества различными дополнительными статьями, например, более подробным изложением своего учения и т. д.

Правовое положение Р. о. Р. о. подчиняются всем положениям об обществах, не преследующих целей извлечения прибыли предусмотренным пост. ВЦИК от 3 августа 1922 г.; однако в отличие от других обществ, они не пользуются правами юридического лица и не имеют права собственности (ст. 12 декр. от 23 января 1918 г.). В этом отношении положение Р. о. абсолютно ничем не отличается от вышеописанного юридического положения групп верующих. Формулировка ст. 15 инстр. от 15 апреля 1923 г. «не имея прав юридического лица и права собственности, Р. о. могут заключать сделки частногоправового характера, связанные с пользованием культовым имуществом» может дать повод думать, что перед нами особые юридические лица с ограниченной правоспособностью. Однако мы здесь имеем просто сокращенное выражение, так как ст. 15, собственно имеет в виду не общества, как таковые, а отдельных лиц, составляющих Р. о.

Уполномоченные Р. о., предусмотренные ст. 16 инстр. от 15 апреля 1923 г., избираемые для выполнения постановлений общих собраний по мере встретившейся

надобности и действующие в пределах предоставленного каждому из них полномочия, являются юридически не органами общества, но поверенными лиц, их уполномочивших на совершение тех или иных юридических сделок; здесь мы имеем обыкновенный договор поручения. Не являясь юридическими лицами и не имея права собственности, Р. о. тем более не имеют права присваивать себе судебные, карательные и налоговые функции. Но внутри себя Р. о. все-таки является организацией, объединяющей и координирующей действия своих членов по чисто религиозным делам, выступающей, как единое целое—качество которое отличает Р. о. от групп верующих предусматрив. инструкцией НКЮ от 24 августа 1918 г. Однако и для внутренней жизни и внутренней организации Р. о. действующее законодательство устанавливает одно ограничение: Р. о. не могут устанавливать обязательных членских взносов: члены и уполномоченные Р. о. могут собирать только добровольные пожертвования для покрытия расходов, связанных с пользованием и управлением культовым имуществом (отопление, ремонт и т. д.)

Съезды Р. о. Р. о. могут организовывать губернские и всероссийские съезды на общих основаниях с другими обществами: названные съезды могут избирать исполнительные органы. Так как всероссийские и губернские объединения Р. о. носят вполне добровольный характер, то от доброй воли самих верующих зависит подчинение их постановлениям съездов Р. о. и их исполнительных органов. Ни в каких случаях съезды Р. о. и избираемые ими исполнительные органы не могут осуществлять, даже в порядке внутренней дисциплины, какие бы то ни было принудительные функции в отношении отдельных Р. о. или в отношении отдельных членов последних; в частности они не могут устанавливать принудительные сборы с них.

Надзор за деятельностью Р. о. возложен на НКВД и его органы. Несмотря на то что Р. о. регистрируются только губ. адм. отделами, само собою разумеется, что на местах непосредственное наблюдение за деятельностью Р. о. лежит на обязанности подлежащих уездных и волостных адм. органов. Закрытие Р. о. может иметь место только в порядке, общем для всех обществ, не преследующих целей

извлечения прибыли, т. е. в порядке, установленном ст.ст 6 и 11 пост ВЦИК от 3 августа 1922 г

А. Колесников

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, преследовавшиеся и в более древнее время, занимают особенно видное место в судебной практике средневековья, что объясняется социальной ролью тогдашней церковной организации (см. Церковь), а также и тем обстоятельством, что классовая, политическая борьба в те времена идеологически оформлялась, как борьба разного рода религиозных направлений («ереси»). Буржуазия с ее лозунгом «свободы совести» должна была бы, будучи последовательной, осуществить выдвинутые ее идеологами еще в XVIII в. предложения об устранении самого понятия Р. п. из уголовного законодательства. Во Франции революция к этому и привела, и даже наполеоновский *Code Pénal* 1810 г., изданный уже при действии заключенного в 1801 г. так наз. «конкордата» (соглашения) с «папским престолом», не знает наказуемости ни богохульства, ни святотатства и никаких вообще Р. п., а предусматривает лишь, что касается религии, разного рода преступления служителей культа, например, выступления с их стороны с проповедями и т. п., содержащими критику правительства или призывающими к неповиновению законам, угрожая в этих случаях тюрьмой, изгнанием или ссылкой. Однако, по законодательствам таких буржуазных стран, как Германия или Англия, Р. п. продолжают оставаться наказуемыми. Так в Германии за публичное богохульство полагается тюрьма до 3 лет (ст. 166); «демократический» герм. проект У. К. 1925 г. даже подчеркивает (на бумаге) точку зрения одинаковой защиты любой религии от публичного поругания ее, задевающего чувства ее приверженцев, назначая за это тюрьму до 2 лет или штраф. Похищение из церковного здания предназначенных для богослужения предметов обязательно квалифицируется в герм. У. К., как тяжкая кража, и влечет каторгу до 10 лет. Нечего и говорить, что царская Россия посвящала Р. п. первую (из уважения к богу) главу Особенной части как в Уложении о Наказаниях 1845 г.,

так и в Уголовном Уложении 1902 года. Постановления последнего, относящиеся к Р. п., были введены в действие в 1906 г. Они карали: 1) за богохульство (от каторги или ссылки на поселение до заключения в исправдоме до 3 лет; только, если виновный богохульствовал по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения, он наказывался арестом); 2) за кощунство, т.е. за поношение обрядов церкви или поругание действием или поношение так называемых «освященных» предметов, употребляемых при богослужении (тюрьмой); 3) за препятствование богослужению—тюрьмой или арестом; 4) за святотатство, т.е. кражу церковных предметов (каралось каторгой¹⁾). Но все перечисленные постановления применялись лишь для защиты православной или иной христианской религии. Особо были предусмотрены также 5) «с о в р а щ е н и е» православного в иное христианское вероисповедание (каралось заключением в крепости или ссылкой); 6) «с о в р а щ е н и е» христианина в нехристианскую веру (каралось заключением в исправдом или крепости или даже каторгой; 7) публичное возбуждение православных к переходу в иное вероисповедание или учение или секту (каралось заключением в крепость); 8) самая принадлежность к «изуверному учению», например, к секте скопцов, или к учению соединенному с «явно безнравственными действиями» (каралась ссылкой на поселение).

Советское законодательство, полностью осуществившее отделение церкви от государства, никаких Р. п., попятно, не знает. «Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды (см.) признается за всеми гражданами», сказано в Конституции РСФСР 1925 г. (ст. 21). По конституции предоставляется даже право убежища всем иностранцам, преследуемым за религиозные убеждения. Вместо Р. п. наш У. К. предусматривает нарушение правил об отделении церкви от государства (ст.ст. 122—127 У. К. ред. 1926 г.), а именно: 1) преподавание малолетним или несо-

вершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах или с нарушением установленных для этого правил, 2) совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем каких-либо выгод, 3) принудительное взимание сборов в пользу церковных и религиозных групп, 4) присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций и прав юридических лиц, 5) совершение в государственных и общественных учреждениях и предприятиях религиозных обрядов, а равно помещение в этих учреждениях и предприятиях каких-либо религиозных изображений, 6) воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан. Все эти преступления влекут принудительные работы на разные сроки, а некоторые из них—принудительные работы или штраф; совершение же обманных действий с целью возбуждения суеверия—также конфискацию имущества. Особо, в главе о контрреволюционных преступлениях, предусмотрено использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям (ст. 58¹⁴ У. К. 1926 г.)

А. Эстрин

РЕЛИГИЯ. Теория происхождения Р. Р. представляет собой одну из наиболее отдаленных от своего экономического основания идеологий. Г. В. Плеханов определяет Р. как «более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифотогический элемент Р., настроения относятся к области религиозного чувства, а действия—к области религиозного поклонения или, как говорят иначе, кulta». Основная предпосылка религиозных представлений—анимизм, т.е. одухотворение явлений природы, имеющее место и в первобытной Р. дикаря и в новейшей «спиритуалистической» философии. Этот анимизм и создает характерное для религиозной формы понятие «божества»; не может быть Р. «без бога», Р., чуждой

¹⁾ У нас напротив, Верховуд разъясняет, что церковное имущество в общем приравнено частному, а не государственному имуществу.

анимистических представлений и желание создать такого рода Р. является просто на-просто попыткой затушевать глубоко реакционный и анти-научный характер всякой Р. Действия, относящиеся к религиозному культу т.е. различные формы религиозного поклонения, выражающиеся в молитвах, обрядах, получающие зачастую весьма сложную и своеобразную регламентацию, эти действия в современных важнейших Р (христианстве мусульманстве, иудаизме, буддизме) представляются вытекающими лишь из религиозных чувств и представлений, но будучи связаны с процессом общественного производства. Между тем, на заре общественного развития—в первобытном обществе и в раннюю феодальную эпоху—религиозные действия, как магия первобытных колдунов, наблюдения за светилами египетских жрецов и т. и., составляли необходимую составную часть самого общественно-производственного процесса. Низкий уровень экономического развития приводил к ложным религиозным представлениям о характере и условиях общественного производства: Р. имела свою практическую основу. Полного своего развития религиозная идеология достигает в период феодализма; здесь создается сложная религиозно-политическая система иерархии опирающаяся на могущественную религиозную организацию—церковь. По словам Энгельса, «миросозерцание средних веков было по преимуществу теологическим. Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной крепкой, связывавшей различные страны; феодальная организация церкви давала мирскому феодальному строю, основанному на феодальных началах, религиозное освящение. Духовенство являлось к тому же и единственным образованным классом. Отсюда вытекало само собой, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления». Вопрос о происхождении Р. вызывает некоторые разногласия и в марксистской среде: в частности имеются различные точки зрения по поводу происхождения понятия «души». Г. Кунов склонен объяснять его сновидениями первобытного человека, в которых душа якобы отделялась от тела. М. Н. Покровский подчеркивает то значение, которое

имели в качестве источника религиозного чувства страх, испытываемый первобытным человеком перед трупами покойников, а также магия, как врачебное искусство. А. А. Богданов, в данном вопросе находящий поддержку и со стороны И. И. Степанова, выдвигает «организационную теорию», согласно которой понятие «души» складывается по мере расслоения общества на классы «организаторов» производства и исполнителей.

Социальная роль Р. Социальное значение Р., эта ее роль достаточно выяснена и разоблачена Лениным в его статьях «Религия и социализм» и «Отношение рабочей партии к религии». Вслед за Марксом Ленин утверждает: «Религия-опиум для народа» Она представляет собою особый род дурмана, «духовной сивухи», которая пьянит сознание современного пролетария надеждами на возможность лучшей жизни в потустороннем мире, в раю. В ней, говорит Ленин, «топят» трудящиеся свои требования на сколько-нибудь достойную человеческую жизнь («Р. и социализм»).

В этой особенности Р., в этой способности ее навязывать трудящимся «иллюзию» счастья, взамен счастья реального, подлинного, и заключается ее особо вредная, реакционная роль.

«Упразднение Р. как призрачного счастья народа, есть, таким образом, требование его действительного счастья» («К критике гегелевской философии права»). В надежде на это призрачное счастье, в вере в существование потустороннего мира—в этом заключается роль Р., как орудия в руках буржуазии, орудия кабалы и угнетения трудящихся.

Р. дразнит воображение голодного труженика усталого, угнетенного тяжестью собственной жизни, подавленного гнетом капитала, возможностью покоя и счастья в другом, лучшем мире и тем самым отвлекает его внимание в сторону от классовой борьбы, в сторону от борьбы за действительное не призрачное счастье для трудящихся.

Однако не нужно делать заключение, что вся Р. представляет собою просто-напросто злостную выдумку врагов рабочего класса которые посредством подкупа склоняют жрецов к распространению заведомо лож-

ных понятий среди трудящихся, пуская в ход обман, террор и насилия. Ротюдь не является только выдумкой, чужой выдумкой, навязанной или внушенной верующему со стороны, извне, теми, кто делает это, пользуясь его отсталостью и темнотой.

Такой взгляд Ленин считает «исчерпывающим буржуазно-ограниченным, неглубоким».

В современных условиях существования людей Р. представляет собой вполне закономерное, исторически-неизбежное явление, тесно связанное со всем общественным укладом капиталистических стран, получающее свое объяснение в самом факте существования буржуазного строя.

В современных капиталистических странах, говорит Ленин, корни религии, главным образом, социальные («Об отношении рабочей партии к Р.») Эти корни в «экономическом угнетении рабочих», в «социальной придавленности трудящихся масс», в «кажущейся беспомощности их перед слепыми силами капитала» Это мнение целиком совпадает с точкой зрения Энгельса: «В настоящее время каждая Р. является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,—отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных» (Ф. Энгельс—«Анти-Дюринг»).

Очевидно, что Р. может исчезнуть только тогда, когда будут уничтожены эти внешние силы, угнетающие современного пролетария, а это случится только тогда, когда пролетариат овладев «всей совокупностью средств производства, освободит себя от рабства перед этими «непреодолимыми», хотя и «им самими произведенными», силами. И тогда, когда исчезнет эта «последняя, внешняя сила, до сих пор еще отражающаяся в Р.», тогда исчезнет вместе с нею и ее «религиозное отражение», «по той простой причине, что тогда уже ничто не будет отражать» (Ф. Энгельс, там же).

Так именно ставил вопрос «социальных» корней Р. Ленин.

«Бессильные эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь».

«Рвет Р. над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета

внутри общества» (Ленин «Религия и социализм»)

Этим гнетом, а не только темнотой и, тем более, не одним только поповским обманом «держится Р. в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также и в массе крестьянства» (там же)

Отсюда понятно, почему религиозные пережитки хранятся и в СССР, в стране пролетарской диктатуры, строящей социализм. Наличие власти в руках трудящихся, наличие социалистически-организованных предприятий не исключает еще нужды, голода, холода, материальной стесненности и придавленности объясняемых тем, что наша страна находится в условиях буржуазно-капиталистического окружения.

Еще не уничтожена пропасть между городом и деревней, где неизбежно еще сильна зависимость деревенского земледельца от грозных стихий природы, где еще достаточно крепка связь с рынком, где все хозяйство лишено научного характера и ведется силами неорганизованных изолированных, разпыленных крестьян-одиночек. В условиях отсталой техники, по допотопной системе, примитивными, первобытными способами.

Не умея подчинить себе силы природы и не имея средств на это, крестьянин ведет свое хозяйство, не будучи уверенным в завтрашнем дне, не будучи уверенным в том, что труды его не пропадут даром в случае засухи, градобития, проливных дождей и т. и. неблагоприятных явлений природы. Успехи его хозяйства зависят, таким образом, от капризов природы: никакие труды не гарантируют ему хорошего урожая, и психология его, складывающаяся в этих условиях, в условиях ведения всего хозяйства на «авось», в расчете на случай и на удачу, в сознании того, что судьба его не зависит от него самого, составляет ту почву, на которой зарождаются и растут религиозные предрассудки.

Одновременно и параллельно с этим в СССР наблюдается развитие обратного процесса, процесса постепенного отмирания Р. Отход от Р. не только значительной части рабочих, но и некоторых слоев крестьянства объясняется развитием социалистических элементов современного хозяйства советской республики. Строительство совет-

ского хозяйства подрывает ту материальную базу, которая всюду и везде была естественной почвой для зарождения веры в бога.

А. Логинов

РЕНТА ЗЕМЕЛЬНАЯ к вопросу о праве непосредственного отношения не имеет; необходимо строго различать Р и аренду (см.), иногда смешиваемые. Но з. Р. будучи категорией политэкономии, имеет большое значение в социологии, и без ее понимания не будет попятна суть права собственности. К. Маркс даже отождествляет з. Р. и право частной собственности на землю.

Для буржуазного экономиста, а тем более юриста, з. Р. является доходом с земли, как «вещи плод приносящей». Конечно, известную роль и для него играет труд но лишь вспомогательную, зато мы даже в коммунистических изданиях читаем: «З. Р. ни в коей мере не является результатом труда и т. д.». К. Маркс, напротив, учит, что з. Р. как раз есть продукт чужого труда, т.-н. прибавочного труда, присваиваемый землевладельцем в силу одного монопольного права частной собственности на землю.

Оставляя в стороне т.-н. дифференциальную Р., получаемую от особо выгодных условий производства, обмена и т. п. на данной земле, по сравнению с «худшей» землей, здесь мы рассматриваем вопрос лишь в плоскости абсолютной Р., получаемой с любой земли, т.-е. худшей, в силу монополии частной собственности на землю. Этот вопрос весьма просто и общедоступно разрешен К. Марксом. «Если рабочий, — говорит Маркс, — все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых средств существования для себя и своей семьи, то у него, понятно, не остается времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, а невозможны, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабочие владельцы феодальные бароны, одним словом, какой бы го ни было

классе крупных собственников» («Капитал», I). Но как только появляется возможность прибавочного труда объявляется и претендент на этот «излишек» на эту дань. Конечно, возможность одна еще не создает Р., ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность. Эта дань и есть первоначальный вид з. Р. Далее, ясно, что во всех формах производств, в которых рабочий непосредственно остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства своих собственных средств существования отношение собственности одновременно должно выступать как непосредственное отношение господства и рабства: значит, и непосредственный производитель выступает как «невольный», — «невольность», которая от крепостной зависимости с барщиною может смягчиться до простого «подданства», т.-е. до простой обязанности вносить дань.

«З. Р. в ее простейшей форме, это — трудовая Р., когда непосредственный производитель часть недели с орудиями труда (сохой, лошадей и т. д.), фактически или юридически ему принадлежащими, обрабатывает землю, ему собственно принадлежащую, а остальные дни недели работает в мызе барина для барина бесплатно» («Капитал», III, 2). Здесь Р. и прибавочная стоимость совпадают. Но здесь и не требуется особого анализа в доказательство того, что з. Р., как продукт прибавочного труда, совпадает с неоплаченным чужим трудом. Здесь «качество» земли принести Р. сводится к осязаемо очевидному секрету. Это период барщины.

Ничего не меняется по существу, если трудовая Р. заменяется продуктивной Р., т.-е. в силу того, что «барину» «дворянину» принадлежит право собственности на его землю, производитель ему приносит не свой труд в имени барина, а часть ($\frac{1}{10}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$) продукта с находящейся в его владении земли. Это тот же прибавочный чужой труд только в виде продукта.

Если же перевести продуктивную Р., известную часть продукта натурою,

в денежную форму, то получается денежная Р. Но производитель, уже свободный производитель, еще не капиталист, ибо он на свои орудия производства и вообще денежные затраты не исчисляет процента. В капиталистическую Р эта денежная Р превращается лишь тогда, когда производитель из «владельца» земли превращается в ее арендатора, который свой собственный труд заменяет наемным. Тогда получается известная формула, что наемный рабочий получает эквивалент необходимого труда—заработную плату; хозяин-арендатор (предприниматель), присваивая прибавочный труд рабочего, оставляет себе из него среднюю прибыль, а весь остальной бесплатно присвоенный прибавочный труд вынужден в виде Р передавать монополющему частному собственнику земли.

Не странно ли после всего сказанного, что в капиталистическом обществе, и даже при советском строе, может еще существовать неясность насчет того, что з. Р.—продукт труда да еще чужого труда?

Но нам ныне попятно, почему физиократы как раз в Р. открыли впервые прибавочную стоимость вообще и установили ее характер, как прибавочного труда земледельческого рабочего. Сказанного здесь достаточно будет чтобы дать понятие основания капиталистической частной собственности на землю «Р., в смысле Рикардо,—это и есть само право собственности в буржуазном облике, г.-е. феодальная собственность, изменившаяся условиями буржуазного производства» (Маркс—«Нищета философии», 126). «Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, напр. общества рабства, от общества наемного труда» («Капитал», I, 294)

П. Стучка

РЕПАРАЦИИ (франц. слово *réparation*, возмещение)—совокупность денежных и иных хозяйственных возмещений, которыми Германия, в результате версальского договора, оказалась обязанной покрыть «убыт-

ки, причиненные гражданскому населению стран победительниц ее нападением». С тех пор, как это обязательство получило окончательное закрепление, вопрос о способах, размерах и сроках его выполнения успел сделаться одним из трудных вопросов современной международной политики. Сложность его объясняется характером и взаимными отношениями международных факторов, участвующих в его возникновении и эволюции. Главные из этих факторов—различные интересы стран, получивших право на Р. Заинтересованнее всех в Р Франция. Понеся тяжкие хозяйственные разрушения в результате войны, ведшейся на Западе почти исключительно на ее территории, она, конечно, весьма заинтересована в получении с Германии средств для хотя бы частичного восстановления разрушенного. Одно разорение нескольких северных департаментов Франции измеряется 26 миллиардами золотых марок. Р. далее нужна ей для выплаты своих военных долгов союзникам, Англии и Соед. Штатам (первой она должна около 12 миллиардов, второй около 18 миллиард. зол. марок). Считая, что эти долги были вызваны «нападением» Германии, Франция требует переложения их на последнюю. К этим финансово-экономическим мотивам присоединяются и узко-политические. Французский плательщик налогов, особенно, конечно, плательщик из среды пролетариата и мелкой буржуазии, обременен колоссальным обложением. Во время войны его утешали тем, что «за все заплатит бош». Завинчивая еще ту же налоговый пресс и после войны, господствующая крупная буржуазия должна была неизбежно подогревать надежду что облегчение возможно, и не тем путем что бремя будет в большей своей части переложено на нее, буржуазию, а тем, что «бош» непременно «заплатит». Наконец, победив Германию, буржуазно-милитаристическая Франция боится «реванша» с ее стороны. Заставить ее платить Франции и ее союзникам средства, которые могли бы пойти на восстановление ее военного могущества.—вот еще мотив для настойчивого требования Р. Другим фактором в развитии репарационной проблемы являются интересы Англии. В Р. она нуждается в разных отношениях. Прежде всего она задолжала по военным займам. Так, долг свой по этим

займам Соединенным Штатам Англия консолидировала в 14,2 миллиарда золотых марок. По французским расчетам, она должна более миллиарда золотых марок Франции. Все эти суммы Англия считала бы необходимым получить по возможности с Германии. Затем, в интересах Англии было и остается ослабить торговую (морскую) конкуренцию Германии. С этой целью она добилась выдачи почти всего крупно-тоннажного флота Антанте и преследует аналогичную цель и в дальнейшем. Но вразрез с этими интересами Англия имеет в репарационном вопросе и другие. Во-первых, обеспокоенная военной гегемонией Франции в после-версальской Европе, она не прочь сохранить в лице Германии военный (сухопутный) противовес Франции. Для этого, очевидно, не следует очень добиваться от нее Р., особенно крупных и особенно идущих в пользу Франции. Во-вторых, Англия заинтересована в поднятии покупательных сил Германии, надеясь найти в ней рынок для сбыта некоторых отраслей своей индустриальной продукции. А для этого опять-таки нет потребности в истощении хозяйства Германии взиманием несомерных Р. Соединенных Штатов репарационная проблема касается прежде всего потому, что страны-победительницы все должны им большие суммы: два три десятка миллиардов золотых марок. Уплату этих долгов большая часть из европейских кредиторов пыталась связать с получением Р. Другой момент заинтересованности С.-А. С. Ш. в репарационном вопросе вытекает из потребности экспорта капитала за границу, и прежде всего в Европу. Германия, обремененная репарационными обязательствами, — одна из стран, обещающая высокий процент прибыли. Американские банкиры, во главе с Морганом, давно подбирающиеся к побежденной Германии под видом желания помочь ей в восстановлении ее хозяйства, стремятся поместить в нее свои капиталы не только с тем, чтобы получать высокую прибыль за ссуду, но и с тем, чтобы, выполняя тенденцию финансового капитала к достижению диктатуры над всем народным хозяйством, создать себе из Германии экономическую вотчину. Таким образом, каждая из держав победительниц имеет собственные интересы, расходящиеся с интересами вчерашних союзников. Может быть,

только в одном пункте они единомыслящи это — в страхе, что «неосторожное» решение тяжелого вопроса обострит внутри Германии социальную борьбу настолько, что в ней вспыхнет революция, которую, благодаря центральному положению Германии едва ли удастся локализовать. Все это, вместе взятое, делает совершенно понятной и крайнюю трудность репарационного вопроса, и то, что он долгое время стоял и сейчас еще стоит едва ли не в центре всех современных европейско-американских международных отношений, и то, наконец, что неоднократные попытки решить его — до сих пор не дали результата, который можно было бы считать окончательным.

При заключении версальского договора, когда уже достаточно выяснились разногласия между союзниками, было решено не фиксировать наперед всей суммы репарационных платежей, но лишь минимум в 100 миллиардов золотых марок. Определение размеров ее долга и сроков его выплаты было возложено на комиссию, получившую название репарационной. С. Ш. не послали своего представителя в репарационную комиссию, и обладание в последней получила Франция, которая председательствовала и на стороне которой в большинстве случаев становились Италия и Бельгия. Англия, не смея прямо отказаться от участия в организации, созданной с ее же согласия, всячески саботировала деятельность комиссии, а когда это не удавалось, стремилась вносить в ее постановления желательные коррективы, созывая для того ряд конференций (Сен-Ремо, Булонь, Гайт, Спа), сплошь и рядом бравших на себя работу репарационной комиссии или настойчиво «рекомендовавших» последней угодные Англии решения. Общие размеры германского долга были определены в Булони в количестве 269 миллиардов зол. марок. Но всего через 2—4 недели, на новой конференции в Спа (5—16 июля 1920 г.) союзники понижают цифру требований до 240 миллиардов зол. марок, при чем постановляют, что из этой суммы 52% следует Франции, 22% — Англии, 10% — Италии, 8% — Бельгии, остальное — прочим союзникам. Тем временем Германия, используя эти противоречия и искусно лавируя между противоположными интересами старалась платить возможно меньше. На парижской конференции

(29 января 1921 г.) цифры предположенных платежей снова понижаются—на сей раз до 226 миллиардов зол. марок. Со всех сторон, а особенно из Германии, идут указания на совершенную фантастичность этих цифр. К 27 апреля 1921 г. репарационная комиссия сообщает, наконец, установленную ею цифру германского долга в 132 миллиарда зол. марок. Однако порядок платежей, по предложению английского правительства, был поручен особой междусоюзнической конференции. Выработанный этой конференцией т.-н. лондонский план был навязан Германии с помощью ультиматума 5 мая 1921 г. Германия обещала выдать союзникам три серии облигаций: серии А на 12 миллиардов золотых марок, серии В—на сумму 38 миллиардов и серию С—на 82 млрд. Первые две серии предполагались к выпуску в мае и в ноябре 1921 г.; вопрос же о сроке и порядке выпуска облигаций последней серии оставался открытым. Было установлено, что в исполнение нового плана Германия платит ежегодно 2 миллиарда золотых марок плюс 26% стоимости своего ежегодного экспорта. Германия успела внести 1 миллиард в счет текущего платежа. Но по взносу второго миллиарда за 1921 г. дело не дошло, так как принятие нового плана вызвало катастрофическое падение курса германской марки. Правительство приближалось к перспективе остаться без всяких средств. В декабре 1921 г. Германия потребовала мораториума. После междусоюзнической конференции в Каиннах в январе 1922 г. репарационная комиссия предоставила Германии частичный мораториум за 1922 г. Германии разрешалось внести 720 миллионов зол. марок наличными и 1.450 млн. зол. марок натурой. Но и эти платежи не могли быть реализованы. Денежная система Германии разрушалась. Ее правительство просило о новом мораториуме в июле 1922 г. Французское правительство начинает настойчиво выдвигать идею «продуктивных залогов» что означало оккупацию Рура. Англия всеми силами сопротивляется этому плану. Еще на двух конференциях (декабрь 1922 г.—январь 1923 г.) Англия пробует договориться с Францией о дальнейшем поведении. Это не ведет ни к чему.

Франция, поддерживаемая Бельгией и Италией, 11 января 1923 года приступает к оккупации Рура. Борьба из-за

Рура дорого стоила и Германии, и Франции. Французам пришлось осуществить ряд сложных и дорого стоящих мероприятий, чтобы парализовать пассивное сопротивление немцев. Давая сомнительные или прямо убыточные экономические результаты, эта политика заставляла Францию все глубже втягиваться в авантюру, роняя свой международный престиж и питая брожение и недовольство внутри страны. В Германии же, которую надеялись привести к повиновению оккупацией Рура, последняя вызвала поток грозных последствий: головокружительное падение курса марки, питаемое и расходами на поддержку пассивного сопротивления, и хозяйственным отторжением от страны главного угольного источника, и своекорыстной политикой крупной буржуазии, богатевшей на обесценении денег; затем—обострение классовой борьбы, как следствие упомянутой политики буржуазии,—обострение, чуть не приведшее Германию в октябре 1923 г. к социалистической революции; далее—падение финансового и политического авторитета центральной власти и опасное развитие центробежных тенденций, лишь отчасти имевших внутренние причины (Бавария). В большинстве же случаев питавшееся исключительно поддержкой Франции (сепаратистское движение—Пфальц и «Рейнская республика»). Все это вместе взятое побудило Англию не перестававшую протестовать против оккупации, вмешаться, наконец, в дело более активно; иначе ей угрожала перспектива не только усилить Францию, но и допустить вспыхнуть в сердце Европы революционному пожару. В те самые дни (октябрь), когда правительство изнемогавшей Германии принуждено было прекратить в Руре политику пассивного сопротивления, Англия, увидев, что далее медлить невозможно, предложила Франции последний раз меру, рекомендовавшуюся ею еще с августа: созвать новую международную конференцию с неизменным участием Америки, которая и сама стала настойчиво заявлять о своем желании получить, наконец, от союзников то, что они были ей должны. Сопровождаясь всегласным нажимом на курс франка, это согласованное требование Англии и Америки достаточно понятное из всего сказанного выше, не могло быть отклонено изолиро-

ванной Францией. Таким образом, репарационный вопрос вступил в новую фазу. 30 ноября была официально провозглашена организация комитета экспертов для расследования репарационной проблемы и выработки плана ее решения. Вторая комиссия экспертов должна была изыскать средства к учету и возвращению в Германию утекших капиталов. 9 апреля 1924 г. председатель комитета экспертов, американец Дауэс, обратился в репарационную комиссию с письмом, извещавшим о завершении работ экспертов и предлагавшим ее вниманию изготовленный им проект. 11 апреля репарационная комиссия объявила о приемлемости для нее плана экспертов, а 18 о том же заявила и Германия.

Основные черты плана состоят в следующем: с одной стороны, план имеет в виду поднятие хозяйственных сил Германии для выплаты ею Р., а с другой — недопустимость того, чтобы это поднятие оказалось вредным для союзников или, лучше сказать, для англо-американского финансового капитала. Что касается первой части плана, для его осуществления эксперты предложили восстановление экономического единства Германии, т. е. уничтожение той финансово-таможенной организации, которая была создана франко-бельгийскими оккупантами для эксплуатации «продуктивных залогов». в том числе и отказ от особого франко-бельгийского управления железными дорогами в оккупированной зоне, двухлетний мораторий, международный заем Германии, учреждение особого эмиссионного банка и план покрытия репарационных платежей. Заем предоставляется Германии на сумму 500 млн. зол. марок, покрываемую по подписке, главным образом, англо-американскими банками. Этот заем образует капитал эмиссионного банка. Банк ставит себе задачей стабилизацию германской валюты. Ради этого ему предоставлена «исключительная привилегия на эмиссию билетов, имеющих твердую золотую основу»; вследствие этого он «будет банком остальных банков и будет устанавливать официальный учетный процент». Официально правительственный, с немецким правлением во главе, работающим «под наблюдением генерального совета, половина членов которого, включая комиссара, состоит из иностранцев» банк не будет зависеть от пра-

вительственного контроля и является, таким образом, государством в государстве. Банк «принимает в депозит платежи по Р.», делаясь, следовательно, механизмом для выкачивания германских средств в пользу союзников. В плане экспертов точно перечислены источники, за счет которых должны поступать в эмиссионный банк платежи по Р. Это — налоги, доходы от железных дорог и промышленные облигации. Налоги предусматриваются прямые и косвенные, при чем последние должны преобладать. Как известно, косвенные налоги ложатся на широкие массы. Заботясь о том, чтобы они взимались по высоким ставкам, и охраняя от высокого обложения прямыми налогами владельцев крупных капиталов, эксперты обеспечили получение крупных прибылей держателям германских капиталов, которыми будут по большей части иностранцы. Вторым источником для получения репарационных сумм — железные дороги. Должны быть выпущены специальные железнодорожные облигации на 11 миллиардов зол. марок, обеспечиваемых стоимостью германских дорог (она числена в 26 миллиардов зол. марок, приносящих 6% годовых, из них 1% в фонд погашения), затем — привилегированные акции на сумму 2 миллиарда зол. марок и обыкновенные акции на 13 миллиардов. Обыкновенными акциями правительство распоряжается по произволу. Облигации на 11 миллиардов передаются уполномоченному репарационной комиссии, и в обеспечение выплаты названных процентов по ним из валовых доходов жел. дорог в его же распоряжение поступают:

в 1924/25 г.	330	млн. зол. марок
” 1925/26 ”	465	” ” ”
” 1926/27 ”	550	” ” ”
” 1927/28 и сл. г. по	660	” ” ”

Что касается, наконец, привилегированных акций на 2 миллиарда, они на $\frac{3}{4}$ поступают в распоряжение организации, ведающей, как увидим, железными дорогами, а $\frac{1}{4}$ — германскому правительству. Кроме облигаций, железные дороги участвуют в покрытии репарационного долга еще особым налогом и на перевозку, который после 1925/26 г. должен доставлять по 290 млн. зол. марок ежегодно в счет Р. Последний источник платежей по Р. — особые промышленные облигации на 5 миллиардов зол. марок, из 5% годовых, плюс 1% на погашение. Проценты по ним вносятся так:

первый год—ничего; второй—125 млн. зол. марок; третий—250 млн. зол. марок; в дальнейшем—по 300 млн. зол. марок в год. Складывая в се платежи по разным источникам, эксперты высчитали, что Германия будет платить так: первый год—1 миллиард зол. марок; второй—1.250 млн. зол. марок; третий—1.200 млн. зол. марок; четвертый—1.750 млн. зол. марок; пятый—2.500 млн. зол. марок, в дальнейшем—ежегодно та же цифра. Сюда не вошло повышение платежей в зависимости от повышения благосостояния страны. Сказанным очерчена та сторона проекта Дауэса, которая представляет собою ряд мер, направленных к стабилизации валюты и повышению налоговых поступлений и создающих возможность уплаты Р. Другая его сторона имеет в виду предупредить слишком быстрый рост германского хозяйства, могущий стать опасным для союзников. В этом отношении необходимо отметить три момента. Прежде всего, германск. жел. дороги превращаются в предприятия особого акционерного общества, независимо от германского правительства. Во главе общества—совет из 18 человек, из которых только 9 назначаются правительством и держателями «преимущественных» акций. Остальные назначаются держателями железнодорожных облигаций. Председателем совета и главным директором назначаются обязательно немцы. Тем не менее, ясно, что германск. жел. дороги попадают в руки иностранцев. Далее создается т.-н. трансфертный комитет, распорядившийся направлением сумм, поступающих в эмиссионный банк в счет Р. Комитет может оставлять эти суммы (не более 5 миллиардов марок) в банке, давая им продуктивное употребление в Германии. Учреждение трансфертного комитета было необходимо, поскольку план проводил строгую разницу между максимумом обложения в счет Р внутри Германии и теми суммами, которые можно было перевести за границу без риска уронить германскую валюту. Таким образом, обеспечивалась мобилизация внутри Германии значительных ресурсов, распоряжение которыми находилось бы по сути дела в руках англо-американского капитала. Франция, заинтересованная в немедленных платежах, от этого очень мало выиграла. Для трудящихся масс Германии план экспертов означал новое ухудшение условий существования,

урезывание заработной платы и удлинение рабочего дня.

Условия проведения в жизнь плана экспертов были установлены на международной конференции в Лондоне в июле—августе 1924 г. Франция обязалась очистить Рур через год. Репарационная комиссия была парализована постановлением, по которому констатирование преступной неаккуратности платежей с последующим применением «санкций», т.-е. карательных мер, включая оккупацию, предоставляется комиссии только в случае единогласия всех ее членов. В противном случае вопрос переносится в арбитражный трибунал, назначаемый единогласно комиссией, а при отсутствии такого единогласия—в верховную палату международного суда в Гааге. На усмотрение этого арбитра передаются и разногласия союзников по решениям трансфертного комитета. За все эти потери Франция могла себя вознаградить только пересмотром вопроса о поставках натурой, в сущности упраздненных планом экспертов: по настоянию Франции, поставки сохраняются до тех пор, пока будет осуществляться план экспертов, т.-е. на 37 лет. Решения лондонской конференции выдвинули вперед вопрос об осуществлении проекта Дауэса, ставший очередным особенно после того, как германский рейхстаг принял постановление об изменении некоторых элементов конституции соответственно плану экспертов (эмиссионный банк, акционирование жел. дорог и пр.). Вопрос о распределении между союзниками репарационных платежей, поступающих по плану Дауэса, был урегулирован на парижской конференции 7—15 января 1925 г. Эта же конференция урегулировала позицию Америки в репарационном вопросе, зафиксировав за С. Ш. определенную долю в $2\frac{1}{4}\%$ всех поступлений, не считая 55 млн ежегодно в счет издержек на американские оккупационные войска.

Ликвидация рурской авантюры и план Дауэса явились существенным элементом в условии капиталистической стабилизации. Финансовый механизм, установленный планом Дауэса, функционировал до сих пор (конец 1926 г.)—с точки зрения его творцов—вполне удовлетворительно. Платежи в течение 1924, 1925 и 1926 г.г. поступали регулярно, и за последнее время

даже раньше срока. Увеличение доходов от налогов и пошлин дало даже возможность ввести предусмотренные планом добавочные платежи. Однако, по подсчетам Кейнса, Германия до конца июня 1926 г. получила путем займов, главным образом от Америки, как раз ту сумму, которую она внесла в виде репарационных платежей. По этим займам Германия тоже должна платить проценты, и их сумма все возрастает. Спрашивается будет ли Германия в состоянии нести это двойное бремя к 1928 г. когда годовые платежи по плану Дауэса достигнут «нормальной» цифры 2.500 млн. золотых марок?. Неудивительно что вслед за медовым периодом официальной оптимизма и удовлетворения результатами проведения плана экспертов в буржуазно-политических кругах Европы и Америки все чаще слышатся голоса разочарования. Репарационный вопрос в котором заложено столько противоречий, и теперь все еще очень далек от разрешения.

Т. Райнос

РЕПРЕССАЛИИ. Р. — название актов одного государства в отношении другого, при обычных условиях незаконных но оправдываемых тем, что они имеют своей исключительной целью побудить другое государство к удовлетворительному урегулированию спора, вызванного его собственным правонарушением. Р. не следует смешивать с риторикой (см.) Р. применяются в том случае, если затронутое актами другой стороны государство не может добиться удовлетворения или компенсации путем переговоров. Вместе с тем они могут считаться закономерными лишь тогда, когда пострадавшее государство или его граждане встретят отказ удовлетворения их законных претензий со стороны судебных или иных надлежащих инстанций другого государства. В этом лишь случае затронутое правительство имеет право предъявлять соответствующие требования правительству другой стороны и в случае отказа последнего от их исполнения применять Р. Р. в настоящее время могут применяться лишь по приказанию правительства, государственными органами или вооруженными силами; в прежние же эпохи они осуществлялись и частными лицами в качестве возмездия за ущерб, причиненный им действиями каких-либо

иностраных властей Р. совершаемые частными лицами по уполномочию государства, носили название специальных Р., в отличие от генеральных Р., осуществлявшихся самим государством. Ныне это различие потеряло значение. Р. могут осуществляться во всевозможных формах: задержание судов другого государства, приостановление действием заключенных с ним договоров, задержание его граждан, блокада его берегов или военная оккупация части его территории и т. д. Специальной формой Р. является т. н. эмбарго (см.) Считается, что объектом Р. не могут быть дипломатические или консульские представители иностранного государства, пользующиеся экстерриториальностью Р. могут быть как положительными (применение нелегальных мер репрессий в отношении другого государства или его граждан), так и отрицательными (отказ от выполнения договорных обязательств уплаты долгов, и т. д.) Р. прекращаются, если государство, к которому они применяются, дает требуемое удовлетворение, объем Р. в принципе должен соответствовать правонарушению другой стороны. Однако фактически империалистические державы часто пользуются Р., как средством для проведения своих захватнических планов. Так, Италия в августе—сентябре 1923 г. осуществляя Р. в ответ на убийство на греческой территории итальянского военного агента, пыталась захватить о. Корфу. Точно так же Великобритания воспользовавшись в качестве предлога убийством генерал-губернатора Судана Ли-Стека в ноябре 1924 г. осуществляет Р. в отношении Египта, вынуждаящие последний согласиться на ряд требований, обеспечивающих, в частности, окончательный захват Великобританией Судана.

Р. применяемые во время конфликтов в мирное время, не следует смешивать с Р. применяемыми в отношениях между воюющими сторонами. Такого рода Р. являются ответом на нарушение противной стороной каких-либо норм ведения войны.

В практике внешней политики СССР встречались также примеры Р. Так, в ответ на совершенный 3 мая 1924 г. незаконный обыск в помещении советского торгпредства Берлине правительство

СССР приостановило ведение операций, относящихся к торговым сношениям с Германией, впредь до удовлетворительного урегулирования конфликта и принятия германским правительством законных требований СССР; другим примером Р. является продолжающийся и ныне бойкот Швейцарии, правительство которой не дало СССР требуемого удовлетворения по поводу убийства на швейцарской территории советского представителя г. Воровского.

Л. Иванов

РЕТОРСИИ. Р. — термин для обозначения совершаемых в ответ на несправедливые или недружелюбные акты одного государства в отношении другого одинаковых или сходных актов этого последнего. Р. резко отличаются от репрессалий (см.) в том смысле, что причиной их не являются правонарушения одной из спорящих сторон, которые вызывали бы соответствующие требования об удовлетворении другой стороны. Напротив, Р. являются ответом на вполне легальные акты одной из сторон, акты, на которые она имеет право на основании своей территориальной юрисдикции, но которые почему-либо наносят ущерб интересам или престижу другой стороны. Р. могут осуществляться в самых различных формах, в зависимости от характера вызывающих их актов другой стороны (повышение таможенных пошлин, в каком случае возникает т.-н. «таможенная война»; дискриминация в отношении лиц определенной национальности в виде ограничения их доступа в страну в сравнении с представителями других национальностей, ограничения в правах, обложения дополнительными налогами и т. д.). Р. прекращаются в случае прекращения другой стороной вызывающих их мероприятий

Л. И.

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА — см. Римское право.

РЕЦИДИВ — уголовно-правовой институт, сущность которого сводится к тому, что повторное (после осуждения) или неоднократное (после осуждения) совершение одного и того же или однородного преступления — влечет за собой повышение ответственности или даже составляет специальное преступление (в юридическом смысле)

Основанием к введению института Р. уголовно-правовая теория считает необходимость применения более действительных мер социальной защиты (см.) к тем социально-опасным лицам, которые совершением нескольких однородных преступлений или вообще преступлений (см.) показывают, что применение к ним обычных мер уголовно-правового принуждения не достигает цели и что приспособление их к нормам данного общественного правопорядка возможно лишь путем применения к ним иных мер социальной защиты как в отношении тяжести, так и формы ответственности.

Понятие Р. известно всем уголовным кодексам Западной Европы, а также существовало и в дореволюционном русском законодательстве. Специальное значение института Р. сводится к тому, что наличие его юридически оформляет борьбу буржуазного государства с т.-н. профессиональной или привычной преступностью. Капиталистическое общество в процессе все большего обострения своих внутренних противоречий рождает все больший излишек свободной рабочей силы (резервная армия труда). Эти резервные кадры рабочей силы под влиянием нужды и безработицы деклассируются, превращаясь в люмпен-пролетариат (босаяцкий пролетариат), причем принадлежность к люмпен-пролетариату становится наследственной «привилегией «лишних» в капиталистическом производстве (дети улицы, «беспризорники»). Эта общественная группа и является основным источником профессиональной преступности. В результате уголовная статистика дала ряд показаний на значительный рост этой категории преступности, па все больший и удельный вес в общей преступности буржуазного общества. Последнее повело против порожденного им же самим явления решительную борьбу. Ряд новых и новейших уголовных кодексов и проектов содержит специальные постановления о борьбе с привычными профессиональными преступниками (рецидивистами). Так, напр., во Франции еще в 1885 г. была введена релегация (сылка в одну из французских колоний) в отношении наиболее неприятных для буржуазного общества рецидивистов (кража, бродяжничество,

мошенничество, нищенство, некоторые преступления против «нравственности» и т. п.), при наличии повторной или трехкратной судимости, в зависимости от квалифицирующих обстоятельств. Релегация пожизненна. В Германии вторая судимость за простую кражу, присвоение, разбой влечет заключение в Zuchthaus (каторга), а вторая судимость при квалифицированной краже — то же наказание, на срок не ниже 2 лет. Австралийский У. К. знает и неопределенное тюремное заключение для рецидивистов.

Особенно значительным является повышение наказания для рецидивистов в проектах У. К. В последних предусматривается применение к рецидивистам длительных и даже неограниченных сроков тюремного заключения. Швейцарский проект максимум такого заключения определяет в 20 лет, австрийский — 10 лет. Последний итальянский проект 1921 г. по отношению к привычным преступникам, которыми он считает рецидивистов, осужденных трижды к простой изоляции или дважды к строгой, предлагает применять строгую изоляцию на неопределенный срок но во всяком случае не ниже 15 лет. Характерно отметить, что председателем в комиссии по составлению итальянского проекта был известный криминалист Ферри, давший неплохой анализ причин преступности в буржуазном обществе и в то же время отождествивший в этом проекте принцип «здоровой социальной политики» с принципом «более действительной защиты от более опасных преступников», как гласил девиз комиссии по разработке проекта, что фактически превратилось в пожизненное заключение для тех, кто капиталистическим обществом был послан в армию привычных преступников и кто в то же время мешает буржуа спокойно спать по ночам или заниматься коммерческими делами.

Но не все виды преступлений пользуются таким исключительным вниманием буржуазного законодательства. Область имущественных преступлений или наиболее серьезных преступлений против личности (в области государственных преступлений мера социальной защиты обычно такова, особенно в послевоенное время, что здесь не нужны постановления о Р.) — вот пре-

имущественная область применения постановлений о Р. И если здесь иногда достаточно для применения длительного тюремного заключения лишь повторного совершения какой-нибудь кражи, то есть такие «счастливые» области преступности, где понятие Р. отсутствует. Таковы, напр., многочисленные нарушения фабричного законодательства, где преступниками по преимуществу являются предприниматели. По данным германской статистики, напр. за 1900—1904 г.г. из 1000 осужденных за нарушение законов об охране труда несовершеннолетних и женщин приходилось рецидивистов: осужденных 3 раза — 199, от 4 до 6 раз — 28, свыше 6 раз — 4; за нарушение законов охраны труда вообще на 1000 осужденных — уже ранее судилось 2 раза — 79, от 3 до 5 раз — 67, 6 и более раз — 31. А между тем, при явно выраженной тенденции к Р. в этой области нигде и никто не заикнулся о необходимости каких-либо специальных мероприятий против столь явных и упорных рецидивистов. Мера социальной защиты в отношении их осталась одной и той же — денежный штраф. Лишь безработные и нанятые капиталистическим обществом в армию привычных преступников являются объектом постановлений буржуазного законодательства о Р.

Буржуазная уголовно-правовая теория не желает видеть связи преступности с капиталистическим строем. Она довольствуется утверждением, что «существует класс людей, ведущих постоянную борьбу с правопорядком и не поддающихся исправлению, не приспособляющихся к условиям жизни в обществе» (Немировский), и стремится этот класс поставить вне буржуазного закона. Ставится в литературе и вопрос об упрощенных формах судопроизводства по отношению к привычным преступникам, сведение на-нет всей сложной обрядности буржуазного процесса, превращение ее в этих случаях в простую штамповку освобождения буржуазного общества от порожденных им «преступников» путем изоляции их на «абсолютно-неопределенное время», как гласит ст. 21 итальянского проекта.

Одновременно с этим буржуазная уголовно-правовая теория уделяет много внимания вопросам формального построения

института Р., очевидно, в связи с необходимостью отдать дань и идее «гарантий свободы личности». Суть юридической постановки вопроса с Р. сводится к разрешению вопроса о том, когда наступает формальный момент возможности применения этого института Единства взглядов в этой области среди криминалистов нет * Спорным является вопрос, что является необходимой предпосылкой для наличия Р.: формальная судимость или отбытие наказания, и т. п. С другой стороны, одни полагают, что для применения понятия Р. необходимо совершение тождественного преступления, другие—однородного, третьи—видят однородность не в характере деяния, а в тяжести наказания и т. п. Бесспорным лишь является применение к рецидивистам наиболее решительных мер уголовно-правового воздействия, какие есть в арсенале «просвещенной» буржуазной юстиции, как средства обезопасить буржуазный правопорядок от привычной преступности.

Все эти взгляды находят отражение в постановлениях законодательств. Так, итальянский и французский У. К. считают достаточным факт осуждения за первое деяние, норвежский и германский требуют полного или частичного отбытия наказания. В большинстве законодательств основным признаком Р. является вместе с тем однородность совершенного преступления.

Русское дореволюционное законодательство также знало институт Р. Однако каких-либо специальных мер, кроме повышения наказания или изменения его содержания, оно не знало. Повышение наказания при имущественных преступлениях было довольно значительным; Р. здесь юридически облекался в форму специального преступления (вторая, третья и т. д. кража)

Советскому законодательству мало свойственен специальный институт Р. Правда, Р. упоминается и в У. К. РСФСР 1922 г., считающем увеличивающим размер уол. репрессии обстоятельство совершения преступления рецидивистом или профессиональным преступником (ст. 25), а в Основных Началах уголовного законодательства СССР пункт «г» ст. 31, указывается, что суд принимает более строгую меру социальной защиты, если преступление совершено «группой, бандой или рециди-

вистом». Однако, каких-либо специальных определений о том, какие формальные предпосылки требуются для признания личности Р., советское законодательство не содержит. Новый же У. К. РСФСР расшифровывает термин Р. ст. 31 Осн Нач., как повторное совершение преступления (см. и «г» ст. 47 У. К. ред. 1926 г.), признающий отягчающим обстоятельством «совершение преступления группой, бандой или повторно» Здесь вовсе не предполагается повторность после осуждения

Избегая, по возможности, вообще формализации положений материального права, советское законодательство стоит на этом пути и в вопросе о Р. Ставить момент большей социальной опасности в зависимости от момента формальной судимости за ранее совершенное преступление или момента отбытия наказания за него—значило бы вступить на путь формальной оценки социальной опасности субъекта, что противоречит принципам советского уголовного права. Конечно, оба эти момента—судимость и отбытие наказания—не должны быть исключены, как определители социальной опасности субъекта, но играть роль единственных формальных доказательств Р. они не могут. Суд свободен в оценке доказательств повторности (фактического Р.), как он свободен и в оценке других материальных доказательств. Поэтому следует признать не вытекающими из смысла советского законодательства попытки некоторых комментаторов нашего У. К. (Пионковский, украинский комментарий под ред. Канарского) построить формальный институт Р. Ссылка их на ст. 142 У. К., в которой квалифицирующим считается совершение убийства лицом, уже отбывшим наказание за умышленное убийство или тяжкое телесное повреждение (каковое постановление перешло и в ст. 136 нового У. К. РСФСР), не является доказательной, так как именно наличие этого требования в данной статье скорее может служить основанием к выводу, что в других случаях, не оговоренных специально в особенной части, этого формального момента не требуется и что ст. 136 У. К. содержит в себе специально оговоренное исключение из правил общей части У. К., повторяющееся только еще в одной статье—ст. 117 нов

У. К., где квалифицирующим обстоятельством признана «прежняя судимость за взятку» (такова же была и ст. 114 У. К. 1922 г.).

В гораздо более значительном количестве случаев советское законодательство считает простую фактическую неоднократность (повторность) совершения тождественных или однородных деяний специальным преступлением или квалифицирующим преступлением. При этом в двух случаях это квалифицирующее (или даже образующее специальный состав преступления) обстоятельство осложнено формальным моментом, каковым, однако, здесь (в ст.ст. 79 и 118 У. К. 1922 г., из которых ст. 118 в новом У. К. исключена вовсе) является факт предварительного наложения административного взыскания. Ст. 183 У. К. 1922 г. считала основанием для повышения меры социальной защиты до расстрела совершение грабежа рецидивистом (очевидно, в понимании неоднократности совершения этого деяния, а не формальных моментов Р., что и выявлено в новом У. К., признающем квалифицирующим повторное совершение грабежа, а также разбоя). Ст. 180, п. «б», считала квалифицированной кражу, совершенную лицом, занимающимся кражами, как профессией (п. «б» соотв. статьи 162 нового У. К. говорит о повторной, п. «в» — о неоднократной краже). Ст. 181 (в новом У. К. — 164) считает квалифицирующим обстоятельством скупку краденого, как промысел. Таковы же постановления перешедших и в новый У. К. ст.ст. 140-а и 140-б о торговле самогоном и ст. 140-в об изготовлении аппаратов для самогона — в виде промысла. Во всех последних случаях совершенно очевидно необходима фактическая неоднократность или систематичность совершения, а отнюдь не прежняя судимость или отбытие наказания. Признак «в виде промысла» упоминается в ст.ст. 98, ч. 2; 99, ч. 2; 139; 140-д; 146, ч. 2. У. К. 1922 г., равно как в соотв. им статьях нового У. К. В последнем предусмотрены, кроме того, повторная кража лошадей или другого крупного скота у трудового сельскохозяйственного населения и неоднократное истребление или повреждение имущества государственной или общественной организации.

В. Ундревич

РЕШЕНИЕ. является конечным этапом судебного производства. Оно дает ответ на спорный вопрос в его существовании, оно «разрешает» материально-правовые споры между сторонами, оно устанавливает — прав ли истец, т. е. признает, принадлежит ли истцу спорное право, нарушено ли оно и нуждается ли вследствие этого в защите и является ли правонарушителем именно ответная сторона. От Р. отличаются всякого рода другие постановления суда, разрешающие не спор о праве гражданском, а вопросы процессуальные, возникающие в течение судебного производства или до его начала и направленные на возможно лучшее, максимально правильное разрешение спорного вопроса по существу, т. е. направленные на получение возможно лучшего Р. Эти процессуальные постановления носят большей частью название определений, частных определений, постановлений в тесном смысле и распоряжений. Определениями являются постановления коллегияльных органов, постановления в тесном смысле и распоряжения выдаются единоличными органами. Следует отметить, что ни в одном процессуальном кодексе нет четко выдержанных дефиниций, ни выдержанной терминологии. Хотя целевые постановления суда по линии материального и процессуального права является наиболее приятным делением, однако, сплошь и рядом мы встречаемся с отнесением постановлений, касающихся материально-правовых вопросов, к определениям, и наоборот, возникающие процессуальные вопросы разрешаются постановлениями, приравненными к Р. А от отнесения постановления суда к Р. или определениям зависят его сила и последствия, возможность, способ и срок обжалования (см.), оплата жалобы пошлинами и сборами и т. д. Г. П. К. не содержит указания относительно того, что считать Р. по четкую линию проводит в этом отношении циркуляр ВС РСФСР от 22 февраля 1925 г. за № 7. По этому циркуляру суд обязан при рассмотрении исковых заявлений по существу либо удовлетворить требования истца (частью или полностью), либо отказать в иске. Другие же способы ликвидации дел, указывает Верховный Суд Г. П. К. неизвестны и применению не подлежат. Судебное Р. разрешая материально-правовой спор, ликвидирует спор между сторонами окончательно. Поэтому в реше-

нии должны быть сконцентрированы все спорные взаимоотношения сторон по данному основанию и не должны быть оставлены неразрешенными отдельные части, отдельные вопросы. Поэтому не допускается дробление иска, предъявление не всего требования сразу полностью и целиком, а отдельными частями. После Р. пет места дальнейшим процессам. Если суд признает искивые требования подлежащими удовлетворению по своему основанию (по праву), но не выясненными в их размере, суд не может отсылать истца к новому производству для исчисления размера,—как неоднократно указывает ГКК РС в своих определениях. Начало сосредоточения всех споров в одном процессе и ликвидации Р. суда этих споров получает корректив в форме т.-н. дополнительного Р. Дополнительное Р. имеет ограниченную цель: исправить пропуски судебного Р. Дополнительное Р. не вносит ничего нового в признанные уже судом права и обязанности сторон—оно их не изменяет и не заменяет. Дополнительное Р. может иметь место в двух случаях (ст 181 Г П. К.): если суд ничего не сказал в Р. по вопросу, бывшему предметом судебного исследования, или если суд, удовлетворив искивые требования по праву, не указал в точности размера присужденного взыскания или имущества, подлежащего передаче. Дореволюционный устав гр. суд. допускал отдельное последующее производство по расчетам об убытках, доходах и издержках, когда Р. суда признаны были права истца. Материально-правовые взаимоотношения сторон выявляются в судебном Р. но некоторые законодательства допускают разрешение отдельных частей и вопросов не единым конечным Р., а по мере их выясняемости в течение процесса отдельными, промежуточными или частичными Р. Так, например, германский устав допускает внесение отдельного, промежуточного Р. (*Zwischenurteil*) по вопросу о праве, продолжая в том же процессе (в отличие от дореволюционного устава гр. суд.) выяснение вопроса о размере. Частичное же Р. (*Teilurteil*) может иметь место в тех случаях, когда отдельные искивые требования или отдельные части иска (см.) становятся в течение процесса бесспорными. Введено оно для того, чтобы, с одной стороны, устранить из процесса все бесспор-

ные моменты, с другой, не задерживать удовлетворения бесспорных прав выяснением спорных частей.

В науке гражданского процесса существуют разногласия по вопросу о природе и значении судебного Р. Одни видят центр тяжести судебного Р. в признании судом права или в отказе в таком признании. Закон дает лишь общую норму, абстрактную норму. Р. суда эта общая абстрактная норма конкретизируется. Судебное Р. не создает прав и не возлагает обязанностей. Оно лишь констатирует, признает, что в данном конкретном столкновении право на стороне истца или ответчика. Другие, наоборот, склонны придавать преобладающее значение в судебном Р. признанию судом того, что та или другая сторона в процессе имеет определенные права или обязанности, а предписанию суда, обращенному в первую очередь к обязанной стороне, а затем и к соответствующим органам власти о принудительном осуществлении права, признанного судом и нуждающегося в охране государства. По первой теории значение Р.—в устранении ликвидации спора. По второй—в вытекающем из Р. приказе власти. Если принять во внимание, что требования, признаваемые законом предположительно бесспорными, могут получить охрану и принудительное, мерами государственной власти, осуществление и помимо судебного решения, путем исполнительной надписи на совершаемом нотариусом документе (см. Взыскание, Приказ судебный), и что, с другой стороны, даже самые категорически повелительные формулы судебного Р. в роде «выселить Иванова в месячный срок» или «взыскать с Иванова столько-то рублей» не влекут за собой обязательного в официальном порядке исполнения содержащегося в Р. предписания, а исполнение его зависит от уполномоченного лица,—нельзя не прийти к выводу, что Р., как результат процесса, является лишь основанием для приказа об исполнении. Этот приказ получает самостоятельное внешнее оформление в виде исполнительного листа. В самом же Р. приказный элемент играет отнюдь не преобладающую роль. Преобладающее значение имеет ликвидация спора о праве гражданском, признание права или отказ в признании. Постановленное судом

Р приобретает силу закона, вступает в законную силу. Именно вследствие всеобщности и абстрактности закона признание судебным Р. права становится как бы конкретным законом, законом для данного случая. Отсюда Р. приобретает материальную силу. Судебное Р. не создает новых прав и обязанностей, но, ликвидируя прежние отношения, создает новое основание для взаимоотношений сторон. Спорное право на получение условленного по договору превращается в бесспорное право взыскания.

Материальная сила Р. заключается в том, что Р., вошедшее в законную силу, считается правильным даже в том случае, когда оно в действительности, с точки зрения материальной, а не формальной, неправильно. Возможные судебные ошибки приписаны здесь в жертву потребностям гражданского оборота, для которого определенность отношений, их устойчивость важнее подчас правильности Р. Материальная сила заключается дальше в том, что «между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается предъявление вторичного иска». Помимо материальной силы, Р. суда имеет также и силу формальную. Формальная сила Р. заключается в том, что Р. подлежит исполнению, в случае надобности, органами государственной власти, что оно не может быть больше обжаловано нормальными процессуальными путями, что оно не может быть изменяемо и заменяемо судом, Р. постановившим, ни каким бы то ни было другим судом. Р. вступает в силу в тех процессуальных системах, где имеется апелляционное и кассационное обжалование, с того момента, когда оно не может быть обжаловано больше ни существу когда не может быть уже нового Р., т.е. или после истечения срока на подачу апелляционной жалобы, или после вынесения решения апелляционным судом. Р. вступает в силу по Г. П. К. или после истечения срока на подачу касс. жалобы или после оставления касс. жалобы без последствий.

Р. постановляется большинством голосов. В некоторых странах, где в гражданском процессе принимают участие, помимо профессиональных судей, и заседатели как, например, в Англии, Р. постановляется только профессиональными

судьями, заседатели же разрешают отдельно в своем вердикте только вопросы факта. После их вердикта и на его основе суд постановляет Р. Положение о судостроительстве включает народных заседателей в состав суда, как его постоянный и непременимый элемент, и, следовательно, в постановлении Р. участвуют судья и два народных заседателя на равных правах. Р. составляется председательствующим в заседании или одним из членов суда. Канцелярия суда и стороны никакого участия в составлении Р. принимать не могут. Но так дело обстоит во Франции, где проект Р. готовится по запискам представляемым поверенными истца и ответчика, секретарем суда.

Большое значение имеют элементы Р. Помимо элементов формально-организационного свойства, как-то: дата, состав, распределение судебных издержек и т.п. основными элементами Р. являются следующие: а) историческая часть, т.е. изложение предмета спора и фактических обстоятельств, указанных сторонами, их объяснений; б) мотивировочная часть—основания Р. и законы, которыми суд руководствовался, и в) резолютивная часть, т.е. содержание Р. Резолютивная часть Р. иногда называется Р. в собственном смысле слова. Только эта часть Р. вступает в законную силу и подлежит исполнению, и поэтому она приобретает главное значение резолютивная же часть не должна давать повода ни для каких недоразумений, чтобы сторонам не приходилось обращаться за дополнением и разъяснением Р. (циркуляр Верховсуда от 11 ноября 1924 г., № 36); она должна ясно, четко и определенно отвечать на вопрос—«что именно и в каком размере подлежит взысканию» (там же). «что именно, с кого именно и в чью именно пользу присуждено судом» (из инструктивного письма Г.К. Верховсуда 1926 г. № 1), чтобы возможно было безошибочное исполнение Р. не может быть условным, нельзя ставить стороны в результате судебного процесса опять в неопределенные отношения и нельзя предоставить окончательную ликвидацию спора, в зависимости от наступления предусмотренного Р. условия, органу, исполняющему его. От условных Р. отличаются Р. альтернативные; в альтернативных—суд признает за истцом право, а за ответчиком обязанность вполне

определённую, но на случай неисполнения предусматривает и другую возможность: наприм., суд признает, что ответчик обязан передать к определенному сроку имущество натурой, а в случае непредставления указывает подлежащий взысканию денежный эквивалент имущества.

Не меньшее значение, хотя уже в другом разрезе, имеет мотивировочная часть. В этой части Р. суд оперирует материалами производства, производит их отбор, оценку, отдает предпочтение одним материалам перед другими. Если резолютивная часть требует определенности и ясности для сторон и судисполнителя, то обоснованность Р. имеет преобладающее значение при проверке его судом высшей инстанции, ибо необоснованность Р. лишает суд высшей инстанции возможности проверить правильность его (наказ ГКК Верховного Суда, утвержденный пленумом).

С Прушицкий

РИМСКОЕ ПРАВО (историческая характеристика) Как ни страшно, но и нам революционерам права», приходится с известным научным увлечением опять и опять останавливаться на праве давно забытых времен, на Р. п. Следует предупредить предубежденного читателя, что здесь не будет подробного изложения «инстигта Р. п.» (т.-н. «догмы» этого права), да и не подробной его истории в общепринятом смысле, чем сотнями лет мучили слушателей всяких школ Р. п. Нас Р. п. здесь интересует лишь с точки зрения революции права, с точки зрения революционной роли права, а не его консервативной, реакционной роли. Нас прежде всего интересует Р. п. как живой, цельный организм а не отдельная мертвая его буква, да еще в безжизненном изложении переводов, сознательном или бессознательном извращении его смысла.

Историки Р. п. жалуются что римляне сами не дали истории своего права, как будто не каждое слово его представляло в своей первобытности целую историю, только в своей совокупности еще не расшифрованную и не написанную. И это несмотря на то что ему посвящали свои труды уйма ученых, в том числе такие крупные таланты, как германский профессор Иеринг («Дух Р. п.»), проф. Муромцев («Гр. право

др. Рима») и др. У исследователей не хватало того, что дает лишь наша точка зрения, точка зрения революционная, точка зрения классовой борьбы, которая особенное внимание придает эпохам, когда история переживает новый этап, эпохам потрясений, смут, бунтов, революций, не говоря уже о том препятствии для подобных исследований, которое лежит просто в недостаточности материалов. И, конечно, не нам здесь задаваться новыми исследованиями.

Где начало Р. п.? Там, где возникает новое классовое общество. Помните, что Энгельс пишет: «При большой темноте, в которую погружена вся легендарная первобытная история Рима,—темноте, лишь значительно усиленной благодаря рационалистически-прагматическим попыткам толкования и сообщениям позднейших юридически мыслящих составителей источников, невозможно сказать что либо определенное как о времени, так и о ходе и поводах революции, по окончании которой со старым гентильным (родовым) строем. Бесспорно лишь то, что ее основания заключаются в боях между «плебсом» и «народом» (populus). «Еще до отмены т.-н. царской власти и в Риме старый общественный строй, основанный на личных кровных связях, был разбит, и на его место поставлен новый действительно государственный строй, основанный на разграничении территории и различии имущественного положения. Публичная власть состояла из граждан, обязанных к воинской повинности, в противовсложность не только рабам, но и отстраненным от воинской повинности и вообще вооружения т.-н. пролетариям»

Вот где искать первоисточники Р. п.! В первую очередь в решениях, приговорах всяких церковных и гражданских судей, патворивших немало своих «обычаев», вернее прецедентов конечно по своему (классовому) правосознанию, а не по «обычаям всенародным». Все сведения о каких-то законах королей (leges regiae) легендарны. Сообщают о революции, в результате которой возникла диктаторская власть «десяти мужей законодателей» (decemviri legibus scribundis), которые в течение года составили 10 таблиц законов; а по утверждении этих 10 таблиц народным собранием избраны

были новые децемвиры, которые вынесли еще 2 таблицы, а всего 12 таблиц. Это было якобы в 451 и 450 гг до нашего летосчисления. Теперь эти факты целиком оспариваются; сами таблицы не существуют, и они восстановлены лишь по цитатам разных авторов. А в действительности это, повидимому, частный сборник прецедентов и обычаев, относящихся к III или даже II в.

Как, однако, объяснить себе такой пышный расцвет Р. п., главным образом, т.-п. гражданского права, которое властвует над умами не только правоведов, но и широких слоев буржуазии даже еще теперь, через 2000 с лишком лет? Рим представляет для этого небывало благоприятные данные. Некоторый синтез всей политической, экономической, культурной жизни целой фазы истории человечества, древнего общества, Рим, как новейшая из всех наций этого древнего мира, властвовал над всем этим миром. Оя поглотил и объединил в себе культуру Греции, Египта, Востока и Запада. Его политическая власть быстро расталась, его экономическое могущество в виде мировой торговли достигло гигантских размеров. Традиции, идеи древнего мира переплетались с экономическими успехами современности. А вместе с тем здесь разыгралась в невиданных размерах и б о р ь б а к л а с с о в. В то же время, как разрасталась государственная мощь Рима в мировом масштабе, возрастала и внутренняя борьба в Риме, разрастаясь в гражданскую войну в мировом масштабе. Развитие власти Рима во многом напоминает историю английской империи XIX в. с ее удачными дипломатическими и политическими компромиссами как во внутренней, так и во внешней политике, с ее неписаным правом и т. д. В этой области Рим с его мирными *leges* (буквально, соглашениями) в результате резкой классовой борьбы, гражданских и колониальных войн, при всей остроте борьбы между плебеями и патрициями или, как Энгельс определяет, плеб с а с римским н а р о д о м (квиритов),—напоминает Англию XVIII и XIX в.в. Весь этот период представляет собою непрерывную борьбу восходящего класса плебеев, сплошную «буржуазную» революцию, закончившуюся политическим равноправием борющихся сторон. Вот условия, в каких возникло и развивалось Р. п «Где могло бы

существовать право, которое бы вышло не из деятельной силы и энергии индивидов и начала которого не терялись бы в темной глубине физической силы, но всюду человеческий пот и человеческая кровь, приставшие к началу права, скрываются сиянием божественного происхождения. Другое дело в Р. п.: никакое время не могло уничтожить тех пятен нота и крови и человеческой, которые его покрыли». Так проф. Иеринг начинает одну главу своей работы о духе Р. п. «Мечом основан римский мир, и меч и копьё являются древнейшим символом Р. п. Они обладают собственностью, первоначальной, собственной»...

«Брать» единственно соответствует римскому образу представления. Ешеге (имать, емлю) в позднейшей латыни значит покупать, но где римляне позднейшего времени покупали, их предки обыкновенно б р а л и, ибо это было первоначальным значением ешеге. Символом собственности было к о п ь е». Таковы отрывки из буржуазного гимна Р. п. И вполне понятно, что такой образный язык дает много материала для заключений и сравнений, конечно, с иными выводами и заключениями, чем делает буржуазная наука.

К какому периоду относится эта характеристика Р. п. и к какой части этого права? Ясно, что к той части, которая регулирует и выражает материальные, экономические взаимоотношения людей или к т.-п. гражданскому («цивильному») или частному (приватному) праву, еще не отмежеванному от уголовного права и с ним сливающимся. Мы здесь на этой только части и остановимся, ибо, как ни интересна была история политических учреждений Рима и его публичного права, послужившего внешним образцом для деятелей Великой французской революции,—Европа и остальной мир свою политику заимствовали из Англии и затем Франции, более ясно и отчетливо выявивших адекватный (пристойный) капиталистическому общественному строю облик. Что же касается периода, то ясно, что эта характеристика относится к первому периоду, к периоду возникновения и стихийного развития этого права. А это означает период до собрания законов XII таблиц и непосредственно предшествовавший ему,

ибо это и есть по существу право этого сборника. Каков же это был период? Это был период революций и яркой борьбы классов. Преданий тут много достоверного почти что ничего, кроме уцелевших названий. Каковы тут были борющиеся классы-сословия? Не будем считать жрецов духовенства и отбросим рабов-невольных людей. Остаются т.-п. «римский народ», или патриции, представляющие собою господствующий город, Рим, и т.-н. плебеи (plebs), также люди свободные, живущие под городом, вокруг него или по крайней мере в большинстве не в городе. Главный предмет спора: земля как «общественная» (ager publicus), так и захватная частная. Значит, это была в некотором роде борьба между городом и деревней. Если хотите, между наследственным, т.-е. родовым барином-гражданином (горожанином) и свободным сельским земледельцем-крестьянином, тогда восходящим классом, но еще не пользующимся равноправием. Борьба между ними была моментами достаточно красочна. Вспомните момент ухода плебса на Священную гору с очевидной целью образовать там новый город, новую столицу, новую республику. Эта борьба постепенно приводит к равноправию и, наконец, к преобладанию плебеев, из которых уже рано выделяются свои патриции, а, с другой стороны, обедневшие попадают в разряд «пролетариев» (не в нынешнем смысле слова). Строго говоря, как патриции, так и плебеи были не просто лицами, а представителями целой экономической ячейки—семьи (см.), а само государство имело своеобразный характер союза, федерации лиц—представителей ячеек властвующего класса или даже двух классов города Рима, который в свое время сначала на правах гегемонии, а затем и империи, господства-подданства, властвовал сперва над городами окрестными, затем и над всей Италией и т. д.

Первый период революции в результате борьбы двух имущих классов, политической (вроде как бы «буржуазной», «гражданской»), заканчивается к началу III в. до нашего летосчисления победою плебеев.

Второй революционный период имеет иной характер—это социальная революция: восстание рабов (Спартак), аграрное движение периода Гракхов с иде-

ей аграрного закона (см.), «черного передела», а с другой стороны, движение союзных городов за равноправие и в результате—падение республики, а потом и самого Рима. Дальнейшие революционные движения и судьбы Рима нас здесь не интересуют.

Если ближе остановиться на праве первого периода, на праве законов XII таблиц, то прежде всего надо установить, что это—привилегированное «право квиритов», т.-е. полноправных граждан, что оно в материальной части, главным образом, вертится вокруг земледелия и землевладения. Чтобы не удаляться слишком глубоко в область преданий и гаданий, мы можем установить, что в деревне еще ко времени законов XII табл. преобладает крестьянское общинное землевладение, из которого семье наделяется надел (fundus) «по праву квирита» с усадьбой-двором, но рядом с общественными землями в том числе пастбищами (ager publicus), которые бесплатно предоставляются в пользование лишь квирита, тогда как плебеи за них платили «дань». Это право в максимальной степени защищало самоуправство—захват земли и инвентаря при помощи манципии, самоуправный суд, вернее, самосуд сильного, защищенного уже формальностями этого права (действия кредитора в присутствии пяти способных носить оружие свидетелей-пособников и шестого—«весовщика денег»). «Где в Риме шло дело о публичном акте собственности, там давалось знать об этом вытканием копья („hasta“). Кредитор продавал собственность должника под прикрытием того же копья („sub hasta vendere“). И немцам и французам средних веков эта картина так поправилась, что они усвоили себе для продажи с публичных торгов название „subhastation“ Это тоже означало своего рода «обеспеченность» (sûreté) священной частной собственности». Так грабеж в Риме сделался правом, а отнятие у нового «владельца» этой собственности, уже защищенного правом, превратилось в кражу (furtum)

Но ту форму, которую увлеклась впоследствии вся Европа, Р. п. получило не сразу. Эти первобытные институты должны были перерабатываться в водовороте Римской мировой империи с ее громадным торговым оборотом. Сначала для каждого института образовалась новая, более свободная форма.

Сама победа «демократии», «плебса» привела к известному двоювластию государственному: два трибуна вместо одного, два консула вместо одного, рядом со строго формальным квинтским (гражданским) правом «право инородцев» „*jus gentium*“ Рядом с браком со строгой властью отца семьи мужа—свободный брак по соглашению; вместо формального договора манципации простая передача (*traditio*), вместо залога-продажи (см.)—ипотека и т. д. «Суд говорил», т. е. право творил не сам кредитор, а претор и т. д. Наконец, оба права сливаются и при помощи «сословия» светских юристов, представителей науки, юриспруденции, принимают форму классического Р. п. Но надо сказать, что это классическое Р. п. перешло к нам почти только в виде работ юристов византийского периода, почему мы и на нем должны вкратце остановиться. Законы XII таблиц до нас не дошли и восстановлены (без ручательства за историческую верность) по цитатам из разных авторов. Ведь все эти памятники имеют только рукописный характер. Восстановлен таким же путем «эдикт» преторского права. Сохранились на бронзовых, мраморных и восковых дощечках отдельные сделки. Наконец, найден текст руководства (как бы лекций) юриста Гая (*Gaius*), для своих учеников, под названием «Институции», и, наконец, восстановлены из позднейших цитат работы юристов Ульпиана и Павла.

«Второй раз Рим диктовал миру законы» в византийском праве. Под этим названием мы понимаем Р. п., переработанное и видоизмененное в условиях византийского государства и распространенное на весь мир, не исключая и России, главным образом, через церковь. Вся византийская эпоха делится на три периода: I период—от Константина Великого до воцарения исаврийской династии; II период—совпадает с царствованием Исавров; III период (867—1453 г.г.)—начинается от Василия Македонянина до завоевания Византии турками. Господствующие классы Византии считали себя потомками и продолжателями традиций старого Рима. Правительство поэтому переняло и Р. п., рассчитывая не только право, но и все нравы, обычаи и весь строй жизни Рима искусственным путем привить своему туземному населению

Эта попытка потерпела поражение: право и быт подпали под влияние местного национального элемента, с одной стороны, с другой же—нраву язычников Рима пришлось подчиниться тлетворному влиянию восточной христианской церкви. Так и получилось то извращенное Р. п., которое, приспособленное к феодализму и вообще к своему периоду, носит позорящую печать «византизма» с его темнотою, деспотизмом, бюрократизмом и подхалимством.

Заслугою Византии было восстановление правовых отношений старого Рима, не оставившего нам никаких памятников этого права, кроме лишь отрывков из разных авторов. Так, лишь при Юстиниане (527—565 г.г.) возникли знаменитые кодификационные работы, давшие возможность подробно изучить и усвоить Р. п. Первая из этих работ—кодекс (529 г.)—также до нас не дошла. Уцелел полностью лишь «*Corpus juris civilis*», сборник, получивший это название впоследствии и состоящий из трех частей: «Институции», «Дигесты или Пандекты» содержащие 9.000 выписок из 38 авторов, и «Кодекс»—обширное собрание императорских постановлений. Первые два тома, значит, содержали Р. п. (*jus*), третье, это—законы (*leges*), византийские. Последние, как и изданные им же позже «Новеллы» интереса для нас не представляют. Это уже «римско-греческое» правовое творчество, к которому в этот же период присоединилось еще и церковное законодательство («*номоканоны*», т. е. каноническое право). Ко второму периоду или периоду либерально-церковному относятся «эклогии», это—извлечение из юстиниановского законодательства, с исправлением этих законов в более гуманном духе. В особенности в области брака, в которую византийское право юстиниановского периода внесло наиболее пагубное ухудшение положения женщины, этот период делает кое-какие послабления. Этот период внес и особый отдел «сельских законов», отчасти под влиянием славянского быта.

Третий, македонский период, старался восстановить консервативную эпоху Юстиниана. Он пользовался, однако, не всегда латинскими текстами работ Юстиниана а греческими их переводами. Наиболее важны памятники этого периода «Василик»

(«Basilica pontina» — царские законы), это — пересмотренный сборник «Корпуса» и «Новелл» Юстиниана, включая в сборник и церковное право. Влияние византийского права понятно лишь тогда, если иметь в виду влияние церкви этого периода, когда, между прочим, $\frac{1}{2}$ в соей земельной собственности в Европе принадлежала церкви.

Третий раз Рим диктует законы Европе путем так называемых рецензий.

Вдруг «в XII в. в г. Болонью начался необыкновенный наплыв молодых людей со всего мира» — так начинается история рецензий. Это их привлекает сюда местный университет, как очаг Р. п. под названием школы глоссаторов приобревший большую известность. И это не был единственный такой очаг, откуда началось распространение Р. п. по всей Европе. Были еще целых три таких очага: в Провансе, Равенне и Ломбардии, почти одновременно образовавшиеся в XI в. Как объяснить себе такое возрождение и добровольное восприятие» правовой системы, казалось бы, уже отжившей свой век? Во всяком случае не было простым случаем, что интерес к Р. п. и его «рецепции» вдруг и почти одновременно проявился по всей Западной Европе, не исключая даже Англии. Проф. Виноградов («Р. п. в средневековой Европе», 1910 г.) по этому поводу пишет: «Как могло случиться, что правовая система, сложившаяся в связи с известными историческими условиями, не только пережила эти условия, но и сохранила свою жизнеспособность вплоть до настоящего времени, когда политическая и социальная обстановка совсем изменилась? Эту историю (т. е. историю рецензии Р. п.) можно назвать историей призрака»

Виноградов, назвав очень метко воскрешение, казалось бы, умершего Р. п. воскрешением призрака, не сознавал более глубокого смысла этого призрака. Но если Маркс в своем «Коммунистическом манифесте» мог говорить накануне 1848 г. «Призрак гуляет по Европе, это призрак коммунизма», то про XI и XII века можно было сказать: *призрак гуляет по Европе — призрак капитализма*. Этот призрак (в лице своих предшественников — крепостного права в деревне и торгового капитала в горо-

дах) искал себе облачения. И он нашел таковое в статьях Р. п.

Тот же Виноградов продолжает: «XI столетие это было время, знаменующееся многими поворотными пунктами в истории европейской цивилизации». В качестве таких событий он приводит укрепление папской власти, кристаллизацию феодализма в законченную и последовательную систему, введение новых политических порядков в нормандских государствах, проявление блестящего экономического и культурного прогресса городских коммун Ломбардии... Но если Виноградов только вскользь ссылается на экономический поворот, то любая история экономической жизни XI и XII вв. характеризует ее, как переходную эпоху к новому строю. В деревне это было время перелома экономической системы, эпоха окончательного введения и укрепления трехпольной системы земледользования в прямой связи и зависимости от чередующихся голодных годов IX—XII вв. Это была эпоха Крестовых походов первых крупных крестьянских волнений в Европе (во Франции) и т. д. и т. д.

Историк выражается, что «реценция Р. п. действовала на подобие потока (wie eine Sintfluth)». Интересно проверить по работам авторов писавших о рецензии Р. п. какие правовые вопросы тогда особо интересовали умы.

Виноградов, например, указывает: 1) на вопрос об основном различии между собственностью и владением землей о защите владения. Провладение в течение «срочного года» дает, по Р. п., право юридической защиты. Что это значит? Это означает учащающиеся захваты — и, прибавим, захваты феодалами — общинных земель в частную собственность. В связи с этим — *res iudicata*, окончательная сила судебного решения (феодалного суда), усиление власти князей («слово князя имеет силу закона»), введение (в городах) Р. договорного п.; для деревни — приравнение крепостного к римскому рабу.

А Муромцев прибавляет: «Сельское население (введением Р. п.) было недовольно потому, что учение глоссаторов и комментаторов Р. п. усилило права феодалного господина над

подвластными, подстрекало землевладельцев к присвоению земли, увеличило искусственное разрушение общины и размножение частных собственников, за крепощение крестьянской массы рабами, а в области наследства внесло вместо наследования жены—наследственных родственников».

Кажется, сказанного достаточно, чтобы конять значение Р. п., как лозунга частной собственности в деревне, а в городах—свободы договора вместо цеховых монополий. Другими словами, Р. п. сыграло революционную роль. Вот почему и понятен тот громадный интерес молодой интеллигенции XII в. к Р. п. и ее стечение в Болонью и прочие очаги Р. п. Отсюда они черпали те новые принципы, которыми они в качестве «докторов права» навели папику, настоящий террор, особенно на деревню.

И крестьяне на этот «революционный» террор юристов ответили небывалою враждою, а местами даже контр-террором. Так, устранение сословия «докторов права», искоренение трех родов разбойников: «уличных грабителей, купцов и юристов», стало требованием революционного крестьянства XVI в. И это не было случайным требованием, возникшим стихийно во время восстания. Нет, мы читаем в летописях о целом ряде насилий масс над юристами.

Но мы знаем, что в этой «тяжбе» с крестьянами на поле сражения победили феодалы и их защитники, юристы, которые, впрочем, то же Р. п. не менее ловко стали применять и против феодалов в процессах их кредиторов. Они под видом рецепции Р. П. создали право, твердо отстаивающее частную собственность, как способ эксплуатации, и как бы незаметным способом «узаконили» господство нового класса.

Нельзя сказать, чтобы сама рецепция па деле проводилась очень удачно. Как мы видели, все памятники Р. п. сохранились лишь в виде цитат разных авторов самых различных периодов более чем тысячелетней истории. Тут только диалектически мыслящий ум мог бы разобраться, а не формальная логика юриста, да еще средневекового. Так, про рецепцию в Германии Муромцев пишет: «Отдельные части *Corpus juris* и отдельные постановления

рассматривались одно по отношению к другому, как одновременные; одно не могло отменяться другими, и противоречия требовали непременно го примирения». Лишь историческая школа права внесла в Германию XIX в. в известной мере исторические приемы толкования и по отношению к Р. п., правда, в целях антиреволюционных против естественного права. Для раз'единенной тогда Германии все-таки Р. п. внесло известное правовое единство. Великая французская революция бессознательно применяя революционные методы при помощи критики естественного права, внесла известную диалектику и в перенятые из Рима начала права. Своеобразную, еще мало исследованную роль Р. п. сыграло при ее частичной рецепции в Англии, во многом и фактически напоминающей римские условия. Неудачнее всего эта рецепция прошла в России чрез церковь путем канонического права византийского периода.

Мы сейчас переживаем в РСФСР момент также рецепции, но рецепции западного буржуазного права. Поэтому и нам не мешает обратить внимание на историю рецепции Р. п. Я уже сказал, какую роль рецепция играла во французской революции и во всей Европе по отношению к политическим порядкам Англии. Чрезвычайно интересные для нас мысли по этому вопросу мы находим у К. Маркса, особенно по поводу изменения смысла и значения заимствованных институтов. Когда происходит рецепция чужого права, то оно при самом введении может быть уже иначе, чем на его родине, понято самим законодателем; оно заимствуется в неверном понимании. Маркс был даже того мнения, что это последнее является общим правилом. Интересна и поучительна в этом отношении полемика между Марксом и Лассалем.

Лассаль в своей «Системе приобретенных прав» доказывает, что римская форма полной свободы завещания (с полным и свободным исключением кровных родственников) вытекает из всей истории, мифологии, психологии и т. д. римского народа, как специфически римский правовой институт, который в Западной Европе сам по себе не мог бы возникнуть. Маркс на

это ответил, что институт завещания хотя и позаимствован из Р. п., но в буржуазном обществе должен иметь свой самостоятельный корень (письмо Маркса Лассалу от 11 июня 1861 г.). А в следующем письме Маркс пишет: «Что это, т.-е. такая полная свобода завещания, соответствует сущности свободной конкуренции и основанному на ней обществу, не подлежит сомнению так же мало, как и то, что Р. п. усваивалось современным обществом в более или менее видоизмененном виде, потому что правовое представление, какое имеет о себе субъект—носитель свободной конкуренции — соответствует представлению римской личности, при чем я здесь не касаюсь весьма существенного обстоятельства, что правовое представление об известных отношениях собственности, как бы оно ни выросло из последних, с другой стороны, все-таки не вполне совпадает и не может совпадать (*congruent sein*) с ними. Что эта рецепция римского духовного завещания первоначально (а в научном сознании юристов еще по настоящее время) основывается на недоразумении—ты доказал. Из этого, однако, не следует, чтобы завещание в его современной форме.. было просто неверно понятое римское завещание. Иначе можно было бы сказать, что всякое завоевание предыдущего периода, когда оно усваивается позднейшим периодом, не что иное, как неверно понятое старое (Маркс приводит примеры)... Форма, неверно понятая, как раз является той общей формой, которую на известной ступени развития можно сделать общеупотребительной».

На этом письме прервалась полемика Маркса с Лассалем.

II. Стучка

РОДСТВО—отношение одного члена рода к другому его члену, вытекающее из факта рождения, при чем род здесь понимается как совокупность лиц мужского и женского пола, связанных кровною связью и происходящих от одного общего родоначаль-

ника, т.-е. «начавшего» этот род. Р. может быть как по счету от отца так и от матери. Долго после того, как в жизни исчез род, оставляя от себя только осколок—семью, Р. сохраняет свое значение, главным образом, в наследственном праве. Когда остается после смерти кого-либо имущество, то в буржуазном обществе воскресают чувства Р. и «родичи» стекаются к ложу усопшего—в надежде, не попадут ли они в число наследников, при чем близость Р. определяет и наследование. А это бессмысленное чувство тщательно поддерживает буржуазное законодательство, допуская наследование в самых далеких степенях (во Франции до 12 степени, в Австрии до 10, в дореволюционной России даже без всяких ограничений) У нас после революции это право сохранилось лишь для ограниченной семьи, т.-е. не далее братьев и сестер. Но, кроме гражданского права, Р. играет роль еще и для семейного права, для брака в прямо противоположном смысле, ибо близкое Р. включает возможность брака. И тут у нас крайне ограничен круг запретов (также не далее братьев и сестер), да и то лишь в форме запрещения регистрации и без всякого уголовного наказания, напр., за брак или вообще половую связь между близкими родственниками, так наз. кровосмешение, которое у нас по У. К. не наказуемо.

Кроме того, брачное право создало новое понятие—свойство, т.-е. отношение между лицами на основании брачного союза: между двумя родами (двухродное свойство), а если вдовец вступает в новый брак, то между тремя родами (трехродное свойство). Известные степени свойства (т.-е. брачного Р.) служили основанием для запрета вступления в брак. Кроме того, существует (опять-таки в семейном праве) особое духовное Р. «кумовство» между приемниками, т.-е. свидетелями при крестинах, при чем плотская связь между кумом и кумою считалась смертным грехом. У нас все эти понятия конечно, отпали.

Близость Р. определяется степенью. Каждое рождение образует одну степень. Между отцом и сыном одна степень, ибо одно рождение. Между дедом и внуком—две. Между дядею и племянником—три, ибо должно

произойти три рождения. Говорят еще и о линиях Р., по женской линии— по счету от матери, по мужской— по счету от отца.

РОСТОВЩИЧЕСТВО. В главе 3-го тома «Капитала» Маркс устанавливает общее положение, что «Р-ий капитал, как характерная форма капитала приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства самостоятельно хозяйствующих крестьян и мелких ремесленных мастеров» Понятное дело, что там, где капитализм вырос в виде Р-го капитала, всякая борьба с ним со стороны власти представлялась одною только формою, так же, как и всякие запреты взимания процентов (см.). Католическая (а в России православная) церковь, став крупной экономической силой, сама хотя и признавая Р. «грехом», начинает заниматься Р. в обширных размерах. Борьба с Р., начинающаяся в XVII и развивающаяся особенно в XVIII в., имеет уже другой характер: в ней, как отмечено Марксом, выражается стремление усиливающегося промышленного капитала подчинить себе капитал, приносящий проценты. Эта борьба облекается в форму законодательного допущения взимания процентов с одновременным ограничением в законе допустимого размера % известным максимумом. К эпохе французской революции промышленный капитал уже настолько сознает свою мощь, что законодательное ограничение процента отпадает.

Code Pénal 1810 г. не содержит никаких постановлений о наказуемости Р. или вообще о взимании незаконного процента Основатель классической школы (см.) в утол праве Ансельм Фейербах также признавал «существующий поныне остаток ненависти» к Р. «нелегко согласуемым с правилами государственной политики» В России ограничение нормы процента также отменяется в 1879 г., т.-е. тогда, когда промышленный капитал, начавший быстро развиваться после ликвидации крепостного права, представлял уже значительную силу В это время, во второй половине XIX в., в Зап. Европе уже заканчивается период ликвидации в уголовных кодексах (в частности, в Германии эта

ликвидации закончилась к 1871 г.) постановлений о Р., и начинает снова замечаться тенденция к восстановлению уголовной ответственности за Р. что является результатом «давления» на законодательство недовольства мелкой буржуазии. Закон 1880 г. уже вводит в Германии уголовную ответственность за денежное Р., а за ним, в 1893 г. следуют и иные разновидности Р. при чем особо обращается внимание на использование нужды, легкомыслия или невежества, что теперь становится существенным элементом состава Р., поскольку взимание хотя бы и очень высокого процента без такого «использования»

Германии уже Р. не считается и наказанию не подлежит.

Реального облегчения такие постановления о Р. для жертв Р., в условиях буржуазного строя конечно, не означают. Ростовщик не избежен там, где пужда ищет кредит и готова принять его на любых условиях

Ленин еще в 1899 г. отмечал, что «остатки средневековых учреждений, тяготеющие над нашей (тогдашней российской А. Д.) деревней (сословная замкнутость крестьянской общины, прикрепление крестьян к наделу, круговая порука, сословная неравномерность податей), создают громадные препятствия для помещения мелких капиталов в производство, для обращения их на сельское хозяйство и промышленность» и что «естественным результатом этого является непомерная распространенность низших и худших форм капитала—торгового и Р» (т. II). В конце 2 главы «Развития капитализма в России» Ленин также останавливается на Р. и, между прочим, отмечает, что «самостоятельное развитие торгового и Р. капитала в нашей деревне задерживает разложение крестьянства» В статье «Аграрная программа русской с.-д.» (1902 г.) Ленин останавливается, в частности, требование «предоставления судам права объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер», говоря: «Что такое кабала—русский народ слишком хорошо знает. С научной же точки зрения это понятие об'емлет все те сделки, в которых есть элемент Р. (зимняя паемка и т. п.) или крепостничества (отработка за потравы и проч.)» (т. IX. 296).

Для постановления о Р советского права центр тяжести лежит также в борьбе с Р. в деревне, ибо в городе совокупность социально-экономических мероприятий советской власти делает вопрос о Р. мало актуальным. Деревенские ростовщик и кулак, в сущности, на практике — почти равнозначущие понятия, хотя, конечно, социально-экономическое содержание, вкладываемое нами в термин «кулак», шире содержания понятия Р. У К. РСФСР ред 1926 г. Р предусмотрено ст 173. Первая часть этой статьи представляет собой единственный в нашем У. К. образец статьи, которая «гласит» об уголовной репрессии и в то же время пока для практики еще не «гласит» вовсе: здесь У. К. угрожает лишением свободы на срок до 2 лет с конфискацией имущества или без таковой за «взимание в виде промысла процентов за данные займы деньги или имущество в размере сверх дозволенного законом»: но пока никакого закона о дозволенном размере процентов не издано. Вторая часть ст 173, единственно существующая пока для практики, угрожает лишением свободы на срок до 1 года за «предоставление и пользование или в виде ссуды орудий производства, скота, семян или денежных средств за вознаграждение явно превышающее обычный для данной местности размер, с использованием нужды или стесненного положения и получающего».

А. Эстрин

РУССКОЕ ПРАВО (исторический очерк) Обзор истории Р. п. лучше всего можно дать по следующим пяти основным периодам: 1) дофеодалному, 2) феодальному, 3) торгового капитализма, 4) крепостного хозяйства, 5) промышленного капитализма.

I Первый период обнимает собой эпоху от утверждения Рюриковичей до татарского нашествия, т. е. до середины XIII в.

Наиболее характерным моментом хозяйственного строя Руси этого периода являлось развитие торговли с Востоком и Византией. Развитие торговли разложило в значительной степени племенные и родовые отношения. Из прежних племенных образований возникли так называемые городские воло-

сти, являвшиеся организационными формами влияния на окружающее сельское население городских торговых групп. Но благоприятная обстановка для оживленного товарообмена Руси стала ухудшаться с конца XI в. первоначально прекратились связи с восточными рынками, а затем стала ослабевать торговля и с Византией. Это чрезвычайно сильно отразилось на хозяйстве городской торговой Руси. Первым следствием был затяжной финансовый кризис; страна стала испытывать недостаток в драгоценных металлах; покупательная способность денег поднялась. Рабы, не пахотящие избыта, начинают сажаться на земельные участки. Развивается крупное княжеское, церковное и боярское землевладение. Городская торговая Русь начинает перерождаться в Русь земледельческую, деревенскую. Начинают возникать и развиваться институты феодального права

Общая схема изменений в экономическом строе древней Руси дает нам возможность объяснить основные процессы в развитии права.

Развитие торговых отношений разложило племенное общество. Уже, повидимому в начале периода произошла дифференциация общественных групп. Но крайней мере уже по древнейшим памятникам выделяются четыре основных группы: бояре, горожане сельские люди рабы (холопы). Уже по древнейшим памятникам боярство — земельная торговая аристократия — обладало привилегиями; их жизнь и честь защищалась более высокой ценой. Горожане в свою очередь распадались на гостей (крупных торговцев) и так называемых черных или молодших людей (мелких торговцев и ремесленников). В Новгороде (а возможно и в других городах) купцы образовали особые корпорации — торговые товарищества. Господствующее положение городских жителей сказывалось в том, что они были свободны от податей, перелавшихся на плечи сельского населения. О юридическом положении сельского населения в начале периода мы не имеем никаких данных; можно предполагать, что в основной своей части оно было свободно. Рабы (основным источником рабства был плен) не пользовались никакими правами.

Изменения в хозяйственном строе обусловили много изменений в правовом положении основных общественных групп. Так

развитие крупного землевладения обусловило возникновение различных групп зависимого крестьянства (см. Крепостное право).

Переходим теперь к краткой характеристике политического устройства Руси рассматриваемого периода.

Еще до утверждения династии Рюрика племенные «государства» стали распадаться и вместе с тем объединяться в особые союзы. При Олеге находятся «князья светлые», очевидно, стоявшие во главе отдельных земель. Дальнейшее развитие торговли и экономическое тяготение отдельных частей территории племенных государств к основным торговым центрам содействовало еще большему объединению их. Образуются так называемые земли, во главе которых становятся члены рода Рюриковичей, сменившие прежних племенных князей. Во главе каждой земли находился главный город (Киев, Новгород и пр.). Земли распались на волости и включали в свой состав пригороды, образовавшиеся вследствие завоевания городов соседних земель или путем колонизации жителей главного города. С упадком торговли и с ослаблением экономического тяготения к основным торговым центрам мы наблюдаем, чем дальше, тем больше распадение земель на отдельные части так называемые уделы. В организации государственной власти в начале периода нашли отражение остатки племенных и родовых отношений. Затем, с развитием торговли выдвинулись новые политические силы — боярство и городское население главного города. Соответственно с этим окончательно определились основные элементы государственной власти: князь, княжеская дума и вече. Княжеская власть обычно приобреталась наследованием по закону и по завещанию. Вначале порядок наследования столов следовал более порядку старшинства членов рода (стол переходил к старшему брату, а не к старшему сыну), а затем этот принцип «старшинства» стал заменяться вотчинным. Кроме наследования, столы приобретались и благодаря избранию князя боярством и вечем, а иногда захватывались вооруженной рукой. В качестве совета при князе состояла так называемая княжеская дума, где оформлялось и осуществлялось влияние боярина и высшего духовенства. Вече представляло собой собрание полноправных жителей старшего города и обычно решало основные вопросы

управления и суда. Политическое влияние каждого из этих органов власти было различно в каждой области. Напр., в Галиции, где наблюдался в большей степени процесс феодализации, боярство имело большее влияние, чем вече. В Новгороде, где торговля не утрачивала своего значения, в продолжение всего периода были экономически сильны городские элементы, особое значение имело вече.

Основным источником права в этот период был обычай. После того, как объединение русских земель достигло значительных успехов, стали наблюдаться записи этих обычаев. К числу таких записей относится Русская Правда, дошедшая до нас в нескольких редакциях. Впрочем, в ее составе находятся некоторые судебные решения и немногие княжеские распоряжения. Русская Правда, вместе с княжескими церковными уставами и договорами с Византией и с западно-европейскими государствами (немцами), является чрезвычайно важным источником права того периода. Что касается системы управления, то в ней можно отметить черты двух порядков — прежнего «земского», ведущего свое начало от городской волости, и последующего связанного с усилением организующего влияния князя и с процессом сеньюризации. Органами «земского» управления являются тысяцкие, сотники, десятские; органами княжеского, вотчинного: посадники, тиуны, волостели, рядовичи и проч.

Изменения в хозяйственном и политическом строе отразились и на организации суда. Черты прежнего быта проявлялись в судебной власти главы семьи и рода. Постепенно ограничиваясь государственным судом, эта власть распространялась затем только на челядь и зависимых людей. Остатки прежней организации появлялись в суде добрых людей и выборных лиц общины — сотских и старост. С изменением значения князя растет объем судебной власти. По мере же развития процесса феодализации начинает развиваться вотчинная юрисдикция.

Хозяйственная и социально-политическая эволюция нашла свое отражение и в уголовном праве. В начале периода мы наблюдаем господство мести, но с развитием торговли, когда была признана сила денег мести была заменена выкупом и штрафами (вирами и продажами). Господство высших со-

циальных групп проявлялось в усилении наказаний за их убийство и поругание чести. За убийство княжих людей уплачивалось в два раза больше, чем за убийство свободного человека, и в 16 раз больше, чем за убийство смерда.

Переходим теперь к характеристике основных институтов гражданского права.

Прежде всего необходимо отметить, что уже в этот период правоспособность (см.) и дееспособность (см.) зависимых групп, например, смердов, закупов, изгоев, была ограничена. Ограничена была правоспособность и женщин; напр., по Русской Правде женщины (дочери смердов) не наследуют в имуществе отца; за убийство жены платится половина штрафа, взимаемого за убийство мужа (иолувирье); жена не могла быть послухом на суде. Что же касается основных моментов вещного права, то дошедшие до нас акты и юридические памятники не дают нам возможности установить существование права собственности на землю или существование понятия владения (см.). Нельзя говорить и о существовании сервитутов.

В рассматриваемый период отсутствует представление об обязательстве, как праве на действия другого лица. Обязательство рассматривается, как право на другое лицо. В соответствии с этим, при договоре займа (см.) обыкновенно устанавливается личный заклад кредитору (так называемые закупы), при договоре найма устанавливается хозяйственное обладание лицом или вещью. Так как обязательство носит характер личный, то при исполнении обязательства взыскание обращается не на имущество, а на лицо должника, выдававшегося «головой до искупа». Договоры обычно совершались словесно, но с употреблением символических форм и в присутствии свидетелей. Система договоров была крайне примитивной; все роды сделок сводились к немногим группам их; так, купля-продажа сливалась с меною; договор займа сливался с договором ссуды и найма движимых вещей.

Что касается основных моментов брачно-го права, то в начале более употребительными формами брака были похищение и покупка. Памятники говорят еще о так называемом «приведении», состоящем в том, что невесту приводят на дом к жениху и приносят приданое (см.). С принятием хри-

стианства начинает распространяться церковная форма брака, но она применяется только боярами. Памятники отмечают, что «не было на простых людях благословенного венчания, но бояре только и князья венчались».

Русская Правда дает возможность установить и основные черты наследственного права. В этом памятнике различается наследование (см.) по завещанию (ряд) и наследование по закону. Круг лиц, призываемых по закону, есть семья в самом тесном смысле этого слова. Наследуют только дети умершего и частично вдова и церковь. Все сыновья получают поровну. Дочери наследуют только при неимении сыновей; дочери же смердов вообще не призываются к наследству, имущество признается выморочным и переходит к князю. Мать может оставить наследство не только сыновьям, но и дочерям. Жена не призывается к наследованию после мужа. Если семья делится, то вдове дается «часть»; если не делится, то она остается главой семьи. О наследовании нисходящих в Русской Правде нет никаких указаний.

II. Второй период—период феодализма (феодального хозяйства)—занимает промежуток времени от середины XII в. и до середины XVI в. Как было указано, уже с XII в. мы наблюдаем развитие процесса сеньюризации и феодализации. Этот процесс усилился после татарского завоевания, когда был разгромлен города, центры торговли и промыслов и когда стала развиваться натурализация хозяйства (см. Феодализм). Окончательно завершившись к концу XV в., феодальный строй мало-помалу стал разлагаться под влиянием развития торгового капитализма (см.). Мы наблюдаем рост городов и развитие городской торговли и промыслов. На ряду с ростом и усилением значения городского хозяйства замечается вместе с тем ущерб экономического значения феодальной вотчины. Особенности феодального хозяйства предопределили весь строй правовых отношений в данную эпоху. Социальные отношения носят типично феодальный характер. Мы наблюдаем так называемую феодальную лестницу, вассалитет и министериалитет (см. Феодализм). Сельское население, находясь в эксплуатации феодалов, было в основной своей части зависимо от них и несло целый ряд весьма разнообразных повинностей

Население городов, подвергшихся сеньориализации, находилось в таком же, приблизительно, положении, как и сельское население и было обязано точно так же уплачивать своему феодалу различные подати. Процесс разложения феодального хозяйства и возникновение торгового капитализма вызвал ряд изменений в социальном строе Руси с конца XV в. Мало-помалу стали концентрироваться группы, образовавшие затем сословия (см.), напр., группа служилых людей, группа торговцев-гостей. Благодаря интенсификации сельского хозяйства — переход с переложной системы на трехпольную — стал усиливаться процесс закрепощения крестьян (см. Крепостное право)

Территориальные отношения определялись феодальными моментами. Прежде всего отношения русских земель великих и удельных княжеств к хану вполне совпадают с отношениями вассалитета. Натурально хозяйственные отношения и слабость обмена обуславливали экономическую оторванность отдельных частей территории. Происходит дробление княжеств на так называемые уделы постепенно мельчающие и превращающиеся в типичные феодальные сеньории. Развитие торгового капитализма обусловило прекращение этого распада и так называемое собирание земли, выпавшее на долю Москвы, благодаря благоприятному ее географическому положению и богатству ее князей. Великие московские князья постепенно отбирали уделы мелких удельных князей, иногда отдавая их обратно, но с обязанностью службы. Эти служебные князья таким образом превращались в типичных вассалов.

Власть в рассматриваемый момент принадлежала князю. Участие в избрании князя вечно после того, как было подорвано значение городской земщины, прекратилось. Единственным способом приобретения княжеского стола было наследование, при чем в этот период семейное начало берет решительный перевес над родовым. Для окончательного утверждения за князем власти необходимо согласие хана, жаловавшего особый ярлык. В прежней исторической литературе считался общепринятым взгляд, что власть князя (особенно великого) была неограниченной. Но это мнение неправильно. По выражению М. П. Покровского, князья являлись договорными хозяевами

десятков крупных, сотен средних и тысяч мелких вассалов». Несомненно, власть князя ограничивалась княжеской думой, советом из наиболее крупных вассалов. Ведаемая всеми делами, касавшимися управления, дума с течением времени стала являться и верховным судебным трибуналом.

Как и следовало ожидать, в эпоху дробления территории на отдельные сеньории, развитие единого, распространявшегося на всю Русь законодательства, не наблюдалось. Воля феодала и обычай были почти единственными источниками права. Прежние законодательные памятники, напр., Русская Правда, стали утрачивать свое значение. С течением времени, когда обозначился процесс собирания Руси и когда московское правительство стало принимать меры к регулированию управления и суда на местах, некоторые законодательные нормы стали формироваться в уставных грамотах. При Иване III потребность в кодификации (см.) была столь велика, что был проделан первый опыт ее и составлен особый судебник, исправленный и дополненный Василием III.

В рассматриваемый период окончательно утверждается система вотчинно-дворцового управления. Князь управляет при помощи отдельных придворных чинов, ведавших отдельными отраслями дворцового хозяйства — дворецких, конюших, сокольников, чашников, стольников, казначеев и проч. В местном управлении утверждается так называемая система кормления, сущность которой заключалась в том, что административные органы, не получая содержания от центральной власти, собирают с управляемого населения непосредственно корм для себя. В начале деятельность кормленщиков не регулировалась правительством, но затем, по просьбе административных единиц стали жаловаться уставные грамоты, где исчислялись размеры поборов и пошлин. Административная деятельность не была отделена от суда, поэтому указанные административные органы были одновременно судьями. Вместе с тем необходимо отметить, что в этот период окончательно развился так называемый вотчинный суд — суд землевладельцев над зависимым и подвластным им населением. Объем иммунитета суда определялся иммунитетными грамотами. Как общее правило, наиболее важные уголовные дела не подлежали юрисдикции вотчинников. С развитием торго-

вого капитализма суд начинает приобретать классовый характер. В быту и судебной практике становится обычным противоположение людей добрых—лихим людям. Классовая юстиция начинает применять вместо прежнего состязательного процесса, начала сыска, розыска. Наказания начинают носить более жестокий характер, чем в эпоху Русской Правды. Так, Судебником введена смертная казнь «за крамолу», убийство господина рабом, поджог, святотатство, за принадлежность к неведомым лихим людям. Примеявшиеся ранее денежные штрафы (продажи) стали соединяться с телесными болезненными членовредительными наказаниями.

В области гражданского права мы не наблюдаем крупных изменений по сравнению с Русской Правдой. Можно, впрочем, отметить постепенное повышение прав женщины: напр., по Судебнику не всякая вдова входит в разряд церковных людей и, следовательно, подлежит церковному патронату, а только та, которая питается от церкви божней. Как главе дома, вдове принадлежит полнота гражданских прав: право владения имением, дееспособность и проч. В области вещного права (см.) следует отметить развитие институтов условного владения и условной собственности, соответствующих прекарию и бенефицию западноевропейского феодального права. Из этих форм мало-помалу к концу периода начинает возникать так называемое поместье. Обязательственное право (см.) не получило развития. Не внесено существенных изменений и в нормы наследственного права. По Судебнику так же, как и в эпоху Русской Правды сыновья исключают дочерей при наследовании. Не наследуют и супруги. Признаком разложения семейного начала является допущение к наследованию боковых родственников, однако, до ближнего племени. Необходимо отметить что немногие нормы гражданского права в Судебник внесены под влиянием Псковского права (Псковской Судной грамоты), более развитого благодаря развитым формам хозяйственной жизни.

III. Третий период охватывает промежуток времени от середины XVI в. до начала XVIII в. За этот период произошло окончательное разложение феодального хозяйства и стало наблюдаться интенсивное развитие торгового капитализма. Московская

феодалная монархия превратилась в условно-представительную. Соответственно с этим феодальное общество распалось. На его обломках выросли сословия (см.). Крепостная зависимость начинает распространяться на все больший круг сельского населения (см. Крепостное право). Вместо феодальной знати большую политическую силу стали представлять средние и мелкие служилые люди.

Власть царя (этот титул впервые был принят Иваном Грозным) усилилась, но считать ее абсолютной все-таки нельзя. Она фактически ограничивалась и Боярской Думой, и Земскими Соборами.

Боярская Дума принимала деятельное участие в законодательстве, управлении и суде. Состав ее изменился по сравнению с Думой феодального периода: он пополнился представителями удельных родов. Вся деятельность начинает получать регламентацию; устанавливается звание думного человека. Число этих думных людей более или менее точно фиксируется. Установился порядок делопроизводства; были учреждены так называемые думные дьяки.

В еще большей степени, чем Боярская Дума, ограничивали власть царя Земские Соборы (см. Сословия).

Крупные изменения в хозяйственном и социально-политическом строе Руси обусловили развитие законодательства и необходимость кодификации законодательного материала. При Иване IV был издан новый Судебник («Царский»), а в 1649 г. было издано Уложение царя Алексея Михайловича, к изданию которого был привлечен Земский Собор. В этом Уложении были сделаны значительные заимствования из иноземного права—Литовского и Византийского. Развитие торгового капитализма потребовало издания торгового законодательства. вскоре после Уложения был издан так называемый Новоторговый Устав, в значительной своей части отразивший начала торгового права Западной Европы.

Много изменений произошло в административной системе. Вместо отдела дворцово-вотчинного управления, стали возникать приказы, находившиеся под единоличным управлением боярина или дьяка. Система кормления была отменена, было введено самоуправление, при чем полномочия органов самоуправления касались или всех функций управления, или только розыска

лихих людей (губное самоуправление) Носледовавшее в конце периода усиление царской власти имело своим последствием ограничение местного самоуправления. Мало-помалу власть передается воеводам, делившим ее с бюрократическим аппаратом—приказами. Воеводско-приказная система существовала, впрочем, одновременно с земским самоуправлением.

Как в эпоху феодализма, органы административные выполняли судебные функции. По мере развития крепостного права начинает развиваться компетенция вотчинного суда (дворцового, церковного, помещичьего). Вотчинный суд ведал всеми делами, за исключением «разбойных и иных воровских дел». Суд как в государственных, так и в вотчинных судебных инстанциях, проходил при участии представителей населения—целовальников, принадлежащих к зажиточным группам населения.

Классовый характер суда определялся не только составом судебных органов, но и характером судопроизводства. Вместо прежнего обвинительного процесса, существовавшего вплоть до организации губного и земского самоуправления, развивается новая процессуальная форма—розыск. Сперва он применялся только к делам «разбойным», а затем для дел по убийствам и кражам с поличным. После Уложен. 1649 г. основные начала розыска начинают проникать все более и более в суд. «Сыск стал таким же универсальным приемом, как и суд», говорит М. Н. Покровский. Классовые моменты проявляются и в определении понятия преступления. Прежде всего не всякое нарушение закона является преступлением. а главным образом те действия, которые будут признаны преступными группами общества, наиболее заинтересованными в охране порядка и собственности. Лица, признанные обыскными людьми ведомыми лихими людьми, хотя бы они не были уличены в каком-либо определенном преступлении, все-таки несут тяжелые наказания. Преступление, совершенное не «лихим человеком», наказывается слабее. Круг наказуемых деяний становится в эту эпоху более широким, а наказания более суровыми. Хотя денежные штрафы, продажи и пепи и остаются. но смертная казнь решительно преобладает. Кроме смертной казни, в большом употреблении так называемая торговая казнь—битье батогами, тюремное заключение и

членовредительные наказания. В Уложении дается еще более суровая система наказаний: там упоминается об урезании носа, клеймении, сожжении, залитии горла расплавленным металлом.

Переходим теперь к рассмотрению изменений в гражданском праве. В области вещного права мы наблюдаем постепенное сближение поместий с вотчинами. В практике стало развиваться наследование поместий; помещик еще при своей жизни обычно «припускал» своих сыновей к пользованию помещьем. В конце концов установилась практика не отбирать поместий после смерти служилого человека в поместный фонд, если после него оставались годные для службы сыновья. До нас дошли грамоты, где поместья являлись уже предметом завещательных распоряжений. Мена поместий была вообще обычной и вполне разрешалась законом; она обычно прикрывала и продажу поместья и принесение его в приданое. В конце периода почти стерлось всякое различие между поместьями и вотчинами.

С развитием обмена обязательство начинает освобождаться от прежних принципов: оно теперь начинает рассматриваться, как право на действия лиц. Уже Царский Судебник воспрещает должнику служить у своего кредитора за рост. Специально издаются постановления, имеющие своей целью ограничить силу договора личного найма, как источника холопства. Запрещается выдавать несостоятельного должника в вечное холопство: он выдавался своим кредиторам только до искупа, т. е. до расплаты. В XVII в. разрешается обращать взыскания не на лица, а на имущества сперва на дворы, а затем на вотчины и даже на поместья. Соответственно с этим обязательства переходят по наследству. Система обязательства начинает приобретать большую сложность и регламентироваться в законодательных памятниках.

Брачное право начинает все более и более регулироваться церковью. Венчание делается обязательным.

В области наследственного права круг лиц, призываемых к наследству, значительно расширился. Прежде всего воля завещателя теперь не связывается кругом лиц, принадлежащих к семье: имущество могло быть передаваемо родственникам до 4-й и даже до 5-й степени. С XVII в. яме-

чается в практике призыв дочерей к наследованию не только за неимением сыновей, но и при них. Расширяется право наследования жен; им дается возможность приобретать купленные и выслуженные вотчины. Мало того, женам обычно давалось на прожиток часть поместья ($\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ движимого имущества) Накопел, были допущены и боковые родственники.

IV. Торговый капитализм достиг своего развития уже к середине XVII в. и стал мало-помалу переходить в дальнейшую фазу своего развития—в систему крепостного хозяйства. Благодаря созданию прочного финансового аппарата, а также благодаря тому, что были найдены новые источники государственных доходов, московское правительство перестало нуждаться в неприменительных сословий Так, мало-помалу сословий. Земские Соборы с половины XVII в. созываются очень редко; вместо них, входит в практику совещание с представителями отдельных сословий. Так, мало-помалу сословно-представительная монархия стала превращаться в абсолютную. Петр придал ей организационные формы и попытался дать ей идеологическое обоснование.

Но хотя сословное представительство и было уничтожено, но сословия как раз в эпоху крепостного хозяйства получили свою регламентацию. Петром было учреждено так называемое шляхетское сословие, переименованное затем в дворянство, в состав которого вошли придворные и военные чины, а также служащие приказов. Основные права дворянства, кроме титула и герба, заключались в праве составлять дворянские общества и избирать органы самоуправления. Дворянство было освобождено от податей и повинностей и, начиная с Екатерины, от телесных наказаний. Другой существенной привилегией было право владения населенными крепостными крестьянами имениями. По законодательству Петра дворянство было обязано государственной службой, от которого оно было освобождено Екатериной. Основная масса торговцев и ремесленников вошла в состав мещанского сословия; подобно дворянам, мещане имели право на самоуправление Петром были учреждены гильдии и цехи.

Получило регламентацию и крестьянство (см. Крепостное право).

Как было указано, в этот период абсолютизм окончательно восторжествовал

Петр принял императорский титул. Для обоснования абсолютизма ему пришлось использовать западно-европейскую литературу, именно трактаты Гуго Гроция и Пуфендорфа. Основные принципы самодержавия в конце концов были сформулированы и в законодательных памятниках.

Сообразно с формулировкой сущности самодержавной власти, в эту эпоху единственным источником права признавался закон. Только с Екатерины начал проникать взгляд, что в некоторых случаях можно признать наличие и других источников права.

Реформаторская деятельность Петра и его преемников имела своим следствием накопление огромного законодательного материала, мало согласованного с прежним московским. Поэтому уже с Петра стали делаться попытки кодификации, которые решительно не удавались до 1832 г., когда, благодаря энергичной деятельности графа Сперанского, было издано полное Собрание Законов, начиная с законод. Алексея Михайловича, и Свод Законов.

Утверждение абсолютизма сопровождалось крупным изменением административного аппарата. Прежняя система как центрального, так и местного управления, была полна феодальных пережитков. Вместо прежней громоздкой и потерявшей свое деловое значение Боярской Думы, Петр учредил Сенат, в качестве высшего совещательного органа при императоре. Кроме Сената, стали в XVIII в. создаваться конкурирующие с ним органы, напр., Тайный Совет. Кабинет После того, как Сенат окончательно превратился в высшую судебную инстанцию, при Александре был учрежден Государственный Совет, в качестве высшего совещательного органа. Для управления церковными делами Петром учрежден Синод. Вместо приказов были созданы коллегии (12), ведавшие, в отличие от приказов, какой-либо одной функцией, замененные в 1811 г. министерствами.

Петром было установлено новое административное деление. Вместо прежних, крайне неравномерных по численности населения и по своему территориальному объему, уездов, ведущих свое начало с древней эпохи, вся территория была разделена на 8 губерний. Губернии были разделены на провинции. Преемникам Петра пришлось сделать много усилий, чтобы упростить

учрежденный им огромный административный аппарат. Екатерина II внесла в конце концов ряд серьезных изменений в систему местного управления; так, ею было увеличено количество губерний.

В соответствии с изменением административной системы был внесен ряд существенных изменений в организацию судебных органов. В качестве центрального органа, регулировавшего деятельность суда, Петром создана Юстиц-Коллегия, реорганизованная в министерство при Александре I. На местах суд был передан так называемым ландрихтерам и коллегиальным надворным судам. Первоначально администрация не вмешивалась в суд, но уже с 1722 г. суд соединен с администрацией. Губернаторы и воеводы представляли в судах. При Екатерине была произведена значительная реорганизация судебного аппарата, продержавшегося в существенных своих чертах вплоть до издания Судебных Уставов при Александре II. Судебный аппарат формировался из дворянства. Вообще судопроизводство в этот период, как правильно замечает М. Н. Покровский, было конкретной формой того внеэкономического принуждения, на котором держалось крепостное хозяйство. Розыск стал решительно вытеснять формы общего процесса. Еще в 1697 г. Петр постановил: суду и очным ставкам не быть, а ведать дела розыском. Процесс становится письменным и тайным. Поверенные допускаются или при невозможности стороны явиться в суд, или в некоторых исключительных случаях. Было введено учение о формальном значении доказательств, при чем доказательства делятся на совершенные и несовершенные. Так, свидетельские показания мужчин считаются более совершенными, чем показания женщин. В 1723 г. был введен новый Устав Судопроизводства под названием «О форме суда». В этом законе вводились начала состязательного процесса, но практика и жизнь пошла мимо этих начал. Екатерина II хотя и предписала руководиться формой суда, но вскоре отменила устное говорение.

Уголовное право в этот период начинает подвергаться регламентации. Делается определение понятия уголовного деяния; устанавливаются условия вменения; между прочим, не вменяется в вину деяние, совершенное лицом, не достигшим 17-летнего

возраста, действовавшим при необходимости обороне или состоянии крайней необходимости, или помешанным. Устанавливается классификация преступлений (преступления против веры, нравов, тишины и спокойствия, безопасности). Как и следовало ожидать, наказания в эту эпоху, особенно в начале ее, эпоху крепостного права и классовой юстиции, носят жестокий характер. Цель наказания—устрашение. По Воинскому Артикулу «кто кого убьет.. одного кровь паки отомстит и без всякой милости голову отсечет». Среди наказаний в XVIII в. смертная казнь занимает первое место. Законодательство Петра ввело новые казни: колесование, четвертование; а к прежним наказаниям были присоединены каторжные работы, а также лишение и конфискация всего имущества.

Переходим к обзору институтов гражданского права. Очень крупные изменения были внесены в вещное право, конечно, в интересах дворянства и крупных торговцев. Одним из пунктов Указа о престолонаследии 1714 г. были слиты вотчины и поместья. Это слияние было подтверждено Анной: «как поместья, так и вотчины именовать равно—одно недвижимое имущество — вотчина».

Внесены новые начала в отношении земель низших служилых людей: земли эти признаны казенными. Петром введено так называемое посессионное право, т. е. право вечного владения отведенными казной имениями и крестьянами, фабрикантами и заводчиками при одном неперемennom условии—поддержании производства фабрик и заводов. Посессионный владелец мог, однако продать эти земли и крестьян, но вместе с производством Петр, принимавший меры к развитию горного дела, установил, что ему одному, яко монарху, принадлежат рудокопные заводы, т. е. недра принадлежат не владельцу земли, а казне. Земли черных сельских людей были признаны казенными. Екатерина II развила начала, проведенные в вещном праве Петром. Хотя поместья и вотчины были слиты и термин «вотчина» сделался некоторым обобщающим термином для обозначения права собственности на землю, однако этот термин в практике и жизни сооставлялся с другими правами владения, напр., куплей приданым промыслом и проч. Екатерина впервые ввела самый тер-

мин «собственность», установив основные принципы этого права. В соответствии с этим, Екатерина уничтожила, конечно, в интересах дворянства, все ограничения, установившиеся со времен Петра и при его ближайших преемниках в отношении права собственности. Кроме того, она разрешила дворянам владеть фабриками и заводами, заводить торги и ярмарки, одновременно запретив лицам других сословий владеть землей как населенной, так и не населенной.

Обязательственное право за этот период не получило, однако, особого развития. Не было создано разработанной системы обязательств, с точным распределением между контрагентами субъективных прав и обязанностей. Были приняты только отдельные меры относительно ответственности по задаткам, продажи заложенных имуществ, найма имуществ и личного, отдачи на сохранение. Вначале мы наблюдаем крайнюю регламентацию обязательственных отношений. Достаточно отметить, что для заключения сделки требовалось указание побудительных причин для ее заключения. Кроме того, требовался крепостной порядок для совершения всякого рода актов. Только при Екатерине и ее преемниках заметно стремление к освобождению сделок от стеснительного правительственного контроля. В области семейного права необходимо отметить мероприятия Петра в отношении установления новых форм брака. Так, непременно требуется свободное соглашение вступающих в брак. Отменяется обязательственная сила обручения, лишаются юридического значения брачные неустойки, разрешаются смешанные браки. Имущественные же отношения супругов, однако, ни Петром, ни его преемниками, не регулировались сколько-нибудь определенным образом.

Больше изменений было сделано в области наследственного права. Желая поддержать «знатные фамилии», Петр издал указ об единонаследии. По этому указу наследователь должен был выбрать одного главного наследника, а для недвижимого имущества—единственного. Этот указ не нашел себе сочувствия и вызвал резкое сопротивление со стороны всех сословий. Поэтому он был в 1731 г. отменен, и наследственное право вернулось к прежним началам, по с некоторыми изменениями. В

частности, было постановлено, что дочь при братьях получает $\frac{1}{14}$ недвижимого и $\frac{1}{4}$ движимого. В отношении наследования боковых было признано, что благоприобретенные имения шли в род мужа; линия же родства распространена в бесконечность.

V. Развитие промышленного капитализма обусловило целый ряд изменений в правовом строе России. Так называемые «великие» реформы—отмена крепостного права, введение земского и городского самоуправления, издание так называемых судебных уставов являются наиболее яркими моментами этой эпохи. Но как эти так называемые «великие» реформы, так и общее развитие правовых институтов чолны противоречий и носят на себе черты все более и более усиливающейся к концу XIX в. помещичье-дворянской реакции. Земская и городская реформа, а равно и реформа суда мыслилась, как логическое завершение освобождения крестьян от крепостной зависимости. Однако земство, по идее всесословная самоуправляющаяся корпорация, сделалась благодаря установленным принципам избирательного права преимущественно органом поместного дворянства. Несмотря на то, что специальной функцией земства было местное хозяйство, оно находилось под неусыпным и мелочным контролем администрации. Кроме того, необходимо еще отметить, что положение о земстве применялось только в 33 губерниях.

Положение 1870 г. о городском самоуправлении установлением трехклассной прусской системы выборов обусловило крайнюю непропорциональность представительства. Благодаря введению имущественного ценза были устранены от участия в городском самоуправлении квартираниматели. Наконец, органы городского самоуправления находились под таким же неусыпным контролем администрации.

Интересы буржуазии наиболее удовлетворила судебная реформа. В основу этой реформы были положены начала устности, гласности, состязательности, более свободной оценки доказательств судом и разрешения дел на основании закона, согласно внутреннему убеждению. К числу достоинств судебной реформы относят также сокращение судопроизводственных сроков, ограниченное число инстанций, выделение маловажных дел в ведомство мировой юстиции, отделение судебной власти от законодательной,

создание более или менее независимого положения судей и адвокатуры. В области уголовного процесса были введены две стороны—обвинение и защита, действующие независимо от суда, а главное, установление участия общества в отправлении правосудия, в лице присяжных заседателей и сословных представителей.

Последующее реакционное законодательство 80-х годов в значительной степени изменило основные принципы судебных уставов. Так, были изданы правила, предоставлявшие значительную власть корпусу жандармов по исследованию преступлений, изменен порядок судопроизводства по делам о преступлениях государственных, которые были изъяты из ведения присяжных заседателей и переданы суду судебной палаты с участием сословных представителей, ограничена гласность судебного разбирательства, уменьшено число дел, подведомственных суду присяжных. Особенно пострадали основные принципы судебной реформы благодаря введению института земских начальников.

Коснемся теперь характеристики уголовного права за этот период. Прежде всего необходимо отметить, что единого кодекса уголовного права не было создано. Уголовное законодательство содержалось в так называемом Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Уставе о ссыльных, Уставе содержащихся под стражей, воинском и военно-морском Уставах о наказании и Уставе сельско-судебном. Каждый из этих источников имел свою особую систему наказаний. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных наказания по их тяжести делятся на уголовные, влекущие за собой лишение всех прав состояния (смертная казнь, ссылка на каторжные работы, ссылка на поселение в Сибирь), и исправительные (ссылка на житье, исправительные арестантские отделения, крепость, тюрьма, арест, выговоры, замечания, внушения, денежные взыскания). По Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, назначаются выговоры, замечания и внушения, денежные взыскания до 300 р., арест до 3 месяцев и заключение в тюрьме до 1 года 6 месяцев. В перечисленных выше других источниках уголовного права

дается свой специальный перечень наказаний.

Русское уголовное законодательство XIX в. и в особенности его основной источник—Уложение о наказаниях—имело чрезвычайно много технических недостатков. Так, в Уложении (являющемся на самом деле плохо скомпонованным сводом старых норм) наблюдается полная рознь принципов между его отдельными частями, различие в самых взглядах на понятие о преступлении и на условия наказуемости, механическое заимствование некоторых положений из западно-европейских кодексов, крайняя невыработанность терминологии. Кроме того, в нем наблюдается много пробелов; достаточно указать, что Уложение не определяет даже понятия преступного деяния. Есть много несообразностей: напр., право обороны стоит в зависимости от важности блага, на которое было направлено посягательство; состояние крайней необходимости (см.) не отличено от психического принуждения.

Развитие промышленного капитализма и связанное с этим усложнение хозяйственных отношений и гражданского оборота предполагали наличие развитых институтов гражданского права. Гражданские законы Свода, несмотря на то, что они являлись по своему существу заимствованными из западно-европейских кодексов, не могли удовлетворить запросам хозяйственной жизни. В них наблюдалось огромное количество пробелов, с большим трудом заполнявшихся практикой. Но, само собою разумеется, практика не могла создать цельной правовой системы, не могла придать четкости и определенности юридическим институтам. К этому необходимо иметь еще в виду, что в XIX в. и вплоть до революции имелись две системы гражданских правоотношений: крестьянская, основанная на обычном праве, и привилегированная, предназначенная для регулировки отношений помещиков и буржуазии. Совершенно естественно, что гражданское законодательство должно иметь такие же недостатки, как и уголовное. В нем целая масса несообразностей, как в вещном, так и в обязательном, в наследственном праве.

Так, законодательство XIX в. не дало институту права собственности достаточно детального развития; оно недостаточно точно определяло правомочия собственни-

ка, способы приобретения и укрепления собственности и понятия владения. Так называемые права на чужие вещи излагаются крайне неполно, при помощи неуклюжих терминов. Понятие права собственности на недвижимость затемнялось анахронистическим делением имений на родовые и благоприобретенные и крайне неопределенным по своей юридической сущности понятием общинного землевладения. Многие институты вещного права вообще не регулировались законодательством.

Особенно крупные недостатки наблюдались в обязательственном праве. Основные и наиболее употребительные договоры регулируются в самых общих чертах. Целый ряд договоров, получивших особое развитие по мере роста промышленного капитализма, как, напр., договор перевозки, товарищества, страхование, комиссия, были совершенно лишены регламентации. Практика не могла здесь помочь, так как она не могла давать общие определения договорам, т.-е. заниматься законодательной деятельностью. Область семейных отношений регулировалась архаическими нормами, ведущими свое происхождение чуть ли не со времен Петра.

Нормы наследственного права также устарели. Основные принципы дореволюционного наследственного права установились еще в ту эпоху, когда существовала обязательная служба дворян с их поместий и вотчин; совершенно естественно их несоответствие требованиям более развитого хозяйственного оборота. Особенно характерно в наследственном праве отсутствие регламентации такого важного института, каким является легат.

Одним словом, своей реакционностью, отсутствием четких определений основных правовых институтов, несогласованностью норм и вообще крайней элементарностью юридической техники, система русского дореволюционного права резко выделялась из других буржуазных систем

С. Юшков

РУССО (Жан-Жак, 1712—1778 г.г.)—один из виднейших политических писателей XVIII в., взгляды которого имели наибольшее влияние в период Великой французской революции. Выходец из мелкобуржуазной среды (сын женевого гражданина-ремесленника), музыкант и ботаник по

профессии, он писал на самые разнообразные темы. Особенным успехом пользовались его сентиментально-беллетристическое произведение «Новая Элоиза» (1760 г.) и рассуждение о воспитании—«Эмиль» (1762 г.). Однако главное значение имели его политические сочинения: «Содействовало ли возрождение наук и художеств очищению нравов», «О происхождении неравенств между людьми» (написанные в 1750 и 1754 г.г. на конкурс дижонской академии) и дающий положительную программу «Общественный договор» (1762 г.). Последнее произведение явилось самым влиятельным и блестящим выражением теории естественного права (см.).

Р. выделяется на фоне всех «просветителей» XVIII в., как идеолог мелкой буржуазии в среде собственно-буржуазных идеологов. Об'единяясь с ними в общей оппозиции феодально-абсолютистскому режиму, он значительно отличается от них как общими философскими и философско-историческими предпосылками, так и политическими воззрениями. Все идеологи буржуазии проповедают представительную систему; политический радикализм Р. приводит его к идее прямого народовластия, как основному догмату политической системы. Буржуазия, больше всего озабоченная «отделением собственности от государства» и идущая на компромисс с феодальной монархией, исходит из теории разделения властей, как основного политического принципа. Мелкий буржуа, Р. напротив того, утверждает неделимость народного суверенитета и теорию разделения властей третирует, как фокусы «японских шарлатанов, которые разрубая ребенка на глазах у зрителей, потом подбрасывают в воздух все его члены, и дитя падает обратно живым и целым».

Категоричность обрисовки идеи народовластия и сделала Р. идеологом Великой французской революции. «Общественный договор» был настольной книгой всех политиков революции—и Спенса, и Мирабо, и Гриссо, и М. Ролан. Люди 1789—91 г.г. так же считали себя последователями Р., как и люди 1793—94 г.г. Блок буржуазии с «народом» (т.-е. мелкой буржуазией) до 1793 г. приводил к тому, что ее политики механически об'единяли Р. с Монтескье и энциклопедистами. Гораздо интереснее, однако, что Р. считали своим духовным отцом

и Марат, уже противопоставлявший его «шарлатанам-энциклопедистам», и Робеспьер, намекавший на прямое благословение, полученное им от Р в Эрмеонвиле, и вообще все (кроме разве Дантона) июля 1793 г. При этом на Р принято было ссылаться не только во имя декоративной конституции 24 июня, но и во имя «революционных мер» и «временной конституции» 14 февраля.

Вопреки всей буржуазной юридической литературе можно показать что якобинцы, устанавливая диктатуру, совсем не уклонились от Р. и не исказили его. В противоположность многим буржуазным просветителям, система Р. давала возможное идеологическое обоснование и политике диктатуры.

Буржуазные просветители боролись за интересы капиталистического класса, отстаивая свободу капиталистической собственности и ее абстрактного выражения личности. Наоборот, идеолог революционной мелкой буржуазии интерес каждому отдельному собственнику готов принести в жертву интересам класса собственников в целом.

Как и буржуазные просветители, Р в исследовании общества исходит из понятия личности, и задача политического реформатора рисует ему, примерно так же, как и всем им: «найти такую форму общежития... в которой бы каждый, объединяясь со всеми, подчинялся бы, однако, только самому себе и оставался таким же свободным, как и раньше». Но разрешается эта задача у Р. полным поглощением личного интереса в интересах государства: «Государство является по отношению к своим членам хозяином всего их имущества», и, если оно прикажет гражданину умереть, «он должен умереть... потому что... его жизнь, это—по только благоденствие природы, но условный дар государства». Это правомерно, однако, лишь в государстве, построенном на общественном договоре и осуществляющем общую волю, ибо «поскольку суверенная воля образована не из чего другого, как из частных волей, ее составляющих, она не может иметь какого-либо интереса, отличного от их». Образование идеального государства общей воли не всегда возможно, и необходимые для него предпосылки не оставляют

сомнения в его социальной природе. Это—общество полного равенства, которое «может обходиться без других народов, как и другие народы без него, которое ни богато, ни бедно и может удовлетворять себя само», в котором «не терпят ни богачей, ни нищих». Р. сам не уверен, не является ли «химерой» «истинная демократия в строгом смысле слова» в такую эпоху, «когда сила вещей постоянно стремится разрушить равенство»? Вместе с тем идеал «истинной демократии» Р. носит все черты «народной» диктатуры.

Общая воля для своего выявления не только «но всегда необходимо должна быть единодушна», но вообще может не совпадать с эмпирическим народным мнением: «Общая воля всегда права и направлена всегда к общей пользе. Но это не значит, что решения народа были бы всегда правильны. Всегда хотят своего блага, но не всегда его видят». А раз это так, то естественно, интерес народа должен получить какое-то представительство отнюдь не формально-юридического свойства. «Нужно заставить народ видеть вещи такими, как они есть, а иногда такими, какими они должны ему казаться... уравновесить соблазны близких и ощущаемых выгод указанием на опасность отдаленных и скрытых бедствий. Отдельные лица видят благо, которое они отвергают; народ хочет блага, которого он не видит. Все одинаково нуждаются в руководителях».

В жизни идеального общества могут быть даже такие периоды, когда «руководители» получают право издания «временных законов», устраняя, таким образом, последнее выражение общей воли; при этом, однако, общая воля может попрежнему оставаться неизменной. Это состояние описывается в главе «О диктатуре». «В подобном случае действие общей воли не подлежит сомнению, так как очевидно, что главной целью *la première intention* народа является не дать государству погибнуть».

На государство общей воли, конечно, возможны посягательства, раз сохранен принцип частной собственности. «В самом деле, каждый индивид может иметь, как человек, частную волю, противную или несходную с общей волей, которую он имеет как гражданин».

Речь идет не только об индивидуальных возможных посягательствах, но и о социально-опасных классовых возмущениях и о реакции на них. Так, в Риме только «изгнание Тарквиниев явилось истинной эпохой рождения республики. Но она не получила сначала устойчивой формы, ибо, пока не уничтожили патрициат, была сделана лишь половина дела». Итак, «народное» принуждение по отношению к социальным группам, противящимся данному классовому порядку («общей воле»), не заключается общественным договором. Характер же этого принуждения определяется рамками целесообразности: «право, которое дает общественный договор суверену над подданным, не переходит границ общественной пользы». Так как «свобода идентична «общей воле», то принуждение гражданина государством «означает как раз только что его принудят быть свободным». Юридические гарантии допустимы при реакции на нарушения «частных интересов». Но если какой-нибудь «злодей нападает на «общий интерес» (*le droit social*), «он становится бунтовщиком и предателем отечества, он перестает быть его членом и даже объявляет ему войну, нарушая законы. Тогда.. умерщвляют виновного не столько как гражданина, сколько как врага».

«Враг народа—это не личность, но просто человек, и тогда право войны велит убить побежденного»: «в Генуе на тюрьмах и на кандалах каторжников начертано слово «Свобода». Это — прекрасное и справедливое применение девиза. Действительно, мешают гражданину быть свободным только (*il n'y a que*) злодеи всех родов. В стране, где все такие люди были бы на галерах, царствовала бы самая совершенная свобода».

Понятно, почему для буржуазной революции Р. мог оказаться идеологом не только ее формально-демократических принципов но и ее диктаторских методов. Обосновывая необходимость революционного правительства, мелкобуржуазные революционеры часто только повторяли положения «Общественного договора» почти дословно (ср. речи Робеспьера 25/ХП 1793 г. и 5/П 1794 г., Сеп-Жюста—26/П и 14/П 1794 г., Кутона 10/VI 1794 г. и др.).

И все-таки Робеспьер имел достаточные основания говорить, что «теория революционного правительства так же нова, как и сама революция» и что такой теорией «не следует искать в книгах политических писателей, которые революции не предвидели»; ибо в учении Р. можно найти только формальное обоснование диктатуры а не историческое объяснение ее.

С—й

РЫБОЛОВСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ.

Рыбная ловля регулируется международными соглашениями в тех случаях, когда территориальные воды доуваривающихся сторон соприкасаются между собой, например, если границей служит река или озеро, или когда через их пределы проходит один и тот же водный путь (река, протекающая через территорию нескольких государств), или же если обе стороны участвуют в Р. в одной и той же части открытого моря, или, наконец, если подданные одной стороны заинтересованы в рыбной ловле в территориальных водах другой. При таких условиях возникает вопрос об охране прав граждан каждой стороны, занимающихся Р., а также о совместной охране рыбных богатств, в сохранении которых одинаково заинтересованы обе стороны. Эти вопросы и разрешаются соответствующими конвенциями между заинтересованными государствами.

Так, имеется несколько договоров, регулирующих Р. между государствами по территории которых протекает одна и та же река. 30 июня 1885 г. заключен договор между Германией, Нидерландами и Швейцарией (к договору, 1892 г. присоединился Люксембург), регулирующий ловлю лососей в бассейне Рейна.

СССР имеет соглашение с Финляндией; одно из них (подписанное 28 сентября 1922 г.) регулирует производство рыбной ловли в пограничных водных системах, а другое (от 28 октября 1922 г.) касается рыбного и тюленьего промысла в Ладожском озере.

Договор 6 мая 1882 г. в Гааге между Бельгией, Великобританией, Германией, Голландией, Данией и Францией устанавливает полицию Р. в Северном море (вне пределов береговых вод прибрежных государств). Договор устанавливает

обязательство регистрации и внешних отличительных знаков для рыбачьих судов. определяет правила для предупреждения конфликтов между рыбачьими судами различных флагов и возлагает обязанности надзора над Р. на военные суда договаривающихся сторон. Необходимость охраны Р. в наших береговых водах северных берегов повела к controверзе СССР с Великобританией по вопросу о законной ширине зоны береговых вод; в конце концов было признано, что ширину этой зоны следует считать в 3 морских мили. Детальное урегулирование условий Р. в этом районе в англо-советском договоре от 8 августа 1924 г. было тщетным, так как договор не вошел в силу. Международная охрана распространяется не только на рыбные богатства, но и на некоторых других

обитателей моря 15 августа 1893 г. был заключен англо-американский договор, регулировавший ловлю морских котиков в Беринговом море; была установлена запретная зона в 60 морских миль вокруг Прибыловых островов; было запрещено употребление огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и сетей; установлено определенное время в году, когда ловля воспрещается. Конвенция 7 июля 1897 г. между Соединенными Штатами, Великобританией, Россией и Японией совершенно воспрещает для граждан этих стран ловлю котиков к северу от 30-й параллели с. ш. в Беринговом, Камчатском, Охотском и Японском морях и устанавливает арест лиц, нарушающих это постановление властями каждой из договаривающихся стран.

Л. И

С

САБОТАЖ (*Sabottage*) — французский термин, обозначающий (в Зап. Европе) особый метод борьбы рабочих с предпринимателями путем умышленно-скверной работы, порчи машин и т. п. действий, которые, причиняя предпринимателям более или менее серьезные убытки, имеют целью либо просто терроризировать их, либо подкрепить те или иные требования рабочих, заставить предпринимателей подчиниться этим требованиям с точки зрения правильной тактики массовой пролетарской борьбы, и индивидуальнее, по природе своей акты обычного С., конечно, являются гораздо менее совершенной формой этой борьбы, чем *с т а ч к а* (см.); склонность переоценивать значение С. наблюдалась главным образом среди тех элементов французского рабочего класса, которые находились под влиянием мелкобуржуазных анархических (или синдикалистских) лозунгов. Ошибочным было бы, впрочем, и совершенное отрицание применимости С. в революционной классовой борьбе пролетариата, в частности отрицание С. как возможного хотя второстепенного по своему значению метода борьбы с подготовкой империалистической войны или борьбы в нейтральных странах ведущейся империалистической войной (С. в военной промышленности, С. военных перевозок на жел. дорогах и т. п.). Следует помнить, что «Ленин критикует тех, кто пытается подменить вопрос о массовой борьбе против войны, индивидуальными актами, как С.» (тезисы ИККИ о войне и военной опасности от 25/V — 1927 г. (Курсив наш) Разновидностью С. является и т.-н. «итальянская забастовка» кроме Франции и Италии, С. применялся иногда и английскими трэд-юнионами: у С. и Б. Вебб приводятся случаи, когда трэд-юнион, в наказание за отклонение предпринимателем требования повышения зарплаты, постановлял понизить на соот-

ветствующих предприятиях производительность труда на 10%, что и исполнялось рабочими

В письме к Бебелю от 24/X—1891 г. Энгельс указывал на возможность того, что, в случае пролетарской революции «техники («спецы» всякого рода, А. Э.) будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и предавать нас, как только смогут» Так и случилось. После Октябрьской революции, говоря о С. приходится уже различать два диаметрально противоположных типа С. 1) С. антикапиталистический, о котором сказано выше, и который, сплошь да рядом, может, в буржуазных государствах квалифицироваться как уголовное преступление и 2) С. антипролетарский, контр-революционный С., которым только и исчерпывается понятие С. по советскому праву (согласно ст. 14 Положения о государственных преступлениях, принятого ЦИК СССР 25 февраля 1927 г. «контр-революционный С., т.-е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже 1 года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры соц. защиты—расстрела»).

Первые месяцы пролетарской революции в России сопровождалась открытым и организованным С. чиновников и старых специалистов. Ни один почти из декретов того периода о конфискации имущества той или иной капиталистической организации, о национализации тех или иных фабрик и заводов не обходился без особого упоминания о том, что «весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности» и

что «за самовольное оставление занимаемой должности или С. виновные будут преданы революционному суду». Для борьбы с контрреволюцией, с одной стороны, и С (также контрреволюционным) — с другой, и возникла сперва ВЧК; лишь через некоторое (правда, очень короткое) время она начала действовать, как «ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности» С в его организованной форме был советской властью довольно быстро сломлен и, например, в первоначальной редакции У К. РСФСР (1922 г.) термин «С.» даже вовсе не употреблялся, хотя ст 63 этой редакции и была рассчитана на применение к участникам контрреволюционных организаций, действующих путем С. Предложения исключить статью о С. как ненужную, за отсутствием в настоящее время дел о С. в нашей судебной практике, раздавались при обсуждении Положения о государственных преступлениях. Это предложение не было принято, ибо возможность использования нашими классовыми врагами С. в качестве средства борьбы с советской властью, вовсе не исключена, тем более при обострении отношений между СССР и капиталистическим миром

1. 2.

САМОСУД. Термин «С.» в древне-русском праве обозначал вовсе не саморасправу (см. Месть), учиняемую толпой над подозреваемым в преступлении, что в нашем современном языке называется «С.» так, в «Двинской Уставной Грамоте» (1397 г.) говорилось: «а С. то, кто изымав татя с поличным да отпустит и себе посул возьмет а наместники доведаются по заповеди, ино то С., а опричь того С—а нет». С., как правильно отметил М. Н. Покровский, значил тогда: «лишение князя или его слуг следующего им дохода» по судебному делу. Саморасправа же, как таковая, в тогдашнюю эпоху оставалась еще в общем и целом, нормальным явлением. Современное уголовное право вовсе не пользуется понятием «С.», и встречающиеся иногда и по настоящее время случаи саморасправы толпы или группы людей над преступными, по моему мнению, элементами подлежат квалификации либо по статьям соотв. угол. законодательства, особо предусматривающим учиняемые толпой преступления (см. Беспорядки массовые),

либо по обычным статьям об убийстве (см.) различного рода насильственных и других личностях действиях об истреблении имущества и т. д. Наиболее «популярны» в литературе С. практикующиеся в САСШ, где сложился даже особый термин «закон Линча», С. учиняемые в послевоенной капиталистической Европе фашистскими бандами различного типа, вполне выдержат, впрочем, сравнение с С. в САСШ и так же, в сущности, поощряются властью, как и последние. «Линчевание» (lynching) бывшее в САСШ (особенно в южных штатах) обычным явлением и в течение XIX в. (особенно по отношению к неграм), в настоящее время является, по преимуществу, делом рук особой тайной организации чисто фашистского типа «Ку-Клукс-Клан» (Ku Klux Klan). Возникнув после «войны за освобождение негров» в южных рабовладельческих штатах, где «белые» рабовладельцы будучи победой северян превращены в бывших рабовладельцев, организовали эту тайную организацию, чтобы при посредстве террора по отношению к неграм заставить их фактически оставаться рабами, Ку-Клукс-Клан через несколько лет считал свою задачу выполненной и с тех пор о нем не было слышно. По словам вождя Ку-Клукс-Клана («имперского чародея») «невидимая империя пробудилась от своего полувекового сна в 1915 г.»: в 1920 г. Ку-Клукс-Клан, выдвигающий теперь, наряду с лозунгом «обеспечения навеки превосходства белых», также лозунг «поддержания навеки священного огня пылкой преданности чистому американизму» во всяком случае стал активной силой в САСШ, распространив свои действия и на северные штаты. Вожди Ку-Клукс-Клана хвастаются, что в нем уже 100 тыс. членов; в числе их имеются и «парламентарии» и представители местной администрации и т. д. В современных САСШ, «где бы ни начало развиваться прогрессивное движение любого рода, тут как тут и Ку-Клукс-Клан для того, чтобы парализовать это движение» (см. книгу Couler: Americanism a world menace» 1922) путем различного рода насилий и С., совершаемых членами («рыцарями») этого «Ордена», выступающими при этом в масках и в особой белой одежде. В 1920 г. число одних лишь убитых, вследствие осуществления «закона Линча», равнялось 65, из коих 50 негров. Вообще же за

40 лет (1885—1924) «линичаво», т.-е. убито таким образом, 4205 человека, из них 2895 негров.

Если в революционные эпохи, на известной стадии развития революционного движения, вооруженный народ, как сказано в Руководящих Началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. «без особых правил, без кодексов, справлялся и справляется со своими угнетателями», то, таким образом, оказываются возможны и С. уже не реакционного, а революционного характера. Такие С. конечно, носят более или менее стихийный характер, выявляют собою, что задача организации массового движения и, тем более, задача построения революционной власти и укрепления нового революционного правопорядка в данной стадии революции еще не нашла надлежащего разрешения со стороны революционного класса; устранение этих С., путем создания формы организованной расправы класса с опасными для него элементами, оказывается политической необходимостью. В нашей Октябрьской революции такие С. (каковым, напр. являлась расправа с Духониним при занятии Ставки) были быстро изжиты; в дальнейшем Советская власть рассматривала уже всякие С. как общественно-опасное действие (преступление). У. К. РСФСР и других союзных республик С. особо не предусматривают. 27/IX 1926 г. Пленум ВС РСФСР нашел что участие в С. со стороны должностных лиц является действием общественно-опасным и подлежит уголовной репрессии в качестве квалифицированного превышения власти (ч. 2, ст. 110, У. К., 1926 г., по которой может быть назначен и расстрел).

А. З.

САМОУБИЙСТВО, на которое церковь смотрела, как на тяжкий грех, признавалось в средние века и уголовным преступлением. Если в древнем мире за покушение на С. преследовались только солдаты, то в средние века стало наказуемым всякое покушение на С. (как пережиток, такая наказуемость сохранилась в наст. время лишь в Англии, где за него полагается тюрьма). Средневековое «правосудие» не удалось достигнуть и недостижимого уже для уголовной репрессии самоубийцу: в виде «наказания» для погребения его тру-

па была установлена особая позорящая процедура, завещание его признавалось не имеющим никакой силы и т. д. Так поступало, вплоть до самой революции, и дореволюционное русское право (ср. ст. 1472 «уложения», «наказаниях»). Буржуазные идеологи XVIII века возражают против такого подхода к С. Так, Беккариа (см.) посвящает С. отдельную, 35-ю главу своего труда, доказывая в ней, что наказание за оконченное С. падает лишь на невинную семью самоубийцы и что оно вообще бесполезно. Современное буржуазное право не знает ни наказуемости оконченного С., ни (кроме Англии) наказуемости покушения на С. Однако отдельные законодательства и в настоящее время карают подстрекательство к С. и содействие С. другого лица. Считая С. общественно-вредным явлением и признавая необходимость ликвидировать наблюдающееся главным образом среди неустойчивых и неуравновешенных элементов молодежи распространение С. советская власть, разумеется, также учитывает полную непригодность мер уголовной репрессии в качестве орудия борьбы с С. У. К. РСФСР, как и У. К. других союзных республик признает подлежащим уголовному преследованию лишь «содействие или подговор к С. несовершеннолетнего или заведомо неспособного почитать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками, если С. или покушение на него последовали» (ст. 141 ч. 2 У. К. ред. 1926 г., устанавливающая за соотв. деяние лишение свободы на срок до 3 лет). Вместе с тем ч. 1 ст. 141 У. К. предусматривает и «доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица жестоким обращением последнего или иным подобным путем до С. или покушения на него», что влечет лишение свободы на срок до 5 лет. Если же на С. толкнуло женщину учиненное над ней изнасилование (см.), то изнасилователь в этом случае подвергается повышенной уголовной репрессии — лишению свободы на срок до 8 лет (ст. 153 ч. 2 У. К. ред. 1926 г.).

Данные статистики С. (которые мы берем из работы Гернета «Моральная статистика» и из статьи Гарновского в вып. I «Проблем преступности») обнаруживают постепенный рост числа С. как в довоенной, так и в послевоенной Европе (с паде-

нием в годы империалистической войны). Так, в Англии число С на 1 миллион жителей с 66 в 1871—75 г.г. дошло до 99 в 1911—12 г.г. и 98 в 1924 г. в Италии — с 35 до 55 (за те же годы) во Франции — 144 (в 1871—75 г.г.) до 241 (в 1891—95 г.г.) после чего несколько понизилось (в 1901—1905 г.г. — 225, в 1922 г. — 219). В Германии число С на 1 миллион жителей оставалось почти стабильным, 211 (в 1881—85 г.), 217 (в 1912 г.) за годы 1913—1921 мы имеем погодно следующие числа: 232, 218, 166, 173, 164, 157, 154, 217, 201 и в 1923 г. — 219; если взять один Берлин и принять в нем число С на 1 миллион жит. в 1912 г. за 100 то в 1915 г. оно выразится в 77, в 1918 — 102, а в каждый из следующих четырех годов — 114, 118, 171, 192. В 1924 г. в Берлине было 454 С на 1 мил. жит. В довоенной России статистика С почти отсутствовала; имеются данные лишь для некоторых крупных городов. В Москве в 1910—13 г.г. С на 1 миллион жителей было 159, в 1915—106 в 1917 — 68, а за 1918 — 1925 г.г. (погодно) — 79, 55, 62, 94, 134, 230, 337, 175; в Ленинграде в 1924 г. было 335 С. (а в 1925 — 316) на 1 мил. жителей. На вопрос о распределении С по социальным группам отвечают следующие данные за 1923 г., касающиеся, впрочем одного лишь городского населения РСФСР (по 67 городам): на 1 миллион лиц свободных профессий С было—461, служащих—379, безработных—342, прислуги—150, хозяев—140 рабочих—109. распределение С (в городах РСФСР) по возрастным группам видно из цифр за 1923 г., изображающих число С на 1 мил. мужчин каждой группы. до 12 л.—145, 14—15 л.—167, 16—17 л.—305, 18—19 л.—555, 20—24 л.—448, 25—29 л.—313, 30—39 л.—237, 40—49 л.—227, на 1 милл. жит. по данным изд. ЦСУ 50—59 л.—257, 60 л. и старше—292.

В общем и целом число С в СССР (56 на 1 мил. жителей по данным изд. ЦСУ «С в СССР в 1922—1925 г.г.») ниже числа С в Зап. Европе.

Вопрос о ближайших причинах С (то обстоятельство, что в конечном счете та или иная динамика С определяется экономическими факторами, для марксиста, само собой, является бесспорным) далеко еще не изучен. Различие в распространенности С в отдельных стра-

нах иногда пытаются объяснять расовыми особенностями. Это мнение было опровергнуто уже Дюркгеймом, который с другой стороны, отвергал и распространенный среди психиатров взгляд на психическую ненормальность самоубийц. Видя в С явление, которое надлежит объяснить социологически. Дюркгейм констатировал, что число С в определенных социальных группах обратно пропорционально степени интеграции (связанности) этих групп. Что касается роста С в СССР, то он, несомненно связан с затруднениями и противоречиями, присущими переходному периоду, и с дальнейшими успехами социалистического строительства в динамике С у нас должен наступить перелом, как явствует уже из резкого сокращения числа С в Москве в 1925 г. по сравн. с 1924 г.

А. Э.

САМОУПРАВЛЕНИЕ как система местного управления, при которой более или менее широкий круг вопросов ведавшихся на местах правительственными типами, передавался в ведение органов избираемых местными жителями, тесно связано с оформлением и развитием буржуазного государства. Крупная роль, какую играло местное С в развитии буржуазной демократии, нашла свое отражение в обширной литературе по местному С. и в целом ряде юридических теорий, посвященных выяснению сущности местного С. Но все эти теории, от самых схоластических до самых позитивных, довольно убедительно проверяют друг друга, и буржуазное государствоведение по самой своей классовой природе не могло дать и не дало приемлемого с марксистской точки зрения определения местного С. Между тем, в ряду марксистского анализа выявление сущности местного С не представляет особой трудности и местное С может быть определено, как местная форма дележа государственной власти между различными классами буржуазного государства. Эта общая формула может соответствовать целому ряду конкретных постановок данного вопроса, поскольку местное С всегда и всюду являлось ареной борьбы за власть и за подступы к завоеванию центральной государственной власти. В зависимости от социально-политической обстановки, через

органы С. дележ государственной власти между различными классами буржуазного (или полубуржуазного, полудеодального) государства происходил в форме скрытой или открытой борьбы, в форме скрытого или открытого сотрудничества классов. Различными классами, участвовавшими в этой борьбе-дележке, в различное время создавались соответственные ученые теории, переходившие зачастую небольшой реставрацией от одного класса к другому. Так, в первую половину XIX в. в полудеодальных, полубуржуазных государствах Европы широко распространилась теория свободной общины, тесно связанная с возникшей в эпоху французской революции 1789—93 г. теорией естественных прав общины (по аналогии с теорией естественных прав человека и гражданина). Теория свободной общины (*freie Gemeinde*) исходила из признания общины естественной сложившейся территориальной корпорацией возникшей раньше государства и тем самым имеющей право самостоятельного распоряжения ее «собственными делами» (*eigene Angelegenheiten*) на ряду с выполнением дел «препорученных» государством. Теория эта стремилась оградить интересы развивающегося капиталистического хозяйства в рамках централизованного полудеодального государства через посредство органов местного С. В дальнейшем, с усилением роли буржуазии в государственном управлении, после вынесенного на плечах пролетариата революционного движения 40-х годов, создается более мягкая общественная или хозяйственная теория С., оставляющая в ведении органов местного С. только местные общественные дела и допускающая передачу государственных дел даже и местного характера государственным органам, в которых усилилась роль буржуазии. Эта эластичная теория получила широкое распространение, так как для обеих сторон в порядке дележа власти, давала большую свободу маневрирования путем признания той или иной категории вопросов то местными, то государственными. Следующая по времени теория местного С. — государственная — сложилась в то время, когда буржуазия полностью или почти полностью овладела государственной властью. Ее краткая, но выразительная формула: *Selbstverwaltung* — *Staatsverwaltung* — С. есть государственное управление — ставит точку над и, и це-

ликом подтверждает нашу формулировку местного С. как местной формы дележа государственной власти, при чем две основных формы дележа обусловили и две основных разновидности этой теории — политическую и юридическую. Политическая теория местного государственного С. отличается откровенной реакционностью, стремясь закрепить за помещичьим дворянством ускользающую от него в центре власть. В связи с этим сущностью местного управления объявляется выполнение в нем всем выборным составом своих функций безвозмездно. Интересно, что во Франции окрепшее помещичье дворянство, в условиях третьей республики, вело на нее атаку на основе реставрированной теории эпохи Великой революции естественных прав общины. Теория созданная Гнейстом, была смягчена О. Майером, доказывавшим, что основным признаком местного С. следует считать выполнение в нем должностных функций не в качестве основного а лишь побочного занятия, на ряду с выполнением функций, дающих главные средства существования, как торговля, землевладение и т. п. занятия имущих классов позволяющие им нести обязанности и по выборным должностям.

Юридическая группа государственных теорий С. (Лабанд, Еллинек, Гатчек) открывает широкий простор для соглашательского классового сотрудничества, давая ряд чисто юридических построений по признакам юридической природы территориальных публично-правовых объединений их состава, компетенции и т. п. Местные С. стали являться базой дележа государственной власти и сотрудничества не только между буржуазией и аристократией, крупной и мелкой буржуазией но даже между буржуазией и довольно широкими политически отсталыми слоями рабочего класса, возглавляемого в этой своей части социал-соглашателями, сторонниками сотрудничества классов. Экономически растущая буржуазия без труда могла кой-чем поступиться на местах, чтобы облегчить удовлетворение через органы местного С. некоторых повседневных пролетарских нужд и потребностей. Эти возможности частичных муниципальных реформ в пользу рабочего класса на основе сотрудничества с буржуазией дали почву для развития целого социал-реформистского течения — муниципального социализма. Соглашательские ме-

годы довольно убогого дележа власти с буржуазией (сначала в местных, потом и в центральных государственных учреждениях стали намечаться в социал-демократических кругах еще в конце прошлого и ярко развернулись в начал. нынешнего столетия.

Но на ряду с соглашательским заметилось и другое революционное течение в рядах рабочего класса в отношении к органам местного С. Революционный марксизм ставил вопрос об использовании местного С. не потому что в нем «понекому выкустся общество будущего», а для того, чтобы иметь в нем одну из опорных баз для организации и укрепления рабочего класса и революционного захвата центральной правительственной власти. Такого рода постановки вопроса об использовании пролетариатом местного С. в духе Парижской Коммуны, наметившиеся одновременно с социал-реформистскими, на протяжении последнего десятилетия в ряде государств стали принимать совершенно реальный характер. И тут еще раз, хотя и негативным путем подтверждается данное в начале определение местного С. как местной формы дележа государственной власти между различными классами внутри буржуазного государства. Там, где рабочий класс отказывается участвовать в дележе государственной власти в качестве пайщика буржуазного государства, а ставит вопрос о захвате всей власти для свержения этого государства, там местное самоуправление или ставится под защиту особых законов, исключających или ограничивающих влияние в нем революционного пролетариата, или даже вовсе ликвидируется. Хотя все растущий революционный патяск рабочего класса на органы местного С. буржуазия стремится представить, как злостные затеи кучек агитаторов, не существу она прекрасно видит грозящую ей опасность от захвата органов С. революционными пролетарскими массами не для сотрудничества и дележа государственной власти, а для организации борьбы за эту власть. В связи с этим буржуазия, опираясь на растущую концентрацию капиталов и хозяйства, стремится концентрировать и централизовать легальное и фактическое руководство местным С. путем экономического влияния и хозяйственно-финансовой зависимости органов С. от банков и бирж и путем законо-

дательных мероприятий, усиливающих право надзора и руководства центра на местах. В отдельных же местах или в периоды обостренной классовой борьбы вокруг органов местного С. буржуазия несколько не стесняется устранять десятками коммунистических мэров и бургомистров, распускает С. аннулировать опасные ей пролетарские списки и кандидатуры, разрабатывать законопроекты о лишении коммунистов пассивного избирательного права, т.е. права быть избранным (в Польше) и, наконец, как в фашистской Италии, городские С. в пролетарских центрах вовсе упраздняются и вместо них ставится правительственный чиновник (подеста) с техническим аппаратом.

В отсталой хозяйственно и политически России с начала 60-х годов вплоть до революции 1917 г. органы местного С. являлись местной формой дележа государственной власти между различными слоями аграриев и буржуазии с полным устранением не только пролетариата, но и значительнейшей части мелкой буржуазии, которая допускала была в земские и городские С. положениями 1864 и 1870 г.г. в почти целиком изгнана оттуда положениями 1890 и 1892 г.г. Первые либеральные, положения создавались под знаком общественно-хозяйственной теории С. обосновывавшейся у нас проф. Лешковским, кн. Васильчиковым и проф. В. Чичериным. Но вскоре она уступила место государственной теории С., с ее уже отмеченными двумя разветвлениями и проводившейся с одной стороны Безобразовым, Витте (Гурляндом) и др., с другой — профессорами Коркуновым, Градовским позже — Пазаревским, Гессеном, Гроцким и др. Ученый цинизм достигал здесь своих пределов, фактически покрывая в после революция 1905 г. абсолютистско-думское сожительство с двенадцать лет реформировавшимся в думских комиссиях вплоть до 1917 г. местным С. В 1917 году буржуазия, став у власти, долго сопротивлялась созданию действительно демократического С. Лишь когда всеюду уже образовались революционные местные С. Временное правительство приступило к разработке положений С. Но она сделала это чотыдно. Как указывают в своих воспоминаниях бывшие земские деятели, организованное уже 25 марта при Временном правительстве. Особое совещание по реформе местного

управления и С. построено было на «деловых началах». В его многочисленный состав не вошел ни один официальный представитель от советов или профсоюзов, хотя были персонально приглашенные деятели и из этой среды. Большевики и эсеры проявляли большой такт и скромность в замалчивании этого особого совещания. Только лидер меньшевиков, Церетели, на Всероссийском съезде советов в июне 1917 г. похвалил министра-председателя кн. Львова, за успешную деятельность по разработке законопроектов по местному С. Подлинно деятельности эта была в известном смысле весьма успешной: из 100, приблизительно, законодательных актов, изданных Временным правительством за 231 день его существования 44 акта относятся на дела местного управления и С. Основными из них являются положения о волостном земстве, о поселковом управлении о городском и земском С., все являющиеся по словам их творцов, демократичнейшими актами по местному С. в современных государствах. Но на деле это была перепечатка старых законов, изменением лишь избирательного закона, который был построен так чтобы по линии личного состава обеспечить перевес «устойчивым элементам» повышая для некоторых выборных должностей возрастной ценз сравнительно с общезбирательным. Осталась таким образом, мелочная регламентация, осталась и прямая финансовая зависимость от центральной правительственной власти. В первом последнем номере органа ЦК РСДРП(б) «Город и Земство», вышедшем в октябре 1917 г. Н. И. Стучка в статье о новом городском положении писал, что слово городское С. появилось на свет в виде заплата на старом городском положении. По и эти положения о С. были изданы с двойной перестраховкой: вместе с положениями об органах С. были изданы положения об их опекунах—губернских и уездных комиссарах, губернских и уездных административных судах (6 губернские по земским и городским делам присутствия) назначаемых центральной правительственной властью. Теоретически вопрос об органах местного С. в советском государстве не был достаточно проработан, но большевистским центром и на местах проводилась твердая линия на единую советскую систему с ликвидацией земско-городских С. В порядке

блока и уступок левым эсерам им даже дано было право организовать и паркомат местного С. Но во-время, за пару месяцев до польского мятежа, эта комбинация была ликвидирована. Тем не менее местные С., в которых имелось большевистское или лояльное большинство, сохранялись до конца 1918 г. В этом отношении играла роль неразработанность вопроса и необходимость готового самоуправленческого аппарата. А если термин «самоуправление» с эпитетом «советское» кое-где сохраняется до настоящего времени, то это только результат невыясненности проблемы.

У нас ныне нет надобности в таких пережитках поскольку сами массы вовлекаются в общее-гос. работу. Основное единство хозяйственной системы, тенденция ее развития создают единство между центральными и местными органами управления на основании технического разделения труда в организации и управлении производительными силами страны с широчайшим привлечением к этому делу всех трудящихся под гегемонией рабочего класса.

Характерно, что в стране старейшего и демократичнейшего С.—в Англии—то, что в России называли С., называется местным управлением local government, а С.—self government — англичане называют всю систему выборных государственных и местных учреждений, завоеванных когда-то в революционной борьбе с монархией. Во Франции нет сходного термина с нашим С. и ему соответствует слово decentralisation, децентрализация. (Занимтовали мы германские немцев, Selbstverwaltung от selbstständige Verwaltung — самостоятельное управление).

Советы представляют собою наиболее рациональную единую систему государственного управления сверху донизу.

Г. Михайлов

САМОУПРАВСТВО определяется в ст. 90 У. К. РСФСР ред. 1926 г., как «самовольное, помимо установленной власти, осуществление кем-либо своего действительного или предполагаемого права, осуществляемого другим лицом»: оно рассматривается как преступление против порядка управления (см.), в то время как дореволюционное русское право видело в С. разновидность наси-

лия, хотя и не физического против личности (предусматривавшая Ст. 142 Устава о наказ. была помещена в разделе «Об угрозах и насилии»: впрочем, царский сенат одно время признавал что С., и противодейственности насилью, возможно не только против лица, но и против вещей) В буржуазных законодательствах С. также обычно растворяется в «насилии над личностью»: в частности, германский У. К. не знает самого понятия С. а знает лишь так наз. «Nötigung», т. е. принуждение, путем насилия (Gewalt) или угрозы преступлением или проступком к учинению какого-либо действия или бездействия (ст. 240 герм. У. К.), впрочем, постановления законодательства отдельных германских государств о преследовании С. (Selbsthilfe) в качестве Polizeiübertretung («полицейского деликта», т. е. нарушения порядка) сохранили силу и после введения в действие общегерманского У. К. 1871 г.

Возможность для буржуазных законодательств обходиться в своих У. К. без особого постановления о С. вытекает, однако, из того обстоятельства, что в буржуазных уголовных кодексах имеются специальные статьи, предусматривающие «вторжение в чужое жилище» (Hausfriedensbruch германского У. К.) и облагающие это деяние довольно серьезным наказанием. В качестве собственника-индивидуалиста хотя и участвующего, как «гражданин», в политическом общегити но как «человек», как «частное лицо» обособляющегося от других «частных лиц» для того, чтобы встречаться с ним только на рынке, буржуа придает особую ценность и особое значение своему «домашнему очагу»—«my home is my castle» (мое жилище—это мой замок, моя неприступная твердыня).—говорит, напр. английский буржуа. Угол. ответственности (тюрьма до 3 мес. или штраф), как за «вторжение в чужое жилище», подлежит например в Германии всякий, «кто оказавшись без управомочия на то, в жилище, в деловом помещении или во владениях другого лица, не удалится оттуда по требованию последнего»

В советской судебной практике постановления У. К. о С. имеют большее значение для борьбы с самовольными вселениями, занятием чужого помещения и т. п. дей-

ствиями, порождаемыми жилищным кризисом. Уже в силу этого соображения советское законодательство не знающее такого деликта как «вторжение в чужое помещение», должно было отказаться от признания насилия необходимым элементом состава преступления при С. и, таким образом, придать статье У. К. С. более широкий охват. Впрочем, нельзя не согласиться и с тем, что ст. 90-я действующего У. К. как и ст. 103 У. К. 1922 г. сформулированы уже слишком широко, на что было обращено внимание и рассматривавшей новый У. К. комиссией ВЦИК 2-й сессии XII созыва; эта комиссия пришла к выводу о необходимости «уточнить» соответствующую формулировку, что, однако,

стало не осуществленным, вероятно, вследствие затруднительности найти более узкую и все же достаточно широкую формулировку ст. 90-й «Уточнение» необходимо здесь уже потому, что далеко не всякое «самовольное, помимо установленной власти, осуществление своего права, оспариваемое другим лицом», может быть признано С. Так, например, если А. оспаривает право собственности Б. на какую-либо находящуюся у последнего вещь, утверждая, что вещь принадлежит ему, А. то факт такого оспаривания поскольку судом, по ходатайству А. на вещь не наложено запрещения не устранивает права Б. продать эту вещь, которую он считает своей, какому-либо иному лицу и это «самовольное осуществление Б. своего права», конечно, не будет С.

А. Э.

САНКЦИЯ. В каждой статье Особенной части У. К., т. е. в каждой статье устанавливающей определенную уголовную репрессию за определенное преступление можно различать две части: 1) диспозицию и 2) С. В то время, как «диспозиция» фиксирует признаки («состав») того преступного деяния, которое данная статья У. К. имеет в виду охватить С. фиксирует уголовную репрессию за это именно деяние. Типы С.: 1) абсолютно-определенная, 2) абсолютно-неопределенная, 3) относительно-определенная. С. 1-го типа характерна для уголовного права древнейшей эпохи; именно такого рода С. вполне адекватны угол. праву, базирующемуся на идее эквивалентного возмездия и в то же

время еще не учитывающему момент субъективной виновности (см. Вменение). С. 2-го типа появляются уже в Риме императорской эпохи, поскольку за т.-п. *crimini* *pa extraordinaria* определение характера и размера наказания было тогда предоставлено свободному усмотрению судьи; средневековая юстиция еще в большей мере характеризуется судебным произволом, хотя в то же время уголовные законы довольно часто пользуются санкциями 1-го типа. В виде гарантии против судебного произвола буржуазия в XVIII в. начинает требовать, чтобы судья был лишь механическим исполнителем закона: так, Беккариа (см.) предлагает лишить судью права толковать законы. Эта тенденция (ей соответствовали бы лишь С. 1-го типа, которые мы и встречаем во французском У. К. 1791 г.) столкнулась, однако, с другой тенденцией буржуазного угол. права, — с тенденцией строго соразмерять наказание с виной каждого отдельного преступника. В результате характерными для буржуазного уголовного права оказываются именно С. 3-го типа, которых добуржуазное право не знало вообще. Пример С. 3-го типа — лишение свободы от 1 года до 5 лет, полагающееся по франц. Code Pénal. за простую кражу. Относительно определенная С. буржуазных У. К. предоставляя суду возможность известной индивидуализации наказания, все же сильно связывает суд в деле вынесения приговора; новейшее буржуазное уголовное право проявляет уже тенденцию к передаче дела индивидуализации наказания из рук судьи в руки тюремной администрации — т.-п. «неопределенные приговоры» (см. Меры соц. защиты). Советские У. К. также пользуются лишь С. 3-го типа, предоставляя, однако, пролетарскому суду гораздо большую свободу в деле индивидуализации, применяемой к осужденному, меры соц. защиты (ст. ст. 46 и 51 У. К. РСФСР ред. 1926 г.; ст. ст. 2 и 34 Осн. Начал).

4 Э

СБОРЫ И ПОЖЕРТВОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫЕ. Необходимость урегулирования законодательным путем порядка производства С и П. д. вызывается троякого рода причинами; в соответствии с этим действующее советское законодательство ре-

гулируя этот порядок, имеет в виду троякого рода цели, а именно устранить возможность: 1) производства С и П. для контрреволюционных целей; 2) недобросовестного использования общественно-филантропических чувств и настроений граждан для паразитических элементов в целях личной наживы и 3) С. незаконных палатов и принудительных С под видом производства добровольных С. В виду важности тех целей, которые имеются в виду при регламентации порядка производства С и П. д. действующее законодательство, естественно, устанавливает уголовную ответственность. Порядок производства С и П. д. в настоящее время регулируется пост. ЦИК и СНК СССР от 5/IX—24 г. (С. Зак. СССР, 1924 г., № 8, ст. 81) и пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII—25 г. (С. Зак. СССР, 1925 г., № 52, ст. 388). Согласно пост. от 5/IX—24 г. установление всякого рода добровольных С и сборов П. на какие-либо цели допускается только с особого в каждом отдельном случае разрешения СНК СССР или подлежащей союзной или автономной республики или местного губисполкома, в зависимости от территории, на которой предполагается производить С и П. Изложенное правило не распространяется: а) на сборы, производимые организациями на основании утвержденных в установленном порядке положений о них или уставов исключительно среди своих членов на дозволенные законом цели и б) на сборы в порядке самообложения. Всякого рода учреждения, общества и лица, желающие организовать производство добровольных С, возбуждают мотивированное ходатайство с указанием цели предполагаемых сборов, срока, размера и формы их через соответствующий НКФ или губ. ФО, по принадлежности. Самое производство разрешенных С и П. д. допускается исключительно на началах добровольного соглашения отдельных граждан, желающих принять участие в означенных сборах или произвести те или иные пожертвования, при чем никто из граждан не может быть принуждаем к уплате этих С и П. и за отказ от уплаты их не подлежит никаким преследованиям или взысканиям. Участие органов управления (адм. отделов, милиции и т. д.) в организации и взимании С и П. д., а равно издание ими каких-либо распоряжений или воззваний о проведении сзна-

чепных С и П. запрещается. Домоуправлениям воспрещается производство среди населения дома каких-либо сборов или собиранье пожертвований, за исключением сборов среди членов жилищоваришества, предусмотренных уставом. Пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII—25 регулирует порядок производства С и П д. Союзом обществ друзей авиационной и химической промышленности и обороны Союза ССР и Международной организацией помощи борцам революции. Кроме общего закона в виде пост. ЦИК и СНК СССР от 5/IX—24 г., определяющего порядок производства всех вообще С и П д., в РСФСР действует еще особый закон—«о порядке распространения изготавливаемых жетонов, флажков, портретов вождей и благотворительных марок» (декрет СНК РСФСР от 15/III—25 г.—С. У. 1925 г., № 19, ст. 127). Согласно этого декрета, распространение перечисленных предметов производится не иначе, как в добровольном порядке и притом: а) государственными учреждениями и общественными организациями — после регистрации и разрешений органов Главлита на издание вышеуказанных предметов в НКВД, губ. (окр.) адм. отделе или в Президиуме ЦИК по принадлежности, и б) частным лицам—только по получении в перечисленных органах соответствующего разрешения. Этот же декрет устанавливает в отношении приема подписки и распространения произведений печати обязательную регистрацию в адм. органах удостоверений, выдаваемых издательствами своим уполномоченным

А. Колесников

СВАРАДЖ. Swarajya — индийское слово собственно свараджна Swaraj, а также швейраа — Shvarajya; означает буквально Shwa или Swa — само, а Rajya — королевство, доминион, правительство или управление. Это слово является наиболее распространенным политическим паролем индийского национального движения и обычно означает «самоуправление для Индии по типу доминионов». Однако, правые индийские националисты пытаются придать этому термину духовный смысл нравственного очищения; последнее, по их утверждению имеет большее жизненное значение чем политическое освобождение, которого индийские крупные земле-

владельцы смертельно боятся. Дижendra Нэт Тагор, лидер крайнего правого крыла индийских националистов, богатый лэнд-лорд, так определял С. «С может быть достигнут только в том случае, если каждый индивид сам себя ограничит в мыслях, словах и делах. Самоограничение тогда автоматически вызовет любовь к ближнему и сварадж фактически осуществится» («Молодая Индия» Нью-Йорк, 1924 г., стр. 251). Это то, что Ганди, апостол индийской промышленной буржуазии, обозначает, как их «Духовную силу» или «Истину».

Соглашаясь с правым крылом в необходимости удержать массы от революционного выступления, Ганди писал: «Я готов пожертвовать даже свободой моей страны для торжества истины» (ibid., стр. 679).

Наоборот, крайняя левая индийского национализма понимает С., как полную независимость и буржуазную республику для Индии. Главный ее представитель — Хэсрет Мохэни (Hasrat Mohani) после того, как он потерпел поражение с своей программой независимости на Индийском национальном конгрессе в 1925 г., вместе с своей группой обратился к пролетариату и организовал «Национальную или легальную коммунистическую партию», представляющую соглашательство наивно оппортунистического типа. Правая и центр националистического движения осуждают, однако, этот левый уклон, как большевизм. «Сварадж», они говорят, «должен идти не этим путем. Индии не нужен большевизм. Народ чересчур миролюбив. Нужно учитывать индийскую психологию» (ibid., стр. 279). Таким образом, несомненно, что в случае революции, в особенности если во главе ее станет пролетариат, националисты станут на сторону империализма.

Правительство Индии развилось из управления торговой компании — the East-India Company — и поэтому оно отличается от всех колониальных правительств, находящихся под британским протекторатом. Первое время, в годы 1765—1784, Индия рассматривалась, как частное владение компании и эксплуатировалась исключительно в ее интересах. В 1784 г. специальным биллем «Pitt's India Bill» компания была объявлена ответственной за администрацию перед британским парламентом, и

это было зафиксировано как в законах, так и в судебной практике. В ноябре 1858 управление Индии компанией было отменено и передано короне в лице секретаря по делам Индии, который входил в британский кабинет. В Индии администрация возглавлялась вице-королем. Это было чисто самодержавное правление. В 1920 г. специальным актом Индии было пре- оставлено так называемое самоуправление (см.). В политическом отношении только $\frac{2}{3}$ Индии входят непосредственно в состав Британской Империи. Одна треть управляется туземными князьями, которые являются вассалами империи. В большинстве этих княжеств сохранились самые отсталые формы азиатского деспотизма.

Стремление установить с. г. е. индийское националистическое движение, началось фактически с 1835 г., когда новые либеральные силы Англии начали строить новое общество в Индии на обломках старой «разложившейся социальной структуры», как сказал Маколей в 1833 г. Деятелями этого восстановления были Маколей и лорд Виллиам Бентинк, ветераны классического либерализма Великой Британии. Цели были сформулированы Маколеем так: «Мы должны в настоящее время приложить все силы к образованию класса, который бы был посредником между нами и миллионами, управляемыми нами, класса индусов по крови и расе, но англичан по вкусам, привычкам и нравам. Этому классу мы должны предоставить постепенно самоуправление» Восстановительная работа началась в экономической сфере, так же как и в области западно-европейской культуры, в социальных реформах, унификации права, мер и весов, в монете, буржуазно-демократическом управлении и т. д. Одним из основных положений этих реформ было распространение судебной юрисдикции индийских областных судов на европейское население.

Против этой меры весьма резко высказывались как европейцы в Индии, так и империалисты в Англии. Это возбудило расовую ненависть между передовыми индусами и европейским населением в Индии, последние откладывали проведение реформ, в то время как индусы требовали расширения прав в административной, судебной, фискальной области и в сфере просвещения. Развившееся на этой почве

националистическое движение поддерживалось общим буржуазным развитием страны.

Однако, движение до 1875 г. только накапливало силы, оставалось в потенциальном состоянии. В этом году консерваторы при ланкширских выборах нанесли поражение либералам и образовали правительство. Победа была обязана взятке, предложенной манчестерским промышленником в форме защиты против растущей индийской текстильной промышленности. Верное своему обещанию, консервативное правительство Дизраэли-Солсбери подвергнуло индийскую буржуазию на 6 лет весьма стеснительным законам и высоким тарифным пошлинам. Благодаря этому давлению и возродилось к жизни бывшее в Индии в потенции националистическое движение. Между 1875 и 1885 г. в Индии развились многие буржуазные организации; самыми крупными из них были Бомбейская ассоциация собственников фабрик, Бомбейская ассоциация коммерсантов текстиля и Калькутско-Индийская ассоциация. Когда в 1885 г. консерваторы опять пришли к власти, на этот раз во главе растущего финансового капитала, и на индийскую фабричную промышленность был наложен весьма тяжелый налог в $3\frac{1}{2}\%$ с целью задушить ее. Все местные индийские организации объединились и образовали индийский национальный конгресс. Прямым политическим фактором, послужившим к объединению индийской буржуазии, был Илберт-билль. В 1880 г., когда Гладстон во главе либералов пришел к власти, он увидел растущее националистическое движение в Индии, и для того, чтобы ослабить его, даровал Индии «местное самоуправление» или муниципальное и областное департаментское самоуправление. Кроме того, Илберт-билль отменял всякую неравноправность индийских судей основанную на расовых предрассудках. Соединенными усилиями европейцев в Индии и империалистов билль был отменен, но тем не менее он значительно усилил националистическое движение.

Индийский национальный конгресс стремился завоевать для индийских образованных кругов правительственные посты и обеспечить большинство индусов в судах. Способами действия были — петиции и тропения к либералам и при их посред-

стве. В 1892 г., когда Гладстон стал премьер-министром в последний раз, в ответ на ходатайство конгресса Имперский законодательный индийский совет был увеличен до 16 членов — назначаемым большинством; только четыре индуса назначались вице-королем, чтобы представлять индийских лэндлордов, промышленников, коммерсантов и университеты. Местное самоуправление было расширено на началах избираемого большинства. Это также открыло двери образованным индусам к ответственным правительственным постам.

Эти реформы хотя и не радикальные, все-таки усмирили в известной степени националистическое движение. Оно пробудилось в послыхашной силе в 1905 г., когда лорд Керзон занимал пост вице-короля; оно известно под именем „swadeshi“, движения, выражавшегося в бойкоте британских и иностранных товаров с целью поощрения национальной промышленности. Главной причиной его было значительное накопление капитала в руках индусов, понижение курса в Индии по сравнению с Лондоном (правительственный 3½% заем был вынужден по паритету 94 в Индии, в то время как паритет в Лондоне был 98), а также намерение правительства лишить некоторые слои лэндлордов их традиционных привилегий. Все это побудило промышленников и коммерсантов, а также местное дворянство объединиться в Национальном конгрессе образовавшем крепкий анти-британский блок. В декабре 1906 г. ставши во главе этого движения, конгресс объявил своим лозунгом «сварадж» по призыву Дадабахай Наорджи (Dadabhai Naorji). С. получил определение «избранного большинства в законодательных органах, отмены анти-лэндлордовских актов (разделение Бенгалии) и фискальной свободы».

В 1909 г. либеральное правительство Асквита провело так наз. «Минто Морлей» реформу, расширившую участие индусов в органах самоуправления. Избирательное право было предоставлено только 200.000 человекам из высшего класса при населении в 300.000.000. Избираемые члены получили право ставить вопросы правительственным членам и участвовать в дебатах по бюджету. Кроме того, был организован новый департамент промышленности для развития индийской промышленности и рудного дела.

Мировая война 1914—18 г.г. совершенно изменила положение. Буржуазное развитие Индии пошло гораздо более быстрым темпом, чем правительство могло ожидать. И в 1916 г. лозунгом конгресса был сварадж, как самоуправляющийся доминион по типу Канадского. Никогда индийская буржуазия не проявляла такого единства и энергии, как после 1916 г. Откликом на это новое положение в 1919 г. была дальнейшая реформа, известная под названием «Монфорд» реформа. Она состояла в том, что провинции получили значительную автономию с законодательным и исполнительным советами из индусов. Законодательная палата состояла из избираемого большинства, представлявшего избираемых членов: губернатор назначал двух или более министров для управления т.н. «выделенными» отраслями, как просвещение, земледелие, промышленность, местное самоуправление, народное здравие и т. д. Более важные отрасли, как финансы, полиция и т. д. управляются членами исполнительного совета, назначаемыми короной. В виду того, что жалование министрам вотирует законодательная палата, они, естественно, должны были заручиться доверием избираемых членов.

Центральное правительство состоит из двух палат — Законодательного собрания или нижней палаты и Государственного Совета или верхней палаты. Первое состоит из 144 членов, из которых 102 избираются, а второй — из 60 членов, также с избираемым большинством. Бюджет и все фискальные вопросы вотируются в Собрании. Но члены его не имеют даже права ставить вопросы по военным делам и иностранной политике, эти области целиком предоставлены вице-королю. Решения Собрания не являются обязательными для правительства. вице-король имеет право вето и часто его применяет. Правительство также ни в какой степени не является ответственным перед Законодательным Собранием за свои действия. Оно несет ответственность только перед короной. Британским кабинетом министров и британским парламентом. Избирательное право предоставлено только 2 млн. для выборов в высшую палату и 5 млн. — в низшую палату и, приблизительно, 10 млн. — в провинциальные законодательные советы.

Реформа не удовлетворила ни один класс в Индии, но она расколола национальное

единство. Часть, национальные либералы Индии пошла за правительством, чтобы достигнуть своих целей, но была не удовлетворена. Другая часть, под руководством Ганди соединившись с мелкой буржуазией, создала движение с программой полного бойкота законодательства и правительства впредь до осуществления С. В 1922 г. движение Ганди окончательно распалось, и в декабре этого года его буржуазные элементы организовали индийскую конституционно-демократическую свараджистскую партию. Они отказываются бойкотировать палаты, наоборот, — они организуют оппозицию и завоевывают большинство. При общих индийских выборах 1926 г. свараджисты достигли больших результатов, чем во время выборов 1923 г. Однако, их влияние пошатнулось потому, что они не указывали стране никакого определенного направления. С оживлением движения свараджисты постепенно приходят к правительству. В 1926 г. перед выборами лагерь свараджистов раскололся, и их правое крыло организовалось в «ответственных националистов», что означает отказ от свараджистской оппозиции. Во многих пунктах, но незначительно, они отличаются от индийских национальных либералов.

Когда свараджисты откололись в декабре 1922 г. от движения, возглавляемого Ганди, часть их, состоящая из крупных землевладельцев, организовала правое крыло индийского национализма или „Do-changers“ (неизменные), как они называются; эта группа вкладывает в понятие свараджа больше духовного, нравственного значения, чем политического или материального.

Левое крыло, Хэсрат Мохени и компания наивные оппортунисты, составляют утопические проекты разного рода. Начиная с 1925 г. на эту группу оказывает значительное влияние индийский пролетариат. В настоящее время часть этой группы отказывается от свараджа, т. к. он приобрел оппортунистическое значение, и заменяет его «независимостью», понимая под этим полное отделение от Британии и республиканское правление. Позунгом пролетариата и трудящихся масс Индии является, разумеется, полная независимость

Мукерджи

СВИДЕТЕЛИ В древнейшем русском праве (эпохи Русской Правды) стороны ссылались на т.-наз. послухов и видоков. Первоначально под послухами понимали лиц, свидетельствовавших по слуху, а под видоками — очевидцев того или иного факта, который надлежало установить в суде. В настоящее время эта точка зрения оставлена: полагают, что не эти моменты определяют различие между послухами и видоками а их особая роль в процессе. Если видока можно отождествить со свидетелем современного права, то послух — не столько свидетель, сколько пособник той или другой стороны.

Последние до нас памятники, и в том числе Русская Правда, недостаточно, впрочем, выясняют институт послушества; многое остается неясным. Русская Правда более подробно говорит о количестве послухов, необходимом для достижения процессуального эффекта в различного рода делах (от 2 до 12 послухов).

Из Русской Правды же можно установить, что послухов могла выставлять та и другая сторона, при чем не всякое лицо могло быть привлечено к послушеству: требуется, чтобы послух был прежде всего свободный человек. Только в исключительных случаях, когда нет послухов из свободных мужей, могут привлекаться к послушеству холопы высших разрядов и закупы — полусвободные зависимые люди. Указание памятников о том, что послухи должны быть мужчинами, побуждает сделать вывод, что женщина не допускалась к послушеству.

Несмотря на то что Русская Правда не дает исчерпывающих данных об институте послушества, все-таки можно предполагать, что показания послухов — и вообще их деятельность — играли решающую роль в процессе. Что же касается свидетелей, то в древнейшем русском праве не сохранилось каких-либо определений о них.

Институт послушества, в том его виде, как он определяется в Русской Правде и современных ей памятниках, с течением времени стал подвергаться изменениям. В конце концов возникли два типа послушества — Псковско-Новгородский и Московский.

По Псковско-Новгородским памятникам требуется, в отличие от Русской Правды,

чтобы послух был один и чтобы он выставился непременно истцом («послуху на послуха не быть»). Но если ответчик на суде укажет, что послух, выставленный истцом, является соучастником преступления, то ему предоставлялось тогда выставить своего послуха, при чем уже от суда зависело, какого из этих двух выставленных в качестве послухов лиц признать действительным послухом.

Что же касается обыкновенных С., то по Псковско-Новгородскому праву они могли выставляться обеими сторонами и в любом количестве.

Таким образом, в Псковско-Новгородском послушестве получил особое значение и развитие момент пособничества. Иначе эволюционизировал этот институт в Московском праве: здесь послухи мало-помалу стали сближаться обыкновенными свидетелями уже эпохи Судебника 1497 г., хотя и в этом памятнике подчеркивается особое процессуальное значение послухов. В частности указывается, что сторона, выставившая послуха, проигрывает дело в том случае, если послух не говорит «в тыж речи», но зато к послушеству здесь могли привлекаться не только мужи, но даже и «жопка, детина мал или кто стар, или немощен или чем увечен, или поп, или чернец или черница».

В более же поздних, чем Судебник 1497 г., памятниках послухи окончательно выступают в значении свидетелей современного права.

Принципы классовой юстиции, которые уже стали с особенной яркостью проявляться как раз в эту эпоху, получили свое отражение и на институте свидетелей. По словам Герберштейна, «свидетельство одного человека из благородного класса значит более, чем свидетельство многих людей низкого состояния».

Начиная с Петра и до издания Судебных Уставов, как известно, в нашем процессе проводилась система, стремившаяся ограничить произвол судьи в оценке доказательств (система формальных доказательств).

Законодательство начинает с большой подробностью определять, кто мог быть и кто не мог быть С. Так, к свидетельству допускаются лица обоего пола, «добрые», беспорочные и не лишенные чести и до-

стоинства. С. «негодными» признаются клятвопреступники, изгнанные из государства, проклятые церковью, не бывшие у причастия и осужденные за разные преступления; не допускаются в качестве свидетелей и родственники и свойственники дети моложе 15 лет; некоторые иностранцы, не имеющие достаточных сведений, а также лица, находящиеся во враждебных отношениях к какой-либо из сторон.

Показание одного С. считалось половиной полного доказательства. Сторона представившая лучших С. выигрывала дело, а такими лучшими С. считались знатные против незнатных, мужчина против женщины, духовные против светских и проч.

Дореволюционное русское право (Судебные Уставы) отказалось от системы формальных доказательств и перешло на систему свободного убеждения судьи на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их связи и совокупности. Присяга по дореволюционному праву была установлена, как гарантия достоверности свидетельского показания, при чем обязанность принесения присяги устанавливается для всех С.

Только в некоторых исключительных случаях было возможно освобождение от нее. Лжеприсяга считалась уголовно-наказуемым деянием.

(Юшков

Свидетели (в уголовном процессе). С. — лицо, имеющее сведения об обстоятельствах и фактах социально-опасного действия (преступления), исследуемого и рассматриваемого следственными или судебными органами, и вызываемое в установленном порядке для сообщения известных ему фактов и обстоятельств следствию или суду.

Согласно ст. 58 У. П. К., свидетельское показание является одним из видов самостоятельного судебного доказательства (см.).

Свидетельские показания в судебной практике являются самым распространенным видом судебных доказательств. Поскольку С. сообщает следователю или суду лишь те факты или обстоятельства, которые он либо лично видел, либо лично слышал, — постольку свидетельское

показание · показательство не замени-
мо е

Обязанность эксперта может выполнить любое лицо, обладающее необходимыми профессиональными знаниями в той или иной области «науки, искусства или ремесла» обязанность свидетеля может выполнить лишь то лицо которое может сообщить о лично им виденном и слышанном.

С. участвует во всех стадиях процесса: 1) дознания и предварит следствии и 2) в судебном следствии (см.).

У П. К. устанавливает ряд обязанностей необходимых к выполнению С.:

а) «Всякое лицо, вызванное в качестве С. обязано явиться» (ст 60 У. П. К.). При неявке С. без уважительных причин, орган дознания, следователь и суд в праве подвергнуть С. приводу, при чем органы дознания и следствия через нарсуд, а судебные органы непосредственно в самом судебном заседании, могут применить к уклонившемуся от явки С ч. 1 ст. 92 У К

б) С. вызванный для дачи свидетельских показаний, обязан сообщить все известное ему по делу. В случае отказа от дачи показаний, к С применяются меры, предусмотренные ч. 1 ст. 92 У. К.

в) С обязан устанавливать лишь те факты, которые ему доподлинно известны, и те, которые соответствуют истине. За дачу ложных показаний С. привлекается к уголовной ответственности по ст. 95 У К. Органы дознания, следствия и суд обязаны предупреждать С. об ответственности за ложные показания.

Не могут быть С.:

а) «Защитник обвиняемого по делу по которому он выполняет таковые обязанности».

б) «Лица, которые в силу своих физических и психических недостатков неспособны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них показания».

«Для разрешения вопроса о способности лица быть С. могут быть приглашаемы эксперты» (ст. 61 У. П. К.).

Порядок допросов С как в стадии предварительного следствия, так и в суде, определен ст. ст. 162—168 и 284—293 У. П. К.

Расходы, которые С. понес, выполняя свои свидетельские обязанности, а равно и путевые расходы, возмещаются С.

Г. Рогинский

СВЯЗЬ НАРОДНАЯ. Своей организацией С. н. охватывает различные средства и способы, посредством которых осуществляется техника связи во всей пародно-хозяйственной жизни внутри страны и во внешних сношениях. Она же является одним из существенных элементов в администрировании и обороне страны.

Средства связи — почта телеграф, телефон, радио. Термин С. н. вошел в практику после Октябрьской революции, по не закреплен формально. До сих пор орган, ведающий связью, называется «почтово-телеграфным», хотя, кроме почты и телеграфа, в его ведение входят телефон и радио.

С. н. охватывает в СССР почту, телеграф, телефон и радио, применяемые для общего пользования. Связь, имеющая узко специальное назначение (внутри-заводские телефоны и т. п.), не предназначенная для общего пользования, не входит в организацию С. н.

На Западе телефон и радио находятся большей частью в ведении многочисленных частных компаний: в Америке только почта является государственной организацией. СССР—единственная страна, где к нынешнему времени все средства связи объединены в общую народно-хозяйственную организацию. В дореволюционной России не было цельной организации связи; отдельные элементы ее, напр., телефон, находились в ведении концессионеров, земства и частных лиц (53% объема телефонной связи) Декретом 6/V—1919 г проведена национализация телефонных сетей, и с тех пор все средства связи находятся в ведении государства.

По постановлению ВЦИК 7/V 1923 г. городские и уездные телефонные сети должны были перейти в ведение ГИКов. Но нецелесообразность выделения части хозяйства С. н. из общей хозяйственной единицы сказалась в следующие годы; большая часть телефонного хозяйства (69% станций и 77,1% абонентов) оставалась в общей организации связи. Постановлением ПИК 21 мая 1926 г признано необходимым

сосредоточить телефон вместе с другими видами связи в ведении НКП и Т.

До сих пор, однако, нет законодательного акта, которым точно определялось бы, что входит в организацию С. н. представляющей фактически государственную монополию. Находится в процессе просмотра законодательных органов «Устав связи», в котором формулируется право организации связи общего пользования (монополия) за одним государственным органом (НКП и Т). Если западно-европейские государства устанавливали «регалию» на основные виды связи — почту и телеграф (Германия, Австрия и др.) — для уничтожения конкуренции и сохранения за государством средств связи, имеющих стратегическое значение, то необходимость единой государственной сети С. н. и установление ее монополий вытекает из усиливающейся плановости всего государственного хозяйства, нецелесообразности параллельных органов связи общего пользования и требований всего государственного аппарата на наибольший охват средствами связи всех населенных пунктов СССР.

С. н. в административно-хозяйственном аппарате входит в ведение Народного Комиссариата Почт и Телеграфов СССР. До революции средства связи были подчинены в России Министерству Внутренних Дел; такая же система подчинения была в начале столетия почти во всей Западной Европе. Средства связи рассматривались, как орудие в политической борьбе. С усилением обслуживания связью хозяйственной жизни, связь включалась в систему финансовых, торгово-промышленных органов государств за границей. К нынешнему времени в крупных государствах средства связи (почта и телеграф) организованы в самостоятельные министерства и управления. В других случаях они включены в министерства сообщений и общественных работ.

С. н. в хозяйстве страны составляет по отношению к общегосударственному бюджету СССР 3,3% для 1926/27 г. Если взять сравнение с рядом европейских стран, то приходится считать эту долю низкой (в Англии — 6,7%; в других — от 4,5 до 6%).

Темп развития хозяйства связи в последние годы отражает рост основных отраслей хозяйства страны: 1924/25 г. — увеличение

на 57,9% против предыдущего: 1925/26 г. — 11,09%; 1926/27 г. — 19%. Дореволюционный темп развития связи выражался в среднем в 9%. Основной капитал хозяйства связи составлял 236 млн. руб., который по пятилетнему перспективному плану должен быть почти удвоен.

Интересна была постановка вопроса в первый период революции. Постановление СНК от 21 ноября 1918 г. предоставляло право всем гражданам бесплатно пересылки писем, а для некоторых групп трудящихся и телеграмм. Одновременно крайне расширилось использование связи администр. и хозяйств. органами, но объем средств аппарата связи оказался недостаточным. Начало эпохи требовало определенного бюджета связи, ответственности объема ее работы всему хозяйству страны. В 1921 году бесплатность была отменена.

До революции связь давала прибыль за счет крайнего суживания сети, в особенности в деревне, и чрезмерной эксплоатации работников. Бюджет почтово-телеграфного управления в 1913 г. выражался в доходе 121 млн. руб., расходе 80 млн., давая 41 миллион прибыли. Бюджет С. н. за последние три года дает: 1924/25 г. — 95 млн. руб.; 1925/26 г. — 133,8 млн. руб.; 1926/27 г. — намечен в 154 млн. руб.

Чрезвычайно резкие изменения в объеме и характере: эти различных видов связи произошли в последние три года. Эти изменения позволили связи с полным основанием называться народной. Вместе с восстановлением линии и станций, отчасти не закончившимся еще и к данному году, проведена была, начиная с 1921 г., реконструкция сети почтовых пунктов и, затем, телеграфно-телефонных станций и линии. В 1913 году сеть почтовых пунктов вместе с вспомогательными, выражалась в 9.395, а телеграфных 4.064. Если прибавить земскую почту, то населенных пунктов было охвачено сетью связи не более 13.000. Теперь путем передвижных агентов, а затем сельских письмоносов (конных и пеших), представляющих двигающиеся правильные пункты связи, охвачено 230.000 населенных пунктов почтовой связью пропикшей в самые глухие места.

Количество пунктов, имеющих телефонную связь, возросло по сравнению с 1913 г.,

на 35% (5.520 вместо 4.064). Кроме того, пивоваренная телефонная связь дает дополнительно 2.293 пункта.

Протяжение телеграфных линий на той же территории, составлявшее в 1913 г. 124.708 км., увеличилось до 140.139 км., а протяжение проводов с 487.249 до 621.754 км, т. е. не линиям на 12,4% и проводам на 27,6%. Это развитие шло, главным образом, в сторону деревни, а также в республиках, ранее лишенных электрической связи.

Значительное строительство происходит и в области радио-связи, где осуществляется сеть широкоэвентательных мощных станций и начинается строительство в 1926/27 г. Радио-центр с применением последних достижений техники. Приведение С. и в соответствие с ходом всего народного хозяйства, приближение ее средств к массе трудящегося населения, применение новейшей техники и механизация крупных центров связи принципиально отличают всю систему С. н. от дореволюционного периода.

А Любвиц

ДЕЛКА ЮРИДИЧЕСКАЯ (negotium,

Rechtsgeschaeft). С в гражданском праве называют то или иное действие лица или лиц, юридически дееспособных, направленное на установление, изменение или прекращение того или иного конкретного юридического или правового отношения. Все достижение гражданского оборота совершается через бесконечный ряд или цепь юридических С. С. бывают односторонние или, чаще всего, двусторонние, т. е. договоры; они могут быть даже на случай смерти, условные и т. д. Таким образом, С. охватывают почти всю громадную область обязательственного права, за исключением разве лишь обязательств, вытекающих из недозволенных действий, т. е. деликтов, т. п. «гражданских проступков», которые также, хотя и с трудом, могут быть подведены под С.

Однако, само понятие С. является по существу своему понятием чрезвычайно спорным. О нем имеется целая литература, и все-таки поныне мы встречаем правоведа, отрицающих за ним всякую научную цель и относящих его просто к схоластике (Шлосман). Но слово это введено и в наш Г. К., как основной элемент нашего обязательственного права, почему

мы должны на нем остановиться подробнее. Спорным в этом понятии, главным образом, является источник С.—относится ли он к субъективному или объективному праву. Одни говорят: источником С. является (юридически) свободная воля лица, субъекта, значит, С.—это «частное волеизъявление», «изъявление частной воли, или вернее, известное действие лица или лиц, из которого следует заключить о существовании у лица, или лиц, определенной, проявляемой ими во вне, воли». Цель этого волеизъявления—посредством или в пределах данных правовых норм достигнуть известных юридических последствий.

Другие говорят, что источником С. является не субъект, а объективное право (т. е. правовые нормы), которое лишь приводится в движение которому дается известный толчок данным действием, волеизъявлением лица, или лиц, и т. д. Цель—достижение известного экономического или вообще практического результата, удовлетворения известной, соответствующей цели, потребности. Значит, стоит дать толчок, чтобы, по примеру механического автомата, объективное право, известный институт права, пришло в движение и «породило» экономический результат. Обе теории представляют собою в одинаковой степени чисто правовые теории, и сильная сторона каждой из них—критика другой. Наиболее прогрессивные юристы, даже «близкие к социализму», не нашли другого выхода, как только эклектическое смешение обеих теорий или, как они говорят, «синтеза» обеих теорий. Но они забывают, что юридически свободная воля лица при экономической несвободе является объективным противоречием буржуазного общества не разрешимым в плоскости частного гражданского права. Поэтому, напр., германский К. н. не дает никакого определения слова С., а просто «предлагает его известным».

Мы остановимся на этом понятии лишь с чисто практической целью. Поскольку мы хотя и частично вернулись к буржуазному гражданскому праву, постольку и для нас внутренние противоречия этого понятия существуют в полной мере. Лишь подчеркивая в большей степени

экономическую несвободу воли лица, мы субъективируем субъективное право, а т.-н. объективной классовой норме придаем более субъективный характер (см. Право). Для нас, конечно, ясно, что целью субъекта С. является не просто юридическое, а экономическое последствие; сфера абстрактных обязательств у нас весьма узка. Но для личности С. мы все-таки требуем не просто «физического» действия, как простого «толчка» для приведения в движение правовых норм», но под юридическим действием мы понимаем сознательное действие, осуществление волеизъявления воли лица (см. Воля), при чем это действие может быть как положительное (юристы говорят «активное» действие, т.-е. активный акт, что является явной тавтологией), так и отрицательное, т.-е. упущение (юристы говорят логически неправильно—«пассивное» действие)

Что такое воля в юридическом смысле—мы подробнее рассматриваем в другом месте. «Воля, как психический феномен внутренней жизни человека, не имеет для права никакого значения» — таков взгляд цивилистов. Совершилось нечто совсем несуразное. На государство перешли, но разного рода органическим теориям, — правильно или неправильно, для нас здесь безразлично,—понятие воли в лице государственной власти. А теперь юристы конструируют обратно волю человека—по образу воли государства. Дальше путем нормы закона конструируются определенные гражданские права, институты гражданского права, как функции, делегированные, порученные государственной властью и даже произвольно одной этой властью, отдельным индивидам, в виде их условной автономии, а затем уже обратно из этой автономии делают выводы о волеизъявлении отдельных лиц и т. д.

Получается следующая конструкция: «Если С. в сфере юридических норм есть почти то же самое, что закон в сфере юридических норм (лат. название lex означает и закон, и договор), то волеизъявление для С. — то же самое, что публикация для закона». До публикации нет закона, до волеизъявления нет С. Из этого положения вытекает чрезвычайно формальное отношение к «волеизъявлению»:

оно признается равносильным с самой волею и считается уже «ненужным изысканием о соответствии внутреннего момента сделок с внешним». Это и есть т.-н. «теория волеизъявления». Другая теория—«теория воли»—приравнивает волю—духу, волеизъявление—телу, и, по мнению этих теоретиков, волеизъявление без воли имеет так же мало значения, как воля без волеизъявления. Третьи отвергают ту и другую теорию и либо строят нечто среднее либо отказываются от всякого обобщения и возвращаются к чисто практическому подходу позднейшего римского права — при способлению права к жизни. Надо, однако, сказать, что стремление развитого буржуазного права в интересах обеспечения гражданского, особенно торгового оборота, с его абстрактными обязательствами, больше всего соответствует теории волеизъявления. Наш кодекс здесь не вносит ничего оригинального, он представляет смесь всяких теоретических и практических образцов. Поскольку мы в общем ограничиваем круг абстрактных обязательств, мы более приближаемся к теории воли.

Первым практическим вопросом является вопрос о дозволенных и недозволенных С. В развитом капиталистическом обществе в гражданском обороте господствует принцип: все дозволено, что не запрещено, а что запрещено, видно из У. К. Там предметом свободного оборота служит все: и преступлением считается ограниченный круг действий У. К., зато С., перечисленные в Г. К., представляют лишь примерный перечень. Т.-н. «numerus clausus» (исчерпывающий список) в силе только для уголовного права и не имеет значения для гражданского. При нашей монополии государства на землю, крупные средства производства, обмена и транспорта такой неограниченной свободы гражданского оборота быть не может, а преступлением называется всякое социально-опасное действие, независимо от того, попало ли оно в перечень У. К. (ст. 6 и 16 У. К. 1925 г.); зато Г. К. дает лишь ограниченный круг гражданских прав и расширению не подлежит. Так, напр., Верховный Суд РСФСР в свое время разъяснил, что институт запродажи у нас не действует, ибо пока он не числится в

числе институтов Г. К.; он был введен особым законом лишь впоследствии. Ст. же 5 Введ. к Г. К. запрещает распространительное толкование кодекса; значит. в области гражданского оборота дозволены лишь те виды его, которые предусмотрены Г. К. и особым законом.

Форма С может быть или словесная или письменная, и письменные сделки в свою очередь делятся на простые или «домашние», лишь засвидетельствованные или совершенные у нотариуса. Письменная сделка должна быть подписана тицом, от которого она исходит: за неграмотного, по его поручению, подписывается другое лицо, с засвидетельствованием его подписи и указанием причины. У нас для С. свыше 500 руб. (для займа свыше 50 руб.) требуется письменная форма. Несоблюдение требуемой законом формы влечет за собой недействительность лишь в случаях, когда такое последствие прямо указано в законе. Так, напр., С., которые должны быть совершаемы в письменной форме, не могут быть доказаны свидетелями но всякими иными письменными документами или иными доказательствами.

Воля совершившего С. и противоречия ее с волеизъявлением. Лицо, совершающее С., должно быть дееспособно, как вообще, так и в частности в момент совершения С., почему недействительна С. лица, находившегося в таком состоянии, когда оно не могло понимать значения своих действий. С. совершенные под влиянием обмана (в том числе злонамеренного соглашения представителя с противником), угроз, насилия, имеющего существенное значение заблуждения или под влиянием крайней нужды (см. Кабальные С.), могут быть объявлены недействительными полностью или частью, по требованию потерпевшего.

Цель С. С. обсуждается с точки зрения ее цели. Поэтому недействительны С., совершенные лишь для виду и без намерения породить юридические последствия; если же цель заключения притворной С. была лишь прикрыть другую С. то она обсуждается по законам о С. которая имела в виду (ст. 35 Г. К.) Недействительна С., совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно С., направленная

к явному ущербу для государства, т.-е. не просто невыгодная для государства, но заключенная с целью нанесения явного ущерба государству, хотя бы это и обнаружилось лишь впоследствии

Условная С. Слово «условие» в обыкновенной речи приравнивается понятию соглашения вообще или существенной части соглашения. Здесь мы условие (conditio) понимаем в особом смысле, как нечто добавочное, необязательно входящее в состав С. Последствия С. ставятся в зависимость от наступления или ненаступления какого-либо неизвестного и лежащего в будущем события. Обыкновенная форма условия «если... то» Условие может быть либо отлагательное, либо отменительное. С. совершена под отлагательным условием, когда права и обязанности вытекающие из С., должны наступить лишь с наступлением условия. С. признается совершенной под отменительным условием, когда права и обязанности, устанавливаемые С., должны прекратиться со времени наступления условия.

Условная сделка может превратиться в безусловную, если самое условие вообще не является условием в приведенном выше техническом смысле, если, например, его наступление невозможно (римляне приводили пример: «если пальцем воткнешь в небо»); если оно безнравственно и посему недопустимо, если оно содержит внутреннее противоречие или если условленное событие объективно известно и уже (а не лишь в будущем) наступило. то во всех этих случаях условие отпадает, и С. считается безусловной. Однако, если сторона, которой пенасупление условия выгодно, не добросовестно воспрепятствовала его наступлению, то условие может быть признано наступившим.

У нас условие не может играть той уверенной роли, какую оно имело в формальном праве. Если, напр., было условлено, что обязательство наступит, если та-кой-то получит судебным процессом такую-то сумму, а он ее получил добровольно, без суда, то ясно, что условие должно считаться наступившим, за исключением, конечно, случая, когда сама С. идет о ведении этого судебного процесса

Более подробно см. отдельные виды С. как-то: договор вообще и отдельные институты гражданского права.

П. Стучка

СЕВООБОРОТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ. При общинном земледелии и при переходе от родового хозяйства к индивидуальному в земледелии устанавливается известный п. С т-е. обязанность для всех членов данной общины свои наделы, полосы в общем обрабатывать по одинаковому С. и в одинаковое время. Это правовое стеснение, возникшее с исторической необходимостью в переходное время от первобытного коммунизма к индивидуальному хозяйству (например, в интересах использования полей после снятия урожая для общей пастбы скота), становится необходимым и при добровольном установлении общинного пользования частью земли или угодий. В первом случае этот вид С., «права участия частного» — пережиток первобытного коммунизма; во втором — шаг к социализации.

Поэтому для русского советского земельного права этот институт права чрезвычайно интересен. До сих пор он у нас основывается исключительно на обычном праве крестьян.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ включает в себя те виды К., которые ставят своей задачей кооперирование процессов сельско-хозяйственного производства, сбыта с.-х. продуктов и снабжения сельского хозяйства орудиями и средствами производства. При самом общем подходе, ее можно разделить на два основных русла: К производственную и сбытово-закупочную. Такое разделение имеет все основания как формального порядка так и по существу тех социально-эконо-

мических функций, которые выполняются обеими ветвями с.-х. К.

Путь к социализму в сельском хозяйстве лежит через обобществленное крупное с.-х. производство. Только индустриализированное крупное сельскохозяйственное предприятие способно в полной мере использовать современные достижения техники и агрономии. Это — основное положение марксизма, ленинизма и программы ВКП (б)

Процесс обобществления с.-х. производства в Союзе ССР происходит в двух основных направлениях — по линии организации государственных с.-х. предприятий (совхозы) и по линии организации кооперативных с.-х. предприятий (коммуны, колхозы, артели). нас интересует в данном случае только последняя форма.

Производственная К является основным путем для поднятия хозяйства крестьянской бедноты.

В обстановке происходящей дифференциации деревни производственное кооперирование является основным средством борьбы бедноты против растущей экономической мощи деревенской буржуазии

Только крупное обобществление с.-х. производства создает условия для сохранения земли и средств производства в руках бедноты. Противооставляя товарному частно-владельческому хозяйству товарное коллективное хозяйство, советская власть создает социалистические элементы в сельском хозяйстве. Мы подчеркиваем, что в лице с.-х. коллективов мы имеем лишь элементы социализма в деревне. Судьба этих объединений теснейшим образом связана с судьбой всего социалистического строительства в СССР.

Динамика строительства коллективного земледелия рисуется в следующем виде:

Динамика колхозов в РСФСР по годам, по данным Наркомзема

Виды с.-хоз колхозов	Г о д ы									
	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	
Коммуны	950	1961	1862	3040	1448	1818	1270	1342	1463	
Артели		3606	7722	10491	6639	7511	6321	7740	8437	
Т-ва по совместной обработке земли	—	622	886	2034	3941	3762	2127	3527	4162	
В с е г о	950	6189	10470	15565	12028	13091	9718	12609	14062	

Таблица показывает, что наблюдаемый в первые годы после Октябрьской революции рост высших форм коллективов (коммуны) за последние годы сменяется обратным процессом, происходит рост более простых, первичных форм коллективных хозяйств (товарищества по совместной обработке земли). К 1927 г. удельный вес всего обобществленного с.-х. производства (совхозы и колхозы) пока еще крайне незначителен. В с.-х. производстве оно занимает не полных три процента. Главные причины этого:

а) Недостаточное финансирование коллективного земледелия со стороны государства и слабое снабжение с.-х. коллективов орудиями и средствами производства.

б) Недостаточное кредитование колхозов и несоответствие сроков кредита характеру производства.

в) Неадекватность внутренних отношений между членами колхозов, в первую очередь в области использования и хозяйственной оценки труда. Государственная помощь коллективному сельскому хозяйству до настоящего времени была не достаточной. В общем народно-хозяйственном плане, план поднятия бедняцких хозяйств должен занимать весьма ответственное место. С помощью финансирования и кредитования должна быть произведена прежде всего огромная организационная работа по объединению бедняцких хозяйств.

В декрете ВЦИК о социализации земли от 2 апреля 1918 г. говорится:

«Российская Федеративная Советская Республика, в целях скорейшего достижения социализма, оказывает всяческое содействие (культурная и материальная помощь) общей обработке земли, давая преимущество трудовому коммунистическому артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным».

В «Положении о социалистическом землеустройстве и о мере перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г. говорится гораздо более определенно о том, что все виды единоличного хозяйства надо считать переходными и отживающими.

Наиболее развитой является с.-х. К. по сбыту и снабжению. Поскольку мелкое крестьянское хозяйство будет существовать еще долгое время кооперирование

отдельных процессов сельского хозяйства явится тем путем, по которому пойдет обобществление хозяйства основной массы нашего крестьянства.

Началом с.-х. К. можно считать 1886 год, когда Н. В. Верещагиным были основаны первые сыроваренные артели. Эти артели не получили сколько-нибудь заметного распространения и вскоре распались, не нравившись с организационными вопросами. Ценность этого опыта состояла в том, что впервые практически был сделан опыт образования артелей которые занимали такое видное место в идеологии тогдашней передовой интеллигенции.

В 1896 г. начинается строительство маслодельных артелей в Сибири. Дело пошло вперед быстрыми шагами, так как сибирские маслоделы вскоре проложили себе путь к иностранным рынкам. В экспорте русского масла сибирские маслодельные артели занимали выдающееся место. В 1907 г. образовался Союз сибирских маслодельных артелей.

Впоследствии значительное развитие получила льноводческая К. В смысле финансирования и организации всех видов с.-х. К. выдающуюся роль сыграл Московский народный банк.

Рост с.-х. кооперативов первой степени вместе с кредитной К., составлявшей большинство кооперативов, рисуется в следующем виде:

1 янв. 1902	1 янв. 1912
1025	11.983

В 1920 г. вследствие интегрирования с х. К. перестает существовать, как самостоятельная ветвь. При Центросоюзе образуется с.-х. секция (Декрет 27 января 1926 г.).

После перехода к новой экономической политике декретами от 17 мая и 16 августа 1921 г. с.-х. К. снова превращается в самостоятельный вид К.

В августе же месяце того же года учредительный съезд организует Сельскосоюз и кладет начало первым центрам: Льноцентру и Союзкартофелю.

Сбытово-снабженческая К. имеет своей основой по преимуществу, так называемые, товарные крестьянские хозяйства. Прежде чем сбывать что-нибудь, хозяйство должно иметь что сбывать, т.-е. обладать известной степенью товарности. Мы переходим, таким образом, к товаропроизво-

дителей. Это обстоятельство является решающим для понимания классовой природы с.-х. К. по сбыту и снабжению. Товарность хозяйства растет от низших групп хозяйств к высшим. Этим объясняется то, что социальный состав членов с.-х. К. показывает большой процент кооперированности высших групп хозяйств. По закону в с.-х. К. принимаются все слои деревни. Кулаки только не имеют права избираться в правление с.-х. товариществ. Этим самым К. превращается в арену классовой борьбы, на которой будет решаться вопрос о том, кем пойдет середняк. Задачей советской власти является упрочение союза пролета-

риата и крестьянской бедноты с середняком против кулака. Кулак же в союзе с эпманом стремится подчинить середняка своему влиянию и разрушить его союз с пролетариатом. Вовлекая через с.-х. К. середняцкую массу в русло обобществленного хозяйства, препятствуя развитию частной торговли в деревне, с.-х. К. может сыграть громадную роль в деле социалистического строительства. Но тем более бдительно и внимательно необходимо следить за происходящими внутри с.-х. К. внутренними сдвигами.

Динамика роста с.-х. К. рисуется в следующем виде:

Центры . . .
Местные союзы . . .
Низовые коопер. объединен. союзами
Члены (хозяйства) . . .
Среднее число членов на 1 коопер.

I/1-24 г	I/1-25 г	I/VII-26 г
5	7	10
301	368	341
19.600	29.340	31.287
1.270 тыс.	4.460 тыс.	5.408 тыс.
65 чел.	143 чел.	172 чел.

Общее число кооперативов Союза ССР, входящих в союзы и не состоящих членами союза («дикие»), составляет около 60.000, объединяющих около 7 милл. крестьянских хозяйств. Таким образом, кооперированность крестьянства составит около 29%, в то время как до войны кооперировано было до 50% крестьянских хозяйств.

В связи с разнообразием экономических условий разных районов СССР и в соответствии с многогранностью задач и потребностей крестьянского хозяйства, строительство низовой сети вылилось в многообразие видов кооперативов в общем до сорока на-

званий. главную же массу кооперативов, особенно по числу объединяемых членов, занимают с.-х. кредитные товарищества.

С ростом крестьянских хозяйств особенно росли специальные виды низовых кооперативов и их союзов, при чем основными видами союзов являются районные союзы с экономическими, а не административными границами. Районированные области (Сибирь, Урал, Северный Кавказ) имеют областные союзы, а союзные республики и национальные автономии имеют свои центры с.-х. К.

Состав отдельных систем характеризуется следующей таблицей.

Первичная сеть по отдельным системам (по СССР без Украины)

	Число союзов, связан. с центр.		Число первичных коопер. всех видов, входящих в эти союзы	Число хозяйств об'ед. этими кооп. в тысячах
	Общ.	Спец.		
1. Сельская	217	9	19.860	3.520
2. Маслоцентр	25	35	5.874	997
3. Льноцентр	79	1	9.960	1.572
4. Хлебоцентр	62	1	4.024	787
5. Плодовинсоюз	16	6	2.673	527
6. Союзкартофель	12	4	70	49
7. Птицеводсоюз	24		480	140
8. Центротабаксоюз	8	5	208	63

За последние годы сельскохозяйственная кооперация растет и крепнет, состав-

ляя уже серьезную экономическую силу.

И. Смилга

СЕЛЬСКО-ХОЗ. КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ— см. Сельско-хоз. кредит.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРЕДИТ. Система с.-х. К. в Союзе является государственно-кооперативной системой. Она включает в себя в качестве низового звена с.-х. кредитные товарищества. Эти товарищества являются кооперативными товариществами, возникающими и действующими по почину крестьянского населения. Права и обязанности с.-х. кредитного товарищества изложены в типовом уставе, составленном ЦСХБ. и советом центров с.-х. кооперации 23/II—1927 г. С переходом кредитных товариществ на этот устав ликвидируется разнородная, имевшая место до издания этого типового устава. Таким образом, основной ячейкой системы с.-х. К. является кредитное товарищество

Следующим звеном системы является общество с.-х. кредита. Оно организовано по типу акционерного общества с преобладанием государственного капитала. Большинство акций общества находится в руках местных кооперативных организаций и хозяйственных предприятий. Эти общества являются руководящими финансовыми центрами с.-х. кредитных товариществ. В последнее время, наряду с обществами с.-х. К., к кредитной деятельности привлечен ряд союзов сельскохозяйственной кооперации.

Третье звено системы—республиканские сельскохозяйственные банки—возглавляет систему с.-х. К. в пределах республики.

	I/X-1924 г.	I/X-1925 г.	I/X-1926 г.
Сумма балансов .	210,7	704,3	1200,7
Сумма капиталов	70,6	170,3	282,3
Сумма вкладов и тек. счетов	8,6	44,2	71,9

Из этих данных видно влияние восстановительного периода хозяйства Союза. Темп роста системы весьма значительный

Сельскохозяйственная кредитная кооперация ставит своей задачей обслуживание потребности своих членов в кредите. Этим определяется установка всей деятельности кредитного товарищества. Привлечение вкладов, выдача ссуд и ведение других кредитных операций являются основными в деятельно-

Организованы они по типу государственных акционерных банков.

Вся система в союзном масштабе возглавляется центральным сельскохозяйственным банком, организованным также по типу государственного акционерного банка.

Окончательное законодательное оформление системы с.-х. К. произошло в 1927 году. Закон о системе с.-х. К. от 7 января и закон о кооперативном кредите от 18 января 1927 г. кодифицируют все ранее принятые постановления.

История системы с.-х. К. начинается с 1922 г. После перехода к новой экономической политике, после восстановления в стране товарно-денежных отношений, встал вопрос и о мелком с.-х. К. 14 сентября 1922 г. был Наркомфином утвержден примерный устав кредитной кооперации. В конце 1922 г. было организовано первое общество с.-х. К. (Крымское). В 1923 г. организовался украинский сельскохозяйственный банк. В 1924 г. на II Съезде Советов принимается решение об организации центрального сельскохозяйственного банка. Впоследствии организовываются банки остальных республик. Таким образом система с.-х. К. в Союзе ССР возникла с самого начала как система государственно-кооперативная. Одновременно росли как государственные, так и кооперативные звенья системы

Развитие и состояние системы характеризуется следующими цифровыми данными (в млн. руб.):

сти товарищества. Торговые операции кредитное товарищество имеет право вести по поручению своих членов и за свой счет только при наличии специальных капиталов, образуемых для этой цели. К такой четкости задач кредитного товарищества удалось подойти не сразу. Низовая сеть системы с.-х. К. складывалась путем отбора лучших товариществ сельскохозяйственной кооперации, которые действовали на основании самых различных уста-

вов. Лишь постепенно вовлекаемые в систему с.-х. К. товарищества освобождались от торговых операций за свой счет и не рестраивались по типу действительных кредитных товариществ. В своем теперешнем виде кредитное товарищество в полной мере отражает основные принципы Райффейзена.

Кредитная кооперация всех стран мира отличается той особенностью, что ближе других видов кооперации связана с государственным и крупным капиталом страны. Это вытекает из самой природы кредитной кооперации, которая организует определенную часть денежного рынка страны. С другой стороны в виду исключительной важности экономической функции, выполняемой мелким кредитом, государственная власть, оказывая финансовую помощь кредитной кооперации руководит политикой в определенном направлении. На этих же основаниях создается кредитная кооперация и в Союзе ССР. Рабочее государство строящее социализм в условиях товарного хозяйства, организовало стройную систему с.-х. К. Поимая в полной мере все значение с.-х. К. как в смысле подъема производительных сил сельского хозяйства, так и в смысле их определенного направления Советская власть принимает все меры к тому, чтобы использовать кредитную кооперацию в качестве орудия строительства социализма.

Обслуживание производственным денежным кредитом отдельного крестьянского хозяйства имеет очень большое значение для подъема сельского хозяйства. Освобождая хозяйство от ростовщической кабалы, оказывая ему сезонную и долго срочную кредитную помощь, кредитная кооперация уже оказала заметное влияние на отдельные районы и участки сельского

хозяйства Союза. Однако, действуя в этих пределах, кредитная кооперация не выходит еще из рамок мелкобуржуазного райффейзенизма. Только по мере финансирования, кредитования и организации крупного обобщественного с.-х. производства, что может быть осуществлено лишь с помощью государственных средств, кредитная кооперация перемахнет за пределы мелкобуржуазного характера своей деятельности.

Рост производительных сил в сельском хозяйстве при НЭП'e происходит в обстановке расслоения деревни. В деревне растут классовые противоречия. Процесс дифференциации деревни оказывает свое влияние и на работу кредитной кооперации. В ряде районов кредитные товарищества повернули свою работу в сторону обзуживания экономически мощных хозяйств. С этим уклоном необходимо вести беспощадную войну. Эволюция в сторону зажиточного крестьянства особенно опасна для кредитной кооперации, являющейся до настоящего времени наиболее мелкобуржуазной ветвью в кооперативном движении.

Необходимым условием успешной деятельности любого кооперативного товарищества является самодеятельность его членов. В частности, неудовлетворительное положение с вкладами в значительной степени объясняется недостаточным доверием населения к кредитному товариществу. Вкладные и ссудные операции предполагают в качестве необходимого условия определенную степень доверия. Регулирование деятельности товарищества со стороны вышестоящего звена не должно превращаться в мелочную опеку.

Следующие данные характеризуют динамику роста кредитной кооперации в Союзе ССР:

	I/X-1924 г.	I/X-1925 г.	I/X-1926 г.
Число учреждений	6.774	8.556	9.114
Сумма балансов	75,5 м. р.	216,5 м. р.	300,0 м. р.
Сумма капиталов	20,1	44,9	63,6
Сумма вкладов и тек. счетов	0,9	2,7	7,6

Рост среднего числа членов на одно т.во

Наименование республик	На I-X—1924 г.		На I-X—1925 г.		На I-VII—1926 г.	
	Колич. членов	% роста	Колич. членов	% роста	Колич. членов	% роста
РСФСР	212	100	332	156,6	424	200,0
УССР	275	100	542	197,1	602	218,8
БССР	250	100	802	20,8	1030	412
ЗСФСР	232	100	357	153,9	465	200,0
Узб. ССР	—	—	—	—	514	—
ТССР	—	—	—	—	279	—
По Союзу	213	100	365	171,8	455	213,3

Из этих таблиц виден как рост сети кредитных товариществ, так и всех основных показателей работы с.х. кредитной кооперации. К концу 1926 г. число кооперативных крестьянских хозяйств составляло

около 5 млн. против 12 млн. в довоенное время. Общества с.х. К. составляют второе звено системы. Динамика роста деятельности обществ видна из следующей таблицы:

	I-X-1924 г.	I-X-1925 г.	I-X-1926 г.
1. Число учреждений	46	59	64
2. Сумма балансов	77,2 м. р.	231,4 м. р.	363,3 м. р.
3. „ капиталов	26,6 „	49,3 „	64,5 „
4. „ вкл. и тек. сч.	5,4 „	19,1 „	34,0 „

В последнее время на ряду с обществами с.х. К. начинают создаваться кредитные союзы. В этом смысле уже два звена являются чисто кооперативными. Задача создания кредитных союзов решается правильно при соблюдении следующих основных условий. Кредитный союз создается снизу, товариществами, а не сверху, кооперативным центром. Только при этом условии можно избежать бюрократического подхода к делу. Во-вторых, кредитному союзу должна быть оказана финансовая помощь со стороны государства при условии, если он развивает энергичную дея-

тельность на привлечение средств в общедоступные им товарищества. И, наконец, поддерживая кредитные союзы средствами, государство должно устанавливать основные направления деятельности Союза.

Республиканские с.х. банки возглавляют в пределах республики деятельность обществ и возникающих кредитных союзов.

Свою деятельность эти банки согласовывают народными комиссариатами земледелия и кооперативными центрами. Показатели их деятельности дают следующую картину:

	I-X-1924 г.	I-X-1925 г.	I-X-1926 г.
Число учреждений	4	5	6
Сумма балансов	21,2 м. р.	82,4 м. р.	202,5 м. р.
„ капиталов	5,9 „	22,7 „	65,4 „
„ вкл. и тек. сч.	2,3 „	2,5 „	14,6 „

Центральный сельскохозяйственный ипотечный банк возглавляет всю систему сельскохозяйственной К. в Союзе. Он организован по постановлению II Съезда

Советов в феврале 1924 г. открыл свою деятельность в июне того же года. Основным показателем его деятельности (на 1 июля 1926 г. в 2 млн. руб.):

	I-X-1924 г.	I-X-1925 г.	I-X-1926 г.
Баланс	34,8	14,0	244,5
Капиталы . .	15,0	53,4	88,8
Вклады и тек. сч.	—	20,0	15,7

Помимо этого, всей системой привлечено и распределено около 140 млн. р. со специальными назначениями на нужды сельского хозяйства.

Основной задачей ЦСХбанка является задача организационная. Несмотря на то, что к 1927 г. система с.-х. К. в основном сложилась, организующая роль ЦСХбанка по уменьшается. Еще предстоит громадная работа как по расширению системы, так и по улучшению работы всех звеньев. Следующая по важности задача состоит в правильном руководстве системой. При отсутствии союзного Наркомзема на ЦСХбанк ложится задача проведения единообразной политики в основных вопросах сельскохозяйственной политики Союза. Таким образом, ЦСХбанк является организационным, руководящим и финансовым центром всей системы. При наличии республиканских банков собственная оперативная деятельность ЦСХбанка ограничивается операциями с центральными союзами с.-х. кооперации с промышленностью, работающей на сельское хозяйство (с.-х. машины и т. д.) и операциями по проведению в области сельского хозяйства мероприятий общесоюзного значения (иригация, мелиорация и др.).

Основные задачи с.-х. К. сводятся к следующему: К. является одним из самых мощных рычагов экономической политики советской власти в деревне. Он должен в первую очередь содействовать росту производительных сил сельского хозяйства. Особое внимание должно быть обращено на форсирование технических культур, на участке которых произошло в 1926 г. ухудшение. Индустриализация страны невозможна без широкого развития производства промышленного сырья.

Советская власть стремится к развитию производительных сил в направлении к социализму. Рост производительных сил в условиях товарно-капиталистической дифференциации деревни в перспективе означал бы разрыв между аграрной и социалистической революцией. Такой характер развития сельского хозяйства означал бы быстрый рост фермерских и кулацких хозяйств, с одной стороны, вытеснение беднейших слоев крестьянства с земли, с другой стороны. Советская власть должна добиться развития сельского хозяйства в другом направлении. Обобществленное

крупное сельскохозяйственное производство может развиваться успешно только в том случае, если кредитная помощь бедняку будет сопровождаться организационными мероприятиями по созданию обобществленного крупного хозяйства. В кредитной работе должен быть взят курс именно на это.

Вторая задача заключается в развитии долгосрочных кредитных операций. Только долгосрочный производственный кредит способен двинуть процесс образования крупного сельскохозяйственного производства вместо нынешнего мелкого и крайне отсталого бедняцкого хозяйства.

Третья задача состоит в закреплении государственно-кооперативной формы системы с.-х. К. Эта форма лучше всего отражает ленинские принципы взаимоотношений рабочего класса с крестьянством. В пределах этой организационной структуры легче всего осуществить руководство пролетарского государства в этой весьма своеобразной ветви народного хозяйства.

И. Смилга

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ НАЛОГ С.-х.

и введен в СССР 10 мая 1923 года и устанавливается для всего населения, занимающегося сельскохозяйственным трудом, а также для коллективных и советских хозяйств. Свое название «единый С.-х. Н.» получил вследствие того, что заменил все прямые налоги (см.), которые платило сельское население до 1923 г. в различных видах, как-то: единого натурального налога, гражданского, трудгужплатога, подворно-денежного, налога на восстановление сельского хозяйства и налога на местные нужды, собираемого местными исполкомами. С выходом декрета о едином С.-х. н. взимание каких-либо дополнительных налогов и сборов с сельскохозяйственного населения, кроме С.-х. п., законом воспрещается, так как для удовлетворения предусмотренных местным бюджетом расходов устанавливаются определенные процентные отчисления из С.-х. п., передаваемые местным исполкомам.

В своем развитии С.-х. п. претерпевал различные изменения и дополнения в соответствии с требованиями экономической действительности. В первоначальном виде в основу исчисления брались 4 комбинированных критерия, а именно: 1) количество

пашни и лугов в хозяйстве, при чем луга переводились на пашни, 2) количество едоков в хозяйстве, 3) количество взрослых рабочих и взрослого крупного рогатого скота, 4) урожайность хлебов и трав на десятину. При определении размеров налога с каждого отдельного хозяйства все хозяйства делились: 1) на девять групп по количеству пахотной сенокосной земли на одного едока в хозяйстве, 2) на четыре группы в зависимости от количества голов скота в хозяйстве в переводе на крупный рогатый скот, и 3) на 11 разрядов урожайности, начиная с 25 пуд. и менее с десятины, согласно прилагаемой к декрету специальной таблицы, при чем разряды урожайности определяются ЦСУ (см.) при условии согласования с заинтересованными ведомствами—Наркомпродом (см.), Наркомфинансами (см.) и Паркомземом (см.), а окончательно утверждаются СНК. С целью покровительства разведению наиболее выгодных государству сельскохозяйственных культур и рационализации сельского хозяйства вообще, декретом устанавливается ряд льгот для хозяйств, удовлетворяющих этим требованиям.

До 1 января 1924 года налог был полунатуральный, полуденежный, а поэтому налоговая работа велась по линии 2 ведомств, с одной стороны—Наркомпрода, который собирал натуральный налог, а с другой—Наркомфина, взимающего исключительно денежный налог. Для согласования налоговой работы на местах при губисполкомах учреждались налоговые комиссии из представителей губпродкома, губфинотдела губстатбюро и губземуправления. При уездных исполкомах также создаются налоговые комиссии в составе тех же представителей.

Ответственность за своевременное и полное взимание налога, а также за правильность и своевременность составления списков и окладных листов возлагается на вики и сельсоветы. Все лица, не внесшие налога в установленный законом срок, кроме начисления на них пени, несут личную и имущественную ответственность в судебном и административном порядке. Факт подачи жалобы на неправильное взимание налога не приостанавливает внесения налога. Отдельным плательщикам не предоставлено право обжалования о неправильном отнесении к тому или другому

разряду урожайности, так как это является прерогативой только вигов и сельсоветов.

Изложенная организация С.-х. н., помимо частичной натуральности и вытекающих отсюда недостатков, имела еще следующие недостатки. 1) чрезвычайная сложность пересчета, 2) однообразие ставок, не учитывающих экономическую нестрогу отдельных районов, 3) отсутствие гибкости, в результате чего имели место быстрые переходы в высшую группу плательщиков при ничтожном количественном изменении одного из признаков.

Последовавшая 6 мая 1924 года реформа С.-х. п. внесла следующие изменения: 1) налог стал только денежным, а поэтому налоговая работа возложена была всецело на Наркомфин, 2) налог взимается не только с полеводства и луговодства, но и с садоводства и огородничества, 3) специально выделяется ряд районов с целью лучшего учета при обложении всех особенностей данной местности, 4) значительно изменен метод исчисления ставки налога, выражающийся в том, что, вместо прежнего комбинационного исчисления по 3 признакам, обложение делается по пашне, при чем скот переводится в пашню по известному коэффициенту. В районах скотоводческих за единицу обложения принимается голова рогатого скота.

В положении о едином С.-х. н. от 7 мая 1925 г. приняты такие изменения: 1) значительно увеличены всевозможные льготы, 2) уменьшен коэффициент пересчета скота в пашни, 3) предусмотрены твердые сроки уплаты налога с недопущением других частных сроков, 4) для рассмотрения жалоб на неправильность обложения создаются при волисполкомах особые комиссии, 5) значительно уменьшена общая сумма взимаемого налога.

Изменения в положении о С.-х. н. от 25 апреля и от 26 июня 1926 года характеризуются главным образом тем, что С.-х. н. теряя характер поземельного обложения, более приближается к прогрессивно-подходящему налогу, ибо при обложении учитываются не только основные земледельческие доходы, но и специально неземледельческие доходы и неземледельческие заработки в крестьянском хозяйстве. Кроме того, устранены отдельные неравномерности обложения между различными районами.

Реформированная система С.-х. п. политически представляет продолжение и усовершенствование декрета о продналоге — этого первого акта новой экономической политики, сущность которого сводилась к предоставлению крестьянскому хозяйству права свободного распоряжения своей продукцией за вычетом определенной причитающейся доли налогов. Экономическая же новизна в С.-х. п. заключается в том, что он содействует усилению товарности крестьянского хозяйства, устанавливая связь сельского хозяйства с социалистической промышленностью, в условиях нэпа, через процесс товарного обращения.

Путь к социализму (см.) через процессы рыночных отношений в мелко-крестьянской стране будет сопровождаться процессом дифференциации крестьянства. По этому дальнейшая эволюция С.-х. п. должна идти по двум основным направлениям: с одной стороны — по линии ограничения эксплуататорских стремлений деревенской буржуазии путем тщательного учета объектов обложения, а с другой — освобождения все большего количества беднейших крестьянских хозяйств от налога. В этом смысле единый С.-х. п. является могучим рычагом как экономической, так и социальной политики советской власти.

Т. Имярек

СЕЛЬСОВЕТЫ или советы крестьянских и батрацких депутатов, как они вначале назывались, самым возникновением своим в деревнях в 1917 г. выявили руководящую роль города в революции, поскольку создавались они под влиянием возникновения и деятельности советов в городах и обычно при участии пришедшего из города рабочего люда. В деревне имел место непосредственный переход к советам от старого крестьянского сельского управления, которого опасливо не коснулась реформаторская десница временного правительства. С. больше чем какой-либо из органов местного управления были представлены самим себе и они, не касаясь веками сложившегося мирского схода, заменили собой лишь правительственный орган сельского управления в лице главным образом сельского старосты с сельским писарем. Затем комбеды совершенно оттеснили на второй план С. и только после постановления президиума ВЦИК в декабре

1918 г. о переводе комбедов исключительно на содействие продовольственным органам и о пере выборах С. они вновь воскресли.

Развитие С. может быть разделено на два основных периода: первый период — революционного строительства с низов, когда руководящая роль пролетариата в деревне сказывалась не в формах систематического организационного руководства, а путем общего политического влияния пролетарского города на деревню; это период 1917—18 г. г. Вторым периодом — военного коммунизма и начала нэпа — период гражданской войны, хозяйственного кризиса и внутренней борьбы различных группировок в деревне. В этот период пролетарский централизованный госаппарат проникает в деревню, но именно как аппарат без захвата в свою орбиту широкой крестьянской массы, но сильным, организованным на нее влиянием путем довольно жестких бюрократических организационных форм аппарата сельского управления. Изживание экономического кризиса, установление все более здоровых хозяйственных связей между городом и деревней и усиление руководящей роли крепящего города сделали возможным и необходимым переход к новым организационным формам управления деревней, главным образом не через аппарат, а через самую массу крестьянства. Этот третий период в развитии сельского советского управления известен под именем периода оживления советов. Он начался с принятием октябрьской сессией ВЦИК в 1924 г. нового положения о С., дополненного в 1925 г. январскими и апрельскими постановлениями совещания по советскому строительству при ЦИК СССР. Прежде всего изменен теперь самый порядок выборов в С. — восстановлена прежняя конституционная норма 1 депутат на 100 человек населения и, что особенно важно, установлен ряд мер по демократизации выборов, начиная с создания общественной, формируемой в селе, а не уездным исполкомом, избирательной комиссии, при чем для действительности выборов в них должно участвовать не менее 35% избирателей. Предельный состав С. увеличен до 100 человек, и советы, с составом более 20 чел. могут выделять президиум (исполком) совета от 3 до 5 чел. Установлена повышенная норма для образования С. в 300 чел. населения, при чем предельный

радиус от центра С до крайнего селения не должен превышать 3 верст. Обеспечена тесная связь С. с массой населения организацией секций С. по всем отраслям его работы из членов и избирателей С., организацией при С. ревизионной комиссии, избираемой вместе с С. общим собранием избирателей и предоставлением права участвовать в заседаниях совета с совещательным голосом представителям сельских общественных организаций, а также учителям, врачу, агроному и др. работникам-специалистам. Но особенно большое значение в деле установления связи сельского госаппарата с населением, его «обобществления» имеют статьи положения о С. 1924 г., устанавливающие определенные взаимоотношения между С. и сельхозом, игнорировавшимся во всех предыдущих положениях о С., при чем за С. рядом организационных мероприятий сохраняется руководящая роль в работе сельсовета. Положением 1924 г. установлен довольно широкий круг ведения и объем прав С. в областях административной, хозяйственной и культурной деятельности. Положением о местных фипапсах 1926 г. по постановлениям губернских и окружных исполкомов более мощным С. предоставлено право иметь свой сельский бюджет, постановлением Президиума ВЦИК в марте 1927 г. С., имеющим сельбюджет, предоставляются права юридического лица. В начале же 1927 г. Наркоматом РКП СССР, согласно директивам руководящих органов, разработан вопрос о дальнейшем расширении круга ведения и объема прав С.

Г Михайлов

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО охватывает все правовые отношения, связанные с семьей. О форме семьи т.-е. о браке, мы уже говорили; о семье, как о социологическом понятии, о ее происхождении и развитии мы даем особую статью. Но чтобы верно определить роль и значение в правовой системе семьи (см.), этой как бы вечной категории, выявляя диалектический элемент и в развитии этой как бы неподвижной организации, требуется сложный анализ семьи как по ее роли, так и в историческом ходе общественного развития, так и по ее классовым признакам. Ибо нет единой семьи; с тех пор как образовалась современная семья, а это совпадает с

образованием частной собственности, т.-е. и классового общества, есть лишь семья различная смотря по классовому положению и по исторической эпохе, невзирая на то, что в ней сохранилось и нечто общее для всех классов, ибо общечеловеческое, как родственное прочему животному миру, а равно невзирая на то, что традиция в семье нашла наиболее прочное убежище. Недаром перед семьей более или менее почтительно остановилась и Великая французская революция, и даже наш Великий октябрьский переворот оставил ее на некоторое время в известной степени нетронутой.

За этой кажущейся неподвижностью, однако, скрываются величайшие перемены. И кто рассуждает о семье по одному поверхностному взгляду на нее, тот просто непростительный фразер и только. Но даже верные мысли теряются в этом фразерстве, если исследователь не станет на определенно революционную классовую точку зрения, не применит здесь революционно-диалектического метода. Чтобы диалектически изучить правовую организацию семьи, необходимо ее разложить на ее отдельные функции с тем, чтобы проследить в подробности развитие каждой из них. Только таким путем возможно будет решить споры о современности, адекватности той или иной формы брака, того или иного элемента семейного права. Какие функции одновременно или последовательно выполняла семья? Мы можем выделить следующие основные функции:

1. Физиологическую функцию продолжения рода, т.-е. семья, как организация любви.

2. Функции первобытной (по времени) или низшей (по ступени) экономической ячейки (союза) общества:

- а) в области труда, производства;
- б) в области потребления, обмена;

в) в области социального обеспечения неспособных к труду членов семьи

3. Функции владения частною собственностью семьи, как «юридического лица», как единства имущества

4. Функции политические по отношению к государству.

Конечно, все эти функции семьи в данном классе, в данный период тесно между собой связаны и зависят от всей экономической и социальной структуры общества. По многому способу анализа нам наука не дает кроме предложенного расчленения функций. При помощи этого метода мы выясним себе чисто практический вопрос, что в семье данной эпохи, данного общества, данного класса является естественным, жизненным, необходимым и что можно считать простым, начавшим отмирать или уже лишним, пережитком. Для всякого ясно, какое громадное значение все это имеет для разрешения вопросов права и даже морали.

I. Нечего долго останавливаться на семье, как на союзе любви. Будет ли этот союз вообще и в какой мере длительный к тому времени, когда отпадут все остальные функции семьи, сейчас определить трудно с точки зрения права, да и бесцельно. Рассматривая семью, как только союз любви, т. е. вне времени и пространства, вопрос о государственной или общественной ее регистрации, а равно и о свободе любви, без регистрации и даже без союза вообще, может быть разрешен весьма просто и быстро. Но сейчас так абстрактно вопрос ставится чаще всего с мелкобуржуазным, анархистским и т. п. уклоном.

Мы знаем, что весь ход экономического и общественного развития так жестоко искалечил семью и брак что семья на деле являлась порою союзом рабства, а не свободы, союзом не любви, а взаимной ненависти (см. Брак. Развод)

II. «а» Прimitивная или низшая ячейка в организации производства и труда. Тут ее роль двоякая: с одной стороны, это самостоятельная ячейка труда, с другой стороны—это низшая ячейка по отношению к высшим ячейкам (сначала рода, общины; затем вотчины феодала, далее мануфактуры, фабрики и т. д.) Она объединяла и людей и имущество (см. п. IV), как средства производства, так и их продукты и эквиваленты последних. Это первоначальный очаг частной собственности, а вместе с тем и первоначальный источник отношений господства-рабства «Первоначальная форма количественно и качественно неравного распределения труда и его продуктов, т. е. соб-

ственности, имеется уже в семье, где жена и дети являются рабами мужчины. Рабство—разумеется, еще очень грубое и скрытое—в семье представляет собою первую собственность... возможность распоряжаться чужою рабочей силой» (К Маркс и Ф. Энгельс, Нем. идеология)

Следующая ступень развития отношений господства-рабства превращает уже семью в низшую ячейку разных классов: эксплуатирующего и эксплуатируемых, угнетающего и угнетенного. Первая грабительская семья (вернее, ее глава) собирает дань, «прибавочную стоимость» с второй трудовой семьи (первых мало, вторых много), но внутренняя структура той и другой семьи сохраняет прежнюю форму, т. е. несвободное положение женщины и детей. Это наблюдается даже в большей степени в первой, чем в последней. Особо тут выделяются семьи, быстро накапливающие собственность, имущество, это—господствующая группа, а на противоположном полюсе—многочисленные семьи, лишенные всякой собственности, пролетарские. Посреднее крестьянство, как сравнительно устойчивая трудовая ячейка. Эта структура закрепляется в законе и превращается в классовый и сословный строй. Семья богатей, имущих, эксплуататоров освобождается от всякого производительного труда, она постепенно освобождается и от активной роли в производстве превращается в чисто владельческую потребительскую единицу. Нечто сходное происходит и с семьей эксплуатируемого, лишаемого средств производства класса. Тут производство, труд в самой семье исчезает и делается побочным элементом в виде т. н. домашнего труда. Разница тут коренная: в последней потребляется исключительно результат, т. е. эквивалент продукта своего труда (сначала одного главы семьи и взрослых детей, впоследствии и жены и детей), в первой—и исключительно продукт чужого труда. Средний слой, крестьянская семья,—продолжает и труд и производство в семье, славая продукт прибавочного труда, дань, ренту в пользу феодала или выполняя и прибавочный труд у феодала или капиталиста. Но и эта семья, как ячейка труда, разлагается путем выдела, бегства в город детей и отцов семьи, ухода на отхожие промыслы и т. д.

Одновременно намечается новая низшая, основная ячейка производства труда; это — мануфактура, завод, фабрика, капиталистическая латифундия. Тут новая организация ячейки труда и производства намечается в форме совета.

Функция ячейки производительного труда и производства от семьи бесспорно уходит. Временно для среднего злая по пути к совету намечается кооператив, артель, коммуна. Исцель-совет

II. «б» и «в» Семья является ячейкой потребительской и организацией примитивного социального обеспечения (сначала рядом с трудовой функцией). Эти функции ее оказываются более длительными и общими для всех классов. Первоначальная семья производит и потребляет все сама. По мере образования классов, как мы видели, семья класса имущих превращается исключительно в ячейку потребления. Эта функция стоит в ближайшей связи с функцией продолжения рода, почему туда входит и обеспечение неспособных к труду. Первобытная семья из просто умершвляет; однако постепенно создается понятие обязанности содержать неспособного к труду силами семьи.

Отец семьи распоряжается рабочей силой семьи не только в производстве, но и в сфере потребления (па жене лежит домашнее хозяйство даже тогда, когда она сама работает на фабрике). Как раз эту функцию дорожит всякое классовое общество, ибо у него нет другого способа социального обеспечения членов семьи.

Если в рабочем классе старая семья быстро разлагается, то одновременно и впервые здесь намечаются и зачатки новой семьи, как действительно свободно союза на основе равноправия. Маркс это рисует словами («Капитал», I 397 и 491): «Женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин. Таким образом, это мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число паемых рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи, без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но

овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных правами пределах, для нужд самой семьи... Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины между членами его семьи. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и прибавочный труд». «Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя женщинам и детям обоего пола решающую роль в общественном процессе производства за пределами дома создает новый экономический базис для более высокой формы семьи и отношений между полами». Одновременно полная необеспеченность рабочего на время лишения трудоспособности и безработицы остро выдвигает проблему нового способа социального обеспечения, сперва в виде соц. страхования.

И если способы социального обеспечения в буржуазном обществе совершенно недоступны, то недостаточны они и в переходный период к социализму. Тут-то и надо искать тех мотивов, почему у нас люди так непонятно упрямо держатся за регистрацию брака, за алименты и т. д. Это потому, что семья пока — единственная ячейка социального обеспечения. Только с освобождением семьи от функций ячейки потребительской и организации социального обеспечения, тогда когда домашнее хозяйство будет заменено всякими кооперативами, и обеспечив содержание и воспитание детей обобществленным способом, настанет свобода для женщины и членов семьи.

III. Семья, как юридическое лицо, представляющее частную собственность.

Еще Аристотель про семью писал: «Собственности есть часть семейной организации, а часть есть не только часть чего-либо другого, но она и немыслима вообще без этого другого». Другими словами: собственность (частная) и немыслима без семьи. Это низшая организация частной собственности;

по буржуазной правовой терминологии— именно ее «юридическое лицо» Представителем этого юридического лица является отец семьи (*pater familias*). Он первоначально — неограниченный владыка над всем имуществом и над всею семьею женою, дети и рабы—все одинаково рабы. И там, где имущество семьи считается общим, отец является неограниченным его распорядителем.

Эта роль концентрирующей частную собственность силы, главным образом, определяет правовую сторону семьи. Семья, как организация любви, сохранилась лишь на страницах отсталых кодексов, напр., в Прусском земском праве, в старом X томе Свода Законов (с правом на иск об исполнении супружеских обязанностей, с правом насильственного привода обратно в законную семью (ср. Англия) и т. д. Как организация низшей ячейки владельческой, она долго играла первую роль в Г. К. И одновременно семья, как организация владения частной собственностью, играла громадную роль в концентрации и аккумуляции богатств. Мы читаем про Рим: «Аристократия владела почти всею землею и всем капиталом (правильнее, всеми богатствами); так как число ее семейств все уменьшалось и браки заключались лишь между членами той же касты, то эти колоссальные богатства не разделялись, а накапливались все уменьшающимся количеством лиц». На другом полюсе идет противоположный процесс: многочисленность семейств, распыление собственности и при наследовании—науперизация, массовая пролетаризация семейств. Так проявляется классовое расслоение

Из этой функции семьи вытекает и последствие прав как родовых, сословных, так и особенно имущественных. Для семьи бедняка закрепление в рамках сословных законов означает увековечение рабства, для богача— увековечение господства: не порабощение отдельных индивидуумов, а целых семейств и поколений. Феодално-владельческий класс цепляется за сохранение родового наследования, он изобретает институт майората (см.); для немущего это — вопрос безразличный. Феодал стоит за церковную святость брака, только брачные дети законны. Капитализм вносит

элемент «свободы» и в наследование. не по родному, естественному, т. е. кровному, праву, а по свободному распоряжению. Это французская революция ввела в кодекс запрещение отыскания отцовства. Отец вне брака—всегда неизвестен. Отец капиталистической семьи сам себе избирает наследника

Феодалная собственность капитализируется; капиталистическая и феодалная семья сливается. Таково развитие семьи, юридического лица. Поэтому пролетарская революция смелой рукой экспроприрует эту феодалную и капиталистическую собственность и сжигает все относящиеся к ней законы.

Если мы берем семью пролетария, то там функции юридического лица отпали. Пока отец семьи торговал рабочей силой детей, он еще сохранит остатки этой функции, но и это отпадает. Регистрация гасит прежнюю роль во время войны при раздаче пособий, напр., даже царское правительство вынуждено считаться с так называемым гражданским браком, т. е. с браком без венчания, без регистрации.

Семья крестьянина занимает среднюю роль. Французский крестьянин получил полную свободу раздела земли, русский крестьянин был связан почти что нераздельным двором; среднее положение занимает германский—с ограниченным правом раздела земли. Все системы одинаково тяжелы: французская, та и германская либо пролетаризируют наследников либо превращают главного наследника в толжника прочих наследников. Прежде главы семьи эксплуатировали рабочую силу семьи, теперь выделившиеся в известной степени они эксплуатируют главного наследника как своего должника по наследственной доле.

Имущественные отношения внутри семьи зависят от исторического хода развития: общность имущества всей семьи, раздельное имущество супругов по закону или в силу договора (брачный договор), но всегда муж является распорядителем имущества, по крайней мере на правах опекуна над женой; и к отдельному имуществу детей даже после их совершеннолетия он является всегда естественным опекуном.

Первую брешь в эту часть семейного права пробивает пролетарская семья в распоряжении рабочей силой жены и даже

подростков. Тут побеждает трудовой характер собственности.

Если брак (см.) является добровольным договором, то, казалось бы, должна существовать свобода развода (см.). Напротив, история развода показывает всю серьезность борьбы за эту свободу. Но даже если все препятствия к разводу устранены, остается функция социального обеспечения, делящаяся и после развода. Алименты детям и даже жене продолжают и после развода. Даже после распада юридического лица часть его правоотношений продолжается.

IV Семья, как политическая ячейка, по отношению к государству. Ее место и роль в кодексе меняются. Пока держится взгляд на семью, как на основную имущественную ячейку и вследствие этого и основу общества, ее правовое положение не только имущественное (частная собственность), но и личное занимали в кодексе первое место. Из него выводились и основы наследственного права (Прусское земское право) Кодекс Наполеона, враждебный вообще ко всем союзам, хотя и оставляет неприкосновенную священную семью, но изменяет ее место и роль в кодексе Наследственное право в системе французского кодекса превратилось просто в способ приобретения права собственности. Если прежде семья владела частной собственностью, а ты не собственность и формально властвует над семьей.

Мы видели что в буржуазной революции даже во Франции для семьи полного освобождения не было достигнуто. Для этого потребовалась пролетарская революция «Большевистская советская революция,—пишет Ленин,— подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. По закону у нас, в Советской России, от неравенства женщины не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено советской властью полностью. Это первый только шаг к освобождению женщины. Но ни одна из буржуазных, хотя бы ч наиболее демократических респу-

блик не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха перед «священной частной собственностью». «Второй и главный шаг—отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим, и только этим, открывается дорога для полного и действительного освобождения женщин, освобождения ее от «домашнего рабства» путем перехода от мелкого одиночного хозяйства к крупному, обобществленному. Переход этот труден, ибо дело здесь идет о переделке давно более укоренившихся привычек, заскоруженных, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»). Но переход этот пачат, дело двинуто, на новый путь мы вступили» (4 марта 1921, XVIII, I, стр. 99)

Пролетарская революция сейчас же после октября начала свою работу по реорганизации общества. К семье относились декреты: первым по очереди—о разводе (19 дек. 1917 г.), о гражданском браке, о детях и о введении актов состояния (20 дек. 1917 г.), инструкция об организации отделов записей браков и рождений (4 янв. 1918 г.), декрет и инструкция об отмене наследования (1 мая и 11 июня 1918 г.), статья конституции о политическом равноправии женщины и политическом совершеннолетии с 18 лет (10 июня 1918 г.), кодекс законов об актах гражданского отдела с отделом «семейное право» (22 окт. 1918 г.) и положение о социальном обеспечении трудящихся (31 окт. 1918 г.). Эти декреты в связи с отменой частной собственности на средства производства в корпе изменили правовой характер семьи (см. Брак, Развод) Но мы не были достаточно сильны экономически, чтобы все это провести в жизнь. Отступление к новой экономической политике несколько вернуло нас назад и в вопросе реорганизации семьи не правовое раскрепощение жены и детей осталось

Сейчас в РСФСР издан вступивший в силу с 1 января 1927 г. новый кодекс семейного права «Кодекс законов о браке, семье и опеке». Вокруг проекта разыгралась большая политическая кампания. Он был передан ЦИК'ом на всеобщее обсуждение и тысячи собраний по всей республике оживленно обсуждали проблемы семьи и брака. В общем и целом дискуссия внесла мало изменений в первый про-

ект; все революционные завоевания остались в закреплённом виде.

По нашему кодексу, как уже сказано выше, все члены семьи уравнены в правах. Регистрация брака имеет целью обеспечить интересы государственные и общественные и облегчить охрану личных и имущественных прав и интересов супругов и детей. Вводится, однако, в закон правило, что суд может установить существование брака и при отсутствии регистрации, при чем показателями брачного сожительства служат: факт совместного сожительства, наличие общего хозяйства или выявление иным способом супружеских отношений. При отсутствии иной формы социального обеспечения и у нас остается функция семьи, как ячейки социального обеспечения. Наше семейное право вводит алименты детям и даже нуждающемуся супругу не более 1 года после развода, если другой супруг в состоянии оказывать поддержку. О жесткой политике в присуждении алиментов детям свидетельствуют тысячи судебных дел, наводняющие суд. учреждения. Отсутствует в законе правило об указкой или обязательной доле наследства; наш ГК в этом отношении идет дальше любого буржуазного кодекса. Но напрасно тут выставляется мотив, будто бы обязательная доля наследникам не имеет вообще связи с социальным обеспечением. В имущественных взаимоотношениях супругов и детей по нашему праву брак не создает общности всего имущества и вводится равноправие супругов. Имущество, принадлежавшее до брака, остается раздельным имуществом. Но по трудовому и началу имущество (и при зарегистрированном браке), нажитое супругами в течение брака, признается принадлежащим супругам на началах общей собственности. Размер принадлежащей каждому из них доли в случае спора определяет суд. Супруги могут между собою вступать во всякого рода сделки; они свободны в выборе занятий и профессий; соглашения, ограничивающие равноправие супругов, недействительны. Принцип трудового начала для общности имущества, создавшегося общими усилиями семьи, практикой Гражд. Колл. Верх. Суда РСФСР еще до нового кодекса распространялся и на имущественные отношения родителей и детей

в городах; для крестьянского двора он существует уже в силу закона. Новый кодекс сугубо подтверждает крестьянские имущественные отношения по З. К.

Нам период военного коммунизма показал схему будущей свободной семьи, когда отпадут у семьи роль и трудовой и потребительской ячейки, юридического лица и политического представительства, «неполноправных» членов семьи и, наконец, также функции социального обеспечения и питания. Но эта схема при нынешних экономических условиях еще невыполнима. Окончательное уничтожение последнего вида порабощения в лоне семьи зависит целиком от наших производственных успехов. Тогда останется только союз любви, и решить вопрос о необходимости и форме этого союза будет предоставлено свободному усмотрению самого трудового человечества, ибо этот момент, повидимому, совпадает с моментом окончательного уничтожения классов и переходом к коммунизму.

П Стучка

СЕМЬЯ (род). Исторический очерк. Старое религиозное представление о том, что С. была первичной формой человеческого общества, развитое Аристотелем и долго державшееся в буржуазной науке, было разрушено исследованиями крупнейших ученых второй половины прошлого столетия — Спенсера, Бахофена, Льюиса Моргана, а затем и Ф. Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1884 г.). Они доказали, что в древнейшую эпоху не существовало С. и что она является позднейшим установлением. Несмотря на то, что с тех пор изучение первобытного общества подвинулось очень далеко вперед и впело много новых конкретных данных в историю С., нужно признать, что в общем и целом Энгельс шел совершенно правильным путем.

Действительно множество пережитков указывают нам, что в древнейшую эпоху господствовало неограниченное никакими запретами половое общение между всеми членами первобытной общины. К числу таких пережитков относятся следующие: сохранившаяся до настоящего времени система материнского рода (счет родства по матери), более древняя, чем патриархаль-

ная система, и встречающаяся у всех народов в виде тех или иных пережитков; неограниченное половое общение, широчайше распространенное, как религиозный обряд (т.-н. «религиозная проституция» — свободное половое общение во время больших племенных собраний и праздничных торжеств); свобода полового общения, допускаемая для женщин, как и для мужчин, до брака (иногда т.-н. «пробные браки», сопровождавшиеся рождением детей); временная ссуда жен при патриархальных отношениях (напр., гостям); тайные половые отношения между супругами в течение определенного времени после брака при моногамной С.; искупительный обряд в патриархальном обществе, согласно которому перед отдачей женщины в мужья кому-нибудь из членов рода, все мужчины этого рода должны публично совершить с ней половой акт (потом это право было передано племенным вождям в виде «права первой ночи»); чрезвычайная кратковременность брака и легкость разводов (см.) у наиболее отсталых из существующих племен, особая роль матери в отношении охраны ее детей, замещающего в известной степени отца; леви-рат и сорорат (обязательная женитьба мужчины на вдове своего брата и выход замуж женщины за овдовевшего супруга ее сестры); отсутствие слова «брак» у многих народов; отсутствие в языке различных слов для обозначения замужней и незамужней женщины; сохранившийся до сих пор у отсталых племен, как сравнительно широко распространенный факт, групповой брак, несомненно, более древняя форма, чем развитая патриархальная семья, и т. п. Все эти обычаи наблюдались в той или иной степени у всех народов земного шара. В первобытной общине люди, очевидно, сходились между собой только на время удовлетворения полового чувства. Отец ребенка, таким образом, был неизвестен. Мать составляла вместе со своими детьми некоторую более прочно связанную общественную группу во всяком случае дети были связаны с матерью на время кормления их грудью, т.-е. до трехлетнего возраста, поэтому обычно около матери было несколько детей. Существование их, при бродячей и крайне опасной жизни, было весьма не обеспечено. В моменты голодовки, отставания при перехо-

дах с места на место, детей поедали. Периодические голодовки в виду полной нерегулярности добывания пищи и постоянные блуждания племени приводили к тому, что и стариков также поедали, когда они становились в тягость роду. Впоследствии это сохранилось в религиозных обычаях патриархальных племен.

Усложнение хозяйства первобытной общины и разделение труда по возрасту создали первую форму брака, переходную к патриархальному — «групповой брак», открытый Л. Морганом и подробно исследованный у американских индейцев и у австралийских туземцев. Общая схема его такова: все мужчины определенного возраста, принадлежащие к одной общине, имели право свободного полового общения только с женщинами того же возраста, работавшими с ними в одной возрастной группе, но на половое общение с членами других возрастных групп был наложен запрет. Возникновение первых запретов далеко еще не вполне прослежено современной наукой, как это можно видеть по работам Дж. Дж. Фрэзера («Тотемизм и экзогамия»), М. М. Ковалевского («Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии»), С. Фрейда («Тотем и табу») и др.

Развитие брака заключается в том, что «круг, охватываемый общим брачным союзом и первоначально очень широкий, все более и более суживается» (Энгельс). Известны несколько форм группового брака, изученных наиболее подробно на туземцах Австралии. Имеется «кровно родственный» (по Моргану) брак, в котором из полового общения исключены родители и дети; затем, такая форма, в которой исключены не только родители и дети, но также братья и сестры по матери; чаще всего распространено деление всех членов общины на четное число групп, при чем между каждыми двумя группами допускаются брачные отношения, а дети, происходящие от этих браков, имеют в свою очередь право вступать в браки с членами других двух групп той же общины, но только не тех групп, к которым принадлежала их мать, а затем и оба их родителя. Постепенно число брачных подразделений племени увеличивается, и брачные запреты, как и брачные отношения, все более усложняются. Позднее, с развитием апи-

мистической идеологии, брачные запреты подкрепляются обрядами религиозного характера. Дети, происходящие от всех брачных отношений при групповом браке, считались детьми целой группы, именовались же обыкновенно по имени материнской группы или по соединенному имени тех групп, от браков между которыми они произошли. Родственные чувства, любовь, связывающая подобного рода «родителей» и «детей», покорно следует за этими причудливыми системами родства. Ближайшей переходной формой к патриархальной С. служит неоднократно описанная разными исследователями, начиная с Моргана, «иуагуа С.» и С. многих австралийских племен, в которой групповой брак и материнский счет родства соединены возникающими патриархальными отношениями.

В дальнейшем, с окончательным установлением патриархального строя, групповой брак сменяется патриархальным браком, при котором во главе С. становится один мужчина, глава патриархальной С., имеющий обычно несколько жещ. Эта С. представляет собой низшую форму патриархально-родовой экономическую организацию—общину, во главе которой стоит «патриарх», родовой старшина-мужчина, старший в роде. Род, состоящий из родственников по отцу в количестве 9—10 поколений, распадается на несколько С., построенных по тому же самому типу. Каждая патриархальная С. представляет собою большую С. включающую несколько поколений родственников по отцу (обычно до 4 поколений), живущих вместе и составляющих одно хозяйственное целое, такая С. все основные предметы своего потребления производит сама, только в небольшой степени допуская обмен с другими С. того же рода или того же племени; отец, глава С., руководит ее производственной деятельностью и распределяет производимый продукт; в случае обмена он же выступает от имени С., как ее представитель. Внутри С. отец полновластен, члены С.—женщины, дети, домашние рабы—одинаково бесправны; отец, а если не отец, то во всяком случае, родовой старшина, является и религиозным представителем С. или рода—жрецом: он соединяет в своих руках светскую и духовную власть. Этого положения мужчина

достигает путем долгой борьбы, иногда, несомненно, принимавшей форму прямого столкновения. Следы такой борьбы остались и в брачных обычаях («умыкание»—похищение невест), в колебаниях относительно выбора того или иного счета родства (эти колебания чрезвычайно долго продолжаются, напр., у нас вплоть до «Русской Правды», XI в.), в сказаниях о борьбе мужчин с женщинами (греческий рассказ о борьбе Геракла с амазонками, сражение германских героев Нибелунгов с героинями, русского богатыря Добрыни Никитича богатыршей и др.), в сказаниях о борьбе женских божеств с мужскими у разных народов и во многих других пережитках древности.

Патриархальный брак в большинстве случаев представляет собой полигинию, т.е. многоженство. В настоящее время он сохранился у многих племен всех частей света. Обычно в патриархальном обществе практикуется экзогамия, т.е. жена берется обязательно из чужого рода, хотя долгое время внутри одного племени.

Полезное действие экзогамных браков закрепляет этот брачный порядок. Брак обыкновенно заключался путем похищения; с развитием обмена похищение заменяется той или иной формой меновой сделки между родами. За невесту отработывают или платят натурой, позднее частично деньгами (калым). Жены широко используются, как рабочая сила, также и дети, поэтому каждый стремится добыть себе больше жен, и плодовитость высоко ценится. Подбор жениха и невесты производится главами родов и семей на основании обстоятельной оценки физиологических качеств лиц, предназначенных к браку. Тем не менее жестокая борьба за существование не создает для кочующих С. материального обеспечения. Поэтому, при обычных условиях, положение рядовых членов С. крайне тяжело. При патриархальном строе устанавливаются и первые брачные обычаи; общий смысл их в том, что отец большой патриархальной С., устроивший вместе с другими отцами брак своих младших родичей официально объявляет брак заключенным. Брак санкционируется при помощи различных религиозных обрядов. Постепенно С. становится сама центром своего домашнего культа, связанного с культом домашне-

го очага. Заключение брака обращается в сложный обряд—свадьбу, бракосочетание; смысл этого обряда, воспроизводящего старинные формы заключения брака (похищение, покупку невесты и т. п.), заключается всегда в официальном и публичном вводе невесты в новый, чужой для нее род. Интересно, что в этих обрядах сами брачующиеся серьезной роли не играют и иногда даже не присутствуют. Рождение ребенка знаменуется различными обрядами, которые должны помочь родам и оберечь роженицу и ребенка от всяких вредных чародейских сил. Последним из важнейших семейных обрядов был погребальный. После смерти отца рода или С над ним совершали обряды, которые должны были показать, с одной стороны, что он остается, несмотря на смерть, в составе рода и С. с другой стороны, что он оживляется, становится богом-предком. Похороны рядовых членов С были проще, но и для них обеспечивали посмертное жилище и необходимые минимальные «бытовые удобства» (одежда, пища и т. п.). Все эти обряды, как известно, сохранились до настоящего времени.

Феодальная эпоха является кульминацией современной моногамной (единобрачной) С., которая представляет собою малую С., состоящую из ближайших поколений родственников по прямой линии. Эта эпоха устанавливает окончательно частную собственность, обособляя в то же время общество и государство от С. Если внутри С в общем и целом остается натурально-хозяйственной единицей того же типа, что при патриархальном строе, то вне главы этой семьи теперь входят уже в постоянные и весьма крепкие связи общественной и государственной средой, окружающей С. Значительную часть своих сил он уделяет работе для общества. Классовое расслоение феодального строя создает различные условия для господствующего и угнетенного класса—феодалов различных степеней и крестьян. В среде господствующего класса хозяйственное значение главы С уменьшается, так как он преимущественно военный руководитель, судья, администратор, светский или духовный, он меньше занят хозяйством С. и перекладывает заботы о нем на своих приказчиков, управителей и на жену. Последняя часто управляет всем большим феодаль-

ным имением и в то же время получает некоторое образование (в Западной Европе в эту эпоху женщины из феодального класса грамотнее мужчин). Иногда жены наследуют своим мужьям. В феодальном быту поэтому жены феодалов занимают также довольно значительное место: выражением этого служат рыцарский культ дам, показная роль женщины в турнирах, устройство так называемых «судов любви», где высокопоставленные дамы выступали в качестве судей светских качеств феодалов, воспевание женщины в искусстве их высокое место в религии (древнегреческие богини феодальной эпохи, католические мадонны и др.). Все это несколько облегчает правовое положение членов С., они попрежнему бесправны и находятся целиком во власти главы С. Что касается крестьян, то у них мужчина в значительной степени сохраняет свою хозяйственную роль в С. только положение женщины точно так же, как и остальных членов С. до известной степени улучшается. Христианская религия средних веков и другие феодальные религии доводят до крайности патриархальную идею. В связи с развитием ремесла в феодальном поместье, выделяющегося в отдельную отрасль производства, характер семьи несколько меняется. Женщина приобретает значение, как самостоятельная рабочая сила. Она принимается в цехи, некоторые цехи—целиком женские (шерстопрядение, плетение кружев, вязание чулок, мотальщицы, торговки). Развитие ремесла в средневековом городе, усиливая местный обмен, а вместе с ним и общение между людьми, ослабляет замкнутость С. свойственную натуральному хозяйству: строгость брачных запретов ослабевает.

При каннибальстическом строе—монастическая, основанная на совместном владении имуществом, переходящим путем купли-продажи на индивидуальном договоре. Развитие обмена и городской жизни, разорение, а затем пролетаризация крестьянства, рост промышленности разрушают С., как производственную ячейку, оставляя за ней частично потребительские функции, которые с дальнейшим развитием народного хозяйства также постепенно отмирают. Свобода любви, с одной стороны, основная из проблем личного распоряжения имуще-

ством, проституция, с другой стороны, разлагают моногамный семейный строй. Широкое применение женского и детского труда в промышленности, рост пролетариата разрушают семью рабочего. При промышленном капитализме начинается глубокий и затяжной кризис моногамной семьи, продолжающийся до настоящего времени. Анализ современного состояния С. м. в статьях Брак и Семейное право.

В Максимовский

СЕПАРАТНЫЙ МИР. С. м.—мир, заключаемый одной из держав, входящих в воюющую коалицию, отдельно от других членов этой коалиции. Причины С. м. могут быть различными: 1) военное поражение, или истощение ресурсов государства, делающее невозможным для него дальнейшее участие в войне, или требование победителя, желающего заключить мир с каждым из противников в отдельности. Так, в 1918 г. во время империалистической войны сначала Болгария, а за ней и Турция принуждены были выйти из коалиции центральных держав, заключив с Антантой сепаратные перемирия; все бывшие члены центральной коалиции впоследствии были вынуждены заключить сепаратные мирные договоры с союзными державами. 2) Перемена правительства в данной стране в результате революции или иных внутренних перемен; так, для советского правительства, пришедшего к власти в России в результате октябрьского переворота 1917 г., представлялось неприемлемым дальнейшее участие в империалистической войне на стороне одной из борющихся коалиций капиталистических держав: последствием этого явилось сначала сепаратное перемирие о центральных державами, а затем и С. м. в Брест-Литовске (3/III 1918 г.). 3) Неприемлемость для данного государства условий общего мирного договора, заключаемого той коалицией государств, в которой оно участвует, с проигравшей стороной. Так, Соединенные Штаты Америки отказались ратифицировать Версальский мирный договор союзных и объединившихся держав с Германией, так как в этот договор был включен статут Лиги Наций, в которую Америка не желала войти; вследствие этого Америка заключила С. м. с Германией (25/VIII 1921 года в Берлине)

Что касается вопроса о правомерности С. м., с точки зрения международного права (см.), то этот вопрос может возникать лишь при наличии между членами воюющей коалиции специального соглашения, воспрещающего заключение каждым из них С. м., в противном случае, право каждого воюющего государства на заключение С. м. не подлежит сомнению. Противники СССР из числа буржуазных юристов и политиков стран, входивших в Антанту или присоединившихся к ней во время войны, до настоящего времени не устали твердить о «предательстве» и «правонарушении», якобы проявленных советским правительством в акте заключения Брест-Литовского мирного договора. Они ссылаются на договор о незаключении С. м., подписанный Россией, Великобританией и Францией (5/IX 1914 года в Лондоне), при этом тщательно замалчивается, что 22/IX 1914 г. был заключен между теми же державами секретный договор, определивший условия, при которых каждая из них правомочна заключать С. м.; текст этого договора был похищен из архивов б. министерства ин. дел царским дипломатом Нератовым (этот факт был установлен при допросе «верховного правителя», адмирала Колчака следственной комиссией в Иркутске в 1920 г.). Однако Октябрьская революция означала возникновение нового правопорядка, нового государства совершенно невиданного типа, отношения которого с капиталистическими странами не были юридически определены и не имели никакой правовой базы вплоть до заключения советским правительством договоров и соглашений с капиталистическими правительствами. Уже по одному этому в данном случае не может быть речи о «правонарушении». Кроме того, советское правительство ранее заключения С. м. и даже ранее сепаратного перемирия с центральными державами обращалось ко всем воюющим государствам с предложением заключить всеобщее перемирие и начать переговоры о мире. Тем самым обвинение советского правительства в «предательстве» и «измене» в интересах центральной коалиции теряет всякий логический смысл; оно является лишь типичным проявлением классовой вражды и ненависти косоюзу со стороны представителей правящих классов иностр. государств. *Л. Иванов*

СЕРВИТУТ (в буржуазных законодательствах) представляет собою ограничение права частной собственности на недвижимость и заключается в праве пользования чужой недвижимостью имеющем силу «вещного права» (см.) В дореволюционном русском законе это называлось «правом участия частного» или угодий в чужих имуществах.

С., как имеющий «вещную силу», был обязателен и для всякого приобретателя вещи. Право па С. могло быть установлено или в пользу всякого обладателя определенной недвижимостью, или в пользу определенного лица. Происхождение С. объясняется из остатков прежней общей собственности на землю; несмотря па то, что эти пережитки стесняли частную собственность, существование их являлось однако необходимым и для капиталистического общества коррективом той исключительной силы, какую частное право собственности (см.) давало в руки собственника С. закреплял правую возможность осуществления хозяйственной связи между двумя недвижимостями. Не будь его, от усмотрения собственника зависело бы подвергнуть крайнему стеснению возможность удовлетворения жизненных хозяйственных потребностей другого лица. поместья, домовладения или предприятия; обязательственный договор, заключенный по этому поводу, был бы недостаточен, так как имел бы временный характер и не был бы обязателен для приобретателей этого имущества.

С. находили себе широкое развитие там где на небольшом, сравнительно. пространстве сталкивалось много собственников. В старом русском праве они имели меньше значения, чем в Западной Европе. Наиболее распространенными в России С. были право в'езда в лес (на пользование лесом из чужих дач), право водопоя, права охоты и товли, право пользования (обусловленное сроком или продолжительностью жизни определенного лица право пользования вещью). Сильное распространение С. служит препятствием для возможности капиталистического использования собственности отчего переход к капитализму характеризуется борьбой с С.

С. Раевич

СИНДИКАЛИЗМ (от слова «синдикат», что значит по-французски профессиональный союз) обозначает не только профессиональную борьбу рабочих, но особое направление в истории международного рабочего движения со своей программой и тактикой. С. развивался, главным образом, в так. наз. «романских» странах, и накануне войны играл крупную роль в международном рабочем движении, проникнув также в Америку и даже в Англию.

Классическое свое выражение он получил во Франции. Теория французского С. является типичной эклектической системой. Так наз. рабочая группа синдикалистов, являясь в большинстве практиками профессионального движения, как Пуже, Мергейм, Лятани и др. испытала на себе, главным образом, влияние Прудона и Бакунина. Что же касается группы интеллигентов-теоретиков С., как Сорель, Берт, Максим Леруа, отчасти Лягардель и др., то на них решающее влияние оказали Бергсон со своим учением об интуиции и известный французский правовед профессор Леон Дюги, трактовавший государство, как институт насилия. Могучее влияние на теоретиков С. оказал марксизм, который синдикалисты подвергли основательной ревизии, переделали на свой лад, хотя так наз. школа «нео-марксистов» во главе с Сорелем, и утверждала, что она является единственной правильной истолковательницей революционного марксизма. Ревизией марксизма и выхолащиванием революционного содержания из него являются отрицание политической борьбы рабочего класса переходного периода от капитализма к социализму и диктатуре пролетариата, наконец, наивное представление о всеобщей стачке, как о «стачке сброшенных рук», которая служит средством борьбы рабочего класса за свое освобождение и одним ударом, без вооруженного восстания, приведет к уничтожению капитализма и государства вообще. Наивность и оппортунистичность учения С. о всеобщей стачке становятся особенно ясными в связи с так наз. теорией «социальных мифов» автором которой является Сорель. С точки зрения последнего — познание действительности не может быть делом науки, а только интуиции (см. Бергсон), почему заниматься предвидением будущего нельзя. Между тем «социальный миф»—это

символ воли, хотения, а не фантастического построения на основе познания и науки, «которая вовсе не так достоверна, как хотят нас уверить те, которые живут за счет эксплуатации знания».

Неважно, может ли «социальный миф» быть осуществлен или нет: «о мифах надо судить, как о средствах влиять на настоящее», «значение имеет только содержание мифа». Таков напр. «социальный миф» первых христиан о близком приходе Христа, не имевший реального значения, но сыгравший огромную роль в деле распространения христианства. Таков и «социальный миф» нашего времени о всеобщей стачке, который имеет значение для пролетариата главным образом, тем, что он «пробуждает все чувства, соответствующие различным выражениям войны, объявленной социализмом против современного государства».

Таким образом, учение о всеобщей стачке в истолковании С. является не чем иным, как отказом от настоящей революционной борьбы, заменой последней революционной фразой. Сильные стороны С., однако, заключаются в критике парламентаризма и буржуазного государства. Пуже заявляет что «захватив политическую власть в свои руки буржуазия не подумала разрушить ту систему угнетения, которая была организована дворянством под видом централизованного государства. Буржуазия ограничилась лишь тем, что перекрасила фасад государственного здания в другой цвет и заставила народ поверить, что это новое учреждение». Для этого буржуазия создала учение о демократии и парламентаризме, т.-е. о том, что «весь народ может якобы принимать участие в политической власти». Этот «демократический обман» держит до сих пор под гипнозом народные массы полагающие, что можно путем завоевания большинства в парламенте поставить у власти рабочих и крестьян и тем самым установить «рай земной» на земле. Между тем нет ничего глубже этой иллюзии: во-первых, так наз. «большинство» вовсе не является двигателем прогресса» а представляло и представляет всегда инертные, несознательные массы: и во-вторых, всякая власть представляет собой насилие над свободным произволителем», и завоевание ее парламентарными представителями, называющими себя социальными и друзьями рабочих, только будет обозначать передвижку вла-

сти от одной эксплуататорской верхушки к другой.

В противовес теории «большинства» С. выдвигает теорию так наз. «революционного меньшинства», это — наиболее сознательный авангард рабочего класса, входящий в синдикаты, являющиеся в настоящем единственной классовой организационной ячейкой пролетариата: после уничтожения капитализма синдикаты станут регулятором всей хозяйственной жизни общества, которое не будет знать никакой государственной организации.

Синдикаты являются единственными классовыми организациями пролетариата, потому что в них люди объединяются по одному признаку, как продавцы своей рабочей силы, как эксплуатируемые, между тем как во всех политических партиях, в том числе и рабочих, социалистических, объединяются люди по признаку идейной близости, единомыслия, без различия классов: бок-о-бок и капиталисты, и пролетарии, и эксплуататоры, и эксплуатируемые. Своей теорией «революционного меньшинства» С. приближается к пониманию партии, как авангарда класса. В критике С. социалистических партий было много верного, г. к., особенно во Франции, последние были прибежищем для делавших карьеру авантюристов-интеллигентов типа Мильерана или Бриана. Но синдикалисты не понимали значения политической борьбы, и теория «революционного меньшинства» служила С. оправданием слабой организованности французского пролетариата, синдикаты которого объединяли не больше 8—10% рабочего класса Франции.

Французский С. понимал также необходимость разрушения буржуазного государственного аппарата. «С. — писал Сорель — не предлагает реформировать государство как это предлагали люди XVIII в. Они хотят его уничтожить, потому что стремятся реализовать мысль Маркса о том, что социалистическая революция неизбежна окончится заменой одного правящего меньшинства другим! Другой синдикалист Берт справедливо видел главный недостаток французского марксизма — «гелизм» в том, что последний «удовольствуется завоеванием государства замещением буржуазных лиц правительства лицами так называть рабочими: простое перемещение политических сил, естественное чисто ме-

ханическое внешнее вторжение, вытесняющее одного владельца при помощи другого, подобно тому, как один гвоздь выбивает другой. Но, указывая на необходимость разрушения буржуазной государственной машины, французский С не понимал необходимости создания новой пролетарской государственности переходного периода: он говорил, подобно анархистам о разрушении государства вообще, о «сведении государства к нулю» (Пуже).

Синдикаты, классовые ячейки пролетариата в настоящем и скелет будущего общества, с точки зрения французского С. уже теперь, в процессе борьбы, создают основы «нового права». На Амьепском конгрессе (1906 г.) секретарь синдиката металлистов Мергейм говорил о том, что синдикат «имеет целью разбить законность, которая нас душит, для того чтобы создать новое право которое будет результатом нашей борьбы». А Пуже писал, что «новое право» берет своей отправной точкой «автономию человеческой личности», «солидарность» «свободу и социальное равенство». Оно выразится в уничтожении иерархии в обществе и замене ее системой «свободных договоров», а и р и н у ж д е н и я — э к о н о м и ч е с к и м федерализмом.

Эти анархо-прудонистские идеи легли в основу рассуждений Максима Леруа, который прямо писал, что «принцип федерализма введен в рабочий класс Прудом» и что «федерация теперь так же естественна для рабочего класса, как централизация для класса буржуазии». Он видел высшую силу французского С в том, что Всеобщая Конфедерация Труда не обладает никакой властью, что она составляется по принципу равного представительства от федераций, независимо от количества членов последних что управление идет «снизу», а не сверху. Леруа возводил в добродетель как раз слабость французской Всеобщей Конфедерации Труда, отсутствие в ней централизации и дисциплины — что делало ее бессильной перед лицом серьезных событий, когда надо было двинуть в ход массы. Особенно характерно, что по Леруа никакой революции для уничтожения капиталистического государства не требуется: «новое право» постепенно будет внедряться в область старого и вытеснять т.п. «регалный» закон (термин заимство-

ван у Дюги и обозначает непререкаемый характер закона) «договорным наймом», что приведет к «непосредственному правлению», «правлению анархии» по Прудону — к высшему типу «демократии производителей»

Французский С. был не только теорией, но пользовался большой популярностью в рабочей массе. Иначе обстояло дело с С в И т а л и и, который никогда не имел за собой каких-либо значительных масс пролетариата и был продуктом творчества кучки интеллигентов. Артур Лабриола и Энрико Леонпэ — наиболее известные имена итальянских теоретиков С., они призывали к Сорелю и, в общем, развивали основные положения главаря школы «неомарксистов». У Леонпэ есть кой-какие зачатки понимания необходимости организации пролетарской власти в переходный период выраженные, однако, в весьма не определенной форме

Значительно интереснее и глубже учение американского С. Последний выразился в создании полуполупольной, довольно сильной организации Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.) Один из теоретиков левого крыла американского синдикалистского движения Де-Леон своей критикой буржуазной государственности и представлением о переходном периоде приближался к взглядам Маркса—Ленина на государство. Он считал необходимым революционное свержение буржуазной власти, разрушение буржуазной системы государства и замену ее новым типом пролетарского государства. С французским С его роднит мысль о передаче управления крупным трестам производственным союзам, с системой советов — мысль о замене избирательного территориального права профессиональным или функциональным представительством; во главе государства становится управление, составленное также по производственному принципу

Довольно близко к идеям С. стоит т.и. «гильдейский социализм» в Англии получивший свое развитие в период 1908—1914 г.г.

В основе учения «гильдейцев» лежит та же «демократия производителей», которую мы встречали у французского С. и у Де-Леона. Новое у «гильдейцев» — это расщепление каждого члена общества как бы

на две части потребителя и производителя. В качестве потребителей все граждане объединены государством и парламентом, который олицетворяет собой потребительские интересы граждан. В качестве производителей все граждане осуществляют свои интересы в т.-н. «конгрессе гильдий». Производство передано в руки этих гильдий, представляющих корпорации, в которых объединены все работники умственного и физического труда данной отрасли производства. Управление и регулирование общественным производством происходят на основе соглашения между парламентом и конгрессом гильдий. С точки зрения «гильдейцев» коллективизм, осуществленный в духе, указанном Марксом, может привести только к промышленной бюрократии, в то время как С. должен привести к высшему типу демократии. За гильдейскими социалистами не было рабочих масс: некоторый успех они имели только среди строительных рабочих. Зато в бурный период стачек в Англии накануне войны большим влиянием среди масс пользовались английские синдикалисты Джамс Конноль Томас Манн и др., подвергшиеся сильному влиянию учения Де Леона. В противовес «гильдейцам», которые высказывались против революционных методов борьбы, Конноль и Манн проповедывали свержение капитализма посредством революционной всеобщей стачки: осуществленной объединившимися производственными тред-юнионами. Критикуя парламентаризм и т.-н. «государственный социализм», английские синдикалисты высказывались за уничтожение государственной власти вообще и за передачу всего производства союзу тред-юнионов.

Причины развития С. надо искать в обострившихся классовых противоречиях накануне войны, бессилии парламентаризма справиться с этими противоречиями и все более ярко обозначавшемся с каждым годом оппортунистическом перерождении социалистических партий. В каждой стране притом были еще особые причины, приводившие к зарождению С. Во Франции, где карьеризм социалистов был особенно ярко выражен, а рабочий класс, благодаря отсталости французской экономики в течение второй половины XIX в., был наполовину ремесленным, страдал от застоя и безработицы и находился под двойным

гнетом: развивающегося капитализма и медленности этого процесса, — и к тому еще встречал на пути своих требований централизованное, буржуазное государство, всем острием направленное против него, — недовольство рабочего класса выразилось в широкой приверженности к С., который и получил в этой стране свое классическое выражение.

В Америке С. явился ответом на совершенно неслыханный террор со стороны трестированной промышленности против рабочего класса и полное подчинение буржуазии Американской Федерации Труда во главе с Гомперсом, превращение Федерации в придаток империалистической государственной машины. В Англии С. возник как реакция на оппортунизм Рабочей партии — с одной стороны и сектантство с.-д. Федерации Гайндмана — с другой, не умевшего работать среди широких масс. Во всех странах, где развивался синдикализм, он был, по выражению Ленина, «своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения» и превращался в «мелкобуржуазный революционаризм» и в «левую фразу». Справедливо критикуя оппортунизм социалистических партий, буржуазную демократию, парламентаризм, С. не мог, однако, понять задач рабочего класса, связи между политической и экономической борьбой, между профсоюзом и партией, между эволюцией и революцией, разницы между буржуазным государством и пролетарским государством. Нужно заметить, что некоторые синдикалистские устремления обозначались у нас в России в особенности в период между февралем и октябрём 1917 г. и после октябрьской революции в среде рабочих организаций (транспорт, железнодорожники и т. п.): существовал даже синдикалистский проект Советской Конституции.

Октябрьская революция и послевоенная история рабочего движения показали всю ошибочность положений С. Последний идейно разбит теперь на голову: оппортунистические элементы, входящие в Амстердам, фактически работают в тесном контакте с социалистическими партиями в послевоенном II Интернационале. Многочисленные же революционные элементы С. во Франции, Англии, Америке, вместе с бывшим левым крылом социалистических партий вовлеченные в работу Коминтер-

ном, послужили основой для создания национальных компартий, которые знаменем имеют программу и тактику Маркса и Ленина и взгляды их на государство и право

Г. Зайдель

СИНДИКАТ Капиталистический С представляет одну из форм монополистических объединений капитала. Начало картельного движения в Германии относится к эпохе кризиса середины 70-х годов. В это именно время возникли крупные союзы в угольной, железной, бумажной, калийной и других отраслях промышленности. Задача такого рода объединений — создание условий монопольного господства над рынком в определенной отрасли промышленности путем заключения соответствующих картельных соглашений между отдельными предприятиями.

Так наз. «распределительные картели» направленные на распределение между участниками общего предложения, общего спроса и общей прибыли, пуждаются в специальном распределительном органе, обычно называемом продажной конторой. В этом случае участники соглашения обязываются все свои торговые операции вести через эту продажную контору «Непосредственные отношения отдельного предприятия к его клиентам теперь уничтожены на весь период картелирования, следовательно, коммерческая самостоятельность единичного предприятия устранена. Картель, который из чисто договорного образования уничтожением коммерческой самостоятельности предприятий превращается в единое коммерческое целое, называют С. Но С возможен лишь при том условии если для клиентов безразлично, у какого бы из картелированных заводов ни покупать им. Это в свою очередь предполагает известную однородность производства. Следовательно, это — предпосылка возникновения более тесных, длительных и строгих организаций, каковыми являются С.» (Р. Гильфердинг — «Финансовый капитал»). С организационно-правовой стороны С принимают форму товариществ, в том числе особенно охотно товариществ с ограниченной ответственностью, или акционерных обществ (см.). Самые условия вступления в С и обязанности его членов обычно определяются специальными договорами. Содержание этих договоров зависит от той цели, которую себе ставит данный С. Так

в германской камешноугольной и железной промышленности особенно распространены С, распределяющие заказы между отдельными участниками. К С. этого типа относятся, напр., акц. компания «Рейнско-вестфальский угольный С.» в Эссене, акц. компания «Союз сталелитейных заводов» в Дюссельдорфе. Другой тип — С., тем или иным путем распределяющие прибыль: или вся выручка С от продажи изделий распределяется между его участниками пропорционально степени участия в операциях С. или же С сам закупает у отдельных участников их продукцию, сам продает ее, и распределяет между участниками прибыль. Во всех случаях конечная цель одна — путем создания монополии взвинтить цены и, таким образом, повысить прибыль. Практика синдикатских объединений показывает, что для создания фактической монополии достаточно синдицировать $\frac{3}{4}$ (по мощности) предприятий данной отрасли промышленности.

В отличие от трестов (см.), деятельность С направлена главным образом на «регулирование» торговых операций своих членов. Участники С. всегда сохраняют некоторую долю своей предпринимательской самостоятельности между тем как участники треста сливаются полностью, образуя новое единое предприятие. Но, регулируя в первую очередь торговую деятельность, С в целях установления высоких монопольных цен прибегают часто к сокращению производства в своей отрасли промышленности путем контингентирования всего количества продукции с распределением установленного контингента между входящими в С. предприятиями: с другой стороны, С. часто практикуют установление определенных стандартов реализуемых ими товаров, стандартизируют производство своих участников.

Наиболее обычной мерой, к которой прибегают С. для удушения своих противников («диких», outsiders, не вошедших в С.) является политика т.-п. бросовых цен: товары продаются С. далеко ниже себестоимости; «дикие» не выдерживают такой конкуренции и разоряются а С. расправившись со своими противниками, наворачивает свои потери взвинчиванием монопольных цен. Но для расправы «дикие» С. не останавливаются и перед «безобидными» методами борьбы, прибегая, напр., к прямому финансированию стачек:

рабочих на предприятиях outsiders'ов и т. п.

С другой стороны, С., как мощные капиталистические организации монопольного типа в данной отрасли производства, являются мощным орудием в руках капиталистов в борьбе против рабочего движения.

Синдикатское движение не только охватывает все капиталистические страны, но принимает и международный характер. Лифман насчитывает до 100 таких международных картелей, в которых кроме Германии принимает участие хотя бы еще одно государство. При этом, «далеко не все интернациональные картели даже заключенные с враждебными нам (т.е. Германии) странами, распались во время войны, во всяком случае, целый ряд таких картелей существовал уже после нашего поражения и после того, как значительные области были отторгнуты от германского государства». Недурная характеристика буржуазного «патриотизма»!

Интересна полная бесплодность законодательных попыток борьбы с С. Известный под именем акта Шермана американский закон против монопольных предпринимательских объединений (2 июля 1890 г.) остался мертвой буквой потому, что суды отдельных штатов отказались его применять в виду его «неконституционности». Остался без применения и австрийский *Koalitionsgezetz* 7 апреля 1870 г., запрещающий всякого рода предпринимательские соглашения направленные на повышение цен товаров. Бесплодными оказались попытки германских судов подводить картели и С. под § 135 ВГВ, объявляющий недействительными сделки, противные «добрым нравам».

2 ноября 1923 г. германским республиканским правительством было издано специальное «постановление против злоупотреблений экономическим господством». Этот закон провозглашает борьбу с С. картелями, конвенциями и т. и. соглашениями в тех случаях, когда ими причиняется «ущерб общественному хозяйству илц общему благу». Последнее «должно считаться нарушенным в особенности в тех случаях, когда не мотивированным с народно-хозяйственной точки зрения образом сокращается производство или сбыт, повышаются или поддерживаются на высоком уровне цены». Указанного рода договоры и согла-

шения «каждый участвующий в них может нарушить в любое время без ограничения сроком, если к тому имеется важное основание. В качестве такого важного основания всегда должно признаваться ислравомерное ограничение экономической свободы действий лица, отказывающегося от соглашения, в особенности в области производства, сбыта или установления цен». Для разбора этого рода дел при имперском экономическом суде учрежден специальный картельный суд к которому могут обращаться не только отдельные участники картельных соглашений, но и правительства входящих в состав германского союза государств.

Этот закон не затрагивает вовсе финансовых махинаций при слиянии между собой крупных предприятий (субституция акций и т. п.); во-вторых, созданный этим законом картельный суд сам склоняется к ограничительному истолкованию его постановлений. Законом 2 ноября 1923 г. не выполнена даже резолюция рейхстага от 14 марта 1923 г. с предложением правительству установить обязательную регистрацию картелей. В настоящее время по германским законам обязательной является регистрация лишь тех картелей и С. которые возникают в форме акционерных обществ. Но С. имеют всегда возможность обойти эту «стеснительную» формальность, организуясь в форме товарищества с ограниченной ответственностью. Тогда они не обязаны ни регистрироваться, ни публиковать балансы. Норвежский закон 1921 года устанавливает обязательную регистрацию для всех картелей, трестов и монополистических предприятий. Но при этом необходимо помнить ленинское противопоставление контролю «реакционно-бюрократического» рабочему контролю «революционно-демократическому». Осуществляемый буржуазными правительствами в отдельных случаях контроль над деятельностью С. «есть именно реакционно-бюрократический контроль, который на роду глаз не открывает, который не позволяет знать всю правду об операциях» того или иного предприятия.

Еще до последней мировой войны в практике империалистических государств встречались случаи принудительного, в силу веления государственной власти, синдицирования отдельных отраслей промышленности. Известно напр., создание в Герма-

нии, в силу закона 25 мая 1910 г. принудительного С калийной промышленности. Калийный С. был образован из опасения иностранной, особенно американской, конкуренции калийной промышленности. Во время империалистической войны в Германии были приняты меры (закон 12 июля 1915 г. о принудительном синдицировании) к поддержанию и созданию синдикатских объединений в каменно-угольной, текстильной, спиртовой, цементной промышленности. Основной целью при этом было обеспечить, путем создания монопольных объединений, централистически-плановое удовлетворение военных потребностей («Государственный социализм» — «Kriegssozialismus»).

В эпоху буржуазного правительства Керенского В. И. Ленин ставил вопрос о принудительном синдицировании, как о насущно-необходимом экономическом мероприятии революционного демократического правительства. Указывая на пример Германии, где во время войны было проведено в законодательном порядке принудительное синдицирование некоторых отраслей промышленности, Ленин писал: «Принудительное синдицирование есть средство борьбы, своего рода подталкивание государством капиталистического развития всюду и везде ведущего к организации классовой борьбы, к росту числа разнообразия и значения союзов. А, с другой стороны, принудительное «обсоюзывание» есть необходимое предварительное условие всякого сколько-нибудь серьезного контроля и всякого сбережения народного труда». Принудительное синдицирование выдвигается в качестве одного из экономических требований пролетариата, так как «государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо неизбежно означает шаг к социализму» ибо «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» («Грозная катастрофа и как с ней бороться» соч. т. XIV ч. II). Обращение на пользу всего народа капиталистических монополий было на деле осуществлено Октябрьской революцией путем национализации крупнейших частных промышленных предприятий.

С переходом нашей государственной промышленности на хозяйственный расчет и с образованием государственных трестов, как самостоятельно хозяйствующих субъектов, брошенных в стихию рыночной борьбы, очень скоро обнаружилось чрезмерное ослабление связей, объединявших гос. промышленность в одно целое. Эти связи грозили полным распадом. Обостренная «борьба за рынок», в погоне за созданием оборотного капитала, приводила к безудержной конкуренции между трестами и закончилась весенним кризисом сбыта 1922 г. Этот кризис послужил исходным моментом движения в пользу объединения трестов одной и той же отрасли промышленности, в пользу синдицирования отдельных отраслей гос. промышленности. Почти все ныне государственные С. частью существующие до настоящего времени, частью распавшиеся впоследствии, образовались в период с 1 марта 1922 г. до 1 февраля 1923 г.

Основной — и исторически и экономически — задачей советских С. является объединение торговой деятельности трестов, согласование их торговых операций. Все остальные функции С. производственного, регулирующего характера и т. п., имеют второстепенное значение.

Функции С. обнимают следующие сферы деятельности: 1) в области торговли: а) разграничение рынков сбыта продукции трестов; б) установление цен и условий продажи; в) непосредственные торговые операции С. 2) в области заготовок: а) согласование заготовительной деятельности трестов (руководство сырьевой политикой); б) собственная заготовительная деятельность С.; 3) в финансовой области: а) финансирование и кредитование С. входящих в его состав трестов; б) распределение через С. сумм отпускаемых государством в сметном порядке для данной отрасли промышленности (в настоящее время «схизма» нет) и в) оказание содействия членам С. в отношении банковского кредитования.

В основе образования отдельных С. лежит, во-первых, соглашение трестов данной отрасли промышленности, обычно выражаемое резолюцией соответствующего съезда, и во-вторых, утверждение ВСНХ (в последнее время — СТО). Утверждение это разрешает по существу вопрос о целесообразности и своевременности синдицирования данной отрасли промышленности, а также о добровольном или принудитель-

ном характере синдицирования. Являясь, одной стороны, торговыми органами объединяемых ими трестов, С., с другой стороны, благодаря своему монопольному положению в данной отрасли промышленности, представляют могущественный аппарат экономического регулирования промышленности в руках пролетарского государства. X Съезд Советов, устанавливая, что «С. должны выполнять роль крупнооптовой торговли по сбыту и заготовкам, организуя отделения и используя местные органы, по преимуществу государственные и кооперативные», связывает эту роль С.

выполнением ими общегосударственных задач в области внутренней торговли — увеличение товарооборота в стране и скорейшее увеличение емкости внутреннего рынка, установление возможно более тесной связи между государственной промышленностью и крестьянским рынком а также укрепление экономической позиции государственной и кооперативной торговли.

Материальной базой существования С. являются главным образом взносы их членов (в денежной форме или продукцией). Из этих взносов образуется основной (паевой) капитал С. Паявая форма капитала создает прочную экономическую связь между С. и его членами С., так же, как и тресты, пользуются правами юридического лица. По своим обязательствам С. отвечают всеми своими капиталами за исключением имущества, изъятого из оборота. Тресты, же, как общее правило, никакой дополнительной ответственности кроме риска своими паявыми взносами, по обязательствам С. не несут. Лишь в виде исключения, в уставах некоторых С., главным образом, тех, которые обладают небольшим основным капиталом, установлена дополнительная ответственность трестов по обязательствам объединяющего их С.

Государство по обязательствам С. как хозяйственных органов, переведенных на коммерческий расчет, никакой ответственности не несет (ст. 19 Г. К.)

Тресты, вступая в С. ограничиваются в своей хозяйственной экономической и правовой самостоятельности лишь в той мере, в какой это предусмотрено уставом С. Высшим органом управления С. является собрание уполномоченных трестов. К ведению собрания уполномоченных относятся как вопросы общеорганизационного характера, так и установление общего направле-

ния и пределов деятельности С. (установление размеров взносов, а также паявого, запасного и специальных капиталов, вопросы изменения устава, выборы правления и ревизионной комиссии, распределение прибыли, исключение членов, утверждение смет, отчетов и балансов, ликвидация С.). Число членов в собрании уполномоченных определяется в зависимости от числа паяв, принадлежащих тому или иному члену С. Избираемое собранием уполномоченных правление ведет текущие операции С., заключает от его имени сделки и договоры, составляет сметы, балансы, программы и планы действий для представления собранию уполномоченных. Органом внутренней ревизии и контроля является ревизионная комиссия.

Взаимоотношения между С. и его членами определяются, с одной стороны, уставом С., с другой, оставляют определенный простор для договорных соглашений. Так, некоторые С. сосредоточивают в своих руках полностью реализацию продукции своих членов, тем самым совершают, устраняя последних от коммерческой деятельности; в уставах же большинства С. устанавливается лишь определенный процент продукции, который подлежит обязательной передаче С. для реализации, с тем, что остальную часть продукции тресты реализуют самостоятельно. Объединяя гос. предприятия — тресты, С. и сами являются органами пролетарского государства. В имущественном отношении это подчеркивается тем, что чистая прибыль С. после отчислений в резервный и специальный капиталы не распределяется полностью между членами С. а в значительной доле вносится в доход казны.

В связи с проводившейся С. в начале (главным образом в течение 1923 г.) политикой высоких цен, руководящие партийные органы неоднократно возвращаются к вопросу о системе и методах синдицирования нашей гос. промышленности. XII съезд РКП дает директиву в том смысле, что синдицирование «должно в ближайший период проводиться с должной осмотрительностью и в полном соответствии с состоянием рынка и ресурсами трестов.. Принудительность синдицирования должна быть хозяйственно подготовлена и коммерчески оправдана» Резолюция ЦК РКП от 19 января 1924 г. об очередных задачах экономической политики выносит еще более

жесткую директиву: «Признать необходимым пересмотр существующей системы С в целях упразднения тех из них, экономическая целесообразность которых не будет доказана, ограничив как правило, торговую деятельность остающихся С. рамками оптовой торговли».

Несмотря на пятилетний опыт работы наших С., мы до настоящего времени не имеем еще закона о гос. С. Проект такого закона еще в 1925 г. был внесен ВСНХ СССР в Совнарком СССР. В настоящее время проект этот принят Совнаркомом СССР и представлен на утверждение ЦИК СССР. Проект, учитывая организационный опыт строительства наших гос. С., делит все синдикатские образования на две основные группы: синдикатские соглашения (конвенции) и синдикатские объединения (С). Синдикатская конвенция, по проекту, есть договор между гос. трестами, предметом которого может служить: а) разграничение между участниками конвенции районов их торговой деятельности; б) распределение заказов; в) установление условий сбыта и заготовок; г) установление цен на отпускаемые и заготавливаемые товары, д) установление ассортимента и стандартов изделий и товаров. Так как синдикатские конвенции не ведут самостоятельных торговых операций и не выступают на рынке в качестве хозяйствующего субъекта, то им не присваивается прав юридического лица.

Договоры конвенции регистрируются в Наркомторге СССР или союзной республики. В случае, если Наркомторг признает организацию конвенции в данной области нецелесообразной, он может, не производя регистрации, внести вопрос о заключении конвенции в СТО или ЭКОСО союзной республики. В виде исключения допускается создание исполнительного органа конвенции на который возлагается проведение всех постановлений конвенции (в области разграничения районов и установления условий сбыта и заготовок установления цен на товары и т. п.)

Основной задачей синдиката является реализация продукции своих членов или приобретение и заготовка для них основных видов сырья и предметов материального и технического снабжения; синдикат имеет целью полную или частичную заме-

ну в торговой деятельности объединяемых им трестов.

По общему правилу проекта синдицирование допускается в порядке добровольного соглашения объединяемых трестов. Принудительное синдицирование допускается лишь в исключительных случаях по постановлению Совета Труда и Оборона и п. п. Экономического Совещания Союзной Республики. Уставы синдикатов общесоюзного значения утверждаются Советом Труда и Оборона; уставы синдикатов республиканского значения утверждаются Экономическим Совещанием соответствующей республики.

Так как С. для выполнения своих функций нуждаются в самостоятельном выступлении на рынке (сбыта и заготовок), то С. присваиваются права юридического лица.

Материальной базой деятельности синдиката является складочный капитал, образуемый из паевых взносов членов синдиката.

Размер пая не может быть ниже 1.000 рублей.

Минимальный размер складочного капитала для общесоюзного синдиката допускается не менее 1.000.000 рубл., минимальный размер складочного капитала синдиката республиканского значения определяется законодательством союзной республики.

Кроме складочного капитала синдикаты образуют капиталы запасный, амортизационный и специального назначения.

По обязательствам синдиката члены его по общему правилу своим имуществом не отвечают. Однако, в уставе синдиката может предусматриваться дополнительная ответственность членов синдиката в определенном кратном отношении к их паям, подобно тому, как это имеет место в товариществах с ограниченной ответственностью и в кооперативных организациях. Эта ответственность наступает в случае ликвидации синдиката по несостоятельности.

Органами синдиката являются: собрание уполномоченных, правление и ревизионная комиссия. Постановления собрания уполномоченных синдиката являются обязательными для всех членов последнего, и за нарушение его постановлений, равно как и за нарушение устава члены синди-

ката несут имущественную ответственность в судебном порядке и кроме того могут быть исключены из состава синдиката.

В принятых в марте 1927 года тезисах по вопросу о системе промышленного управления пленум ВСНХ СССР дает следующие директивы в отношении С. С. должны рассматриваться, как добровольные организации трестов, выполняющие функции реализации промышленной продукции, а также снабжения промышленности основным сырьем. С. не должны вмешиваться в производственную деятельность трестов и заниматься как эксплуатацией промышленных заведений, так и постройкой таковых. Отношения С с трестами должны строиться на началах договорных за твердый счет, или комиссионных. С. объединяющие отрасли, вырабатывающие предметы технического оборудования, должны в более крупных промышленных районах организовывать конторы технического снабжения, обслуживающие непосредственно производственные предприятия. С. являются организацией, посредством которой государство осуществляет свои плановые предположения по снабжению страны продукцией промышленности.

В связи с принятыми в течение последних месяцев высшими партийными и правительственными органами директивами о снижении цен и о снижении накладных расходов товаропроводящей сети (пост. XV конференции ВКП. 3-ей сессии ЦИК СССР III созыва и IV Съезда Советов Союза ССР), на наши государственные С. ложатся новые и весьма ответственные задачи. Выступая в качестве торговых монополистов в отдельных отраслях гос. промышленности, С. более чем какой-либо другой орган, имеют реальные возможности проводить в жизнь эти директивы. Снижение цен на промышленные товары путем сокращения звеньев товаропроводящего аппарата, жесткого проведения режима экономии в гос. торговле, нормирования торговых расходов и прибылей и т. п. не может быть осуществлено помимо С., являющихся крупнейшими звеньями государственной торговой сети. Если капиталистические С. являются монопольным аппаратом буржуазии по вздуванию цен и выжиманию непомерных прибылей, то гос. С. в руках пролетарского государства служат лучшим орудием в деле осуществле-

ния одной из основных задач партии и советской власти — смычки пролетариата и крестьянства на основе индустриализации страны.

А. Карасс

СЛУЖБА ГОСУДАРСТВЕННАЯ Совокупность прав и обязанностей, определяющих положение лиц, состоящих на службе в государственных учреждениях как центральных, так и местных, составляет право г. С. Понятие государственного служащего (обычно называемого «чиновником») не совпадает с более широким понятием должностного лица. Понятие г. С., в отличие от службы государю, начинает устанавливаться только в эпоху просвещенного абсолютизма и развивается лишь в XIX ст. Состояние на г. С. связывается в буржуазных государствах с рядом привилегий, и по мере того, как развиваются функции государства, увеличивается значение государственного аппарата, совокупности лиц, состоящих на г. С., так наз. бюрократии, в осуществлении политики господствующих классов. Могущество армии чиновников в буржуазных государствах отмечалось неоднократно даже буржуазными учеными (Тоуэльд, Леруа, Брайс), не говоря уже о Марксе. В царской России состоящими на г. С. считались, кроме лиц, служивших «по определению от Правительства», также лица, занимавшие некоторые выборные должности по земскому и городскому самоуправлению и в дворянских сословных организациях. До 1906 г. полностью обладали правом поступления на г. С. только дворяне; для лиц других сословий существовал ряд ограничений и изъятий. Женщины стали проникать на г. С. только в XX в. путем делавшихся от времени до времени изъятий из общего запрещения приема их. Некоторые незначительные должности на г. С. замещались «по вольному найму»; вольнонаемные служащие не имели права на чины, пенсию, мундиры и ордена. По «Табели о рангах» утвержденной еще в 1722 г. Петром I. все должности, как в гражданской, так и военной службе, разделялись на 14 классов, или чинов. Порядок получения чина при поступлении на г. С., а также порядок передвижения по лестнице чинов регламентировался очень подробно. Получение того или иного чина даром

определенные сословные права (так на гражданской службе чин 9 класса давал права шляхетского дворянства, а 4-го — потомственного дворянства). Строгое соответствие чинов определенным должностям перестало соблюдаться; к тому же некоторые чины исчезли (XIII, XI, а также I классов). Продвижение в чинах производилось как за выслугу лет так и за особые заслуги. Все это, вместе с правом чиновников на мундир, пенсию и ордена, делало из них, как и в западно-европейских государствах, в особенности Германии и Франции, замкнутую, обособленную касту. В положении отдельных групп русских чиновников существовала, однако, значительная разница между высшими и низшими категориями. Помимо различия в получаемом содержании, различия были и социальные слои, из которых выходили они; так, верхи бюрократии являлись в то же время крупнейшими помещиками. Низшие, а отчасти и средние слои заполнялись представителями интеллигенции, «разночинцами». Таким образом, крупные землевладельцы непосредственно управляли государственным аппаратом Российской империи.

Февральская революция не отразилась в сущности на положении чиновничества. Во всех министерствах остался старый чиновничий аппарат. После Октябрьской революции, однако, старый аппарат был сломлен, полностью уничтожен и стал строиться заново. Одним из первых актов Рабоче-Крестьянского Правительства был декрет от 12/XI—17 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (С. У. 17 г., № 3, ст. 31), которым, наряду с упразднением сословий и сословных делений, упразднялись также титулы и гражданские чины. «Всеякие... наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч советники) уничтожаются, и устанавливается одно общее для всего населения России наименование — гражданин Российской республики». Это определило и дальнейшее отношение советской власти к лицам, состоявшим на г. С. не как к какой-либо обособленной касте, но как к части единой армии трудящихся. В соответствии с этим и правовое положение советских служащих по общему правилу, регулируется нормами трудового законодательства. Особые правила регулируют вопросы

совместительства (см.) государственных служащих, возможность службы при близком родстве или свойстве, а также запрещено им заниматься в том или ином виде частной коммерческой деятельностью. Общего закона о г. С. до сих пор не издано (О правовом положении государственных служащих в СССР — см. ст. Должностное лицо). В настоящее время, согласно Постановлению СНК СССР от 21/IX—26 г. для лиц, состоящих на г. С., введены трудовые списки, заменившие все прежние анкеты. Трудовые списки при переходе с места службы выдаются уходящим на руки и предъявляются по новому месту.

А Т

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ Уголовная репрессия, начиная с момента самого возникновения уголовного права (см.) и кончая непосредственно предшествовавшим наступлению буржуазной эпохи периодом господства торгового капитала, в основном сводилась либо к С. к., либо к телесным наказаниям (см.) того или иного рода. Обычай кровавой мести (см.) одной стороны, и религиозная практика человеческих жертвоприношений, с другой, несомненно, сыграли свою роль в истории возникновения и упрочения С. к. в течение многих столетий являвшейся затем основным институтом уголовного права (оттуда и слово «уголовное») ср., в частности, римские термины «*homo sacer*», «*consecratio capitis*», из которых явствует, что С. к. первоначально в древнем Риме имела сакральный (религиозный) характер: то же явление устанавливает в своей новейшей работе «*Die germanischen Todesstrafen*» (1922 г.) и Амира в отношении С. к. у древних германцев.

В рабовладельческом, а затем и в феодальном государстве С. к. является повседневным и обычным способом, при посредстве которого господствующий класс «дисциплинирует» и держит в повиновении себе сперва рабов, а затем и закрепощаемых крестьян. Классовый характер уголовно-правовых постановлений о С. к. в эти периоды бывает выражен очень ярко. Так, в средневековой Франции сложилось следующее юридическое правило: «Когда по приговору суда, крестьянин (*vilain*) ли-

шается жизни или членов своего тела тогда дворянин (*noble*) теряет только честь». То же имело место и в других государствах, напр., в Англии, в России. С. к. применяется при этом как государственными судами, так и самими рабовладельцами и владельцами крепостных, осуществляющими «право жизни и смерти» над своими рабами и холопами, при чем при феодальном строе, когда государственная власть прямо сливается с землевладением, одним из атрибутов сеньориального достоинства во Франции становится право феодала иметь при своем дворе виселицу более или менее — в зависимости от места данного феодала в феодальной иерархии, внушительной формы и размеров (герцог мог выстроить виселицу о 6 столбах, барон — 1-х. шателен — о 3-х, простой сеньор — 2-х).

В эти эпохи С. к. применяется не только в массовых размерах (по расчету Вольтера за одно «колдовство» в средневековой Европе было сожжено более 100 тысяч человек; видный германский криминалист XVIII в. Карнцов хвалился тем, что за время своей судейской деятельности приговорил к С. к. 20 тысяч человек) но и в самых «утонченных», т. е. самых жестоких и зверских формах, имеющих целью возможно большее устрашение широких масс (для этого между прочим, С. к. производится тогда публично). В частности особого разнообразия формы С. к. достигают в средние века (ср. т. II, стр. 914) в виде четвертования, колесования, вытягивания кишок, посажения па кол, сожжения, кинячения в масле или в воде, закопав живым в землю, по сравнению с чем повешение или отсечение головы оказывалось уже сравнительно «мягким» видом С. к.

К началу буржуазной эры (см. т. II, стр. 917) оформляется и начинает развиваться новый тип наказания — тюремное заключение (см. Лишение свободы) с точки зрения буржуазии именно оно оказывается наиболее предпочтительной мерой уголовной репрессии, прежде всего в силу своей наибольшей приспособленности к применению на началах строгой эквивалентности к вине преступника, а также и в силу возможности более или менее продуктивного использования труда заключенных, которую уже в первых пе-

нитенциарных учреждениях (см. Пенитенциарные системы), возникших в Англии и в Голландии в конце XVI в., заставляют работать. Совершенно «непроизводительный» характер С. к., несомненно, мог уже, как таковой, отталкивать от С. к. промышленную буржуазию, которая к тому же, до триады своего к власти, еще не могла «ценить» С. к. (это произошло лишь в дальнейшем) как орудие осуществляемого господствующим классом по отношению к его классовым врагам террора, только как бы предчувствие возможности и полезности (с бурж. точки зрения) такого использования С. к. и по свержении «старого режима» буржуазией мы встречаем, напр. у Беккариа (см. т. II, стр. 915). Требование отмены С. к. начинается, если не считать выдвигавшихся еще в XVI в. Социном религиозных возражений против С. к., раздаваться уже с конца XVII в., в Германии, напр. уже в 1670 г. *Henrich* настаивал чтобы по общему правилу все тяжкие преступления, «кроме тех, за которые божеский закон требует С. к.», влекли лишь *Zuchthaus* (тюрьму). В 1681 г. в законах вновь основанной тогда в Сев. Америке выходцами из Англии колонии Пенсильвании С. к. сохранена лишь за предумышленное убийство. В XVIII в. отмена С. к. прямо становится одним из политических лозунгов буржуазных идеологов предреволюционного периода и служит своей службой в деле привлечения на сторону буржуазии широких масс эксплуатируемых классов, для которых борьба с С. к. имела, как явствует из вышесказанного, самое существенное и в полном смысле слова жизненное значение. Ко 2-ой половине XVIII в. буржуазные учения, с их проповедью гуманности, оказываются уже настолько мощными, что проникают даже и в лагерь представителей дворянского абсолютизма (в России, где официально С. к. была отменена еще в 1754 г. Елизаветой, хотя продолжала и после того применяться за политические преступления Екатерина II просто списывает в свой «Наказ» мысли Беккариа, не придавая им, впрочем, на практике никакого значения: в Тоскане в 1786 а в Австрии в 1788 соотв. государями официально отменяется С. к. скоро, впрочем, снова восстановленная). С. к. все более и более начинает выполняться непублично.

квалифицированные виды С. к. во всяком случае сходят с сцены, так, последний случай сожжения ведьмы в Германии имел место в 1775 году (законом впрочем, колесование и сожжение отменяется в Пруссии лишь в 1851 г.) В Англии суды присяжных, в общем буржуазные по своему составу проявляют явное нежелание прибегать к С. к. за такие преступления, как, например, кража (еще в начале XIX в. — до законов 1832 и 1837 г.г. — по англ. закону за кражу на сумму 5 шиллингов из лавки или 40 шилл. из части дома полагалась С. к.) Внесенный в 1810 г. в парламент билль об отмене С. к. за воровство льна в мануфактурах мотивировался заинтересованностью в этой отмене самих хозяев мануфактур, которые «не считают более в безопасности свою собственность, так как присяжные, не желая приговаривать к С. к. за столь легкую вину вовсе освобождают обвиняемых от наказания» (Кистяковский); билль этот, впрочем, был все же тогда отвергнут.

Придя к власти, буржуазия, вообще, во-первых не горюпится полной отменой С. к. Национальное собрание в котором в частности за отмену С. к. высказывался и Робеспьер, подавляющим большинством отвергло эту отмену. Когда сопротивление контрреволюционеров вызывает необходимость террора (см.) осуществлявшее таковой мелкобуржуазное правительство Конвента, естественно, отклоняет все предложения об отмене С. к., вопрос о чем возбуждался в Конвенте 6 раз: только 14 брюмера IV года (26/X 1795 г.), уже после падения якобинского режима, выносятся постановление об отмене С. к. по настоятельному общему успокоению в стране, т.-е. в неопределенном будущем. Code Pénal 1810 г. назначает С. к. во многих статьях (см. т. II, стр. 916). Закон, сокращающий применение С. к. издается во Франции лишь в 1832 г. В 1913 г. (см. таблицу в книге Серьета: «С. к.»). С. к. из европейских государств не применялась вовсе лишь в Норвегии, Голландии, некоторых кантонах Швейцарии, Португалии, Италии и Румынии (в последних двух государствах С. к. теперь применяется). Статистику С. к. в довоенные годы — см. у Гернета, указ. соч., гл. 3-я. Даже отмена С. к. впрочем, несколько не устраняет того факта что существующее в буржуаз-

ных государствах пожизненное лишение свободы (в отдельных штатах С.-А. С. Ш., кроме пожизненного лиш. свободы, применяется и лиш. свободы на срок до 99 (!) лет) фактически, особенно при наличии одиночного заключения, означает «медленное умерщвление» человека.

В настоящую эпоху эпоху кризиса капитализма, пролетарской революции в нашей стране и назревания пролетарской революции во всем мире, буржуазия, конечно, менее чем когда-либо расположена отказываться от С. к., особенно что касается политических преступлений (см.) за которые С. к. и применялась широко во всех тех буржуазных государствах, где господствующему классу пришлось столкнуться с активными, направленными на захват власти выступлениями революционного пролетариата (Германия, Польша, Венгрия, Финляндия, Эстония и т. д.). Даже там, где отказ от С. к. со стороны буржуазной власти имел место, ныне замечается тенденция к восстановлению С. к., в интересах классового террора. Если в С.-А. С. Ш. к началу XX века в 5 штатах была отменена С. к. (мы не считаем штата Iowa, отменившего С. к. в 1872 г. но восстановившего ее уже в 1878 г.) и если в дальнейшем, вплоть до вступления С.-А. С. Ш. в мировую войну, отмена С. к. произошла еще в 7 штатах (мы не считаем штата Миссури, отменившего С. к. в 1917 г. но восстановившего ее в 1919 г.) а из ранее отменивших С. к. штатов 1 штат снова ввел у себя С. к. (Колорадо, в 1901 г.) то в годы 1919 и 1920 целых 3 штата (Аризона, Орегон, Вашингтон) стали на путь восстановления С. к. и за период после 1917 г. вплоть до настоящего времени ни один штат более не присоединился к числу штатов без С. к. В настоящее время Федеральное уголовное право в С.-А.С.Ш. и угол. кодексы 40 штатов (из 48) допускают применение С. к. Говоря о С. к. в С.-А.С.Ш., необходимо при этом помнить, что кроме С. к. по суду там довольно часты и т. н. «суды Линча», т.-е. самосуды (см.) толпы особенно по отношению к чужакам Законодательство С.-А.С.Ш. гораздо более внимания уделяет не отмене, а «усовершенствованию» С. к. Если в европейских государствах основными видами С. к. являются теперь отрубание головы гол. обр., путем введенного французской

революцией гильотинирования) и повешение, а также расстреляние, то 19 штатов в С.-А. С. Ш. применяют казнь электрическим током (electrocution) а 1 (Невада, с 1924 г.) — отравляющим газом. Все данные говорят, однако, за то, что этот «технический прогресс» несколько не привел к уменьшению страданий казнимых, — скорее, наоборот.

В пролетарском государстве С. к. в виде расстрела, рассматривается лишь как исключительная и временная, диктуемая необходимостью обороны пролетарской диктатуры от ее классовых врагов, высшая мера социальной защиты. Примеч. 2-е к ст. 13 Осн. начал угол. законодательства СССР и союзных республик гласит: «Временно в качестве высшей меры социальной защиты, впредь до полной ее отмены ЦИК СССР, для борьбы с наиболее тяжкими видами преступления, угрожающими основам советской власти и советского строя, допускается расстрел. Применение в качестве меры соц. защиты расстрела по суду подлежит особому регулированию законодательством Союза ССР и союзных республик, — последними в соответствии с директивными указаниями Президиума ЦИК СССР. Расстрел не может применяться к недостигшим 18-летнего возраста и к женщинам, находящимся в состоянии беременности». За общеуголовные (имущественные и против личности) преступления расстрел вовсе не может иметь места, кроме случая, предусмотренного в ч. 3 ст. 167 У К ред. 1926 г. Попытка отменить совершенно расстрел, сделанная советской властью в январе 1920 года (см. Собр. Узак. 1920 г. № 4/5 ст. 22), оказалась преждевременной. Но применение расстрела у нас уже значительно сократилось за последние годы. За 11 мес. 1923 г. из всех обжаловавших соотв. приговоры в УКК Верховсуда РСФСР 6400 осужденных губ., обл. и т. и. судами, 686 чел. или 10,7% являлись приговоренными к высшей мере соц. защиты: за 1926 г. таких приговоренных было 886 на 35.918 чел. всех осужденных обжаловавших соотв. приговоры в УКК т.е. 2,5%. К тому же в исполнение не приводится и половины всех приговоров к расстрелу, что объясняется как заменой Верховсудом расстрела лишением свободы на 10 лет так и широким использованием в этих случаях

ВЦИК'ом и ЦИК'ом СССР права помилования (см. Амнистия)

А Эстрин

СМЕШАННЫЕ СУДЫ — одна из форм особой подсудности иностранцев на Востоке, при которой последние, вместо подчинения местной юрисдикции наравне туземцами, ставятся в привилегированное положение, подчиняясь лишь судам с участием агентов отрапы, в подданстве которой данные иностранцы состоят. Хотя по сравнению с другими формами экстерриториальной юрисдикции (см. Капитуляция) эта форма внешне как будто менее грубо нарушает территориальный суверенитет, но в действительности она нарушает его совершенно так же как все эти формы обуславливаются одной и той же предпосылкой: изъятием иностранцев из действия общей судебной системы страны их пребывания. В программе национального возрождения стран Востока отмена С. с. связывается поэтому с требованием общего упразднения иностранных привилегий. В Турции до мировой войны торговые споры между европейцами и туземцами во всех крупных центрах разбирались «торговыми палатами» с решающим участием в них двух лиц того же подданства, что и каждая спорящая сторона: уголовные дела, в которых были замешаны европейцы, разрешались «исправительными судами», паритетными из туземцев и соответствующих европейцев. Оба эти вида С. с. отпали в силу гл. IV лозаннского договора (односторонняя отмена их Турцией, как и режима капитуляций, была декларирована еще в 1914 г.). Роль предусмотренных в лозанском договоре («Декларация об осуществлении юстиции в Турции») иностранных юридических советников ограничивается консультативно-вспомогательными функциями, тогда как для С. с. характерно участие иностранных элементов в самом осуществлении судебной функции на правах судей. В Египте на основании «Регламента судебной организации смешанных процессов» от 16/IX 1869 г. имелось три С. с. с первой инстанции и апелляционный С. с. с юрисдикцией по гражданским и торговым спорам между египтянами и иностранцами и между иностранцами различного подданства и уголовной юрисдикцией по мелким

преступлениям иностранцев. Эти суды были упразднены после превращения Египта в английский протекторат (1914 г.). — В Китае на шанхайской «международной концессии» существует С. с., который при своем учреждении (1864 г.) и до 1911 г. имел задачей лишь разбирать иски, предъявляемые иностранцами к китайцам, для чего к китайскому суду присоединялись ассессоры соответствующей иностранной национальности, без предоставления им судейских нрав. В революцию 1911 г. под предлогом развала китайских судов, иностранные консулы в Шанхае захватили этот суд в свои руки, самостоятельно назначив судью-китайца на правах председателя и двух ассессоров-европейцев на правах судей. Несмотря на постоянные протесты, это положение, возникшее под предлогом временной необходимости, сохранилось до сих пор. Находясь всецело в руках иностранного консульского корпуса этот суд ведает не только смешанными делами между китайцами и европейцами, но осуществляет и юрисдикцию над всем 500-тысячным китайским населением концессии. Это не имеет под собой даже узко-формального обоснования в договорах. Последний договорный акт, относящийся к данному вопросу, — Чифусская конвенция 1876 г., — говорит о присутствии в смешанных процессах, которые подлежат разрешению судом ответчика «чиновника страны, к которой принадлежит истец, для наблюдения за ходом дела в интересах правосудия» и, таким образом, не оправдывает существования экстерриториального суда даже для смешанных процессов, не говоря уже о юрисдикции над всем местным китайским населением.

В этом отношении шанхайский С. с. узурпировал функции, идущие далеко за пределы самых крайних проявлений капитуляционного режима. В связи с событиями 1925 г. этот «самочинный суд» приобрел особую одиозность в глазах китайского населения. Требование его отмены входит в программу национального освобождения Китая.

Г Л

СОБСТВЕННОСТЬ. Право частной С «С в самом общем и широком смысле слова означает присвоение природы со

стороны человека (индивида) внутри и при помощи определенной формы общества, и в этом смысле С (присвоение) является безусловным условием всякого производства и, значит, всякого общества» (К. Маркс). О праве С. мы, однако, говорим только в классовом обществе, когда С. приняла (в противоположность к доклассовому и послеклассовому периодам)— форму частной С. На счет права частной С. мнения чрезвычайно расходятся: одни, буржуазия, называют ее священным естественным правом человека, другие, мелкая буржуазия (напр., Прудон), объявляют ее просто кражей. Трудовая теория политической экономии ее выводит из труда, и, как поясняет Маркс на деле, в конечном счете в капиталистическом обществе, из чужого труда. Суть права С. по Марксу сводится к противоположности господства—рабства между людьми и в силу обладания одними из них вещами (средствами производства), без коих другие не могут применять своей рабочей силы.

Для буржуазного же правоведа «понятие С. основывается также в последнем счете на противоположности (Gegensatz), но между лицом и вещью». «Вещь, так как она безвольна, имеет назначение быть подвластной воле способному лицу». Так мы читаем у редактора проекта Герм. Гражд. Уложения Иохова. Он так же, как и Маркс, говорит о господстве не о господстве над вещью, а не над людьми; он этому господству противопоставляет не рабство, подневольность людей, а только безвольность вещи. Но интересно, что вся буржуазная наука сходится в том, что понятие С. является общим правовым понятием, лежащим в основе всех самых различных право порядков». «Право С. отличается от всех прочих вещных прав не своею исключительностью, но тем что оно является основой всех прочих прав на вещь». И буржуазный юрист признает, что «отношение господствующего лица к вещи не представляется как нечто замкнутое (Internum), что оно прежде всего предназначено для внешнего мира, к которому оно и приурочено (zugeschnitten)» (Гедеман).

Но произнося почти буквально одни и те же слова, как и эти буржуазные писатели, мы с ними говорим на различных языках; они произносят какую-то юридическую тарбарщину, мы же хотим и в правовых вопросах пользоваться чисто деловым и конкретным подходом. Нас в праве интересуют не только «прежде всего», но исключительно противоположности, противоречия между тюдью и иззаеши, ее пользования и владения, т.е. зависимое от разделения труда распределение средств производства. «Различные ступени развития разделения труда являются в то же время различными формами С., т.е. каждая ступень разделения труда определяет и взаимоотношения индивидов по отношению к материалу, орудию и продукту труда».

Проидем вкратце историю всех форм С. по Марксу «Первой формой С. является родовая С. Последняя соответствует неразвитой ступени производства, на которой народ живет охотой, рыболовством, скотоводством, в лучшем случае земледелием. В последнем случае он предполагает огромную массу лежащих еще впусте земель. На этой ступени общественной жизни разделение труда еще очень слабо развито и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье натурального разделения труда» (М. и Э., Нем. ил.) Сюда относится и разделение труда между мужчиною и женщиною. В С. входят и рабы.

«Второй формой С. является античная общинная и государственная С. которая возникла, благодаря объединению, путем договора или завоевания, нескольких родов в один город, и при которой сохраняется рабство (см.) На ряду с общинною С. развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная С., но как исключительная, подчиненная общинной С. форма. Граждане государства обладают властью над своими рабами и лишь коллективно и уже по одному этому связаны с формой общинной С.» (там же)

Первым по времени видом права частной С. по видимому является право С. на землю, образовавшееся при выделении из рода отдельных семейств-земледельцев. Частный характер этого

права и вообще правовой характер этого отношения являются еще условными. Эта С. с одной стороны, С. двора (см.), семьи (см.) Но с другой стороны она представляет собою уже господство человека над человеком, отца семьи (pater familias) над составом семьи, включая и рабов. «Первоначальная форма С. имеется уже в семье, где жена и дети являются рабами мужчины. Рабство—разумеется еще очень грубое и скрытое—в семье представляет собою первую С., которая впрочем здесь вполне уже соответствует учению современных экономистов, согласно которому она означает возможность распоряжаться чужою рабочею силою».

Но такой двор, семья, еще не порвали целиком с коммунизмом (см.), общинною С. ибо у них еще остаются общественные пастбища и леса. Кроме того, тут еще отсутствует бессрочность С., которая развивается лишь постепенно: годичное, двухгодичное и т.д. владение. Эту частную С., относящуюся целиком к деревне, Маркс характеризует словами: «Свободная С. трудового крестьянства, по видимому, является самою нормальною формою земельной С. для мелкого владения, т.е. того способа производства, в котором владение земли является условием для права С. рабочего на продукт своего труда.. Право С. на землю для полного развития этого способа столь же необходимо, как С. на орудие производства для свободного развития ремесленного производства» (Маркс, «Капитал» III, 2, 341).

С того момента как возникает возможность излишка сверх необходимого для семьи труда—а эта новая форма производства обеспечивает такой излишек—является и претендент на продукт этого прибавочного труда т.е. новый грубо-эксплоататорский вид частного собственника.

Это и есть новая форма частной С. которая возникает и развивается различными путями, но суть которой всегда заключается в том, что собственник или владелец получает с обрабатывающих землю семейств дворов дань, натуральную, трудовую или продуктивную земельную ренту (см.) в силу своих прав на эту землю, своей власти над нею, вместе с работающими над этой землею людьми. Это новый вид распоряжения чужою рабочею

силою, настоящее отношение господства—рабства. Третьей формой является феодальная или сословная С. Она подобно родовой и общинной С. тоже покоится на общественной организации, которой, в качестве непосредственно производящего класса (см.), противостоят, однако не рабы, как в древности, а мелкие крепостные крестьяне... Эта феодальная структура, как и античная общинная С., являлась ассоциацией, направленной против порабощенного производящего класса. Этому феодальному расчленению земельной С. соответствует в городах корпоративная С. и феодальная организация ремесла... Феодальное расчленение всей страны породило цехи.. Таким образом, главной формой С. в феодальную эпоху является, с одной стороны земельная С. со связанным с ней трудом крепостных, а с другой—собственный труд, при наличии мелкого капитала и труда используемых им подмастерьев» (Маркс и Энгельс «О Фейербахе», стр. 255—256). Маркс тут же указывает, что в рабовладельческом Риме тоже встречались те же явления, как и в современной частной С. — централизация частной С. и превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат который, однако, благодаря своему промежуточному, половинчатому положению между имущими гражданами и рабами, не получил самостоятельного развития. Важное значение тут имели новаторские роли города и отделение города от деревни.

Четвертую форму С., капиталистическую частную собственность, тов. Пашуканис ее называет «юридической» С.. Маркс обозначает как «феодальную С. подчиненную условиям буржуазного производства» (см. Рента земельная). Превращение продуктивной или трудовой ренты в денежную и капитализация земельной ренты в земельную цену— вот в чем заключается капиталистическая С. на землю. Но в буржуазном, капиталистическом обществе это уже не является единственной и даже не везде преобладающей формой С. Рядом с ней и господствующей над ней является частная собственность на средства производства, как на капитал, так и на продукт чу-

жого труда, противопоставляя ее частной С. простого товаропроизводителя на продукт своего труда. Вот как рисует Маркс превращение продукта той С. на труд, который мы отметили в период феодальной С. в С. несобственника труда: «Первоначально право С. казалось нам основанным на собственном труде... Теперь же оказывается, что С. для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего—невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение С. от труда становится необходимым последствием того закона, исходным пунктом которого послужило, по видимому, их тоже ство» («Капитал», I 592)

Это, конечно, только основные формы С., и помимо них имеются промежуточные формы, иногда как мы уже видели существующие даже параллельно. Но чего нет это—спокойной эволюции «незаметного для глаз» развития идеи или факта С. Так, напр., совершенно неправильно утверждение что «коллективная и индивидуальная С. представляет собою лишь крайние полюсы развития относящихся сюда правовых институтов, между которыми существует целый ряд промежуточных ступеней».. И «мы напрасно стали бы искать в истории права... индивидуальную С. без всякого следа коллективизма, как не найдем и коллективной С. свободной от всякого индивидуализма». Если это не просто бессодержательная фраза кабинетного «гелертера», то она вреднейшая, бьющая в глаза и фактам и диалектическому, классовому подходу к праву, ерунда «юридического социалиста».

Можно себе представить, какая получается каша, когда буржуазная юридическая теория по своему излюбленному методу берет все эти различные исторические виды права С., как абстрактные, рядом существующие понятия и понемногу начинает свои обобщения. Остановимся лишь вкратце на некоторых примерах. Существует параллельно целый ряд теорий, объясняющих и обосновывающих право С., эти теории понимаются как существующие рядом, вне времени и пространства—значит сопоставляются не диалектически и даже не исторически.

Мы назовем лишь несколько из них: теория вотчинная или богословская (от бога), теория оккупации (захват), теория борьбы и соглашения (Гоббс), теория трудового происхождения всякой собственности (Локк), теория легального происхождения (Вагнер), теория государственного происхождения («делегированное государством»), теория социальной функции («обществом порученное») и т. д. Конечно, для каждой из этих теорий можно найти и ее классовое объяснение, но этот анализ еще никем не проделан.

Интересно диалектически изучить и основное определение права С по его признакам. Составные части этого права, как известно: право пользования, владения и распоряжения. Самым первичным является пользование. Буржуазное право (см.) исходит из пользования «по своему усмотрению»¹

Не будем здесь останавливаться на вопросе, как изменилось само понятие пользования: из права использовать вещь для применения своей и чужой рабочей силы в целях личного потребления оно превратилось в право извлекать «пользу» или «плоды» доход из вещей, никаких естественных плодов, также при применении рабочей силы, не приносящих, и даже из непользования вещь (земельная спекуляция, земельное ростовщичество). Поэтому прибавляют к праву пользования еще и право не пользования. И только войне удалось, по крайней мере, на время, поколебать право непользования вещь, вводя в этих случаях право государственного вмешательства или принуждения в интересах ее использования. Но и самое пользование может быть ограничено договором или законом напр., сервитутами (см.). А вместе с тем это первичное основное право современем отделяется от собственника, и капиталистическая С. к тому и стремится, чтобы пользование никогда не находилось у самого собственника. Пользование землей возмездно сдается арендатору с получением ренты, а рента является сущностью капиталистической частной С.

Владение (см.), первоначальный вид С., ныне является лишь явлением, ее сопровождающим. Владелец предполагается собственником, но обыкновенно на деле он только пользователь. И владение отделилось от собственника. Право С. ныне в сущности сводится к праву распоряжения вещь вплоть до ее уничтожения при чем это распоряжение может сводиться к одному правому титулу, крепостному акту или записи в крепостную или ипотечную книгу. Право частной С., говоря словами Маркса, «доведено до абсурда»; это—чисто политический акт классового господства.

Много говорили о праве С. как об исключительном господстве над вещь. Этот принцип римского права (см.) а вслед затем и французского кодекса, вызывал много нареканий с одной стороны и иллюзий—с другой, выражающихся в фразе: «Право частной С. социализируется» «Исключительность», конечно, условна. Она развилась лишь постепенно, а вместе с тем она тут же получила соответствующие законные ограничения. Абсолютность на деле исчезла и из французского кодекса. Но пока эти ограничения вводятся в классовом государстве лишь в пользу господствующего же класса в целом и отдельных ее членов, смешно говорить о социализации частной С. «Не то важно для понятия С., что оно в конкретном случае дает полное господство над вещь, но что оно имеет способность и стремление все снова вырастать в такую неограниченную «власть» (Дернбург). Значит, не в сторону социализма, а — рабства. Право С.—является правом бессрочным или вечным. На этом основании некоторые отрицают характер права С. за литературную С. (ограниченную сроком) Но всегда ли и везде ли С. была бессрочна? Мы видели, что нет. А ныне? Разве английский домовладелец на 99 лет и концессионеры на 50 лет и т. п.—перестают быть частными собственниками?

Как всякая С., вернее, преобладающий тип ее, так и частная в каждую историческую эпоху имеет иной характер. Рядом существуют различные пережитки или нарождающиеся новые формы не играющие решающей роли. Колоссальное нарастание приводит к рево-

¹ Интересно, что в этом слове «усмотрение» сходятся франц. револ. декларация прав и русский царский устав о промышленности.

люционным, диалектическим скачком, и всякие эволюционные теории как раз относительно института С представляют не что иное, как вредные иллюзии, затемняющие роль и значение классовой борьбы.

Если разные виды С. являются лишь коррелятивами к различным видам разделения труда и, наоборот, если право частной С., по признанию буржуазных юристов составляет основу всякой правовой системы то для всякого ясно, что право частной С. есть как раз та область общественных отношений, которая лучше всего в себе отражает состояние борьбы классов данного общества, данной эпохи.

Для всякого ныне как будто ясно, что С. на средства производства определяет и С. на продукт производства, ибо распределение средств производства определяет и распределение продуктов производства. Тем не менее оба вида С. далеко не так дружно развиваются. С известными оговорками это противопоставление прав С. на недвижимость (землю с принадлежностями) и на движимость. Каждая из этих категорий имеет как бы свою особую исходную точку: за владение землей вместе с работающими над нею людьми, в целях присвоения их прибавочного труда. с одной стороны, с другой же стороны, основанное на производстве присвоение продукта чужого труда.

Эти границы, правда, отчасти стираются. Маркс показывает, как земля вследствие вложенного труда (см. Улучшения) превращается в землю-капитал. А кто скажет на первый взгляд, что все громадные капиталы являются исключительно исторически неоплаченным кристаллизовавшимся чужим трудом, ныне, в лице своих владельцев захватчиков, эксплуатирующих живой труд? Буржуазное право смело сбрасывает в одну кучу эти виды права С. и на средства производства, и на продукт труда. Все это имеет денежную форму, а деньги по закону не выдают („non olet“ - не воняют) своего происхождения. Среди самих юристов слышны голоса против такого обобщения, но составители кодексов — в том числе и нашего — до сих пор этих предостережений не послушались.

После победы пролетариата частная С. на землю и на средства производства социализируется.

Таково учение социализма. До октября 1917 года большинство социалистов это представляло себе слишком упрощенно и лавино. «Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс ускоренным темпом движения» (Энгельс в письме к Бернштейну, 27/VIII 1883). Ленин в «Государстве и Революции» развил теорию Маркса о двух фазах социализма и коммунизма.

О первой или низшей фазе этого общества, «которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества». Ленин пишет: «Средства производства уже вышли из частной С. отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу».

Но «справедливости и равенства» первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет эксплуатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, земли и проч. в частную С.»

«Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость» что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)»

«Буржуазное право» признает их (средства производства) частной С. отдельных лиц. Социализм делает их общей С. Постольку — «лишь постольку» — буржуазное право «отпадает»

Труднее вопрос становится в наших условиях, с отступлением к новой экономической политике. По ст 15 конституции РСФСР (1925 г.) «вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, жел.-дорожный, водный и воздушный транс-

порт и средства связи составляют С рабоче-крестьянского государства».

Но наш Г. К. вводит и право частной С., правда, лишь «постольку, поскольку» оно служит «целям развития производительных сил» (см. ст. 4). Кодекс различает С. государственную и кооперативную, с одной стороны, частную, с другой. Только государственною С. могут быть земля, недра, леса, воды, жел. дороги общего пользования, их подвижной состав и летательные аппараты. Частною С. может быть лишь не изъятое из оборота имущество. Предприятия (см.), в коих число наемных рабочих выше установленного законом, могут быть предметом частной С. лишь на основании концессии с стороны правительства. С. кооперативною могут быть и промышленные заведения, организуемые или приобретаемые кооперативными организациями в порядке, установленном законами о кооперации (см.), независимо от числа занятых в нем лиц.

Не восстанавливается частная С. бывших собственников, если она была экспроприрована на основании революционного права или вообще перешла во владение трудящихся до 22 ноября 1922 г. Исключение предоставлено лишь кооперативам по особым постановлениям (ст. 59 прим. 1 и 3). Новые конфискации (см.) допускаются лишь в случаях, указанных в законе и в установленном порядке за уголовные преступления; реквизиции (см.) допускаются лишь за вознаграждение.

Государство (см.) предполагается собственником, пока не доказано противоположное; имущество, собственник которого неизвестен (бесхозяйное имущество), переходит в собственность государства, при чем этот переход осуществляется в административном порядке, с правом лишь жалобы, а не иска. Госуд. учреждения или предприятия могут требовать от всякого приобретателя принадлежащее им имущество, и незаконно отчужденное каким бы то ни было способом. Частные лица могут требовать от другого лица возврата имущества, купленного им добросовестно не непосредственно у собственника лишь в

том случае, когда оно им утеряно или похищено у него (60).

С. переходит на основании договоров, допущенных кодексом или публичных торгов; приобретательной давности нет. Право С. на индивидуально определенную вещь переходит с момента совершения договора-купли. в отношении вещей, определенных родовым признаком (числом, весом, мерой)—с момента передачи, т. е. вручения их приобретателю или, по общему правилу, сдачу на почту самой вещи или распорядительного документа на товары и передачи их возчику, если не договорена обязанность доставить вещь.

Что касается государственной С. на средства производства и жилища, то она осуществляется государственными или коммунальными учреждениями, государственными предприятиями, трестами, а равно и всякими смешанного типа учреждениями по установленным правилам.

Земельная С. осуществляется путем получения земельной ренты или обработки в виде совхозов чрез наемный труд или кооперативно. Таким образом и государство получает еще прибыль и ренту, но не в целях эксплуатации человека человеком, ибо во главе государства стоит класс самих трудящихся, который и определяет размер необходимого для общества прибавочного труда.

П. Стучка

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ (СНК)—это высший орган государственного управления переходного периода. Он был образован в буквальном смысле на другой день после Октябрьской революции. Первым правительственным актом пролетарской революции было — «образование для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временного рабочего и крестьянского правительства, которое будет именоваться СНК» (декр. от 28/X — 1917 г., стар. ст.). Декретом от 30/X—1917 г. СНК определенно снабжается правами законодательной власти: «Впредь до созыва Учредительного собрания, составление и опубликование законов производится в порядке настоящего постановления Временным рабочим и крестьянским правительством...». После того, как Учредительное

собрание выявило свою контрреволюционную сущность и было распущено, эпитет «временное» в названии СНК был вышучен по постановлению III Всерос. Съезда советов. В резолюции «о федеральных учреждениях РСФСР» было установлено, что СНК является правительством федерации, избираемым и смещаемым в целом и по частям ЦИК'ом РСФСР. На III Съезде СНК получил наименование «Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР». Вышедший из горнила рабоче-крестьянской революции, СНК немедленно и решительно приступил к выполнению классовых задач этой революции — декреты о 8-часовом рабочем дне, о комиссиях труда, о рабочей милиции и т. д. Более точно, чем это было сделано первыми декретами, положение в системе советского правительства и компетенция СНК были определены Конституцией РСФСР от 10/VII — 1918 г. Ст. 35 этой Конституции говорила, что — «ЦИК образует СНК для общего управления делами РСФСР». «В осуществление этой задачи СНК издает декреты, распоряжения, инструкции и, вообще, принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни» (ст. 38). «О всех своих решениях СНК немедленно сообщает ВЦИК» (ст. 39) «ВЦИК вправе отменить или приостановить всякое постановление или решение СНК» (ст. 40). «Все постановления и решения СНК, имеющие крупное общественно-политическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение ВЦИК. Мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены СНК непосредственно» (ст. 41 и примеч к ней). «СНК всецело ответственен перед Всерос. съездом советов и перед ВЦИК» (ст. 46) Как видно из приведенных статей Конституции РСФСР от 10/VII — 1918 г. последняя оставила СНК тем же активным и быстродействующим, совмещающим в своей работе функции законодательные и функции правительственные, органом, каковым СНК создала Октябрьская революция. Вместе с этим, однако, она чрезвычайно ясно определила положение СНК в системе органов правительства РСФСР и довольно точно установила его компетенцию. Дальнейшая эволюция структуры центральных органов советской власти принесла в этом отношении значительные изменения. Дело в том,

что после VII Съезда советов (в 1919 г.) в связи с переходом ВЦИК на сессионный метод работы, в системе центральных органов РСФСР начинает выдвигаться новый орган в лице Президиума ВЦИК. Постановление VII Съезда советов ставит Президиум ВЦИК над СНК, предоставляет ему право утверждать и приостанавливать постановления СНК, а VIII Съезд советов (1920 г.) предоставляет ему и право отмены постановления СНК. Эти акты конструируют Президиум ЦИК РСФСР, как руководящий центр по инструктированию всей работы, как в центре, так и на местах, и т. д. Отсюда создалась некоторая неясность в компетенции как самого Президиума ВЦИК, так и СНК и в распределении правительственной работы между ними. Эту неясность в дальнейшем не удалось устранить ни союзной конституции, ни союзному законодательству относительно органов Союза ССР, ни конституции 1925 г. и законодательству РСФСР относительно органов РСФСР. Например, согласно ст. ст. 37—42 Конституции Союза ССР, СНК СССР является исполнительным и распорядительным органом ЦИК СССР; СНК СССР, в пределах предоставленных ему ЦИК СССР прав и на основании Положения о СНК СССР, издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории СССР; постановления и распоряжения СНК СССР могут быть приостановлены и отменены ЦИК СССР и его Президиумом. Надо особенно подчеркнуть, что С. Н. К. отнюдь не может быть рассматриваем, как чисто правительственный, т. е. только исполнительный орган, согласно теории разделения властей (см.) не принимаемой нашей конституцией. Помимо правительственных функций, СНК принадлежат и функции текущего законодательства. Согласно «Положению о СНК СССР» (Пост. 3-й Сессии ЦИК СССР — «Вестник ЦИК, СНК и СТО», 1923 г., № 10, ст. 295), СНК принадлежит руководство деятельностью общесоюзных и объединенных наркоматов, рассмотрение и утверждение декретов и постановлений общесоюзного значения, предварительное рассмотрение проектов декретов и постановлений, вносимых на утверждение ЦИК СССР и его Президиума (в том числе общесоюзного бюджета), рассмотрение и осуществление меро-

приятый в области общего управления Союзом СССР. СНК назначает членов коллегий наркоматов и ОГПУ, членов СТО Госплана, Главконцесскома и др. должностных лиц («Положение», ст. 3). Таким образом мы видим, что помимо деятельности правительственной (по управлению СССР) СНК осуществляет и законодательную деятельность: 1) издавая собственные декреты и постановления и 2) участвуя во всей законодательной работе ЦИКа Союза и его Президиума. Постановления СНК могут быть отменяемы и приостанавливаемы Президиумом ЦИК СССР. Жалобы и протесты на постановления СТО приносятся в СНК и могут быть им отменены или изменены.

Встречающиеся иногда в литературе попытки рассматривать СНК, как орган исполнительной власти, подобный западноевропейскому кабинету министров, а также возникающие в этом вопросе затруднения, появляющиеся от трудности примирить положение СНК, как «исполнительного органа», с наличием у него ряда законодательных функций, объясняются тем, что в умах юристов еще очень сильно влияние теории разделения властей. Традиционные юридические представления исходят из взгляда на власть законодательную, как на высшую в системе государственных властей («власть исполнительная да подчинится власти законодательной»). По этому взгляду — закон есть высший акт государственной власти, по отношению к которому акты, издаваемые органами управления, могут играть только подчиненную роль. Управлять государством, по этому взгляду, значит осуществлять законы, изданные законодательной властью.

Между тем, по учению Ленина, управлять государством значит — осуществлять все мероприятия и принимать все меры, какие диктуются политической и экономической обстановкой и интересами трудящихся масс. При такой концепции государственного управления — принципиальная разница между законом и актом управления исчезает. Единая по своей классовой природе власть распределяет различные функции, исходя из принципа деловой целесообразности, между различными органами государства, не проводя деления их на чисто законодательные и

чисто исполнительные. В. И. Ленин неоднократно ссылаясь на пример Парижской коммуны, упразддившей это деление и превратившей законодателей в то же время и в исполнителей своих постановлений и законов. Именно этот отрыв законодательства от непосредственного управления государством составляет язву парламентаризма, которой избегает советская система организации властей.

Значение СНК, как органа государственного управления, т.-е. не только органа исполнительного, но и законодательного, подчеркивает и Конституция РСФСР 1925 г. Так, в ст. 19 она постановляет, что никакие «законодательные акты общегосударственного значения на территории РСФСР» не могут быть изданы каким-либо органом, кроме Всероссийского Съезда Советов, ВЦИКа его Президиума и СНК. Законодательством РСФСР пока и не сделано попыток более или менее точно определить компетенцию СНК РСФСР и Президиума ВЦИК и распределить работу между ними, так как до сих пор не изданы положения ни о том, ни о другом органе. В составе действующего законодательства СССР по этому поводу мы имеем: 1) Положения о СНК СССР 1923 г. и 2) главу VII («О Президиуме ЦИК СССР») Положения о ЦИК СССР от 1923 г.; однако, и наличие этих законодательных актов вопроса о точном понимании компетенции СНК не разрешает. В результате такого положения вещей мы в настоящее время имеем: 1) известное дублирование в законодательной работе в том смысле что большинство законодательных постановлений СНК идут на обязательное утверждение Президиума, и 2) параллелизм в правительственной работе, так как одни и те же вопросы управления, иногда по случайным обстоятельствам, разрешаются СНК, а иногда — Президиумом.

Самая структура СНК имеет следующий вид. СНК образуется ЦИКом и состоит из председателя, его заместителей и народных комиссаров: в состав СНК Союза ССР входят народные комиссары общесоюзных: НКВД, НКПС, НКП и Т. Наркомвоенмора и объединенных (директивных) наркоматов: ВСИХ, НК РКИ, НКФина, НКТруда а также Наркомторга, который по линии внешней торговли является общесоюзным, а по линии внутренней торговли — объединенным

наркоматом, далее — начальник ЦСУ и — с правом совещательного голоса — председатель ОГПУ (ст. 37 Конст СССР и ст. 1 Положения о СНК СССР)

В состав СНК союзных республик входят председатель СНК и его заместители и наркомы: ВСНХ, НК РКН, Труда, Финансов, НК Торговли, Просвещения, Здравоохранения, Внутренних Дел, Юстиции, Земледелия, Социального Обеспечения, Управляющего ЦСУ данной республики. Из этих наркоматов ВСНХ, РКН, НК Финансов, НК Торговли являются объединенными, т.е. в своей деятельности они руководствуются не только постановлениями и директивами своих СНК, но и директивами одноименных наркоматов Союза: другие НК Просвещения, Здравоохранения, Внутренних Дел, Юстиции, Земледелия и Соц. Обеспечения — входят только в состав СНК своих республик и руководят постановлением только своих СНК не будучи объединены в советном масштабе. ЦСУ республик действует на правах объединенного наркомата. Кроме того, в состав СНК республик входят уполномоченные общесоюзных наркоматов с правом совещательного или решающего голоса по постановлению СНК республик. В состав СНК автономных республик входят, в общем те же наркоматы, что и в СНК союзных республик. При этом взаимоотношения наркоматов авт. республик с наркоматами тех союзных республик в состав которых входят авт. республики, строятся аналогично отношениям наркоматов союзных республик с наркоматами Союза ССР, т.е. наркоматы Труда, Финансов, ВСНХ, РКН являются объединенными (т.е. руководятся постановлениями не только СНК авт. республики, но и одноименного наркомата союзной республики), а остальные — автономными наркоматами, т.е. руководятся постановлениями только СНК и ЦИК авт. республики.

Право внесения вопросов в СНК принадлежит только лицам и учреждениям, точно указанным или в Положении о СНК, или в приказе о его работе. Заседания СНК действительны при наличии не менее половины членов СНК, имеющих право решающего голоса. Для предварительной проработки поступающих на рассмотрение СНК вопросов при нем состоит особая постоянная комиссия: при СНК СССР — подготовитель-

ная комиссия, а при СНК РСФСР — Малый СНК. Эти комиссии состоят из членов, персонально назначаемых СНК. Постановления этих комиссий, при отсутствии протестов со стороны отдельных ведомств, по подписании их председателем СНК, являются формально постановлениями самого СНК. Порядок подготовки и рассмотрения вопросов, вносимых на разрешение СНК, определяется наказом о его работе. Если внимательно изучать, например, наказ о работе СНК и ЭКОСО РСФСР от 8/II—24 г. (С. У., 1924 г., № 23, ст. 228), то прежде всего бросается в глаза то, как этот наказ стремится весь устанавливаемый им порядок движения и рассмотрения дел в СНК приспособить к основным особенностям СНК, как правительственного органа, который должен работать быстро и четко. Это постоянное стремление к тому, чтобы установить СНК как правительственный орган, который гарантировал бы быстроту и четкость ее проведения, а также и то обстоятельство, что СНК имеет в своем непосредственном распоряжении весь центральный административно-технический аппарат и, следовательно, сосредоточивает у себя весь опыт и всю практику управления в общегосударственном масштабе и, наконец, естественность в правовых формах реализации своей работы, о которой мы говорили выше, — все это делает СНК незаменимым орудием пролетарской диктатуры и социалистического строительства и будет и впредь обеспечивать СНК преимущественное положение среди других центральных советских органов.

Н. Челышев

СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ Термином С. К. обозначается совокупность основных законов (К.), определяющих государственное устройство Союза ССР и входящих в него республик. В виду федеративной организации Союза ССР мы имеем не одну писаную К., но один законодательный акт, а целый ряд их, поскольку свои К. имеют и союзные и автономные республики. Совокупность этих К. определяет в целом государственное устройство СССР и составляет С. К.

Основным характерным признаком советского государства резко отличающим его от всех других государств мира и истории, является то, что это — государство

громадного большинства в противопоставление государствам господства меньшинства. Это государство победившего пролетариата, который, совершив социалистическую революцию, сверг власть капитала и взял в свои руки как политическую, так и экономическую власть. Основной целью советского государства является борьба за переход к бесклассовому, коммунистическому обществу, в котором не будет ни эксплуатации человека человеком, ни государства, как организации господствующих классов для подавления других классов. В своей «Критике Готской программы» Маркс писал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе». Этому периоду соответствует и политически переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата (см. Диктатура). Под диктатурой же пролетариата понимается государственный строй, в котором власть, при руководстве рабочего класса, принадлежит только трудящимся. Таким государством диктатуры пролетариата и является советское государство, а С. К. представляет собою организационную форму государства диктатуры пролетариата, созданную пролетариатом советских республик в процессе своей борьбы с царским полуфеодальным полицейским самодержавием и буржуазией и закрепленную октябрьской победой рабочего класса.

Этот характер и эта цель советского государства, переходного к безгосударственному состоянию, определены в ряде конституционных актов. Так, еще «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанная Лениным и принятая III Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 г., объявляла, что основной его задачей является «...уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма во всех странах»... (ст. 3); точно также и принятая V Съездом в июне 1918 г. К. РСФСР устанавливала, что «основной задачей, рассчитанной на настоящий переходный период, К. РСФСР является установление диктатуры городского и сельского пролетариата и

беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской Советской власти, в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма»... (ст. 9). Эта формулировка, теми или другими редакционными изменениями, была принята К. и остальных вновь образующихся советских республик и повторена (опять-таки с некоторыми изменениями) статьей 1 К. РСФСР 1925 г., в которой слова «водворения социализма» заменены научно более точным определением «в целях осуществления коммунизма».

Диктатура пролетариата проявляется прежде всего в том, что буржуазия совершенно устранена от участия в управлении советским государством и лишена возможности проникнуть в советские органы власти. «Теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам» (Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа). В соответствии с этим, — по ст. 2-ой Конституции РСФСР 1925 г., вся власть принадлежит советам рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. Как избирать, так и быть избранными в советы могут только трудящиеся. На всех своих ступенях советы и избираемые ими органы (съезды и исполкомы) состояются из трудящихся — в основной своей массе из рабочих и крестьян (см. Избирательное право). Таким образом, С. К. есть форма союза пролетариата и крестьянства. Руководящее значение гегемония в этом союзе принадлежит рабочему классу, который объединяет под своим руководством для достижения указанных целей все слои трудящихся, в первую очередь — крестьянство. Основными чертами государства диктатуры пролетариата являются, следовательно, — политическая власть рабочих и крестьян, национализация земли и крупнейших отраслей хозяйства и полное устранение представителей эксплуататорских классов от всякого участия во власти.

С. К. отнюдь не является плодом кабинетного размышления какого-либо теоретика или группы теоретиков. Она есть про-

дукт непосредственного революционного творчества масс. Организационная форма диктатуры пролетариата, основная и первоначальная ячейка его власти — советы, были созданы в революцию 1905 г. стихийно — первоначально (в мае 1905 г.) в Ивасово-Вознесенске, а затем, осенью того же года, почти во всех сколько-нибудь значительных городах России. Они создались, как органы революционной борьбы пролетариата, но уже и тогда, как писал Ленин, они были «органами власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и функционировании» («Победа кадетов и задачи рабочей партии», с. соч., т. XVII, ч. I). Это были органы новой, революционной власти, противостоящей власти самодержавного царизма и идущей ему на смену. И это их значение Лениным было предвидено еще в 1907 г. когда в своей статье «Сердитая растерянность» он указывал, что историческое развитие советов «должно заключаться... в превращении зачаточных органов революционной власти (именно такими органами были советы рабочих депутатов) в центральные органы победившей революционной власти, в революционное временное правительство» (с. соч., т. VIII). Но эта «зачаточная форма революционной власти» не могла развернуться в революции 1905 г., так как самодержавие одержало победу, пролетариат и восставшее крестьянство потерпели жестокое поражение и Советы рабочих депутатов были раздавлены.

Но в 1917 г., немедленно после начала революции, советы образуются вновь. 27 февраля в Петрограде, затем в Москве и других городах. Вернувшийся в апреле 1917 г. из-за границы В. И. Ленин в своих знаменитых «Апрельских тезисах» а затем в ряде статей и речей с исключительной силой раскрыл истинный исторический смысл и значение возродившихся советов. Так, в статье «Задачи пролетариата в нашей революции» (Собр. соч., т. XIV, ч. I) он указывает: «Именно такой диктатурой (г.-е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов (т.-е. рабочих и крестьян) являются Петроградский и другие местные советы рабочих и солдатских депутатов». «Советы, как объяснял В. И., представляют собою «новый тип государства»

«это — государство типа Парижской Коммуны, заменяющее особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа» (там же). Маркс, исходя из опыта Парижской Коммуны, учил, что пролетариат после своей победы над буржуазией не может просто захватить буржуазную государственную машину, приспособив ее к своим целям; он должен разбить эту машину и заменить ее своими организациями (письмо к Кугельману от 12/IV 1871 г.—Собр. писем Маркса и Энгельса, изд. Гиз, 1920 г., стр. 114—115). И подобно тому, как это сделала (хотя и не до конца) Парижская Коммуна, поступил и пролетариат России в революциях 1905 и 1917 г.г., создав свои собственные организации, бывшие не только его боевыми центрами, но и организациями его государственной власти. В период от Февраля до Октября советы выполняли эту роль органов власти лишь частично, разделяя ее (под влиянием соглашательских вождей советов этого периода) с буржуазным временным правительством, вернее, стараясь эту власть передать целиком и безраздельно буржуазии. Но выставленный Лениным лозунг «вся власть советам» был воспринят широчайшими массами рабочих и революционных крестьян, пропагандировался партией большевиков и, наконец, был осуществлен в октябре 1917 г. Таким образом, советы являются прямыми наследниками Парижской Коммуны, до конца развернувшими заложенные ею начала и сумевшими их провести без тех ошибок и колебаний, которые проявила Коммуна. Таким образом, победивший в октябре 1917 г. пролетариат уже имел сложившуюся организационную форму для вновь создаваемого государственного аппарата. И организованная в апреле того же года комиссия для выработки проекта К. имела своей задачей лишь изучить и подытожить этот опыт массовой работы мест. Это и было ею сделано. В основу текста первой К. (1918 г.) были положены два документа, принятые III Всерос. съездом советов: 1) Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа и 2) Резолюция о федеральных учреждениях Российской Республики. Немедленно же после октябрьской победы было организовано «Временное рабоче-крестьянское правительство» в лице Совета народных комиссаров (см.), которое и приступило к замене всех должностных лиц и ор-

ганов буржуазного Временного правительства новыми учреждениями рабоче-крестьянской власти

«Если С. К. может быть предложена, — говорил Ленин, обращаясь к делегатам V Съезда, — так потому, что вы ее создали, вы во всех концах страны испытали, а мы через полгода после Октябрьской революции, почти через год после I Всероссийского Съезда Советов, могли ее написать» (т. XV, стр. 344). В то же время конституция, после того как период «власти на местах» был изжит, должна была установить некоторые основные контуры строения советских органов «С. К. выявила отношение волостной власти к уездной, уездной к губернской и этой последней — к центру», — говорил Ленин на съезде председателей губисполкомов (т. XV, стр. 360) Как составная часть Конституции, включена была принятая III Всероссийским Съездом в январе 1918 г. и написанная Лениным «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Этот документ совершенно исключительной важности содержал в зародыше всю С. К. «Декларация» объявляла Россию республикой советов, которым принадлежит вся власть в центре и на местах, и устанавливала, что Российская советская республика образуется на основе свободного «союза свободных папий» как федерация советских национальных республик. Вместе с установлением основных принципов организации советского государства, декларация определенно ставила целью осуществление социализма и одобряла от имени III съезда мероприятия, осуществлявшиеся рабоче-крестьянским правительством как в области национализации хозяйства, так и в области национальной и международной политики. Первая С. К. была с теми или иными вариантами принята всеми образовавшимися в соответствии с провозглашенным советской властью принципом национального самоопределения на территории бывшей Российской империи советскими республиками; везде сложилась та же советская система, при которой образуются республиканские съезды, избирающие ЦИК'и, которые в свою очередь избирают свои президиумы и совнаркомы.

Основным организационным принципом С. К. является «демократический централизм». Сущность его состоит в том, что: 1) вся система органов власти строится

снизу; первичные и основные ячейки советской государственной ткани — советы сельские и городские — создаются непосредственно самими трудящимися путем выборов; 2) вышестоящие органы создаются этими первоначальными ячейками, путем делегации им своих полномочий (создавая волостные уездные, губернские республиканские и наконец, всесоюзные съезды советов). Здесь мы видим порядок, обратный тому, который известен буржуазному государству. В этом последнем все полномочия местной власти есть результат предоставления этих полномочий со стороны власти центральной, являющейся их источником, в советском же государстве принцип обратный. Но в то же время: 1) постановления и директивы высших органов обязательны к исполнению для органов нижестоящих и 2) как низшие органы обязаны отчетностью в своей деятельности перед высшими, точно также и наоборот — высшие органы обязаны представлять отчет о своей работе низшим. Вся эта система конструирования власти и взаимоотношений между ними и представляет собою систему «демократического централизма».

Организовавшиеся после РСФСР советские республики Украины, Белоруссии, Закавказья (ЗСФСР в свою очередь состоит из трех самостоятельных республик — Грузии, Армении и Азербайджана) в течение нескольких лет были связаны с РСФСР посредством союзных договоров в силу которых были объединены некоторые отрасли государственного управления (иностранные дела, армия, пути сообщения, частично — финансы). Но необходимость более тесного объединения в целях совместной защиты от нападения международной и своей «отечественной» буржуазии, более успешного приложения усилий по восстановлению разрушенного империалистической и гражданской войнами народного хозяйства и строительства социализма, повлекла образование единого союзного пролетарского государства, построенного на федеративных началах — Союза Советских Социалистических Республик созданного на Первом Всесоюзном Съезде представителей указанных четырех республик, происходившего в Москве 30 декабря 1922 г. Принятая тем же съездом и включенная позднее в К. «Декларация об образовании Союза ССР» указывает следующие причины образования Союза:

а) восстановление разрушенного войной народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик; б) неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения; в) само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью «Все эти обстоятельства». — говорится в Декларации. — «повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность и внутренние хозяйственные преуспевания и свободу национального развития народов». Действительно, Союз ССР построен так, что полностью обеспечивает всем входящим в него республикам национальное самоопределение, являясь добровольным объединением равноправных народов. В Союз входит в настоящее время шесть союзных республик — Российская соц. федеративная советская республика, Украинская ССР, Белорусская ССР, Закавказская соц. федеративная советская республика (состоящая из трех частей республик Грузия, Армения и Азербайджан), Узбекская ССР и Туркменская ССР. Последние две республики вошли в Союз только в 1925 г., после того, как произошло размежевание по национальному признаку в Средней Азии, и существовавшие прежде республики — Бухара, Хорезм и Туркестанская АССР (входившая в состав РСФСР), образовали две новых советских независимых республики — Узбекистан и Туркменистан. Добровольности вхождения в Союз проявляется не только в том, что сам Союз образован был по желанию прежде независимых советских республик, а также не только в том, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, но и в том, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что определенно указано в ст. 4-й Конституции Союза. Для того, чтобы изменить или отменить эту статью необходимо согласие всех союзных республик (ст. 6). Таким образом, даже верховные органы власти Союза ССР не мо-

гут своей властью ограничить право союзной республики выйти из Союза по своему одностороннему решению. Вместо этого, по той же ст. 6-й Конституции — территория каждой союзной республики не может быть изменена без ее согласия.

Принятые отдельно «Декларация» и «Договор об образовании Союза ССР» по постановлению II сессии ЦИК СССР 1-го созыва, утвержденному II Всесоюзным Съездом Советов, образовали Конституцию Союза. Днем принятия ее считается 6 июля 1923 г., когда она была принята Сессией ЦИК, в соответствии с чем каждое первое воскресенье в июле считается «днем Конституции СССР». На последующих съездах Конституция подвергалась некоторым изменениям. Союзные республики при организации Союза сохраняют свою самостоятельность, как государства, и по ст. 3-ей Конституции суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах указанных в Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. В соответствии с этим ст. 1-я Конституции дает перечень вопросов, отнесенных к ведению Союза с тем, что вопросы не указанные в перечне, находятся в ведении самих союзных республик. В перечень этот входит:

1) Представительство Союза в международных сношениях, ведение всех дипломатических сношений, заключение политических договоров с другими государствами, изменение внешних границ Союза; объявление войны и заключение мира; ратификация международных договоров.

2) Установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных предприятий, имеющих общесоюзное значение; заключение концессионных договоров как общесоюзных, так и от имени союзных республик; руководство внешней торговлей и установление системы внутренней торговли; руководство транспортным и почтово-телеграфным делом, установление системы мер и весов; организация общесоюзной статистики.

3) Утверждение единого государственного союзного бюджета, состав которого входят бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним, поступающих на образование бюджетов союзных республик, разрешение до-

полнительных налогов и сборов союзными республиками; установление единой денежной и кредитной системы, заключение внешних и внутренних займов Союза и разрешение внешних и внутренних займов союзных республик.

4) Организация и руководство вооруженными силами Союза.

5) Установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами лесами и водами по всей территории Союза; общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда.

6) Установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза; право амнистии на всей территории Союза.

7) Заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик; урегулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками; отмена нарушающих конституцию постановлений Съездов советов и ЦИК'ов союзных республик; разрешение спорных вопросов, возникающих между союзными республиками; основное законодательство в области союзного гражданства в отношении прав иностранцев.

8) Установление основных законов о труде, общих начал в области народного просвещения и общих мер в области охраны народного здоровья.

В связи с созданием Союза ССР и переходом к Союзу ряда функций государственной власти, союзными республиками были внесены изменения в свои К и новые тексты таковых заменили собою действовавшие до создания Союза К.

Верховным органом власти Союза ССР является Всесоюзный Съезд Советов. Он составляется путем представительства от городских советов и советов городских поселений по расчету — один делегат на 25 тыс избирателей и от губернских и окружных съездов советов по расчету — один делегат на 125 тыс жителей.

В тех республиках, где нет губернских или окружных объединений (а имеются напр., только уезды или районы), делегаты избираются непосредственно на республиканских съездах советов. По постановлению IV Съезда Советов очередные всесоюзные съезды будут созываться один раз в два года, чрезвычайный съезд может

быть созван по решению ЦИК'а, по требованию Союзного совета, Совета национальностей или же по требованию двух союзных республик. При чрезвычайных обстоятельствах ЦИК СССР имеет право отсрочить созыв съезда. Всесоюзный Съезд образует ЦИК, только Всесоюзный Съезд может изменить основные начала Конституции. По общему правилу Всесоюзный Съезд не утверждает отдельных законов; он заслушивает отчеты правительства, доклады по отдельным отраслям хозяйства и управления, принимает постановления и резолюции, которые носят директивный характер; на их основе ЦИК и Совнарком проводят соответствующие мероприятия и издают конкретные законодательные акты. Как указано выше, Всесоюзный Съезд Советов ограничен только в одном отношении — он не может принять постановлений, ограничивающих суверенитет союзных республик.

В период между съездами верховным органом власти является Центральный Исполнительный Комитет (ЦИКС). Он построен так, чтобы в нем были представлены все даже самые малочисленные национальности, входящие в Союз. Для этого ЦИК Союза образуется из двух отдельных частей — Союзного Совета и Совета Национальностей. Союзный Совет избирается Всесоюзным Съездом из представителей союзных республик, пропорционально населению каждой. Число членов Союзного Совета каждый раз определяется Съездом. В данное время — 450 членов и 199 кандидатов. Совет Национальностей составляется по другому принципу, именно, в нем должны быть представлены все организованные народности. Поэтому он образуется из представителей: а) от каждой союзной и автономной республики — по 5 членов и б) от каждой автономной области — по одному члену. Члены Совета Национальностей избираются на республиканских и областных съездах. Весь состав Совета Национальностей в целом утверждается Всесоюзным Съездом. Оба Совета вместе составляют ЦИК. Поэтому они могут заседать только одновременно, и постановление каждого из них имеет силу только в случае, если оно также принято другим Советом. Во время сессий ЦИК'а каждый законопроект должен отдельно быть принят Союзным Советом и Советом Национально-

стей. По общему правилу и заседания обоих Советов происходят раздельно; лишь в некоторых случаях устраиваются совместные заседания. Однако, и в совместных заседаниях голосование производится раздельно но обоим Советам. Таким образом и в совместном заседании Союзный Совет, насчитывающий втрое больше членов, не может своим большинством подавить интересы малочисленных наций, представленных главным образом в Совете Национальностей. Этот же принцип выдержан и в организации согласительных комиссий, образующихся при разногласии обоих Советов по какому-либо вопросу. В них также общего голосования не производится. Если соглашение в комиссии не достигнуто, вопрос переносится на совместное заседание обоих советов: если и там не достигнуто соглашение, вопрос может быть, по требованию одного из Советов, передан на решение Всесоюзного Съезда Советов. Ряд мер обеспечивает, таким образом, права всех национальностей. Опыт показал однако, что больших противоречий между обоими Советами не возникало — ведь вся политика советской власти и коммунистической партии ведет не к угнетению малых наций, а к их материальному и культурному развитию.

ЦИК не заседает постоянно; если бы он постоянно заседал и законодательствовал, получился бы тот отрыв законодателей от непосредственной жизни и трудящихся масс, то привилегированное положение для членов законодательного органа, то разделение труда законодательного и исполнительного, о котором говорил Ленин, характеризуя «продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества» («Государство и революция»). «Парламентарии» продолжает Ленин «должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями». Именно так построена работа членов ЦИК: не реже трех раз в год они съезжаются для участия в сессиях ЦИК; в остальное же время они работают на местах, не отрываясь от жизни, в различных отраслях советского хозяйства и управления. На утверждение Сессии ЦИК ставятся все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Союза ССР, или вносящие коренные изменения в суще-

ствующую практику государственных органов СССР, а также кодексы законов. В исключительных случаях и постановления эти могут приниматься Президиумом ЦИК последующим внесением на утверждение Сессии. ЦИК Союза имеет право отменять постановления всех органов власти союзных республик — их Съездов Советов, ЦИК'ов, Президиумов ЦИК'ов.

В промежутках между сессиями высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти является Президиум ЦИК. Он построен так, чтобы обеспечивать права и интересы всех самых малочисленных наций; в состав его входят в полном составе Президиумы Союзного Совета и Совета Национальностей — по девять человек. Кроме того, на совместном заседании обоих Советов при раздельном их голосовании, избирается еще девять членов Президиума. Всего, таким образом, Президиум состоит из 27 членов, а также кандидатов к ним — и интересы Совета Национальностей представлены в нем достаточно полно. Во главе ЦИК'а и его Президиума стоит шесть председателей, избираемых по числу союзных республик — каждая республика имеет своего представителя среди председателей ЦИК'а, что вновь подчеркивает равенство прав всех союзных республик. Председатели избираются на совместном заседании обоих Советов при раздельном их голосовании и выполняют свои обязанности по очереди в порядке, устанавливаемом Президиумом. На обязанности Президиума лежит наблюдение за проведением в жизнь Конституции Союза и выполнением всеми органами власти постановлений Всесоюзных Съездов и ЦИК'а. Президиум издает декреты, постановления и распоряжения, имеет право приостанавливать и отменять постановления Совнаркома СССР и отдельных наркоматов, а также постановления ЦИК'ов, их Президиумов и Совнаркомов союзных республик. Постановления Съездов Советов он может приостанавливать с представлением в ближайшую сессию ЦИК СССР. Президиум подотчетен и подчинен ЦИКу. Его постановления могут быть опротестованы в Сессии ЦИК'а как Президиумами Союзного Совета и Совета Национальностей, так и ЦИКами союзных республик.

Для непосредственного ведения государственных дел ЦИК образует Совнарком СССР (см.) также избирающийся на со-

вместном заседании обоих Советов при раздельном их голосовании. При образовании Союза не все отрасли хозяйства и управления переданы были в ведение Союза, а некоторыми Союз лишь руководит, в то время как непосредственное заведывание ими принадлежит союзным республикам. В соответствии с этим построен и Совнарком. Народные комиссариаты — по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней и внутренней торговли, путей сообщения и почт и телеграфов — являются общесоюзными. При этом Наркомторг в области внутренней торговли пользуется правами объединенного наркомата. Объединены и наркоматами являются наркоматы: Высший Совет Народного Хозяйства Труда, Финансов, Рабоче-крестьянской Инспекции и Центральное статистическое управление (подробнее см. ст. «Парком и Наркомат»). При Совнаркоме состоит также Объединенное Государственное политическое управление (ОГПУ) на которое возложена борьба с контр-революцией, шпионажем и бандитизмом. Председатель ОГПУ входит в состав Совнаркома с правом совещательного голоса.

Для руководства всей хозяйственной жизнью страны, а также мероприятий по обороне при Совете Народных Комиссаров образован Совет Труда и Обороне Союза ССР (СТО). Члены Совета Труда и Обороне назначаются Советом Народных Комиссаров. Председателем его состоит председатель Совета Народных Комиссаров СССР.

На Совет Труда и Обороне возлагается: рассмотрение и проведение в жизнь хозяйственного и финансового планов, рассмотрение вопросов обороны страны и принятие мероприятий по улучшению военного дела; рассмотрение положения различных отраслей народного хозяйства (финансов, промышленности, торговли и транспорта), имеющих общесоюзное значение, и принятие мер для их развития; руководство народными комиссариатами Союза ССР в области государства, хозяйства и обороны страны; непосредственное руководство экономическими совещаниями Государственной Плановой Комиссией и др. постоянными комиссиями при СТО; разрешение вопросов распределения имущества отдельными государственными органами и республиками.

Постановления, распоряжения и инструкции Совета Труда и Обороне обязательны

для всех центральных и местных учреждений Союза. Они могут быть отменены Совнаркомом Союза.

При СТО существует ряд комиссий. Из них наибольшее значение имеет Государственная Плановая Комиссия (Госплан) СССР (см.). Из остальных учреждений особого значения необходимо отметить Верховный Суд Союза ССР, существующий при ЦИКе Союза (см.). Таким образом, во всей конструкции органов власти Союза (а также и каждой союзной республики) мы видим полное отрицание политического и организационного принципа разделения властей (см.), который составляет обязательную принадлежность буржуазно-демократических К.

Органы власти союзных республик построены на одинаковых началах при чем организация их центральных органов определена в самой Конституции СССР и, общих чертах, соответствует построению центральных органов СССР. В пределах территории каждой союзной республики верховным органом власти является республиканский съезд советов. В РСФСР Всероссийский Съезд Советов образуется, например, по такому же расчету, как и Всесоюзный Съезд. В период между республиканскими съездами верховным органом власти является республиканский ЦИК, избираемый Съездом и состоящий не из двух частей, как Союзный ЦИК, но только из одного собрания. ЦИКи союзных республик избирают свои Президиумы, которые в период между сессиями являются высшими органами власти. Во главе ЦИКа союзной республики стоит по общему правилу, один председатель. Только в ЗСФСР, как состоящей из трех частей — Грузии, Армении и Азербайджана, имеются три председателя ЦИКа Совнаркомов союзных республик состоят, кроме председателя и его заместителей, из 1) председателя высшего совета народного хозяйства, 2) управляющего центральным статистическим управлением и народных комиссаров: 3) земледельца, 4) финансов, 5) торговля, 6) труда, 7) внутренних дел, 8) юстиции, 9) рабоче-крестьянской инспекции, 10) просвещения, 11) здравоохранения, 12) социального обеспечения, а также с правом совещательного или решающего голоса по решению ЦИК'ов союзных республик — уполномоченных наркомов СССР по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней и вну-

тренинг торговли, путей сообщения, почты и телеграфов. При этом республиканские высшие советы народного хозяйства, наркоматы торговли, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции и центральные статистические управления, подчиняясь ЦИКа и совнаркомам союзных республик, осуществляют в своей деятельности директивы соответствующих наркоматов СССР. При совнаркомсах союзных республик образованы экономические совещания (ЭКОСО), руководящие деятельностью хозяйственных наркоматов. Местный аппарат власти в союзных республиках складывается из сельских и городских советов, съездов (волостных, районных, уездных, окружных, губернских, областных) и соответствующих исполкомов (см. Самоуправление). Особое положение внутри республик занимают организованные, согласно принципам национального самоуправления, автономные республики и автономные области (см. Автономия). К. авт. республик подлежат окончательному утверждению съезда советов той федерации, в состав которой входит данная автономная республика; положения же об автономных областях утверждаются ЦИКом федерации.

II Чужие

СОВЕТСКОЕ ПРАВО в широком смысле слова есть право переходного периода от капитализма к коммунизму, от классового общества к бесклассовому, когда власть в государстве нового типа находится уже в руках пролетариата в союзе с трудящимися крестьянскими массами. Его можно называть, если хотите и классовым правом пролетариата, но только в революционно-марксистском понимании этого слова. Впервые мы это слово встретили в проектах буржуазных спецов как некоего рода ругательство, как противопоставление его «общему праву», т. е. праву буржуазного общества. Тогда под ним понималось как бы отрицание всякого права. Еще не так давно даже среди коммунистов слышны были разговоры, что это словосочетание представляет собою какую-то небывлицу. Ныне этот взгляд сменился противоположным, мы встречаем слишком универсальное его понимание, но одновременно замечаем, что за этою вывескою нередко скрывают старый буржуазный или мелкобуржуазный товар. Мы здесь пользуемся этим словом в широком

смысле для обозначения всей области права и законодательства переходного времени. Возможно и другое, более узкое, понимание его в смысле формальной организации системы общественных отношений переходного времени» в которой основную ячейку, вместо семьи и индивидуума, постепенно занимает совет. Это то право, которое у нас ныне обыкновенно называют хозяйственным.

Когда появилась у нас впервые мысль о С. п. (т. е. о праве переходного времени) (речь идет не о названии)? Наша программа ее не знала. Вся февральская революция 1917 г. также прошла без «идеи» революционного права. Правда, большевики выдвигали в ленинградском исполкоме критику временного правительства в смысле полной его бездеятельности в правовой области, но безрезультатно. Временное правительство могло ответить так же, как мне летом 1923 г. на мой вопрос о важнейших реформах по судебной части после революции 1918 г. с известной гордостью ответил тогдашний германский министр юстиции Гейнце: «Великий переворот в этой области у нас (в Германии) никаких изменений не внес». Лишь по поводу выселения ПК и ЦК РКП из дворца Кшесинской были разговоры на тему о том, что революция отменяет законы старого режима со ссылкой на речь К. Маркса пред кельнскими присяжными заседателями. Но во всяком случае тут речь не шла еще о классовом праве. Лишь в своей работе «Государство и революция» Ленин цитирует Маркса о праве — первую фазу коммунистического общества: «Равное право мы здесь действительно имеем, но это еще «буржуазное право». А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимо в государстве. Государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана буржуазного права, «освящающего фактическое неравенство» («Это буржуазное государство, но — без буржуазии»). С известною натяжкой мы тут можем вычитать намек и на понятие С. п., как права «буржуазного» но без буржуазии.

Революция права в первую очередь проявлялась в разрушении старого права. Октябрьская революция стала принципиально на ту точку зрения, что все зако-

ны всех свергнутых правительств потеряли силу. По поводу этого вопроса иногда пытаются противопоставлять декрет о суде № 1 декрету о народном суде в доказательство того, что в последнем впервые этот принцип высказан определенно и категорически. На деле это простое недоразумение. В декрете № 1 мы читаем: «Местные суды решают дела именем Российской республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Значит, что сохранилось? Лишь такие общие места, вроде $2 \times 2 = 4$. В проект декрета о суде № 2 эсеровский Наркомюст внес ухудшение редакции, и старые судьи в этом «суде № 2» систематически стали ссылаться на старые законы. Вот почему прим. к ст. 22 «Пол. о нар. суде» внесло запрещение «ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств». Никто, конечно, не будет отрицать, что в памяти людей оставались (да и поныне остаются) живыми старые нормы. Но, исходя из принципа, что революция сама отменила все законы свергнутых властей, мы естественно признали за этой отменой обратную силу (см.) ко дню революции, хотя нам тогда был совершенно неизвестен опыт французской революции в том же духе (см. Буржуазная революция). Это вытекало просто из самой сути нашей революции. Ведь одновременно — что важнее всего — мы отменили на деле всю частную собственность на землю, а затем и на фабрики и т. д.: значит, взялись за перестройку всех реальных общественных отношений и в этих целях образовали свою, советскую, власть.

С первого же дня мы стали действовать организованно-правовым порядком т.-е. путем общего законодательства: декреты с власти, о земле, о 8-час. раб. дне и г. д. Надо отметить даже слишком большую веру в революционный закон. Мы даже приступили сразу к составлению кодекса, но эта попытка, как неудачная, отпала. Жизнь шла быстрее, чем закон и даже т.-н. правосознание, не говоря уже о теории. В написанной в конце 1918 г. для

октябрьского сборника статье я еще мечтал о новом кодексе основных норм революционного закона рядом с чисто техническими правилами, а о наших декретах я писал, что «пролетарское право есть прежде всего упрощение, популяризация нашего нового общественного строя», и продолжал: «Декреты о земле, о 8-час. раб. дне, о семье и наследстве, об отделении церкви и т. д. как будто не все были своевременны, ибо не все еще (в 1918 г.) проведены в жизнь. Но и это мнение неправильно. Мы правильно поступили, поставив эти вехи, и одно то обстоятельство, что из этих основных декретов ни одного отменить не приходилось и что ныне один за другим проводится в жизнь, указывает на их целесообразность».

Известно, как Ленин оценил нашу советскую законодательную работу в 1918 г. «Советская конституция не писалась по какому-нибудь плану, не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта конституция выростала из хода развития классовой борьбы, по мере созревания классовых противоречий» (XV. 509). И когда она была утверждена, он облегченно заявил: «С момента утверждения конституции и проведения в жизнь начнется в государственном нашем строе более легкий период» (XV. 389). Это был первый период революции, период смелого наступления, когда наши декреты были лозунгами борьбы. Ленин впоследствии их оценил такими словами: «В свое время были нужны эти декларации, заявления, манифесты, декреты. Этого у нас достаточно. В свое время эти вещи были необходимы, чтобы народу показать, что и как мы хотим строить (курсив в цитатах мой. П. С.), какие новые и невиданные вещи. Но нужно ли народу продолжать показывать, что мы хотим строить? Нельзя. Самый простой рабочий в таком случае станет издеваться над нами. Он скажет: «Что ты все показываешь, как ты хочешь строить, покажи на деле, как ты умеешь строить. Если не умеешь, то нам не по дороге. Провалявай к черту». И он будет прав» (17/X 1921 г.).

Когда начался период отступления и нэпа наше законодательство, наше право приняло иной характер. Мы производили

рецепцию, заимствование буржуазного права. Неправда, если говорят, что мы восстанавливаем старое право; у нас чисто буржуазного права до революции еще не было, а 8 месяцев буржуазной революции в этой области не дали ровно ничего.

Декреты, законы, кодексы этого периода имели иной характер. Мы и в них ставили вехи, но вехи отступления. Мы произвели рецепцию буржуазного права, и эти кодексы дали пределы тех уступок буржуазному праву, на которые мы тогда согласились и дальше которых мы не намерены были итти по линии отступления. Но одновременно мы там отметили и те границы, до которых мы все же обещаем равные права всем (ст. 4 Г. К.), и обещали «надолго и всерьез, хотя и не навсегда».

Но и период отступления прошел. Мы начали новое наступление, наступление на новый лад. XIV парт съезд определил и это, как «наступление по направлению к социализму», по «на базе новой экономической политики». За эти годы мы сделали громадные шаги вперед в теории права. Теперь у нас имеется революционно-марксистское понимание сущности буржуазного права в работе т. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм», который вскрыл и тайну фетиша «субъекта права» (см.). Теперь мы наметили и сущность права периода монопольного капитализма на базе его тщетных попыток достигнуть плановости в анархии своего хозяйства. Мы теперь можем приступить—одновременно со строительством социализма на базе новой экономической политики—и к сознательной разработке нашего С. п., поставив и наш правовой аппарат на новые рельсы «по направлению к социализму».

С. п., особенно в узком смысле этого слова, становится серьезным предметом. Из чрезмерно разросшегося, бессистемного законодательного материала необходимо создать упрощенное, всем понятное гибкое право. Это не означает отказа от произведенной рецепции буржуазного права. Напротив, на его базе мы видим свое строительство. Но в него следует внести отчетливо элемент социалистической плановости, отбрасывая лишние наросты

периода «загнивания капитализма», те злоупотребления экономической политикой, которые, говоря словами Ленина, «во всех государствах легальны и которые мы легализовать не хотим».

У нас встречались сомнения в том, нужно ли нам особое С. п., не достаточно ли для нас формулы, что буржуазное право просто само будет отмирать. Аналогия необходимости переходного советского государства нам наметила и лозунг переходного С. п. Ныне это проявляется и на деле: количество переходит в качество. С. п. делается совершившимся фактом.

П. Стучка

СОВЕТЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. СНХ — органы высшего (ВСНХ) и местного (местные СНХ) управления, осуществляющие функции регулирования, управления и руководства промышленностью на территории Союза и союзных республик. ВСНХ СССР—объединенный наркомат, действующий на общих основаниях, установленных Положением о народных комиссариатах (см.) Союза Советских Социалистических Республик. В пределах союзных республик существуют одноименные наркоматы, регулирующие и руководящие республиканской и местной промышленностью на основе директивных указаний ВСНХ Союза.

СНХ имеют богатую историю. Организационное строительство ВСНХ и его местных органов прошло через ряд этапов, соответствующих основным вехам советской экономической политики и советского государственного строительства.

СНХ возникли в конце 1917 г в качестве «экономических органов пролетарской диктатуры». Имелось в виду создать совершенно новое своеобразное государственное образование, равного которому нет и не может быть в государственной жизни ни одной страны. СНХ должны были охватить всю хозяйственную жизнь от высших командных экономических высот до низовых хозяйственных ячеек, притом хозяйственную жизнь во всех ее разветвлениях (промышленность, торговля, финансы) и т. д. Предполагалось, что «экономические советы» станут рядом с «общеполитическими» советами рабочих и крестьянских депутатов в качестве равно-

правного, параллельного члена в системе органов советской власти.

Первое «Положение о ВСНХ» от 5/XII 1917 г. (С У 1917 г., № 5, ст. 83) отразило эти широкие, всеобъемлющие устремления. Согласно декрету 5/XII ВСНХ учреждается непосредственно при Совете Народных Комиссаров. Задачей его является «организация народного хозяйства и государственных финансов». С этой целью ВСНХ вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных хозяйственных органов. Ему предоставляется право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования и т. д. Все существующие учреждения по регулированию хозяйства подчиняются ВСНХ.

Такая широкая трактовка правомочий и функций, присвоенных ВСНХ по положению 5/XII 1917 г., сближает ВСНХ первого периода его деятельности с современным Советом Труда и Оборона.

С организационной стороны ВСНХ в том виде, как он создан положением 5/XII, представляет из себя разветвленный аппарат с множеством органов демократическим пленумом, в состав которого входят представители разнородных советских и общественных организаций, президиумом, отделами бюро и главными комитетами и центральными управлениями по отраслям промышленности.

На тех же идеологических основах и с той же организационной структурой на местах стихийно вырастают местные СНХ: областные, губернские, уездные, районные. Крупную роль в организационном строительстве СНХ играют профсоюзы, фабзавкомы, советы рабочего контроля. Их представители обычно составляют основное рабочее ядро СНХ.

В течение 1918 г. деятельность СНХ направлена в первую очередь на овладение аппаратом промышленности. По стране стихийной волной разливается процесс национализации. ВСНХ в центре конфискует и национализировать крупнейшие предприятия в основных отраслях промышленности. СНХ на местах захватывают средние и мелкие предприятия. В обстановке обостренной классовой борьбы, переходящей в открытую гражданскую войну, каждая фабрика и каждый завод являются ареной

ожесточенных классовых битв. В этих условиях исчезает возможность реализовать те статьи положения о ВСНХ 1917 г., которые трактуют о выработке общего плана экономической жизни, согласовании деятельности хозяйственных наркоматов и т. д. Все внимание СНХ сосредоточивается на вопросах национализации, организации на национализируемых предприятиях рабочего управления и на включении их в общую систему советского хозяйства. Тем самым изменяется весь характер деятельности СНХ по сравнению с предположениями его создателей. Это изменение находит себе отражение в новом положении о ВСНХ от 8/VIII 1918 г. (С У 1918 г., № 58, ст. 644).

Положение 8/VIII ограничивает компетенцию ВСНХ исключительно вопросами промышленности. ВСНХ становится обычным наркоматом рядом с целым рядом других хозяйственных комиссариатов. Местные СНХ, в силу постановления VI Съезда Советов, переходят на общее положение отделов соответствующих исполкомов, оставаясь вместе с тем местными органами центрального наркомата—ВСНХ.

Под влиянием неумолимых требований внешней обстановки (гражданская война, интервенция, переход всей страны на положение «военного лагеря»), с одной стороны, и под влиянием планово-коммунистических идеологических тенденций, с другой стороны, вся система управления хозяйством перестраивается на началах «военного коммунизма». Руководство промышленными предприятиями, в основной своей массе национализированными (см.), приобретает характер крайнего централизма. Особое значение получает деятельность главных комитетов и центральных управлений ВСНХ (см. Главгизм). ВСНХ становится огромной и громоздкой организацией, раскинувшей свои щупальцы по всей стране с массой отделов, секций управлений и т. д. К VIII Съезду Советов (декабрь 1920 г.) аппарат ВСНХ включал в свой состав 9 функциональных отделов, 5 постоянных комиссий, 9 производственных отделов, 65 главков и 74 местных органа (6 областных промбюро и 68 губ. СНХ). Каждый главк и каждый местный СНХ строили свой аппарат по типу ВСНХ—с пленумом, президиумом, отделами, секциями, комиссиями и низовыми

органами: районными и областными управлениями, кустовыми и групповыми управлениями заводоуправлениями и т. д. Основной задачей всей этой машины было управление и руководство национализированной промышленностью.

Новая экономическая политика (см.) внесла радикальные изменения в конституцию ВСНХ и его местных органов. Она отразилась на положении ВСНХ среди других органов государственной власти. В связи с нэпом изменились отношения ВСНХ к объектам его административного воздействия, значительные изменения претерпела организационная структура ВСНХ и т. д.

Больше всего нового нэп внес во взаимоотношения ВСНХ с непосредственно хозяйствующими единицами: с предприятиями и с объединениями предприятий. В период военного коммунизма ВСНХ совмещал в себе функции органа государственной власти—регулирующего администрирующего и наблюдающего—с функциями непосредственно хозяйствующего субъекта.

Новая экономическая политика вернулась в этом отношении к исходной точке эволюции ВСНХ. Она точно отделила и отграничила задачи ВСНХ, как представителя государства, как целого, руководящего всей государственной промышленностью, регулирующего ее, но не вмешивающегося в оперативную работу ни одного из предприятий, от задач непосредственного оперативного руководства данным предприятием или данной группой предприятий. Для непосредственного хозяйствования государственные предприятия выделяются из общей системы госаппарата. Организуются специальные органы государственного хозяйства, выступающие в обороте, как автономные единицы пользующиеся правами юридического лица и самостоятельно отвечающие по своим обязательствам (гостресты). По отношению к ним ВСНХ осуществляет функции контроля, регулирования, планирования; функции же управления—лишь в смысле «последнего решающего слова» по наиболее существенным, основным вопросам деятельности трестов (распоряжение капиталами, утверждение плана и отчета, назначение администрации распределение прибыли). без какого бы то

ни было вмешательства в текущую хозяйственную деятельность.

Такой порядок взаимоотношений ВСНХ с госпредприятиями вырабатывается в течение первого двухлетнего периода нэпа (1921—1923 г.г.) и окончательно оформляется декретом о гострестах 10/IV 1923 г. Декрет 10/IV распространяется на тресты общегосударственного (союзного и республиканского) значения. Декрет 17/VII 1923 г. установил аналогичный порядок взаимоотношений местных СНХ и местных трестов.

Организационное строение ВСНХ претерпевает ряд крупных изменений также в связи с конституционными переменами, вызванными образованием Союза ССР. Проведение в жизнь союзной Конституции означало разделение компетенции между союзными и республиканскими органами. ВСНХ СССР создается в качестве «объединенного» наркомата. Известная часть предприятий, наиболее существенных с точки зрения удельного веса в народном хозяйстве Союза, с точки зрения положения СССР на мировом рынке и потребностей обороны, выделяется из общей массы всей промышленности и передается в непосредственное ведение ВСНХ Союза. Остальные предприятия остаются в подчинении республиканских и местных органов (см. «Вестн ЦИК, СНК и СТО» 1923 г., № 11, ст. 315).

«Положение о ВСНХ СССР», утвержденное сессией ЦИК СССР 12/X 1923 г. (С. У. 1923 г., № 109/110, ст. 1019), следующим образом определяет компетенцию ВСНХ СССР. К предметам ведения ВСНХ относятся: а) общее регулирование государственной промышленности и торговой деятельности предприятий ВСНХ, наблюдение за кооперативной и частной промышленностью; б) содействие развитию промышленности на территории СССР; в) общее руководство деятельностью ВСНХ союзных республик; г) управление государственными промышленными предприятиями общесоюзного значения; д) составление общего производственного плана и бюджета промышленности СССР и представление их через Госплан на утверждение СТО; е) разработка вопросов по организации новых производств, рационализации производства и технического улучшения; ж) разработка вопросов промышлен-

ного законодательства: з) разработка вопросов сдачи промышленных предприятий в концессию; и) организация финансирования и кредитования промышленности; к) использование капиталов госпредприятий, находящихся в ведении ВСНХ СССР; л) организация промышленной статистики; м) организация научных институтов и учреждений для изучения различных вопросов промышленного хозяйства; н) созыв съездов и совещаний по вопросам промышленности и госторговли.

Аппарат ВСНХ, согласно положению 12/ХП 1923 г., включал в себя два основных управления. а) центральное управление государственной промышленностью (Цугпром), осуществлявшее функции непосредственного управления общесоюзными госпредприятиями, на основах декрета 10/IV 1923 г., и б) главное экономическое управление (ГЭУ), задачи которого были определены как общее руководство деятельностью ВСНХ союзных республик, наблюдение за кооперативной и частной промышленностью, разработка общих вопросов промышленной политики и т. д.

Завершение к концу 1925/26 г. восстановительного периода в развитии государственной промышленности поставило перед ВСНХ ряд новых задач, требовавших в свою очередь изменения его организационной структуры. Усиление планового начала в деятельности высших регулирующих органов поставило на очередь дня вопрос о планировании и руководстве со стороны ВСНХ СССР не только общесоюзной но и республиканской, и местной промышленностью. Полное исчерпание унаследованного от дореволюционного времени старого промышленного состава вывинуло проблему создания в плановом порядке новых промышленных предприятий, что в свою очередь вызвало необходимость углубленной разработки многолетних перспективных промышленных планов и т. д.

Постановлением от 24/VIII 1926 г. СНК СССР разрешил председателю ВСНХ СССР приступить к реорганизации ВСНХ с тем, что в течение полугодового срока на основе опыта работы реорганизованного аппарата будет разработано новое положение о наркомате ВСНХ и представлено на утверждение высших органов

В настоящее время (февраль 1927 г.) аппарат ВСНХ СССР в организационном отношении строится следующим образом. Руководство наркоматом осуществляется: а) председателем ВСНХ, б) президиумом, в) Высшим Советом Народного Хозяйства (пленум ВСНХ), который составляется из представителей главнейших частей наркомата, крупных промышленных объединений, ВСНХ союзных республик и экспертов по специальным вопросам. Далее, в составе ВСНХ имеются управления: а) административно-финансовое, осуществляющее административно-исполнительные и обслуживающие функции; б) плановое управление (Промплан), осуществляющее общеплановые функции в области промышленности, в) главное экономическое управление (ГЭУ) осуществляющее общерегулирующие и арбитражные функции. При ГЭУ состоит ряд самостоятельных учреждений: редакционный совет, главная палата мер и весов, арбитражная комиссия и центр. бюро по неликвидным фондам. По отраслям промышленности для управления и регулирования ее созданы: г) главное управление металлической промышленности (Главметалл), д) главное электротехническое управление (Главэлектро); е) военно-промышленное управление; ж) главное управление текстильной промышленности (Главтекстиль); з) главное управление химической промышленности (Главхим); и) главное управление лесобумажной промышленности (Главлесбум); к) главное управление сельскохозяйственной и пищевой промышленности (Главсельпром); л) главное горно-топливное и геолого-геодезическое управление (Главгортоп); м) комитет кожевенной промышленности; н) комитет полиграфической промышленности; о) отчетно-ревизионное управление и п) научно-техническое управление.

Несколько более упрощенным образом, однако с подразделением на планово-экономическое и производственное управления (с разделением, в свою очередь, последнего на ряд директоратов и отделов по отраслям промышленности), строится аппарат ВСНХ РСФСР и других союзных республик.

Местными органами ВСНХ в районированных областях и республиках являются краевые СНХ, окружные СНХ и окружные

отделы местного хозяйства; в перайонированных областях—губернские СНХ и отделы местного хозяйства

Л Гинцбург

СОВМЕСТИТЕЛЬСТВО. Под С. понимается одновременная работа по найму на двух или более нанимателей

В СССР случаи С. являются довольно частыми. Необходимость С. вызывается недостатком работников той или другой квалификации в данной местности; это чаще всего встречается в отношении квалифицированных работников. В некоторых случаях применение труда совместителей (в том числе и малоквалифицированных) вызывается отсутствием у нанимателя достаточного количества работы для полного использования труда нанявшегося. В таких случаях наниматель, если он не объединяется с другими (напр. при совместном найме дворника несколькими мелкими домовладениями), не может предоставить нанявшемуся работу на полный рабочий день, что заставляет работника искать дополнительный заработок. Помимо невозможности целиком использовать свою рабочую силу у одного нанимателя, лица умственного труда вынуждены иногда прибегать к С. в виду недостаточности их оплаты. Это явление наблюдается у педагогов, врачей и др. категорий работников, зарплата которых отстает от среднего уровня.

Работающие по С. находятся по каждому месту работы в самостоятельных трудовых отношениях с нанимателем, при чем каждый наниматель обязан полностью применять к совместителю трудовое законодательство. В частности, размер оплаты устанавливается по каждой должности самостоятельно, но с тем, чтобы общая сумма заработка совместителя, состоящего на госслужбе, не превышала размера, устанавливаемого для этих случаев руководящими гос органами.

С. имеет ряд отрицательных сторон. Оно суживает емкость рынка труда и искусственно увеличивает безработицу, приводит к чрезмерной перегрузке отдельных лиц и преждевременному изнашиванию рабочей силы, отражается иногда на качестве работы, препятствует повышению квалификации работников и т. п. Вместе с тем на практике встречается применение

С. по протекции, в случаях, не вызываемых действительной необходимостью, использование нанявшимся С. только в целях повышения заработка, без серьезного отношения к принятым на себя обязательствам и т. п. Все это вызвало необходимость особого регулирования С. в законодательном порядке.

Общесоюзных законов о С. не издано, но имеется ряд республиканских законов (РСФСР, УССР, ЗСФСР). Все эти законы почти одинакового содержания, касаются вопросов в отношении лиц, находящихся на гос. службе, т. е. охватывают только часть случаев С. Такое ограничение области действия закона объясняется тем, что С. гос. служащих выдвигает ряд дополнительных моментов, которые и привлекли внимание законодательных органов.

Согласно постановлению СНК РСФСР от 21/ХІІ 1922 г. («Временные правила о службе в гос. учреждениях и предприятиях»—С. У. 1923 г., № 1, ст. 8), гос. служащим категорически воспрещена служба в частных учреждениях и предприятиях (кроме того, гос. служащим воспрещено какое бы то ни было участие в частных предприятиях, заключение договоров подряда, поставки, промышленной аренды, вообще вступление в гос. предприятиями и коммерческие отношения а также воспрещено быть поверенными третьих лиц по делам учреждений и предприятий, в которых данные служащие состоят на службе). Совмещение должностей в нескольких гос. органах допускается только по взаимному соглашению руководителей соответствующих учреждений и предприятий. Если же соответствующие учреждения или предприятия (или должности) находятся в контрольной или административно-хозяйственной зависимости, то С. допускается быть не может.

Для ряда работников (работники органов дознания, в том числе ведомственных, работники судебных органов, прокуратуры, инспектора и агенты НКФ и др.) С. разрешается лишь в пределах своего ведомства.

Согласно постановлению НКТ, опубликованному 16/І—23 г. («Изв. ВЦИК» № 10), не считается С. и не подлежит ограничениям научно-техническая, педагогическая, лекционная, артистическая и медицинская работа, работа в комиссиях других ве-

домств, а также оплачиваемая сдельно работа во внеурочное время, при соблюдении в последних случаях правил о недопустимости работы в находящихся в зависимости друг от друга органах права о допустимости в некоторых случаях С. только в пределах своего ведомства.

Руководители учреждений, нарушающие правила о С., могут привлекаться к уголовной ответственности. Лица же, принятые на работу с нарушением этих правил, подлежат увольнению без предупреждения и выходного пособия, а в некоторых случаях также могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Приведенный закон не воспрещает совмещения гос. службы со службой в общественных организациях (профсоюзы, кооперация и т. п.). Однако в отношении таких случаев также должны сохранять силу ограничения, установленные для службы в нескольких гос. учреждениях. Таким образом, следует считать, что к совмещению службы в гос. учреждениях со службой в общественных организациях применяются приведенные выше правила.

А. Л.

СОВОКУПНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ст. 33 «Осн. Начал» гласит: «Когда в совершенном обвиняемым деянии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым до вынесения приговора двух или более преступлений, меры социальной защиты определяются по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру». Давая ответ на вопрос, как должен наш суд определять уголовную репрессию тому лицу в действиях которого налично С. п., ст. 33 Осн. Начал предусматривает, подчиняя и тот и другой одному и тому же правилу оба различаемых теорией угол. права типа С. п.: 1) обвиняемый подлежит суду за одно деяние, охватываемое, однако, различными статьями. Особенной части У. К. устанавливающими разные санкции (см.) — т.н. идеальная С. п.; 2) обвиняемый подлежит суду за два или более самостоятельных деяния — т.н. реальная С. п. В отношении случаев 1-го типа все несоветские законодательства решают вопрос так же, как он решен и в Осн. Началах: если совершенное обвиняемым деяние, заключая в себе признаки

разных «составов преступления», дает основание для применения к нему различных санкций (см.), указанных в различных статьях У. К., то деяние должно быть квалифицировано по статье У. К., устанавливающей наиболее строгую санкцию. В отношении же случаев 2-го типа буржуазные законодательства кладут в основу решения вопроса принцип, согласно которому суд, определив наказания за каждое преступное деяние особо, должен в своем приговоре суммировать, т.е. сложить все определенные таким образом наказания (принцип кумуляции). Обычно все же принцип кумуляции проводится не в чистом, а в несколько смягченном виде. В У. К. РСФСР 1922 г., где вопрос об идеальной С. п. разрешался в ст. 29, а вопрос о реальной С. п. в ст. 30 эта последняя статья, под некоторым влиянием принципа кумуляции, устанавливала, что суд, «определив наказание за каждое преступление отдельно, приговаривает виновного к тягчайшему из всех назначенных ему наказаний, при чем последнее может быть повышено до высшего предела наказания, установленного статьей, по коей наказание было определено». Если У. К. РСФСР 1926 г., руководствуясь общим принципом, выраженным в ст. 33 Осн. Начал, требует все же в ст. 49 от суда определения «соответствующей меры социальной защиты за каждое преступление отдельно», то это отступление от Осн. Начал допущено лишь по соображениям процессуального характера: благодаря несовершенству формулировки ст. 49 с редакционной стороны, цитированные слова могут быть отнесены не только к случаям реальной, но и к случаям идеальной С. п., хотя последнее было бы совершенно бесцельно и едва ли в данном случае имелось в виду.

Вопрос о том, что считать «самостоятельным деянием» (могущим вместе с другим таким деянием, образовать реальную С. п.) для нас, в силу изложенного, не имеет того практического значения, которое он имеет для буржуазной судебной практики. Несомненно, что несколько различных действий (различных чисто физически) одного лица могут представлять собой одно деяние (см.) (в юридическом смысле), и притом не только в том случае, когда эти действия были актами выполнения единого умысла, на-

правленного на достижение одного определенного результата (последний может при этом быть, в частности, таким событием самым наступлением которого данное преступление заканчивается—напр., убийство, истребление имущества и т. п., либо более или менее длительным состоянием и с. м., вызвав которое, преступник в дальнейшем так или иначе его поддерживает—напр., незаконное лишение свободы, прожигание по подложному документу и прочие т. п. длящиеся преступления, либо может состояться из ряда следующих друг за другом частных результатов идентичного характера — т. п. и р о д о л ж а е м о преступление, напр., кассир в течение целого месяца ежедневно присваивающий ту или иную сумму из вверенных ему средств, подлежит ответственности не за 30 растрат.

за единую растрату, и т. д.) но и в случаях иного рода: так поскольку и в ст. 162 У. К. РСФСР 1926 г. особо предусматривает не о д н о к р а т н о е совершение краж, т р о е к р а т н о е тайное похищение одним лицом имущества у разных лиц образует собою не С. п., а — единое деяние, заключающее в себе указанные в и. «в» ст. 162 признаки; то же имеет место в тех случаях, когда в качестве квалифицирующего то или иное преступное деяние момента соответствующая статья У. К. указывает совершение данного деяния в виде промысла, и т. д.

А. Э.

СОВХОЗЫ. Определение понятия С. в пореволюционном законодательстве появилось в «Положении о социалистическом землеустройстве», изданном ВЦИК 14 февраля 1919 г. Однако, распоряжение центральной власти о передаче имений, имеющих государственное значение, в ведение местных советов в руки НКЗ последовало ранее, а именно 1 октября 1918 г. в виде «декрета» за подписью замнаркома земледелия т. Петровского

«Положение о социалистическом землеустройстве» в главе V организацию с. х. подчиняло общим целям: поднятия производительности сельского хозяйства, создания условий для полного перехода к коммунистическому земледелию, создания и развития культурно-агрономич. центров.

Эти же цели, выраженные несколько иначе, ставятся С. и в земельных кодексах республик. По одинаковой формулировке зем. кодексов республик С. пазывается обособованное сел.-хоз. предприятие, имеющее своим назначением служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его обобществления.

При сравнении законодательства 1919 г. с У. К. можно видеть, что в первом развиваются главным образом вопросы содействия организации С., как, напр., передачей им подсобных предприятий, вплоть до учреждения ВЦСПС и НКЗ, рабочего комитета содействия, при чем обязанности по обеспечению пользы для населения, которые возлагались на С., сопровождались и организационными мероприятиями, содействовавшими хозяйственной мощи С., как-то: устройство в С. ветеринарных, случных, прокатных и семенных пунктов и т. д., очевидно, за счет и по распоряжению государственных органов. В земельных же кодексах к С. пред'является большая требовательность по обслуживанию населения, но без попутного перечисления мероприятий, способствующих выполнению С. обязанностей по этому обслуживанию.

Огромное значение крупных хозяйств для развития социалистического сельского хозяйства совершенно бесспорно. Крупное агрономически и технически передовое сел.-хоз. предприятие для окружающих его мелких хозяйств является культурным хозяйственным центром откуда мелкие хозяйства получают лучший посевной материал, племенной скот, машины па прокат и т. п. и заимствуют способы новых усовершенствований.

Машинизация и электрификация сельского хозяйства имеет значение прежде всего для крупного хозяйства. Крупное хозяйство больше способно давать товарную высококачественную продукцию. Все эти преимущества крупного сельскохозяйственного предприятия должны воспринять на себя С. для оказания прогрессивного влияния на окружающие их крестьянские хозяйства.

Советские хозяйства являются также пролетарской базой в деревне, а развитие и усиление их, наравне коллективизацией, будет вернейшим методом помощи деревенской бедноте для которой — в особенности той части, которая не имеет

возможности самостоятельно хозяйствовать — получить приращение своих рук в С есть лучший выход по пути пролетаризации.

С используются с специальными целями как-то: сахарная винодельческая и винокуренная, табачная и т. п. промышленности. — имеют вернейшие средства подчинить своему плановому хозяйственному влиянию массу крестьянских хозяйств и фактически осуществить полную смычку промышленности с сельским крестьянским хозяйством.

Одним словом, без хозяйственных пролетарских центров, какими являются С в море крестьянских хозяйств, нельзя подчинить плановому регулированию сельское хозяйство. С., как предприятия социалистического типа, использующие организационный опыт индустриального пролетариата, окажут, несомненно, огромное влияние на всю перестройку сельского хозяйства. Этот вывод нужно теперь уже сделать не только из теоретических предположений, но и на основании практических данных о деятельности существующих С. Правда, цифры показывающие уменьшение числа С (напр. по РСФСР с 1923 по 1925 г. число С уменьшилось с 5.227 до 4.394), как будто говорят о другом. Не было бы неправильно судить по этим цифрам. За последние годы сеть С сокращена с точки зрения рационализации производства. Мелкие убыточные С ликвидированы и оставлены только те, которые имеют данные для развития. С еще до сих пор переживают восстановительный и организационный период. На них отпускалось очень мало средств, не обращалось внимания ни на подбор руководящего состава, ни на собиранье квалифицированного сел.-хоз пролетариата большая и лучшая часть которого в период революции из 6 помещичьих имений ушла и перешла на собственные мелкие хозяйства на поделенной помещичьей земле. Задача воспитания новых кадров сел.-хоз. рабочих в С занимает не последнее место в успешном развитии С. На эту задачу только теперь обращено должное внимание. Недостатков было много, но все же, если сравнить средства, которые отпускались на С. и на промышленность, можно утверждать, что С дали все, что они могли дать при существующих условиях. Сельское круп-

ное хозяйство, еще больше, чем индустрия, не может развиваться без вложения капитальных средств и без систематического кредита. Вот почему совершенно правильно указал т. Калинин в своем докладе на IV' Всесоюзном Съезде Советов, что сравнительно слабое развитие С целиком объясняется отсутствием должного внимания к ним и мизерностью капиталов, вложенных в С. Конечно, нельзя отрицать того, что С., и в особенности сельтресты, объединяющие их, во многих случаях показали свое неумение рационально и экономно вести хозяйство. Это привело к радикальной чистке сельтрестов, произведенной в 1927 г. как по отношению руководящего состава, так и по отношению сокращения и упрощения аппарата сельтрестов, предоставления большей самостоятельности С.

Постановление ЦИК и СНК Союза от 16 марта 1927 г. дает цельную и детальную программу для дальнейшего укрепления и развития советских хозяйств.

Постановление говорит о том, что «дальнейшее строительство советских хозяйств должно идти по линии действительного превращения их в крупные индустриализованные сельскохозяйственные предприятия, ведущие свое хозяйство на основе хозяйственного расчета и рентабельности». Одновременно на С возлагается задача «стремиться к объединению крестьянских хозяйств в кооперативы для производства чистосортных семян и племенного скота, для производства сырья, для технической переработки, для совместного пользования сложными машинами, силовыми станками и проч.»

Постановление констатирует существовавшие недочеты, заключавшиеся в недостаточном плановом руководстве С со стороны зем. органов, в ограниченности основных и оборотных капиталов, недостаточности кредитования, громоздкости управленческих аппаратов, отсталости форм и методов хозяйствования и нерациональном использовании рабочей силы и проч.

Постановление, указывая также и на достижения в области строительства С., выдвигает целый ряд мероприятий, направленных к лучшей постановке организационной и хозяйственной работы С. между прочим, такие, как подготовка, под

бор и комплектование руководящих кадров, включение работы С в общий план земельных органов по развитию сельского хозяйства, правильная организация труда, удешевление и рационализация управленческих аппаратов и т. д. Точно так же обращено внимание на культурно-общественную и агрономически-хозяйственную связь С с окружающими крестьянскими хозяйствами.

Постановление практически разрешает вопрос и об усилении средств отпускаемых С

В общей оценке этого постановления можно сказать, что впервые ставится вопрос о строителстве С во всей его широте и во всем его значении для социалистического строительства.

Земли под С. входят в состав госземимущества (см.) С. делятся на непосредственно управляемые наркомземами (опытные С и входящие в сеть сельтрестов), арендованные различными организациями, приписные к фабрикам и заводам и промышленные. Последние находятся в ведении ВСНХ (напр. С. сахаротреста).

А. Л.

СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО подвергнуться тому или иному воздействию, заключающему в себе признаки преступления и связанному с ущербом его личности или имуществу, по мнению многих буржуазных юристов, устраняет уголовную ответственность воздействовавшего (за единственным исключением случаев убийства с С. п.), при условии, что С. п. было сознательным и добровольным (свободным). Эта точка зрения в сущности совпадает с точкой зрения древнего римского права, выдвигавшего принцип «*volenti non fit injuria*» (при согласии обиженного нет обиды) и, в частности, признававшего всякого гражданина за «*dominus membrorum suorum*» (хозяина своих членов, т. е. могущего ими распоряжаться по своему усмотрению). Некоторые комментаторы (напр. Жижиленко) применяют эту точку зрения и к истолкованию соответствующих постановлений советского уголовного права, в то время как даже ряд буржуазных криминалистов уже считают ее устарелой и не находят возможным ее поддерживать. «С. п. на посягательство, направленное против какого-либо из его правовых благ,

исключает противоправность этого посягательства лишь постольку, поскольку правопорядок признает за носителем данного правового блага свободу распоряжения таковым, считая, что в этом блага заинтересован лишь сам его носитель» утверждает, напр. Тист вполне последовательно заключающий поэтому, что причинивший другому телесное повреждение не освобождается от уголовной ответственности и в том случае, если это его действие было учинено с С. и. Для советского права приемлема лишь последняя точка зрения. Введенное в первоначальную редакцию У. К. 1922 г. примечание к ст. 143 («убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается») в том же 1922 г. было исключено и, действительно, оно являлось непродуманным. Само собой разумеется, что вопрос о С. п. совершенно отпадает при этом в отношении преступлений вроде нарушений Т. К. (см. Охрана труда и угол. право): если для буржуазных юристов в течение большей части XIX века (а для большинства из них и по сие время) рабочий представляется «свободно» договаривающимся с капиталистом об условиях продажи последнему своей рабочей силы, то с пролетарской точки зрения, такая «свобода» есть тишь — свобода эксплуатации рабочих капиталистами, а наш Т. К. именно и ставит своей задачей ограничение этой эксплуатации.

Некоторые буржуазные криминалисты считают, что ненаказуемость совершаемых врачами хирургических операций вытекает лишь из «С. п.», ибо сами по себе такие операции заключают, дескать, в себе полный состав «телесного повреждения», предусмотренного У. К.; это странное — и очень характерное, как показатель безнадежной схоластики буржуазных криминалистов-догматиков — рассуждение (ведь хирургическая операция есть не «повреждение», а, наоборот, оказание помощи больному). Впрочем, доводится и до совершеннейшего курьеза, ибо с ним связывается и утверждение, что только «С. п.» делает ненаказуемыми, напр., также действия парикмахера, стригущего своего клиента («потерпевшего»). Конечно, сказанного нами не следует понимать в том смысле, будто, по нашему мнению, врач не нуждается в согласии своего пациента для производства на нем или хирургической операции

(пост. ВЦИК и СНК от 9/XII 1924 г. о профессиональной работе и правах медработников установило, что хирургическая операция производится с согласия самих больных или, если операции подлежит лицо моложе 16 лет или душевно-больной, с согласия их родителей или опекуна) однако, если больной находится в бессознательном состоянии, или если согласие родителей или опекунов не может быть получено без риска опоздания с операцией, то врач не нуждается в согласии для производства, по консультации с другим врачом (если таковая возможна) операции больному

А. Э.

СОЛИДАРИЗМ — экономическое и политическое направление, выдвигающее в качестве своей основной руководящей идеи развитие «общественной солидарности». Понятие это фигурировало уже в построениях некоторых утопических социалистов (напр. Фурье), у социологов органической школы (см.) и вулгарных буржуазных экономистов сред XIX в. типа Бастиа, автора «Экономических гармоний». Оно получает особое развитие по мере развития классовых противоречий к концу XIX в. При этом, в противовес «справедливости» и «братству» естественного права, в него начали вкладывать новое, уже не «моральное», но «позитивное» социологическое содержание: имелась в виду «солидарность», не как долг, но как факт т.е. фактически имеющиеся место связь и взаимозависимость людей в общественной жизни. Разумеется, в качестве «естественных» форм «солидарности» принимались экономическое неравенство, частно-собственнические отношения. Как добросовестно передает один из ранних теоретиков С. известный экономист-кооператор Шарль Жид, в конце XIX и нач. XX в.в. это понятие послужило знаменем «для одной французской политической партии. Она хотела иметь такую экономическую программу, которая дала бы ей возможность проложить путь между старой либеральной партией и социализмом, отвернуться от *laissez faire* (государственного невмешательства) но также и от социализации частной собственности: сохранить и укрепить права отдельного лица, права че-

ловека, но в то же время возложить па частное лицо некоторые обязанности в интересах всех. Это была партия, называвшаяся тогда радикальной, ныне известная под именем радикально-социалистической»...

Теоретиком и лидером С. явился французский политический деятель Леон Буржуа («Солидарность» 1896, «Философия солидарности» 1902). Он облакает идею солидарности в юридическую форму «мнимого договора». Естественная солидарность, по мнению Буржуа, основана на неравенстве, она не должна отождествляться со справедливостью. Законы солидарности «нужно констатировать», а затем уж «воспользоваться ими, чтобы изменить их действие в интересах справедливости». Благодаря разделению труда, наследственности и т.д. человек оказывается связанным с другими людьми множеством связей, а потому оказывается обремененным по отношению к обществу целым рядом обязательств. Руссо предполагал, что общество возникает в результате сознательного договора; между тем, в действительности общество является продуктом того, что юридическая наука называет «мнимым договором». Получение наследства заставляет наследника платить долги наследодателя, т.е. создает между его кредиторами и наследниками «мнимый», в действительности никогда не заключенный договор. Точно так же всякий член общества связан с другими людьми «взаимными долгами»: богатство, оставившееся благодаря общественному труду в прошлом, обязывает: частная собственность оказывается свободной лишь «по уплате потомкам так и современникам, не получившим выгод от «естественной солидарности», «обездоленным». Формой уплаты являются добровольные вклады в учреждения взаимопомощи и обязательный налог государству, т.к. «естественная функция государства — быть блюстителем договоров». Но это не значит однако что взаимное вспомоществование должно быть организовано на основе социалистической эквивалентности. Так как «очевидно невозможно точно определить ценность личного усилия каждого» и те условия, которые бы поставил каждый перед своим вступлением в этот мнимый общественный договор, то совер-

шенно достаточно «гарантировать случайности существования» каждого путем уплаты минимума долга. Поэтому «социальный толг» сводится только к даровому обучению, к гарантируемому каждому минимуму существования и к страхованию против опасностей. Примирение классов, общественное «сотрудничество» — такова наиболее надежная основа общественного развития.

Практически политика С. выражается в требованиях введения прогрессивного подоходного налога, регламентации труда и организации обязательного страхования рабочих, в организации кооперативных обществ. Дальше этого не идет и не может идти мелкобуржуазная природа С., являющегося одной из характерной форм в которых «средние классы» стремятся предотвратить социальную революцию. С. оказал свое влияние и на некоторые социологические построения (Дюркгейма, Бугле и др.) Напр. Дюркгейм (см. Социология) выдвигает в качестве «опоры морального порядка» солидарность, основанную на несходстве личностей, появляющемся благодаря разделению труда. Солидаристские идеи нашли свое отражение и в юридическом социализме, а также в теории «социальных функций» Дюги (см.).

И. Р.

СОЛИДАРНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО (*Gesamt-schuldverhältnis, obligation solidaire*) возможно при множественности (два и более) должников (пассивная солидарность) или кредиторов (активная солидарность). С. ответственность нескольких должников обязывает каждого из них по требованию кредитора чинить исполнение целиком в его пользу т.е. не дробя суммы или предмета обязательства. Активная солидарность нескольких кредиторов дает право каждому из них требовать в свою пользу от должника уплаты всей суммы долга, предоставления предмета обязательства целиком без дробления. Исполнение должником обязательства во всем его объеме в отношении одного из солидарных кредиторов освобождает его от ответственности перед остальными сокредиторами. С. ответственность нескольких должников представляет большие удобства для кре-

дитора, она зато обременительна для каждого из должников. Активная солидарность может представлять известные удобства и для должника. Вместо того чтобы иметь дело с несколькими кредиторами, разыскивать их для того, чтоб исполнить обязательство по частям, должник имеет право произвести исполнение в пользу любого из них и тем освободиться от обязательства. Так разрешает этот вопрос Германское Уложение ст. 428 и Code Civil ст. 1195. Последний включает оговорку что должник имеет право чинить исполнение любому кредитору по своему выбору лишь до тех пор, пока к нему не предъявлен иск кем-либо из солидарных кредиторов. Паш Кодекс не содержит на этот счет никаких правил. В литературе (А. Гойхбарг, «Хоз. Право», т. I, стр. 150, изд. 3) высказано мнение, что должник не имеет права выбора кредитора для исполнения обязательства.

Это мнение, не имеющее опоры в нашем законе и расходящееся с принятым в большинстве современных кодексов решением этого вопроса, противоречит и нормальному способу исполнения обязательств вообще. При подобном решении вопроса должник, не получая требования ни со стороны одного из кредиторов, мог бы освободиться от обязательства лишь внесением предмета обязательства в депозит на имя всех кредиторов. Это осложняло бы отношения и создавало бы излишнюю волокиту.

Согласно ст. 115 Гр. Кодекса, С. ответственность не предполагается, она имеет место лишь тогда, когда она предусмотрена договором или законом. В этом отношении наш Кодекс сходится с Code Civil art. 1202, Австрийск. Улож. ст. 891, Швейцарским ст. 162. В противоположном смысле разрешают этот вопрос Германское Гражданское Уложение (§ 427 BGB), англо-американское право (Common law), Калифорпское Гражданское Уложение, ст. 919 которого устанавливает, что всякое обязательство лежащее на нескольких лицах предполагается солидарным, а не долевым.

По нашим законам устанавливаются следующие случаи, когда ответственность нескольких должников (а также права требования нескольких кредиторов) являются солидарными. Согласно ст. 116 Г. К., при неделимости предмета обязательства долж-

ники признаются солидарными должниками, а кредиторы солидарными кредиторами. Под делимостью или неделимостью понимается отнюдь не физическая дробимость и недробимость вещи, а возможность раздробления без хозяйственного ущерба (Гойхбарг, цит. соч., стр. 76) — «Действие, составляющее содержание обязательства, может быть признано делимым, когда оно может быть выполнено по частям, когда оно допускает разделение его без нарушения сущности так что каждая часть действия имеет то же содержание, как и целое, и отличается от последнего только количественно, действие, не допускающее такого разложения на части, признается неделимым».

Согласно ст. 240 Г. К. «лица, одновременно и совместно давшие поручительство, отвечают как С должники». Должник и поручитель являются С должниками. Но это является лишь презумпцией. Так как ответственность поручителя является по ее хозяйственному назначению и юридической природе вспомогательной (акцессорной), то стороны могут договориться об ином порядке предъявления требования к поручителю, нежели тот, который устанавливается при обычной солидарности. Стороны могут условиться, что требование к поручителю может быть предъявлено лишь по выяснении безуспешности взыскания с главного должника (ст. 241 Г. К.). Члены полного товарищества отвечают по его долгам как С должники (ст. 295 Г. К.). Наоборот, участники простого товарищества отвечают по его долгам не как солидарные, а как долевые должники (*pro rata*), соответственно их долям участия в прибылях и убытках товарищества (ст. 287 Г. К.).

Разумеется, не исключается возможность установления в договоре товарищества или в договоре между простым товариществом и отдельным контрагентом С ответственности всех или некоторых товарищей по долгам товарищества. От С ответственности следует отличать круговую ответственность, предусмотренную ст. 294 Г. К. «В случае недостаточности общего имущества товарищей для удовлетворения или обеспечения долгов, недостающая сумма должна быть пополнена товарищами в размере приходящейся на каждого из них доли убытка. При несостоятельности кого-либо из товарищей, приходящаяся на него

долю часть убытков распределяется между остальными товарищами на том же основании».

В этом случае одному товарищу придется платить за другого, по это не есть С ответственность, поскольку кредитору не принадлежит право требования к отдельному товарищу во всей сумме долга товарища оказавшегося неплатежеспособным, а только в части, во-вторых только несостоятельность одного товарища дает основание требовать с других.

Согласно ст. 339 Г. К. учредители акционерного общества подлежат лично С ответственности перед контрагентами по всем сделкам, которые ими заключены до публикации о регистрации акционерного общества, если эти сделки не утверждены общим собранием акционеров. Согласно ст. ст. 356 и 365 Г. К., члены правления и ликвидаторы акц. об-ва несут С ответственность, первые перед обществом и вторые перед его кредиторами за причиненные убытки. Вне договорных отношений С ответственность предусмотрена ст. 408 Г. К. Лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно.

По положению о векселях (ст. 9) — все лица, подписавшие вексель и сделавшие на нем передаточные надписи, ответственны перед векселедержателем как совокупные должники. Такую же ответственность несут перед держателем ваврианта все лица, написавшие ваврианта.

Общие правила о С о. в нашем Г. К. ограничиваются постановлениями ст. ст. 115 и 116. Иностранное законодательство содержит по поводу них весьма подробные правила, из которых следующие должны иметь применение и у нас. Недействительность С о. только в отношении одного из должников не имеет влияния на его действительность в отношении остальных. Зачет состоявшийся между верителем и одним из солидарных должников, прекращающая обязательство (ст. 129 Г. К.) освобождает от ответственности и остальных должников. С должник вправе зачесть обязательство только таким требованием, которое принадлежит лично ему, не другим содолжникам. Должник, исполнивший С о., имеет право обратного требования к остальным должникам (см. Регресс).

Ф Вольфсон

СОПРОТИВЛЕНИЕ ВЛАСТИ принадлежит к числу преступлений против порядка управления (см.), являясь притом одним из основных преступлений этого рода; постановления о наказуемости С. в. мы, по вполне понятным причинам, встречаем уже и в древнейших законодательствах. Современные У. К. содержат обычно особые разделы о С. в. Так, французский Code Pénal излагает соотв. постановления под общим заголовком «С. в., неповиновение власти и прочие нарушения обязанностей по отношению к государственной власти» при чем С. в. в тесном смысле — С. в. с применением физического насилия — предусматривают ст. ст. 209—221, трактующие о «мятеже» (Rebellion). Особенностью этих статей является разграничение более тяжелых случаев С. в. от менее серьезных с помощью двух критериев: 1) численности участников данного акта С. в. и 2) наличия или отсутствия у них вооружения. Так, С. в. со стороны более 20 вооруженных лиц влечет каторгу С. в. со стороны более 20 невооруженных или от 3 до 20 вооруженных — «заточение» (réclusion, от 5 до 10 лет); С. в. со стороны одного или двух граждан — тюремное заключение на срок от 1/3 года до 2 лет если они были вооружены, и на срок от 6 дней до 1/2 года, если они не были вооружены. Из Code Pénal такой же подход к классификации и квалификации случаев С. в. был позаимствован и русским дореволюционным Уложением о наказаниях. Действующий германский У. К. излагает в 6-ой главе, озаглавленной «С. в.» (Widerstand gegen die Staatsgewalt) не только постановления о С. в. в тесном смысле слова (в герм. У. К. насильственному С. в. приравнивается и С. в. при помощи угрозы насилем), но и постановления о призыве толпы граждан или хотя бы отдельных солдат, к неповиновению властям, а равно об агитации при помощи печати за такое неповиновение. Квалифицированным — влекущим каторгу до 10 лет — С. в. признается С. в. (в тесном смысле слова) учиненное участниками «открытого собрания» (öffentliche Zusammenrottung); самое участие в подобном «собрании», при котором имели место такие акты С. в., характеризуется как «мятеж» (Aufruhr) и влечет тюрьму (от 6 месяцев до 5 лет). Вообще в герман-

ском У. К. массовые беспорядки (см. Беспорядки массовые) рассматриваются именно как разновидности С. в. даже если они и не связаны какими-либо активными действиями против тех или иных представителей власти.

Постановления буржуазных кодексов о С. в. предназначены обеспечивать «авторитет» того аппарата буржуазной диктатуры, каким является аппарат гос. власти современных «демократий» Зап. Европы и Америки. Если, вообще говоря, эти постановления, как и прочие постановления соотв. У. К., тщательно маскируют свой классовый характер, то следует отметить, что в ст. 219 Code Pénal маска несколько приоткрылась, поскольку в этой статье специально оговаривается наказуемость, в качестве «сообществ бунтовщиков» (réunion rebelles), сообществ «организованных рабочими или полешниками в предприятиях общественного характера или мануфактурах» и связанных с насильственными действиями или с угрозами по отношению к представителям административной власти или полиции, наряду с этими сообществами, в рассматриваемой статье упоминаются еще: 1) сообщества призываемых в учреждениях призрения (hospices) и 2) сообщества заключенных в местах заключения. Характерно, что только в этой статье угрозы, по франц. Code Pénal, приравнены к насильственному С. в.

О С. в. по советскому праву — см. Преступления против порядка управления.

А. Э.

СОСЛОВИЕ есть общественная группа которая определяется не только отношением к средствам и орудиям производства, в частности их обладанием или необладанием, но и наследственным обладанием определенных прав и вместе с тем несением определенных обязанностей.

Хотя С. как видно из этого определяется, и не полностью совпадает с классом, но было бы неправильно считать С. только юридической категорией и совершенно отрицать всякие классовые моменты в основе сословных группировок. Достоинно внимания, что С. возникают как раз в то время, когда зарождается классовое общество, т.е. в эпоху перехода от натурального хозяйства к денежному, или конкретнее в эпоху разложения феодального

хозяйства и развития торгового капитализма.

Развитие торгового капитализма сопрягалось ростом владений одного из наиболее крупных сеньоров—короля и усиления его власти над другими феодалами («собираание земли»). При присоединении владений сеньоров вассалы последних делались вассалами короля. С другой стороны, и сами вассалы, не дожидаясь присоединения земель своих сеньоров к королевскому домену, наперерыв шли на службу к королю. Все это вело к установлению непосредственной власти короля над вассалами его вассалов,—к т. н. иммедиатизации. Замена непосредственной вооруженной помощи вассалов помощью денежной давала возможность положить начало организации королевского войска из этих, принятых на службу, вассалов и тем самым внести единообразие в служебные отношения. Нужно, однако, заметить, что процесс консолидации всех служебных отношений группы протекал медленно. Служилые люди еще долгое время разбивались на ряд групп, пользовавшихся различными привилегиями и правами, напр. группу придворных чинов, королевских чиновников и непосредственно отправлявших военную службу. Но постепенно все эти группы объединяются, усваивают одно общее для всего С. наименование, получают одинаковые наследственные права и привилегии.

Ведя свое начало от вассалов землевладельцев и дополнительно получая от короля за свою службу поместья, дворянство сделало земледельческой группой.

Получив замкнутый характер, дворянство начинает проводить взгляд о благородстве членов дворянского сословия. Стало выработываться представление о занятиях, приличных или неприличных для дворянина. Так, занятиями приличными для дворянина признавалось сельское хозяйство, охота, война. Занятие же торговлей считалось крайне унижительным.

Развитие торгового капитализма обусловило рост городов, сделавшихся центрами торговли и промышленности и привлечших под защиту своих стен многочисленное население.

Города путем ожесточенной борьбы с феодалами мало-помалу освобождаются из-под их власти и, оказывая поддержку ко-

ролям в борьбе против их вассалов, сумели добиться различных для города льгот и привилегий, и в частности самоуправления. В состав горожан входили банкиры, крупные купцы, откупщики, мелкие торговцы и ремесленники.

Нужно заметить, что С. горожан было неоднородно по своим правам и привилегиям. Верхи городского общества, крупные банкиры и купцы, принимавшие неопосредственное участие в поддержке королевской власти в борьбе с вассалами, обыкновенно пользовались значительными привилегиями, приближавшими их к дворянству; в частности, крупные купцы получали право приобретать имения населенные крепостными.

Что же касается до низов—мелких торговцев и ремесленников, то они, не обладая привилегиями, облагались тяжелыми налогами.

Горожане в своей массе именовались «третьим сословием» (первым считалось духовенство, вторым — дворянство). Таким образом «третье сословие» состояло из разнородных классовых элементов: а) собственно буржуазии (буржуа в переводе значит — горожанин), б) мелкой ремесленной и торговой буржуазии и в) зачатков будущего пролетариата — в лице подмастерьев и учеников. Но объединенные общей борьбой против общего врага феодализма (см.) в лице первых двух С. они долгое время выступали как единое городское «третье сословие».

В эпоху Великой Французской Революции, быть может впервые на политическую арену выступили эти три составные элемента «третьего сословия» со своими собственными и во многом враждебными друг другу интересами. В дальнейшем, после победы буржуазии, эти три класса уже не смешиваются ни в каком единстве, отчетливо разделившись на два противоположные класса — буржуазию и пролетариат.

«История буржуазии начинается вместе с историей пролетариата, представляющего собой остаток пролетариата феодальной эпохи. В ходе своего исторического развития буржуазия необходимым образом развивает свой антагонистический характер, который вначале более или менее замаскирован и существует только в скрытой форме. По мере развития буржуазии раз-

вивается также в ее недрах новый пролетариат — современный; развивается также

борьба между буржуазным и пролетарским классами; еще прежде, чем эта борьба была почувствована обеими сторонами, замечена ими, оценена, понята, признана и открыто провозглашена, она проявлялась сначала в виде частных, внезапных конфликтов, сопровождавшихся разрушительными актами (Маркс «Нищета философии»).

Едва ли не выше по своему политическому значению и об'ему своих сословных прав и преимуществ, чем дворянство и горожане, стояло духовенство. Духовенство и в качестве С. сложилось раньше; как раз в эпоху наибольшего расцвета феодального строя когда королевская власть была ослаблена, церковь сделала попытку провести в жизнь теорию главенства папы над всеми государями католического мира. Законы церкви стали считаться обязательными для государства, по обязательность светских законов для духовенства упорно оспаривалась. Так, в частности, церковь привлекала к своему суду светских людей по многим делам, но сама отрицала возможность привлечения к светскому суду клириков. Наконец, церковь добилась установления особых церковных налогов со всех мирян, но всячески протестовала против обложения клириков. К этому еще необходимо прибавить, что духовенство владело огромным количеством земель; напр., в Англии перед реформой ему принадлежало около половины всех земельных владений

Все это делало духовенство наиболее организованным С., пользовавшимся особым политическим влиянием. Учитывая что дворянство стало стремиться к тому, чтобы заполнить высшие места церковной иерархии.

Вошло в обыкновение, чтобы один из членов аристократической фамилии делался клириком. Епископы избирались непременно из капошиков соборных господ (Domherren), представителей знатных родов.

Только в некоторых епархиях допускались к избранию в епископы клирики не из знати, при чем эти епархии назывались лакейскими. Таким образом, мы наблюдаем постепенное сращивание двух высших С.

Все эти три С.—дворянство, духовенство и горожане—жили за счет четвертого, крестьянства, которое как раз в эпоху расцвета сословного строя стало закрепощаться и ограничиваться в правах. Таким образом, крестьянство лишено по отрицательному признаку, необладанию и ограничению прав, можно назвать С. Только в одной Швеции, не знавшей совершенно крепостного права, крестьянство имело некоторое политическое влияние и получило определенную организацию в качестве четвертого звена.

Хотя процесс превращения феодального общества в сословное протекал во всех странах Европы с XII в., но нужно отметить, что как интенсивность этого процесса, так и об'ем прав и привилегий отдельных С. были различны.

Там, где торговый капитализм развивался интенсивнее и где, следовательно, горожане были экономически влиятельнее, там они смогли организовать в мощную общественную группу и добиться исключительных привилегий. Там, где обмен развивался слабее и феодальное хозяйство разлагалось медленнее, получали особое значение дворянство и духовенство. Экономические особенности каждой из стран обуславливали разнообразие во взаимоотношениях С. но, как общее правило, они находились в постоянной борьбе между собой.

Чтобы закончить вопрос о возникновении и развитии С., коснемся сословного строя в России. В русской немарксистской исторической литературе господствовал взгляд что «древняя Русь не знала С.» Только в конце XVII в. и в особенности со времени Петра Великого стал искусственно вводиться сословный строй.

Существование С. в Удельной Руси и в Московской, до конца XVII в., в большинстве случаев отрицалось, благодаря отсутствию замкнутости основных сословных групп и отсутствию регламентации прав и преимуществ отдельных общественных групп.

Кроме того, обычно указывается, что до XVIII в. не произошло консолидации отдельных групп в определенные С. дворян, духовенства, горожан; у нас служилые люди делились, напр., на бояр, дворян, детей боярских, дьяков, под'ячих

и пр. Но сопоставляя историю возникновения С. у нас и на Западе, мы должны отметить полную аналогию. Как у нас, так и на Западе при падении феодального строя и развитии торгового капитализма наблюдается имедиатизация вассалов крупных сеньоров, княжат и бояр (т.-н. боярских послужильцев). Боярские дворы распускаются, и послужильцы идут на службу к великому князю московскому образуя дворянские полки, получая за свою службу поместья. Создается основное ядро служилых людей, несших обязанности и получавших наследственные права и преимущества. Как общее правило, уже в начале XVI в. лишь из детей боярских и дворян вербуются служилые люди. Только в некоторых случаях и на окраинах делаются отступления из этого правила.

Раезным образом, с ростом городов начинают возникать группы городского населения, мало-помалу добившихся привилегий. Напр., еще в XVI в. образовались группы гостей, гостиная и суконная сотни, получивших такие привилегии, что они стояли выше рядового дворянства. Городское население посадские люди, вообще с начала XVI в. получили определенную организацию и отмежевались от других общественных групп, напр. от крестьянства.

Что же касается духовенства, то оно и ранее, еще в киевскую эпоху, было сложившейся сословной группой пользовавшейся исключительными правами и преимуществами, аналогичными с западно-европейским духовенством. Таким образом, учреждение С. в XVIII в. было искусственным перенесением на русскую почву западно-европейских институтов, а лишь регламентацией уже сложившихся задолго и уже окончивших к этому времени свое формирование сословных групп. С XVIII в. благодаря этой регламентации было закончена консолидация общественных групп в четыре основных С., четыре «главных рода людей»: дворян духовенства, городских обывателей и сельских обывателей.

Возникновение сословного строя обусловило ряд весьма крупных изменений в государственном строе. Феодальная монархия превратилась в сословную монархию, где власть распределялась между ко-

ролем и т.-н. государственными чинами, т.-е. между представителями С. духовенства, дворянства и горожан и в некоторых странах, не знавших крепостного права крестьян (в Швеции). Повсюду начинают возникать т.-н. сословно-представительные учреждения. Эти учреждения в каждой стране носят различные названия; в Англии—Парламент; во Франции—Генеральные Штаты, в Германии—рейхстаги и ландтаги; в скандинавских странах—рикстаги, в Испании—Кортесы, во многих славянских государствах—сеймы, в России—Земские Соборы. Все сословно-представительные учреждения выросли на основе прежних феодальных учреждений, представлявших собою съезды королевских вассалов. Напр., во Франции таким учреждением была королевская курия; в Англии—т.-н. *magnam concilium* (большой совет), в России—боярская дума. Процесс превращения этих феодальных учреждений в сословно-представительные протекал медленно и незаметно. Обычно этот процесс считают законченным, когда на съездах духовных и светских вассалов начинают принимать участие горожане.

Нужно однако, заметить, что вначале мы не наблюдаем выборного представительства от С. На съезды собирались представители не в силу избрания, а в силу должностного положения (напр. представителями от горожан были вначале бургомистры, ратманы, мэры, консулы и проч. органы городского самоуправления). Взаимоотношение отдельных С. между собой и политический вес каждого из них обуславливали ряд различий в структуре сословно-представительных учреждений. Напр., в Англии, благодаря тому, что не было глубокого антагонизма между средними и мелкими землевладельцами и горожанами обе эти группы образовали одну палату, палату общин, в то время как духовная и светская знать заседала в палате лордов. В большинстве случаев образовывалось три палаты, где заседали представители каждого из трех сословных «чинов».

У нас земский собор состоял из трех курий: боярской думы, где заседала знать; освященного собора где заседало духовенство, как высшее, так и низшее, и собрания представителей от служилых и посадских людей (горожан).

Хотя сословно-представительные учреждения созывались нерегулярно, тем не менее, они ограничивали королевскую власть. В некоторых случаях, напр., в Испании и Венгрии, сословные чины выговаривали себе право легального сопротивления силой в случае нарушения королевских прав и привилегий.

Основное политическое значение сословно-представительных учреждений обуславливалось главным образом тем, что от С зависело дать или не дать королю субсидии и установить принципы обложения. Соглашаясь на дачу субсидий и на взимание тех или иных сборов, сословные представители вместе с тем ставили ряд условий и предъявляли требования королю и королевской администрации, невыполнение которых вело за собой неполучение денег. Сословный строй, конечно, отразился и на административной системе государств. По образцу центральных сословно-представительных учреждений были организованы местные учреждения (напр., во Франции были в ходу провинциальные штаты).

Сословно-представительные учреждения как общее правило, прекратили свое существование после того, как королевская власть, нашедшая новые финансовые источники и применившая новые способы для извлечения доходов, окончательно окрепла. Королевской власти нетрудно свести до минимума значение сословно-представительных учреждений, благодаря розни С между собой и постоянной их борьбе. Только в одной Англии и Венгрии сословно-представительные учреждения не утратили своего веса и превратились в настоящие представительные учреждения.

С и сословные привилегии стали отменяться в эпоху промышленного капитализма. Там, где они еще до сих пор формально не отменены, они не дают никаких прав и сохраняют свое значение в качестве простого титула. В России С сохранили свое значение вплоть до революции («Св. Зак.», т. IX) и были отменены революционным законодательством, одновременно уничтожившим экономическую основу привилегированных С: духовенства (отделение церкви от государства и конфискация церковных имений) и дворянства (конфискация их поместий).

С. Юшков

СОУЧАСТИЕ нескольких лиц в учинении одного преступления (учинение преступления коллективной деятельностью) влечет уголовную ответственность каждого соучастника. Кого считать соучастником, в чем сущность С. при каких условиях и в какой мере соучастники подлежат уголовной ответственности—эти вопросы в разное время разрешались различно, да и в настоящее время среди буржуазных криминалистов они разрешаются далеко не единодушно. Римское право, давая соучастникам разные обозначения (*auctores, socii, ministri, participes*), не проводило между ними различий в смысле наказуемости. В германском праве, всегда строго преследовавшем всякое содействие преступнику после совершения им преступления, понятие С складывается лишь постепенно, и прежде всего оно фиксируется в применении к преступлениям разного рода шакк, что явствует из средневековой терминологии, в которой главные соучастники обозначались как «вожаки» (*capitanens, dux, Häuptling*). В развитом средневековом праве в числе соучастников различались подстрекатели и пособники; первые карались наравне с самим совершителем преступления, иногда даже строже; вторые по общему правилу карались мягче. Современное право, как буржуазное, так и советское также различает следующие категории соучастников: 1) исполнители, т. е. непосредственных совершителей преступления, 2) подстрекателей и 3) пособников. Буржуазное право при этом стоит на точке зрения ответственности подстрекателей наравне с исполнителями и смягченной, по сравнению с последними, ответственности пособников. В основу постановлений буржуазных законодательств о С положено учение о т-и акцессорной (дополнительной) природе С. впервые проведенное в *Code Pénal 1810*. Согласно этому учению, ответственность подстрекателя и пособника обусловлена ответственностью исполнителя, к которой она присоединяется и без которой она отпадает: А, подстрекающий Б к краже или оказывающий Б содействие в подготовке этой кражи, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если Б действительно совершит кражу или покушение на кражу, и тогда ответственность

А определяется по той же статье У. К., что и ответственность Б, если же Б ни кражи, ни хотя бы покушения на кражу не учинит, то и А не может быть наказан вовсе. Таким образом А отвечает не за свои действия сами по себе, а, так сказать, лишь за действия Б, по принципу солидарной ответственности за преступление всех соучастников этого преступления, при чем эта солидарная ответственность мотивируется общностью вины всех соучастников, вытекающей из лежащего в основе их действий отлагательного, прямого или молчаливого (соучастниками признаются лишь лица, действовавшие заведомо сообщая при учинении преступления, т.е. С, возможно лишь при умыслах и иных (см. Умысел) преступлениях) господствующая буржуазная теория С, таким образом, просто как и следовало ожидать, переносит в уголовное право сложившийся в гражданском праве принцип солидарной ответственности всех участников деликта за учиненный этим деликтом ущерб. Другим корнем этой теории является взгляд на действия подстрекателя или пособника, как на условие, а не как на одну из причин преступного результата (ср. указанное в т. I, стр. 901—2). Здесь можно сослаться на Листа, который отметил, что для криминалистов, обосновавших уголовную ответственность «свободой воли» преступника, было во всяком случае невозможным признать, напр. действия подстрекателя причиной преступления, к которому он подстрекал, ибо в этом случае исполнитель преступления оказался бы и для них лишь орудием, подчиненным в полной мере закону причинности. Зато сторонники «акцессорной природы» С, несколько не затрудняются признать причиной, т.е. непосредственным соисполнителем, преступления то лицо, которое подговаривает ребенка или невменяемого (лишенного «свободы воли») человека совершить это преступление, или сознательно содействует такому невменяемому человеку или ребенку в совершении преступления. Так же подходят они и к тем случаям, когда лишь подстрекатель или пособник сознает преступность действий, в которых является соучастником, а сам фактический исполнитель преступления, в силу того или иного заблуждения

(см. Ошибка), не сознает преступности своих действий. По мнению сторонников «акцессорной природы» С, к такого рода случаям постановления о С вообще неприменимы, и лицо, дающее, напр., душевно-больному револьвер для совершения убийства, должно отвечать не за пособничество убийству (С. в убийстве), а за убийство (так наз. «посредственное учинение» убийства), и подлежит ответственности, на основании постановлений о покушении (см.), даже и в том случае если душевно-больной вовсе не пустил в ход этого револьвера. Некоторые современные буржуазные криминалисты, впрочем, предлагают применять постановления о С и в случаях такого «посредственного учинения»; в нашем последнем примере это предложение, в случае его принятия, влекло бы за собой смягчение ответственности по буржуазным У. К., ибо пособник, как сказано выше, карается, согласно этим У. К., мягче исполнителя. Другие буржуазные криминалисты (напр., Лист), напротив, вообще возражают против всего учения об «акцессорной природе» С, считая ненужным самое понятие С, и предлагая рассматривать всякое С (подстрекательство и пособничество), как «посредственное учинение» преступления. Эта точка зрения (из которой вытекает и возможность неосторожного С.) проведена в норвежском У. К. 1902 г. и еще резче в итальянском проекте Ферри 1921 г. Но все остальные буржуазные У. К. до сих пор формулируют свои постановления о С в духе господствующего учения о С. Единственным, если не считать особо установленной наказуемости всякого призыва к политическим преступлениям, коррективом, иногда вносимым в тех или иных буржуазных кодексах в соответствующую систему постановлений о С является постановление о том, что и не имевшее успеха подстрекательство в убийству или к другим тяжким общеуголовным преступлениям, а равно и всякое предложение кем-либо своих услуг для совершения соответствующего преступления или принятие такого предложения подлежат уголовной репрессии, но лишь как самостоятельное преступление особого рода, а не как деяние, подлежащее квалификации по статье У. К. предусматривающей престу-

пление, к которому подстрекал или которое вызывался совершить виновный. Такого рода постановление (так наз. *Duchesne Paragraph*) было впервые принято в Бельгии в 1875 г., будучи вызвано тем, что некий бельгиец *Duchesne* обратился к парижскому архиепископу и к главе бельгийских иезуитов, вызываясь убить германского канцлера Бисмарка за ту борьбу с католическим духовенством, которую в то время вел последний; в связи с этим в 1876 г. такое же постановление было включено и в германский У. К. (ст. 49а).

У К. РСФСР 1922 г. также воспринял господствующую в буржуазном праве конструкцию С. и наша судебная практика фактически в полной мере руководствуется принципом «акцессорной природы» С., признавая, в частности, деяния, охватываемые ст. 49а германского У. К., по заключающимися в себе состава преступления, хотя бесспорно и такого рода деяния являются собой социальную опасность действующего лица и хотя, вообще говоря, учение об «акцессорной природе» С. плохо вяжется с основными принципами советского уголовного права. Основным отличием советского права в вопросе о С. является, таким образом, лишь отрицание принципа обязательного смягчения уголовной репрессии по с о б н и к а м. В этом смысле редактирована и ст. 12 Осн. Начал: «Меры социальной защиты применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении», каковую статью, с некоторыми редакционными изменениями, воспроизводит и ст. 18 ч. I У. К. РСФСР ред. 1926 г. Таким образом, в то время как при г о т о в л е н и е к преступлению (см. Деяние) подлежит уже в силу ст. 19 У. К. ред. 1926 г., уголовной репрессии безрезультатное подстрекательство к преступлению статьей 18 У. К. РСФСР не охватывается (п. 2 ст. 17 нов. У. К. гласит: «Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления») Поскольку и такое подстрекательство может заключать в себе элемент социальной опасности и поскольку оно, в сущности, является не чем иным, как особого рода приготовительным к преступлению действием, нашей практике

следовало бы признать возможным в некоторых случаях (не обязательно во всех) рассматривать безрезультатное подстрекательство, как «создание условий преступления», предусмотренное в ст. 19 У. К. ред. 1926 г. в качестве одного из подлежащих уголовной репрессии, наравне с совершением преступлением «приготовительных к преступлению действий». Подстрекательство (безрезультатное) к какому-либо контрреволюционному преступлению охватывается ст. 10 (с соотв. агитации и пропаганде) Положения о государственных преступлениях, принятого ЦИК СССР 25/II 1927 г. Что касается не о с т о р о ж н о г о С., то советское право его не знает и этот подход вполне согласуется с общим подходом советского права к действительности (см.).

В соответствии с изложенным, наш суд при вынесении приговора привлеченным в качестве соучастников определенного преступления подстрекателям и пособникам, как и при вынесении приговора исполнителям этого же преступления, исходит из одной и той же статьи Особенной части У. К. Однако, если соучастник ошибался (см. Ошибка) насчет действительного характера совершенного при его участии преступления, он отвечает лишь по статье предусматривающей то преступление, соучастником которого он себя сознавал во время своего С.; с другой стороны, подстрекатели и пособники, даже и в том случае, когда исполнитель отвечает лишь за не квалифицированное преступление определенного рода, могут подлежать ответственности по статье Особ. части У. К. предусматривающей к в а л и ф и ц и р о в а н н о е преступление того же рода, поскольку в отношении их налицо какие-либо отягчающие обстоятельства, которые отсутствуют в действиях исполнителя (напр., если лицо, охраняющее общественный склад, является пособником кражи из этого склада, учиненной по предварительному с ним сговору другим частным лицом, то при ответственности последнего по п. «в» ст. 162 к пособнику будет все же применена более строгая санкция п. «д» ст. 162. Итальянский У. К. идет дальше, устанавливая, напр., что если пособник — слуга обокраденного, то и исполнитель в этом случае отвечает за квалифицированную кражу, какою по буржуазным зако-

подательством. признается кража, учиненная слугой).

Дореволюционные русские юристы отрицали возможность С частных лиц в должностных преступлениях (см.); французская и германская судебная практика знают и такое С С точки зрения советского уголовного права, не подлежат никакому сомнению возможность и необходимо привлечь, на основании общих постановлений о С, частных лиц, подстрекающих должностное лицо к должностному преступлению или оказавших ему содействие в этом преступлении, к строгой угол ответственности, установленной нашим У К. за должностные преступления.

Недоносительство (см. Недонесение) и укрывательство (см.) не рассматриваются современной теорией угол. права, как С в преступлении, но советское угол. право относит и укрывательство признаваемое им разновидностью пособничества, к С Особым видом С является участие отдельных лиц в т.н. «преступных сообществах». Кроме организаций, подпадающих под действие законов о политических преступлениях (см.), буржуазное право особо предусматривает целый ряд ипых преступных организаций. Так ст. 129 германского У. К. объявляет само по себе наказуемым всякое участие в каком бы то ни было сообществе. существование, устав или цель которого скрывается от государственной власти, а также в таком сообществе. в котором члены обещают безусловно повиноваться руководителям или повиноваться неизвестным им руководителям. Советское уголовное право ограничивается специальным указанием лишь на 2 случая ответственности за самое участие в преступной организации: 1) ст. 11 Положения о государственных преступлениях, принятого ЦИК СССР 25/II 1927 г., гласит: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящем Положении преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящим Положением, влекут за собой меры соц. защиты, указанные в соответствующих статьях настоящего Положения»; 2) ст. 17 того же Положения предусматри-

вает не только участие в организуемых вооруженными бандами (см. Бандитизм) нападениях, но и самую организацию таких банд, и всякое вообще участие в этих бандах. Однако, из признания в ст. 19 У. К. РСФСР ред. 1926 г. вслед за ст. 11 Осн. Начал, всякого рода «приготовительных к преступлению действий» подлежащими уголовной репрессии, должно вытекать, что создание организации для совершения какого бы то ни было преступления, как приготовление к этому преступлению, может по нашему У К. преследоваться, наравне с самым учинением такового, по одной и той же статье Особенной части.

А. Эстрич

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ (букв. — об-

обществление земли) — основное требование эсеровской программы аграрной революции. При этом обобществление полагается обобществлением не производственного, а распределительного характера. С з. противостоит обычно ее национализации (см.), т.е. переходу ее в собственность национально-государственных образований, огосударствлению. Программа партии эсеров, принятая на 1-ом партийном съезде в заседании 2 января 1906 г. так объясняет происхождение С з. и определяет его содержание: «В вопросах переустройства поземельных отношений П.С.Р. стремится опереться на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности на распространенное среди них убеждение, что земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд. Партия будет стоять за С. з., т.е. изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние... пользование землей должно быть уравнилельно-трудовым.. земля обращается в общенародное достояние без выкупа»... «Мы не делаем землю ни имуществом общины, ни имуществом области, мы не переводим ее и просто в разряд современных «государственных имуществ», мы делаем ее ничьей», — говорил В Чернов на том же съезде. «Именно, как ничья, она и становится общенародным достоянием» (Протоколы 1-го съезда П. С. Р., 1906 г.). Государство при С. з., сообразно эсеровской теории, не собствен-

ник, а лишь пассивный заведующий землей в «общем интересе». «Государство и его органы становятся уже по этой концепции не независимыми юридическими лицами, собственнические права которых на землю есть что-то стоящее выше индивидов и их притязаниями; нет, они превращаются лишь в юридические аппараты, регуляторы, примиряющие и приводящие к гармонии единичные права» (Чернов). Не «распоряжение социализированной землей» — ибо «распоряжение есть одно из произведенных права собственности», — но «заведывание» — «это термин чисто экономический, не влекущий за собою никаких нежелательных представлений из области буржуазной юриспруденции» (Протоколы). «Это именно.. то заведывание, характер которого определен, в известных границах, неотъемлемыми правами индивидов... Не центральная государственная власть, а трудовое население, самоуправление выступает на первый план, как субъект права на землю, трудового по существу своему права» (Чернов) Само же это право «должно быть поставлено в ряду субъективных публичных прав». Оно — «частный вывод из права на существование»...

В плане экономическом С. з. подверглась наиболее уничтожающей критике со стороны российской революционной социал-демократии. В 1902 г. В. И. Ленин писал: «Программа эсеров (уравнильское пользование землей, перешедшей в собственность общества) не выходит еще из рамок буржуазной программы, ибо сохранение товарного производства и допущение частного хозяйства, хотя бы и на общей земле, несколько не устраняет капиталистических отношений в земледелии» Впрочем и сами с.-р. вынуждены были признать, что «при социализации в деревне до рая будет далеко и эксплуатация не уничтожится там окончательно; капитал.. сумеет найти дорогу в деревню.. взять там свое» (В. Чернов). Т. о., ничего социалистического в С. з. нет.

Идиллические поземельные отношения, основанные на «трудовом начале» и «уравнильности», за вычетом всего, могущего революционизировать самый процесс земледельческого производства, — вот консервативная, вернее, реакционная программа мелкой буржуазии и ее партии. «В проти-

вовес мелко-буржуазной фразе и политике, которая царит у эсеров, особенно в пустых разговорах о потребительной или «трудовой» норме, о «социализации» земли и т. п., партия пролетариата должна разъяснить, что система мелкого хозяйства при товарном производстве не в состоянии избавить человечество от нищеты масс и угнетения их» («Проект платформы пролетарской партии». Написан В. И.). Аграрная программа И. С. Р. экономически неосостоятельна, ибо она рассчитана на невозможное в рамках товарного производства сохранение остатков «досредневекового клана», путем устранения связи между кусочками допотопного «общинного социализма», базирующегося на не менее допотопной технике, и между всем народно-хозяйственным организмом. Эта программа реакция, поскольку она цепляется за отжившие экономические формы, препятствует прогрессу сел.-хоз. производства, по существу своему исключает воздействие власти пролетариата на весь ход экономического развития деревни в переходную эпоху, исключает, т. о., коллективизацию сельского хозяйства, исключает передовые формы государственного сел.-хоз. производства. Социализация в качестве политической программы вредна, как отметил тов. Менщераков («Национализация и С. з.», 1918 г.), потому что поддерживает и укрепляет: 1) крестьянские предрассудки, будто уравнильское прирезка сделает мужика настоящим хозяином, избавит от всяких бед; 2) интеллигентско-народнические предрассудки насчет «социалистичности» (прирожденной) самого мужика насчет способности зажиточного «трудового крестьянства» бороться за социализм наравне (если даже не впереди) городского пролетариата, авангарда всякой революции».

С з., как программа «правовой революции», «де-юридизация» поземельных отношений — утопична и противоречива. Ибо невозможно одним декретным росчерком пера эмансипироваться от частно-правовой формы, оставив неприкосновенным неразрывно связанный с этой формой, ее порождающий товарно-денежный строй всего народного хозяйства.

Водной из самых ранних своих работ В. И. Ленин ставил общий вопрос: «Как следует отнестись рабочему классу к мелкой

буржуазии и ее программам?».. «На этот вопрос, — писал он, — нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса. Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны. Эти две стороны мелко-буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этой теории, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части» «Какое же значение имеют народнические теории, отражающие более или менее точно взгляды крестьян на их борьбу за землю?»—спрашивал В. И. в более поздней своей работе («Аграрная программа», 1907 г., т. IX) и отвечал в духе развития выдвинутых в «Друзьях народа» общих принципов, применяя их этим самым к конкретному случаю: «Два «принципа» составляют сущность этих народнических теорий: «трудовое начало» и «уравнительность» Мелкобуржуазный характер этих принципов настолько ясен и так часто так обстоятельно был доказан в марксистской литературе, что об этом пе-зачем еще говорить здесь. Важно отметить ту черту этих «принципов», которую не оценивали до сих пор по достоинству русские с.-д. В туманной форме эти принципы действительно выражают нечто реальное и прогрессивное в данный исторический момент, именно: они выражают истребительную борьбу против крепостнических латифундий.. Реальное содержание того переворота, который кажется народнику «социализацией», будет состоять из самого последовательного расчищения пути для капитализма, из самого решительного искоренения крепостничества... Народник воображает, что.. уравнительность устраняет буржуазность, тогда как на деле она выражает стремления наиболее радикальной буржуазии. А все, — добавляет В. И., — что есть в уравнительности сверх сего, есть идеологический дым, иллюзия мелкого буржуа». Вытекающие отсюда для партии пролетариата тактические выводы Ленин формулировал следующим образом: «Поддержи-

вая до конца самую решительную демократию, эта партия не даст отвлечь себя от революционного пути реакционными мечтаниями и опытами создания «уравнительности» при товарном хозяйстве. Борьба крестьян с помещиками теперь революционна, конфискация помещичьих земель в данный момент экономической и политической эволюции во всех отношениях революционна и эту революционно-демократическую меру поддерживаем. Но называть эту меру «социализацией», обманывать себя и парод насчет возможности уравнительного землепользования при товарном хозяйстве, это уж есть реакционная мелкобуржуазная утопия, которую мы предоставляем социалистам-реакционерам» («Пролетарий», № 24 от 25 окт 1905 г.).

Т. о., при ближайшем рассмотрении оказывается, что положительное содержание С. з. не представляет из себя ничего, кроме — путаницы и лжи, а революционна и прогрессивна негативная ее сторона, совпадающая с национализацией.

Опыт русской революции блестяще подтвердил правильность большевистской оценки, большевистского отношения к программе С. з. После Октября 1917 г. в России создалось такое положение, о котором Ленин писал: «С точки зрения буржуазно-демократической, революционному крестьянству в России дальше идти некуда: ничего «идеальнее», с этой точки зрения, как национализация земли и равенство землепользования, ничего «радикальнее» (с этой точки зрения) быть не может. Именно большевики, только большевики, только в силу победы пролетарской революции помогли крестьянству довести буржуазно-демократическую революцию до конца. И только этим они сделали максимум для облегчения и ускорения перехода социалистической революции». «При таком положении дела—писал В. И. в 1917 г.,— и национализация земли в аграрной программе приобретает иную постановку. Именно национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму» Насквозь диалектическая постановка вопроса о значении социализации и национализации, роли их на различных этапах развития революционного движения — вот что отличает марксистскую программу и тактику в аграрной революции от народнических.

Эсеры не давали себе труда анализировать классовую природу государства и политическую обстановку, в которой должна была осуществиться С. з. Напротив, революционный марксизм всегда связывал вопрос об аграрной революции с вопросом о завоевании власти, с вопросом о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства. А, ведь, в этом вся суть. Правильная постановка проблемы аграрного переворота в ее увязке с проблемой власти политического переворота — вот то что обусловило правильность политики пролетарской партии в октябрьский период.

Время с 17 октября по середину 18 года называют обычно лево-эсеровским периодом развития аграрной политики советской власти, ибо он проходил под знаком С. з. Ряд законодательных актов, из них главнейшие — «Декрет о земле» II Съезда Советов, с разъясняющим его крестьянским наказом (отмена помещ., удельн., монастырск. и церковн. собственности на землю, земля — «общенародное достояние».. уравнительное землепользование и т. д.) 26 октября 17 г. и «Закон о С. з.», 19 февраля 1918 г. (подтверждение отмены части собственности на землю, установление права трудового землепользования, потреб.-труд. нормы и уравнил.-труд. начал в земледелии) проводили в жизнь С. з. (проводили, как мы увидим дальше лишь по форме, а не по содержанию, вернее — лишь в революционной, негативной ее части) Это дало повод эсерам упрекать большевиков в том, что они «украли» у П. С. Р. ее аграрную программу «Хороша же та партия, — отвечали большевики. — которую нужно прогнать от власти для того, чтобы этим осуществить первую предпосылку реализации ее программы»

«Только революционный пролетариат только объединяющий его авангард, партия большевиков. — писал Ленин, — может и а деле выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242 наказах. Ибо революционный пролетариат действительно идет к отмене наемного труда единственным верным путем: свержением капитала, а не запрещением нанимать работничка, не «недопущением» этого. Революционный пролетариат действительно идет к конфискации (см.) земель инвентаря технических сел.-хоз предприятий, к тому чего крестьяне хотят

и чего эсеры им дать не могут (т. XIV, ч. II). «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнил. его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть, из-за этого ни один разумный социалист не разоидется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, значит — господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, значит — господство капитала подорвано. то при господстве власти пролетариата в центре, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится само собою, явится в результате «силы примера». подсказано будет самой практикой» (Там же).

Отвечая на вопрос, заданный ему эсером, делегатом крестьянского съезда, в ноябре 1917 г. Ленин говорил: «Никогда уравнил. землепользование и т. п. меры не повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства, если введен рабочий контроль, введена национализация банка, создано рабочее и крестьянское высшее экономическое учреждение, направляющее (регулирующее) все народное хозяйство и т. п.». Именно этими соображениями руководствовалось советское правительство, издавая первые свои революционные декреты, выполняя все обещания, данные пролетариатом своему союзнику в революции — крестьянству. В книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин писал: «Проводя закон о С. з., — закон, «душой» которого является лозунг уравнил. землепользования, — большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом несогласны. Мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьянства. А идея и требования большинства трудящихся должны быть изжиты ими самими: ни «отменить», ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем помогать крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, перейти от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим» (т. XV, с. 480) Интересно отметить, в чем видел В. И. сущность социализаторского «декрета о земле». «В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы — не в этом суть, суть в том чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами кре-

стьяне решают все вопросы. пусть сами они устраивают свою жизнь».

Эсеры в репительный момент изменили революции и крестьянству. Успех программы С. з., программы 242 наказов, успех «не в данной (декретной.—А. П.) ее формулировке, — а в ее сути» был обеспечен большевиками. Революционную часть эсеровской аграрной программы они провели в жизнь. Провели постольку, поскольку С. з. есть средство разрушения помещичьего строя, поскольку негативной ее стороной является уничтожение частной земельной собственности, т.е. именно постольку, поскольку она совпадает с национализацией, являющейся одновременно и заключительным аккордом буржуазной революции, и первым шагом к социализму (буржуазной национализацией, перерастающей в социалистическую).

Это отмечал в 1918 г. Ленин. «Наша народники, в том числе все левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму» (т. XV, с. 519).

Вскоре после окончания периода организационного и политического сотрудничества коммунистов в органах власти с левыми эсерами советское аграрное законодательство высвобождается из пут эсеровской терминологии, разрывает с народнической идеологической оболочкой. Уже «Положение о социалистическом землеустройстве» 1919 г., декретируя, как и другие законодательные акты эпохи военкоммунистической аграрной политики, коммунистическую коллективизацию сельского хозяйства, параллельно «пролагает путь идее государственной собственности» (Евтихийев). Ко времени нэпа изживаются последние остатки утопически-народнических вейпий в советском законодательстве: Э. К. 1922 г. юридически отображает утверждением «земля — собственность рабоче-крестьянского государства» окончательную проведенную в жизнь социалистическую национализацию большевиков.

А. Павлов

СОЦИАЛИЗМ (от латинского слова *socialis* — общественный). Самое слово было введено в конце 30-х годов французским социалистом Пьером Леру (1797—1871), который противопоставлял характерному для буржуазного общества индивидуализму (господству интересов частного собственника)—С., как такой строй, где на первом плане должны стоять интересы общества. Впоследствии социалистическими стали называть учения и теории, которые критиковали капитализм (см.) стремясь к устранению капиталистических отношений и замене их иной формой организации общества: например, вместо частной собственности на средства производства—общественная собственность на них; вместо анархии производства и свободной конкуренции при производстве на рынок—та или иная форма организации производства. В настоящее время социалистическим называют строй, при котором отсутствуют классы, не существует эксплуатации, средства производства находятся в общественной собственности, общественное производство организовано и ведется по плану. К осуществлению такого строя стремится современный пролетариат.

С и коммунизм. Коммунизм (см.) представляет собой дальнейшее развитие С. «Научное различие между С и коммунизмом,—говорит Ленин,—только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово—более высокую дальнейшую ступень его» (Великий почин, сч., т. XVI, стр. 248). При С. хотя эксплуатации и нет, но по причине недостаточного еще развития производительных сил продолжают сохраняться формы распределения оставшиеся в наследство от буржуазного общества, сохраняются заработная плата и правовые формы. На дальнейшей ступени развития, при коммунизме (см.) когда создается настоящая материальная основа коммунистического общества благодаря огромному развитию производительных сил, будет применяться иная форма распределения: «от каждого по способностям каждому по потребностям».

При возникновении научного С Маркс и Энгельс называли свое учение коммунистическим, потому что имя социализма при свайвалось различным теориям, находившим распространение не среди рабочих а

в буржуазных и интеллигентских кругах. В предисловии к немецкому изданию Коммунистического Манифеста 1890 г. Энгельс писал, что «в 1848 г. социалистами назывались два разряда людей. С одной стороны, приверженцы различных утопических систем и особенно оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции, при чем и те и другие выродились тогда в простые, постепенные вымиравшие секты. С другой стороны, к социалистам принадлежали тогда всякие социальные прожектеры, которые различными панацеями и всевозможными заплатами стремились устранить общественные бедствия, не причисляя ни малейшего неудобства ни капиталу, ни прибыли. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у «образованных классов». Напротив, та часть рабочего класса, которая, убедившись в недостаточности простых политических переворотов, требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистической. Это был еще мало обработанный лишь инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм; но он был достаточно силен для того, чтобы породить две системы утопического коммунизма, во Франции «Икарыйский» коммунизм Каба, в Германии — коммунизм Вейтлинга. С означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — движение рабочих. Для С. по крайней мере на континенте, были открыты двери салонов, перед коммунизмом они были крепко заперты. А так как мы уже тогда твердо держались того убеждения, что «освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса» то мы не могли ни на минуту колебаться, какое из этих двух названий нам следует выбрать, и впоследствии нам тоже никогда не приходило в голову отказаться от него».

Особенный рост интереса к С. и развитие социалистических учений во Франции и Англии (родные современное С.) относятся к периоду, наступившему после Великой французской революции, после того, как буржуазия, придя во Франции к власти, установила свои порядки в чистом виде.

Энгельс в Анти-Дюринге (Введение, общие замечания) говорит, что «по своему содержанию современный С. является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоречий между

имущими и неимущими, между наемными рабочими и буржуа, и с другой стороны — царящей в производстве анархии. По своей теоретической форме он выступает первоначально, как более широкое и будто бы более последовательное развитие положений, выставленных великими французскими просветителями XVIII в. Как всякая новая теория, он должен был сначала взять исходным пунктом тот идейный материал, который застал при своем появлении, хотя его собственные корни и скрывались в экономических фактах».

Энгельс, писавший эти строки, имел в виду прежде всего утопический С. великих социалистов-утопистов. На ряду с этим было много различных разновидностей С., общим у которых было только одно — именно отрицательное отношение к буржуазным капиталистическим порядкам, осуждение и критика отрицательных сторон капитализма и стремление к новому общественному устройству. Соответственно интересам тех слоев, представителями которых являлись данные критики, они и отстаивали идеалы общественного строя, противопоставлявшиеся ими капитализму.

Маркс в «Коммунистическом Манифесте» различает три основных группы разновидностей С.: 1) реакционный С. (феодальный С., мелко-буржуазный С.; немецкий или истинный С. — разновидность интеллигентского, мелко-буржуазного С.); 2) консервативный или буржуазный С.; 3) утопический С. («Коммунистический Манифест», гл. III)

В основе первой группы лежали интересы классов феодального общества, перешедших в капиталистическое общество, но мечтавших о возврате порядков, уже отошедших в прошлое. Представители интересов дворянства, разорвавшегося и попавшего в зависимость от капитала, в борьбе с врагами дворянства — буржуа, заигрывали с пролетариатом. В Англии в 40-х годах одним из представителей такого С. был талантливый писатель Томас Карлейль (1795 — 1881) во Франции — Мопталамбер (1810 — 1870). К реакционному феодальному С. относятся представители христианского С. — попы, которые, по выражению Маркса, «святой водой» этого С. «кропят озлобление аристократов» («Ком. Манифест»). Один из видных представителей христианского С. — Чампне

(1782—1854). Сюда же может быть отнесен и антисемитизм (преимущественно австрийский) Энгельс в одном письме к неизвестному корреспонденту¹ называл антисемитизм реакцией «средневековых, гибнущих общественных слоев против современного общества, которое в сущности состоит из капиталистов и наемных рабочих. Антисемитизм под прикрытием социалистической внешности служит поэтому реакционным целям. Это—разновидность феодального С.» В наше время ряд русских литераторов, находящихся в эмиграции, выступил в качестве представителей реакционного, феодального С. (см. И. Луцпол—Новое средневековье. «Под знаменем марксизма», № 12, декабрь 1926 г.)

К реакционному же С. Маркс относит С. мелкобуржуазный, мечтавший возродить ремесленный цеховой строй. Виднейшим представителем такого С. был талантливый историк и экономист С. Спенмонди (1773—1842). Сюда же относится крестьянский С. Л. П. Толстого (1828—1910), отражавшего утопические идеалы крестьянства—«общезитие свободных и равноправных мелких крестьян» (Ленин—«Лев Толстой, как зеркало русской революции». Соч., т. XI, ч. I. «Л. Н. Толстой» Соч., т. XI, ч. II)

В основе второй группы лежат интересы буржуазии,—интересы консервативного класса, желающего сохранить основы буржуазного общества, его устройство, устраняя наиболее вопиющие общественные бедствия и, таким образом, укрепляя господство буржуазии. К представителям такого С. Маркс относит Прудона (1809—1865), который идеалом выставлял товарное производство, стремясь лишь избавить его от отрицательных черт.

В настоящее время к представителям буржуазного С. надо отнести представителей так называемого «конструктивного» С. выдвигающих ряд проектов, направленных к примирению классовых противоречий и к устранению классовой борьбы (так называемая «промышленная демократия»: участие рабочих в прибылях, распределение среди рабочих мелких акций). Особенно усердно это проповедуется вождями американских

трэд-юнионов, а также и английскими теоретиками конструктивного С. Сюда надо отнести также фальсификаторов марксизма типа Каутского и Отто Бауэра, ведущих идейную борьбу против пролетарской революции и, таким образом, способствующих укреплению капиталист. эксплуатации.

В основе третьей группы лежали интересы пролетариата. Великие социалисты-утописты Сен-Симон (1760—1825), Ш. Фурье (1772—1837), Р. Оуэн (1770—1856) были идеологами пролетариата в начале XIX в. В утопичности их построений отразилась незрелость рабочего класса, неспособного еще тогда, на ранней ступени своего развития, самостоятельной классовой борьбой освободить себя от капиталистического рабства. При дальнейшем развитии противоречий капитализма, с ростом классовой борьбы пролетариата—пролетарский С. изменил свой характер. Из утопии он превратился в науку. Это превращение составляет бессмертную заслугу К. Маркса (см. Марксизм).

Теория Маркса восприняла и развила то гениальное, что было у великих утопистов. Но Маркс не только ограничивался критикой капиталистических отношений, как это делали утописты, он объяснил неизбежность развития капитализма, исследовал пути его развития, законы, по которым это развитие совершается, и показал тот исход, к которому оно неизбежно движется. Фактам угнетенного положения, эксплуатации, нищеты рабочего класса Маркс противопоставил не утопические картины идеального общественного строя, а факты же возмущения протеста и борьбы нового революционного класса пролетариата и социалистическое руководство этой борьбой и организации ее. Движение к С. происходит не само собой, осуществление С.—это задача рабочего класса. Современный пролетариат является создателем социалистического общества. Все «домарксовские» формы С. (из них некоторые оказывали влияние на отдельные слои рабочего класса) были вытеснены научным С. Маркса, который явился осознанием С. рабочим движением и завоевал симпатии передовых слоев широких масс современного пролетариата. Начиная со второй половины 40-х годов прошлого столетия, Маркс и Энгельс вошли в рабочее движение, и к концу их жизни научный С.

¹ Письмо было опубликовано 9/V 1890 г. в венской «Arb. Zeit.». Перепечатано в издании «Переписка Виктора Адлера», 1922 г.

(марксизм), являясь признанной теорией рабочего класса, настолько авторитетной в глазах рабочих, что буржуазная проповедь, обращенная к пролетариату, оказалась вынужденной принимать форму и внешность искаженного, фальсифицированного марксизма для того, чтобы привлечь внимание рабочих.

Если в начале XIX в. социалисты-утописты гениально предвидели будущее развитие, правильно намечали идеал пролетариата, то со второй половины XIX в., когда рабочее движение стало могучей самостоятельной силой, всякий утопизм всякое забвение классового характера социализма стало реакционным. В письме к Зорге от 19 октября 1877 г. Маркс писал о том, что проявление утопизма на ряду с достигнутым уже высоким теоретическим уровнем рабочего движения может быть только отрицательным явлением. «Утопизм, предшествовавший материалистически-критическому С., носил в себе последний в зародыше, всплывая же на поверхность впоследствии, после времени, он может быть только пеленым, скучным и в самом основании своем реакционным» (М. и Э Письма, изд. 2-е, стр. 262).

Научный С революционен и диалектичен. Он учитывает конкретную обстановку для того, чтобы при всяких условиях вести борьбу за С. Осуществление С. в настоящих условиях возможно лишь через революцию (см. это слово, а также Диктатура), при чем строительство С. в настоящее время неизбежно должно начаться с отдельной страны или с отдельных стран, пролетариат которых в силу создавшихся условий раньше чем в других странах, овладеет властью. Возможность и неизбежность такого именно хода отметил В. И. Ленин в 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы»

«Неравномерность экономического и политического развития,—писал там Ленин,— есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа С. первоначально в немиских или даже в одной отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других

стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (т. XIII, стр. 133).

Капитализмом охвачен теперь весь земной шар (только территория СССР вырвана из среды непосредственного влияния капиталистических правительств, диктатура пролетариата обеспечивает в ней строительство социализма). Главная особенность современной эпохи состоит в том, что теперь капитализм вступил в империалистическую стадию своего развития. Монополистический, империалистический капитал стремится к грабежу, а не к развитию производительных сил. Развитие местами приостанавливается местами регрессирует. Предпосылки пролетарской революции в разной степени созревают повсюду, и она становится насущной необходимостью, чтобы дать ход свободному развитию производительных сил и сделать невозможными ужасы грабительских мировых империалистических войн, неизбежных при господстве капиталистов.

В настоящую эпоху пролетарская революция может начаться и победить в одной стране раньше чем в других (что уже и произошло), и пролетариат может в этой стране, если она достаточно обширна и богата разнообразными ресурсами (как наш СССР), начать и успешно проводить строительство С.

Противоположная точка зрения о невозможности для пролетариата овладеть властью и построить С. в одной стране неизбежно должна приводить к отказу от практического осуществления С. к капитуляции перед буржуазией и к измене делу пролетарской революции (Доклад Сталина на XV конференции ВКП(б), дискуссия по докладу, заключительное слово и резолюция).

В. Адоратский

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ. называемое также пенсионной системой обеспечения, с точки зрения исторической представляет собой высшую форму организованной взаимопомощи на разные случаи нужды, в том числе и более высокую по сравнению с социальным страхованием (см.). Некоторые авторы, занимавшиеся исследованием вопросов, касающихся деятельности, направленной на борьбу с со-

циальной необеспеченностью, употребляют термин «социальное обеспечение», как общий родовый термин по отношению к короткому «социальное страхование» является лишь одним из видов (см. Л. Забелин. «Теория социального обеспечения», изд. ВЦСПС 1924 г.)

Социальное страхование построено на строгом учете рисков и уплате взносов. При пенсионной же системе обеспечения (система социального обеспечения) нуждающийся пользуется правом на обеспечение не как член той или другой страховой организации, а как член общественного организма в целом, получает помощь независимо от уплаты им или за него страховых взносов. Принцип коллективной ответственности за индивидуальный риск, который является краеугольным камнем социального страхования, отпадает, так как при пенсионной системе средства на обеспечение черпаются, главным образом из общегосударственного бюджета.

Впервые пенсионную систему обеспечения ввела у себя Дания в 1891 г для обеспечения стариков. По датскому закону 1891 г., каждый гражданин, достигший 60-летнего возраста, без предварительной уплаты страховых взносов, имеет право на определенную пенсию из средств государственного казначейства и местных общин. Вслед за Данией на путь введения у себя этой системы обеспечения старости стали и другие страны. напр., Новая Зеландия—в 1898 г. Англия—в 1908 г. Но в буржуазно-капиталистических странах социальное обеспечение старости получило только слабое развитие.

В России пенсионная система стала меняться после Октябрьской революции когда был организован специальный Комиссариат Государственного Призрения, впитавший в себя все старые благотворительные организации и позже превратившийся в Народный Комиссариат Социального Обеспечения (пост. СНК от 30 апреля 1918 г.).

Параллельно с существованием этого комиссариата (НКССО), ведавшего обеспечением семейств красноармейцев, жертв стихийных и социальных бедствий, просто впадших в нужду лиц, борьбой с нищетою, беспризорностью и проституцией и т. д., в первый период советской власти действовали страховые организации, ве-

давшие обеспечением рабочих и служащих, находившихся в ведении Народного Комиссариата Труда. Однако, с национализацией промышленности и торговли устранением частной предпринимательской деятельности, с переводом всех предприятий на государственный бюджет—уплата взносов государственными предприятиями и учреждениями потеряла смысл, а потому социальное страхование к середине 1919 г. было слито с общей работой НКССО, где оно утратило свой страховой характер. В ноябре 1919 г. НКССО был слит с Народным Комиссариатом Труда в один комиссариат, в котором сосредоточивалось все дело социального обеспечения. Существовал, однако, этот комиссариат недолго. Постановлением СНК от 21 апреля 1920 г. Народный Комиссариат Труда и Социального Обеспечения был вновь разделен на два комиссариата, при чем в НКССО остались все функции обеспечения, за исключением функций по обеспечению безработных которые впрочем, позже тоже перешли к нему (декрет от 1 декабря 1920 г.)

В течение всего периода военного коммунизма НКССО проводил обеспечение на средства, отпускавшиеся ему из государственному бюджету, выплачивая нуждающимся пособия, пенсия и паек, снабжая нуждающихся бельем, одеждой, обувью и помещая их в разного рода учреждения призрения (инвалидные дома, убежища, учебно-профессиональные мастерские и т. п.)

Новая экономическая политика привела к восстановлению (декретом от 15 ноября 1921 года) социального страхования, которое первоначально находилось в ведении НКССО и лишь декретом ВЦИК от 21 декабря 1922 г. было передано из НКССО в Наркомгруд. В НКССО же остались функции по социальному обеспечению, главным образом, инвалидов войны, вдов и сирот лиц, погибших на войне, а также семейств красноармейцев. Работу свою по обеспечению этих элементов НКССО ведет в порядке выдачи государственных пенсий и пособий, кооперирования инвалидов и организации трудовой и хозяйственной помощи через крестьянские комитеты взаимопомощи (см.)

А. В.

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ (рабочее страхование). Утрата заработка вследствие болезни, инвалидности или безрабо-

тицы, а также и увеличение обычных расходов (например, вследствие рождения в семье ребенка или смерти кого-либо из членов семьи) подрывают обычный жизненный уровень рабочего. В таких случаях на помощь рабочему, который не может обеспечить себя сбережениями, должно прийти общество, организующее обеспечение лишившихся заработка. Формы организации помощи могут быть самые разнообразные: призрение, благотворительность, рабочая взаимопомощь, социальное обеспечение и т. д.

С. с. строится на страховом принципе предварительного статистического учета риска утраты заработка. Это значит, что заранее учитывается вероятность наступления безработицы, болезни или смерти кормильца семьи и, в зависимости от этих предварительных расчетов, устанавливается размер страховых взносов и накапливаются средства, необходимые для оказания помощи.

Основные виды С. с. — страхование на случай болезни, страхование материнства, страхование инвалидности, страхование от увечий, страхование старости, страхование безработицы, страхование на случай смерти кормильца семьи. Все эти виды страхования могут быть организованы на началах добровольности или обязательности.

Добровольным С. с. является в тех случаях, когда участие в страховой организации определяется исключительно желанием плательщика взносов (таково, например, страхование на случай болезни во Франции, Бельгии и Швеции).

Обязательное С. с. имеет место, когда государство принуждает страхователей наемного труда, заставляя рабочих и служащих вносить страховые взносы (взносы принудительно удерживаются из заработка) или обязывая всех наемателей (как это имеет место в СССР) уплачивать страховые взносы за всех занятых у них рабочих и служащих. По типу обязательного С. с. построено С. с. на случай болезни в большинстве западно-европейских государств (подробнее об этом см. в книгах: д-ра Н. А. Виглорчика: «Теория и практика С. с.», 8 выпусков, изд. «Книга», и «С. с. в общедоступном изложении», изд. «Вопросы Труда», 1927 г.

и Л. В. Забелина: «Теоретические основы С. с.», изд. «Вопросы Труда», 1926 г.).

Употребление термина «социальное» в применении к страхованию рабочих объясняется причинами исторического характера. Первыми видами страхования в буржуазном обществе было добровольное страхование отдельных мало обеспеченных лиц на случай своей смерти в пользу семьи. Явление это первоначально массового характера не имело. Когда же много позже на фоне этого добровольного страхования отдельных лиц появляется обязательное страхование масс рабочих, то ему, наряду с наименованием рабочего страхования (*Arbeiterversicherung*) присваивают термин С. с., *Socialversicherung*, *l'assurance sociale*, как бы противопоставляя его прежнему «индивидуальному» страхованию отдельных лиц.

Буржуазные теоретики особенно охотно употребляют термин «социальное» в применении к страхованию потому, что это отвечает их стремлению изобразить введение рабочего страхования, как крупную социальную реформу, предпринимаемую буржуазными правительствами с целью смягчить пужлу рабочего класса.

С. с. в буржуазном строе является вынужденной уступкой, которую буржуазия делает отчасти рабочему классу, но отчасти и мелкобуржуазным слоям на коих падало бы призрение незастрахованных. Все законы о страховании рабочих, хотя формально они исходят от буржуазных законодателей, фактически являются завоеванием пролетариата в его борьбе с классом капиталистов. Первый закон о С. с. появляется в Германии в результате усиления социал-демократического движения. На ряду с репрессивными мерами, стремящимися подавить рост рабочего движения (исключительный закон против социалистов в 1878 г.), Бисмарк вносит в 1880 г. в Союзный Совет законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев, мотивируя его между прочим и тем, что «государство должно заботиться о своих нуждающихся... в виду поддержания государственного порядка, посредством всеобщего страхования населения убеждения в благолетельности государственного устройства». В своей речи в рейхстаге 12 июня 1882 г. Бисмарк называет проекты страхования рабочих «двумя капля-

ми масла по рецепту лечения социальных педугов»

Рабочее страховое движение в царской России было одной из форм борьбы рабочего класса. Очень рано в «фабричных и заводских беспорядках» встречалось особое требование вознаграждения за учащающиеся «несчастные случаи». Даже наиболее отсталые группы пролетариата, которые недоверчиво относились к профессиональному движению и не принимали никакого участия в политике, сочувствовали страховому движению и поддерживали его. Широкое распространение в царской России именно этой формы рабочего движения объясняется также и тем, что страховые организации (больничные кассы) были, после издания закона 23 июня 1912 г., легальными организациями, в которые рабочие посылали своих представителей. А это обстоятельство в условиях царского режима имело очень крупное значение; имелась возможность—конечно, не без риска репрессий—использовать страховые организации для массовой революционной агитации и пропаганды. Выборы уполномоченных от рабочих-участников больничных касс открывали возможность устройства рабочих собраний. На этих собраниях, разъясняя и толкуя царские страховые законы, можно было критиковать их и противопоставлять этим законам рабочие страховые требования, а попутно и рабочие требования вообще.

Борьба русского пролетариата за осуществление страховых требований началась гораздо раньше издания первых царских страховых законов 1912 года. Во время массовых стачек 1905—1906 г.г. рабочие, в числе других требований, настаивали на выдаче денежных пособий по болезни, и значительной части рабочих удалось добиться проведения этих требований в жизнь. Около $\frac{1}{3}$ всего русского фабрично-заводского пролетариата в 1905—1906 г.г. добились выдачи за счет предпринимателей пособий по случаю болезни в размере от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработной платы.

Годы реакции, последовавшие за революцией 1905 г., отразились и на страховом движении, которое временно замерло. В 1910—1912 г.г., по мере возрождения рабочего движения в целом, пробуждается и усиливается и рабочее страховое движение. Испуганное натиском пролетариата

царское правительство идет на ряд уступок, одной из которых и было издание страховых законов 1912 г. Убогие по своему содержанию и дающие пролетариату очень мало в смысле реального обеспечения, законы эти все же дали рабочему классу некоторую возможность легального объединения на почве борьбы за осуществление рабочих страховых требований.

В процессе борьбы была выработана формулирована рабочая страховая программа, сводившаяся к следующим основным требованиям: 1) С. с. должно распространяться на всех рабочих и служащих; 2) С. с. должно обеспечивать во всех случаях потери заработка; 3) С. с. должно проводиться за счет предпринимателей; 4) С. с. должно давать застрахованным полное возмещение заработка в течение всего периода утраты трудоспособности или безработицы; 5) С. с. должно быть проведено на основе полного самоуправления застрахованных.

Рабочая страховая программа последовательно защищалась социал-демократами—большевиками. Конечно, они прекрасно понимали, что осуществление этой программы при буржуазном режиме невозможно. Рабочая страховая программа, как и все страховое движение в целом, при буржуазном строе должна была, главным образом, способствовать организации и сплочению рабочего класса для борьбы за власть. Именно в этом видела рабочая страховая группа—так называлась большевистская фракция в Страховом Совете—цель и смысл страхового движения при самодержавном режиме.

В этом вопросе большевики резко расходились с меньшевиками. Последние и при царском режиме, когда они были в подполье, и в период Временного Правительства, когда они были у власти, шли в области С. с., как и во всех других вопросах, на компромисс с буржуазией.

При самодержавии меньшевики отстаивали необходимость осторожного и постепенного проведения реформы в области С. с., необходимость воздерживаться от внесения политики в сферу С. с. Наоборот, большевики пропитывали политикой все страховое движение (см. выше).

Разногласия между большевиками и меньшевиками существовали по всем пунктам страховой программы. Так, по во-

просу о круге обеспечиваемых большевики отстаивали ту точку зрения, что в порядке С. с. должны обеспечиваться только работающие по найму и лишь те крестьяне, которые заняты обработкою без применения наемного труда «непринадлежащих им земель исполу, или за отработку, или по иным обязательствам, имеющим кабальный характер». Меншевики, в противоположность этому, настаивали на включении в круг обеспечиваемых всех мелких собственников, указывая на то, что мелким предпринимателям, ремесленникам, торговцам и сельским хозяевам «живется не лучше, чем рабочим». Для большевиков такое включение в страховую программу защиты мелких собственников и вытекающая отсюда утрата страховым движением его классового характера являлись неприемлемыми, так как мешали основной цели страхового движения—организации пролетариата, как класса, для борьбы за власть.

Наибольшее значение среди всех пунктов страховой программы большевики придавали требованию самоуправления застрахованных, требованию полного отстранения от страховых организаций представителей предпринимателей и буржуазного государства.

С. с. в царской России было проведено законами 23 июня 1912 г. Законы эти предусматривали лишь страхование на случай болезни трудового увечья, родов и погребения. Ни старость, ни инвалидность, ни безработица страхованию не подлежали. Круг застрахованных был чрезвычайно ограничен. Из общего количества 13 миллионов наемных рабочих России (согласно всеобщей переписи 1897 г.) должны были быть застрахованы 2½ миллиона рабочих, а фактически в 1916 г. количество застрахованных выразилось цифрой 1.690.752. Три пятых взносов на страхование (на случай болезни, родов и погребения) делали рабочие из своего заработка и лишь 2/5 взносов уплачивали предприниматели. Размеры пособий, выплачивавшихся больничными кассами, были ничтожны. Большой рабочий, если на его иждивении не было семьи, получал пособие в размере от ¼ до ½ заработка, семейный—в размере от ½ до ¾ заработка, при этом длительность выдачи пособия не должна была превышать 26 не-

дель. Пособие беременным, в размере от 2/3 до полного заработка, выдавалось только в течение 6 недель (2 недель до родов и 4 недель после родов), но при обязательном условии предварительного участия в кассе не менее, чем в течение 3 месяцев. Пенсия при трудовом увечьи, даже при полной утрате трудоспособности не могла превышать 2/3 заработка.

Рабочие не принимали никакого участия в делах страховых товариществ (организаций, ведавших страхованием от несчастных случаев) и имели незначительное большинство в правлениях больничных касс (т. е. первичных органов, осуществлявших страхование на случай болезни, родов и погребения).

Таковы были царские страховые законы.

Не многим лучше были и страховые законы Временного Правительства. Закон 25 июля 1917 г. о страховании на случай болезни оставил почти без изменений царский страховой закон 23 июня 1912 г. Круг застрахованных остался очень ограниченным. Правда, страхование было распространено на ремесленных и строительных рабочих и на мелкие предприятия с числом рабочих от 3 человек и более. Однако вне круга застрахованных остались: а) рабочие казенных предприятий и железных дорог общего пользования, б) сельскохозяйственные рабочие, в) рабочие-квартирники и е) все рабочие мелких предприятий с числом постоянных рабочих менее пяти. В отношении взносов Временное Правительство ограничилось незначительным повышением доли взносов, уплачиваемых предпринимателями, а именно: предприниматели должны были уплачивать не 2/5 взносов, как по царскому закону 1912 г., а 1/2 всех взносов. Размер пособий больным был незначительно повышен для одиноких рабочих, а именно, он был установлен в пределах от ½ до ¾ заработка, вместо прежнего размера от ¼ до ½ заработка, но срок выдачи пособия остался прежний (26 недель). Самоуправление рабочих в страховых кассах полностью проведено не было. В ревизионной комиссии кассы был сохранен представитель от предпринимателей, и предпринимателям было предоставлено право обжалования постановлений больничных касс. В высших страховых органах—в страховых присутствиях и в

страховом совете было сохранено представительство от предпринимателей, и, кроме того, в состав этих органов входило значительное количество чиновников.

Характер вынужденной уступки, ясно отразившийся на русском дореволюционном социально-страховом законодательстве, сказывается на всем вообще буржуазном законодательстве о С. с. Характерными моментами буржуазного С. с. являются следующие: а) взносы, все или значительную их часть, платят рабочие (так, например, по германскому и австрийскому законам о С. с. на случай болезни рабочие вносят $66 \frac{2}{3}\%$ взносов; по английскому закону о С. с. безработных—рабочие с 4/1 1926 г. уплачивают страховые взносы в пределах от 3 до пенсов в неделю); б) права рабочих в области управления страховыми организациями ограничены (так, по действующему в Германии соц.-страховому законодательству предприниматель или его представитель является председателем «самоуправляющейся» фабричной больничной кассы, а во главе учреждений по страхованию инвалидности стоят правления, составленные отчасти из назначенных буржуазным правительством чиновников, отчасти из представителей рабочих; нанимателей поровну); в) круг страхуемых ограничен, размеры обеспечения не достигают обычного заработка (так, в Норвегии по закону о страховании на случай безработицы пособие не может превышать 50% заработка, в Германии пособие по болезни выдается в размере 50% основной заработной платы).

Только переход государственной власти к пролетариату дает полное осуществление требований рабочего класса в области С. с. Лучшим доказательством этому служит социально-страховое законодательство СССР, которое осуществило значительную часть требований рабочего класса в области С. с.

Взносы на С. с. в СССР уплачиваются не рабочими, а нанимателями (ст. 178 Т. К.); страхование распространяется на всех без исключения работающих по найму (ст. 175 Код. Зак. о Труде) и почти на все виды социального риска (ст. 176 Код. Зак. о Труде); в це-

лом ряде случаев застрахованному гарантирован при наступлении страхового случая его полный фактический заработок (например, при болезни, материнстве, карантине—ст. 179 Код. Зак. о Труде).

Страховая касса является в СССР первичной ячейкой, проводящей в жизнь С. с. Как общее правило страховые кассы строятся по территориальному принципу (районная касса). Каждая касса обслуживает определенный район радиусом от 2 до 5 верст с количеством застрахованных не менее 2 тысяч: все работающие на предприятиях, в учреждениях и хозяйствах этого района являются участниками кассы. Для проведения С. с. в местностях, отдаленных от страховых касс и количеством застрахованных, недостаточным для организации самостоятельной кассы, учреждаются страховые пункты или должности уполномоченных страховых касс.

Специальные транспортные кассы организованы для рабочих и служащих водного и железнодорожного транспорта.

Основные виды С. с., предусмотренные советским законодательством, следующие: 1) С. с. на случай болезни, 2) С. с. на случай материнства, 3) С. с. на случай инвалидности, 4) С. с. на случай смерти кормильца семьи, 5) С. с. на случай безработицы.

1) С. с. на случай болезни

В области страхования на случай болезни советским законодательством установлен наиболее широкий круг застрахованных. На случай болезни застрахованы все работающие по найму без всяких ограничений. Однако на основании пост. СТО от 9/II—27 г. застрахованные по II группе частичного страхования получают пособие по болезни только в случаях, когда причиной болезни явилось трудовое увечье или профессиональная болезнь.

Основными видами обеспечения на случай болезни являются: возмещение заработка и медицинская помощь. Если болезнь не вызывает потери работоспособности и заработка, застрахованный пользуется лечебной помощью, но ему не выдается пособие.

Содержание понятия «неработоспособность» в страховании на случай болезни значительно шире, чем в других

видах страхования. Под потерей работоспособности в страховании на случай болезни разумется невозможность в данный момент исполнять нормальным образом обычную работу.

Пособие заболевшему, в силу ст. 179 Т. К., выдается в размере не ниже фактического заработка неработоспособного до момента утраты работоспособности.

Советское законодательство не устанавливает, в противоположность законодательствам буржуазных стран, предельных сроков выдачи пособия вследствие болезни. Выдача пособия больному производится, в силу ст. 180 Т. К., до восстановления работоспособности или до установления инвалидности, в результате которой больной переведется на инвалидную пенсию.

Медицинская помощь, оказываемая заболевшим, выражается: в советах врача, лекарствах, специальном лечении и т. д. В СССР самостоятельной «кассовой медицины» не существует. Медицинская помощь застрахованным, как и всему остальному населению республики, оказывается органами Народного Комиссариата Здравоохранения. Однако на медицинскую помощь застрахованным, помимо общегосударственных средств, отчисляются еще и специальные взносы страхователей на лечебную помощь. Эти взносы дают возможность усовершенствовать медицинскую помощь застрахованным.

В СССР всеми видами медицинской помощи бесплатно пользуются не только сами застрахованные, но и члены их семейств.

2) С с. на случай материнства.

Советское социально-страховое законодательство предусматривает следующие виды помощи на случай материнства: а) основное материнское пособие; б) дополнительное пособие на предметы ухода за ребенком; в) дополнительное пособие на кормление ребенка; г) акушерскую и медицинскую помощь роженице.

Основное материнское пособие. Основное пособие по беременности и родам выдается застрахованным во все время отпуска по беременности и родам (ст. 181 Код.) в том же размере, как и пособия по болезни, т. е. в размере не ниже

фактического заработка получающей пособие женщины к моменту ухода в отпуск по беременности (ст. 179 Код.). Женщины, занятые физическим трудом, освобождаются от работы в течение 8 недель до и 8 недель после родов, а занятые конторским и умственным трудом в течение 6 недель до и 6 недель после родов (ст. 132 Код.). Условием для получения основного материнского пособия является работа по найму в течение 6 месяцев за период, предшествующий освобождению от работы вследствие беременности (ст. 5 Правил об обеспечении во временной нетрудоспособности от 9 мая 1927 г.) Основного материнского пособия не получают сезонные и временные работницы, застрахованные по II группе частичного страхования (Пост. СГО от 9/II—1927 г.).

Дополнительные материнские пособия — т. е. пособия, выдаваемые на приобретение предметов ухода за ребенком и на кормление. Первое из этих пособий выдается одновременно сразу после рождения ребенка; пособия же на кормление выдаются ежемесячно в течение 9 месяцев со дня рождения ребенка. Дополнительные пособия выдаются самим застрахованным женщинам и женам застрахованных, инвалидам труда и безработным. Условием получения дополнительного пособия является 6-месячная работа по найму для застрахованной женщины — непосредственно до освобождения от работы вследствие беременности; для застрахованного, получающего пособие на жену — непосредственно до рождения ребенка в течение года, предшествующего рождению ребенка.

С 1-го июня 1927 г. дополнительные пособия выдаются в следующих размерах: пособие на предметы ухода за новорожденным — в пределах от 16—30 руб. в зависимости от местности; пособие на кормление — в пределах от 4—8 рубл. ежемесячно.

3) С с. на случай инвалидности. В порядке С с. обеспечиваются в СССР не все инвалиды, а только инвалиды труда, т. е. лица, которые работали по найму и потеряли трудоспособность в период работы по найму или в течение года после прекращения работы по найму. Инвалиды войны, т. е. лица, потерявшие свою трудоспособность

на войне, обеспечиваются в порядке специального обеспечения через органы Народного Комиссариата Социального Обеспечения (см.)

Страхование на случай инвалидности знает две основные формы обеспечения: денежное обеспечение—пенсипирование и обеспечение натуральное, когда инвалид помещается в специальное инвалидное учреждение. В практике советских страховых организаций сочетаются обе эти формы обеспечения. В период осуществления С. с. органами Народного Комиссариата Социального Обеспечения (до февраля 1923 года) на первом месте стояло обеспечение инвалидов в учреждениях С с переходом же С с в Народный Комиссариат Труда обеспечение инвалидов труда проводится, главным образом, в форме пенсипирования.

Правом на обеспечение от органов С. с. пользуется по законам СССР каждый инвалид труда, независимо от того, уплачивались ли или нет за него страховые взносы (ст. 191 Т. К.) и независимо от причин, вызвавших инвалидность. Ст 187 кодекса дает исчерпывающий перечень всех возможных причин утраты трудоспособности, называя увечье, заболевание и старость. Однако, причина инвалидности не является вполне безразличной. Инвалиды-увечники, т. е. то инвалиды, у которых инвалидность вызвана увечьем, полученным на работе или в связи с работой, или профессиональным заболеванием, получают обеспечение в повышенном по сравнению со всеми остальными инвалидами размере.

Вопрос о причинах инвалидности имеет значение и в связи с установленным Г. К. институтом возмещения вреда. Ст 413 Г. К. устанавливает общее правило о том, что страхователь не обязан возмещать вред, причиненный наступлением страхового случая. Однако та же ст. 413 делает из этого правила изъятие для случаев, когда вред причинен преступным действием или бездействием нанятого. В этих случаях орган С. с., удовлетворивший потерпевшего, имеет право требования к нанимателю в размере выданного потерпевшему пособия (регресс). Кроме того, в тех же случаях и сам потерпевший, поскольку он в порядке

С. с. не получает полного возмещения вреда, имеет право дополнительного требования к предпринимателю.

Продолжительность работы по найму (стаж) имеет, по действующему советскому законодательству, значение только для инвалидности, вызванной старостью, ибо достигшие 50-летнего возраста и утратившие трудоспособность вследствие старости обеспечиваются только в случае, если они имеют 8-летний непрерывный стаж работы по найму.

Размеры пенсий инвалидов труда колеблются в зависимости от того, к какой группе инвалидности отнесен инвалид. Законодательство СССР, в отличие от принятой в буржуазных законодательствах процентной системы определения размеров инвалидности, устанавливает группы инвалидности, относя инвалида

той или иной группе в зависимости от того, сохранил ли он общую, профессиональную или специальную работоспособность и в каких пределах. Таким образом установлены следующие 6 групп инвалидности: 1) инвалиды, не только неспособные к труду для заработка но нуждающиеся еще в посторонней помощи для удовлетворения обычных жизненных потребностей; 2) инвалиды, неспособные ни к какому труду, дающему заработок, но не нуждающиеся в постороннем уходе; 3) инвалиды, не только вынужденные отказаться от своей обычной профессии, но и вообще неспособные ни к какой регулярной профессиональной работе и могущие добыть средства к существованию лишь случайной, временной и притом легкой работой; 4) лица, вынужденные перейти к другой профессии, более низкой квалификации; 5) лица, вынужденные отказаться от своей обычной профессии и перейти к другой профессии такой же квалификации, если они нуждаются для такого перехода в содействии государственного органа; 6) лица, могущие продолжать прежнюю профессиональную деятельность, но с пониженной производительностью.

Право на пенсию имеют только инвалиды I, II и III групп инвалидности. Инвалиды же IV, V и VI групп инвалидности обеспечиваются или предоставлением им работы, или включением их в инвалидно-кооперативные обье-

дишения. Однако, инвалиды-увечники и инвалиды, утратившие трудоспособность вследствие профессионального заболевания, получают пенсию и в случаях отнесения их к IV, V или VI группе инвалидности.

Размер инвалидной пенсии в СССР значителен. Пенсии инвалидам, утратившим трудоспособность от увечья или профессионального заболевания, выдаются в размере утраченного вследствие инвалидности заработка. Остальные инвалиды труда, если они утратили трудоспособность после I/X—1925 г., с 1926 года получают пенсии, соответствующие определенной доле их фактического заработка. В 1926—1927 г. средняя пенсия инвалидам I группы, утратившим трудоспособность от общих заболеваний (т. е. получающим низшую по сравнению с инвалидами-увечниками пенсию), составляла около 30 рублей.

4) Правом на страховое обеспечение в случае смерти или безвестного отсутствия кормильца семьи пользуются: а) несовершеннолетние дети, братья и сестры; б) нетрудоспособные родители и супруг; в) те из вышеперечисленных (в п. «а» и п. «б») членов семьи, которые хотя и трудоспособны, но имеют при себе детей до восьмилетнего возраста. Однако, все эти члены семьи застрахованного пользуются правом на обеспечение лишь при условии, если они не имеют достаточных средств к существованию и если они находились на иждивении застрахованного (ст. 189 Т. К.). Право на пенсию не имеют те семьи, которые имеют какой-нибудь промысел или хозяйство, с применением в нем наемного труда, или свою торговлю. При наличии же у семьи, потерявшей кормильца, заработка или иных доходов, превышающих в совокупности с установленной по закону пенсией средний заработок данной местности, пенсия уменьшается на размер этого превышения. Однако, учету подлежит заработок или доходы тех лиц, которым пенсия назначена, а не заработок и доходы других членов семьи.

Обычный размер пенсии: для семей с тремя и более нетрудоспособными — $\frac{2}{3}$ пенсии инвалидов I группы; для семей с двумя нетрудоспособными — $\frac{1}{2}$ пенсии инвалидов I группы и для семей с одним нетрудоспособным — $\frac{1}{3}$ пенсии инвалидов I группы

б) С. с. на случай безработицы.

Помощь безработным в СССР идет по двум направлениям: распределение рабочей силы через посреднические органы Наркомтруда (см. Трудовое посредничество), с одной стороны, и страховое обеспечение безработных, с другой.

Действующие в СССР постановления об обеспечении безработных ограничивают круг лиц, пользующихся пособием по безработице. Пособием обеспечиваются, главным образом, квалифицированные рабочие и служащие-специалисты, а также подростки, демобилизованные и т. д. Для неквалифицированных конторских служащих и для чернорабочих получение пособия обуславливается определенным стажем работы по найму. (Правила от 27 мая 1927 г. «О порядке назначения и выдачи пособий по безработице»)

Для тех категорий безработных, для которых право на получение пособия обусловлено стажем работы по найму, стаж должен быть непрерывным. Однако, перерывом стажа не считается перерыв, происшедший вследствие безработицы и установленный регистрацией в посредническом органе НКТ, а также перерыв, вызванный временной нетрудоспособностью, установленной соответствующими документами

Продолжительность выдачи пособия установлена в 9 месяцев в течение одного года безработицы—для квалифицированных рабочих и 6 мес.—для всех прочих безработных. В случаях повторной безработицы в течение одного года, общая продолжительность выдачи пособия не должна превышать установленного предельного срока. Если же безработица длится свыше одного года то выдача пособия прекращается, если безработный из числа квалифицированных рабочих получил в общей сложности 18 месячных пособий, а прочие безработные—12 месячных пособий.

При временной нетрудоспособности безработные продолжают получать причитающееся им пособие по безработице впредь до восстановления трудоспособности или установления наличия инвалидности. Период временной нетрудоспособности безработного в предельный срок выдачи пособия по безработице не зачитывается.

Безработным женщинам-беременным и роженицам пособие выдается в течение 6 недель до родов и 6 недель после родов.

Дополнительные пособия на предметы ухода за ребенком и на кормление его выдаются как безработным женщинам, так и женам безработных, на общих основаниях со всеми застрахованными. Пособие на погребение безработных, получающих пособие по безработице, а также на погребение членов семьи, находившихся на их иждивении, выдается на общих основаниях со всеми застрахованными (ст. 184 Т. К.).

Пособия безработным выдаются страховыми кассами. Назначением пособий по безработице ведает особая комиссия под председательством представителя органа С. с. и в составе: одного представителя от посреднического органа ПКТ и одного — от межсоюзного объединения.

Отказы комиссии в назначении и в выдаче пособий могут быть обжалованы безработным в губернские органы С. с., решения которых считаются окончательными и обжалованию не подлежат.

З. Теттенборн

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРАВА — название, без достаточных оснований присвоенное тем течением буржуазной мысли, которое вылившись из политически бесплодной «антропологической школы» (см.) и явившись ее естественным продолжением, имело целью рационализировать карательную деятельность буржуазного государства (вместо старой цели классической школы — защитить буржуазную личность от полицейского государства): С. ш. с большим правом может быть названа в плане политическом школой классовой обороны и в плане теоретическом — вульгарно-эклектической школой

К последней четверти XIX в. капитализм развивает все свои противоречия, одним из показателей которых является грандиозный рост преступности. Преступление перестало казаться только «юридическим понятием» и становилось «социально-патологическим явлением». Для буржуазной науки это представлялось ясным прежде всего со специфической точки зрения книжка Принса ставшая манифестом С. ш., начинается жалобой на то, что «одни только Англия, Франция и Россия

расходуют ежегодно 100 млн франков на борьбу с преступлением; тюремный бюджет небольшой Бельгии достигает почти 3 млн.». И отсюда было сделано два вывода Для уголовного права: «Довольно жалели злодея, пора пожалеть и общество» (Ломброзо); и для уголовного правоведе-ния: «Вместо теоретического уг. права мы должны создать уг. право практическое. Три понятия странно мешают нам в этом: преступление, наказание и вменяемость. Когда мы, наконец от них освободимся, тогда все пойдет лучше» (ван-Гамель). Под «теоретическим уг. правом» тут подразумевалась догматическая разработка логического содержания норм; под «уг. правом практическим» разумелась такая наука, которая рационализировала бы борьбу с преступностью путем освобождения ее от стеснительных принципов права (ибо «преступление, наказание, вменяемость» и составляют все содержание уг. права как юридической дисциплины). Этот практицизм не исключал как будто теоретической работы: чтобы уметь предупреждать преступления, необходимо изучить его, как чувственное явление, — этим С. ш. и занималась с большим усердием. Однако грубое практическое умонаправление новой школы скверно отразилось на ценности ее теоретических изысканий, наложив на них печать поверхностности и эклектизма. Это сказалось уже на ее методологических основаниях. Объявлялось всеединство и равно — необходимость совместного «юридического» и «позитивного» изучения преступления

Поскольку самое уг. право, т. е. нормы, определяющие преступление и наказание, объявлялись непользовательными позитивизму, постольку предполагалось, что позитивно должно исследоваться «естественное преступление», независимое ни от каких юридических определений, т. е. действия, преступные в себе. А поскольку отыскание критерия «естественного преступления», которым особенно занималась антропологическая школа оказывалось делом безнадежным, практические «социологи» просто ограничились критерием судебных досье и статистических сборников министерств юстиции: ясности относительно предмета изучения это отнюдь не способствовало. Постановка позитивного изучения преступности также была порочна в

корне думали ограничиться установлением факторов или ближайших условий преступления, переиная это из медицины вместе с названием «этиология». Между тем, в медицине такая постановка изучения обуславливается с технической, а не теоретической целью («этиология болезни»). Изучение же теоретическое требует сведения ближайших причин к конечным и наконец к последнему, наиболее общему объяснению — научное изучение преступлений должно ставиться как проблема социальной природы преступления, а не «факторов преступности». К этому сведению ближайших причин к общему основанию должны были прийти и буржуазные криминалисты в процессе позитивного изучения преступления, но здесь-то и сказалась вся беспомощность буржуазной науки, не понимающей основного строения общества, его классового характера. В данном случае положение еще обострялось тем, что социологией начинали заниматься юристы, в сознании которых не умещается самое понятие об обществе. Поэтому позитивное изучение преступности начали не они, а судебные медики; когда же бразды правления перешли к юристам, возникло сомнение в самой необходимости социологии «Зачем эта антитеза между антропологией и социологией, — удивлялся андер С. ш. ван-Гамель, — антропология есть изучение человека и следовательно, изучение общества, которое верно не что иное, как умноженный человек». При таком механистическом воззрении не ушедшем дальше рационалистических теорий XVIII в., результаты социологических экспериментов С. ш. были предрешены заранее. Предтечей этой доктрины была великолепная своей монистической стройности биологическая концепция преступления, но она была неверна по существу и не могла пригодиться вследствие бесплодности своих практических выводов. Попытки же заменить ее такой же монистичной социологической концепцией, исходившие от «лондонской школы», быстро кончились неудачей. «Социологам» не знающим, что такое общество оставалось удариться в самый расплывчатый эклектизм: преступление было объявлено результатом взаимо-

действия трех равно обязательных факторов — космического (физического, космо-теллурического), индивидуального (антропологического, личного, случайного) и социального. На таком определении сошлись все «социологи», разница была лишь в номенклатуре. Между тем столь всеобъемлющие «факторы» никак объяснением считаться не могут. Это еще не знание, а предположение знания. — установление всеобщей связи всех явлений, т.е. констатирование того малооригинального факта, что преступления совершаются в обществе, состоящем из людей и проживающем на земном шаре. Такие «факторы» могут быть названы для определения любого социального явления, объяснение же должно заключаться в установлении специфической функциональной зависимости между преступлением и определенным, напр. климатическим, явлением. Этого, однако, как раз не дает конкретный анализ С. ш.

В космическом «факторе» правильную постановку вопроса можно встретить только у антропологической школы: Ломброзо находил причинную зависимость между теплым климатом и потерей стыдливости, фазами луны и развитием эпилепсии и т.п. «Социологи» предпочитали прямо погружаться в спасительную эмпирику: брали статистику преступности, располагали ее во времени и открывали «календари преступности», из коих явствовало, что преступления против собственности приходятся, главным образом, на зиму и осень, а преступления против личности — на лето и весну. Доказательство существования «космического фактора» на этом и кончалось, между тем как отсюда оно только и должно было начаться. Сам по себе «календарь преступности» свидетельствовал только, что преступления, как и все человеческие действия, как-то располагаются во времени, после чего от параллелизма двух рядов явлений умозаключалось к их функциональной связи. Однако хронология, это — только неизбежные рамки всякой человеческой деятельности, а вовсе не ее движущая сила. В данном случае расположение разных видов преступности по разным временам года является от изменения социальных условий (рост безработицы и обострение борьбы за существование зимой; более благоприятная обстановка летом, и потому пе-

ренос центра преступной энергии, свойственной в некоторой определенной величине всякому данному обществу, с собственностью на личность).

Лист попытался освободиться от этого «фактора», утверждая, что он сводится к социальному фактору в преступлениях против собственности и к фактору индивидуальному в преступлениях против личности (повышение половой возбудимости от жары, неодинаковое у разных организмов!) Однако эта попытка совершенно не привилась, и в рамках социологической эрудиции С. Ш. была действительно безнадежна. Листу справедливо указывали, что этак и социальные факторы сведутся к биологическим, что «нужда или политический строй сами по себе так же бессильны, как и климат, если их влияние не пройдет через определенный человеческий организм», и тем самым С. Ш. снова превратится в антропологическую.

Такое же собрание недоразумений представляет собой и «индивидуальный фактор» С. Ш. Под ним понимаются три совершенно различные вещи: 1) биологические влияния на преступность, происходящие от человека, как животного вида,—раса, пол, возраст и т. п.; 2) влияние индивидуальности преступника, сказывающееся на деянии параллельно с влияниями окружающей его среды; 3) элемент случайности, вносимый в преступность индивидуальными волями преступников и не подведомственный причинному изучению. Индивидуальный фактор в первом понимании методологически правильно противопоставлен социальным влияниям но неверен по существу: раса, пол и возраст «факторами преступности» не являются. Привнесение расы в объяснение социальных явлений, характерное вообще для буржуазной науки вызывается и в криминологии «невежеством в анализе социальных явлений, когда все условия среды исключаются» (Каутский), и ровно ничего не объясняет потому что даже при наличии установленного факта, что определенной расе свойственна определенная преступность, открыть функциональную зависимость между определенными морфологическими признаками и посягательством на порчу невозможно.

Возраст и пол попадают в «факторы» по такому же недоразумению, что и космо-

логия. Вместо того, чтобы определить конкретные криминогенные свойства, напр., пола, который—буде он «фактор преступности» — должен производить непосредственно из себя преступление, как, напр., бороду и тембр голоса, сгранициваются статистическим расположением преступности по полам и возрастам, после чего объявляется, что «возраст—космополитическая причина преступности». На самом же деле возраст и пол только «космополитические» условия для всех человеческих действий, в том числе и преступных, причина же неодинакового распределения преступлений по полам и возрастам заключается в социальных отношениях,—в неодинаковом их положении в производстве

Индивидуальный фактор в его втором понимании или оправдывается наличием в нем биологического момента, или не оправдывается вовсе; первое у Ферри: «К личным свойствам преступника отнесаются... био-социальные особенности, как гражданское состояние, профессия, принадлежность к тому или иному классу, образование и воспитание»; второе у Листа: «Каждое преступление есть продукт личных свойств человека, с одной стороны, и общественных условий, с другой». Первая разновидность основана на непонимании специфически социальной природы всех условий личной жизни: принадлежность к классу или профессия любого человека predetermined социальными отношениями задолго до его рождения и несколько не зависит от его физических и психических особенностей, стало быть, если класс и профессия могут оказаться причиной преступности, то это целиком социальная причина, лишенная всяких элементов биологии. Вторая разновидность этого понимания «индивидуального фактора» основана на методологическом недоразумении: в каждом отдельном общественном явлении проявляются конечно, особенности его авторов, но для социологического исследования необходимо выяснить наперед, определяют ли собой эти типичные особенности массовый социальный процесс, слагающийся из отдельных действий, или, напротив, сами им определяются; тем самым разрешится вопрос как подходить к исследованию общественных явлений, от личности или от общества. Свойственное буржуазному мышлению поверхностно-ин-

дивидуалистическое воззрение на общество приводит С ш к эклектической концепции: рядом с социологией уделяется место самостоятельному и неразложимому «фактору» личности, который сам объяснить преступность не может, но и социологическую концепцию разрушает. В самом деле, ведь и «экономическое положение» и «политический строй» и прочие «социальные факторы» так же создаются и воплощаются людьми («личностями»), как и «профессия» и «гражданское состояние»; т. о., оказывается, что «так как преступление есть акт деятельности человека, то оно всегда может быть сведено к одной затрате человеком своей энергии, т.-е. быть рассматриваемо, как проявление исключительно психо-физической индивидуальности преступника» (Пржевальский). Третье и последнее понимание «индивидуального фактора» было выражено наиболее вульгарным и реакционным представителем С ш. Прэнсом: «Человеческое существо подчинено общим законам, но в границах этих законов... оно сохраняет относительную свободу воли, достаточную для принципа индивидуальной ответственности» т.-е. «в каждом преступлении на ряду со случаяйным фактором, т.-е. личными наклонностями, действует фактор коллективный или социальный, т.-е. постоянные условия, общие законы». Все прочие представители С ш. от употребления индетерминистической терминологии воздерживались, но индивидуальный фактор всегда признавали и более или менее скрытно именно в таком «относительно свободном» смысле: без него преступность оказывалась бы целиком подчиненной механической причинности, а это не оставляло бы места наказанию, в понимании которого никак нельзя освободиться от признаков справедливости, возмездия; эту практическую пользу «индивидуального фактора» многие криминологи признавали откровенно (см. Фойпицкий, Чубинский). Однако в таком понимании «индивидуальный фактор» целиком подрывает возможность причинного изучения преступности вообще, хотя «социологи», не смущаясь исследования продолжали

Бессиющность С ш. открывается особенно именно тогда, когда она наконец переходит к социальным факторам. Так как социальная природа преступления С

ш. только провозглашается, но не понимается, то и здесь дело ограничивается сопоставлением статистических рядов преступности и других социальных процессов: социальные влияния, производящие преступление, превращаются именно в факторы,—произвольно вырываемые и гипостазируемые части цельного социального процесса. А так как основное строение общества С ш. неизвестно, то эти части располагаются в художественном беспорядке, при котором не остается возможности систематизирования и сведения «факторов» к общему плану. Вот образцы такого изложения: «Различная густота населения, общественное мнение, религия, состояние семьи, система воспитания, промышленное производство, алкоголизм, экономическая и политическая организация, организация администрации, юстиции и судебной полиции и вообще система уг. и гр. законодательства: сюда относятся вообще много скрытых причин, которые по большей части ускользают от внимания теоретиков» (Ферри); «социальные причины преступности: времена года, раса и религия, город и деревня, профессия, народная нравственность, алкоголь, другие напитки и наркотические средства, проституция, карточная игра, суеверие, экономическое и социальное положение» (Ашаффенбург); помимо этой систематики, есть еще много социальных факторов, напр., раса (Лист), кинематограф (Зак), социализм (Жоли), отсутствие фонарей на улицах (Ферри) и многое еще. Один и тот же «фактор» у одного криминолога оказывается в разряде социальных, а у другого—в антропологических, у Аппроиаки пияшета, проституция и образование попадают в разряд какой-то «физико-социальной среды», у Ашаффенбурга даже времена года фигурируют в роли социальных факторов, а у Ферри даже земледелие зачислено в факторы космо-теллурические.

Таков общий результат работы С ш. в ее теоретической части; для науки от нее останется только груда полуобработанного статистического сырья (которое тоже в большей части ни на что пригодиться не сможет), да неоспоримое установление того факта, что преступления зависят от бедности,—факта, впрочем, мало-оригинального, потому что открытого еще средневековыми отцами церкви.

Даже оставаясь в пределах буржуазной критики, мы находим достаточные доказательства полной бесплодности социологических изысканий С. ш. Во-первых, «социологам» решительно нечего возразить на кантианские выводы из их работы, теоретические исследования преступления, как чувственного явления, окончились неудачей, потому что никакой чувственной природы у преступления и нет вовсе; области же «оценок», создающих понятие преступления, С. ш. и не коснулось, очевидно, именно потому, что знала о ее неподведомственности теоретическому изучению: возражение неоспоримое, ибо у преступления никакой «чувственной природы», помимо форм, его создающих, действительно нет, и всякая попытка позитивно исследовать преступность, минуя позитивное исследование норм уголовного права, обречена на неудачу. Во-вторых, недвусмысленное признание, сделанное самим Энгелем в 1902 г., когда пора уже было подводить итоги: «От научного знания факторов, которые оказывают решающее влияние на проявление и развитие преступности, мы также далеки теперь как и в 1870 г.», «об этом влиянии общественных факторов теперь мы также еще не знаем ничего, что выходило бы за пределы плоских фраз»,—«у нас нет научного метода, которым мы могли бы искать ответ на поставленный вопрос» (Aufsätze u. Vorträge, Bd II, S. 411—19).

Такой результат исследования законов преступности предопределил невозможность для С. ш. «мочь и предупредить» вся их уг. политика «предупреждения» составлявшая *raison d'être* их теоретической работы, оказалась «средством, выдуманном из головы, а не открытым при помощи головы в наличных фактах». Уголовно-политические выводы С. ш. делятся на 2 вида. У криминалистов, настроенных политически радикально, они очень общи и очень радикальны: Ферри считает даже свои «заместители наказания» «отправной точкой для перехода к совершенно новому социальному строю»; в числе требований, выставляемых ими для борьбы с преступностью, значатся устранение монополий и возвращение к свободному обмену, «борьба с эксцессами капитализма» и т. п. У криминалистов менее радикальных в политике, их «пре-

венция» не так утопична, но зато весьма мало продуктивна. Это у Ирэнса «покровительство детям при помощи брака» «укрепление организма строгим воспитанием. Физическими упражнениями и рациональной гимнастикой», у Ашаффенбурга «открытие народных читален и музеев по воскресным дням, гимнастические и подвижные игры» и вообще «воспитание широких народных масс в таком духе, чтобы они научились ценить прелесть семейной жизни» и т. п. Уг. политика С. ш., толженствовавшая заменить своей «превенцией» классическую репрессию, репрессии, однако, заменить не могла и сама осталась одним из пагубнейших образцов мещанского кретинизма.

Всю свою деловую работу «социологам» пришлось перенести на ту же старую репрессию. Работа, проделанная С. ш. в этой области целиком сводилась к освобождению карательной деятельности от стеснявшей ее формы уг. права и потому была гораздо продуктивнее. Но и здесь теоретическое эпитонство новой школы сказалось в полной мере: их доктрина только поспежала, притом не всегда достаточно успешно, за судебной и пенитенциарной практикой, которая, как и вся политическая практика буржуазии этого периода, проходила под одним знаком,—освобождения от рамок легальности. Создание новой репрессии началось с отрицания ее старого основания — индивидуальной ответственности: вина и вменяемость были объявлены «для элания уголовного права ненадежным фундаментом... ибо судье трудно одновременно и заботиться об общественной безопасности и класть в основу приговора принцип личной ответственности». Сознанный, как реальная задача уг. права, принцип социальной защиты требовал неизбежно устранения попятий вины и вменяемости, потому что юридическая вина, способная к скрупулезному дроблению, годилась только к гарантированию справедливости наказания и лишь условно говорила о свойствах, характере и степени опасности человека, а вменяемость, требующая возможности *doli seu culpa* сарах теряла всякий смысл, если не ставился вопрос о виновности. Стремление произвести «реформы, а не революцию в уг. праве» заставило идти к цели путем «расшире-

ния», а не устранения этих понятий. Рядом со старой виной Лист объявил существующей вину «мета-юридическую», которая представляет собою не только психологическое отношение между деянием и деятелем, но и «познаваемое из совершенного деяния антисоциальное настроение субъекта», а рядом с вменяемостью просто—вменяемость уменьшенную, которая позволяла превратить в объекты наказания лиц, таковыми не считавшихся.

В дальнейшем практические потребности показали, что и расширенных старых понятий недостаточно мета-юридическая вина хоть наполовину, но связывала еще представление о человеке с представлением об отдельном его действии, а уменьшенная вменяемость связывала карательную машину особенно по отношению к тем преступным категориям которые и представляли наибольшую опасность,—к профессионалам и несовершеннолетним. Поэтому вменяемость отвергли вовсе (очень кстати тут вспомнили, что с точки зрения детерминизма это—понятие недопустимое), а вина была целиком объявлена «виной характера, а не виной воли». Здесь уж было логически неизбежно отказаться вовсе от самого названия: новая «вина», во-первых, решительно ничего общего со старой не имела. п. ч. постоянный характер человека и его отдельное, м. б. случайное, деяние могут быть совершенно не связаны и даже друг другу противоречить; во-вторых, в таком понимании слово вина звучит чуждо.—нельзя «винить» человека за то, что он таков, как есть и как его создала «совокупность обстоятельств». Г о. можно сказать, что понятие вины было проглочено понятием «опасного состояния» (термин, известный еще ранним классикам, безуспешно проповедывавшийся антропологами и наконец создавший карьеру С школе), а не «слилось» с ним, как это полагали представители С. ш.

Это опасное состояние становилось теперь единственным предположением карательной меры п. ч., поглотив субъективный состав преступления оно тем самым неизбежно поглощало и его объективный состав. Справедливо указывалось критиками справа, что об опасности человека можно судить вовсе не только на основании его отдельного действия, но и на основании всего его психического склада. пове-

дения и даже просто его социального статуса (лumpен-пролетариат для всякой капиталистической организации, буржуазия для пролетарского государства в эпоху гражданской войны) Преступление превращалось из необходимого предположения наказания в только симптом преступности человека, притом же далеко не единственный. Это сознавалось отчасти и адептами С. ш. Лист считал, что «отказ от такого формального условия, как совершение преступления, вопрос будущего, а в настоящее время такого требования нельзя ставить только потому, что оно практически не проводимо», но теоретически «здесь нет ничего абсурдного: приписываем же мы принудительное перевоспитание детей, хотя бы они не совершили никаких преступлений. почему мы должны действовать иначе, когда перед нами общественно опасный взрослый?» (Zeitschrift. Bd. XIII. S. 356) Уг.-процессуальные проекты С. ш. шли в том же направлении, что и уг.-материальные: они формулировались, как необходимость улучшения «порядка защиты общества», которому мешает «порядок защиты личности». Не решаясь, однако, последовать примеру радикальных антропологов и потребовать замены суда присяжных административными комиссиями, С. ш. ограничилась проектами сокращения принципа состязательности, усиления дискреционной власти суда, слияния дознания с предварительным следствием и переноса центра внимания с суда на тюрьму. Последние выводы С. ш. по крайней мере в сфере уг.-материальной и означали собой устранение правовой формы из карательной деятельности. Уг.-правовая форма необходимо связана с принципом строго-законной эквивалентности между деянием и возмездием за него. признак «воздаяния равным за равное» и формирует наказание, как правовой институт, а установить такое точное соответствие можно только на основании формального объективного состава преступления, только он и связывает репрессию с вредоносным поступком видимыми цепями равенства. Понятие опасного состояния принципиально не поддается точному определению, и те «меры социальной защиты», которые ему соответствуют не могут не быть расплывчатыми и неопределенными. Это от них и требуется, это подчиняет их чистому

принципу целесообразности применительно к каждому индивидуальному случаю, освобождая от мистифицирующих принципов равенства и справедливости.

Однако такая «реформа», рационализируя карательную деятельность, лишает ее всяких сдержек, превращая в деятельность полицейскую из правовой. Это недурно сознавалось и противниками и сторонниками С. ш., утверждавшими, что «уг. кодекс есть magna charta преступной личности» (Лист) и что «ограничиваться лишь субъективными условиями для наказания значило бы признать полное подчинение личности государству; огромное значение объективных признаков преступного деяния лежит в том, что ими устанавливаются для карательной деятельности пределы, вытекающие из склада правовой жизни» (Фойнипкий). Между тем карательная деятельность, совсем не принимающая в расчет интересов священной личности, для буржуазного общества вещь немислимая, и об этом очень много говорилось на конгрессах Международного Союза Уг. Права, особенно в России, где либеральные кадеты больше всего боялись возможности превращения нарушителей ст 126 в «неисправимых бунтарей». Здесь внутренняя логика новых идей столкнулась с объективной логикой социальных отношений и выход С. ш., конечно, стала искать в компромиссах. Во-первых, было признано, что меры соц. защиты могут только сопровождать наказание, и таким образом преступное деяние остается необходимым предположением карательной меры; во-вторых, масштаб мер соц. защиты ограничили некоторой правовой гарантией,—так, неопределенные приговоры подменили приговорами неопределенными в рамках некоторого максимума и минимума; в-третьих способ назначения мер соц. защиты решили оставить старый—через юридически регламентированный судебный процесс, а не административные комиссии. Эти компромиссы, однако совсем не возвращают репрессивной мере ее правовой характер, но зато в корпе подрывают оправдывающий ее критерий целесообразности и превращают в нелепость

Главный компромисс для спасения буржуазной личности от новой карательной политики С. ш. нашла в другом. Было обнаружено, что преступность, которая вызвала

«реформы» и для которой предназначались новые карательные меры,—это—«постоянная» или «профессиональная» преступность (*Zustandsverbrechen*): преступники же «случайные» или «по страсти» (*Augenblicksverbrechen*) будут продолжать пользоваться всеми благами регламентированного, ограниченного правового наказания. Та «классификация преступников», которой так усердно занималась С. ш., имела очень реальный классовый смысл: трудно понять, какой класс составляет «профессиональную преступность» и какой «случайную». Сами представители С. ш. откровенно выбалтывали это, когда удовлетворенно замечали, что «пролетариат представляет передовую линию преступности», что современная преступность «локализуется» (Прэнс) и даже «пролетаризируется» (Лист)

Материальное содержание мер социальной защиты мало чем отличается от наказания: это те же тюремные заключения, ссылки и смертная казнь; нововведениями С. ш. были только условное осуждение и досрочное освобождение, а также телесные наказания (Лист). Вся история уг. права нынешнего века до войны была победным шествием С. ш., потому что меры соц. защиты были жизненной необходимостью. На последнем Копенгагенском конгрессе М. С. У. П. в 1913 г. принципиальных возражений против них уже не было даже со стороны самых либеральных классиков. Еще большее значение они естественно должны были получить у нас, в государстве класса, лишенного всяких элементов юридического фетишизма. Это не значит однако, что, приняв практические положения С. ш., нужно отпираться от нее и в теоретическом изучении уг. права. Теоретические основоположения буржуазной «социологии» не вышли за пределы электической вульгарщины, и даже в обосновании самих мер соц. защиты С. ш. не сказала ни одного нового слова после классической юриспруденции начала XIX в. В заключение С. ш. предложила просто считать их «вопросом философии права, а не криминалистики» (тезисы Листа к конгрессу 1913 г.) и тем самым признала, что, создавая новые карательные формы, она сама не ведала, что творит. С. ш. уг. права представляет собой один из характернейших примеров науки класса. «кото-

рый уже не умеет теоретически мыслить»,—ничего хорошего для юристов-марксистов она дать не может

От С. ш. в собственном смысле следует отличать ее левое, социалистическое крыло, представленное несколькими мало-интересными катедер-социалистами на Западе (Бонгер, Колаянни) и особенно развитое в России, где его признанным лидером является М. Н. Гернет. Не отличаясь от основного направления в своих теоретических положениях (хотя в пылу полемики с кадетами проф. Гернет и провозглашал, что «все причины преступности сводятся к господству частной собственности»), российское «Социалистическое крыло» прямо противоположно ему в политических выводах. Если первое представляет собой школу классовой обороны господствующей буржуазии, то второе является интеллигентско-пародической школой филантропической защиты классов угнетенных; его литературная борьба против смертной казни в годы реакции 1906—1910 представляет одно из самых симпатичных мест в истории криминалистики.

С—й

СОЦИОЛОГИЯ. С.—термин, происходящий от искусственного соединения латинского и греческого корней, буквально означающий — учение об обществе, об общественной жизни. Как определенная отрасль научного познания, имеющего своим предметом жизнь человеческого общества, С. имеет исторические корни еще в древности, когда обозначились первые попытки изучения общественных прав и политических учреждений. Это изучение, однако, в течение долгого исторического периода было почти всецело проникнуто богословскими и метафизическими идеями. «Этика» и «философия истории» ставящая человечество в зависимость от воли провидения или видящая в нем воплощение идей мирового разума,—таковы главные исторические конструкции, в форме которых—вплоть до начала XIX в. — выступает изучение человеческой истории. Феодално-теологическое мировоззрение стремится обосновать определенность и необходимость существующих общественных форм. Критически и революционно-настроенная буржуазия выдвигает в своих философско-

исторических системах «естественно-правовые» и демократические идеалы общественного переустройства.

С., как таковая, как паука о законах общественной жизни, появляется после завоевания буржуазией власти. Вместе с переходом ее в консервативно-реакционный лагерь, буржуазия начинает стремиться к охранению существующего порядка и всяким революционным новшествам противопоставляет идеи медленного и разумного прогресса. Буржуазная С. выступает, как «наука о порядке и прогрессе человеческих обществ», как учение о тех неизбежных закономерностях, которым подчинено человеческое общежитие. По словам ее основателя, Огюста Конта (см. «Органическая школа»), «никакой порядок не может упрочиться надолго, если не идет рука об руку с прогрессом; никакой прогресс не может найти осуществления, если он направлен к упрочению порядка». Эта мысль Конта остается по сей день скрытой руководящей идеей, своего рода символом веры буржуазной С. Учение «об организации и эволюции человеческого общества» — как предпочитают сейчас истолковывать ее задачи современные социологи,—говорит все о тех же абсолютных, вечных законах «организации» общественной жизни и о «развитии» ее, чуждом революционным скачкам. Самые «закопы» сводятся к тому, что на все периоды исторического развития распространяются законы капиталистической конкуренции, или же на общественную жизнь переносятся по аналогии физические, химические, психические и биологические закопы. Таким образом затушевывается специфический характер законов обществен. жизни отличающий ее от прочих явлений природы. Оставляется без внимания конкретно историческое изучение жизни человеческого общества, все различие сменяющихся одна другую общественных формаций. Очень немногие буржуазные социологи становятся на точку зрения классового строения общества. Наиболее ценную отрасль буржуазной С. составляет лишь т. н. «генетическая С. совпадающая с историей культуры занимающаяся главным образом вопросами первобытной культуры.

«Домарксистская» С. и историография, по словам Ленина, в лучшем случае дава-

ли накопление сырых фактов стрывочно набранных, и изображение отдельных форм исторического процесса... «С. становится наукой лишь в той мере, в какой ей удается понять возникновение целей у общественного человека.. как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого в последнем счете ходом экономического развития» (Плеханов) Только Маркс «впервые поставил С на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений», только «теория классовой борьбы впервые возводит С на степень науки» (Ленин) Марксизм, таким образом, устанавливая определенные общественные закономерности формы их изучения. вместе с тем глубоко чужд всяким абстрактным законам общественного развития. всяким его над историческим схемам буржуазной С. Неудивительно, что некоторые марксисты отказываются вовсе отождествлять материалистическое понимание истории с С., видя в марксизме лишь социальную методологию и стремясь избежать всякой возможности отождествления марксизма с буржуазной С. Другие предпочитают говорить просто об истории. Следует отметить, что Плеханов отличал С от истории, содержащей в себе описательный элемент, и полагал, что только «последовательные противники материалистического объяснения истории видят себя вынужденными доказывать невозможность С., как науки». Для марксизма С приемлема только, как социальная философия, как теория классовой борьбы, как приложение диалектико-материалистического метода к изучению конкретно-исторического процесса — процесса развития и отмирания классового общества.

Из различных направлений буржуазной С. кроме органической школы (см.) Конта и Спенсера и современного неокантианства, наибольший интерес с точки зрения их воззрений на право и государство представляют психологическое направление Г. Тарда, Л. Уорда, Г. Зиммеля, а также течение, обычно обозначаемое как «социальный дарвинизм», и представляемое Амоном, Лапужем, Л. Гумпловичем, Оппенгеймером, Раценгофером и некоем др. Психологическая школа в С. стремится

в своем рассмотрении общественной жизни опереться на законы коллективной психологии, психологии масс. «Силы общественные суть силы психические» «С. имеет своим предметом общественное творчество человека», говорит американец Л. Уорд («Динамическая социология»). Общество—продукт этого разумного творчества. Задача общества—в развитии эмоциональной и интеллектуальной стороны человека; в отличие от животного человек изменяет среду, творя и рационализируя ее. Отсюда вытекает важность усиления государственной власти. Общество тем ближе будет к единому рациональному социальному механизму, к тому, что Уорд называет «социократией», чем сильнее в нем будет центральное руководство; тем быстрее будет происходить в нем перевоспитание человеческой личности Французский социолог Г. Тард («Законы подражания») кладет в основу своего понимания общественного развития созидательную творческую инициативу отдельных индивидов и подражания им широкой массе. Установить законы и формы общественного подражания—такова основная задача С. Из этих постоянных заимствований, из роста и убыли тех или иных верований и желаний, и складывается вся историческая жизнь человека, история языка, нравов, учреждений. Обычай и мода чередуются в образовании форм правительства; на первых порах каждая семья образует особое монархическое государство: постепенное подражание приводит к возникновению племенного правительства. новая мода заменяет его феодальной системой и т. д., нации постепенно объединяются в обширные империи..

К психологическому направлению очень близки были также представители русской «субъективной» социологии в народничестве 80—90 гг. прошл. столетия (П. Лавров, Н. Михайловский, Н. Кареев и др.), жестоко, но справедливо раскритикованной в ранних работах Плеханова и Ленина. Согласно П. Лаврову («Исторические письма»), «изучение личности должно предшествовать изучению общества; для личности же наиболее существенно «самосознание» История делается не народами, но «одинокими, борющимися личностями»: «критически-мы-

слияние личности» объединяются, создавая общественную силу, передавая свои идеи другим. Так создается «промышленная система» разделения работ, политическая система, государство, право, наука, искусство, нравственность. Н. К. Михайловский («Что такое прогресс», «Герои и толпа» и т. д.) также придает исключительное значение «мыслящему субъекту»: «Борьба за индивидуальность» — основа прогресса, причем «герои» увлекают за собой подражающую им толпу «на разумное, или бессмысленное дело» «Субъективная школа» возражает против применения объективного метода в социологии. К историческому процессу нужно прилагать «субъективную оценку. т. е. усвоив по степени своего нравственного развития тот или иной нравственный идеал, расположить все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу» (Лавров). Только таким образом можно отделять «полезные истины от бесполезных» (Михайловский). Неудивительно, что при таких воззрениях субъективисты могли апеллировать к самодержавному государству и приглашать его «стать на нравственную и политическую точку зрения». Отзвуком их в современной социологии является теория П. Сорокина, также считающего основным предметом социологии «психические взаимодействия» людей.

Несколько особняком стоит учение о социальной дифференциации немецкого философа Г. Зиммеля и француза Эм. Дюркгейма. Согласно Зиммелю, мы постоянно имеем в общественном развитии группы, члены которых связаны между собой общностью. Но эти группы враждуют между собой: чем сильнее синтез в пределах группы, тем сильнее его антитеза другой группе. Общественное развитие ослабляет и эту связь личностей и эту разобщенность групп: однородная масса дифференцируется на предпринимательскую и рабочих завязываются торговые связи и создаются более широкие группы. Тот же «закон» кладет в основу своей С. и Дюркгейм («Социологический метод») видящий в нем форму развития общественной солидарности. Внешнее проявление ее — право и нравственность, различающиеся только по степени своей определенности: общества, построенные на чисто «механической солидарности», при которой все

сограждане отправляют одни и те же общественные функции, отличаются особой интенсивностью общественного сознания: всякое оскорбление его (преступление) приводит к постоянному применению репрессивных мер. Не возмездие, но «нарушение чувств» — таков источник уголовного права; поэтому уголовный процесс в древности осуществляется всем народным собранием. В дальнейшем общественном развитии, вместе с разделением труда, место репрессивных норм постепенно занимают нормы декларативные, нормы гражданского и государственного права: преобладающей становится «органическая солидарность», основанная на разделении труда. Но договорные отношения, возникающие между людьми, создают часто обязательства, «которых люди не желали». Отсюда — требование Дюркгейма более тщательной регламентации государством заключаемых контрактов, отсюда его мелкобуржуазный кооперативный социализм.

Из социально-дарвинистских и «расовых» теорий буржуазной С. особенно выделяются те из них, которые становятся на точку зрения классового характера общества и государства. Таково прежде всего учение австрийского юриста, социолога и историка права, Людвиг Гумпловича («Основы социологии» «Борьба рас», «Раса и государство» и др.). Гумплович строго отличает социальные явления от явлений индивидуальных: социальным движениям присущи свои особые закономерности, коллективные влечения независимы от составляющих их индивидуальных волей. Не индивидуальные, но общественные мотивы определяют поведение отдельных индивидов. «Причиной человеческих поступков являются прежде всего материальные потребности» Стремление общественных групп к самосохранению и к владычеству над другими группами лежит в основе общественной жизни: это верховный закон общественной эволюции. Родство и солидарность интересов внутри одной группы («сипгенизм») дополняются ненавистью их к членам другой группы: война — единственный способ их сближения и объединения, путем победы одних над другими. Вечная борьба рас приводит к их амальгамированию к их слиянию. Победа одной расы над другой выражается юри-

дически в том, что раса-победитель создает в своих интересах государство и государственную власть. Когда простые разбойничьи походы первобытных народов «оказываются недостаточно выгодными для более сильных, последние переходят к постоянному закреплению соседних и отдаленных заморских племен и принуждают их к хозяйственной эксплуатации и завоеванных территорий. Так возникают государства...» Меньшинство воинственных пришельцев оседает вооруженным лагерем и постепенно ассимилирует себе туземцев. Правительство в руках меньшинства сопровождается неравенством в распределении собственности, образованием каст, сословий, классов. Собственность упрочивает владычество господствующей группы и личную зависимость от нее эксплуатируемых. Также и торговая буржуазия рассматривается Гумпловичем как пришельцы («гости»). Основные классы, таким образом, по своему происхождению всегда этнически различны; прочие сословия образуются параллельно с «социальными потребностями» и «разделением занятий». Таковы вечные, «абсолютные» законы образования права и государства. Государство — организация господства, совокупность учреждений в целях этого владычества, поддерживающих определенный правовой порядок. Право—система норм, упрочивающих это владычество меньшинства над этнически-отличным от него большинством. «Каждое право есть не что иное, как упорядоченное неравенство». «Безумство верить, что может существовать право, равное для всех. В действительности, право возникает только в государстве; государство же есть организация неравенства, а право есть выражение, норма, которой фиксируется это неравенство». «Право всегда создается столкновением неравных социальных элементов» «Идея справедливости есть простая абстракция от права» Аналогичные воззрения проводятся Гумпловичем и в его «Истории государственных форм».

Легко заметить, что, при всем недостаточном понимании роли экономических условий и преувеличении роли расовых моментов, теория Гумпловича должна была сыграть некоторую роль в деле разрушения обычных юридических представле-

ний. В этом отношении близки к нему и воззрения Фр. Оппенгеймера («Государство»). Последний приходит к мысли, что всякое исторически существовавшее государство «было и есть классовое государство, иерархия господствующих и подчиненных классов с различным правом и различным доходом». Охранительные его функции возникают «в интересах уже существующего государства». Государство «навязывается победоносной человеческой группой группе побежденной» и «имеет конечной целью экономическую эксплуатацию побежденных победителями». Победа пастушеских племен над земледельцами, победа феодалов над крестьянами и т. д.—таковы исторические принципы возникновения государства. Тенденция общественного развития, по Оппенгеймеру,—отмирание всякого государства, которое осуществляется путем постепенных (земельных и т. д.) реформ. Здесь мы имеем ту смежную грань, на которой буржуазная социологическая теория близко подходит к революционному марксизму, будучи, однако, глубоко чужда идее пролетарской диктатуры и враждебно настроенна к ее реальному осуществлению.

И. Разумовский.

СОЮЗ ПОЧТОВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ возник на основании Парижской конвенции от 1 июля 1878 г. Целью союза явилось установление единообразных норм международного почтового общения и почтового тарифа между участвующими в нем государствами. С. п. в. был преобразован из Всеобщего почтового союза, созданного Бернской конвенцией от 9 октября 1874 г. Парижская конвенция, конституировавшая С. п. в., периодически пересматривалась. 26 мая 1906 г. была заключена новая Всемирная почтовая конвенция в Риме. Союз имеет особый постоянный орган в лице своего бюро (см.).

СОЮЗ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ВСЕОБЩИЙ возник на основании Парижской конвенции от 17 мая 1865 г. Конвенция пересматривалась неоднократно, по мере того, как к числу членов союза примыкали все новые государства. Ныне правовую базу союза составляет С.-Петербургская конвенция от 22 июля 1875 г., неоднократно пересматри-

вавшаяся (последний раз в Лиссабоне 11 июня 1908 г.).

СОЮЗЫ МЕЖДУНАРОДНЫЕ, административные. Развитие мирового хозяйства и международных связей вызвали к жизни, начиная со второй половины XIX в., ряд международно-государственных объединений, или союзов, технического характера. Этого рода союзы создавались специальными многосторонними конвенциями (см.). Союзы эти имеют свои постоянные органы в виде специальных международных бюро (см.). Первым из С. м. технического характера был Всеобщий Почтовый Союз, созданный бернской конвенцией 9 октября 1874 г.; союз преобразован во Всемирный Почтовый Союз парижской конвенцией 1 июня 1878 г.

Международный Телеграфный Союз был в окончательном виде создан с.-петербургской конвенцией 22 июля 1875 г. Оба эти союза устанавливают единообразные правила почтовых и телеграфных отправок из одного из договаривающихся государств в другое. Международный Радиотелеграфный Союз был учрежден лондонской конвенцией 5 июля 1912 г. Потребности этого союза обслуживаются тем же постоянным органом (Международным Бюро в Берне), который обслуживает Международный Телеграфный Союз.

Бернской конвенцией 14 октября 1890 г. создан союз по железнодорожным перевозкам и фрахтам (в состав союза, в отличие от предыдущих, являющихся практически универсальными, вошла лишь группа европейских континентальных государств: Австро-Венгрия, Бельгия, Германия, Голландия, Италия, Люксембург, Россия, Франция и Швейцария); бернская конвенция устанавливает единообразные правила относительно ширины железнодорожной колеи и свойств подвижного состава.

Бернская конвенция 9 сентября 1886 г. (пересмотренная в 1908 и 1914 г.г.) создала С для охраны произведений искусства и литературы (в состав союза входят: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Гаити, Германия, Дания, Испания, Италия, Либерия, Люксембург, Норвегия, Франция, Швейцария, Швеция и Япония); государства, участвующие в союзе, имеющем целью охрану авторского

права на произведения искусства и литературы, предоставляют авторам, принадлежащим к любому из этих государств, такую же правовую защиту, как своим собственным подданным. М. С., для охраны промышленной собственности, учрежденный парижской конвенцией 20 марта 1883 г. (пересмотренной в 1911 г.), устанавливает тот же принцип в отношении патентов промышленных изобретателей, а также фабричных клейм (в состав союза вошли: Австрия, Бельгия, Болгария, Бразилия, Венгрия, Германия, Голландия, Дания, Испания, Италия, Куба, Мексика, Норвегия, Португалия, Соединенные Штаты Америки, Тунис, Франция, Швейцария и Швеция)

К области торговли и промышленности относится также С. м. для публикации таможенных тарифов, учрежденный брусельской конвенцией 5 июля 1890 г. (в состав союза входят почти все страны мира; перед войной он насчитывал 45 членов). Пан-американским конгрессом в Вашингтоне 1889 г. был создан пан-американский союз для срочного собирания и обмена коммерческой информацией (в состав союза входит 21 американское государство) В области международного регулирования денежного обращения создано два союза: 1) Латинский Монетный Союз, учрежденный парижской конвенцией 23 декабря 1865 г., неоднократно пересмотренной (последний раз—в 1920 г.); в состав союза входят: Бельгия, Греция, Италия, Франция и Швейцария; все члены союза признают одно и то же фиксированное отношение в цене золота и серебра, 2) Скандинавский Монетный Союз, между Данией, Норвегией и Швецией, учрежденный по образцу предыдущего копенгагенской конвенцией 27 мая 1873 г.

Из числа С. м., имеющих целью осуществление функций международной полиции (см.), следует отметить учрежденный генеральным актом брусельской конвенции (2 июля 1890 г.) С. м. для подавления работорговли. Наконец, существует несколько междугосударственных объединений в целях охраны научных интересов: Международная Геодезическая Ассоциация, созданная бернской конвенцией 30 октября 1856 г. (пересмотренной в 1885 г.), Международная Сейсмологическая Ассоциация, учрежденная страсбургской кон-

венцией 25 июля 1903 г. (пересмотренной в 1905 г.), наконец, Международный Сельско-Хозяйственный Институт в Риме, созданный римской конвенцией 7 июня 1905 г.

Л. Иванов

СПЕКУЛЯЦИЯ. как и всякая торговля сводится, для ее участников, к использованию в целях наживы и изменения цены товаров. Отличие же спекулятивной торговли следует видеть в том, что, в виде С., торговля окончательно отрывается от обслуживания «общественного обмена веществ», превращаясь с этой точки зрения—при капитализме это явление неизбежное (см. Игра)—в явный паразитизм. Это явствует уже из обычного определенияущности спекулятивной торговли как «такой торговли, при которой разница в цене, составляющая барыш торговца, зависит не от различия цены товара в пространстве, в различных пунктах обмена, но от изменения цены товара во времени»; С в «развернутом виде» при этом строит свои расчеты на использовании искусственно порождаемого ею же «вздутия» (или «падения») цен. Такой *par excellence* является биржевая «игра на повышение» или «игра на понижение». Если такая «игра», подобно всякой азартной игре связана с риском и если риск несомненно, присущ обычной С. в широком масштабе, то следует помнить, что в эпоху наибольшего расцвета С. связанного с расцветом кредита и кредитной системы, «спекулирующий оптовый торговец рискует не своей, а общественной собственностью» (Маркс к соотв. месту в 27 главе III тома «Капитала» Энгельс добавляет: «Как... вся Франция сберегла 1½ миллиарда франков для папамских мошенников. С какой точностью изображено здесь все папамское мошенничество за целых 20 лет до того, как оно произошло»).

Расцвет С., в полном смысле этого слова, начинается уже с первых лет XVIII в., к какому времени и относятся слова Маркса в 24 гл. I т. «Капитала»: «Какое впечатление производило на современников это внезапное появление шайки банкокрадов, финансистов рантье маклеров, биржевых барышников, видно из сочинений того времени». В начале капиталистиче-

ской эры С. порождались настоящие «масовые психозы» (Гильфердинг); в современном капиталистическом обществе, в котором в военный и послевоенный период С. особенно разрастается, те или иные изменения С-пой «конъюнктуры» происходят более «безболезненно», ибо стали привычным явлением для втянутых в орбиту биржевой С. миллионы буржуазных и мелкобуржуазных «держателей биржевых ценностей». Биржи вообще теснейшим образом связаны со С.; как говорит Гильфердинг, С. «необходима для того, чтобы биржа могла выполнять свои функции».

Рост С. и всякого рода биржевого и внебиржевого жульничества послужил уже в конце XIX в. поводом итальянскому криминалисту-антропологу Laschi для специальной монографии на тему о «Финансовых преступлениях», где этот буржуазный юрист признает, что «буржуазия только против своей воли может осудить кого-либо из своих сотоварищей по классу за действия, в которых она усматривает скорее неудачу, чем преступление». В ряде буржуазных государств, чтобы сколько-нибудь успокоить разоряемые в процессе капиталистического развития мелкобуржуазные элементы, были уже в конце XIX в. и в начале XX в. изданы грозные уголов. ответственностью законы против ажиотажа (иное обозначение для С., особенно биржевой), против разного рода биржевых махинаций, как и вообще против «недобросовестной конкуренции» (ср. германские законы от 7/V 1909 г. о «недобросов. конкуренции» и от 5/V 1908 о бирже). Но никакого сколько-нибудь серьезного значения в деле борьбы хотя бы с наиболее уродливыми формами С., остающейся, вместе со всеми своими безобразиями, имманентным капиталистическому развитию явлением, подобного рода постановления, естественно, не получили. И по настоящее время остаются более чем актуальными жалобы на то, что убытки, причиняемые «бандитами в белых воротничках» (White collar bandits), ежегодно во много раз превышают убытки от общеуголовных преступлений. Более или менее серьезная борьба со С. ведется, и то без большого успеха, госвластью современных капиталистич. государств лишь в годы последней мировой войны, когда монополистический капитализм эпохи импе-

риализма временно, в силу потребностей, вытекавших из «обстоятельств военного времени», облекается в ряд: воюющих держав, в большей или меньшей степени, в формы государственного капитализма. В Германии — в меньшей мере и в иных государствах — в это время создается так наз. «Preistreibeisstrafrecht» (угол. право, относящееся ко вздуванию цен). Когда, однако, после окончания войны, капитализм, в конце концов, достигает некоторой стабилизации, то снова торжествует «довоенный подход» к С. Лучшей иллюстрацией этого является полное исключение законодательства 1914—1920 г. г. о «Preistreiberei» из опубликованного в 1925 г. официального проекта германского У. К.

В России С. процветала как при царском, так и при буржуазном «Временном» правительствах. Пролетарская революция, проведя широкую национализацию не только промышленных и торговых предприятий, но и банков, ликвидировала тем самым С. крупно-капиталистического характера. Однако, поскольку, как писал Ленин еще в 1918 г., «экономическая основа С. есть мелко-собственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частно-хозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента», постольку и в дальнейшем «С. вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни» (т. XVIII, ч. I, стр. 204). Первый общий декрет о С. был издан СНК 22/VII — 1918 г. (С. Уз. № 54, ст. 605). В течение всего периода «военного коммунизма» когда всякая частная торговля уже в качестве таковой, представляя собой нарушение государственной «монополии торговли», квалифицировалась как С., борьба со С. проводится систематически и самым решительным образом, по-несмотря на эту вынужденную условиями гражданской войны, борьбу, частная торговля некоторые и немалые позиции все же сохраняет («мешочничество», «сухаревка» и т. д.) «Пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма неизбежное при существовании миллионов мелких производителей... эта политика экономически невозможна», — писал Ленин в брошюре «О продналоге». После того как

с переходом к нэпу частная торговля потеряла свой нелегальный характер, понятие преступной «С.» пришлось определить запово У. К. РСФСР 1922 г., не пользуясь самим термином «С.». эту новую формулировку юридического «состава» С. при нэпе дал в ст. 137, которая в 1-ой своей редакции предусматривала «искусственное повышение цен на товары, путем сговора или стачки торговцев между собой, или путем злостного невыпуска товаров на рынок», 10/VII 1923 г. эта редакция была заменена другой, признававшей сговор или стачку квалифицирующим моментом, а с другой стороны, охватывавшей также и «злостное понижение цен на производящихся государственными органами публичных торгах»; это последнее добавление, однако, не воспроизведено в ст. 107 У. К. ред. 1926 г., согласно которой «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок» влечет лишение свободы на срок до 1 года с конфискацией всего или части имущества или без таковой, а «те же действия при установлении наличия сговора торговцев» — лишение свободы на срок до 3 лет с конфискацией всего имущества. Случаи применения этих постановлений У. К. были однако немногочисленны ибо, в обстановке товарного голода, частный торговец обычно вовсе не нуждался в сговоре с другими торговцами или в таких махинациях как «скупка сокрытие или невыпуск» тех или иных товаров, для вполне удовлетворявшего его аппетита повышения цен на предметы своей торговли. И в настоящее время кампания по сию же нию цен на промышленные товары своим основным методом имеет метод экономического регулирования рынка путем соответствующего воздействия на него, и в частности, на частный рынок, со стороны призванных проводить, в установленном порядке, снижение цен на предметы своей продукции и своей торговли государственных и кооперативных производственных и торговых организаций: но это не исключает применения в отдельных случаях, и метода в несэкономического принуждения в частности путем применения уголовной репрессии. Комбинация экономического и внесэкономического принуждения имеет место в тех случаях, когда, при особо регу-

лируемой и ограничиваемой нашим современным законодательством продаже соответствующей гос. или кооп организацией своих товаров частным торговцам, продающая организация заключает с покупателем-частником особое соглашение, по которому последний обязывается продавать купленный товар потребителю с накидкой, не превышающей определенного процента; нарушение частником подобного соглашения дает уже основание для привлечения его к угол. ответственности по ст. 131 У. К., предусматривающей злонамеренное «неисполнение обязательств по договору, заключенному с госуд. или общественным учреждением или предприятием». С другой стороны, в настоящее время губисполкомами или органами Наркомторга устанавливаются, на определенных категориях товаров, предельные цены не только для гос. и кооп. торговли, но, иногда, и для частной торговли; превышение этих обязательных для него цен частником может, в подлежащих случаях, влечь привлечение его к угол. ответственности по ст. 105 У. К., согласно которой «нарушение правил, регулирующих торговлю, если в них специально не оговорено преследование в административном порядке», влечет принудительные работы на срок до 1 года или штраф до 2.000 руб. Нарушение же постановлений о снижении цен самими гос. или кооп. организациями и какая бы то ни было С. с их стороны должны вызывать уже привлечение соответствующих представителей этих организаций к угол. ответственности за злоупотребление или превышение власти (см. Должностные преступления).

А. Эстрин.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СТАВКИ. В истории советского строительства необходимостью использования буржуазных специалистов выдвигала, между прочим, вопрос о повышенной оплате их труда. С переходом к нэпу и к установлению размеров заработной платы посредством коллективных и трудовых договоров, вопрос об оплате специалистов временно оказался вне воздействия какого-либо централизованного государственного регулирования. В результате вскоре обнаружилось явления бесхозяйственного расходования государственных средств как на оплату действительных специалистов в чрезмерном размере.

так равно и на оплату мнимых специалистов. Против таких явлений необходимо было принять соответствующие меры. Поэтому в целях устранения расхищения народных средств и своекорыстного использования их отдельными лицами, а также в целях приведения к большему соответствию вознаграждения лиц интеллектуального и физического труда, с августа 1922 г. был установлен государственный максимум заработнойной платы. При этом было предусмотрено, что для отдельных работников особо высокой квалификации могут устанавливаться персональные оклады, превышающие государственный максимум заработнойной платы, однако, лишь в определенном централизованном порядке.

Распространяясь на государственных служащих и рабочих, система государственного максимума заработнойной платы применялась до 1 октября 1923 г., когда уступила место действующей в настоящее время фондовой системе персональных окладов.

При действующей фондовой системе персональных окладов вознаграждение рабочим и служащим государственных и кооперативных предприятий и учреждений и смешанных акционерных обществ с преобладающим государственным или кооперативным капиталом считается персональным, если оно выходит за пределы оплаты по коллективному договору или, при отсутствии последнего, за пределы оплаты по действующей в данном предприятии или учреждении тарифной сетке. Предметом государственного регулирования являются особые фонды, из которых только и разрешается производить дополнительную персональную оплату труда сверх норм коллективных договоров и т. д. Эти особые фонды, расходуемые на дополнительную персональную оплату труда, отделяются от основных фондов заработнойной платы, расходуемых на оплату по коллективным договорам, по тарифу ответственных работников и, при отсутствии коллективного договора, по действующей в данном предприятии или учреждении тарифной сетке.

Особые фонды утверждаются для отдельных ведомств установленным централизованным порядком и в определенном

процентном отношении к общей сумме заработной платы. Каждое ведомство, принимая во внимание заключение подлежащего профсоюзного органа, само распределяет предоставленный ему особый фонд между различными отраслями народного хозяйства, а в пределах отдельных отраслей народного хозяйства—между предприятиями и учреждениями. Установление же отдельным работникам персональных окладов обычно называется С с (спецставка), и утверждение персональных выплат за работы по специальным заданиям производится либо непосредственно ведомствами, либо, под ответственностью руководителя ведомства и по установленному им порядку, руководителями отдельных объединений, синдикатов трестов предприятий и учреждений.

По сравнению с прежней системой государственного максимума заработной платы, преимущество фондовой системы персональных окладов заключается в том, что при этой последней системе планомерному регулированию оказывается подчиненной общая сумма материальных средств, расходуемая государственными предприятиями и учреждениями на оплату сверх ставок коллективных договоров и т. д. Вместе с тем, руководители государственных предприятий и учреждений освобождены от лишней стесненности в деле материального поощрения особо квалифицированных работников к наиболее плодотворной работе.

Персональная ставка может выплачиваться не иначе как по соответствующему трудовому договору, заключенному в письменной форме и зарегистрированному в органе НКТ по месту работы лица, получающего эту ставку. Согласно директиве НКТ СССР, персональные оклады (спецставка) могут, как общее правило, устанавливаться только специалистам, проходящим по 16—17 разрядам тарифной сетки. Только в самых исключительных случаях при существовании жесткой разбивки по тарифным разрядам, могут получать персональные оклады отдельные высококвалифицированные работники, проходящие по разряду ниже 16—17-го

Выплата персональных надбавок сверх должностных окладов работникам учреждений, состоящих на государственном и местном бюджете, в

которых введена система государственного нормирования зарплаты, регулируется иными правилами, чем выплата С с. в собственном смысле. Назначение персональных окладов индивидуально определенным лицам и определение размера этих окладов производится в том же порядке и теми же органами, как и установление должностных окладов; установленный персональный оклад может быть увеличен или уменьшен не иначе, как по постановлению тех же органов. Персональные оклады выплачиваются за счет специальных кредитов, отпускаемых исключительно на наличный состав тех индивидуально определенных лиц, которым присвоены персональные оклады.

О рабочем времени лиц, получающих персональные ставки, см. Ответственные полнотработники

И. Водтинский

СПИНОЗА БОРУХ (Spinoza) — голландский философ. Родился в 1632 г. умер в 1677 г. Учился в еврейской школе. Но затем, попав в латинскую школу и кружок ван-дер-Эйде, С отошел от еврейской общины и в 1656 г. был ею отлучен. Добывая средства шлифовкой стекол, он углубился в изучение философии и политики. Принимал участие в практической политике, давал советы братьям де-Витт, которые до 1672 г. стояли во главе Нидерландской республики. Взгляды С. вытекая из философии Декарта, учеником которого был С., внесли, однако в философию ряд совершенно новых моментов. В своих политических воззрениях он близко примыкает к Гоббсу (см.).

Философия С.—материалистический материализм. Дуализм Декарта, его двумя субстанциями (протяженность и мышление), не удовлетворил С. Устанавливая единую субстанцию — природу (теологически называемую им Богом), он декартовские субстанции сделал ее атрибутами. Сущность субстанции—существование ее в себе самой. Атрибуты и модусы суть состояния субстанции. А так как субстанция существует прежде, чем проявляются ее состояния, то все исходит из нее и она же единственная причина «самой себя». Атрибутов у субстанции бесконечное множество, но мы познаем лишь два—протяжение и мышление, которые всегда и везде следуют

совместно, при чем «порядок идей тот же, что и порядок вещей». С. различает три способа познания: чувствами (через представление), разумом (через понятие), созерцанием (через интуицию). Чувства—источник ошибок и заблуждений. Адекватное познание вещей достигается лишь через интуитивное познание, высшую форму разумного познания. Философская система С., скованная рационалистическими узами, изложена дедуктивным, геометрическим методом, где выводы делаются из аксиом, теорем и определений. Монизм на материалистической основе, причинность, отделение философии от теологии, единая методологическая установка при изучении и природы и общества—такова философия С. Своими материалистическими и монистическими основами она оказала огромное влияние на дальнейшее развитие философии, главным образом, ее материалистического направления (французские материалисты XVIII века. Фейербах, марксизм)

Учение С. о праве и государстве основано на тех же началах. Закон причинности—через учение об аффектах—он распространяет и на действия человека. В основе всех аффектов человека лежат три основных (первоначальных) аффекта: удовольствие, неудовольствие и желание «Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов» С. называет рабством, которое можно преодолеть не через устранение аффектов, а путем согласования их действия «с порядком всей природы» Стремление вещи (и личности) к самосохранению—является основой, на которой и через которую возможна закономерность и в природе и в общественной жизни.

В отличие от Декарта С. последовательно проводит идею причинности, отрицая свободу воли. Отрицание свободы воли, по мнению С., дает возможность: познать причинную зависимость вещей в природе; определить наши отношения к окружающему миру, осознавая необходимость; «не гневаться, а понимать» отношения в общественной жизни, и, наконец, учить, как наилучшим образом организовать общественное устройство и управление («Этика», ч. 2-я, теорема 49, схолия) Отсюда—возможность общественной науки, изучающей законы построения и развития общества. В естественном состоянии люди

стремясь к самосохранению, являются наиболее опасными врагами. Один человек не в состоянии справиться с окружающими его враждебными силами. Между тем, соединение людей несет гораздо больше пользы, чем вреда. Разум человека, выбирая из двух зол меньшее, усматривает, что только в общегитии возможна действительная охрана своих интересов, возможна спокойная жизнь. Из врагов—через общегитие—люди превращаются в друзей. Для существования каждой вещи (и человека) необходима мощь. Эту мощь и определяет право. Право вещи простирается так далеко, как далеко простирается ее мощь. Мощь отдельной вещи всегда ограничена мощью другой вещи, имеющей большую сферу действия. Природа—совокупность вещей—имеет право на все, ибо ее мощь безгранична. Отсюда право С. определяет как «законы или правила, согласно которым все совершается, т.-е. самую мощь природы».

Если право каждого определяется его мощью, то, очевидно, что чем большей мощью обладает данный человек, тем больше прав он имеет. Он делает—и делает по праву—все, что он может делать, что доступно его мощи. Здесь все средства, данные природой, хороши. Следовательно, в естественном состоянии, в природе общества нет понятий добра и зла, справедливости и преступления.

Переход из естественного состояния в гражданское совершается через договор, путем которого происходит перенесение мощи отдельных лиц на государство. Организуется общество, обладающее властью предписывать общий образ жизни: устанавливать законы и угрозами принуждать к выполнению их. Между обществом и государством С. различия не проводит. Созданным таким образом положительное право является дальнейшим развитием естественного права и, действуя внутри государства (общества), устраняет самостоятельность отдельных частей. Государственная власть существует на основе естественного права. Она в праве требовать полного себе подчинения: быть единственным толкователем законов, которым она сама не подчинена, и устанавливать общепризнанные понятия добра и зла, справедливости и преступления. Несмотря на это, ее право, по мнению С., ограничено, во-

первых, естественными законами природы и, во-вторых, природой ее подданных.

С. предпринял попытку разрешить проблему наилучшего устройства различных форм государственного организованного общества и его управления. Эта попытка тем более интересна, что С. указывал не только на организацию правительства, не только на те или другие стороны государственного устройства (союзное государство, например), но и обращал внимание на земельную собственность, на взаимоотношения различных групп (классов) государства, на политическое равновесие, на формы собственности и т. д. Он различает, как и Гоббс (см.), три формы государственного устройства: монархию (см.), аристократию и демократию. Наиболее соответствующую и устойчивую форму государственного устройства он склонен видеть в умеренно-демократической форме правления, крепкой и сильной внутренним единством, чуждой феодальной расхлябанности и тиранического произвола.

Разрушая сверхъестественный покров, брошенный на право и государство в эпоху схоластики, С., как и другие теоретики естественного права (см.), утверждал его вечность и неизменность. Метафизические моменты его философской системы, — а именно недостаточное понимание связи между сущностью и существованием, отрицание внутренней противоречивости вещей, признание неизменной природы человека и друг., — отразились и на построениях его в области права и государства. Но все же, несмотря на это, критика свободы воли и долженствования, разрушение абсолютных понятий добра и зла, справедливости и преступления, вскрытие действительных отношений между правом и принуждением являются огромнейшей заслугой С. Проекты наилучшего государственного устройства, несмотря на их абстрактность и метафизичность, имели целью доказать, что могущество, спокойствие и слаженность государственной (общественной) жизни и аппарата всецело зависят от причин не потустороннего, а внутреннего порядка определяемого людьми и окружающими обстоятельствами.

Идеологическая борьба с абсолютизмом, с приоритетом церкви, с феодальными устоями и пережитками дополнялись у С.

положительной работой по созданию и обоснованию морали и политики идущего к господству в передовых странах XVII в. нового класса — класса революционной (в Нидерландах) торговой буржуазии, вступающей и в роли организатора мануфактур и мирового рынка. Мораль, чуждая сентиментализма и мистики, и являлась основой для теоретического построения материалистического понятия государства-общества, понятия, соответствующего имущественным интересам нового класса, идейным выразителем которого был С.

Сочинения С.: «Этика»; «Богословско-политический трактат»; «Политический трактат»: «Трактат об усовершенствовании разума» и «Переписка С.» (есть рус. пер.).

А. А.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, как норма права. Буржуазия стремится, как общее правило, к возможно большей определенности нормы права. Буржуа эпохи зрелого капитализма склонен требовать такой чеканки юридических норм, которая позволяла бы ему строить свои деловые расчеты на твердом фундаменте прочных и поддающихся предвидению правовых предпосылок. Особенно сильно в эту эпоху отрицательное отношение буржуазии к широкой растяжимости предписаний права там, где, как в дореволюционной России, власть находится не в ее руках или не всецело в ее руках. Поэтому туманные представления о С. чаще всего не признаются идеологами буржуазии имеющими силу правовой нормы. Однако в истории права некоторых стран бывали такие значительной длительности периоды, когда С. приобретала для известного круга случаев, в глазах буржуазии, силу самостоятельного источника норм права, когда, иначе говоря, ссылка на С. была в правовой практике равнозначна (а в иных случаях даже сильнее) ссылке на определения писаного закона. Это весьма интересное явление имело место преимущественно в революционные периоды, и причины его сводятся в конечном счете к антагонизму между восходящим классом — буржуазией и цеплявшимся за сохранение прежнего порядка общественных отношений классом земельных собственников. Особенно типичны в этом отношении условия борьбы буржуазии с феодализмом в истории Англии. Известное сходство с эти-

ми предпосылками имели также условия классовой борьбы в революционный период римской истории. Торговый капитал, вырастая в недрах предшествующих ему общественных формаций, отвоевал постепенно влияние на некоторый уголок правовой оболочки; с ростом сил буржуазии этот уголок рос, и таким образом создавался дуализм (двойственность) или даже плюрализм (множественность) систем права. Стремление к такому дуализму со стороны капиталистической буржуазии могло принимать разные исторические формы (см. о других формах, в частности слова «Естественное право» и «Торговое право»). Однако из таких форм явилось признание, на ряду с системой конкретных норм, установленных законом, обычаем и т. п. обязательной силы *C.* как гибкого начала, восполняющего и исправляющего недостатки этой первой системы. В истории права некоторых государств дуализм этот получил такую окраску, при которой новое право, буржуазное право получило свое признание на ряду со старым правом, как право *C.* Не будем останавливаться на экономической подкладке этой *C.*, как результате товарооборота. Здесь *C.* рассматривается чисто юридической стороны.

Форма права *C.* оказывалась в переходные периоды удобною для воплощения стремлений капитала по двум, главным образом, причинам. Потребности буржуазии и требования предъявляемые ею к действующему праву более изменчивы, гибки и сложны, чем потребности класса землевладельцев, отчего для буржуазии труднее найти достаточно разумное удовлетворение своих интересов в жестких и грубых, неединообразных на различных частях территории правовых формах, господствовавших в период, предшествовавший торжеству буржуазии. Туманная ссылка на *C.* давала возможность внося в случаях наиболее острого расхождения права с потребностями буржуазии, кое-какие коррективы приспособляя это право к изменчивости и многообразию интересов восходящего класса. Создать и ввести в силу детальные разработанные системы нового права буржуазия, конечно, сразу не могла; тот же путь, о котором мы говорим открывал возможность превращать старое право в новое буржуазное право путем постепенного изменения общего его духа и

накопления соответственных прецедентов (см.). Кроме того, ссылка на *C.* укрепляла моральную силу ростков нового права. Справедливыми же способны казаться, по общему правилу, те требования, которые находят себе опору в экономике (Ср. Маркс «Критика Готской программы», стр. 12). Поскольку элементы буржуазной экономики росли и крепились, постольку принципы буржуазного права легко получали признание, как вытекающие из самой *C.*

Наиболее заметную роль сыграло право *C.* как уже указано, в истории римского а затем в истории английского права. Древнейший памятник римского права — законы 12 таблиц, относящийся к эпохе относительно очень невысокого уровня товарооборота и развития торгового капитала, еще не говорит ничего о *C.* Последующее развитие римского общественного строя, и, в частности, римского права характеризуется неуклонным проникновением торгово-капиталистических отношений и все большим расширением связей, политических и экономических Рима с другими областями Италии и всего Средиземноморья. Одной из форм внесения, в связи с тем, коррективов и дополнений к действовавшему раньше праву явилось использование ссылок на *C.*, как на источник, якобы с полною и уверенною для всех очевидностью подсказывающий юристам и магистратам, обладавшим судебной властью, определенные решения, не вытекающие из установленного ранее «строгого» права. Этот процесс продолжался и после смены политического строя Рима после замены республики империей.

Как характеризуют крупнейшие историки римского права право *C.* по его содержанию? В зависимости от различия проявляемых ими подхода и симпатий, вперед выдвигаются различные моменты. В частности Сариппи находил, что основным моментом, характеризующим *aequitas* (*C.*) следует считать общечеловеческий ее характер, в противоположность национальному характеру «строгого» права. Он считал, что *C.* в римском праве была выражением «естественного разума» (*ratio naturalis*), освобождающегося от национальной ограниченности. Пухта видел сущность той же *aequitas* в том, что она принимает во внимание индивидуальные различия и устраняет, таким образом, несправедли-

вость, создаваемую одинаковым, слишком общим подходом норм права к разнообразным жизненным положениям. Кирульф видел сущность С. в ее гибкости, в том, что она в противоположность «строгому» праву, не вылилась в жесткие юридические нормы. Перинг видел сущность С. в том, что она устанавливает принцип равенства граждан. К нему примыкал в основном автор русской монографии на эту тему—Хвостов. Важнейшие корифеи романистики одно-сторонне выдвигали, таким образом, то одну, то другую черту, характерную для римского права С. Если же взять все эти черты в совокупности, то получится отражение типичных тенденций прокладывающего себе дорогу либерального капитализма с его абстрактными лозунгами свободы и равенства и с отрицательным отношением к узкому партикуляризму и к замыкающимся в пределах небольшой территории местным особенностям.

Но-классический период истории римского права и, в частности, подготовка Юстиниановой кодификации протекала в условиях приостановки и даже регресса экономическом развитии Рима и Византии. Здесь уже не было прежней почвы для развития права С. Правда, в самом начале Дигест, важнейшей части Юстиниановой кодификации, мы встречаем еще официальную характеристику права, как «искусства справедливости», но это — слова, мало уже соответствующие действительному содержанию права. Самое наличие этой весьма детальной кодификации, не говоря уже об общих политических тенденциях восторжествовавшего абсолютизма, не могло составлять для права С. того места, какое ему принадлежало раньше.

Не менее крупную роль сыграло право С. также и в истории английского права. В Англии право С. явилось формой проникновения буржуазных элементов в феодальное право. Проводником и монополистом права С. был здесь в течение ряда (начиная с конца средних веков и до XIX столетия) столетий т.-н. Канцлерский Суд сыгравший в истории английского права роль кое в чем аналогичную претору Бергерингов в Риме. В то время как в ряде стран континента Европы римское право было в той или иной мере перенято непосредственно (см. Римское право), в Англии рецепция эта проходила по преимуществу

при посредстве права С.: под видом С., вытекающей якобы из велений разума и совести, Канцлерский Суд проводил часто в жизнь нормы римского права. В соответствии с наличием в английской истории (XIV—XIX в.в.) значительно более резкой грани между феодальным землевладением и капиталистической буржуазией, чем та линия которая отделяла соответствующие подразделения господствующего класса в Риме после пунических войн, в Англии право С. являлось довольно острым оружием классовой борьбы, носило явственно выраженный антифеодальный уклон. История Англии знает много случаев резких выступлений со стороны феодалов и их союзников против права С., но ход экономического развития predetermined, как конечный результат развития этого права, не сведение его на-нет, а все большее проникновение его влияния в судебную практику и в законодательство.

Как один из характерных примеров проявления антифеодального характера права С., назовем отмеченное уже в нашей литературе (Пашуканис) влияние его на отношения между лендлордами и держателями принадлежавших последним земель. В то время, как общие суды XIV и XV в. в. отказывали держателям-крестьянам в признании за ними каких-либо подлежащих судебной защите притязаний к лендлордам, права держателей добились своего признания в руководствовавшемся «справедливостью» Канцлерском Суде.

В соответствии с особенно длительной продолжительностью вытеснения в Англии элементов феодального строя строем буржуазно-капиталистическим, дуализм закона и С. держался там особенно долго и не утратил полностью всего своего значения и по сей час. Однако, во второй половине XIX в. все английское право обуржуазилось настолько, что противопоставление общего права и С. потеряло большую долю своего значения, в связи с чем и Канцлерский Суд утратил смысл обособленного существования и свою организационную самостоятельность и превратился (1883 г.) в «Канцлерское отделение» общего «Королевского Суда».

На континенте Европы, после победы буржуазной революции, С. сошла в историю права со сцены, но в конце XIX и начале XX в.в. она возрождается, как лозунг

реформистских средне- и мелкобуржуазных устремлений к «справедливому» компромиссу. С этим лозунгом выступали, в частности, некоторые из сторонников «свободного права» (весьма распространенное в Германии и отчасти во Франции начала XX в. течение, стремящееся расширить простор усмотрения суда). Сродни этому лозунгу и «правильное право» Штамллера (см.). С., как норма права, получила себе в единичных случаях признание также в решениях французского кассационного суда и в немногих нормах новейших кодексов (например, § 229 Гер. Гр. Ул.).

С. Раевн

ССЫЛКА представляет собою принудительное поселение лица в определенной местности на срок или бессрочно, без права оставления этой местности до истечения назначенного срока. При этом С. может соединяться с обязательными работами и с тем или иным специальным режимом.

Наиболее классическим образцом С., на котором лучше всего проявились ее положительные и отрицательные стороны, является история С. в Австралию. Возникшая из необходимости избавиться от большого количества преступников, для которых не хватало мест в английских тюрьмах и которых приходилось помещать за неимением места на старые суда, — С. в Австралию вскоре, однако, приняла форму колонизационную и, наряду с целью избавить метрополию от большого количества преступников, стала преследовать задачу превращения вновь открытой девственной страны в благоустроенную колонию. Однако, эта колонизаторская роль С. заключала в себе источник внутренних противоречий, которые не могли не повлечь за собою прекращения С. в Австралию. Ссылные создали условия для свободной иммиграции. Иммиграция (см.) же, выросши и укрепившись, сделавшись вскоре значительной политической и экономической силой поставила вопрос о прекращении С. в страну и сумела через некоторое время добиться этого. Вместе с тем С. в Австралию поглотила не только громадные денежные средства, но и стоила многих тысяч людских жертв, павших в непосильном каторжном труде в борьбе с первобытной природой. Но, с другой стороны, в австралийской С. родились две идеи, которые до сих пор

являются основным фундаментом всякой рациональной пенитенциарной системы (см.), а именно идеи прогрессивной системы отбытия лишения свободы и условного освобождения (см.)

С. в Сибирь, осуществлявшаяся без всякого плана, в неподходящей для этого суровой местности, при отсутствии препятствий к самовольному возвращению ссыльных на родину, стоила государству громадных средств и повела только к увеличению количества преступлений в Сибири, к вырождению и гибели десятков тысяч ссыльных, к исключительному разврату, явившимся угрозой для коренного населения. Не к лучшим результатам привела и практиковавшаяся до сих пор во Франции С. в Новую Гвиану и Каледонию, но справедливости называемая «сухой гильотиной». Достижимое С. в Гвиану механическое удаление преступников из метрополии дается ценой таких жертв, ценой такого бесчеловечного физического истребления ссыльных, что даже буржуазное французское общество проявляет от времени до времени негодование и требует ее отмены.

И тем не менее идея С. в буржуазной пенитенциарной литературе не только не скомпрометирована, но до сих пор находит своих горячих защитников. Еще только на Лондонском Пенитенциарном Конгрессе 1925 г. французские делегаты выступали в защиту С. Уже после Конгресса проф. Пелль подал в Лигу Наций проект о создании колонии, которая послужила бы местом для международных преступников. Даже в Германии, не имеющей соответствующих основных колоний, от времени до времени раздаются голоса в пользу С. (Франк, Брюк, Штенгель и др.), что подало повод горячему стороннику С. проф. Левелье к выражению: «Народы, не имеющие колоний, колонизируются на карте».

В чем кроется живучесть идеи С.? Прежде всего в том, что печальный опыт С. в Австралию, в Сибирь и в Новую Гвиану обнаружил несостоятельность не самой идеи С., а только тех методов, при помощи которых она осуществлялась. Далее не малую роль сыграло и продолжает играть известное разочарование в действии тюрьмы, этой основной для капиталистических стран меры уголовной репрессии, и в связи с этим наблюдается попытка найти

иные более рациональные меры социальной защиты. Наконец, имеет значение и завоевывающее себе все большее господство среди криминалистов и тюрьмоведов убеждение в существовании группы профессиональных неисправимых преступников, содержание которых в тюрьмах безцельно и освобождение которых по отбытии срока безусловно опасно для общества. Все большее завоевывает себе эта мысль признание не только теоретиков, но и законодателей. Англия, Германия, Швейцария, Норвегия стали на путь изоляции элиминирования, детенирования профессиональных преступников. На эту же точку зрения стал в IX Международный Пенитенциарный Конгресс 1925 г., вынесший резолюцию о том, что «в целях защиты общества желательна система специального или предупредительного заключения для профессиональных преступников»

Хотя У. К. 1922 г. и не знал С., как меры социальной защиты, тем не менее и в теоретических трудах советских юристов и среди практических работников неоднократно проскальзывала мысль о необходимости введения С. Так, напр., комиссия по пересмотру дел осужденных (т.п. Комиссия Сольца) вынесла с 1924 г., совместно с группой московских судебных работников, резолюцию о необходимости «ввести в общую часть У. К., в виде наказания, С., применять этот вид наказания для социально-опасных преступников». Изданные в 1924 г. «Основные Начала Уголовного Законодательства Союза» вводят уже С., как одну из мер социальной защиты («удаление из пределов союзной республики, или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях»). В этом же 1924 г. и V Всероссийский Съезд деятелей юстиции принял резолюцию о «признании правильным предложения с введением высылки по суду особо социально-опасных элементов взамен заключения их на длительный срок в особо отдаленные местности» Все эти недостаточно, впрочем, четко сформулированные пожелания нашли свое выражение в У. К. в ред. 1926 г., который в числе мер социальной защиты судебноп-исправительного характера перечисляет и удаление из пределов РСФСР или отдельной местности с обязательным поселением в иных местностях» (ст. 20). С по У. К. в ред. 1926 г. может

применяться на срок не более 5 лет и как основная и как дополнительная мера в отношении тех совершивших преступное деяние лиц, оставление которых в данной местности суд найдет общественно-опасным (ст. 20) В отношении лиц, хотя и не признанных судом виновными в каких-либо конкретных преступлениях, но, по мнению суда, представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, С. может быть применена судом лишь в случае привлечения их к ответственности за преступления, предусмотренные ст. ст. 58² (к-р. восстание), 58¹⁸, 1 ч. 59², 59⁴ (бандитизм), 59⁶, 59⁹ (контрабанда), 59¹², 2 ч. 74 (квалифиц. хулиганство), 104 (сбыт одурманив. веществ) 107, 129, 155, п.п. «в» и «д» 162 (кражи), 2 ч. 164 (покупка завел. краденого), 3 ч. 165, 166 (конокрадство), 167 (разбой), 193¹⁵, 193¹⁶ У. К. в ред. 1926 г. Места, в которых обязательное поселение может быть определено судом, устанавливаются НКВД по соглашению с НКЮ.

Кроме С. по суду практикуется и С. в административном порядке органами ОГПУ, на основании декрета ВЦИК от 15 октября 1922 г. и декрета ЦИК Союза от 28 марта 1924 г. Этим органам право С. предоставлено между прочим, в отношении уголовных преступников, дважды судившихся за бандитизм, подделку монет, казначейских билетов и т. п., изготовление, приобретение, сбыт и хранение взрывчатых веществ без разрешения, приготовление и сбыт самогона, сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции, хулиганство, кражу грабеж и др.

Осуществлению С. в сколько-нибудь значительных размерах препятствует отсутствие подходящих для этого местностей. Наиболее удобными и гарантирующими от побегов являются островные местности, каковых (пригодных к заселению) в СССР (за исключением Соловков) не имеется. Трудно осуществимы и другие требования, предъявляемые к месту С. благоприятный климат и отсутствие свободного населения. Кроме того, рациональная организация С. требует значительных денежных затрат, без которых С. обратится в способ изоляции, лишенный всякого исправительно-трудового характера.

Таким образом трудность осуществления С., совместимой с началами современной пенитенциарии, заставляет, не отказываясь от нее в принципе, искать иных путей, при помощи которых могла бы быть достигнута главнейшая цель С. — создание наиболее целесообразных условий для долгосрочного исправительно-трудового воздействия в отношении преступников, профессионалов, содержание которых в общих местах заключения не даст благоприятных результатов в смысле приспособления их к условиям трудового общежития. Эта задача может быть достигнута в рамках И. Т. К. при помощи создания в более или менее отдаленных местностях специальных колоний разнообразного вида (мелиорационных, по постройке железнодорожных путей и т. п.) с условием применения в них различной степени изоляции. К таким выводам пришла и пенитенциарная секция Государственного Института по изучению преступности и преступника, специально прорабатывавшая вопрос о С. и высылке (см.).

Е. Шурвиндт

СТАТИСТИКА УГОЛОВНАЯ

а) периодические сборники со сведениями о числе и родах преступлений, обвиняемых и приговоренных, издаваемые ведомствами юстиции и необходимые для справок о судимости; б) наука, устанавливающая на основании обработки этих данных эмпирические закономерности в тивжении преступлений, с прибавлением сведений о преступности, самоубийствах, браках и пр. называется моральной статистикой, составляющей часть общей науки статистики. Обе формы С. у. развились почти одновременно: первые отчеты о преступности появились во Франции с 1825 г., и со второй половины XIX в. издаются уже во всех европейских странах; опыты статистического исследования закономерности человеческих действий, имевшие место еще в XVIII в., превратились в науку с 30-х гл. XIX в. вместе с трудами Кетле, Герри и Дюкнесо. Бельгийский математик Кетле издал за несколько лет до «Социологии» Конта свой «Опыт социальной физики», в котором было установлено, что даже такие поступки, в которых больше всего, как будто, действует независимая от механической причинности свободная

воля, напр., брак и преступление, в гораздо большей степени подвержены точному предвидению, чем многие естественные явления, напр., метеорические. Исходя из своих наблюдений, Кетле думал, что можно не только предсказать количество будущих преступлений на каждый год, но и способы и орудия их совершения. Это и дало ему возможность говорить, что есть «особая подать, которую человечество уплачивает с большей правильностью, чем дань природе или государственной казне,—подать эшафоту», и что «общество заключает в себе зародки всех будущих преступлений... оно подготавливает их, а преступник является только орудием их выполнения» Пионерам моральной статистики пришлось долго оправдываться от обвинений в материализме, атеизме, отрицании нравственной свободы и пр. но, несмотря на эти нападки и вопреки их собственным оправданиям факт возможности причинного («естественно-научного») исследования явлений общественной жизни с тех пор был окончательно утвержден и стал прочным достоянием науки. На основе их статистического опыта возникло позднее «позитивное направление в уголовном праве», к которому и перешла дальнейшая статистическая разработка вопросов преступления и наказания. Их статистическими изысканиями было неопровержимо установлено, во-первых, непрерывное возрастание преступности, достигшей до империалистической войны грандиозных цифр во-вторых, особенное возрастание самых грозных и опасных ее симптомов — рецидива и малолетней преступности, и в-третьих, неспособность современной карательной системы справиться с этим злом.

Однако, неумение буржуазной науки понять основное строение общества часто вызывает с ее стороны некоторое злоупотребление статистическим методом. Во-первых, статистика начинает фигурировать в несвойственной ей роли единственного метода познания общественных явлений У первых представителей т. п. социологической школы (см.) сами понятия отождествлялись: «уголовная социология т. е. уголовная статистика». Между тем, явления общественной жизни, вследствие их сложности, не могут быть целиком сведены к простейшим математическим ве-

личинам, метод подсчета может только сопровождать абстрактно-аналитический метод, иначе статистика будет оказываться (как и оказывалась у т. н. социологической школы) довольно бесплодным упражнением в четырех правилах арифметики, подтверждающим любое предвзятое положение. Во-вторых, самые статистические изыскания буржуазно-криминологических школ, вследствие отсутствия общей точки зрения, оказывались часто предпринятыми наудачу, без определенной цели: от таких исследований, как «преступность и раса» или «преступность и религия», вообще ничего для науки не останется; другие, как, напр., «преступления и времена года», могут пригодиться только отчасти и будучи воспринятыми в новом, социологическом, аспекте; третьи, как, напр., преступность в городе и деревне, преступность и жилищные условия или алкоголизм, должны будут быть переработаны в свете научного понимания реальной классовой значимости этих явлений.

С другой стороны, вследствие тех же недостатков буржуазного обществоведения в С. у. остались неразработанными или недостаточно разработанными такие отделы, которые представляют наибольшую важность для познания законов развития преступности: изменения преступности в зависимости от общего развития капиталистических отношений и от их периодических влияний, напр., промышленных кризисов; классовый состав преступности и его движение (суррогатом служило изучение преступности по профессиям) и т. п. Такое изучение может развиваться только теперь, в советской статистике. В 1919 г. вскоре за учреждением ЦСУ был составлен проект опросного листка на обвиняемого, в котором учитывались, конечно, его классовое положение и вообще все признаки, могущие иметь значение для научного изучения современной преступности; с 1922 г. статистическая обработка этих материалов идет уже без перебоев. Из сочинений по С. у. см. сводную работу М. И. Гернета «Преступность и самоубийства во время войны и после нее» (1927 г.)

СТАЧКА. Под С. понимается отказ рабочих, по предварительному между ними сговору, производить предусмотренную до-

говором о найме работу. Филологически слово «стачка» происходит от глагола «стакнуться», сговориться. В историческом своем развитии С прежде всего является средством побудить хозяина или хозяйствующий орган (предпринимателя, администрацию предприятия и т. д.) согласиться на предъявленные рабочими требования. Смысл С. в этом ее значении, как акта экономической борьбы, сводится к созданию «голода на рабочие руки» для предприятия и тем самым к обеспечению наиболее благоприятного для рабочих соотношения между спросом и предложением рабочей силы.

Данный метод борьбы возникает одновременно с возникновением наемного труда, т. е. одновременно с превращением рабочей силы в товар. Сведения о стачечной борьбе мы встречаем еще задолго до образования капиталистической фабрики. Так, корпорация Сити Лондона вынуждена была издавать запретительные меры в виду «собраний, сговоров и заговоров рабочих» уже в 1683 г. Во времена Кромвелля епископ острова Эли сообщал диктатору, что 21 поденщик-сапожник собрались на холме возле г. Висбеха и послали трех своих представителей пригласить мастеров на переговоры о повышении заработной платы, угрожая, что «никто не придет в город работать за существующую заработную плату иначе как с риском что мы ему переломаем руку или ногу, разве только что он согласится принести такую же клятву, какую принесли и мы» (см. «Документы царствования Генриха VIII», собрание гос. бумаг № 1454. стр. 537). Аналогичные сведения о Франции XIII- -XIV в. в. сообщает и Фанье в своей работе о парижской промышленности и рабочем классе Парижа этого периода. Исследователи собиравшие материал по истории рабочего класса в России (М. Балабанов, Пажитнов и др.) равным образом устанавливают факт стачечного движения в России еще крепостного периода, при самом зарождении рабочего класса.

С развитием и укреплением капиталистического способа производства С. становится обычным явлением экономической жизни. Стачечная борьба приобретает разнообразные формы и размеры ее значительно возрастают.

Изучение морфологии С. показывает, что последние делятся на несколько видов, как по содержанию поводов, побуждающих рабочих прибегать к С., так и по размерам и по характеру С.

По содержанию поводов, послуживших толчком к стачечной борьбе, принято различать С. из-за конфликта по вопросу о заработной плате, по вопросу о рабочем времени, о других условиях работы «демаркационные» С. (т.е. из-за отказа работать с определенными группами рабочих), и по вопросу о профессиональном союзе (см.).

Весьма значительно разнообразие в размерах С. На протяжении второй половины XIX в. мы наблюдаем преимущественно незначительные С., размеры которых по числу участников и по количеству потерянных рабочих дней возрастают по мере приближения конца столетия. Со второго же десятилетия XX в. наступает период крупных, по, как правило, менее длительных, более молниеносных С. Длительность С. в общем зависит от того, при какой хозяйственной конъюнктуре она протекает. При оживлении рынка С. быстрее завершается победой рабочих, а ее продолжительность оказывается относительно незначительной и наоборот. Обычно принято говорить, что оборонительные С. длительнее наступательных. Однако фактически, особенно в XX в., все С. являются и оборонительными и наступательными, в виду обострения классовой борьбы в эпоху империализма.

Отчетливо проступает рост размеров С., если сравнить пропорцию крупных С. в XIX и XX в.в. Так, Ностиц в своей известной работе о рабочем классе в Англии говорит: «Большинство С. как по числу стачечников, так и по продолжительности не были особенно значительными... в половине всех С. в 1896 г. участвовало в среднем меньше, чем по 50 рабочих». В 1897 г., когда происходила крупнейшая и длительнейшая за всю вторую половину XIX в. С. английских металлистов, лишь 4 С. из 864 или менее 1/2% насчитывали свыше 5.000 участников. По данным же английского министерства труда, в послевоенный период число С. с 5.000 и более участников составляло по годам следующий процент всего числа С.: 1918 г.—60%, 1919 г.—80%, 1920 г.—76%. 1921 г.—

90%, 1922 г.—71%, 1923 г.—48%, 1924 г.—64%.

В империалистический период С., другими словами, из местных и частичных, т.е. охватывающих лишь рабочих одной местности, или даже часть рабочих одного предприятия, что является характерным для стачечной борьбы на протяжении почти всего XIX века, превращаются в национальные и всеобщие, т.е. охватывают уже почти сплошь всех рабочих данной отрасли народного хозяйства и даже огромную массу почти всех рабочих данной страны. Две С. в этом отношении показательны: всеобщая С. горняков в Англии в апреле—июне 1921 г., в которой участвовали почти все рабочие горной промышленности страны (свыше миллиона) и национальная С., объявленная в Англии 4 мая 1926 г. в поддержку всеобщей же С. горнорабочих (число участников — около 4 миллионов). Первая является типичной для всеобщей С. в одной промышленности, ибо захватила почти всю массу рабочих этой промышленности и все предприятия; вторая же — типична для всеобщей С. охватывающей рабочих целой страны. Последняя С. вместе с тем типична и для того вида С., который обычно именуется С. солидарности, т.е. для С. объявляемых для поддержки требований другой группы рабочих, без предъявления своих собственных требований.

Таким образом, в ходе исторического развития стачечной борьбы в капиталистических условиях выработались следующие формы С.:

- 1) С. частичная: охватывает рабочих одной профессии; сюда относятся:
 - а) С. частичная местная: охватывает рабочих одной профессии в одной местности (городе, фабр.-зав. поселке);
 - б) С. частичная национальная: охватывает рабочих одной профессии во всей стране (пример — С. металлистов в Англии в 1897 г., когда бастовали все рабочие, входящие в союз механиков).
- 2) С. всеобщая: охватывает всех рабочих, независимо от производства; сюда относятся:
 - а) С. всеобщая местная: охватывает рабочих в пределах одного района, независимо от профессии и производства;
 - б) С. всеобщая национальная: охватывает рабочих без различия

профессии и производства в пределах целой страны

Кроме того, под понятие всеобщей С. обычно подводится С. в целой отрасли промышленности, особенно в крупной (например, в горно-заводской).

По характеру своему С. могут быть С. «прямого действия», т.-е. С., направленные непосредственно против предпринимателя или группы предпринимателей. Такими были С. почти всегда в период промышленного капитализма и особенно в начальные стадии капиталистического развития. Следующей формой являются С. и а ж и м а на общественное мнение т.-е. С., имеющие целью обратить внимание буржуазной печати и буржуазного государства на исключительно тяжелое положение бастующих рабочих и необходимость законодательного вмешательства в отношении между трудом и капиталом. Образцом таких С. может служить стачечная борьба 80-х годов в Англии, где в это время С. рабочих спичечных фабрик, рабочих газовых заводов и докеров не столько оказывали давление на предпринимателя, сколько демонстрировали положением данных групп перед парламентом и «общественным мнением»

Далее, в условиях империалистического капитализма, сугубо подчиняющего себе весь государственный аппарат и создающего единство капиталистической промышленности перед лицом наступающего труда, мы имеем теперь дело со С. и а ж и м а на капиталистическое государство. Всеобщая С., объявленная генеральным советом английских тред-юнионов 4 мая 1926 г. для поддержки требований горнорабочих, имела своей целью оказать давление на весь аппарат капиталистического государства и, вызвав вмешательство государства, побудить торгово-промышленников сдать свои позиции. Такая С. и а ж и м а на капиталистическое государство всегда является по существу С. политической, хотя бы она, как в приведенном сейчас примере, велась как С. «чисто-экономическая». При С. и а ж и м а на капиталистическое государство особенное значение приобретает вовлечение в стачечную борьбу рабочих таких узловых отраслей народного хозяйства, как морской и сухопутный транспорт и топливная про-

мышленность, от остановки работ в которых быстрее всего начинает страдать все народное хозяйство. Наконец, высшей формой политической С. является революционная С., непосредственно вовлекающая широкие массы трудящихся в революционное движение и, при известных условиях, переходящая в С. — восстание. «В свободной конституционной Европе, — писал Ленин в начале 1913 г., — политическая С. служит пока (пока не началась еще социалистическая революция) борьбе за отдельные реформы. В рабской, азиатской, царской России, которая подходит к следующей буржуазно-демократической революции, политическая С. есть единственное серьезное средство расшевелить, раскачать, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска» (Статья «Развитие революционной стачки и уличной демонстрации») Недавним примером стачки-восстания является С. шанхайского пролетариата в марте 1927 г., в момент приближения к Шанхаю нац.-революционной армии.

В начальные периоды рабочего движения С. носит стихийный характер. Вспышки стачечной борьбы в эти периоды рабочего движения происходят в чрезвычайно яркой форме и вызываются поводами, возникшими в процессе производства (неправильные расцепки, штрафы, снижение заработной платы, неправильные распоряжения мастера и т.д.). Такие вспышки стачечной борьбы имеют место в истории рабочего движения всех стран и служат обычно исходным моментом для организации профессиональных союзов. Эта стихийность стачечной борьбы сменяется организованностью, как только на почве столкновения классовых интересов возникают массовые рабочие организации. И в зависимости от отношения этих организаций к классовой борьбе складывается и их отношение к С.

Для английского тред-юнионизма представляющего собою «буржуазную политику рабочего класса» (Ленин), характерно с самого начала отрицательное отношение к С. Определеннее всего это сказывалось в 40-ые годы XIX в., непосредственно после волн стихийных С. 20-х и 30-х годов. В ряде профсоюзных документов этого периода мы находим резко

отрицательное отношение к С. как методу борьбы. И на протяжении всей своей истории тред-юнионизм в Англии, не отменяя С. официально, даже применяя этот метод борьбы, чрезвычайно осторожно относился к нему. Лишь с 80-х годов постепенно изменяется отношение английских союзов к С., при чем это изменение само по себе является симптомом изменения и характера самого движения. Изложенная точка зрения уже не характерна для английского движения. Ее продолжают разделять только объединяемые американской федерацией труда союзы С. Ш. С. А. и отдельные реакционные организации Англии, Германии и других стран.

Другая точка зрения на С. дается позицией реформистов, для которых «экономическая» борьба рабочих резко ограничена от их «политической» борьбы. «Экономика» требует от рабочих прямого и косвенного воздействия на предпринимателя через рынок труда: политика же — это парламентская деятельность, в которую негоже вмешиваться «экономическим» организациям рабочих. Это искусственное расчленение единой классовой борьбы на две «независимые», несвязанные части порождает и отношение реформистов к стачечной борьбе. Реформистами учитывается только непосредственный эффект С., а не ее значение, как школы классовой борьбы. И вместе с тем для реформистов характерна неизменная тенденция и готовность ликвидировать С. на основе хотя бы мало удовлетворительного компромиссного соглашения с предпринимателями. Образцом такой политики является поведение генерального Совета английских тред-юнионов во время всеобщей С. в мае 1926 г., когда мотивом к окончанию С. вождями генерального совета выдвигалось то, что полуофициальные предложения Герберта Самюэля (о порядке удовлетворения требований горняков) представляют собою возможность «быстро и удовлетворительно закончить забастовку» а продолжение ее «пожирает последние силы организация». Для реформистов характерно отрицательное отношение к идее всеобщей С. Даже Бебель допускал последнюю только для защиты избирательных прав рабочих — под влиянием событий 1905 г. в России.

Реформистская позиция до сих пор

еще крепко держится в мировом проф. движении, где ее защищает и воплощает амстердамский интернационал проф. союзов. Такая позиция самым решительным образом расходится с позицией коммунистов, расценивающих С. по ее воспитательному эффекту, по влиянию, какое С. в тот или иной конкретный момент оказывает на уровень классового сознания рабочих. В этом вопросе позиция коммунистов вытекает из взглядов, которые Маркс высказывал еще в 1847 г., когда он писал (в «Ницете Философии») о роли С. как в хозяйственной жизни, так и в классовой борьбе. Даже в области техники С. — источник прогресса. «В Англии рабочие С. сплошь и рядом подавали повод к изобретению и применению новых машин» — читаем мы в «Ницете Философии». — Можно даже сказать, что машины были орудием, которое применяли капиталисты, чтобы подавить возмущение труда искусного, обученного. Самодействующая мюльная машина, это величайшее изобретение современной индустрии, очистила поле битвы от мятежных прядильщиков. Но если союзы и С. рабочих будут порождать хотя бы только механические изобретения, то уже и в этом случае они окажутся чрезвычайно важным фактором развития индустрии». Между тем вопрос о хозяйственных результатах С. почти всегда приводящих к техническим усовершенствованиям (напр., расширение подземных путей и механизация транспорта угля под землей отмечалась горной инспектурой Англии, как прямой результат всеобщей С. горняков в 1912 г.), — это относительно второстепенный вопрос. В «Ницете Философии» же Маркс указывал, что С. и коалиция представляют собой формы, в которых происходит процесс конституирования рабочего класса, его постепенное превращение из рабочей массы в класс для себя, выступающий против всех остальных классов в политической борьбе. Иначе говоря, конкретная С. необходимо должна расцениваться не столько с точки зрения непосредственного исхода ее сколько с точки зрения того, в какой мере она содействует или противодействует этому процессу роста рабочего класса. Неудачная С. может иметь меньшее значение

чем С. удачная, для повышения уровня классового сознания. Говорить поэтому, что всегда необходимо расценивать С. с точки зрения ее успеха, значит — подходить к вопросу с узенькой мерочкой повседневных забот а не с общеклассовым критерием

Именно общеклассовый критерий характеризует позицию коммунистов в вопросе о С. В капиталистических условиях стачечная стратегия и тактика коммунистов заключается в точном учете классового значения стачечной борьбы и в выработке, поэтому отношения к С. в каждом конкретном случае в зависимости от того, к каким результатам, в смысле повышения или снижения уровня классового сознания масс, приведет и приводит та или иная С. При этом всегда учитывается и то что С. подрывает фундамент капиталистического господства, внося в промышленность дезорганизацию, и, следовательно, расчищает поле битв между трудом и капиталом, имеет своей целью окончательное разрушение капиталистической диктатуры.

Совершенно иное значение приобретает С. после перехода власти к пролетариату, т.е. в условиях пролетарской диктатуры и социалистического строительства. Здесь С. в государственных предприятиях и учреждениях является не методом защиты интересов рабочего класса, не методом воспитания классового сознания, а, напротив, методом разложения промышленности и классового сознания рабочих, так как сталкивает интересы отдельной группы рабочих с интересами рабочего класса в целом, требующими возможно более бесперебойного, планомерного укрепления экономической базы пролетариата, его государственной промышленности. Коммунистическая точка зрения на С., как метод борьбы в советском государстве, нашла свое наиболее яркое выражение в постановлении ЦК РКП(б), написанном В. И. Лениным и опубликованном впервые в «Правде» 17 января 1922 г.

«Очевидно, — читаем мы в этом постановлении, — что конечной целью стачечной борьбы при капитализме является разрушение государственного аппарата, свержение данной классовой госвласти. А

при пролетарском государстве переходного типа, каково наше, конечной целью всякого выступления рабочего класса может быть лишь укрепление пролетарского государства и пролетарской госвласти путем борьбы с бюрократическими извращениями этого государства, с его ошибками и слабостями, с вырывающимися из-под его контроля классовыми антеитами капиталистов и т. д. Поэтому ни компартия, ни соввласть, ни профсоюзы никоим образом не могут забывать и не должны скрывать от рабочих и грудящихся масс того, что применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс — с другой. Поэтому в области трений и конфликтов отдельных групп рабочего класса с отдельными учреждениями и органами рабочего государства задачей профсоюзов является содействовать наиболее быстрому и безболезненному улаживанию конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса».

Тот факт, что стачечная борьба имеет своей конечной целью разрушение капиталистического господства, является причиной, определяющей в буржуазных государствах запретительное и ограничительное законодательство о С. Пока рабочее движение было еще слабым и не в состоянии было оказывать достаточного сопротивления, С. повсюду запрещались уголовным и специальным законодательством. Борьба за право на коалицию (см. Профессиональный союз) приводит к ослаблению запретительного

законодательства, которое сменяется законодательством о г р а н и ч и т е л ь н ы м. Вся история стачечного движения есть в то же время история борьбы за право на С. Даже в XX в. в Англии, напр., мы находим неоднократные попытки ограничить право С. дополнительными повеллами и судебными решениями. для отмены которых рабочее движение вынуждено выступать все более резко. Из наиболее замечательных примеров можно привести «Дело о С. в Таффской Долине», по которому решение верховной судебной инстанции установило материальную ответственность профсоюза за ущерб, причиненный предприятию С.; закон 1927 г., принятый в июне по предложению консервативного правительства палатой общин с целью сделать невозможным повторение всеобщей С. и стачек солидарности и устанавливающий поэтому ряд ограничений в праве союзов объявлять С., посылать пикеты к бастующему предприятию, а равно запрещающий всякую С. которая имеет целью или может оказать «давление на правительство», и т. д.

Наиболее «свободное» буржуазное законодательство о С. существовало до последнего времени в Англии. Здесь законодательный акт английского парламента, т. е. акт о тред-юнионах, принятый в 1906 г. под давлением успехов рабочей партии на всеобщих выборах и считающийся в самой Англии «главной хартией профессионального движения» (Веббы, «Ист. тред-юнионизма» стр. 606), предусматривает без всяких оговорок или исключений, что против профес. союза нельзя начинать никакого гражданского иска за вредные деяния, совершенные союзом или от имени союза в связи с промышленным спором. По этому акту действие, которое не может быть предметом судебного разбирательства, раз оно совершенно единичным лицом, не может быть равным образом предметом судебного разбирательства и при совершении его многими лицами по уговору. Далее. присутствие стачечников у предприятия с целью мирного уговора или информации других рабочих объявляется законным. Наконец, любое действие не подлежит уголовному преследованию на том лишь основании, что оно приводит к отказу других лиц от работы с нарушением договора о найме или является помехой для

предпринимателя, либо нарушением права последнего располагать своим капиталом

Однако, даже этот английский «свободолюбивый закон» является чрезвычайно двусмысленным. Как отмечали еще в 1912 г. комментаторы законодательства о профсоюзах Слессер и Кларк, закон устанавливает иммунитет профсоюза и его фондов от гражданских исков и судебных преследований за С., пикетирование и ущерб, нанесенный союзом предпринимателю, лишь при условии, что все это имело место при промышленном конфликте и во исполнение законных функций профсоюза (Legal Position of Trade-Union's Слессера и Кларка). Другими словами, права союзов ограждены не при всякой С. На основании такого толкования смысла акта С. полисменов Лондона (а также, повидимому, по аналогии всякая С. государственных служащих) была объявлена в 1919 г. незаконным деянием, и все руководители С. понесли соответствующее наказание, вплоть до тюремного заключения. В соответствии с таким узким толкованием закона, и всеобщая С. 1926 г., объявленная генеральным советом тред-юнионов 4 мая 1926 г. в поддержку С. горнорабочих, была признана судьей Астбэри незаконной 11 мая 1926 г. по делу Хавлока Вильсона против лондонских отделов союза моряков («Labour Gazette» 1926 г., стр. 233), как раз на том основании, что всеобщая С. не сопровождалась возникновением промышленного конфликта между участвующими в ней союзами и предпринимателями и «никакой промышленный конфликт не имел места и не мог иметь места между генеральным советом, с одной стороны, и правительством и нацией, с другой». В силу этого, сама всеобщая С. объявлялась незаконной, действия, совершаемые во время этой С., — покрывающимися актом 1906 г., а лица, совершавшие эти действия подлежали ответственности на основании общего гражданского и уголовного законодательства. Таким образом, акт 1906 г. в его применении сводился лишь к узаконению С. при наличии промышленного конфликта между бастующими и их непосредственными работодателями, но не узаконил С. солидарности.

Сверх того, в Англии ни акт 1906 г. ни

какой-либо ивой акт не отменяли статей уголовного законодательства, предусматривающих наказание за «запугивание», «насилия» и т. п. действия во время С. Это ссхранение в силе данных статей имело целью охрану штрейкбрехеров; в конце XIX в. нередко бывали случаи, когда стачечников и даже их жен приговаривали к тюремному заключению за неодобрительные и оскорбительные выражения по адресу штрейкбрехеров. Насколько широко понималось судьями выражение «запугивание», показывает тот факт, что судья Райт на суде присяжных в Суонси 10 дек. 1926 г. заявил, что если попытка убеждения принимает форму собрания группы лиц для убеждения штрейкбрехера, хотя бы разговор вело одно лицо, то уговаривание утрачивает мирный характер.

Еще значительнее ограничение права С. в законодательстве других буржуазных стран. В Германии напр. где право С. впервые четко формулировано было в законе 12 ноября 1918 г. о праве коалиции, а также в статье 159 конституции от 11 августа 1919 г. (до этого право С. формулировалось негативно, путем определения ненаказуемых деяний), мы находим ограничение этого права в приказе президента республики от 10 ноября 1920 г. по отношению к предприятиям газовым, водопроводным и электрическим, снабжающим население соответствующей энергией или продуктом. С. же чиновников совершенно запрещены новеллой от 17 марта 1925 г.

Как и следовало ожидать, наиболее суровое законодательство о С. мы находим в тех странах, где буржуазная диктатура приобрела уже откровенные формы фашизма. В Италии закон 3 апреля 1926 г. о профсоюзах и принудительном арбитраже предусматривает полное запрещение С. и локаутов (см.) караемых по этому закону штрафом, тюрьмой (при известных условиях — до 5 лет) или тем и другим вместе с присоединением в определенных случаях временно или навсегда запрещения исполнять публичные функции.

В СССР ни один законодательный акт о труде не предусматривает запрещения или ограничения права профсоюзов объявлять С. Стаечная борьба и ее возможность предусматриваются постановлениями

самых профсоюзов (следует отметить в этом отношении постановления V и VI Всесоюзных съездов). Согласно этим постановлениям, С. на государственных предприятиях нежелательны и должны предупреждаться путем использования примирительного и арбитражного аппарата сов. власти (см. Примирительно-третейское разбирательство); право объявлять С. принадлежит центральным руководящим органам проф. движения, и стачечная борьба проводится под непосредственным контролем этих органов.

В. Яроцкий

СТИХИЙНАЯ СИЛА — см. Непреодолимая сила.

СТРАХОВАНИЕ. С. возникло из стремления отдельных лиц (хозяйствующих субъектов) обеспечить себе материальное возмещение за последствия всякого рода событий, наносящие вред имущественному положению данного лица или его семьи. Сущность С. заключается в том что лицо, желающее себя обеспечить на случай наступления того или иного события, вносит в соответствующее учреждение определенные периодические денежные взносы (страховую премию) с тем, чтобы ему или указанному им лицу по наступлении предусмотренного события была выдана известная сумма, исчисленная в соответствии с договором или устанавливаемая в некоторых случаях законом. Таково схематическое построение С., которое применимо ко всем отдельным видам С. только с рядом соответствующих дополнений и поправок. В смысле системы С. различаются взаимное С., принудительное С. и добровольное С., при чем последнее именуется еще коммерческим С. Встречается еще система т. н. «самострахования», которая заключается в том, что отдельные учреждения или предприятия путем периодических отчислений образуют в составе своих капиталов специальный фонд, из которого покрываются убытки в имуществе данного предприятия происшедшие от того или иного события (пожар, наводнение и т. п.). Однако эта система имеет только экономическое значение, правовых вопросов здесь не возникает в виду того, что никаких взаимоотношений с другими посторонними предприятиями лицами при таком способе не создается. Первоначально договор С. относился к так называемым дого-

ворам и игры (см.). но ныне статистика и высшая математика дают возможность вычислить весь риск страхования, почему он потерял характер азартности, рискованности

Под взаимным С. разумеется договор в силу которого все участники его обязуются из общего, образованного из их взносов, фонда покрывать убытки, происшедшие в имуществе кого-либо из участников от событий, предусмотренных этим договором.

Под принудительным С. разумеется С., которое должно быть производимо определенными учреждениями, предприятиями и отдельными лицами на основании прямого предписания закона под угрозой неблагоприятных последствий для нарушителей этого предписания. Советское законодательство устанавливает обязательное С некоторых видов имущества (окладное и неокладное — см. ниже) и обязательное С рабочих и служащих их нанимателями, носящее название «социального С.» (термин, перешедший из зап.-европейского законодательства и неправильно применяемый в советских условиях только к данному виду С.) Последнему посвящена специальная статья, и потому оно в дальнейшем изложении не упоминается.

Под добровольным (коммерческим) С. разумеется договор между двумя сторонами, в силу которого одна сторона — страхователь — обязуется вносить известные периодические взносы (страховая премия), а другая сторона — страховщик — обязуется в случае наступления предусмотренного договором события (страхового случая) возместить страхователю или третьему лицу (выгодоприобретателю) понесенные им убытки в пределах обусловленной суммы (при имущественном страховании) или уплатить страховую сумму без установления убытков (при личном С.). Такое определение дано добровольному С. в ст. 367 Г. К. — в нем указаны как все основные элементы страхового договора, так и отличие имущественного С. от личного, заключающееся в том, что при имущественном С. всегда должен быть налицо страховой интерес, т.-е. возможность понесения страхователем тех убытков, которые ему должен возместить страховщик, а при личном С. убытки в прямом смысле этого слова учтены быть не могут (их вообще может не

быть), и поэтому здесь устанавливается соглашение определенной суммы, которая должна быть уплачена страховщиком при наступлении страхового случая без обязанности для страхователя или выгодоприобретателя доказывать какой-либо ущерб (о других обязанностях сторон по страховому договору см. ниже).

Коммерческое С. во всех его видах равно как и обязательное имущественное С., является государственной монополией Союза ССР и осуществляется на всей территории Союза единым предприятием «Госстрах», организованным в составе НКФ на началах хозяйственного расчета и пользующимся правами юридического лица. До опубликования пост. ЦИК и СНК СССР от 18 сент. 1925 г. о введении в действие Положения о гос. С. СССР («Собр. Зак. СССР», 1925 г., № 73, стр. 536—537) в отношении организации и объема гос. С. действовал ряд декретов, изданных правительствами отдельных союзных республик, а также и органами СССР, которые утратили силу.

Изъятия из государственной монополии установлены очень незначительные. Основным из них является предоставление права союзам кооперативов всех степеней учреждать взаимные страховые организации для С. в них собственных имуществ членов данной страховой организации, а также имуществ первичных кооперативов входящих в кооперативное объединение любой степени, состоящее членом страховой организации. В указанных взаимных кооперативных страховых организациях могут страховаться, помимо собственных имуществ кооперативов, также строения, принадлежащие им на праве застройки, и товары, переданные на комиссию, для хранения или перевозки, при чем застрахованные в кооперативных страх. организациях освобождаются от обязательного С. в Госстрахе (окладного и неокладного). Вместе с тем кооперативные страх. организации обязаны все риски, принятые в суммах, превышающих установленные по соглашению Гл. Правлением Госстраха максимумы, не рестраховывать в этом последнем в доле (квоте) устанавливаемой по соглашению между ними.

Затем, с введением в действие Положения от 18/IX—25 г. за НКПС и НКПиТ сохранены права на взимание особого стра-

хового сбора с багажа и почтовых отпра- влений.

Кроме указанных исключений из моно- полии Госстраха, Положение 18/IX—25 г. допускает также, но не иначе, как с особом разрешении СНК СССР, С. в иностранных страховых организациях всякого рода имуще- ств, находящихся в пределах СССР, а также речных, морских и воздушных су- дов, плавающих под флагом Союза ССР. Что же касается экспортных и импортных товаров, то эти товары, находящиеся за границей и состоящие в непосредственном распоряжении государственных и коопера- тивных организаций и граждан Союза, мо- гут страховаться только в Госстрахе или в смешанных обществах по соглашению с Госстрахом, при чем Госстрах и указан- ные общества применяют в этих случаях условия и тарифы, действующие в момент заключения договора на мировом страхо- вом рынке. За пределами перечисленных изъятий никакие другие органы СССР и со- юзных республик, кроме органов Госстраха, не могут производить операций по С.

Виды страховых операций Госстраха. С. осуществляемое Гос- страхом, обнимает следующие виды. а) в области имущественного С.: 1) С. имущество от огня, 2) С. транспортных средств, гру- зов, фрахта и т. п., а также почтовых по- сылок от опасностей на путях сухопутного, водного и воздушного сообщения (тран- спортное С.) 3) С. животных от падежа. 4) С. растительных культур от градобития и иных бедствий, 5) С. от краж со взломом. 6) С. от убытков, причиняемых работода- телями, их служащими и рабочими в связи с исполнением последними работ по при- ему, хранению, выдаче, сопровождению в пути и охране денежных сумм, товаров и др. ценностей (гарантийное С.—введено в 1925 г.), 7) С. гражданской ответственности, возникшей на путях сообщения (введено с 1926 г.); б) в области личного С.: 1) С. жизни и С. от несчастных случаев и бо- лезней, влекущих за собой временную или постоянную утрату трудоспособности, 2) смешанное С. — па дожитие и па случай смерти; в) в области перестрахования: прием и передача рисков по всем указан- ным видам С.

На другие, сверх перечисленных в По- ложении 18/IX—25 г., виды С. государ- ственное С. может быть распространено только по постановлению СТО (которым и

было разрешено 10 февраля 1926 г. введе- ние С. гражданской ответственности).

Проведение в СССР обяза- тельного имущественного С. Обязательное С. разделяется на окладное и неокладное. Обязательное окладное С. не требует заключения договора, оно произво- дится Госстрахом с единого срока и в сум- мах (окладных нормах), устанавливаемых годичным планом окладного С. Ответствен- ность Госстраха по этому виду С. устанавливается с упомянутого срока, независимо от времени поступления (до или после страхового случая) страховых премий, на- зываемых окладными страховыми плате- жами. Эти платежи, в случае несвоевремен- ного их поступления, взыскиваются Гос- страхом в административном (беспорном) порядке; соответствующие правила взыска- ния недоимок издаются законодательными органами союзных республик. Гос. обяза- тельному окладному С. от огня подлежат строения, принадлежащие кооперативным организациям (см. выше о взаимном ко- оперативном С.) и частным лицам, физиче- ским и юридическим. На другие виды иму- щества и опасностей обязательное окладное С. может быть распространено, согласно Положения 18/IX—25 г., только СТО, при чем С. растительных культур от градоби- тия, крупного рогатого скота и лошадей от падежа, а равно другие виды С. кроме С. строений от огня, может быть введено в обязательном порядке в пределах плана, утвержденного СТО, лишь постановлениями области и губ. исполкомов с согласия уездных съездов советов или пленумов уезд- ных (и соответствующих им) исполкомов.

Гос. обязательное неокладное С. совер- шается в форме договора, к заключению которого стороны обязываются силой за- кона. Ответственность Госстраха по обяза- тельному неокладному С. устанавливается в сумме, которая не может быть выше страховой оценки имущества и ниже стра- хового интереса обеспечиваемого обяза- тельным неокладным С., и наступает с мо- мента заключения страхового договора. Условия, которым должны отвечать дого- воры неокладного С., порядок их заключе- ния и последствия, которые наступают в случае незаключения или просрочки в за- ключении этих договоров, определяются специальными правилами НКФ СССР Гос. неокладному С. от огня и опасностей пере- возки подлежат: а) государственные (в том

числе и коммунальные) имущества, находящиеся во временном владении, пользовании или распоряжении на началах аренды, права застройки, комиссии или по какому-либо иному основанию у кооперативов (см. выше о взаимном кооперативном С.) и частных лиц, физических и юридических, б) принадлежащие кооперативам и частным (физическим и юридическим) лицам имущества, служащие обеспечением ссуд, выданных государственными (в том числе коммунальными) кредитными учреждениями, в) принадлежащие государственным органам, кооперативам и частным лицам товары, поступающие на хранение в специальные товарные склады, если по эти товары выданы warrants (складочные и залоговые свидетельства). К частным юридическим лицам в отношении обязательного неокладного С. приравниваются смешанные акц. общества уставами которых предусматривается участие частного капитала.

Распространение обязательного неокладного С на другие, кроме перечисленных, виды имущества, а также ограничение применения неокладного С. как в отношении подлежащих ему имуществ, так и в отношении опасностей, может производиться только СТО по представлению Гл. Правления Госстраха.

В случае уклонения лиц и учреждений от заключения договора обязательного неокладного С., Госстрах обязан предъявить иск о признании за ним всех прав, вытекающих из заключения такого договора. После признания судом указанным прав и соответствующих обязанностей, Госстрах приступает к взысканию со страхователя причитающейся страховой премии в беспорном судебном порядке (судебный приказ — в отличие от беспорного административного порядка, применяемого при обязательном окладном С.) Ответственность Госстраха в этом случае начинается с момента получения судебного приказа (см.) о взыскании страховой премии. В случае уклонения страхователя от уплаты премии по неокладному С. в установленный правилами С. срок, эта премия и при наличии заключенного договора взыскивается в том же порядке судебного приказа. Если же при исполнении по судебному приказу судебным исполнителем будет удостоверена безуспешность взыскания премии со страхователя, то Госстрах

предъявляет требования об уплате премии и тому гос. органу, в ведении которого находится имущество, подлежащее обязательному неокладному С. (напр., если это коммунальное имущество то к коммунальному, если это имущество частных лиц, заложное в гос. кредитном учреждении, — то к этому последнему и т. д.). Если этот орган в двухнедельный срок не внесет страховой премии, то договор С. считается утратившим силу, и ответственность Госстраха по нему прекращается.

Добровольное С. Обязательное С., как видно из перечней имуществ, ему подлежащих, и опасностей, им предусматриваемых, установлено в Союзе ССР, с одной стороны, в интересах широких масс населения (напр., С. строений, при которых крестьянству облегчаются тяжелые последствия пожаров) и, с другой стороны, в обеспечение интересов государства в целом, когда оно передает свое имущество в пользование различных организаций и лиц или кредитует их (неокладное С.). Поскольку уплата премии при обязательном С. приближается внешне к налогу, постольку применение обязательного С. строго ограничивается и может быть расширено только СТО, и, кроме того окладное С. от других опасностей, кроме огня вводится в действие на местах в особом порядке (см. выше), обеспечивающем применение его только в случаях действительной необходимости и после внедрения этого понятия в население.

В остальных случаях С. совершается в форме договора заключаемого по добровольному соглашению сторон, при чем в этом порядке могут быть дополнительно застрахованы и имущества, застрахованные по обязательному С. (окладному и неокладному) не в полной стоимости и не от всех опасностей.

Основные положения о добровольном С. (имущественном и личном) дапы в Гражд. Кодексах союзных республик (ст. ст. 367—397). Положение о гос. страховании от 18/IX—25 г. не содержит нормировки добровольного С., а предусматриваемые им общесоюзные законы по операциям гос. С. изданы только в отношении выгодоприобретателей по договорам личного С. и в отношении основ гарантийного С. В остальных действуют нормы Гражд. Кодексов и изданные в развитие их правила по отдельным видам С., члв. НКФ.

Понятие добровольного С. дано в ст. 367 Г. К. (приведено выше). Как уже было указано, при имущественном С. всегда должен быть налицо страховой интерес, т. е. может быть обеспечиваемо покрытие только действительных убытков, и С. не должно служить средством обогащения страхователя или выгодоприобретателя. В связи с этим, Г. К. так же, как и западные законодательства, устанавливают для этих лиц невыгодные последствия в случае нарушения ими правил о страховом интересе. Здесь возможны следующие случаи: а) Имущество страхуется в сумме выше страхового интереса, случайно или умышленно со стороны страхователя. Если нет обмана с его стороны, то договор признается действительным только в пределах страхового интереса, и страховая премия соответственно понижается: если же превышение интереса было следствием обмана со стороны страхователя, то страховщик может потребовать признания договора недействительным и возмещения ему убытков, поскольку последние превышают полученные премии, которые в этом случае страховщик не обязан возвращать страхователю. б) Страховая сумма может быть установлена по договору ниже страхового интереса с той целью, чтобы страхователь бережливее относился к застрахованному имуществу. В таком случае разница признается оставленной на риск самого страхователя а страховщик обязан возместить убытки, вызванные наступлением страхового случая, только в части, соразмерной отношению страховой суммы к полному страховому интересу. В виде исключения из этого общего правила допускается дополнительное страхование соответственной части застрахованного интереса по договору с другим страховщиком, но обязательно с согласия первого страховщика. Договоры, заключенные с нарушением этого правила, недействительны, а уплаченные по ним премии не подлежат возврату если последующий страховщик не знал о ранее заключенном С. в). При заключении в указанном порядке договоров дополнительного С. может получиться, что страховые суммы по совокупности значительно превысят размер страхового интереса, и наступит случай т. н. «двойного С.», при котором возникает вопрос, кем из страховщиков возмещаются убытки при наступлении страхового случая и какие по-

следствия наступают для страхователя, если он заключил дополнительные договоры в целях обогащения. Г. К. разрешает первый вопрос в том смысле, что, если в общей сложности страховые суммы по нескольким договорам имущественного С., заключенным относительно одного и того же страхового интереса, превышают размер такого, то последующие договоры в части, превышающей страховой интерес, недействительны, а уплаченные премии не подлежат возврату. Если же страхователь преследовал цель извлечь неправомерную выгоду, то все заключенные договоры (а не только последующие после первого) недействительны, и страховщики, сверх того могут требовать возмещения причиненных им страхователем убытков.

В тесной связи со страховым интересом разрешается также вопрос о том, кто может быть страхователем и выгодоприобретателем в договоре имущественного С. Такими могут быть только лица, заинтересованные в целости имущества, как-то собственник, лицо, имеющее вещное право на имущество, наниматель или лицо, ответственное по договору за ухудшение или гибель имущества. В ряде статей Г. К. и в специальных законах предусмотрена обязанность несобственников имущества страховать находящееся у них имущество третьих лиц в тех целях, чтобы собственник не понес ущерба в случае повреждения или гибели имущества от стихийных бедствий во время нахождения его в ведении страхователя. Соответствующую обязанность несет застройщик, наниматель национализированных и муниципализированных строений и предприятий и т. п.; в тех случаях, когда данное имущество подлежит страхованию в обязательном порядке (см. выше) оно достраховывается в порядке добровольного С. до полной суммы. При заключении договора С. страхователь должен точно указать характер своего интереса и интереса выгодоприобретателя.

Договор личного С. может быть заключен на случай наступления событий, связанных с жизнью и здоровьем самого страхователя или третьего лица, но на случай смерти третьего лица он может быть заключен только с письменного согласия этого лица с указанием страховой суммы и выгодоприобретателя; такой договор может быть изменен или права по нему могут быть переданы другому лицу только с со-

гласия застрахованного лица. Это правило, несмотря на то, что при личном С. нет страхового интереса в смысле возмещения убытков, введено в целях предупреждения злоупотреблений — извлечения выгоды из смерти третьих лиц.

В целях борьбы с злоупотреблениями закон поражает также недействительностью страховые договоры в следующих случаях: если во время заключения договора застрахованного имущества уже не существует или отпал интерес страхователя по отношению к этому имуществу, или имущество не подвержено уже той опасности, от которой оно страховалось, а при личном С. — если лица, жизнью которого связан страховой случай, нет более в живых или оно не подвергается предусмотренному в договоре риску.

Договор С. по советскому законодательству должен заключаться в письменной форме под страхом недействительности от нотариального засвидетельствования эти договоры, независимо от учреждения или предприятия, их заключающего, и суммы договора, освобождены. При заключении договора страховщик обязан выдать полис или квитанцию обязательное содержание которых указано в законе (наименование страховщика и страхователя, застрахованное имущество или лицо, указание того риска, от которого заключается С. или события при наступлении которого страховщик обязан уплатить страховое вознаграждение, начало и конец действия С. страховая сумма премия и сроки ее уплаты). Но отдельным видам С. соответствующими правилами ПКФ могут быть установлены и другие обязательные условия, включаемые в полис или квитанцию. В соответствии со ст. 130 Г. К. необходимо признать, что договор С. может считаться заключенным только с того момента, когда в него внесены все обязательные сведения.

Если по закону или по договору страховая сумма по наступлении страхового случая подлежит выдаче не страхователю, а третьему лицу (выгодоприобретателю), то это должно быть оговорено в договоре и занесено в полис (квитанцию). При личном С. выгодоприобретателями, согласно пост. ПИК и СНК СССР от 16/1-25 г. («Собр. Зак. СССР», 1925 г. № 4, ст. 43) признаются: а) лица указанные страхователем при заключении договора и поименованные в полисе (именной полис), б) пред'явитель

полиса, если таковой выписан по указанию страхователя на пред'явителя, в) наследники страхователя по закону или завещанию, если в полисе обозначено, что выгодоприобретателями являются соответственно наследники по закону или завещ., д) государство, если выгодоприобретатель вообще не указан в полисе.

При личном С. страхователю предоставляется право после заключения договора С. заменять ранее назначенных выгодоприобретателей другими. Назначение выгодоприобретателя при личном С. не составляет ни завещательного распоряжения, ни дарения, следовательно, не требуется соблюдения формальностей, установленных для того и другого и не взимается соответствующий налог. Подлежащее выдаче выгодоприобретателю страховое вознаграждение после смерти страхователя (или застрахованного лица, если оно не совпадает со страхователем) не входит в наследственную массу. Выгодоприобретателем может быть назначено всякое физическое или юридическое лицо и страховое вознаграждение выдается ему в размере, определенном договором С.

На страховое вознаграждение, подлежащее выдаче выгодоприобретателю, не могут быть обращены взыскания за долги страхователя или застрахованного, если последний сам не является выгодоприобретателем. Только страховщик имеет право удерживать из страхового вознаграждения те суммы, которые ему причитались от страхователя по данному договору (но не по другим договорам). Страховое вознаграждение по личному С. и суммы, подлежащие выдаче в порядке социального С. и соц. обеспечения, определяются и уплачиваются независимо друг от друга и взаимному зачету не подлежат.

Обязанности сторон по договору. Основными обязанностями страхователя являются следующие: а) сообщить при заключении договора страховщику все обстоятельства, имеющие существенное значение для определения опасности или вероятности наступления страхового случая или размеров возможных убытков от его наступления, поскольку эти обстоятельства были известны страхователю или должны были быть ему известны во время заключения договора; если сообщенные сведения окажутся неверными, страховщик может потребовать признания

договора недействительным, б) сообщать в течение действия договора С. о всех значительных изменениях, наступивших в обстоятельствах, сообщенных при заключении договора и могущих существенно повлиять на увеличение страхового риска, в случае неисполнения этой обязанности страховщик может потребовать расторжения договора или соответственного изменения его условий момента увеличения риска, в) извещать о переходе застрахованного имущества к другому лицу г) уплачивать страховщику в установленные сроки и в условленном месте страховую премию, при чем до уплаты первого взноса договор не вступает в силу, если иное не предусмотрено договором, а в случае просрочки последующих взносов страховщик освобождается от обязанности уплатить страховую сумму, если страховой случай наступил до их уплаты, и может потребовать процентов на просроченные взносы, д) при наступлении страхового случая страхователь обязан немедленно и, во всяком случае, в установленный срок известить о том страховщика, в противном случае страховщик освобождается от уплаты страхового вознаграждения, е) страхователь обязан также принимать все доступные меры к уменьшению убытков от страхового случая и не принимать мер или совершать действий, могущих затруднить установление действительного размера убытков.

Обязанности на стороне выгодоприобретателя наступают лишь по передаче ему страхового полиса или квитанции, если иное вытекает из постановлений закона или договора. С переходом к нему обязанностей по договору для него наступают те же последствия, как в случае неисполнения этих обязанностей страхователем.

Основной обязанностью страховщика является уплата страхового вознаграждения, при чем он освобождается от этой обязанности при имущественном С., если страховой случай наступил вследствие умысла или грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя, а при личном С. в следующих случаях: а) если страховой случай наступит вследствие умысла или грубой неосторожности страхователя либо выгодоприобретателя, не являющегося одновременно застрахованным лицом, б) если страховой случай в течение первых двух лет по заключении стра-

хового договора наступит вследствие умысла застрахованного лица. Помимо этих случаев освобождения страховщика от уплаты страхового вознаграждения, надобно иметь в виду что неисполнение страхователем его основных обязанностей также освобождает в указанных выше случаях страховщика от исполнения по договору нарушенному страхователем (напр., в случае сообщения ложных сведений при заключении договора и т. п.) или выгодоприобретателем, к которому перешли права и обязанности по договору.

К страховщику, уплатившему страховое вознаграждение, переходят в пределах выданной им суммы притязания и права, которые имеет страхователь или выгодоприобретатель к третьим лицам возмещении им тех убытков, на покрытие которых выдано страховое вознаграждение (регресс страховщика). Если страхователь или выгодоприобретатель откажутся от такого притязания или права по отношению к третьим лицам, то страховщик освобождается в соответствующем размере от обязанности уплатить страховую сумму. Если же страховая сумма не покрывает всего убытка, причиненного страховым случаем, происшедшим по вине третьих лиц, то страхователь или выгодоприобретатель имеют право предъявить к последним требования о возмещении им той части убытков, которая не покрывается страховой суммой.

Все притязания сторон из договора С. как имущественного так и личного погашаются по Г. К. двухгодичной давностью.

Е. Данилова

СУБ'ЕКТ ПРАВА в науке имеет двойное значение. С одной стороны, это—конкретная личность, как носитель того или иного конкретного субъективного права, правомочия (см. Лицо). С другой стороны, это—отвлеченный, очищенный от всех конкретных свойств индивид (личность), с ио с е б н ы й быть носителем т ю б о г о и р а в а, на основе р а в е н с т в а. Как могло из конкретного носителя права выработаться отвлеченное понятие С и. во обще, вернее, формальное понятие гол ой правоспособности, сыгравшее такую громадную роль в теории права? У нас этот вопрос был поставлен и в значительной части разрешен т. Пашуканисом в его кн. «Общая теория права и марксизм» Он

верно указывает, что возникновение и развитие этого абстрактного понятия совпадают с развитием товарообмена—общества товаропроизводителей. В этом обществе, как это вскрыл Маркс в своей теории трудовой стоимости, «продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости», но в то же время, — прибавляет Пашуканис, — «человек приобретает свойство юридического С и становится носителем права». Товары на рынке сами обмениваются по могут, их обменивает С. товаровладелец, «воля которого властвует над товаром». Это опосредствование обмена товаров происходит посредством договора, в котором сходятся воли двух противостоящих на рынке С. товаровладельцев. По мере развития товарообмена договор становится все более и более общим отношением людей. А так как товары обмениваются на товары на основе меновой их стоимости, эквивалента общественно необходимого труда, то из этого пачата эквивалентности создается представление о едином масштабе равенства в праве, а равно и о равенстве С. п. «сторон» (partes) в договоре. Обмен товаров является двусторонним актом, в котором на обеих сторонах выступают «равноправные» С. п., товаровладельцы свободная воля которых опосредствует отношения Т—Т (обмена товара на товар) при чем каждый из них имеет одно временно и правомочие (получить товар), и обязательство (сдать товар—эквивалент). По мере того, как развивается товарообмен, превращая в товар даже такие «изъяты из оборота» вещи, как рабочую силу живого человека, член лишенного средств производства (земли) пролетария и «освобожденную от рабочего» (земледельца) землю, он становится универсальным отношением, создается и укрепляется «идея С. как абстрактного носителя всех возможных прав и притязаний». Охватывающая и отношения землевладения и труда, этот процесс «товаризации», а вместе с тем и «юридизации» подчиняет себе и прежние отношения господства-подчи-

¹ „Пришло время, когда все, на что все люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, делается предметом обмена и торга, становится

ния старого феодального права, заменяя и эти отношения — отношениями формально «свободного договора», свободы воли и формального равенства, таким образом, хотя бы на время, закрывая и затушевывая отношения господства-подчинения (рабства) вообще. В обществе, где все продажно, неотчуждаемы лишь правоспособность и дееспособность. Из области частного, т.е. гражданского, оборота договор совершает свое победоносное шествие в так называемую публичную жизнь. Договор охватывает не только обмен и производство, но охватывает все людские взаимоотношения вообще. Закон—приказ (кулачное право) принимает вид договора (lex=договор), благодаря «основному закону», закону-законов, договору-договоров, т.е. фикции так называемого *contrat social* — общественного договора (см. напр. Руссо). И права политические, публичные—получают форму тех же субъективных прав гражданского оборота. Идеология права, юридическое мировоззрение вытесняет постепенно господствовавшее религиозное мировоззрение, и государство—закон заменяет церковь—бога. Человек очутился перед новым фетишем, фетишем права и закона, рядом с фетишем товара. Как он не мог открыть секрета фетиша товара, так он беспомощно стоял и перед загадкой этого нового права в лице «С. п.».

Но вскрыв эту загадку абстрактного С. п., мы не должны остановиться. Исчезли ли в буржуазном обществе действительно отношения господства-подчинения, или они получили только новую форму? Остались ли эти буржуазные правовые отношения без перемены с возникновением и развитием промышленного капитализма, особенно с переходом его от свободной конкуренции к периоду монопольного и империалистического капитализма? Нет. Представление абстрактного С. п. («лица»—*persona*) идет к нам из Рима. «Римское право это—право общества, состоящего из товарно-отчуждаемым... всякая вещь, материальная или нравственная, сделавшись продажной стоимостью, выносятся на рынок, чтобы найти там свою истинную оценку» (Маркс, Ниц. фи т., 41).

¹ Интересно, что основное значение субъекта (*subjectus*) означает: подчиненный (значит, подчиненный праву), подданный.

изводителей» (Энгельс). «Таким образом (в Риме), по крайней мере, для свободных наступило то равенство частных людей, на почве которого развилось римское право (см.), эта совершеннейшая форма, какую мы только знаем, — право покоящееся на основе частной собственности» (Энг., А.-Д., 92). А на чем держится эта частная собственность? «Новейшие французские английские и северо-американские писатели утверждали единодушно, что государство существует только ради частной собственности, как что мысль об этом проникла уже в сознание людей» (Архив Маркса и Энгельса. I). Значит, господство-подчинение в виде государственной охраны частной собственности, как предпосылки необходимого условия общества товаропроизводителей, остается. Но отношение господства-подчинения не надолго укрылось под видом свободного товарообмена. Сущность капитализма, если и исходит из обмена товаров, не сводится к простому товарообмену — по формуле $T—D—T$ (товар—деньги—товар). Ибо «в формуле « $T—D—T$ » оба они (т.е. товары) кроме того имеют одну и ту же количественную стоимость, так как вся теория стоимости заключает в себе предположение, что нормально обмениваются эквиваленты». «Продажа с целью покупки имеет в виду приобретение потребительной стоимости» (Энгельс о «Кап.» Маркса).

Вот в чем заключается цель, воля С. п. в обществе простых товаропроизводителей. А в капиталистическом обществе? Там господствует иная формула обмена: $D—T—D+d$ (деньги—товар — деньги плюс деньги, т.е. с прибылью). Такова формула капитала. Может ли при этой формуле вечно продолжаться идея равенства С. п.? Конечно нет. Маркс прямо говорит об особом виде господства-подчинения при капитализме, а именно о насмном рабстве. Он показывает, как именно «внешняя форма заработной платы» затемняет правоотношения и правосознание людей («Кап.» I, 514): «На этой внешней форме, покоящейся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все ми-

тификации капиталистического способа производства, все порождаемые иллюзии свободы».

Если вообще «без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена» (Пиц. фил., 71), то право периода капитализма Маркс прямо противопоставляет праву общества простых товаропроизводителей («Капит.», I, 786 и 789). «Там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам... в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется и характер самой частной собственности... Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплуатации чужого труда... К этому готовому миру капитала экономист с тем большим усердием и умилением прилагает юридические представления и представления о собственности, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии». А почти там же Маркс (стр. 596) высмеивает Прудона, который «хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства» (курсив везде мой). Но по мере распространения нового отношения господства-подчинения и в обмене продуктов, товаров, нового производства становится господствующей формула: $D—T—D+d$, т.е. формула о прибыли капитала.

Мы видели, что буржуазное право является формой опосредствования товарообмена. Этот товарообмен происходит по эквиваленту на основе трудовой стоимости. Формой этого опосредствования является договор, т.е. «соглашение свободных волей» владельцев этих товаров. Этот обмен по эквиваленту, как универсальное отношение, создает в обществе товаровладельцев идеологию равенства людей, как товаровладельцев идею формального равенства С. п. после чего эта идеология, развиваясь дальше самостоятельно, уже теряет всякую связь с перво-

начальным своим материальным происхождением. В то время, как товары в конечном выводе действительно обмениваются по трудовому эквиваленту, как масштабу соизмеримости, представление о равенстве С. становится одною лишь иллюзией, а не действительностью, как только личность товаропроизводителя отделяется от личности товаровладельца. Происходит тот «разрыв принципа и практики», о котором говорит Маркс (Критика Готской программы), ибо на деле в капиталистическом обществе уже нет ни того экономического равенства сторон на рынке, ни той одинаковой воли товаровладельца, какие были в обществе простых товаропроизводителей.

Буржуазный ум, особенно так называемая юридическая мысль, весьма неподвижен он не поспевает за фактами, особенно если этого не ведет его интерес, он не признает диалектики. Фетишизм права держится долго и упорно. Но когда уже для всех становится ясно, что эра свободной конкуренции товарного рынка прошла, то, наконец, и в теории права поднимаются голоса против теории как свободы воли, т.е. договора, так и абстрактного С. п., а на их место выступают разные теории диктования договора сильною стороною и простого присоединения слабой стороны, или компромиссные теории Дюги с его конкретным С. п., как социальной функции и т. д. Корень этих теорий кроется в стремлении капитала к монополии и империализму, в место а и а р х и и производства и обмена. в желании найти способ достижения планомерности своей, капиталистической, плановости. Следовательно, и мы, вскрыв тайну возникновения абстрактного понятия С. п., не можем на этом успокоиться. Мы должны стать на новую, т.е. классовую, точку зрения и в теории о праве вообще а о С. п. в частности. Товары противостоят друг другу как качественно и количественно различные величины (20 арш. холста=1 сюртуку). Трудовая стоимость определяет лишь соразмерность их отношения. А «количественно» различные С. п., это отнюдь не равные С. в товарообмене, особенно если товар на одной стороне имеет вид того товара, «единственное количество которого—его качество» (Зим-

мель). т.е. денег. а на другой—рабочей силы, т.е. самого «наемного раба»—рабочего.

Поэтому я нахожу, что нам и в науке нужно вернуться к С. п., как конкретному живому человеку, вдобавок как члену того или иного класса. И Маркс, когда он говорит о персонификации товара, о лице, воля которого властвует в товаре, о капиталисте, как о персонификации капитала и т. д., наконец, о праве, как о формальном опосредствовании отношений обмена или капитала, имеет в виду не просто идею правоспособности, идею С., но живого человека (как ныне и у нас выражаются, физическое лицо). Иначе и мы «вместо того, чтобы рассматривать политико-экономические категории как абстракции реальных, преходящих, исторических общественных отношений», как г. Прудон, «путем мистической перестановки, увидим в реальных отношениях лишь воплощение этих абстракций» (Нищ. фил., XXI).

В советском (см.) праве мы призываем обратно к конкретным формам отношений, к конкретному юридическому отношению, как основе права; от этого конкретного отношения мы исходим и в своих обобщениях. Мы отнюдь не гарантируем равноправия классов; напротив, наша конституция и впредь признает лишь рабочего и трудового крестьянина полноправным и равноправным гражданином. Предоставляя же с известными оговорками «гражданские права» всем гражданам, мы одновременно и в разных статьях совершенно конкретно подчеркиваем известную условность этого права (ст. 1 и 4 Г. К.); мы внесли в свой Г. К. чисто классовые статьи (ст. 59 прим., 156. 415 и др.), мы предлагаем классовому суду—помимо того, что он уже по составу суд классовый—классовый, а не абстрактный подход к С. и Конечно, и для нашего суда обязателен наш революционный закон, как выражение интереса всего класса в целом, и нередки случаи что он должен удовлетворить требования и своего классового противника. Но это в силу особых условий наша и юридического его выражения, Г. К.

Абстрактное лицо, как «буржуазного С. п.», как голую правоспособность, мы уже-

рассмотрели (см. Лицо). Здесь мы остановимся лишь на С и., как на конкретном лице. Мы за ним не признаем абстрактной свободной воли (см.), но мы и не продолжаем придерживаться взгляда, что «вещь над ним властвует беззаветно». Такое положение является правдою лишь до тех пор, пока рабочий класс не одержал победы. С победою рабочего класса его роль и по отношению к вещи резко меняется. Одиноким производителем конкретно бессилён над вещью—товаром. Он лишь юридически, в идее, властвует над нею. Но количество переходит при известной пропорции, в качество. Множество рабочих могут овладеть вещью и экономически. Отдельное лицо тут заменяется Союзом, Советом, Государством. «Мы ничего частного не признаем, для нас все в области хозяйства есть и улично-правовое, а не частное», писал Ленин еще в феврале 1922 г. Каждый рабочий и трудовой крестьянин в праве созывать за собою всю мощь советской власти. Дело члена профсоюза в праве вести его союз даже без особого поручения. За любого рабочего в праве выступать, иногда вопреки даже его воле,—в любом гражданском деле и суд сам и представитель государственной законности, прокурор. Вот как исчез абстрактный С. буржуазного п., представлявший в себе какую-то среднюю из двух противоположных полюсов: активного (правомочного) и пассивного (обязанного) С. в частности угнетателя и угнетенного, какими являются стороны в договоре, вне общества простых товаропроизводителей.

Если мы исходим из анализа конкретных сторон отдельных юридических отношений, то мы можем получить лишь «среднего» рабочего, т.-е. абстракцию пролетария, олицетворение товара «рабочая сила» на одном полюсе или «среднего» капиталиста, как абстракцию капиталиста, олицетворение капитала—на другой. Но мы никоим образом на деле не получим средней между капиталистом и рабочим, как С. п. То же самое надо сказать про среднюю между помещиком и трудящимся крестьянином, или между кулаком и безземельным и малоземельным крестьянином. Но если в буржуазном обществе право обещает каждому юридическую возможность стать

настоящим буржуем (т.-е. человеком с цензом), и потенциальный «нормальный» буржуй таким образом возводится в роль идеального буржуя, то в обществе, идущем навстречу социализму, в советский период — право буржую может обещать лишь одно положение потенциального пролетария, свободу перехода в класс трудящихся. Но условия наступления этой нормы отсылаются уже не к гражданскому, а к видевшемуся из гражданского трудовому праву.

С. п. может быть только личность—живой человек, или объединение людей—«юридическое лицо». Если в число юридических лиц и зачислены заведения и учреждения (по особым уставам), то и тут скрывается фикция живого человека. Но не всякий живой человек всегда был С. и В. общество рабовладельцев только свободные граждане могли быть С. п., а не рабы. В буржуазном обществе некоторые георетики признают возможность С. п. даже за вещь, снабженной законом фикцией юрид. лица. Не всегда все права были общедоступны; в феодальном обществе С. преимущественных п. привилегий, могли быть только члены привилегированного, и не «подлого» сословия и т. д. По существу понятие С. и вообще относится только к т. н. «гражданскому», хозяйственному праву.

По нашему Гражданскому Кодексу С. п., перечисленных в ст. 6, могут быть все граждане, неограниченные по суду в правах, а равно и юридические лица (см.).

По существу понятие С. права вообще должно бы относиться только к т. назыв. «гражданскому, хозяйственному праву» но в победоносном шествии буржуазного права понятия и институты гражд. права стихийно охватывали и все прочие области прав, не останавливаясь даже перед политикой, т.-е. перед правовым государством и государственным правом, которые также восприняли понятие С. права».

П. Стучка

СУВЕРЕНИТЕТ Под этим именем в государственном праве понимают принцип верховенства государственной власти. Суверенитет называется властью, самостоятельно возникающая и организующая по соб-

ственному праву Суверенная власть не получает своих полномочий ни от какой другой, выше ее стоящей, власти и в делах внутреннего и внешнего самоопределения не зависит ни от кого.

Понятие «С», «суверенной власти», складывается во второй половине средних веков. Словом «суверен» тогда обозначался носитель государственной власти. феодал. по отношению к подчиненной ему территории и своим вассалам («*Cascuns barons est souverain en sa baronie*» — каждый барон — суверен в своей баронии). По отношению к этим баронам сувереном был, в свою очередь, король (он назывался по отношению к ним «сюзереном»). Юристами различался С. полный или совершенный (*souveraineté parfaite et accomplie*) и С. неполный.

В очерченном выше значении понятие С. складывается окончательно к XVI в., выковываясь в борьбе французских королей с феодальными силами — католической церковью в лице пап с поземельными владельцами — феодалами и с императором «Священной Римской Империи Германской Наций». Эти феодальные силы были представителями крупного феодального землевладения того крепостнического замкнутого полунатурального хозяйственного строя, который имел своим отражением в области государственных отношений — феодальную политическую раздробленность, с ее крайним ослаблением центральной государственной власти, разнообразием местного законодательства, суда, управления, крайним сепаратизмом составных частей.

Английские и особенно, французские короли вступили в борьбу с этим феодальным сепаратизмом стремясь установить сильную централизованную государственную власть, объединить законодательство, суд, управление, унифицировать денежную систему в пределах своего королевства (Палиенко: «Суверенитет, историческое развитие идеи суверенитета», Еллинек: «Общее учение о государстве»). Короли, в сущности, выступали как самые крупные и самые сильные феодалы, стремившиеся распространить и усилить свою власть и освободиться от всяких ограничений извне (папы, императоры Германской Империи) и внутри (феодальные бароны).

В этой своей деятельности короли встречали горячую поддержку и помощь со стороны молодой, но уже начинающей крепнуть, ремесленной и торговой буржуазии городов, «третьего сословия», заинтересованной в установлении твердого государственного порядка, безопасности, освобождения от самовластия и произвола всякого рода мелких властителей и в создании обеспеченного обширного рынка для своей ремесленной и торговой деятельности (см. О. Тьерри: «История происхождения и успехов третьего сословия» р. пер. М 1899 г.)

В процессе этой борьбы выковывалось учение о С. монарха, который обладает властью по божьему произволению и ответ в своих делах обязан давать только богу. Власть монарха, как утверждали сторонники абсолютной монархии (см. Абсолютизм) первоначально и не производна ни от панского постановления, ни от императорского лена (пожалования). Теоретически итоги этой борьбы французских королей за свое верховенство были подведены крупнейшим теоретиком абсолютизма Ж. Боденом (1530—1596 в его сочинении «*Six livres de la république*». Им же и было первоначально сформулировано понятие С., как власти неограниченной, безответственной, единой постоянной и неотчуждаемой.

История развития понятия С. дает Еллинеку возможность утверждать, что С. есть понятие «полемическое» выросшее в процессе борьбы и имевшее первоначально оборонительный, а впоследствии наступательный характер (ук. соч., стр. 321).

Но уже в средние века зарождается и то учение, которое впоследствии делается политическим лозунгом буржуазии когда она вступила в открытую борьбу с абсолютной королевской властью. Это — учение о народном С., о верховенстве народа, как источника всех государственных властей.

Лозунг народного С. находит свое теоретическое выражение и обоснование в учениях школы естественного права и договорного происхождения государства («Общественный договор»). Эти теории и учение о народном С. были идейным революционным оружием в руках буржуазии, окрепшей уже настолько, что для нее аб-

«абсолютное государство с его пережитками феодальных порядков стало уже негодной политической формой. И руководящим политическим принципом для буржуазии в ее борьбе с абсолютной королевской властью был принцип народного верховенства, народного С. Этим учением буржуазия обосновывала свое право восстания против существовавших тогда властей (напр. в «Декларации независимости» С.-Ам. Соед. Штатов 1776 г.) Французская «Декларация прав человека и гражданина» 1789 в § 2 также говорит о «праве противления гнету». Наиболее блестящее и логически законченное выражение учение о народном С. нашло у Ж. Ж. Руссо в его «Общественном договоре» Единственным источником и носителем власти в государстве является народ, утверждает Руссо. Народ, заключив общественный договор, создал общество и государство Сувереном в государстве является только «общая воля» (*volonté générale*); законодательство принадлежит только народу и может принадлежать только ему. С., по Руссо, неотчуждаем, неделим и непредставим. Поэтому никакие представители народа не могут законодательствовать от его имени. Правительство же есть «простые чиновники суверена, которые применяют его именем власть, хранителями которой он их назначил; эту власть суверен может ограничить, изменить, отнять, когда ему угодно» (ук соч., р пер., стр. 44, 99, 100 и др.)

Но еще в половине XVIII в. в Англии и в первой половине XIX в. на континенте Европы понятие народного верховенства подменяется учением о верховенстве парламента. В Англии — Блекстон («Комментарии к английским законам»), во Франции — школа так называемых конституционалистов (Бенжамен Констан и др.) утверждают, что парламенты — единственные полномочные выразители народной власти. Блекстон утверждал, что парламент есть местопребывание самодержавной власти, которая английской конституцией вверена парламенту, и что последний обладает верховной и безответственной властью. Б. Констан еще отчетливее подчеркивает буржуазно-классовый смысл, который вкладывается буржуазией в понятие народного С., утверждая, что полноправным членом суверенного народа яв-

ляется только тот, кто обладает «известной степенью просвещения». Но для приобретения просвещения и для правильности суждения нужен известный досуг. Этот же последний обеспечивается только обладанием собственностью. Отсюда — «только собственность делает людей способными осуществлять политические права». (В. Констан «Principes de Politique», р. 54).

Таким образом, революционный пафос философских построений XVIII века переродился в классовую буржуазно-собственническую теорию государства имущих классов. Когда буржуазия, как революционный класс, вела в бой с абсолютизмом все угнетенное общество, она отождествляла свои интересы, свою волю с интересами и волей всего угнетенного народа. Когда же, утвердившись у власти, она увидела, что прежде руководимые ею массы трудящихся не с нею, а против нее, как нового угнетателя она уже отчетливее формулирует свою политическую позицию, закрепляя за собою завоеванную государственную власть. Устами своих теоретиков она начинает высказывать уже иные положения. Теперь (XIX в.) все более укрепляется взгляд, что носителем верховной государственной власти является само государство (см. Еллинек, Дюги, Эсмер и др.) «Носителем государственной власти является само государство и никто, кроме него». — пишет Еллинек (ук. соч., стр. 406).

И буржуазия в своей государственной практике очень мало склонна считаться с «народным верховенством», в особенности, когда дело идет о государствах слабых. Примечательна в этом отношении нота английского правительства, переданная советскому правительству по вопросу о государственном положении Египта. В этой ноте английское правительство писало: «Когда миру и благополучию Египта угрожала в декабре 1914 г. опасность в виду вмешательства Турции в европейскую войну на стороне центральных держав, правительство его величества отменило С. Турции над Египтом, взяло страну под свою защиту и установило над ней протекторат. Положение теперь изменилось.. и правительство его величества решило.. ликвидировать протекторат декларацией, в которой оно признает Еги-

пет независимым суверенным государством» (Изв. ЦИК от 27/IV — 1922 г., № 92—1531). Здесь мы видим, что сильное государство по своей воле огмняет С слабого над третьим, еще более слабым государством, затем возвращает С этому третьему государству, распоряжаясь его «независимостью» и «С. как своей собственностью.

Таким образом С государства начинает означать не что иное, как степень его экономического и военного могущества, измеряясь величиной этой мощи. Но все же в целом ряде конституций мы и до сих пор находим утверждение, что С. принадлежит народу, что государственные власти поставляются народом и исходят от него. Это положение повторяют и конституции государств, возникших после империалистической войны, напр., — конституции Ирландии, Польши, Литвы — § 1, Латвии, Эстонии, Германской республики, Конституция Чехо-Словацкой респ., Австрийской респ. и даже монархической Румынии (от 28/III — 1923 г.). Не отстают от них и конституции восточных государств, как-то: Турции, Персии, а конституция Египта, С. которого так «по-хозяйски» распорядилась Англия, заявляет: «Народ является источником всех властей» (конст. 19/IV — 1923 г., ст. 3).

Но крушение принципа народного С. идеи «общей воли» констатируется и теоретиками буржуазии. Мы знаем, что «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов». Между тем, идея народного С. стремится внушить мысль о возможности единства воли, единства интересов и целей у всей нации без всякого подразделения ее на классы, закрыть на них глаза, замаскировать существование классовой борьбы. Под этим идеологическим прикрытием буржуазия осуществляет свое классовое верховенство, свой буржуазный С.

Пролетариат знает, что ни о какой «общей воле», ни о каком «единстве интересов» не может быть речи в классовом обществе. «Биржа и банкиры тем больше подчиняют себе буржуазные парламенты, чем сильнее развита демократия» (Ленин. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», соч. т. XV; его же — «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», т. XVI)

Поэтому он ставит своей задачей не поддерживать иллюзии о «власти народа» и законе как «выражении общей воли», а окончательно разбить эти иллюзии. И первая Советская Конституция (см.), Конституция РСФСР 1918 г. а за нею и конституции других советских республик устанавливают не начало «народного» верховенства, а утверждают диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Уничтожая призрачное верховенство всей нации, или всего «народа», советские конституции устанавливают действительное господство его подавляющего трудящегося большинства над эксплуатирующим меньшинством.

В буржуазной доктрине государственного права до сих пор ведутся споры по вопросу об определении понятия С. Часть теоретиков (по преимуществу французские — Дюги, Эмен и нек. др.) отождествляет понятие С. и государственной власти вообще, власть самое по себе (см., напр., Дюги — «Конституционное право», р. пер., стр. 144—155). При таком понимании С. юридической разницы между государствами суверенными и несуверенными не может существовать и юридическое положение какого-нибудь кантона Швейцарской республики или отдельного штата С.-А. Соед. Штатов, с одной стороны, и, напр., Великобритании, другой — будут одинаковы. Поэтому отождествление всякой государственной власти вообще и власти суверенной ни с научной, ни с практической стороны не выдерживает критики. Эта ошибка происходит от того, что С. признается разделяющими изложенный взгляд теоретиками обязательным и неотъемлемым признаком государства, государственной власти. Между тем, история и современная политическая действительность предъявляют нам десятки примеров несuverенных зависимых государств. Второй причиной этого взгляда является то воззрение на С., которое свойственно метафизическому мышлению буржуазного юриста и которое заключается в том, что С. может либо существовать полностью, либо полностью отсутствовать. Это — теория о так называемой недробности С. Между тем, государственная практика федеративных государств предъявляет примеры неполного, частичного С. существование которого все-

таким не допускает признать такое полусуверенное или даже несуверенное государство простой административной единицей, провинцией. Поэтому теории немецких государствоведов (Еллинек и др.), исходящих из практики такого федеративного государства и допускающих возможности существования государств с неполным С., или даже вовсе не обладающих С., следует признать гораздо более правильными. И существующие в настоящее время конституционные акты дают опору такой теории. Так напр., ст. 3 Швейцарской конституции 29/V—1874 г. гласит: «Кантоны суверенны поскольку их С. не ограничен союзной конституцией». Здесь мы видим прямое указание на неполноту С. принадлежащего швейцарским кантонам.

Полобно тому, и Конституция СССР в ст. 3 устанавливает ограничение С. союзных республик говоря, что он ограничен «в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно; Союз ССР охраняет суверенные права союзных республик». Предметы ведения Союза а, следовательно, и пределы С. союзных республик очерчены в ст. 1 Конституции СССР. Гарантией суверенности союзных республик являются ст. ст. 4 и 6 Конституции СССР, из которых первая утверждает право каждой союзной республики на выход из Союза а вторая устанавливает, что для изменения, ограничения или отмены ст. 4 (т.е. права выхода из Союза) требуется согласие всех республик, входящих в Союз. Та же ст. 6 гласит, что территория союзных республик не может быть изменена без их согласия. Таким образом, во время пребывания в составе Союза ССР союзные республики обладают неполным ограниченным С.

В то же время такие государственные единицы как автономные республики и области, мы не можем признать обладающими хотя бы и неполным С. Так, общая структура власти в этих образованиях заранее определена в ст. ст. 44—48 Конституции РСФСР. Кроме того, ст. 44 названной Конституции устанавливает, что конституции автономных республик подлежат

конечному утверждению Всероссийского Съезда Советов, а положения об автономных областях — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

И. Челяпов

СУД. Ныне С. в системе государственной власти представляет власть, применяющую закон и в этом смысле творящую право, в некотором роде орган розничного отпуска гражданам права и справедливости. С этой стороны С. рассмотрен в ст. Народный С., Верховный С. Я хочу сказать лишь несколько слов о С. как первоначальном творце права, вообще о С., как органе власти класса.

Как известно, первоначально судьей был сам «истец», который, напр., в древнем Риме вместе со своей вооруженной дружиной из 6 «свидетелей» (*testes*) творил свою правду; в этом отношении мало меняет то обстоятельство что один из этих свидетелей современем превратился в формального весовщика меди (денег). Слово «*ius*» (право) первоначально в Риме означало «С.» Таким путем развилась система господства и С. общественного элемента (6 или 2×6 (12) присяжных и т. п.) следующий период (феодалного, барского, церковного господства) выдвинул судьей самого барина, светского или церковного, который над своими подданными говорил С. или «творил право» (судебные прецеденты) по «спорам» как между собою и «подданными», так и между подданными, собирая за это особую пошлину и сдавая эту свою власть иногда даже в аренду или в откуп. Это—торговля «правом» как доходная статья. А феодал, как судья во Франции, или мировой судья, феодал и капиталист в Англии всем известны. Когда в Англии победила буржуазия, или, вернее, в период компромисса двух владельческих классов, был составлен компромиссный С. из «лорда» (барина) как «судьи», и упомянутого общественного элемента (присяжных).

Этот С. еще не знал закона, а судил под диктовку своего «собственного интереса» или по «классовому (неосознанному) инстинкту». Когда во Франции победила революция, феодальный, барский С. был заменен рецензией английского (компромиссного буржуазного) С. конечно, в переработанном по-своему виде. А в дальнейшем

и все прочию страны свои образцы С. взяли либо из Франции, либо из Англии, видоизменяя их в «духе своего народа». Было бы неправильно говорить, что первобытный С. применял обычай; он, напротив, сам в отмену старого обычая создавал, «говорил» свой классовый обычай, и лучше всего это показывают конкретные правовые решения римского или английского права.

Когда победила Октябрьская революция, пред большевиками стал вопрос о праве и С. Сам народ, массы уже решили вопрос о С. Еще до Октябрьской революции их недоверие к старому С. вырывалось наружу тем, что они стали просто бойкотировать его и устраивать революционный С., напр., в Выборгском районе в Петербурге, в Кронштадте и в др. местах. Министерству Керенского пришлось еще до того сделать уступку и посадить к старым мировым судьям в Петербурге по одному заседателю из рабочих и солдат. Но эту меру Временное Правительство под давлением буржуазии вскоре отменило. Мы знаем отношение народных масс в февральские дни 1917 г. к зданиям и канцеляриям судебных мест, к этим фабрикам «С. скорого и милостивого» по строго-классового А. После Октябрьской революции «Следственная Комиссия при Рев. Восп. Комитете» была органом, к которому обращались по всем делам, начиная от политических и уголовных и кончая гражданскими и даже бракоразводными.

Дней через 10 после переворота в правительстве уже победила мысль «Декрета о С. № 1», т.е. об отмене всех прежних С. и об образовании единого народного С. из рабочих, одного народного судьи и двух заседателей, главною руководящею звездю которого должно быть его классовое сознание.

В действительности здесь произошло лишь то, что происходило всюду и всегда, когда у власти стал новый класс, вынужденный переорганизовать общественные отношения, т.е. творить свое право. Пока не было новых или никаких законов, это был естественный, если не единственный путь.

С отступлением к напу пришлось и народный С. (см.) снабдить законами. Классовый состав данного государства диктует не только классовый состав, но и классо-

вый порядок судопроизводства и классовый характер творимого права.

Буржуазное общество, чрезмерно верующее в свой фетиш, закон, и в свои органы применения закона, С., старалось вначале своей власти всячески расширять круг дел, передаваемых С. Оно дошло даже до того, что изобрело особый административный С. для г.-и. судебно-независимого наблюдения за законностью действий исполнительной власти, по это превращалось либо в обычное буржуазное лицемерие, либо в худший вид бюрократизма. Советская власть до сих пор правильно уклонялась от позаймствования этого органа, и изобретенная ею или, вернее, т. Лениным организация РКП в связи с ЦКК дает более гибкий аппарат контроля, не столько по букве закона, сколько по революционной целесообразности.

С отмиранием государства должно исчезнуть как классовое право, так и классовый С., и встречающиеся рассуждения о том, чем будет народный С. в коммунистическом обществе, являются праздными разговорами.

П. Стучка

СУД НАРОДНЫЙ — см. Народный суд.

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА: С. м. имеет своей задачей применение медицинских знаний в целях судебной работы. С. м. является той отраслью медицинских знаний, той научной основой, на которой строится искусство экспертизы (см.), т.е. участие врача в следственном судебном процессе в качестве сведущего лица. Из этого определения вполне понятно, что С. м., как отрасль медицинской науки и в то же время как составная часть судебного процесса, в порядке уголовного и гражданского судопроизводства, пережила моменты развития, упадка и расцвета медицинской науки и видоизменялась совместно с изменениями процессуальных норм судебного производства. Медицинская экспертиза в судебном процессе имеет свой особый интерес в том отношении, что здесь впервые скрестились два различных мировоззрения, которые, будучи сначала принципиально враждебны друг другу, в процессе исторического развития оплодотворили друг друга и нашли широкие общие области соприкосновения

и соглашения. Так, впервые на суде врач должен был отвлекаться от больного, как ограниченной личности, поглощающей его целевое внимание для задач врачевания, впервые должен был служить не индивидуальному больному, а государственной власти, делу государственного правосудия, как социальной функции, здесь впервые развилось понятие социальной роли врача и понимание преступления как социальной болезни. С другой стороны, именно через врача на суде, через медицинские экспертизы проникли в отвлеченные и во многом схоластические учения о праве и преступлении «новые веяния» буржуазной науки уголовного права: биологическое понимание личности преступника, проникло учение о преступной личности, как результате определенных физиологических (биологических) факторов и влияний социальной среды, учение о «констеллациях» об опасном состоянии, об «естественной истории» преступника и преступления, о преступности, как виде социальной болезни.

С. м., как и иные отрасли человеческого знания имеет своих предтеч и провозвестников среди великих врачей древности, в античном мире и в феодальном периоде. Так, Гофман (Hofman) усматривает опросы сведущих лиц по медицинским вопросам в Моисеевом законе, в подателстве ветхого завета. Гиппократ изучал жизнеспособность недоношенных младенцев, Аристотель интересовался предельной продолжительностью беременности.

На теле отравленного Германика пытались различить следы яда. Гален знал уже разницу между легкими мертворожденными и умершими после родов младенцев; ему же принадлежит книга о симуляции болезней и распознавании таковой. В области судебной психиатрии обязательно упомянуть о Жане Вире—он же Ганс Вейер—знаменитом враче, ученике Агриппы Неттеслеймского, который первый восстал против сожжения ведьм на костре, бесстрашно отрицал одержимость дьяволом и определял это состояние женщины, как душевное заболевание — «melancholia». Беспорно появление врача в качестве сведущего лица при судебном разборе, согласно закону, в установлениях «XII таблиц» Рима, в кодексах Юстиниана в законах Аллеманов VI столетия. Писанным обяза-

тельным законом вводится суд-м экспертиза законодательством Карла V; это известные Carolina Constitutio criminalis 1530—32 годов. Согласно Carolina, стало обязательным для суда привлекать врачей, хирургов (Wundarzi) и повивальных бабок для оценки доказательств при всех случаях изгнания плода, сокрытия родов, убийстве новорожденного, при отравлениях, при нанесении увечий, ранений и убийствах, при медицинских ошибках, при состоянии сомнительной вменяемости и, наконец, соответственно процессу того времени, при производстве пытки. В связи с этим введением врача, путем законодательного акта, в процесс отправления правосудия, стали появляться систематические научные работы по вопросам С. м. Первым по времени принято считать работу Амброзия Парэ (Ambrosius Paré) увидевшую свет в 1575 году, под заглавием «Трактат о ранениях в отношении их смертельности, равно как и о вилах насильственной смерти». Этот знаменитый хирург своего времени оставил также работу об отравлениях; в его первом труде даны уже были указания, как составлять судебно-медицинские заключения. В 1598 г. появляется первое систематическое руководство по С. м., принадлежащее ученому Фортунату Фиделису (Fortunatus Fidelis) из Палермо, и, наконец, в 1621 г. появляется основной труд Павла Цакхиа (Paulus Zacchias) «Questions médico-légales», т.е. «Вопросы С. м.». Таким образом, с началом «нового времени», т.е. с окончанием периода феодального строя, С. м. находит свое имя и входит в общий цикл знаний, как теоретическая систематизированная наука и прикладное искусство.

В дальнейшем С. м. переживает, как и все науки, освобождение от схоластических и метафизических взглядов и понемногу проникается методикой научного исследования. В настоящее время С. м. переживает ярче и вынужденнее, благодаря ее органической связи с судом, тот перелом, который в большей или меньшей степени ощущается во всем комплексе медицинских наук: изжит индивидуализм XIX века, то распыление феодальных социальных образований, в которое выродилось, при капиталистическом строе, раскрепощение личности конца XVIII и начала XIX столетий, и проникает в сознание на-

учной мысли социальное начало, как основа и цель стремлений. Уже перед войной 1914 г. среди передовых врачей и естествоиспытателей зародилось понятие социальной медицины, как науки, изучающей социальные болезни. Законы социального страхования, больничные кассы, страхование от болезни, увечий, инвалидности, неработоспособности; пособия на беременность, роды и послеродовой период; ответственность предпринимателей и государства за несчастные случаи; наконец, мировая империалистическая война с ее бесконечными повреждениями и увечиями и необходимостью их квалифицировать в зависимости от утери трудоспособности— все это создало совершенно новые задачи, выдвинуло совсем особые методы исследования и своеобразные процессуальные нормы, обеспечивающие правильность не только суд.-м. оценки, но и общественного, социально-медицинского подхода.

Кроме этих вопросов измененного гражданского процесса, видоизменение уголовного процесса потребовало совершенно иного подхода к вопросам оценки личности преступника и обстоятельств преступления.

В настоящее время суд.-мед. экспертиза распадается по методу исследования на два больших отдела: 1 — живой человек, 2 — вещественные доказательства. Труп, вскрытие которого являлось в недалеком прошлом главной задачей суд.-мед. эксперта, рассматривается ныне лишь как одно из вещественных доказательств.

Роль суд.-мед. экспертизы в отношении живого человека весьма значительна. В уголовном процессе она относится и к обвиняемому, и к потерпевшему, и иногда к свидетелю (экспертиза точности свидетельских показаний); в гражданском процессе в ней, естественно, заинтересованы все: и истец, и ответчик, и третьи лица. Первой задачей, первым моментом каждого судебного или следственного действия является установление личности подозреваемого, последственного, обвиняемого, подсудимого. Одной из самых коренных и недопустимых судебных ошибок является *error in subjecto* — ошибка в личности. Поэтому все кодексы всех эпох и народов всегда предписывают начинать всякое судебное или следственное действие с установления самоличности того, кто является

субъектом вменяемого ему в вину преступления. Подобное установление идентичности далеко не всегда легко, особенно если дело идет о лицах, имеющих основание скрывать свое имя, профессию, происхождение, классовую принадлежность и проч.: — все то, что охватывается понятием «*personalia*». Особенно это относится к лицам с богатым (уголовным) прошлым, к рецидивистам.

Одно время господствовало убеждение, что фотографические снимки как механически точный портрет дадут возможность безошибочного распознавания. В настоящее время во всех больших городах имеются т. н. альбомы преступников, которые хранят в себе тысячи фотографических портретов преступников бродяг, рецидивистов. Теперь фотография служит для опознания лишь путем т. н. бертильонажа (*Alphonse Bertillon: „Instruction signalétique“*). Учение это и практическая методика основаны на антропометрии, т. е. на точном «измерении человека», при чем измеряются те пропорции тела, которые не изменяются обычно, кроме крайне редких заболеваний у взрослого человека, как вывихи, переломы, кисти и хрящи после окончания роста тела и до начала старческого одряхления. Сущность его заключается в том, что Бертильону удалось классифицировать по антропометрическим признакам и как бы пронумеровать весь инвентарь человеческого тела, пригодный для примет, во всех встречающихся вариациях, — кроме того, создать методику передачи по телеграфу в виде ряда букв и цифр комбинацию примет, которая в своей совокупности описывает, «спланирует» описываемого, отыскиваемого человека. При правильной организации антропометрии по методу Бертильона можно передать даже все особые приметы в виде бородавок, родимых пятен, рубцов, повреждений и т. и.

Несмотря на все совершенство системы Бертильона, современная наука создала нечто еще более совершенное—это дактилоскопия, т. е. опознавание личности по «пальцевым» линиям, по чертежу нежных завитков, которыми испещрена кожа внутренней стороны кончиков пальцев. В настоящее время безусловно доказано, что не только каждый человек на своих пальцах, но даже каждый палец одной и

той же руки посит свой особенный, индивидуальный, лишь ему одному свойственный узор папиллярных линий, не повторяющийся более ни у кого в мире. Мало того, этот индивидуальный рисунок остается идентичным, равным самому себе в течение всей жизни: различные катастрофы, оставляющие рубцы могут наложить грубые поражения на нежную ткань филлигранных линий, но самая характеристичность узора остается ненарушенной, и отличительные признаки могут быть опознаны на уцелевших участках. Так что в настоящее время при правильно налаженной, в смысле судебно-медицинском, службе розыска и опознавания — идентификации — можно передать по телеграфу в виде ряда цифровых и буквенных обозначений «словесный портрет» не только антропометрический, но и дактилоскопический: большую часть передаются оба «портрета».

Следующей ступенью усовершенствования медицинских знаний и умений для нужд суда и следствия будет опознавание личности по «формуле крови». Человеческая кровь может быть точно отличаема от крови других животных, что имеет существенное значение для суждения о пятнах крови, как о вещественных доказательствах. Мало того, определенная уже чуть, по которому в дальнейшем можно будет пойти до отличия по индивидуальным особенностям крови одного человека от крови другого. Эта глава биохимии и физиологии крови находится сейчас в периоде быстрого развития но пока безусловных практических результатов для опознавания личности получено не было.

Признаки налагаемые профессией, ремеслом на человеческое тело, можно разделить на несколько групп. Первая — изменение статики тела, т. е. те характерные следы, которые накладывает на тело костную систему особенно на позвоночный столб, необходимость в продолжение долгой трудовой жизни сохранять одно и то же положение, напрягать одни и те же группы мышц, оставляя в бездействии другие группы. Таким образом создается совершенно особенная, характерная фигура рабочего определенной профессии, мастерового определенного цеха или крестьянина, огородника, садовода и т. п. Особенно постоянные, трудно исчезающие следы остаются на позвоночнике, начиная с

типичных, многократно описанных школьных искривлений спины, особой спины скрипачей, и кончая своеобразно сутулыми спинами кузнецов, молотобойцев, токарей, рудокопов, землекопов, пекарей и т. п., и т. д. Кроме костяка спины, преобразуются и мышцы путем своеобразных гипертрофий и похуданий под влиянием частичной работы или бездеятельности частей тела, видоизменяя, таким образом, уже вторично конфигурацию спины, живота, конечностей, одним словом, всего тела. Но это является уже изменением не столько статики сколько динамики тела, и поддается исследованию не столько при спокойном состоянии тела, сколько при движениях человека. Известны типичные походы моряка-кавалериста, типичные жесты кузнеца или портного и т. д.

Таким образом, на втором месте должно стать изучение динамики тела — изучение профессиональных движений. Эта сторона вопроса имеет еще совершенно особый интерес, особую ценность для понимания преступлений, порожденных особыми навыками даваемыми профессиональными движениями: удар кулака боксера, удар ножом бойца (бьющего скот), удар кувалдой молотобойца.

Следующим моментом судебно-медицинской экспертизы является криминально-психологическая и психиатрическая или психонатологическая характеристика личности обвиняемого в уголовном процессе. Этими требованиями оценки личности бесконечно расширяется роль судебно-медицинской, в частности, судебно-психиатрической экспертизы. Учение о невменяемости (см.) об уменьшенной или измененной вменяемости, под знаком которой проходила вся работа психиатрической экспертизы в дореволюционном суде, имеет совершенно другой смысл для судебного процесса в СССР.

Поскольку дело идет об обвиняемом по уголовному делу выделяются три отдела, три категории по трем диагностическим группам и по трем мерам воздействия:

- 1) обвиняемый здоров и подлежит уголовной репрессии в смысле исправительно-трудового воздействия, или
- 2) обвиняемый болен и, не подлежа репрессии в уголовном порядке, подлежит лечению на общих основаниях. Дело о нем

прекращается, и он поступает в ведение органов здравоохранения, или

3) обвиняемый находится в промежуточной области, на границе между болезнью, формальным психическим заболеванием и тем средним состоянием уравновешенности, которое не выходит за границы, обычно считаемой здоровьем; он психопат, вырожденец, наркоман, травматик и подлежит мерам социальной защиты медицинского характера наряду с мерами уголовной репрессии, если суд не признает целесообразным ограничиться только мерами 1-го рода.

Рядом с обвиняемым часто стоит потерпевший: по процессу допрашиваются свидетели осматриваются и исследуются вещественные доказательства. В гражданском процессе изучение личности каждой из сторон — и истца, и ответчика — одинаково необходимо по смыслу и духу советского права. При гражданском иске в уголовном деле когда в одном лице объединяются потерпевший и гражданский истец, услуги судебно-медицинской экспертизы особенно ценны так как в этих случаях оценка телесных повреждений или ранений дает основание для квалификации ответственности в уголовном порядке размера подлежащего удовлетворению гражданского иска.

Так, путем экспертного заключения врач должен дать суду исчерпывающий материал для суждения о нанесенном телесном повреждении.

Квалификация телесных повреждений и поранений и разделение их на более или менее тяжкие или легкие производится, как и производилось до сих пор, на основе клинического наблюдения и исследования. Врач руководствуется размером площади кожного ущерба, глубиной проникновения в мышцы или подкожную клетчатку, поражением или незатронутостью внутренних органов и т. п. Кроме того, на заключение врача влияет течение заживания, ход болезни, характер и степень выздоровления. Установление более или менее длительного нарушения функции того или иного органа для привлечения виновника к ответственности в уголовном порядке не представляет особой принципиальной трудности для судебно-медицинской экспертизы.

Трудности как политического подхода, так и практического выполнения возникают при определении материального ущерба, нанесенного потерпевшему временным или постоянным понижением его трудоспособности вследствие того или иного повреждения. В самом деле: потеря одного глаза или слуха на одно ухо наносит человеку различный ущерб в зависимости от состояния другого уха или глаза. Работоспособность и жизнедеятельность одноглазого и слепого совершенно несравнимы. В настоящее время эта работа врачей вынесена в большей своей части за стены суда во всевозможные экспертные и контрольные комиссии, но от этого не изменилась судебно-медицинская сущность работы экспертной оценки повреждений. Наоборот, наряду с вопросом о профессиональных болезнях, об особых специфических вредностях отдельных производств, вопрос об оценке и компенсации тех или иных повреждений у человека в зависимости от его работы, специальности и квалификации в своей специальности приобретает особый интерес и значение.

Поэтому С. м. предстоит в будущем обогатиться еще одной совсем особой главой — об оценке повреждений в зависимости от специальной работы от той отрасли труда, которой посвятил себя потерпевший, и от той степени квалификации, которой он в этой отрасли достиг. В результате большой и сложной работы совместно с Наркомтрудом, ВЦСПС, страховыми компаниями должны быть выработаны определенные руководящие начала — таблицы с вычислением относительной значительности повреждений по органам относительно профессиям или на носильщика, нога рассыльного, палец ювелира, глаз шофера, ухо телеграфиста.

Разбирать здесь повреждения в зависимости от причины или орудия, какими они были нанесены, неуместно, так как это имеет лишь чисто специальный интерес. Повреждения механические, химические, термические, электрические для судьи и на суде не имеют того смысла, какой имеют для врача и в больнице, так как суд имеет дело главным образом с уже закончившимся процессом, суд оценивает степень утраты, как бы частичную инвалидность, и тогда причина, нанесшая эту утрату, обусловившая инвалидность, не имеет значения. Однако решающее значе-

ние приобретает причина, нанесшая повреждение в качестве орудия борьбы: рубцы на теле живого человека или трупа являются уликой по делу, но ним можно судить с большей или меньшей вероятностью, чем, кем, как были нанесены повреждения. Здесь уже повреждения на теле являются вещественными доказательствами.

Особое место занимает экспертиза повреждений, являющихся доказательствами уликами по преступлениям в области половых отношений. Охраняя половую жизнь несовершеннолетних, У. К. РСФСР не определяет возрастной границы, а считает преступлением всякое половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости (ст. 151 У. К.). Поэтому в каждом сомнительном случае, когда речь идет о подростке, безразлично, мужского или женского пола, эксперт должен дать суду материал для суждения о том, достиг ли потерпевший половой зрелости или нет. Трудность экспертизы усугубляется тем, что по смыслу закона наказуемым является половое сношение с лицом, находящимся в периоде полового созревания, если оно еще не завершилось половой зрелостью, и тем, что у подростков дисгармоничных, психопатических, а таковые чаще всех бывают потерпевшими по «половым» делам, половое созревание, сложный процесс, захватывающий весь организм, протекает дисгармонично, недружно, разрозненно, и полное завершение полового созревания может отстоять на годы от начала процесса.

Советский кодекс не знает фетишизма девственности, но тем строже тем тщательнее относится к потерпевшей личности, повышая наказание, если преступление повлекло за собой самоубийство или совершено группой лиц.

Кроме того, закон не делает различия между полами, и мужчина и женщина могут в области половых преступлений стоять друг против друга в самых различных сочетаниях в качестве обвляемых или потерпевших; мало того обвиняемый и потерпевший могут быть однополами. Останавливаясь на технике исследования половых органов и вторичных половых признаков для установления степени полового созревания, равно как и следов насильственных или противоестественных половых сношений, излишне и неуместно, так

как это представляет собою лишь чисто специальный интерес.

Вещественными по делу доказательствами, требующими судебно-медицинской экспертной обработки и заключения, могут быть любые явления и приметы живого человеческого тела, все его выделения и любые части тела человека. вплоть до целого трупа. Определенный синяк, рубец или мозоль, ожог, незажившая рана или шрам могут восстановить или дать указания на способ их образования, на орудие, коим они были нанесены, на силу и направление, близость, отдаленность или непосредственность поражения. Ожог углов рта, брызги едких следов на шее или на груди рубцы от жгучей жидкости, поразившей глаза, все это может красноречиво говорить о типических преступлениях.

Исследование внутренностей с целью выяснения имеющих на них повреждений или остатков вредоносных веществ может дать не менее решающие результаты. Не правильно, недостаточно точно или что хуже всего, с предвзятым мнением проведенное судебно-медицинское вскрытие и осмотр тела и таким же образом составленный протокол нанесут неизгладимый вред делу правосудия и могут совершенно извратить действительность.

Для избежания подобных ошибок выработаны твердые правила и порядок судебно-медицинского вскрытия и ведения протокола, а также извлечения частиц или жидкостей для био-химического или химического и микроскопического анализа. В лабораторию идут не только извлеченные на вскрытии, но добытые и иным путем следы и пятна крови, семени, слюны, мочи, каловых масс, гноя, слизистых выделений а также частицы кожного покрова, волосы различных частей тела. Подобному же анализу подвергаются и чуждые тела, обнаруживаемые вскрытием или осмотром: частицы одежды, обломки, занозы, обрывки, лоскутки и т. п.

Дело научной судебно-медицинской экспертизы, особенно в лабораторной своей части, приобрело за последнее время соперника в лице научной судебно-медицинской экспертизы, которая пытается обойти врача в исследовании вещественных доказательств, заменяя его специалистом технических знаний. Но это течение, являю-

щесся результатом мировой победы техники, временно и преходяще. Ни экспертиза ружейного мастера в вопросах огнестрельного ранения, ни экспертиза графолога, обычно заменяемого учителем чистописания по вопросу о почерках, не заменяют биологически-научной медицинской экспертизы на суде, так как для суда и следствия все имеет значение и смысл лишь по отношению к человеку, как члену общества, т.е. в его био-социальной сущности. Всякий поступок или проступок человека, будь то удар пожом или росчерк пера хладнокровное отравление или пламенная речь носит на себе неизгладимые следы индивидуальности виновника. будучи результатом его психомоторной реакции, и может быть распознан и оценен только биологически мыслящим экспертом, т.е. врачом

Т. Сегалов

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ. Под именем С. с. разумеется стадия процесса, которая посвящена проверке добытых предварительным расследованием данных и вынесению окончательно по делу решения (приговора). Это последнее обстоятельство дает основание именовать судебное производство также окончательным производством.

Эта стадия процесса является чрезвычайно важной, ибо здесь подводятся итоги целого ряда процессуальных действий, производится оценка всего материала оказавшегося в руках суда и сторон, даются ответы на основные процессуальные вопросы, — в уголовном, напр., процессе о доказанности или недоказанности уголовного события, виновности или невиновности в его совершении обвиняемого и т. д., и т. п.

Говоря о С. с. в уголовном процессе, надлежит иметь в виду, что во всех странах С. с. построено на началах состязательности, хотя в некоторых законодательствах эти начала терпят значительные ограничения. Так, французская система построения С. с. отличается значительно более широкой компетенцией и гораздо более сильно выраженной активностью суда, чем английская система. В действующей советской системе это ограничение принципа состязательности находит себе еще более широкое применение, ибо в известных случаях

суду предоставляется право отказаться от судебных прений (ст. 397 У. П. К. РСФСР), суд в праве самостоятельно и по собственной инициативе принять меры обеспечения могущего быть впоследствии предъявленным гражданского иска (ст. 330 У. П. К. РСФСР), суд в праве постановить о слушании дела без участия представителей обвинения и защиты (ст. 381 У. П. К. РСФСР).

Но и при наличии этих ограничений все же надлежит признать, что С. с. и в советском уголовном процессе в значительной степени сохраняет характер состязательности. Это находит свое выражение в том, что: 1) слушание дела в отсутствие подсудимого в известных случаях не допускается (ст. 19 Основ. угол. судопроизводства и соответствующие статьи У. П. К. Союзных Республик) 2) при наличии обвинителя обязательно участие в процессе и защитника (ст. 18 Основ), 3) при допущении обвинения и защиты и неявки одного из них обязательно отложение дела, если неявившегося нельзя заменить другим лицом (ст. 268 У. П. К. РСФСР и соств. ст. ст. У. П. К. др. Республик), 4) в делах частного обвинения неявка обвинителя (потерпевшего) влечет за собой прекращение дела (ст. 370 У. П. К. РСФСР) 6) сторонам предоставляется право представлять суду в письменной форме проект формулировки обвинения (ст. 310 У. П. К. РСФСР), 7) гражданский иск устраняется от рассмотрения в уголовном суде если истец не явится к судебному рассмотрению дела (ст. 269 У. П. К. РСФСР).

Судебные заседания происходят как общее правило, публично. Случаи, когда суд может делать от этого правила отступление, специально указываются в У. П. К. Союзных Республик (ст. 14 Основ.) Так У. П. К. РСФСР это допускает лишь в двух случаях: а) в интересах охранения военной, дипломатической и вообще государственной тайны и в интересах охранения общественной нравственности (половые преступления, ст. ст. 153—155 У. К. РСФСР).

Однако объявление приговора всегда происходит при открытых дверях. Дети до 14-летнего возраста в зал судебных заседаний по уголовным делам не допускаются (ст. 20 У. П. К. РСФСР)

Самое рассмотрение уголовных дел происходит не путем письменного производства а устно Суд сам непосредственно допрашивает обвиняемого свидетелей, выслушивает заключение экспертизы, замечания и соображения сторон, отнюдь не обращаясь к одним лишь письменным документам или отнюдь не пользуясь методами письменного производства, когда не выступали непосредственно судом живые участники дела, а приговор постановлялся на основании письменных заключений, представленных в суд следователями, представителями обвинения или защиты. При рассмотрении вопроса о способе производства С. с. громадное значение имеет вопрос о языке, на котором ведется судебное производство. о так называемом **судебном языке**.

В германском, напр., судопроизводстве таким языком является немецкий (ст. 184 германск. Gerichtsverfassungsgesetz) В советском судопроизводстве судебным языком является язык большинства населения данной местности.

Однако на судебное место возлагается обязанность принять все необходимые меры к обеспечению интересов подсудимого, если он не принадлежит к большинству принять меры, обеспечивающие интересы национальных меньшинств (ст. 15 Основ. ст. 22 У. П. К. РСФСР. ст. 22 У. П. К. УССР и др. республик).

В связи с указанными выше принципами устности и непосредственности стоит и принцип непрерывности судебного разбирательства находящий свое выражение в правиле, воспреещающем суду разбирать одновременно несколько дел, с одной стороны, и прерывать рассмотрение дел на время большее чем это требуется естественными условиями отдыха, с другой.

Ст. 258 У. П. К. РСФСР прямо так и гласит: «Судебное заседание по каждому делу должно происходить непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение в перерыве других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускается».

Самый ход С. с. регулируется рядом процессуальных правил, одни из которых относятся к организации С. с. (проверка выполнения разных формальностей, явки вызываемых в заседание лиц, самоличности обвиняемого и т. п.), другие — к са-

мому ходу С. с. (порядок процес. действий: оглашение обвинительного заключения, допроса подсудимого, свидетелей и экспертов, оглашения письменных доказательств, пред'явления вещественных доказательств, судебные прения и т. д.) Основное, что нужно иметь в виду при рассмотрении хода судебного следствия — это та роль, которая принадлежит председательствующему в судебном заседании, управляющему всем ходом этого заседания. На обязанности председательствующего лежит весьма серьезная задача при управлении ходом судебного следствия устранять от рассмотрения все то, что не имеет непосредственного отношения к делу. Столь ответственная роль председателя обуславливает и предоставление ему весьма широких полномочий. Так, председатель в праве требовать от всех участников дела и всех кто вообще присутствует в зале судебного заседания, полного и беспрекословного подчинения своим распоряжениям под угрозой удаления неподчиняющихся из зала и наложения на виновных штрафа или ареста до двух недель (ст. ст. 261 У. П. К. РСФСР)

По рассмотрении в течение судебного следствия всех доказательств и всех вообще обстоятельств по делу, судебное следствие объявляется председательствующим законченным, после чего не допускается представление никаких новых доказательств и никаких новых ходатайств. Заклучив судебное следствие, суд переходит непосредственно к прениям сторон, при чем стороны могут после основных речей обменяться еще раз репликами.

Выслушав, наконец, последнее слово подсудимого, суд удаляется для постановления приговора, каковой и объявляется публично. В случае возникновения после объявления следствия законченным каких-либо в деле неясностей, требующих дополнительного разъяснения, суд по собственной инициативе или по ходатайству какой-либо из сторон может возобновить судебное следствие, о чем выносится специальное определение

Особый интерес представляет вопрос о том, что именно может быть предметом судебных прений. Как правило, стороны не могут в своих речах представлять такие доказательства которые не были предметом рассмотрения во время судебного след-

ствия, и не должны выходить за пределы рассматриваемого дела, при чем председатель в праве ход судебных речей направлять таким же образом, как и ход самого следствия, устраняя то, что не имеет отношения к предмету разбирательства. Однако, в этом отношении существует некоторое различие между содержанием прений в народном и губернском судах. Это различие состоит в том, что в губернском суде стороны в прениях в праве ссылаться не только на документы, которые оглашались в судебном заседании, но на все документы и показания, имеющиеся в деле (ст. 396 У. П. К. РСФСР). Точно так же в губернском суде ничем не стеснено оглашение во время судебного следствия показаний, данных на предварительном следствии тогда как такое оглашение в Народном суде возможно лишь при наличии определенных условий (запамятование каких-либо обстоятельств, наличие противоречия в показаниях, отсутствие подсудимого, смерть его, неявка свидетеля — см. ст. ст. 294 — 297 У. П. К. РСФСР).

С. в Верховном Суде подчиняется таким же правилам, как и в губернском суде (ст. 448 У. П. К. РСФСР)

А. Вышинский

СУДИМОСТЬ того или иного гражданина т.е. факт осуждения его вошедшим в законную силу приговором за то или иное преступление, в настоящее время во всех государствах с более или менее налаженным уголовно-розыскным аппаратом подлежит регистрации («справки» о С.): в дробуржуазную эпоху, не знавшую «справок о С.» в соврем. смысле, некоторые телесные наказания (см.), как-то: рвание поздрей, урезание уха, клеймение, служили, в сущности, не чем иным, как своеобразной и бесчеловечной «справкой о С.» Особое значение вопрос о С. приобретает в связи с вопросом о рецидиве (см.)

Будучи зарегистрированной, С. сама по себе, даже независимо от того, был ли соответствующий приговор связан с лишением прав (см.) или с поражением прав (см.), оказывается «клеймом» тяготеющим над личностью и дальнейшей судьбой осужденного даже долгие годы после отбытия им приговора, ибо «человек с С.» встречал и встречает неприязненное и во всяком случае подозрительное отношение к себе со

стороны широких кругов населения. В силу этого в конце XIX в. буржуазными законодательствами начинает ощущаться необходимость в особых постановлениях, которые давали бы возможность «снятия С.» Если «реабилитация» возникает сперва (во Франции в 1670 г.), как акт (королевский) милости (réhabilitation gracieuse), устраняющий последствия осуждения вроде «гражданской смерти» и т. п., то французский закон 1885 г., согласно которому реабилитация аннулирует самый приговор, предоставляет отбывшему наказание по истечении 5 или 3 лет с момента отбытия (если же он был осужден, как рецидивист, то — 10 или 6 лет), при наличии определенных условий, право на реабилитацию (réhabilitation de droit), поскольку он докажет суду, что исправился. В дальнейшем соответствующие постановления, под влиянием французского примера, вводятся и в некоторых других государствах (из крупных — только в Италии, с 1906 г.). В Германии закон о погашении и С. принимается только 9/IV—1920 г. Этот закон, не подлежащий применению к лицам, приговоренным к каторжным работам (Zuchthaus), установил 2 периода реабилитации: по истечении первых 10 лет с момента отбытия наказания (или, если приговор был не строже 3 месяцев тюрьмы, — по истечении 5 лет с момента осуждения), поскольку у данного лица не возникло новой С. за этот период, справки о С. данного лица могут о нем наводиться лишь судебными органами, органами прокуратуры или высшими органами государства. истечение дальнейших 10 (5) лет, при наличии к тому же определенных условий, имеет следствием уже погашение С., т.е. уничтожение листка с соответствующей справкой о С., хотя и в дальнейшем соответствующее лицо не в праве отрицать свою С., будучи допрашиваемо на суде. Те же правила применяются и к условно-осужденным, с гою лишь особенностью что испытательный срок, поскольку в течение такового не совершено нового преступления, всегда засчитывается в срок, установленный для погашения.

Сложность и чрезмерная длительность процедуры погашения С. по действующему германскому праву очевидна. Порядок погашения С. по советскому праву гораздо

проще. Этот порядок введен пост. ВЦИК от 9/II 1925 г. об изменении ст. 37 У К. РСФСР; в У К. РСФСР 1926 г. погашение С предусмотрено ст. 55, которая почти без изменений воспроизведена в принятой 3-ей сессией ЦИК СССР 3-го созыва 25/II 1927 г. дополнительной ст. 101 Осн. Начал, относящей: «Не имеющими С признаются: а) лица, по суду оправданные; б) лица, условно-осужденные, которые в течение назначенного судом испытательного срока не совершили нового преступления; в) лица, приговоренные к лишению свободы на срок не свыше 6 месяцев или ко всякой иной, более мягкой мере социальной защиты, которые в течение 3 лет со дня отбытия применения к ним соответствующей меры социальной защиты не совершили нового преступления, а равно приговоренные к лишению свободы на срок свыше 6 месяцев но не более 3 лет, которые не совершили нового преступления в течение 6 лет». В отличие от французского порядка, для погашения С. по нашему праву не требуется особого постановления суда.

А Э

СУДОПРОИЗВОДСТВО ГРАЖДАНСКОЕ: Г. К., устанавливая определенную систему правовых отношений, указывает, что споры, вытекающие из регулируемых Г. К. отношений, т.-е. «споры о праве гражданском» разрешаются в судебном порядке. Таким образом для разрешения споров о праве гражданском необходимо, во-первых, установить тот орган, который эти споры разрешает, а затем и самый порядок их разрешения. Вопросы организации судов составляют область судостроительства; порядок же разрешения спорных гражданских дел, судебное производство по этим делам, представляющее целый ряд действий, последовательно друг за другом следующих и друг с другом связанных в общую систему, составляет гражданское судопроизводство или гражданский процесс. Этим же термином определяется и наука, изучающая процессуальное право. Выделение судостроительных норм из процессуальных, разграничение вопросов организации судов от вопросов их деятельности не являются общепризнанными, и очень часто в курсах гр. процесса мы встречаем изложение устройства судов и судебной системы.

Гражд. процесс охватывает не только разрешение споров о праве гражданском. Разрешение споров, происходящее в форме судебного решения (см. Решение), признает или отказывает в признании правомерности требований одной стороны. Но гражданские права «охраняются» в случае их нарушения, и одного признания правомерности требования, одного судебного решения для охраны гражданских прав не всегда достаточно. Необходимо еще реальное проведение в жизнь судебного решения (см.) Поэтому помимо процесса по спорным гр. делам или процесса искового (см. Иск), существует еще и производство исполнительное, определяющее порядок принудительного осуществления признанного судом права, порядок исполнения судебного решения. Производство исполнительное требует предварительного производства искового, исполнительный процесс в своем основании имеет судебное решение.

Однако в своем историческом развитии правила, регулирующие осуществление гражданского права, предшествовали искому процессу (см. Взыскание), и обращение к судебной защите гражданских прав началось именно с регулирования принудительного осуществления права с ограничения самоосуществления кредитором своих прав в отношении должника, а затем постепенно проверка правильности требований истца, проверка правомерности его требований стала занимать преобладающее место в гражданском процессе.

В современном процессе основной частью является процесс исковой. Процессом исковым и исполнительным не ограничивается деятельность судов в области охраны гражданских прав. На судебные органы возлагается очень часто выполнение и таких обязанностей, которые непосредственно прямого отношения к охране гражданских прав не имеют, обязанностей, не вызываемых спорами о праве гражданском. Для такого рода дел установлено особое производство по бесспорным делам. Крут дел, относимых к особому судебному производству, весьма разнообразен и зависит от того, насколько те или иные явления правового свойства нуждаются для своего удостоверения в большей авторитетности и торжественности.

Введенный 1-го января 1923 г. Г. П. К. установил особое производство в семи случаях, а именно: о распоряжениях по имуществу, оставшемуся после умершего, о третейских записях и решениях, о судебном депозите (см.), о выдаче судебных приказов (см.) по актам, о расторжении брака (см.), об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям и жалобы на действия нотариусов (см. Нотариат)

Но перечень Г. П. К. не является исчерпывающим, так как к особым судебным производствам отсылают очень часто и отдельные декреты. В настоящее время и перечень Г. П. К. подвергся существенным изменениям. Развод новым Кодексом о семейном, брачном и опекуном праве передан в органы ЗАГС депозит и судебные приказы по протестованным векселям перешли в ведение нотариата и введено новое производство, а именно: вызывное производство по утраченным документам. Действовавшее до введения Г. П. К. Положение о Народном суде допускало в судебном порядке и установление фактов, необходимых учреждениям.

При правильно организованном нотариате установление фактов как не относящихся к разрешению споров в праве гражданском, было признано не нуждающимся в судебном производстве и изъято из ведения судов. Г. П. К. УССР допускает в порядке особых производств судебное установление обстоятельств, от наличия которых зависит возникновение публичных прав (напр. дело о признании иностранного гражданства). Особое производство по бесспорным делам в судебном порядке следует отличать от внесудебного взыскания в бесспорном принудительном порядке. Дела в порядке особых производств рассматриваются и разрешаются, как общее правило, единолично народным судьей, а в случае сомнений, возникновения спора, могут быть обращены к производству, установленному для спорных дел.

В противоположность материальному праву право процессуальное является правом формальным.

Построение гр. процесса находится в тесной зависимости от гражданского оборота. Неразвитый оборот требует для разрешения спора больше формальностей. С развитием гражданского оборота постепенно умалывается значение формализма в гр. процессе, так как необходимый для обо-

рота формализм становится составной частью этого оборота, и таким образом, формализм материального права в достаточной мере обеспечивает интересы оборота. Формализм материального права связывает суд и в то же время освобождает его от целого ряда процессуальных действий. Усиливающийся оборот властно требует быстрой ликвидации спорных отношений, быстрой оборотоспособности застрявшего в процессе, вследствие своей спорности, капитала. Темп судебного производства неизбежно должен быть приведен в соответствие с темпом гражд. оборота. А всякая формальность судебного производства задерживает темп процесса, замедляет его движение.

Поэтому развитие гражд. процесса идет в сторону ослабления формализма. Тем самым, помимо быстроты процесса, и создается возможность улучшить качество продукта судебного производства, судебное решение. Но и формализм в гражд. процессе направлен на эту же именно цель. Закон потому и устанавливает заранее определенный порядок судебного производства, что его соблюдение предполагает наиболее верный и надежный способ выяснения правильных взаимоотношений между сторонами, предполагает возможность вскрытия правды-истины. Поэтому и наказ Г. П. К. Верховсуда отмечает, что имеется некоторый минимум процессуальных форм несоблюдение которых заранее ставит под сомнение правильность решения (см. Обжалование). Но постепенное ослабление процессуального формализма еще не означает упрощения процесса. Формализм может прекрасно уживаться и с примитивным процессом, так как связующее, не подлежащее изменению и направляющее весь ход процесса искового заявления ведет к простому процессу, расширение же прав суда и сторон и освобождение процесса от руководящей роли искового заявления осложняют процесс. Установленный в строгих рамках законов способ получения необходимого для решения дел материала, установление формы получения и способа его оценки упрощают процесс: свобода суда в собирании материала и в его оценке осложняет процесс. Но важная формализмом простота процесса идет в разрез с задачей суда, давая в результате работы суда решение лишь формально правильное, но не решение (см.).

соответствующее материальной правильности

Предназначенный для достижения основной цели искового процесса, формализм из средства достижения этой цели очень часто сам становится целью. средство переходит в самоцель, и таким образом из средства для выяснения дела и улучшения решения превращается в препятствие для получения правильного решения. Наш Г. П. К. в общем не стесняет суд предписанием ему определенных форм и формул и в большинстве случаев прибегает к формуле «суд может»

Гражданское судопроизводство начало выделяться из уголовного после того, как гражданское право обособилось от уголовного. Гражданское правонарушение возникло из уголовного правонарушения. Вернее, гражданское правонарушение отождествлялось с уголовным правонарушением. Решение по «Русской правде» обыкновенно состояло в том, что ударившего или убившего приговаривали заплатить пострадавшему или его семье деньгами. (Покровский: Русская история в самом сжатом изложении). Также и в случае похищения и повреждения имущества. Неплатеж долга рассматривался как уголовное правонарушение. Но развитие оборота, приведя к отделению гражданского права от уголовного, не разрушило связи между материальным и процессуальным правом. Процессуальное право вначале составляло часть материального права и лишь со временем начало выделяться из него в качестве самостоятельного. Некоторые процессуалисты относят завершение этого выделения, в Германии например, к довольно позднему периоду, а именно к концу XIV столетия. (Endeman: Das deutsche Civilprozessrecht) Разграничение между правом материальным и процессуальным и до сего дня является задачей неразрешенной. В гражданских кодексах встречаются нормы процессуального свойства, в процессуальных кодексах—нормы материально-правового характера, и попытки найти пограничную линию между материальным и процессуальным правом, найти критерий, руководствуясь которым можно было бы ту или иную норму отнести к материальному или процессуальному праву, ни к чему не привели. «Возьмите любой учебник гражданского судопроизводства и сравните его

с отделом о защите прав любого учебника гражданского права и вы заметите с каким спокойствием, с каким сознанием своей правоты процессуалист нарушает правило: «что мое, то не твое», да и цивилист от него не отстает, мстит ему тем же; многие труднейшие проблемы «формально-процессуального права разрешаются цивилистами» — жаловался проф. Гольмстен (Жури. II и Гр. Пр., 1879 г., кн. 4). Против «узурпации» со стороны науки гражд. права, постоянно вторгающейся в область процессуальной науки, выступает и Петражицкий («Право и суд» в журн. «Право» за 1901 г.) Вопрос о взаимоотношениях материального и процессуального права представляет не только георетический интерес, а имеет большое практическое значение. Достаточно отметить его значение в области международного частного права (см.) При рассмотрении споров, вытекающих из договоров и актов, совершенных за границей принимаются во внимание законы, действующие в месте совершения договора или акта (ст. 7 Г. П. К.), но только законы материальные. процессуальные же законы применяются по месту нахождения суда (lex fori). Процессуальные законы, как общее правило, применяются с момента их вступления в силу и к делам, уже находящимся в производстве (разъяснение Пленума ВС от 17—I—27 г. О третейском разбирательстве между СССР и Германией), и таким образом им придается как бы обратная сила, материальные же законы имеют обратную силу лишь в виде исключения.

Наконец, основным вопросом является вопрос о том, распространяются ли законы о сделках (формы, условия действительности, оспоримость и т. д.) на те действия и заявления, которые имели место в судебном процессе (напр. признание, отказ от обжалования и т. д.), и вообще общий вопрос о диспозитивности в гражданском процессе. Может ли вообще иметь место в гражданском процессе соглашение сторон, и если может, то в отношении каких вопросов и в каких пределах? Обращение в суд имеет целью судебное признание права, а затем на основании этого признается и принудительное осуществление права. Но само гражданское право находится в свободном распоряжении субъекта. Поэтому и обращение в суд находится в зависимости от субъекта нару-

шенного права. Обращение в суд — первое процессуальное действие, открывающее собой судебный процесс. Тот, кто может распоряжаться своим материальным правом, может распоряжаться и средствами защиты своего права. Диспозитивность материального права создает как бы диспозитивность и процессуального права. Таким образом переносится в область процесса диспозитивность. Но так как не все процессуальные действия имеют одинаковое значение и одинаковый внутренний характер, ибо одно действие непосредственно связано с распоряжением материальным правом (отказ от иска, отказ от обжалования, признание и т. п.), а другое касается только формы производства и может коснуться только путем пайти материально-правовые отражения — в решении (вызов свидетелей, представление документа, перенесение дела на другое заседание и т. д.) то иногда различают материальную и формальную диспозитивность в гражданском процессе, относя к первой — распоряжение самим материальным правом, предмет иска, а к другой — распоряжение средствами защиты.

Все это учение о диспозитивности в гражд. процессе является последствием разрыва между материальным и процессуальным правом, между целью и средством, между содержанием и формой. Диспозитивность — явление исключительно материально-правового порядка, диспозитивность свойственна только материальному праву. То обстоятельство, что распоряжение своим материальным правом происходит в судебном процессе в течение этого процесса, не меняет характера самого права. И до процесса, и вне процесса, и в процессе, спорное, отыскиваемое, защищаемое право остается одним и тем же правом. Но диспозитивность спорного, защищаемого, отыскиваемого права создает определенную процессуальную систему. Хозяин права становится хозяином процесса, диспозитивность права превращается в состязательность процесса.

Под состязательностью гражданского процесса понимается господство сторон в процессе (*Parteiherrschaft*). Состязательности противопоставляется господство в процессе официальных органов государства (судьи, прокурора, суд. исполнителя, секретаря и т. п.). Состязательность процесса и диспозитивность материального

права корреспондируют друг другу. Чем больше гражданское право проникнуто началами либерализма, свободной игры свободных интересов, невмешательства государства в хозяйственные отношения, тем меньше влияния на ход и исход процесса предоставлено судебным органам. И наоборот, чем больше гражданское право отходит от юридической фикции свободного распоряжения своим правом и обращается к движущим реальным силам правоотношений, тем меньше влияния на ход и исход процесса оказывают стороны, тем значительнее официальное начало в процессе. Состязательность в гражданском процессе заключается в том, что суд разрешает спор 1) в пределах заявленных требований, 2) в пределах представляемых сторонами материалов. Суду отведена роль арбитра, констатирующего победу одного над другим, устанавливающего результат происшедшего перед судом состязания, но суд не вмешивается в борьбу. Поэтому и говорят о выигрыше и проигрыше дела. Усиление государственной власти, обострение классовой борьбы, отмирание либеральных идей приводят к отмиранию состязательного процесса «Со времени создания гр. проц. кодекса, — заявляет в статье, посвященной 50-летию Германского проц. кодекса, германский министр юстиции д-р Белль, — истекло 50 лет грандиозного хозяйственного развития, сильных общественных изменений, тяжелых колебаний. Именно, стоя на точке зрения строго индивидуалистических воззрений того времени, видели творцы процес. кодекса в процессе преимущественно развертывающуюся перед судьей борьбу и соответственно этому вложили они всю инициативу в процессе в руки сторон, обрекая судью на почти полную пассивность». Ограничение хозяйских прав сторон в процессе, передвижка хозяйских прав к судье отражает собой происшедшее ограничение свободы хозяйствования, переплетение публично-правовых и частно-правовых начал. Эти изменения нашли свое выражение и в законодательстве и в науке гр. процесса. Наиболее сильное развитие теория гр. процесса получила в Германии и в странах, находившихся под влиянием Германии (Австрия). Не только в Англии и в Америке нет теоретического изучения гр. процесса, что вполне понятно, но и во Фран-

ции, Италии вопросам теории процесса уделяли очень мало внимания. В Германии же, начиная со второй половины XIX столетия, начиная с бурного развития объединяющейся Германии, теоретические труды по процессу заняли видное место.

Расцвет процессуальной науки в Германии связан с именем Оскара Бюлова, труд которого «Die Lehre von Prozesseinreden und Prozessvoraussetzungen», изданный в 1868 г., сделал переворот в науке гражданского процесса. Бюлов отделил процессуальное право от материального и сконструировал гражданский процесс, как юридическое отношение. Но это — не отношение между сторонами, между истцом и ответчиком, а правовое отношение между сторонами и судом. И поэтому процесс является отношением публично-правового порядка, публично-правовым отношением. Для возникновения этого публично-правового отношения необходим целый ряд предпосылок, определяющих не только возможность открытия процесса — возникновения отношения, но в значительной мере и его дальнейший ход, переход с одной стадии процесса на другую. Процесс является публично-правовым отношением сложного характера. С одной стороны, процесс создает публично-правовое отношение между истцом и судом, с другой же стороны — между ответчиком и судом. Независимо от осложненного публично-правового процессуального отношения, существуют и материально-правовые отношения между сторонами. В процессуальном же публично-правовом отношении субъектом права является сторона, субъектом обязанности — суд. В основе процессуального учения Бюлова лежали юридико-философские учения Иеринга (см.). Ученики и последователи Бюлова вносили в его учение коррективы и дополнения, значительно изменяющие основы учения. Из теорий, оказавших большое влияние на развитие гражданского процесса, следует отметить учение Ваха развитое Гелльвингом о т. н. притязании на защиту права (Rechtsschutzanspruch). Право на судебную защиту рассматривается как субъективное публичное право и государство обязано эту защиту предоставить. Так создается «право на иск». Бюловское учение перенесло гражданский процесс в об-

ласть публичного права. Оно нашло много сторонников и вне Германии, и в частности среди русских процессуалистов, самым видным из последователей которых был проф. Гольмстен.

Со времени Бюлова интерес к процессуальным проблемам в Германии не затихает, но идет в значительной мере под знаком борьбы с бюловским учением. Из трудов последнего времени внимания заслуживают работы неокантовца проф. Зауэра, который в своих «Основах процессуального права» (Grundlagen des Prozessrechts) стремится создать «основы процессуального права, а не основные понятия процесса» для построения единой теории процесса, как уголовного, так и гражданского, и проф. Гольдшмидта (Prozess als Rechtslage, 1925) который, выступая против господствующих в Германии теорий, указывает на необходимость исходить из понятия процесса не в метафизическом, а в эмпирическом его смысле и определяет процесс лишь, как производство, направленное к созданию силы права. Бюловское правоотношение Гольдшмидт заменяет правовым положением (Rechtslage) и, ограничивая область процессуального права, признает наряду с материальным и процессуальным правом существование еще гражданского материального судебного права (Materielles civil Instizrecht), не в смысле права судьи, а права для судьи, т. е. права, которым определяется судебное решение.

То или иное теоретическое построение процесса связано с одной стороны с общеправовыми течениями эпохи, а с другой и с практическим построением процесса.

Но если в области исследований общеправовых проблем и течений, а также в области материального гражданского права сделаны попытки марксистского анализа, то в области права процессуального в этом отношении ничего не сделано. И только мельком брошенные в связи с составлением Г. И. К. и развиваемые судебной практикой положения смогут дать необходимый материал для марксистской системы процесса.

Советский гражд процесс от казался от чистого пачала состязательности. Пассивность судьи, невмешательство государства в экономическую борьбу частных интересов, свободное установление

взаимоотношений — не мирятся с основами советского строя. В области чисто процессуальной, т. е. в области тех действий, которые имеют непосредственно судопроизводственный характер, господство сторон уничтожено. Нет резкого противопоставления судопроизводственной инициативы судьи инициативе стороны.

И поэтому Г. И. К. не знает процессуальных отводов, т. е. указаний сторон на такие формальные недостатки, которые препятствуют совершению того или иного процессуального действия (напр., отсутствие полномочий у поверенного, заинтересованность свидетелей, связь гражданского дела с уголовным и т. п.). Отсутствие формальных условий для движения процесса может быть устранено судом и по своей инициативе. В этом отношении полностью проведено официальное начало в процессе, а хозяином процесса является исключительно суд. Но и в области совершения таких процессуальных действий, которые являются непосредственным распоряжением материальным правом (наприм., мировая сделка (см.), отказ от иска, уменьшение или увеличение цены иска), субъекты права не являются совершенно неограниченными, поскольку об этом праве идет спор в суде. Отказ от иска может быть судом не принят (ст. 2), мировая сделка не утверждена (циркуляр Верховсуда № 70 1923 г.), заявленное истцом требование может быть судом увеличено (ст. 179), признание ответчиком иска для суда не обязательно. Таким образом, стороны ограничены и в распоряжении даже такими процессуальными правами, за которыми скрывается распоряжение материальным правом. Основанием для такого ограничения свободы распоряжения является общее положение о том, что суд обязан всемерно содействовать выяснению взаимных прав и взаимоотношений сторон (ст. 5), что суд обязан вскрыть реальное содержание правовой формы. Исходя именно из реального взаимоотношения, а не из фикции свободного волеизъявления, Г. И. К. вменяет суду и обязанность выяснить не формальную свободу распоряжения, а действительное свободное распоряжение, т. е. отсутствие внепроцессуального неравенства (экономическая зависимость, страх невыгодных последствий, незнание своих прав и т. п.). И здесь вмешательство суда имеет свои

пределы. За этими пределами нарушение гражданского права не влечет за собой вмешательства суда. Поэтому суд не может сам возбуждать гражданское дело, не может обжаловать решения. Суд приступает к разбору дела не иначе, как по жалобе заинтересованной стороны (ст. 2). Стороной является то лицо, от имени которого (признак формальный) и в пользу или во вред которого (признак материальный) ведется процесс. Помимо сторон в процессе могут участвовать и третьи лица, если решение суда может для них создать права и обязанности по отношению к одной из сторон (ст. 167). Но Г. И. К. не знает и абсолютной идеи невмешательства государства. Для защиты интересов государства и трудящихся вводится участие в гражданском процессе прокуратуры. Прокурор может как вступить в дело в любой стадии процесса, так и возбудить любое гражданское дело, а также обжаловать решение, если оно не обжаловано стороной. Но официальное начало в процессе — инициатива суда — не парализует инициативы стороны. Сторона лишь не имеет в процессе господствующего положения, не она определяет ход процесса. Инициатива суда восполняет процессуальную самостоятельность стороны. Но трудящимся суд обязан разъяснить их процессуальные права, дабы их неосведомленность не была использована им во вред (45). И здесь, вместо формального равенства, Г. И. К. вводит принцип реального равенства. Но предоставляя сторонам процессуальные права Г. И. К. требует от суда, чтобы их использование соответствовало своему назначению, а не служило средством для создания волокиты. Суд обязан прекратить злоупотребление процессуальными правами (ст. 6).

Суд решает дело на основании имеющегося фактического материала и существующих законов. Материал представляется сторонами, но может быть дополнен по указанию суда сторонами или же затребован непосредственно по инициативе суда. Фактическим материалом являются заявления самих сторон, показания свидетелей, письменные документы. Свидетельские показания допускаются лишь в тех случаях, когда закон для определенного рода отношений не устанавливает обязательной письменной формы. Проверка материала может быть произведена судом путем эк-

пертизы и осмотром на месте. При оценке материала суд не связан формальностями и оценивает показания сторон, свидетелей, документы по своему внутреннему убеждению. Но это убеждение и оценка должны получить достаточное обоснование в решении (см.).

Суд разрешает дело на основании действующих законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства (ст. 3) Силу закона имеют разъяснения пленума Верховного Суда, а также изданные и надлежащим образом опубликованные ведомственные инструкции и циркуляры, если они не выходят за пределы предоставленной ведомству компетенции. Обязательны для суда и постановления местных органов власти, изданные в пределах их компетенции (ст. 3). Отсутствие закона, неточность, неясность не освобождают суд от необходимости разрешить дело. Применяя и толкуя закон, суд руководствуется общими началами советского законодательства и общей политикой сов. власти (ст. 4) (см. Закон). Но для того, чтобы ввести в определенные и твердые рамки судебную практику, Пленум Верховного Суда требует, чтобы суд, применяя ст. 4-ю Г. П. К. указал, в чем он усматривает политику сов. власти, в каких актах она получила свое выражение и в частности почему суд находит необходимым применить ст. 4-ю Г. П. К. (наказ Г. П. К.)

С. Прушинский

СУДОПРОИЗВОДСТВО (УГОЛОВНОЕ) или уголовный процесс — под этими терминами понимается: 1) общий ход (процесс) расследования и рассмотрения органами государственной власти данного государства дел о совершенных уголовных преступлениях, с целью установления (и, если нужно, задержания) совершителей таковых и разрешения вопроса о том, должны ли быть к последним применены меры уголовной репрессии и какие именно, 2) совокупность правил (норм) установленных соответствующей государственной властью, чтобы обеспечить а) достижение в результате расследования и рассмотрения дел об уголовных преступлениях, целей, ради которых применяется в данном государстве уголовная репрессия, и б) соответствие деятельности органов и лиц, участвующих в расследовании и рас-

смотрении дел об уголовных преступлениях, общим принципам правопорядка, поддерживаемого и охраняемого данной государств. властью,—в частности, соответствии принципам этого правопорядка мероприятий, принимаемых в отношении привлеченных к делу лиц.

Хотя те или иные правила (нормы) С. у., существование которых не только налицо во всех современных государствах, но установлено и в глубокой древности, характеризуют собою, в общем и целом, и самый ход расследования, рассмотрения и разрешения соотв. дел, тем не менее необходимо подчеркнуть что и 1-е понимание «С. у.» имеет полное право на существование, ибо, конечно, изучение развертывания и осуществления той или иной функции государственной власти, а в том числе и такой функции, как С. у. не исчерпывается изучением нормирующих ее постановлений, а с другой стороны, самые процессуальные «нормы» вовсе не являются первичным формирующим процессуальным фактором, а определяются сами существом общественных отношений. В особенности следует помнить, что С. у. теснейшим образом связано с судоустройством (см.): если 2-е дает нам систему органов юстиции в их статическом состоянии, то 1-е имеет дело с этой же системой в движении, представляет динамику этой системы в той части, в какой эта система служит делу борьбы с уголовными преступлениями. Судоустройство и излагается обыкновенно, как элемент процесса: хотя конечно всякий орган так или иначе приспособляется к своей функции, но тем не менее ясно, что система судоустройства в целом не может быть выведена из норм, распределяющих собою С. у., а, наоборот, являясь частью конституции (в широком смысле) данного государства, само по себе прежде всего и вносит в область С. у. дух — т.е. классовый характер, — пронизывающий собою всю эту конституцию. В дальнейшем изложении будет каждый раз явствовать из самого контекста, употреблен ли термин «С. у.» в одном из указанных значений или в обоих.

В истории С. у. обыкновенно различают следовавшие друг за другом периоды: период обвинительного процесса (древнейший) период и к в и з и н и о п-

ного и период смешанного процесса (буржуазный период). При этом под обвинительным процессом разумеется такая форма угол. процесса, при которой 1) все угол. дела носят характер дел «частного обвинения», и угол. преследование возбуждается не органами гос. власти *ex officio*, а отдельными гражданами, собирающими и представляющими суду необходимые доказательства по делу, и 2) самый суд происходит в чисто-состязательном порядке, при чем активны только стороны (обвинитель и обвиняемый), самый же суд только оценивает представляемые каждой из сторон доказательства, вынося в результате этой оценки тот или иной приговор. Однако, считать подобную форму процесса древнейшим типом С. у. могут лишь те, кто находит уголовн. процесс в явлениях, в которых отсутствует признак уголовного процесса. «История уголовного процесса начинается господством в нем частного начала и полным совпадением его с процессом гражданским» (писал Фойницкий), упуская из виду, что когда существуют одни лишь «*Delicta privata*», но нет еще никакой речи о *crimina publica* (объяснения этих терминов см. т II, стр. 172 и 3) то в таком случае не приходится говорить о существовании уголовного права (см.), а, стало быть, нет места и С. у. На самом деле, подлинно-уголовный процесс, существовавший уже в древнейшем Риме, вовсе не характеризовался «господством в нем частного начала»: «По преданию одной из старейших римских магистратур являются *duo viri perduellionis*, помощники царя для расследования дел о госуд. измене в широком смысле слова»; равным образом и в начале республиканского периода «магистрат привлекает к ответственности за любое деяние, которое ему покажется преступным, и по своему усмотрению судит» (И. Покровский). Обвинительная же форма С. у. появляется в Риме лишь к концу республики, и те лишь для свободных граждан, а не для рабов, а в эпоху империи развивается уже инквизиционный процесс в чистом виде, с широким применением пытки (ранее она тоже применялась, но только к рабам) и т. д.

Средневековый угол. процесс на континенте Европы был опять-таки (если оста-

вить в стороне раннее средневековье, когда в праве германских народов имелись лишь зачатки особого С. у.) процессом инквизиционным, т.-е. розыскным. Не следует отождествлять инквизиционный процесс («инквизицией», т.-е. с созданным в самом конце XII и начале XIII века католической церковью особым судом для борьбы с «ересями» «инквизиция» — ее тайным производством, пытками и т. д. бесспорно представляла собою самый яркий образчик инквизиционного процесса, но не следует забывать, что подобного рода процесс существовал уже до возникновения «инквизиции», в частности и в особенности в торговых городах южной Италии, пример которых, как полагают, не остался без влияния и при учреждении папской инквизиции. Инквизиционный процесс — это, 1) как показывает самое название (*inquisitio* — исследование), такой процесс, в котором расследование преступлений осуществляется самими судебными органами, и притом по своей собственной инициативе, даже без жалобы того или иного частного лица; это — 2) такой процесс, в котором «единственным господином процесса, объединяющим в своих руках не только функции суда, но и функции обвинения и защиты», оказывается судебный орган, как таковой. Таким образом, в чистом своем виде, инквизиционный процесс — это процесс без сторон, ибо на таком процессе обвиняемый, которому пред судебным органом не противостоит как сторона, особый обвинитель, теряет и сам характер стороны в процессе.

Подобный характер С. у. совершенно естественен в эпохи, когда массы населения юридически бесправны или, по меньшей мере, неполноправны: в такие эпохи власть господствующего класса, ведя борьбу с опасными для этого класса элементами из рядов народных масс, естественно, в каждом привлеченном из рядов этих масс к угол. ответственности человеке видит своего врага, т.-е. объект своей борьбы. Самый вопрос о каких-то «гарантиях» для такого врага, о признании его субъектом процессуальных прав, при подобном рода условиях, едва ли может и возникнуть. Даже в Англии, где, по распространенному мнению, «преобладающей чертой процесса всегда был его состязательный характер», на самом деле та-

кой процесс был, в эпоху феодализма, привилегией немногих, и даже впоследствии, а именно с XVI века, как отмечает Люблинский, «параллельно с усилением розыскного начала на континенте, подобный же процесс по в значительно более слабой форме происходит и в Англии».

Основным отличием буржуазного права является тот факт, что в нем каждый человек, как таковой, в принципе признается юридически равноправным со своими согражданами субъектом права. Уже отсюда вытекала необходимость изменения характера С. у. в буржуазную эпоху. Субъект права должен оставаться таким субъектом и в угол. процессе, а это значит, что он должен рассматриваться, как сторона, наделенная значительными процессуальными правами и равноправная с противостоящей ей стороной, с обвинением. Однако, только в англо-американском праве С. у. более или менее последовательно проводило и проводит это начало. Во всех остальных буржуазных государствах оно было проведено сперва только в отношении С. у. на суде, а именно, судебного следствия (см.) в то время, как С. у. до суда, т.е. в стадии предварительного следствия (о дознании и нечего и говорить), долгое время попрежнему продолжало полностью сохранять свой инквизиционный характер, почему весь угол. процесс в целом и получил наименование смешанного. Лишь гораздо позднее (во Франции, например, в 1897 г.) и притом далеко не в полной мере, начало состязательности (в частности, в виде допущения защиты м. Адвокатура — и в начальной стадии процесса) было в отдельных буржуазных государствах распространено и на предварительное следствие. В России процесс «судоговорения» и только он был перестроен на началах состязательности «судебной реформой» 1864 г.: на другие стадии процесса, вплоть до самой революции, начало состязательности не было распространено. Необходимо отметить, что современный состязательный процесс отличается и от древнего обвинительного процесса тем, что в первом активны не только стороны, но и суд, рассматривающий дело.

Признание подсудимого стороной играет роль гарантии прав личности — конечно, только формальной гарантии.

ибо что толку от положения «стороны в процессе» для неимущего и потому не могущего пригласить себе защитника (защита по назначению, ведь, в некоторых бурж. государствах, напр., в САСШ, отсутствует), обвиняемого, который ничего не понимает ни в С. у., ни в законах вообще? Но и такую роль формальной гарантии это начало С. у. может играть лишь при условии, что в основу С. у. кладется принцип: «всякий признается невиновным, пока не будет доказано противное», что, иными словами, бремя доказательства (onus probandi) лежит на обвинителе. Этот принцип, прямо провозглашенный английскими юристами, признается также, в общем и целом, руководящим принципом С. у. и других буржуазных государств. Учение о доказательствах (см.) является вообще важной составной частью науки о процессе, если средневековый процесс был весь построен на формальных доказательствах, то современный угол. процесс таких доказательств не знает вовсе, и основное требование, предъявляемое к работе угол. суда, заключается в настоящее время в том, что суд должен ставить себе целью отыскание материальной истины.

Другими, сформулированными опять-таки только буржуазными юристами, принципами современного С. у. являются принципы: 1) непосредственности, 2) устности и 3) гласности С. у., или, точнее, С. у. на суде, ибо С. у. в стадии предварительного следствия обычно как раз является негласным, а начала непосредственности и устности к нему вообще по самому существу своему не относятся. Эти принципы были выдвинуты буржуазными юристами в противовес практике инквизиционного процесса, существовавшей вплоть до наступления буржуазной эры и являвшейся практикой 1) решения дела судом заочно, не видя ни обвиняемого, ни свидетелей, 2) решения на основании мертвого бумажного производства а не на основании устных показаний живых людей и 3) секретности самых заседаний суда, бывших вообще недоступными для публики. Несомненно, что вышеприведенные три принципа означая с одной стороны, демократизацию самой судебной процедуры, с другой стороны, также играют роль некоторых гарантий для подсудимого.

Рассмотрением уголовного дела судом и вынесением приговора, данный процесс еще не заканчивается ибо в течение определенного срока этот приговор, по современному С. у. может быть обжалован в высшую судебную инстанцию (см. Обжалование); в уголовном процессе инквизиционного типа существовал порядок пересмотра угол. дел высшими инстанциями *ex officio* независимо от жалоб заинтересованных лиц (ср. так наз. «ревизионное» производство в «дореформенном» русском С. у.). Исполнением вошедшего в законную силу, т.-е. утвержденного высшей судебной инстанцией или необжалованного в течение определенного срока приговора угол. процесс который как таковой и предназначен служить делу применения уголовной репрессии, завершается; самое применение мер угол. репрессии, установленных приговором суда, впрочем будучи осуществлением уголовного права, охватывается уже постановлениями У. К., а не постановлениями У. П. К.

Что касается С. у. в советском праве, то последнее, в той или иной мере, использовало все основные положения буржуазной науки о С. у. Тип советского уголовного процесса в настоящее время также может быть охарактеризован, как смешанный; начала непосредственности, устности и гласности процесса также восприняты советским правом. Однако, советское право: 1) не придает всем соотв. положениям характера абсолютных и непреложных («вечных») принципов, какой они имеют для буржуазных процессуалистов и 2) не отказывается от использования и некоторых, чуждых буржуазному праву моментов процесса инквизиционного (ср., напр. о «ревизионном» характере пересмотра угол. дел высшей инстанцией в ст. «Обжалование») Конечно, не следует думать, что соотв. правила С. у. имеют у нас только технический характер, характер технических улучшений процесса. Отдельные из этих правил безусловно, содействовали поднятию буржуазного С. у. и с технической стороны, на гораздо более высокий уровень, нежели тот, на котором стояло добуржуазное С. у. В основе своей, однако, положения С. у., о которых сейчас идет речь, так или иначе связаны с общим принципом демократизма, с одной стороны, явля-

ясь, в некоторой своей части, и процессуальным отражением и выражением идеи «субъекта права» (см.). Демократизм и ролеварский, который так ярко выражен в советском судоустройстве (см. это слово, а также Народный Суд), также выдвигает необходимость и гласности (публичности) суда, и его устности и непосредственности, тем более, что именно эти начала соответствуют потребностям и формам нашей борьбы с бюрократизмом. Такая «гарантия прав личности», как признание обвиняемым прав стороны на суде, могла бы, скажут пожалуй, быть признана у нас излишней в отношении обвиняемых из среды трудящихся (ибо можно утверждать, что защитником для трудящихся может и должен быть самый пролетарский суд). Однако, подобное утверждение грешило бы излишним упрощением. Не от суда, а от возможных «бюрократических извращений» и ошибок суда должен иметь возможность самолично, во всеоружии прав стороны, защищаться и такой трудящийся. Мы не говорим уже о том значении, которое предоставление обвиняемому прав стороны на суде имеет для дела охраны революционной законности, как таковой.

Признавая все это, мы тем не менее в некоторые периоды (напр., период гражданской войны) считаем возможным и необходимым для пролетарской диктатуры и построение С. у. на основе и обладания инквизиционных методов. Некоторое усиление инквизиционного момента мы и в настоящее время допускаем по отношению к тем или иным делам 55 особо серьезных, особо опасных для советской власти преступлениях, в частности о специфических преступлениях классовых врагов пролетарской диктатуры (ср. процессуальные особенности производства дел в губсудах и трибуналах). Отдельные практические вопросы построения С. у. в советском государстве (например, всплывшие в наст. время вопросы об условиях допущения защиты на суде, о возможности или невозможности введения, в некоторых случаях: защиты на предварительном следствии, о роли прокурора на суде и т. д.) подлежат, с нашей точки зрения, разрешению в нашем праве не в порядке тех или иных логических выводов из каких-либо процессу-

альных принципов, а в порядке выявления важнейших дефектов нашего современного С. у. — такие дефекты, конечно, имеются — и изыскания наиболее целесообразных практических методов их устранения. Изложение конкретных особенностей нашего С. у. — см. Уголовно-Процессуальный Кодекс

А. Эстрин

СУДОУСТРОЙСТВО. Уже с того момента, как образовывается государственная власть, нарождается и суд (см.). Но лишь с того времени, когда, в качестве системы органов господствующего класса, сложился определенный, более или менее дифференцированный, аппарат государственной власти, можно говорить о суде в современном смысле слова. Термин «суд» в настоящее время обозначает и особый орган, и особую функцию государственного аппарата, заключающуюся в разрешении споров между гражданами или между гражданами и государством по вопросам гражданского права (см.) — конечно, и трудового, земельного права и т. д. — или по вопросам применения уголовного права (см.), наконец, иногда, в бурж. государствах, и по вопросам административного права (см.) — так называемая «административная юстиция» — и являющаяся одной из основных функций госаппарата. В течение очень долгого времени судебная функция, однако, в организационном отношении мало обособлялась или вовсе не обособлялась от управления вообще. Это видно и на примере римского права, ибо судья республиканского Рима (самый термин *praetor*, производимый от *praes* — *итог.* т. е. «идущий впереди», оттеняет даже первоначальную связь соответствующего органа (военной администрации) являлся властью полицейской в самом широком значении этого слова» (И. Покровский) и лишь в дальнейшем превратился «в магистратуру по преимуществу судебную». Еще более это бросается в глаза при ознакомлении со средневековым судом. Наконец, в дореволюционной России «слияние суда и администрации» оставалось «основой чертой нашего дореформенного права» (Розин) вплоть до «судебной реформы» 1864 г., а в институте земских начальников было восстановлено

и сохранилось до самой революции. Идея о суде, как о принципиально особом и принципиально самостоятельном органе, становится, однако, важной составной частью буржуазной правовой идеологии (см. Разделение властей) и в буржуазном государстве кладется в основу всего С. Эта идея тесно связана и с учением о так наз. «несменяемости» (в административном порядке) назначаемых правительством судей, которая также становится одним из принципов буржуазного С. («несменяемые» суды появляются, во Франции, гораздо ранее буржуазной эпохи, но тогда «несменяемость» была просто результатом практики «купли-продажи» судебных должностей, из которой вытекал взгляд на купленную у короля должность, как на неотъемлемую «частную собственность» купившего). Там, где принципы буржуазного демократизма получили наиболее полное развитие (в С.-А. С. Ш., в Швейцарии) и где, в силу этого, проведена выборность всех постоянных судей «народом», там, конечно «несменяемость» сводится лишь к несменяемости в течение срока избрания (судьи Верховного Суда С.-А. С. Ш., назначаемые президентом с согласия Сената, и судьи всей системы федеральных судов САСШ, в отличие от судей местных судов отдельных штатов, впрочем, пользуются пожизненной несменяемостью). Не следует, понятно, забывать, что признание принципа «несменяемости» не лишает находящихся у власти представителей господствующего класса фактической возможности тем или иным способом, и без особой судебной процедуры, устранять нежелательных им в данное время судей, что имело место не только в царской России, в которой, как известно, при юридической (с 1864) «несменяемости» судьи фактически были сменяемы, но и в республиканской Франции, где, напр., действие принципа «несменяемости» просто было особым законом временно приостановлено (!), когда в 1883 г. понадобилось произвести «чистку» судебного аппарата. «Мировые судьи» и в Англии, и во Франции вообще несменяемостью не пользуются.

Основным вопросом С. является вопрос о привлечении к участию в судебной работе, наряду с теми должностными лицами, которые от имени государственной власти

осуществляют судебные функции, также и не должностных лиц из среды более или менее широких слоев населения. В современном С. буржуазных государств такое привлечение осуществляется в двух формах. 1) в суде присяжных и 2) в суде ш е ф ф е н о в. Гораздо более распространенной является первая форма. Образцом для суда присяжных в Зап. Европе и в дореволюционной России явилось английское жюри (jury), зарождение которого относится к XII—XIII в.в., когда из института опроса прибывшими в данную местность раз'ездными судьями представителей общины о совершенных в данной местности преступлениях (ср. так наз. «обыск» в русском праве XVI и XVIII в.) с одной стороны, и из постепенного вытеснявшего более древние «способы доказывания» (так наз. ордалии и судебные поединки) способа доказывания истцом своего права или обвиняемым своей невиновности путем ссылки на местных людей, другой, постепенно наметились обе формы современного англ. жюри: так наз. «большое жюри (grand jury), на котором лежат предварительная проверка и утверждение обвинения (нечто вроде «обвинительной камеры» в процессе континентальной Европы или нашего распорядительного заседания, утверждающего обвинительное заключение), и так наз. «малое жюри» (petty jury) — суд присяжных в собственном смысле слова. Английский суд присяжных был, с теми или иными изменениями, воспринят всеми буржуазными государствами, как существенная гарантия прав личности в уголовном процессе (в Англии суд присяжных участвует и в гражданском процессе), и как форма С., вообще заключающая в себе максимум демократизма (буржуазного). Правда, и среди буржуазных идеологов и юристов раздавались голоса против суда присяжных (Бентам, Иеринг, Биллинг а также вся антропологическая (см.) школа угол. права, как таковая, представитель которой, напр., Ферри, считали суд присяжных подлежащим сохранению лишь по делам о политических преступлениях). Если подоплекой этих возражений являлось опасение, что такой «чрезмерно» демократический институт окажется непригодным для твердого проведения в отношении правонарушителей из народных низов жесткой карательной политики, диктуемой классовыми интересами буржуазии.

то подобного рода опасения были совершенно неосновательными: суд присяжных в буржуазных государствах является чисто-классовым судом буржуазии; дополнительным обеспечением надежности суда присяжных является либо установление специального имущественного ценза для лиц, заносимых в списки присяжных (Англия), либо высокого ценза оседлости (в Германии требуется проживание не менее 2 лет в данной общине), либо поручение составления таких списков особым, вполне надежным, с точки зрения администрации, комиссиям (Франции) С другой стороны, таким обеспечением является и требование е д и н о г л а с и я присяжных как для обвинительного, так и для оправдательного вердикта (Англия и САСШ, где при отсутствии такого единогласия всех 12 присяжных они распускаются и дело подлежит рассмотрению новым составом присяжных). В других государствах допускается вынесение обвинительного вердикта и простым абсолютным большинством коллегии присяжных, а для оправдательного считается достаточным и равенство числа голосов за обвинение и за оправдание (Франция: так же было и в дореволюционной России); имеются и государства, где для обвинения требуется большинство не менее 2/3 всех присяжных, причем при отсутствии такого большинства за обвинение, обвиняемый признается оправданным (Германия, некоторые кантоны Швейцарии).

Суд присяжных является сочетанием двух органов: демократической коллегии присяжных и бюрократической коллегии постоянных правительственных судей (или единоличного постоянного судьи). Распространенная характеристика согласно которой 1-ый из этих двух органов является судом факта, а 2-ой — судом права, не вполне точна; во всяком случае, на континенте Европы функции присяжных исчерпываются тем, что они дают в своем вердикте ответы на вопросы, поставленные им коллегией постоянных судей, и притом на вопросы двоякого рода: 1) установлен ли факт учинения подсудимым инкриминируемого ему деяния и 2) виновен ли подсудимый в этом деянии (при утвердительном ответе на последний вопрос, присяжные вправе признать подсудимого заслуживающим снисхождения): мера наказания определяется коллегией

постоянных судей, в случае обвинительного вердикта присяжных, самостоятельно. В Англии и в САСШ присяжным особым вопросов не ставится, а вместо этого им вручается обвинительный акт (*indictment*), по содержанию которого они дают один общий ответ о виновности или невиновности подсудимого. В отдельных из штатов САСШ присяжные решают и вопрос о наказании, и только в случае разногласий между ними по этому вопросу оно определяется судом.

В отличие от суда присяжных, в суде шеффенов (*Schöffengericht*) профессиональный судья и заседатели от населения составляют одну коллегию. Таким образом, суд шеффенов, известный германскому С. со 2-ой половины XIX в. (германские юристы считают суд шеффенов исконно-германской формой суда), а в настоящее время, в новом германском положении о С., занимающий гораздо более видное место в общей системе С. чем до войны, вполне одинаков по схеме своего построения (конечно, не по своему классовому содержанию) с нашим народным судом.

Суд с участием «народного элемента» т.е. присяжных, не являющихся профессиональными судьями, в силу своей большей сложности, существует обычно лишь для дел более серьезного характера; по столь серьезные дела разрешаются судом без присяжных. В Англии мировые судьи, назначаемые королем из местной «джентри» (землевладельцев, а в наст. время и капиталистов), разрешают с присяжными заседателями дела о серьезных преступлениях (кроме дел об убийстве, *murder*, об измене и т. п., разрешаемых, также с участием *jury* судами высшей компетенции), и без присяжных — дела более мелкого характера. Во Франции мировой судья судит только единолично; в Германии участковый судья (*Amtsrichter*) судит либо единолично, либо с участием шеффенов.

Вообще, системы С. обычно предусматривают существование более или менее разнообразных судебных органов, с неодинаковой компетенцией (подсудность). Так, в дореволюционной России существовали: 1) волостные суды, утверждавшиеся земскими начальниками из кандидатов, представляемых сельскими

лась лишь на так наз. «податные сословия» (крестьян, мещан и т. п.). 2) Земские участковые начальники, назначавшиеся обязательно из дворян, совмещавшие в себе как судебную, так и административную власть и учрежденные в 1889 г. для того, чтобы быть орудием дворянской реакции в отношении крестьянства. 3) Городские судьи (выборные органами земского и городского самоуправления «мировые судьи» сохранились только в столицах и в некоторых больших городах) 4) Уездные члены окружного суда, разрешавшие некоторые из входивших в подсудность мировым судьям дела, изъятые из подсудности земских начальников и городских судей 5) Окружные суды, разрешавшие, большую часть с присяжными заседателями, все уголовные и гражданские дела, превышавшие компетенцию вышеперечисленных органов, кроме дел о «государственных преступлениях», о некоторых должностных преступлениях и т. д., которые были подсудны: 6) Судебным палатам или 7) Сенату по угол. делам обычно с участием особых сословных представителей (губ. или уездн. предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина). Наконец, 8) военные суды также функционировали в широком объеме, хотя и считались «исключительными судами» (см. в наст. томе стр. 342—3), а вопросы о браке и разводе разрешались 9) духовными судами.

Кроме расчленения судебных органов на органы, компетентные разрешать дела большей или меньшей важности или вообще дела того или иного рода постановления о С. всегда предусматривают и деление судебных органов на органы 1-ой, 2-ой и т. д. инстанций, возлагая на высшую инстанцию пересмотр (см. Обжалование) решений и приговоров, вынесенных низшей инстанцией. Так, напр., для судебных дел, решенных земскими начальниками, высшими инстанциями были «уездный съезд» земских начальников под председательством предводителя дворянства (рассматривавший соотв. дела в порядке апелляции) и «губернское присутствие» в качестве кассационной инстанции. Кассационной инстанцией для дел, разрешенных при участии присяжных заседателей или сословных представителей, являлись кассационные департаменты Сената, апелляция по такого рода делам не

имела места. Для всех прочих дел, разрешенных окружными судами, апелляционной инстанцией служила судебная палата, а кассационной — касс. департаменты Сената. Для дел, разрешенных мировыми судами, апелляционной (а по делам меньшей важности — кассационной) инстанцией был съезд мировых судей, и кассационной — Сенат. Апелляционные и кассационные инстанции в буржуазных государствах имеют довольно разнообразное устройство; общим правилом является отсутствие апелляционной инстанции для дел, разрешенных судами присяжных (исключением в этом отношении является Англия) и сосредоточение кассационного производства по наиболее важным делам в едином судебном органе (Верховном Суде).

С. обнимает собою также организацию органов предварительного расследования преступлений (см. Предварительное следствие), однако, полиция — а у нас милиция — хотя и выполняет очень важные функции в этом отношении (дознание), в организационном не охватывается постановлениями о С., ибо в основном полиция (милиция) — не судебный, а административный орган; впрочем, Франция знает так наз. «судебную полицию». Что касается предв. следствия в тесном смысле слова то в Англии и в САСШ (и по Германскому проекту 1923 г.; соотв. предложение, однако, в герм. У. П. К. 1924 не воспринято) специального органа для него не существует, и потому в Англии и в САСШ самый институт предв. следствия, которое бы отличалось от дознания, неизвестен. и материалы по делу собираются там, по общему правилу, сторонами (в частности, полицией), в определенных случаях — с разрешения или по предписанию мирового судьи. Во Франции же и в Германии существуют для производства следствия особые «следственные судьи».

Далее, С. обнимает собою организацию органов обвинения (см. Прокуратура) и защиты (см. Адвокатура), а также разного рода подсобных для суда органов, в частности, напр., органов исполнительного производства, подобно нашим судебным исполнителям.

А. Эстрин

Судоустройство СССР В развитии С. РСФСР и других советских республик необходимо различать три последовательных этапа.

Первый этап, который датируется ноябрем 1917 года и охватывает 1918 г., является периодом ломки всех судебных учреждений дореволюционного времени. Историческим актом для этого этапа является декрет о суде № 1, который упразднил общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды; приостановил действие института мировых судей, предлагая заменить мировых судей избираемыми непрямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. По декрету о суде № 1 местные суды должны были решать все гражданские дела ценю до 3.000 рублей и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше двух лет лишения свободы и если гражданский иск превышает 3.000 руб. Приговоры и решения местных судов являлись окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали. Потом для рассмотрения дел, превышающих подсудность местных народных судов, декретом № 2 учреждались окружные народные суды, состав которых, в целях повышения квалификации для решения более сложных гражданских дел, намечался в виде сочетания трех постоянных членов окружного народного суда и четырех народных заседателей. По уголовным же делам решение должно было выноситься судом в составе 12 очередных заседателей и двух запасных под председательством одного из постоянных членов суда. Как для местных судов, так и для окружных судов состав народных заседателей определяется Советом Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, на основании списков кандидатов, представляемых местными районными и волостными Советами.

Таким образом, наряду с коренной ломкой прежних царских судов, в этот период намечалось в виде переходных мер привлечение в состав суда местных мировых судей и создание окружных судов с более квалифицированным составом. Меры эти необходимо рассматривать в связи с теми переходными мерами, которые намечались и в других областях советского строитель-

ства для этого периода революции, когда сопротивление буржуазии и саботаж со стороны интеллигенции не перешли еще в открытую гражданскую ожесточенную борьбу. Такими переходными мерами являлись: рабочий контроль промышленности, допущение временного арендного пользования со стороны прежних владельцев предприятиями промышленности (декрет 28 июня 1918 г.), привлечение к работе некоторых категорий прежних судебных и других специалистов.

Развитие гражданской войны уничтожило такие переходные меры, и уже в июле 1918 г. Наркомюст был озабочен созданием основной судебной ячейки—народного суда (см.), построенного на участии в нем исключительно рабочих и крестьян. Сокращение, а затем полное прекращение гражданского частного оборота, делало ненужным создание особых квалифицированных гражданских судов. К концу 1918 г. вся юрисдикция, на 90% состоящая из уголовных дел, сосредоточилась в народных судах. В то же время необходимость дать отпор ожесточенным попыткам буржуазии вернуть себе власть вызвала создание к концу 1918 г. революционных трибуналов (см.), а также органов для борьбы с контрреволюцией—Ч. К.

Таким образом, с 1918 г. начинается второй этап развития С., который характеризуется существованием, с одной стороны системы народных судов, а с другой стороны—системы революционных трибуналов. В своем дальнейшем развитии трибуналы (см.) получали вполне законченную централистическую систему, завершенную образованием верховного Трибунала при Президиуме ВЦИК. Система же народных судов получила свое оформление в Положении о народном суде РСФСР, принятом 30 ноября 1918 года, а затем появившемся в несколько измененном виде 21 октября 1920 года.

Согласно Положения о народном суде РСФСР 1920 г., народный суд рассматривал дела в составе: 1) одного постоянного народного судьи. 2) одного постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей и 3) одного постоянного народного судьи и шести очередных народных заседателей. Функции народного судьи рассматривавшего дела без народных заседателей, ограничивались рассмотрением дел

в порядке бесспорного производства проверки законности и правильности поводов содержания лиц под стражей и наблюдения за производством дознания органов милиции (см.). Количество народных заседателей зависело от степени важности дела. Положение 1920 года упразднило прежние следственные комиссии и ввело институты народных следователей, судебных исполнителей и членов коллегии защитников; руководство народными судами РСФСР принадлежало в центре Паркомюсту (см.), а на периферии—советам народных судей, как кассационной инстанции. Администрирование до упразднения отделов юстиции в губернии принадлежало последним.

Дуалистической системе судебных учреждений был положен конец законодательством 1922 года, связанным с новой экономической политикой (см.). В этом же году было принято Положение о С РСФСР, переизданное в 1926 году в связи с принятием Союзом основ С. Союза ССР и союзных республик. В соответствии с этими основами были определены как задачи суда, так и основная система судебных учреждений каждой союзной республики и их построение.

Согласно Положения о С РСФСР 1926 г. задачами суда являются: а) ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, установленного; б) защита интересов и прав трудящихся и их объединений; в) укрепление общественно-трудоустройственной дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание; г) осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан.

В соответствии с основами на территории РСФСР действует следующая единая система судебных учреждений: народный суд, губернский суд (или соответствующие ему) и Верховный Суд РСФСР (в автономных республиках—главный суд). В краевых и областных административно-территориальных объединениях взамен губернских судов организуются и действуют краевые и окружные суды.

На ряду с единой системой судебных учреждений Положение о С РСФСР предусматривает следующие специальные суды: по делам о преступлениях воинских—военные трибуналы, по делам земельным—земельные комиссии (см.), по делам о спо-

рах об имущественных правах между государственными органами — арбитражные комиссии (см.).

Судебные учреждения строятся на началах отправления судебной деятельности исключительно трудящимися, избрания судей и народных заседателей советами и на единстве судебной политики Союза ССР проводимой на основании законодательства Союза и союзных республик Верховным Судом Союза, народными комиссариатами юстиции и верховными судами союзных республик.

Положение сохраняет основное начало, проходящее красной нитью через организацию советских судов за все время их существования, а именно: все дела рассматриваются по существу в одной инстанции, апелляция не допускается, и на приговоры и решения жалобы могут приноситься лишь в кассационном порядке. Согласно ст. 5 Положения о С. РСФСР, органом, осуществляющим общее руководство судебными учреждениями и иными органами юстиции, ведающими их организацией, а также ревизией и инструктированием всех судебных учреждений, является НКЮ РСФСР, действующий на основании особого о нем Положения. На НКЮ РСФСР возлагается проведение общей линии судебной политики на территории РСФСР и, в пределах, предоставленных ему Положением о НКЮ РСФСР прав, истолкование общесоюзного законодательства.

Народный суд действует в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей и является органом, рассматривающим в пределах своего района все уголовные и гражданские дела, кроме дел, отнесенных законом к ведению иных судебных учреждений. Согласно Положения о С. губернский суд является судом второй (кассационной) инстанции по делам подведомственных ему народных судов и в качестве суда первой инстанции ведаст наиболее сложными и важными делами, подробно предусмотренными соответствующими статьями уголовно-процессуального и гражданско-процессуального кодексов; губернский суд является органом судебного управления и надзора в отношении судебных учреждений губернии. Краевой суд является судебно-административным центром края и судом первой инстанции для наиболее важных дел, определяемых так-

же кодексами. В округах в качестве судебно-административных центров по отношению к судебно-следственным учреждениям и кассационной инстанцией по делам народных судов являются окружные суды. Кассационной же инстанцией по делам рассматриваемым окружными судами, являются соответствующие коллегии Верховного Суда.

Верховный Суд осуществляет непосредственное руководство судебной практикой на территории РСФСР, представляет наркому юстиции с производстве очередных ревизий, краевых, областных и губернских судов, а также о необходимых изменениях в личном составе последних или о даче указаний этим судам с вызывом в необходимых случаях для объяснений их председателей; по согласованию с НКЮ назначает специальные ревизии своих отделений, равно как и главных судов автономных республик, краевых, областных и губернских судов. Верховный Суд является кассационной инстанцией в отношении главных судов автономных республик краевых, областных, губернских и окружных судов и судом первой инстанции по отнесенным законом к его ведению уголовным и гражданским делам особой государственной важности.

Для надзоров за законностью действий органов власти, государственных и общественных учреждений и частных лиц и для охраны в судебных процессах интересов государства и трудящихся, наблюдения за деятельностью органов, ведущих борьбу с преступностью, наблюдения за приведением в исполнение приговоров, за правильностью содержания под стражей и состоянием мест заключения действует государственная прокуратура (см.).

Верховный Суд, а также главные суды автономных республик, краевые и губернские суды действуют в составе: а) пленума, б) президиума в) судебных и кассационных коллегий по уголовным и гражданским делам и г) дисциплинарной коллегии. Пленарные заседания Верховного Суда состоят из всех наличных его членов и при обязательном участии прокурора республики или старшего его помощника и ведают: истолкованием законов по всем вопросам судебной практики в области процессуального и материального права, рассмотрением и утверждением постановлений президиума

Верхсуда об отмене или изменении приговоров, решений и определений коллегий Верхсуда и любого суда республики, а равно представлений в Президиум ВЦИК или ЭКОСО, по принадлежности, об отмене постановлений особой коллегии высшего контроля по земельным спорам и высшей арбитражной комиссии, утвержденным циркуляром Президиума Верхсуда и рассмотрением иных вопросов, вносимых в Пленум Верхсуда и его Президиум, а также выборами дисциплинарной коллегии Верховного Суда.

Президиум Верховного Суда, состоящий из его председателя, заместителя и председателей кассационных и судебных коллегий, ведают: вопросами административного управления, надзора за судебными учреждениями в пределах полномочий Верхсуда, предварительным рассмотрением вопросов, вносимых на рассмотрение пленарных заседаний.

В пределах предоставленных полномочий, на тех же принципах строения, действуют главные суды автономных республик и губернские суды.

Д. Курский

СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ. Область, исключительное право на завладение которой в будущем закреплено за какой-либо империалистической державой особыми соглашениями с другими державами, называется С. и. этой державы. Впервые этот термин возник в связи с разделом Африки между европейскими державами во второй половине XIX в. Державы (Великобритания, Германия, Италия, Франция, Португалия) особыми соглашениями заранее разграничили между собой территории, подлежащие их захватам в Африке. Таким образом, превращение какой-либо территории в С. и. империалистической державы является предварительной ступенью на пути ее превращения в колонию этой державы. Впоследствии этот термин получил широкое распространение. Так, С. и. различных держав в Китае являются их «аренды» и «сеттльменты» (Шанхай, Вей-Хай-Вей у Англии, Кванчжуан—у Франции, Порт-Артур и Дайреп—у Японии) равно как и территории, в пределах которых они закрепили за собой исключительное право на получение разного рода концессий (Манчжурия у Японии). Уста-

новление С. и. практикуется и до настоящего времени. Так, Великобритания и Италия соглашением, заключенным в декабре 1925 года, взаимно разграничили своей С. и. в Абиссинии, невзирая на то, что последняя номинально является независимым и суверенным государством и даже членом Лиги Наций. Впрочем, распределение «мандатов» (см.) самой Лиги Наций произошло на основе предварительных соглашений между империалистическими державами Антанты о разграничении их С. и. (такого рода соглашения относительно будущего раздела Оттоманской империи были заключены еще во время мировой войны). Установление С. и. является, таким образом, типической формой колониальной экспансии и захватов капиталистических государств.

От принципа С. и. отличается другой принцип колониальной политики — принцип т. н. «открытых дверей». Последний сводится к тому, что в пределах данной территории все державы получают равные права и возможности для себя и своих подданных в отношении торговли, получения концессий и т. д.; державы взаимно обязуются не выговаривать для себя или своих подданных исключительных прав или привилегий в пределах какого-либо определенного участка на данной территории, иначе говоря, не устанавливать С. и. Этот принцип выдвигался и выдвигается, главным образом, Соединенными Штатами Америки (впервые он формулирован в 90-х г.г. XIX ст. в применении к Китаю), которые позднее других держав выступили на арену колониальной политики и находили мало свободных территорий для своего захвата. Принцип «открытых дверей» вполне соответствует интересам Америки с ее быстро развивающимся индустриальным экспортом и огромными возможностями в отношении инвестирования капиталов за границей; при осуществлении этого принципа американский капитализм быстро осуществил бы свою экспансию в ряде колониальных и полуколониальных стран. Америка добилась (на вашингтонской конференции 1921—22 г.г.) признания этого принципа в отношении Китая; однако, осуществление этого принципа в Китае тормозится другими державами, отнюдь не склонными отказаться от своих С. и.

Америка выдвигает эту доктрину также в отношении других колониальных территорий; так, она отказалась признать статут Танжера, установленный конвенцией 1923 г. на том основании, что там недостаточно осуществлен принцип «открытых дверей». В то же время американский империализм, там, где это ему выгодно применяет и принцип С. и. Доктрина Монроэ, в ее позднейшем истолковании («Америка для американцев») по существу превращает всю Латинскую Америку в гигантскую С. и Соединенных Штатов.

Для СССР одинаково неприемлемыми представляются оба принципа империалистической колониальной политики. Политика СССР в отношении стран Востока и вообще колониальных народов базируется на непосредственных соглашениях с этими странами, основанных на принципах равенства и взаимности. Вследствие это-

го договоры с третьими державами относительно этих стран, как противоречащие их суверенитету, национальному достоинству и жизненным интересам, не практикуются советским правительством. Особенно неприемлемым, с точки зрения принципов всей нашей политики, представляется установление С. и. как и вообще всякого рода колониальные захваты. По англо-русскому соглашению 1907 г. за Россией была признана С. и в северной части Персии. Между тем, по советско-персидскому договору 26/II 1921 г. СССР отказался от всех исключительных прав и концессий, принадлежавших России в Персии. Точно так же, по советско-китайскому договору от 31/V 1924 г., СССР отказался от всех прав, принадлежавших России в связи с ее заинтересованностью в Китайско-Восточной железной дороге

Л. Иванов

Т

ТАЙНЫЙ СОВЕТ. В Англии Т. с (Privy Council) являлся прежде органом, при участии и в согласии с которым король решал дела, не подлежащие прохождению через парламент, действуя в этих случаях, как «Король в Совете». С развитием парламентаризма и усилением власти кабинета министров, Т. с. терял постепенно свое значение, хотя еще до 70—80-х годов XIX в. сохранялись комитеты Т. с., ведавшие вопросами торговли, земледелия и народного просвещения. Из состоящих в совете Т. с. комитетов сохраняет значение только Судебный комитет, являющийся апелляционной инстанцией для судебных дел, решающихся во всех доминионах в колониях. В последнее время доминионы (паир., Канада и Австралия) добились ограничения права апелляции по ряду вопросов. Члены Т. с. назначаются королем; они приносят в заседании Т. с. присягу королю и целуют его руку. Увольнение членов Т. с. также производится королем. Министры всегда являются членами Т. с. Общее число членов Т. с. — более 200. Т. с. собирается для составления приказов, посылки прокламаций, присутствия при выражении епископом благодарности за владения его епархии, утверждения шерифов графств. Заседания Т. с. бывают все же чрезвычайно редко. Председатель Т. с. назначается королем и занимает второе место в Палате лордов. На некоторых заседаниях Т. с. председательствует король. В общем Т. с. представляет собой в настоящее время одно из многочисленных в Англии декоративных учреждений, лишенных действительной власти.

В Японии Императорский Т. с. (генро) при ограниченности прав парламента играет громадную роль и фактически совершенно безответственно управляет государством. В состав Т. с. входят министры и 15 членов, назначаемых императором и

принадлежащих обычно к нескольким знатнейшим дворянским родам, состоящим в родстве с императорским домом. В конституции лишь указывается, что члены совета обсуждают важнейшие государственные дела, относительно которых император спрашивает их совета.

В России Верховный Т. с. существовал в 1726—1730 г.г., как высшее правительственное учреждение, долженствовавшее объединять разрозненную деятельность коллегий (см.). После вступления на престол Анны Иоанновны и поражения «верховников» Верховный Т. с. был упразднен.

А. Турбинер

ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА. (Т. п.). Так называется совокупность мероприятий государства в области таможенного обложения, направленных к регулированию товарообмена данного государства с иностранными государствами. Т. п. представляет часть торговой политики в буржуазных государствах, едва ли не самую значительную часть, поскольку в условиях свободной торговли высота таможенного обложения является серьезным фактором, стимулирующим или тормозящим ввоз и вывоз товаров в данную страну и из данной страны.

Системы Т. п. В истории Т. п. капиталистических государств определялись две системы Т. п.: фритредерство, или система свободной торговли, и протекционизм, или система запретительная. Краткий исторический очерк Т. п. Западной Европы может наилучшим образом показать происхождение и сущность обеих систем.

В эпоху меркантилизма Т. п. сама по себе еще не играет решающей роли в регулировании внешнего товарооборота западно-европейских стран. Существующая разрешительная система (см. Лицензия) является тем серьезным фактором, который тормозит развитие внешней торговли и без

вмешательства таможенного обложения. Однако, в это время, наряду с запретительной системой, применяется также и система высоких запретительных пошлин, несколько напоминающая систему будущего протекционизма.

В эпоху зарождения промышленного капитализма развивается протекционизм в собственном смысле слова. Молодая промышленность для своего укрепления, в первую очередь на внутреннем рынке, стремится оградить себя высокими пошлинами от ввоза конкурирующих товаров из-за границы. Такова система Т. п. наиболее прогрессивных государств Западной Европы—Англии и Франции в конце XVIII и в начале XIX века. В середине XIX века положение резко изменяется. Быстрый рост промышленности в первую очередь в Англии, необходимость работы на экспорт вызывают в промышленных кругах стремление к завоеванию рынков, которое может осуществиться лишь при условии отсутствия таможенных защитительных пошлин в стране ввоза. Для того, чтобы создать в странах своего ввоза наилучшие условия сбыта, передовые промышленные круги Англии, манчестерские фритредеры, толкают Англию на путь снятия высоких запретительных пошлин и установления фискальных пошлин, т. е. пошлин, имеющих своей целью не защиту промышленности, а лишь повышение доходов фиска. Кобденский трактат 1860 года между Францией и Англией является поворотным пунктом и в истории Т. п. Европы. Этот трактат открывает новую эру в этой истории, эру фритредерства, не только в Англии и Франции, но и в других странах.

К концу XIX века (начиная с 80-х годов) положение резко изменяется; создается промышленность не только в передовых странах, как Англии и Франции, но и в странах более отсталых по тому времени (как Соед. Штаты, Германия, Италия). Развивается бешеная конкуренция промышленных стран, ищущих рынков сбыта. Английские товары начинают вытеснять в Германии—германские, германские в Англии—английские. Параллельно этому идет концентрация капитала, — трестирование и картелирование. Все эти явления в совокупности приводят к пересмотру системы Т. п. в боль-

шинстве государств. В целях ограждения своей страны от проникновения товаров конкурентов в интересах концентрации капитала и захвата картелированной промышленностью всего внутреннего рынка, в интересах повышения прибылей этих картелей и трестов — капиталистические государства: Франция, Германия, Соед. Штаты, становятся на путь защиты своего внутреннего рынка от иностранной конкуренции высокими пошлинами. Создается система протекционизма. Волна протекционизма, начавшаяся в конце XIX века, все сильнее и сильнее охватывает западно-европейские государства и получает свое дальнейшее развитие в начале XX века, в эпоху, предшествующую мировой войне. Мировая война не только не прекращает развития протекционизма, но еще углубляет и усугубляет его. Война, вызвавшая расстройство в мировом товарообороте, обособившая отдельные народно-хозяйственные организмы, приводит к дальнейшему росту протекционизма. Капиталистические государства, стремясь развить свою промышленность, ограждаются друг от друга таможенными пошлинами.

Таможенные пошлины. Средством осуществления Т. п. являются таможенные пошлины. Они представляют собой особую форму государственного налога, взимаемого специальными органами таможен на границах государства, при переходе товара через эту границу. В зависимости от своих целей пошлины разделяются на покровительственные, фискальные и боевые; в зависимости от направления облагаемых товаров на ввозные и вывозные; в зависимости от системы взимания — на ценовые и специфические.

Фискальными — называются такие таможенные пошлины, исключительной целью которых является повышение доходности казны. Этими пошлинами облагаются, главным образом, предметы широкого потребления, не производимые в стране, как, например, чай, кофе, какао, иногда

В самое последнее время даже классическая страна фритредерства—Англия стала на путь протекционизма. Закон 1921 г. об охране промышленности предусматривает специальную надбавку в 33 $\frac{1}{3}$ % для товаров, производству которых внутри страны угрожает иностранная конкуренция.

сахар. При вывозе такими пошлинами облагаются товары, в отношении которых страна вывоза является монополистом (в СССР — сантонин). Покровительственными называются пошлины, имеющие своей целью затруднить проникновение из-за границы иностранных товаров и тем самым покровительствовать конкуренции с этим иностранным товаром — аналогичных товаров местного производства.

Особый вид пошлин по своим целям представляют боевые пошлины, задачей которых является специальное запрещающее повышение обложения товаров из страны, по отношению к которой по политическим или экономическим соображениям применяются репрессалии (см.) Боевые пошлины применяются обычно во время таможенных войн между государствами. Вывозные пошлины имеют преимущественно фискальное значение, в редких случаях вывозные пошлины применяются в отношении сырьевых продуктов, в которых нуждается местная промышленность и вывоз которых в другие государства поэтому должен быть затруднен (например, существовавшая до последнего времени в СССР вывозная пошлина на кожаное сырье)

В том случае, если пошлина установлена в виде процентов, взимаемых с определенной стоимости товаров, такая пошлина называется ценовой или ад валорем. В большинстве государств эта система таможенного обложения в настоящее время не применяется в виду практических ее трудностей: при этой системе работа таможен сильно осложняется, поскольку в целом ряде случаев определение действительной стоимости товаров является затруднительным.

Поэтому большинство государств перешло на систему специфических пошлин, при которых таможенная ставка устанавливается применительно к определенным внешним признакам облагаемого товара, в большинстве случаев к весу в отношении отдельных товаров (например, животные), к количеству и т. д.

В целях приспособления специфической пошлины к ценности товара в период неустойчивых цен в большинстве стран была введена система коэффициентов умножения, т. е. система устанавливаемых в соответствии с изменяющимся курсом валю-

ты подвижных коэффициентов, на которые умножались специфические таможенные пошлины.

Помимо изложенных видов пошлин, существуют еще так называемые дифференциальные пошлины, т. е. ставки, устанавливаемые в различных размерах в отношении того или иного товара, в зависимости от того, через какую границу товар провозится или из какого государства он прибывает.

Т. п. СССР. В условиях монополии внешней торговли, при которой регулирование ввоза осуществляется органом государственной монополии — Наркомторгом, Т. п. не может играть столь существенной роли, какую она играет в торговой политике капиталистических государств. Самым фактом установления повышенных пошлин на определенный товар ввоз этого товара в СССР еще не исключается, поскольку ввоз его предусмотрен в импортном плане; наоборот, понижение пошлин еще не приведет само по себе к наводнению данным товаром Советского Союза, поскольку ввоз его должен осуществляться по лицензиям. Однако, и в Советском Союзе таможенные пошлины играют довольно существенную роль в качестве дополнительного фактора, который может способствовать ограничению импорта из-за границы и охране интересов советской промышленности.

Первый тариф Советского Союза, введенный в условиях устойчивой валюты (тариф от 8 января 1924 г.), был умеренно протекционистским, т. е. защищавшим основные отрасли нашей промышленности, но в то же время не устанавливавшим особо высоких пошлин. Практика показала, что этот тариф в условиях высокой стоимости производства в СССР и связанной с ней высоты цен недостаточно охраняет промышленность Советского Союза. Провозглашенный в 1926 году принцип индустриализации, с одной стороны, директива о создании активного баланса (см. Торговая политика), с другой, директива о повышении доходов казны, с третьей, привели к генеральному пересмотру таможенных пошлин в 1926 году. Принятый в результате этого пересмотра таможенный тариф от 11 февраля 1926 года вводит существенное повышение таможенных пошлин по всем

основным статьям тарифа. Этот тариф носит ярко выраженный фискальный характер и в то же время протекционистский характер, он повышает обложение не только предметов широкого потребления, не производимых в Советском Союзе, как чай, кофе, пряности и т. д., но и в сильной степени должен способствовать развитию в Советском Союзе собственной промышленности, путем соответственного повышения таможенного обложения всех тех промышленных изделий, производство которых силами собственной промышленности предвидится в ближайшие годы.

Б. Розенблюм

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ в широком смысле слова — объединение самостоятельных в политическом отношении государств в замкнутую во-вне таможенную территорию.

От Т. с. следует отличать так называемое «таможенное присоединение» (*Zollanschluss*), характерной чертой которого является неравенство его участников. В этом последнем случае одно государство принимает таможенную систему другого и входит в его таможенную границу (примеры. Франция и Монако, до войны Германия и Люксембург)

В собственном значении слова Т. с. предполагает такое объединение самостоятельных государств в таможенной области, которое выражается полным слиянием этих государств в хозяйственном отношении воедино. Однако, в литературе часто именем Т. с. обозначаются и такие таможенные объединения, при которых договаривающиеся государства, являя во-вне единую таможенную территорию, сохраняют в то же время значительную хозяйственную самостоятельность, устанавливая внутри между собою особый дифференциальный тариф, не вводя общих налогов на потребление и т. д.

Экономические проблемы таможенного союза. Слияние двух государств, являвшихся до этого времени самостоятельными народными хозяйствами, в единую таможенную территорию вызывает необходимость значительной перестройки структуры их экономики.

Установление единого таможенного тарифа на границе двух различных государств представляет значительные экономические трудности. Различие народных

хозяйств порождает различие систем таможенного обложения. Страна с преобладанием сельского хозяйства устанавливает аграрные пошлины, страна промышленная склонна к промышленному протекционизму, но охотно пропускает зернопродукты. Интересы таких двух стран (пример. аграрная Бавария и промышленная Саксония в Германской империи) объединить довольно трудно. Проблема разрешается либо компромиссным тарифом, либо установлением специального дифференциального тарифа на границе стран-участниц союза, тарифа, долженствующего восполнить внешний тариф в сторону удовлетворения различных интересов стран — участниц союза. Естественно, что образование единой таможенной территории требует создания единого союзного таможенного органа.

Не менее сложную проблему, чем установление единого тарифа, составляет справедливое распределение доходов от таможенных пошлин. Распределение по принципу места взимания дохода несправедливо, так как оно приведет к передаче большей части доходов стране-участнице с большим протяжением границы и большим количеством пограничных торговых пунктов. Точно так же принцип территориального протяжения стран-участниц союза не дает справедливого критерия для распределения поступлений от таможен, если принять во внимание различную плотность населения на различных территориях. Наибольшее сочувствие в литературе вызывает распределение по принципу количества народонаселения. Этот принцип был в свое время принят Германским Т. с.

Непосредственная связь таможенных пошлин с косвенными налогами побуждает проводить на территории Т. с. взимание этих налогов по единым ставкам, либо устанавливать взимание особых уравнительных сборов при торговом общении стран — участниц союза.

Параллельно с нивелировкой системы налогового обложения, образующие Т. с. государства в случае, если они не имеют единой монетной системы, вынуждены регулировать во взаимоотношениях друг с другом денежные системы, так как в противном случае колебание курса валюты, создавая то экспортные премии, то затруднения вывоза, подорвало бы все эконо-

мическое значение объединения государств в таможенном отношении.

Интересную проблему в применении к Т. с. представляет заключение странами-участницами союза торговых договоров. Обычно страны-участницы союза не теряют своего права на заключение самостоятельных торговых договоров. Однако, для того, чтобы права других участников союза не перешли на нового контрагента и чтобы, таким образом, не было подорвано все экономическое значение Т. с., для заключающей договор страны, в договоре включается особая оговорка о том, что права наиболее благоприятствуемой нации, представляемые новым договором, не распространяются на льготы и привилегии по Т. с. Таким образом, в порядке наибольшего благоприятствования договорные контрагенты страны-участницы Т. с. не могут получить от нее столь далеко идущих таможенных льгот, какими пользуются на ее территории другие страны-участницы этого Т. с.

Таможенные союзы до мировой войны. Единственным Т. с. (в собственном смысле слова) в истории, как указано выше, был знаменитый германский Т. с., имевший общий внешний тариф, распределение таможенных доходов по числу населения, уравнительные сборы для нивелировки ставок налогового обложения и т. д.

Все остальные проекты Т. с. до войны остались лишь проектами. Наиболее интересным был проект создания Центрально-европейского Т. с., который, однако, не нашел себе осуществления даже во время войны. Образовать полный Т. с. Германия и Австрия не решались, а пойти на частичное таможенное сближение не могли, так как боялись, что по старым договорам льготы, предоставленные ими друг другу по принципу наибольшего благоприятствования (см.), перейдут и на других контрагентов. Не получили осуществления и мечты о Скандинавском и Панамериканском Т. с.

Таможенные союзы после мировой войны. После мировой войны заключение новых Т. с. оказалось не менее затруднительным, чем и до нее Таможенные объединения, осуществившиеся в последнее время (Бельгия и Люксембург)— в результате расторжения таможенной

унии Люксембурга и Германии, Швейцарии и Лихтенштейна—из-за расторжения Т. с. этого последнего государства с Австро-Венгрией (Польша и Данциг) идут не по пути Т. с., а по пути таможенных присоединений (Zollanschluss), так как слабая сторона (Люксембург, Лихтенштейн, Данциг) занимает в этих униях подчиненное положение и включается в тамож. систему сильной стороны.

Некоторые возможности Т. с. замечаются лишь во взаимоотношениях прибалтийских государств — Эстонии, Латвии и Литвы. Равенство политического значения, единообразие экономического развития, общность интересов, необходимость расширения таможенной территории для развития производительных сил — все это указывает на возможность создания Т. с. в составе этих государств. Эта тенденция до последнего времени нашла себе выражение в предварительном договоре от 1/II 1923 г. об экономической и таможенной унии между Латвией и Эстонией, в котором (ст. 7) предусматривается образование особой смешанной комиссии, каковая должна установить общий таможенный тариф и согласованное таможенное законодательство для обеих стран. Комиссия эта долгое время не собиралась, гл. обр., из-за наметившейся в Эстонии (как более слабой в экономическом отношении стороны будущего Т. с.) оппозиции союзу. Только в самое недавнее время в Риге состоялось заседание комиссии, на котором был выработан лишь самый предварительный проект соглашения о принятии мероприятий в Эстонии и Латвии, без которых образование союза невозможно. В этом проекте предусматривается унификация там. тарифов обеих стран в 1 год и фискального законодательства, акцизов, монополий, прямых налогов, ж.-дор. тарифов, законодательства об охране труда и всей финансовой и экономической политики в 3 года. Ставки там. тариф. будут установлены в золот. франках, но Эстония будет калькулировать свои сборы в золотых кронах, причем обмен латов (латв. валюты) на кроны будет производиться беспрепятственно и безвозмездно по золотому паритету эмиссионными банками обеих стран.

СССР и таможенные союзы. До образования Союза ССР советские респуб-

лики образовывали между собой Т. с. Т. с. существовал также у РСФСР с Бухарой и Хорезмом. Ныне с образованием Союза ССР и вхождением в него Узбекистана и Туркменистана все союзные республики образуют уже не Т. с., а союзное государство, имеющее единую таможенную систему.

Б. Розенблюм

ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФ

Систематический перечень действующих в стране таможенных пошлин (см. Таможенная политика) называется Т. т. данной страны.

Виды тарифов. Т. бывают привозные и вывозные, в зависимости от того, содержат ли они привозные или вывозные пошлины. В зависимости от порядка установления и принятия Т. различаются Т. конвенционный и автономный. В отношении системы Т. разбиваются на генеральный или общий, и конвенционный, которым противостоят Т. максимальный и минимальный; кроме этого существуют еще преференциальные и дифференциальные Т.

Т., принятый законодательной инстанцией страны без всякого соглашения с другими государствами, называется автономным. Ему противопоставляется Т., установленный в порядке соглашения с иностранным государством, называемый конвенционным (от слова конвенция — соглашение)

В отношении принятых в них систем Т. государства разделяются на имеющие генеральный Т. и имеющие максимальный и минимальный Т.

Система генерального, или общего, и конвенционного Т., принятая в настоящее время в целом ряде государств, состоит в следующем: законодательной инстанцией страны принимается общий таможенный Т., применяемый ко всем недоговорным странам. В порядке договоров и соглашений от этого Т. допускаются отступления в форме предоставления тем или иным государствам более льготных, чем по общему Т., ставок. По наибольшему благоприятствованию эти наиболее льготные ставки распространяются на все государства, связанные с данной страной договорами о наибольшем благоприятствовании (см.). Поскольку, например, в довоенное время система наибольшего благоприятствования была господствующей во всех европейских государствах, создавалось

положение, при котором пониженные ставки, предоставленные одному какому-либо государству, распространялись на все договорные государства, для которых действовал, таким образом, как бы единый конвенционный Т. Эта система действует в настоящее время, например, в Германии.

При системе максимального и минимального Т. (принятой до войны во Франции) законодательными инстанциями устанавливаются одновременно два Т. минимальный, учитывающий реальные потребности народного хозяйства, ниже которого никакие понижения в договорном порядке даваться не могут и максимальный, действующий в отношении недоговорных стран. Главное отличие этой системы от приведенной выше заключается, таким образом, в том, что хотя обе системы имеют два Т., по первой один из Т. устанавливается в договорном порядке, в то время, как во второй оба Т. определяются в порядке автономного законодательства.

Основным недостатком системы минимального и максимального Т. является ее негибкость.

Учитывая эту негибкость Т., с одной стороны, а с другой стороны, желая избежать распространения по наибольшему благоприятствованию единообразных ставок на все государства, Франция в 1919 г. видоизменила свою таможенную систему. Она сохранила максимальный и минимальный Т. в виде двух пределов, внутри которых должны устанавливаться ставки таможенного обложения в порядке соглашений с иностранными государствами. Франция в настоящее время по новым договорам не предоставляет ни одному государству свой минимальный Т. сплошь, она дает этот Т. лишь по отдельным товарам, наиболее интересующим ее контрагентов, а в отношении других товаров предоставляет максимального Т. скидку, выраженную в виде процента с разницы между максимальным и минимальным тарифом¹ Принятая во Франции система вызвала довольно значительное сопротивление со стороны большинства ее контрагентов, отка-

С 6 окт. 1926 г. процентные скидки во Франции исчисляются прямо со ставок максимального Т.

зывавших в предоставлении Франции наибольшего благоприятствования в силу непредоставления ею своего минимального Т сплошь. Франция в виду этого вынуждена сохранить свои старые договоры с наиболее крупными государствами (Соед. Штатами, Великобританией, Италией), по которым эти государства пользуются по-прежнему всеми ставками минимального Т.

Продолжительную борьбу пришлось Франции выдержать и с Германией, закончившуюся предоставлением Германии значительных уступок.

В английских доминионах (напр. в Канаде) существует система тройного Т. максимального, применяемого к недоговорным странам, минимального, применяемого к странам, связанным с Канадой наибольшим благоприятствованием, и преференциального, применяемого к метрополии и к другим доминионам.

Обрисованные выше тарифы являются общими для всей страны, т. е. действующими на всех ее границах. В странах с большим протяжением границ (например, СССР), в которых в различных районах создаются различные экономические условия, устанавливаются дифференциальные Т., действующие лишь при ввозе товаров через определенные участки границ и направленные к стимулированию экономического развития тех или иных из прилегающих к этим участкам территорий.

Таможенные тарифы СССР. До последнего времени СССР сохранял в своем Т. т. систему довоенного Т. Тариф был разбит на десять групп: 1) жизненные припасы и животные, 2) животные продукты и изделия из них, 3) лесной товар, деревянные корзины и изделия, 4) керамические материалы и изделия, 5) топливо, 6) материалы и продукты химического производства, 7) руда, металлы и изделия из них, 8) писчебумажные товары и произведения печати, 9) прядильные материалы и изделия из них и, наконец, 10) предметы одеяния, галантерейные товары и т. д. Т. насчитывал 218 статей. В 1926 г. был произведен общий пересмотр всех Т. т. СССР, в результате которого 11 февраля 1927 года был принят свод Т. г. СССР. Этот свод состоит из общего Т. т. по привозной торговле, насчитывающего 11 групп и 219 статей для товаров, разрешенных к ввозу, и 9 для то-

варов, запрещенных к ввозу, из дифференциального таможенного тарифа для товаров, привозимых и вывозимых через порты Великого океана и сухопутную границу с Сев. Китаем (как для привозных, так и для вывозных товаров — всего 19 статей), дифференциального таможенного тарифа для товаров, привозимых и вывозимых через Мурманский порт (65 статей — для привозных товаров и 1 статья — для вывозных) и Т. т. для товаров, привозимых через порты Каспийского моря и азиатские границы (28 статей). Кроме того, в свод входит общий таможенный тариф по вывозной торговле (8 статей для разрешенных к вывозу товаров и 7 для запрещенных).

Кроме общего Т., СССР имеет еще небольшой конвенционный Т. По таможенной конвенции с Италией от 7 февраля 1924 г. ряду итальянских провенансов предоставлены процентные скидки со ставок общего Т. т.; таким образом, конвенция формально пошлин не закрепляет, однако, в силу постановления ст. 1 конвенции, согласно которой стороны в случае увеличения пошлин должны вступить в переговоры, в целях изыскания средств для того, чтобы «интересы другой стороны не были нарушены». На практике произведенное в последнее время повышение таможенных пошлин не коснулось итальянских провенансов, в отношении которых предусмотрены скидки со ставок тарифа СССР таможенной конвенцией. По наибольшему благоприятствованию льготные ставки обложения, установленные для итальянских товаров, применяются и к товарам германского происхождения. Конвенционный тариф, установленный в конвенции с Италией, является самым обширным действующим конвенционным тарифом СССР. Из действующих договоров СССР еще в договоре с Норвегией предусмотрена процентная скидка для рыбных консервов норвежского происхождения, а также закреплена ставка обложения норвежской сельди и трески.

Ряд конвенционных скидок содержится в нератифицированном еще договоре между СССР и Турцией и процентная скидка с действующей таможенной пошлины на коринку в нератифицированном таможенном соглашении с Грецией.

Изложенное показывает, что СССР в своей таможенной политике стал на путь общего и конвенционного Т. Конвенционный Т. устанавливается в договорах СССР не путем закрепления материальной ставки, а путем предоставления процентных скидок с действующего Т.; таким образом, СССР хочет сохранить за собой право автономного регулирования ставок своего Т. т., т.е. возможность повышения их без нарушения заключенных договоров и конвенций, которые содержат лишь процентную скидку с того Т., который будет действовать в момент применения скидки.

Б. Розенблюм

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ, некогда занимавшие на ряду со смертной казнью (см.), главнейшее место в лестнице наказаний, со второй половины XVIII века начинают в Зап. Европе применяться реже и реже и к первой половине XIX в. постепенно исчезают из западно-европейских законодательств, уступая место другим, более целесообразным, наказаниям. Прежде всего при этом отмирают так наз. изувечивающие или членовредительные Т. н. (отрубание рук, ног, урезание языка, уха, клеймение и т. п.), а затем и так наз. болсвые (сечение кнутом, плетью, розгами). Это происходит не только под влиянием гуманизирующего влияния идей французской революции, но и благодаря все более укрепляющемуся сознанию их бесцельности и нецелесообразности.

К концу XIX века Т. н. почти не имеют больше защитников, за исключением отдельных сторонников общего предупреждения как Миттельштедт, Кюш, Бенке и др. Преобладающее число криминалистов и пенитенциаристов высказывается со всей решительностью против Т. н., считая эту меру недостаточно устрашающей, развращающей, обесценивающей и лишаящей подвергнутого ей возможности реклассирования.

К тому же Т. н. тем меньше чувствительно для наказываемого чем более он деморализован принадлежностью к кадрам уголовных элементов, и, наоборот, особенно чувствительно для «случайного преступника». С точки зрения специального предупреждения Т. н. не только не достигают цели, но и приводят к обратному эффекту, вызывая в наказанном толь-

ко озлобление и жажду мести. О каком-либо исправительном действии Т. н. говорить, разумеется, не приходится. Противники Т. н., отрицающие за ним и всякое устрашающее действие ссылаются часто на психологические наблюдения Достоевского, сделанные им в «Мертвом доме».

В России Т. н. когда-то (в эпоху крепостного права, когда не только суд, но, в отношении крепостных, и каждый помещик мог применять их) особенно широко применявшиеся, окончательно исчезли, как мера уголовного наказания, только в 1904 г. Даже изувечивающие Т. н. были окончательно отменены в России лишь с падением крепостного права (клеймение уничтожено лишь в 1863 г.). Впрочем, дореволюционное законодательство сохранило розги, как дисциплинарную меру, для арестантов вплоть до падения самодержавия.

Самое применение Т. н. зависело от классовых различий. Еще Екатерина II изъела т. наз. привилегированные сословия — дворянство, купечество первых двух гильдий и именитых граждан — от Т. н. Привилегии в этой области с различными изменениями сохранились в царской России до самого конца. Последние остатки телесных наказаний для ссыльно-поселенцев и арестантов были отменены только после революции 1917 г. Временным правительством. Советское законодательство, которое еще в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. объявило что «наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий» решительно отказалось от каких бы то ни было Т. н., как в области уголовной репрессии, так и в качестве меры дисциплинарного воздействия.

В Западной Европе, несмотря на всеобщее осуждение, телесные наказания отнюдь не могут считаться полностью отмененными; более того, в XX столетии делаются отдельные, иногда успешные попытки оживить эту осужденную, казалось бы, навсегда меру. В Германии к этому призывал автор известной книги „Gegen die Freiheitsstrafen“ («Против наказания лишением свободы») Миттельштедт. Позже

этого же требовал и Бенке. В Англии Т. н. хотя и в ограниченных размерах, сохранились до сих пор. Применяются они главным образом в отношении несовершеннолетних.

В 1910 году к этой мере было приговорено судами присяжных 1557 несовершеннолетних (около 12% общего числа всех осужденных несовершеннолетних). В 1912 г. специальный закон восстановил эту меру и в отношении некоторых категорий взрослых. Согласно этого закона Т. н. могут быть приговариваемы осужденные второй раз бродяги, сводники, торговцы женщинами и сутенеры.

В 1905 г. Т. н. были введены в Дании, правда, при протесте наиболее передовых кругов общества. На Гамбургском съезде Международного союза криминалистов датский делегат, проф. Тори, заявил при шумных одобрениях всего собрания, что он, как датчанин, стыдится говорить о датском уложении после того, как в него было введено наказание розгами. Впрочем в течение 4 лет после издания закона он был применен всего 4 раза и в 1911 г. был отменен.

В 1911 г. Т. н. были вновь введены в Венгрии.

Применяются до сих пор Т. н. в качестве дисциплинарного взыскания по отношению к отбывающим наказание заключенным в Норвегии Швеции, Дании Финляндии, Англии и Германии. Следует однако, отметить, что в Германии и Англии они применяются все реже.

Б. Утевский

ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

Принцип неприкосновенности личности (см.) ставший необходимым элементом буржуазных «конституционных гарантий» и признаваемый также и правом пролетарского государства, впервые создавшего предпосылки для реального осуществления этого принципа по отношению к широким массам населения (см., в частности Охрана труда в У. К.), имеет в виду прежде всего телесную неприкосновенность в буквальном смысле слова, т.е. предполагает уголовно-правовую охрану организма каждого человека от—умышленных или неосторожных—воздействий других людей на данный организм, связанных либо: 1) с нарушением физической целостности такового т.е. причинением ему ка-

кого-либо Т. п., либо 2) с причинением ему физического страдания (боли). Такова нынешняя мотивировка преступного характера Т. п., но исторически она скрыта в институте мести. В числе преступлений против личности все современные У. К. предусматривают поэтому, в частности, и ту и другую группу посягательств на телесную неприкосновенность.

Что касается Т. п. (к их числу следует отнести и причинение расстройства здоровья, не связанное с нарушением целостности тканей организма), то они могут быть крайне разнообразны отличаясь к тому же в разных случаях разной степенью тяжести для потерпевшего. Все современные законодательства вынуждены поэтому так или иначе классифицировать Т. п. Последние могут быть рассматриваемы как с медицинской точки зрения, в каком случае внимание обращалось бы на анатомические признаки повреждения и на оценку степени серьезности патологических (болезненных) его свойств, так и с точки зрения экономической, или, точнее, с точки зрения степени причиняемого данным повреждением ущерба трудоспособности потерпевшего. Первый критерий является — и должен являться — основным хотя бы уже потому, что охране в одинаковой мере должна подлежать телесная неприкосновенность всех граждан, т.е. и тех, кто уже утратил трудоспособность, а также и потому, что необходимость применения повышенной уголовной репрессии к лицу, умышленно причинившему другому опасное или особо-вредное (напр. венерическая болезнь) для организма расстройство и тем обнаружившему свою большую социальную опасность, возникает и в тех случаях, когда от данного расстройства здоровья потерпевшему удалось оправиться без более или менее заметного и длительного ущерба для трудоспособности. Этот критерий и учитывается всеми законодательствами.

Отдельные У. К. (французский, норвежский) используют, в качестве дополнительного критерия, и критерий степени утраты трудоспособности. Во Франции под трудоспособностью при этом разумется способность к физическому труду вообще, в Норвегии же обращается внимание на то, сохраняет ли потерпевший от повреждения

способность заниматься своим прежним промыслом.

У. К. РСФСР, ред. 1926 г., также, кладя в основу критерий 1-го рода, дополняет его 2-ым. Различая тяжкие и легкие Т. п., он (в ст. 142) относит к числу тяжких всякое Т. п., повлекшее 1) потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа 2) неизгладимое обезображение лица, 3) душевную болезнь или 4) иное расстройство здоровья, соединенное со значительной потерей трудоспособности. Легкие Т. п., в свою очередь, разделяются на две группы: ч. I ст. 143 предусматривает умышленное легкое Т. п., не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья (поскольку, как видно из ч. 2 ст. 145, в данном случае разумеется не любое расстройство здоровья, а лишь такое которое можно рассматривать, как «тяжелое последствие») следует признать правильным толкование Жижиленко, согласно мнению которого ч. I ст. 143 У. К. 1926 г. охватывает лишь те, не подпадающие под ст. 142, случаи которые обнимались ст. 150-ой У. К. 1922 г., предусматривавшей «умышленное менее тяжкое Т. п., не опасное для жизни, но причинившее постоянное расстройство здоровья или длительное нарушение функций какого-либо органа»); ч. 2-я той же статьи предусматривает «умышленное легкое Т. п. не причинившее (сколько-нибудь длительного А. Э.) расстройства здоровья» При сопоставлении ч. I ст. 143 со ст. 142 вытекает, что опасное для жизни повреждение, которое прямо исключено из числа легких Т. п., также придется признать тяжким, хотя такого рода Т. п. и не предусмотрено в перечне ст. 142-ой. Конечно, отсутствие (имевшегося в ст. 149 У. К. 1922 г.) указания на опасные для жизни повреждения в статьях У. К. 1926 г. о Т. п. можно было бы попытаться объяснить не простым недосмотром, а тем обстоятельством, что наш законодатель исходил из признания допустимости юридической конструкции покушения (на жизнь) с эвентуальным умыслом (см. в наст. томе стр. 164); из допустимости, вообще говоря, такой конструкции, по нашему мнению не следует, однако, заключить об уместности таковой в данном случае, ибо, вместо того, чтобы упростить, она, в данном случае, только усложнила бы разрешение поставленного вопроса.

Ст. 142 У. К. предусматривает только умышленное тяжкое Т. п. (влечет лишение свободы на срок до 8 лет); равным образом и ст. 143 говорит лишь об умышленном легком Т. п., причинившем или не причинившем расстройство здоровья (влечет, в первом случае лишение свободы или принудработы на срок до 1 года, а во 2-м случае—принудработы на срок до 6 мес. или штраф до 300 руб.). Если установлено, что А. умышленно ранил Б. ожогом в руку, и что последствием этого ранения оказалась гангрена (заражение крови), приведшая к необходимости ампутировать (отнять) руку, то этого еще недостаточно для того, чтобы квалифицировать действия А. по ст. 142 У. К. Под ст. 142 подойдут лишь те случаи, в которых установлен умысел (хотя бы эвентуальный) на причинение именно тяжкого Т. п.

Особый случай, когда налицо совокупность 1) умышленного тяжкого Т. п. и 2) причинения этим повреждением смерти, которой нанесивший повреждение не предвидел, хотя должен был ее предвидеть, специально предусмотрен в ч. 2 ст. 142, назначающей лишение свободы на срок до 10 лет, «если от такого (умышленного тяжкого. А. Э.) повреждения не следовала смерть или если оно совершено способом,носящим характер мучения или истязания, или явилось последствием причинения систематических, хотя бы и легких, повреждений».

Неосторожное Т. п. по У. К. РСФСР 1926 г., в отличие от У. К. 1922 г., влечет уголовную ответственность лишь в том случае «если оно явилось последствием сознательного несоблюдения правил предосторожности установленных законом или распоряжением власти» (ст. 145 У. К., см. также т. II, стр. 1367); если в данном указании закона ничего не говорится о неосторожном Т. п. явившемся последствием какого-либо иного посягательства на личность (напр., удара) или хулиганской выходки, то, конечно, лишь потому, что необходимость привлечения к уголовной ответственности за причиненное подобным образом действий неосторожное Т. п. само собою разумеется. Неосторожное Т. п. принадлежащее к числу тяжких, или причинившее расстройство

здоровья (более или менее серьезное — см. выше), влечет, согласно ст. 145 ч. 1, принудработы до 1 года или штраф до 500 руб., во всех остальных случаях оно влечет принудработы на срок до 6 мес. или штраф до 300 руб. (ст. 145 ч. 2). Таким образом, У. К. устанавливает одинаковую санкцию как за умышленное, так и за неосторожное легкое Т. н., не причинившее сколько-нибудь длительного расстройства здоровья (ср. ст. 143 ч. 2 и ст. 145 ч. 2).

В одном случае Т. н. последнего рода, хотя и нанесенное умышленно, не подлежит вовсе уголовному преследованию — именно в том случае когда оно нанесено «под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием над личностью или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего». Даже убийство (см.) характеризуемое изложенным в подчеркнутых нами словах признаком, признается привилегированным убийством. О привилегированном, т.е. подлежащем смягченной угол. репрессии (принудработы на срок до 6 мес. или штраф до 300 руб.) Т. п. говорится в ст. 144 У. К. 1926 года, которая, однако, содержит в себе оговорку, не допускающую подведения под эту статью легкого Т. п. 2-го рода, учиненного при наличии предусмотренного в ней признака, хотя легкое Т. п. 2-го рода, при учинении его без всяких привилегированных обстоятельств, как раз влечет, согласно ст. 143 ч. 2, санкцию, одинаковую санкцией ст. 144. Неизбежной вывод, что, так сказать, «провоцированное потерпевшим» (т.е. характеризуемое изложенным в подчеркнутых нами словах признаком) легкое Т. п. не причинившее сколько-нибудь длительного расстройства здоровья, рассматривается нашим У. К., как деяние явного малозначительного характера в силу примечания к ст. 6 У. К. вовсе не являющееся преступлением (см.) в смысле ст. 6 У. К.

Если ст. 144 У. К. по ее букве, применима лишь в случаях «провоцированного потерпевшим» нанесения легкого Т. п., причинившего более или менее длительное расстройство здоровья, то это — редакционный недосмотр: по этой же

статье должны квалифицироваться и случаи «провоцированного потерпевшим» нанесения тяжкого Т. п., ибо иначе они оказались бы преследуемыми гораздо более сурово, чем случаи привилегированного убийства.

О заражении венерическими болезнями — см. т. 1, стр. 1192—1195, где, впрочем, могли быть изложены лишь постановления У. К. прежней редакции. Часть 1 ст. 150 У. К. РСФСР 1926 г. повторяет ст. 155 У. К. прежней редакции, отличаясь от нее лишь вставкой, подчеркивающей те обстоятельства, что имеются в виду «заражение... лицом, знавшим о наличии у него этой болезни». Вновь введена зато ч. 2-ая ст. 115, согласно которой влечет лишение свободы или принудработы на срок до 6 мес. «заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью».

Этим исчерпываются постановления нашего У. К. о Т. н. Случаи причинения физического страдания (боли) без причинения Т. н. предусмотрены в ст. 146 У. К., согласно которой «умышленное нанесение удара, побоев и иные насильственные действия, сопряженные с причинением физической боли», влекут принудработы на срок до 6 мес. или штраф до 300 руб. (значит, наравне с легким Т. п. 2-го рода); значительное усугубление угол. репрессии (лишение свободы на срок до 3 лет) наступает в тех предусмотренных ч. 2-ой ст. 146 случаях, когда эти действия усилили характер истязания. В германском угол. праве довольно своеобразным, с нашей точки зрения, образом понятие Т. п. (*Körperverletzung*) охватывает не только всякое нанесение удара, но и вообще всякое, даже не заключающее в себе элемента физического насилия, воздействие на личность, связанное для нее более или менее сильным неприятным ощущением или неприятным переживанием.

Кроме ст. 146 нашего У. К., причинение физических страданий упоминается и в ч. 2-ой ст. 147. Предусматривая в 1-ой своей части «насильственное незаконное лишение кого-либо свободы» (влечет лишение свободы или принудработы на

срок до 1 года), эта статья во 2-ой части назначает лишение свободы на срок до 2 лет за «лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или сопровождающиеся причинением ему физических страданий».

А. Эстрин

ТЕОКРАТИЯ — в переводе с греческого означает «власть божества» или «божья власть на земле». В истории развития государства и политических учений можно различить две формы выявления теократической идеи: 1) когда сама государственная власть, обычно в лице абсолютного монарха, рассматривается, как представительница божественной воли. В этом случае монархи (например, в древне-восточных деспотиях) называют себя представителями божества, и приказания монарха трактуются, как божественные повеления (Ассирия, Египет), или же 2) когда представителем божеской воли считается не государственная власть в лице ее носителей, а сословие жрецов, указаниям которых должен повиноваться и сам царь, как приказаниям бога (напр., Иудейское Царство). И тот и другой вид Т. есть формы землевладельческого государства древнего феодализма (см.). И — в зависимости от различных социально-экономических и политических причин — центральная государственная власть или переносит на себя всю сумму государственного авторитета, облекая его в церковно-религиозные формулы, или оказывается ограниченной в полноте власти со стороны выразителей интересов крупнейшего землевладения — сословия жрецов.

В середине века теократические идеи нашли себе проводника в папстве. Католическая церковь, бывшая также крупнейшим землевладельцем средних веков, утверждала теорию «двух мечей», врученых богом его наместнику па земле—папе. Один из этих мечей — духовный, т.е. духовная власть—оставляется папой у себя, а другой—светский, т.е. светская власть—вручается королям и императорам, которых папа и облекает властью («инвеститура»). Борясь за самостоятельность власти, за суверенитет (см.) короли боролись и против этой теории двух мечей, утверждая, что власть, хотя и происходит от бога, вручается королям непосредствен-

но, а не через папское постановление (так, напр., «король Франции имеет свою власть только от бога и от самого себя»)

В новое время уже короли нередко рассматривали себя, как главу церкви, внося различного рода изменения в строй ее жизни (галликанская церковь во Франции) или даже изменяя ритуально обрядовую ее сторону (англиканская церковь и, в особенности, религиозные преобразования в эпоху Реформации). В титулах абсолютных монархов мы всегда встречаем формулу «божьей милостью»

В эпоху буржуазных революций этот религиозный покров совлекается с государственной власти, и она перестает быть в умах теоретиков и политиков «божьей милостью», а получает совершенно светский характер, обрисовываясь, как уполномочие со стороны народа, находя выражение в учении о народном суверенитете.

В двадцатых годах XIX в., после крушения идей Великой Французской Революции, наступившая на континенте Европы реакция, окрашенная в густые феодально-аристократические тона, вновь возродила в литературе (в особенности — французской) теократические идеи. Такие писатели, как Сен-Мартен, Де-Бональд, Ж. де-Мэстр и некоторые друг., вновь начали писать, том, что государственный и общественный порядок не есть дело человеческого произвола, а представляют собою проявление божественной воли и разума. Отсюда власть монархов получала религиозную санкцию и слова у этих писателей трактовались, как уполномочие бога, не зависящее от человеческой воли.

Вообще теократические учения представляют собою идейный багаж самой крайней реакции, идущей в некоторые периоды даже к добуржуазному строю мышления. Заржавленное орудие учения о «власти бога на земле» извлекается из пыльных музеев древности для отставания самых архаических стремлений, когда в их защиту нельзя привести уже никакого разумного и убедительного для масс довода. Тогда мы встречаем эту попытку играть на темноте и несознательности, уводящую мысль к «потустороннему миру» против которого бессильны все доводы науки и разума.

Н. Челялов

ТЕРРИТОРИЯ (государственная) определяется в международном праве, как та область, на которую распространяется верховная власть государства. К государственной Т относят прежде всего поверхность земли, очерченную границами (см.) государства, равно как части территории, окруженные другими государствами (энклавы), и острова, омываемые водой. Далее сюда же относится воздушное пространство над сухопутной и водной поверхностью, заключенной в границах государства, и пространство, расположенное под этой поверхностью. К государственной Т принадлежат также собственные воды государства: национальные реки, озера, каналы, внутренние моря. Национальными считаются также реки, истоки и устья которых находятся в пределах одного и того же государства. Несудоходные реки, протекающие через территории нескольких государств, считаются находящимися в раздельном господстве прибрежных государств. Реки, которые протекают через Т нескольких государств и доступны для судоходства с моря, называются интернациональными реками (см. Международные реки); в отличие от собственных вод государства, интернациональные реки в известных случаях подчинены началу свободы судоходства. По версальскому мирному договору Германия вынуждена была односторонне распространить начало свободы судоходства на свои внутренние реки. Каналы, т.е. искусственные водные пути, считаются находящимися под исключительным господством одного государства в том случае если они ограничены с обеих сторон сухопутной Т этого государства. Однако и в этом случае версальский договор внес поправку, павязав побежденной стороне, т.е. Германии интернациональный режим для Кильского канала, проходящего по германской Т. Внутренними морями или внутренними озерами называются также водные пространства, которые со всех сторон окружены сушей или не находятся в судоходном соединении с морем. В этом случае водное пространство находится в раздельном господстве прибрежных государств; в исключение из этого принципа туркманчайский договор царской России с Персией 1828 г. устанавливал исключительное господство первой над Каспийским морем (этот дого-

вор, являвшийся ярким выражением империалистической политики царского правительства на Востоке, отменен договором РСФСР с Персией 26/II 1921 г.). Внутренними морями, в широком смысле слова называются водные пространства, находящиеся в судоходном соединении с открытым морем, если только это соединение находится под исключительным господством прибрежного государства. Если же этого условия нет налицо, то данные пространства считают открытым морем (см. Море открытое). Только в первом случае внутреннее море принадлежит к собственным водам прибрежного государства, и следовательно, последнее имеет право по своему усмотрению решать вопрос о допущении или недопущении иностранцев к судоходству или рыбной ловле. Примером внутреннего или закрытого моря является Азовское море. Проливы, соединяющие две части открытого моря, обычно, если не имеется особых соглашений, подчиняются началу свободы моря. Является спорным вопрос входят ли в состав государственной Т. т.н. береговые или территориальные воды, т.е. та часть открытого моря, омывающего берега данного государства, в пределах которой прибрежное государство осуществляет некоторые права верховной власти, например, юрисдикцию, таможенную и санитарную охрану и т.д. Некоторые международники, говоря о государственной Т., причисляют к ней путем искусственной конструкции и морские подводные кабели, проложенные с государственной Т. и проходящие в открытом море (т.н. «кабельная Т.»).

Особо обговаривается в учебниках международного права (см.) принадлежность к государственной Т также колоний (см.), т.е. побочных или заокеанских владений. Юрическое понятие колоний значительно уже социально-экономического, ибо предполагает полное и формальное лишение Т. ее государственной самостоятельности. Особую категорию земель составляют т.н. «сферы интересов» (см.). Под этим понимают те колониальные области, которые еще не подверглись окончательному разделу между империалистическими государствами, но лишь намечены к такому разделу. В отведенной «сфере интересов» государству принадлежит следовательно не

государственная власть не лишит исключительное право на завладение в будущем, соединенное с правом не допускать к такому завладению другие государства.

Право буржуазной эпохи в отличие от феодальной проводит строгое различие между верховной властью над *T. imperium* и правами собственности *dominium*. С точки зрения современной теории верховная власть государства над *T.* есть, собственно говоря, власть над людьми в пределах данной *T.* Если же государство становится земельным собственником в пределах другого государства, то оно подчиняется формам частного права, верховная же власть (*imperium*) остается у территориального суверена. Это различие проявляется всего нагляднее в учении о приобретении и потере государственной *T.* Феодально-патримониальный строй знал такие способы приобретения государственной *T.*, как наследование (см.), приданое (см.), дарение (см.), купля-продажа (см.), мена (см.), давность (см.); другими словами между частной собственностью на землю и правами верховной власти не проводилось никакого различия. Наоборот, при господстве буржуазных отношений расширение государственной *T.* не имеет ничего общего с частноправовыми сделками и юридическими фактами, обуславливающими переход частной собственности на землю из одних рук в другие (даже и в том случае, если собственником является государство, выступающее как физик), и означает исключительно приобретение прав верховной власти, т.-е. *imperium*, а не *dominium*, «господства не над страной, но внутри страны, над людьми» (Лист)

Способы приобретения *T.* в буржуазном международном праве разделяются на самостоятельные (*aquisitio originaria*) и производные (*derivativa*). Только во втором случае приобретающее государство наследует в известной мере права и обязанности, лежащие на приобретаемой *T.* Первоначальными способами приобретения считаются: завоевание (*debellatio*) если речь идет о *T.*, которая находилась под верховной властью другого государства, и завладение или оккупация (см.; не смешивать с военной оккупацией), если речь идет о *T.* безгосударственной. В первом случае основанием приобретения является полное насилие т.-е. полное подавление и

уничтожение ранее существовавшей на данной *T.* государственной власти. Для того, чтобы присоединение завоеванной *T.* имело «юридическую силу», необходимо, чтобы прежняя государственная власть не была в состоянии оказывать на этой *T.* военное сопротивление (см. Аннексия).

Во втором случае при завладении т.-п. «безгосударственными землями» насилие отсутствует, только когда речь идет о совершенно неоситаемых пространствах. Но буржуазное международное право признает допустимым и оккупацию *T.* населенных дикарями, не вышедшими из стадии родового и племенного быта. «Кочующие негребкие племена, даже если они находятся под наследственным господством своих вождей, не являются государствами в точке зрения международного права» (Лист)

Спорным в современной доктрине международного права является вопрос о том, должно ли завладение (оккупация) производиться органами государства или частные лица также могут приобретать новые *T.* для государства. Одно открытие ранее неизвестных земель недостаточно для установления прав верховенства например, путем символического акта водружения флага. Требуются реальные действия, направленные к удержанию данной области и управлению ею. Приобретение *T.* может быть опротестовано со стороны других государств, поскольку происшедшая перемена затрагивает их интересы: чаще всего колониальный захват, совершаемый одним государством, служит поводом к требованию «компенсации» со стороны других империалистических держав.

Производным приобретением является уступка (цессия) части *T.* одним государством другому на основе международного договора. Чаще всего цессия (см.) покрывает собою аннексию т.-е. насильственное присоединение в результате войны.

Кроме этих форм захвата чужих *T.*, буржуазное международное право знает еще и замаскированные уступки территориального суверенитета под видом передачи *T.* «для занятия и управления» (заятие Боснии и Герцеговины Австрией в 1878 г.; занятие Кипра Англией в 1878 г.; положение С. Ш. А. в области Панамского канала по договору с Панамой 1903 г.) или под видом аренды («аренда» китайских *T.*

Киао-Чау, Вейхавей и Порт-Артура Германией, Англией и Россией в 1898 г.); передачу территории по мандату Лиги Наций (см.) и т. д. А, например, захват Англией Египта в 1882 был совершен вовсе без всякого «юридического титула»

Грубо-захватническая практика разрешения территориальных вопросов, не принимавшая во внимание желания населения той Т., которая переходила от одного государства к другому, очевидно, противоречила тем самым принципам народовластия, во имя которых буржуазия вела борьбу против феодализма. Поэтому буржуазное международное право выдвинуло два института, долженствовавшие до некоторой степени смягчить это противоречие, а именно: плебисцит и оптацию (см.). В случае плебисцита начало самоопределения находит себе более полное выражение ибо переход Т. от одного государства к другому обуславливается согласием жителей, выраженным путем голосования. Плебисцит широко применяется в 60-х годах XIX в. (при уступке Савой и Ниццы в пользу Франции по договору с Сардинским королевством; при дальнейших завоеваниях Италии с 1860 г. по 1870 г.; при присоединении Ионических островов к Греции в 1863 г.) После мировой войны плебисцит применяется по отношению к различным частям германской Т. (Восточная Пруссия, Северный Шлезвиг, Верхняя Силезия). В то же время целый ряд Т., в том числе Эльзас-Лотарингия, были отторгнуты от Германии без плебисцита, а раздел Верхней Силезии был произведен вопреки результатам плебисцита. Жителям Саарской области, переданной на 15 лет под протекторат (см.) Лиги Наций, т.е. фактически оккупированной Францией, обещан плебисцит по истечении этого срока. Наконец, захват Бессарабии Румынией был одобрен союзниками хотя никакого опроса населения Бессарабии не было произведено.

Некоторые белогвардейские юристы, исходя из того факта, что в Советском Союзе отменена частная собственность на землю, умозаключают, что право советского государства распоряжаться своей территорией является совершенно неограниченным, ибо ему не противостоят права населения, т.е. частных земельных собственников: этим оно якобы принципиально

отличается от такового же права любого из буржуазных государств. В этих последних власть распоряжения территорией принадлежит видете ли, не только государству но и преимущественно собственникам... Напротив того, советское право утверждает безусловное всемогущество государства в распоряжении Т.» (Н. И. Алексеев. «Право советской России», в. I. Прага, 1925 г., стр. 54). Этот автор заходит так далеко, что заявляет, будто в советской конституции в той части, где устанавливается право верховных органов изменять границы Т. и отчуждать ее отдельные части, «ни слова не говорится о правах населения которое-де, подобно простому арендатору может быть просто лишено пользования Т. или ограничено в отдельных правах пользования» (там же). Эти рассуждения характерны тем, что автор, сам того не замечая смешал население и частных земельных собственников, «как будто бы это — два совпадающие понятия». Между тем, совершенно ясно, что право населения устанавливать границы государственной Т., выраженное в лозунге «национального самоопределения», не имеет ничего общего с монополией кучки собственников на землю, как важнейшее условие производства. Именно советское государство, проводя последовательно начало национального самоопределения, осуществляет «право населения на Т.», тогда как буржуазные государства, сохраняющие права частных собственников, устанавливают границы помощью насилия

Е. Папужанис

ТЕРРОР (латинское «ужас»: переносно «устрашение») название принятое после Великой французской революции для определения революционной (и контрреволюционной) расправы со своими политическими противниками. Массовый Т. победившей революции (или контрреволюции) противопоставляется индивидуальному Т., т.е. убийствам отдельных представителей власти (террористическая борьба народовольцев, террористические акты партии с.р.) Революционный марксизм никогда не отрицал неизбежности и целесообразности массового Т., как одной из форм революционного насилия: «Каннибализм контрреволюции сам убедит народы что имеется лишь одно средство сокра-

тить, упростить, концентрировать родовые муки старого общества, — только одно средство — революционный терроризм» (Маркс, статья в «Нов. Рейпск. газете» от 7/XI) Наоборот, целесообразность индивидуального революционного Т. всегда оспаривалась марксистами (спор с.-д. и с.-р. в эпоху «Искры» и в период первой революции). Принципиально мы никогда не отказывались от Т., — писал Ленин в «Искре». «Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что Т. выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения... Вот поэтому-то мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующим не правительственные, а революционные силы» («Искра», № 4. «С чего начать»).

При массовом Т. т.-п. юридические гарантии играют, как правило, очень незначительную или почти никакой роли. Всего ярче это проявляется в тех случаях когда массовая расправа с противником непосредственно примыкает к военным действиям и является их продолжением. Удары Т. направляются в этом случае не против отдельных лиц, совершивших те или иные деяния, но против определенной категории «подозрительных» контрреволюционных или (при белом Т.) революционных элементов определяемых по классовому признаку: аристократы во время Великой французской революции, буржуазия и помещики в Октябрьской революции, рабочие во время белого террора. Типично террористической мерой является институт заложников. В широком смысле к террористическим мероприятиям можно отнести всякую вне-судебную расправу, накопец, расправу, хотя и сохранившую судебные формы, но с минимальным количеством юридических сдержек и гарантий (военно-полевая, «скорострельная» юстиция)

Степень напряженности Т. в каждой революции определяется и общими условиями гражданской войны, и конкретными политическими моментами.

Говоря о причинах, вызывающих необходимость террористических методов борьбы, Ленин указывал, во-первых, что нельзя победить и искоренить капитализм без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров и, во-вторых, что всякая война и всякий кризис разоряет и губит многочисленные слои старого общества, связанные преимущественно с мелкой буржуазией; эти элементы разложения проявляют себя ростом преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода, и, чтобы справиться с ними, нужна беспощадная террористическая политика (срв. т. XV стр. 211).

Террористические методы борьбы должны были неизбежно обостряться в те моменты, когда мелкая буржуазия колебалась в сторону контрреволюции (чехословацкое восстание), и, наоборот, смягчаться в те периоды, когда в настроении мелкобуржуазной массы совершался поворот в сторону нейтрального или сочувственного отношения к пролетарской диктатуре. «Беспощадно подавляя буржуазию и помещиков, писал Ленин в декабре 1918 г., — мы должны привлекать к себе мелкобуржуазную демократию. Когда они говорят, что хотят быть нейтральными и быть с нами в добрососедских отношениях, мы отвечаем, этого только нам и надо». И далее: «Один пролетариат может господствовать. По-одному это применяется к мелкому крестьянину, по-другому к среднему, иначе к помещику, иначе к мелкому буржуу» (XV, стр. 578—579).

При сравнении революционного Т. мелкобуржуазной диктатуры якобинцев и Т. пролетарской революции можно указать на следующие черты различия: революционная мелкая буржуазия склонна отождествлять революцию с Т. и единственным (или по крайней мере всеопределяющим) методом своей революционной борьбы делает Т.: отсюда «терроризм», как специфическая идеология революционной мелкой буржуазии, причудливо сочетающаяся с ее формально-демократической идеологией. Революционная мелкая буржуазия мыслит Т., как истребление «злых

и порочных» людей, препятствующих установлению царства «честности и добродетели» вместо того, чтобы только освобождаться от людей опасных, устрашая этим колеблющихся. Не представляя себе карательной деятельности иначе, как в юридических формах, она создает в своем Т. фикцию «возмездия за виновные действия»; в виду сложности этих форм, они в процессе революционной борьбы неизбежно идут на смарку: но, не создавая «гарантий тишины», они обостряют жестокость расправы, потому что формулируют ее, как месть. Наконец, тот же идеологический фактор заставляет революционный класс в деле подавления контрреволюции все внимание сосредоточивать на процессе суда и моменте приговора оставляя без внимания основную функцию классовой карательной борьбы, — обнаружение и пресечение реставрационных попыток; в результате, органы розыска остаются организованными кустарно и оторванными от суда, т.-е Т. начинает действовать вслепую и не зная куда бить, бьет наобум, а самый акт революционной расправы теряет свое основное достоинство — быстроту и внушительность

В пролетарской революции Т никогда не может заменить революции: он всегда занимает подсобное и подчиненное место, лишь охраняя творческую революционную политику рабочего класса; это обусловлено основным отличием пролетарской революции от революции буржуазной, перед которой «была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества» (Ленин). В организации самого Т. пролетарская революция оставляет руководящим принципом революционную классовую целесообразность. Рационально-техническое истолкование Т. и до конца осознанный классовый его характер исключают возможность идеологического извращения, напр. придания ему характера «воздающей справедливости» и т. п. Мечь, от которой трудно освободиться классу, только что сбросившему с себя эксплуататорское иго, у нас не только никогда не прокламировалась верхам (как это было в буржуазных революциях) но всячески вытравлялась из сознания революционных масс; и если в военной практике Великой французской революции и о законе нельзя было брать пленных из

повстанцев и из англичан (так что генералы шли под трибунал когда не расстреливали пленных), то в нашей гражданской войне все приказы Реввоенсовета неустанно боролись с расстрелами пленных белогвардейцев. Величайшим достоинством нашей революционной репрессии являлась ее гибкость. Размах пролетарского Т. всегда строго сообразовался с политической обстановкой данного момента, достигая в моменты наиболее ожесточенной борьбы максимальной интенсивности и остроты и сводясь к минимуму по мере упрочения диктатуры пролетариата. Наконец, следует отметить в пролетарском революционном Т., как следствие предыдущего, его максимально организованный характер, что выражается в железной централизации его органов и спаянности в них деятельности розыска с самой расправой.

Великая французская революция дала классический образец революционного Т., наиболее разработанный в исторической науке. Следует, однако отличать от всей этой эпохи один период Т. в собственном смысле, когда у власти стояли монтаньяры, отказавшиеся от политики сотрудничества с крупной буржуазией (датируется с 2/VI или даже с 5/IX 1793 до 27/VII 1794). До этого периода история французской революции, представленная цензовыми Учредительным и Законодательным собраниями, наполнена не столько красным сколько белым террором. Капиталистическая буржуазия в своей борьбе с феодальной «исполнительной властью» охотно соглашалась на уступки «старому режиму», только бы обуздать своего «союзника слева». Она учиняла форменные карательные экспедиции против крестьян, устраивала разгромы «мятежных» деревень, запрещала какие бы то ни было рабочие организации и вообще всякие виды народного движения. Памятниками этого белого террора остались, напр. знаменитый «закон военном положении» 1790, закон 15/VI и 3/III 1791 30/1 и 5/VII 1792 и др. Одновременно буржуазии приходилось пресекать и реставрационные попытки, особенно усилившиеся после свержения монархии (10/VIII 1792), так что к началу 1793 от формально-демократической идеологии в революции уже почти ничего не осталось. С весны 1793 создаются и все

основные органы якобинской диктатуры (см. Революционное правительство), и тогда же учреждается символ будущего Т. — парижский революционный трибунал (см.). Эти орудия Т. пускаются в ход особенно после проскрипции жирондистов 2/VI 1793 и получают полное развитие с осени того же года. В заседании 5/IX Конвент, под давлением народной парижской коммуны, постановляет «поставить Т. в порядок дня», тогда же увеличивает трибунал и создает «революционную армию» для проведения политики реквизиций и «максимума». Свобода печати уничтожается законами 29/III и 17/IX 1793 и закрытием жирондистской прессы, б привелигированные сословия фактически находятся «вне закона», так как законы 27/V и 13/VIII 26/VIII 1792, 18/III, 28/III и 17/IX 1793 и 16/IV и 13/III 1794 в совокупности лишают их решительно всех гражданских прав; остальное население живет в режиме паспортов и удостоверений благонадежности. Фактически все реальные гарантии типичной свободы отменены законом 17/IX 1793 с «подозрительных». Рев. комитеты могут арестовывать всех, уличенных в «несочувственном» отношении к революции, и таким образом революционная диктатура освобождается от всяких сдержек в борьбе с контрреволюцией. Эта диктатура действует в обстановке блокады 14 внешних фронтов и восстания 30 (из 83) департаментов. Озлобление народных низов еще в сентябре 1792 вылилось в резню заключенных парижских тюрем в которой погибло 1079—1368 чел. Парижский трибунал гильотинировал за 15 месяцев, примерно, 2625 чел., из них большую долю — за два последние месяца нав более интенсивного Т. Главная масса жертв приходится, однако на провинцию. Только по судебным приговорам там было казнено до 17.000 (по очень неточным данным Берриа-Сен-При), а это был только ничтожный процент. Практика гражданской войны быстро установила порядок объявления «вне закона» целых групп населения, и тогда многочисленные возникавшие на местах пародные, военные и революционные «комиссии» ограничивали свою задачу «удостоверением личности» раньше, чем отправить подсудимых на гильотину или под расстрел. Беспощадность местных комисса-

ров всячески подогревал революционный центр, который, как общее правило, применял принцип истребления по отношению к восставшим местностям. Так, после взятия Лиона, Конвент 12/X — 1793 постановляет: «Город Лион будет разрушен. Все, что было обитаемо богатыми, будет уничтожено.. Самое название Лион будет вычеркнуто из списка городов республики». Примерно, такие же постановления выносились Конвентом или местными неограниченными властителями по отношению к целой Вандее, к Тулону, Марсели, Бордо и т. д. Практика во всяком случае не оставляла сомнений в реальности этих законодательных угроз. В Вандее ген. Турро проводил целый стратегический план «превращения страны в пустыню», так что через 4 месяца его комиссары могли уже доносить в центр, что во всей Вандее «не осталось и 12.000 жителей»: дебаты же в переписке с Комитетом общественного спасения велись лишь на тему надо ли просто выселять мирное население, или истреблять его одинаково повстанцами. В Лионе, уже после истребления всех повстанцев, взятых с оружием в руках, Фуше и Колло-д'Эрбуа расстреляли картечью от 1.652 до 6.000 чел. и разрушили зданий на 400 миллионов (затратив на эту работу еще 15 мил.). В Тулоне Фрерон на месте расстрелял залпниками от 500 до 1.400 чел., в Напте Каррье оставил после пяти месяцев не меньше 9.000 трупов и т. д. О Напте историк протокольно отмечает, что, «когда политика Каррье стала для города ясной, многие жители стали выселяться» (Флери). Население Тулона за время революции уменьшилось с 28 до 6—8 тысяч. Вандея действительно надолго была «превращена в пустыню». Это была уже не политика устрашения, а политика истребления. Ее неоднократно прокламировали в своих речах руководители революции (срв. речь Робеспьера 3/II 1794, Сен-Жюста 26/II 1794 г., Кутюпа 10/VII 1794 г.) и совсем не контрреволюционные противники Робеспьера были твердо уверены, что он решил установить равенство путем уничтожения избыточного населения Франции (Грахл Бабеф). Всего революция обошлась стране с населением в 24 мил., по приблизительному конечно, подсчету (де-Брок), в 3 миллиона жизней, считая и убитых в

войнах, и уменьших от эпидемий. В некоторой степени этот колоссальный процент «издержек революции» был обусловлен и идеологическим фактором перациональной постановкой Т. и извращенными представлениями, которые имел о нем революционный класс. Это, конечно, не должно мешать видеть его огромное историческое значение. Именно в этот «период Т» французская революция разрешила свои основные задачи—возврат общинных земель и устранение феодальных прав на землю. Что эти задачи были бы неразрешимы без применения Т, это признал даже Олар, вот почему даже в консервативной буржуазной науке период Т. характеризовался как «решительно один из важнейших в мировой истории» (Л. Штейн).

С-й

ТЕРРОР. Октябрьская революция. Пролетарская революция в России, прорвавшая единый фронт капиталистического мира и противопоставившая ему рабочих и крестьян наиболее отсталой в капиталистическом отношении, страны, не могла миновать гражданской войны, и поэтому не могла миновать некоторых моментов терроризма который является неизбежным спутником последней.

В период от Февраля и до Октября 1917 г., пришедшая к власти буржуазия прекрасно учитывала что Февральская революция ни в коей мере не удовлетворяла рабочих и крестьян, и что придется вести жесточайшую борьбу за охранение своего политического господства и за сохранение «священных» принципов частной собственности. Поэтому буржуазия, используя оставшийся старый аппарат государственной власти при энергичном содействии Временного правительства и при помощи иностранной буржуазии создает свои, чисто классовые, организации, вроде «Торгово-промышленных комитетов», «Союза промышленников и фабрикантов», «Союза фабричных и заводских деятелей» или «Офицерских союзов». Будучи не в силах остановить стремительное нарастание революционных событий, буржуазия надеялась на «плодотворную» работу, в этом направлении, эсеров и меньшевиков. Но история показала, что соглашательские партии были прекрасными и преданными агентами буржуазии в рядах рабочего класса, но они были совершенно бессильными для

того, чтобы остановить пролетарскую революцию.

Завоевание власти рабочим классом произошло сравнительно «бескровно» Временное правительство, оказавшееся ненужным никому (даже и буржуазии, по тому что она хотела «твердого, сильного и решительного правительства», вроде диктатора Корнилова), оказалось поэтому настолько изолированным, что на его защиту не поднялась сколько-нибудь реальная сила.

Новые революционные органы пролетариата, пришедшие к власти, первого же дня своего существования стали организаторами экспроприации экспроприаторов» отменившими «священное» право собственности на землю и средства производства. Буржуазия, забывшая о своих разгласиях землевладельцами, с одной стороны, использовывала социал-соглашательские партии, отброшенные пролетарской революцией, с другой,—мобилизовала все свои классовые аппараты и связи для свержения новой революционной советской власти и для установления своей чисто буржуазной диктатуры.

На другой же день революции под руководством кадетов был создан «Комитет спасения родины и революции» куда, наряду с числ. буржуазными партиями, вошли и так называемые социалистические Центральные комитеты всех «социалистических» партий, нацупывавшие, при содействии Виккеля, общую платформу в борьбе с советской властью, энергично начали свою контр-революционную работу. «Стаечные комитеты» банковских и торгово-промышленных служащих, объединенные во «Всероссийском стачечном комитете», под руководством буржуазных партий и при непосредственной, весьма внушительной материальной помощи банков и «общественных организаций», объявили забастовку и беспримерно-широкий саботаж против советской власти. Многочисленные «офицерские союзы» объединенные тоже во всероссийскую организацию при Ставке верховного главнокомандующего, развили бешеную кампанию в старой армии против советской власти, организуя подготовку к вооруженному свержению ее. Юнкерские училища и казачьи войска, как наиболее надежные части старой армии, готовились буржуазией в

этом же направлении Явно контр-революционную работу повел даже эсеровско-меньшевистский ВЦИК, не желавший подчиниться II Съезду Советов и сдать дела и деньги вновь избранному ВЦИКу. «Мягкосердечная нерешительность, свойственная вообще массам в первую эпоху революции», ненависть ко всем мерам репрессий, широко практиковавшихся царской полицией в отношении рабочих и крестьян, создавали весьма благоприятную обстановку для контр-революционной предательской работы сторонников буржуазии.

Но наступление на Ленинград генерала Краснова, ноябрьское восстание юнкеров в самом Ленинграде, при наличии бешеной травли буржуазной прессы и при наличии небывало-широкого саботажа всего старого государственного и торгово-промышленного аппаратов, несомненно, вызвали ожесточение пролетариата и заставили его обороняться. Но этого еще было мало, чтобы вызвать его на организацию систематического подавления сопротивляющейся буржуазии путем применения организованного насилия и ограничения некоторых свобод для свергнутых эксплуататоров. В эту пору революционные организации пролетариата отпускали еще, например, на свободу, под «честное слово», таких столпов контр-революции, как, например, генерал Краснов Пуришкевич, диктатор Временного правительства Кишкин, Гоц и др. Результатом такой же мягкосердечной политики пролетариата в области репрессий было бегство генералов Деникина, Алексева, Корнилова и других на юг и организация во многих городах вербовочных пунктов, беспрепятственно формировавших целые отряды офицеров и юнкеров для отправки на этот же контрреволюционный юг. Охрана завоеваний Октябрьской революции и установление революционного порядка в первые дни революции находились в руках Военно-революционных комитетов, а после их ликвидации в руках вновь образованных «Чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности». В первое время своего существования Чрезвычайные комиссии располагали весьма ограниченным и весьма слабым арсеналом репрессий. Мерами репрессий являлись, например: «конфискация, водворение, лишение карточек, опубликование

списков врагов народа и г. д.» (декрет Сов. Пар. Ком от 20 декабря 1917 года)

Только нагляющее наступление контр-революции принуждало советскую власть расширять этот арсенал репрессий, заставив, в конце концов, довести до применения расстрела.

Несмотря на целый ряд неудавшихся попыток поднять контр-революционное восстание против советской власти, буржуазия, будучи убежденной в скором падении советской власти и получая энергичную поддержку своего собрата в других странах, весной и летом 1918 года повела бешеное наступление на всех фронтах. Советские республики были со всех сторон окружены фронтами; на юге—белые генералы, на востоке—чехо-словаки, на западе—немцы и на севере—англичане. Внутри главнейших военных и административно-хозяйственных центров советских республик—все увеличивающиеся по размерам и значению контр-революционные заговоры, грозящие то в одном, то в другом месте нанести свой смертельный удар.

Действия контр-революции, как на фронте, так и в тылу, направлялись и руководились французами и англичанами. Дипломатические миссии превратились буквально в штабы контр-революции. Такие организации буржуазии, как «Совет обществ. деятелей» и «Торгово-промышленный комитет», субсидировавшие и деньгами и людьми многочисленные заговорщические организации, подготавливали уже «Всероссийское правительство», образуя для этого, вместе с «Союзом земельн. собственников» и с «Всероссийским монархическим союзом» наиболее широкую и солидную организацию «Правого центра». Они же всеми силами стремились использовать и левые, так называемые «социалистические» элементы против советской власти. Так, например, созданный Савинковым «Союз защиты родины и свободы», «Национальный центр», а также и «Штаб добровольческой армии Московского района» субсидировались из тех же источников. «Союз защиты родины и свободы» имел свои отделения в Москве, Казани, Муромске, Рыбинске, Ярославле и др. городах.

Восстание, поднятое этим союзом в Ярославле, в Рыбинске и в других местах, восстание левых эсеров, поднятое к тому

же времени в Москве, обострение положения на фронтах благодаря предательской работе ряда белых офицеров в Красной армии и, наконец, наглое развитие террора со стороны «Военной организации партии эсеров», убившей Володарского, Урицкого и выстрелившей в Ленина, вынудили советскую власть защищаться тем же оружием, которое применялось и к ответственным руководителям ее. В декрете от 5 сентября 1918 года о красном терроре Сов. Нар. Комиссаров прямо и говорит что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». Декретом предоставлялось право Всероссийской Чрезвычайной Комиссии изолировать классовых врагов советской власти в концентрационный лагерь и расстреливать всех лиц, «прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» при чем «имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» должны были опубликовываться (С. У и Р от 12/IX—1918 № 65, ст. 710).

Решительные меры по борьбе с контр-революцией и победы на фронтах очень скоро ослабили сопротивление буржуазии и вполне естественно, что тем самым очень быстро ослабили и необходимость сгущения репрессии в систему террора.

Лишь новые попытки контр-революции, как наступление Деникина в 1919 году и наступление поляков в 1920 году, вызвавшие опаснейшие контр-революционные заговоры в тылу, заставляли советскую власть вновь расширять степень репрессий, которая сейчас же опять сужалась, как только имелась к этому хотя бы малейшая возможность.

Отменяя 17 января 1920 года применение высшей меры наказания как по приговорам ВЧК, так и по приговорам городских, губернских, а также и верховного при ВЦИК'е трибуналов, ВЦИК в этом декрете сказал: «В условиях самообороны Советской Республики, против выдвинутых Антантой контр-революционных сил рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской дезорганизаторской и мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной армии. Разгром контр-революции во-вне и внутри

уничтожение крупнейших тайных организаций контр-революционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление советской власти дают возможность рабоче-крестьянскому правительству отказаться от применения высшей меры наказания, т. е. расстрелов, по отношению к врагам советской власти. Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатируют, что разгром вооруженных сил контр-революции дает им возможность отложить в сторону оружие террора. Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержкой мятежных царских генералов может вновь нарушить устойчивое положение советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устроению социалистического хозяйства, может вынудить возвращение к методам террора, и, таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов».

М. Климов

ТОВАРИЩЕСТВО: Договор Т не совсем правильно включается в отдел обязательств, в котором мы в общем имеем дело с отношениями обмена. Договор Т. имеет свою цель соединить имущество двух или более лиц для совместного труда или, чаще, для совместной эксплуатации, для совместного извлечения из этого имущества прибыли, вернее, для совместной эксплуатации других людей при помощи этого сложного имущества (складчины) в области либо производства, либо обмена (торговли). Первоначальные Т. представляли собою своеобразное продолжение семейной общности имущества и труда. Семья вместо того, чтобы произвести семейный раздел, особым соглашением решала продолжать общность имущества и труда. Это—переходная форма общности имущества, при чем еще в римском праве эти Т. получают характер расторгимой общности имущества, ибо допускался раздел. Но уже римское право знало и другие Т. (societas) либо в виде складчины для отдельного дела, либо длительные

складчины для общих дел, доходящие до полных Т., до общности всего имущества нескольких лиц. Формы могли быть весьма разнообразны. Так, у нас в речах Цицерона сохранился тип простого Т.: кто-то имел раба, замечательного комика; он вошел в Т. с антрепренером Росцием в целях подготовки раба для драматического искусства, а потом совместного извлечения прибыли из его способностей. Всякие эти формы договорной общности имущества ныне не имеют большого самостоятельного значения, но они имели громадное историческое значение, как переходные формы к паевому Т., акционерной компании.

Наше право посвящает в Г. К. большой отдел Т (стр. 276—366), но главная часть его относится к акционерным обществам (см.). В период своеобразного первоначального накопления (после экспроприации рядом с монополией государства) за простыми Т. с их трудовыми кличками обыкновенно скрывается единоличный предприниматель или спекулянт, тогда как трудовые артели относятся к Т. К. (ст. 30) а крестьянские Т.—к З. К.

Наш Г. К. различает 3 вида Т. а) простое Т., в котором двое или несколько товарищей обязуются соединить свои вклады и совместно действовать для достижения общей хозяйственной цели без общей фирмы, с ответственностью каждого товарища всем своим имуществом, но соразмерно своему вкладу; б) полное Т., участники которого занимаются торговлей или промыслом под общей фирмой, как солидарно ответственные участники, отвечая круговую порукою всем своим имуществом; в) нечто среднее между ними, однако, как вид полного Т.—Т. на вере, под общей фирмой из одного или нескольких «неограниченно солидарно ответственных» участников, отвечающих перед кредитором всем своим имуществом, и одного или нескольких участников (вкладчиков), ответственности коих ограничивается их вкладом; г) Т. с ограниченной ответственностью товарищей, под общей фирмой и по утвержденному уставу отвечающих не только вкладами, но и личным имуществом, однако только в определенном (двое-, трое- и т. д.) кратном размере и наконец, ч) акционерное обще-

ство (см.), паевое Т., в котором ответственность участников ограничивается паем (акцией).

Для трех первых видов Т., т.-е. простых, полных и на вере, общими считаются следующие начала:

1) О вкладах. Вкладом называется все, что товарищ вносит в общее дело, будь ли это деньги, другое имущество или услуги; вклады могут быть различны по роду и ценности. Предполагается, что вклады всех товарищей одинаковы, если договором не установлено другое.

2) В смысле внутренних взаимоотношений товарищей: товарищ, совершивший в общих интересах какое-либо действие, без полномочий, имеет право на возмещение, если у него были основания считать свои действия необходимыми; вознаграждение за труд полагается только по условиям договора; товарищ отвечает перед товарищами за неисполнение договора или обязанностей, если он действует как уполномоченный; каждый товарищ в праве знакомиться с положением дел, книгами и бумагами, причем отказ от этих прав недействителен.

3) О прекращении Т., которое наступает: а) вследствие смерти кого-либо из товарищей, если не было условия о его замене наследником; б) вследствие объявления кого-либо из товарищей недееспособным или несостоятельным; в) вследствие заявления кем-либо из товарищей о прекращении бессрочного Т.; г) вследствие досрочного отказа кого-либо от участия в Т., учрежденном на срок, или д) вследствие требования кредитора, обратившего взыскание на долю одного из товарищей, если он не предпочтет вместо немедленного взыскания участвовать в прибылях Т.; во всех этих случаях Т. продолжается лишь в том случае если продолжение Т. предусмотрено в договоре или особо условлено оставшимися товарищами при чем доля выбывающего товарища в последнем случае определяется выделом наличными деньгами по балансу на день его выбытия; е) вследствие истечения срока Т. достижения цели Т. и с особым соглашением товарищей.

4) В смысле ликвидации дел Т. по его прекращению: а) предметы, внесенные в Т. лишь в общее пользование

возвращаются внесшим их товарищам, без вознаграждения за пользование этими предметами, если не было установлено иное; б) раздел общего имущества производится лишь по удовлетворении беспорных и обеспечении спорных долгов товарищей по общему делу. Вещественные вклады возвращаются деньгами, по оценке (установленной в договоре, а если это не сделано то по стоимости их в момент внесения).

В случае, если общего имущества товарищей будет недостаточно для удовлетворения или обеспечения долгов, недостающая сумма должна быть пополнена в размере причитающейся с каждого из них, смотря по типу товарищества, доли убытка. При несостоятельности, т. е. при недостаточности имущества одного из товарищей, непокрытая часть убытков распределяется на остальных товарищей по тому же принципу.

Кроме этих общих постановлений, имеются еще в каждом типе Т и особые правила:

1) Простое Т. Это общежитийский мало формальный коллектив, без регистрации и без общей фирмы. Форма договора (по общему закону, если предмет складочного капитала свыше 500 р) письменная. Складочное имущество состоит из вкладов товарищей и всех приобретений Т. Но сверх вклада деньгами или другими заменимыми вещами, составляющими общую собственность, остальное имущество считается поступившим лишь в общее пользование товарищей, поскольку не оговорено иного.

Ведение дела происходит с общего согласия всех товарищей. По договором можно установить и решение дел по большинству голосов, при чем если нет иного соглашения, то по числу товарищей; или, наконец оно передается одному или нескольким товарищам по доверенности, в каком случае все остальные отстраняются от ведения дел Т. Доверенность (см.) может быть уничтожена или поверенный может отказаться от доверенности лишь при наличии уважительных причин.

Передача права участия допускается только с согласия товарищей. Ответственность по общим долгам должна быть соразмерна вкладу, если нет иного условия. Солидарная ответственность, как

она всегда существует в полном Т. не предполагается.

Прибыль нечистятся, если в договоре нет особого условия, таким образом, что в конце года на вклад каждого начисляется средний учетный процент банка, а остальное товарищи делят поровну.

Заявление о досрочном отказе от участия в Т., учрежденном на неопределенный срок, допускается лишь по уважительной причине с своевременным о том предупреждением. Но отказ от выхода из Т. вообще недействителен.

2) Иное дело, полное Т., или, как оно прежде называлось, «торговый дом». Тут Т. образует общую фирму, которая, однако, не может быть анонимна, а должна содержать указание фамилий участников. Эта фирма должна быть зарегистрирована с указанием фамилий, размера складочного капитала, срока, порядка управления и т. д. Форма договора обязательно нотариальная; ответственность солидарная, всем имуществом товарищей. Зарегистрированное полное Т. имеет право юридического лица. Личная ответственность товарищей по отношению к кредиторам наступает лишь с фактической или формальной несостоятельностью Т. в целом.

Если Т. ликвидируется добровольно, то сами товарищи выбирают особых ликвидаторов (наш закон не знает особых, изблюбленных нашею до-революц. практикою, ликвидационных комиссий); в случае судебной несостоятельности ликвидаторов избирает суд от себя. Ликвидаторы действуют и отвечают солидарно. К сожалению, практика уклонилась от этого более целесообразного метода ликвидации и, несмотря на борьбу Верховного Суда РСФСР, подражает приобретенным печальную известность конкурсным управлениям. Товарищ, выбывший из Т., по регистрации его выбытия, отвечает за пассив Т. еще два года после утверждения отчета за год его выбытия. В остальном полное Т. облекается по общим началам с Т.

3) К Т на вере (командитному товариществу) применяются все правила о полном Т. К фирме должно быть приبالено «на вере». Вкладчик перед третьими лицами отвечает лишь своим вкладом и в размерах полученной из Т. прибыли.

Он при ликвидации из имущества Т получает удовлетворение преимущественно перед прочими товарищами.

4) Товарищества с ограниченной ответственностью допускаются лишь особого утверждения; их деятельность определяется утвержденным уставом. Ответственность ограничивается паям, в двое-, трое- или т. п. кратном размере, на основании устава.

5) Об акционерных обществах см. особую статью.

П. Стулка

ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ — знаки, которыми торговые (торговое клеймо, торговая марка) или промышленные (фабричная марка или клеймо) предприятия (см.) снабжают выпускаемые ими или переходящие через их руки товары, чтобы отметить их внешним образом для отличия от других однородных товаров. От промышленных образцов (рисунков) по своей цели Т. з. отличаются тем, что они имеют своим исключительным назначением индивидуализацию товаров, а не сообщение таковым большего изящества и привлекательности. Т. з. являются объектом того вида исключительных прав, который получает свое распространение на сравнительно ранней ступени исторического развития и широкая защита которого не встречает столь веских возражений, как это имеет место в отношении других видов этих прав. Цель в том, что для выбора Т. з. предприятие имеет чрезвычайно широкое поле различных возможностей, и у него мало бывает достаточно сильных и заслуживающих признания со стороны закона побудительных мотивов, заставляющих его остановить свой выбор на таком знаке, который уж используется другим предприятием. Существенно иначе обстоит дело с подражанием чужому творчеству, охраняемому авторским правом (см.), патентами на изобретения и законами о промышленных образцах, которые достигают признания в общем позже и защита которых ставится законодательствами (в отношении срока) обычно в более узкие рамки. Исторически настоятельная потребность в защите прав на Т. з. появляется там, где возникает достаточно интенсивная конкуренция сталкивающихся ме-

жду собой на ограниченном рынке товаропроизводителей.

В РСФСР Т. з. был посвящен целый ряд декретов и инструкций и в эпоху военного коммунизма.

Важнейшим среди них является декрет СНК РСФСР о Т. з. от 10 ноября 1922 г. (С. У. 1922 г. № 75, ст. 939), замененный в 1926 г. общесоюзным законом (С. З. № 11, ст. 50). Основные черты действующего закона сводятся к следующему:

Т. з. допускаются и защищаются законом во всякой внешней форме, в частности, клейма, пломбы, тавро, рисунки, оригинальные слова, упаковка оригинальных видов (ст. 2). Для приобретения исключительного права на пользование определенным Т. з. необходима регистрация такового в комитете по делам изобретений при ВСНХ СССР (ст. 6). Не допускается как регистрация, так и самое использование — в качестве Т. з. — знака, недостаточно отличного от Т. з., уже зарегистрированных другими предприятиями (ст. 4, п. «а»). Целая регистрация знака непременно условием оказания ему защиты, наш законодатель руководился, главным образом, двумя мотивами: во-первых, противоположный порядок то крайности осложнил бы работу судов; во-вторых, регистрация знаков связана с взиманием довольно значительных пошлин (см.), более крупных у нас, чем в других странах. Кроме того, явочный порядок возникновения прав этого рода был бы несогласен с общим духом советского права. Советский закон придает регистрации знака большее значение, чем большинство буржуазных законодательств, хотя и последние, в общем и целом, за некоторыми изъятиями, предоставляют защиту лишь зарегистрированному знаку. Кроме знаков, недостаточно отличающихся от других зарегистрированных ранее, не могут быть использованы в качестве Т. з. у нас знаки контрреволюционного и порнографического содержания (в буржуазных законодательствах вместо этого говорится о знаках «противных добрым нравам»); знаки, содержащие ложные или способные ввести в заблуждение сведения и содержание изображения Красного Креста или государственного герба (ст. 4). Последнее, впрочем, допускается для госпредприятий. Всякий, кто пользуется Т. з., зареги-

стрированным в порядке, указанном в законе, может требовать прекращения пользования таким же знаком со стороны других предприятий, уничтожения и снятия незаконно выставленного знака, а равно возмещения причиненных убытков на общем основании.

По мотивам, которые были отмечены в начале этой статьи, закон не ограничивает силы исключительного права на Т. з. определенным предельным сроком. Передача права на Т. з., а также права на свидетельство, выданное на этот знак, допускается лишь совместно с передачей предприятия или части его, если она составляет отдельное производство и передаваемый Т. з. был предназначен для товаров, выпускаемых именно этим производством. При отчуждении (см.) предприятия или при переходе его к правопреемникам, вследствие смерти владельца, право пользования соответствующими Т. з. переходит к новому владельцу предприятия. Отчуждение Т. з. допускается таким образом лишь в гораздо более узких пределах, чем оно возможно по отношению к другим видам исключительных прав. Объясняется это тем, что отчуждение прав на знаки вне связи с предприятием вводило бы в заблуждение потребителя.

Для действительности защиты Т. з. весьма немаловажное значение имеет то обстоятельство, чтобы эта защита не ограничивалась пределами того государства, где он возник. Это тем более важно, чем меньше по размерам данное государство и чем более тесно связано оно экономически с соседями. Для России как дореволюционной, так и Советской международная защита Т. з. не имела столь настоятельного значения. Царская Россия ограничивалась в этом отношении сепаратными соглашениями с отдельными иностранными государствами. Ряд других государств (в том числе Великобритания и Соед. Штаты) примыкают к генеральной в этом отношении конвенции. СССР к таковой до этого времени не примкнул.

С. Раевич

ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНОВ. Едва ли имеется другое слово в словаре юристов, которое бы чаще употреблялось, чем слово «толкование». И к нам перешло по наследству понятие «сенатского истолкова-

ния закона», как некоторой отмены или крупного изменения буквального или привычного понимания закона в интересах власти или господствующего класса («закон, как дышло: куда повернул туда и вышло»), под видом вскрытия «истинного смысла закона». Нет сомнения, что неясности, даже противоречия законов встречаются на каждом шагу также и у нас, хотя мы, в случае надобности, и согласны, по словам Ленина, в 24 часа изменить или дополнить закон, неясный или отставший от быстрого течения жизни, не говоря уже о неполноте наших законов. Но как мы должны понимать на деле слово «толкование»? Я считаю самым правильным пониманием его, как «применение закона точно».

Не таково было значение Т. (интерпретации) з. у колыбели права. Первоначальное право-закон представляло собою нечто таинственное, ведомое только жрецам, впоследствии светским юристам (в Риме). Они дали истолкование строгих формул права «На практике эти юристы не держались, безусловно, за порядок, однажды принятый; они расширяли и видоизменяли, соображаясь с нуждами жизни, круг юридической защиты, но они делали это, не прикасаясь к словам закона» (Муромцев, «Гражд. право древнего Рима»). Это было последствием первичного формализма.

С особенной силою воскресла эта «вера в закон» в эпоху Великой Французской революции. Еще Монтескье предсказывал: «Чем ближе форма правительства приближается к республике, тем более манера судить становится определенной. В республиканском строе это лежит в природе конституции, что судьи должны следовать букве закона... Судья произносит наказание, назначенное за данный факт, и для этого ему нужны только глаза». Революция сама прошла под знаком единства общего для всех французов закона, охватывающего все случаи. Поэтому Т., разъяснение закона принадлежало только власти законодательной, иначе судебная власть стала бы выше законодательной. Поэтому и первоначальная роль кассационного трибунала заключалась лишь в ограниченной роли применения закона. Лишь мысль, внесенная в «Кодекс Наполеона» (см.) о безусловной полноте

этого закона, дала основание для раз'яснительной роли касс сената Франции, ставшей впоследствии прообразом для подобной же работы российского сената.

Я считаю бесцельным здесь долго останавливаться на бесчисленных теориях и течениях буржуазной науки о Т. з., которая под красивым названием «герменевтики права» некоторыми учеными товарищами перенесена и к нам. Я ограничусь лишь кратким обзором и критикой буржуазной теории и практики Т. Смотря по тому, исходит ли Т. от власти или от науки, различают два основных вида Т.: легальное (со стороны власти) и доктринальное (со стороны науки) Легальное Т. распадается на: 1) аутентическое, даваемое законодательной властью (так как таковое Т. имеет силу, равную закону, то его смысл может заключаться лишь в действительном дополнении и изменении закона, но с обратной силой); 2) вообще официальное Т. органом на то уполномоченным, напр., при т.-п. кодификации, если эта кодификация не имеет законодательной санкции и 3) наиболее частый вид Т., судебное Т., либо под видом судебного прецедента, либо особого раз'яснения высшей судебной власти. Первый вид судебного Т., за исключением Англии, где он имеет строго обязательный характер, может быть приравнен заразителному примеру для судей не желающих работать собственным умом (прежние «стделенские» решения сената или у нас касс. коллегий). Второй—уже ближе к аутентическому Т., ибо издается высшею суд. властью на которую в буржуазном государстве жалобы и протеста не существует

В зависимости от того, как поставлена сама техника Т., различают 1) грамматическое Т.—филологическое этимологическое, синтаксическое, разбор текста и установление значения слов; это способ либо сам собой разумеющийся либо искусственное буквоедство в истинном смысле слова; 2) логическое Т.—и логическому ходу мысли закона, но, к несчастью, лишь в виде узко-формальной логики, да еще юридического толка; далее идут 3) Т. систематическое—из всего законодательства, как единой системы, единого логического целого 4) историческое—из источни-

ков данного закона выводящее его смысл, и в 5) когда нет прямого закона, допускается Т. по аналогии (см.) с другими сходными законами, однако, в ограниченных лишь размерах.

Еще различают—и это имеет особое значение для нас напр., в вводном законе Г. К.—ограничительное Т. т.-е. Т. в узких пределах буквы закона или даже уже того смысла, какой нужно придать ему на первый взгляд, и распространительное, когда смысл истолкования шире буквального или кажущегося его смысла.

Как по всем юридическим вопросам, так и по вопросу о Т., между юристами идет весьма резкая полемика. Это уже такая привычка «сословия» юристов проявлять темперамент даже тогда, когда идет спор о выделенном яйце. А результат? Как по всем спорным вопросам теории права общепризнанной в буржуазной науке теории Т. з. в настоящее время не существует. Мы можем прибавить, да и не будет Почему? Потому что буржуазное право претендует на общечеловеческое значение, тогда как оно является лишь преходящим правом класса капиталистов с некоторым компромиссом в сторону полуфеодалного класса землевладельцев А независимый демократический суд и персонально представляет собою строгого блюстителя права буржуазного, особенно в нынешний период пролетарских революций, когда произошло тесное сплочение с классом капиталистов как бывших феодалов, так и нынешних соц.-демократов.

Значит, в чем заключается основной и объективный недостаток буржуазной юридической логики? Она, во-первых, чужда диалектического подхода, ибо она либо обсуждает текстуально все статьи института права, накопившиеся в законодательстве с разных периодов, как со существующие не допуская и мысли о внутреннем их противоречии, или в лучшем случае допускающие лишь историческое, т.-е. реакционное или эволюционное Т., во-вторых, она еще более чужда открытого классового подхода ибо объективно обязана быть лицемерною не исключая даже самого искреннего теоретика, например, такого на первый взгляд, смелого направления, как учения

о «суде, свободном от права», вернее от закона (*Freirecht*). Самый демократический и, прибавим, самый буржуазный из всех буржуазных кодексов, прославившийся и у нас, швейцарский Г. К. провозглашает, что судья при недостатке закона должен решить вопрос так, как он решил бы его, если бы он был сам законодателем. Ясно, что он является лучшим представителем буржуазии, ибо буржуазный юрист не нарушит интересов буржуазии (ср. процесс об убийстве т. Воровского). В теории мы встречаем для этого случая яркое пояснение, напр., в словах Радбруха (с.-л. профессора и бывш. германского мин. юст.) о задаче суда: «Лучше понимать автора закона, чем он понял сам себя». Значит, быть более буржуа, чем буржуазный законодатель сам, который при парламентском режиме все-таки иногда обязан делать уступки оппозиции, допускать компромиссы. Довольно метко вопрос Т. ставит один герм. автор (Шмидт) «Для правильной мотивировки судебного решения важны два вопроса: в чем они (судьи) хотят убедить и кого?» При германских условиях он отвечает: остальных судей, как высшей инстанции, имеющей право отменить это решение, так и равных судей, в смысле самолюбия, создания прецедента, чувства классовой солидарности и т. д. В Америке, где существует право всенародным голосованием не только выбирать, но и отзывать (*recall*) судей, ответ не мог бы быть столь же прямолинейным, ибо там приходится убеждать и своих избирателей.

В истории права мы поочередно встречаем следующие способы Т. з.

1) формальное отношение к словесной форме, строгую обрядность (см. выше древне-римский взгляд характерный для римского права вообще);

2) истолкование в законе «воли законодателя» — значит, не то важно, что сказано, а то, что хотел сказать законодатель: тот самый законодатель, о котором даже буржуазные юристы говорят как «о мистическом законодателе» которого еще никто никогда не видал;

3) историческое истолкование закона по источникам, в том числе и обычаям, как выражению «духа народа»;

4) вскрытие «смысла» или цели закона:

5) истолкование «воли не законодателя, а закона», т.-е. с точки зрения цели закона;

6) свобода от права, т.-е. закона, замена его жизненным интересом и г. п.

Все эти способы Т. находят отклик в определенной классовой обстановке. Так словесное Т. являлось идеалом для либерального буржуа в царской России после 1905 г., ибо правительство и суд были более реакционны, чем закон (ср. И. Покровского). Французский юрист революционного периода, наоборот, был против старого закона за философию, буржуазное естественное право. Историческая школа ориентировалась на реакционный «дух народа», против философского, революционного естественного права и т. д.

Советская революция отвергла все прежние законы в целом и предпочла пробелы заполнять революционным правосознанием. Мы в этом отношении зашли даже слишком далеко, и я помню, как т. Ленин в заседании Совнаркома иронически возражал товарищу, отрицавшему действие и прежних жел.-дорожных и почт.-телеграфных правил словами, что коммунизм еще не изобрел нового способа эксплуатации жел. дорог, почт и телеграфа. Отношение к революционному декрету в смысле обязательности было довольно строго, а всякое отсутствие и неполноту декретов должно было восполнить «социалистическое правосознание» (ст. 22 декр. о нарсуде). Но свобода от определенных норм наказаний привела на деле к слишком мягким приговорам; в отдельные декреты поэтому приходилось вводить принцип санкции: не ниже определенной меры. Все-таки еще декрет о нарсуде (30/XI 1918 г.) допускал отступление, а именно «уменьшение наказания и ниже нормы или полное освобождение от наказания, но с обязательной мотивировкой подобного смягчения». У нас в этом отношении более строг (ср. ст. 51. прежде 28).

Интересный вывод получается из сопоставления нашего У. К. в большей степени нового права, с Г. К., в большей части заимствованным из старых буржуазных кодексов. Тогда как У. К., вопреки буржуазной теории придерживается относительно количества преступлений распространительного Т. (ст. 16 об

аналогии), наш Г. К. (ст. 5 и 6 вводного закона) предписывает ограничительное Т., за исключением тех случаев когда оно не противоречит интересам трудящихся и раб.-крест государства. Значит—расширение нового права и ограничение старого, заимствованного. В некотором роде «Nimetus clausus» (ограничение количества) для институтов права Г. К. расширение его—для У. К.

Кроме вводного закона Г. К. (см.), у нас нигде не содержится правил о Т. з. Из этого некий «белый» критик Г. К. делает вывод: «Само по себе взятое, такое умолчание нельзя считать недостатком; соответствующие правила предлагает наука права, откуда они и могут быть почерпнуты». Сейчас у нас, к сожалению, еще нет науки права, кроме буржуазной, а следовательно... Но оговаривается автор, «вводный закон не желает дать (и правильно делает. *И. Ст.*) этой науке полного простора и ставит указаниям ее две преграды, заслуживающие отрицательной оценки. Это ст.ст. 5 и 6 вводного закона». Эти слова откровенного противника мы должны всегда иметь перед глазами при Т статей Г. К.

Кто у нас раз'ясняет закон, кроме легального, аутентического толкования? Во-первых, пленум Верховного Суда СССР—с точки зрения конституционности и общесоюзного законодательства. Его решение обязательно и для верховных судов союзных республик. Во-вторых, пленумы верховных судов союзных республик—«правильное толкование законов по всем вопросам судебной практики» и утверждение циркуляров (ст. 180-а и в «Пол. о суд. РСФСР») Эти раз'яснения ВС обязательны для всей республики. Постановления пленума могут быть опротестованы лишь прокурором республики в президиум ЦИК республики, т.е. путем обращения к аутентическому, законодательному Т.

Решения касс коллегий как верховного суда, так и глав. обл. и губ. судов обязательны лишь для данного дела (ст. 248 Г. П. К. и ст. 422 У. П. К.) Губ. суды права общего толкования закона не имеют. Но это, конечно, не означает, чтобы у нас кассационные

определения, как верховных, так и губсудов, не имели значения прецедентов; на них ссылаются слишком часто. Это—зло, с которым приходится серьезно бороться, ибо такое отношение к делу умерщвляет живую и жизненную мысль.

В известной мере истолкование законов, кроме приведенных раз'яснений верховных судов, предоставлено еще и Наркомюсту и, наконец, по ведомствам—и отдельным наркомам, за которыми у нас нет особого наблюдающего органа (в виде административного суда), но только общие органы власти Совнарком и ЦИК.

Выработала ли наша практика или теория особые правила Т.? Пока нет. Но если мы понимаем право, как классовое право «рабочего класса в целом» совместно с трудовым крестьянством, а суд и госуд. власть рассматриваем, как выразителей классового интереса в целом, то наша задача уже облегчается. Декрет № 1 о суде дал основу этого Т.: декреты и программу партии (см.). Надо прибавить еще революционно-диалектический метод Т., чтобы подчеркнуть коренное отличие нашей системы Т., нашей «науки» Т. от буржуазной.

В ст. «Римское право» (ст. 752) приведена цитата из письма Маркса Лассалю о том, что всякое заимствованное право, как общее правило, уже заимствуется в ином «неправильном» понимании, чем оно имело место на своей родине (так, напр., римское гражд. право, английское конституционное право и т. д.). Знаменитый буржуазный исследователь английского самоуправления Гнейст напр., ложно понял и неверно изложил это самоуправление. То же надо сказать про попытки у нас выставлять Англию, как предмет зависти поклонников т.-н. «свободного права». Такое суждение основано на незнакомстве с английской практикой, дающей как раз в Т. и раз'яснении прав чересчур заскоружный тип.

Если мы для советского судьи ставим вопрос, кого он должен убедить в своем решении, то его задача гораздо труднее, чем задача судей предыдущих ему периодов. В области гражданского права вся сложность его задачи выражается во внутреннем противоречии: пролетарский суд и буржуазное право. И он должен убедить как своих классовых товарищей

в судебном аппарате высшего порядка, так и классовых товарищей-избирателей. Но он в известной степени должен убедить и классовых противников в устойчивости революционной законности. Одновременно он должен быть гибок в своих решениях, иначе последние при крайнем разнообразии дел и условий для их протекания будут безжизненны. Помните, как Ленин писал в своем «Продналоге»: «Каковы именно элементы различных общественно-экономических укладов имеются налицо в России. Перечислим эти элементы: 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частно-хозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм. Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Свообразие положения именно в этом» Значит, при основном строительстве социализма тут есть и элементы, для которых переход к капитализму (см.) был бы шагом вперед: а имеются и элементы лишь перехода к социализму. В толковании статей Г. К. в применении к крестьянскому двору распространение буржуазного права есть шаг вперед по отношению к пережиткам крепостничества (напр., разрушение патриархальной семьи), как шагом к социализму должно явиться применение целого ряда статей Т. К., включенных в пользу трудового населения. Судебная практика уже дает для этого конкретные примеры, но этот опыт еще не учтен и не обобщен. Тут уже имеются налицо первые шаги революционно-диалектического Т. закона, естественно вызывающие и известное сопротивление старой формальной логики и скрывающегося за нею буржуазного, т. е. формально-юридического, мировоззрения, иногда даже под маскою «советско-юридической» мысли.

Советская судебная практика делает именно лишь первые шаги по пути Т. 3. Отсутствует живая связь между законодательной работой и судебной: законодатели пописывают, судьи почитывают. Такое мало соответствующее революционной обстановке соотношение этих двух «властей», в теории у нас не независимых

друг от друга, но на деле достаточно отчужденных, будет изжито лишь тогда, когда судебная практика успеет окрепнуть и систематизироваться. Лозунг «революционной законности», сейчас вновь выдвинутый в связи с крестьянским вопросом, не может оставаться без благоприятных последствий. Наша «Энциклопедия» должна служить первым шагом к объединению коммунистических научных и практических работников по советскому праву в единую советскую науку права, которая была бы способна дать и советскую теорию Т. права, более глубокую, чем она выражалась в словах: мы здесь употребляем такое-то слово (буржуазное) в «советском смысле». Буржуазная юридическая буква имеет слишком глубокие корни (ср. Энгельса: «Юридическое мировоззрение это—классическое мировоззрение буржуазии»), чтобы просто ее перетолковать. Ее надлежит преобразовать.

П. Стучка

ТОРГИ Т. принято называть государственные торговые предприятия, действующие на началах коммерческого расчета, пользующиеся самостоятельностью в производстве своих операций и работающие под общим руководством и согласно заданиям соответствующих государственных административных органов (наркоматов, местных исполкомов и т. д.). На ряду с синдикатами (см.), Т. представляют из себя организации, с помощью которых советское государство экономически воздействует на торговый оборот, выступая в нем в качестве активного, непосредственно хозяйствующего субъекта. От синдикатов Т. отличаются рядом признаков, не всегда, впрочем, достаточно четко выраженных. Для Т., как правило, характерен чисто торговый уклон, т. е. деятельность по покупке и продаже товаров вне связи с производством или обслуживанием производства. В тех же случаях, когда Т. ставят своей задачей обслуживание промышленности (снабжение предприятий сырьем, материалами, реализацию продукции трестов), они, в отличие от синдикатов, охватывают своей деятельностью лишь известный район (местные Т.). Наконец, сплошь и рядом, основное отличие Т. от синдиката заключается в способе юридического конструирования его

капитала: капитал Т. выделяется из общей массы государственного имущества и считается единым, без подразделения на паи.

Ни один из указанных выше признаков Т. не является общеобязательным. Приведенное выше определение также не может считаться исчерпывающим; и не только потому что оно не дает достаточных оснований для разграничения Т. от синдиката но и потому, что под него не подойдет множество Т., организованных на акционерных началах в виде государственных (100%-ных) акционерных обществ, формально независимых и не подведомственных тому или иному администрирующему органу. Нам точное и адекватное определение Т. пока что нельзя, ибо нет еще законодательства, регламентирующего деятельность соответствующих государственных предприятий.

Исторически Т. возникают на заре новой экономической политики в 1922 и 1923 г. путем присоединения к новым условиям «вольного рынка» прежних «губснабов», «центроснабов» и т. д. Центральные ведомства и местные исполкомы организуют «торговые отделы» — учреждения с довольно неопределенной юридической физиономией. С одной стороны, торговые отделы являются отделами местных совнархозов, ВСНХ и других управляющих и администрирующих органов. С другой стороны, это — юридические лица, работающие на уставе с самостоятельной ответственностью, ограниченной предоставленным им при учреждении уставным капиталом. С течением времени часть Т. перестраивается на тех или иных quasi (как бы) частно-правовых основаниях по типу синдикатских объединений государственных паевых товариществ акционерных обществ (пайторги и пр.). К настоящему времени (май 1927 г.) все Т. по своей юридической конструкции могут быть распределены на две категории: а) предприятия типа «торгового треста», организованные применительно к декрету о трестах для выполнения тех или иных коммерческих функций. Таковы «госторги» (государственные экспортно-импортные конторы, находящиеся в ведении наркомторгов союзных республик, Госметр ВСНХ СССР); по тому же типу строятся и т. н. «промторги» — государственные предприятия местных исполкомов со смешанными

торгово-промышленными функциями, и б) предприятия, построенные по типу различного рода объединений, паевых товариществ акционерных обществ (см.). Эта группа Т. чрезвычайно многочисленна, и она использует, главным образом, акционерную форму, установленную Г. К. Есть, впрочем, попытки организации местных Т. и применительно к типовому уставу синдикатов.

Жизнеспособность Т., как своеобразных организаций, доказавших свое право на существование, с одной стороны, и явная неполнота нашего законодательства, отказывающего в признании за ними этого права, другой стороны — вызвали в жизни ряд законопроектов о Т., ни один из которых пока не получил силы закона. Последний проект Комиссии Законодательных Предположений, находящийся на рассмотрении высших союзных органов строит Т. на основе декрета о трестах 10/IV 1923 г. Основные положения проекта сводятся к следующему.

Т. признаются такие организуемые государством торговые, действующие на началах коммерческого расчета, предприятия, которым государством предоставляются особый, неделимый на паи капитал, права юридического типа и самостоятельность в производстве их операций согласно утвержденного для каждого из них устава. Государственные Т. несут ответственность по своим обязательствам всем своим имуществом не изъятым из гражданского оборота. Государственная казна за долги Т. не отвечает. Равным образом, Т. не отвечают по обязательствам государственной казны.

Государственный Т. приобретает права юридического лица со дня регистрации. Каждый Т. является единым предприятием, в состав которого могут входить одна или несколько оперативных единиц: магазинов, контор, отделений (филиалов), складов и т. п. В состав Т. могут входить также производственные единицы поскольку их деятельность носит подсобный характер и поскольку это предусмотрено в уставе Т.

Организовать Т. имеют право народные комиссариаты Союза ССР, союзных и автономных республик и местные органы советской власти, не ниже губернского значения, в соответствии с теми задачами, которые предусмотрены положениями о них Совместная организация Т. несколь-

кими государственными учреждениями не допускается. Т. разделяются на Т. общесоюзного, республиканского и местного значения.

В остальном законопроект трактует о порядке учреждения и регистрации Т. о капиталах, амортизации и распределении прибыли, отчетности, органах управления, ликвидации Т. и т. д. применительно к действующему декрету 10/IV 1923 г с рядом изменений, предусмотренных новым декретом о трестах (см.).

Л. Гилицбург

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА. Торговой политикой называется совокупность мероприятий государства, направленных к регулированию торговли. Т. п. распадается на внешнюю и внутреннюю. Обычно под термином Т. п. разумеют внешнюю Т. п. в действительности — этот термин охватывает не только мероприятия государства по регулированию внешней торговли, но также и мероприятия, регулирующие внутреннюю торговлю. Особенно это имеет применение к СССР, в котором внутренняя Т. п. (см.) играет едва ли менее существенную роль, чем внешняя.

Термин Т. п. надлежит понимать в узком смысле слова: в широком его применении он мог бы охватить и железнодорожную политику и налоговую политику и т. д., поскольку эти отрасли народного хозяйства в сильной степени влияют на торговлю. Однако, в литературе принято понимать Т. п. в ограничительном смысле слова, в смысле круга мероприятий, непосредственно воздействующих на торговлю. Ни в одной отрасли политики государства классовая его природа не проявляется в более сильной степени, чем в Т. п. При этом, Т. п. различается не только в зависимости от господства того или иного класса в стране, но и в зависимости от преобладающего влияния тех или иных групп данного класса.

Т. п. (внешняя). Если в стране господствует класс крупных землевладельцев, то в результате страна ведет Т. п., направленную к охране интересов крупного землевладения в первую очередь путем установления высоких хлебных пошлин и вывозных премий для хлебного экспорта. Если в стране господствует концентрированный промышленный капитал, то страна ведет Т. п., направленную к затрудне-

нию ввоза иностранных товаров, которые могли бы конкурировать с продукцией картелей и трестов (см.) и подрывать их монопольное положение в стране.

Этот ярко выраженный классовый характер Т. п. определяется тем, что она является одним из самых непосредственных выразителей создавшегося в стране соотношения производственных сил существующего в стране системы народного хозяйства. Капиталистические государства с развивающейся промышленностью ведут политику свободной торговли и фискальных пошлин; капиталистические государства с концентрированной промышленностью — борющейся за рынки — применяют систему формальной свободы торговли при запретительных пошлинах. Государство пролетариата строящего социализм в капиталистическом окружении применяет запретительно-разрешительную систему для ввоза и вывоза, систему монополии внешней торговли (характеристики этих отдельных систем см. Лицензии, Контингентирование, Монополия внешней торговли, Таможенная политика).

Виды Т. п. По своим целям Т. п. бывает активной и пассивной; по способу установления своих мероприятий — автономной и договорной.

Т. п. во всех случаях стремится к наилучшему в понимании господствующего класса, урегулированию товарооборота данной страны с соседними странами. В зависимости от силы или слабости страны она, однако, может быть направлена на завоевание рынков для промышленной продукции своей страны, на экономическую экспансию — в этом случае она может осуществляться в форме захвата колоний (см.), в форме бросового экспорта — думпинга (см.), в форме договорного понижения тарифов в странах-рынках сбыта и т. д. Такая Т. п. является активной, пассивной она будет тогда, когда она направлена к охране страны от проникновения иностранных товаров, от экономического завоевания ее рынков: в этом случае она будет действовать покровительственными пошлинами, запрещениями ввоза и вывоза и т. д. Основное противоречие Т. п. современных капиталистических государств заключается в том, что она является одновременно пассивной и активной. В качестве промышленных производителей

лей эти страны заинтересованы в том, чтобы завоевывать для себя рынки сбыта, и вынуждены вести активную политику, но их активной политике противостоит активная политика их конкурентов. Развитие промышленности в большинстве европейских и даже американских государств создает положение, при котором эти государства в поисках рынков вынуждены вести активную политику взаимно сталкивающуюся. В результате этого эти же государства принуждены на активную политику своих конкурентов отвечать пассивной политикой, запретом ввоза и запретительными пошлинами. В этом основное противоречие Т. п. современного капиталистического мира, противоречие, из которого в условиях капитализма нет выхода.

Наметившаяся в последнее время тенденция привести государства к отказу от их пассивной политики (манифест банкиров и экономическая конференция, созванная Лигой Наций) отражает лишь интересы крупных капиталистических государств, стремящихся к порабощению слабых государств, к уничтожению в них собственной промышленности, к превращению их в рынки крупных капиталистических стран.

Целью Т. п. является создание активного торгового баланса, при котором вывоз преобладает над ввозом. Активная Т. п. стремится к активному торговому балансу путем фиксирования экспорта, пассивная — путем торможения импорта. В последнее время СССР в его взаимоотношениях с восточными государствами выдвигает «идеальный» торговый баланс, соответствующий политике равноправия, проводимой СССР на Востоке, нетто-баланс при котором вывоз равняется ввозу.

Торговые договоры. Т. п., как указано выше, бывает автономной и договорной. Автономной она является в том случае, если ее мероприятия устанавливаются на основании автономных решений законодательных или административных органов страны. Договорной Т. п. является в том случае, если ее мероприятия основаны на постановлениях ее договоров с другими государствами.

Договоры, в которых в порядке взаимного соглашения государств предусматривается проведение тех или иных меро-

приятий Т. п. называются торговыми договорами.

Т. п. СССР Т. п. СССР определяется в первую очередь существованием в Советском Союзе системы планового хозяйства и связанной с этой системой монополии внешней торговли. Охраняя экономическую самостоятельность Советского Союза, самостоятельность социалистической системы хозяйства в капиталистическом окружении Т. п. Советского Союза направлена на всемерное поддержание и укрепление мощного орудия охраны этой экономич. самостоятельности советской системы монополии внешней торговли, на укрепление положения органов этой монополии за границей (см. Торговое представительство), на обеспечение страны тем необходимым количеством сырья, полуфабрикатов и оборудования, которые необходимы для развития страны. В то же время Т. п. СССР направлена на развитие экспорта, который с одной стороны стимулирует развитие сельского хозяйства и промышленности страны, а с другой является покрытием стоимости необходимого стране импорта — способом выравнивания торгового баланса страны. Своеобразие Т. п. Советского Союза заключается в том, что она осуществляется не только регулирующими, но, в силу огосударствления внешней торговли, и оперативными мероприятиями. Таким образом, Т. п. Советского Союза применяет не только общие направляющие меры, но и директивные указания оперативных органов с заказами и пр. Впрочем, эта «оперативная» Т. п. является не торговой политикой в точном значении слова, а скорее «коммерческой» политикой. Т. п. СССР различается в зависимости от того, с каким государством СССР имеет дело. В отношении западных капиталистических стран Т. п. СССР носит скорее пассивный характер. СССР системой монополии внешней торговли, запретительно-разрешительной системой высокими пошлинами охраняет страну от завоеваний ее иностранными товарами, от превращения ее в иностранную колонию, от насильственной ее аграризации. В отношении восточных стран, в которых до сих пор еще не вполне изжиты системы натуралистического хозяйства, СССР придерживается противоположной Т. п. Не опасаясь проникновения

продукции этих стран на советский рынок, СССР папротив всемерно способствует экспорту этих стран в Советский Союз для их развития, для укрепления связи их экономики с экономикой Советских республик. В соответствии с этим система монополии внешней торговли претерпевает существенные изменения во взаимоотношениях СССР с этими восточными странами.

До последнего года на восточных границах СССР с Турцией, Персией, Афганистаном, Западным Китаем и Монголией существовал безлицензионный ввоз продуктов производства этих стран в Советский Союз. В течение последнего года, в связи с взятой резкой линией на активный баланс, безлицензионный ввоз из этих стран отменен и заменен системой контингентирования нетто-баланса, т. е. соответствия ввоза и вывоза. Тем не менее, и в условиях этой системы Советский Союз создает возможно благоприятные условия для сбыта восточной продукции в СССР. Одновременно с благоприятствованием ввоза из восточных стран, СССР принимает активные меры к стимулированию вывоза союзной продукции в эти восточные страны. В целях такого стимулирования применяются возврат акциза, вывозные премии и т. д.

Б. Р.

Т. п. (внутренняя)—комплекс целей, которые государство ставит в области организации и регулирования внутреннего товарооборота. Т. п. Советского Союза берет начало от перехода к новой экономической политике, составляя неотъемлемую часть последней. Более того поскольку в основание НЭП'а (см.) положена «известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина» необходимость «достать товары и продукты» (Доклад Ленина на X Съезде Партии, Собр. Соч. т. XVIII, ч. I стр. 140), постольку внутр. Т. п. является основным орудием, призванным провести в жизнь самый НЭП.

На X Съезде Партии и в ряде последующих выступлений, Ленин, определяя содержание НЭП'а и не скрывая опасностей, в нем талящихся, одновременно указал и пути организации товарооборота, которые разрешая поставленную НЭП'ом основную задачу смычки с крестьянином вместе с тем позволили бы не только сохранить полно-

стью политическую власть в руках пролетариата, но и укрепить ее. Сохранение и сконцентрирование в руках пролетариата основных масс промышленных товаров для введения их в оборот являются одной из основ, продиктованных Лениным «Оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении)» (О значении золота теперь и после полной победы социализма, т. XVIII ч. I стр. 412); «Организация мелкого крестьянства на основе развития его производительных сил» (Речь на II Всеросс. Съезде Политпросветов, т. XVIII ч. I стр. 377); «Пролетарское государство должно стать исправным оптовым купцом», «оптовая торговля объединяет миллионы мелких крестьянских хозяйств экономически, заинтересовывая их, связывая их» (К 4-летней годовщине Октябрьской Революции т. XVIII, ч. I стр. 369),—таковы в общем и целом отправные точки, данные Лениным для установления основ внутр. Т. п. Советских Республик. Содействие в кооперировании населения является одной из неотъемлемых ее частей («В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве НЭП'а есть все что нам нужно» и т. д. — О кооперации т. XVIII ч. II стр. 139).

Т. п. Советского Союза за шесть лет существования НЭП'а развивалась постепенно по вышеуказанным путям. Основные мероприятия Т. п. за эти годы были направлены к установлению необходимого равновесия между продукцией промышленности и продукцией сельского хозяйства, подлежащей стчуждению деревней для удовлетворения внутренних потребностей страны и экспорта. Конкретно эти мероприятия находят выражение в соответственном развертывании промышленности и в поддержании такого соотношения цен между сельхоз. и промышленными товарами, которое обеспечило бы нормальный обмен между городом и деревней и накопление в сельском хозяйстве. Из основных мер в этой области назовем снижение отпускных цен на промышленные товары зимой 1923/24 года после «осеннего кризиса сбыта 1923 г.», кампанию по снижению розничных промышленных цен весны 1927 года.

Исходя из указанной выше формулы Ленина о значении оптовой торговли в руках

государства. внутр. Т. п. последних лет была направлена: 1) к овладению оптовым оборотом государственными торговыми органами, с постепенным вытеснением частного капитала из этой сферы торговли и 2) к максимальной концентрации оптового сбыта в руках специальных организаций (синдикаты), являющихся основными рычагами территориального распределения товарных масс. Затем внутр. Т. п. поставила себе задачей создать стимулы для кооперирования населения, для укрепления кооперации как системы, призванной постепенно полностью заменить частного розничника.

Наша внутр. Т. п. базируется на использовании государством механизма цен для осуществления поставленных ею целей. Задача овладения этим механизмом, чрезвычайно сложная, достижима лишь при условии преобладания или достаточного развития государственного и кооперативного аппаратов, являющихся проводниками внутр. Т. п. государства. После многих ошибок, неизбежных в таком новом, трудном и сложном деле, мы в 1926/27 году достигли в этой области совершенно реальных и эффективных результатов, выразившихся в установлении рыночного равновесия.

В капиталистическом хозяйстве рыночные отношения отражаются на производственных процессах. В Советском Союзе влияние рыночных условий на развитие сел.-хоз. производства неизмеримо сильнее, поскольку эти условия в значительной степени определяются сознательной волей государственной власти. Поэтому внутр. Т. п. определяющая рыночные условия, или во всяком случае определенно и сильно влияющая на них, вводящая их в определенное русло, является одним из основных орудий воздействия на направление сел.-хоз. производства в сторону его улучшения и реконструкции. Политика с.-х. цен и их соотношений, например на протяжении 1926/27 года, привела к громадным прогрессивным сдвигам в сельском хозяйстве.

Внутр. Т. п. складывается из мероприятий в области: 1) политики распределения товарных масс, 2) политики цен, 3) политики финансирования и кредитования товарооборота, 4) политики построения торгового аппарата и продвижения товаров по торговым каналам. Совокупность этих мероприятий находит выражение в разрабатываемых торговых планах (планы хлеб-

ные, сырьевые, распределения промтоваров и т. д.). Эти планы, сосредотачивая всю сумму торгово-политических мер в данной области торговли, связывая отдельные отрасли торговли между собою, вместе с тем предусматривают увязку торгово-политических мероприятий с общими мероприятиями экономической политики, определяемыми при разработке народно-хозяйственных планов (Контр. цифры народного хозяйства).

Разработка мероприятий внутр. Т. п., проведение ее в жизнь были первоначально возложены на «Комиссию по Внутренней Торговле при Совете Труда и Обороне» (Комвнуторг. — учреждена 9 мая 1922 г. Положение опубликовано в Собр. Узак. 1922 г. от 30 мая. № 34, ст. 400). По мере развития товарооборота, после полного отказа от натурального налога и проведения денежной реформы, необходимо было усилить регулирующее влияние государства на товарообмен. Соответственно этому был учрежден 9 мая 1924 года Народный Комиссариат Внутренней Торговли (см.). Развитие и укрепление связей Советского Союза с мировыми рынками привели к необходимости согласования мероприятий внутренней и внешней Т. п., ввиду органической связи расширяющихся оборотов внутренней и внешней торговли. Вследствие этого 18 ноября 1925 года Народные Комиссариаты Внешней и Внутренней Торговли слиты в единый Комиссариат Внешней Внутренней Торговли Союза — НКТорг (см.)

Н. В.

ТОРГОВЛЯ. Административный надзор за Т. Эволюцию нашего законодательства об адмип. надз. за Т. с 1921 г. можно формулировать, как постепенное ослабление этого надзора. Инструкция СНК от 19/VII-21 г. о порядке открытия и производства всякой торговли, изданная в развитие декрета СНК об обмене от 24/V-21 г., устанавливала разрешительный порядок как для открытия торговых предприятий, так и для производства торговли из палаток, киосков и лотков; выдача разрешительных свидетельств была возложена на отделы управления. 26/IV-22 г. разрешительный порядок открытия и производства торговли был отменен, лица, желавшие открыть Т. обязаны были лишь зарегистрировать свой патент в районном отделении

милиции. И, наконец, декретом СНК РСФСР от 31/X-24 г. (С. У. 1924 г., № 84, ст. 861) обязательная регистрация милицией патентов на торгово-промышленные предприятия и личные промысловые занятия была отменена.

Таким образом, в настоящее время наше действующее законодательство об административном надзоре за Т мало чем отличается от законодательства по этому вопросу соседних буржуазных стран, а именно: на открытие торгового заведения или на производство торговли не нужно никакого предварительного разрешения адморганов и не требуется даже регистрации в них патента. Сказанное, конечно, не относится к иностранным фирмам, которые допускаются к производству торговых операций в СССР только в концессионном порядке (декрет ВЦИК и СНК от 12/IV-23 г.—С. У. 1923 г. № 31, ст. 345). Время и порядок производства торговли, а также распорядок на ярмарках и на базарах регистрируются обязательными постановлениями местных советов и исполкомов (ст.ст. 7 и 8 декрета от 28/VI 26 г. № 39, ст. 304). Однако никакие органы власти на местах не должны издавать распоряжений, противоречащих основным принципам в области торгового оборота, изложенным в декретах и постановлениях центральной власти по этому вопросу.

Самый надзор за соблюдением правил торговли и промыслов возлагается на местные адмотделы и осуществляется через должностных лиц милиции. Обязанности последних по надзору за торговлей изложены: 1) в ст.ст. 74—84 Инструкции участковому надзирающему, утв. НКВД 31/I-23 г. и 2) ст.ст. 71—74 Инструкции волостному милиционеру, утв. НКВД 12/I-24 г.

Некоторой особенностью советского законодательства является допущение образования подособных организаций, содействующих адморганам при осуществлении ими наблюдения за торговлей в лице комитетов рыночных торговцев, образование которых предусмотрено декретом СНК РСФСР от 31/I-23 г. (С. У. 1923 г. № 6, ст. 102). Комитеты образуются в целях упорядочения торговли на городских рынках и избираются общими собраниями торгующих на данном рынке.

Кроме изложенных общих правил об административном надзоре за Т. в нашем

действующем законодательстве имеются специальные правила, регулирующие Т. а) вином, б) медикаментами, в) наркотическими веществами, г) печатными машинами и д) охотничьим оружием.

Необходимость особой регламентации Т. вышеуказанными предметами и установления специального надзора адморганов за Т. этими предметами объясняется, просто, тем, что без такой особой регламентации и без установления специального надзора адморганы не в состоянии будут удовлетворительным образом выполнить свою задачу — охранять государственный порядок и общественную безопасность. Отличие действующего советского законодательства по этому вопросу от обычного буржуазного заключается в том, что устанавливаемый им административный надзор за Т. этими предметами несколько строже и строгее.

Порядок Т. вином регулируется декр. СНК РСФСР от 9/VIII-21 г. (С. У. 21 г. № 60, ст. 413) декретом ЦИК и СНК СССР от 28/III-24 г. Инструкцией СТО от 9/III-25 г. Пост. ЦИК и СНК СССР от 28/VIII-25 г. и целым рядом инструкций НКВД, НКЗдрава и НКФ. Согласно этим актам розничная продажа вина допускается на следующих основаниях: на производство Т. должно быть получено предварительное разрешение губадмтдела; торговым заведением должен быть взят особый патент и уплачен особый сбор.

Т. медикаментами регулируется декретом СНК от 14/VII-22 г. (С. У. 1922 г., № 41, ст. 488) и рядом инструкций НКЗдрава. Согласно этим актам, для Т. медикаментами установлен разрешительный порядок разрешения выдают губ. и облотделами Здравоохранения.

Т. наркотическими веществами—см. Наркотизм.

Производство и Т. печатными машинами всякого рода регулируется Постановлением СТО от 26/VII-22 г. (С. У. № 74, ст. 589), согласно которого частное лицо или объединение, желающее открыть торговое или торгово-промышленное предприятие этой отрасли, обязано получить предварительное разрешение губ. или у. адм. отдела. Продажа печатных машин и шрифтов предприятиям полиграфической промышленности может производиться без всяких ограничений; прочим же учрежде-

ниям и лицам — лишь по предъявлении ими разрешения на содержание полиграфического предприятия или специального разрешения на приобретение в каждом отдельном случае подлежащего адм. отдела. Разрешение на открытие печатных предприятий согласно постанов. СТО от 2/ХП—22 г. (С. У., 1922 г., № 80. ст. 1019) выдается губ. и у. адм. отделами.

Т. оружием — см. Оружие.

А. Колесников

ТОРГОВОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ. Т. м. называется транспорт (перевозка) грузов и пассажиров на морских судах с коммерческой целью.

Т. м. противопоставляются с одной стороны, речное судоходство (по рекам, озерам и каналам), а с другой стороны мореплавание не преследующее коммерческих целей (военное), и мореплавание с культурными целями (например, научные экспедиции) и любительское, а также морские промыслы: лов рыбы, зверя, жемчужин и т. д.

Т. м. подразделяется на каботажное (см. Каботаж), т.-е. совершаемое между портами (см.) одного и того же государства, при чем различается каботаж малый, совершаемый в одном и том же море (например, из Батума в Одессу), и каботаж большой, из портов, расположенных в одном море, в порты, расположенные в другом море (например, из Батума в Ленинград); плавание в иностранные порты и плавание из одного иностранного порта в другой (intercourse), совершаемое обычно судами стран, имеющих избыток тоннажа; на плавание береговое—вдоль линии берега, и плавание в открытом море (см. Море открытое); на постоянные и обычно срочные сообщения между одними и теми же портами, при чем в особом положении находятся почтовые суда и сообщения с меняющимися маршрутами (дикие рейсы); на перевозки на собственных судах и на чужих судах, которые в свою очередь разделяются на перевозки по чартер-партии (charter party) т.-е. арендованные полностью или частично грузоотправителем на определенный рейс или на известное время, и перевозки на основании фрахтового договора, в силу которого грузоотправитель платит за судно, а передает свой груз судовладельцу для доставки: на плавание

парусное и при помощи механических двигателей

Зародившись с появлением обмена, Т. м. вместе с речным судоходством долгое время оставалось почти единственным способом перевозки товаров на дальнее расстояние вплоть до развития железнодорожных сообщений в XIX в. Первоначально оно развивается в бассейне Средиземного моря (фикикийцы, греки), главным образом, как плавание береговое, но уже тогда производившееся на далекие расстояния (экспедиция вокруг Африки при фараоне Нехао или достижение Оловянных островов—Англии—финикийцами). В этот период мореплавание—парусное и гребное (рабы и преступники на галерах), при чем последний способ сохраняется до эпохи возникновения современного капитализма (см.). Отсутствие необходимых знаний, мореходных инструментов, зависимость от ветра, оторванность от порта отправления, отсутствие безопасности и т. д. делают мореплавание этого времени в значительной степени исключительным рискованным предприятием; в то же время (также в течение и последующих эпох) Т. м. часто соединяется с ремеслом пирата (см. Пиратство).

Следующим этапом в развитии Т. м. является, с одной стороны, плавание викингов—скандинавских пиратов-купцов, проникавших в Средиземное море и даже достигавших Америки (первое открытие Америки в XI в.); с другой стороны, первенствующая роль переходит в Средиземном море к генуэзцам и венецианцам, Т. м. которых особенно развивается к эпохе Крестовых походов.

Однако как в этот период, так и в значительной степени в следующий Т. м. продолжает иметь характер спорадических рискованных предприятий для перевозки особо ценных товаров.

Развитие торгового капитализма ознаменовалось рядом открытий (путь в Индию, открытие Америки) и изобретений: компас, карты, зачатки мореходной астрономии, и усиленным развитием Т. м. Ганзейский союз, португальцы, испанцы, затем голландцы, а в последующую эпоху англичане и, наконец, французы поочередно выступают, как главнейшие мореходные нации. Начиная с XVII в., Т. м. усиленно развивается и начинает при-

обретать ту форму, коотрую оно имеет в настоящее время. Парусные суда, вмещавшие в XV в. от 100 до 300 тонн, увеличиваются в размерах (американские клиперы XIX в. достигают от 2.000 до 4.000 тонн). Затем с изобретением парового двигателя быстро развивается пароходство, первоначально колесное, затем винтовое. В 1840 г. совершается первый пароходный рейс из Америки в Англию. К постройке судов вместо дерева начинает применяться металл. Образуются большие компании, например, еще в 1602 г. голландская ост-индийская компания; в 1840 г. образуется американская компания Кунард-Лайн, существующая до настоящего времени. Устанавливаются правильные рейсы; определяется теперешнее положение капитана, как доверенного судовладельца, тогда как ранее последний часто являлся одновременно и капитаном. Судовладелец и грузовладелец, которые раньше часто совмещались в одном лице, когда купец для перевозки товара приобретал судно, начинают разделяться, и мореходный промысел становится обособленным от торговли; определяется теперешнее положение судовой команды, как людей, приглашенных по найму, тогда как ранее Т. м. часто совершалось на товарищеских началах. Работники морского транспорта пополняют ряды образующегося пролетариата. Значительно развивается судостроение

Юридически провозглашенная Гуго Гроном в XVII в. свобода морей, т. е. недопустимость для какого-либо государства претендовать на исключительное господство и использование открытого моря или какой-либо его части (иначе в отношении внутренних вод), начинает проводиться в жизнь. Т. м. действительно ставится под защиту международного права недопустимость в мирное время каких-либо насильственных действий в отношении к иностранным торговым судам в открытом море; установление правил, обеспечивающих интересы торгового мореплавания в военное время; начинает изживаться каперство (см. Капер)—захват частными судами иностранных судов, широко применявшееся ранее (флибустьеры в Америке); почти совершенно искореняется пиратство.

Знаменитым указом Людовика XIV в 1681 г. кладутся зачатки французского

морского права (см.). реценированного рядом стран. В то же время Т. м. (и судостроение) составляет предмет особого попечения государства; в целях развития национального флота и облегчения борьбы с развивающейся конкуренцией принимается ряд мер против иностранных судов: навигационный акт Кромвеля 1651 г., установление повышенных сборов с иностранных судов и провозимых на них грузов и т. д.

Завершающаяся эпоха финансового капитализма характеризуется борьбой капитала за мировые рынки, сбыта или сырья, одним из средств которых является соревнование торговых флотов; обнаруживаются чрезвычайное развитие морской конкуренции и особая чувствительность морских фрахтов (плата за провоз) ко всему, что способствует удешевлению перевозки.

Развитие почтово-телеграфных и радиотелеграфных сношений и сети пароходных агентств уничтожает существовавшую ранее оторванность судна от судовладельца и грузоотправителя и тем облегчает планомерность борьбы с конкурирующими предприятиями. Концентрация значительных денежных средств делает возможным такие огромные предприятия, как прорытие Суэцкого канала, оживившее Т. м. всего Средиземного бассейна, и Панамского канала.

Размеры и быстроходность судов развиваются до чрезвычайности. Вместимость торговых судов (повышенная во время войны) достигает 25.000 тонн, а скорость 14 узлов, а для пассажирских—27 узлов.

Мировой тоннаж возрастает с огромной быстротой.

Мировой тоннаж

	1900 г.	1910 г.	1923 г.
Мировой	28.957.358	41.912.520	65.166.238
Англия	13.241.446	17.516.479	19.281.549
Америка	2.035.062	2.761.605	14.597.035
Франция	1.350.562	1.882.280	3.737.244
Германия	2.650.033	4.333.186	2.590.073
Норвегия	1.640.812	2.014.533	2.551.912

(Россия занимала от 3 до 7% мирового тоннажа: ныне этот процент еще меньше).

Крупные частные мореходные кампании, как, например, английский Флойд, начинают играть исключительную роль в международной государственной жизни, издаваемые ими правила имеют часто не меньшее значение, чем государственные законы, например, в области страхования. Парусное плавание сохраняет еще значительное место; так, например, в России в 1913 г. (последний нормальный год) на 1.121 пароход с полной вместимостью в 912.000 тонн и чистой в 541.000 тонн приходилось 2.577 парусных и парусно-моторных судов с грузоподъемностью в 26.000.000 пудов, однако парусное мореплавание все более и более уступает место плаванию с механическими двигателями.

Несмотря на развитие железнодорожных сообщений, в значительной степени вытеснивших речное судоходство, последние в той области, где они могут конкурировать с Т. м., все же остаются на втором месте.

Морской способ сообщения все еще является наиболее дешевым: тонна груза, перевезенная на 1.000 миль морским путем, обходится в среднем в 2 рубля 50 копеек, по каналам—10 рублей, железнодорожным—50 рублей и гужевым—150 руб.

С другой стороны морской грузооборот остается по своим размерам доминирующим не только в таких странах, как Англия и Америка, где он составляет в первой 100%, а во второй—91% для импорта и 94% для экспорта к общему грузообороту, но даже и для таких стран, как Франция (импорт 65%, экспорт—69%) Германия (импорт 50%, экспорт—60%) и Россия (импорт 78,4%, экспорт—60,9%). Что касается последней, то по данным 1913 г., по сухопутной границе было ввезено 319 млн. пудов (21,6%), вывезено—367 млн. пудов (39,1%), всего 684 млн. пудов (28,5%), тогда как по морской границе было ввезено 1.153 млн. пудов (78,4%) вывезено—659 млн. пудов (60,9%) всего 1.722 млн. пудов (71,5%). В СССР же процент этот поднялся еще выше (в 1923 г. 88,8%), при чем значительная часть остальных 11,2% составляют грузы, следующие морем через Ригу и Ревель. Что касается каботажа, то в 1913 г. на 2.407 млн. пудов, ввезенных и вывезенных морем через границу приходилось 723 млн. пудов в малом каботаже (из них около 300 млн.

пудов по Каспийскому морю и 36,8 млн. пудов в большом), всего 759,8 млн. пудов.

Столь значительному участию Т. м. в торговле соответствует и та роль, которую оно имеет в экономической и внешней политике.

С одной стороны, представляя собой один из видов продажи транспортных услуг, Т. м. занимает значительное место в государственном балансе. Так, например, в 1913 г., вследствие отсутствия достаточного национального флота, в России весь доход от вывоза (в размере 144 млн. руб.) был поглощен оплатой иностранного фрахта (в размере 140 млн. рублей). В странах же, в которых имеется избыток национального флота, как, например, в Англии, продажа транспортных услуг приносит значительные доходы.

В социалистическом обществе при монополии внешней торговли роль национального флота еще значительнее, как обеспечивающего интересы внешней торговли и влияющего на цены товаров, развитие промышленности и сельского хозяйства.

Что касается политической и юридической стороны, то в разбираемый период интересы Т. м., как одного из существенных факторов в борьбе за мировое господство, в значительной степени влияют на внешнюю политику (захват Египта Англией, борьба за нефть) мерами, направленными к умалению флота держав, побежденных в мировой борьбе и т. г.

В то же время характер покровительства национальному Т. м. видоизменяется. В соответствии с интернациональным характером финансового капитала, формально иностранные суда ставятся в то же положение, как и суда туземные (условия наибольшего благоприятствования в торговых договорах). Эти начала, встречающиеся первоначально в двусторонних договорах имеют тенденцию в последнее время к закреплению в многосторонних международных конвенциях, как, например, в проекте Женевской конвенции 1924 г. о режиме портов (начало равенства однако, до сих пор не распространяется на каботаж).

Из провозглашенного принципа равенства все же фактически устанавливается изъятие путем ряда косвенных льгот, предоставляемых национальному флоту и даже специальных субсидий, выдаваемых

ему. Достаточно указать на возврат суэцких пошлин в целях поощрения дальнего плавания.

Продолжается выработка норм, направленных к обеспечению интересов Т. м., при чем в разбираемый период английское морское право *Merchant Shipping Act* Мер первоначально изданное в 1854 г. и другие морские законы Англии занимают то место, которое в свое время имело право французское. Ряд международных конференций устанавливает общие морские законы (например брюссельские конференции 1909 г.), выработавшие правила, касающиеся столкновения судов и вознаграждения за спасание; брюссельская конференция 1922 г., выработавшая проекты трех новых конвенций и т. д. Рядом с международным урегулированием вопросов морского права значительную роль имеют и частные конгрессы, как, например, выработка в 1924 г. новых йорк-антверпенских правил, касающихся расчетов по авариям, имеющих мировое значение.

Что касается права морской войны, то хотя процесс обеспечения Т. м. в военное время и продолжается, однако, то настоящего времени он еще не закончен, и право захвата иностранных частных торговых судов во время войны до сих пор еще сохраняется. Выработанная 26 февраля 1909 г. так называемая лондонская декларация, касавшаяся права морской войны, не была принята, и хотя в дальнейшем, например, в империалистическую войну, она и применялась, однако, выработанные ею преимущества в процессе войны постепенно отменялись (например, в вопросе о военно-морской контрабанде и праве ее захвата).

В. Егорьев

ТОРГОВОЕ ПРАВО — одно из подразделений системы буржуазно-капиталистического п., проводимое большинством законодательств европейского континента и большей частью представителей буржуазной «науки п.». О Т. п. говорят в двойном смысле в более широком и более узком. Под Т. п. в широком смысле слова понимают все юридические нормы, регулирующие торговлю как «частно-правового», так и административного (организационные нормы об учреждениях, регулирующих

торговлю и содействующих ее развитию) финансового (налоги и сборы, специально относящиеся к торговле), международного (торговые договоры) характера. При таком широком понимании Т. п. оно перекрещивается с рядом других основных подразделений системы буржуазного п. Возможность объединения столь обширного круга институтов в систему Т. п. в широком смысле слова, представляет собой нечто бесспорное, но вместе с тем и столь же бесплодное. Главный интерес (но вместе с тем и серьезные возражения) вызывает выделение внутри системы «гражданского п.» в широком смысле п. Т., противопоставляемого п. «общегражданскому» в узком смысле этого слова (см. Гр. право).

Возникновение дуализма общегражданского и Т. п. тесно связано с рядом исторических условий. Соотношение исторической роли т.-н. общегражданского Т. п. имело известное сходство соотношением цивильного и общенародного *jus gentium* п. в истории римского и. (см. Римское п.). Т. п. явилось в свое время разлагающим ферментом и вместе с тем движущим прогрессивным началом в эволюции и феодального, перерождающегося в и. буржуазное. Сословному и корпоративному расчленению средневекового общества соответствовало наличие в нем нескольких одновременно действующих систем п. (местное обычное, каноническое, римское, купеческо-торговое). Купеческое п. было п. наиболее передового класса, и содержание его оказывало влияние на развитие всего гражданского п. Многие из того, что было раньше специфической особенностью Т. п. стало постепенно общей нормой гражданского п. После того, однако, как и «общегражданское» п. стало в достаточной мере капиталистическим п., противопоставление Т. п. и общегражданского п. утратило свою классовую основу и сохранилось преимущественно лишь, как исторический пережиток и как условный способ выделения законодательного материала, относящегося к этой разнообразной и необъятной отрасли юридической «пауки», между двумя университетскими кафедрами.

Разделение Т. п. и общегражданского права при последовательном его проведении предполагает создание двух отраслей судебной системы и двух отличных порядков судопроизводства; такой дуализм, ког-

да-то существовал, но от него сохранились даже в тех странах, где существуют еще отдельные кодексы гражданский и Т. лишь очень скромные остатки.

Наиболее передовой и совершенный из европейских кодексов—швейцарский—не признает противоположения н. гражданского и н. Т.

Крупнейшие французские специалисты по Т. п. Lyon Caen et Renault, Thaller давно уже высказались за желательность окончательного уничтожения этого дуализма. На эту точку зрения стали и авторы выработанного незадолго до революции русского проекта гражданского уложения. Сторонником этой же точки зрения был крупнейший русский дореволюционный авторитет по Т. п. Шершеневич. В Германии, однако, вопрос был дважды в начале и в самом конце 2-й половины XIX в. разрешен в противоположном смысле—в направлении сохранения дуализма. Объясняется это в значительной степени вот чем. В середине XIX в. Германия была раздроблена в политическом и еще более в гражданско-правовом отношении. Провести объединение всей системы гражданского п. было невозможно по политическим условиям. Создание общегерманского Т. уложения явилось компромиссным выходом, удовлетворявшим минимальные требования единства в праве, регулирующем Т. оборот. При пересмотре этого уложения производившемся в конце XIX в., в связи с работами по составлению ВСВ старались как в отношении общегерманского, так и Т. п., без большой нужды не отступать от старинки. Были опасения, как бы попытку широкого систематического объединения не был бы создан тормоз для создания общегерманского правового единства. Было, кроме того, стремление сохранить особое Т. уложение, как «славный» памятник первого этапа в деле этого объединения. Поэтому из Т. уложения исключили почти все общие нормы, ставшие достоянием и «права гражданского», но оставили Т. уложение, как совокупность некоторых специальных законов.

Вопрос об особом Т. п. стал и у нас когда получила признание необходимость составления Г. К. (см. Г. К., история). Вопрос был разрешен как 3-й сессией ВЦИК IX созыва, принявшей декрет об основных частных имущественных нравах, так и

4-й сессией того же созыва, утвердившей Г. К. в смысле нецелесообразности выделения Т. и. Противоположное разрешение вопроса весьма популярно среди беспартийных специалистов, обслуживающих наши хозяйственные органы, и с кафедр многих наших вузов и по сейчас преподают «признанную наукой п.» идею об особой «юридической природе» Т. п. и о необходимости специального Т. кодекса. Идея эта нашла себе выражение в «проекте Т. свода СССР», составленном комиссией, образованной из ряда виднейших беспартийных юристов в НКВД при СТО в начале 1923 г. (издание такого свода было, однако, признано законодательными органами нецелесообразным). Успех этой идеи в упомянутых кругах, успевающих оказывать в этом отношении влияние и на некоторых руководителей хозорганов, объясняется рядом причин. Защитники особого Т. п. желали бы высвободить значительную часть оборота из-под действия норм Г. К. Последние рассматриваются ими, как стесняющие свободу деятельности как частных, так и государственных предприятий. Высказываются пожелания о признании, в качестве источника права, Т. обычая (см. Обычное право) или (что но существу то же самое) «коммерческих обыкновений»; расширение прав биржевых арбитражных комиссий, являющихся зародышем авторитетного Т. суда, где работают знатоки Т. п. и «коммерческих обыкновений», и в члены которых, по проекту, допускаются также и лица, лишенные по конституции избирательных прав¹⁾: о разрешении частного посредничества в сделках между госорганами (см. Комиссия); об ослаблении привилегий госорганов, предоставленных им ст. 101 Г. К. и ст. 266 Г. П. К.; об уничтожении для Т. сделок обязательности нотариального засвидетельствования; о разрешении юридическим лицам производить торговлю не только теми товарами, торговля которыми входит в круг их задач по уставам и положениям о них, но также и другими товарами; о сближении нашего законодательства по духу с «лучшими образцами западно-европейского Т. права»; о рецеп-

¹⁾ Т. Стучка весьма удачно назвал идею Т. кодекса идеей кодекса «привилегий для класса, лишенного по конституции политических прав» («Классовое государство и гражданское право»).

пии международного вексельного устава и т. п. Сейчас, пока еще не изданы «Основы гражданского законодательства Союза ССР», преждевременно говорить о судьбе этих мнений.

С. Раввич

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР — см. Торговая политика.

ТОРГОВЫЕ КНИГИ (в дореволюционном праве—купеческие книги)—книги, ведущиеся в торговых предприятиях для учета поступлений, расходов, коммерческих расчетов и состояния имущества. Ведение Т. к. диктуется как собственным интересом предпринимателей, так и требованиями законодательства. Закон требует ведения Т. к., во-первых, в интересах третьих лиц—кредиторов, у которых может оказаться интерес в определении хода дел предприятия, особенно в случаях несостоятельности, и, во-вторых, в интересах государственных (фискальных-налоговых, а также для обеспечения надзора за характером деятельности предприятия). В СССР наибольшее значение имеют мотивы последнего рода. Первый декрет о Т. к. был издан в РСФСР 27 авг. 1918 г.: он не получил большого значения в связи с общими условиями эпохи военного коммунизма. С переходом к новой экономической политике был издан ряд постановлений специально для государственных предприятий 18 сентября 1923 г. был издан общий декрет СИК СССР о Т. к. (С. У. № 100, ст. 999). Декрет возлагал обязанность вести Т. к. на торговые предприятия не ниже III разряда и на промышленные—не ниже IV разряда, при чем принадлежность предприятий к тому или иному разряду определяется постановлением ВНИК и СНК РСФСР от 18 января 1923 г. (С. У. 1923 г. № 5 ст. 89). Декрет этот указывает точно, какие именно книги должно вести предприятие определенного разряда, и преподает некоторые основные правила их ведения. Те предприятия, которые обязаны, согласно декрету, вести счетоводство по системе двойной бухгалтерии, должны регистрировать свои книги в порядке, определяемом особой инструкцией СТО (С. У. 1924 г. № 17, ст. 177; № 34, ст. 322). Т. к. должны храниться в предприятии в течение 3 лет

(ст. 7 декрета от 18 сентября 1923 г.). Нарушение правил о ведении Т. к. карается в уголовном порядке.

Более старые законодательства признавали за Т. к. силу установленного доказательства, не подлежащего свободной оценке суда. Новейшие законодательства такой доказательной силы за Т. к. не признают, ставя их в одинаковое положение с другими письменными доказательствами, и предоставляют суду свободную оценку их. Советский закон тоже стал по эту последнюю точку зрения.

С. Р.

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА по определению положения о НКВТ (ст. 23 пост. ЦИК от 12/X — 1923 г., С. У. 1923 г. № 108, ст. 1037) являются органами НКВТ (ныне органами НКТорга) и одновременно частью полномочных представительств Союза СССР за границей. Это же определение содержится и в ст. 1 пост. ВЦИК и СНК от 16/X — 1922 г. о внешней торговле (ст. 1—С. У. 1922 г., № 65, ст. 846). В этом определении отражается основная задача Торгпредства — осуществление и охрана государственной монополии внешней торговли (см.) — путем представительства комиссариата органа этой монополии и вхождения в состав общего представительства государства (Полпредство) в качестве органа, осуществляющего одну из государственных функций — монополизированную внешнюю торговлю.

В то время, как НКТорг (б. НКВТ — см.) построен по принципу дифференциации регулирующих и оперативных органов, так что оперативные функции самим комиссариатом, как таковым, не осуществляются, Торгпредства осуществляют и регулирующие и коммерческие функции одновременно, и в соответствии с этим распадаются на части регулиющую и коммерческую. Регулирующая часть ведает, главным образом, наблюдением за торговой деятельностью всех физических и юридических лиц СССР в стране пребывания Торгпредства. Коммерческая часть осуществляет торговые операции отчасти по плановым заданиям НКТорга, преимущественно на комиссионных началах по поручениям организаций и лиц, получивших разрешение на операцию по внешней торговле (см. Лицензия). В последнее вре-

мя в связи с образованием в СССР специальных экспортных (напр., «Экспортлес») и импортных (напр., «Текстильимпорт») обществ, долженствующих заяться экспортом или импортом одного какого-либо товара, коммерческие части крупнейших Торгпредств (напр., в Берлине) развиты на специальные отделы, также занимающиеся импортом или экспортом одного какого-либо товара и как бы продолжающие за границей деятельность специальных обществ, которые работают в СССР.

При Торгпредствах в государствах, представляющих особый интерес для какой-либо из Союзных советских республик, вводится отдельное представительство данной союзной республики.

В составе Торгпредства имеются также представители отдельных ведомств (напр. при некоторых Торгпредствах представители Высшего Совета Народного Хозяйства). В Берлине, Лондоне, Париже, Риме и Токио при Торгпредствах находятся концессионные комиссии.

Статус Торгпредства, установленный нашим законодательством, получил молчаливое признание во всех государствах, с которыми у СССР имеются нормальные дипломатические отношения и в которых имеются Торгпредства Союза. Помимо этого, статус Торгпредства урегулирован в целом ряде международных договоров Советского Союза и советских республик. Краткий анализ этих договоров в их исторической последовательности показывает, какие успехи достигнуты Советским Союзом в деле признания советского законодательства и советской системы буржуазными государствами и в деле закрепления положений советского права в нормах международного характера.

Первым соглашением, в котором упоминается о Торгпредстве, является временное соглашение с Германией от 6-го мая 1921 года. Однако, в этом соглашении еще не содержится никакого упоминания о монополии внешней торговли, и постановления о Торгпредстве, которое в то время заменяло дипломатическую миссию, носят двусторонний характер. Тем не менее уже в этом соглашении упоминается, что «правовые действия Торгпредства как государственного торгового учреждения признаются российским правительством

обязательными для себя». Здесь в не развернутой форме содержится положение, которое получило развитие в последующих договорах Союза. о том, что Торгпредство является на территории иностранного государства органом, осуществляющим монополию внешней торговли.

Первое упоминание о монополии внешней торговли содержится во временном соглашении между РСФСР и Норвегией от 2 сентября 1921 г. В этом соглашении (ст. 11) предусматривается, что монополия внешней торговли в РСФСР принадлежит правительству и осуществляется НКВТ и что поэтому всякая сделка по внешней торговле без согласия правительства РСФСР считается нарушением монополии внешней торговли.

Те же положения содержатся и во временном договоре между РСФСР и Чехословакией от 5/VI — 1922 г. Однако, в этих соглашениях статус Торгпредств еще не подвергается достаточному уточнению в соответствии с постановлениями советских законов.

Эпоху в истории урегулирования статуса Торгпредства международных договорах представляет договор между СССР и Италией от 7/II 1924 г. В ст. 3 этого договора положение Торгпредства регулируется целым рядом постановлений, соответствующих постановлениям советского законодательства о Торгпредстве. В первую очередь устанавливаются функции Торгпредства как по регулированию внешней торговли между СССР и Италией, так и по осуществлению этой торговли. Далее, оговаривается экстерриториальность для торгового представителя и членов совета Торгпредства, а равно экстерриториальность для их контор; в соответствии с нашим законом устанавливается, что Торгпредство составляет нераздельную часть полномочного представительства; за Торгпредством и его органами оговаривается право шифра. Поскольку государство принимает на себя ответственность за сделки Торгпредства, имущество Торгпредства освобождается от судебных мер предварительного характера. Помимо этого, предусматривается, что Торгпредство в будущем не может быть поставлено в условия худшие, чем то подписания договора. В соответствии с этим, например, поскольку Торгпредство до под-

писания договора не платило налогов, оно освобождается от обложения и после вступления договора в силу.

Прецедент созданный в вопросе о международно-правовом урегулировании статуса Торгпредства подписанием договора с Италией, в значительной степени облегчил урегулирование этого вопроса в дальнейших договорах. Однако, окончательную брешь в отрицательной позиции буржуазных государств к договорному урегулированию прав Торгпредства пробило довольно благоприятное разрешение этого вопроса в договоре СССР с Германией от 12/X 1925 года. Известно, что Германия была одним из тех государств, которые с наибольшей настойчивостью отказывались Торгпредству в его дипломатических привилегиях. Эта позиция привела к конфликту, с вторжением германской полиции в помещение Торгпредства 3-го мая 1924 г., — конфликту, урегулированному специальным протоколом от 29/VII—1924 г. При этих условиях благоприятное разрешение вопроса о Торгпредстве в договоре с Германией с признанием монополии внешней торговли, экстерриториальности торгпреда, двух его заместителей, членов совета и помещений Торгпредства явилось существенным достижением. По сравнению с договором с Италией в договоре с Германией содержатся некоторые незначительные ухудшения: так, предусматривается обложение Торгпредства, правда, путем паушализации (определение в круглых цифрах) этого обложения и без обязательств представлять финансовым органам торговые книги торгпредства.

В договоре с Норвегией от 15/XII — 1925 г. также содержится подробное и точное урегулирование прав Торгпредства. Существенных изменений, по сравнению анализированными выше договорами, этот договор не заключает.

В последних заключенных СССР торговых соглашениях еще не ратифицированным соглашением с Грецией от 23/VI — 1926 г. и вступившем в силу 4/VII — 1927 г. и договором с Турцией от 11/III 1927 г., положение Торгпредств также подверглось подробной регламентации в положениях, основанных на постановлениях советского законодательства.

Проявляющаяся в последнее время активность буржуазии, и в первую очередь ан-

глийской буржуазия, стремящейся возобновить открытую борьбу против советского государства, нашла, между прочим, отражение в известном налете английской полиции на «Аркос» (английское юридическое лицо, образованное на советские капиталы, через которое главным образом осуществлялась советская торговля с Англией), во время которого полиция нарушила и экстерриториальность Торгпредства. — Свои действия английская буржуазия формально пыталась обосновать тем фактом, что Торгпредство СССР в Англии существовало не на основе договора, установившего его экстерриториальность, а на основе торгового соглашения 1921 г., которое обеспечивало неприкосновенность только для официального агента лично, а не только для торгпреда лично. Конечно, даже и при такой постановке вопроса в действиях английской полиции имелись нарушения самого торгового соглашения, на которое ссылались правительство английских консерваторов, поскольку полиция, вопреки определенным постановлениям ст. V Соглашения 1921 г., забрала шифр Торгпреда, пропикла в его кабинет и т. д.

Впрочем, существенно не это. Существенно то, что своим грубым налетом английские консерваторы не сумели поколебать завоеванного Советским Союзом во всех странах положения Торгпредства. В этой связи особенно интересно отметить, что через несколько дней после лондонского налета был подписан торговый договор между СССР и Латвией, в котором Торгпредству СССР в ряде постановлений обеспечивается в основном такой же благоприятный режим, какой для него установлен в разобранных выше постановлениях договора между СССР и Италией от 7/II 1924 года.

Е. Розенблюм

ТРАНЗИТ Т называется передвижение пассажиров или грузов через территорию государства в том случае, если это передвижение составляет часть одного цельного пути, начавшегося и имеющего окончиться вне пределов государства, через территорию которого это продвижение происходит (определение Барселонской конвенции 1921 года).

В эпоху натурального хозяйства и в первый период торгового капитализма.

проблема Т. не занимала существенного места в экономических отношениях. Транзитные грузы облагались при ввозе — ввозными пошлинами, при вывозе — вывозными. При медленности передвижения товаров, при множестве внутренних таможен, проблема облегчения не ставилась. В эпоху расцвета торгового капитализма, с ростом товарооборота между странами и улучшением сношений, со снятием внутренних таможен—транзитная проблема начинает играть роль в экономических взаимоотношениях государств. Развивающиеся торговые отношения требуют облегчения условий Т. Взимание привозных и вывозных пошлин с транзитных грузов заменяется взиманием специальных транзитных сборов. На этом развитие не останавливается. Государства для которых в силу их географического положения Т. играет существенную роль (например, Швейцария, Франция, Германия и друг.), вынуждены были считаться с тем фактом, что затруднение Т. приводит к движению товаров обходными путями, что в конечном итоге отражается на доходах страны, через которую должен был проходить Т. Эпоха промышленного капитализма с ее усилением товарооборота между государствами и рядом технических усовершенствований транспортных условий, в первую очередь, устройством железных дорог, которые нуждаются в грузах, требует разрешения транзитной проблемы в смысле дальнейших облегчений. В середине XIX века исчезают транзитные пошлины во всех государствах, и к началу мировой войны во всей Западной Европе устанавливается свобода Т., без всякого обложения какими бы то ни было транзитными сборами.

Мировая война, вызвавшая столь существенные изменения в мировой экономике, — не прошла бесследно и для транзитной проблемы. В течение войны — по вполне понятным условиям — Т. совершенно прекратился. Обособившиеся, в результате мировой войны, народно-хозяйственные организмы, оградившиеся друг относительно друга рядом ограничений и таможенными барьерами и рогатками, естественно стремились взаимно ограничить и право свободного Т. В первых послевоенных договорах постановления о Т. носят чрезвычайно неопределенный характер; предусматривается возможность

установления тех же запрещений для Т. что и для привоза товаров, т.е. по соображениям ветеринарного и санитарного порядка, по соображениям общественной безопасности, в интересах охраны государственной монополии и т. д.

На конференции, созванной Лигой Наций по вопросам сообщений и Т и состоявшейся в Барселоне между 10 марта и 21 апреля 1921 г. была принята специальная конвенция и статус по вопросу о свободе Т. Однако, хотя по своему заглавию конвенция и говорит о свободе Т., в действительности она такой свободы не устанавливает. Так в ст. 5-й оговаривается, что каждое государство имеет право применять к Т запретительные меры полицейского и таможенного характера. При наличии такой оговорки, все остальные положения конвенции являются в достаточной мере беспредметными. Все значение этой оговорки ст 5 достаточно определенно отмечается в объяснительной записке к Барселонской конвенции, в которой содержится след. любопытное признание: «Несмотря на долгие и упорные усилия выработать, насколько это возможно при нынешнем состоянии мирового общественного мнения, наиболее отчетливые постановления о Т., каждое государство при желании всегда сможет найти в толковании самого текста этих постановлений средство воспрепятствовать свободе Т.».

Естественно, что при таком содержании Барселонской конвенции последние западно-европейские договоры, содержащие в большинстве своем по вопросу о Т. отсылки к постановлениям этой конвенции, оставляют самое широкое поле для взаимных ограничений договаривающихся сторон.

Особенности географического положения Советского Союза (мост между европейскими промышленными государствами и восточными рынками и сырьевыми базами) вызывают чрезвычайный интерес западно-европейских государств к Т через Советский Союз

Из всех путей на восток, лежащих через СССР западно-европейская промышленность наиболее заинтересована в пути на Персию, поскольку в Турцию, Китай и Японию имеется более удобный морской путь. В отношении Афганистана, во всяком случае южной его части, вопрос также не стоит остро, при наличии пути че-

рез Индию. Особый интерес представляет лишь путь в Северную Персию, доступ в которую затруднен при отсутствии благоприятных транспортных путей из Южной Персии в Северную; этим вызывается стремление западно-европейской промышленности проникнуть по закавказскому пути в Северную Персию. В самое последнее время, однако, и этот вопрос начинает в значительной степени терять свою актуальность, с появлением автомобильных путей из Месопотамии, из Южной Персии и из Трапезунда, ведущих на Тавриз и Тегеран.

В соответствии с общими основами своей восточной политики, Советский Союз в целях всемерного развития экономики восточных государств становится на путь допущения Т. из этих государств на Запад тех произведений почвы и промышленности стран, которые не могут найти себе сбыта в Советском Союзе. Что касается транзита из западных государств в восточные, то до последнего времени Советский Союз в договорах с западными государствами не допускал Т. западно-европейских провепансов в восточные государства, не считая возможным облегчать проникновение конкурентных западно-европейских товаров на те восточные рынки, которые в силу их географического положения тесно связаны с экономикой Советского Союза.

В отношении разрешения транзитной проблемы международные договоры Советского Союза, в соответствии с изложенным, разделяются на две группы: договоры с восточными государствами и договоры с западно-европ. государствами. В договорах с восточными государствами, как указано выше, оговаривается свобода Т. через СССР. В договоре с Афганистаном этим правом, однако, по точному смыслу статьи, пользуются лишь правительственные грузы; в договоре с Турцией дается право Т. только через Батумскую область; в договоре с Персией содержатся лишь общие положения, получившие развитие в ратифицированном торговом договоре 1924 г. Наоборот в договорах с западными государствами не содержится общего разрешения Т., и договорные постановления отсылают либо к внутреннему законодательству, либо построены на наибольшем благоприятствовании. В договоре с Германией от 12/X-

1925 г. предусматривается разрешение транзитного вопроса в форме образования специального смешанного общества, имеющего своей задачей организацию Т. из Германии в восточные страны.

Внутреннее законодательство до последнего времени не содержало особых постановлений по этому вопросу.

Соответственная статья Таможенного устава (ст. 115) отсылает к международным договорам, концессионным договорам и особым постановлениям.

Изданный 8-го января 1925 г. декрет о Т. устанавливает лишь общие правила в отношении транзитных грузов и предусматривает издание Советом Труда и Обороны постановления о путях, открытых для Т. Соответственным постановлением СТО для Т. открыто 4 пути:

- 1) через западную и северную границу СССР к портам Черного моря;
- 2) через те же границы на Владивосток;
- 3) Владивосток — Пограничная и
- 4) Манчжурия — Владивосток. К Т. через эти пути допускаются все товары, кроме перечисленных в особом постановлении СТО.

В связи с особыми условиями на Дальнем Востоке (возможность проникновения в Манчжурию товаров через японский порт Дайрен и в виду конкуренции между Дайреном и Владивостоком) правительство, не дожидаясь общего закона о путях, открытых для Т., открыло специальным декретом путь через Владивосток на Манчжурию. в целях стимулирования которого названный декрет допускает открытие в пределах Владивостокского порта специальных транзитно-варантных складов.

Во взаимоотношениях Советского Союза с иностранными государствами транзитная проблема возникает не только в применении к путям в восточные государства, через СССР, но и в применении к транзитным путям из Советского Союза на запад через так называемые лимитрофные государства (Эстонию, Латвию, Литву, Польшу). Как известно, довоенный экспорт России в значительной части осуществлялся через порты (Рига, Ревель), ныне отошедшие к прибалтийским государствам. Поскольку часть союзного экспорта, в силу географических условий, по-

прежнему тяготел к этим портам Советский Союз заинтересован в Т. через территорию этих прибалтийских государств. В соответствии с этим, в договорах с прибалтийскими государствами — первых мирных договорах советских республик транзитная проблема затрагивается рядом постановлений.

Первые мирные договоры РСФСР с Эстонией, от 2/II — 1920 г., с Литвой от 12/VII — 1920 г. и с Латвией 11/VIII 1920 г. предусматривают заключение специальных транзитных договоров. Предусматривается, что в основу этих транзитных договоров должен быть положен принцип неустановления специальных транзитных сборов, а также принцип приравнения фрахтовых ставок на транзитные грузы к фрахтовым ставкам на однородные товары местного происхождения. Оговаривается, что до заключения транзитного договора транзитные взаимоотношения между договаривающимися странами должны регулироваться этими же самыми принципами; однако, как явствует уже из приведенных выше положений эти договоры не устанавливают никаких материальных обязательств сторон пропускать товары Т. и оставляют урегулирование этого вопроса предстоящим торговым договорам. Точно так же и в договоре с Польшей от 18-го марта 1921 г. в ст. 22 предусматривается лишь обязательство неустановления транзитных сборов, но не устанавливается прямого обязательства сторон пропускать транзитные товары.

На практике Советский Союз не испытывал до сих пор затруднений в отношении Т. через Эстонию, Латвию и Литву. Это объясняется тем, что в этом Т. заинтересован не только Советский Союз, но и упомянутые страны, для которых Т. советских товаров является наиболее существенным поставщиком грузов для местных железных дорог. Т. советских грузов через Польшу встречал одно время значительные затруднения, объясняющиеся недостаточной определенностью постановлений договора между советскими республиками и Польшей и вызывавшиеся в тех или иных случаях политическими осложнениями между Советским Союзом и Польшей.

Б. Розенблюм

ТРАНСПОРТНОЕ ПРАВО. Под Т. п. в обширном смысле этого термина разумеется сумма юридических норм, определяющих условия работы транспортных предприятий и формы осуществляемого по отношению к ним со стороны государственной власти контроля. В таком широком его значении Т. п. обнимает собою не только производимые транспортными предприятиями перевозочные операции, но и целый ряд разнородных по своему содержанию институтов, относящихся частью к области государственного права, частью же к различным отраслям права гражданского.

Сюда относятся напр.: нормы о т. п. транспортных землях, о правовом положении транспортного имущества, об ограничении придорожных землепользователей, об организации транспортных предприятий и о правительственном надзоре за их деятельностью и т. под. Соответствующие юридические нормы ни в одном из существующих законодательств не получили систематического объединения и в юридической литературе (оставляя в стороне предпринимавшиеся в этом направлении единичные попытки) систематическому исследованию их соотношения между собою обычно не подвергаются.

В более узком, специальном смысле Т. п. признаются лишь юридические нормы регулирующие взаимоотношения между транспортными предприятиями и их клиентурой, поскольку отношения эти возникают на почве производимых указанными предприятиями операций по перемещению людей и материальных ценностей (перевозок). Т. п., в его специальном значении перевозочного права, составляет одну из обширных отраслей общей системы хозяйственного права (гражданского и торгового), затрагивающую существеннейшие интересы общественной жизни (экономические, политические и культурные), и является объектом усиленной практической и теоретической разработки.

В зависимости от путей сообщения (см.) используемых для выполнения подлежащих перевозок Т. п. делится на виды. В составе его различаются: право простой сухопутной перевозки (безрельсовой) право морской перевозки, речное перевозочное право, железнодорожное право и право воздушное

Появление обширных законов о перевозке (кроме морской перевозки, получившей во Франции законченную законодательную регламентацию еще в 1681 г.) относится ко второй половине XIX века.

По отношению же к сухопутной и речной перевозке торговый оборот еще недавно довольствовался скудными и отрывочными постановлениями, изложенными в гражданских и торговых законах первой половины XIX века. В частности, то же французское законодательство посвящало им всего лишь 12 статей (ст.ст. 1782—1786 Гражд. Кодекса и ст.ст. 103—109 Торгового Кодекса). Наметившееся вслед затем быстрое поступательное движение в области Т. п. стоит в теснейшей зависимости от открытия пара как движущей силы, и от сопутствовавшей этому открытию механизации путей сообщения. Определив возникновение железных дорог события эти тем самым вызвали к жизни новую отрасль Т. п. а именно право железнодорожное. Развитие Т. п. не всегда и не везде протекало одинаковыми путями. В то время, как в некоторых странах (преимущественно во Франции и в Англии) преобладающую роль в этом процессе получили судебная практика и правительственная регламентация перевозочной деятельности железных дорог (посредством тарифных распоряжений и возложения на ж.-д. концессионные предприятия специфических обязательств в форме особых дополнений к концессионным договорам — *Cahiers de charges*, законодательства большинства континентальных европейских государств уже к концу XIX века успели обогатиться обширными и тщательно разработанными железнодорожными законами (в ряду их особо видное место занимали постановления обоих Германских торговых уложений 1861 и 1897 г.г., Швейцарский закон 1871 г и русский «Общий Устав ж. д.» 1885 г.) оставлявшими, однако, довольно обширное поле и для правительственной регламентации железнодорожного дела (таковы, напр., наши подуставные правила или германский *Eisenbahnverkehrsordnung*).

Практическое разрешение и теоретическое освещение многочисленных вопросов Т. п. в их применении к железным дорогам отразилось и на состоянии других видов перевозочного права. Многие нормы ж.-д. п. оказались позаимствованными новейши-

ми законодательными актами, относящимися к простой сухопутной и речной перевозкам с тою лишь разницей, что соответствующие нормы здесь далеко не всегда сохраняют присущий им в железнодорожном праве характер строгого права, а становятся диспозитивными постановлениями, подлежащими применению лишь при отсутствии противоположного соглашения участвующих в договоре перевозки сторон. Заметное влияние железнодорожного права на прочие отрасли перевозочного законодательства легко обнаружить уже в своих германских торговых уложениях с особенною же отчетливостью влияние это сказалось на ст 529—566 проекта Итальянского Торгового Кодекса (русский перевод проф. В. М. Гордона), рассчитанных преимущественно на сухопутные перевозки, производимые в автомобильных сообщениях

В дореволюционной России, обладавшей в 1885 года вполне развитым ж.-д. законодательством, никогда не существовало законов о простой сухопутной и речной перевозках. Частичного устранения этого существенного законодательного пробела следует ожидать изданием разрабатываемого ныне НКПС'ом «Устава Внутренних Водных Путей Сообщения». В настоящее время функции отсутствующего в СССР закона о речной перевозке с большей или меньшей успешностью выполняют утвержденные административными властями (Центральным Комитетом по Перевозкам при НКПС—для Государственных Речных Пароходств, а для Акционерного Общества «Покотранс»—Наркомторгом СССР) правила перевозки. Все же безрельсовые сухопутные перевозки, а также речные перевозки, поскольку эти последние не подпадают под действие упомянутых выше специальных правил подлежат обсуждению на основе общих законов о договоре подряда, изложенных в Гражданских Кодексах Союзных Республик

О морском транспортном праве Союза Св. Св. Республик см. статью «Торговое мореплавание».

Основные принципы железнодорожного права, как сохранившего до сего времени преобладающее перед всеми прочими видами перевозочного права значение нуждаются в несколько более подробном освещении.

Финансовая мощь железнодорожных предприятий и присущий им монопольный характер, благодаря которым они в условиях свободного (не подчиненного специальному государственному регулированию) развития оказались бы в состоянии диктовать своим контрагентам любые условия перевозки и тем самым воздействовать в желательном для них направлении на всю сферу народного хозяйства, побуждает даже чисто капиталистические законодательства обставлять перевозочную деятельность железных дорог существеннейшими ограничительными условиями. В основе своей означенные условия сводятся к следующим основным положениям (принципам): 1) осуществление всех видов перевозок (людских и товарных) объявляется публичной обязанностью открытых для общего пользования железных дорог, которым под опасением имущественной ответственности перед их контрагентами запрещается уклоняться от заключения соответствующих перевозочных договоров иначе, как в случаях, точно определяемых самим законом; 2) размер взимаемых жел. дор. за перевозочные услуги плат (кроме случаев, особо оговоренных подлежащими постановлениями власти) определяется не свободным усмотрением участвующих в перевозке сторон, а особыми таксами, утверждаемыми правительственной властью («перевозочные тарифы»); 3) господствующий в буржуазных законодательствах по отношению к другим договорным сделкам принцип «свободы договоров», в области железнодорожной перевозки, уступает место принудительной регламентации отдельных ее частных пристрастий, простирающейся так далеко, что многие исследователи отрицают самый договорный характер ж.-д. перевозки; 4) все непрерывно связанные между собой железные дороги обязываются силою самого закона производить перевозки прямого сообщения на однообразных условиях и с солидарною друг за друга ответственностью за исправное выполнение перевозки на всем ее протяжении, чем предотвращается возможность обхода железными дорогами установленных для них принудительных предписаний закона; и 5) оказание железными дорогами перевозочных услуг допускается лишь на одинаковых для всех их клиентов основаниях (принцип «равного отношения»), при чем всякие соглашения

о предоставлении тому или иному клиенту каких-либо преимуществ перед прочими контрагентами железных дорог признаются недействительными.

Приведенные выше основные принципы нашли себе отражение в национальных системах буржуазного ж.-д. права. На них же построены и состоявшиеся в Берне международные соглашения о железнодорожных перевозках в прямых между договаривающимися государствами сообщениях (Бернская конвенция 1890 года была рассчитана только на грузовые перевозки, а заменившая ее Бернская конвенция 1923 охватывает также и перевозку пассажиров).

Существенно иными чертами характеризуется железнодорожное право в странах, перешедших к централизованной системе планового социалистического хозяйства. В них транспорт не обслуживает уже потребности отдельных противостоящих друг другу в качестве равноправных участников экономического общения торговых и промышленных предприятий, а за отсутствием свободного рынка во всем своем объеме становится подсобным органом государства, осуществляющего возложенные на него функции снабжения производства и распределения материальных ценностей между потребителями, согласно заранее установленному плану государственного хозяйства. Найдя себе почти полное осуществление в Советской России эпохи военного коммунизма, такая экономическая система не могла не сказаться на содержании железнодорожного законодательства того времени и нашла себе яркое отражение в Уставе ж. д. РСФСР 1920 г. В противоположность буржуазным железнодорожным законам, советский Устав 1920 года, оставаясь на почве обязательности ж.-д. перевозок, решительно отступает от принципа договорности этих перевозок. Накладная и ее дубликат утрачивают значение договорного документа и становятся документами чисто учетными (ст. 9). Целью перевозки является не извлечение железными дорогами прибыли на почве обслуживания децентрализованной промышленности и торговли, а удовлетворение запросов производящих ведомств и государственного распределительного аппарата. Соответственно этому устанавливаются: а) система особых разрешений на перевоз-

ку людей и грузов; б) бесплатность перевозки всякого рода грузов (исключение было установлено законом 10 Апреля 1921 года только для грузов иностранных государств) и широких контингентов трудящихся (ст. 8); в) сложение с железных дорог всякой имущественной ответственности за исправность перевозки, за которую отвечают в порядке уголовного суда лишь виновные в ее допущении агенты железных дорог (ст. 44), денежное же вознаграждение могло быть уплачиваемо потерпевшим лицам только в случаях недостачи и порчи багажа (в пределах до 100.000 рублей совзнаками того времени) за счет Наркомфина.

Наступившая вслед затем эпоха новой экономической политики ознаменовалась естественным для переходного периода социалистического строительства стремлением осуществить лежащую в основе всей советской экономической системы программу планового государственного хозяйства в условиях свободной конкуренции, как способа развития производительных сил страны. Сочетание этих двух противоположных экономических начал с таким расчетом, чтобы интересы государственных железных дорог и интересы государственной промышленности (рассматриваемой как одно целое вместе с обслуживающим ее государственным и кооперативным торговыми аппаратами), по приведении их в должное соотношение между собою, получили преобладающее значение по сравнению с индивидуальными интересами частных лиц, и составило задачу всего последующего советского железнодорожного законодательства.

Утвержденный 12 июня 1922 г. Устав железных дорог 1922 г. РСФСР в первой своей части (ст 1—13) формулирует признаваемые также и буржуазными законодательствами общие принципы жел-дор права, а также некоторые другие, имеющие общее значение как для пассажирских, так и для грузовых перевозок положения. Глава вторая (ст 16—33) относится к перевозкам пассажиров и их багажа производимых на договорных началах (договорными документами здесь служат проездные билеты и багажные квитанции) и на условиях, определяемых частью самим законом, частью же распоряжениями подлежащих центральных органов НКПС

(ст. 17, 25 и проч.). Глава третья (ст. 34—76) трактует о перевозке грузов, облакаемой в форму двух перевозочных документов (именных или предъявительских): накладной и ее дубликата, из которых первая следует при грузе до пункта его назначения, а второй выдается на руки отправителю (ст. 53). С момента выдачи отправителю груза дубликата накладной правильному держателю этого последнего на все время нахождения груза в пути законом предоставляется «право распоряжения грузом» (ст. 61), чем дубликату ж.-д. накладной сообщается значение ценной бумаги, имеющей крупное значение в торговом обороте.

Подробная и имеющая принудительный характер регламентация участвующих в перевозке сторон частью изложена в самом тексте остальных частей рассматриваемой главы, частью же поручается законодателем Центральному Комитету по перевозкам при НКПС (ЦКП) или другим органам НКПС. Наконец, глава четвертая (ст 77—107) посвящена ответственности железных дорог по всем видам перевозок и возникающим из перевозки претензиям и искам. Строгое отношение законодателя к железным дорогам находит себе выражение в том: 1) что ж. д. признаются ответственными за всякие действия и упущения их служащих и других лиц, приставленных ими для выполнения перевозок и соединенных с ними действий, и вследствие этого, в случаях возникновения имущественного вреда для их контрагентов, лишены права ссылаться на пределы данного ими их агентам поручения или па создавшуюся для них невозможность предотвращения вредоносной деятельности этих агентов (кроме случая непреодолимой силы) и 2) что в случаях, законом определенных (за непрерывность поездки пассажира и за сохранность груза от утраты и порчи в пути) ж. д. отвечают до пределов воздействия непреодолимой силы или до представления ими доказательств возникновения вреда либо вследствие естественных свойств самого груза, либо по причинам, зависящим от лица, имеющего право распоряжения грузом. Противовесом упомянутых строгих правил об имущественной ответственности железных дорог служит с одной стороны ограничение законом этой же самой ответственности

устанавливаемыми в самом законе лимитами, а с другой — установление в их интересах ряда льготных постановлений процессуального характера (обязательность обращения к дороге до предъявления иска в суде с требованием о добровольном вознаграждении, ограничительные правила об избрании потерпевшим дороги-ответчицы, строгая территориальная подсудность железнодорожных исков и установленная для этих исков сокращенная годичная давность, которая ни в каком случае не может быть удлинена)

Только что изложенное содержание Устава железных дорог 1922 года при всей его сжатости, показывает, что устав этот как с точки зрения положенных в его основу принципов, так и по форме мало чем отличается от железнодорожных законов Западной Европы, заимствуя большую часть своего содержания из Бернской Конвенции 1890 года. Однако, в нем легко обнаружить, правда, в совершенно зачаточном еще виде, старания законодателя оградить государственное хозяйство от бессистемного (чуждого плановости) использования транспорта его случайными потребителями и на ряду с этим поставить государственную промышленность и торговлю в такие условия пользования железнодорожным транспортом, которые обеспечивали бы наиболее полное и успешное выполнение промышленностью и торговлею возложенных на нее плановых заданий. В качестве меры, направленной к предотвращению бесхозяйственного использования транспорта, достаточно будет отметить введенное 48 ст. Уст. 1922 г. ограничение отправителей грузов в праве свободного избрания пути следования груза (имеется в виду избежать дальних и встречных перевозок). Преобладающее же значение интересов государственной промышленности и торговли перед интересами частных потребителей транспортных услуг отмечается в ст. 61 этого Устава сознательно отступившей от принципа «равного отношения» ко всем клиентам железных дорог и разрешившей устанавливать для государственных грузов облегченный порядок переправки и пересадки по соглашению между двумя Народными Комиссарами (Путей Сообщения и соответствующего заинтересованного ведомства). В дальнейшем его развитии

ж.-д. право СССР, помимо частичных законодательных дополнений и изменений к Уставу 1922 года, пришло к сознанию настоятельной необходимости наделения административных органов НКПС (частью ЦКП, частью же наркома П. С.) такими широкими полномочиями в области регулирования перевозок, которые дали бы им возможность бороться с бесхозяйственностью перевозок собственными средствами, не прибегая к содействию законодательной власти, а в случае надобности и давать предпочтение определенным грузо-хозяйствам перед другими категориями. Не будет поэтому ошибкой признать, что с проведением этой реформы законом 29 октября 1926 года (Собр. Зак РСФСР, № 72, ст. 559) принцип «равного отношения» железных дорог к их клиентам по сравнению с законодательствами капиталистических государств в советском же железнодорожном праве потерпел существенную модификацию в том смысле, что с этого времени отступление от него, оставаясь для железных дорог недопустимым, поскольку дело идет о собственном их усмотрении становится для них обязательным при наличии надлежащего по этому поводу распоряжения компетентных органов административной власти (Паркомпуть).

Опубликованный в № 30 Собр. Зак СССР 1927 г. и вводимый с 1 октября 1927 года на всей территории СССР новый Устав ж. д. Союза ССР, учитывая весь опыт предыдущего законодательного периода и отчасти кодифицируя предшествующие акты жел.-дор. права, отчасти подвергая подлежащие институты означенного права самостоятельной переработке, завершает десятилетний период развития послереволюционного ж.-д. законодательства. Оставаясь на почве основных принципов Уст. ж. дор. 1922 года и сохраняя расширенные законом 29 октября 1926 года полномочия наркома путей сообщения, этот крупный законодательный акт включает в себе и существенные нововведения в ряду которых должны быть отмечены: а) отдаление операции дорог по предварительному хранению грузов до их отправки от перевозочной их операции. б) усиление ответственности отправителей за обнаружившуюся во время перевозки неправильность веса грузов отправки, за верность которого

они поручились. в) более точная регламентация института передачи по подписям дубликатов именных накладных, г) некоторое расширение территориальной подсудности исков, предъявляемых к железным дорогам и проч.

С. Герасов

ТРЕСТ, как юридическая форма организации госпромышленности. — явление, специфически свойственное советскому праву и неизвестное законодательствам капиталистического мира, где Т. не является юридическим понятием и где Т. (экономическое содержание этого понятия тоже иное) соответствуют разные юридические формы У нас Т., по определению закона (закон говорит «государственный Т.», по иным Т. у нас не имеется), — государственное промышленное предприятие, которому государство предоставляет самостоятельность в производстве операций, согласно утверждаемому для каждого из них уставу, и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли (ст. 1 декрета от 10 апреля 1923 г.).

Т. представляет собой, в отличие от других наших предприятий, финансируемых по госбюджету, и в отличие от почти всех государственных предприятий капиталистических государств, особое юридическое лицо, не совпадающее с государственной казной, за долги которого последняя не отвечает.

В той же резолюции майской (1921 г.) всероссийской партийной конференции, где впервые, кажется, употреблено выражение «новая экономическая политика» и где «проведение» ее указано, как «коренная политическая задача момента», отмечается, как одно из необходимых проявлений ее, применительно к промышленности (абзац 2 пункта 5) «расширение самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами» и «внесение соответствующего точного постановления на утверждение Совнаркома». Эта директива получила частичное и постепенное осуществление в «Наказе СНК о проведении новой экономической политики» (С. У. 1921 г. № 59, ст. 403), в декрете СНК от 16 августа 1921 г. о расширении прав госпредприятий в области

финансирования и распоряжения материальными ресурсами (С. У. 1921 г. № 63, ст. 458), в постановлении СНК от 27 октября 1921 г. о свободной реализации продукции предприятиями, снятыми с госснабжения (С. У. 1921 г., № 72, ст. 547), и постановлении СТО от 12 августа 1921 г. о мерах к восстановлению крупной промышленности. В этом последнем постановлении реорганизация государственной промышленности вылилась в довольно определенные формы хозрасчета. Была установлена децентрализация в управлении предприятиями (см.) и они были приспособлены к участию в стихии вольного оборота. Приспособление это не могло быть, однако, достаточно полным, пока не было четких и определенных правовых норм относительно пределов имущественной ответственности Т., порядка распоряжения имуществом и фиксации предоставленного им капитала разных его категорий.

В 1922 г. происходила по этим вопросам оживленная дискуссия как среди хозяйственников так и среди юристов. Юридическое мышление последних не позволяло им признать права на существование организации, столь отличной от традиционных юридических фигур, каким является наш Т., и большинство из них восставало против ограниченной ответственности государства и т. п. «диковинных» явлений. Даже на страницах «Советского Права» были высказаны подобные взгляды одного крупного и лояльного специалиста.

Тем не менее наш законодатель не остановился перед тем, чтобы создать в этой области нечто новое — специфическое порождение советской экономики. Основная идея нашего законодательства о Т. впервые получила отчетливое выражение в ст. 19 Г. К.: «Государственные предприятия и их объединения, переведенные на хозяйственный расчет и не финансируемые в сметном порядке, выступают в обороте, как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица. За их долги отвечает лишь имущество, состоящее в их свободном распоряжении, т. е. не изъятые из оборота, согласно ст. ст. 21 и 22. Исключения из этого правила особо указываются законом».

Это положение получило свое конкретное развитие в декрете ВЦИК и СНК о

государственных промышленных предприятий, действующих на началах коммерческого расчета (Т.) от 10 апреля 1923 г. (С. У 1923 г. № 24 ст. 336). Согласно этому декрету, Т. могут организовываться как Высшим Советом Народного Хозяйства, так и другими народными комиссариатами, и состоять в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства или соответствующего народного комиссариата (ст. 4). ВСНХ (или наркомат) представляет устав Т. на утверждение СТО или ЭКОСО республики. Вместе с уставом представляется и опись с оценкой имущества. Утвержденный СТО устав публикуется после регистрации Т. (ст. 12) во втором отделе «Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» (ст. 10). После утверждения устава производится регистрация Т., с какого момента он приобретает права юридического лица (ст. 2). Капитал, передаваемый государством Т. и зафиксированный в уставе последнего, является уставным капиталом Т. Земля, ее недра, воды и леса в состав капитала Т. не включаются и по балансу не проводятся. Однако, в уставе Т., в его отчете и публикуемых балансах обязательно показывается, особой внебалансовой статьей, количество десятин земли и леса, которыми Т. пользуется, со справкой об их средних довоенных ценах в золотых рублях, а равно и связанная с пользованием землей, ее недрами, водами и лесами рента (ст. 15). Уставный капитал Т. распадается на а) основной и б) оборотный. Под основным капиталом понимается все имущество, которое не уничтожается целиком в одном акте производства, как-то: фабричные и другие строения, машины, оборудование, инструменты, живой и мертвый инвентарь и т. п. Под оборотным капиталом понимаются деньги, ценные бумаги, продукция, а равно все предметы, которые могут быть только однажды использованы в процессе производства, как-то: топливо, сырье, разные металлы и т. п. (ст. 16). При обращении взыскания на имущество Т. соблюдаются следующие правила. На имущество, относящееся по роду своему к оборотному капиталу, взыскания обращаются таким же порядком, как на имущества частных лиц. Споры о принадлежности имущества к оборотному или основному капиталу, возникающие при производстве

взысканий, разрешаются подлежащим судом по месту нахождения спорного имущества (ст. 17). Имущество же отнесенное к основному капиталу Т., не может быть Т. отчуждаемо или закладываемо, кроме негодных или устаревших частей его (ст. 22 Г. К. и прим. к ней). Равным образом, на имущество, относящееся к основному капиталу Т., не может быть обращено взыскание его кредиторами (кроме тех же устаревших или негодных частей его). Продажа или залог устаревших или негодных частей основного капитала допускается не иначе, как с разрешения ВСНХ (ст. ст. 17 и и. «а» ст. 28). Эти ограничения распространяются не только на тот основной капитал, который Т. получил от государства при своем образовании, но и на все те предметы оборудования, инвентаря и т. п., относящиеся по роду своему к основному капиталу, которые сам Т. приобретает впоследствии (п. «б» ст. 17).

Декрет 10 апреля ликвидировал систему натурального финансирования (госспабжения) промышленных предприятий. Ст. 19 декрета устанавливает финансирование Т. государством, как общее правило, в форме предоставления Т. денежных средств. Замена денежных средств иными ценностями может совершаться лишь по соглашению с Т., с обязательством проведения этих ценностей в качестве денежных средств. Средства, предоставляемые Т. из доходов государства при учреждении на образование уставного капитала, а также в дальнейшем на увеличение последнего ассигнуются в бюджетном порядке по заявкам ВСНХ, как учредителя Т., в порядке бюджетного ассигнования, и проводятся по балансу Т. по статье «уставный капитал». Государство отпускает Т., сверх отпущенных при его образовании, средства лишь в исключительных случаях. Кроме финансирования Т. в бюджетном порядке декрет 10 апреля предусматривает возможность выдач Т. ссуд. По представлению ВСНХ Т. может быть правительством выдана долгосрочная ссуда, на особых договорных началах. Ссуды возвращаются Т. непосредственно в государственную казну. Допускается часто получение Т. долгосрочных ссуд из кредитных учреждений с разрешения ВСНХ. Т. может также с разрешения ВСНХ, согласованного с НКФ и утвержденного СТО, совершать займы в

форме выпуска облигаций, по которым, по общему правилу, государство не отвечает. Однако по особому постановлению СНК государство может принять на себя гарантию как платежа процентов по облигациям, так и погашения самих облигаций. Краткосрочные ссуды Т. могут получать от государственных и иных кредитных учреждений на одинаковых с частными предприятиями основаниях.

Привлечение частных капиталов в уставной капитал Т. не допускается. Соединение этих капиталов в одном предприятии возможно лишь в порядке реорганизации Т. в смешанное акционерное общество.

Допустимо на основании ст. 25 декрета образование междуправительственных Т., включающих в свой состав предприятия (заведения), подведомственные разным наркоматам и другим, не находящимся в подчиненности учреждениям (губисполкомы разных губ и др.).

Вся прибыль Т. вносится в доход казны, за исключением отчисления не менее 20% в резервный капитал Т., пока последний не достигнет половины уставного капитала, и отчислений в фонд улучшения быта рабочих, а также на выдачу тантьем членам правления и наградных рабочим и служащим (ст. 45). Каждый Т. является единым предприятием, в состав которого входят несколько производственных единиц (заведений, как-то: фабрик, заводов, промыслов, отделений, магазинов и т. п.), перечисленных в его уставе (ст. 3). Органами управления и ревизии центрального Т. являются: ВСНХ, правление, ревизионная комиссия. Компетенция каждого из этих органов точно определена законом. Действие декрета было распространено как на территорию РСФСР, так и союзных с ней республик (ст. 55).

В дополнение декрета 10 апреля был издан декрет СНК СССР от 17 июля о госуд. промышленных предприятиях (Т.), состоящих в ведении местных исполнительных комитетов. Положение местных Т. отличается от положения центральных, главным образом, тем, что а) уставы их утверждаются губисполкомом по соглашению с промбюро, а где такового нет — с ВСНХ республики; б) Т. эти могут состоять в ведении лишь губсовнархозов (отделов местного хозяйства), но не других отделов; в) правление этих Т. может

быть заменено единоличным управляющим; г) ревизионные комиссии образуются не при Т., а при ГСНХ; д) местные Т. отличаются несколько иным распределением прибыли (прибыль Т. вносится в общие ресурсы губбюджета, кроме отчисления не менее 20% в резервный капитал, отчислений в промышленный фонд, отчислений на улучшение быта рабочих и служащих и на выдачу тантьем и наградных рабочим и служащим).

Декреты о Т. относятся лишь к промышленным предприятиям и не распространяются на предприятия торговые (Торги. см.), о которых пока общего закона не издано, и на объединения трестов (синдикаты, см.) Под декрет о промышленных Т. не подпадают также Т. коммунальные. Таковыми признаются, согласно постановлению СНК РСФСР от 20 декабря 1924 г. («Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 31 декабря 1924 г.), «подведомственные исполнительным комитетам коммунальные предприятия общего пользования, обслуживающие благоустройство населенных мест, и подсобные к ним предприятия, которым предоставляется самостоятельность в производстве их операций на началах хозяйственного расчета, согласно утвержденному для каждого из них уставу» (ст. 1). Существеннейшее отличие этого вида Т. от Т. промышленных, действующих в соответствии с декретами от 10 апреля и 17 июля 1923 г., состоит в том, что первые, как видно из сопоставления данных выше определений Т. промышленных с одной стороны, и коммунальных, с другой стороны, не имеют своей задачей извлечение прибыли. Сообразно этому, закон называет их действующими на началах не коммерческого а хозяйственного расчета (т.е. на началах самокупаемости).

30 марта 1925 г. был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР о сельскохозяйственных Т. (С. У. 1925 г. № 21, ст. 150), объединяющих советские хозяйства (совхозы). На с.-х. Т. распространяется действие декрета 10 апреля 1923 г. о государственных промышленных Т. с некоторыми изъятиями. Основные отличия с.-х. Т. от Т. промышленных с организационно-правовой стороны, заключаются в следующем: 1) с.-х. Т. так же, как и Т. коммунальные действуют на началах хозяйственного (а не

коммерческого) расчета, т.е. перед ними не ставится обязательной задачи извлечения прибыли; 2) землей они пользуются на основании специального договора, заключаемого Т. с земельным органом; 3) в с.-х. Т. допускается перемещение живого инвентаря из основного капитала в оборотный и обратно. Ключ к пониманию последнего правила декрета о с.-х. Т. дастся следующим местом из II тома «Капитала» Маркса: «Если она (вещь) по своим материальным свойствам способна служить в других функциях, кроме функции средства труда, то она является основным капиталом или нет в зависимости от различий своего функционирования. Скот в роли рабочего скота есть основной капитал; откармливаемый на убой скот представляет сырой материал, который в конце концов, как продукт, вступает в обращение,—следовательно, это не основной, а оборотный капитал» («Капитал», II, VIII, 133).

29 июня 1927 года ЦК и СНК СССР утвержден новый декрет гос. Т., обнимающий в одном законе организацию как Т. общесоюзного, так и республиканского и местного значения. Новый декрет, сохраняя лежащий в основе государственной трестированной промышленности принцип коммерческого расчета, исключает, однако, признак «цели извлечения прибыли» в самом определении Т. Эта поправка находится в полном соответствии с принятой и политическими (партийными) и правительственными органами линией борьбы за регулирование и снижение цп. Далее, новый декрет отказывается от разделения уставного капитала Т. на основной и оборотный. Этот отказ непосредственно связан с переходом нашей госпромышленности от восстановительного к реконструктивному периоду. Понятие основного капитала, почти полностью запрещенного законом к отчуждению, вполне отвечало главной задаче восстановительного периода—по возможности сохранить и наиболее полно использовать те средства производства, которые унаследованы советским государством от буржуазного общества. Стоящая в настоящий момент перед страной задача постепенной перестройки пародного хозяйства на более высокой технической базе требует не только расширения, но и обновления основного капитала

промышленности. В связи с этим установленное декретом 10 апреля (и 17 июля) 1923 г. единое и неподвижное юридическое понятие «основного капитала» в декрете 11 июля 1926 г. об отчуждении государственного имущества (С. З. 1926 г. № 42, ст.ст. 304—305) разложено па отдельные, неравноценные элементы: а) государственные предприятия в целом; б) промышленные заведения—фабрики, заводы, рудники и т.п. (отдельно—действующие и бездействующие); в) оборудование промышленных заведений; г) живой инвентарь, предметы обзаведения и инструменты. Для отдельных категорий государственного имущества закон устанавливает неодинаковые условия отчуждения и обращения на них взыскания со стороны кредиторов. С этим расчленением единое понятие «основного капитала» в настоящее время становится излишним и потому нового декрета исчезает.

Крупнейшим вопросом организации государственной промышленности является вопрос о взаимоотношении гос. Т. с объединяемыми им фабриками и заводами. Декрет 10 апреля 1923 г. по этому вопросу содержит лишь одно постановление (ст. 41): «Управление отдельными производственными единицами (заведениями), входящими в состав Т., поручается директорам и заведующим, назначаемым и увольняемым правлением Т. и действующим на началах единоличия, в пределах полномочий, предоставленных им правлением». Новый закон остается в этом отношении на той же позиции, но регламентирует этот вопрос более подробно: директор заведения **действует** на основании выданной ему правлением Т. доверенности (см.). Пределы самостоятельной заготовительной и сбытовой деятельности директора заведения определяются в специальной инструкции. Директору заведения предоставляется право обжаловать в ВСНХ через правление Т. неправильные и нецелесообразные действия последнего, не приостанавливая, однако, его распоряжений.

Принятые в марте 1927 г. пленумом ВСНХ СССР тезисы о системе промышленного управления, предусматривая «предоставление большей, чем в настоящее время, самостоятельности отдельным предприятиям, входящим в состав Т.», в то же время подчеркивают, что последний (Т.)

является «единственным юридическим лицом и распорядителем капиталами Т. на основе советского законодательства».

Еще дальше в направлении децентрализации хозяйственного управления идет постановление ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. о советских хозяйствах. Ст. 5 этого постановления предлагает центральным исполнительным комитетам союзных республик «пересмотреть законодательство о т. с. и всей системе управления советскими хозяйствами в сторону предоставления большей свободы операционной деятельности и хозяйственной самостоятельности советским хозяйствам с предоставлением им прав юридического лица».

С. Раевич

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД (Arbitrage, Schlichtgericht). Охрана гражданских прав и разрешение споров о праве гражданском принадлежат государству. Инициатива в этих случаях, как общее правило, принадлежит заинтересованным лицам и официальное преследование гражданского правонарушения является лишь исключением из общего правила (ст. 2 Г. П. К.). Поэтому заинтересованные лица могут совершенно отказаться от защиты нарушенных прав, могут прибегнуть к судебной их защите и могут, наконец, ликвидировать свой спор, свои взаимоотношения частным, домашним путем без всякого участия и содействия органов государственной власти. Отсюда возникают мировая сделка (см.) и третейское разбирательство. В основе третейского разбирательства лежит соглашение сторон. Соглашение определяет прежде всего, что стороны передают возникшие между ними споры на разрешение третьих, незаинтересованных, авторитетных и пользующихся доверием лиц. Это еще не т. с., а лишь посредники. К таким лицам принадлежат старейшие члены родов, духовные лица, именитые купцы, носители традиций и сословной совести. На первоначальной стадии своего развития т.-ое разбирательство противопоставляется суду государственному, обращение к Т. с. является актом борьбы с государственной властью за свое право, за свой суд, против непризнаваемого права господствующего класса, не пользующегося доверием гос. суда. Широкое развитие Т. с. получает тогда, когда государственная власть переходит к

новому классу, и пользуется популярностью он в тех группах населения, которые, не участвуя в гос. власти, лишившись на нее влияния, стремятся регулировать возникающие в своей среде взаимоотношения без вмешательства, без вторжения гос. власти. Поэтому свое право является большей частью старым правом, правом, регулирующим отживающие или отжившие отношения, а свой суд—судом реакционным.

С другой стороны, широкое развитие получает Т. с. и тогда, когда вновь возникающие, только начинающие складываться отношения не получили еще необходимого правового оформления, когда жизнь быстрым темпом идет вперед, вследствие чего возникающие из этих новых отношений споры не могут получить надлежащего разрешения в гос. суде. Но как в том, так и другом случае Т. с. говорит о недоверии к гос. суду, о неудовлетворенности гос. судом. И поэтому государство начинает брать Т. с. под свой контроль, превращая Т. с. из суда частного, домашнего в придаток, в привесок к гос. суду, приближая его в той или иной форме и в большей или меньшей степени к общей системе гос. судов. При таком положении вещей, когда Т. с. подчинен контролю гос. суда, Т. с. в значительной мере теряет свои отрицательные стороны и способствует разгрузке судов. Именно необходимостью разгрузки судов, созданных революцией, от старого наследия был вызван декрет от 16 февраля 1918 года о Т. с. Включая Т. с. в поле своего зрения, государство тем самым берет на себя ответственность за деятельность Т. с.—в пределах своего участия, содействия и воздействия на Т. с. Чем больше участие официальных органов в Т. с., тем больше государство прикрывает своим авторитетом и своей силой Т. с. и, наоборот, чем свободнее и независимее Т. с. тем больше риск невыгодных последствий отказа от гос. суда падает на стороны, избравшие путь т.-го разбирательства. Участие официальных органов государства в Т. с. может иметь место: а) в стадии образования Т. с., б) в стадии его работы и в) после вынесения Т. с. постановления.

Т. с. возникает в результате соглашения. Характерным элементом т.-ого разбирательства является соглашение сторон относительно а) предмета спора и б) состава Т. с. Это соглашение подпадает под действие

обще-договорных начал. Т. с. создается каждый раз для разрешения конкретного спора и в составе, определяемом для каждого конкретного случая. Г.П.К. в соответствии с общим положением о недействительности отказа от судебной защиты считает недействительным всякое соглашение о передаче могущих возникнуть в будущем споров на разрешение Т. с., не допускаемая тем самым как т. н. генеральных, общих тр-их соглашений о разборе всех будущих споров путем тр-ого разбирательства, так и общих соглашений о спорах, могущих возникнуть из определенного правоотношения. Расширяет рамки тр-ого соглашения германский процессуальный кодекс, который допускает тр-ое соглашение о будущих спорах, но ограничивает действие соглашения только спорами, вытекающими из определенного конкретного правоотношения (напр., все возможные споры из одного договора), то же—австрийский, итальянский, шведский, польский (в областях, где действует русский дореволюционный устав гражданского суда). Германский процессуальный кодекс допускает, по соглашению сторон, в тех случаях, когда производящийся в общесудебных местах спор может быть ликвидирован мировой сделкой, превращение общего судебного органа в Т. с., и тогда суд применяет правила, установленные для тр-ого разбирательства.

Допуская существование параллельно с гос. судом третейского суда, государство ограничивает круг его деятельности. Очень либерален в этом отношении Г.П.К. По ст. I и примеч. к ней Положения о Т. с. (приложение к главе XXII Г.П.К.) из ведения Т. с. изъяты лишь те категории дел, для разрешения которых созданы специальные суды (споры госучреждений друг с другом, земельные дела, трудовые дела). Закон о Т. с. УССР допускает Т. с. и для земельных дел, но делает изъятие для дел семейно-брачных. Германский и Австрийский Проц. Код. допускают Т. с. только для тех споров, относительно предмета которых стороны вправе заключать мировую сделку. Голландский Проц. Код. допускает Т. с. для разрешения споров о правах, «которые находятся в свободном распоряжении» сторон. Французский, итальянский применяют перечневую систему изъятий. Как общее правило, можно признать, что

Т. с. не компетентен разрешать споры, вытекающие из личных прав, из семейно-брачных отношений и затем из отношений, которым придан публично-правовой характер.

Состав Т. с. определяется как соглашением сторон между собой, так и соглашением между сторонами и тр-им судьей. Никто не обязан принимать на себя роли тр-го судьи, но отказ от соглашения влечет для отказавшегося тр-ого судьи все последствия нарушения договора. Соглашение о Т. с. как между сторонами, так и между сторонами и тр-ими судьями должно быть облечено в письменную форму, а Г.П.К. требует для этого соглашения, именуемого тр-ою записью, нотариальную форму (см.). Таким образом официальное участие начинается по Г. П. К. с заключения тр-ого договора. В тр-ой записи должны быть указаны предмет спора, наименование сторон, наименование судей, срок, в течение которого должно быть закончено тр-ое разбирательство, подписи сторон и подписи избранных судей. Все это существенные условия тр-ого договора.

В некоторых странах, где допускается третейский договор о будущих спорах, если при наступлении конфликта одна из сторон отказывается от назначения тр-ого судьи, назначение может быть произведено судом, которому спор подсуден по общим правилам подсудности (Италия, Голландия, Германия). Назначение тр-ого судьи судом может наступить и в случае смерти или выбытия тр-ого судьи. Г.П.К. не допускает участия суда в образовании состава Т. с. В случае смерти тяжелой болезни или отъезда одного из тр-их судей спор разрешается или наличным составом, или же выбирается на место выбывшего новый трет-ий судья той стороной, которая выбрала выбывшего. Соглашение между СССР и Германией о тр-их судах по торговому и другим гражданским делам предусматривает, в случае отказа стороны от назначения трет. суд., назначение тр-ого судьи председателем Верховного суда той из союзных республик на территории которой происходит трет-ое разбирательство. По такому назначению не является функцией Верховного суда и председатель Верховного суда указан лишь в качестве лица, пользующегося общепризнанным доверием.

Круг лиц, лишенных права быть тр-ими судьями, во всех законодательствах очень ограничен. Г.П.К. вводит запрещение для лиц, находящихся под судом и следствием и пораженных в правах по суду; в частности не могут быть тр-ими судьями лица, лишенные в порядке уголовном или дисциплинарном права занимать судебные должности. Для Кабардино-Балкарской Автономной Республики введено ограничение, в силу которого трет-ими судьями не могут быть лица, не пользующиеся избирательными правами, а также лица, находящиеся под опекой. Трет-ие судьи хотя и избираются сторонами, но не являются в составе Т с представителями сторон и не могут следовательно быть связанными директивами и указаниями сторон. Широкое развитие трет-го разбирательства в послевоенной Германии вызвало оживленную полемику по вопросу о том, может ли быть трет. судьей лицо судебного ведомства. Большинство высказывается против такого допущения. Прямое запрещение предусмотрено Австрийским Кодексом, дореволюционным проектом уст. гр. суд., проектом польской Кодификационной Комиссии.

Широкое развитие тр-ого разбирательства связано с глубокими его изменениями. На ряду с случайными трет. суд., созданными *ad hoc* для разрешения определенного спора путем выбора Т. с., возникают Т. с., постоянно действующие, с постоянным составом трет-их судей. Такого рода постоянные Т с возникают почти исключительно для разрешения торговых споров и учреждаются при торговых палатах, биржах, в виде арбитражных комиссий.

В хозяйственном обороте значение постоянных трет. судей при различного рода торговых организациях не только приобрело преобладающее значение в сравнении с случайными Т. с., но и сильно возрастает занимая все более прочное место в хозяйственной жизни. Сильное развитие арбитража заставляет даже говорить об опасности «распыления правосудия» (D-г **Staaf: Deutsche Juristen Zeitung** № 1/1927 г.). Место индивидуального соглашения спорящих сторон занимает установленное торговой организацией, и иногда и законом, Положение, и выбор между гос. судом и арбитражем не всегда свободен для заинтересо-

ванных лиц. Место свободно выбираемых посредников занимают наперед установленные организацией трет-ие судьи. В этом отношении существуют две системы. Либо сторонам предоставляется возможность для разрешения их спора выбрать трет-им судью из готового списка арбитров, либо состав Т. с. для каждого дела установлен наперед календарным путем, по дням заседаний. Подобного рода арбитраж возникает при торговых организациях по отдельным отраслям торговли (хлеб, уголь, шерсть и т. п.), постепенно выходя за пределы данной страны, приобретая международный характер и международное значение. Арбитражные Комиссии создаются при международных торговых палатах и при других объединениях. Здесь лицом к лицу стоят не отдельные контрагенты, а объединения, организованно представляющие и защищающие интересы своих членов.

Помимо постоянно действующих при торговых организациях Т с существуют принудительные Т. с. в особенности по разрешению конфликтов, возникающих между предпринимателями и рабочими (см. Трудов. сессии Нар. Суд.)

Эти новообразования настолько далеко ушли от своего прототипа, что некоторые авторы склонны даже не считать их Т. с., относя их к специальным судам. Положением о товарных биржах от 19/IX—22 г. допущены были при биржах арбитражные комиссии «на правах Т. с.» для разрешения споров, вытекающих из биржевых сделок. В «Положении» от 2/X—1925 г. о биржах пет указания, что арб. комиссии действуют на правах Т. с., но поскольку решения арб. ком при биржах приводятся в исполнение в порядке установленном для Т. с., следует отнести их не к категории специальных судов, а к судам гр. Арб. Комис. при биржах рассматривают споры, вытекающие из биржевых сделок, при чем эти споры подлежат обязательному рассмотрению в Арб. Комиссии, если этого требует одна из сторон. Споры же, вытекающие из внебиржевых сделок, но зарегистрированных на бирже могут быть предметом рассмотрения Арб. Комис. если на это последует согласие сторон. Споры госучреждений и госпредприятий между собой не могут быть разрешены в арбитражных комиссиях при биржах, ни в иных Т. с.

Т. разбираетелство имеет целью устранение судебного пути для разрешения спора о праве гражданском. Т-ий суд решает дело «по совести». Проблема связанности Т. с. законом принадлежит к одной из наиболее серьезных и трудных проблем. Наименее связан Т. с. правом процессуальным. Производство при тр-ом разбираетелстве устанавливается или сторонами в трет-ом договоре, или же самим Т. с. Женевский протокол Лиги Наций от 24/IX—23 года о тр-ом разбираетелстве указывает, что производство Т. с. определяется или соглашением сторон или законом страны, где происходит тр-ое разбираетелство. Если и существуют в законе какие-либо указания, относящиеся к судопроизводственной части тр-го разбираетелства, то в большинстве случаев применение их зависит от соглашения сторон. Освобождение Т. с. от формальных правил судопроизводства провозглашает и Г.П.К. Единственное требование, которое Г.П.К. пред'являет — это предоставить возможность сторонам дать свои объяснения Т. с. Но стороны не обязаны этим правом воспользоваться. Во всем остальном Т. с. свободен. Собираение материалов предоставлено сторонам, и Т. с. может допрашивать свидетелей (см.), выслушивать заключения экспертов (см. Экспертиза), если свидетели и эксперты добровольно захотят явиться в Т. с. и давать свои объяснения. Обязательной явки свидетелей и экспертов в Т. с. нет. Если же для выяснения дела необходимы судебные действия (допрос под присягой стороны, допрос свидетеля), то в некоторых законодательствах Т. с. может в этих случаях давать поручение суду (Австрия, Польский проект кодификационной комиссии); другая группа законодательств (Германия, Голландия) предоставляет стороне право обратиться в суд с просьбой о совершении такого процессуального действия, на совершение которого Т. с. не уполномочен, заинтересованной стороне. Г. П. К. совершенно не вводит официального участия судебных органов в этой стадии тр-го разбираетелства. относя таким образом, невозможность собрать необходимый материал для выяснения взаимоотношений сторон к естественным отрицательным последствиям отказа от судебной защиты. Но является ли отказ от судебной защиты одновременно и отказом сторон от разрешения Т. с. спора

на основании материального права? По этому вопросу существуют большие разногласия. Связанность суда материальным законом знает Англия. Как указывает проф. Нуссбаум (*Jur. Wochenschrift* № 1/26 г.) представители Англии при разработке проекта Женевского протокола Лиги Наций заявили, что в Англии всегда считают Т. с. связанным законом и разница между Т. и судом сводится лишь к тому, что Т. с. свободнее в применении закона. Вторая группа законодательств (Франция, Италия) различает: 1) арбитров, которые связаны законом, и 2) так наз. мировых посредников (*aimable compositeur, gütliche Schlichter*) которые совершенно свободны от применения материального права и решают спор по «совести» и «справедливости». Но даже в тех случаях, когда Т. с. связан материальным законом, стороны могут в тр-ом договоре освободить Т. с. от применения закона и предоставить Т. с. решить дело «чисто третейски».

В международных договорах о Т. с. большей частью содержится прямое указание на свободное усмотрение судьи и на торговые обычаи, а не на закон (ст. 12-я Советско-Германского Соглашения, п. 12-е соглашения германских и голландских хозяйственных организаций). Стремление подчинить государственному контролю широко развивающееся тр-ое разбираетелство стремление проводить единую правовую политику заставляет настаивать на ограничении усмотрения Т. с. и на его связанности материальным правом, по крайней мере нормами принудительными. С другой стороны, использование Т. с. для обхода закона, для борьбы с действующим законом, приводит к ограничению компетенции Т. с. Так, например, комиссия по разработке проекта дореволюционного устава гражд. суда высказалась за то, чтобы запретить передачу споров о недвижимости на разрешение Т. с., исходя из наблюдаемого массового обхода ограничительных и фискальных законов путем тр-ого разбираетелства.

Т. с. выносит свои постановления большинством голосов. Постановление должно быть изложено в письменной форме и подписано т. судьями. Необходимыми элементами постановления Т. с. является наименование спорящих сторон, состава Т. с., даты, предмета спора, сущности постано-

вления. Обоснование постановления Т. с. по Г.П.К. не требуется. Иностранные кодексы требуют большей частью обоснования постановления Т. с. (Германия, Италия и Голландия), но стороны могут по соглашению освободить Т. с. от обязанности мотивировать свое постановление. При отсутствии такого соглашения, отсутствие мотивировки является достаточным основанием для отмены постановления Т. с. (Германия). Относительно юридической природы постановления Т. с. существуют два основных течения. Одно усматривает в постановлении Т. с. решение и склонно придавать постановлениям Т. с. силу судебного решения. Другое течение рассматривает постановления Т. с., как договор, сила которого определяется обязательственным правом. Практическое значение этот теоретический спор приобретает особенно при обсуждении вопроса о внегосударственном действии постановления Т. с., о силе его за границей. Большинство проц. кодексов занимает среднюю линию и приравнивает постановления Т. с. судебному решению. Также и по Г. П. К. постановление Т. с. имеет материальную силу судебного решения (см.) и обязательно для сторон. Поэтому в случае предъявления тождественного иска в суде сторона может защищаться постановлением Т. с. Но исполнительную силу, возможность принудительного осуществления постановления Т. с. получает лишь от государства, санкцией соответствующего судебного органа. По Г.П.К. исп. лист выдает Нарсуд. При этом суд входит в проверку законности и действительности постановления Т. с. Но эта проверка имеет ограниченные пределы. Прежде всего подлежит проверке соблюдение правил установленных для Т. с. Сюда относится вопрос о правильности состава Т. с. его компетенции для разрешения данного спора, о сроке и т. и. Что же касается проверки материально-правовой правильности постановления Т. с. то по общему правилу, суд при выдаче исполнительного листа не входит в проверку дела по существу. Однако, постановление Т. с. не может противоречить закону, имеющему принудительный характер. Помимо проверки постановления Т. с. при выдаче исп. листа, Г.П.К. не предусматривает других способов исправления постановления

Т. с. По возможность допущения обжалования постановлений Т. с. законодательством союзных республик предусмотрена союзным законом — положением о товарных биржах от 2/X—25 г. Решения биржевых Арб. Комиссий могут быть обжалованы в кас. порядке на общих основаниях. При выдаче исп. листов по решениям биржевых АК. по которым кассжалоба оставлена без последствий, Нарсуд в отмену общего порядка не проверяет решения АК.

Иностранное законодательство допускает прежде всего, апелляцию на постановление Т. с., если стороны от этого способа защиты в тр-ом договоре не отказались, а затем и самостоятельные иски об отмене или недействительности постановления Т. с. Основанием иска могут служить нарушение законов о Т. с., нарушение в постановлении Т. с. «добрых прав» «публичного порядка» и т. н. обстоятельства, при которых допускается по закону пересмотр судебных решений.

Тр-ое разбирательство прекращается, если в установленный тр-им договором срок не вынесено постановления, если в течение производства за выбытием кого-либо из состава Т. с. не оказалось полномочного Т. с. (если при этом, как в Г. П. К. не допускается назначение выбывшим Т. с. обще-судебными органами), в случае смерти одной из сторон и если обнаружены обстоятельства, которые дают основания к возбуждению уголовного преследования одной из сторон, если при этом обстоятельства эти могут оказать влияние на исход дела. Прекращение тр-ого разбирательства а также отмена постановления Т. с. в обще-судебном порядке ставит стороны в первоначальное положение, и от них зависит либо вновь передать спор на разрешение Т. с. либо обратиться к судебной защите.

С. Прушицкий

ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ: Т. р. м. с., заключается в передаче двумя или несколькими спорящими государствами спорного вопроса на разрешение третьей стороны. Такого рода Т. р. (арбитраж) может иметь различные формы. Оно может быть добровольным, факультативным, происходящим в силу особого соглашения споря-

щих сторон на данный случай. С другой стороны, арбитраж может быть также обязательным, постоянным, юридически установленным для всех международных споров данного рода. В этом случае государства заранее обязуются передавать на Т. р. все споры, возникающие на почве истолкования какого-либо определенного договора, или же вообще все конфликты, которые могут возникнуть между ними в будущем.

Добровольный арбитраж является результатом особого соглашения (компромисса) между спорящими государствами. В том случае, если спорящие стороны согласны в принципе и расходятся лишь относительно некоторых практических деталей (напр., относительно суммы возмещения, которая следует от одного из спорящих государств другому, в то время как не отрицается правомочность возмещения вообще), то в этом случае вмешательство и решение третьей стороны носит характер экспертизы; если же одна из сторон оспаривает право, отстаиваемое другой стороной, то в этом случае имеется налицо настоящее Т. р. Соглашение (компромисс) между государствами включает точное определение вопроса, который должен быть разрешен путем Т. р., далее, определение арбитра (каковым может быть как учреждение, так и частное лицо) и, наконец, взаимное обязательство обеих сторон относительно принятия, соблюдения и исполнения третейского решения. Обычно предметом компромисса являются споры юридического характера; политические вопросы, в особенности те из них, которые имеют жизненную важность, решаются на основе соотношения сил между спорящими государствами, путем принятия одним из них требований другого, или же их непосредственного соглашения. Добровольное Т. р. имеет место при таких спорах сравнительно редко; при этом оно иногда является средством замаскировать капитуляцию одного правительства перед другим.

С точки зрения состава третейской инстанции Т. р. может осуществляться: 1) одним лицом, обязательно гражданином третьего государства, не участвующего в споре, 2) трибуналом, состоящим из граждан третьей стороны, или из граждан спорящих сторон при нейтральном председателе. В роли единоличных арбитров

выступали как главы третьих государств, так и эксперты — известные специалисты по международному праву; роль Т. р. трибуналов выполняли самые различные государственные и общественные учреждения. Арбитры в своих решениях руководствуются признанными нормами международного права, или нормами, установленными каким-либо определенным международным соглашением. Процедура при добровольном Т. р. фиксируется или в самом акте компромисса, или самим третейским трибуналом.

Обязательное Т. р. предполагает наличие между государствами особого соглашения, по которому они заранее обязуются передавать возникающие между ними в будущем споры на разрешение третьей, незаинтересованной инстанции. Соглашение об обязательном Т. р. может иметь место в различных формах. Если в какой-либо международный договор включается положение предусматривающее Т. р. при спорах, возникающих на почве истолкования данного договора, то такое положение носит название положения о специальном компромиссе. Если же соответствующее положение в договоре предусматривает общий принцип арбитража для споров, могущих возникнуть в будущем между договаривающимися государствами, то мы имеем дело с положением об общем арбитраже. Наконец, между государствами могут заключаться специальные соглашения о Т. р. споров, или договоры о постоянном арбитраже. Эти договоры могут иметь более специальное или более широкое содержание; они могут относиться лишь к специальной категории споров, или же ко всем спорам вообще, могущим возникнуть в будущем между данными государствами.

От арбитража следует отличать метод улажения международных споров согласительными комиссиями, составленными из представителей обеих сторон на паритетных началах. Лишь в том случае, когда в состав такого рода смешанной комиссии входят также и представители третьей стороны, или же комиссия находится под председательством нейтрального лица, — мы имеем дело с применением (хотя и не в чистом виде) принципа арбитража.

Международные следственные комиссии (впервые введенные в международное

право Гаагскими конвенциями 1899 г и с тех пор часто применявшиеся в качестве одного из средств улажения международных споров), выполняют часто вспомогательные функции (выяснение и констатирование фактов): они не носят характера арбитражных органов.

Идея международного арбитража в целях мирного улажения споров между государствами неоднократно высказывалась политическими мыслителями средневековья XV — XVII в.в. В XVII в. эта идея наиболее ясно формулирована Гроцием и Сюлли. Издавна имеют место и отдельные случаи Т. р. междунар. споров. Однако первые попытки более постоянного применения Т. р. в сфере междунар. отношений делаются лишь в конце XVIII в. Первым государством, провозгласившим официально желательность Т. р. в качестве средства улажения международных споров, были Соединенные Штаты Северной Америки в 1875 г. В XIX в. имеют место все более частые случаи Т. р. м. з.

Одной из важнейших проблем на Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 г.г. была именно проблема Т. р. Специальная конвенция о Т. р. была включена в акты конференции 1899 г.: новая конвенция, заменившая первую, впрочем, почти текстуально с ней совпадавшая, была заключена в результате конференции 1907 года.

Постановления Гаагских конвенций определяли основные понятия относящиеся к Т. р. междунар. споров, и подтверждали те нормы добровольного арбитража, которые уже установились в практике международных отношений Единственным практическим нововведением Гаагских конвенций было то, что они впервые учредили постоянный орган Т. р. междунар. споров, в виде Постоянной Палаты третейского суда в Гааге. Обращение к этой постоянной инстанции, однако, необязательно; спорящие стороны по своему выбору могут передавать предмет спора на Т. р. как Постоянной Палаты, так и любой другой инстанции, которую они учредят или выберут по обоюдному соглашению. Палата третейского суда не является настоящим трибуналом с определенным составом судей; на деле существует лишь постоянный список лиц, из которого спорящие стороны, решившиеся прибегнуть к этой инстанции, сами избирают арбитров. Этот список со-

ставляется путем избрания каждым из участвующих в конвенции государств четырех лиц, авторитет которых в области международного права является признанным; одно и то же лицо может избираться и несколькими государствами. Регулярно функционирующим органом Палаты третейского суда является его бюро. Его организацией и созывом и др. формальными мероприятиями, связанными с функционированием трибунала, ведают административный совет, состоящий из аккредитованных в Гааге дипломатических представителей государств, участвующих в конвенции о Т. р., и министра иностранных дел Нидерландов.

Юрисдикция Палаты носит чисто факкультативный характер, и за период ее существования, наряду со случаями обращения к ней со стороны спорящих государств, происходит и Т. р. междунар. споров другими инстанциями. Вопросы о создании настоящего международного трибунала и об обязательном Т. р. междунар. споров, как о принципе, долженствующем признаваться всеми государствами, фигурировали на обеих Гаагских конвенциях (в 1899 г. требование о заключении всеобщего соглашения об обязательном Т. р. особенно отстаивалось Россией, а в 1907 г. — Соединенными Штатами; но они не получили благоприятного разрешения).

Однако, специальные соглашения об обязательном Т. р. в XX в. все чаще начинают фигурировать в отношениях между отдельными государствами (вплоть до этого времени арбитраж в международных соглашениях фигурировал, главным образом, в форме общих или специальных положений о Т. р., включавшихся в различные международные договоры).

Характерной чертой подавляющего большинства этих договоров (в том числе почти всех соглашений, заключенных великими державами) является то, что они распространяются лишь на конфликты юридического характера, т.е. возникающие по поводу истолкования соглашений, существующих между договаривающимися сторонами; таким обр., из сферы арбитража заранее исключаются вопросы, затрагивающие «жизненные интересы, независимость или достоинство» договаривающихся государств, т.е. практически все споры политического характера, могущие

привести к разрыву. Вследствие этого значение договоров о Т. р. в качестве орудий для сохранения мира сводится к нулю; они носят лишь чисто техниче-ский характер. Призрачность этой системы арбитража была достаточно продемон-стрирована мировой войной 1914—1918 г.г. Главным инициатором системы арбитража и государством заключавшим наибольшее число арбитражных договоров, являлись Соединенные Штаты Америки. Последние, сверх того, в период 1913—15 г.г. заключают целую серию договоров «для сохранения мира» с различными европейскими и американскими государствами. Эти т. н. «договоры Брайна» (по имени их инициатора, тогдашнего американского государственного секретаря) устанавливают обязательства широкого применения международных следственных комиссий для мирного улажения международных конфликтов.

Результатом мировой войны явилось создание Лиги Наций (см.). Последняя в свою очередь учредила Постоянную Палату международного суда (1920 г.). Однако арбитраж в международных конфликтах со стороны Совета или Собрания Лиги Наций не носит обязательного характера не только для государств, не входящих в Лигу Наций, но и для самих членов последней в их взаимных отношениях. Что касается Постоянной палаты международного суда, то последняя была создана во исполнение ст. 14 статута Лиги Наций постановлением первого собрания Лиги (13 декабря 1920 г.) Палата, собственно, не является арбитражной инстанцией. Она претендует на роль настоящего международного суда с постоянной юрисдикцией. Палата состоит из 15 членов (11 судей 4 кандидата) эти члены избираются Советом и Собранием Лиги Наций из списка, намеченного Постоянной Палатой третейского суда в Гааге.

Однако, юрисдикция Палаты не является обязательной даже для членов Лиги Наций. Она является чисто факультативной. Она становится обязательной лишь для государств, делающих особую декларацию, которой они признают обязательность для себя в будущем юрисдикцию Палаты.

Роль Постоянной Палаты на практике свелась, главным образом, к роли вспомо-

гательного консультативного органа при Лиге Наций. Палата высказывала свое заключение по поводу тех вопросов, какие Совет Лиги Наций представлял ей, а Совет выносил затем окончательное решение.

Постоянная Палата, как организация, тесно связанная с Лигой Наций, является, подобно этой последней, не чем иным, как вспомогательным органом мирового империализма.

После мировой войны было заключено большое количество арбитражных договоров между отдельными государствами. На первом месте в этом отношении стоит Германия, заключившая большую серию арбитражных договоров с различными государствами. Так, в Локарно 16 октября 1925 г. Германия заключила арбитражные договоры сразу с четырьмя государствами, имеющими с нею общие границы (Францией, Бельгией, Польшей и Чехо-Словакией) Эти договоры, однако, распространяют принцип обязательного арбитража лишь на споры юридического характера. Отличительной их чертой является комбинирование принципа Т. р. с примирительной процедурой в согласительных комиссиях.

В практике внешней политики СССР до настоящего времени не имели место случаи специальных соглашений о Т. р. Вообще Т. р., которое и во взаимных отношениях между капиталистическими государствами имеет второстепенное значение и не может быть серьезным препятствием для политических конфликтов между ними, весьма трудно осуществимо в отношениях капиталистических государств с СССР. Это объясняется невозможностью найти действительно беспристрастную инстанцию в спорах между двумя государствами совершенно различных типов. — капиталистическим государством и государством трудящихся. Вследствие этого, более удобной представляется согласительная процедура через посредство специальных смешанных комиссий. Именно этот принцип и выдвигался СССР при его переговорах с государствами-лимитрофами о заключении гарантийных договоров (1926—27 г.г.). Ст. 5 договора СССР с Литвой от 28 сентября 1926 года устанавливает принцип улажения споров между договаривающимися сторонами путем назначения согласительных комиссий. Заключение в бу-

дущем специальных соглашений о мирном разрешении международных споров предусматривается дополнительным протоколом к договору о нейтралитете между СССР и Турцией от 17 декабря 1925 г и в полах, приложенных к советско-германскому договору от 24 апреля 1926 г.

Л. Иванов

ТРЕТЬЯ ШКОЛА УГ ПРАВА — одна из разновидностей «нового направления» отделившаяся от «социологической» (см.) школы в виду излишнего радикализма последней. Промежуточное положение которое Т ш. по мысли ее основателей (Алимена, Карневале, Лиман, Гарро и др.) должна была занять между «новым направлением» и классическим, заключалось, во-первых в признании новых видов репрессии лишь дополняющими старое наказание, во-вторых — в сохранении старого понимания предположений репрессии (личная ответственность — вина, вменяемость), лишь несколько модифицированных. Непосредственное практическое значение мог иметь пункт первый, но по этому пункту против выделения новой школы и восстали представители межд. союза криминалистов, доказывая, что «социал.» школу в революционных намерениях подозревают напрасно и никакого принципиального расхождения между нею и отколовшейся группой нет. Второй пункт служил как бы теоретическим обоснованием для первого: те «реформы» угол. права, которые «новое направление» решалось внести, необходимо было представить, как «реформу, а не революцию». т.е. необходимо было протащить в законодательство новую репрессию контрабандой под юридическим флагом доказав что «социальная необходимость» — столь же юридическое обоснование репрессии, как и «индивидуальная ответственность». Для этой цели приходилось безбожно извратить и перепутать все уголовно-правовые понятия и институты, по теоретическое изучение действительности и не входило в задачи этой «школы». Для целей же практического удобства ее теоретический оппортунизм оказался очень полезен, так что в результате представители этого направления не без основания могут констатировать, что современное уг. законодательство идет по линии их прелюбительств.

Из новейших буржуазных криминалистов в России как раз наиболее серьезные причисляют себя к Т. ш.: Н. Н. Полянский, Э. Я. Пемировский, П. И. Люблинский.

ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ. При капиталистической системе производства весь рабочий класс, под давлением экономического гнета, вынужден производить работу, являющуюся, по своей сущности, принудительным трудом в пользу владельцев средств производства. Но методы привлечения к труду и установления трудовых отношений при капитализме основаны формально на свободном соглашении сторон. Система Т. ш. как система принудительного привлечения к труду лично свободных работников, в принципе несовместима с капиталистическим хозяйством, основанным на товарно-денежных отношениях и на формальной свободе рабочего распоряжаться своей рабочей силой.

При крепостном строе крепостные были обязаны к труду в пользу господина и помещика, но эта обязанность основывалась на отношениях непосредственной личной зависимости и подчинения крепостного суверену-властителю или помещику (см. Крепостное право).

В эпоху т. п. первоначального капиталистического накопления широко применялись принудительное привлечение к труду и организация рабочей силы методами внеэкономического, непосредственного насилия. Государственная власть, это «концентрированное и организованное общественное насилие» вела кровавую борьбу с «бродягами» и нищими как с тяжкими преступниками и врагами общества (закон Елизаветы 1572 г.). Законами этого периода предусматривалось закрепощение рабочих за нанимателем на определенный срок. Активная деятельность государственной власти, осуществлявшей интересы нарождающейся буржуазии, распространялась и на «регулирование» условий труда: установление максимума заработной платы, удлинение рабочего дня и т. д.

Империалистическая война поставила перед господствующими классами воюющих стран задачу преодоления анархии капиталистического производства, задачу организации хозяйства и в частности, наилучшего использования рабочих сил в целях войны. Поставленная под угрозой

военного и хозяйственного разгрома, Германия издаст в декабре 1916 г закон о рабочей повинности (под названием закона об «отечественной вспомогательной службе») Согласно этому закону, каждый немец, в возрасте от 17 до 60 лет, обязан был выполнять Т. п. в предприятиях и учреждениях, имевших прямое или косвенное значение для ведения войны или снабжения населения. Никто не мог принимать на работу рабочего, занятого в одном из обслуживаемых Т. п. предприятий, без удостоверения работодателя об оставлении службы с его согласия. Оставление работы допускалось с разрешения особого увольнительного комитета, во главе со старшим военным ведомства.

Фактически Т. п. распространялась лишь на рабочий класс и означала для него введение принудительного труда. Империалистическое государство утверждало этим свое исключительное право распоряжения наличной рабочей силой и ее распределением. Получение военной сверхприбыли магнатами капитала и создание условий «военной каторги» для закрепощенного труда — таковы практические последствия закона о рабочей повинности в условиях буржуазной диктатуры во время войны. Этот закон был отменен после взрыва германской революции воззванием совета народных уполномоченных к германскому народу (в ноябре 1918 г.).

Впервые в советском государстве Т. п. была распространена и на прежде господствовавшие классы. Уже декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа провозгласила: «В целях уничтожения патристических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая Т. п.» Равным образом, и первая конституция РСФСР (1918 г.) признала труд обязанностью всех граждан и провозгласила лозунг «не грудящийся да не ест» Т. п. в 1918 г. ограничивал возможность добровольного оставления работы проверкой оснований ухода и предусматривал принудительное привлечение к труду лиц, не занятых общественно-полезным трудом. Принцип Т. п. явился прежде всего классовым принципом, отвергавшим паразитическое существование эксплуататоров и предъявлявшим всему обществу пролетарское требование обязательного для всех труда. С другой стороны, Т. п. явилась

требованием, обращенным к самому пролетариату, провозглашением плана его трудовой самоорганизации и утверждением права борющегося за социализм пролетарского государства на распределение и перераспределение рабочей силы.

Обострение гражданской войны и вызвавшее им углубление хозяйственной разрухи, распыление квалифицированной рабочей силы привели в период так называемого коммунизма к системе всеобщей Т. п. Задачи выполнения общественно-необходимых работ и преодоления хозяйственных кризисов (транспортных топливных и т. д.) диктовали необходимость проведения различных Т. п. Выдающимся по своему значению законодательным актом о Т. п. является декрет от 29 января 1920 г. Этим декретом устанавливалось привлечение трудящегося населения к единовременному или периодическому выполнению, независимо от постоянной работы по роду занятий различных видов Т. п., необходимое перераспределение рабочей силы, повсеместное и постоянное привлечение к общественно-полезному труду лиц, таковыми не занимающихся и т. д. Этим же декретом был создан Главный Комитет по всеобщей Т. п.

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике сопровождались постепенной отменой принудительных методов привлечения к труду. Переход государственных предприятий на хозяйственный расчет, восстановление рыночных отношений, допущение в известных пределах, индивидуальной хозяйственной инициативы повлекли за собой отказ от режима Т. п., естественного для предшествующего периода гражданской войны и господства натуральных отношений. Договор снова стал нормальной формой привлечения к труду, а принудительное привлечение к труду в порядке Т. п. имеет теперь место лишь в исключительных случаях (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий).

По действующему Т. К., привлечению к Т. п. вовсе не подлежат: лица, не достигшие 18 лет, мужчины старше 45 лет, женщины старше 40 лет и определенные категории граждан, освобожденных от Т. п. по состоянию здоровья и семейному положению. На отношения, возникающие при

привлечения к Т. п. постановления Т. К. распространяются лишь в пределах, предусматриваемых особыми постановлениями центральных органов советской власти.

Право привлечения населения к работам в порядке Т. п. предоставлено лишь президиумам губисполкомов; уисполкомам и вблисполкомам это право предоставлено в случае крайней и безотлагательной надобности, при условии немедленного оповещения губисполкомов. Работа, произведенная в порядке Т. п., подлежит оплате по нормам, устанавливаемым местными органами Нар. Ком. Труда, но не ниже средней ставки чернорабочего в данной местности. Особые правила установлены в отношении Т. п. по тушению лесных пожаров.

Т. Ризик

ТРУДОВОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ: Основой первого закона о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 года, а вслед за ним и закона о социализации (см.) земли от 27 января 1918 г. были лозунги Т. з., уравнительности, недопущения наемного труда, аренды и т. и. Тактически большевики осуществили эсеровскую программу (см. ст. Земельный Кодекс). Большевики этим на деле доказали, что только рабочий класс способен осуществить земельную программу, ожидаемую широкими массами крестьянства. Но принципиальный взгляд на уравнительное «трудовое» земледелие у большевиков оставался и попрежнему критическим. Желание крестьянина: сделать вечным существование мелкого хозяйства, уравнительного его нормирования и т. п. Ленин определял как «идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя». Однако, из-за этих утопических представлений, говорил Ленин ни один разумный социалист не разойдется с беднотой.

«Переход политической власти к пролетариату — вот в чем суть»

Но характеризуя на III Съезде Советов закон о социализации земли, как переходную меру, как уступку левым эсерам, Ленин говорил, что закон отражает волю крестьянских масс, «перескочить» через которую нельзя. — «Мы, большевики, будем помогать крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, перейти от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим».

Зем. К., как известно, был результатом отступления к НЭПу. При разработке З. К. в 1922 г. на первом плане были задачи создания условий для устойчивого существования мелкого хозяйства, которое только постепенно может быть кооперировано и переведено на рельсы укрупненного и общественного хозяйства. Поэтому в З. К. подробно разработаны все практические вопросы бытия мелкого крестьянского хозяйства и слабо изложено то, что относится к фактическому проведению национализации земли и к созданию благоприятных условий для роста совхозов (см.) и коллективов. И только в марте 1927 г. были изданы два программных постановления ЦИК и СНК СССР, назначающие ряд мер экономического и правового характера для развития совхозов и колхозов.

Что касается юридической природы Т. з., то к нему нельзя подходить с простой меркой буржуазных юридических формулировок.

К чему же сводится в действительности право Т. з. по действующим З. К. Республик?

1) Это право ограничено использованием земли для ведения сельского хозяйства. Эксплуатация земли, предоставленной для трудового пользования, напр. по договору застройки, или под не сельско-хозяйственные промыслы возможна лишь по специальному разрешению земельных органов.

2) Предоставление земли для трудового пользования происходит посредством: а) отвода земли из государственного запаса земельными органами. б) предоставления земли в составе зем. общества и в) трудовой заимки. Право на землю для приложения к ней собственного труда может быть осуществлено всеми гражданами: трудящиеся иностранцы, проживающие на советской территории и пользующиеся избирательными правами, пользуются правом на землю наравне со всеми гражданами. Прямое сделано лишь для бывших помещиков, ибо они могут наделяться землей исключительно из переселенческого фонда. Практически осуществление права на землю, разумно ограничено наличием свободных находящихся в распоряжении земельных органов, так как наделение землей в составе

земельного общества возможно лишь при условии приятия в то или иное общество в качестве полноправного члена, что зависит от усмотрения схода Зем. Общества (см.).

3) Т. з. не ограничено какими-либо уравнительными нормами. Размер земельного надела может зависеть или от фактически используемой и закрепленной за данным хозяйством, не входящей в состав Зем. Общества, площади или от изменения состава Зем. Общества, в которое входит хозяйство (практика общинных переделов, скидок и накидок).

Одним словом, общей уравнительности землепользования не существует а есть лишь частичная уравнительность, в зависимости от того, принят ли в Зем. Обществе общинный порядок землепользования.

4) Трудовой землепользователь несет в отношении предоставленной ему земли обязанности по правильному ее использованию (ст. 7 З. К.). Хищническое использование земли запрещается (ст. 61 З. К.). Понятие «хищнического» использования точно не определено, за исключением случаев умышленного неудобрения земли в ожидании земельного передела.

Некоторые земельные органы применяют практику заключения договоров с обществами об обязательном переходе на многополье и к определенному севообороту. Конечно, эти договоры возлагают и на земельные органы те или другие обязанности, как-то: по скорейшему проведению землеустройства, по снабжению семенами и т. д. Свое влияние в смысле лучшего и выгоднейшего ведения сельского хозяйства местные органы могут оказывать изданием обязательных постановлений по борьбе с сорняками и межниками, с выпасом по зеленым и лугам и вообще с поправами, по регулированию полевых дорог и огораживанию полей и т. д.

5) Прекращение права Т. з. соединено с прекращением применения землепользователем личного труда на землю. Сюда входят случаи окончательной ликвидации хозяйства, добровольного отказа от земли, выморочности хозяйства (двора), переселения в другое место, изъятия земли для государственных и общественных надобностей и т. д. З. К. (в ст. 18)

не указывает повелом для прекращения права Т. з. переход трудового хозяйства в нетрудовое (капиталистическое), но так как по общему смыслу закона осуществление трудового земельного права допускается при преобладании личного труда всех членов хозяйства, хозяйства, утратившие трудовой строй, должны быть перечислены в разряд нетрудовых хозяйств. Порядок такого перечисления в законе и в практике зем. органов пока не установлен.

6) Пределы «трудового строя» для хозяйства, пользующегося правом Т. з., в некоторой степени определены в новеллах об аренде земли и о вспомогательном наемном труде в трудовых землевладельческих хозяйствах. Так, крестьянский двор может арендовать землю у других дворов только при условии обработки ее силами своего хозяйства, с допущением в законных пределах наемного труда, а закон о наемном труде допускает таковой лишь при обязательном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т. е. при условии, если все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в работе хозяйства.

Поскольку же применение наемного труда в крестьянском хозяйстве, как вспомогательного регулируется специальными в изъятие от Т. К. «временными правилами», надо полагать, что применение наемного труда, сверх этих правил, в тех случаях, когда наем рабочей силы должен быть подчинен действию Т. К. влечет отнесение данного хозяйства к предпринимательскому и прекращению пользования ими землей на правах трудового хозяйства.

7) Землепользователь, имея лишь право распоряжения землей для целей ведения сельского хозяйства (этой цели подчинено и право сдачи земли в аренду маломощными хозяйствами), в отношении результатов своего труда, и капитальных затрат имеет право частной собственности. Однако, это право свободно только в отношении предметов, отделенных от земли. Что касается сооружений и многолетних растений, а также улучшений (см.) земель-

ных угодий (резолюция IV Всесоюзного Съезда Советов по докладу о сельском хозяйстве) распоряжение землепользователя ограничено правом собственности на землю со стороны государства. В этих случаях договор сторон в отношении возмещения за строения, многолетние растения и вообще улучшения, вложенные в землю и не использованные землепользователем, может быть совершен лишь при согласии земельного органа или земельного общества, при обязательном заключении его в волисполкоме (см.). В подобных случаях крайне необходим придирчивый контроль волисполкома, дабы пресечь всякие попытки торговли землей.

8) Право Т. з. осуществляется лишь земледельческим двором (см.). Оно своеобразно в том отношении, что восприняло обычное крестьянское право, вследствие чего и образовалась общность семейного хозяйства с единоличными правами домохозяина и т. п. Поэтому субъектом права Т. з. фактически является не отдельный гражданин, как это провозглашено в ст. 9 З. К., а семейный коллектив — двор со всем его укладом возникновения и распада. Отдельный член двора (гражданин) лишь тогда выступает на сцену, когда надо исчислять разверсточные единицы при общих переделах, скидках и нарядках, или при семейном разделе двора, или, наконец, когда надо охранить право на землю члена двора, ушедшего на заработки и вообще прервавшего по уважительным причинам личное ведение хозяйства. Во всем же процессе сельскохозяйственного производства, т. е. при фактическом осуществлении земельного права мелким хозяйством, перед государством выступает семейная ячейка, как субъект права, через посредство представителя ее интересов — домохозяина.

Итак, право Т. з. есть специфическое земельное право переходного периода, отражающее, главным образом, стремление мелкого хозяйства к самостоятельному существованию. Его главной основой является приложение труда на национализированной земле миллионами крестьян под контролем рабочего государства.

Программа партии по аграрному вопросу исходит из того факта, что мелкое хозяйство еще долго будет существовать. Политика партии в области сельского хо-

зяйства определяется различным отношением к трем слоям деревни — бедняку, середняку и кулаку. Из этой же политики надлежит исходить и в принципиальном применении к мелкому хозяйству наших земельных законов и в частности права Т. з. Порядок Т. з. не увековечивает мелкое хозяйство, не делает его священным и неприкосновенным, и все подобные попытки мелко-буржуазного свойства «разъяснить» права Т. з. должны быть решительно отвергнуты. В зависимости от соотношения средств рабочего государства, могущих быть брошенными на организацию крупных сельскохозяйственных предприятий, а также в зависимости от роста коллективных хозяйств могут меняться и самое право Т. з. и способы контроля за осуществлением этого права со стороны рабочего государства.

4. Дисциплины

ТРУДОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО как деятельность по подысканию безработным работы и нанимателям рабочей силы — возникло в связи с применением наемного труда. Различные виды и формы посредничества определялись в зависимости от степени развития капитализма и роста классовых противоречий. Первые зачатки посреднической деятельности можно усмотреть еще в период цехов, когда общества подмастерьев подыскивали работу своим членам.

С ростом капитализма, появлением резервной армии безработных, профессиональных организаций вопрос Т. з. приобретает актуальное значение. Появляются посреднические органы, организуемые предпринимателями посреднические бюро при профсоюзах, муниципальные филантропические, частно-владельческие, а впоследствии и государственные посреднические органы.

Предпринимательские бюро очень распространены в капиталистических странах, организовывались союзами фабрикантов, в целях борьбы с профессиональными рабочими организациями. Главной целью предпринимательских бюро является не посредничество по найму, а надзор и контроль за рабочими и ограждение фабрик и заводов от тех рабочих, которые почему-либо внушают опасения нанимателям. Кроме того посреднические бюро нуж-

ны нанимателям для ориентации в количестве имеющихся безработных, с целью использования их для срыва забастовок и ухудшения условий труда. Посредством своих посреднических бюро предприниматели, в соответствии со своими классовыми интересами, борются как с отдельными рабочими, так и рабочими организациями в целом.

В противовес предпринимательским бюро, профсоюзы, заинтересованные в удержании своих экономических достижений в области заработной платы, рабочего времени и пр., организуют свои самостоятельные посреднические бюро. В задачи этих бюро при профсоюзах (см.) входит замещение всех свободных мест исключительно членами профсоюзов. Для того, чтобы предприниматели посредством привлечения неорганизованных рабочих не смогли бы сорвать достигнутые профсоюзами экономические завоевания. Кроме того, посреднические бюро профсоюзов оказывают материальную поддержку членам союза в период безработицы, дабы они не вынуждены были принять худшие условия работы по сравнению с завоеванными союзом. Союзные посреднические бюро предоставляют также своим членам материальную возможность переезда в другие города, во избежание использования нанимателем скопления безработных масс в одном месте.

С развитием капитализма отмеченные формы Т. п. оказались недостаточными. Как предпринимательские, так и профсоюзные посреднические бюро охватывают, главным образом, квалифицированных рабочих. С ростом же механизации производства и широким применением неквалифицированного и полуквалифицированного труда не охваченного указанными выше посредническими органами, городские самоуправления (муниципалитеты) вынуждены были организовать свои посреднические бюро, по преимуществу для подыскания работы этим кадрам безработных.

Первое время своего существования муниципальные биржи труда всецело были под влиянием предпринимателей благодаря их преобладанию в муниципалитетах, что вызвало со стороны профсоюзов резко отрицательное отношение к муниципальным биржам труда. В тех же случаях, ког-

да профсоюзам удавалось добиваться своего влияния на управление муниципальными биржами труда, предприниматели восставали против последних. В результате борьбы предпринимателей и профсоюзов во многих местах при биржах труда введены паритетные комитеты (равное представительство от обеих сторон—от профсоюзов и предпринимателей), фактически же преобладающая роль в управлении биржами труда продолжает оставаться за предпринимателями.

Профсоюзы относятся отрицательно к паритетным биржам труда и мирятся с участием нанимателей в управлении бирж труда, лишь как с переходной ступенью к полному овладению биржами труда со стороны профсоюзов.

Как одну из форм Т. п., следует отметить также филантропические биржи труда, организуемые в большинстве случаев при различных религиозных обществах. По существу их задачей является не посредничество по подысканию работы и оказанию помощи безработным, а главным образом отвлечение внимания безработных от классовой борьбы и от действительных причин безработицы. Роль их в истории Т. п. незначительна.

Существуют также посреднические конторы частных лиц, занимающихся посреднической деятельностью в виде промысла. Эти конторы обслуживают главным образом домашних ресторанных и др. служащих. В этой части они овладели рынком труда во многих странах. Профсоюзы ведут отчаянную борьбу с этими бюро, так как, получая хищнический процент с трудящихся, они всецело стоят на стороне предпринимателей.

Государственное вмешательство в область Т. п. было вызвано в Европе с ростом промышленных кризисов и с создавшейся необходимостью перехода от частных разрозненных мер помощи безработным к более планомерной организации государственной трудовой помощи безработным.

Государственные биржи труда возникли в Англии в 1910 г. в связи с введением частичного государственного страхования от безработицы (строительных рабочих и рабочих судостроения).

Германское государство вынуждено было взять Т. п. в свои руки со времени империалистической войны, поскольку раз-

розненное Т. п. оказалось непригодным для экономики периода войны и в особенности для колоссальной безработицы послевоенного периода.

В дореволюционной России, при ее слабо развитой экономике и культурной отсталости, государственные и общественные организации долгое время не интересовались вопросами Т. п.

После октябрьского переворота дело учреждения бирж труда впервые в истории передается государством профсоюзам. Управление бирж труда возлагается на комитет биржи, который составляется из представителей профсоюзов, совета рабочих депутатов и городских и земских управлений, существовавших некоторое время параллельно с советом рабочих депутатов. Положение о биржах труда, опубликованное 31 января 1918 г., обязывало всех нанимателей к найму рабочей силы исключительно через биржи труда и под страхом уголовной ответственности воспрещало частное платное посредничество по найму. Это же положение, в связи с декретом СНК 11 декабря 1917 г. «о страховании по безработице», предусматривало выдачу пособия по безработице только тем из безработных, которые состоят на учете посреднических органов.

В разгаре гражданской войны советское государство переходит к принудительному привлечению рабочей силы посредством объявления всеобщей трудовой повинности (см.). Отделы распределения рабочей силы (бывшие биржи труда) реорганизируются в п/отделы учета и распределения рабочей силы отделов труда и на них кроме принудительного учета и распределения рабочей силы, возлагается обязанность перераспределения занятых рабочих и служащих.

По этой причине в центре организуется «Особая комиссия по снабжению военной промышленности» которой было предоставлено право милитаризации отдельных групп рабочих и служащих. С переходом к снабжению промышленности и народного хозяйства исключительно путем трудовых повинностей и мобилизаций организуется Главный и местные комитеты по всеобщей трудовой повинности, на которые было возложено проведение трудовых мобилизаций через п/отделы учета и распределения рабочей силы.

Указанный порядок принудительного учета и распределения рабочей силы претерпевался вплоть до новой экономической политики. П/отделы учета и распределения отказываются от принудительного учета и распределения и снова реорганизируются в биржи труда. Последние оставляют за собой право монопольного замещения всех свободных мест, соответственно обязывая нанимателей к найму нужной им рабочей силы исключительно через биржи труда.

Необходимость быстрого восстановления промышленности и приспособления госаппарата к новым задачам ставит остро вопрос о качестве и своевременности снабжения предприятий и учреждений рабочими и служащими. Эту задачу биржи труда не могли в то время выполнить из-за недостаточного выявления квалификации посылаемых на работу безработных, а в особенности и главным образом из-за незначительности в достаточной степени производства, куда посылались безработные. Посланные возвращались на биржи труда (члены профсоюзов посылались и посылаются на работу в первую очередь) из-за непригодности к работе, на которую они приглашались, и из-за неподходящих условий труда.

Такое положение толкало профсоюзы в сторону предоставления права рабочим и, в особенности членам профсоюзов самостоятельно подыскивать себе работу в соответствии с знаниями и умением рабочего.

Отношение профсоюзов к установленному законом порядку обязательности найма через биржи труда, а также постоянная необходимость облегчить нанимателям подбор необходимой им рабочей силы заставили предоставить нанимателям право участия в подборе рабочей силы из числа зарегистрированных на бирже труда, а затем право найма всех квалифицированных рабочих и служащих помимо биржи труда «последующей регистрацией».

В дальнейшем было приступлено к реорганизации, в виде опыта, посреднических бюро, всецело построенных на началах добровольного Т. п., а затем на учете этого опыта была декретирована полная отмена установленной законом обязательности найма через посреднические органы и переход на добровольное Т. п. Право же заниматься посреднической деятельностью попрежнему остается исключительно за

органами Народного Комиссариата Труда. Только в тех местностях, где не имеется посреднических органов Наркомтруда, Т. п. возлагается на профсоюзы, которые в этой своей работе отчитываются перед губернской биржей труда. Услуги бирж труда по подысканию безработным работы а напимателям рабочей силы бесплатны.

В связи с переходом на добровольное Т. п. отменен и порядок последующей регистрации тех сделок по найму, которые в виде исключения разрешалось заключать помимо бирж труда. Взамен существовавшей последующей регистрации, имевшей целью проверку правильности найма, введено ежемесячное представление статистических сводок о рабочих и служащих, принятых на работу. Эти сводки преследуют исключительно статистические цели и служат для ориентировки бирж труда.

Профсоюзы перешли к регулированию определения своих членов на работу посредством коллективных договоров, что является особенно важным и реальным, поскольку этой системой втягиваются в активную работу по определению членов профсоюзов на работу низовые союзные органы — фабзавкомы и месткомы, которые лучше, чем биржи труда, могут определить квалификацию посланного безработного и соответствует ли эта квалификация интересам производства. Этим достигается профсоюзный контроль на предприятиях за наймом рабочей силы и обеспечивается поддержка со стороны фабзавкомов вновь прибывших членов профсоюзов.

С переходом к коллективно-договорному регулированию порядка поступления на работу значение бирж труда как регулятора распределения рабочей силы, отнюдь не уменьшилось. В настоящее время в коллективных договорах (см.) проводится не только прием на работу в первую очередь членов профсоюзов, но также, как правило, наем через биржи труда. Однако, существенное различие с прежним положением заключается в том, что пределы и порядок найма через биржи труда определяются уже не жесткими нормами закона, а соглашениями между профсоюзами и напимателями рабочей силы. Конкретно же руководство проведением в жизнь соответствующих коллективно договорных постановлений находится в руках профсоюзов, действующих через аппарат биржи труда.

В функции бирж труда, кроме регистрации безработных и посылки их на работу, входит также организация экспертизы и практического испытания профессиональной подготовки безработных. Кроме того, на биржи труда возлагается проведение мероприятий по борьбе с безработицей, организация общественных работ и трудовых коллективов.

Управление бирж труда возлагается на комитеты, с участием представителей профсоюзов и хозяйственных органов. Непосредственное же руководство работой биржи труда возлагается на заведующего (он же председатель комитета биржи), выдвигаемого советом профсоюзов и утверждаемого отделом труда. Все остальные должностные лица также выдвигаются соответствующими профорганизациями. Таким образом хотя биржи труда остаются государственными органами, за профсоюзами обеспечена руководящая роль в управлении бирж труда и в практическом осуществлении посредничества.

Биржи труда состоят на государственном бюджете. Только расходы по найму и ремонту помещения и расходы по коммунальным услугам оплачиваются из местных средств.

Кроме бирж труда, в СССР имеется сеть корреспондентских пунктов, которые главным образом обслуживают сезонную рабочую силу из сельских местностей, т.е. сезонных рабочих и крестьян занимающихся отхожими промыслами (строители, батраки, торфяники, водники, рыбаки и т. д.).

М. Рубинчик

ТРУДОВОЕ ПРАВО. I. Понятие Т. п. Т. п. иногда определяют, как ту отрасль права, которая регулирует наемный труд. Такое определение не охватывает, однако, отношений, связанных с трудовой повинностью (см.). При определении Т. п. правильнее исходить не из понятия отношений найма, а из более широкого понятия трудовых отношений.

Трудовое отношение—это есть общественное отношение работника к владельцу или к представителю владельца средств производства и вместе с тем, к организатору производства. При капитализме мы имеем капиталистическое трудовое отношение, а в советских государ-

ственных предприятиях и учреждениях— социалистическое трудовое отношение. как отношение работника к администрации, являющейся представителем рабочего класса, представителем рабочего государства. И в том и в другом случае трудовое отношение является той общественной формой, в которой рабочая сила соединяется со средствами производства, не принадлежащими отдельным непосредственным производителям.

Предметом Т. п. является правовое регулирование трудовых отношений (включая сюда органы и организационные формы этого правового регулирования). Нормами Т. п.:

а) непосредственно регулируются трудовые отношения при чем правовое регулирование трудовых отношений касается либо установления и прекращения этих отношений, т.е. привлечения к труду и распределения рабочей силы (см. Трудовой договор, Трудовое посредничество, Трудовая повинность, Увольнение) либо содержания этих отношений, т.е. условий труда (см. Заработная плата, Охрана труда, Рабочее время, Норма выработки и др. статьи по вопросам Т. п.).

б) определяется правовое строение и правовое положение органов регулирующих трудовые отношения (см. Инспекция труда, Трудовое посредничество, Примирительно-третейское разбирательство, Расцепочно-конфликтные комиссии), или, наконец,

в) определяются формы организационной деятельности по правовому регулированию трудовых отношений (см. Коллективный договор, Правила внутреннего распорядка, Норма выработки, Примирительно-третейское разбирательство, Расцепочно-конфликтные комиссии) В виду своей непосредственной связи с трудовыми отношениями социальное страхование и социальное обеспечение работников также относятся к Т. п. составляя его более или менее самостоятельную отрасль (см. Социальное страхование и Социальное обеспечение)

II Буржуазно-капиталистическое Т. п. а) Период первоначального капиталистического накопления. Для законодательства с труде периода первоначального капиталистического накопления прежде всего характерны принудительные методы привлечения к труду «Свободный» наемный труд не существовал на заре капитализма, но появился только тогда, когда отношения капиталистической эксплуатации достаточно окрепли и упрочились. В период первоначального капиталистического накопления по отношению к пролетариату широко применялось непосредственное принуждение, как метод привлечения к труду и, вместе с тем, как метод регулирования распределения рабочей силы. Чтобы принудить к наемному труду экспропрированное и пролетаризованное крестьянство, насильственно обращенное в бродяг и нищих, издавались кровавые законы против бродяжничества, предусматривающие тюрьму и каторгу, жестокие телесные наказания и даже смертную казнь. Независимо от законов о бродяжничестве, в законодательстве рассматриваемого периода можно найти институт трудовой повинности для материально необеспеченных слоев населения, т.е. для пролетариата.

На ряду с принудительными методами привлечения к труду, для законодательства о труде периода первоначального капиталистического накопления характерны принудительные методы понижения заработной платы (установление максимума зарплаты) и удлинения рабочего дня (установление минимальных норм рабочего времени). Это принудительное законодательство против рабочих находило свое завершение в жестоких преследованиях коалиций (объединений) рабочих—профессиональных союзов, стачек и т. д.

В развитом капиталистическом обществе «внеэкономическое, непосредственное насилие, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения» (Маркс, «Капитал», т. I, гл. 24) Однако, роль таких «исключений» весьма значительна. Все вообще постановления буржуазного законодательства, ограничивающие

свободу стачек, являются «внеэкономическим непосредственным насильем», принуждающим к труду современного «свободного» рабочего. Прямым возвратом буржуазно-капиталистического общества к принудительным методам периода первоначального капиталистического накопления явилось применение трудовой повинности в период мировой войны.

б) От государственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом к законодательной охране труда. Если первым периодом в историческом развитии буржуазно-капиталистического Т. п. является эпоха первоначального капиталистического накопления, то второй период можно условно назвать периодом государственного невмешательства в отношения между трудом и капиталом. Этот период совпадает с первоначальным расцветом идей свободной конкуренции и невмешательства государства во всю вообще область народного хозяйства. Условность же характеристики этого периода, как периода государственного невмешательства в отношения между трудом и капиталом, заключается в том что для этого периода характерно сохранение в более или менее полном объеме прежних репрессий против стачек (см.) и связанных с этим ограничений свободы профсоюзов (см.). Наконец, третьим из основных периодов в истории буржуазно-капиталистического Т. п. является период развития современной законодательной охраны труда (в широком смысле законодательства, в той или иной степени охраняющего труд).

Законодательство периода первоначального капиталистического накопления о принудительном привлечении к труду, о понижении заработной платы и об удлинении рабочего дня фактически отмирало еще до его формальной отмены, так как окрепший капитализм получил возможность, на почве чисто экономической зависимости рабочего класса, в огромной степени все больше и больше повышать эксплуатацию труда без непосредственного содействия государственной власти. Когда капитал перестал нуждаться в принудительных методах периода первоначального капиталистического накопления,

буржуазная идеология выдвинула лозунг «свободы труда», противопоставляя этот лозунг требованиям рабочего класса о законодательной охране труда и о свободе стачек и профсоюзов. На языке буржуазии «свобода труда» означала и до сих пор означает свободу конкуренции между рабочими, свободу эксплуатации, не ограниченную вмешательством государственной власти или «посторонних» рабочих организаций в отношении предпринимателя к «своим» рабочим, свободу «желающих работать», т.е. штрейкбрехеров «Свобода труда» означала и означает невмешательство государственной власти в дело охраны труда и враждебное рабочему классу вмешательство государства в дело борьбы предпринимателей-капиталистов со стачками и профсоюзами.

С развитием в буржуазно-капиталистических странах законодательной охраны труда идея «свободы труда» неизбежно должна была потускнеть. Но, как оружие против стачек и профсоюзов, «свобода труда» неизменно сохраняется в идеологическом арсенале буржуазии вплоть до настоящего времени, когда—с наступлением эпохи крупных капиталистических монополий, эпохи финансового капитала, эпохи империализма—более широкий и общий принцип свободной конкуренции в значительной степени слал уже в архив истории.

Принцип «свободы труда», в своей другой формулировке, как «свобода договора» между работником и панимателем,—играл, и до сих пор играет совершенно исключительную по своему значению роль в Т. п. Северо-Американских Соединенных Штатов. В Соед. Штатах судам присвоено право контролировать конституционность законодательных актов. Если суд признает тот или иной закон прогивоконституционным, то такой закон лишается судебной защиты и, следовательно утрачивает силу закона. Эти широкие полномочия были использованы судами если не исключительно, то главным образом для борьбы с развитием законодательства о труде. «Свобода договора» рассматривается в Соед. Штатах как одно из прав, гарантированных каждому гражданину федеральной конституцией и конституциями отдельных штатов. И законодательное ограничение «свободы договора» признается конститу-

ционным лишь постольку, поскольку оно оправдывается уважительными соображениями общественной пользы, не носит характера привилегий и т. д. А так как судить о конституционности тех или иных законодательных ограничений «свободы договора» предоставлено судам, то сила каждого акта законодательной охраны труда, всегда и неизбежно ограничивающего формальную «свободу договора» между работниками и нанимателями, всецело зависит от усмотрения высших органов судебной власти. Таким образом, в распоряжении буржуазий оказался запасной барьер, о который могут разбиваться требования рабочего класса, уже удовлетворенные законодательными органами.

Высшие суды Соед. Штатов иногда на целые десятилетия задерживали проведение тех или иных мероприятий в области правового регулирования труда, только постепенно уступая свои реакционные позиции по отдельным вопросам законодательства о труде.

в) Буржуазное Т. п. и классовая борьба. В буржуазно-капиталистическом обществе Т. п. является той отраслью права, в которой с особенной яркостью обнаруживаются и противоречия классовых интересов и зависимость правовой надстройки от классовой борьбы.

Маркс охарактеризовал законодательство в нормальном рабочем дне как «продукт продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом» («Капитал», т. I, гл. 8). Эта характеристика вполне применима ко всему вообще буржуазно-капиталистическому законодательству о труде. Экономическая и политическая борьба рабочего класса в самых разнообразных формах оказывает влияние на развитие буржуазно-капиталистического Т. п. Тот или иной акт законодательства о труде издается под непосредственным давлением крупной стачечной волны (напр., царские законы 3 июня 1886 г. о найме рабочих на фабрики и заводы и 2 июня 1897 г. о продолжительности и распределении рабочего времени в фабрично-заводских горных и горно-заводских предприятиях), под давлением отдельной крупной стачки (напр. английский каменно-угольный закон 29 марта 1912 г.), под не-

посредственным давлением революционного выступления рабочего класса (напр., правительственные акты, издаваемые непосредственно вслед за взрывом германской революции 1918 г.) или под давлением подъема революционного рабочего движения (напр., царские страховые законы 1912 г.). В других случаях буржуазия делает те или иные уступки не под влиянием непосредственного давления рабочего класса, а в расчете (всегда, в конечном счете, ошибочном) парализовать мелочными реформами поступательное развитие рабочего движения (напр., «социальное законодательство» Бисмарка в Германии, проводившееся параллельно с действием «закона против социалистов»)

Когда рабочие непосредственной экономической борьбой добиваются осуществления тех или иных своих требований в значительной части предприятий, тогда предприниматели, которые были вынуждены уступить рабочим, могут быть заинтересованы в том, чтобы их уступка была обобщена в законодательном порядке и сделалась обязательной также для их конкурентов, т.-е. для всех остальных предпринимателей соответствующей отрасли производства. Некоторые институты Т. п. специально созданы, как постоянно действующий механизм, для той же цели выравнивания условий конкуренции между капиталистами (напр., система общеобязательных коллективных договоров, в широком масштабе примененная в Германии с 1919 г. (см. Коллективный договор).

Кроме основного фактора — борьбы рабочего класса, известную роль в развитии буржуазно-капиталистического законодательства о труде играл страх буржуазии перед эпидемиями, могущими переброситься из рабочих кварталов в буржуазные кварталы (напр., первый английский закон об охране детей 1802 г.), страх буржуазии перед распространением заразы через товары, изготовляемые в антисанитарных условиях (напр., германский закон 1911 г. о домашней рабстве), опасения господствующих классов, что вырождение фабричных рабочих отнимет у армии здоровых солдат (напр., изданный в 1839 г. прусский регламент труда подростков на фабриках), давление мелкобуржуазных крестьянских слоев, заинтересованных в том, чтобы инвалиды труда

не сложились бременем на крестьянское хозяйство, с которым сохраняют семейную связь (германский закон 1889 г. о страховании инвалидности и старости), и т. д.

Каковы бы ни были в отдельных случаях пути влияния классовой борьбы на развитие буржуазно-капиталистического законодательства о труде, во всех случаях остаются в силе слова Маркса о том, что законодательство относительно наемного труда, с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего, также и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебно рабочему классу («Капитал», т. I, гл. 24). Это не противоречит так подробно обоснованному Марксом другому положению о большом значении для рабочего класса законодательной охраны труда и о необходимости для рабочего класса вести борьбу за развитие законодательства о труде. При капитализме законодателем является буржуазия, — и даже в своих уступках пролетариату в области законодательства о труде буржуазия не может не проявлять себя как класс, враждебный пролетариату. Распространеннейшим типом актов буржуазно-капиталистического законодательства о труде являются законы, которые плетутся в хвосте за завоеваниями, уже фактически сделанными рабочим классом в непосредственной борьбе с предпринимателями, урезают эти завоевания, только частично закрепляя их, и, таким образом, намечая общую линию для контр-наступления капитала, затрудняют рабочему классу удержание полностью завоеванных позиций (напр. германский закон 4 февраля 1920 г. о советах предприятий).

Политика буржуазии в области законодательства о труде, как политика вынужденных уступок, неизбежно является политикой обмана. В своем законодательном творчестве в области Т. п. буржуазия всегда стремится к тому, чтобы закон казался рабочим возможно более благоприятным для них, но чтобы, в то же время закон в действительности давал им возможно меньше. Один из испытанных маневров буржуазии заключается в том, чтобы, издавая тот или иной акт законодательной охраны труда, оставить этот акт без реальной охраны. Всегдашняя мечта буржуазного суда заключается в том,

чтобы, при благоприятном для буржуазии изменении соотношения классовых сил, в порядке классовой юстиции по кусочкам отбирать у рабочих то, что ранее вынужден был предоставить им законодатель. При более значительном и благоприятном для капиталистов изменении в соотношении классовых сил ранее изданные законы пересматриваются и изменяются в неблагоприятном для рабочих направлении. Маркс цитировал слова Адама Смита, что «всякий раз, когда законодательство пыталось регулировать споры между хозяевами и их рабочими, его советниками были хозяева» («Капитал», т. I, гл. 24). В настоящее время буржуазный законодатель имеет еще более искушенных в обмане рабочих масс советников в лице социал-соглашательских партий. Вся история послевоенного германского законодательства о труде есть история великого обмана рабочих, главным проводником которого явилась германская социал-демократия.

Не все слои рабочего класса одновременно и одинаково активно выступают в борьбе с капиталом, не все группы пролетариата в данный исторический момент и в данной стране одинаково поддаются угнетению или одинаково заставляют буржуазию считаться с собой. Последствием недостаточного единства рабочего фронта и неодинакового сопротивления встречаемого капиталистами на разных участках этого фронта, является обычная пестрота буржуазно-капиталистического Т. п. Для отдельных групп рабочего класса создается различный по своим основам правовой режим, создаются совершенно различные правовые нормы, регулирующие труд. Отдельное законодательство создается для промышленных рабочих, отдельное для сельскохозяйственного пролетариата, для торгово-промышленных служащих и т. д. Так как эта пестрота Т. п., в свою очередь, затрудняет единство борьбы рабочего класса за улучшение своего положения, то рабочий класс естественно приходит к формулировке требования о едином Т. п. Однако, в рамках буржуазно-капиталистического общества требование это оказывается почти несуществующим.

Особо следует отметить влияние классовой борьбы на право коалиций. При капитализме рабочему классу прежде всего

приходится борьбой отстаивать самое право борьбы за улучшение условий своего труда, приходится бороться за свободу коалиций, т.-е. за свободу стачек и профсоюзов. Вопрос о праве коалиций на более ранних ступенях развития капиталистического общества уже затронут в предшествующем изложении. В дальнейшем вынужденное признание буржуазией не наказуемости стачек, как таковых, не означало фактической уголовной наказуемости и гражданско-правовой правомерности стачек, так как не устраняло уголовной и гражданской ответственности за отдельные действия, совершенно необходимые для проведения стачек. Но и позднейшая, сравнительно более полная отмена специальных уголовных законов, направленных против стачек, также не означает фактического устранения уголовной репрессии против стачек: при отсутствии иных карательных статей, уголовная репрессия против руководителей стачек проводится в форме обвинения в тех или иных политических преступлениях. С другой стороны, для борьбы со стачками буржуазия располагает полицией и военной силой (расстрелы стачечников в странах «передовой буржуазной демократии»), располагает также штрейкбрехерскими организациями. В тесной связи с отношением буржуазного государства к стачкам стоит и его отношение к профсоюзам. Здесь путь развития шел от полного законодательного запрета профсоюзов к полицейскому режиму и затем к режиму «свободы профсоюзов», в буржуазно-демократическом смысле этих слов, т.-е. к принципиальному признанию свободы профсоюзов, без обеспечения им, однако, прочного правового положения и с теми ограничениями свободы экономической борьбы о которых только что сказано в связи с вопросом о свободе стачек.

Таково было в общих чертах положение вопроса о свободе коалиций к началу периода империализма. В этом последнем периоде буржуазия стремится ограничить прежнюю половинчатую свободу коалиций и вообще усилить правовые ограничения для профсоюзов, стоящих на почве классовой борьбы. Таким образом, в период империализма наблюдается попятный поворот линии развития по вопросу о свободе коалиций. В разных странах это часту-

пление буржуазии на право коалиций проявляется раньше или позже, сильнее или слабее. Но в основе этой новой тенденции лежит глубокая и закономерная связь ее с общим ростом государственного принуждения и насилия в период империализма (ограничение или даже полное подавление свободы коалиций в связи с мероприятиями государственного капитализма во время мировой войны и в связи с фашистскими формами диктатуры буржуазии после мировой войны).

г) Т. п. в царской России. Т. п. в царской России особенно ярко отражало общие черты царского режима. Узаконение уголовных и полицейских репрессий против стачек, а равно узаконение полного полицейского произвола в отношении профсоюзов (гонения на профсоюзы после подавления революции 1905 г. и быстро затем последовавший полный разгром профсоюзов), совершенно архаические общие нормы гражданского права о договоре личного найма (ср. Трудовой договор), до крайности отсталое законодательство о промышленном труде, реакционное законодательство о рабочем времени торговых служащих и ремесленных рабочих, максимальное бесправие сельскохозяйственных рабочих — таковы были основные черты царского Т. п. к моменту февральской революции 1917 г. (см. Социальное страхование)

К моменту падения царизма труд разных категорий работников регулировался Сводом Законов Гражданских, Уставом о промышленном труде, Уставом о промышленности фабрично-заводской и ремесленной, Уставом торговым, Положением о найме на сельские работы, Уставом путей сообщения, Уставом об акцизных сборах, Положением об инородцах. В Законах Гражданских личного найма касались отрывочные и случайные нормы, носившие как уже отмечено, архаический характер.

Состояние царского законодательства о промышленном труде к моменту февральской революции 1917 г. может быть охарактеризовано следующими штрихами (подробнее см. Устав о промышленном труде изд. 1913 г.). Возраст допущения к труду — 12 лет. Для малолетних от 12 до 15 лет — восьмичасовой рабочий день (при двухменной работе допуще-

ние 9-часового рабочего дня) Допущение изъятий из правила о том, что малолетние: до 15 лет не могут быть занимаемы работою между девятью часами вечера и нятью часами утра (при двухсменной работе — ограничение почного периода, в течение которого не допускается работа малолетних, временем с десяти часов вечера до четырех часов утра; в стеклянном производстве — допущение шестичасовой почной работы малолетних) очень и очень частичное проведение принципа недопущения к почной работе подростков от 15 до 17 лет и женщин. Допущение к работе рожениц по истечении четырех недель со дня родов. Для взрослых рабочих общая предельная норма рабочего времени: при дневной работе—11½ часов (но субботам и в кануны двенадцатых праздников—10 часов), при ночной работе—16 часов: широкое допущение сверхурочных работ. При найме на срок неопределенный — свободное расторжение трудового договора по заявлению одной из сторон, с предупреждением за две недели.

Ст. 112 Устава о пром. труде гласила, что «распоряжения заведывающего предприятием о наложении на рабочих взысканий обжалованию не подлежат», причем имелись в виду денежные взыскания, которые на основании утвержденной фабричной инспекцией или горным надзором таблицы взысканий могли налагаться за неисправную работу, за прогул и за нарушение порядка и могли в общей сложности составлять до одной трети заработка. При таком лишении рабочих права обжаловать наложенные взыскания, мало утешения могло доставить рабочим дальнейшее указание той же статьи, что заведывающий предприятием привлекается к ответственности, если при посещении предприятия чинами фабричной инспекции или горного надзора из заявлений рабочих будет обнаружено незаконное наложение взысканий. Сама ответственность за нарушение постановлений о взысканиях с рабочих была ограничена штрафом от 25 до 100 рублей. Оценка всей этой постановки вопроса о взысканиях с рабочих не смягчится, конечно, от того, что взыскания обращались на составление особого капитала, который разрешения фабричной инспекции или горного

надзора, расходовался управлением предприятия на удовлетворение нужд рабочих. Нужно указать также, что трудовой договор мог быть в любое время, без предупреждения, расторгнут напимателем, между прочим «вследствие дерзости или дурного поведения рабочего, если оно угрожает имущественным интересам предприятия или личной безопасности кого-либо из лиц управления предприятием или наблюдающих за работами» (до крайности растяжимая формулировка). Наконец, назначенный владельцем заведующий предприятием, являясь лицом, ответственным за нарушение законодательства о труде, совершенно заслонял владельца от уголовной ответственности, — и только денежные взыскания, в случае неуплаты их заведующим, могли быть обращены на владельца предприятия, от которого зависело затем отыскивать убытки с заведующего.

В период мировой войны в русском законодательстве о труде был проведен ряд реакционнейших мероприятий. Законом 9 марта 1915 г. женщины и малолетние до 15 лет были допущены к ночным и подземным работам на каменноугольных копях Европейской России.

д) Т. п. при временном правительстве (март — октябрь 1917 года). Деятельность временного правительства в области Т. п. прежде всего проявилась в издании 23 апреля 1917 г. положения о рабочих комитетах в промышленных заведениях. Это была попытка буржуазии удержать фабрикомы в рамках буржуазного права. 9 мая 1917 г. положения о рабочих комитетах в промышленных заведениях. Это была попытка буржуазии удержать фабрикомы в рамках буржуазного права. 9 мая 1917 г. положения о рабочих комитетах в промышленных заведениях. Это была попытка буржуазии удержать фабрикомы в рамках буржуазного права.

В мае 1917 г. было учреждено новое министерство труда (преобразовано из отдела труда, который в марте 1917 г. был образован в составе министерства торговли и промышленности). Меншевистское министерство труда оставило после себя, как материал для историка, большой портфель более или менее недантично разработанных законопроектов и очень небольшое количество законодательных актов, проведенных через временное правитель-

ство. Стоя на почве преемственного развития законодательства, министерство труда и временное правительство в общем строили свое законодательство о труде в форме поправок к царскому законодательству. Давление буржуазии, с которой не хотели рвать меньшевики, устраняло возможность быстрых и радикальных реформ.

Страховые законы временного правительства не пошли дальше заклад на царских страховых законах (см. Социальное страхование). Проект закона о стачках рабочих, который министерство труда выдвигало, как хартию основных прав рабочего класса (см. «Вестник Министерства Труда», № 1—2 стр. 29), не смог быть проведен через временное правительство из-за возникших разногласий. В вопросе о 8-часовом рабочем дне министерство труда фактически капитулировало перед промышленниками и оттягивало постановку соответствующего законопроекта на рассмотрение временного правительства вплоть до того момента, когда временное правительство с его министерствами было сметено Октябрьской революцией.

Как исторический курьез, можно отметить, что 9 мая 1917 г. временным правительством было издано постановление об установлении 8-часового рабочего дня для таможенных учреждений, расположенных в приморских портах и при реках. Дальше этого в вопросе о 8-часовом рабочем дне законодательство временного правительства не пошло.

III. Советское Т. п. а) История советского Т. п. В истории советского Т. п., как и вообще в истории советского строительства, можно различать три периода: 1) первый период советского строительства (с Октябрьской революции и примерно до конца 1918 г.), 2) период военного коммунизма (с конца 1918 г. и до весны 1921 г.) и 3) период Т. п. новой экономической политики (с весны 1921 г.).

Как первый акт советского трудового законодательства, следует отметить декрет от 29 октября 1917 г. о 8-часовом рабочем дне, широко захвативший вопросы рабочего времени. Быстро развивавшееся затем советское законодательство о труде претерпевшее уже за первый год совет-

ской власти ряд внутренних изменений, было объединено Т. К., изданным в октябре 1918 г. Этот первый Т. К., внесший также новые моменты в Т. п. молодой советской республики, стоит уже на грани периода военного коммунизма. Действительно, Т. К. 1918 г. уже ввел значительные элементы принуждения в области привлечения к труду и распределения рабочей силы (принцип принудительности, получивший затем еще гораздо более резкое выражение с дальнейшим развитием системы военного коммунизма). Вместе с тем Т. К. 1918 г. уже в значительной степени отразил переход к твердому централизованному регулированию заработной платы и других условий труда, т.-е. к принудительному установлению единообразия условий труда (то, что иногда обозначают как принцип уравнительности).

Для периода военного коммунизма характерны следующие черты в правовой организации труда: а) полное господство принуждения в области привлечения к труду и распределения рабочей силы (целая система законодательства по трудовой повинности), б) последовательное проведение твердого централизованного регулирования условий труда (закрепление единообразия условий труда), в) широкое признание за профсоюзами права самостоятельно регулировать труд путем издания общеобязательных постановлений и путем распоряжений в отдельных конкретных случаях (тенденция огосударствления профсоюзов, особенно резко проявившаяся в конце периода военного коммунизма) г) замена принципа социального страхования рабочих и служащих принципом социального обеспечения, д) широкое допущение, в условиях гражданской войны и интервенции, отступлений от основных норм охраны труда, закрепленных в Т. К. 1918 г. Из актов законодательства о труде периода военного коммунизма должно быть особо отмечено утвержденное Совнаркомом 17 июня 1920 г. «Общее положение о тарифе» (по подзаголовку «Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств РСФСР»).

Общее положение о тарифе фактически заменило Трудовой Кодекс 1918 г., закреп-

пляя существенные от него отступления.

б) Действующий Т. К. и проект нового кодекса. Изменения в праве сначала намечались и проводились только постепенно путем частичных реформ. Через некоторое время был поставлен вопрос о пересмотре Т. К. 1918 г. Хотя в области организации труда отпали исключительные мероприятия периода военного коммунизма, простой возврат к Т. К. 1918 г. не представлялся возможным: с одной стороны, уже на самом этом кодексе лежала как отмечено выше, значительная печать периода военного коммунизма, с другой же стороны—этот кодекс недостаточно полно охватывал основные вопросы правовой организации труда. После больших подготовительных работ, сессией ВЦИК был утвержден 30 октября 1922 г. новый Т. К.

К моменту образования СССР не только Т. К. 1922 г., но также и дополнительные к нему постановления о труде высших государственных органов РСФСР и НКТ РСФСР действовали и на территории других советских республик, частью в силу договорных отношений между РСФСР и другими союзными республиками (Украина), частью же в порядке переиздания другими советскими республиками постановлений, изданных на РСФСР. Таким образом, хотя и введенный в действие в каждой из союзных республик нынешнего СССР под наименованием Т. К. соответствующей республики, Т. К. 1922 г. фактически являлся к моменту образования СССР единым основным законом о труде для всего нынешнего СССР (оговорку следует сделать только для бывшей Бухарской пародной республики, входящей в нынешний Узбекистан). Однако в дальнейшем в Т. К. союзных республик вносились изменения в порядке республиканского законодательства и, притом изменения, во вполне совпадающие, в своей совокупности по отдельным союзным республикам.

До сих пор Т. К. союзных республик подверглись лишь немногочисленным изменениям. Коренным образом изменена глава II о порядке найма и предоставления рабочей силы (в связи с отменой обязанности найма через биржи труда

или, точнее говоря, с отказом от проведения обязанности найма через биржи труда в порядке предписания закона). По РСФСР, кроме того, внесены изменения в текст ст.ст. 93, 112 и 171 (о других союзных республиках мы подробнее здесь не говорим). Несколько правовых норм Т. К., сохраняя прежнюю редакцию, фактически подверглись тому или иному изменению в порядке издания постановлений, дополняющих Т. К.

Конституция СССР закрепила то положение, что для всех республик Союза «основные законы о труде» устанавливаются в порядке общесоюзного законодательства. В соответствии с этим перед законодательными органами Союза встала задача издания «основных законов о труде», которым решено присвоить наименование «Кодекса Основных Законов о Труде СССР».

В процессе не законченных еще подготовительных работ по составлению проекта нового Т. К. выяснилось, что в основу его будет положен действующий кодекс 1922 г. Кодекс Основных Законов о Труде СССР должен уточнить некоторые правовые нормы действующего Т. К., которые, на основе постепенно издававшихся отдельных законодательных актов, должны быть в большей степени увязаны с хозяйственными возможностями СССР. Далее, новый кодекс должен разграничить, в каких пределах советское трудовое законодательство должно в дальнейшем развиваться, как общесоюзное законодательство, и в каких пределах—как законодательство отдельных союзных республик.

в) Общая характеристика действующего советского Т. п. Действующее советское Т. п., как Т. п. пролетарской диктатуры, характеризуется следующими отличительными чертами:

1 В СССР государственные органы, регулирующие труд, и хозяйственные органы, выступающие в качестве нанимателей рабочей силы, являются, как и профсоюзы, органами рабочего класса. В отношениях советских государственных и хозяйственных органов к профсоюзам и к отдельным работникам отсутствует то противоречие классовых интересов, на основе которого осуществляется регулирование труда в буржуазно-капиталистиче-

ских странах. Это обстоятельство придает яркую печать и на содержание советского трудового законодательства, и на практику его применения.

2. Несомненно, что советское Т. п. как и все вообще советское право, обусловлено в своем развитии состоянием производительных сил, экономическим положением советской страны и, следовательно, находится в зависимости от успехов той классовой борьбы, которую пролетариат СССР ведет за укрепление советской власти и советского строительства. Но самое установление законов о труде является в СССР не результатом компромиссов между борющимися классами, а делом, которое самостоятельно вершит рабочий класс через подлежащие органы пролетарского государства. В руках рабочего класса находится также и проведение в жизнь советского законодательства о труде через соответствующие государственные, профсоюзные и хозяйственные органы.

Поскольку государственные органы, регулирующие труд, являются в СССР органами пролетарской диктатуры, постольку советскому трудовому законодательству обеспечены: а) проведение, в соответствии с требованиями классовой солидарности пролетариата, принципа единства Т. п. для всех работников наемного труда, с теми лишь изъятиями, которые неизбежно обусловлены объективными экономическими условиями; б) высокий уровень правовых гарантий для работников; в) последовательная и максимальная охрана норм Т. п. со стороны органов государственной власти.

В период военного коммунизма советское строительство с большой решительностью шло по пути ликвидации частного найма рабочей силы вследствие чего отпадала задача регулирования труда у частных предпринимателей. При новой экономической политике советское Т. п. учитывает противоречие классовых интересов в области частного предпринимательства и обуславливает частного предпринимателя рабочей силой, являясь той странью, которая поставлена в этой области для регулирования труда. В области же советского социалистического хозяйства и пролетарского государственного аппарата советское Т. п., определяя уровень правовых гарантий для ра-

ботников, дает увязку потребительских интересов рабочего класса с производственными интересами того же класса. Увязка означенных интересов рабочего класса определяет собой развитие советского законодательства о труде. С точки зрения производственных задач рабочего класса советское Т. п. подходит, в частности, к вопросам трудовой дисциплины.

3. Дальнейшей характерной чертой советского Т. п. является выдающаяся роль профсоюзов в деле регулирования труда и, вместе с тем, приближение регулирования труда к рабочим массам. Близость государственных органов советской власти и хозяйственных органов к рабочей массе, тесная спайка профсоюзов с рабочей массой, широкое привлечение к участию в регулировании труда низовых профсоюзных органов—все это делает советское регулирование труда и, в частности, советское Т. п. близким к рабочей массе. Приближение регулирования труда к рабочим массам особенно ярко выражается в широких правах РКК, как того органа, регулирующего труд, в деятельности которого рабочая масса предприятия наиболее непосредственно участвует через представителей фабзавкома (см. Расщепочно-конфликтные комиссии). Советское законодательство о труде закрепляет, таким образом, определенные правовые формы деятельности рабочей массы.

4. Советское хозяйственное законодательство и, в частности, советское законодательство о труде являются одними из важнейших рычагов экономической политики пролетарской диктатуры как политики ила померного и научно-обоснованного социалистического строительства. Плановость советского строительства отражается в нормах советского Т. п. так например, плановое распределение фондов заработной платы в государственных предприятиях и учреждениях находит себе, в частности, отражение в законодательном запрещении так называемых незаконных выплат в этих предприятиях и учреждениях (как правило, запрещение всех выплат не предусмотренных законодательством или коллективными договорами). Вместе с тем советское Т. п. теснейшим образом связа-

по с научной организацией труда.

5. Советское Т. п. как один из элементов советского строительства, также и по своей форме носит революционный характер, отличаясь большой динамичностью подвижностью

г) Единство и дифференциация советского Т и Ст I действующего Т п провозгласила тот принцип, что «постановления Т. К. распространяются на всех лиц, работающих по найму» и т. д. Однако затем в процессе советского хозяйственного строительства выяснилось, что единство Т. п., т. е. единство уровня правовых гарантий, оставаясь руководящим принципом советского законодательства о труде, не может быть проведено без довольно широких отступлений в отношении некоторых категорий работников (в особенности по вопросам рабочего времени, увольнения, социального страхования).

VI Всесоюзный Съезд профсоюзов, на основании двухлетнего опыта проведения Т. К. 1922 г., высказался за необходимость некоторой дифференциации советского Т. п.: «Разнообразие структуры нашего народного хозяйства, когда наряду с мелким разрозненным земледельческим хозяйством имеется крупная промышленность с высоко развитой техникой, а между ними большая прослойка в виде домашней и кустарной промышленности, создаст то различие условий труда, которое настоятельно требует большего разграничения и уточнения нашего законодательства о труде для отдельных групп трудящихся: сельскохозяйственных рабочих, сезонных рабочих, рабочих, занятых в домашней и кустарной промышленности, и полумилитаризованного труда (милиция, наемные работники военного ведомства и т. д.)»

После VI Всесоюзного Съезда профсоюзов были допущены для определенных категорий работников такие изъятия из действия Т. К., которые носят характер понижения уровня правовых гарантий, а именно:

а) для подсобного наемного труда в трудовых крестьянских хозяйствах (см. Батрачество).

б) для учеников, занятых у кустарей, ремесленников, в промысловой кооперации и трудовых артелях,

в) для сезонных работ (еще ранее—для работ по сплаву и по лесозаготовкам),

г) для временных рабочих и служащих (пасм продолжительностью в пределах двух месяцев, а при замещении временно отсутствующих работников, за которыми по закону сохраняется их должность,—в пределах четырех месяцев),

д) для домашних работников (работниц), выполняющих работы по личному обслуживанию нанимателя и его семьи.

Причины проведенных в соответствующих законодательных актах отступлений от принципа единства Т. п. сводятся в основном к следующему:

а—б) в отношении наемного труда в трудовых крестьянских хозяйствах и в отношении ремесленно-кустарного ученичества—низкая техническая база и сравнительная бедность трудовых крестьянских хозяйств, а равно мелких ремесленных и кустарных хозяйств, и вытекающее отсюда объективное и очень резкое различие между экономическими возможностями этих хозяйств, с одной стороны, и государственных предприятий и учреждений, по которым равнялся Т. К., с другой; борьба с безработицей среди батрачества и необходимость шире втянуть подростков в сферу ремесленного и кустарного ученичества;

в) в отношении сезонных работ—то положение, что эти работы ограничены во времени, зависят от климата и погоды; что поэтому при сезонных работах необходимо максимальное использование сезона (чем вызывается понижение правовых гарантий по вопросам рабочего времени, вопросам увольнения при прогулах и при болезни и т. д.); что именно при сезонных работах компенсация работника повышенной оплатой труда может уравновесить понижение правовых гарантий по вопросам рабочего времени; что наконец на сезонных работах в значительной степени заняты работники, лишь временно работающие часть года по найму и сохраняющие в качестве источника средств к существованию также свое крестьянское хозяйство;

г) в отношении временных рабочих и служащих — заранее обусловленный временный характер работы данного работника, с чем связаны облегченные условия гарантий оплаты при невыполнении работником работы по независящим от него причинам, уменьшение гарантий, касающихся компенсационных выплат, и т. д.

д) в отношении домашних работников — особенности труда домашних работников: рабочее время которых не поддается полной загрузке; невозможность провести общие гарантии устойчивости трудового отношения для работников, проживающих на дому у нанимателя и, по самой своей работе, близко стоящих к личной жизни нанимателя и его семьи; то обстоятельство, что трудом домашних работников пользуются, по условиям состава семьи, также и малоимущие слои населения.

В отношении подсобного наемного труда в трудовых крестьянских хозяйствах устранено применение общего законодательства о труде, которое для этой сферы труда в целом заменено специальными постановлениями; в остальных же перечисленных случаях установлены для указанных категорий работников изменения в общем законодательстве о труде.

Таковы основные моменты дифференциации советского Т. п. по линии понижения общего уровня правовых гарантий для отдельных категорий работников. Для основной же массы работников наемного труда в государственных, общественных и частных предприятиях и учреждениях (промышленность, с указанными изъятиями для ремесленников и кустарей, — торговля, — транспорт, — государственный аппарат) сохраняется и сохранится единство советского Т. п. в смысле единства основных положений и гарантий, закрепленных в Т. К. и в дополнительном к нему законодательстве.

И. Войтинский

ТРУДОВОЕ ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЕ

Заинтересованность конкурирующих между собой предпринимателей в наличии единообразного уровня правовых гарантий для нанимаемых ими работников, как только данное государство завязывает прочные связи с международным рынком. Интересы буржуазии отдельной страны в области конкуренции на международном

рынке могут быть удовлетворены: а) путем отказа от проведения законодательных мероприятий по охране труда (напр., от ограничения рабочего времени) до тех пор, пока другие страны не проведут таких же мероприятий; б) путем согласованного проведения однородных мероприятий сразу в нескольких государствах. Только давление со стороны пролетариата заставляет правительства буржуазно-капиталистических государств вступать на этот второй путь.

До самого последнего времени можно наблюдать, как правительства тех или иных буржуазно-капиталистических государств отказываются от проведения серьезных мероприятий в области трудового законодательства, ссылаясь на соседей, которые еще не вступили на путь данной реформы (ср. ниже о ратификации конвенции о 8-часовом рабочем дне). Вместе с тем, мало практического значения имели до последнего времени законодательные мероприятия, которые были бы предварительно согласованы в международном масштабе путем заключения соответствующих международных соглашений, хотя мысль об охране труда актами международно-правового значения сравнительно рано зарождается и находит себе выражение в разного рода проектах сначала частных лиц, а затем и общественных организаций.

Никакого отклика со стороны правительств не встретили призывы по вопросам международной охраны труда, исходившие от Роберта Оуэна (1818 г.) и от французского фабриканта Леграна (1845 г.). Более широкое внимание к проблемам международной охраны труда (хотя также долгое время без каких бы то ни было практических результатов) было привлечено в связи с ростом профдвижения и рабочих политических партий в отдельных странах Европы и особенно в связи с международной борьбой за законодательную охрану труда сначала I, а затем II Интернационала.

В течение последних двух десятилетий XIX века по частной и общественной инициативе был создан ряд международных конгрессов общественного характера, на которых все с большими деталями разрабатывалась программа мероприятий в области международно-правового регулирования условий труда (Париж 1886, Лондон

1896, Цюрих 1897) В этих конгрессах принимали участие по преимуществу профсоюзные деятели и члены рабочих политических партий. Международным конгрессом по охране труда в Париже в 1900 г. была создана международная организация исследовательского характера для исследований, собирания материала и взаимной информации в области законодательной охраны труда рабочих в разных странах. Центральное бюро этой организации помещалось в Базеле, и перед войной секции этой организации существовали в 15 странах.

В 1881 г. Швейцария разослала анкету о рабочем законодательстве, не встретившую однако сочувствия у правительств других государств. В 1890 г. Вильгельм II, перехватывая инициативу Швейцарии, выдвигавшей такой план еще в 1888 г., созвал в Берлине первую официальную международную конференцию по рабочему вопросу. Активность германского правительства объяснялась отчасти тем, что благодаря своему законодательству 80-ых годов о социальном страховании Германия оказалась впереди других государств по законодательной охране труда и поэтому была заинтересована в том, чтобы и остальные индустриальные государства вступили на тот же путь. Вместе с тем, в борьбе с социал-демократической партией правительство Вильгельма II желало демагогически продемонстрировать свое благожелательное отношение к рабочему классу, будучи уверено, что приглашенные на конференцию государства не выкажут никакой готовности к действительным уступкам рабочему классу и серьезным мероприятиям по охране труда.

И, действительно, принятые на конференции резолюции-пожелания об охране женского и детского труда не имели никаких практических последствий.

Первые практические результаты дала лишь вторая международная конференция, состоявшаяся в 1905 в Берне. Конференция приняла две резолюции: 1) о воспрещении употребления белого (желтого) фосфора в спичечной промышленности, 2) о запрещении ночной работы женщин и подростков. Конвенция по первому вопросу была окончательно принята дипломатической конференцией в 1906 г. и в ближайшие же годы была ратифицирована

13 государствами (в том числе почти всеми великими державами).

В 1913 г. в Берне состоялась международная конференция по вопросу об ограничении рабочего времени женщин и подростков. Была принята резолюция об установлении 10-часового рабочего дня для женщин. Конференция эта также носила характер конференции экспертов, и поэтому ее решения должны были быть санкционированы дипломатической конференцией, созыв которой предполагался в 1914 г. но которая не состоялась в виду мировой войны.

Во время войны правительства воюющих стран были вынуждены дать ряд широких обещаний относительно послевоенных социальных реформ. Требования рабочих масс нашли частичное отражение в решениях профсоюзных конференций, собиравшихся под руководством соглашателей — реформистов во время войны. В 1916 г. конференция профсоюзов Антанты (Англии, Франции, Бельгии, Италии) в Лидсе приняла программу мероприятий по международной охране труда, которую надлежало, по мысли участников конференции, провести в мирном договоре по окончании войны. Пожелания профсоюзов, руководимых реформистами, были чрезвычайно умеренны, и даже официальная действительность после войны опередила их. Так, напр., конференция требовала 10-часового рабочего дня, выдвигая лозунг 8-часового рабочего дня лишь для подземных работ в вредных производствах. Такая же конференция профсоюзов 4 центральных держав собралась в октябре 1917 г. в Берне и приняла аналогичную программу, к которой в конце 1917 г. присоединился конгресс американских профсоюзов в Буффало. Эта программа с некоторыми изменениями была санкционирована сессией Амстердамского Интернационала профсоюзов в январе 1919 г. в Берне. В отношении рабочего времени было выставлено требование 8-часового рабочего дня и 48-час. рабочей недели. В программу было включено также требование создания постоянной международной комиссии по вопросам охраны труда, в которой половина голосов принадлежала бы правительствам и половина голосов — профсоюзам.

После войны начинается новая фаза европейской международной политики в

области социальных реформ. Создается Лига Наций (см. Трудовое право), руководимая империалистическими государствами победителями. В целях привлечения рабочих масс к поддержке Лиги, последняя рекламируется, как орудие мира, демократических и социальных реформ. В этих целях империалистические правительства вступают в тесное сотрудничество с социалистами-соглашателями и идут навстречу пожеланиям реформистских профсоюзных конференций о создании постоянной международной организации по охране труда.

Комиссия, назначенная постановлением Верховного союзнического совета 25 января 1919 г., с участием профсоюзных лидеров-реформистов и, в частности, с участием председателя Американской Федерации труда известного Гомперса, разработала проект «Международной организации труда», который и был принят единогласно с небольшими поправками в пленарном заседании мирной конференции (11 апреля 1919 г.)

Проект мероприятий по международной охране труда, принятый мирной конференцией, составил главу XIII Версальского договора с Германией. Содержание этой главы было включено и в мирные договоры с другими государствами — союзниками Германии.

Под давлением послевоенного подъема революционного рабочего движения, Версальский договор в гл. XIII декларировал некоторые общие принципы будущего международно-правового регулирования труда. Провозглашался принцип 8-часового рабочего дня или 48-час. рабочей недели, еженедельный отдых непрерывной продолжительности не менее 24 часов, устранение детского труда и ограничение труда несовершеннолетних, равная оплата мужчин и женщин, — равные права в области труда для иностранцев, — государственная инспекция труда, — свобода коалиций для рабочих и предпринимателей. Дважды в декларативной ст. 427 договора был повторен общий руководящий принцип: рабочая сила не должна рассматриваться только как товар.

В той же гл. XIII Версальского договора изложен устав постоянной международной организации по международной охране труда. Для целей международной охраны труда образуется международный союз.

Члены Лиги Наций являются и членами этого союза без особого акта вступления. Органами союза являются: генеральное собрание (конференция) делегатов от членов союза и Международное бюро труда. В настоящее время членами этого союза являются 57 государств всех частей света. Германия была принята в члены союза в ноябре 1919 г., еще не будучи членом Лиги Наций. Из великих держав вне союза стоят Северо-Американские Соединенные Штаты и СССР. Отрицательное отношение к этой международной организации со стороны СССР связано с общим отрицательным отношением СССР к Лиге Наций.

Генеральное собрание (conférence générale) собирается не менее одного раза в год:

В состав конференции входят 4 представителя от каждого государства — члена союза: 2 представителя от правительства, 1 от союзов предпринимателей, 1 — от рабочих профсоюзных организаций. Представители союзов рабочих и предпринимателей также назначаются правительством, по согласованию с союзами. Таким образом, система представительства вполне обеспечивает перевес буржуазным представителям. Если одна из сторон (предприниматели или рабочие) не назначает делегатов, то и другая сторона теряет право на представительство. Так было в 1925 г. с Голландией.

Для разрешения некоторых более важных вопросов, в частности, для принятия проекта конвенций необходимо большинство $\frac{2}{3}$ голосов. Заинтересованные правительства считали впоследствии, что Вашингтонская конвенция о 8-часовом рабочем дне (1919 г.) была принята слишком поспешно. Поэтому была введена система обсуждения проектов на двух последовательных конференциях с годовым промежутком. В виде исключения, по постановлению конференции, могут быть допущены два чтения проекта в течение одной сессии.

Постоянным исполнительным органом является Международное бюро труда. Бюро возглавляется административным советом. Совет состоит из 36 членов (представители правительства — 16, представители союзов предпринимателей — 10, представители профорганизаций рабочих — 10)

Совет избирает директора бюро, утверждает план работ бюро, устанавливает порядок для конференций. Директором с момента основания бюро состоит известный соглашатель Альберт Тома.

Технический аппарат бюро, кроме исполнительных функций в связи с работой конференций, ведет исследовательскую работу по вопросам законодательной охраны труда, собирает статистические материалы и информацию о законодательстве отдельных стран. Для исследования ряда вопросов существуют постоянные комиссии. Бюро имеет отделения (Германия, Соединенные Штаты, Франция, Великобритания, Италия, Япония). В задачу отделений входит изучение социально-политической действительности соответствующей страны и облегчение связи бюро с местным правительством.

Конференция принимает свои решения в следующих формах: а) предложение, б) проект конвенции.

Предложение (recommandation) рекомендует государствам — членам союза проведение в законодательном порядке постановления, проект которого излагается в предложении. Правительство каждого государства обязано только передать проект на рассмотрение своих законодательных органов, которые могут отклонить проект или принять его в измененном виде.

Конвенция (convention, международно-правовое соглашение государств), принятая конференцией, получает силу для отдельного государства лишь в случае ее ратификации последним. Для ратифицировавшего конвенцию государства возникает международно-правовая обязанность привести свое внутреннее законодательство в соответствие с конвенцией. Если государство нарушает принятые на себя по конвенции обязательства, то административный совет может требовать (по жалобе на нарушение конвенции со стороны союзов предпринимателей или рабочих) объяснений от государства-нарушителя и, если найдет эти объяснения неудовлетворительными, опубликовать соответствующее сообщение во всеобщее сведение, оказывая, таким образом, «моральное» воздействие. Кроме того административным советом может быть назначена следственная комиссия.

Заинтересованное правительство в месячный срок может обжаловать постановление

следственной комиссии в международный трибунал, решение которого является окончательным. Для разбора этих дел в составе Гаагского международного трибунала организована особая камера из 5 судей и 4 заседателей. Если трибунал выскажется против государства-нарушителя, то остальные государства получают право применить к данному государству указанные в постановлении следственной комиссии (или международного трибунала) экономические санкции.

Рассмотрение структуры и функций этой международной организации приводит к следующим выводам. Организация обеспечивает полный перевес и влияние буржуазии. Необязательность решений конференций ослабляет практическое значение организации. Прохождение вопросов сложно и медленно в силу установленных формальностей. Еще существеннее чем формальные недочеты и шероховатости, то влияние, которое оказывает на работу «Международной организации труда» политика буржуазных правительств. Послевоенная политика международной буржуазии, стремящаяся обеспечить стабилизацию капитализма путем снижения условий жизни и труда рабочего класса, политика экономического и политического наступления на рабочий класс, политика социальной реакции исключает возможность сколько-либо серьезного прогрессивного развития международной охраны труда. 8 лет работы новой организации привели лишь к ничтожным практическим результатам.

История уже достаточно выявила роль нового международного центра охраны труда как орудия социального обмана, как чисто рекламной организации, стремящейся поддержать в рабочих массах иллюзии по отношению к Лиге Наций.

Первая сессия генерального собрания собралась в ноябре 1919 г. в Вашингтоне. Из принятых проектов конвенций наиболее важной является конвенция о рабочем времени в промышленных предприятиях. Конвенция устанавливает 8-часовой рабочий день и 48-часовую неделю, однако, с многочисленными оговорками, доходящими до того, что если конвенция в целом трудно осуществима в какой-либо стране, то допускается установление соглашением союзов предпринимателей и союзов рабочих какого-

либо иного плана регулирования рабочего времени (т.-е. и без соблюдения принципа 8-часового рабочего дня). Правительство должно лишь придать этому соглашению силу закона. Конвенция недействительна для Китая, Персии и Сиам. Изъятия допущены самой конференцией для Японии, Индии и Греции. Для колоний могут быть внесены отступления в соответствии с местными особенностями. Этими оговорками были защищены колониальные интересы крупнейших империалистических государств, заправляющих делами Лиги Наций.

Несмотря на все бесчисленные оговорки Вашингтонская конвенция оказалась для буржуазного мира чрезмерно радикальной и до настоящего времени ратифицирована всего лишь 7 государствами (Болгария, Чили, Греция, Индия, Румыния, Чехо-Словакия и в самое последнее время Бельгия). Условно ратифицировали конвенцию Австрия, Италия и Латвия (так, Австрия обусловила обязательность для себя конвенции ратификацией ее всеми крупными индустриальными государствами и всеми ее соседями).

Из других конвенций, принятых Вашингтонской конференцией, конвенция об отпуске по беременности и родам устанавливала отпуск в 6 недель до и 6 недель после родов, при чем в период отпуска по материнству не допускается увольнение. Конвенция эта ратифицирована 6 второстепенными государствами (здесь и в других местах данные о ратификациях приведены на 1 апреля 1927 г.). Конвенция, запрещающая ночную работу женщин в промышленных предприятиях с 10 час вечера до 5 часов утра, ратифицирована 15 государствами (в том числе Бельгия, Франция, Великобритания, Италия). Конвенция, запрещающая применение в промышленных предприятиях труда подростков моложе 14 лет, ратифицирована четырнадцатью государствами (в том числе Бельгия и Великобритания).

Конвенция запрещения в промышленных предприятиях ночного труда несовершеннолетних до 18 лет ратифицирована 17 государствами (в том числе Бельгия, Франция, Великобритания и Италия). Кроме того, по предложению конференции Бернская конвенция 1906 г. о запрещении употребления белого фосфора была дополнительно ратифицирована 13 государствами

(сверх 13 государств, ратифицировавших ее ранее)

Вторая конференция состоялась в 1920 г. в Генуе. На этой конференции впервые участвовала Германия. Работы конференции были посвящены специально условиям труда судовых команд па море и международных реках. Конференцией были приняты в отношении судовых команд проекты следующих конвенций: 1) о воспрещении труда подростков до 14 лет (ратифицировано 16 государствами, в том числе Бельгией, Японией и Великобританией); 2) о пособии при увольнении по случаю кораблекрушения (ратифицировано 9 государствами, в том числе Бельгией и Великобританией); 3) о бесплатном трудовом посредничестве при найме (ратифицировано 13 государствами, в том числе Германией, Бельгией, Италией и Японией).

Третья конференция состоялась в 1921 г. в Женеве. Конференцией были приняты проекты следующих конвенций: 1) о запрещении труда подростков моложе 14 лет в сельском хозяйстве (ратифицировано 10 государствами, в том числе Италией и Японией); 2) о свободе коалиций для сельскохозяйственных рабочих (ратифицировано 16 государствами, в том числе Германией, Бельгией, Великобританией и Италией); 3) о вознаграждении за увечье в сельском хозяйстве (ратифицировано 10 государствами, в том числе Германией и Великобританией); 4) о применении свинцовых белил (ратифицировано 13 государствами, в том числе Бельгией и Францией); 5) о непрерывном еженедельном отдыхе в промышленных предприятиях в течение 24 часов (ратифицировано 13 государствами, в том числе Бельгией, Францией и Италией); 6) о воспрещении труда несовершеннолетних до 18 лет в качестве кочегаров на судах (ратифицировано 14 государствами, в том числе Бельгией, Великобританией и Италией); 7) об обязательном медицинском освидетельствовании подростков на морских судах (ратифицировано 14 государствами, в том числе Бельгией, Великобританией, Италией и Японией).

IV конференция (1922 г.), V конференция (1923 г.) и VI конференция (1924 г.) вынесли только ряд пожеланий, не принявши ни одного проекта конвенций.

VII конференция, состоявшаяся в 1925 г., приняла проекты следующих конвенций:

1) о возмещении за увечье (ратифицировано только Швецией); 2) о возмещении за потерю трудоспособности вследствие профзаболевания (ратифицировано только Великобританией); 3) о вознаграждении увечников-иностранцев на равных началах со своими подданными (ратифицировано 4 государствами, в том числе Великобританией), 4) о воспрещении ночного труда в пекарнях (пока не ратифицировано ни одним государством).

В течение 1926 г. состоялись две конференции на которых были приняты проекты следующих конвенций: 1) об инспектировании эмигрантов на борту судна, 2) о трудовом договоре с моряками, 3) о возвращении моряков на родину. Ни одна из этих конвенций пока не ратифицирована.

Всего указанными конференциями принято 24 проекта конвенций. Для ратификации их всеми участниками требуется 1368 актов ратификации со стороны отдельных государств. В действительности же к 1 апреля 1927 г. состоялось только 213 ратификаций (т.е. только 15,5% нужного количества). По количеству ратификаций отдельные государства распределяются следующим образом: Болгария (16), Эстония (14), Польша (13), Великобритания (12), Швеция (11), Румыния (11), Италия (10), Греция (10), Латвия (10), Чехо-Словакия (8), Индия (8), Испания (8), Чили (8), Ирландия (8), Финляндия (7), Япония (6), Австрия (6), Дания (6), Франция (5), Голландия (5), Германия (4), Канада (4), Швейцария (4) и т. д.

Д. Хлебников

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР 1. Теоретическое понятие Т. д. В марксистской литературе под Т. (рабочим) д. понимают договор наемного работника с нанимателем рабочей силы. Наемный труд есть труд формально свободного работника, не связанного рабской или крепостной зависимостью, труд, выполняемый в порядке формально добровольного соглашения работника с нанимателем его рабочей силы. Неотъемлемая договорно-правовая форма отношения наемного труда есть Т. д. независимо от того, как эта договорная форма регулируется действующим правом и выделена ли она действующим правом в особый и единый договорный тип

Учение Маркса об экономике капиталистического общества неразрывно связано, в самых своих основах, с представлением о найме рабочей силы, как о купле-продаже своеобразного товара, потребление которого является источником стоимости. По существу, Т. д. между работником и предпринимателем-капиталистом есть договор купли-продажи рабочей силы. Но эта купля-продажа имеет своеобразные черты: чтобы не обратиться из свободного человека в раба, собственник рабочей силы «постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, как к своему товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь в течение определенного срока, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее» (Маркс, «Капитал», т. I, гл. 4, раздел 3). И в историческом развитии права, при дробности признаков, по которым разграничивались разные товарные сделки, договорные типы, связанные с наймом рабочей силы, выступали обособленно от договора купли-продажи.

«Тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому труд принимает форму наемного труда», является «характерной особенностью капиталистической эпохи» (Маркс, там же) Однако, историческое развитие наемного труда, а следовательно, и Т. д., как правовой формы отношения наемного труда, начинается еще в докапиталистическом обществе

Если при капитализме «товарная форма становится всеобщей формой для всех продуктов труда», в том числе и для рабочей силы, предоставляемой рабочим капиталисту, то в переходный период от капитализма к социализму преодоление товарной формы захватывает также и сферу трудовых отношений. В период социалистического строительства рыночные отношения все более и более становятся формой планового социалистического хозяйства, которое развивается в направлении к полному изживанию товарных отношений, т.е. регулируемых законом стоимости отношений обмена между самостоятельными товаровладельцами. Вместе с

тем, в советских государственных предприятиях, являющихся предприятиями последовательно-социалистического типа, социально-экономическое содержание отношений «наемного» труда и соответствующей им правовой формы Т. д. коренным образом меняется: здесь, с устранением противоречия классовых интересов и эксплуатации труда, с одной стороны, стоимость рабочей силы перестает быть регулятором заработной платы и с другой, отпадает самая категория прибавочной стоимости; вместе с тем, рабочая сила утрачивает характер товара, а отношения наемного труда и Т. д., поскольку они при новой экономической политике выступают как временная внешняя форма социалистического труда, утрачивают характер товарных сделок купли-продажи рабочей силы. Правда, часть прибавочного продукта, создаваемого в советских государственных предприятиях, пока еще присваивается частной товаро-проводящей сетью. Но это обстоятельство не изменяет приведенной характеристики трудовых отношений и Т. д. между работниками и администрацией советских государственных предприятий. В советских же концессионных и арендных предприятиях, как и в остальных частных предприятиях отношения наемного труда и Т. д. сохраняют характер капиталистических отношений (хотя в советских государственно-капиталистических предприятиях, т.-е. концессионных и арендных, та часть прибавочного продукта, которую в той или иной форме получает советское государство, уже не носит характера прибавочной стоимости).

II. Историческое развитие Т. д. Римское право создало, как единый договорный тип, договор найма (*locatio-conductio*), которым охватывался наем вещей (*locatio-conductio rei*), личный наем или наем услуг (*locatio-conductio operarum*) и подряд или заказ (*locatio-conductio operis*). Пользование чужим трудом сближалось с использованием вещью. Вместе с тем, римские юристы бесхитростно подчеркивали наибольшую близость найма, как меновой сделки, с куплей-продажей, — в отличие от современных нам апологетов капитализма, которые в Версальском договоре провозгласили тот «руководящий принцип», что «труд не должен рассматри-

ваться просто как товар или предмет торговли» По вопросу же о различии между личным паймом и подрядом римские юристы выдвинули ту точку зрения, что предметом договора личного найма является обещание самой деятельности (деятельности, как таковой, т.-е. процесса труда) тогда как предметом подряда — обещание результатов труда.

По кругу охватываемых отношений римский договор личного найма или найма услуг не совпадал с наемным трудом в современном нам смысле слова. В Риме услуги лиц некоторых профессий, главным образом так наз. «либеральных» («свободных») профессий, которые в глазах господствующих классов являлись достойными свободного человека, не могли быть предметом договора личного найма, хотя в развитом римском праве допускалось юридически действительное обещание вознаграждения за эти услуги (гопорар (см.) за преподавание гражданского права и философии вообще нельзя было взыскивать по суду). С другой стороны, римский личный паем охватывал не только договоры о найме свободных работников, но также договоры о выполнении работы рабами, заключаемые или господином раба или самим рабом в пределах предоставленной ему господином хозяйственной самостоятельности (на вопросе об отдаче патронами в наем вольноотпущенников мы здесь не останавливаемся). Вместе с тем, римский личный паем охватывал также лежащие за пределами паемного труда (в нашем смысле слова) соглашения об оказании отдельных услуг поскольку эти соглашения не подходили под договор подряда или договор безвозмездного поручения (римский мандат).

Если нанявшийся был готов работать, но его рабочая сила не могла быть использована по независящим от него обстоятельствам то по римскому праву нанявшийся сохранял право на вознаграждение (за вычетом того, что он заработал за это время у других лиц). Напротив, при подряде риск случайной невозможности выполнения работы падал как правило, на подрядчика. К личному найму должны были соответственно применяться положения, установленные для найма вещей, но лишь постольку поскольку тому не противоречило различие смысла и цели этих

двух видов найма. Таким образом, римское право не отождествляло правовых последствий разных видов договора найма. Однако, в законченном своем виде римское гражданское право являлось правом торгового капитала в рабовладельческо-крепостническом обществе, где зарождавшийся рабочий класс не мог еще оказать политического влияния на правовое регулирование найма рабочей силы. Поэтому римское право, вообще наиболее последовательное в признании свободы договорных отношений, не выработало каких-либо особых положений, которые ограничивали бы эту свободу в интересах наемных работников.

Гражданские кодексы капиталистической эпохи, созданные в конце XVIII и в течение XIX в.в., в своем отношении к договорам, связанным с наймом рабочей силы, в большей или меньшей степени подчинились влиянию римского права (растворение Т. д. в более широком понятии личного найма, как найма услуг,—сближение личного найма в системе договоров с наймом вещей и подрядом,—разграничение личного найма и подряда по признаку различия между обещанием самой деятельности и обещанием результатов труда,—развитие постановлений гражданских кодексов о личном найме в рамках так наз диспозитивных норм, лишь восполняющих соглашение между наемщиком и наемателем, с отнесением принудительной правовой охраны труда, поскольку ее завоевывал рабочий класс, к области специального законодательства).

К моменту издания кодекса Наполеона Франция имела специальное рабочее законодательство, весьма реакционное по своему содержанию. Кодекс 1804 г., наиболее близкий к римской системе договоров найма, посвятил «найму слуг и рабочих» всего две статьи, из которых одна устраняла возможность пожизненного найма, а другая гласила: «Показаниям хозяина дается вера: относительно количества жалованья; относительно уплаты вознаграждения за истекший год; относительно выдач в счет текущего года» (эта статья была отменена в 1868 г.)

Сверх того, кодексом был лишь затронут, в связи с договором подряда вопрос об ответственности заказчика по претензиям рабочих подрядчика. Правильно

указывают, что по вопросу о Т. д. в кодексе Наполеона настоящая дыра.

Под давлением рабочего движения перед буржуазным законодательством к концу XIX в. встала задача обобщения хотя бы некоторых положений дробного специального законодательства об отдельных категориях работников,—в виде ли особых законов о Т. д. (бельгийский закон 1900 г., распространяющийся только на рабочих) или в рамках гражданских кодексов, путем развития постановлений о договоре личного найма (найма услуг). Некоторые шаги в последнем направлении предприняты в ряде стран, отчасти очень значительные (герм. Г. К. 1896 г., австр. повелла 1916 г. к австр. общегражд. код.), отчасти несколько более значительные (швейц. обязательное право 1911 г.), отчасти же даже довольно серьезные (новелла 1907 г. к голланд. Г. К.). Во всяком случае, если в ряде стран и было в таком порядке проведено некоторое обобщение норм трудового права, то почти всюду круг обобщенных правовых гарантий оказался настолько узким, что для неорганизованных или плохо организованных категорий работников, не завоевавших себе гарантий специального законодательства или отставших, по уровню этих гарантий, от промышленных рабочих, получился лишь жалкий паллиатив.

Таковы были попытки несколько глубже хватить общегражданским законодательством вопросы найма рабочей силы. В тесной внутренней связи с этими попытками стоит отказ некоторых законодательств от единого широкого понятия договора найма услуг, с выделением из него, с одной стороны, Т. д. как требующего более подробной регламентации, и, с другой стороны, соглашений об оказании отдельных услуг. В таком направлении отчасти пошел уже швейцарский закон об обязательствах 1881 г., а с большей определенностью—голландская повелла 1907 г., швейцарское обязательственное право 1911 г. и австрийская новелла 1916 г.

Вопрос о замене более широкого понятия договора найма услуг более узким понятием Т. д. встал перед буржуазией юриспруденцией, как вопрос о разграничении наемного труда не только от предпринимательской деятельности, но и от оказания отдельных услуг, не посящих

характера предпринимательской деятельности в тесном смысле слова (каковы, в частности, услуги лиц, принадлежащих к так наз. свободным профессиям и обслуживающих личным трудом неопределенный круг потребителей соответствующих услуг).

В отмеченных законодательствах (голландском, швейцарском, австрийском) приближение договора личного найма (найма услуг) к Т. д. достигается посредством определения предмета договора, как обязательства исполнять работу (нести службу, оказывать услуги) «в течение известного времени» («на известное время» «на определенное или неопределенное время»); при этом соглашения об оказании отдельных услуг отходят к подряду (Австрия), или к поручению (Швейцария), или к нерегулированным, в законе особо не предусмотренным, договорным типам (случай, прямо упомянутый в голландском законе).

Как в вопросе об отличительных признаках договора найма услуг, так и в вопросе об отличительных признаках более узкого понятия Т. д. сказалась характерная черта буржуазного юридического мышления, которое или совершенно отрывает юридические понятия от экономических, или пытается втиснуть экономические отношения в застывшие логические формулы, неспособные охватить все многообразие этих отношений и диалектику постепенных переходов от одного типа отношений к другому.

Римское противопоставление обещания самой работы и обещания результатов работы оказалось крайне живучим. Только в начале XIX в. передовые юристы осознали, что обещание работы всегда является, вместе с тем, и обещанием нормального результата этой работы и что, обратно, обещание результата работы всегда является, вместе с тем, и обещанием той работы, которая необходима для достижения этого результата. Но и позднее то же противопоставление обещания самой работы и обещания результатов работы находит у многих авторов безоговорочную защиту, а некоторые авторы стараются отстоять это противопоставление в подкрашенном виде несколько видоизмененных формулировок (напр., определение работы или по времени, или по ре-

зультатам, определение работы или родовыми, или видовыми признаками).

При построении понятия Т. д. буржуазная юридическая мысль в подавляющем большинстве случаев не исходит непосредственно из понятия наемного труда, но присваивает самодовлеющее значение таким признакам «несамостоятельности» или «зависимости» труда, которые не являются основными экономическими признаками наемного труда (включение работника в предприятие или хозяйство нанIMATEЛЯ, поглощение договором личности работника его хозяйственной деятельности, подчинение работника на известное время руководству нанIMATEЛЯ и т. п. или разные комбинации таких признаков). Подобного рода признаки, хотя они, вообще говоря, и характерны для наемного труда, могут быть в той или иной степени присущи также и предпринимательской деятельности мелкого самостоятельного производителя, личным трудом выполняющего взятый на себя подряд. Такие признаки уступают по степени своей определенности обычному житейскому выражению «наняться рабочим, служащим, учеником» и как раз в спорных случаях оказываются совершенно недостаточными для разграничения Т. д. от договора подряда. Наемный труд, являясь исторически данной экономической категорией, не может быть определен иначе, как путем прямого противопоставления его, в самом определении и по основным его экономическим признакам, тем другим историческим категориям, от которых его требуется отграничить (ср. ниже о Т. д. в советском праве).

В качестве признака для разграничения Т. д. (и вообще найма услуг) от подряда в литературе выдвигалось, между прочим, распределение риска при случайной невозможности выполнения работы (ср. выше о римском праве). Эта точка зрения не получила широкого распространения. Действительно при Т. д. (или соответственно при договоре найма услуг), с одной стороны, и при подряде, с другой, современные законодательства по-разному регулируют (хотя бы и не в принудительной форме) распределение риска. Здесь распределение риска является содержанием правового регулирования и поэтому, как правило, не может служить при-

знаком для разграничения объектов этого регулирования, т. е. для отнесения конкретной сделки к тому или другому из рассматриваемых договорных типов. Часто признают, однако, что в спорных пограничных случаях, при отсутствии достаточных объективных оснований для отнесения договора к Т. д. (найму услуг) или к подряду и при отсутствии по этому вопросу прямых указаний самих договаривающихся сторон, приходится при квалификации договорного отношения считаться с обусловленным сторонами распределением риска.

III. Т. д. в советском праве. Буржуазно-капиталистические гражданские кодексы уже в силу самого закона, как правило, имеют восполняющую силу по отношению к специальному законодательству об отдельных категориях работников. Законодательство СССР, напротив, не только в максимально возможной степени объединило основы трудового права (Т. К.), но в принципе рассматривает трудовое право как замкнутую систему, отраженную от Г. К. Общие нормы с Т. д. дает Т. К., а не Г. К. И постановления общей части и обязательственного права Г. К. могут восполнять трудовое законодательство и применяться к отношениям, возникающим из найма рабочей силы, лишь постольку, поскольку это в отдельных случаях, в порядке применения Г. К., признается соответствующим общим началам советского трудового законодательства и общей политике советской власти в области регулирования труда (ст. 4 Г. П. К.).

В советском трудовом праве понятие Т. д. непосредственно связано с понятием наемного труда (см. ст. 27 Т. К. в ее связи со ст. 1 того же кодекса). Практика определенно проводит тот взгляд, что задача разграничения Т. д. от других договоров, имеющих те или иные общие признаки с трудовым, есть задача разграничения наемного труда от иных видов труда, иных общественных форм выполнения работ. При этом отчетливо выдвигаются основные экономические признаки наемного труда: 1) выполнение работы для хозяйства нанимателя, при условии предоставления работником исключительно своей рабочей силы, следовательно, во-первых, неприменение работником, в свою

очередь, наемного труда; во-вторых, работа со средствами производства, принадлежащими нанимателю, а не работнику (работа не из собственных материалов работника, а из материалов нанимателя; использование при перевозках не собственных перевозочных средств работника, а перевозочных средств нанимателя и т. д.); в-третьих, вообще извлечение работником дохода по своей работе исключительно из своей рабочей силы (так что не является работой по найму работа торгового агента на процентном вознаграждении, размер заработка которого зависит не столько от затрачиваемого им труда, сколько от успешности его коммерческой деятельности); 2) работа, хотя бы кратковременная, на отдельного нанимателя, в отличие от обслуживания неопределенного круга лиц личным трудом трудящегося (оказание отдельных услуг).

Соглашения об оказании отдельных услуг являются по советскому праву нерегулируемым договорным типом.

Учитывая диалектику экономических отношений, практика советского трудового права в пограничных и смешанных случаях, когда экономические признаки наемного труда сочетаются с экономическими признаками иного рода отношений, исходит из тех признаков, которые с социально-экономической точки зрения имеют решающее значение, и, в соответствии с этими признаками, рассматривает данное отношение или как Т. д., или же как договор подряда и т. п. В спорных случаях придается значение вопросу, является ли лицо, выполняющее работу, по своему социальному положению работником наемного труда.

И. Войтинский

ТРУДОВЫЕ (ОСОБЫЕ) СЕССИИ НАРОДНЫХ СУДОВ — специальные судебные учреждения для разбора дел, возникающих из трудовых отношений. Цель учреждения Т. с. — приблизить суд территориально и по составу к трудящимся и обеспечить быстроту и правильность разбора трудовых дел. Т. с. введены на территории РСФСР постановлением ВЦИК от 22 марта 1923 г. Первоначально в состав Т. с. входили: один постоянный народный судья, в качестве председательствующего, и два постоянных члена суда, один от местного

профсоюзного объединения (губпрофсовета), другой от местного губотдела труда. Затем, в середине 1924 г., означенный состав Т. с. изменен в том смысле, что представитель отдела труда заменен представителем от хозорганов. Такая реорганизация Т. с. во-первых, вызывалась необходимостью освободить органы НКТ от функций чисто-судебных, в целях наиболее полного осуществления функций обвинения и надзора за законностью решений и приговоров по трудовым делам, а во-вторых, преследовала цель привлечения к участию в разрешении судебных трудовых дел, наряду с профсоюзами, представителей хозорганов. Позднее Т. с. организованы также и в других союзных республиках СССР.

Т. с. существуют при каждом губернском (областном, краевом) суде, а также в зависимости от количества трудовых дел, организуются в уездах и промышленных районах. Учреждение Т. с., а равно и ликвидация их зависят от пренума губсуда. Члены Т. с. избираются на один год, в своих правах приравниваются к народным судьям и содержатся на средства соответствующих местных исполкомов.

Т. с. подсудны: 1) все гражданские иски, вытекающие из трудовых отношений (если они не направлены на рассмотрение в примирительном порядке, т.е. в РКК, прим. камеры, трет. суды и прим. комиссии см. Расцепочно-конфликтные комиссии и Прим.-трет. разбирательство) независимо от суммы иска и от лица ответчика и 2) все уголовные дела по нарушению трудового законодательства (нарушения, предусмотренные в ст. 133, 134 и 135 Ул. Код РСФСР ред. 1926 г.) Кроме того к функциям Т. с. относится выдача исполнительных листов по решениям РКК, трет. судов и прим. комиссий.

В местностях где Т. с. не организованы трудовые дела рассматриваются в общих народных судах, при чем в последних трудовые дела подлежат рассмотрению вне очереди.

Наблюдение за деятельностью Т. с. лежит на обязанности отделов труда, инспекции труда и, наконец, специальной трудовой прокуратуры: местной — в РСФСР — в лице пом. губернского (областного, краевого) прокурора по трудовым делам и центральной, в республиках — в лице особого прокурора по трудовым делам (в РСФСР — при Верховном суде) Означен-

ным органам принадлежит также право поддерживать на суде обвинение против нанимателей и защищать на суде интересы трудящихся. Средняя продолжительность разбора дел в Т. с., как показала практика, от 1 до 3 недель.

Для приведения решений Т. с. в исполнение в таких крупных промышленных центрах, как Москва и Ленинград, учреждены должности специальных судебных исполнителей по трудовым делам, а в прочих местностях решения Т. с. хотя и приводятся в исполнение через общих судебных исполнителей но в первую очередь. Кассационной инстанцией для трудовых дел, разрешенных как в Т. с. так и в общих нар. судах является губернский (областной, краевой) суд. Срок и порядок кассационного обжалования решений и приговоров Т. с. те же, что и для дел, разрешенных в общих нар. судах (только в Зак. федер. срок обжалования сокращен до 3 дней). Особенностью является то, что решения и приговоры Т. с. могут быть обжалованы в кассационном порядке кроме сторон и прокуратуры, также инспекцией труда, которая в этом случае имеет право лично поддерживать свои жалобы в губсуде.

В порядке надзора решения и приговоры Т. с. могут быть опротестованы на общем основании в пленум губсуда. Право опротестования в этом случае принадлежит трудовой прокуратуре (где таковой нет — общей прокуратуре) а равно председателю губсуда. Местная прокуратура может внести дело в пленум губсуда по собственной инициативе, или по жалобе заинтересованных лиц, профсоюза, инспекции труда, или, наконец, по предложению прокурора по трудовым делам при Верховном суде. Прокурор по трудовым делам при Верховном суде имеет право также непосредственно перенести любое законченное трудовое дело в порядке пересмотра в Верховный суд. Наряду с органами прокурорского надзора, народному комиссару труда союзной республики принадлежит право опротестования в порядке надзора приговора или решения по любому законченному трудовому делу, что практически осуществляется им через прокурора по трудовым делам при Верховном суде.

Е. Малков

У

УБИЙСТВО, т.-е. неправомерное лишение жизни другого человека (о самоубийстве — см. это слово) первоначально влечет за собой месть (см.) вполне понятно, что древнейшие памятники права уделяют \mathcal{U} много внимания, при чем они либо просто санкционируют ту же месть за \mathcal{U} . (напр. ст. 1 «Русск. Правды» устанавливает определенный выкуп за \mathcal{U} лишь на тот случай, когда \mathcal{U} не повлечет мести), либо, как многие памятники древне-германского права, признавая некоторые случаи \mathcal{U} тяжкими злодеяниями (Neidingswergk) устанавливают за них так наз «лишение мира» т.-е. мы бы сказали «объявление вне закона», либо, наконец, прямо назначают за \mathcal{U} — смертную казнь (встречается, в форме «талиона» уже в вавилонских законах Хаммураби, относящихся к эпохе за 2000 лет до нашей эры, а затем и в «моисеевом законодательстве»). Смертная казнь за умышленное \mathcal{U} применялась и в древнем Риме, и в средние века (впрочем, в эпоху раннего средневековья германские племена находились еще в стадии родовой мести); она применяется в буржуазных государствах и в настоящее время, но лишь за квалифицированное умышленное \mathcal{U} . Если германское право позднего средневековья различало Mord, т.-е. тайное \mathcal{U} , и Totschlag т.-е. открытое \mathcal{U} назначая за 1-е колесование а за 2-е — отсечение головы то подобное же деление на Mord (франц. — assassinat) и Totschlag (франц. — meurtre) проводится и в действующих \mathcal{U} К. Германии и Франции, с тем, однако, что Totschlag (meurtre) уже смертной казни не влечет. Смертная казнь полагается, по германскому \mathcal{U} К. лишь за «обдуманно выполненное» («mit Überlegung ausgeführt») \mathcal{U} ; только такое \mathcal{U} . и квалифицируется как Mord. Прочие случаи умышленного \mathcal{U} влекут, в качестве Totschlag, каторгу от

5 до 15 лет. По французскому Code Pénal смертная казнь полагается за и предумышленное \mathcal{U} , а также за всякое умышленное \mathcal{U} . восходящего родственника, за всякое умышленное \mathcal{U} , предшествовавшее или сопровождавшее какое-либо другое тяжкое преступление (crime) или следовавшее за ним; далее, за всякое умышленное \mathcal{U} , предназначенное подготовить или облегчить осуществление какого-либо преступления (délit) или обеспечить безнаказанность совершителя такого, наконец, за всякое умышленное посягательство на жизнь человека посредством отравлений; прочие случаи умышленного \mathcal{U} влекут пожизненные каторжные работы. Составленное под влиянием франц. Code Pénal дореволюционное русское Уложение о наказаниях также различало предумышленное и просто умышленное \mathcal{U} , при чем, однако, и за 1-е полагались лишь каторжные работы, правда, в большей мере, чем за 2-е. Современные криминалисты довольно единодушно признают признак «предумышления» или «обдуманности исполнения» необходимым в качестве критерия для различения квалифицированного \mathcal{U} от неквалифицированного.

В сохранившейся и в современном буржуазном праве наказуемости некоторых видов умышленного \mathcal{U} . смертной казнью нельзя не находить, в частности, и следов первобытного талиона; советское уголовное право, отрицающее всякую месть преступнику и допускающее смертную казнь (см.) лишь «в качестве исключительной меры охраны государства трудящихся», предусматривает применение к осужденным за \mathcal{U} меры социальной защиты в виде лишения свободы. Различая умышленное \mathcal{U} . тройкого рода — подобно тому, как и буржуазное право различает 1) квалифицированное, 2) простое и 3) привилегированное \mathcal{U} . — \mathcal{U} К.

РСФСР устанавливает наиболее строгую меру соц. защиты за умышленное У совершенное а) из корысти, ревности и других низменных побуждений, б) лицом, привлекавшимся ранее за умышленное У или телесное повреждение и отбывшим назначенную судом меру соц. защиты, в) способом, опасным для жизни многих людей или особо мучительным для убитого г) с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление. д) лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом, или е) с использованием беспомощного положения убитого. У такого рода влечет, согласно ст. 136 У. К. РСФСР ред. 1926 г., лишение свободы со строгой изоляцией на срок до 10 лет. Привилегированным У по нашему праву является умышленное У., совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего (так наз. У. в состоянии аффекта), согласно ст. 138 У. К., такое У. влечет лишение свободы на срок до 5 лет или принудительные работы на срок до 1 года. Все остальные случаи умышленного У., как преступления против жизни (о террористическом акте — см. Контр-революционные преступления, об У. связанном с бандитским налетом или разбойным ограблением — Бандитизм и Похищение имущества), влекут, согласно ст. 137 У. К., лишение свободы на срок до 8 лет. Следует отметить, что ревность, которая в бурж. угол. праве вообще говоря считается смягчающим обстоятельством при У., расценивается советским уголовным правом диаметрально противоположным образом, а именно — как низменное побуждение, свойственное психике собственника. Буржуазные У. К. содержат отсутствующие в советском уголовном праве особые постановления об У. по серьезной просьбе убитого (см. Согласие потерпевшего), об У. матерью своего только что рожденного внебрачного «незаконнорожденного» ребенка («из стыда и страха», как поясняло русское дореволюц. Улож. о Наказ.), об У. на дуэли (см. Поединок), относя все эти случаи к числу привилегированных случаев У. Что касается У. внебрачного ребенка, то советское право, признающее и стремящееся реально обеспечить одинаковые и серьезные права,

по отношению к отцу ребенка, за всякой матерью, независимо от рождения ею ребенка в браке или вне брака, создало уже все предпосылки для ликвидации такого явления, как детоубийство. Если, как пережиток, случаи последнего и встречаются подчас и в нашей современной судебной практике, то советский суд, наделенный широкими и достаточными для правильной индивидуализации мер репрессии правами, не нуждается в особой статье У. К. для того, чтобы, выявив, как причину преступления, тяжелые условия жизни, в частности преступное уклонение отца ребенка от обязательной для него поддержки (см. Оставление в опасности), и малосознательность матери-детоубийцы, применить к ней значительно смягченную меру социальной защиты, тем более, что в У. К. ред. 1926 г. санкции (см.) статей об У. устанавливают только высшей, а не особый низший предел лишения свободы. Об изгнании плода, которое буржуазные законодательства преследуют не как преступление против личности матери, а как преступление «против жизни» будущего ребенка, признавая подлежащей угол. преследованию за это деяние и самое подвергающуюся операции изгнания плода забеременевшую женщину — см. Аборт.

Что касается У. по неосторожности (см.), то оно влечет, согл. ст. 139 У. К., лишение свободы на срок до 3 лет или принудительные работы на срок до 1 года; такие же меры влечет предусмотренное в этой же статье У. явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны (см.).

А. Эстрин

УВЕЧЬЕ — см. Несчастный случай.

УВОЛЬНЕНИЕ — одностороннее расторжение трудового договора по требованию нанятого. Отказ от работы или разрыв трудового отношения работником является расторжением трудового договора по требованию нанявшегося.

Согласно общим началам буржуазного гражданского права трудовой договор прекращается: 1) соглашением сторон, 2) истечением срока договора, 3) смертью нанявшегося. Расторжение же трудового догово-

ра (см.) одной из сторон обыкновенно особо регулируется законодательством.

Социально-экономическая сущность трудового договора, как формального выражения капиталистических отношений, определяет собой «естественный» для капитализма порядок прекращения и расторжения трудового договора. В самом деле, рабочий как личность «постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе, как к своей собственности, как к своему товару». (Маркс) капиталист, приобретая рабочую силу, этот «звезобразный товар», связанный с личностью работника, может потреблять ее лишь в течение более или менее продолжительного периода, безотносительно к тому, заключен ли договор на срок определенный, на время выполнения работы, или на неопределенный срок. Более или менее длительное существование трудового отношения, как и разрыв этого отношения, в капиталистических условиях определяется «свободной волей» каждого из юридически равноправных лиц — капиталиста и рабочего

I. Законодательное регламентирование расторжения трудового договора в капиталистических странах, сохранившее в основном индивидуалистическое начало и принцип формального равенства сторон, может быть сведено суммарно к следующим положениям:

1) при найме на срок неопределенный установление одинакового для нанимателя и работника права расторжения договора в любое время при условии предварительного предупреждения:

2) допустимость расторжения трудового договора, хотя бы заключенного на определенный срок, в любое время без предупреждения по указанным в законе основаниям.

Некоторые законодательства устанавливают допустимость расторжения бессрочного договора во всякое время, предоставляя другой стороне право требовать возмещения вреда. Последнее положение наиболее характерно для французского законодательства, воспринявшего его в новелле 1890 г. к кодексу Наполеона. Согласно этому закону, «трудоу договор, заключенный на неопределенный срок, может быть прекращен во всякое время по воле одной из сторон. Однако, одностороннее расторжение договора может служить основанием

для требования другой стороны о возмещении убытков». Каучуковая формулировка закона вызвала обилие контравверз в литературе и казуистические толкования в судебной практике, фактически сводящей на нет право уволенного работника на «возмещение убытков»

По германскому Уставу с промышленности трудовое отношение установленное на неопределенный срок, может быть расторгнуто каждой стороной с предупреждением за 2 недели. Следовательно при соблюдении законного срока предупреждения, наниматель в праве уволить работника без объяснения мотивов. Трудовым договором могут быть установлены иные сроки предупреждения, или может быть установлен отказ сторон от сроков предупреждения. В условиях экономической зависимости работника, последнее положение приводит к возможности для нанимателя уволить работника в конце любого рабочего дня.

Далее, на ряду с выдвинутыми германским законом основаниями У без предупреждения. (*Geverbeordnung*) дополнительные основания У могут быть установлены в договорном порядке индивидуальным соглашением или правилами внутреннего распорядка (см.). Вообще следует отметить, что правила германского законодательства по обсуждаемому вопросу, как и законодательство других капиталистических стран, носят отчетливо дискриминационный характер, т.е. подлежат применению при отсутствии иного соглашения сторон. В результате экономические последствия права одностороннего расторжения договора всегда падают на рабочего, в то время как наниматель в большинстве случаев, при наличии готовой к его услугам резервной армии безработных сравнительно легко замещает работника.

После германской революции 1918 г. законом 4 февраля 1920 года о фабрично-заводских советах установлено некоторое право участия советов рабочих и советов служащих в вопросах У. Рабочему предложено право в течение 5 дней после заявления об У опротестовать это заявление в совет рабочих или служащих. Законным основанием возражения против У является: если У. последовало без указания основания; обоснованное подозрение, что увольнение связано с принадлежностью к поли-

тической, религиозной или профессиональной организации; если заявление об У. представляется «несправедливой суровой мерой» не вызванной поведением работника и т. д.

Если совет рабочих или служащих сочтет обжалование обоснованным, он должен попытаться достигнуть соглашения с нанимателем. В случае недостижения соглашения совет рабочих или служащих может обратиться в примирительный комитет (по позднему законодательству — в трудовой суд). Практика разбирательства споров об У. в примирительных и судебных инстанциях обнаружила, что интересы затронутых работников лишь в сравнительно редких случаях ограждаются выносимыми решениями, тем более, что нанимателю, в случае признания У. неправомерным, предоставлено право выбора между предоставлением работы или уплатой вознаграждения.

По промышленному законодательству до революционной России каждая из сторон трудового договора, заключенного на неопределенный срок, могла расторгнуть договор по своему усмотрению, предупредив другую сторону о своем намерении за две недели. Таким образом наниматель имел право уволить рабочего, нанятого на неопределенный срок без объяснения мотивов У. Помимо этого, были предусмотрены «законные поводы» для одностороннего расторжения договора: так, наниматель мог уволить рабочего за «дерзость» или «дурное поведение», если оно, по мнению нанимателя, угрожало имущественным интересам предприятия или личной безопасности наблюдающих за работами.

Рабочие, которые могли обжаловать расторжение договора по «законным поводам» в царском суде, в лучшем случае могли рассчитывать на «вознаграждение за убытки», между тем, как за самовольный уход рабочему по букве закона еще до 1912 г. угрожало преследование в уголовном порядке.

II. Отличительные черты советского законодательства о расторжении трудового договора выражены в следующих положениях:

1) Устранение произвола нанимателя в вопросах У. Общим началом допустимости У. во всех случаях является наличие об-

стоятельств, делающих дальнейшее приложение труда работника невозможным как по причинам производственного характера, так и по причинам, коренящимся в личности нанявшегося. Увольнение нанявшегося допустимо лишь в определенных случаях и по определенным причинам, регламентированным законом (Т. К. ст.ст. 47, 36-37)

2) Недопустимости изменения законодательных положений соглашением сторон. В СССР законодательные положения об У., в отличие, например, от Германии, имеют строго принудительный характер: соглашения в индивидуальном или коллективном договоре об изменении установленных законом гарантий в сторону ухудшения являются недействительными.

3) Регламентирование законом гарантий о предупреждении об У. или выдаче выходного пособия в определенных случаях У. (Т. К., ст. 88—89).

4) В определенных случаях У. в случае обнаружившейся непригодности работника, в случае систематического неисполнения работником своих обязанностей, У. может иметь место лишь с предварительного разрешения расценочно-конфликтной комиссии (см.) Установление непригодности, наличия или отсутствия уважительных причин невыполнения работником своих обязанностей и т. д., учет и проверка всех этих обстоятельств является функцией паритетного органа фабзавместкомов и нанимателей, без санкции которого У. является неправомерным.

5) Установление неодинаковых оснований одностороннего разрыва трудового отношения для нанимателя и для нанявшегося. В отличие от сказанного выше об У. договор, заключенный на неопределенный срок, может быть расторгнут нанявшимся в любое время без объяснения причин отказа от работы. Единственная обязанность работника в этом случае — предупреждение нанимателя не менее чем за один день при недельном расчете, и не менее, чем за семь дней, — при двухнедельном или месячном расчете. По инициативе работника как срочный, так и бессрочный договор может быть расторгнут без предупреждения в любое время в предусмотренных законом случаях (нарушением нанимателем своих обязанностей, грубое

обращение с работником, ухудшение санитарно-гигиенических условий работы и т. д.).

Г. Ривин

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, это совокупность, или система принудительных мер (и соотв. положений) правового характера, при посредстве которых государство, как со-зданное господствующим классом для охраны его экономических и политических — оформленных и зафиксированных в со-отв. институтах гражданского, государ-ственного и т. п. права (см.) — позиций, обеспечивает соотв. классовый «правопорядок», т. е. всю систему общественных отно-шений, от нарушений. Различают мате-риальное и процессуальное У. п., т. е. составной частью У. п. в широ-ком смысле слова является и уголовный процесс (см. Судопроизводство уголовное). Материальное У. п. фиксирует: 1) суще-ство тех нарушений («преступлений» — см. это слово), которые, в условиях дан-ного классового строя, вызывают, при па-личии определенных предпосылок (см. Вменение), необходимость принятия при-нудительных мер против учиняющих та-ковые нарушения лиц, как опасных с точ-ки зрения интересов господствующего клас-са элементов; 2) конкретное содержание и виды уголовной репрессии, т. е. принудительного воздействия, применяемо-го в виде наказания или мер со-циальной защиты (см.), к лицам, признанным за совершенные ими престу-пления подлежащими уголовной ответ-ственности; 3) «санкции» (см.) за каждое преступление, т. е. устанавливает опреде-ленное соотношение между отдельными ти-пами («составами») преступлений и от-дельными мерами уголовной репрессии определенной тяжести; современное У. п. фиксирует также 4) порядок индивидуали-зации мер уголовной репрессии, положен-ных за определенные преступления, и порядок определения судом на основе соотв. «санкций», тех вполне конкретных мер уголовной репрессии, которые под-лежат применению к данному осужденному за данное преступление лицу.

У. п. в современных государствах обы-чно излагается в особых уголовных кодексах (см. Уголовный кодекс РСФСР); впрочем в Англии и до сих пор

У. п. в общем и целом не кодифицировано, да и в прочих буржуазных государствах, где существуют У. К., многие постановле-ния уголовно-правового характера оказы-ваются невключенными в соотв. У. К. (см. Воинские преступления). Все У. К., начи-ная с прихода к власти буржуазии распа-даются на 2 основных части: 1) общую и 2) особенную часть. Общая часть фиксирует предпосылки применения уго-ловной репрессии (общие условия, когда таковая подлежит и когда она не подлежит применению), а также устанавливает виды и разновидности самой уголовной репрес-сии и порядок ее индивидуализации; осо-бенная часть фиксирует «санкции» за от-дельные преступления, при чем статьи этой особенной части, каждая из которых в сво-ей «диспозитивной части» формулирует ка-кой либо особый «состав преступления», бо-лее или менее систематическим образом сво-дятся в разделы (главы). В основу этой классификации кладется, главным обра-зом, деление преступлений по их «объек-там» т. е., исходя из существа того «бла-га» точнее, того интереса, который задевается или ставится под угрозу тем или иным преступлением — см. Политические преступления. Преступления против порядка управления, Должностные преступления, Имущественные преступления и т. д.; о-преступления против личности — см. Убийство. Телесные повреждения, Оскорбление. Половые преступления и т. д.; что касается советского У. п. — см. также Контрреволюционные преступ-ления и Хозяйственные престу-пления.

Основными понятиями У. п. явля-ются таким образом, 1) понятие «престу-пления» и 2) понятие «наказания» в советском У. п. — понятие «мер социаль-ной защиты». Меры принудительного воз-действия могут, конечно, как показывает и история, и современная действитель-ность, применяться госвластью и к лицам, не совершившим никакого преступления, но представляющим ту или иную опас-ность с точки зрения классовых инте-ресов держащего в своих руках госвласти класса. Серьезнейшим препятствием к по-строению У. п. не исходящего из понятия «преступления», т. е. не делающего устано-вление факта учинения определенным ли-

цом преступного деяния (см.) необходимой предпосылкой для применения к данному лицу уголовной репрессии, является, однако, начало эквивалентности, которое лежит в основе буржуазной правовой формы, как таковой, проникает собою, более или менее резко выраженным образом, и в У. п. Освобождение из-под «гипноза» из-под неосознанного влияния эквивалентной формы возможно лишь в результате марксистского анализа ее, который только и может привести к преодолению «правового фетишизма». Но, прилагая этот же марксистский анализ к выявлению и разрешению задач, стоящих перед советским У. п., как У. п. переходного периода, мы констатируем, что понятие «преступления» в виде понятия общественно опасного деяния не может быть выброшено и из советского У. п., хотя, идя по пути замены иррациональных, пропитанных «фетишизмом» элементов У. п. элементами рациональными, советское законодательство с полным основанием не остановилось перед изгнанием из У. п. понятия «вины» (см.), поставив на его место понятие социальной опасности («совершителя преступления»)

Происхождение У. п. — см. ст. Месть. Вина; общий очерк развития уголовно-правовой мысли — см. Меры социальной защиты. Об отдельных этапах этого развития, каковыми явились соотв. «школы» буржуазной науки У. п. — см. Классическая школа, Антропологическая школа, Третья школа, Социологическая школа

У. п. до сих пор продолжает оставаться одной из тех областей права, которые меньше всего разработаны марксистами (имеются в виду, конечно, подлинные марксисты, а не криминалисты-«марксисты» г. кавычках, которых в настоящее время уже немало).

А Эстрин

УГОЛОВНО - ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС представляет собой сборник технических норм, определяющих порядок производства расследования по преступлениям, порядок судебного рассмотрения дел и порядок надзорного и ревизионного осмотра судебных решений вышестоящими судебными учреждениями и лицами.

Таким образом, У.П.К. по своему существу не представляет собой сборника законодательных указаний, ни по вопросу о том, что подлежит преследованию в уголовном порядке, ни по вопросу о том, как реагирует государственная власть, в данном случае пролетарское государство, на совершенное преступление. У.П.К. отвечает лишь на вопрос как производится само по себе расследование преступлений и как производится судебное рассмотрение дел о них.

Именно в силу этого до поры до времени У.П.К. не выделялся в истории развития судебно-правовых памятников из общей совокупности норм, определяющих строение судебных учреждений или так называемое судостроительство (см.). Лишь по истечении определенного промежутка времени он отделяется от чисто судостроительных норм и начинает представлять из себя самостоятельный объект как законодательного творчества, так и исторического и юридического изучения.

Этот, исторически вполне объяснимый, ход развития процессуального права имел место и в истории советского процессуального законодательства. Советское процессуальное законодательство, равным образом и в первый период творчества советского права представляло из себя как бы органическую часть судостроительных законов. Положение о народном суде 1918 г., положение о народном суде 1920 г., положение о трибуналах 1919—1920 г., положение о военных трибуналах, положение о полковых судах, — все эти исторические памятники первого периода революции объединяли в себе нормы судостроительства (см.) и нормы судопроизводства (см.) без специфического выделения этих последних.

Впервые выделение произошло в 1922 году, когда были изданы одновременно, и одновременно вступили в действие У.К. редакции 1922 года и У.П.К. 1922 года. Но вступили в силу в качестве двух совершенно самостоятельных, органически не связанных между собой законченных законодательных актов. Последующим актом было положение о судостроительстве, определявшее собой коренную реформу судебных учреждений вступившее в силу с 1 февраля 1923 года. С этого момента эти три законодательных акта. У.К., У.П.К. и

Положение о судоустройстве, определили любой основное содержание всех руководящих судебно-правовых норм в РСФСР.

Как сборник чисто технических норм, отражающих процесс или порядок судебного рассмотрения, У.П.К. не отражает в той же степени выпукло, в какой отражает это Положение о судоустройстве или У.К., классовое содержание советского права. Это не значит, конечно, что он его не отражает вовсе. Норм внеклассового характера не существует вообще, и У.П.К. пролетарского государства носит на себе печать своего классового происхождения равным образом. В силу, однако, именно той причины, что он является в громаднейшей степени техническим вспомогательным сборником, этот классовый момент в нем отражается в более скрытой форме, и в целом ряде норм поэтому У.П.К. в гораздо большей степени приближается к нормам судопроизводства принятым в буржуазных странах, чем У.К. или Положение о судоустройстве.

Этим же объясняется и то обстоятельство, что при разработке У.П.К. влияние идеи «нормального» буржуазного процесса построенного по последним образцам буржуазного законодательства, сказалось более чем в достаточной степени сильно. Это еще, конечно не является бедой, ибо не все то, к чему в конце концов пришла в итоге длительной революции буржуазная юридическая мысль, представляет собой уже заведомо негодный объект. То, что советский процесс заимствовал от буржуазного процесса хорошего должно остаться. То же, что заимствовал худое, или во всяком случае не в достаточной мере доброкачественное безусловно подлежит исключению.

Одним из этих недостатков является чрезвычайная громоздкость У.П.К., насчитывающего, в исключении всех остальных памятников советского законодательства, до 500 статей (буржуазный процесс Уставов 1864 года знал свыше 1000 статей). Поскольку однако, даже в таком громоздском виде он все же представил собой совершенно законченное целое, поскольку дальнейшее развитие советского процессуального права внесло в него мало каких-либо процессуальных изменений.

Значительным последующим законодательным актом руководящего характера в

этом отношении явились лишь принятые в 1924 г. Сессией ЦИК СССР «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Эти «Основы», являясь общеобязательными правилами судопроизводства для всех союзных республик, строились однако, как своеобразный экстракт извлечений из У.П.К. РСФСР 1922 года тех принципов, которые авторы «Основ» считали необходимым признать подлежащими изменению законодательством союзных республик. По существу «основы» потому также не внесли ничего принципиального нового в У.П.К. кроме изменения 2 статей.

Дальнейшее развитие на этом остановилось и шло лишь путем отдельных мелких изменений. И лишь в последние годы, когда потребность упрощения У.П.К. в частности в смысле освобождения его от некоторой закостенелости, явившейся результатом усиленной детализации У.П.К. 1922 года, с одной стороны, необходимость во что бы то ни стало добиться ускорения судопроизводства в надзорных и кассационных инстанциях — с другой, и стоящая на очереди реформа судоустройства построенного на принципе децентрализации судебных полномочий Верховного суда и кассационных инстанций, заставили НКЮ поставить перед собой ребром вопрос о пересмотре основных принципов нынешнего процессуального советского права, — вопрос о коренной реформе У.П.К. стал до известной степени предпринятым.

В настоящее время эта работа по пересмотру далеко еще не завершена, хотя главные ее вехи главным образом в отношении сокращения У.П.К. (в принципе его решено свести к 100—150 статьям) и генерального пересмотра самого построения процесса, являются уже намеченными.

Одним из наиболее категорических предложений в предстоящей перестройке является следующее: дать в том или ином виде лишь принципиальные нормы, определяющие строение процесса, фиксируя таковые в законодательном порядке в качестве норм, нарушение которых должно влечь за собой обязательную отмену приговора; все остальные нормы отнести в область инструкционных указаний — наказа, комментариев и т. п. второстепенной значимости нормотворческих актов, сделав

эти последние более легко подлежащими изменениям и толкованиям как со стороны НКЮ, так и со стороны Верховного суда.

Действующий У.П.К. так же, как и Основы судопроизводства Союза ССР, охватывает собой следующие четыре различные стадии процесса: 1) период возникновения дела и его подготовки к судебному разбирательству путем предварительного расследования обстоятельств совершенного преступления и отыскания его совершителей; 2) стадию судебного разбирательства в подлинном смысле этого слова; 3) стадию кассационного рассмотрения и 4) стадию ревизионного контроля высшей инстанции: прокуратуры и суда, действующей уже по своей инициативе, а не по жалобе сторон. В качестве совершенно самостоятельной части У.П.К. одновременно содержит в себе ряд принципиальных положений, определяющих так наз. «Общее положение процесса». В этом порядке, начав с последних, мы и начнем рассмотрение действующего У.П.К.

Мы уже сказали выше, что наш У.П.К. в сильнейшей степени и больше чем какой-нибудь из других памятников советского права отразил на себе влияние буржуазного законодательства. Больше того, по существу его нельзя рассматривать иначе, как своеобразный компромисс между принципами либерально-буржуазного права, в частности принципам состязательного процесса, и требованиями революционной эпохи и партийно-политической программы ВКП, из которых основным было дать процесс гибкий, прочный и доступный широчайшим массам населения, сводящий к минимуму всякие формальные требования и пресекающий в корне самую возможность судебной волокиты.

Если к этому добавить, что политическим лозунгом момента явилось требование создать такой процесс, который бы обеспечил реально возможность жесткой и суровой расправы со стороны взявшего в свои руки власть рабочего класса со своими классовыми врагами то коренное противоречие между этим требованием и самим существом либерально-буржуазного процесса, возникшего и построенного либеральной буржуазией в момент, когда

она в этом процессе видела средство гарантировать себя от произвола феодально-абсолютистского режима, — станет до очевидности ясным. Быть может, полное устранение всякой формалистики, и, вместе с тем всяких гарантий в типично розыскной форме процесса, усвоенной ВЧК, до известной степени отразило своеобразную реакцию революции на слишком большое влияние либерально-буржуазного права в советском процессе. Как бы то ни было эти две основные идеи и два основных взаимно исключаящих друг друга требования проходят через весь наш У.П.К.

Основные положения первых глав У.П.К. (их всего 12) по своей принципиальной значимости и содержанию в высокой степени различны, содержат в себе, с одной стороны, такие чисто конституционного характера нормы, как, например, ст. 5, согласно которой «никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях, указанных в законе, и в порядке, законом определенном» и, с другой, такие сравнительно мелкие процессуальные нормы, как ст. 20 о том, что «лица моложе 14 лет в зал судебного заседания не допускаются», и в то же время эти основные положения не содержат в декларативной форме ни принципа состязательности, ни принципа устности процесса, ни принципа непосредственности процесса. И это в то время, когда весь процесс в целом построен именно на этих принципах.

В чистой форме этих принципов не знает У.П.К. В основных положениях все же надлежало бы сказать о том, как смотрит советское право на эти аксиомы буржуазного процесса и в какой мере оно признает их обязательными для себя.

Более выдержаны в этом отношении «Основы судопроизводства» 1924 года, являющиеся по существу теми же «основными положениями» только более развитыми. Однако, и они содержат статьи, чрезвычайно различные и пестрые по своей принципиальности, и являются по существу как мы сказали, лишь экстрактом из уголовного процесса 1922 года.

Ст. 2. У.П.К. определяет что «преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, действовавшим в момент совершения преступления. Законы,

устраняющие преступность совершенного деяния или смягчающие его наказуемость, имеют обратную силу» (см.). Более точную редакцию той же самой идеи дает ст. 3 Основ, согласис которой «закон, отменяющий вовсе применение меры социальной защиты к данному деянию или смягчающий эти меры, имеет обратную силу».

Спорной по своему принципиальному содержанию представляется 2 часть той же 2 статьи, устраняющая, как говорит закон, «наказуемость деяния» вследствие обратной силы закона. С точки зрения основных идей советского уголовного права мы знаем случаи устранения «наказуемости» самим судом при условии изменения социальной обстановки, в которой было совершено преступление, или изменений, происшедших в личности преступника, утратившего в силу этого свой социально-опасный характер. Одной формальной причины — устранения закона — с точки зрения советского права во всяком случае недостаточно, ибо формальный момент к вопросу о социальной опасности преступника никакого отношения, конечно, иметь не может.

Принципиального характера статьями из раздела «Основные положения» являются статьи с одной стороны 9, 10 и 11, и 19 и 22 с другой стороны. Однако только две последние содержат указания, вытекающие действительно из основных принципиальных воззрений пролетарского общества. Принципы 9, 10 и 11 статей заимствованы из буржуазного права.

«Прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование, — говорит ст. 9. — перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению». Этот принцип нашей судебной практикой советских судов и прокуратуры отвергается полностью, несмотря на то, что он остается написанным и в У П К. и в Основах. Одна из последующих новелл знаменитая ст. 4-а У П К. — изменила этот принцип в прямо-противоположную сторону тем, что допустила прекращение дела прокуратурой и судом по малозначительности преступления, несмотря на то, что с формальной стороны деяние является преступным и «подлежащим наказанию». У.К. 1926 года тот же принцип из процессуаль-

ной нормы сделал материальной нормой и изложил его в виде известного примечания к ст 6 Общей части У.К.

Еще раньше тот же принцип относительности формальных признаков преступления был дан в «руководящих началах» уголовного права РСФСР, изданных в 1919 году. Во всяком случае строгого и выдержанного применения ст. 9 пышнее советское уголовное право принципиально не знает.

Ст.ст. 10 и 11 содержат в себе основное процессуальное деление всех возбуждаемых дел на две основные группы: дел, возбужденных в порядке частного обвинения, и дел, возбужденных прокуратурой. Для ряда дел закон требует, как обязательное условие наличия жалобы потерпевших и категорически предписывает прекращать дело в случае примирения потерпевшего с обвиняемым. Здесь основным вопросом является принципиальность такого разделения тем более, что практика показала, что такие дела составляют почти 45% всех возбужденных дел в народном суде.

Ст 11 в свою очередь делает изъятие из категории этих дел и указывает что такие-то возбужденные дела не могут подлежать прекращению вовсе за примирением сторон. Сюда относятся дела об изнасиловании и им подобные. Несмотря на всю свою принципиальность большого практического значения эта статья однако, не имеет.

Ст. 19 является первой из всех перечисленных статей принципиальной процессуальной статьей вполне отвечающей духу советского уголовного права. Эта статья утверждает публичность всех судебных заседаний.

Наш закон знает ряд исключений из этого принципа в случаях, когда требуется сохранение военной и дипломатической тайны. Одновременно, однако, ст. 21 указывает, что и в этих случаях «при слушании дела при закрытых дверях приговор во всяком случае провозглашается публично».

Наиболее принципиальной из всех статей представляется 22 статья, соответствующая в полной мере духу советского уголовного права и советской национальной политики, утверждающая обязательность производства по уголовным делам на языке большинства населения данной

местности обязательность приглашения переводчиков и право всякого заинтересованного лица подавать заявления и всякого рода бумаги на их родном языке — если удостоверено, что эти лица не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу.

Основы 1924 года еще более принципиально и разработано излагают этот тезис в ст. 15: «На судебные учреждения возлагается обязанность принимать все доступные им меры, чтобы обеспечить возможность ведения уголовных дел на языке обвиняемых, если последние принадлежат к национальному меньшинству. В этих случаях суд до назначения дела к слушанию решает в распорядительном заседании вопрос о языке на котором будет вестись производство дела. руководствуясь интересами наиболее полного выяснения дела, интересами гласности суда и интересами обвиняемых. Если участвующие в деле лица не владеют языком, на котором ведется данное дело, то следственные органы и суд обязаны пригласить переводчика и через последнего ставить заинтересованных лиц в известность о каждом процессуальном действии».

Этим можно закончить анализ основных положений. Дальше идет уже изложение некоторых общих положений не декларативного характера, хотя не менее принципиальных, на которых мы также остановимся. Они изложены в главах нынешнего У. П. К. 2 — о подсудности, 3 — о составе суда, сторонах и об отводе, 4 — о доказательствах, 5 — о протоколах и 6 — о сроках и судебных издержках. Эти главы представляют собой весь первый раздел У. П. К. Принципиальных статей здесь немного, к ним можно отнести лишь ст. ст. 39 и 40 — о порядке судебных пререканий, ст. 57 — о доказательствах и ст. 53 — о защите.

Существо этих статей сводится к следующему. Сообразно основным принципам построения нашей судебной системы глава «О подсудности» распределяет дела по трем категориям: дела, которые могут быть разрешены единоличным народным судьей, народным судьей вместе с двумя заседателями, и дела, которые могут быть разрешены губернским судом.

Принципиальной из всего этого раздела является статья, запрещающая пререка-

ния. «Всякий суд, — говорит ст. 39, — установив, что находящееся в его производстве дело подсудно какому-либо другому такому же суду, может оставить дело в своем производстве только в случаях, если он уже приступил к проверке доказательств на судебном рассмотрении дела или если против этого не последовало возражений от сторон». Как правило, суд должен направить это дело в соответствующий суд, последний же при всех условиях обязан принять его к производству, хотя бы оно было к нему направлено и неправильно. Этот принцип с самого начала резко проводившийся советским процессом, показывает, что здесь советскому процессуальному праву удалось остаться чуждым тому формализму, который вообще является отличительной чертой процессуальных норм.

Глава «О составе суда, сторонах и об отводе» представляет собой ряд технических принципов, гарантирующих суд от так называемых внесудебных влияний. Однако именно эта глава содержит в ст. ст. 51, 52 и 53 впервые указание на то, что в суде может участвовать защита. Принцип состязательности процесса таким образом, изложен здесь почти и о при определении деталей и не имеет для своего выражения специальной декларативной статьи. Более вычлел этот принцип выражен лишь в ст. 55, где указывается, что участие защитника при рассмотрении дела обязательно в том случае, если в деле участвует обвинитель».

Основной аргумент который выставляется против принципа состязательности не может не быть признан в основе совершенно правильным и веским аргументом. Советское уголовное право исходя из основного своего воззрения на суд, как на орган государственной власти, призванный защищать действующий порядок, в качестве второй предпосылки ставит утверждение, что этот порядок обязаны в равной мере защищать все граждане, в том числе и те, которые выступают в суде в качестве защитника.

Раздел «О доказательствах» знает лишь одну принципиальную 57 статью, сохранившуюся еще от первого Положения о народном суде от 1918 года. По этой статье «суд не ограничен никакими формальными доказательствами, и от него зависит ио

обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно»

Здесь выражено то основное начало, что советский процесс подвергает всякое доказательство оценке и не знает никаких данных, имеющих обязательную для суда улику силу. Этот принцип больше соответствует всему духу советского права, и от Положения о народном суде 1918 и до последней редакции У. П. К. он в той же формулировке из документа в документ сохраняется в тексте закона.

Раздел 2 У. П. К. охватывает первую стадию процесса (с момента возникновения дела до предания суду, содержа почти 250 статей, на $\frac{2}{3}$ чисто технического характера. Наиболее характерными и важными являются статьи о дознании, о предварительном следствии (см.), допросах и мерах пресечения и об окончании предварительного следствия, действиях следователя, прокурора и суда по окончании дела и преданию суду

В этом разделе больше, чем где бы то ни было, сказалось влияние буржуазного процесса, в частности процесса, как он был сконструирован по уставам 1864 года. В ст. 97 У. П. К. определяется, кто является органами дознания, при чем закон относит к ним во втором пункте и органы Государственного политического управления

Новелла, имевшая место после 1924 г. после IV съезда деятелей юстиции, сильно сгладила это различие и приблизила органы дознания к органам следствия, а последние еще более приблизила к органам прокуратуры, сделав из них единую цепь единых органов, ведающих одним и тем же делом — расследованием преступлений. Разница эта все же остается и до сих пор, как осталась и старая традиция рассмотрения этих органов, как органов различных по своей природе

Однако, по существу органы дознания имеют сейчас все полномочия для производства расследования, вплоть до задержания подозреваемого, хотя и на ограниченное время и при наличии определенных условий. В этом отношении более правильно ставит вопрос ст. 7 Основ, говорящая лишь о том, что предварительное расследование преступления должно

производиться под надзором прокуратуры и что органами, производящими предварительное расследование, являются равно органы дознания следствия и иные должностные лица, пределы полномочий которых определяются республиканскими законодательствами. Тем не менее термины «дознания» и «следствия», как мы видим сохраняют и Основы.

В настоящий момент органы дознания формально подчинены надзору следователя, являющегося в отношении к ним, согласно ст. 107 фактически прокурорским надзором.

Раздел о следователях и их действиях фактически является пересказом статей дореволюционного процесса.

Картину такой же борьбы двух начал — тенденций либерально-буржуазной школы и требований жизненной необходимости — представляет собой глава о мерах пресечения, где закон устанавливает ряд гарантий против произвольного, необоснованного лишения свободы, в частности устанавливая жесткий двухмесячный срок содержания под стражей в порядке предварительного следствия. Но в законеговорен ряд возможностей для продления этого срока. Глубоко принципиальным является, однако, указание Основ, запрещающее замену лишения свободы, как меры пресечения, денежным или имущественным залогом: эту привилегию капитал Основы 1924 года исключили из У. П. К. 1922 года.

Характерным признаком советского процессуального права является прямое подчинение следователя в оперативном отношении прокурору. Теории, рассматривающие следователя, как независимого следственного судью, не нашли отражения в советском процессе. При окончании предварительного следствия обвинительное заключение утверждается прокурором, а затем рассматривается в распорядительном заседании суда, при чем и та и другая инстанции переделывают его по своему усмотрению

В этом — также отличие советского процесса от процесса дореволюционного, где составление обвинительного акта было снпифической обязанностью прокурора. В отношении органов дознания те же функции несет, как мы уже говорили, следователь.

Последняя глава говорит о порядке представления суду и заимствована нашим процессом также из дореволюционного процесса. Распорядительное заседание суда должно рассматривать исключительно следующие вопросы: достаточно ли обосновано предъявленное обвинение данными, приведенными в описательной части, правильно ли сформулировано обвинение предусмотрено ли предъявленное обвинение У К и подлежит ли изменению список лиц, вызываемых в судебное заседание, и какому именно.

Выявлением гарантий являются требования ст. ст. 245 и 246 относительно обязательного вручения обвиняемому копии обвинительного заключения и обязательного предъявления ему обвинительных материалов.

Третий раздел охватывает уже непосредственно судебную практику в народном суде, в губернском суде и в трибунале. Этот раздел в большой мере, в частности в производстве в народном суде, является воспроизведением правил буржуазного состязательного процесса и в этом отношении в достаточной степени последователен. В целом ряде случаев закон здесь возлагает на суд обязанность мотивировать каждое свое определение, в особенности определения, в чем бы то ни было стесняющие обвиняемого.

Более отвечающей духу советского законодательства является ст. 281, представляющая суду и сторонам вместе решать вопрос в каком порядке должно производиться судебное следствие по данному делу, подлежит ли допросу ранее подсудимый или свидетель и в каком именно порядке они должны быть допрошены.

После окончания судебного следствия процесс фиксирует этот момент заявлением об этом окончании со стороны председателя и приступает как говорит ст. 304, к «прениям сторон». Ст. 307 знает, наконец, и институт «последнего слова»

Ст. ст. от 317 по 342 определяют затем порядок вынесения приговора, обязательное удаление суда в особую комнату, неприкосновенность этой совещательной комнаты и построение приговора. провозглашение его обязательно именем РСФСР.

В статьях, трактующих о порядке вынесения приговора, наш процесс не знает

процедуры постановки вопросов — этого сложного момента суда присяжных старого времени, равно как принципиально отвергает раздельное голосование народных заседателей, хотя попытка в установлении такого отдельного голосования и имитирование этим суда присяжных в первую эпоху революции имело место. Однако, система постановки вопросов частично сохранена и ныне в перечне тех вопросов, которые даны в ст. 320 и из которых, согласно этой статье, обязан ответить в совещательной комнате суд.

Третьей стадией процесса является стадия кассационного надзора. Тут следует указать в качестве принципиальных статей, ст. ст. 409 и 412—417, с одной стороны и 419 и 427 с другой.

Эти статьи более кратко нашли выражение в 25 статье Основ, четко резюмирующей основы кассационного производства советского суда.

«Все дела рассматриваются по существу в одной инстанции, — говорит ст. 25. — Апелляция не допускается. Приговоры проверяются высшими судебными инстанциями по жалобам и протестам лишь в кассационно-ревизионном порядке или в порядке высшего судебного надзора»

В отрицании апелляции нашли выражение два мотива: и мотив советского уголовного права — борьба с волокитой, стремление создать наиболее близкий к населению и скорый суд и мотив буржуазно-либерального права, отрицавший апелляцию потому, что лишь суд первой инстанции, в частности суд присяжных, правомочен рассмотреть дело правильно по существу, исходя из начал устности и непосредственности процесса.

Однако, уже 26 статья отходит от этого принципа указывая, что «основаниями для отмены приговоров в кассационно-ревизионном порядке являются, кроме нарушения форм судопроизводства и нарушения или неправильного применения законов Союза ССР, в отношении судебных учреждений союзных республик и другие поводы к отмене приговора, которые могут быть установлены законодательством этих республик».

Эти другие поводы в У П. К РСФСР вылились в подпунктах первом и четвертом ст. 413, охватывающих в своей

совокупности больше 50% всех действительно отменяемых приговоров

Подпункт первый имеет в виду «недостаточность или неправильность проведенного следствия», а подпункт четвертый — «явную несправедливость приговора». То, что оба эти пункта по существу стирают грань между кассацией и апелляцией, ясно само собой. Практика в дальнейшем еще больше углубила это право, и мало помогла здесь попытка статьи 414 свести и эти признаки к признакам формальным путем указания, что «недостаточно и неправильно проведенным признается следствие, которое проведено таким образом, что остались невыясненными... обстоятельства, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор». и ст. 417. признающая «явно несправедливым» приговор лишь тогда, «когда назначенное судом наказание хотя и не выходит за законные пределы, но по размеру своему резко не соответствует содеянному». Ограничительные формулы этих последних статей на практике не оказывали своего влияния. Логическим выводом из этих статей явилась ст. 419-а и ст. 437 У. П. К. говорившая о том же праве Верховного суда. Этими статьями за губернским и Верховным судом сохранено право, в случае признания ими неправильного применения народным судом закона, «не передавая дело на новое рассмотрение, ввести немедленно необходимые изменения в приговор народного суда».

По существу, кассация здесь превращается в апелляцию. Это впрочем, предвидели Основы, когда в 27 статье указали, что «кассационные суды, не входя в поверку фактических обстоятельств, установленных судом, разрешавшим дело по существу, могут.. изменить приговор, если это возможно без особого производства по поверке доказательств».

Так, по существу кассационные суды превратились в суды первой инстанции.

Впрочем, если действующий У. П. К. до некоторой степени еще считается формальным толкованием прав кассационных инстанций при рассмотрении кассационных жалоб и протестов, то в то же время меньшей степени он считается с ними же при рассмотрении дел в порядке надзорного производства. По ст. 412 губер-

ский суд обязан всякий раз осмотреть все производство по делу в ревизионном порядке, независимо от поводов, указанных в кассационной жалобе. В этом отношении нет уж никаких ограничений, и суд вправе отменить приговор по любому признанному им удовлетворительным поводу.

Единственным ограничением является ограничение, вводимое ст. 26 Основ, о том, что «при рассмотрении судом дела, переданного ему из кассационной инстанции для нового рассмотрения по существу, усиления меры социальной защиты... допускается только в случае если приговор был опротестован прокуратурой».

Что касается производства в Верховном суде, оно в общем и целом аналогично производству в губернском суде с тем лишь отличием, что Верховный суд допускает стороны по своему усмотрению в то время, как для производства в губернском суде вызов сторон обязателен.

Надзорное производство, представляющее последнюю стадию процесса, фактически тесно сливается с ревизионным просмотром дел и объективно не отличается от него никакими признаками. Статьи 427, 429, 440 и 441 У. П. К. определяют лишь технический порядок направления дел, при чем для этого надзорного порядка не установлено никаких сроков.

Такова общая оценка нынешнего процесса и нынешнего положения вещей в области процессуальных прав в РСФСР и СССР. Если У. П. К. 1922 года явился результатом компромисса, о котором мы говорили выше то он все же сыграл свою роль в одном отношении: он был нужен как школа, которую должны были пройти наши суды для того, чтобы научить судей — пролетарских работников элементарной азбуке буржуазного состязательного процесса, лучшего что в свое время могла дать и дала буржуазия; он был нужен для того, чтобы приучить судей к определенности и точности в области формулировки обвинения, определенности и точности при рассмотрении вопроса о доказанности фактов.

Новый процесс должен усвоить, как мы полагаем, все положительные стороны старого процесса и, вместе с тем, должен дать то, что ставило себе задачей дать еще

Положение о народном суде 1918 года: дать процесс простой, легкий, понятный, гибкий, доступный широчайшим массам населения, и в то же время процесс, который бы гарантировал в максимальной степени установление материальной истины и достижение основной задачи, для которой действует суд вообще, — охраны установленного диктатурой пролетариата общественного порядка на переходный к коммунистическому строю период времени.

Н. Крыленко

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР. Ныне действующий в пределах РСФСР У. К., так называемый, Кодекс редакции 1926 г. введен в жизнь постановлением Президиума ВЦИК от 22 ноября 1926 года с 1-го января 1927 года и представляет собой совокупность норм, определяющих мероприятия, применяемые судами в борьбе с преступностью на территории РСФСР. Он является вторым по времени У. К. Первый У. К., так называемый, К. 1922 года был введен в жизнь постановлением Президиума ВЦИК с 1 июня 1922 года и действовал в течение 5 лет, подвергаясь неоднократно изменениям лишь по отдельным статьям.

К. 1926 года своим появлением формально обязан постановлению ЦИК Союза от октября 1924 года, поручившему всем союзным республикам переработать запово свои У. К. в целях приспособления их к принятым той же Сессией ЦИК Союза «Основам уголовного права Союза и союзных республик».

Однако эта переработка далеко вышла за пределы чисто технической редакционной работы приспособления К. 1922 г. к «Основам» Союза 1924 г. и вылилась в конце концов в полную переработку У. К. 1922 г., наиболее сильно коснувшуюся его Особенной части.

Построен У. К. по следующей схеме: Общая часть, обнимающая 57 статей, и Особенная часть, обнимающая 136 статей. Однако, эта Особенная часть отнюдь не представляет собой изложения однородных по своему содержанию норм и в свою очередь делится на три различные по своей значимости части. Два раздела Особенной части — первый, охватывающий государственные преступления, и второй, охваты-

вающий так наз. воинские преступления — заключают в себе: первый — 12 и второй — 19 статей, в силу чего общее количество статей Особенной части соответственно возрастает. Эти разделы представляют собой одновременно и общесоюзный закон и являются текстуальной перепечаткой принятых февральской сессией ЦИК Союза 1927 г. законов о государственных преступлениях и октябрьской сессией 1924 года — закона о воинских преступлениях.

Общесоюзный характер эти нормы имеют в силу прямого постановления тех же «Основ уголовного права Союза и союзных республик», согласно которому эти две категории преступлений подлежат нормированию в общесоюзном масштабе.

Постановление февральской сессии ЦИК Союза 1927 года прямо предписало включить окончательно принятые ею оба указанные закона без всяких изменений в У. К. союзных республик. Так что в этой своей части У. К. РСФСР не вносит ничего своего ни в изложение, ни даже в расположение указанных статей.

Эта разница в источниках Особенной части не могла не сказаться на стройности и систематичности ее изложения. Даже терминологически получилась прямая несогласованность, поскольку более поздний Кодекс 1926 года гораздо выдержаннее в этом отношении, чем Основы 1924 года, в частности раздел о воинских преступлениях. Отчасти имеет место невыдержанность и несогласованность не только терминологическая, но и принципиальная поскольку, например, Кодекс 1926 года совершенно не знает метода определения уголовной санкции по формуле «не ниже 5 лет» в то время, как эта формула сплошь и рядом имеет место в разделе о воинских преступлениях.

Более правильным было бы остановиться на способе, на котором первоначально стояла Конституция, когда твердо указывала, что только основы, т.е. общие принципы, подлежат регулированию в общесоюзном порядке, а их дальнейшее развитие, редакционное, техническое и всякое иное изложение и совершенствование в виде отдельных норм должно быть предоставлено союзным республикам. Общая часть У. К. РСФСР построена именно по этому последнему принципу: она берет

основные идеи «Основ уголовного права Союза» и развивает их более точно, а в ряде случаев и более последовательно, в виде первых 57 статей. Правда, в это время на сессиях ЦИК Союза и ВЦИК поднимались голоса, предлагавшие текстуально закрепить и Общую часть У. К. в виде прямой перепечатки «Основ уголовного права Союза». Это предложение сессиями ЦИК и ВЦИК было отвергнуто, как явно не соответствующее Конституции.

Общая часть У. К. РСФСР начинается с изложения в ст. 1 основных задач уголовного законодательства РСФСР. Эти задачи изложены в соответствии с текстом вводящей статьи «Основных начал уголовного законодательства Союза»; отнюдь, однако, не придерживаясь текстуально редакции этой вводящей статьи, и формулируют задачи уголовного законодательства РСФСР как «охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно-опасных действий (преступлений) путем применения к лицам, их совершающим указанных в настоящем Кодексе мер социальной защиты».

Руководящей идеей этой статьи является идея охраны социалистического государства от общественно-опасных действий. При сравнении с редакцией «Основ» мы видим здесь две характерные замены: «Основы» говорят об уголовном законодательстве Союза, которое имеет своей задачей «судебно-правовую защиту государства трудящихся от общественно-опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок», а Кодекс РСФСР 1926 года предпочитает формулу «охрана социалистического государства рабочих и крестьян». Она и более понятна, чем термин «судебно-правовая защита государства трудящихся» и отказывается от церковнославянского слова «деяния», употребляя вместо него более понятный термин «действия», и в скобках указывая, что эти общественно-опасные действия он имеет «преступлениями». Кодекс РСФСР, однако, сохраняет термин «мера социальной защиты», принятый «Основами».

Формула «охрана социалистического государства рабочих и крестьян» заимствована У. К. из ст. 2 Конституции РСФСР редакции 1925 года. Нельзя не пожалеть о

том, что в этой вводящей статье нет указания на то, что творцом права, в том числе и уголовного, в РСФСР и СССР является рабочий класс, строящий свое государство и охраняющий его помощью ряда мероприятий, в том числе мероприятий репрессивного характера. Такая постановка вопроса была бы политически и теоретически более правильной, поскольку без ссылки на это ст. 1 утрачивает точный и четкий характер, который она должна иметь, как вводящая декларативная формула.

Как бы то ни было, идея охраны социалистического государства и установленного в нем правопорядка является основной доминирующей идеей всего У. К. Чрезвычайно важно поэтому отметить, что эта статья не содержит в себе никаких иных указаний на задачи уголовного законодательства РСФСР — ни политико-воспитательной, ни специфической задачи исправления, ни, тем паче, задачи возмездия. Задача охраны социалистического государства является единственной задачей, согласно тексту 1 статьи.

Эта идея затем последовательно развивается во всех статьях Общей и Особенной частей.

Второй раздел У. К. РСФСР определяет пределы его действия, являясь равным образом развитием 1 статьи «Основ» но развитием более подробным, детализированным и в то же время более выдержанным.

В соответствии с политическим строением Союза здесь встал на разрешение целый ряд проблем об отношении уголовного права РСФСР к гражданам РСФСР в случае совершения ими преступлений на территории РСФСР на территории Союза, но вне территории РСФСР, и вне территории Союза; о совершении таких же преступлений в таких же вариантах гражданами других союзных республик и, наконец, гражданами иностранцами. Все эти варианты определены в статьях 2, 3, 4 и 5, причем с совершенной ясностью эти последние статьи разрешают вопрос о подсудности уголовным законам РСФСР граждан РСФСР, где бы последние ни совершили преступление, если они только задержаны на территории РСФСР, и о подсудности иностранцев, пользующихся правом экстерриториальности, целиком изымаемой в силу этого из действия У. К. РСФСР.

Более запутанным представляется вопрос о подсудности граждан других союзных республик. Последние подлежат ответственности по законам РСФСР за преступления, совершенные ими на территории РСФСР а равно и вне пределов Союза если они задержаны или переданы суду и следствию на территории РСФСР. Во всех остальных случаях они отвечают по законам места совершения преступления. Иностранцы отвечают по законам РСФСР лишь в случае задержания на территории РСФСР.

Так разрешает вопросы подсудности законам РСФСР. Кодекс 1926 года. Нельзя не отметить, что он значительно сузил пределы своего действия по сравнению с Кодексом 1922 года, который знал ответственности иностранцев и граждан РСФСР в случае совершения ими преступлений за границей даже тогда когда они не были задержаны на территории РСФСР, а для граждан РСФСР — и без этого последнего ограничительного условия.

Здесь отразилась большая устойчивость дипломатических международных отношений, в силу чего широкая формулировка Кодекса 1922 года, когда признание СССР де-юре почти не имела места, сделалась нецелесообразной и прямо излишней. В свое время она была нужна, и практика судов первого периода революции знала случаи разбирательства дел нашими судами об иностранцах находившихся вне пределов досягаемости слушавшего их дела суда.

Наиболее важным принципиальным разделом Общей части является третий раздел, определяющий общие начала «уголовной политики» РСФСР — термин которого не знали ни Кодекс 1922 года, ни «Основы» 1924 года. Статьи 6, 7 и 8 Кодекса РСФСР точно определяют признаки, которыми должен руководиться суд при разрешении первого и основного вопроса о том какие и когда надлежит принимать меры против лиц, совершивших то или иное правонарушение.

Если согласно статье У. К. уголовное законодательство РСФСР имеет задачей охрану социалистического государства от общественно-опасных действий то ст. 7 и 8 дают определение этих последних. Общественно-опасным по ст. 6 признается «действие или бездействие направленное

против советского строя, или нарушающее правопорядок установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Статья устанавливает таким образом основным признаком, влекущим уголовное преследование по законам РСФСР объективный вред наносимый или могущий быть нанесенным со стороны правонарушителя советскому строю и установленному в советском государстве правопорядку. Этот объективный вред и опасность У. К. ограничивает, однако, двумя чрезвычайно важными признаками. Закон отказывается видеть преступление и признавать общественно-опасным действие, которое было чрезвычайно малозначительно по своему содержанию. В этих случаях закон исключает преследование даже в том случае, если как говорит примечание к ст. 26, то или иное действие формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части.

Другой ограничительный признак вводит ст. 8, указывающая, что даже и в случае общественной опасности того или другого действия уголовное преследование все же не должно иметь места, если в силу изменений уголовного закона или одного факта изменившейся социально-политической обстановки суд признает что данное действие потеряло характер соц.-опасного или что данное лицо не является более общественно-опасным по его психологической и иной природе.

Это второе ограничение вместе с первым устраняя формальный подход к определению признаков преступления, перенося центр тяжести от формального признака на существо того или другого действия, на результаты его в той или другой конкретной обстановке, до чрезвычайности расширяет рамки судебного рассмотрения, что является характернейшей особенностью советского уголовного права вообще и уголовного права РСФСР в частности.

Эта идея была ярко выражена в свое время в «Руководящих Началах» 1919 г. которые специальной статьей предписывали, что «с исчезновением условий в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасным для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию». Этот принцип перешел затем своего выражения ни в Ко

дексе 1922 года, ны в «Основах» 1924 года. Его целиком восстановила вновь редакция Кодекса 1926 года, в чем несомненно заключается одна из важнейших его заслуг.

Условность понятия «преступления» относительно всяких формальных признаков и, в связи с этим, призыв к судьям разбирать факты прежде всего точки зрения основного критерия указанного в 1 статье, — «охраны социалистического государства», — вот что представляет собой идея, заложенная в 6 и 8 статьях Кодекса.

Однако, если благодаря этим двум статьям суд РСФСР получает возможность не применять мер репрессии к лицам, формально совершившим преступление, то ст. 7 дает ему одновременно и обратное право: применить репрессию даже тогда, когда лицо не совершило конкретного преступления. Но этой статье меры судебного-исправительного и т. д. характера могут применяться и в отношении лиц по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности представляющих опасность для советского правопорядка и пролетарского государства.

Закон, правда, не дает более подробного развития ни того, какого характера эти меры, ни того в каких случаях и чем должны руководствоваться суд при применении мер репрессии. Должно рассчитывать, что последующие разъяснительные законодательные акты по этому поводу не заставят себя ждать.

В этом отношении Общая часть лишь повторяет соответствующую статью «Основ» (22), более подробно трактующую об этом моменте.

Следующими принципиальными руководящими началами судебной политики являются начала, изложенные в 9 и 10 ст. ст. Общей части. Эти статьи определяют конкретные цели применения мер социальной защиты по У. К. и обязательные объективные условия, тающие возможность применения этой меры помимо общего необходимого условия — общественной опасности совершенного действия.

Конкретные цели применения мер социальной защиты формулированы как тройские цели: 1) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их (частное предупреждение), 2) воздействия на других неустойчивых членов

общества (общее предупреждение) и 3) приспособления совершивших преступления к условиям общежития советского государства.

Статья не говорит об «исправительно-трудовом воздействии», она говорит только лишь о приспособлении совершивших преступления к условиям общежития государства трудящихся, при чем это приспособление может вовсе не означать непременно исправительно-трудовое воздействие на последних. Переоценки значения исправительно-трудового момента не содержит в себе Уголовный Кодекс РСФСР, и в этом — одно из его крупных достоинств.

Заключительный абзац статьи повторяет декларативный принцип Основ о том, что задачи «унижения человеческого достоинства, причинения физического страдания и задачи возмездия и кары уголовный закон РСФСР себе не ставит».

Это четкое отграничение от идеи классической школы является руководящим принципом в советской уголовной политике.

Из остальных основных руководящих статей Общей части нужно отметить ст. 10 излагающую условия, единственно делающие возможным по сов. законам уголовное преследование. К таковым относится умысел прямой и эвентуальный и, так наз. неосторожная вина, при чем формулировка обоих этих условий должна быть признана чрезвычайно четкой и выпуклой. Действовавшими умышленно Кодекс признает лиц, которые «предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление», а лицами, действовавшими неосторожно, признает лиц, которые «не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия».

Свойственной исключительно советскому У. К. следует признать точку зрения, развитую в ст. 19 о покушении и приготовлении. Советский У. К., идя в этом отношении за «Основами» 1924 года, но еще более детализируя впервые высказанную в них мысль, рвет со старым классическим разделением юридических понятий «приготовлений» и «покушений», приравнивая оба эти вида подготовительных дей-

ствий друг к другу и преследуя их одинаково как совершенное преступление. Лишь при выборе меры социальной защиты суд, как указывает У. К., должен руководствоваться степенью опасности лиц совершивших покушение или приготовление, степенью подготовленности преступления, а также рассмотрением причин, в силу которых оно не было доведено до конца. Вместо всех классических различий покушения и приготовления, У. К., в зависимости от степени завершенности преступления, ставит лишь одну категорию явлений, когда прямо предписывает суду преследовать лишь за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или подготовлявшимся а именно в случае, когда «преступление не было совершено по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление». Во всех остальных случаях определение меры социальной защиты целиком предоставляется усмотрению суда.

Раздел 4 Общей части, трактующий о мерах социальной защиты, начинается ст. 20, перечисляющей эти последние. Таких 14, и из них, что чрезвычайно характерно, лишь 4 меры — лишение свободы со строгой изоляцией и без строгой изоляции, принудительные работы без лишения свободы, удаление из пределов данной местности с поселением в другой местности или без такового, конфискация имущества и денежный штраф — являются по существу мерами непосредственно репрессивного характера, ограничивающими в той или иной мере свободу преступника, остальные же являются мерами общественно-морального воздействия, а особое место занимает заглаживание материального вреда.

Если мы сравним эту скалу мер репрессивных мер, установленных еще в 1919 году «Руководящими началами уголовного права», мы увидим, что в этом отношении Кодекс остается верен себе в предпочтении мер общественно-морального воздействия репрессивным, в прямом смысле этого слова, мерам. Однако, есть и разница. Так У. К. не знает в числе этих мер расстрела, в то время, как нем прямо и недвусмысленно, как о мере «нормальной», говорили «Руководящие начала» 1919 года. Кодекс 1926 года, наоборот, выделяет эту меру в особую 21 статью, указывая, что

«для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам советской власти и советского строя, впредь до отмены Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР, в случаях специально статьями настоящего Кодекса указанных, в качестве исключительной меры охраны государства трудящихся применяется расстрел»

Эта точка зрения впервые была выражена в Кодексе 1922 года, перешла в «Основы» 1924 года и отсюда перенесена в Кодекс 1926 года.

Лишение свободы, обязательно соединяемое работами, Кодекс 1926 года знает па срок от одного дня до десяти лет. История этой меры репрессии равным образом поучительна. Судебная практика первых пяти лет революции и эпохи «Руководящих начал» 1919 года не знала никаких ограничений¹ при назначении лишения свободы и в то время не диковинкой бывали случаи назначения 25 — 35-летнего и даже бессрочного лишения свободы. В 1921 году наступил радикальный перелом, когда законом максимальный срок лишения свободы был установлен в 5 лет. Мотивы, в силу которых законодатель произвел такой крутой перелом, были не лишены своеобразия: явно предполагалось, что 5-летнего срока существования советской власти будет достаточно для исправления любого преступника, в силу коренных изменений самих условий общественной жизни в государстве трудящихся. Кодекс 1922 года установил в качестве максимального срока лишения свободы 10-летний срок, этот срок перешел и в Кодекс 1926 года.

Что касается минимального срока лишения свободы, то здесь эволюция была обратная. Первоначально Кодекс 1922 года знал лишение свободы па срок не ниже 6 месяцев, ниже этого срока, как правило, лишение свободы не устанавливалось, поскольку предполагалось, что оперативно-трудовая цель не может быть достигнута при применении лишения свободы на срок меньший, чем 6 месяцев. В дальнейшем мы имели ряд постановлений ВЦИК, последовательно сокращав-

¹ «Руководящие начала» предусматривали лишение свободы на срок или до наступления известного события.

ших этот срок до месяца, до семи дней и, наконец, до одного дня. Здесь сыграли свою роль, с одной стороны, задачи общего предупреждения, а с другой — об-ективная невозможность поставить как следует принудительные работы, а в силу этого необходимость применения коротких сроков лишения свободы.

Из других статей этого раздела важно отметить 31 статью, трактующую о поражении политических и отдельных гражданских прав, как дополнительной меры социальной защиты, применяемой судом. Эта статья была и в «Руководящих началах» 1919 года, и в Кодексе 1922 года, в «Основах» 1924 года и везде эта статья знала в числе поражения других прав, поражение права быть членом профессионального союза и общественных организаций. После постановления ЦИК Союза 1927 г. это ограничение отпало, и нынешняя редакция 31 ст. не знает лишения права быть членом профессиональной организации.

Новеллой в редакции Кодекса 1926 года, по сравнению Кодексом 1922 г. является введение ссылки (см.), которой не было в Кодексе 1922 года. Зная, что только высылка (см.). Ссылка, как удаление из пределов одной местности с принудительным поселением в иных местностях, допускается по Кодексу лишь за определенные, точно перечисленные преступления.

Что касается штрафа, в последнее время получившего широкое распространение в качестве применяемой судом меры репрессии, то Кодекс 1926 года вслед за Кодексом 1922 года и «Основами» 1924 года сохраняет принципиального характера ограничение, запрещающее заменять штраф лишением свободы и лишение свободы штрафом. Этой привилегии капитала, характерной для буржуазных кодексов не знает пролетарский У.К.

Наконец тот же раздел включает в себе ст. 43 о «предостережении», заимствованную из «Основ», трактующую о случаях назначения судом «предостережения» при вынесении оправдательного приговора, если суд усмотрит, что повеление оправданного даст основание «опасаться совершения им преступлений в будущем». Неясный характер этой статьи, как неясность и самого существа этой меры соци-

альной защиты заставит суд избегать применить ее на практике.

Следующий раздел 5 говорит о порядке применения мер социальной защиты. Руководящие основные идеи У.К. выражены здесь едва ли не наиболее выпукло чем в каком-либо ином его месте. Характерна в этом отношении уже 45 статья, которая в качестве основных источников, которыми руководствуется суд при определении меры социальной защиты, устанавливает: а) указания Общей части настоящего Кодекса, б) пределы, указанные в статье Особенной части предусматривающей данный вид преступления, и в) социалистическое правосознание судей, должностных исходите из «учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступление». Вот формула, которая может быть признана классической для выявления сущности советского уголовного права: общественная опасность, как высший критерий, обстоятельства дела и личности совершившего преступление как критерии подсобные, для определения соответствующей меры социальной самозащиты общества.

Ст. 46 дает основную классификацию преступлений по тяжести санкций, которые они за собой влекут. Она устанавливает две категории преступлений, относя к первой категории те в отношении которых устанавливается предел, ниже которого суд не в праве определить меру репрессии. Это — преступления наиболее опасные направленные, как говорит закон, «против основ советского строя, установленного в Союзе ССР властью рабочих и крестьян». Именно поэтому и закон предопределяет по ним пределы репрессии. Все остальные преступления знают санкцию «до» такого-то предела. Спорной здесь представляется целесообразность этой формулы «до» введенной впервые Кодексом 1926 года, в то время как формула «не ниже» была введена по инициативе Ленина уже на втором году революции законом о взяточничестве от мая месяца 1918 года и законом о спекуляции от июля 1918 года. Единственным мотивом правомерности этого принципа «до» является тенденция к единству судебной практики, невольно диктующая такое намеченное некоторых ограничительных пределов. Основные гра-

ни от одного месяца до десяти лет — повольно в сознании судей подразделяются на ряд подсобных рубежей. Эти рубежи и отражает У. К. Здесь важно лишь озабочиться таким построением этих рубежей, чтобы они реально соответствовали объективным условиям жизни и не слишком шли наперекор общественному сознанию в отдельных случаях.

Ст.ст. 47 и 48 определяют условия, устанавливающие более тяжкие или более мягкие меры социальной защиты, в зависимости от обстоятельств дела и личности преступника. В качестве основного отягчающего момента указан признак — «совершения преступления в целях восстановления власти буржуазии». Черным по белому классово-оборонительный характер У. К. выразил именно в этом пункте. Сюда же относится и отмеченная в подпункте «в» «возможность нанесения совершенным преступлением ущерба интересам государства или трудящимся, хотя бы преступление и не было направлено непосредственно против интересов государства или трудящихся. Соответственно смягчающим обстоятельством признается, если преступление было совершено «хотя и с превышением пределов необходимой обороны но для защиты от посягательства на советскую власть, революционный правопорядок или личности и права обороняющегося или другого лица».

Эти два момента отраженные в цитированных подпунктах 47 и 48 статей, определяют, как мы сказали выше, так называемый «классовый подход». О нем говорили уже статьи «Руководящих Начал» 1919 года. Однако они говорили не только об этом. Одновременно и «Руководящие Начала», и УК. 1922 года, и «Основы» 1924 года, и даже первой редакции Кодекса 1926 года знали еще пункт, касающийся условий, коренившихся уже в личности преступника, каковые также признавались смягчающим или отягчающим обстоятельством. В этом пункте также отражался классовый принцип, поскольку отягчающим моментом считалось «совершение преступления лицом, в той или иной мере связанным принадлежностью в прошлом или настоящим к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд», и соответственно смягчающим обстоятельством считалось,

если преступление было совершено «рабочим или трудовым крестьянином»

Эти формулы, унаследованные от первых лет революции, выражали идею классового строения суда и классовой его политики, однако, в слишком примитивной форме в результате чего они на практике очень скоро вульгаризировались и превратились в известную формулу «принимая во внимание пролетарское происхождение», причем один факт этого последнего считался настолько смягчающим обстоятельством, что не раз влек за собой смягчение, совершенно не вытекавшее из обстоятельств дела. Преступление, направленное против Советского Союза в целом, против интересов рабочего класса в целом, иной раз может вызвать репрессию более жесткую если это преступление совершено рабочим или крестьянином, чем если оно совершено лицом другого класса.

Вот почему последовательно сохраняя другие обстоятельства, смягчающие или отягчающие вину, с которых мы говорили выше, последняя повелка 1927 года исключила из «Основ уголовного права Союза» в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства эти указания, связанные с личностью преступника, считая что этот классовый принцип в достаточной мере отражен другими подпунктами, характеризующими то, как совершено было преступление: в состоянии ли голода, нужды или под влиянием тяжелого стечения личных или семейных условий, по невежеству, незнательности или иным причинам.

Интересно из этого раздела отметить ст.ст. 51 и 52 определяющие условия при которых суд вправе отступить от указанных законом пределов. Закон требует для этого наличия признания судом исключительности обстоятельств дела и точной мотивировки такого отступления. Наш У. К. не знает, и никогда не знал, однако права суда полностью освободить осужденного от применения указанной в законе меры репрессии, даже если суд признает применение этой меры социальной защиты явно нецелесообразной. Закон предоставляет суду лишь право входить с ходатайством о неприменении к осужденному этой меры в Президиум ВЦИК.

Последний раздел говорит об условном осуждении и условно-досрочном освобождении (см.)

П. Крыленко

УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК. У. р. называется специальным органом, целью которого является предотвращение готовящихся преступлений, пресечение начатых и расследование законченных преступных действий. Эту обязанность выполняет полиция или милиция, и, главным образом, специально для этой цели организованная часть, — секретная или тайная полиция (милиция) так называемый У. р. Основной задачей У. р. являются розыскные, а не следственные действия, как это имеет место у нас в настоящее время. У. р. существует уже с давних времен ибо борьба с уголовными преступниками действующими всегда из «подполья», могла и должна была проводиться только в рамках секретной организации. Секретные методы работы У. р. приобрели особое значение во время так называемой святой инквизиции, действовавшей, главным образом, в пределах Испании и Южной Германии. В новые века У. р. одновременно с ростом всей государственной жизни все больше развивается.

Самые методы работы У. р. также претерпевают на протяжении веков самые различные изменения. Еще в средние века считались вполне достаточными одни только намеки на личность преступника, и уже начинала работать машина пыток и истязаний с целью получить сознание обвиняемого, являвшееся необходимым условием для предания его суду и вынесения обвинительного приговора. Да и позже уже в 18 столетии основной задачей работника У. р. являлось «добывание языка», т. е. доносителя информатора, сообщавшего как о факте совершенного преступления так и о личности предполагаемого преступника. Лишь значительно позже работа У. р. переводится на научные основы и признается, что главное оружие детектива—это его мозг»

При нынешнем состоянии техники преступной деятельности, требуются специальные технические познания и практическая споровка. Хороший работник У. р. должен иметь достаточно серьезное представление об уголовном материальном и процессуальном праве, судебной медицине (см.), анатомии, физиологии, физике, химии, особенно токсикологии (науке о ядах), фотографии, дактилоскопии, уголовной технике и уголовной тактике.

Разумеется, что такие специалисты и знатоки уголовно-розыскного дела насчитываются лишь единицами, что огромное большинство работников У. р., не только у нас, но и за границей, все еще работает упрощенными способами и старается больше взять силой догадки, чем позитивными знаниями. Отсюда логически вытекают и совершенно примитивные и явно преступные формы давления на нежелающего сознаться преступника.

В настоящее время в связи с мировой войной, вызвавшей целый ряд всякого рода кризисов, отмечаются три специальных явления: огромная специализация преступного мира по виду преступлений, развитие технических приемов, энергично сопутствующих общему развитию технических знаний и мыслей, и, как основное, превалирование молодежи среди преступного мира, объясняемое беспризорностью их и оставлением на произвол улицы во время мировой войны

Особенно увеличилась преступность после войны в С.-А. С. Ш. В 1917 г. в Нью-Йорке произошло в четыре раза больше краж со взломом, чем в Лондоне, и почти столько же, сколько их произошло во всей Англии. Было зарегистрировано 836 случаев разбойных нападений в Нью-Йорк-сити, в Лондоне в том же году 20 случаев, во всей Англии — 102. В 1918 г. в Нью-Йорке произошло 849 разбоев, в Лондоне—63, в Англии—100. Число убийств равнялось в 1918 году во всей Англии—154, в Лондоне—37, в Нью-Йорке—221, в Чикаго—222. Особенно велико число случаев похищений автомобилей, широко распространенных в Америке. В 1919 году количество таких краж составляло: в Лондоне—290, в Ливерпуле—10, в Нью-Йорке—5927 в Чикаго—4316 и т. д.

При таких условиях У. р. Америки, разумеется, искал новых методов. Американским Институтом Уголовного Права и Криминологии было организовано «бюро уголовного анализа», являющееся, по сути дела, институтом для изучения преступлений, их причин и последствий, методов улучшения законодательства и учета преступлений, и, наконец, усиления органов борьбы с ними и улучшения методов этой работы. Обеспокоенные ростом имущественных преступлений, американские банки и другие коммерческие предприятия

предоставляли в распоряжение органов по борьбе с преступностью значительные средства в добавление к широко ассигнуемым для этой цели государственным средствам

В Америке, а вслед за ней и в Европе, начинает находить применение новая система классификации преступников по методам совершения преступлений (*system modus operandi*)

За последние годы повсеместно усилилась постановка «секретной» или агентурной работы при расследовании преступлений.

В наших розыскных учреждениях секретная работа совершенно отделена от активной работы, т.е. от работы следственного характера, и оба вида работ выполняются специальными сотрудниками, между тем как за границей вся работа обрешена в руках уголовно-полицейских чиновников, производящих расследование преступлений при помощи своих секретных сотрудников — разведчиков, информаторов и осведомителей. Секретная работа проводится тремя основными способами: слежкой или наблюдением, словесным расспросом и тайным наведением справок. Разведчики — высшая категория секретных работников — занимаются главным образом, нахождением следов исчезнувших преступников и раздобыванием нитей, ведущих к раскрытию самого преступления. По к этой работе в буржуазных государствах присоединяется прямая подготовка преступлений или мнимых преступлений, в целях политических (подделка дипломатических документов и т. д.). Особенно в этом отношении славятся Лондонский «Скотланд-Иард», Варшавская «дефензива» и т. д.

У. р., само собою разумеется, стремится к тому, чтобы держать на учете всех прошедших через него преступников. Для этой цели существует широко разработанная система технической регистрации преступников, из которых одной из важнейших является так называемая опознавательная фотография, дактилоскопия (см. Судебная медицина).

У. р. вынужден непрерывно совершенствовать технику своей работы для успешной борьбы с уголовной преступностью.

С Тагер

УГРОЗА, т.е. по определению Фойницкого, «умышленное страдание человека причинением ему какого-нибудь противозаконного зла», по У. К. РСФСР, как таковая, не признается. вообще говоря, общественно-опасным действием (преступлением); само собою разумеется, что в тех случаях, когда У. носила характер вымогательской У. в действиях угрожающего налицо уже состав преступления вымогательства (см.) Зап.-европейские законодательства рассматривают У. как особое преступление; в германском У. К. напр. признается наказуемым всякий, кто угрожает другому каким-либо серьезным преступлением (*Verbrechen* в технич. смысле, т.е. таким преступлением, за которое полагается смертная казнь, каторга, или хотя бы заключение в крепость на срок, могущий превышать 5 лет), при чем такая У. отнесена в законе к числу преступлений против личной свободы. Дореволюционное русское право устанавливало наказуемость У. насильственными действиями против личности и У. поджогом. Мотивом исключения сессией ЦИК статьи об У. из проекта нашего У. К. (в составленном НКЮ проекте У. К. 1926 г. такая статья имела) было то соображение, что наличие такой статьи в У. К. повлекло бы целую массу уголовных процессов против лиц, в сущности никакой социальной опасности не представляющих, ибо пускание в ход У. является, до некоторой степени, «бытовым явлением», при чем подавляющее большинство этих У. не приходится принимать всерьез. При наличии в У. К. РСФСР ред. 1926 г. примечания к ст. 6-ой (см. в наст. томе стр. 483), включение в данное время в У. К. статьи об У. таких опасений уже не должно было бы возбуждать. Между тем, не все У. являются не серьезными У. а подход к У., который проводится в нашем У. К., лишает возможности принятия, в порядке дознания или следствия, не говоря уже о порядке судебного разбора дела, тех или иных мер против угрожающего, пока он не начнет осуществлять свою У. Правда, наш новый У. К. признает уже приготовление к преступлению, как таковое, подлежащим уголовному преследованию, но и это не дает надлежащего выхода из отмеченного нами затруднения (было время, правда, когда У. преступлением уже

сама по себе рассматривалась как приготовление к этому преступлению, но такой подход к У. конечно не выдерживает критики).

Циркуляром НКЮ от 6/1 — 1926 г. было разъяснено, что «в случае нанесения рабселькору У. имеющих целью заставить рабселькора, под страхом учинения насилия над ним или его близкими или истребления его имущества, отказаться от рабселькоровской деятельности или отдельных проявлений ее» лица, пускающие в ход такие У. должны привлекаться, но не по аналогии, по статье У. К о вымогательствах (ст. 194 У. К. 1922 г. ст. 174 У. К. 1926 г.) У. должностному лицу с целью воспрепятствовать учинению того или иного служебного действия, может явиться способом своего рода сопротивления власти (см.), и в некоторых случаях этого рода возможно, конечно, применение также по аналогии, ст. 73 У. К.

А. Э

УИСПОЛКОМЫ (уездные исполнительные комитеты) и уездные съезды советов, являющиеся теперь высшими органами власти на территории уезда, как безвластная или полувластная революционная организация, возникли в начале весны 1917 года. Поскольку пролетарские массы имелись лишь в немногих уездных центрах большую организующую роль в области уездных съездов и исполкомов играли советы солдатских депутатов, вообще же в этих крестьянских не существующих организациях довольно долгое время влияние имели непролетарские элементы революции. Крестьянский характер уездных съездов советов был закреплен Конституцией 6 июля 1918 г. установившей, что на уездных съездах участвуют представители от всех сельсоветов и от городов с населением не свыше 10.000 чел. Норма представительства была установлена по 1 делегату на 1.000 чел. населения, но не свыше 300 чел. Съезд должен был собираться каждые 3 месяца и избирал исполнительный комитет не свыше 20 чел.

У. этого периода являлись довольно слабыми звеньями советской организации, так как кулачество, захватившее влияние во многих сельских местностях, проникало через уездные съезды в У. и создавало ряд

трудностей в уездной советской работе Комбедовское движение дало положительные результаты и в очищении уездных органов управления от антисоветских элементов. В 1919 г. У., окрепшие особенно с приливом в деревню из городов рабочего элемента становятся все более связующим звеном между губисполкомом (см.) и деревней. Состоявшийся в конце 1919 года VII Всероссийский съезд советов своими постановлениями уточнил и укрепил уездную советскую организацию в составъездов советов, созываемых не через каждые 3, а через 6 месяцев, введены были представители всех городов и фабрично-заводских поселков уезда. При исполкомах закрепляется существование президиумов из 3 человек с усилением их руководящей роли. Было установлено, что при У. образуются те же отделы, что и при губисполкоме за исключением отделов почт и телеграфа, юстиции и чрезвычайной комиссии. Этим же и VIII Всероссийским съездом были уточнены взаимоотношения У. с вышними и нижестоящими органами управления. На основе этих съездовских постановлений У. провели громадную работу по непосредственному руководству всей деятельностью в деревне в эпоху военного коммунизма. В 1921 г. было выработано и 26 января 1922 года утверждено ВЦИК первое Положение об уездных съездах советов и их исполнительных комитетах. Положение это характеризуется некоторой бюрократизацией У., количество членов которых сокращается до 11 чел., избирающихся созываемым один раз в год съездом советов, норма представительства на который повышается вдвое. Краткая формулировка круга компетенции по типу § 61 Конституции 1918 г. учитывала переходный момент с неопределенными точно функциями. Общее сжатие функций У. сравнительно с периодом военного коммунизма поставило вопрос о сжатии его аппарата который в конце 1923 г. сессией ВЦИК был оформлен в составе 6 отделов: 1) общего, объединявшего отделы коммунального хозяйства народного образования, здравоохранения и социального обеспечения, 2) военного, 3) земельного, 4) финансово-налогового, 5) статистического бюро и 6) уездного управления милиции; кроме того при У. существовали уездн. инспекции труда и испол-

помоченные соответствующих губотделов— юстиции РКИ ГПУ. В связи с хозяйственным под'емом СССР и началом политики оживления советов в октябре 1924 г., сессией ВЦИК было принято новое Положение об уездных Вездах и исполкомах. Состав уисполкомов по этому положению увеличивался с 11 до 15, а в более крупных Вездах и до 20 чел. Количество членов президиума УИК увеличивалось с 3 до 5 человек. Кроме обычных заседаний исполкома не реже одного раза в две недели, каждые три месяца для обсуждения наиболее важных вопросов и докладов по отдельным отраслям деятельности уисполкома устанавливаются его сессионные заседания с участием представителей всех волносполкомов, горсоветов и промышленных районов Везда. Компетенция УИК'ов по Положению 1924 г. значительно расширилась—им предоставлено право юридического лица, право издания обязательных постановлений и наложения административных взысканий, значительно расширены финансово-бюджетные права и подробно регламентирована довольно широкая деятельность УИК'а в области управления хозяйства и культуры. В связи с развитием культурно-хозяйственной и административной деятельности в 1926 г. общинные отделы УИК'а были упразднены с восстановлением отделов коммунального хозяйства, пароброза и здравоохранения; управление милиции преобразовано в административный отдел. Растущая на местах советская работа все с большим трудом укладывается в устарелые уездные рамки и частью она уходит к новым образованиям в виде округов, но еще в большей мере переходит к укрупненным волостям, районам. В настоящее время У' заменяются этими административно-территориальными единицами во всех союзных республиках.

в РСФСР число Вездов с 601 в 1922 сократилось до 359 в 1926 г., и через несколько лет они и здесь будут заменены районами и округами.

Г. Михайлов

УКЛОНЕНИЕ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ:

Ст. ст. 64—69 У. К. ред. 1926 г. имеют своей задачей борьбу с разного рода нарушениями закона об обязательной военной службе (от 18/IX 1925 г.) как-то: нарушением правил, уста-

новленных для учета военнообязанных (ст. 64); У. от допризывной подготовки и проверочных сборов (ст. 65); У. от опытных и проверочных мобилизаций (ст. 66); У. от призыва к отбыванию действительной военной службы и У. военно-обязанных от явки по мобилизации, У. от призыва (ст. 67 У. К.) влечет лишение свободы на срок до 6 месяцев с отправлением по отбытии срока в части войск для прохождения положенного срока службы при смягчающих обстоятельствах, в частности, при малой политической сознательности уклонившегося, оно влечет лишь дисциплинарное взыскание, налагаемое военным начальством в части, куда направляется уклонявшийся. Квалифицированным У. от призыва, влекущим, согласно ст. 68 У. К., лишение свободы на срок до 5 лет с направлением затем в части войск для прохождения положенного срока службы признается У. посредством повреждения здоровья, совершения подлога документов, подкупа должностных лиц, изменения своей фамилии или звания, или всяких других ухищрений, а равно под предлогом религиозных убеждений. Что же касается У. от явки по мобилизации, то, когда уклонявшийся является лицом начальствующего состава оп, согласно ч. 2 ст. 69, подвергается лишению свободы на срок не ниже 2 лет, а во всех остальных случаях, согл. ст. 69 ч. 1,—лишению свободы на срок не ниже 6 месяцев, при чем и в первом, и в остальных случаях «исполнение приговора откладывается до окончания военных действий, а осужденный немедленно передается в распоряжение военных властей», и «в зависимости от его поведения в части начальником последней может быть возбуждено перет соответствующим судом ходатайство о полном освобождении от назначенной судом меры соц. защиты».

В отношении среднего и старшего начальствующего состава за п а с а особо предусмотрено У. от учебных сборов или от участия в качестве инструкторского состава для вневойсковой подготовки военнослужащих и допризывников, а в отношении высшего начальствующего состава запаса — У. от подвижных сборов, полевых поездок, маневров и военных игр; таковое У. согласно 2 ч ст. 65, влечет принудительной работы на срок до 3 месяцев или

штраф до 300 руб. Ст.ст. 64—66 имеют все своей санкцией принудработы или штраф определенного размера.

Возникает вопрос о том, когда подлежат применению рассмотренные статьи об У от призыва или от явки по мобилизации и когда—соотв. статьи «Положения о воинских преступлениях» (о побеге и об У военнослужащего от военной службы—см. Воинские преступления) Само собой понятно что «Положения о воинских преступлениях» применяется только к военнопослужащим. Согласно ст. 4 закона об обязат. военной службе, таковая «слагается из а) допризывной подготовки, б) действительной военной службы и в) состояния в запасе» Военнослужащими, согласно ст. 9 того же закона, считаются все состоящие на действительной военной службе (т.-е. и уволенные в долгосрочный отпуск). Напротив военнопобязанные запаса, с одной стороны, и допризывники, с другой, могут привлекаться за У. от службы или побег по статьям «Положения о воинских преступлениях», лишь когда эти деяния совершены ими в то время, когда они считаются состоящими в рядах рабоче-крестьянской Красной армии, т.-е. во время нахождения допризывников на учебных сборах а военнообязанных запаса—на повечерных сборах. По ст.ст. 64 и 66—69 У.К. отвечают, в соотв. случаях, и нетрудовые элементы, подлежащие зачислению в тыловое ополчение; только те из них, которые по мобилизации зачислены в команды обслуживания, отвечают за побег или У от службы уже по статьям «Положения о воинских преступлениях»

УКРЫВАТЕЛЬСТВО (преступника или следов преступления) рассматривается У. К. РСФСР, как частный случай соучастия (см.) в преступлении. Теоретики уголовного права (за единичными исключениями вроде *Beling's* с его понятием *Nachtäterschaft*) относят в настоящее время к соучастию лишь те случаи У. когда таковое было заранеее, еще до совершения укрываемого преступления, обещано совершителям последнего будущим укрывателем. Отказ от учения об «акцессорной природе» соучастия (см.) вовсе не устраняет возможность такого

взгляда на У. Напротив, именно при таком отказе в основу уголовно-правовой конструкции соучастия кладется единственно правильное положение о том, что деятельность соучастника в преступлении также связана причинной связью с событием преступления, как и деятельность лица, непосредственно совершившего это преступление. Между тем, и присоединяющаяся уже после события преступления деятельность укрывателя, конечно, как причина этого события рассматриваться не может. В зап.-европейских У.К. У предусматривается, как особое самостоятельное преступление в Особенной части (в германском У. К. ему посвящена особая 21-я глава — ст.ст. 257—262). Если наше законодательство не последовало этому примеру, то потому, что, с точки зрения социальной опасности укрывателя, приравнение У. к соучастию практически, вообще говоря, целесообразно, а также ради того, чтобы не усложнять структуру У. К. Подобно русскому дореволюционному законодательству, буржуазные У. К. особо останавливаются на У близких родственников, признавая таковое в некоторых случаях вовсе ненаказуемым. Наш У. К. не знает такого рода постановлений. От У. следует отличать недоносение (см.). Как сказано в инструктивном письме УКК Верховуда 1925 г № 2, «У предполагает известную активность со стороны укрывателя по отношению к совершению преступления, недоносительство же характеризуется пассивным отношением лица к преступлению»

А. Э.

УЛУЧШЕНИЯ, перевод латинского слова «мелиорация», первоначально отпосытятся лишь к сельскому хозяйству и охватывают всякие улучшения как в технических, так и в природных его условиях. У нас это слово распространено и на арендуемые, нанимаемые вещи вообще, в частности на домовладения и предприятия, и в этом отношении оно включает в себя понятие «издержек» или даже приравнивается этому понятию. Гражданское право, еще по римскому праву, различает несколько видов издержек, т.-е. расходов или затрат на объект пользования или вообще на чужую вещь.

1) Необходимые издержки, т.е. издержки, необходимые для сохранения вещи или ее хозяйственного назначения, ее производительности и т. д.; сюда относятся и причитающиеся по закону платежи (налоги и т. д.). Эти расходы, собственно говоря, не подходят под *У* в узком смысле, ибо они необходимы для поддержания вещи и обычно ничего не прибавляют, т.е. не «улучшают» вещи. Обычно эти расходы предусмотрены уже в договоре, но если обязанность нести их без возмещения не вытекает из специального закона или из договора, то обязанность к вознаграждению понесшего эти затраты, можно сказать, сама собою разумеется.

2) Издержки полезные — это *У* в узком смысле слова. Судьбу этих затрат разные законодательства разрешают различно. Одни исходят из того, что никто не обязан к принудительной благотворительности, и поэтому понесший эти расходы в праве либо изъять, увезти эти затраты, если они поддаются отделению без вреда для вещи, либо же получить за них вознаграждение. Другие же рассуждают наоборот, что никто не в праве вмешиваться без просьбы или согласия другого в его дела и навязывать ему расходы на его вещь, почему о возмещении, без договорного основания, мол, и речи быть не может.

3) Наконец, издержки роскоши, на украшение вещи и т. п., которые сделавший их в праве или даже обязан увезти, без вреда для вещи, или обязан оставить безвозмездно. В вопросе вознаграждения в этих случаях в гражданском праве существенную роль играет добросовестность или недобросовестность владения или пользования вещью, на которую сделаны издержки; при условии добросовестности это вознаграждение шире.

Г. К. общих правил об *У* или вообще об издержках не содержит. Ст. 179 Г. К. о договоре найма определяет, что произведенные без согласия наймодавца *У*., если они отделимы без вреда для имущества и наймодавец не захочет возместить их стоимости, могут быть изъяты. По ст. 400 Г. К. добросовестный владелец вещи обязан возместить необходимые затраты на имущество с того времени, как он обязан возратить доходы

Примечание к ст. 179 Г. К. определяет, что все *У*., произведенные арендатором национализированного или муниципализированного предприятия или строения, по истечении срока аренды безвозмездно переходят к государству, при чем Верх. Суд РСФСР разъясняет, что они составляют собственность государства уже и до истечения этого срока. «Относительно вознаграждения арендатора госимущества за необходимые ремонты», сделанные без согласия наймодавца, Верх. Суд РСФСР дает отрицательный ответ, ибо ст. 171 п. «б», Г.К. в этом случае дает право лишь на расторжение договора.

Пробелы в законе относительно *У*. и издержек вообще необходимо будет дополнить, в особенности по отношению к крестьянству.

УЛУЧШЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫЕ. Вознаграждение за земельные *У*. является одним из самых жгучих вопросов аграрного права, и борьба за это право, особенно в Ирландии, принимала прямо революционный характер и длилась десятилетиями. Суть вопроса изложена у Маркса в его «Капитале», III т., 2 ч. (стр. 159), изд. 1924 г. «Сравнительно краткосрочные затраты капитала, сопряженные с обычными производственными процессами в земледелии, все без исключения делаются фермером. Эти затраты, как и простое возделывание вообще, если только оно ведется хотя бы до некоторой степени рационально, т.е. не сводится к грубому истощению земли, как было, напр., у прежних американских рабовладельцев, против чего, однако, госиода земельные собственники по контракту обеспечивают себя,—эти затраты улучшают почву, увеличивают количество продукта и превращают землю из простой материи в землю-капитал. Возделанная земля больше стоит, чем невозделанная тех же самых естественных свойств. И основные капиталы, присоединяемые к земле на более долгий срок, используемые в течение сравнительно продолжительного времени по большей части а в некоторых сферах иногда исключительно, затрачиваются также фермером. Когда же истекает определенный контрактом срок аренды,—и это одна из причин, почему с развитием капиталистического производства земельный

собственник стремится по возможности сократить срок аренды,—тогда произведенные в земле улучшения достаются владельцу земли, как акциденции, не отделяемые от субстанции от земли, как это свойственно При заключении нового контракта об аренде земельный собственник присоединяет к собственно земельной ренте процент на капитал присоединяемый к земле,—безразлично, сдает ли он теперь землю тому фермеру который произвел улучшения, или кому-либо другому. Таким образом его рента разбухает; или если он намерен продать землю (мы сейчас увидим, как определяется ее цена) теперь оказывается повышенной ее стоимость. Он продает не просто землю, но улучшенную землю, присоединенный к земле капитал, который ему ничего не стоил. Это одна из тайн совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты—ускоряющегося обогащения земельных собственников, постоянного увеличения их ренты и возрастания денежной стоимости их земель, параллельного ходу экономического развития. Таким образом земельные собственники прибирают к своим рукам результат общественного развития, получающийся без всякого содействия с их стороны».

Этот вопрос был одним из оснований недовольства крестьянских масс Ирландии состоящих из краткосрочных мелких арендаторов. Английские реформисты 25 лет подряд бомбардировали парламент просьбами о вознаграждении крестьян за все когда-либо произведенные крестьянами У. Роберт Пиль назвал этот проект революционным, и действительно принятый в 1860 году закон оказался лишь жалкою карикатурою на проект. Арендаторы вознаграждались лишь в случае письменного согласия владельца, но вознаграждение не выдавалось, так как арендатор обычно обязан был к У по договору. За 5 лет нового закона было лишь шесть случаев его применения. Началась новая агитация, пошли новые беспорядки—в 1870 вышел новый закон расширивший случаи вознаграждения, ибо не действителен отказ мелких арендаторов от вознаграждения, и арендатор, хотя и имевший договор на 1 год, может требовать вознаграждения и за прежние годы. Этот закон применен в течение 10 лет в 6.245

случаях, из коих 1.718 случаев решено в пользу арендаторов. Но это все-таки была лишь капля в море ибо число краткосрочных арендаторов в Ирландии равнялось 526.539. Началась новая агитация, которая привела к запрещению выселений краткосрочных арендаторов и, наконец, принудительному выкупу (законы 1881, 1885, 1897, 1901 и т. д.). После того, как крупные имения перешли к крестьянам, вопрос об У. потерял свое революционное значение.

Надо иметь в виду, что эта борьба особенно ожесточенно ведется мелким арендатором-крестьянином, который борется не из-за вложенных денег, но из-за пролитого собственного пота. Он любит не столько землю, сколько свой вложенный в нее труд.

Мы напр., видим как в Лифляндской губернии, части русской Ирландии, как ее называла русская печать 1880-х годов, такие же законы следовали друг за другом в 1860, 1863, 1865, 1866, 1868 г., и все безрезультатно. Помещик предпочитал выселять старого хозяина, чтобы получить увеличенную аренду с нового, свежеего хозяина. А помещик имел достаточную поддержку в царском правительстве.

У нас с отменой частной собственности на землю вопрос отчасти теряет свое прежнее значение, но не совсем. Прим. ст. 53 декрета о социализации земли (С У № 25 ст. 346) установило: «Пользователь земли, когда его право пользования прекращается, имеет право требовать от Зем. отдела вознаграждение за пену пользования и иные улучшения, а также за всякий труд, вложенный в землю, в насаждения и в постройки».

Ст. 37 З. К. устанавливает, что по окончании аренды земельный участок возвращается сдатчику со всеми У произведенными с'емщиком и не отделяемыми без ущерба для хозяйственной готовности участка» и т. д. Но это сравнительно редкие случаи «трудовой аренды», и, как массовое явление, в целях эксплуатации немислимо. Ст. 119 З. К. предусматривает в случае передела в обществе с общинным порядком землепользования, полное вознаграждение за произведенное к о р е н н о е улучшение и, в частности, некустаренное орошение или осушение», если пользователь земли не использовал свои

особые затраты. То же самое правило ст. 131 применяет к участкам луговых угодий. У нас, наоборот, надо опасаться, что в наших капиталистических арендных договорах не будет достаточных определенных гарантий действительного производства необходимых У. Чем капиталистические арендные договоры в Англии могут служить полезным образцом. Как бы у нас условия о чрезмерных и посяму недействительных неустойках не вытеснили этих необходимых статей договоров.

II Стучка

УЛЬТИМАТУМ. У называется дипломатическая нота одного государства другому, формулирующая в окончательной и категорической форме требования, предъявляемые первым государством ко второму, при чем указываются последствия, которые повлечет за собою невыполнение требований. В некоторых случаях эти последствия конкретно же обозначаются (т.-н. «простой» У в отличие от «квалифицированного»), но государство, предъявляющее У, заявляет, что оно оставляет за собой право предпринять те меры, какие оно сочтет необходимыми. В У указывается срок, в продолжение которого предъявляющее его государство ожидает согласия другой стороны на выполнение выставляемых им требований. У., конечно, не является формой нормальных дипломатических сношений между дружественными государствами. Как правило, к нему прибегают в тех случаях, когда налицо имеется конфликт, который государство, предъявляющее У, находит невозможным урегулировать посредством обычных переговоров, или иным дружественным путем. При предъявлении У. таким образом, считают ся с возможностью полного разрыва дипломатических сношений или даже войны с другой стороной. Зачастую У. имеет своей целью именно провоцирование разрыва, и в таких случаях в нем выставляются заведомо невыполнимые требования. В других случаях У является средством в руках империалистических держав для того, чтобы добиться согласия на удовлетворение их захватнических притязаний от слабых государств.

Попытка правового урегулирования практики У имела место на второй Гааг-

ской мирной конференции (1907 г.) Статьи 1 и 2 конвенции III устанавливали, что в случае «квалифицированного» У. государство, предъявляющее его, имеет право прибегать к военным действиям лишь в том случае, если разрыв сношений и война указаны в У. в качестве последствий отказа от выполнения предъявляемых требований. В противном случае требуется дополнительно еще формальное объявление войны, которое должно быть сообщено как противной стороне, так и нейтральным государствам. Как видно, эти «ограничения» носят чисто формальный характер и лишены практического значения.

Исторические примеры У в новейшее время: известный У австро-венгерского правительства Сербии, предъявленный 23/VII 1914 г., явившийся формальным поводом к началу мировой войны 1914—1918 гг., итальянский У Греции от 29/VIII 1923 г. по поводу убийства итальянского военного агента; британский У Египту от 22/XI 1924 г. поводом к которому явилось убийство генерал-губернатора Судана Эл-Стека, по который фактически послужил основой для окончательного захвата Великобританией Судана.

В практике внешней политики СССР имело место предъявление У S/V 1923 года со стороны британского правительства (т.-н. «Керзоновский У.», названный так по имени его автора, министра иностранных дел британского консервативного кабинета, лорда Керзона). У этот выставил ряд требований (прекращение пропаганды на Востоке, дезавуирование некоторых советских должностных лиц, признание трехмильной полосы береговых вод для британских судов, возвращение задержанных английских траллеров, и т. д.), угрожая, в случае если СССР не даст своего согласия на выполнение этих требований в десятидневный срок, аннулировать англо-советское торговое соглашение от 16 марта 1921 года. У. необычайно резкий и вызывающий по тону, был явно рассчитан на то, чтобы добиться разрыва сношений. Однако этот разрыв был предотвращен и конфликт улажен, благодаря миролюбивой позиции советского правительства, которое, в целях сохранения мирных отношений между обеими странами, пошло на частичные уступки в виде удовлетворения некоторых британских требований. Так-

образом, провокационный У Керзона не достиг своей цели.

Л. И.

УМЫСЕЛ на ряду с неосторожностью (см.) рассматривается буржуазными теорией и законодательствами, как форма вины (см.); советское уголовное право, отрицающее понятие вины, пользуется понятием У. по иным соображениям, о которых см. Вменение, при чем, однако, оказалось возможным для юридической конструкции понятия У в нашем У. К. использовать схему определения У., разработанную буржуазной доктриной и нашедшую вполне четкую формулировку в I части ст. 48 дореволюционного угол. уложения 1903 г («Преступное деяние почитается умышленным не только когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступление последствий, обуславливающего преступность сего деяния») Если в процитированной формулировке различаются две разновидности У. то такие же две разновидности У. предусмотрены и в п «а» ст 10 У. К. РСФСР ред. 1926 г (ст. 60 Осн. начал, ст. 11 У. К. 1922 г.), согласно которому действовавшими умышленно признаются те лица, которые «предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление» 1-ая разновидность У. (когда действовавшее лицо желало ставить себе целью причинить то последствие, которое ему затем инкриминируется) охватывается техническим термином «прямой У.»; 2-ая разновидность У (когда действовавшее лицо избирает заведомо для него способный привести к причинению данного последствия образ действий и таким образом сознательно допускает наступление этого последствия, имея целью добиться каких-либо других последствий, которые сами по себе могут и не иметь общественно-опасного характера или иметь не столь общественно-опасный характер) охватывается техническим термином «непрямой или эвентуальный У.» Пример последнего — см. т. II стр. 547 и стр. 554 (экономическая контрреволюция) См. также на стр. 164 наст. тома.

В буржуазной доктрине по вопросу об

У. идет борьба двух точек зрения: так наз. «волевой» теории (Бар, Биндинг, Хинпель и др.) и так наз. «теории представления» (Лист, Франк и др.) Согласно 1-ой при умышленном преступном деянии все элементы объективного «состава преступления» обнимаются волей действующего лица; согласно 2-ой, «У есть сопрягающее акт воли сознание (представление) всех принадлежащих к объективному составу преступления обстоятельств». На практике «спор волевой теории и теории представления свелся скорее к спору о словах» как правильно замечает Немировский; с нашей точки зрения, устранение необходимости оперировать в науке угол. права с достаточно неопределенным в научном отношении понятием «воли» было бы шагом вперед, но дело-то в том, что до сих пор сторонники «теории представления» не были достаточно последовательны в этом отношении, идя, так сказать, на поводу у «волевой теории». Так, Лист утверждает, что лицо, признававшее наступление, вследствие его действий, определенного последствия, вообще говоря, возможным и тем не менее совершавшее эти действия, не может быть рассматриваемо, как действовавшее с У. (эвентуальным), если оно «отклоняло» от себя всякую мысль о возможности фактического в данном конкретном случае наступления такового последствия, хотя бы полагаясь на свое «счастье», на «удачу»; в этом случае, — говорит он, — это лицо может отвечать лишь за причинение данного последствия по неосторожности (самонадеянности).

Между тем, в нашем У. К. (как и в угол. уложении 1903 г.) к неосторожности—самонадеянности отнесены лишь случаи, когда кто-либо, «легкомысленно надеясь предотвратить» последствия, могущие наступить вследствие его действий, на самом деле их не предотвратил, а причинил. Надеяться предотвратить — значит надеяться не допустить наступления предотвращаемого последствия, хотя бы полагаясь на свою ловкость и т. п.: надежда на «удачу» на «авось» никоим образом не есть надежда «предотвратить».

Существуют бурж. криминалисты, считающие невозможным различать 2 «формы вины», из которых каждая в свою

очередь, расчленяется на 2 разновидности (У. прямой. У. эвентуальный, неосторожность, самонадеянность и неосторожность, небрежность). Так, Löffler ссылается на затруднительное положение, в котором, по его мнению, часто оказывается судья, обязанный квалифицировать каждое преступное деяние либо в качестве умышленного, либо в качестве неосторожного, в то время когда граница между У. и неосторожностью не отличается четкостью, ибо они незаметно переходят один в другую: поэтому он предлагает различать три формы вины (У. прямой (Absicht), заведомость (wissentlichkeit), (под каковым термином он объединяет эвентуальный У. и неосторожность-самонадеянность), простую неосторожность, при чем, расчленяя промежуточную форму на 3 группы, в зависимости от большей или меньшей вероятности наступления вредных последствий (степени риска), и приходит в окончательном выводе к предложению учитывать три степени виновности: 1-й должны быть отнесены лица, действовавшие с прямым У., и те из действовавших «заведомо», для коих наступление соотв. вредных последствий являлось весьма вероятным; ко 2-й—лица, действовавшие «заведомо», если наступление соотв. вредных последствий являлось просто вероятным; наконец, к 3-й—лица, действовавшие «заведомо» если притом степень риска причинения вредных последствий являлась минимальной. и лица, виновные в простой неосторожности. О значении т. н. «сознания противоправности» в учении об У. — см. Ошибка; там же рассмотрен вопрос о смысле, который имеет включение в формулировку понятия У., данную в ст. 10 нового У. К. (ст. 6 Осн. нач.) слов «предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий» (подчеркнутые слова в ст. 11 У. К. 1922 г. отсутствовали)

4 Э.

УНИЯ—отжившая форма сослияния государств, основывавшаяся на общности монарха. Различалась *У. личная* и *У. реальная*.

Личная У. основывалась на случайной общности монарха в силу совпадения в одном лице прав на престолонаследие в разных государствах. Таковы были У.

между Англией и Ганновером (1714—1837) и между Нидерландами и Люксембургом (1839—1890). В основе *реальной У.* лежала общность монарха в силу международного договора, которым кроме того могли предусматриваться и другие общие органы, например, общие министерства.

Реальная У. существовала между Швецией и Норвегией (до 1905 г.) и между Австрией и Венгрией. Австро-Венгрия явилась последней в истории реальной У., конец которой положила империалистская война.

УСЛОВНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ обязано своим происхождением английской ссылке в Австралии, где на острове Норфольк капитан Мекончи ввел его как средство поощрения для ссыльных, которые при его помощи получали возможность добиться освобождения от обязательных тяжелых работ и права выбора профессии на месте ссылки. Из этой примитивной формы и родилось У. о. в его современном виде, состоящее в том, что заключенный в случае признания его соответствующим компетентным органом исправившимся, освобождается до истечения назначенного ему приговором суда срока под условием, что освобожденный в течение назначенного ему судом испытательного периода, не совершит нового (не менее тяжкого по ст. 56 У. К.) преступления, и с тем что в случае его совершения в срок назначенному судом по новому делу, прибавляется неотбытая часть наказания по первому приговору. Право условного освобождения превращает срочные судебные приговоры в относительно неопределенные, при которых нижшим пределом служит установленный в законе минимальный срок, после которого допускается применение условного освобождения ($\frac{1}{2}$ назначенного по приговору суда срока в РСФСР и $\frac{1}{3}$ — в СССР) а высшим — установленный в приговоре суда срок. Вместе с тем условное освобождение входит необходимым звеном в прогрессивную систему, являясь ее последней стадией (см. Пенитенциарные системы)

У. о. принято в большинстве капиталистических стран (Франция, Бельгия, Германия и др.), но применяются в них крайне скупо за исключением Германии, где в послевоенную эпоху в связи с невероятным

ростом количества преступлений и переполнением тюрем, правительство вынуждено было широко прибегать к У о.

Принцип целесообразности, диктующий признание бессмысленности дальнейшего содержания под стражей отдельных преступников и даже целых групп их, потерявших социальную опасность, находит в У о. свое наиболее удачное завершение.

Согласно У К. РСФСР в ред. 1926 г У о. заключается либо в освобождении от дальнейшего отбывания назначенной по суду меры социальной защиты, либо в замене ее более мягкой (принудительными работами) и применяется в порядке, установленном И.Т.К. РСФСР Согласно п. 5 ст. 16 И.Т.К У о. предоставляется распределительными комиссиями

Насколько широко применяется в РСФСР условное освобождение, видно из следующих цифр: во втором полугодии 1925 года было рассмотрено 138.181 ходатайство об условном освобождении, из коих было удовлетворено 67%, а в первом полугодии 1926 года — 178.462 ходатайства с повышением процента удовлетворения до 69%. Наибольший процент удовлетворения ходатайств приходится на крестьян, наименьший — на нетрудовой элемент. У о. поименно распределительных комиссий может предоставляться — и притом вне зависимости от отбытой части срока — и в порядке помилования (частной амнистии).

Е. III.

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ заключается в неприменении к признанному виновным в преступлении полагающейся по закону меры уголовной репрессии под условием хорошего его поведения или несовершения в течение установленного испытательного срока нового преступления.

Применяется У о. в двух формах: принятой в Америке, где устанавливается только виновность, но не определяется мера репрессии, и виновный отбывает под попечительный надзор особых чиновников или добровольцев-попечителей на определенный испытательный период, при чем уже в случае неудачи испытания суд назначает определенное наказание и принятой в европейских государствах (кроме Англии) где суд определяет и самое наказание, с тем, что оно приводится в исполнение только в том случае если осужденный в течение испытательного срока совершит

повое преступление или проявит «дурное поведение».

Успех У о. впервые ставшего применяться в середине прошлого столетия в Англии и Америке, обязан в значительной степени неудовлетворительности результатов краткосрочного лишения свободы. Этим объясняется что в капиталистических странах действие его до сих пор ограничено маловажными преступлениями и что в учебниках уголовного права это ограничение до сих пор вносится в определение У о. К этому присоединяется и сознание несправедливости и нецелесообразности применения наказания (см. Меры социальной защиты) в некоторых случаях несмотря на то что факт преступления (см.) является доказанным.

У о. имеет своих принципиальных противников, особенно среди сторонников общего предупреждения выдающих в У о. поощрение преступника, а также среди защитников теории возмездия, терпящей при допущении У о. серьезный прорыв принципа строгого соответствия меры наказания мере содеянного.

И тем не менее несомненная целесообразность института У о. обеспечила ему исключительный успех не только на практике, но и в теории уголовного права. В 70-х годах оно входит в законодательство различных штатов С. Америки. В 1888 г. оно вводится в Бельгии, в 1891 г. — во Франции; вслед за этим оно принимается в Англии в Австралии и др. странах. Еще Брюссельский конгресс Международного союза криминалистов (1889) «рекомендует законодателям всех стран принятие принципа У о. но настаивает на необходимости указать пределы, согласно местным условиям и принять во внимание характер и нравственное состояние каждого народа». Вашингтонский тюремный конгресс 1910 г. уже подводит итоги применению условного осуждения и на вопрос «Какое влияние на преступность оказали в различных странах законодательные мероприятия относительно У о.?» ответил в резолюции: «Результаты У о. являются благоприятными».

В России до революции все попытки ввести У о. заканчивались неудачей. Законопроект об У о. был в частности принят с 1909 г. Государственной думой, но был отклонен Государственным советом. Впер-

вые в России этот институт был введен советским правительством (Декрет о суде № 2).

В настоящее время У о вошло прочной составной частью в наше уголовное законодательство и широко применяется на практике.

По сведениям стат. подотд. НКЮ по 50 губерниям РСФСР в губ. и нарсудах за 1925 год было всего осуждено 515.785 чел.,

к лишению свободы 267.740. из коих условно 108.872 или 40,7%.

За первую половину 1926 г общая цифра осужденных к лишению свободы составляет 271.967. из коих условно 45.275 или 16,7%. По отношению к делам губсудов процент условно осужденных за первую половину 1926 г составляет 22,7% а по нар. судам 32, 3%.

По группам преступлений эти цифры для губ. и нарсудов составляют за 1925 г.

	Всего осужден.	К лиш. своб.	Условно	%
По контррев. прест.	1.042	815	261	32
Против порядка упр.	142.826	33.834	15.822	46,7
Должностные преступления .	29.963	27.263	10.798	39,9
Нарушение правил об отдел. церкви от государства	637	338	198	58,6
Преступл. хозяйств.	69.925	35.584	19.190	53,9
Преступл. против жизни и достоинства личности	124.574	64.406	25.892	40,2
Имущ. преступления	132.465	105.005	36.477	34,7
Воинские преступления	117	91	28	30,8
Нарушен. правил, охр. нар. здоров., общ. безопасн. и публ. порядка	14.236	404	206	51
В с е г о	515.785	267.740	108.872	40,7

Эти сведения не дают всей РСФСР полностью, но в процентном, как и абсолютном отношении дают известное представление о колоссальных цифрах, падающих на условно-осужденных

Область его применения не ограничивается маловажными преступлениями, и суд в праве постановить об У о вне зависимости от тяжести преступления, если только он «признает, что степень опасности осужденного не требует обязательной его изоляции или обязательного исполнения им принудительных работ» Разделяя континентальную систему и требуя при У о. не только признания виновности, но и установления меры социальной защиты, наше уголовное законодательство отказывается от расплывчатого и неопределенного понятия «хорошего поведения», как условия неприменения условной меры, а з., требуя взамен его несовершения в течение определенного срока «нового не менее тяжкого преступления» (ст. 53 У. К. в ред. 1926 г.). Присоединенное к лишению свобо-

ды для принудительным работам, в виде дополнительной меры социальной защиты, денежное или имущественное взыскание приводится в исполнение на общих основаниях, независимо от того, что основная мера социальной защиты определена условно (ст. 54) В случае присуждения условно-осужденного в течение испытательного срока за новое, не менее тяжкое, преступление мера социальной защиты, назначенная условно, приводится в исполнение независимо от меры социальной защиты назначенной по новому делу при чем все же срок лишения свободы в общей сложности не должен превышать десятилетнего, а принудительные работы — годовичного, (ст. 54) Если в течение назначенного судом испытательного срока условно-осужденный не совершит нового, не менее тяжкого, преступления, приговор суда считается утратившим силу, и условно осужденный считается лицом не судившимся (ст. 55).

В практике следует у нас отметить разногласие о целесообразности У. о. вообще, с одной стороны, а с другой стороны, слишком частое его применение. Смотришим отрицательно на У. о. можно ответить фактами, показывающими, что повторное привлечение условно-осужденных чрезвычайно редко, из чего делается вывод, что У. о. возымело свое действие, ибо удерживает от совершения нового преступления. Но одновременно из этого делают и вывод, что У. о. вообще слишком часто применяется вместо полного оправдания (в силу хотя бы ст. 8 У. К.). Хоть по истечении назначенного испытательного срока судимость с усл.-осужд. снимается, все же в случаях, когда нет основания ждать повторения преступления, едва ли надо было присудить его и на это время. Во всяком случае, У. о. в нашей системе У.К. на деле играет очень большую роль.

Е. Ширвиндт

УСТАВ — термин, употребляющийся в различных смыслах: во-первых, для обозначения законодательного постановления, обнимающего известную часть материального права; в этом смысле термин «У.» в дореволюционном законодательстве употребляется очень часто: в советском законодательстве он употребляется только в виде исключения: «Ветеринарный У.» в законодательстве РСФСР и «Таможенный У.» «У железных дорог» и «Дисциплинарный У.»—в законодательстве СССР. Наименование того или иного законодательного акта термином «У.» никакого, конечно, юридического значения не имеет, и здесь играют роль соображения скорее чисто редакционные. В другом смысле термин «У.» употребляется для обозначения акта, определяющего задачи, права и устройство государственного учреждения, работающего на хоз. расчете—треста или акционерного общества (акты соответствующего содержания, но относящиеся к гос. учреждениям, состоящим на гос. бюджете, обозначаются обычно термином «положение»); о юридической природе У. трестов и акционерных обществ — см. соответствующие термины.

И, наконец, слово «У.» употребляется для обозначения акта, содержащего в себе правила, определяющие задачи, права, состав, средства, организацию управления и

порядок ликвидации различного рода общественных организаций (коммерческих, партийных, профессиональных и т. д.). О юридической природе У. каждого из этих видов общественных организаций—см. соответствующие термины

А. Колесников

УСТАВ ВКП(б): В жизни партии (см.) ее У. играл и играет очень большую роль. У. не является формальным документом, а имеет определенное политическое значение, определяющее организационную физиономию партии. У. немногим моложе самой партии, так как с ее основания в 1893 до II съезда партии в 1903 г. партия не имела У. Одна из первых серьезных битв между правым и левым лагерем в партии произошла по вопросу, нужен ли вообще У. для партии, не достаточно ли иметь одну программу партии.

Будущим меньшевикам как-то легко было договориться с будущими большевиками по общим теоретическим программным вопросам, проведение в жизнь которых трудно было предвидеть, как скоро произойдет. Иное дело У. партии он регулировал повседневную организационную работу партии и определял ее политическую и социальную физиономию. Тут правые элементы становились на дыбы, и их реформистская сущность проявлялась всю.

Вот что писал Ленин о противниках всякого У. для партии: «Люля, привыкшим к свободному халату и туфлям, семейно-кружковой обломовщине, формальный У. кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного процесса идейной борьбы» («Шаг вперед, два шага назад», Ленин)

Этот период был недолог, и будущие меньшевики согласились наконец, на необходимость общего У. партии Загорелась горячая борьба о содержании этого У., который должен был определить характер партии и степень ее революционности. Второй съезд партии разделился почти на равные части по вопросу, как диктовать первый пункт У. партии, кто именно юридически является членом партии. Формулировка Ленина гласила: «Считать членом партии всякого, кто признает ее программу

и поддерживают партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из ее организаций». Мартов же был против того, чтобы требовать непременно от члена партии личного участия, он считал достаточным регулярное содействие партии под контролем партии. П. Аксельрод, критикуя точку зрения Ленина указал, что нам надо дать возможность профессорам, студентам, гимназистам и им подобным быть членами партии, а формула Ленина требует от них слишком больших жертв. Ленин и Плеханов доказывали, что рабочий и активный революционер не боится работы в партии, они У одобряют, а лица, страдающие «мелкобуржуазным индивидуализмом», партии не нужны. Как известно, второй съезд партии почти полным большинством принял формулу Мартова.

У. партии подвергался систематическим изменениям, отражая все стадии развития партии. В общей сложности партийные съезды и конференции занимались вопросом об У. партии 7 раз, и он все видоизменялся. После II съезда партии У. пересматривался III съездом партии в 1905 г., на объединительном съезде в Стокгольме на VI в 1917 г. в Петрограде, на конференции партии между VIII и IX съездами партии в 1919 г. на XI партконференции в 1923 г. и, наконец, на XIV съезде партии. Этот факт, что партия так много занималась вопросом о своем У., показывает какое громадное значение она ему придавала.

Не останавливаясь на частичных изменениях, которые претерпевал У. партии на протяжении почти всей истории партии, отметим только главнейшие. III съезд партии восстановил первый пункт У. в формулировке Ленина, установил созыв съездов партии, вместо одного раза в два года по-старому, раз в год; упразднил Совет партии, который должен был существовать по первому У., и официально установил право кооптации членом ПК партии (при единогласии в ПК) и членом местных комитетов $\frac{2}{3}$ голосов членом данного комитета; то же количество голосов достаточно и для исключения из состава комитетов.

V Лондонский съезд партии впервые точно сформулировал в У. что «все организации партии строятся на началах демократического централизма», и более

точно У. определил автономные права партийных организаций в своей внутренней деятельности. У. предусмотрел созыв периодических совещаний партии между съездами с участием всех крупнейших организаций. Установлено право созыва экстренного съезда партии в течение двух месяцев по требованию не менее половины членов партии.

В 1910 г. на пленуме ЦК был принят У. для ЦК партии. Важнейшим пунктом является и. 1 й, где сказано, что «действующая в России коллегия членов ЦК пользуется всеми правами ЦК», несмотря на то, что она не составляет большинства членов ЦК которые находились за границей или под арестом. У. были предусмотрены интересы фракции и было принято: «При замещении кандидатур соблюдается пропорциональность течений». Вопрос о том, кто именно из кандидатов имеет право присутствовать на пленуме решается имеющимися палло действительными членами ЦК данного течения.

Всероссийская конференция РСДРП в январе 1917 г., оформившая большевиков, как отдельную от меньшевиков партию, расширила уставные права по кооптации в руководящие органы партии, и ПК было предоставлено право изменить нормы представительства на съездах партии по соглашению с местными организациями.

В 1917 г. когда партия перешла на легальные формы работы, У. партии перерабатывается на II съезде партии с рассмотрением новых форм приема членов партии. Устанавливается требование рекомендации для желающих вступить в партию, определяется процент уплаты членского взноса. Оформляется в У. существование ревизионных комиссий. Впервые У. определяет, что «для текущей работы ПК выделяет из своей среды узкий состав ПК». Право кооптации совершенно исчезает из У. партии и устанавливается срок для пленарных заседаний ЦК раз в два месяца.

• На VIII съезде партии в У. было внесено, что ЦК имеет не менее двух пленарных заседаний в месяц, и были оформлены организации: политбюро оргбюро и секретариат ЦК. Был на съезде сформулирован пункт, где сказано, что «строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью. Ка-

ждое постановление должно быть прежде всего выполнено, и лишь после того допустима апелляция... В партии в данную эпоху необходима «воздушная дисциплина». Съезд поручил Центр. Комитету внести необходимые изменения в У. партии, согласно решению съезда и на основании поступивших с мест материалов, и утвердить на ближайшей партийной конференции, что и было сделано.

На X съезде партии был создан еще один уставный орган партии: контрольные комиссии У. предусмотрен целый ряд правил о членах контрольных комиссий, о формах работы самих комиссий, об их взаимоотношениях с другими руководящими выборными органами партии и т. и.

XI съезд партии утвердил выработанный партконференцией новый У. партии. Устанавливаются институт кандидатов партии и три категории лиц по их социальному составу для приема в партию. Устанавливаются впервые уставные ограничения для приема в партию лиц, бывших раньше в составе других политических партий. У. была предусмотрена организация при комитетах партии отделов по работе среди национальностей и по работе среди женщин. Были разработаны подробно права всех инстанций партии от областных до волостных и отдельных партийных ячеек, которые были признаны У. основной партийной организацией. Было вполне оформлено уставное положение коммунистических фракций во вне-партийных организациях. Был создан вполне стройный и подробный У. партии.

XIV партсъезд внес в У. партии смягчение формальных условий для вступления в партию рабочих, уменьшая стаж для рекомендуемых с трех лет до одного года, для промышленных рабочих и для крестьян от шести снижается стаж для рекомендуемых с трех лет до двух. Было учтено ограничение для вступления в партию выходцев из других партий, требуя, чтобы их утверждение проходило через ЦК. Партия была переименована из Российской во Всесоюзную. Были уточнены права окружных комитетов партии которые возникли только после последнего райопирования. В У. внесено изменение насчет сроков созыва губернских и уездных партконференций: вместо двух раз в год — один раз. Съезд оформил уставные права ячейки

которая оказалась довольно жизненной и мощной, и определил ее место в общезаводской ячейке. Это самое главное, что внес последний (XIV) съезд партии в У. В основном старый У. партии остался, без изменений.

С. Диманштейн

УСЫНОВЛЕНИЕ (Adoptio) на языке юристов есть такой акт, коим по взаимному соглашению устанавливаются отцовское отношение и сыновнее подчинение между чужими. Но слово У. не совпадает с историческим понятием адопции, которое было шире. Создавшись исторически на чисто социальной и экономической почве древней семьи патриархальным отцом семейства во главе, в которую одинаково входили и дети, и рабы, и припаятые в семью (примаки) из чужой семьи (при чем У. иногда было связано с обрядом рождения сосания груди матери и т. д.), этот институт юридически получил своеобразную формулировку. Если членами семьи считались лишь «законные» дети — те дети из заключенного по закону брака, т. е. если членство в семье «делеггируется» законом, то можно же сделать еще шаг: объявить в силу закона законным ребенком по стороне его, приравняв его к рожденным в браке детям. Этих усыновленных, напр., германское право так и называет брачными детьми. Зато внебрачные дети назывались, отчасти еще называются, незаконными.

А юристы французской революции создали целую революционную теорию «расширения семейства» в интересах революции вкладывая в этот институт экономического характера и происхождения чисто мелкобуржуазно-идеологическое обоснование: осчастливить бедноту посредством ее У., одновременно содействовать таким образом раздроблению крупных состояний. Мы видим как тут «поставлено на голову» простое экономическое отношение.

Но практика сделала из теории еще другие выводы, устанавливая известную фикцию: приемные дети должны по возрасту подходить к «естественным детям» (разница в возрасте), чтобы усыновивший мог быть действительным отцом, иногда требовалось согласие законных детей или совсем запрещалось усыновление при суще-

зтовании детей. Усыновленные вступают во все права и обязанности, даже в права наследования, за исключением лишь имуществ родовых, где это понятие сохранилось.

Но если У является свободным договором, то, значит, и отменить его можно вполне свободно, по обоюдному согласию, при чем однако на этот раз возникает вопрос о согласии заинтересованных лиц, напр., детей усыновленного.

Великая французская революция, как мы уже видели, в революционных целях ввела У., чтобы «преобразовать семью в целях общественных». Комиссия Конвента свой проект так и мотивирует тем, что У. есть средство распространить на бедных блага богатых, не имеющих детей и желающих их иметь, почему по первоначальному плану можно усыновить лишь ребенка из бедной семьи «поденщиков, ремесленников и других классов бедноты». Но через два месяца докладчиком комиссии было уже другое лицо которое расширило проект, разрешая и отцам, имеющим детей, пользоваться У и усыновлять и лиц из других классов. Мотивируется оно тем, что таким образом еще лучше будет достигнута цель разбить крупные богатства, почему наследственное право усыновленного ограничивается капиталом, дающим в год ренты ценностью не более 300 квинталов хлеба.

В дореволюционной России У имело, главным образом, значение приобретения лишней рабочей силы. В этих целях крестьянский двор имел право (сначала обычное) включать приемшей—примаков, а равно и зятей и невест и вообще входящих в семью через брак. Но, кроме того, У служило удобным и массовым средством уклонения от воинской повинности, но льготе первого разряда (так, напр., единственный сын при отце, неспособном к труду), а усыновленный в законном порядке приобретал все права кровного сына. Поэтому была даже издана особая статья закона, что по воинской повинности имеет значение У, только если оно зарегистрировано не позже 5-летнего возраста У.

Октябрьская революция отменила институт У. ибо в советской системе оно признано было лишним. Но нашему ко-

дексу законов об актах гражданского состояния «основой семьи признается действительное происхождение. Никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается» (ст. 133). «С момента вступления в силу настоящего закона не допускается У. ни своих, ни чужих детей» (ст. 133), но усыновленные приемыши, примаки, принятые до издания кодекса, и их потомство приравниваются к родственникам по происхождению. В общем этот институт в городах вообще потерял всякое значение, но «примаки» в крестьянском дворе, основанном на трудовых началах, сохраняют свое значение. В действующем З. К. (ст. 66) примачество признается способом войти в состав членов двора; в новом дворе примаки приобретают полное равноправие и теряют свои права в старом дворе. Для этого достаточно регистрации сельским советом в подворных описях. Жалобы на отказ в регистрации приносятся в 14-дневный срок в волостную земельную комиссию.

По новому кодексу законов о браке, семье и опеке восстанавливается право У. малолетних и несовершеннолетних в интересах детей, при согласии родителей их или их самих, если им более 10 лет. Они получают все права детей по происхождению, значит, и право наследования. Усыновить могут лишь лица, имеющие право быть опекунами, с согласия опекунских учреждений У обязательно регистрируется в актах состояния. В интересах усыновленного любое лицо или учреждение могут предъявить иск об отмене У., при чем суд может отобрать ребенка с присуждением ребенку содержания с усыновителя.

II. Ст

УТИЛИТАРИЗМ: Классическому либерализму (см.) XIX ст. должен был предшествовать некоторый переходный этап, на котором буржуазное мышление могло бы перевооружиться, используя в то же время материалистические (см. Материализм и Право) тенденции своего недавнего революционного прошлого. Такой переходной ступенью между XVIII и XIX в.в. и явился английский У.

Из его исторической роли вытекает и вся двойственность, присущая этому социально-политическому направлению У —

революционен в его отношении к феодальным учреждениям, но столь же мало почитителен он ко всякого рода абстрактным идеалам, в частности к идеям «естественного права» (см.) и «общественного договора». Законы буржуазной собственности, законы капиталистической конкуренции делает он естественными законами общежития, грубый частный интерес — основой общего интереса, понимая общее благо, как «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Это чисто-количественное и вульгарно-эмпирическое отношение к общественной действительности находит свое гармоническое дополнение и завершение в видвигаемом У. на первый план «принципе пользы», лежащем в основе всякого блага. «Если, — говорит Маркс по поводу крупнейшего представителя У (Бентама). мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим с точки зрения пользы оценить всякие человечески действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой деревенной наивностью он отождествляет современного филистера, — и притом в частности английского филистера — с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека в окружающем его мире, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее настоящее и будущее... Или, как об этом писал в ранних своих работах Энгельс: «Говоря о нераздельности общего и частного интереса Бентам останавливается одно-сторонне на грубом частном интересе». «Выражаясь эмпирически, он предоставляет право родового понятия... грубому, слепому, связанному противоречиями человеку». Неудивительно, что ближайшими последователями У. были менее всего отвлеченными мыслителями. К этому течению примыкали крупнейшие английские буржуазные политические деятели первой пол. XIX ст.: отдельные артисты, борцы против «хлебных законов», сторонники всеобщего голосования и свободной торговли.

Как указывают историки, принцип «наибольшего блага наибольшего числа» был впервые сформулирован шотландским философом Фр. Гетчисоном, учителем Адама Смита (перв. пол. XVIII в.) Однако, важнейшим источником английского У. был, несомненно, французский материализм, который клал «правильно понятый интерес» в основу понимания человеческой морали. «Мораль Гельвеция служила основой системы морали Бентама» «Утилитарный принцип, — говорит Маркс в др. месте, — не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторил то, что даровито излагали Гельвеций и др. французы XVIII в.» Самое ученье о «счастье большинства» было позаимствовано им у английского материалиста Пристлея. Несколько ранее Бентама аналогичные идеи нашли себе выражение у английского мыслителя В. Пэли, позже их использовал анархист Годвин

Иеремия Бентам (1748—1832, «Введение в принципы морали и законодательства» 1789 г., «Теория наказаний и воздаяния» 1811 г и ми. др.) исходит из материалистического учения о том, что «страдание и удовольствие являются двумя господами» человеческого рода. Человеческие стремления нужно оценивать по тем результатам, к которым они приводят: их полезность должна служить основой одобрения или порицания. «Поступок одобряется или осуждается, смотря по тому, увеличивает ли он или уменьшает счастье того лица, или тех лиц, об интересе которых идет речь»... Если государственное устройство противоречит принципу полезности, то оно вредно. Бентам восстает поэтому против существующего английского полуфеодального права, видя в нем искусный механизм тирании, и против государства, основанного на привычке повиноваться. Государство отнюдь не представляет собою продукта соглашения, как не является и проявлением божественного провидения: существование его объясняется его полезностью для господствующей власти. Точно так же нет и никакого естественного права: это — риторический вздор». Право есть выражение суверенной воли политического общества в форме приказа; пределы авторитета государства определяются его полезностью для счастья

большинства. Право сопротивления государству у подданных поэтому сохраняется, но его можно рассматривать лишь как моральное, но не как юридическое право. Легко подметить в этих моментах учения Бентама основной источник юридического позитивизма (см.) его современника Остина. Но в отличие от последнего, Бентам стоит в политике на буржуазно-демократической позиции. Задача общежития — раскрепощение индивида, и с этой стороны наиболее выгодным оказывается демократическое устройство. Бентам поэтому выдвигает требование всеобщего голосования для мужчин, лозунг свободы самоуправления «вплоть до отделения» для колоний. Он видит лучшую форму государства в республике, выражает свое сочувствие идеям французской революции, получает, вместе с Т. Пенном, звание «гражданина Франции». Следует, однако, заметить, что реализация этих идей в практике революционного террора вызывала со стороны Бентама крайнее неодобрение. Таким же радикализмом отличается агитация Бентама за упрощение судопроизводства и облегчение карательных мер. Целью наказания должно быть предупреждение, формой — трудовое воспитание преступников, причем Бентам выдвигал обширный план тюремной реформы. Понятно, почему широко распространенные в свое время идеи Бентама должны были привлечь к нему симпатии радикально-демократических кругов, что нашло свой отклик даже в ранних работах Маркса и Энгельса.

Иное впечатление создается, когда мы обращаемся к экономической сущности бентамизма, к его объективно-исторической роли. Презирая всякие абстракции Бентам оспаривает и понятие «общественного интереса» и необходимость жертвовать для него личным интересом. «Этот общественный интерес, который вы олицетворяете, представляет собою абстракцию: он является не чем иным, как совокупностью индивидуальных интересов.. Индивидуальные интересы — единственно реальные интересы» Правильно поняты личные интересы создают между собой внутреннюю гармонию лишь свобода каждого приводит к общей пользе. Стоя на такой вульгарной фритредерской позиции, Бентам доходит в своей

защите экономической «свободы» индивида до отрицания за государством даже права бороться с ростовщичеством.

С крайним отвращением относится Бентам к идеям коммунизма, к «системе уравнения», всячески обосновывая «полезность» права частной собственности: «Именно это право побудило естественное отвращение к труду и породило любовь к отечеству и потомству. Оно обуздывает покушение тех, которые ничего не имеют, против тех, которые имеют кое-что.. Установление равенства есть химера. Единственное к чему можно стремиться, это к уменьшению неравенств. Попытка сделать фундаментом общества равенство разрушит обеспеченность и подвергнет опасности цивилизацию»... Как выразился в знаменитом месте «Капитала» Маркс, в мире капиталистической конкуренции «господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам.. Бентам. Ибо каждый заботится лишь о себе самом»... Принцип пользы до того явно отражал в философии Бентама интересы промышленного капитализма, что приводил его, напр., к признанию «полезности» христианской религии, «т. к. она осуждает религиозно те же преступления, которые уголовное уложение осуждает юридически» (Маркс). Экономическая подоплека У и сделала то, что, несмотря на весь свой демократизм, Бентам вошел в историю, как «резво-педантичный, тоскливо-болтливый оракул пошлого буржуазного рассудка», как «гепий буржуазной глупости» (Маркс)

Наиболее талантливым и выдающимся учеником Бентама был Джеймс Милль (перв. пол. XIX в.), внесший в У. элементы эмпирической психологии Юма. Те же идеи наследует в дальнейшем Джон Стюарт Милль, в своей юности бывший горячим поборником бентамизма. В дальнейшем он, однако, порывает с исходными материалистическими принципами «удовольствия» и «пользы» и окончательно преобразует У. в духе расплывчатого либерализма (см.).

И. Р.

УЧЕНИЧЕСТВО имеет своим назначением подготовку квалифицированной рабочей силы для фабрично-заводской промышленности, торговли и обучение ремеслу

тех кадров рабочих, которые не могут быть поглощены фабрично-заводской промышленностью и идут в кустарные и ремесленные производства.

У. в буржуазно-капиталистических странах. Строгая и всесторонняя регламентация У. имевшая место в эпоху гильдий и цехов сменяется в эпоху промышленного либерализма невмешательством государственных и общественных органов в отношения между учениками и хозяевами. У. в этот период регулировалось больше традициями и «обычаями, требовавшими от ученика» верности, послушания и уважения к хозяину а от последнего — попечения о «материальном благополучии и нравственности ученика»

Первые законы об охране труда детей в Англии (1803 г.), в Пруссии (1839 г.), во Франции (1874 г.) создали до некоторой степени охрану труда учеников в смысле ограничения рабочего времени, запрещения работы во вредных производствах и пр. По до настоящего времени законодательство наиболее крупных (Англия, Германия, Франция) буржуазно-капиталистических стран регламентирует всесторонне У. Интересы обучения не ограждены законодательством, и ученики в подавляющем случае рассматриваются нанимателями преимущественно под углом зрения дешевой рабочей силы.

В Англии У. регулируется общими правилами об охране труда подростков и в договорном порядке. Договорами устанавливаются размер заработной платы учеников, сроки обучения, формы испытания и пр. Деятельность профсоюзов в этой области в большой степени затрудняется тем, что значительные кадры учеников не являются членами профсоюза, поскольку лица, не достигшие 16 лет, в профсоюзы не принимаются. Такая же в общем картина характерна и для других буржуазно-капиталистических стран.

Проблема У. приобрела особенное значение после империалистической войны в связи значительной убылью квалифицированной рабочей силы и потребностью в таковой для восстановления разрушенного народного хозяйства по буржуазно-капиталистических странах эта проблема не получила рационального разрешения.

Ученичество в СССР. Не говоря

уже о более высоком уровне правовых гарантий для учеников в СССР, самая постановка проблемы У. в СССР иная, чем в буржуазно-капиталистических странах. В СССР проблема У. является проблемой организации труда несовершеннолетних, которую законодательство стремится разрешить таким образом, чтоб сочетать производственное обучение подростка с теоретической проработкой курса и с общим образованием. Общая система планового хозяйства СССР дает соответствующие предпосылки для планового регулирования У. Минимальные нормы У. т.е. минимальное количество учеников по отдельным отраслям промышленности («броня» подростков), устанавливаются центральным органом регулирования труда—НКТ. школы фабрично-заводского У. комплектуются биржами труда; проведение необходимых мероприятий для правильной постановки У. возложено на хозорганы, непосредственно заинтересованные в подготовке квалифицированной рабочей силы. К непосредственному участию в этой работе привлечены профсоюзы и органы народного образования.

Подготовка обученных определенной квалификации рабочих для фабрично-заводской промышленности осуществляется в школах фабрично-заводского У. (сокращенно — школы ФЗУ), а также в форме бригадного и индивидуального У.

При обучении в школах ФЗУ подготовка к специальности производится путем работы ученика на самом производстве и прохождения теоретической подготовки в школе. Плановое урегулирование У., а равно материальные интересы рабочих-подростков требуют установления срока У., по истечении которого подростки, прошедшие обучение мастерству и усвоившие производственные навыки и теоретическую часть обучения, имеют право на перевод в разряд рабочих определенной квалификации. Поэтому установлен максимальный срок У. — 4 года, и в пределах этого срока, НКТ по соглашению ВЦСПС и НКПросом устанавливает сроки У. для отдельных профессий в зависимости от характера производства и необходимой производственной подготовки.

Запрещается отвлечение ученика от его прямых обязанностей, связанных с подготовкой к труду определенной квалифика-

ции, и использование для работы, не относящейся к обучению. Исключение допускается лишь в отношении учеников, занятых у ремесленников, кустарей, в промысловой кооперации и в трудовых артелях. Эта категория учеников в виду специфических условий мелкого и кустарного производства, лишённого обычно обслуживающего персонала, может быть частично использована на работы не относящиеся и обучению, но связанные с производством (например, покупка материалов). Ученики, работающие у сельских кустарей и ремесленников, занимающихся, наряду с промыслом, сельским хозяйством, могут привлекаться к сельскохозяйственным работам.

Размер платы учеников при фабрично-заводском У устанавливается по соглашению между администрацией предприятия и профсоюзом, или по производственному тарифу данного предприятия, или по специальному тарифу для учеников.

Размер заработной платы учеников, работающих у кустарей, ремесленников, в промысловой кооперации и в трудовых артелях, определяется соглашением сторон и повышается по мере прохождения обучения; при этом допускается в течение первого года обучения оплата в чисто натуральной форме предоставления лишь пищи и жилья, а начиная с 2-го года, зар. плата (включая натуральную ее часть) не может быть ниже государственного минимума заработной платы данной местности.

На учеников распространяются общие гарантии, установленные для работающих по найму, с изменениями, вызываемыми специфическим характером отпущений У. Нормы по охране труда несовершеннолетних распространяются на учеников в полном объеме. Наблюдение и контроль над соблюдением норм и правил У. возложено законом на местные органы НКТ.

П. Каминская

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ есть орган, которому принадлежит власть устанавливать основы государственного строя, оформлять основы политических прав народа и т. д., короче — это орган, созываемый для выработки государственной конституции (см.).

Идея У. с. коренится в учении о народном суверенитете (см.) и ведет свое про-

исхождение от теории договорного происхождения государства, согласно которому сам народ, которому только и принадлежит власть устанавливать для себя формы государственного устройства, путем договора ограничивает свои естественные права, отчуждая их в пользу государства. Таким образом, идея У. с. является, как сказать, «последним словом» буржуазно-демократического воззрения на природу государства и на власть народа, «в буржуазной республике У. с. является высшей формой демократизма» (Ленин. Тезисы об У. с., С. соч., т. XV).

Первым У. с. в истории нового времени был конгресс представителей английских колоний в С. Америке в 1776 г. принявший знаменитую «Декларацию независимости». Следующим за ним было У. с. в Филадельфии 1787 г. (под названием Конвента), установившее Конституцию С.-А. Соед. Штатов, в общем (с рядом поправок) сохранившуюся до сего времени. Еще большей известностью, чем У. с. Северной Америки, пользуются французские У. с. времени Великой французской революции. Первое из них было создано не в виде У. с. и не для отправления учредительных функций. Оно организовалось из созданных королем Людовиком XVI в 1789 г. Генеральных Штатов Франции, сконструированных по обычному тогда сословному принципу. Но под давлением революционной буржуазии («третьего сословия»), оказавшей сопротивление королю и первым двум сословиям, Генеральные Штаты превратились в У. с. под названием Национального Собрания. Национальное Собрание припало определившую целую эпоху «Декларацию прав человека и гражданина» (в августе 1789 г.) и установило первую демократическую конституцию, которая превратила Францию из абсолютной монархии в ограниченную (Конституция 1791 г.). По прошествии менее года после принятия этой Конституции монархия во Франции была низвергнута и создана республика. Для выработки новой конституции было создано новое У. с. созданное уже по принципам всеобщего избирательного права (правда, с рядом ограничений), под названием Конвента. Конвент в общем был партией мелкой буржуазии. Он просуществовал 4 года и выработал две конституции: радикальную якобинскую конституцию

1793 г., которая была принята народным голосованием. но в жизнь не была никогда проведена, и вторую, гораздо более умеренную, конституцию 1795 г. (конституция III года)

Далее можно указать на У. с. Франции 1848 г. и 1871 г., в Испании — в 1812 г., в Норвегии — в 1814 г., в Бельгии — в 1831 г., немецкое У. с. во Франкфурте-на-Майне—1848 г. В новейшее время, в период после империалистической войны, мы видим У. Сейм в Польше — 1919 г., принявший конституцию Польской Республики, Литовское У. с. 1920 г., Латвийское У. с. 1919 г., Веймарское Национальное Собрание в Германии 1919 г., установившее Германскую Республику, Национальное Собрание Чехии 1918 г. такое же Собрание (Конституанта) Австрии 1918 г., Учредительная Скупщина (Нац. Собрание) Югославии 1920 г., Великое Нац. Собрание Турции 1922 г.

У. с. являются обычным завершением периода завоевания власти буржуазией и представляют собою вершину ее демократического напряжения. Со стороны юридической постановления У. с., как органа, осуществляющего учредительную функцию «суверенного народа», не нуждаются ни в чьей санкции, в то время как, напр., законы, принятые обычными законодательными органами (парламентами), должны быть санкционированы главой государства (см.). Обычно У. с. организуются в виде однопалатных собраний.

В России образовавшееся после февраля 1917 г. буржуазное временное правительство об'явило, что его задачей является довести страну до У. с. которое и установит конституцию новой России. Выборы в У. с. произошли уже после об'явления советской власти. Но они происходили по кандидатским спискам, уже заявленным до переворота (где, напр., еще не были выделены левые эсеры). Массы левели быстро, и состав У. с. совсем не отражал социально-политических группировок и отношения классовых сил к моменту созыва собрания. Ленин предупреждал У. с.: «Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и

быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учред. собрания, присоединение самого Учредительного Собрания к закону Ц. И. Ком. об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредит. Собрания о признании Советской власти советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного Собрания к стану противников кадетско-каледицкой контрреволюции. Вне этих условий кризис в связи с Учредительным Собранием может быть разрешен только революционным путем» (Ленин, собр. соч. XV, 53, 1917 г.)

Но большинство в У. с. принадлежало партии деревенской мелкой буржуазии—социалистам-революционерам. Оно собралось 5 января 1918 г. и в первых же шагах выявило свою контрреволюционную сущность, отклонив внесенную ВЦИК'ом «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» Как совершенно не отражающее настроений широких трудящихся масс пролетариата и крестьянства, У. с. было распущено 8 января декретом ВЦИК'а.

В своих «Тезисах об учредительном собрании» В. И. Ленин писал: «Выставляя требование созыва У. с., революционная социал-демократия с самого пачала революции 1917 г. неоднократно подчеркивала, что республика советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с У. с. Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократич. учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при У. с., как венце ее) но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму» (С. соч., т. XV)

Советский строй не знает понятия У. с. На деле У. с. советского периода власти является 3-й Всероссийский С'езд Советов, провозгласивший в январе 1918 г. «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» установившую политические основы советского государства. Этот же С'езд принял «Резолюцию о федеральных учреждениях Российской Республики» в которой были в общих чертах определены организационные формы РСФСР. 5-й С'езд

в июле 1918 г. довершил дело 3-го Съезда, утвердив Конституцию РСФСР, первую в мире Конституцию республики диктатуры пролетариата. Такое же учредительное значение имел 1-й Всесоюзный Съезд Советов (декабрь 1922 г.), утвердивший «Договор об образовании Союза ССР». Помимо этого, целый ряд других съездов, и республиканских, и всесоюзных, а также и сессий ЦИК'а, отправляли учредительную функцию, принимая те или иные постановления конституционного значения. Кон-

ституции как Союза ССР, так и отдельных союзных республик не устанавливают какого-либо особого органа для отправления учредительной функции. Право изменять основные начала Советской Конституции принадлежит Съезду Советов (см., напр., 2 ст. Конституции СССР), остальные же постановления конституционного характера принимаются сессиями ЦИК'а, а в некоторых случаях—даже его Президиумом.

Н. Челяпов

Ф

ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ. Ф теории «Ф. п.» надо сказать то же самое, что марксизм говорит о теории факторов вообще. Вслед за обреченной, по причине своей явной ненаучности, на неудачу попыткой антропологической школы уголовного права (см.) объяснить существование и развитие преступлений (см.) исключительно биологическими причинами, вопрос о Ф. п. как вопрос подлежащий социологическому изучению, был поставлен т.-н. «социологической школой уголовного права» (см.).

Кладя в основу анализа туманные эклектические и апологетические (в отношении буржуазного строя) концепции буржуазной «социологии», попятно, нельзя построить научную «уголовную социологию», научную теорию. Только марксистский метод впервые превративший социологию в науку, в состоянии привести к окончательному разрешению и этой проблемы. С точки зрения выдержанно-монистического историко-материалистического анализа каким является марксистский анализ проблема должна рассматриваться, как проблема о факторе (а не факторах) п. и то не в смысле преступности, как какого-то особого «свойства», а в смысле преступности, как совокупности преступлений. Преступление (см.), само по себе есть классовое понятие и первичным Ф. п. мы признаем самый классовый строй человеческого общества, покоящийся на существовании частной собственности на средства производства. Что касается современной преступности в буржуазных государствах, то первичным Ф. п. мы признаем самый капитализм, как таковой. В пролетарском государстве, государстве переходного периода, преступления также порождаются существованием — до завершения построения социализма — классов и классовой борь-

бы. при чем можно различать: 1) так наз. «общеуголовные преступления», т.-е. преступления, являющиеся пережитками прежнего строя и продолжающие существовать главным образом постольку, поскольку еще не изжиты нищета и безработица, а также постольку индивидуалистическую психологию и разного рода «драматические» коллизии интересов отдельных индивидуумов порождает самое существование мелкого хозяйства. неизбежно дающего из себя и в экономике ростки капитализма, бессильные, правда, в условиях советского социалистического строительства задержать победоносное шествие пролетарской страны к социализму; 2) преступления, специфически соответствующие особому характеру классовой борьбы в советском государстве где осуществившаяся впервые в истории принадлежность госвласти пролетариату естественно встречает попытки отпора себе — вплоть до прямых посягательств контрреволюционного (см. К.-р. преступления) характера — со стороны классово-враждебных элементов. и где самому своеобразию создавшейся в результате пролетарской революции экономической структуры, характеризующейся усилением, в процессе борьбы социалистического сектора (достигшего уже к настоящему времени решительного перевеса) по отношению к сектору необщественного хозяйства соответствуют и своеобразные формы преступлений (см. например. Хозяйственные преступления).

Только в свете этого тезиса собранный буржуазными авторами, писавшими о Ф. п. сырой материал в виде разного рода статистических данных о движении количества преступлений, их характере и связи динамики тех или иных преступлений с определенными явлениями экономического, политического или культурного

развития общества (этот материал см. в книге М. Н. Гернета, Моральная статистика, изд. ЦСУ, 1922 г., а в отношении военного и послевоенного времени отчасти в статье Д. Родина в сборнике «Проблемы преступности» № 1 Гос. инст. по изуч. прест. 1926 г.) может получить научное значение, как показывает, например, работа Поля Лафарга «Преступность во Франции с 1840 по 1886 г., исследование ее причин и развития» (напечатана в сборнике «Проблемы преступности», изд. Укр. ГИЗ, 1924 г.), а также написанная в 1896 г. работа Х. Раковской «Этиология преступности и вырождаемости» (ГИЗ, 1927 г.). Если мы исходим из положения о том, что самый классовый строй общества является привычным Ф-ом п., то возникает и вопрос о конкретных Ф-ах п. как о факторах определенной «конъюнктуры преступности», т. е. особенного и типичного для каждой данной страны в каждый данный отрезок времени «сочетания» разного рода преступлений, отличающихся притом разной степенью распространенности (повторяемости) и разными тенденциями развития, а также неодинаковым и вместе с тем изменяющимся участием в преступлениях каждого рода определенных групп и слоев населения. Например, придется с этой точки зрения рассмотреть процесс деклассирования мелкой буржуазии и некоторых слоев пролетариата, и образования люмпен-пролетариата; безработицу, влияние которой на преступность сказывается как непосредственно, так и вследствие деклассирования некоторой части безработных; изменение экономического положения масс населения; детскую беспризорность, играющую очень большую роль в формировании кадров «уголовного мира»; скверные жилищные условия пролетарских масс и т. д. Войны и революционные потрясения также должны быть отнесены к числу факторов, влияющих на движение количества преступлений. Далее, необходимо исследовать алкоголизм и вообще наркоманию, проституцию и рост венерических болезней, и порождаемые ими всеми, а также и бедственным положением масс непосредственно явления вырождения. Что явления вырождения подлежат также учету при изучении преступлений доказываются данными изучения личности преступников.

Явления морального разложения и распада эксплуатирующей верхушки капиталистического общества и примыкающих к этой верхушке слоев буржуазной интеллигенции в свою очередь становятся одним из Ф п

А. Эстрин

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ, т. е. «обманное применение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления» (см. ст. 171 У К. РСФСР ред. 1926 г.), есть в сущности говоря, приготовление к мошенничеству (см.) а сбыт фальсифицированного предмета включает в себе и мошеннический обман, поскольку сбывающий фальсификат обманно выдает его за полноценный натуральный продукт Ф., наряду со спекуляцией (см.) — неизбежные спутники капиталистической торговли. Успехи техники, в частности химии, послужили и делу Ф. которая во 2-ой половине XIX п в XX веке начинает обращать на себя все больше внимания законодательств. В отличие от спекуляции, Ф. становится объектом серьезной, хотя и не очень успешной, борьбы со стороны направляемой крупным капиталом госвласти буржуазных государств, поскольку Ф. представляет собою тот способ, который пускается в ход главным образом менее мощными капиталистическими фирмами и предпринимателями в их конкуренции с крупным капиталом. В виду того, что Ф., как приготовление (см. Деяние) к мошенничеству, по буржуазному праву не может влечь уголовной ответственности по тем статьям соотв. У К., которые предусматривают мошенничество, и что даже сбыт фальсифицированного продукта, в силу особенностей легального определения существа мошенничества в законах данного буржуазного государства, во многих случаях оставался бы. при отсутствии в У К. особой статьи о Ф. ненаказуемым, буржуазными законодательными органами издаются особые и притом детально и тщательно разработанные законы о наказуемости Ф., наприм., во Франции закон от 1/VIII 1905 г. Большой практический интерес который в настоящее время возбуждают вопросы, вытекающие из применения этих законов, вызвал напр. в той же Франции появление юри-

дического комментария к законам о Ф., один первый том которого (2 изд. 1925 г.) насчитывает свыше 1600 (!) страниц.

В У. К. РСФСР 1922 г. Ф. (к которой приравнивается и сбыт фальсифицированных предметов) предусматривалась статьями 190 и 191; первая из этих статей устанавливала за любую обычную Ф. лишение свободы или принудработы на срок до 1 года, с конфискацией фальсифицированных предметов и запрещением права торговли, а 2-я выделяла, в качестве квалифицированной Ф., такую Ф. предметов потребления, которая «имела или могла иметь последствием причинение вреда здоровью», назначая за нее лишение свободы на срок не ниже 1 года, с теми же последствиями.

У. К. РСФСР 1926 г. сохранил особое постановление лишь о Ф., которая имела или могла иметь последствием причинение вреда здоровью, при чем согл. ст. 171 У. К. является уже безразличным, фальсифицированы ли «предметы потребления» или иные продукты и товары. Санкцией в данном случае является лишение свободы на срок до 1 года с конфискацией части имущества и запрещением права торговли или штрафа до 1000 рублей. Для сравнения отметим, что простое мошенничество, как таковое, влечет, согл. ст. 169 ч. 2, лишение свободы на срок до 2 лет. Хотя обязательность конфискации имущества за предусмотренную ст. 171 Ф. делает, в одном отношении, санкцию этой статьи, как и следовало бы, более суровой, чем санкция за простое мошенничество, тем не менее приходится отметить некоторую неувязку между ст. 171 и ст. 169 ч. 1: Ф., не заключающая в себе признаков ст. 171 У. К. (т. е. Ф., которая в У. К. 1922 г. предусматривалась ст. 190), подлежит, при наличии тех условий, о которых сказано в ст. Мошенничество, квалификации по ст. 169 ч. 1. Если сбыт фальсификата имел последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению, то применению подлежит, конечно, не ст. 171, а ст. 169 ч. 2.

А. Э.

ФАШИЗМ от итальянского *fascio* (фашио) — пучок, связка, политическое движение возникшее в Италии после ми-

ровой войны. Вождем и создателем его явился ренегат итальянского социализма Муссолини, исключенный из социалистической партии в 1914 г., как шовинист и как ярый сторонник участия Италии в войне на стороне Антанты. По окончании войны в 1919 г. Муссолини организовал союзы фронтовиков (фашио ди комбатимента) на платформе, в которой крайний шовинизм и национализм сочетались с анти-плутократической демагогией и требованиями республиканско-демократического и анти-клерикального порядка. В дальнейшем своем развитии фашистское движение быстро отказалось от всякой, даже и на словах, «враждебности» к капиталу, равно как к монархии и к церкви: в то же время Ф. проявил себя, как наиболее надежный инструмент для расправы с рабочим движением и для борьбы против коммунистической революции.

В порядке выполнения этой функции, опираясь на созданную им вооруженную милицию, Ф. поставил себя в положение государства в государстве и, наконец, осенью 1922 г. путем переворота захватил государственную власть в свои руки; парламентские и демократические формы господства буржуазии были таким образом смещены откровенной диктатурой «фашистского государства». Очутившись у власти, фашисты стали проводить откровенную политику защиты интересов крупно промышленного и финансового капитала. Еще до захвата власти идеологические и организационные «достижения» итальянского Ф. стали достоянием международной реакции и нашли себе поклонников и подражателей в целом ряде других стран.

Ф. и фашистское движение приобрели, таким образом значение общеевропейское и даже мировое; этим термином стали обозначать всякого рода реакционные организации, ведущие борьбу с рабочим движением и в особенности с коммунизмом и прибегающие к насильственным действиям. Так, напр., фашистами у нас принято именовать участников всевозможных босвых националистических и монархических организаций германской буржуазии и юнкерства и аналогичных организаций в других странах.

Такое распространительное толкование термина Ф. вполне закономерно, ибо основные черты воинствующей буржуазной ре-

акции послевоенного периода в основном одни и те же. Доктрина Ф и его практика были подготовлены еще до войны процессом разложения и упадка буржуазного парламентаризма. Такие факты политической жизни, как всемогущество кабинета в Англии или партийных «боссов» в С. Ш. как повсеместное вырождение представительных органов, намечавшееся еще задолго до мировой войны, создавали почву для Ф.; империалистское государство явно изживало свои парламентские формы. Война ускорила этот процесс, принесла невероятное обострение классовых противоречий, выливающееся в прямую гражданскую войну. Старые политические партии буржуазии, приспособленные к проведению избирательных кампаний и к борьбе на парламентской арене оказались несостоятельными. Их место должны были занять боевые организации, способные к прямому действию и могущие в случае надобности заменить государственный аппарат принуждения (армию и полицию), если бы тот оказался ненадежным.

Ф. имеет своим предтечей, во-первых, наемные штрейкбрехерские дружины предпринимателей и всякого рода желтые профсоюзы а, во-вторых попытки реакционных партий, защищающих интересы имущих классов, завербовать себе массы при помощи громко звучащих патриотических и шовинистических лозунгов, а иногда при помощи анти-плутократической демагогии. После войны излюбленной формой таких массовых организаций явились буржуазные союзы фронтовиков. Из такого союза выросла итальянская фашистская партия. Характерной чертой фашистских организаций является стремление овладеть рабочим движением, вовлекая рабочих в свои организации и создавая свои профсоюзы «на национальной основе». Политическим завершением этой линии является огосударствление профессиональных союзов, проведенное правительством Муссолини (законы 3 апреля и 1 июля 1926 г.) сводящиеся к уничтожению всех профессиональных организаций, не стоящих под фашистским контролем.

В своей тактике Ф. ориентируется не на победу при помощи избирательных бюллетеней, а на прямой захват власти; по отношению к своим политическим противникам он применяет все виды и формы на-

силия от избиений и всяческих издевательств до убийств и разгрома жилищ и помещений организаций (профсоюзов, рабочих кооперативов, бирж труда). Итальянские фашисты вели таким способом борьбу с рабочим движением. Став правящей партией, они не отказались от этих же методов, дополняя самочинным террором правительственные репрессии (убийство депутата-социалиста Маттеоти, свирепые погромы, учиненные после четвертого покушения на Муссолини). Фашистские организации в других странах также организуют убийство своих политических противников и вооруженные расправы с революционными рабочими.

Государственная доктрина Ф. может быть определена, как последовательное отрицание либеральных и демократических принципов: начало дисциплины вместо личной свободы, начало иерархии и назначения сверху вместо выборности, начало аристократического отбора вместо демократического равенства «корпоративное» представительство вместо парламентского и т. д. В своей критике парламентаризма Ф. охотно берет аргументы и у синдикалистов и у реакционеров. Центральное место в идеологии Ф. занимает доведенный до крайних пределов национализм и шовинизм. Законченной цельной фашистской конституции Италия еще не получила. Первое время палата депутатов была сохранена и был лишь изменен избирательный закон (в том смысле, что партия, собравшая 25% голосов в стране, получала 2/3 мест в палате) После убийства Маттеоти оппозиция перестала принимать участие в работах Палаты, а в ноябре 1926 г. оппозиционные депутаты были вовсе исключены, и сама палата распущена на неопределенное время. В настоящий момент готовятся проекты полного упразднения палаты депутатов и реорганизации сената с введением представительства от корпораций. Корпорации, т. е. верхушечные объединения предпринимательских организаций и фашистских профсоюзов, созданы законом 3 апреля 1926 г. Они объединены в национальный Совет, во главе которого стоит министр корпораций. Еще раньше (в конце 1925 г.), была формально отменена ответственность правительства перед парламентом, уничтожены выборные органы местного само-

управления во всех мелких коммунах, уничтожены все буржуазно-демократические свободы, разгромлены все оппозиционные политические партии. В общем фашистский режим может быть определен как диктатура крупной буржуазии, осуществляемая не при помощи тонких средств избирательной механики, одурачивания избирателя, не через смену разных партий, платформ и политических клик, но через прямое открытое господство одной политической партии, прямо опирающейся на вооруженную силу. Решающая роль в государственной жизни и в местных вопросах принадлежит фашистской партии. Ее постановлениям придается значение официальных актов (такова, например, «Хартия труда», принятая 21 апреля 1927 г. Большим Советом фашистской партии). Сама фашистская партия сверху донизу организована по автократическому принципу: никакой выборности, все органы образуются путем назначения и кооптации сверху донизу. Все полномочия исходят от «вождя», который, разумеется, никем не избирается, но «которого народ признал по его воле, по его силе и по его делам». Каждый член партии присягает беспрекословно исполнять все приказания вождя (ст. 27 устава фашистской партии). Вся политическая жизнь страны находится под контролем фашистской партии. Такая государственная форма обеспечивает буржуазии неслыханную концентрацию власти, возможность энергичной борьбы с опасностью пролетарской революции и со своими империалистическими конкурентами. Однако, отказ от парламентского балансирования и от одурачивания масс демократией и гражданскими свободами имеет свои опасные стороны; он создает ложное политическое неустойчивое, напряженное, вносит идеологический раскол в среде самой буржуазии, делает неизбежным расцвет необузданной и временами опасной для самой буржуазии демагогии и всевозможных эксцессов. Для итальянского капитала, которого теснили его более могучие конкуренты, которому непосредственно угрожала пролетарская революция, которому не удалось найти среди соглашателей людей типа Носке и Шейдемаппа, взявших на себя вооруженную расправу с революционными рабочими, — режим Муссолини явился якорем спасения. Более

солидная германская буржуазия проделала путь послевоенной стабилизации, избежав разгрома своих старых политических организаций и захвата власти авантюристами вроде Гитлера или тевтонцев. Наоборот, в настоящий момент в Германии старые партии помещиков и тяжелой промышленности (националисты и народная партия) контролируют боевые организации вроде черносотенного союза фронтовиков («Стальной Шлем») и используют их в своих целях.

Террористическая диктатура буржуазии и помещиков, осуществляемая в других странах (Венгрия, Болгария, Испания, Литва, Польша), хотя и именуется часто фашистской, но она отличается от режима, установленного в Италии, главным образом, тем, что она не опирается на столь мощную партийную организацию и партийную же милицию. Органами насилия в этих последних странах являются главным образом полиция и армия, а добровольные организации оказывают лишь вспомогательные услуги.

В Италии фашистская партия и ее милиция составляют основу и становой хребет буржуазной диктатуры.

Ахиллесовой пятой фашистского режима является то обстоятельство, что он должен проводить политику крупного капитала, опираясь на массовую организацию в которой представлены преимущественно мелкобуржуазные, а отчасти и пролетарские элементы. Борьба внутри Ф. между крупно-капиталистическим и мелкобуржуазным крылом не прекращается, принимая подчас очень острые формы. Партийный устав 1926 г. отнимающий значущую самостоятельность у низовых организаций и сосредотачивающий всю власть в руках «вождя», продиктован стремлением во что бы то ни стало сохранить единство.

Фашист. диктатура разрешила задачу удержания власти в руках капиталистов удачнее чем это мог бы сделать итальянский парламентаризм. Но она не создала никаких обещающих длительный успех политических форм. Фашистская диктатура носит на себе черты загнивания и распада так же как и породившая ее империалистическая стадия капитализма.

Она наглядно показывает, что капиталистическое общество неспособно к «мирному демократическому прогрессу» и что для

перехода к социализму нет другого пути, кроме диктатуры пролетариата.

Е П

ФЕДЕРАЦИЯ (от лат. foedus, союз) есть форма государственного соединения, образующего из нескольких государств одно союзное государство (Bundesstaat).

С одной стороны—федеративное государство противопоставляется государству унитарному, т.е. единому, а с другой—соединениям государств других типов, менее тесным, конфедерациям или союзам государств.

Отличие Ф от унитарного государства заключается в том, что в последнем мы видим единую для всей государственной территории центральную государственную власть. На местах в провинциях, округах, департаментах и т.д. имеются лишь органы местной власти, или представляющие собою на местах центральную власть (частично и поставляемые ею) или же органы местного (муниципального или др.) управления. В такого рода унитарным государствам относятся в Зап. Европе, напр. Франция, Испания, Италия, Чехо-Словакия, Юго-Славия и др. От конфедерации (союза государств) федеративное (союзное) государство отличается гораздо большей сплоченностью своих частей—государств-членов. В конфедерациях суверенными являются только государства, объединившиеся в конфедеративный союз. Им принадлежит право принимать или не принимать к исполнению постановления конфедеративных органов; во всяком случае постановления последних вступают в силу на территории государства—члена конфедерации только после подтверждения правительственными органами государства-члена такого постановления. Юристы называют такой характер взаимоотношений между конфедерацией и ее членами отсутствием империум (власти повелевать) конфедерации по отношению к государствам-членам. В конфедерациях отсутствует общесоюзное гражданство; в них существует лишь гражданство отдельных государств, составляющих такой союз; обычно отсутствует обще-конфедеративная армия (хотя последнее и не обязательно); нет общих конфедеративных доходов. Обычно конфедерацию обозначают как международно-правовое объединение в противоположность Ф., объединению го-

сударственно-правовому. Внешне это находит свое выражение в том, что основой конфедерации является договор, а Ф. — общегосударственная конституция, а также наличие у членов конфедерации права выхода (сепарации) из союза и отсутствие этого права у государств-членов Ф.

Конфедеративная организация обычно является шагом или к созданию более тесного союза, Ф., или же, наоборот, к полному уничтожению всякой связи и распаду конфедерации на ряд ничем не связанных между собой государственных единиц. Такой конфедерацией был первоначально союз Сев.-Американских колоний, превратившийся в Ф.-ое государство—Соединенные Штаты Сев. Америки—в 1787 г. конфедерацией было объединение германских государств (первоначально в виде Рейнского Союза с 1806 г., а затем в виде конфедеративного государства по актам 1815 и 1820 гг.) пока не была создана Германская Империя в виде Ф. монархических государств под главенством Пруссии (федеративная конституция Германской империи вступила в силу 1 июля 1867 г.). Таким образом, Ф. можно определить, как союзное государство, состоящее из ряда государств-членов, имеющее центральную общефедеративную власть, постановления которой имеют обязательную силу на всей территории Ф. Наряду с этой общефедеральной властью, в каждом государстве, входящем в союзное, имеется своя государственная власть (органы законодательства—парламенты и органы управления—кабинет министров). Власть этих органов распространяется лишь на территорию каждого данного государства и ограничена по ряду вопросов союзной конституцией. И лишь за пределами этих ограничений власть государства-члена является самостоятельной. Обычно в Ф. имеется и общесоюзное гражданство и общефедеральная армия, и, наконец, общесоюзные четочники доходов и расходов, т.е. бюджет Ф. В Ф. суверенным считается только само союзное государство, как таковое, входящие же в его состав государства-члены несuverенны, в то время как в союзе государств (конфедерации), наоборот суверенными являются только члены, а не сам союз. Таковыми Ф. в настоящее время являются: Германская Республика, С.-Ам. Соед. Штаты, Швейцарская Респуб-

лика, и, очевидно, на пути к созданию федеративного устройства стоит Англия с ее доминионами (см. Автономия)

Изложенная теория представляет собою конструкцию буржуазной науки о государстве, построенную на том историческом материале, который дают Ф. буржуазно-капиталистических государств. Перенесение этой конструкции на федеративные государства советского типа (СССР и союзные республики) невозможно. Прежде всего сама Конституция Союза ССР провозглашает в Договоре об образовании СССР: «Российская Соц. Фед. Сов. Республика, Украинская Соц. Сов. Респ., Белорусская Соц. Сов. Республика, Закавказская Соц. Фед. Сов. Республика, Туркменская Соц. Сов. Респ. и Узбекская Соц. Сов. Респ. объединяются в одно союзное государство—Союз Советских Социалистических Республик». Таким образом, в этом определении уже мы имеем как бы смешение обоих типов—и единое союзное государство, и союз государств. Далее, ст. 3 Конституции определяет, что за каждой республикой сохраняется ее суверенитет (см.) (в тех пределах, поскольку он не ограничен союзной конституцией), а ст. 4 предоставляет каждой союзной республике право свободного выхода из Союза и подкрепляет это право гарантией, изложенной в ст. 6 (право выхода из Союза может быть ограничено или отменено только с согласия всех республик, входящих в СССР). Все эти черты по изложенной выше теории характеризуют конфедерацию. В то же время основой государственного бытия Союза ССР является общесоюзная конституция, создаются общесоюзные органы власти (Всесоюзный Съезд Советов, ЦИК СССР, его Президиум, Совнарком), постановления которых обязательны для всех ведомств и лиц в пределах Союза ССР, устанавливаются общесоюзное гражданство, бюджет и армия. Эти элементы характеризуют собою именно Ф., а не конфедерацию. Здесь с особенной отчетливостью видна непригодность буржуазно-юридических конструкций в применении к анализу отношений и форм первого в мире государства диктатуры пролетариата. Разница классовой природы государства делает невозможным и целокупное перенесение в практику и теорию советского государства учений буржуазных государствоведов.

Правильнее всего СССР было бы обозначить, как советскую Ф., в отличие от Ф. буржуазно-капиталистических государств. Советская Ф. возникла не из стремления какого-либо более сильного государства присоединить к себе более слабые в целях более успешной эксплуатации внешних и внутренних рынков и не в целях наступательных действий против других государств. Задача и причина создания Союза ССР изложена в Декларации об образовании СССР, принятой представителями 4 советских республик (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР) 30 декабря 1922 г. Они изложены так: 1) восстановление разрушенного империалистической и гражданской войной хозяйства невозможно при раздельном существовании республик, 2) неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения, 3) само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе толкает трудящиеся массы советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспевания, и свободу национального развития народов. Таким образом, не интересы совместной эксплуатации кого бы то ни было, а интересы и потребности классовой пролетарской солидарности приводят государства диктатуры пролетариата к созданию сильного объединенного союза — федеративного государства на основе советской власти.

В настоящее время СССР состоит из шести союзных независимых республик. Из них две, а именно Закавказская Соц. Фед. Сов. Республика и РСФСР, являются в свою очередь Ф., остальные четыре республики представляют собою республики унитарного типа, хотя чисто унитарными можно назвать Белорусскую и Туркменскую ССР г. к. в состав двух других — Украинской и Узбекской ССР—входят автономные части, а именно: в состав Украинской ССР входит Молдавская Автономная ССР, а в Узбекскую—Таджикская Авт. ССР.

Кроме того и сами формы федерирования в РСФСР и ЗСФСР различны. Последняя, состоя из трех независимых ССР (Грузии, Армении и Азербайджана), представляет собою несколько большую аналогию

со строением самого Союза ССР, чем РСФСР, являющаяся более централизованной Ф., чем Закавказская

Н. Челябинов

ФЕЙЕРБАХ (Feuerbach) Анзельм Пауль Иоганн (1775—1833 г.г.), крупнейший из германских криминалистов, положивший основание уголовно-классической школе, т.е. создавший юридическое истолкование карательной деятельности. Главные его заслуги—юридическая конструкция вменяемости, сохранившая силу в основном до наших дней, и установление правовой природы наказания. Вменяемость по Ф. это такое состояние человека, при котором он может почитаться ответственным за свои поступки, т.е. его действия могут быть ему вменены в вину,—понятие условное, исторически изменчивое и основанное всецело на уголовном законе. Эта конструкция, кладущая в основание ответственности твердый признак законности вследствие ее связанности с точно очерчиваемым конкретным деянием, Ф. защищала против теории специального предупреждения его современника, выдающегося криминалиста Карла Грольманна, видевшего основание ответственности в свойствах деятеля, а не действия, в опасности человека; так как в этой теории ответственность не ограничена точным объективным составом преступления, то она делалась возможным орудием полицейского произвола. На что тогда же указал Ф. Основной вопрос учения о наказании разрешался Ф. в его теории психологического принуждения разделением моментов угрозы и исполнения наказания с сильным перевесом в сторону значения первого. Наказание приводится в исполнение *quia peccatum* и в этом его правовая особенность (воздаяние злом за зло в равной мере), но грозит закон наказанием всем гражданам по *peccatum*, и в этом его практическая полезность (отвращение от возможных преступлений всех членов общества); исполнение наказания основано на угрозе им. грозить же государство—вправе потому что этим ничья свобода еще не нарушается,—в этом источнике и лежит государственное право на наказание. Эта теория до сих пор остается наилучшей из всех бесчисленных концепций *jus puniendi*. Тем более что она одна из немногих пере-

носит разрешение вопроса в позитивно-психологическую плоскость. Для Ф. вообще характерно трезво-реалистическое устремление мышления, несмотря на то, что он был последователем Канта (см.) и создателем юридической доктрины. Его интересовал вопрос о социальных причинах, порождающих преступность; наказание было для него не абстрактно-правственной сущностью, а целевым фактом, необходимым потому, что источник преступлений лежит в чувственности и для борьбы с ними необходимо каждому преступному побуждению противопоставить уголовный закон с перспективой страдания большего, чем ожидаемое удовлетворение от замышляемого преступного действия; психологизирование идеи вменяемости он довел до такого предела, что отрицал—в 1799 г.—самую необходимость индетерминистической предпосылки для ее обоснования, и если позднее и отказался от этого положения, то главным образом в силу внешних политических причин.

Однако значение Ф. лежит не в этом реализме, а в работе, проделанной вопреки ему: меньше, чем через 10 лет после французской революции, в отсталой Баварии, почти не имея предшественников в своей области (Романьози 1761—1835; отчасти Клейншрод и Штюбель), Ф. создал в карательных отношениях «мировоззрение, классическое для буржуазии вообще—юридическое мировоззрение». Практическая деятельность Ф. представляет мало интереса: он был специалистом на службе полицейского государства, председателем в верховном апелляционном суде и составил баварский У.К. 1813 г., проникнутый непосредственными влияниями наполеоновского *Code pénale*. Французские дела, видимо, вообще притягивали к себе его внимание как и всех немецких идеологов буржуазного либерализма того времени; в 1821 г. он даже поехал во Францию, командированный туда для ознакомления с ее законодательством; с 1798 г. состоял профессором юридических наук сначала в Пене, потом во Франкфурте на Майне с 1800 г. издавал вместе с Грольманном и Альмендингером одно из первых по уголовному праву периодических изданий «*Bibliothek des peinlichen Rechts*». Его три сына были такими же крупными теоретиками в области археологии, философии и филоло-

гии: философ-материалист Людвиг Ф. оказал большое влияние на мировоззрение Маркса.

Главнейшие сочинения Ф. «Kritik des natürlichen Rechts» (1796); «Anti-Hobbes oder über die Grenzen der höchsten Gewalt etc» (1798); «Revision der Grundsätze und Grundbegriffe des positiven Rechts» (1799); «Über die Strafe als Sicherungsmittel vor künftigen Beleidigungen des Verbrechers» (1799); «Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts» (1801; XIV изд. Миттермайера, 1848; рус. пер. 1810—11); «Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft» (1810).

ФЕЙЕРБАХ ЛЮДВИГ (1804—1872) сын Анзельма Ф., — крупнейший немецкий философ-материалист XIX в. В начале своей деятельности убежденный ученик Гегеля, Ф., однако, рано начинает борьбу с религией и религиозными представлениями («Мысль о смерти и бессмертии», 1830), а также с христианской философией права (критика «Философии права» Шталаля). Вместе с Д. Штраусом и Бр. Бауэром он возглавляет лево-гегельянское направление, делая шаг к признанию ценности природы и человека в противоположность последовательному идеализму и теологии («История философии», 1833 «Пьер Бейль», 1838). Продолжительное пребывание в деревне (в Брукберге) и изучение естественных наук а также сотрудничество в органе немецкого радикализма «Галльских Летописях» привели его, наконец, к «Критике философии Гегеля» (1839). В 1841 выходит его знаменитая «Сущность христианства» в которой Ф. разделяется со всеми внутренними противоречиями гегельянства и окончательно становится на материалистическую точку зрения. Произведение это имело огромное значение не только для оформления идеологии молодой германской буржуазии но и для подготовки питавшегося корнями февербахизма диалектического материализма Маркса и Энгельса. Как писал об этом молодой Маркс «критика религии по существу для Германии закончена, а критика религии—предпосылка всякой другой критики.. Критика неба превращается в критику земли, критика религии—в критику права, критика теологии—в критику политики... По словам Энгельса, «кто не пережил освободительного влияния этой кни-

ги, тот не может и представить его себе». Более краткое и отчетливое выражение взгляды Ф. получили в «Предварительных тезисах к реформе философии» (1842) и в «Основах философии будущего» (1843) Воззрения эти имели большое влияние на развитие общественной мысли также и во Франции (Прудон), в России (люди сороковых г. г. Чернышевский) и др. странах. В период реакции после 1848 г. влияние Ф., а вместе с тем и его литературная деятельность ослабевают. Сам мыслитель, начиная с 1844 продолжает все более эволюционировать в сторону коммунизма: в 1870 г. он вступает в социал-демократич. партию, превратившись, таким образом, из учителя в ученика своих прежних учеников.

Характерная особенность философии Ф.—его гуманизм и антропологизм. Сущности человека и человеческие представления служат для него критерием проверки религиозного фетишизма: бог превращается в вознесенную на небо, обожествленную человеческую личность. Человеческая голова, мозг, методологически используются им для выяснения взаимоотношений между бытием и мышлением. Ф. не только повторяет уже сказанное прежними, французскими и английскими, материалистами. Развивая мысль Спинозы, он выдвигает диалектическое понимание взаимозависимости объекта и субъекта при котором каждый субъект «для себя» есть вместе с тем объект «для другого» (см. подробнее Материализм и право).

Однако, Ф. не доходит до диалектического материализма в своем понимании общественной жизни «Сущность», «природа человека» остается для него некоторой абстракцией, чуждой реальным общественным отношениям. Его человек, отражающийся в христианском боге это не исторический общественный человек по некоторый отвлеченный человек, по остроумному выражению Энгельса, человек, «не рожденный женщиной». Этим недостатком объясняется явно идеалистический характер построений Ф. когда он говорит об общественной жизни. Самую религию Ф. хочет не просто упразднить, но заменить ее новой религией—религией любви, сердечных отношений между людьми. Аналогичным образом обстоит дело и с правом. Уже в свой идеалистический период, критикуя

Штала. Ф. отметил, что буржуазная собственность, «право», несовместимо с христианской идеологией. Точно так же правильно понимает Ф. и зависимость закона как чего-то последующего от предшествующего им права, и зависимость самого права от того, что не является произвольным человеческим установлением. Но в стремлении преодолеть «узы мучительного права», Ф. обращается не к общественным отношениям, но к «естественному», т. е. к отвлеченному, человеку. Преодоление права совершается у него не путем общественного развития, а чисто рационалистическим способом — установлением между людьми «нравственных отношений». Эти последние основаны у него на «стремлении людей к счастью», на «праве на счастье» каждого человека. Тощая мораль Фейербаха, по словам Энгельса, «выкроена для всех времен, для всех народов и состояний и потому именно неприменима нигде и никогда».

И. Р.

ФЕОДАЛИЗМ — общественный строй, характеризующийся следующими основными признаками: 1) слабостью обмена; 2) господством крупного землевладения при мелком земледельческом хозяйстве; 3) связью землевладения с политической властью; 4) своеобразными иерархическими отношениями между землевладельцами (феодалная лестница). Можно было бы привести ряд и других дополнительных признаков, но они будут отмечены в дальнейшем изложении. Первоначально под Ф. понималась совокупность особых черт общественного строя, наблюдавшихся в некоторых странах Западной Европы в эпоху средних веков. Однако, по мере более точного установления основных признаков Ф. и по мере развития исторической науки, было выяснено, что Ф. существовал не только в Западной Европе, но и в других многочисленных государствах, у различных племен и народов, и не только в средние века, но и в другие разнотипные эпохи. При изучении Ф. выяснилась необходимость различать некоторые моменты процесса феодализации. Так вошло в употребление от процесса феодализации в тесном смысле этого слова, под которым понимают процесс установления и упрочения феодальных связей,

завершившийся объединением отдельных областей под властью феодального короля, отличать процесс сеньеризации, благодаря которой в руки землевладельцев перешли права государственной власти. Процесс сеньеризации, конечно, предшествует процессу феодализации и, следовательно, сеньеризация является подготовительной стадией феодализации. В литературе очень часто делают различие между т. н. политическим Ф. и т. н. социальным, понимая под первым смешение государственной власти с землевладением, а под вторым — экономическое и политическое властвование землевладельцев над сельским населением. (У Маркса и Энгельса Ф. употребляется очень часто во втором смысле этого слова)

При изучении феодального строя в разных государствах и у разных народов был установлен ряд существенных различий как в процессе развития феодального хозяйства и права, так и в существе феодальных институтов. Само собой разумеется, нет особой необходимости рассматривать Ф. всех стран и эпох. Существенные черты его могут быть выяснены на основе европейского Ф.

Вопрос о происхождении Ф. является одним из самых запутанных в историографии. В литературе существовало и существует огромное множество различных теорий, пытающихся по-своему объяснить возникновение феодального строя. Большинство этих теорий рассматривают возникновение Ф. вне всякой связи с хозяйственными отношениями. Кроме того, долгое время существовала борьба между т. н. романистами и германистами, объяснявшими происхождение феодального строя влиянием или римских, или германских «начал». Вопрос о происхождении Ф. осложняется, кроме того, еще тем, что в исторической науке не установлены исчерпывающим образом основные черты феодального хозяйства. Очень часто понятию феодального хозяйства придают слишком широкий объем. Основываясь на данных, характеризующих возникновение феодального строя в странах Западной Европы и России, можно сделать заключение, что феодальное хозяйство могло развиваться на основе более или менее различных хозяйственных систем, — например, на основе рабовладельческого хозяйства (напр.,

в Римской империи). на основе т.-н. городского хозяйства (напр., в России, в эпоху Киевской Руси) и, наконец, на основе более «примитивных» хозяйственных форм. Отсюда вытекает ряд особенностей и в начальном процессе феодализации. С одной стороны, мы имеем несомненные факты сращивания феодальных сеньерий, латифундиями, превращения владельцев латифундий в сеньеров, а рабов в зависимое сельское население (через колонат в Римской империи). С другой стороны, мы наблюдаем захват земель, находящихся в эксплуатации города, представителями городской, торговой аристократии и постепенное установление зависимости над сельским населением, первоначально свободным и только отпавлявшим повинности и платившим подати городскому центру (в Киевской Руси). Наконец, иногда наблюдается процесс роста крупного землевладения в пределах земельных общин, процесс сопрягавшийся с постепенным захватом землевладельцами общинных прав и установлением зависимости остальных общинников (в Англии, в некоторых частях Германии, в странах Западного Славянства). Несмотря на существование некоторых различий между хозяйственными системами, на основе которых вырастал Ф., общим моментом для процесса феодализации является рост крупного землевладения, установление зависимости сельского населения от землевладельцев и усвоение ими государственной власти. Рост крупного землевладения развивался различными путями: захватом земель, прикупкой, меной. Наиболее характерным способом овладения землей для данной эпохи являлся т.-н. прекарий. При прекарии земля, переданная крупным землевладельцам мелкими, возвращалась им обратно но уже в простое держание. За передачу же земли в собственность крупные землевладельцы оказывали мелким защиту и покровительство. Землевладельцы поступаая на службу к королю, получали особые участки земли (жалованье — бенефиций)

Хотя этими участками они владели условно и при прекращении службы должны были возвращать их королю, тем не менее существовала тенденция к постепенному их присвоению. Часть этих крупных землевладельцев занимала долж-

ности по местному управлению и также стала присваивать королевские (государственные) земли (напр., графы и герцоги во Франции) и присоединять их к своим владениям. Что же касается установления зависимости сельского населения, то этот процесс, в основном, выражался, с одной стороны, в том, что рабы, сажавшиеся на отдельные земельные участки, получали некоторую хозяйственную самостоятельность и признание за ними некоторой правоспособности (напр., сервы во Франции, страдные люди в России), а с другой стороны в том, что свободное крестьянство потеряв свои участки, утрачивало свою экономическую независимость, благодаря неоплатной задолженности, и постепенно подпадало под сеньериальную власть крупных землевладельцев. Мало-малу из этих разнообразных групп образовался один основной разряд зависимого сельского населения (сервы во Франции, вилланы в Англии). По мере увеличения земельных владений, росло экономическое и политическое влияние крупных землевладельцев. Мало-малу им удавалось высвободиться из-под власти королевских административных агентов и получать т.-н. иммунитетные грамоты. Иммунитеты, освобождая землевладельцев от в'езда в их владения королевских агентов, вместе с тем вели к подчинению им в судебном и финансовом отношении жившее на их землях крестьянство. Различные элементы тогдашнего общества выбитые из колеи процессом феодализации, стали стремиться получить защиту и покровительство от феодалов и достигали этого путем т.-н. коммендации. Вместе с тем, осуществляя в пределах своих владений функций государственной власти, крупные землевладельцы принуждены иметь свой кадр служилых людей и раздавать им, в качестве вознаграждения за службу земельные участки бенефиции. Стали мало-малу возникать своеобразные служебные отношения, получившие название вассалитета. В результате этих процессов мы наблюдаем, с одной стороны, распад единой государственной территории на целый ряд крупных владений (сеньерий) мало связанных с центральной властью и находившихся в постоянной борьбе друг с другом, а с другой стороны — распад всего общества на два

основных класса: феодалов и зависимых от них и ими эксплуатируемых крестьян.

Весь этот процесс распада («сеньеризация») был обусловлен почти полным прекращением меновых отношений. Однако, с течением времени как в Западной Европе, так и в России стали наблюдаться признаки оживления обмена. Мало-по-малу начинает развиваться международная торговля. За развитием международной торговли начинают оживляться и внутренние торговые сношения.

Втягиваясь в процесс развивавшейся международной торговли, феодалы принуждены были, для охраны обслуживавших купцов заключать различные соглашения. Наиболее была заинтересована в прекращении феодальной обособленности церковь, являвшаяся крупным потребителем ввозимых и вывозимых товаров. Церковь стала вести пропаганду за установление божьего перемирия и вообще создавать предпосылки для установления экономических и политических связей между отдельными сеньериями. В результате этих хозяйственных сдвигов мы начинаем наблюдать процесс феодализации в тесном смысле этого слова. Отдельные феодалы начинают заключать особые договоры, постепенно приводящие к образованию более или менее обширных политических союзов. Эти договоры стали регулировать, с одной стороны, передачу (т. н. сюзеренами) и получение (т. н. вассалами) феодалов, земельных владений. Первоначально феодальное держание было пожизненным, но по мере развития обмена стало наблюдаться наследственное обладание феодалами. Обычно при передаче феодала сыну умершего вассала требовался только особый выкуп (во Франции называвшийся релъфом), который с течением времени стал уплачиваться лишь при передаче феодала боковым родственникам. Мало-по-малу стало возникать и право отчуждения феодала конечно, с согласия сеньера. Так как на феодале лежали разного рода повинности то сеньеры были заинтересованы в том, чтобы феодалы переходили в надлежащие руки, в частности, в руки тех лиц, которые могли хорошо выполнять воинскую повинность. Отсюда вошло в практику требовать от дочерей умерших вассалов, чтобы они выходили замуж за одного из женихов рекомендованных сеньером. Феодал мог воз-

вращаться сеньеру в виду его выморочности в случае нарушения феодального договора. в случае отказа наследница выйти замуж за рекомендованного ей сеньером жениха, в случае выкупа сеньером продаваемого вассалом феодала. Обязанности вассалов заключались прежде всего в воинской службе; далее, они должны были оказывать сеньеру денежную помощь и участвовать в его совете. Как сеньер, так и вассал были обязаны верностью друг другу. В случае нарушения верности как со стороны вассала, так и со стороны сеньера они наказывались феодальным судом или отобранием феодала или уничтожением прав на феодал. Феодал описанного типа был простейшей ячейкой феодальной организации. На практике мы наблюдаем, однако, более сложную и развитую систему феодальных отношений; иногда владетель отдавал часть своего феодала своим вассалам (подвассалам). иногда же феодалы достигали размеров крупных территориальных княжеств, только номинально признававших над собою власть королей. В результате развития этой феодальной в тесном смысле системы образовалась феодальная лестница: короли, крупнейшие вассалы, называвшиеся пэрами (равнычи), герцоги и графы средние вассалы и мелкие вассалы или подвассалы и, наконец, на самом низу находилось эксплуатируемое крестьянство. Положение короля в этой стадии развития Ф. укрепились. Его владения, находящиеся в его непосредственном обладании начинают расти. Наблюдается процесс собирания земли. Что же касается управления и суда, то каждый феодал совершенно самостоятельно управлял и судил население своих владений. Только более важные дела исключались из сеньериальной юрисдикции. Равным образом, феодал имел право законодательства в пределах своей территории. Таким образом, в феодале в феодальном держании мы наблюдаем срощение бенефиция, коммендации, вассалитета и импутитета.

Чтобы закончить описание основных черт Ф. коснемся несколько положения церкви и городов в данную эпоху. Церковь особенно быстро подверглась процессу феодализации. Церковное землевладение увеличивалось в объеме своем гораздо скорее светского. Как общее правило цер-

жовь, приобретая участок земли, никогда его не отчуждала. Церковь скорее, чем светские владельцы, стала получать имущественные грамоты. На основе церковных отпущений стали развиваться различного рода формы условного землевладения, сделавшиеся впоследствии основными институтами феодального права. Благодаря развитию крупного землевладения, в подчинении церкви находилась масса сельского населения и мелкого служилого люда. Епископы и вообще лица, стоявшие во главе церковных учреждений, стали, подобно светским сеньерам, получать феодалы, а затем все вообще земельные владения епископских кафедр и монастырей сделались феодалами и вошли, таким образом, в систему феодальных отношений.

Вассалы, епископы и аббаты обладали всеми сеньериальными правами и несли большую часть тех вассальных обязанностей, которые были только что указаны. Процесс феодализации стал вообще охватывать весь церковный организм. Так, течением времени, назначение на определенную церковную или церковно-административную должность непременно стало связываться с пожалованием поволазаченному лицу определенного земельного владения.

Подобно церкви, процессу феодализации подверглись и города. Ослабление экономических связей вызвало упадок прежних оживленных городских центров. Городские поселения стали мало-по-малу превращаться в села, а городские ремесленники и торговцы — в обыкновенное сельское население. Города подпали под власть сеньеров и вообще сделались объектом феодальных владений. Территории их очень часто дробились. Однако, города все-таки таили в себе силы, сопротивляющиеся феодальному закабалению. По мере укрупнения феодальных сеньерий города делались центрами большей или меньшей феодальной области. Чем дальше, тем больше города делались средоточием торговли и промыслов. Группы горожан мало-по-малу добивались привилегий, стали составлять ремесленные и торговые гильдии. Процесс разложения феодального строя, начавшийся с крестовых походов, еще более усилил эмансипационное движение городов, вылившееся в XII в в целый ряд городских революций

и приведших, в конечном своем результате, к окончательному высвобождению городского населения и города из-под власти сеньеров.

Ф в Западной Европе. Страной классического Ф., с ярко выраженными феодальными институтами, является Франция. Благодаря тому, что значительная часть Франции (Галлии) находилась под влиянием римской хозяйственной системы, в этой стране очень рано наблюдаются признаки феодализации. А в виду того, что Франция очень долго по своему особому географическому положению не могла втянуться в международный обмен, процесс феодализации развивался здесь глубоко.

Несколько в ином положении находилась Англия. Процесс феодализации в Англии стал развиваться значительно позже, чем во Франции. С другой стороны, в Англии раньше, чем, напр., во Франции и Германии, создалась неблагоприятная обстановка для дальнейшей феодализации. Благодаря разнообразию хозяйственных условий отдельных частей Британского острова (на западе — скотоводческий район, на востоке — земледельческий), там стал развиваться оживленный внутренний обмен. Разведение овец и производство шерсти вызвало вывоз ее на иностранные рынки. Все это вело к быстрому разложению феодального хозяйства. Благодаря разнообразию хозяйственных условий для королевских дружинников интереснее было получать земельные участки в разных частях. Отсюда сеньерии (в Англии они назывались мэнор) были разбросаны по графствам благодаря чему ослаблялось влияние феодалов и, следовательно, увеличивалось значение короля. У него нашлись силы заставить подвассалов признать его власть над собой и нести ему военную службу. Сохранилось в Англии и большинство тех учреждений, которые существовали еще в феодальную эпоху, при чем в этих учреждениях могла проявляться самостоятельность среднего и мелкого люда и могла быть организована борьба против феодальных притязаний сеньеров.

Таким образом, Ф. в Англии не достиг своего окончательного развития. Не имея при своем возникновении особых благоприятных предпосылок и развившийся

позже, он вместе с тем и разложился раньше и быстрее под влиянием новых хозяйственных условий развития обмена и зарождения торгового капитализма.

Для развития Ф. в Италии были, пожалуй, еще более благоприятные условия, чем даже во Франции. Еще в то время, как Италия была центром Римской Империи, она была страной латифундий и колоната. Следовательно, феодализирующие процессы наблюдавшиеся в конце Римской Империи были выражены в этой стране в большей степени, чем где бы то ни было. С другой стороны, постоянное вторжение варваров, прекращение обмена с остальными частями Римской Империи содействовало распадению Италии на ряд отдельных самостоятельных территорий; здесь стали очень быстро развиваться типичные сеньории, сеньориальные права владельцев их п. в соответствии с этим, зависимость сельского населения. Стали возникать и феодальные институты. Однако, Италия раньше, чем другая страна, втянулась, благодаря своему исключительному географическому положению, в оживленные торговые связи Византией, мусульманскими рынками и Испанией. В Италии раньше, чем где бы то ни было в Западной Европе, стал развиваться торговый капитализм, расти и крепнуть города, возникать цехи и купеческие гильдии. Эти города раньше, чем мы наблюдаем во Франции освободились из-под власти сеньеров и сделали центрами борьбы против феодального строя, сделали зависимыми от себя средних и мелких владельцев, освободив подвластное от них сельское население от крепостной зависимости.

Что касается Германии, то здесь Ф. стал развиваться позже, чем во Франции, и, тем более Италии. Географическое положение Германии (Южной, Восточной и Западной ее частей) не благоприятствовало развитию обмена, экономических и политических связей. Во всяком случае, распад Германии на отдельные сеньориальности продолжался даже тогда когда Франция, Англия и Италия уже стали переходить к т.-н. сословно-представительной монархии. Необходимо отметить, что избрание императоров особой организацией (курфюрстами) и институты Священной Римской Империи налагали осо-

бый отпечаток на германскую феодальную систему и на германское феодальное право.

Ф. в России. Феодальные отношения в России развивались значительно позже, чем в странах Западной Европы. В то время, как, например, в Италии, Франции и Англии феодализм стал уже разлагаться, в России мы наблюдаем лишь только зачаточные формы феодальных институтов (XIII и начало XIV в.в.) Следовательно, феодальная Русь была в окружении стран, которые перешли уже к торговому капитализму. Торговый капитализм просачивается к нам и, следовательно, подрывает хозяйственные предпосылки Ф. Этим объясняется быстротечность процесса феодализации, этим объясняется и то, что наряду с развитием одних феодальных институтов мы наблюдаем отмирание других. Быстротечность процесса обуславливала, в свою очередь, и неопределенные очертания многих феодальных институтов. В русском Ф. факт преобладает над правом, и у нас отсутствует та тщательная регламентация феодальных отношений, какую мы наблюдаем во Франции или в Германии. Кроме этих основных черт различия между русским и западноевропейским Ф., можно указать на целый ряд более мелких и второстепенных. Так, большой особенностью русского Ф. является т.-н. удельная система, развитие которой предупредило захват государственной власти со стороны велико-княжеских вассалов и в частности боярства. У нас «княжеские земли предупредило ее обоярение». У нас княжеская власть расплылась и низилась до степени сеньериата, на Западе до степени сеньериата возвысилась власть королевских чиновников и крупных землевладельцев. Отсюда, как общее правило, не бояре были феодалами первого порядка, а князья. Их служебные отношения носили более личный характер, чем поземельный. Далее, благодаря обилию пустующих земель и возможности для крестьянства поселиться на новой земле, закрепостительный процесс в эпоху Ф. не был так интенсивен, как на Западе.

Переходим теперь к разложению феодального строя. Причиной этого разложения было развитие обмена и развитие торгового капитализма (см.) Благодаря обмену стали возникать прочные эконо-

мические связи на территориях феодальных центров. Уже в XI в. в Западной Европе наблюдается средоточие значительных масс населения вокруг старых городов, епископских резиденций, и даже создание новых городских поселений. С эпохи крестовых походов развитие денежного хозяйства сделало дальнейшие успехи. Оно стало просачиваться и в сеньерии, благодаря чему их хозяйственная обособленность мало-по-малу разрушалась. Феодалов перестали удовлетворять натуральные повинности крестьян, и они стали нуждаться в деньгах. Таким образом, по мере развития обмена и рынка, ремесел и торговли, деньги получают особую силу и вместе с тем получают влияние их обладатели т.е. жители городов — купцы и ремесленники. За определенное вознаграждение они добивались получения от феодалов некоторых прав и обязанностей. Эти дарованные по особому договору права нарушаются феодалами, но жители городов в конце концов добиваются освобождения их от сеньериальной власти феодалов. Короли, как напр., было во Франции оказывают поддержку городам и тем более подрывают политический вес феодалов. После того, как городскими жителями были одержаны успехи в борьбе с феодалами города начинают привлекать еще большие массы населения. Появилась поговорка, что «городской воздух делает человека свободным». Городские жители, получив ряд привилегий, выделявших их из других социальных групп, мало-по-малу образуют т.н. городское сословие (см.) Экономическое ослабление феодалов повело к укреплению и усилению королевской власти. Начинается процесс «сбирания» земли, заключавшийся в лишении феодалов сеньериальных прав и в присоединении их земель к королевскому домену. Процесс сбирания, в свою очередь, повлек за собой т.н. иммедиатизацию, т.е. переход вассалов, королевских вассалов под непосредственную власть короля. Этот переход поощрялся королями и в силу того, что для борьбы с феодалами они нуждались в постоянном и многочисленном войске. Из массы иммедиатизированных феодалов образовалось основное ядро дворянского сословия. Кроме этих двух сословий, образовалось еще третье — именно, духовное, и феодальная монархия

превратилась мало-по-малу в сословно-представительную.

После довольно продолжительной борьбы королей с феодалами политический феодализм был уничтожен. Последние остатки Ф. (т.н. социальный Ф.) исчезли в эпоху развития промышленного капитализма.

Ф в Китае. Начало китайского Ф. обычно относят к концу XII в. до Р. Х. Во всяком случае китайские летописи, описывающие события этого времени, содержат известия, подтверждающие преимущественное значение в хозяйственной системе Китая земледелия и вообще господство натурального хозяйства. Так между прочим указывается, что при одном из императоров, жившем в конце XII в. или первой четверти XI в., земледельцы отплачивали натуральные повинности и платили поземельную подать хлебом и продуктами сельского хозяйства. Имеются совершенно определенные данные и о росте крупного землевладения и приобретении землевладельческой знатью политических прав. Появляются и иммунитеты, по своему содержанию близкие к иммунитетам феодальной Европы. Устанавливается зависимость и обезземеленного сельского населения.

Процесс феодализации завершился к т. наз. «периоду Гун-Хо» начало которого обычно относят к концу VIII в. до Р. Х. К началу этого периода наблюдается распад территории на множество отдельных княжеств (до 124). Некоторые более крупные княжества распадались на ряд мелких зависимых владений. Т. о., и в Китае мы наблюдаем т. наз. феодальную лестницу. В «период Гун-Хо» феодальные институты вообще приобретают особую четкость так окончательно оформляется вассалитет и складывается ленная система. В городах развивается строй типичный для эпохи Ф.: возникают гильдии и цехи.

С половины IV в. до Р. Х. имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать предположение о начавшемся развитии торгового капитализма и разложении феодального строя в Китае. Именно к этому времени относятся известия о принимаемых феодалами мерах к улучшению дорог и вообще об оживлении обмена между отдельными княжествами. В III в. до Р. Х. этот процесс дефеодализации достиг такого развития что была сделана, прав-

ла, неудавшаяся попытка замены натуральных сборов денежными. Процесс дефеодализации в Китае так же, как и в Европе, сопрягался процессом образования сословий (см.) и т. наз. собираем земл. Центром, объединившим китайские феодальные сеньории, сделалось княжество Цин, завладевшее после долгой борьбы княжеством Ханьским, Вейским и другими крупными княжествами. Однако, необходимо отметить, что процесс собирания земли и вообще процесс дефеодализации проходил крайне медленно. Объединенная территория снова распадалась на ряд уделов; часто кончались неудачей и попытки утвердить систему административной централизации в виду превращения императорских наместников и управителей в наследственных феодалов. Более серьезный удар Ф. был нанесен монголами (1278—1367 г.), которым удалось окончательно объединить всю территорию и создать предпосылки для утверждения абсолютизма и бюрократического централизма. Но было бы неправильно думать, что Ф. окончательно прекратил свое существование в эпоху монгольской династии. Напротив, мы еще долго наблюдаем моменты, когда феодальная реакция торжествовала. В последний раз торжество феодальной реакции наблюдалось сравнительно в недавнее время, т. эпоху завоевания Китая манчжурами, между прочим приглашенными крупной земельной знатью для подавления крестьянской революции, вспыхнувшей в середине XVII в. Подавив революцию манчжуры установили в Китае к началу XVIII в. строй, чрезвычайно близкий к Ф. И все споры о том, существует ли в современном Китае Ф., ярче всего разрешает в пользу существования Ф. небывало яркая вспышка крестьянской революции, которую мы переживаем сейчас.

Сопоставляя основные черты китайского Ф. с Ф. европейским, мы должны отметить, в качестве главной его особенности необыкновенную продолжительность феодального процесса. Чем же эта особенность может быть объяснена? Хотя история хозяйственного строя в Китае и не является изученной, но достаточно даже поверхностного географического положения Срединной империи, чтобы понять, что страна, окруженная, с одной стороны, океаном, величайшими в мире пустынями

(напр., Гоби) и высочайшими горными хребтами (Гималаями и отрогами Гималаев), с другой стороны, не могла самостоятельно развить оживленного обмена с окружающими ее странами, подобно Западной Европе XIII—XVII вв., не могла укрепить развившийся в некоторые периоды торговый капитализм эксплуатацией народов и, следовательно, создать предпосылки к окончательному изживанию натурально-хозяйственных отношений.

С Юшков

ФЕРРИ (Энрико, род. 1856, жив до сих пор) — видный итальянский криминалист «нового направления» и б. лидер итальянской социалистической партии (реформистского крыла). В науке уголовного права сочетал чрезвычайную плодотворность с крайним эклектизмом и поверу-постностью. Начав с монистическо-биологической концепции преступления Ломброзо, он затем «дополнил» ее концепцией «социологической», сведя природу преступления к трем «факторам». В сфере самой социологии он «дополнял» Маркса Коптом и Спенсером, считая, что «экономические условия каждого народа являются, в свою очередь, необходимым результатом его расовых свойств». Провалившись с такой «социологией» на исследовании природы преступления, Ф. начал измышлять меры борьбы с преступностью, — «заместители наказания»: сам он придавал им историческое значение, считая их даже «отправной точкой для перехода к совершенно новому социальному строю». В этих «заместителях» с серьезным видом рекомендуются рядом: «борьба с эксцессами капитализма» и увеличение фонарей на улицах «устранение монополий» т. е. возвращение к манчжеству и введение английских замков в квартирах и т. и. Работы Ф. в области репрессии были много продуктивнее. Как и у всей «новой школы», они сводились к освобождению буржуазной карательной расправы от стеснительных правовых сдержек путем замены в предположениях репрессии «индивидуальной ответственности» трезвой «социальной необходимостью». По иронии истории эти «социалистические» проекты только в фашистском государстве получили осуществление (конечно, в части репрессии, а не «превен-

ции», которая даже фашистам пригодиться не могла). В 1921 г. Ф., ставший уже сам полуфашистом и признавший фашизм «явлением духовного порядка», созданным «юношами добросовестными и по преимуществу идеалистически настроенными», выпустил свой проект уголовного кодекса, в котором впервые была радикально проведена программа «позитивного направления». наказание-возмездие заменено «санкциями» вина и вменяемость — «опасным состоянием», особенное внимание уделено классификации преступных типов, введено условное ужесточение, а неопределенные приговоры замещены суррогатом в виде «условного досрочного освобождения»; все же связь с уголовно-правовой традицией сохранена, поскольку проект толкует о «деянии», а не прямо о деятеле санкции объявляются применяемыми за преступления а преступление (см.) определяется формально, исходя из принципа «*nullum crimen sine lege*»; в дальнейшем к проекту должна была воследовать и особенная часть.

Проект 1921 г. законом не стал: «позитивный» радикализм, разрушающий свободу буржуазной «личности», оказался в такой острой форме неприемлемым даже для фашизма. Это не помешало однако, современным деловым защитникам буржуазного общества протаскать те же реформы постепенно и исподволь. В результате в 1926 г. тот же Ф. мог констатировать что «хотя министр А. Рокка и не пришел к теоретическим выводам (проекта 1921), но в отношении практических выводов принял основные положения позитивной школы», и если «в течение 40 лет научной и парламентской пропаганды итальянское правительство не удосужилось провести ни одной из этих реформ, то фашисты с несвойственной итальянской психологии методической силой воли в 3 года осуществили большую часть этих реформ». Для характеристики Ферри достаточно указать, что он находил «единомыслие между фашизмом и позитивной школой» не в чем ином, как «в том основном и руководящем положении, которое я называю экономическим детерминизмом и которое Энгельс неточно назвал историческим материализмом». На русский язык переведены несколько брошюр и основное сочинение Ф. — «Уголов-

ная социология» (дважды: лучший перевод 1908 г. Познышева)

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА — одна из важнейших, исторически создавшихся отраслей Ф., в том ее старом, своеобразном смысле, в каком эта Ф. «отрицается», «снимается» марксистской диалектикой. Ф. в этом прежнем смысле отнюдь не была лишь общей методологией познания, опирающейся на материал эмпирических и специальных наук и в то же время дающей общее направление специальным методам этих последних — не была одним лишь учением о законах и формах мышления, какое сохраняет и развивает далее марксизм. Ф. в этот период — от Возрождения вплоть до начала XIX в. — рассматривалась философами, как некая царица наук, парящая — по словам Энгельса — над отдельными специальными отраслями знания и связывающая их воедино. Характерная особенность старой Ф. — ее «самостоятельность» по отношению к материалу научного знания, преподнесение ею «жареных голубей» абсолютного знания (Маркс). Она «придумывала связи, существующие между явлениями», создавала абстрактные схемы этой общей связи явлений, вместо учета действительного научного опыта. В своих философских системах философы пытались схватить и изобразить всеобщую связь вещей, как нечто законченное и абсолютное. А для этого приходилось заменять действительную, лишь постепенно раскрывающуюся перед наукой связь явлений «идеальной, фантастической связью», заменять «недостающие факты вымыслами» (Энгельс)

Легко заметить, что существование «самостоятельной» в этом смысле Ф. такой «особой науки» о всеобщей связи явлений противоречит основным принципам диалектического мышления. Диалектика никогда не успокаивается на абстрактных, абсолютных, заключенных в «системы» истинах и требует постоянного, конкретного, т.е. специального углубления в связи лишь постепенно раскрывающегося перед нами в самих явлениях природы и общества. В этом старом смысле Ф., по словам Энгельса, приходит конец: отныне каждой отдельной науке придется выяснять свое положение во все-

общей связи явлений, и таким путем ликвидируется прежнее, «самостоятельное» существование Ф. Точно так же рассматривал судьбу Ф. и Ленин, когда выступал против попыток всякого «чисто-философского» обоснования, которое берет на себя задачу «справиться» — путем вымышленных истолкований — с конкретным материалом всемирной истории. Ф., таким образом, оказывается в марксизме «снятой» т.е. временно преодоленной и сохращенной, преодоленной по своей старой форме абстрактных схем и систем, сохращенной по своему действительному содержанию в раскрываемых нам марксистской Ф. законах человеческого мышления (Энгельс).

Общие судьбы Ф. разделяет, с точки зрения марксизма, и Ф. п. «Подобно Ф. природы — говорит Энгельс, — Ф. истории, права, религии и т. д. состояла в том, что место действительной связи явлений, обнаруживаемой самими явлениями, занимала связь, измышленная философами». Измышление заключалось здесь, прежде всего, в том, что Ф. п. нужно было представить частью общеправовой системы: стало быть, приходилось «выводить» правовые принципы из более широких моральных принципов, эти последние из «законов свободы» и т. п. Все эти связи между различными областями уже сами по себе носили в высшей степени искусственный характер. Далее, правовые принципы не выводились Ф. п. из изучения эмпирического материала позитивного права, но изображались, как нечто «готовое» вечно разумное и абсолютное, совершенно независимое от действующего права и связанное лишь с общим философским мировоззрением. Например, Кант начинает с различения двух видов необходимости, подчиняющей себе человека — механической необходимости природы и моральной необходимости, исходящей из принципа долга. Право оказывается проявлением морального «категорического императива» поскольку он относится к нашим внешним поступкам. Далее следуют рациональные понятия права. Свобода каждого может привести к произволу стало быть, она должна быть ограничена. Право определяется, как «совокупность условий при которых произвол одного может быть согласован с произволом другого, на основании общего закона свободы». Раз так го. оче-

видно, право должно включать в себя моменты принуждения и т. д. У Гегеля Ф. п. ставится в связь с развитием абсолютного духа. Право оказывается «наличным бытием свободы», ее самоосуществлением: свобода развивается в последовательных ступенях права собственности, права морали, государственного права, международного права и развитие ее завершается правом всемирной истории или мирового духа. Нужно отличать, в Гегеля Ф. п. от исторической науки о праве, т.е. от внешнего возникновения права из обстоятельств времени. Нужно отличать философское возникновение права из понятия. Источник этого последнего — личность, это понятие предполагает понятие правоспособности и целый ряд дальнейших производных из него правовых принципов и понятий. Совершенно понятно, что такая Ф. п. «снимается» в марксизме вместе с «самостоятельной философией». Отвергая как рационалистические рассуждения и измышления о праве, марксизм становится на почву историко-социологического изучения права в его действительном историческом развитии и в его действительных, в самих правовых отношениях обнаруживающихся связях. Марксистская наука о праве, марксистская теория права — прежде всего, историческая наука. На ряду с этим, историзм вносится и в изучение самого юридического мышления. Если философия обращается в марксизме в учение о формах мышления, то место Ф. п. занимает изучение исторических форм правовой мысли. Всякая Ф. п. невозможна в марксизме уже потому, что этим самым мы приписали бы праву характер вечной логической категории, которую, как таковую, и должна изучать Ф. марксизма. Между тем марксизм (см.) рассматривает право не как логическую, но как историческую категорию, тесно связанную с развитием классового общества и товарных отношений и отмирающую вместе с этими последними.

С точки зрения социологии марксизма, Ф. п. превращается тем самым в идеологию определенной общественно-исторической эпохи, на языке которой могут выражать свои требования самые различные классы общества, но которая наиболее близка мышлению буржуазного класса. Изучение истории Ф. п. приобре-

таст поэтому особый интерес, как изучение этапов в развитии и оформлении буржуазного мышления. В соответствии с этими историческими этапами и должно строиться последовательное рассмотрение различных школ Ф. п.: естественного права (см.), исторической школы (см.), либерализма (см.), нормативизма (см.) и т. д. Разумеется, наряду этой исторической последовательностью в истории Ф. п., можно установить и некоторую логическую последовательность в основных, развиваемых отдельными философами, идеях. Но эта логическая связь — «кажем между последовательными естественного права или естественно-правовыми воззрениями и позднейшим либерализмом — должна мыслиться не как «преодоление» и дополнение друг друга в головах философов, но как абстрактное отображение существующей между ними общественно-классовой связи. Почему и в какой мере для всякой философско-правовой системы характерен абстрактно-рационалистический момент, вполне уясняется также лишь из изучения истории Ф. п. Основную роль в мышлении революционной буржуазии играют естественно-правовые воззрения. Без известной доли этого «естественно-правового» элемента, т. е. по существу того или иного абстрактного идеала или философского воззрения, не обходится, однако, ни одна Ф. п., «подменяющая факты вымыслами». Неудивительно, что последовательное позитивное направление в праве вело борьбу не только с естественным правом, но и со всякой вообще Ф. п.

Ф. п. XVII — нач. XIX в. в. была необходимым выражением наиболее революционных настроений буржуазии, идущей к власти. Устами Гуго Гроция, Руссо (см.), Канта (см.), Фихте (см.), Гегеля (см.) — буржуазия излагала свои требования, разрушая принципы феодализма, намечая устои будущего капиталистического общества, предваряя в своих ярких и возвышенных философско-правовых лозунгах прозаическую речь классической политической экономии. В этом ее великая историческая заслуга, в этом правомерность самого ее существования. Эпоха заставляла философов говорить о праве па революцию заставляла их нередко в абстрактной форме вскрывать и некоторые моменты экономической жизни общества.

Из критики «преодоления» гегелевской Ф. п. вырос марксизм, при чем это преодоление было вместе с тем в известной мере и использованием данного уже Гегелем гениального абриса структуры «гражданского общества». От этой Ф. п. буржуазия отказалась немедленно, лишь только с завоеванием власти она потеряла свою революционность. Борьба со всяким «естественным правом», т. е. со всякими абстрактными идеалами, ведущими дальше действующего буржуазного права, — таков был «естественный» повый этап в развитии буржуазного мышления.

Совершенно иной характер посят попытки воскресить Ф. п., пометившиеся с начала двадцатого столетия и неокантианской философией. Наиболее выдающиеся ее представители — отец новой философии права Р. Штаммлер (см.), нормативист Г. Кельзен и др. Они лишают проблемы Ф. п. их прежнего политического характера, возрождая Ф. п., они вместе с тем борются и с «естественным правом». Напротив того, своей задачей современная Ф. п. ставит — во что бы то ни стало отгородить юридическую пауку от общественной жизни от социального содержания юридических понятий. Ее отличительной чертой является специфически-юридическое, формальное рассмотрение и истолкование юридической формы как чего-то «логически-априорного», с точки зрения вкладываемого в нее «смысла», особой ее «значимости», с точки зрения специфической «идеи права»

Как об этом пишет современный русский представитель этой Ф. п., проф. П. П. Алексеев, право имеет не только социальную природу но и некоторую особую собственную природу. Задача его — определение права «самого по себе» независимо от существующего права; средство же изучения — «внутренний опыт стремящийся усмотреть и выразить внутреннее существо права» (!) Схоластичность и упадочность такой философии права очевидна.

Из специальных трудов по истории Ф. п. наиболее заслуженной известностью пользуются работы русского автора, гегелианца Б. Чичерина (см. Либерализм). Попытки марксистского, но неудачного и невыдержанного исторического изложения истории философии права имеются у Форлендера, Г. Кунова.

И Разумовский

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ (международный). Как форма обеспечения интересов иностранных кредиторов, Межд. ф. к. сводится к изъятию определенных или всех государственных доходов из ведения неплатежного государства с передачей их в управление особой международной организации. Межд. ф. к. существенно ограничивает и политическую, и хозяйственную независимость подконтрольного государства. В этом состоит, по существу, зачастую основная его цель. Действительно, в то время, как государственные банкротства насчитывают за собою многовековую историю, Межд. ф. к. в его современном виде появляется лишь по мере нарастания империалистических интересов великих держав во второй половине XIX столетия и шире всего применяется как раз в районах наиболее интенсивной борьбы этих интересов. В смысле смены внешних форм Межд. ф. к. далеко не во всех случаях приводил к полной утрате соответствующим государственным образованием его формальной независимости; однако неизменной его предпосылкой все же во всех случаях является неравенство политических сил, а неизменным результатом—усиление этого неравенства. Поэтому в контролирующей роли всегда выступают исключительно крупные державы или группы крупных держав. Общим характерным для всех случаев Межд. ф. к. признаком является то, что, несмотря на наличие первоначальных кредитных отношений государства-дебитора не с другими государствами, а только с частными лицами и банками (а до мировой войны междугосударственные кредитные отношения вообще давно не имели места), обеими сторонами при учреждении Межд. ф. к. являются именно государства. Отношениям с частными кредиторами с этого момента придается международно-договорный базис; вторжение в область внутреннего финансового управления происходит уже в лице правительственных агентов тех стран, к которым принадлежат кредиторы. Хотя это далеко не во всех случаях означает устранение также и представительства этих последних от участия в органах Межд. ф. к., но именно международно-договорная основа этого представительства и отличает Межд. ф. к. от иных форм участия иностранных элементов в финансо-

вом управлении, в виде, напр., иностранных «финансовых советников», формально приглашаемых государством на свою собственную службу, от найма иностранцев для заведывания теми или иными отраслями финансового, в частности налогового управления. и т. д.,—форм. юридически по крайней мере, не отражающихся на объеме финансовой автономности территориальной власти. В остальном формы Межд. ф. к. отличаются разнообразием, устраняющим возможность установления между ними общих черт. Известные до сих пор международной практике случаи Межд. ф. к. могут быть разделены на три группы: 1) Межд. ф. к. в Северной Африке и на Ближнем Востоке: в Тунисе, Марокко, Турции, Греции; 2) в некоторых государствах Латинской Америки; 3) Межд. ф. к. Лиги Наций в Австрии и Венгрии.—Тунис. Межд. ф. к. здесь существовал с 1870 по 1884 г. и привел в конце концов к формальному французскому протекторату (договор в Бордо 12 мая 1881 г.).—Подобно этому также и в Марокко Межд. ф. к. явился лишь этапом к протекторату (см.). После Алжезирасской конференции 1906 г. для заведывания мароккскими финансами учреждается особый международный банк (представляющий интересы 12 государств), которому передаются валютная монополия, казначейские функции и оплата армии. В 1910 г. права контроля расширяются предоставлением банку также и управления почти всеми государственными доходами. По мере постепенного затем завладения мароккской территорией со стороны Франции и Испании, пределы деятельности банка все суживаются, к 1918 г. ограничиваясь только зоной Тапжера. Наконец и здесь в силу конвенции 18/XII 1923 г. вводится тот же финансовый режим, что и в остальном французском Марокко.—Египет. Установление Межд. ф. к. относится к 1880 г., когда «законом о ликвидации» взамен существовавшей с 1876 г. «Комиссии египетского долга», являвшейся внутренним египетским органом, были учреждены 4 контрольные органа с международным характером. 3 из них распространяли свою компетенцию на все 100% государственных имуществ страны. Что касается четвертой (Комиссии Кассы египетского долга) то состоя исключительно из агентов держав-кредиторов, она вы-

ступала в двойной роли: а) администратора обеспечивавших долг доходов (налогов таможенных и на табак, и доходов с четырех провинций), и б) участника в финансовом управлении и контроле. Без ее согласия ни один заем не мог быть заключен Египтом. Полномочия комиссии были ограничены в результате переговоров предшествовавших образованию «Сердечного Соглашения». Действительно, декретом 28 ноября 1904 г. деятельность Комиссии египетского долга поставлена в более узкие рамки: прекращен ее общий контроль над финансами, и оставлено лишь управление долгом. Государственный долг Турции с 1880 г. («декрет мохаррема») был передан в управление Комиссии из представителей Англии, Франции, Италии и (до 1919 г.) Германии и Австрии. Подтверждение «декрета мохаррема», требовавшееся от новой Турции на Лозаннской конференции связывалось турецкой делегацией с предоставлением Турции права дальнейшей уплаты кредиторам в турецких лирах. Вопрос вызвал значительные трудности в связи с падением курса этой валюты. Контроль греческих финансов, установление которого восходит к прелиминарному греко-турецкому миру 1897 г., осуществляется финансовой комиссией шести держав, непосредственно назначаемых ими. Комиссии подчинены: а) монополии (соляная, бумажная, спичечная, на игральные карты, керосиновая и изумрудная), б) акциз на табак, в) гербовый сбор, г) порейская таможня. При чем для взимания доходов было создано особое Общество «*Société de Régie*», номинально обладающее греческой национальностью но находящееся в абсолютном подчинении Комиссии. Межд. Ф. к. существующий в Латинской Америке: С.-Доминго. После одностороннего упразднения в 1900 г. этой республикой контроля частных банков, реализовавших ее «ликвидационный заем» 1897 г., после конфликта, в связи с этим, с С.-Штатами, третейское решение 14/VII 1904 г. передало контроль агенту С. Штатов, как официальному агенту государства; во исполнение этого договор С. Штатов с С.-Доминго от 7/II 1905 г. установил: а) переход на С. Штаты всех обязательств правительства С.-Доминго, б) передачу С. Штатам всех таможен республики, в) распределение государственных дохо-

дов в 65% республике и 35%—С. Штатам. Согласно конвенциям 1911 г. между С. Штатами и Гондурасом, и между С. Штатами и Никарагуа, обе республики на предмет ликвидации своей задолженности обязуются заключить займы в С. Штатах, «обратившись, в случае затруднений, к правительству С. Ш.»; эти займы гарантируются залогом таможенных доходов, управляющие таможнями утверждаются С. Штатами, получающими право автономно оказывать им содействие и охрану. Контрольные органы, учрежденные в Австрии (с Австрии контроль снят с 1/I 1925 г.) и Венгрии в связи с «помощью», оказанной этим странам Лигой Наций на предмет «саширования» их финансов, т.-е. в действительности наиболее успешного взыскания с них репараций (см.), в общем сходны между собой и состоят из: 1) Генерального Комиссара, по назначению Совета Лиги, ответственного перед Советом, и 2) «Контрольного Комитета» образуемого правительствами—гарантами предоставленных займов. Главная роль при этом присваивается Генеральному Комиссару, вступающему фактически в управление всем народным хозяйством страны, в особенности в валютной области, совершенно изымаемой из ведения местной государственной власти, доходами таможенными и от табачной монополии—отчуждаемыми в обеспечение займов. В отличие от Комиссара, «Контрольный Комитет» является не органом Лиги Наций, а смешанным органом государств-гарантов, наблюдающим за охраной их интересов, в особенности—с точки зрения достаточности обеспечения займа данными государственными доходами, для чего получает ежемесячные отчеты от Комиссара, являющегося кроме того непререкаемым посредником между Комитетом и контролируемым правительством.

Г. Лашкевич

ФИНАНСЫ. Финансовая система СССР существенно отличается от финансовых систем существующих в других странах, так как ей свойственны функции, чуждые последним. При включении в государственное хозяйство всей крупной промышленности, торговли, транспорта, и кредитных учреждений, при стремлении к плановости в развитии их деятельности распре-

деление образующихся в стране капиталов составляет одну из функций государства. Это распределение происходит частью при помощи государственных кредитных учреждений, подчиняющихся в своей деятельности директивам общегосударственной политики, частью при помощи госуд. бюджета (см.), что придает особый характер финансовой системе СССР.

Хотя почти все налоги (см.) СССР имеют аналогию в соответственных налогах иностранных государств, их характер и результаты их применения имеют свои существенные особенности благодаря социально-экономической структуре Союза. Национальный доход СССР составляет около 90% дохода довоенной России, но для нынешнего времени, после проведения Октябрьской революцией национализации крупной промышленности, банков и т. п. характерна большая нивелировка индивидуальных доходов. Это обстоятельство ставит в узкие рамки возможности применения высокой прогрессии в обложении и заставляет применять те методы обложения, которые охватывают широкие слои населения, достигшие известного минимума в своем уровне жизни. Сюда, прежде всего, относятся акцизы, поступления которых в бюджете 1926—27 г. составляют несколько менее одной четверти всего доходного бюджета (1.197 милл. руб. из общей суммы 5.002 милл.) Акцизному обложению подлежат алкогольные напитки (спирт, вино, пиво), сахар, чай, кофе, табачные изделия, нефтяные продукты, спички, текстильные изделия и некоторые другие товары. Большинство из подакцизных товаров принадлежит к предметам массового потребления, что придает известный универсализм этому виду обложения (в особенности текстильные изделия, сахар, керосин). Нельзя, конечно, отрицать того, что существующая система косвенного обложения является фактором, тормозящим развитие потребления: это обстоятельство отчасти компенсируется структурой акцизной системы: более тяжелым обложением предметов роскоши (дорогие вина, высшие сорта табачных изделий, тонкие ткани), чем предметов массового потребления. Потребление предметов роскоши в СССР, однако, очень незначительно, и указанный корректив не имеет поэтому большого значения. Важнее другое обстоятельство — наметившаяся

эволюция к изъятию от акцизного обложения некоторых предметов первой необходимости, выразившаяся пока в отмене весной 1927 г. акциза на соль.

Поскольку госуд. бюджет в советском государстве принимает на себя функцию перераспределителя народных капиталов, на акцизы следует смотреть, как на один из методов ограничения «непроизводительного» потребления с передачей изъятых путем акцизов сумм на расширение промышленного строительства, постройку новых жел. дорог, производство мелиораций в сельском хозяйстве и т. п. — здесь перед нами один из видов так наз. «принудительного» накопления. Так как акцизами обложены предметы непосредственного потребления, а расходуемые на хозяйственные цели госуд. бюджетом средства идут на расширение производства средств производства, акцизное обложение производит соответственное перераспределение производственных сил, какое имело бы место если бы население добровольно ограничило потребление чая, сахара и т. д. и затратило сэкономленные таким образом средства на постройку жел. дорог, мелиорации и т. п.

В противоположность акцизам, весьма скромное место в нашей финансовой системе занимают таможенные налоги (в 1926—27 г. они должны дать всего 190 млн. руб. или 3,8% бюджета). Это объясняется не только тем, что восстановление внешней торговли отстало у нас, по сравнению с мирным временем, от других отраслей народного хозяйства, но и тем, что значительную часть нашего ввоза составляют промышленное сырье и средства производства (машины, транспортные средства и т. п.) обложение которых сильно тормозило бы промышленное развитие страны.

На прямые налоги приходится около одной седьмой общесоюзного бюджета (в 1926—27 г. — 773 милл. руб.). Обычным является в финансовой науке утверждение, что подоходный (см.) налог, учитывающий всю совокупность доходов плательщика и легко допускающий как высокую прогрессию так и применение различного рода скидок и льгот (по семейному положению и т. п.) является наиболее эластичным налогом. К тому же подоходный налог переложим или очень мало переложим. В нашей финансовой системе, однако, по

доходный налог занимает очень скромное место (в 1926—27 г. — 168 м. р.) Благодаря трудности исчисления всей совокупности дохода в денежном выражении в деревнях и невысокому, в среднем, уровню крестьянских доходов, подоходный налог распространяется не только на неземледельческое население, а указавшая выше большая нивелировка доходов делает существующую прогрессию ставок мало эффективной в фискальном отношении. Так, в 1-м полугодии 1925—26 г. доход свыше 16.000 руб. в год имели лишь 0,4% всего числа плательщиков; на их долю приходится 5,5% всей суммы подлежащих обложению доходов и ими внесено 23% прогрессивного налога. В Англии в 1920—21 г. 37% подоходного налога было внесено плательщиками с доходом свыше 10.000 ф. ст. и 32% плательщиками с доходом от 2.000 до 10.000 ф. ст. Узкие фискальные границы применения подоходного налога не лишают его социального значения, как орудия, могущего в значительной степени противодействовать накоплению в сфере частного предпринимательского хозяйства.

Суррогатом подоходного обложения земледельческого населения является единый сел. хоз. (см.) налог. Помимо чисто фискального значения (в 1926/27 г.—300 м. р.), он имеет и народно-хозяйств. значение в качестве регулятора хлебного рынка, так как от его высоты и сроков уплаты зависит предложение хлеба на рынке. Этим орудием современная экономическая политика Союза пользуется, однако весьма умеренно.

Сельхозналог представляет собою, по существу один из видов реальных налогов. К этой же группе следует отнести и промысловый (см.) налог, имеющий крупное фискальн. значение (в 1926—27 г.—290 м. р.). При всех недостатках налога по обороту, он получил большое распространение благодаря своей технической простоте и фискальной эффективности.

Железные дороги, почта, телеграф и телефон занимают в нашей финансовой системе такое же место, как и во многих других странах. Они, по существу, являются переходящими статьями, дающими ныне небольшое доходное сальдо. Особое место занимает госуд. имущества и предприятия (в 1926—27 г.—554 м. р.). По мере развития госуд. хозяйства, эта статья должна

давать все больше и больше поступлений для удовлетворения общегосударственных нужд культурного, социального и хозяйственного характера; именно за счет роста этих поступлений возможно будет улучшение налоговой системы и, в частности, сокращение акцизного обложения предметов массового потребления. В ближайшие годы, однако, увеличение доходности госуд. имущества и предприятий будет поглощаться производством капитальных затрат в различных отраслях народного хозяйства. Доходы от леса, нефти и некоторые другие общи нашей финансовой системе с иностранными. Доход от леса должен составить в 1926—27 г. крупную величину в 196 м. р., но и эта сумма не может быть признана значительной при колоссальных лесных богатствах Союза; потенциальные возможности развития этого ресурса очень велики. Своеобразный, соответствующий социально-экономическому строю Союза характер носят доходы от госуд. промышленности, торговли и банков. Госуд. промышленные и торговые предприятия, действующие на началах хозяйственного расчета, передают в сферу финансового хозяйства часть своей прибыли (обычно около 30%) Значение этого факта может быть оценено лишь в связи с рассмотрением расходной части госуд. бюджета значительную часть последнего (в 1926—27 г.—901 м. р.) занимают расходы на финансирование народного хозяйства (сельское хозяйство, промышленность, электростроительство, жилищное строительство и т. д.) Таким образом, наша финансовая система берет на себя те функции, которые в других государствах принадлежат свободному рынку капиталов, главным образом, бирже и банкам: функции перераспределения капиталов, т. е. перевода их из тех отраслей народного хозяйства, где их оказывается относительный избыток, в те, где наиболее остро чувствуется их недостаток. Тем самым расширяется плановость государственного и всего народного хозяйства, и финансовая система является техническим проводником этой плановости. Вместе с тем, финансовая система теряет в некоторой части своей характер аппарата, приспособленного лишь к удовлетворению административных (в широком смысле этого слова) нужд государства и при-

обретает своеобразные черты планового перераспределителя средств, идущих на продуктивные цели.

Нужды культурно-социального характера удовлетворяются, главным образом, из средств местных бюджетов (народное просвещение, народное здравие, всякого рода пособия и пенсии). В местных бюджетах подобного рода расходы должны составить в 1926—27 г. около 633 м. р., а вместе с некоторыми другими ассигнованиями по бюджету, которые нужно отнести в ту же рубрику, все расходы на удовлетворение нужд культурно-социального характера (по государственным и местным бюджетам) должны составить около 1.200 м. р.

Помимо нужд культурно-социального характера, на местные средства относятся также некоторые административные расходы (содержание местных советских учреждений), а также хозяйственные расходы местного значения (коммунальное хозяйство, местный транспорт и дорожное строительство, некоторые расходы по сельскому хозяйству и т. д.) Что касается местных доходов, то они состояются из: 1) доходов от имуществ и предприятий, поступивших в ведение местных советов, 2) некоторых особых налогов и сборов (дополнительное рептное обложение и др.); 3) отчислений от общесоюзных налогов (промышленного, сельско-хозяйственного, наследственного) и некоторых пеналовых доходов; 4) надбавок к общегосударственным налогам (промышленному и подоходному) и некоторым пошлинам и сборам (охотничьему, судебному, нотариальному). Пределы этих надбавок определены законом.

Государственный кредит (см.) в финансовой системе СССР имеет свои особенности. Обычно, госуд. займы—средство покрытия бюджетного дефицита, и самый факт включения в госуд. бюджет доходов от госуд. займов служит основанием для признания бюджета дефицитным. Такое решение вопроса у нас не соответствовало бы экономической сущности. Совершенно естественно, что часть капитальных затрат проходящих по бюджету, должна покрываться из выручек от кредитных операций. Каждое промышленное предприятие расширяя производство, покрывает новые расходы частью из прибыли, частью обра-

щением к открытому рынку капиталов, и последнее меньше всего может быть истолковано, как признак его финансовой слабости. Так как назначением выручки от кредитных операций является не удовлетворение потребностей административного аппарата, а расширение промышленности или транспорта или интенсификация сельского хозяйства, перед нами явление совершенно нормальное и здоровое.

При народном доходе в 1926—27 г. в 21.779 милл. руб. (по исчислениям контрольных цифр Госплана) госуд. бюджете в 5.002 милл. руб., сумме государственного и местных бюджетов около 6.100 милл. руб., мы получим отношение госуд. бюджетных доходов к народному доходу в 22,9% и суммы бюджетных госуд. и местных доходов к народному доходу в 28%

М. Бронский

ФИРМА. Правом на Ф. называют признаваемое законом право на определенное имя или обозначение, под которым предприятие, ведущее торговые операции, выступает в обороте и которым оно индивидуализирует себя в ряду других участников оборота. Это имя или обозначение (Ф.) упоминается на бланках и в подписи предприятия, а также фигурирует на его вывеске и входит в состав его товарного знака (см.).

В развитом капиталистическом обороте право на Ф., охраняемое законом, как исключительная принадлежность определенного предприятия, является одним из существеннейших условий здорового развития его коммерческой деятельности, и колебание прочности обладания этим правом отзывается иногда на ходе дел предприятия более болезненно, чем крупные потери в материальных составных частях его. Значение права на Ф. тем больше, чем развитее, оживленнее и шире частный торговый оборот и чем острее, следовательно, может сказаться возможность подрыва репутации предприятия, отвлечения от него клиентов и т. и. В условиях нашего современного оборота, в СССР значение этого института менее крупно, чем в большинстве стран буржуазно-капиталистического мира. У нас борьба за существование между предприятиями не может быть острой в виду единства хозяина. об-

единающего важнейшие между ними и оказывающего сильнейшее влияние на ко- операцию, концессионеров, смешанные и в известной мере также и на частные пред- приятия

Да и самое количество конкурентов, при проводимой государством концентрации предприятий, меньше, чем это бы- ло бы при капиталистической анархии оборота

Законодатель (РСФСР), урегулировав из- всех видов исключительных прав в пер- вую очередь право на товарные знаки, обратил затем очередное внимание на про- мышленные образцы и изобретения и, на- конец, на авторское право. Но не счет до- сего времени настоятельно необходимым издание закона о Ф. Проект, неоднократно вносившийся Комвпунторгом (Наркомвпун- торгом) до сего времени санкции не полу- чил. В СССР закон о Ф. издан 25 сентября 1924 г. (от 25 сентября)

Наше законодательство, впрочем, упо- минает о Ф. по нескольким частным слу- чаям. Такое упоминание имеется, как мы уже сказали, в декрете о товарных зна- ках. Далее, в ст. 295 Г. К. говорится о полных товариществах, что «Ф. товарище- ства должна содержать указание фамилии участников и устанавливается в договоре товарищества».

Согласно ст. 314 Г. К., «фамилии вклад- чиков не включаются в Ф. товарищества на вере»; к Ф. такого товарищества долж- ны добавляться слова «товарищество на вере». Упоминается о Ф. также в ст.ст. 322 и 324, относящихся к акционерным обще- ствам.

Упоминание это в ст. 322 является не определенным. Сказано лишь, что акцио- нерное (или паевое) товарищество (обще- ство) «учреждается под общим наимено- ванием или Ф.». В ст. 324 п. «б» дано указание, что Ф. должна соответствовать целям предприятия и содержать слова «акционерное общество». И это указание дает конечно, значительный простор в вы- боре Ф. Поскольку, однако, выбор сделан и зафиксирован в уставе, изменение Ф. может иметь место лишь в порядке изме- нения устава

Относительно Ф. треста (см.) закон со- держит лишь то указание, что таковые «Ф. и наименование» должны определяться уставом (ст. 8 декрета от 10/IV 1923 г.) и

публиковаться (ст. 13). О содержании Ф. единоличного владельца действующее гра- жданское законодательство определения не содержит вовсе. Как по иностранным зако- нодательствам, так и по проекту Комвпу- торга, Ф. единоличного владельца должна во всяком случае содержать фамилию владельца. По проекту, в нее обязатель- но включаются также имя и отчество По германскому закону обязательно (§ 19) включение хотя бы одного из имен вла- дельца (их в Германии может быть одно- временно несколько). По швейцарскому закону (§ 867) имя может и не быть включено в Ф. Относительно дальнейших добавлений германский закон допускает всякие означения, кроме способных ввести публику в заблуждение. Менее широко допускает такие добавления проект: он разрешает включать «другие обозначения», кроме «несоответствующих действительности или способных ввести в заблуждение» Еще уже формулировка швейцарского за- кона допускаются добавления, которые служат более точному определению лично- сти или предприятия. Декрет о Ф., издан- ный СНК СССР, воспрещает включать в Ф. обозначения противного государствен- ному порядку и действующим законам ха- рактера, а также не соответствующие дей- ствительности или способные ввести в за- блуждение (ст. 9).

Кроме того, воспрещено пользоваться Ф., которые принадлежали владель- цам национализированных предприятий до их национализации (ст. 5)

Как по проекту, так и по многим ино- странным законодательствам, право на Ф. возникает, поскольку иное не установле- но в специальных законах, вследствие фактического пользования Ф. По украин- скому закону право на Ф. возникает лишь с момента регистрации (ст. 11) Поскольку за определенным лицом признается и право на Ф., ему предоставляется, по иностранным законодательствам и по проекту требовать в судебном порядке прекращения пользования тождественной или сходной Ф. со стороны других лиц, если его право возникло раньше и если возникает опасность смешения этих Ф. (верх того подлежат возмещению убытки (на общих основаниях). То и другое воз- можно и теперь, по общему смыслу дей- ствующих законов.

Право на Ф., даже и там, где последняя состоит лишь из указания имени, резко различно по своей функции от права на имя. Последнее право признается новейшими буржуазными кодексами (германским и швейцарским) как особое личное право, неправомерное использование которого другими лицами обосновывает для управомоченного право требовать прекращения таких действий и на устранение созданных ими последствий. Право это имеет интерес преимущественно для представителей родовой аристократии и свободных профессий. Проект Г. К. РСФСР, составленный междуведомственной комиссией (см. Гражданский кодекс, история) содержал аналогичную статью, но в Г. К. она не вошла.

С. Раевич

ФИХТЕ Иоганн-Готтлиб (1762 — 1814) — один из крупнейших немецких философов-идеалистов конца XVIII и нач. XIX столетий, оказавший влияние и на дальнейшее развитие философской и социально-политической мысли. Важнейшее его сочинение «О понятии наукоучения», с позднейшими добавлениями и изменениями (1794 — 1813). Из работ о политике и праве особенно интересны: «Востребование свободы мысли» (1792), «К исправлению суждений публики о французской революции» (1793), «Основы естественного права» (1796) «Замкнутое торговое государство» (1800), «Основные черты современной эпохи» (1805) «Система науки права» (1812).

Основы философии Ф. — субъективный идеализм. Внешний мир и его закономерности существуют, по мнению философа, лишь постольку, поскольку существует наше о нем сознание: «вещь выступает перед нами не иначе как вместе с сознанием этой вещи и через сознание ее». Наш опыт (а под опытом понимается исключительно содержание нашего сознания) есть синтез бытия и созерцания. «Я» (сознание) нужно представлять себе как некоторый акт в котором от «я» ограничивается бытие. «не-я»: по бытие и сознание лишь относительные противоположности. Выделение «я» — тезис, ограничение «не-я» — антитезис, сознание их единства — синтез. Путем такого акта абстрактное «я» превращается в «я» конкретное, охватывающее всю совокупность бытия. В раз-

решении этих противоречий протекает диалектический путь сознания. Если в теоретической науке «я» определяется «не-я» предметами, то на практике, наоборот, «я» определяет «не-я», свобода личности определяет общественную необходимость. Кроме мирового «я» (бога) существует «лишь его проявление; в явлении же одно истинно-реальное — свобода в ее абсолютной форме». Свобода — это принцип мысли в реальном мире; «я» должно поглотить и растворить в себе «не-я», природу и ее необходимость.

С этим диалектическим идеализмом Ф. тесно связано его учение о государстве — праве. В своих ранних работах Ф. провозглашает буржуазные идеи естественного права в их наиболее радикальном истолковании. Глубоко сочувствуя французской революции, Ф. считает что и в полуфеодальной Германии «естественное и государственное право должны принять совершенно иное направление». Стремясь вытекают его «востребование свободы мысли» которую он объявляет для каждого гражданина «правом неотчуждаемым». Стремясь рассеять предубеждение против французской революции, Ф. обосновывает ее полную закономерность: прежний феодальный правопорядок был неправомерным, так как не основывался на идее договора. Поэтому право па революцию является также неотчуждаемым правом. Новый общественный строй должен быть основан на свободе личности и на обеспечиваемом государством труде каждого как основе и источнике права собственности. Нужда и несправие — для Ф. синонимы. Практика французской революции, в частности заговор коммуниста Бабефа, вызывает, однако, в дальнейшем некоторое изменение в воззрениях Ф. и снова выдвигает перед ним проблемы собственности и государства. Так как абсолютная свобода каждого невозможна, то в обществе происходит ее взаимограничение в общественном отношении, что и находит себе выражение в понятии лица субъекта.

Договор есть разрешение противоречия, спора, некий синтез; право возникает из спора и осуществляется в контракте — единстве противоположностей. Основное правовое отношение — договор о собственности; как «я» не есть бытие, по

некоторый акт, так и собственность на вещь не есть самая вещь, например, земля, но некоторая свобода деятельности по отношению к вещи. Без нее, без сферы свободной деятельности немислима сама человеческая личность, которая должна иметь свою сферу деятельности; каждый гражданин в этом смысле собственник. Собственность не есть только право, но и обязанность к деятельности, к труду. Собственность на вещь есть лишь нечто производное из «собственности» на деятельность. Эту новую теорию собственности Ф. противопоставляет феодальному, «вещному» праву покоящемуся не на труде, но на силе. Вместе с тем Ф. проводит уже разграничение между правом и нравственностью: нельзя мыслить себе естественное право вне государственного права. В будущем «государстве разума», в обществе нравственности, вовсе отомрут право и государство, представляющее «организацию собственников» однако, нужен предварительный этап гражданского общегития, на котором государство и право воспитывают человека к свободе. Назначение этого «государства нужды» — удовлетворение нужд граждан, а потому справедливое распределение собственности между ними, путем вторжений в право собственности. Только таким путем достигается не формальная, а реальная свобода, предполагающая деятельность и разумный досуг каждого. Этот своеобразный социализм Ф. посит, однако, ярко выраженный ремесленно-цеховой характер. Его «замкнутое торговое государство» лишь контролирует производство и распределение. Оно разделено на различные сословия, отграниченные одно от другого различием в профессии, в «деятельности». Владение собственностью сохраняется, как собственность того или иного класса на особую замкнутую отрасль труда. Частная собственность на землю отменяется нашим буржуазным мыслителем, допускающим лишь пользование землей, но им сохраняются собственность на «материалы» орудия производства и наемный труд. Таков тот социально-политический идеал, сменяющий современную эпоху эгоизма и индивидуализма, при котором «индивидуальность растворится в роде». Этот этический социализм Ф., таким образом,

только внешне отражает Марксово материалистическое понимание процесса отмирания права и государства. Он отрицает умопостроения германской мелкой буржуазии конца XVIII в. с ее идеализацией ремесленного строя. Всякие призывы в наши дни вернуться от марксизма к социализму Ф. посят глубоко реакционный характер.

И. Р.

ФЛАГ — одноцветное или многоцветное полотнище, рисунок коего утверждается законом, поднимаемое на военных и торговых судах, а также на посольствах, консульствах, крепостях, таможнях и других государственных учреждениях и зданиях в качестве отличительного знака. Описание государственного Ф. входит в основные законы страны. Право пользования Ф. является признаком независимости государства, а публичное оскорбление Ф. рассматривается, как оскорбление самого государства. Различие между Ф. и знаменами состоит в рисунке и способе прикрепления.

В идейном же отношении между знаменем и Ф. много общего. На военных судах Ф. отдаются такие же почести, как и знаменам и штандартам в сухопутных частях, и потеря Ф. в бою равносильна потере знамени.

Ф. по своему значению разделяются на национальные и сигнальные. Первые в свою очередь бывают военные и коммерческие. Кроме кормового Ф. военные суда вывешивают еще гюйс-Ф. квадратной формы, поднимаемый на гюйсштоке на носу корабля, и вымпел—узкий и очень длинный Ф., поднимаемый на грот-мачте с начала военной кампании и не спускаемый до окончания таковой. Кроме того, в случае присутствия на судне высших представителей государственной власти или военных начальников, на мачтах поднимаются присвоенные им отличительные Ф., вымпелы и брейд-вымпелы (Ф. особой формы). Коммерческие суда, кроме кормового Ф. имеют еще брейд-вымпел, а в СССР—вымпелы разных цветов с надписями и различными эмблемами.

Сигнальные флаги разделяются на международный кодекс сигналов и военный кодекс. Первый является общим для всех государств, второй составляет военную

тайну каждого отдельного государства. Для каждой буквы алфавита имеется определенный Ф. Наиболее употребительные фразы и слова обозначаются одним или не более 2—3 Ф.

Появление Ф. относится к эпохе Крестовых походов и вызвано, по всей вероятности, распространенным в те времена среди феодалов и знатных рыцарей обычаем употреблять разноцветные полотнища для отличия при различного рода торжественных выступлениях в боевой и мирной обстановке.

Самыми распространенными и общеупотребительными цветами Ф. следует признать красный, синий и белый. В особенности распространен красный цвет, который встречается в 80% всех Ф. Объясняется это тем, что красный цвет хорошо различим даже на значительном расстоянии.

Красный цвет и до сего времени считается цветом пехоты, а синий—кавалерии, и эта отдаленная традиция соблюдается даже нашей Красной армией.

В позднейшие времена красный Ф. не редко выбирался, как цвет восстания против существующего строя. Белый цвет знамен и Ф. как символ монархической власти, столь укрепился с XVII в. что и во Франции и в других странах он стал излюбленным цветом монархий. И до настоящего времени все контрреволюционное именуется белым, а революционное красным. За этими символами стоят века и традиции.

В настоящее время красный цвет считается революционным еще и потому, что, начиная с первых выступлений угнетенных против ига и деспотизма господствующих классов, последние заливали кровью восставших целые области, и поэтому алый цвет пролитой крови стал символом борьбы против угнетателей.

Международное рабочее движение тесно связано с понятием о красном Ф. Празднование первого мая, рабочие забастовки и выступления, борьба на баррикадах—все это проходило под красным Ф. Полятно, что, когда в лице советской республики в мире появилась первая рабочая страна, ее государственным Ф. стал именно красный, освященный годами борьбы и страданий. Ф.

До создания СССР государственным Ф. РСФСР был красный Ф. с изображением в левом верхнем углу в особой отгороженной золотой каймой части, называемой крыжем, золотых же букв РСФСР, написанных славянским шрифтом. Коммерческим Ф. был такой же красный Ф., на котором посредине крупными прямыми белыми буквами было написано РСФСР, а военный Ф.—красный Ф. с двумя косицами, на котором посредине был изображен синий двухлапчатый якорь и на нем красная пятилучевая звезда с белой каймой и синими крестообразно расположенными серпом и молотом. На штоке якоря стояли буквы РСФСР. Кроме того, существовали еще различные Ф. служебного и вспомогательного значения. В настоящее время ст. 71 Конституции СССР и постановлением ЦИК СССР и СИК СССР от 29 августа 1924 установлены следующие Ф.

1) государственный (то же, что и национальный), состоящий из красного прямоугольного полотнища, на котором в левом верхнем углу изображены золотые серп и молот накрест, а над ними красная пятилучевая звезда с золотой каймой; 2) военно-морской Ф., состоящий из красного прямоугольного полотнища, на котором посредине в белом круге изображена красная пятилучевая звезда, а на ней серп и молот накрест. От круга расходятся до краев Ф. 8 белых лучей; 3) обширная система вспомогательных Ф., вымпелов, бейд-вымпелов и гюйсов, применяемых в судходной практике и в качестве отличительных Ф. начальствующих лиц.

К. Душин-Борковский

ФЛОТ (военный и торговый). В силу больших преимуществ, которые имеют водные пути сообщения по сравнению с сухопутными (большая провозоспособность, дешевизна, отсутствие необходимости больших затрат на предварительное оборудование путей в любых направлениях и т. д.), — море, имея древнейших времен большое значение в деле сношения народов между собою, с развитием этих сношений явилось главнейшим фактором мирового товарообмена. Постепенное совершенствование техники мореплавания, прошедшей путь от простейшего первобытного гребного судна до современных гигантов кораблей с паровыми двигателями и

двигателями внутреннего сгорания, привело к тому, что, несмотря на развитие сухопутных путей сообщения (железные дороги и т. п.), за морскими перевозками остается первенствующее значение. Процентное соотношение по ценности перевозимых товаров морской и сухопутной торговли к общему обороту главнейших государств к началу империалистической войны выражалось следующим образом:

	Морская торговля			Торговля сухим путем		
	Ввоз	Вывоз	Общий оборот	Ввоз	Вывоз	Общий оборот
Англия	100	100	100	—	—	—
С. А. С. Ш.	94	91	92 ^{1/2}	6	9	7 ^{1/2}
Франция	69	65	67	31	35	33
Россия	64	79	71 ^{1/2}	36	21	28 ^{1/2}
Германия	60	50	55	40	50	45

Таким образом, мировой обмен в большей своей части производится морскими путями. Весьма важным моментом в системе народного хозяйства страны является наличие у нее своего торгового Ф. Этим достигается: а) возможность вывозить свои товары на мировой рынок и находиться в возможно меньшей зависимости от иностранного посреднического аппарата, б) отсутствие необходимости прибегать к фрахтованию иностранных судов и нести лежащиеся значительным накладным процентом расходы по фрахту, в) установление торговой связи с различными пунктами мирового рынка («рекламная ценность Ф.»). Отсутствие собственного торгового Ф может в некоторых случаях создавать крайне неблагоприятные условия для внешней торговли государства, давая преимущества конкурирующим странам, которые располагают торговым Ф.

Главнейшие государства мира обладают значительным торговым Ф., состав которого, после некоторой приостановки, вызванной экономическими последствиями мировой войны, в данное время продолжает увеличиваться

Число и тоннаж судов торгового Ф. (свыше 100 тонн) по данным Ллойд Регистра в 1926 году были:

	Число судов	Гросстоннаж
Англия	10 864	22.270 124 т.
С.-А. С. Ш.	4.627	14.878.761 „
Япония	2.087	3.967.617 „
Франция	1.769	3.490.606 „
Германия	1.986	3.110.918 „
Италия	1.401	3.240.630 „
Норвегия	1.844	2 841.905 „

Русский торговый Ф. по тем же данным в июне 1913 г. состоял из 1216 судов и имел тоннаж 974.178 тонн. При наличии такого Ф. Россия была в состоянии осуществлять при помощи своих судов только 7—8% своей внешней морской торговли. Перевозка остальных 92—93% производилась на иностранных судах, при чем за фрахт последних уплачивалось в год свыше 120.000.000 руб. В результате войны и интервенции состав торгового Ф. значительно уменьшился в то же время надобность в морских перевозках для внешней торговли в связи с изменением границ возросла. Так как кроме того при монополии внешней торговли наличие своего торгового Ф. получает особо важное значение. — делу строительства торгового Ф. СССР отводится большое внимание.

Осуществление морской торговли еще в начале Средиземноморского периода истории встретило необходимость защиты ее от нападения. В первое время таковая защита достигалась вооружением самих торговых судов.

В то же время при военных столкновениях между народами, населявшими побережье Средиземного моря, последние стали использовать для перевозки воюющие суда, сначала ничем не отличавшиеся от торговых, а затем получившие специальное оборудование и приспособления для ведения военных действий. В греко-персидских войнах (V век до нашей эры) уже принимает участие организованная военно-морская сила. Последняя постепенно начинает становиться фактором, имевшим серьезное, а иногда и решающее влияние при столкновениях средиземноморских народов между собою, защите морской торговли, торговых колоний и т. и.

Открытие морских путей в Индию (восток Африки), открытие Америки — переместили центр морской торговли и мореплавания из Средиземного моря на океан. Господствующее на море положение в это время имели Испания и Португалия.

В XVI веке, с началом так называемой эпохи «нарусного Ф.», на арену мировой истории выходит Англия, чему способствуют выгодные для последней географические и экономические условия, создавшиеся с открытием «Нового Света». Военные флоты государств уже состоят из значительного числа больших, хорошо вооруженных специальных военных судов.

Столкновение испанского военного флота («Великая Испанская Армада») с английским кончается победой последнего. Морские войны последующих столетий, ведшиеся между Англией и Голландией, Англией и Францией, закончились Трафальгарским сражением (1805 год), после которого военный флот Англии становится могущественнейшим в мире и позволяет ей оказывать влияние на решение всех вопросов мировой политики, развить до максимума морскую торговлю и держать под своим контролем важнейшие пункты океанских мировых путей.

К концу прошлого столетия, при продолжающемся морском господстве Англии, усиливается строительство военных флотов и других государств. Соперником Англии выступает Германия, быстро развивающаяся промышленность которой начинает конкурировать с Английской и обостряет борьбу за рынки и колонии.

В девяностых годах Германия приступает к созданию в. флота как главного орудия для проведения империалистической политики и борьбы с Англией. После Русско-Японской войны техника военного судостроения идет быстрыми шагами вперед. Важное самостоятельное значение приобретают подводные суда. Увеличиваются размеры подводных кораблей, совершенствуются все виды морского оружия. Расходы на морское вооружение достигают колоссальных размеров. (Морские бюджеты 1912 г.: Англия—1.071 миллион франков, Россия—424 миллион фр., Германия 329 миллионов франков).

Версальским договором, которым закончилась неудачная для центральных держав война 1914—18 года, была предпринята ответственность стремлениям Англии почти полная ликвидация морской силы Германии. Большинство кораблей германского флота подлежало распределению между «державами-победительницами». Во время передачи главного ядра германского в. флота

англичанам на рейде, в Скана Фло, германцы потопили его. Остальные корабли центральных держав были распределены между «союзниками» и вошли в состав флотов последних. Германии было оставлено 8 линейных кораблей устаревшего типа, несколько крейсеров и миноносцев. Для устранения возможности создания Германией значительной морской силы вновь был установлен предельный состав в. флота, который ей разрешается иметь: 6 линейных кораблей, не свыше 10.000 тонн каждый, 6 крейсеров, 24 миноносца. Содержание подводного флота запрещено. Однако, победа над Германией не возвратила Англии того положения в отношении морского могущества, которое она занимала в течение столетия.

Результаты длительной войны, отрицательно отразившиеся на экономике и подорвавшие во всех отраслях хозяйство большинства государств в ней участвовавших, сделали непосильным для Англии сохранение прежнего соотношения силы флота с другими морскими державами. С.-А. С. Ш., вышедшие из войны в исключительно благоприятном для себя положении, стали в отношении паритета состава флота и действительной возможности его усиления и развития, — конкурентом, борьба с которым была бы невозможна. Вместо ставившей себе ранее задачи — иметь флот равный по силе соединенным флотам 2 сильнейших морских держав мира, — Англия была вынуждена принять другую формулу: стремление иметь флот, равный по силе флоту одной сильнейшей державы мира. Итти по пути дальнейшего интенсивного строительства и обременяющего страну развития морской силы для большинства держав, из-за экономических затруднений, стало недопустимо. В то же время усиление линейного флота и дальнейшее увеличение тоннажа кораблей не соответствовало интересам и С.-А. С. Ш. Последнее обстоятельство вытекало из невозможности прохода через шлюзы Панамского канала судов, свыше 35.000 тонн водоизмещения. С увеличением размера кораблей С.-А. С. Ш. теряли бы важную, в стратегическом отношении, возможность переброски и сосредоточения флота в одном из океанов. Понадобилось бы открытие нового канала или расширение Панамского. В 1922 году Вашингтонская конференция, в которой участвовали С.-А. С. Ш., Великобритания, Япония, Франция

и Италии, пришла к компромиссным решениям, до известной степени удовлетворившим участвовавшие в ней государства. По постановлению конференции, после больших дебатов, был установлен предельный тоннаж линейного Ф., который может иметь каждая из держав (см. Разоружение).

Дальнейшее существование в. Ф. и стремление к их усилению в эпоху империализма неизбежны. В. Ф. благодаря специфическим особенностям их, как вооруженной силы (быстроты передвижения, возможности переброски в любую часть света, мощности вооружения и др.), являются могучим активным орудием для борьбы империалистов между собою, поддержания приоритета в угнетенных колониях и поработанных странах и борьбы против поднимающегося национально-освободительного и революционного движения. Для большинства капиталистических государств, и в особенности островных, наличие Ф. является необходимым для обеспечения морских путей сообщения с рынками и колониями, подвоза продуктов питания, сырья, колониальных войск во время войны. В будущей классовой войне буржуазия использует в. Ф. не ставящий перед ней неразрешимой задачи укомплектования миллионными кадрами, как это понадобится для армии. Однако, и в этом случае капиталисты столкнутся с необходимостью привлечения в свои ряды классовых врагов. Современные корабли, гиганты-фабрики, для обслуживания своих многочисленных котлов и механизмов потребуют людей, имеющих павык и подготовленных к тяжелому труду, которых можно будет получить только из рядов рабочего класса. Таким образом, в. Ф. в руках буржуазии при борьбе против трудящихся будет оружием ненадежным.

Красный Ф., имеющий подобно Красной армии (см.) коренное отличие от буржуазного в. Ф., начал свое существование вместе с Советской Республикой. В. Ф. еще в царское время, являясь орудием для проведения захватнической политики правительства, в то же время был благодаря специфическим условиям службы личного состава революционной школой для последнего. Моряки всегда первые реагировали на революционные события, они же во время Октябрьской Революции высту-

пили вместе с своими кораблями в первых рядах боровшихся за власть трудящихся. Последующие годы интервенции и гражданской войны, заставившие Кр. Ф. бросить лучшие силы на сухопутные фронты, обескровили его. Отсутствие топлива, недостаточность ухода за механизмами привели корабли в полуразрушенное состояние. Кр. Ф. почти потерял свое боевое значение. Обозначенный организацией обороны Советского Союза IX Всероссийский Съезд Советов (декабрь 1921 г.) «признал необходимым укрепить Кр. в. Ф. для охраны морских границ Республики». Длительной и упорной работой крайне осложнявшейся общим хозяйственным положением Союза и состоянием его промышленности были достигнуты большие результаты в отношении приведения кораблей в исправное техническое и боеготовое состояние. Развитие промышленности, от состояния которой зависит существование в. Ф., даст возможность проводить в нем технические усовершенствования и поднятие боевых качеств. Исключительная сложность технического устройства современных боевых судов и их вооружения ставит повышенные требования к подготовке опытного, квалифицированного личного состава. Коммунистический Союз Молодежи, приняв шефство над Кр. Ф., дал в его ряды несколько тысяч своих членов, которые, пройдя подготовку в школах, создали основное ядро личного состава Ф. Ежегодное плавание Кр. Ф. укрепляет опытом знания этого ядра. Школы дают новые пополнения. Работают Военно-Морские Училища комсостава, Курсы Усовершенствования Командного Состава и Морская Академия, уже давшие несколько выпусков командиров РККФ. Пришедших в большинстве из пролетарских рядов. Выдержанный единый классовый состав и поставленные перед Ф. оборонительные задачи отличают его от в. Ф. капиталистических государств, назначением которых является проведение империалистической захватнической политики.

Е. Престин

ФРАКЦИЯ (от лат. *frangere* — ломать, разбивать) — программно и организационно оформленная часть какого-либо коллектива — партии (см.), собрания, съезда, парламента и т. и.—представляет со-

бою группу единомышленников, ставящую себе задачей отстоять перед тем коллективом, в состав которого она входит, свои точки зрения, взгляды и решения по вопросам, стоящим в порядке обсуждения, и осуществлять свое партийное влияние на работу — решения и тактику этого коллектива. Так, напр., группа членов парламента (см.), принадлежащая к составу одной какой-либо партии, составляет Ф. парламента, противопоставляющую свою точку зрения остальным партийным группировкам парламента; группа членов ВКП(б), участвующая на советском, профессиональном или др. съезде или совещании, организует коммунистическую Ф. этого съезда или совещания. Обычно Ф. противостоят друг другу как выразительницы взглядов и убеждений различных партий в таком коллективе который является формально беспартийным. Но образование Ф. возможно и в недрах одной партии. Такое явление чаще всего свидетельствует о том, что в пределах данной партии образовалась группа, разномыслящая со всей остальной партией по программным или организационным или тактическим вопросам (последнее обычно бывает ре-

зультатом программного, принципиального расхождения).

Так, например, на лондонском съезде РСДРП партия раскололась на две Ф. — большевиков с Лениным во главе и меньшевиков — Мартовым РСДРП некоторое время формально продолжала считаться единой с единым центральным комитетом во главе. В 1912 г. оппортунистические меньшевистские группы создали свой фракционный центр под названием «Организационного Комитета». Это, в сущности были уже не две группы в пределах одной партии, а две различных партии, колоссальная пропасть между которыми особенно отчетливо выявилась в период империалистической войны 1914—1918 гг. и в период февраля—октября 1917 г. После того как прежняя Ф. большевиков встала у власти в Советск. Республик., уже порвав со старым названием Рос. Соц.-Дем. Партии и организовав ВКП(б) меньшевики окончательно перешли в лагерь буржуазной контр-революции, ведя борьбу с первым в мире государством диктатуры пролетариата.

Н Ч.

Х

ХАРТИЯ от лат. *Charta* — письмо, сочинение. Этим термином обозначают документ представляющий собою обычно совокупность каких-либо положений, отличающихся особой важностью. Так, напр., нередко основные законы государства, его писания, конституция, именуется «конституционной Х.».

В настоящее время этот термин почти вышел из обычного и официального употребления и применяется, главным образом, в качестве формулы в тех случаях, когда хотят подчеркнуть особую важность того документа к которому прилагают этот термин. Между тем, в средние века этот термин пользовался большим распространением и им обозначали разного рода документы публично-правового характера. Из исторических документов, носящих имя Х., пользуются наибольшей известностью: Великая Хартия Вольностей 1215 г. — договор, заключенный английским королем Иоанном Безземельным с своими баронами, и Народная Хартия (*Charter of people*), включившая в себя политические требования, составлявшие сущность так называемого «чартистского» (от слова *Charter* — Хартия) движения в Англии 1837—1848 г.

Первая из них — Великая Х. Вольностей — до сих пор рассматривается английскими историками как основной краеугольный камень, заложенный в фундамент английского демократизма и всякого рода буржуазных свобод. Великая Х. Вольностей вместе с Петицией о праве 1628 г. и Биллем о правах 1689 г. составляют, по выражению английских историков и чартистов, «библию английской свободы»: в особенности знаменита ст. этой Х. гласящая, что ни один свободный человек не может быть арестован, или заключен в тюрьму, лишен владения, объявлен вне закона, изгнан и т. под. иначе, как по законному приговору «его равных» (его па-

ров) Эта Х. в сущности является типичным средневековым договором сюзерена (английского короля) со своими вассалами (баронством и рыцарством), и в нем очень трудно найти что-либо такое, что могло бы соответствовать буржуазно-демократическим представлениям «о правах человека и гражданина».

Вторая—Народная—Х. представляет собою шесть пунктов требований радикально-демократического движения, известного под именем «чартизма» Эти требования заключались в следующем: 1) ежегодное возобновляемый парламент, 2) всеобщее избирательное право, 3) тайная подача голосов, 4) отмена избирательного ценза, 5) вознаграждение депутатам парламента и 6) равные избирательные округа. Это движение, как известно, потерпело неудачу, не будучи в силах сломить сопротивление господствующих слоев буржуазии.

Истории древне-русского права также знаком этот термин — Х. Так, напр., еще в договорах Олега с греками 911 и 945 гг. находим уже наименование их «харотьями» или «харатьями», как и вообще обычно именовались в те времена договоры публично и международно-правового характера (другое имя для документов этого типа в истории русского права—грамоты в том случае, когда они не имели договорного значения).

И Ч

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ—это специфическое понятие советского уголовного права. В широком смысле в Х п. мы можем отнести все те преступления, которые расстраивают и подрывают новую систему производственных отношений, создающихся в процессе социалистического строительства. Пролетарская революция тем и отличается от буржуазной, что ее основная задача заклю-

чается в том, чтобы захватив власть, построить новую социалистическую экономику, тогда как основная задача буржуазной революции сводится к тому чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой (Сталин). Для охраны существующих производственных отношений буржуазному государству, в сущности, достаточно мер репрессивной борьбы с пролетарской революцией, как таковой (см. Политические преступления), и целого арсенала разнообразных (отчасти даже репрессивных) мер, направленных к ослаблению не только политической, но и экономической борьбы рабочего класса (о соотв. уголовно-правовых постановлениях см. напр., Стачка); имущественные преступления (см.), с которыми буржуазное государство, конечно не может не бороться, сами по себе, будучи связаны лишь с перераспределением тех или иных ценностей из рук одних в руки других индивидуумов, не расстраивают механизма воспроизводства капиталистических отношений. Никаких особых постановлений о каких-либо Х. п. буржуазные законодательства не знают (о спекуляции в буржуазных государствах и об отношении к ней соотв. законодательств — см. Спекуляция). Наоборот то обстоятельство, что хозяйственное строительство (строительство социалистической экономики) составляет основную задачу пролетарской диктатуры отражается и на самой структуре советского У. К., одна из глав которого (гл. V У. К. РСФСР 1926 г.) специально посвящена Х. п.

Глава V У. К. РСФСР ред. 1926 г. (ст.ст. 128—135) состоит из статей тройкого рода: 1) статей, предусматривающих Х. п. должностных лиц (ст. 128 и 129). 2) статей, предусматривающих Х. п. частных лиц (ст. 130 и 131) наконец, 3) статей о преследуемых в уголовном порядке нарушениях трудового законодательства (ст. 133—135, см. Охрана Труда в У. К.), предусматривающих деяния, могущие иметь место как со стороны частных, так и со стороны должностных лиц. Не случайно главу о Х. п. возглавляют именно постановления о Х. п. должностных лиц. Если, как отмечено Бухариным, «стресты и синдикаты входят при финансовом капитализме не в систему государственной власти, то не в систему над-

стройки. — они сами суть организационные формы экономического базиса общества», то наши хозорганы, будучи, как аппарат нашего государственного хозяйства, «составной частью производственных отношений советского общества» сами «включены в базис» и в то же самое время являются составной частью нашего государственного аппарата. Наибольшее внимания требуют от нас как раз те Х. п., которые будучи преступлениями работников государственной или кооперативной промышленности и торговли, оказываются в то же время и должностными преступлениями (см.).

Из Х. п. в широком смысле имеющих своим субъектом должностных лиц, не все, однако, охватываются главой У. К. о Х. п. Так, режим экономии, будучи предназначен содействовать индустриализации страны, является необходимым элементом плана построения социалистического хозяйства; но нарушения режима экономии юридически охватываются обычно вовсе не ст. 128-ой (о бесхозяйственности), а одной из статей об обычных должностных преступлениях, рассматриваясь при этом в качестве халатности, или превышения власти ч. т. д. Точно так же постановление СТО от 16/II — 1927 г. «о мероприятиях по снижению розничных цен» предписывает в п. 8, «чтобы руководители государственных и кооперативных торгующих организаций, нарушающие частоящее постановление привлекались к ответственности в установленном законом порядке» то и в этом случае имеется в виду либо ответственность в дисциплинарном порядке, либо уголовная ответственность, как за должностное преступление. Нарушение работником госпромышленности (кооперации) директив о преимущественной продаже товаров государственным и кооперативным организациям может опять-таки квалифицироваться по нашему У. К. лишь как злоупотребление полномочиями» (ст. 109 У. К. ред. 1926 г.). Нечего и говорить, что и растрата (см.) в гос. и кооп. организациях, хотя и носит черты Х. п. (в широком смысле) юридически Х. п. не является.

Х. п. в смысле нашего У. К. является прежде всего бесхозяйственность.

Ее предусматривает ст 129-ая, гласящая: «Бесхозяйственность, основанная на небрежном или недобросовестном отношении к порученному делу лиц, стоящих во главе государственных или общественных учреждений или предприятий, или их уполномоченных результатом чего явились расточение или невозместимый ущерб имуществу учреждений и предприятий. — влечет за собой лишение свободы на срок до 2 лет или принудительные работы на срок до 1 года, а при незначительности причиненного ущерба — дисциплинарное взыскание». В У К. 1922 г. соотв. статья оговаривала только ответственность руководителей государственных учреждений (предприятий) или их уполномоченных, и не предусматривала возможности дисциплинарного взыскания. Деяние, предусмотренное ст. 129 является разновидностью должностной халатности, и не включает в себе элементов корыстного преступления; последнее наличие, однако, в деянии, о котором идет речь в ст 129 У К. ред. 1926 г. Согласно последней, «расхищение государственного или общественного имущества, в частности, путем заключения невыгодных сделок, лицом, руководящим государственным или общественным учреждением или предприятием, совершенное по соглашению с контрагентами этих учреждений или предприятий, — влечет лишение свободы на срок не ниже 1 года с конфискацией всего или части имущества или без таковой» Соотв. постановление У К. 1922 г. (ст. 129 ч. 2) применяло в этих случаях санкцию, установленную за экономическую контр-революцию (см. г. II ст. 552—554)

Специально к частным лицам относятся статья 130-я, предусматривающая «расточение арендатором или уполномоченным юридического типа предоставленного ему по договору государственного или общественного имущества», а также ст 131-я, в которой идет речь о «неисполнении обязательств по договору, заключенному с госуд. или общественным учреждением или предприятием если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства обнаружен злонамеренный характер неисполнения» (подчеркнутая оговорка в соотв. статье У К. ред.

1922 г. — ст. 130-й — отсутствовала), санкцией обеих статей является лишение свободы на срок не ниже 6 месяцев с конфискацией всего или части имущества, а в ст. 130-ой присоединяется еще и обязательное расторжение договора.

Х. п., предусмотренные в ст. ст. 128—131 У. К. ред. 1926 г. влекут согласно ст. 132-ой, особо суровую репрессию (лишение свободы на срок не ниже 2 лет, а при отягчающих обстоятельствах — вплоть до расстрела) когда они совершены в боевой обстановке или, будучи связаны с поставками предметов снабжения Красной армии и флота, могли отразиться на их боеспособности

Вместе с постановлениями статей 133—135 У. К. ред. 1926 г., рассмотренными в статье Охрана Труда в У. К. изложенными статьями и исчерпывается содержание главы У. К. ред. 1926 г. о Х. и. В У. К. 1922 г. глава о Х. п. обнимала еще некоторые иные постановления, ныне перепеченные в гл. 2-ю У. К. (о преступлениях против порядка управления — см.) и составляющие ее статьи 97—107. Кроме статьи 107 (о спекуляции — см.), и отчасти статьи 105 (о нарушении правил, регулирующих торговлю), все эти статьи имеют в виду деяния, бесспорно не обладающие характером Х. п. (взимание с трудящихся квартплаты, превышающей установленные властью нормы, и незаконное выселение их; незаконная продажа и покупка квартир и комнат; нарушение акцизных правил; изготовление и хранение самогана для сбыта и торговля им, совершаемые в виде промысла, и т. д.); да и деяния, предусмотренные в ст. ст. 107 и 105 лишь в некоторых случаях а не в виде общего правила, могут быть признаны Х. п. В самом деле, при правильном, систематическом и успешном осуществлении госпромышленности и кооперацией директив, относящихся к сдерживанию цен и вообще к регулированию товарооборота, вздувание цен частными торговцами не заключало бы в себе сколько-нибудь серьезной угрозы интересам социалистического строительства; наоборот, в этом случае вздувание цен частными торговцами даже и создав некоторую заминку в местном товарообороте, довольно быстро закончилось бы с ущербом не для

госторговли и кооперации, а для замой частной торговли.

Кроме этих статей глава о Х. п. У К. 1922 г. заключала еще статьи, предусматривавшие 1) нарушение положений, регулирующих проведение в жизни государственных монополий, и 2) нарушение правил о валютных операциях. Перенесение постановления о нарушении монополий в главу о преступлениях против порядка управления может быть объяснено тем, что не каждая монополия преследует именно и только хозяйственные задачи (ср., напр., монополию на издание учебников) а также тем что отдельные монополии такие монополии существуют и в буржуазных государствах — имеют чисто-фискальный характер, т.е. не представляя ничего существенного с точки зрения новой системы производственных отношений преследуют исключительно задачу увеличения государственных доходов (ср., напр. гос.-карточную монополию). Конечно, что касается монополии внешней торговли, то нарушение таковой включает все признаки Х. и Положение о государственных преступлениях принятое ЦИК'ом СССР 25/II 1927 г., признало не только квалифицированную контрабанду но и всякое нарушение положений о монополии внешней торговли, и всякое нарушение правил о валютных операциях — особо-опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления, а потому государственными преступлениями.

Не следует вообще смешивать Х. п. с иными преступлениями, борьба с которыми имеет то или иное хозяйственное — напр., фискальное — значение. Ряд постановлений о такого рода преступлениях вполне правильно отнесен у нас к числу статей главы о преступлениях против порядка управления (статьи о подделке монеты, о массовом отказе от внесения налогов, о сокрытии объектов обложения и т. д.; о незаконном производстве охоты и рыбной ловли, о разработке недр земли нарушением установленных правил), причем некоторые из соотв. преступлений (отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей подделка или сбыт в виде промысла монеты, казначейских билетов и т. п.) признаны в

настоящее время особо опасными для Союза СССР преступлениями против порядка управления, а потому государственными преступлениями. Борьба с которыми регулируется общесоюзным Положением. Несомненно что и в отношении Х. п., как таковых, может быть поставлен вопрос желательности некоторой (хотя бы в порядке ч. 2 ст. 3 Осн. Начал) регулировки борьбы с ними в общесоюзном порядке.

4 3.

ХУЛИГАНСТВО — определяется в ст. 74 У К. РСФСР ред. 1926 г., как «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу, действия». Только такие хулиганские действия, которые «заклучались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью» (ст. 74, ч. 2), влекут обязательную и при том серьезную уголовную репрессию — лишение свободы на срок до 2 лет. Прочие, обычные случаи Х., совершенные в первый раз, влекут лишение свободы на срок до 3 месяцев, и то лишь в том случае если то возбуждения уголовного преследования за данный акт Х. не было наложено административного взыскания (см.)

Х., которое в России заставляло обращать на себя внимание и в дореволюционную эпоху (см. соотв. литературу в ст. Эдельштейна в сборнике «Х. и поножовщина» изд. Мосздравотдела, 1927 г.), обнаруживало у нас значительный рост в 1924 г. и особенно в 1925 и 1926 г. г. Если в 1923 г. до РСФСР было рассмотрено судами всего 428 уголовных дел о Х., а в 1924 г. — 763, то в 1925 г. — 1661 и за три квартала 1926 г. — 2438 дел; административным же взысканиям за Х. подверглись: за 2, 3 и 4 кварталы 1924 — 38786, 52660 и 63788 лиц, в 1925 г. (поквартально) — 64933, 67010, 83570 и 100097, а в 1 и 2 кварталах 1926 г. — 100024 и 111356 лиц (данные П. В. Крыленко).

Х. тесно связано с алкоголизмом: до 80 процентов всех актов Х. было совершено в состоянии опьянения. По данным т. Герцензона (в том же сборнике), в Москве «более одной трети (при чем эта цифра еще

более повышается, если учитывать и Х. преследуемое в адм. порядке) осужденных хулиганов принадлежат к числу рабочих; за ними следовали безработные, составлявшие около одной шестой, и служащие — около одной седьмой общего числа осужденных за Х.». Вместе с этим в 1925—1926 гг. обнаруживается и «возрастание удельного веса» рабочих и служащих среди участников Х. И Н. В. Крыленко подчеркивает, что за Х. привлекалась «в громаднейшей части рабоче-крестьянская молодежь» и притом главным образом в возрасте от 19 до 23—25 лет.

«Основной причиной роста Х. следует считать значительное расхождение между темпом роста экономики СССР и развитием культуры» — такое положение (высказанное Герцензоном) грешит упрощением вопроса. Более обстоятельно корни Х. отмечены тов. Крыленко, согласно которому таковыми являются: 1) нереломный характер нашей эпохи, когда все старые традиции, авторитеты и т. д. сметены вихрем революции, 2) наступивший рост экономического благосостояния страны, вызвавший некоторое ослабление общественных импульсов в значительных слоях молодежи,

3) тот факт, что молодежь далеко не всегда находит, в силу неадаптивности нашей культурной работы, выход для своей молодой энергии в культурных и общественно-полезных формах, наконец, 4) отрицательные стороны папа вообще, на которые с одной стороны деклассированные элементы населения, а с другой и не находящая выхода своей энергии здоровая часть молодежи реагирует «по линии наименьшего сопротивления», путем Х.

Усиление репрессии за Х. и энергичные меры по борьбе с этим явлением, принятые как советской властью, так и рабоче-крестьянской общественностью вообще, доходящие при организованном хулиганстве до применения в исключительных случаях даже статьи о бандитизме (см.), в настоящее время дают уже некоторые результаты. Так, в Москве замечается уже довольно сильное сокращение Х., и прежде всего злостного Х., несомненно, однако, что в силу сказанного выше окончательное изживание Х. предстоит лишь в результате длительного процесса в котором самое деятельное участие должна принять рабочая общественность.

А. Э.

Ц

ЦЕЛЬ В ПРАВЕ имеет двойное значение. Эту цель, с одной стороны, понимают, как цель, открыто объявленную «провиденцием», или как имманентную явлениям природы и общества цель, вложенную также извне какою-то неведомою силой. Этому метафизическому, сверхестественному пониманию цели мы प्रति-воставляем, с другой стороны, цель, целесообразность, вытекающую из самих жизненных, общественных и интересов, т. е. из процесса производства-потребления, при чем причины, мотивы происхождения этой цели могут быть даже еще не осознаны людьми. Эта целесообразность обнаруживается лишь «после факта». Но эта цель может и сознательно вкладываться в право, как в организационную деятельность людей, на основании уже осознанных людьми законов движения общества. Мы раньше вместо цели пользовались более общим словом интерес в смысле побудителя, определяющего направление тех или иных действий людей. Мы будучи материалистами, слово «интерес» могли заменить словами «цель», «целесообразность» лишь с того момента, как мы действительно осознали побудительные причины этого интереса. Интерес класса превращается в цель класса лишь с того момента, как класс сам осознал этот интерес: но объективно интерес уже до его сознания мог иметь для класса значение цели.

Если первое, сверхестественное, понимание Ц. и в. вытекало из господствовавшего христианского мировоззрения, в котором телеология (философия о Ц.) отождествляется с геологией (богословием), то буржуазная революция в своих построениях ведь исходила из конкретных, договорных отношений людей; у нее и отношения к церкви, как и к государ-

ству, заменившему в его мировоззрении бога, приняли договорный характер. Кажалось бы, при таких условиях и Ц. в п., в особенности в договорном праве—бесцельный договор, сам по себе для буржуа бессмыслица—должна была выводиться из реальной жизни. Но, как остроумно показал Кельсен, в буржуазное (юридическое) мировоззрение из христианского мирозерцания перешла нетронутой и вера, лишь с заменой бога-церкви—государством. Как бог создает чудо—природу, так государство творит право, хотя естественное, но чудо—право, в самом себе скрывающее свои цели. Статистика и политэкономия уже доказали известную закономерность движения и среди анархии производства и обмена и, поскольку это движение соответствовало росту силы класса капиталистов, эта закономерность совпадала с интересами класса, с классовою целесообразностью. Но все попытки построить понятие Ц. в п. из экономических отношений людей неизменно кончались тою же метафизическою телеологиею. И не могло быть иначе, раз буржуазия не хотела или не могла признаться во всеобщем цулизисе, происходящем и в праве на разрыве человечества на два больших класса—класса собственников-эксплуататоров и класса эксплуатируемых, лишенных права собственности на средства производства. Право неравенства и право равенства каждое имеет свою цель, свою, классовую целесообразность. Где найти единство этих целей, хотя бы оба права были объединены в одном кодексе?

У нас вопрос о Ц. в п. возник раньше на практике чем в теории. Ныне, однако, и у нас весьма часто в теоретических статьях по правовым вопросам говорится о целесообразности, то протипоставляя целесообразность праву, то поймав ее как направле-

ние права, как особую правовую политику. С переходом экономики к социалистической планомерности строительства понятие цели или целесообразности и в праве у нас приобретает совершенно новое, реальное значение. Поэтому нам необходимо вкратце остановиться и на этом в сущности новом для теории права и юриспруденции, хотя это и трудный совсем неразработанный вопрос.

Я не буду здесь останавливаться на цели в метафизическом смысле. О ней идет речь в статье об идеализме (см.). О значении целесообразности в правовой политике (см.) мы уже говорили. Вопрос о цели возникает в буржуазной теории с новой силой с наступлением второго (т.е. монопольного) периода капитализма. Основное, т.е. гражданское, право, регулирующее отношения людей в производстве и обмене, состоит из груды абстрактных формул. Несознательно, рядом с попытками найти выход из анархии производства и оборота в капиталистической планомерности, плановости, выступают и разные теории о цели, целесообразности даже в этом праве. Естественно вопрос возникает и у нас в момент, когда мы переходим к социалистической плановости в своем строительстве социализма. Но нам одновременно необходимо ответить и на вопрос, содержало ли буржуазное право элементы человеческих целей, или это действительно только самодвигающийся автомат.

Вопрос о «цели в праве» реалистически поставил попытался впервые известный герм. ученый Иеринг (см.). Но его работа, как бы она ни была интересно затеяна, окончилась неудачей (I том ее вышел в 1877 г., II — в 1884 г. и оба тома имели всего 1.300 страниц; I т. вышел неполный русский перевод). Все же, несмотря на то что работа неудачна, она дает кое-что интересное. Он начинает в предисловии весьма реалистически с иронии над одним из своих предшественников, проф. Тренделенбургом, определившим Ц. в чистом метафизически, именно «цель — как мир создающий принцип». На это отвечает Иеринг: «С такой высоты и широты взгляда ничего не перенало на долю той ограниченной точки зрения, с которой я должен рассмотреть

цель, а именно: с точки зрения цели для человеческой воли». «Основная мысль моей работы заключается в том, что нет нормы права, происхождение которой не объяснялось бы определенной целью, как практическим мотивом».

Такое многозначительное начало невольно возбуждает наш интерес. И чтобы понять и верно оценить смысл этого выступления Иеринга, надо иметь в виду характеристику экономического и политического положения тогдашней Германии. Капитализм расцвел под влиянием французских 5 миллиардов контрибуции: наступили эра монопольного и начало империалистического капитализма, но в то же время росло рабочее движение: в 1878 г. пришлось издать каторжный закон против с.-д. партии. Одновременно шли проекты в примирительном направлении: проекты известных социальных законов, т.е. буржуазного государственного социализма Бисмарка. Увлечения свободой договора с его формальным равенством были в значительной степени изжиты. Иеринг ставил себе задачу, как обосновать справедливость — эквивалентную при действительном неравенстве субъектов права (см.), как примирить идею свободы договора с принуждением государства.

Он начал с того, что воля не свободна, но подчинена принципу причинности; что волю, однако, определяет не причинность прошлого, но практическая цель (*causa finalis* — целевая причинность). «Не почему, а для чего» Осталось доказать, что «цели существования человека для своего осуществления требуют вмешательства власти (силы)». Тут проще всего было сослаться на пример необходимости каторжного закона против трудящихся, но это было бы в устах ученого слишком прозрачной точкой зрения господствующего класса. Поэтому Иеринг длиннейшими философскими рассуждениями доказывает, что общество-государство, это — высшего типа целевая организация людей. Как наилучше организованный целевой аппарат, государственный аппарат торжествует над хуже организованными. А право есть система обеспеченных принуждением социальных целей, или, что по Иерингу то же самое, «обеспечение жизненных усло-

вий существования общества в форме принуждения». «Право, таким образом, есть политика силы». «А закон—орудие достижения целей» Еще один шаг и мы имели бы признание классового характера государства, а равно и права. Но этого шага Иеринг не делает. Вместо этого он идет по линии скучнейшего философствования. Терминология его в первом томе звучит местами довольно современно: «В борьбе за свое существование человеку необходимо прибегать к чужой помощи, которая приобретает посредством эквивалента. возмездия, платы, Lohn.

«Обмен (мена) является формой, необходимой для такого перемещения вещи, при котором вещь могла бы достигнуть своего назначения» «Меновой оборот можно назвать тем провидением, которое помещает каждый предмет (вещь, рабочую силу) на место, соответствующее его назначению» «Говоря о назначении вещи, мы переносим понятие о цели. на нечто чисто вещное. Цели вещей суть не что иное, как цели, которых оно (лицо) достигает посредством этих вещей». «Формою же менового оборота является договор» А эквивалент? Тут-то начинается для Иеринга основное затруднение. Эквивалент для него вовсе не есть на деле эквивалент (равностоящее) а плюсвалент (больше стоящее): «Исполнение договора противной стороною заключающееся только в эквиваленте того, что сделано с нашей стороны, психологически не в силах вызвать изменения в существующем положении сторон; для этого необходимы перевес (Plusvalent) конечно, не в объективном, а лишь в субъективном смысле» Так наивно Иеринг объясняет «совпадение интересов», которое констатируется договором с практической целью «к о о п е р а ц и и» (напр., кооперации нанятателя и рабочего!). «Понятие платы и эквивалента, — продолжает Иеринг, не тождественны» «под эквивалентом мы разумеем лишь взаимную соразмерность исполнения сделки»; но «эквивалент сам определяется по выработанному на основании опыта, оборота масштабу для оценки тех или других благ и действий». Так понимает Иеринг «эквивалент, как осуществление идеи справедливости в области оборота» «А

общество (буржуазное) разрешает эту задачу путем конкуренции», как «социального саморегулирования эгоизма». В буржуазном обороте «деньги, это—истинный апостол равенства» (но только имеющий деньги чувствует это равенство!)

Отбросив всю философскую путаницу автора, мы должны признать за ним ту заслугу, что он вскрыл сознательно-но-организационную роль и буржуазного, а главным образом гражданского права. Вместо абстрактных формул равенства он видит в праве и в его атрибуте—законе не сверхъестественный фетиш, а практическую целевую норму, сознательно устанавливаемую для удовлетворения потребностей, притом открыто объявляя эту систему системой неравенства. Но все потуги его свести и «личную цель» потребителя (эгоизм) и «цель государственной власти», снабженной «монополией принуждения», к одному знаменателю надо признать тщетными Иеринг поставил вопрос, но поставил его не правильно, а поэтому не разрешил и не мог разрешить его.

Поскольку у Иеринга понятие интереса близко с понятием цели, постольку дальнейшее развитие этой мысли можно найти у ученика Иеринга Муромцева, освободившего учение своего учителя от остатков метафизики и подчеркивающего именно смысл права, как организации. Он отождествляет понятие юридической защиты интереса с организованной целевой, его защитой Это все же достижение, от которого мы отказаться не должны.

Нельзя было найти единой Ц. п. там, где нет этого единства, как не могли волевые теории права пайти единства воли там, где его нет. В обществе простых товаропроизводителей еще допустима возможность отвлечься от момента сознательного господства с противоположным противопоставлением—подчинением. Там легко объяснить Ц. и в п. из практического мотива потребности. Но в обществе капиталистическом особенно второго периода, момент господства слишком берег верх; из принципа равенства-эквивалента этот момент необъясним.

Дальнейшее развитие монополюсно-

го капитализма сделало еще более ясной несостоятельность идеи свободы воли и договора. Наука вместе с тем обогатилась одним новым сознанием, что решающий момент относится не к рынку, товарообмену, а к праву собственности, т. е. производственным отношениям. Поставленная Иерингом проблема о Ц. в п. нашла последователей в виде, напр., дюгизма (см. Дюги и Правоведение) и так называемого юридического социализма (см.) Они, однако, оба эту цель с лица прямо перенесли на вещь, П. в п.—на право собственности. В этом отношении сходятся открытый антисоциалист Дюги и с.-д. примиренец Реннер. Эта цель, как социальная задача или функция, ими прицепляется к самой вещи. Так, Дюги пишет: «Собственность больше не является субъективным правом собственника; она есть социальная функция обладателя имущества». «Каждый индивид обязан выполнять известную функцию непосредственно зависящую от того места, которое он в нем занимает». Но кто возложил эту обязанность, кто назначил его на это место? Какой-то неведомый факт? «Я не говорю, я никогда не говорил, я никогда не писал, что индивидуальная собственность исчезла, или должна исчезнуть» «Мне не к чему критиковать или оправдывать этот факт» Он признает существование и пролетариата, но «преступлением является проповедывать борьбу классов». «Собственник имеет обязанность, а тем самым и полномочие использовать вещь, которую он обладает для удовлетворения индивидуальных потребностей и т. д.». Дюги, как видите, переставил понятия: вместо «полномочие—обязанность» он провозглашает «обязанность—полномочие», но в том же капиталистическом обществе. «Я принимаю, как факт, обладание капиталом только некоторым числом индивидов». Кто же, значит определяет Ц. п.? Опять какое-то провидение, сделавшее капиталиста обладателем капиталом? В то время, как для Иеринга субъектом цели являлся живой человек, индивид, эгоизм личности, у Дюги и Реннера эта цель определяется вновь, как элемент развития, сверхъестественная тенденция прогресса Для социал-де-

мократии, напр., прогресс капитализма всегда выше интереса рабочего класса, хотя бы этот прогресс выразился в капиталистической форме рационализации труда. Но оба эти течения чувствуют и признают дуализм и в праве. Поэтому их стремление—примирение: у Дюги идея солидарности целей у социал-демократов — сотрудничество классов и мирное перерастание из анархии—в социалистическую планомерность. Но правильно у обоих этих течений перенесение центра тяжести с права рынка, свободы договора, на право производства (право собственности).

Я уже сказал, что понятие целесообразности у нас стало играть большую роль. Это и неудивительно, а скорее всего—само собою разумеется. Стоя на точке зрения классовой борьбы, определяемой классовым интересом, мы, придя к власти, должны были осуществлять осознанный классовый интерес, т. е.—сознательную цель класса. Это все совершенно естественно. «Всякая настоящая революция есть революция социальная, так как она передает власть в руки нового класса и доставляет ему возможность перестроить общество по образу и подобию своему» (Энгельс—«Статьи», стр. 59—62). Это—сознательное, планомерное, целевое строительство, не исключаящее и методов правового регулирования. Но это целиком первое право переходного периода. Сам т. Ленин декреты этого периода называет «формой пропаганды» «В свое время нужны были эти декларации, заявления, манифесты, декреты». Но все «гражданское право» было либо отменено (национализация частной собственности), либо (обязательственное, договорное право, право рынка) на этот период объявлено бесправием, загнано в подполье.

Если в этот период у нас возникали сомнения о попятии целесообразности, то лишь о субъекте цели. Революция внесла много инициативы отдельных революционеров, но она несколько искривила понимание классовой целесообразности, сплошь и рядом отождествляя интересы отдельного члена класса с классовым интересом. На V съезде судебных работников (1924 г) была принята резолюция о

классовом принципе в карательной политике, в которой мы читаем, что «в карательной политике суды должны руководствоваться теми общими целями, которые поставил себе рабочий класс в целом, как задачу этой политики». Интересно отметить, что инициатором этой последней формулы являлся, если мне не изменяет память, покойный тов. Дзержинский. А как выражается интерес или цель масса в целом? В норме, законе, вообще в праве этого класса, как форме организации общественных отношений?

Когда с переходом к новой экономической политике, в результате отступления, у нас снова были узаконены рынок и свобода товарообмена, у нас появились и гражданские права, издан был Г. К. Вероятно, не случайность, что как раз вскоре после этого (в 1924 г.) вышла работа тов. Пашуканиса, вносящая свет в тайны феетицизма буржуазного права. Эта теория выводила идею равенства буржуазного права из меновой стоимости трудового эквивалента.

Но рассматривая буржуазное право исключительно с точки зрения товарообмена, у нас теряется понятие цели, целесообразности в праве. Восстановив «в интересах развития производительных сил» свободу рынка и конкуренции в лице субъекта права (ст. 4 Г. К.), и мы как бы исключили из права понятие цели и целесообразности. Ибо где господствует свободная конкуренция, какая там может быть речь о сознательной цели и целесообразности? Мы у нас и встречаем серьезное сопротивление постановке праву юридическим нормам, целесообразных, непосредственных действий учреждений или лиц. Из самой сути меновой стоимости вывести какую-либо Ц. в п., мне кажется, так и нет возможности. Мы видели, как Иеринг констатирует, что само по себе обмен эквивалентов необъясним, ибо в нем не содержится побудительного к тому мотива, если не вводить в обмен момента достижения плюса в л. п. Иеринг этот «плюсвалент» объясняет искусственно, для капиталиста он объективно вытекает из его формулы обмена: $D - T - D + t$ (деньги—товар—деньги с прибылью).

Но товарообмен сам по себе уже содер-

жит основной момент вносящей целью в право этого оборота, это потребительная стоимость «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая по своим свойствам способна удовлетворить какую-либо человеческую потребность» (Маркс—«Капитал»). «Вещь может быть потребительной стоимостью, не будучи стоимостью. Вещь может быть полезностью и продуктом человеческого труда, не будучи товаром» По «вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления». «В потребительной стоимости каждого товара содержится определенная целесообразно направленная производительная деятельность, или полезный труд» (там же). «Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они функционируют как потребительные стоимости, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ» («Капитал». I, 74).

Если институты буржуазного или объективного права являются формоопосредствования отношений обмена товаров, то это право в целом является по существу, формальным опосредствованием именно этого общественного обмена веществ. Из свойства товара, как потребительной стоимости, вытекает та целесообразность, та Ц. в п., которую намечали, но не понимали буржуазные теоретики. «Имманентная товару и ригивопожностъ потребительной стоимости и стоимости». «разделение между полезностью вещей для непосредственного потребления и полезностью для ее обмена» остались неразрешенными загадками не только для буржуазного юриста, но даже для экономиста. Поэтому буржуазные юристы, как мы видели выше, Ц. п., как и определен п. абстракции воли, искали в разных, более или менее метафизических построениях.

Свой взгляд о целесообразной деятельности человека Маркс развивает подробнее: «Потребление создает стимул, Trieb производства. Потребление идейно ставит предмет производства как внутренний образ, как потребность, сти-

му и цель... Без потребности нет производства» («Введение» к «Крит. пол. экон.»). «Для того, чтобы воплотить свой труд в товарах, он должен прежде всего овеществить его в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат для удовлетворения тех или иных потребностей» («Капитал», I, 153). Маркс далее различие человеческого труда от операций всех прочих существ природы вообще видит в том, что человек «осуществляет в природе свою цель, которую он создает, которая определяет вид и способ его практики подобно закону, цель, которой он должен подчинить свою волю. Это подчинение не есть отдельное действие. Кроме напряжения работающих органов, на всем протяжении работы требуется целесообразно направленная воля, которая проявляется, как внимание» («Капитал», I, 154). Откуда эта цель и в чем она заключается? Маркс отвечает. «Процесс труда... есть целесообразная деятельность человека для создания потребительных стоимостей».

Энгельс («Летопись марксизма», I) очень выукло и популярно характеризует отличие «формулы $T - D - T$, как простого обращения товаров» общества простых товаропроизводителей, от формулы капитализма « $D - T - D$, или формы обращения, в которой деньги сами превращаются в капитал». Для товаропроизводителя $T - D - T$ есть формула, без которой он жить не может. Для капиталиста, как и для Иериха «если бы этот процесс всегда имел результатом лишь возвращение ему той суммы, которую он авансировал (эквивалент), это было бы абсурдом». И дальше уже Энгельс, по Марксу, развивает, как T в последней формуле получает прирост прибавочной стоимости, а в результате формула всего оборота уже гласит: $D - T - D + d$ (т.е. деньги—товар—деньги с прибылью)

В первой формуле ($T - D - T$) волю товаропроизводителя определяет цель приобретения потребительной стоимости. Маркс дополняет это словами: «То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей или товаров совершается для капиталиста и под его контролем, несколько и

изменяет его общей природы» («Капитал», I, 153). Значит и для капиталиста обязательна цель—производство потребительных стоимостей, без этого условия продукт не станет товаром, не будет меновой стоимостью, не будет спроса на его предложение. Конечно, с оговоркою, что само производство создает и новые потребности. Значит потребительная стоимость, являясь прямою целью товаропроизводителя, является неизменным условием обмена и для капиталиста.

Но в то время, как для производителя вообще право собственности данного периода является только условием и переходящим условием для производства и обмена, для капиталиста оно является основною и безусловною целью, ибо на нем основано его право на эксплуатацию, на получение неоплаченного труда, на прибыль. А без этого капиталист не будет капиталистом, капитал не будет капиталом. «Простое товарное обращение—продажа ради купли—служит средством для достижения конечного результата, лежащего вне обращения, для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как самовозрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ. Как сознательный носитель этого движения, владелец становится капиталистом... Объективное содержание этого обращения—возрастание стоимости—есть его субъективная цель... Он функционирует как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал. Поэтому потребительную стоимость отнюдь нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста. Равным образом, не получение единичной прибыли является его целью, но неустанное движение получения прибыли (*des Gewinnens*). Это—абсолютное стремление к обогащению» (*Absoluter Bereicherungstrieb*; «Капитал», I, 126/127) А «ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса» («Комм. манифест») Вот вам цель в праве персонификации де-

нет этого, но словам Иеринга, «истинного апостола равенства».

Мы видели, что в буржуазном мире дуализм воли, и Ц. в и., неустраним и неразрешим, ибо никакие идеи солидарности, любви и т. д. и т. и. не устраняют, а лишь затушевывают этот дуализм, основанный на антагонизме классов. Но как дело обстоит в переходный период к социализму? Постольку поскольку и по мере того, как исчезает, вследствие перехода к пролетарскому государству и к рабочим коллективам, частное право собственности на средства производства, отпадает господство подчинение в целях эксплуатации в процессе труда, потребительная стоимость становится полностью фактором определяющим и целью организации как производства, так и обмена. Я процитирую здесь лишь пару строчек из статьи т. Бухарина: «Возьмем теперь социалистическое общество. Стимул движения — прибыль, а покрытие потребностей масс, при величайшей экономии живого труда» (см. «Правда», 1926 г.). Это пока для нас в силе лишь в тенденции. Но одно стало уже совершенно бесспорно, что наша цель и наша целесообразность, будучи целью чисто классовою, целесообразностью «класса в целом», одновременно начинает осуществлять и цели, общие всем потребителям (личного потребления), между которыми прежнего классового дуализма уже нет или этот дуализм постепенно уменьшается и исчезает.

«Договор обмена имеет свою предпосылку различие цели, ассоциация (Societas) — тождество цели» Эта неуклюже выраженная мысль Иеринга имеет громадное значение для революционной диалектики. Почему обмен создает антагонизм целей? «Способ обмена продуктов обуславливается способом их производства.. Поэтому без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена» («Ницц. Фил.», 71). Мы видели это различие целей в капиталистическом обществе: потребление—прибыль. Лишь ассоциация, кооперация может привести к тождеству цели: потребления, потребительной стоимости. Но лишь при одном условии: при условии отмены основы

эксплуатации, права частной собственности на средства производства. А это невозможно до диктатуры пролетариата.

Этой задачи решить не могли Иеринг и его последователи, ибо они закрыли глаза на существование непримиримого антагонизма классов. Ее не могли решить и явные и скрытые апологеты капитализма в виде Дюги или Реннера и К^о потому что они твердо стояли за сохранение и охранение частной капиталистической собственности с ее прибылью. Их целевые теории социальных функций права собственности, хотя и правильно переносят центр тяжести в праве с рынка на производство, с обязательственного на вещное право, не приближают нас ни на шаг к цели или целесообразности в праве, а оставляют в полной силе буржуазный фетишизм права. Только диалектически понимая значение перехода власти к пролетариату, возможно правильное понимание, но вместе с тем и преодоление фетишизма буржуазного права. Т. Бухарин в приведенной выше статье писал: «Фигурально говоря, мы и закон ценности заставляем служить нашим целям» Тут прямо напрашивается переделка этих слов: мы и буржуазное право эквивалента заставляем служить нашим целям. Мы превращаем это право в форму сознательной организации т. н. общественного обмена веществ. Таково наше материалистическое понимание Ц. в и.

П. Стуцка

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ Та или иная степень Ц. являясь одной из форм т. н. государственного единства, т. е. организованного классового принуждения, есть необходимый элемент государственной власти. С этой точки зрения общество скованное государством противоположно догосударственному обществу, характеризовавшемуся отсутствием единого властного центра; отсутствием такого центра характеризуются до сих пор и международные отношения, выражающие собой антагонистические интересы различных групп буржуазии, организованной в государстве. Однако, под влиянием различных факторов степень Ц. государственной власти может быть настолько различной, что возможно противо-

поставление централизованного государственного устройства децентрализованно. Обычно под понятием Ц. и противоположным ему децентрализации разумеют систему взаимоотношений центральных и местных (в широком смысле) органов государственной власти. В этом смысле централизованным будет такое государство, в котором управление сосредотачивается по преимуществу в центральных органах власти, децентрализованным — такое, в котором более или менее широкий круг вопросов передается в ведение местных органов и разрешается ими более или менее независимо от центральных. Формальными признаками дающими основание говорить о той или иной степени Ц., являются объем предметов ведения местных органов власти, степень зависимости их от центральных в осуществлении функций государственного властвования, а также в отношении установления своего личного состава. Различное сочетание этих признаков дает различные юридические формы взаимоотношений центра и мест: централизм, децентрацию, самоуправление, автономию; предельной формой децентрализации является федерация, где при максимальной для государственной организации независимости федеративных частей, объем компетенции и типичный состав органов власти федеративного целого в той или иной степени определяются отдельными его членами (см. Самоуправление, Автономия, Федерация).

Основным фактором определяющим степень Ц. власти в государствах имущих являются данные уровня развития производительных сил условия эксплуатационного процесса, охранять и в интересах господствующего класса развивать которые призван государственный аппарат. На степень Ц., обусловленную этим основным фактором и дающим ей основной «тон», воздействуют также классовые, а с определенным временем и национальные отношения внутри данного государства, отклоняющие Ц. от ее «естественного уровня» в сторону усиления или ослабления, в зависимости от их характера, иногда настолько сильно, что это несоответствие степени Ц. государственной власти экономической структуре общества приводит к конфликту между ними.

Рассматривая конкретно-историч. типы

взаимоотношений центра и мест необходимо прежде всего остановиться на феодальном государстве. «Возвышаясь над обществом», державшимся на крепостном натуральном хозяйстве и составленным из различных замкнутых групп (сословий, корпораций союзов), феодальное государство являлось государством децентрализованным. Представляя своеобразное объединение, под руководством сильнейшего, полунезависимых феодалов и самоуправляющихся городов, признававших власть и суд того или иного князя—рыцаря и уплачивавших ему подати (десятина и т. п.) в виде компенсации за охрану своего города от набегов и разграблений соседними рыцарями, такое государство было вполне достаточным для охраны основного интереса господствующего класса—эксплуатации натурального крестьянского хозяйства; отсутствие единого внутреннего рынка делало его приемлемым и для третьего городского сословия. Все усовершенствование вавшееся разделение труда, приведшее к созданию мануфактурных и торговых центров породило торговлю более широкую, требовавшую укрепления и расширения замкнутого рынка. Выделившаяся из среды третьего сословия городская буржуазия все сильнее протестует против порядков «что город—то нор, что деревня—то обычай» Эти интересы нового богатееущего и усиливающегося, класса совпадают со стремлением королевской власти к усилению своего значения, в значительной степени являясь причиной этого стремления и в особенности противопоставления королевской власти феодалам, которая вследствие этого приобретает большую самостоятельность, поддерживая равновесие между двумя основными классами. Отсюда необходимость в строго централизованном, иерархически построенном государственном аппарате, которым характеризуется абсолютизм (см.). При абсолютизме создается понятие государственной службы, как отношения между главой государства и служащим, обязанным государю безусловным повиновением. Ц. государственного аппарата будучи общей в основном для периода абсолютизма (так, Людовик XIV сам подписывал паспорта, в Пруссии XVII века каждый расход из городских средств свыше 10 талеров требовал королевского утверждения), варьируется, под

влиянием особых условий в различных странах, от крайнего централизма (Франция) до допущения некоторых, правда, весьма ограниченных, элементов децентрализации (Англия). Переростание торгового капитализма в промышленный явилось основной причиной отхождения буржуазии от абсолютизма, уже стеснявшего буржуазию, жаждавшую стать и политическим господином. Эта постоянно усиливавшаяся «размолвка» в стадии еще недостаточной для революции, вызвала у буржуазии стремление соединить принцип Ц. с децентрализацией в виде разных теорий самоуправления («естественных» прав общины и свободной общины), сущность которых состояла в противопоставлении буржуазной городской общины еще не буржуазному государству (см. Самоуправление). Буржуазные революции сохранившие и усовершенствовавшие «достижение» абсолютизма—единую централизованную государственную власть, тем не менее значительно ослабили Ц. государственного аппарата, допустив в тех или иных границах выборность основанных также на классовом принципе органов местных территориальных единиц, в значительно большей степени для городов в меньшей— для провинции. Это ослабление Ц. находится в тесной связи с условиями эксплуатационного процесса в капиталистическом обществе, в частности с ограничением роли государственного аппарата до задачи «ночного сторожа» буржуазии (*laisser faire, laisser passer*).

Децентрализация государственного аппарата тем более могла быть допущена, что на почве расширения рычага Ц. государственной власти закрепляется унификацией права и классовое принуждение, особенно в «спокойное время» все более начинает осуществляться как власть безличной общины (т.е. централизованной) нормы. Выравнивание пролетариатом у буржуазии местами всеобщее избирательное право вызывает у последней, окончательно овладевшей государственным аппаратом, стремление к усилению Ц. (государственные теории самоуправления, усиление исполнительной власти и пр.) Эти стремления становятся необходимостью в империалистический период. Децентрализация остается идеологией мелкой буржуазии, старающейся при помощи ее защититься от бур-

жуазно-империалистического государства и частью отстаивающей прежние органы самоуправления, частью вырабатывающей новые теории федералистско-синдикалистской децентрализации (Максим Леруа и др.). Итальянский фашизм, упразднивший уже городское самоуправление и установивший строго-иерархическую подчиненность назначаемых чиновников под руководством неизбираемого и несменяемого «вождя» (главы «государства—нации») показал куда идет Ц. в буржуазно-империалистическом государстве. Однако, усиление мощи и организованности рабочего класса становится все труднее преодолимой преградой для империалистической буржуазии в ее стремлении к такой Ц. государственного аппарата, которая соответствовала бы новым условиям эксплуатационного процесса. Ведя под руководством коммунистических партий борьбу «за централизм и за план, но за централизм и за план пролетарского государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, против эксплуататоров» (Ленин), пролетариат усиливает свое влияние в выборных органах местного управления, превращает их в один из опорных пунктов для захвата государственной власти. децентрализует и дезорганизует государство буржуазии.

Государство пролетарской диктатуры, являясь средством к переходу от анархического капиталистического хозяйства к планомерному социалистическому, является по самой природе своей государством централизованным. Степень этой Ц. (поскольку политический аппарат пролетарского государства сращивается с производственным аппаратом обобществленного хозяйства) прямо зависит от степени обобществления и концентрации хозяйства переходного периода и усиливается вместе с ростом обобществленного хозяйства и усилением его концентрации. Ц. пролетарского государства, обусловленная указанным фактором, теряет политический характер, превращаясь в технически-целесообразную форму экономически необходимых взаимоотношений центральных и местных частей производственного аппарата обобществленного хозяйства. Однако степень обобществления и концентрации хозяйства, будучи основным и в конечном

счете определяющим, не является единственным фактором, воздействующим на степень и характер Ц. государства переходного периода, которые в значительной мере определяются еще и политическими факторами. Крепкое, твердое централизованное государство необходимо пролетариату также для того, чтобы удержать власть и отражать контр-натиски свергнутых эксплуататоров «Когда государство будет пролетарским, — говорит Ленин, — когда оно будет машиной насилия пролетариата над буржуазией, тогда мы вполне и безусловно за твердую власть и за централизм». Это централизованное государство необходимо пролетариату не только, как орудие классовой борьбы внутри страны, но и как орудие классовой борьбы, которую он ведет при помощи своего государства с мировой буржуазией, организованной в государства. И здесь, в самом характере государства переходного периода, как организации диктатуры пролетариата, заложен второй элемент Ц. пролетарского государства, в отличие от первого элемента политически усиливающийся или ослабляющийся в зависимости от степени контр-революционной активности свергнутых классов и агрессивности мировой буржуазии. Но эта Ц. не должна быть формальной, бюрократической; она должна достигаться путем умелой организации гегемонии пролетариата. Считаясь с фактом необходимости сохранения и укрепления союза с крестьянством, пролетарское государство должно уметь сочетать с централизмом и необходимую для инициативы масс и для борьбы с бюрократизмом (см.) децентрализацию. Особенно это относится к национальной децентрализации, которая, предоставляя каждой нации максимальную свободу в ее развитии, способствует их содружеству и сотрудничеству, тем самым направляя их под руководством пролетариата каждой нации по пути к единому интернациональному обществу.

Мы видим, что характер взаимоотношений центральных и местных органов пролетарского государства носит двойственный характер, присущий всем общественным отношениям переходного периода. С одной стороны, они еще сохраняют характер политических отношений, но, с другой—уже теряют характер отношений, закрепляющих и охраняющих классовую и национальную эксплуатацию и, следо-

вательно лишаются элементов классовой и национальной борьбы, превращаясь в отношения классового и национального сотрудничества. Централизм пролетарского государства становится уже демократическим централизмом, «объединением действий всех коммун в удар капиталу» (Ленин). Отсюда выборность снизу вверх основных советских органов. Вместе с тем взаимоотношения центра и мест на основе обобществления хозяйства становятся не только отношениями политическими, но и экономическими, способствуя тем процессу «засыпания» государства. Не трудно видеть, куда растут эти взаимоотношения, получающие в пролетарском государстве все основные предпосылки к тому, чтобы со временем превратиться и исключительно в технически-целесообразные отношения центральных и местных частей хозяйственного аппарата социалистического общества.

В. Беляев

ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ССР. До организации в 1918 году ЦСУ не было ведомства, направляющего и объединяющего статистическое изучение страны.

Статистические работы велись в различных министерствах: в министерстве внутренних дел, земледелия, торговли и промышленности, путей сообщения, а также местными учреждениями, губернскими и частью уездными земствами, городскими самоуправлениями и частными организациями (например, советом съездов горнопромышленников и т. д.)

Октябрьская революция застала на местах несвязанные между собою статистические бюро бывших губернских земств (частью и уездных) и городских управ крупных городов, числившиеся в зависимости от местных условий при продовольственных организациях, при советах народного хозяйства, при органах Наркомзема, при отделах управления исполкомов. а в центре умирающий Центральный статистический комитет министерства внутренних дел, который официально еще не был упразднен, но уже с 1917 года никаких материалов не собирал.

При министерстве земледелия работал отдел сельскохозяйственных переписей, затем перешедший в ВСНХ. По инициативе

Центрального отдела статистики переписей ВСНХ 8 июня 1918 года был создан статистический съезд представителей организаций, разрабатывавших сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 г. г., на котором и принят был проект положения о государственной статистике утвержденный СНК, с некоторыми изменениями 25 июля 1918 г.

По этому положению упразднялся Центральный статистический комитет Наркомвнудела, как орган государственной статистики, и все его дела, кроме части, касающейся своего ведомства передавались ЦСУ, которое в отношении своей внутренней организации и порядка сношений со всеми учреждениями республики приравнивалось к наркоматам а управляющий его, назначаемый получал в Совпаркоме право совещательного голоса.

По § 6 этого положения на ЦСУ возлагалось: 1) общее попечение о развитии правильно поставленной статистики в государстве и расширении статистических знаний; 2) утверждение планов и программ всякого рода статистических обследований и переписей, производимых ведомственными установлениями; 3) ведение демографической статистики, статистики пародного здоровья и санитарии, моральной статистики, статистики землепользования, статистики потребления и обмена, статистики сельскохозяйственного производства и производство работ по кадастру; объединение промышленной общегосударственной статистики; ведение статистики труда, военной, просвещения и транспортной

Для координации деятельности статистических организаций и разработки методологических вопросов при ЦСУ был организован совет по делам государственной статистики из представителей статистических организаций как правительственных, так и общественных, центральных и областных, а также представителей статистической науки

В системе государственной статистики положение 1918 года предусматривало периодические всероссийские съезды статистиков для выработки организационных планов и программ общегосударственных переписей и других общегосударственных статистических работ (§ 12 положения).

Организация местных статистических учреждений установлена была специаль-

ным положением, утвержденным СНК 3-го сентября 1918 г. По этому положению местные статистические учреждения бывших земских и городских самоуправлений, переселенческих управлений, продовольственных комитетов, статистических учреждений, на которые были возложены производство и разработка сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 годов, переименовывались в Губернские Статистические Бюро и обращались в органы ЦСУ, состоящие в качестве самостоятельных отделов Губ. Советов Депутатов.

Статистические организации губернских отделов наркоматов (кроме обслуживающих специальные нужды ведомств) прекращали самостоятельное существование и сливались с Губстатбюро, образуя его отдельные секции. Тем же положением предусматривалась сеть уездных, волостных и сельских статистических органов, организуемых Губстатбюро

Этими двумя положениями устанавливалась стройная система единой государственной статистики и согласование ее работ со статистическими работами других государств. Однако, осуществление этой схемы и проведение в жизнь основной ее цели — единой государственной статистики — потребовали значительного времени и полностью не осуществлены еще и до сих пор.

ЦСУ было организовано немедленно по утверждении положения о государственной статистике. Отдел переписей при ВСНХ был целиком передан ЦСУ и в течение следующего полугодия были развернуты все основные отделы, намеченные положением. Осенью 1918 года была произведена профессиональная и промышленная перепись; в 1919 году 10-процентная гнездовая перепись крестьянских хозяйств в том же году было обследование питания городского населения, а с января 1920 года ежегодно проводилось по 2 обследования питания как городского так и сельского населения. В 1920 году были одновременно произведены переписи демографическая, сельскохозяйственная, промышленная и перепись Красной армии и флота.

Одновременно с всероссийской переписью 1920 года были заложены гнезда ежегодных динамических обследований для изучения дифференциации крестьянского хозяйства. Тогда же было произведе-

по основное обследование учреждений народного образования, повторяющееся с тех пор ежегодно.

В следующем за сплошной сельскохозяйственной переписью году было положено начало выборочных переписей основных элементов сельского хозяйства, так называемые весенний и осенний опросы, позволяющие судить об объеме сельскохозяйственного производства в промежутках между сплошными сельскохозяйственными переписями. Тогда же были начаты работы по собиранию бюджетов крестьянского хозяйства, которые по постановлению Совнаркома 1922-23 г. проводятся ежегодно.

В 1923 году были произведены на территории всего Союза и в городах и поселениях городского типа переписи демографическая, жилищная, промышленная и торговая. В декабре 1926 года состоялась всесоюзная перепись городского и сельского населения и жилищ. Из года в год развивалась текущая статистика и работы отдела научной методологии. По мере накопления статистического материала по всем отраслям народного хозяйства ЦСУ приступило к исчислению продукции сельского хозяйства и промышленности, к исчислению хлебо-фуражного баланса и к использованию статистических работ для определения баланса народного хозяйства.

На местах сеть статистических органов, по мере прекращения гражданской войны расширялась; организовывались почти во всех губерниях губернские и уездные статистические бюро и создавалось новое звено в системе статистических органов институт волостных (районных) статистиков.

Только постепенно с развитием на местах советского строительства, начала устанавливаться более тесная связь советских и общественных организаций со статистическими бюро и с образовавшимися к тому времени областными и республиканскими ЦСУ. Плановая работа требовала статистического освещения экономической и социальной обстановки, централизованные статистические работы далеко не всегда удовлетворяли запросы местной жизни и наряду с работами общесоюзного значения возникали статистические работы, проводимые республиканскими и местными статистическими организациями за счет ассигнований из сумм местного бюд-

жета вне плана работ Союзного ЦСУ, без его контроля, а часто и без его ведома. Также в очень малой степени фактически осуществлялось право ЦСУ на утверждение планов и контроль ведомственной статистики.

Взаимоотношения с ведомствами строились не по единообразной системе — в некоторых случаях органы ЦСУ и ведомственной статистики сливались и образовывали единый орган с двумя секциями, в других были попытки согласования и разграничения в изучении одного и того же явления. Иногда, наряду с работами государственной статистики ЦСУ развивались параллельно мощные организации ведомственной статистики, по объему своих работ далеко выходявшие за пределы обслуживания оперативной работы ведомства.

Образование отдельных национальных республик повело к образованию соответствующих республиканских ЦСУ. Положение о государственной статистике 1918 года не предусматривало необходимости регулирования взаимоотношений между ЦСУ различных республик. С образованием Союза ССР никаких изменений в структуре статистических учреждений не произошло после постановления Совнаркома от 17 июля 1923 года об учреждении Союзного ЦСУ. ЦСУ РСФСР переименовало себя в ЦСУ СССР, приняв на себя все права и обязанности союзного ЦСУ сохранив в то же время обязанности статистического центра РСФСР. Взаимоотношения с союзными республиками так и оставались не регламентированными законом до 1926 года, когда постановлением Президиума ЦИК от 19 марта (пр. № 11) ЦСУ Союза были предоставлены все права, присвоенные объединенным наркоматам СССР, а в отношении производства и разработки всесоюзных переписей постановлением от 28 января 1927 г., ЦСУ Союза присвоены были права общесоюзного наркомата, а управляющим ЦСУ союзных республик права уполномоченных общесоюзного наркомата.

Эти же права подтверждены и новым положением о ЦСУ, утвержденным Президиумом ЦИК 11 мая 1927 года. На ЦСУ Союза ССР этим положением возлагается: 1) общее руководство деятельностью ЦСУ союзных республик; 2) составление единого общесоюзного плана статистических работ; 3) утверждение программ и органи-

зационных планов производимых союзными республиками статистических работ в тех случаях, когда указанные работы предусмотрены единым общесоюзным планом; 4) предварительное рассмотрение и дача заключений правительствам соответствующих союзных республик по программам и организационным планам статистических работ производимых по инициативе союзных республик в общереспубликанском масштабе, в случаях, когда указанные работы не предусмотрены единым общесоюзным планом; 5) утверждение программ и порядка собирания и разработки статистических материалов наркоматами и другими центральными учреждениями Союза ССР, а равно предприятиями и организациями общесоюзного значения; 6) установление и преподание к обязательному руководству как органам ЦСУ, так и другим учреждениям, предприятиям и организациям наиболее совершенных методологических приемов собирания и разработки статистических материалов, а равно принятие мер по рационализации техники статистических работ.

Для осуществления идеи единства государственной статистики учреждается при ЦСУ Статистическая плановая комиссия, на которую и возлагается составление общесоюзного плана работ, утверждение программ республиканских ЦСУ и ведомственных статистических организаций. Статистическая плановая комиссия образуется по принципу персонального подбора специалистов по различным отраслям статистики и действует на общих основаниях для ведомственных плановых комиссий. Персональный состав Статистической плановой комиссии утверждается Советом Труда и Оборона по представлению управляющего ЦСУ СССР который и является председателем этой комиссии.

Помимо установления единства государственной статистики на Плановую комиссию возлагаются проведение статистических работ синтетического характера а) составление баланса народного хозяйства Союза ССР в целом; б) сводные статистические работы по динамике народного хозяйства Союза ССР; в) объединение статистических работ отделов ЦСУ и ведомств по изучению конъюнктуры народного хозяйства и г) сводка данных иностранной статистики.

Новое положение изменяет внутреннюю структуру Центрального статистического управления. С развитием отдельных отраслей статистики в ЦСУ организовывались особые отделы, ведающие каждой специальной частью статистической работы. В 1926 году самостоятельных отделов насчитывалось в Союзном ЦСУ до 34. На совещании коллегии ЦСУ с местными работниками 15—19 мая 1926 года принято было деление ЦСУ на сектора, объединяющие работу по изучению отдельных отраслей народного хозяйства.

Это деление закреплено положением о ЦСУ 11 мая 1927 года, по которому структура ЦСУ Союза ССР утверждается в следующей форме.

1. Во главе ЦСУ стоит управляющий, который по постановлению Президиума ЦИК от 4 февраля 1926 года входит в Совнарком с правом решающего голоса.

2. При управляющем состоит коллегия ЦСУ, утвержденная СНК.

3. В состав ЦСУ Союза ССР входят:

1) Статистическая плановая комиссия (Статплан); 2) Административно-финансовое управление; 3) сектор социальной статистики; 4) сектор статистики сельского хозяйства; 5) сектор статистики промышленности; 6) сектор статистики труда; 7) сектор статистики обмена.

Новое положение определяет и круг работ, который возлагается на ЦСУ по каждому сектору:

I. По сектору социальной статистики: а) установление численности населения Союза ССР в составе населения по демографическим, национальным социальным и профессиональным признакам; статистика естественного и механического движения населения; б) статистика народного просвещения; преступности; народного здоровья и социального обеспечения; в) статистика коммунального хозяйства; г) разработка материалов военной статистики;

II. По сектору статистики сельского хозяйства: а) наблюдение за конъюнктурой сельскохозяйственного производства, изучение основных его элементов и исчисление баланса сельского хозяйства б) изучение процессов дифференциации и обобществления в сельском хозяйстве; процессов индустриализации и интенсификации сельского хозяйства и орга-

низации труда, в) изучение процессов накопления, размеров и состава капиталов в сельском хозяйстве; г) изучение бюджетов крестьянских хозяйств и организации крестьянского хозяйства.

III По сектору промышленности и статистики: а) наблюдение за конъюнктурой промышленности; изучение основных элементов и исчисление объема промышленного производства а также балансов отдельных отраслей и всей промышленности в целом; б) изучение процессов обобществления и рационализации промышленного производства; определение соотношения крупной и мелкой промышленности; в) изучение условий воспроизводства, состава и динамики капиталов и производительности труда в промышленности.

IV. По сектору статистики труда: а) статистика численности и состава паемных рабочих; изучение материальных условий существования пролетариата (в частности, бюджетов рабочих и служащих); б) статистика рабочего времени и использования рабочей силы; изучение социальных условий паемного труда, промышленности в сельском хозяйстве; в) статистика рынка труда и безработицы; г) исчисление балансов труда.

V. По сектору обмена: а) наблюдение за конъюнктурой обмена движением товарных цен и исчислением индексов цен; статистика торговой сети, внутренних и внешних торговых оборотов Союза ССР; исчисление товарной массы; определение емкости рынка; изучение процессов накопления и роли обобществленного сектора в обмене; б) статистика железнодорожного, гужевого и водного транспорта и исчисление транспортных балансов; в) изучение вопросов налогового обложения; общегосударственного и местных бюджетов, денежного обращения и кредитных операций; г) статистика кооперации.

В январе 1927 года начало проводиться в жизнь постановление Совнаркома РСФСР от 12 июля 1926 года об образовании ЦСУ РСФСР. До мая 1927 года формирование отделов ЦСУ РСФСР еще не было вполне закончено. Лишь после окончательной передачи Союзным ЦСУ оперативной работы по РСФСР вновь организовавшемуся республиканскому ЦСУ построение системы органов наркомата статистики можно будет считать завершенным.

Таким образом, в настоящее время конструкция единой государственной статистики представляется в следующем виде:

Во главе единой государственной статистики стоит ЦСУ СССР, объединяющее и направляющее работу как органов своего наркомата, так и ведомственную статистику других наркоматов и общественных организаций.

В союзных республиках действуют республиканские ЦСУ объединенные с союзными ЦСУ общим планом общесоюзных статистических работ. Взаимоотношения их с союзными ЦСУ определяются положением от 11 мая 1927 г.

В пределах республик функции ЦСУ определяются особыми республиканскими положениями, утверждаемыми республиканскими СНК в развитие положения о Союзном ЦСУ. Структура республиканских ЦСУ аналогична структуре союзного.

В областях и губерниях органами ЦСУ являются областные и губернские отделы исп. ком. Советов, которые по выполнению общереспубликанских планов работ подчинены соответствующему ЦСУ, а в административном отношении и в отношении работ местного значения своим исполкомам. Заведующий статотделом назначается исполкомом по соглашению с республиканским ЦСУ. В своей работе губотделы опираются на соответствующие отделы уездных исполкомов. В тех республиках и областях, где установлена трехстепенная система управления, статуправлениям республик и статотделам областей непосредственно подчинены окружные статистические отделы.

Низовым аппаратом окружных и уездных отделов служит сеть районных или волостных статистиков, которые, будучи агентами статотделов, в то же время входят в состав аппарата РИК'ов и ВИК'ов Рай- и волостатистики наблюдают за работой добровольных корреспондентов. В некоторых губерниях добровольные корреспонденты непосредственно сносятся с уездными отделами. Добровольные корреспонденты довольно равномерно распределены по сельсоветам (по нормальной сети полагается по одному корреспонденту на 500 хозяйств) и административно не связаны с органами ЦСУ. Этот институт перешел к ЦСУ от земских статистических бюро, по значительно развился и охватил и незем-

ские губернии. Добровольные корреспонденты из местных крестьян и сельских жителей систематически заполняют анкеты ЦСУ по наблюдению явлений в области сельского хозяйства и в качестве вознаграждения за труд получают книги, газеты, а иногда семена и с.-х. орудия.

Первичными статистическими материалами, которыми пользуется ЦСУ в своих работах, служат: 1) бюллетени и анкеты, заполняемые добровольными корреспондентами; 2) сведения, собираемые рай и вол-статистиками непосредственно у населения и учреждений; 3) материалы, получаемые статистическими отделами экспедиционным путем (переписи и специальные обследования); 4) сведения, сообщаемые различными учреждениями в порядке обязательного заполнения карточек текущей статистической отчетности; 5) данные специальных анкет, заполняемых лицами и учреждениями по особому на этот случай постановлению органов власти; 6) материалы статистической отчетности и бухгалтерского учета, связанные с оперативной работой ведомств и учреждений (напр., Загсов, НКПС, НКПочт., кооперативных организаций и т. д.).

Все эти материалы сводятся и обрабатываются по территории каждого звена органов ЦСУ соответствующими статотделами. Для удовлетворения интересов мест, помимо работ, организованных по заданиям Союзного ЦСУ, местные отделы по утверждению соответствующих исп. ком. и по согласованию с республиканскими ЦСУ ставят статистические работы за счет местных средств. Эти работы заключаются или в сборании дополнительных сведений или в более детальной, частью более углубленной разработке уже накопленных отделом статистических материалов, в издании статистически-экономических обзоров, справочников, статистических бюллетеней (журналов).

В ЦСУ проводится работа по экономическому анализу собранных материалов, как по отдельным сферам народного хозяйства, так и статистические работы по народному хозяйству в целом: 1) по наблюдению над конъюнктурой народного хозяйства; 2) по динамике народного хозяйства, с целью установления основных тенденций и закономерностей его развития, и 3) для составления баланса воспроизвод-

ства народного хозяйства, являющегося высшим синтезом статистических работ ЦСУ. В своей работе ЦСУ и его местные органы тесно связаны с плановыми органами и ведут с ними работу или разделяя ее в порядке кооперации (наблюдение над хозяйственной конъюнктурой) или являясь основным источником материалов для рационализации народного хозяйства на основе учета и планирования.

В. Арнольд

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР Декретом 1 июня 1918 г. «О централизации и реорганизации архивного дела» на Главное управление архивным делом (так вначале назывался Центрархив) было возложено заведывание Государственным архивным фондом, т. е. всеми архивами правительственных учреждений, существовавших до 25 октября 1917 г., и архивными материалами советских учреждений, профессиональных и кооперативных организаций по истечении 5-летнего срока хранения их при учреждении. Позднее рядом декретов был расширен объем тех архивных материалов, которые подлежат включению в состав Государственного архивного фонда и сосредоточению в архивохранилищах Центрархива. Согласно постановлению ВЦИК от 21 апреля 1924 г. в состав ГАФ должны быть включены архивы всякого рода учреждений и организаций, как ликвидированных 7 ноября 1917 г., так и неликвидированных или преобразованных. Но декрету СНК от 2 августа 1923 г. в архивохранилищах Центрархива должны быть сосредоточены архивные материалы активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 года. Декретом СНК 12 сентября 1923 г. «в виду неоднократных случаев сокрытия или похищения документов, изобличающих бывших царей и их слуг в злодеяниях, чинившихся ими над трудящимся населением России», было постановлено также сосредоточить в Центрархиве «все находящиеся на территории РСФСР в ведении учреждений, организаций и должностных лиц, а равно у частных лиц архивные материалы семьи Романовых, а также лиц, занимавших за время двух последних царствований и в период Временного правительства высшие государственные должности или находившихся в близких отношениях ко двору

или к отдельным лицам бывшей царской фамилии». Декретом СНК 13 марта 1926 было указано на необходимость сдачи в Центрархив, кроме упомянутых выше категорий архивных материалов: а) материалов национализированных и муниципализированных промышленных, кредитных и торговых учреждений и предприятий за время предшествующее национализации или муниципализации; б) архивных материалов всех учреждений Временного правительства и всех контр-революционных правительств и организаций, притязавших на государственную власть на территории б. Российской империи или содействовавших указанным притязаниям. и в) архивов церквей, монастырей, дворцов бывшей царской фамилии, национализированных усадеб. Наконец, согласно декрету СНК от 4 февраля 1926 г. в Центрархив РСФСР подлежат сдаче все негативы фото-снимков и кино-фильм, отражающие общественно-политические явления и имеющие историко-революционный интерес, по истечении 5-летнего срока со дня их изготовления.

Все архивные материалы центральных правительственных учреждений, подлежащих сосредоточению в Центрархиве, хранятся в центральных архивохранилищах Москвы и Ленинграда архивы местных учреждений — в архивохранилищах, организуемых учреждениями Центрархива на местах.

Главное управление архивным делом до 1922 г. входило в состав Народного комиссариата по просвещению в качестве особой части. В январе 1922 г. оно было подчинено непосредственно Президиуму ВЦИК и переименовано в Управление центрального архива РСФСР (Центрархив). Во главе Центрархива стоит заведующий, избираемый, как и его заместитель, Президиумом ВЦИК. При заведующем находится коллегия, в числе членов которой имеются представители Истпарта, НКВД, ОГПУ, РСФСР

На управлении Центрархива лежит общее руководство всеми архивными учреждениями, находящимися на территории РСФСР, постановка архивной части текущего делопроизводства в правительственных учреждениях РСФСР и непосредственное заведывание центральными архивохранилищами Москвы и Ленинграда.

В задачи органов Центрархива входит выявление, учет и концентрация архивных материалов, организация архивохранилищ, установление единообразных правил разборки, научной классификации и описания архивных дел и документов. Основная задача Центрархива: подготовка архивных материалов к широкому их использованию правительственными учреждениями в их повседневной практической деятельности, частными лицами — для наведения необходимых архивных справок и научными организациями и историками — для научно-исследовательских целей. Эта задача выполняется Центрархивом посредством предоставления заинтересованным учреждениям и лицам дел и документов для научных работ в специальных помещениях Центрархива. В исключительных случаях, правительственным учреждениям материалы выдаются во временное пользование. Справки, копии документов и выписки из дел выдаются по требованию судебных и следственных органов, а также частных лиц, непосредственно в этих справках заинтересованных. В круг обязанностей Центрархива, сосредоточивающего в своих хранилищах все документальные источники истории страны, также входит издание разнообразных коллекций исторических документов (по истории внешней политики, революционного движения, гражданской войны и проч.).

В непосредственном ведении Управления Центрархива РСФСР находятся: а) Московский центральный исторический архив (в состав которого входят: 1) «Архив революции и внешней политики XIX и XX в.в.» 2) «Военно-исторический архив» 3) «Архив народного хозяйства, культуры и быта», 4) «Центральный межрайонный архив» и 5) «Древлехранилище»¹) б) Ленинградский центральный исторический архив (с архивохранилищами: 1) «Архив народного хозяйства, права, культуры и быта» и 2) «Архив армии и флота») и в) Центральный архив Октябрьской революции (в состав которого входит также и Архив Красной армии)

Местные органы Центрархива (краевые,

¹ В Древлехранилище (б. Архив министерства юстиции) сосредоточены также архивные материалы б. главного архива министерства иностранных дел и государственного архива.

губернские и окружные архивные бюро) состоят при секретариатах президиумов соответствующих исполкомов. Архивные бюро на местах обязаны выполнять все задания отделов губернских исполнительных комитетов по использованию архивов для нужд местных управлений (выдача справок, копий подготовка и разработка архивных материалов, потребных для нужд местного советского строительства и т. д.) Научно-теоретическая работа местных архивов производится по планам и заданиям управления Центрархива РСФСР. Назначение и увольнение заведующих местными архивными бюро производится президиумами исполкомов по соглашению с заведующим Центрархивом.

Центрархивы автономных республик непосредственно подчиняются президиумам ЦИК этих республик. В области архивно-научной они подчиняются инструкциям и указаниям управления Центрархива РСФСР. В ведение центрархивов автономных республик передаются архивные фонды всех учреждений, находившихся на территории данных республик. В тех случаях, когда в пределы автономных республик входят только части губерний, губернские архивные бюро передают центрархивам этих республик: а) архивные фонды и архивные дела, связанные с деятельностью тех архивных органов государственной власти, функции которых перешли к правительственным органам автономных республик, и б) дела и материалы по национально-культурной истории населяющих территории этих республик национальностей. Уничтожение документов из переданных Центрархивам автономных республик архивных фондов бывших государственных учреждений разрешается с санкции управления Центрархива РСФСР.

Архивное дело в других республиках СССР построено в общем и целом на тех же основаниях, как и в РСФСР.

Исключение представляет ССР Грузия, где Центрархив находится в ведении Наркомпроса (декрет 1 июня 1921 г.). На местах Центрархив Грузии имеет свои отделения в Аджаристане и городах Кутаисе и Поти и уполномоченных при местных исполкомах. В УССР Центральное архивное управление в 1923 г. перешло из ведения Наркомпроса в ведение

ВУЦИК. На местах существуют окружные архивные управления. В АМССР Центрархив этой республики находится при ЦИК, подчиняясь в архивно-научном отношении Укр. центрархиву. В БССР Центрархив находится при ЦИК с 1922 г. До образования Узбекской ССР и Туркменской ССР Среднеазиатский центральный исторический архив в Ташкенте находился под общим руководством Центрархива РСФСР. В настоящее время организованы центрархивы и в Узбекской и Туркменской ССР. В ССР Армении Государственный Архив находится в ведении ЦИК, а в Азербайджанской ССР в ведении Наркомпроса. *В. Максак*

ЦЕРКОВНО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ.

Развитие церковных учений с государством и об отношении государства к церкви идет параллельно с развитием канонического права (см.).

Раннее христианство было проникнуто напряженным ожиданием «нового неба и новой земли» и близкого конца старого мира. Вместе с этим старым миром, государство для ранних христиан было обречено на умирание и признавалось, в силу этого, лишь как «до времени» терпимое, как нечто «внешнее» для христианства.

Ранние христиане избегают государственной службы, избегают по возможности также и всякого обращения к государственной власти со своими делами, разрешая их внутри своей общины. «Как смеет кто из вас иметь дело с другими, судиться у нечестивых, а не у святых?»—пишет ап. Павел в послании Коринфской общине: «раз вы не знаете, что святые будут судить мир?» В моменты гонений со стороны римской государственной власти это индифферентное отношение сменялось враждебным: языческое государство рассматривалось, как царство антихриста» император римский—как «апокалиптический зверь».

По мере того, как ослабевают надежда на близкое «паступление царства Божия» и связанный с ней первоначальный энтузиазм, христианское общество начинает проявлять больший интерес к тому «миру», в условиях которого ему предстояло жить и действовать.

Расширяется состав христианских общин, в них вступают новые социальные элементы, более состоятельные, более тесно свя-

важные с государственным порядком, с жизнью римского государства. В христианской литературе начинает встречаться (еще со II в.) попытка идеологического обоснования относительной ценности и полезности государства. В основу его было положено учение об «естественном праве», идущее от греческой философии и классической римской юриспруденции.

Естественное состояние для христианских писателей II—III в.в. есть состояние равенства и свободы; но естественное состояние нарушено вследствие грехопадения, природа человека искажена грехом и голос «естественного закона» «написанного в сердцах людей», не всегда ясно сознается ими и не всегда властен над ними. В историческом состоянии, поэтому, действия одного естественного закона оказывается недостаточно для мирной жизни и возникает потребность в законе «гражданском». Государство и государственная власть оказываются таким образом исторически необходимым явлением, гарантирующим от таких нарушений «естественного закона», которые препятствуют самой возможности мирного существования. Государственная власть однако должна быть связана естественным правом. Лишь поскольку она ему не противоречит, она и может быть признана христианами. «Сами правители имеющие законы, как одежду правды, за свои справедливые и законные действия не подвергнутся взысканию и не понесут наказания. А если они будут действовать к ниспровержению справедливости, печестиво, противозаконно и тираннически, то за это погибнут». «Итак,—делает общий вывод Иринея: для пользы народов установлено Богом земное правительство чтобы боясь человеческой власти люди не поедали друг друга подобно рыбам, но посредством законодательства подавляли многообразную неправду народов» В этой идеологии явно проглядывает влияние римских правовых начал товарооборота на христианство. Ко второй половине III столетия жизнь христианского общества, в свою очередь, все более приближается к жизни общества римского.

В христианство переходят уже и представители высших классов. Христиане встречаются почти на всех должностях, даже епископы и священники занимают подчас высшие должности в государстве. Можно было найти христиан и в среде

кунцов и торговцев. Соответственно с этим растет и положительное отношение и к государству, в частности римскому. Именно, римское государство и римское право рассматриваются христианами писателями, как наиболее воплощающие начала «естественного» права в пределах возможных для «языческого мира». «Оно объединило народы и даровало миру спокойствие».

Совершается интереснейшее историческое событие: рецепция восточной империей одновременно христианской веры и начал римского («естественного») права и т. д. в виде знаменитых византийских кодификаций¹. В IV веке — с изданием эдикта Константина («Миланский Эдикт» 313 года), легализующего христианскую церковь, и в особенности позднее с признанием христианства государственной религией, мы находим уже определенно сформулированное учение о «христианском государстве».

«Истинная справедливость», утверждает Лактанций, «связана с истинным богопочитанием». Перешедший в христианство римский император представляется у церковных писателей IV—V вв. (в особенности Евсевием Памфилом и Лактанцием) носителем такой христианской власти, а «византийское православное царство» — образцом христианского государства.

Существенное значение имело и прежде положение римского императора в отношении к римской религии, в которой он рассматривался, как *pontifex maximus* (верховный первосвященник). С переходом императора в христианство эти старые представления об отношении императора к религии в известном смысле были использованы и некоторыми христианскими писателями. Происходит «перерастание» старого Рима в новый, христианский. На императора возложена миссия защиты и распространения православно-христианской веры и забота о церковном мире и единстве. Императора называют «внешним епископом» христианской церкви (Евсевий). Существенную роль получает императорская власть и внутри собственно церковной организации, в собственно церковных делах. Прежнее участие «мирян» в церковных делах в византийский период в значительной мере заменяется участием императора. Как

¹ Эта интересная проблема еще только ждет марксистского исследователя.

«представитель народа», по римскому праву, император принимает на себя осуществление важнейших форм церковной власти. На Востоке только «власть священнодействия» — право «совершать таинства» — оставалась всецело в руках церковной иерархии; в осуществлении двух других видов властей — «учительства» и «управления» — принимает участие и император. Были попытки приписать императору в известном смысле и «власть священнодействий», рассматривать его как лицо «иерархическое» в церкви. По образному выражению Вальсамона, власть императора простирается «над душой и телом», он призван заботиться и о «духовном» и о «мирском»; патриарх же властвует лишь над «душой» и заботится только о «духовном». Эта крайняя форма церковно-политического «византизма», соединившая в лице императора и высшую церковно-иерархическую и высшую государственную власть, получила название «цезарепапизма».

В разные моменты византийской истории в церковно-политических учениях встречалась и оппозиция против притязаний императорской власти в церкви. У Иоанна Златоуста (IV в.) эта оппозиция, как и социальные воззрения, была отголоском еще не умершей традиции раннего христианства. Позднее это была оппозиция монашества, сделавшегося уже значительной экономической и политической силой и претендующего на первенствующее значение в церкви (Максим Исповедник, Федор Студит и др.). Наконец, это была борьба за самостоятельность народившегося своего церковного феодализма. Основное направление церковно-политической мысли принимало, однако, «идеал православного царства», и признавало за императором миссию защиты, «охраны единства церкви» и «христианизации» государства. Ту же точку зрения культивировали, по большей части, и сами императоры.

Единство церкви и «православного царства» и должно было закреплять столь существенное в экономическом и политическом отношении единство империи в различных частях света. Идея «православного царства» обосновала, однако, не только сохранение единой империи, но и ее притязания на распространение, на универсальное значение (в особенности ко времени расширения византийской торговли и

появления зачатков торгового капитала в Византии)

Византийско-римская империя отождествляется вообще с христианским государством. «Римляне» и «христиане» — одно и то же «Все римляне суть христиане и все христиане суть римляне». Христианизация и романизация обозначаются как одно и то же. Византийско-римское право — христианское право и потому обязательно для народа, перешедшего в христианство так же, как и церковные каноны. Таким образом уже устанавливалась известная почва для «византизации» этого народа. Византийский император далее рассматривается, как единый христианской император и претендует в силу этого на авторитет во всех христианских странах (в частности древней Руси) «Православный царь — один во всей вселенной», писал Константинопольский патриарх Аптоний в своей ответной грамоте (1393 г.) Московскому Князю Василию Дмитриевичу, запретившему поминать на богослужении византийского императора. Невозможно «иметь церковь и не иметь царя» (византийского). После падения Византийской империи, московские цари обратили эту претензию в свою пользу, а московские церковные публицисты провозгласили Москву «Третьим Римом» — «единым православным царством».

Иной характер получило развитие церковно-политической мысли на Западе. Здесь церковь не встретила единой сильной централизованной политической властью государства. Она сама вскоре прочно вошла в феодальную систему и при раздробленности феодального хозяйства сама становится средоточием первоначального капиталистического накопления, значительной экономической и политической силой. В церковно-политических учениях Запада мы встречаем, поэтому, и более скромную, более скептическую оценку роли государства, притязания самой церковной власти на политическое руководство и политическую централизацию церкви. Уже в учении бл. Августина обозначаются эти тенденции. В своем учении о государстве и праве Августин так же как и другие христианские писатели, исходит из учения о естественном состоянии и естественном праве. Естественное состояние, по Августину, есть состояние богоустановленного порядка, это состоя-

ние всеобщего единства, всеобщего «мира» и равенства. Состояние это утрачено вследствие грехопадения и восстанавливается в полной мере лишь в порядке сверхземном, сверхисторическом, когда будет «новое небо» и «новая земля», и настанет полное осуществление и полное господство «Божьего царства», «Града Божьего» («Civitas Dei»). В исторической действительности этот «град божий» лишь постепенно и частично осуществляется; он «странствует по земле», получая свое выражение прежде всего в христианской церкви и христианском обществе. В исторической действительности происходит поэтому борьба двух начал; «земного града», «порожденного грехом» и становящегося «Божьего града» «Град земной» основан на «жажде самоуправления», он есть царство эгоизма, вражды, насилия, «похоти власти», заключающейся в стремлении к «господству ради господства». «Эти два града переплетены и взаимно перемешаны в настоящем веке» (Августин, «О граде Божьем»). Однако, если «град Божий» находит себе преимущественное выражение в христианском обществе и христианской церкви, то начала «земного града» преимущественно воплощаются в «языческом» государстве. Государство получает свое относительное оправдание лишь постольку, поскольку оно содействует осуществлению «справедливости и права». «При отсутствии справедливости, нет такое государство». — спрашивает Августин — «как не большие разбойничьи шайки так же как и разбойничьи шайки, что такое, как не государства в миниатюре». «И они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делают добычу по установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы. — тогда открыто принимает название государства» («О граде Божьем» кн. IV, гл. 4).

Самое христианское государство и его роль понимаются, однако, существенно иначе, чем у христианских писателей IV в. и у апологетов «православного византийского царства». Христианское государство не есть осуществление «божьего града», оно имеет лишь относительное, служебное зна-

чение. Оно уже перестает быть самодовлеющим, «господством ради господства», а пользуется «своею властью лишь для обеспечения той «справедливости», которая содержится в полной мере в церкви и христианском мире. В учении Августина о христианском государстве уже содержатся элементы той политической идеологии которая была позже выдвинута папством и католической церковью. Вопрос об отношении государства к церкви заостряется несколько позднее в X—XI в.в., когда римская церковь достигает большой экономической мощи и происходит борьба церковного и светского феодализма. Светская, королевская партия пыталась выдвинуть аналогичную византийской — идеологию «христианской империи» «священной римской империи» унаследованной якобы германским императором. «Священная римская империя» призвана стать всемирной монархией и глава ее должна быть главой всего христианского мира, объединяющего христианское государство и церковь. Лишь чисто духовная власть, лишь «potestas ordinis» может остаться за папой. Некоторые защитники императорской власти доходят до «цезарепапизма», приписывая императору роль главы иерархии и даже «апостольское преемство». В противовес этому в церковно-политических учениях XI—XIII в.в. (папа Григорий VII, Иннокентий III, Петр Дамиан и др.) выдвигается идея всемирной христианской организации во главе с папой. Учение бл. Августина дополняется и развивается здесь в том смысле, что лишь от церковной власти в частности от папской власти государственная власть получает и самые свои полномочия. Папе, как «наместнику Христа», как «преемнику первенствующего апостола Петра», как главе христианского мира, принадлежит всякая власть па земле. Он источник и духовной и светской власти: «два меча», символизирующие эти две власти у нее в руках; «меч духовный» и «меч светский», «материальный». Если духовную власть папа осуществляет непосредственно, то «меч материальный» — осуществление светской власти, он как бы передает руки государственной власти. Эта последняя, как производная и зависимая, должна во всем следовать, однако, руководству церкви. Императоры, и короли получают свою территорию и связанную с

нею власть как бы на ленном праве, как вассалы «апостольского престола»: «Не собственным светом, а отраженным подобно луне» светит светская власть. И отсюда делается определенный вывод: лишь до тех пор государственная власть остается «правомерной», пока она следует указанному церковью пути. Когда она уклоняется от церковного руководства, она теряет право на повиновение ей подданных. Такая власть есть «власть тираническая» и у некоторых католических публицистов мы находим даже учение о правомерности в этом случае «тиранно-убийства». По мере роста торгового капитала и абсолютной монархии, католические учения о государстве уже перестают говорить о непосредственной передаче власти от папы, признавая относительную самостоятельность государства и государственной власти. Самые методы воздействия церкви на общественную и государственную жизнь изменяются. Все большую роль получает «косвенное воздействие», при посредстве самостоятельных ассоциаций и организаций. Остается неизменной, однако, самая мысль о верховном «авторитете церкви» в «мирских делах».

И. Фиолетов

ЦЕРКОВЬ — союз людей, исповедующих христианскую религию (см. Религия). Устройство и управление Ц. с момента возникновения христианского учения до настоящего времени подвергалось большим изменениям в зависимости от изменения системы церковно-государственных отношений, которая в свою очередь предопределяется экономическими и социально-политическими факторами (см. Каноническое право)

До 313 г. христианство не признавалось римским правительством религией дозволенной. Естественно, что в этот период устройство Ц. не отличалось большой сложностью и разветвленностью. К этому необходимо еще добавить, что первоначально христианская религиозная община не прерывала своих связей с основной еврейской организацией; во всяком случае, ее устройство в общем соответствовало еврейскому.

В 313 г. был издан императором Константином Миланским эдикт, согласно которому христианские организа-

ции признавались дозволенными. Однако, Ц. не удовлетворилась достигнутыми успехами. Из религии дозволенной она стала стремиться быть религией господствующей. Для этого она должна была занять место прежней римской государственной религии. Когда и это было достигнуто Ц., когда она добилась слияния с государством, сложилась особая система Ц.-государственных отношений, получившая название анинтской («Цезаренизма»). Сущность этих отношений заключалась в том, что император («внешний» или «общий» епископ) стал осуществлять высшую церковную власть; светские должностные лица выполняли функции церковного характера, а церковные органы, напр. епископы, привлекались к государственному управлению. Новая система Ц.-государственных отношений, предопределила дальнейшее развитие церковного устройства. Принципы монархического абсолютизма и бюрократической централизации, столь характерные для этой эпохи Римской Империи, были восприняты и Ц. Усиливается власть епископов.

До тех пор, пока не сложилась система церковной иерархии, для решения вопросов, интересующих ту или иную Ц. или всю Ц., обычно созывались соборы (поместные или вселенские).

Процесс феодализации Римской Империи значительным образом отразился на устройстве Ц. Разложение римской хозяйственной системы, вызвавшей отделение от Византии западной половины Римской Империи в конечном счете создало предпосылки и к разделению Ц. Основываясь на учении Августина еп. Иппонского, папы создали т. наз. иерократическую теорию Ц.-государственных отношений, по которой Ц. понималась, как единая духовная монархия, в которой все духовное господствует над светским. Главой этой монархии должен являться римский папа. Первоначально эти взгляды не получили и не могли получить осуществления на практике. Но с течением времени иногда (как, напр., при папе Григории VII) папству удавалось осуществить на практике эту иерократическую теорию. Как бы то ни было, но папа в общем являлся главой одного из крупнейших феодальных концернов того времени. Процесс феодализации обусловил крупные изменения в

устройстве Ц. Развивается в чрезвычайной степени и церковное землевладение. Епископы, аббаты и другие церковные лица делаются феодальными сеньорами. С другой стороны, крупные феодалы стали осваивать «собственные» монастыри.

Падение феодализма (см.) и развитие торгового капитализма (см.) сопровождавшиеся образованием сословий и возникновением сословно-представительных учреждений, отразилось, конечно, серьезным образом на положении П. и на ее устройстве. Феодальная основа могущества папы была подорвана. Начинается период Авиньонского пленения папы которые принуждены теперь проводить в жизнь политические планы французских королей. Увеличивается значение в управлении церковными делами и немецких королей и князей. К тому же, власть папы стала ограничиваться соборами. Получает признание т. наз. епископальная теория, сущность которой состоит в том, что вселенские соборы, составляющиеся из епископов, должны обладать верховной властью в Ц.

В эпоху реформации создаются новые теории или системы церковно-государственных отношений, напр., епископальная, по которой: а) отрицается различие между церковным и политическим общением, б) король признается епископом, и территориальная, по которой король является главой Ц. не потому, что он признается епископом, а потому, что он вообще должен властвовать над всем, находящимся в пределах государственной территории. Принципы территориальной системы нашли свое окончательное завершение в системе т. наз. государственной церковности, и в особенности иезуитизме получившем свое название от императора Иосифа II который принцип полипейского строя распространил на область и церковных отношений

При развитии промышленного капитализма и утверждении принципов буржуазной демократии, в частности свободы совести, система государственной церковности стала заменяться новыми системами, напр., системой отделения Ц. от государства, как в С.-А. С. Ш. или своеобразной системой, примененной в эпоху французской революции. В эпоху реакции 20-х и

30-х годов в большом ходу были системы христианского государства или системы координации, основной предпосылкой которых является признание обязанности со стороны государства оказывать покровительство основным христианским культам. При дальнейшем развитии промышленного капитализма эти реакционные системы стали заменяться или системой т. наз. правового государства, или системой отделения Ц. от государства. По первой системе, пользующейся наибольшей популярностью в германских государствах, Ц. признается автономной корпорацией с известной сферой самоуправления, при чем границы этой сферы устанавливаются не Ц., а государственной властью. Государственная власть вместе с тем призывается оказывать Ц. поддержку. Согласно системе отделения Ц. от государства (напр. С.-А. С. Ш. и Франция по закону 1905 г.), Ц. и вообще религиозные общества признаются частными обществами; государство не должно оказывать поддержки ни одному культу и тем более их субсидировать; церковные институты перестают быть публичными институтами и из области публичного права перемещаются в область частного права. Государство отказывается признавать каких-либо должностных лиц культов и вообще какие-либо церковные организации, за исключением ассоциаций культа. В публичных зданиях запрещается помещать какие-либо знаки и эмблемы культа. Запрещается преподавание религии детям от 6 до 13 лет, учащимся в государственных школах в часы учебных занятий.

Кроме этих двух основных систем церковно-государственных отношений, на практике в некоторых государствах применяются системы, представляющие нечто среднее между ними (Бельгия, Италия и пр.)

Что же касается современного устройства основных западно-европейских Ц. — католической и евангелически-лютеранской, то оно представляется в следующем виде. Главой католической Ц. является папа. Ему принадлежит первенство чести, первенство власти, внешнее представительство всей католической Ц. пред правительством разных стран. Папу выбирает коллегия кардиналов. При папе состоит ряд центральных учреждений, большей части которых усвоено название конгрегаций, ве-

дающих отдельными отраслями церковного управления. Католическая Ц. распадается на диоцессы, во главе которых стоят епископы. При епископах находятся капитулы, возглавляемые прелатами или деканами и формирующиеся из духовенства кафедральных епископских Ц. Органом надзора и посредником между епископом и приходским духовенством является сельский декан или архипресвитер.

Что же касается устройства евангелическо-лютеранской Ц., то единого центрального органа, который управлял бы всей Ц., не имеется. Главой каждой местной Ц. принципиально признается глава государственной власти, который осуществляет свои правомочия в области церковного управления через генеральные консистории, привлекая в качестве совещательного органа генеральный синод, составляемый из представителей духовенства и мирян. Национальные Ц. обычно подразделяются на округа (провинции), управляемые консисториями. Органами надзора за духовенством округа является генерал-суперинтендент, который иногда именуется епископом. Надзор за приходским духовенством осуществляется суперинтендентом или пробстом.

Переходим теперь к истории церковно-государственных отношений и истории устройства русской Ц. В литературе установился взгляд, что в России вплоть до XIII в. отношения между Ц. и государством определялись византийскими началами. Однако, этот взгляд не может быть принят. В самом деле: хозяйственный и социально-политический строй Руси, по крайней мере до XVII в., и Византии был различен. Экономическая и социально-политическая эволюция России в общем более близка к экономической и социально-политической эволюции западной Европы, нежели Византии. А отсюда история церковно-государственных отношений и история церковного устройства должна иметь больше точек соприкосновения с историей западно-европейской Ц. В частности, церковно-государственные отношения в Киевской Руси во многом сходны с отношениями, установившимися между Ц. и государством в эпоху Меровингов. Киевские князья, так же, как и меровингские короли не претендовали на такие права, которые могли соединяться лишь с универсальной

императорской властью. Чрезвычайно характерно, что древне-русская Ц. имела так много институтов, близких или тождественных западно-европейской Ц., что в литературе был поставлен вопрос о заимствовании их с Запада. Устройство русской Ц. в эпоху Киевской Руси в общем было не сложно. Во главе русской Ц. находился митрополит, имевший свою резиденцию в Киеве. Он осуществлял надзор за епископами, сидевшими в главных русских городах. Митрополиты и епископы, как общее правило, обычно назначались из греческого духовенства. Однако, они поддерживали довольно тесные связи с византийским патриархом и признавали верховную власть над Ц. византийских императоров.

Дальнейшая эволюция церковно-государственных отношений и устройства Ц. в России также имеет много сходства с западно-европейской. Русская Ц. также подверглась процессу феодализации. Наши епископы и архимандриты сделались феодальными сеньорами. Они имели свой двор, организованный по образу княжеских дворов. Митрополит и новгородский епископ (возможно, и другие епископы) имели свое войско. Подобно князьям, они имели служилых людей—бояр и детей боярских. Наши князья, подобно западно-европейским сеньорам, стали обзаводиться собственными Ц. и монастырями. Развитие торгового капитализма в России в общем повлекло за собой и для русской Ц. те же последствия, как и для западно-европейской. Московские князья царь начинают более решительно вмешиваться церковные дела; они ставят вопрос об ограничении феодальных прав Ц.: запрещается выдача имущественных (тарханских) грамот; делается попытка ограничить рост церковного землевладения. В общем устанавливается система церковно-государственных отношений, близкая к византийской. Что же касается устройства Ц. то завоевание Византии турками создало повод к постановке вопроса об учреждении патриархата в Руси. После долгих хлопот русскому правительству удалось добиться согласия на этот счет восточных патриархов (1589 г.). При патриархе как главе русской Ц. состоял освященный собор и особые патриаршие приказы. Количество митрополий, так же как и епархий, увеличилось в данную эпоху. Патриарх унаследо-

вал от митрополита, бояр и детей боярских, власть которых подверглась ограничению, т. к. функции надзора над приходским духовенством стали осуществляться т. наз. поповскими старостами. Основные церковные вопросы обычно решались на сборах.

Начиная с Петра у нас стала проводиться территориальная система отношений. Петр по смерти последнего патриарха в качестве центрального церковного органа учредил Духовную Коллегию, затем получившую название Синода. Во главе Синода был поставлен обер-прокурор, который, в сущности, и распоряжался судьбами русской Ц. В каждой епархии были образованы консистории. Взамен поповских старост был учрежден институт благочинных. Церковные земельные владения в конце концов были отобраны от Ц. и переданы в управление особой Коллегии Экономии.

Территориальная система в общем продолжалась у нас вплоть до революции. В эпоху временного правительства отношения между Ц. и государством стали складываться в систему, близкую к системе правового государства. В 1917 г. был созван собор русской Ц. который сделал попытку серьезным образом реформировать строй русской Ц. Так было восстановлено патриаршество. Вместо консисторий вводились епархиальные церковные советы. Единичная власть благочинных ограничивалась особым благочинническим советом. Подверглась крупным изменениям приходская организация: увеличилась роль приходов; были созданы приходские советы.

В эпоху Октябрьской революции церковно-государственные отношения стали регулироваться на основе системы отделения Ц. от государства, установленной декретом от 23 января 1918 г. (см. Религиозные общества) без признания, однако за церковью прав юридического лица.

С. Юшков

ЦЕССИЯ — передача права требования Ц. осуществляет перемену лица имеющего право требовать, переносить это право с одного лица на другое.

На ранних ступенях истории права, когда развитие оборота делало еще только самые первые шаги и буржуазное общество (вернее, эмбрион его) едва стало зарождаться в недрах иной общественной

формации: обязательства рассматривались, как отношения строго личного характера. Первоначально перенесение права требования на иное лицо не допускалось вовсе; позже оно стало допускаться, как исключительное явление, обставленное затруднительными формальностями (например, требовалось повторение, при участии должника того же акта, которым было установлено самое право требования). Римскому праву осталось вообще чуждым признание передаваемости, как общего свойства обязательственных требований. Новый европейский капитализм под влиянием рынка и развития гражданского оборота пришел к установлению этого общего правила. По современным законодательствам кредитор имеет право передать третьему типу право требования, не испрашивая для того согласия должника; исключение установлено преимущественно для тех обязательств, в которых для должника особенно важна личность кредитора. На этой в основном позиции стоит и паш 1: К Согласно ст 124, уступка требования кредитором другому лицу допускается, поскольку она не противоречит закону или договору, или поскольку требование не связано с личностью кредитора, при чем возможна уступка требования в любой стадии: и в стадии судебного производства, и исполнительного. Должник должен быть уведомлен об уступке требования и до уведомления в праве чинить исполнение прежнему кредитору. СНК СССР признал, что к числу прав, способных к переуступке, относятся, в частности, права по накладным (С У СССР 1925 г., № 1, ст. 10). Напротив того к концессионным договорам, которые всегда выходят за рамки обязательственных договоров, начало передаваемости как признало Совнарком, не имеет применения.

От Ц. следует отличать перевод долга т.е. перенесение должником своих обязанностей на третье лицо. Перевод долга существеннейшим образом затрагивает интересы кредитора, а потому допускается лишь с согласия кредитора (ст 126). Поскольку в двусторонних договорах каждая сторона является и кредитором и должником, она не может передать своих обязанностей третьему типу без согласия другой стороны: в этих случаях применяются правила не о Ц., а о переводе долга.

Ц. может быть либо безвозмездной, и в этом случае к отношениям кредитора, уступившего свое право и того, который это право приобрел, соответственно применяются правила о дарении; но обыкновенно Ц. бывает возмездной, и тогда находят себе применение правила о купле-продаже и мене. Согласно этим последним правилам, продавец долгового требования или другого права, поскольку иное не установлено договором, отвечает лишь за действительность требования или действительное существование права (ст. 202 Г. К.), но не за возможность реального получения удовлетворения по уступленному требованию. Для Ц. прав, вытекающих из векзеля (см.) установлено особое правило

С Р.

ЦИРКУЛЯР — письменное обращение какого-либо учреждения ко всем или по крайней мере, некоторым подчиненным ему органам или должностным лицам. По большей части, Ц., в отличие от инструкций, не содержат в себе точных юридических норм или правил по применению действующих законов, но дают подчиненным органам директивные указания и намечают линию их поведения при разрешении тех или иных вопросов. Характерным свойством Ц. является обращение его не к гражданам, но к должностным лицам. Как теория административного права, вообще мало занимавшаяся Ц., так и практика не дают возможности точного разграничения Ц. и приказов. По общему правилу, приказами называются акты, обращенные к работникам издающего приказ учреждения, а Ц. — акты, обращенные к нижестоящим (главным образом, периферийным) органам или должностным лицам. Однако в централизованных ведомствах (например, военном) существует одна только форма приказов. В отличие от Ц., так наз. циркулярные письма могут быть обращены не только к подчиненным органам. В дореволюционном русском праве Ц. по закону могли издаваться лишь Правительствующим Сенатом; на практике, однако, это не соблюдалось, и Ц. в развитие и пояснение закона издавались всеми министерствами и др. органа-

ми. По советскому законодательству, правом издания Ц. пользуются Народные Комиссариаты как СССР, так и союзных республик (ст. 6-я, п. г «Общего Положения о Народных Комиссариатах Союза ССР» от 12/XI 23 г. — Вести. ЦИК, СНК и СТО. 23 г., № 10, ст. 299 — и, например, ст. 6-я и п. в «Общего Положения о Народных Комиссариатах РСФСР» от 17/VIII 25 г., — С. Уз., 25 г., № 70, ст. 553). Ц. общесоюзных народных комиссариатов обязательны для непосредственного исполнения для всей территории Союза ССР и, как общее правило, проводятся через уполномоченных при Совнаркомах союзных республик. Ц. объединенных народных комиссариатов проводятся через одноименные народные комиссариаты союзных республик. Действие Ц. народных комиссариатов Союза ССР может быть приостановлено ЦИК'ом союзной республики или его президиумом при явном несоответствии Ц. союзной Конституции, законодательству Союза ССР или законодательству союзной республики. О приостановке Ц. ЦИК союзной республики или его президиум должен немедленно сообщить Совнаркому СССР и соответствующему союзному наркомату. Действие Ц. народных комиссариатов РСФСР может быть приостанавливаемо крайвыми и областными исполкомами и их президиумами, а также губисполкомами лишь в исключительных случаях, в порядке определяемом ВЦИК.

ЦИК'и автономных республик, входящих в РСФСР, могут приостанавливать действие Ц. народных комиссариатов РСФСР при несоответствии их законодательству автономной республики. О приостановке должно быть немедленно сообщено Президиуму ВЦИК, Совнаркому РСФСР и соответствующему народному комиссариату РСФСР. Кроме народных комиссариатов, Ц. издаются также Президиумом ЦИК'а СССР, президиумами ЦИК'ов союзных и автономных республик и исполкомами. Издание Ц. встречается также в практике профессиональных, кооперативных и др. общественных организаций.

А Турбинер

Ч

ЧАСТНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО—см

Международное частное право

ЧЕК — письменное поручение (приказ) банку учинить платеж определенному лицу или (чаще) предъявителю его, за счет сумм, числящихся у банка за выдавшим Ч. Уплата Ч. вместо наличных денег освобождает от излишних хлопот и риска, связанных с принятием, пересчетом и проверкой подлинности и достоинства денег. Употребление Ч. делает, кроме того, лишним хранение денег у себя, побуждая держать их в банке, что выгодно и удобно и для банка и для клиента.

Некоторые зачатки Ч. могут быть отмечены еще в древнем мире. В средневековой Германии император и короли пользовались для расплаты приказами на находившиеся в их владении города. Чекообразные документы в частном обороте фигурировали в конце средних веков в экономически тогда наиболее развитой части Европы — в Италии. Страной где впервые Ч. получил широкое распространение и где распространение это достигло особенно крупных размеров в настоящее время, является Англия. В Лондоне и Нью-Йорке количество платежей, чинимых наличными деньгами, не достигает 5%; остальные платежи производятся Ч. На континенте значение Ч. в обороте меньше. Ч. заменяет собой, как платежное средство, деньги лучше, чем вексель и банкнота: вексель рассчитан обычно (и вся его правовая структура приспособлена к тому) на более или менее значительный период, протекающий между выдачей обязательства и сроком платежа, а банкнота требует твердого обеспечения. В наибольшей мере использование Ч. способно доставлять экономию в употреблении денег при широко практикуемых зачетах долговых обязательств и платежей.

Весьма продолжительное время Ч. регу-

лировались лишь обычным правом. Законодательства приступили к регламентации Ч. лишь в последней четверти прошлого века, а царская Россия так и не создала по этому вопросу закона. У нас Ч. (в одном из возможных его видов) пока регламентируется лишь Инструкцией Госбанка о текущих счетах; правила, ею устанавливаемые, навряд ли могут быть признаны достаточными.

На практике у нас возникал вопрос об ответственности чекодателя перед чекополучателем, не получившим из банка денег по Ч., либо потому, что там денег у чекодателя на текущем счету не оказалось, либо потому, что банк оказался несостоятельным или сам чекополучатель пропустил краткий срок на получение денег (немного дней). Дореволюционная практика не допускала иска по Ч. а требовала, чтобы иск был предъявлен по договору или вообще соглашению, из которого вытекало само требование. Верх. суд РСФСР признал такое мнение неправильным и разъяснил, что чекодатель вправе предъявить иск и по Ч., но что чекодатель вправе сделать возражения из договора, по которому Ч. был дан в платеж, наравне с возражением против векселя. Таким образом, Верх. суд придает Ч., по скольку он допущен законом (уставом банка) и в пределах этого закона, значение абстрактного обязательства. А выдача Ч. лицом заведомо не имеющим денег на текущем счету, если это сделано с корыстной целью, составляет преступление.

Чековое право, как и вексельное, по существу своему плохо мирится с неединообразием его норм в различных государствах. На второй Гаагской вексельной конференции был принят проект международного чекового устава; проведению его в жизнь помешала война 1914—1918 гг.

С. Раевич

Ш

ШАЙКА. Действующее законодательство РСФСР старым термином Ш. уже не пользуется, хотя в У. К. 1922 г. он еще встречался (в п. «ж» ст. 25, в ст. 76 и в ст. 183 ч. 2); если ст. 59-я У. К. 1926 г. и употребляла термин «вооруженная Ш.» для пояснения термина «банда», то эта статья утратила силу с изданием ЦИК'ом СССР Положения о государственных преступлениях от 25/II — 1927 г. поскольку ее заменила ст. 17 этого Положения, говорящая только о «вооруженных бандах». По существу, Ш. имеет то же значение, что и «банда» (см. Бандитизм); это, по-немецки, и есть Ш.

С точки зрения большинства зап.-европейских криминалистов, как и дореволюционных русских, не всякое преступление, учиненное при соучастии (см.) нескольких лиц, признается учиненным Ш.-ой. Они обычно проводят различие между Ш. и заговором. «Заговор — это соглашение нескольких лиц для учинения одного или нескольких конкретно-определенных преступлений; Ш. — сообщество, преследующее цель учинения ряда заранее конкретно неопределенных преступлений» (определенного рода), говорят напр., Лист. С другой стороны, постановления о Ш. сплошь да рядом выходят далеко за пределы обыкновенных постановлений о соучастии. В то время как все законодательства допускают, по общему правилу, возможность преследования в качестве соучастников лишь исполнителей, подстрекателей или пособников такого преступления, которое было по крайней мере начато исполнением, участники Ш., в целом ряде предусмотренных отдельными законодательствами случаев, отвечают и в том случае, если Ш. еще не успела приступить к осуществлению своих намерений; участие в Ш. в этих случаях оказывается самостоятельным преступлением особого рода, с чем

можно сопоставить ответственность участников сообщества, преследующего цель учинения политического преступления (см.). Наиболее далеко идет по этому пути французский Code Pénal, ст. 265 которого гласит: «Всякое образование сообщества (*association*) и всякое соглашение (*entente*), если то или другое преследуют цель подготовки или выполнения тяжких преступлений (*crimes*) против личности или имущества, рассматриваются как тяжкое преступление против общественного мира (*Contre la paix publique*)», могущее, само по себе, влечь признание к каторжным работам, а, по усмотрению суда, кроме того и ссылку (*relegation*).

О подходе советского права см., с одной стороны, Бандитизм и с другой стороны, Соучастие.

А. Э.

ШАНТАЖ (*chantage*) стал преследоваться как преступление особого рода во Франции с 1863 г., при чем под ним понимается вымогательство (см.), учиненное посредством угрозы позорящих разоблачений или обвинений в преступлении. Дореволюционное русское право Ш. вовсе не предусматривало и вопрос о квалификации подобного рода деяния был до революции спорным; особых постановлений о Ш. не содержал и действующий германский У. К., дающий, однако, вымогательству такую формулировку, которая сама по себе уже охватывает и Ш. В У. К. РСФСР ред. 1926 г. в одну статью 174 слиты постановления статей 194 и 195 У. К. ред. 1922 г., из которых последняя (см. о ней в т. I, стр. 530) предусматривала Ш. Вместе с тем несколько повышена и угол. репрессия: У. К. 1922 г. как за вымогательство, так и за Ш. устанавливал лишение свободы на срок до 2 лет, У. К. 1926 г. — лишение свободы на срок до 3 лет.

А. Э.

ШАРИАТ III — термин, служащий для обозначения обширного свода юридических и религиозно-обрядовых норм, постановлений и правил, возникших в первые века мусульманской эры и имеющих силу закона в глазах каждого правоверного мусульманина на основании предписаний религии.

III. — слово арабское, означающее «путь к спасению». На ряду с правом римским, III. — одна из двух великих правовых систем человечества старого времени, сохранившая, однако, и поныне свое значение параллельно и совместно с исламом и охватывающая таким образом несколько сот миллионов магометан без различия национальности. Одно из коренных отличий от европейских законодательств составляет религиозный, сакральный характер III. Мусульманский юрист и теолог всегда слиты в одном лице. Каждая норма права (см.) есть вместе с тем норма религии (см.) III. — полная энциклопедия права по каноническому, семейному, гражданскому, уголовному, процессуальному, торговому, финансовому, административному государственному отделам, сложившаяся в своих основных чертах в VII, VIII и IX в.в. и развивавшаяся далее путем интерпретации и комментирования. В целом мусульманское законоведение (фикх) в своих письменных памятниках представляется своеобразными приемами разработанной религиозно-канонической системы права, дающей исчерпывающую формулировку всей государственной, общественной и частной жизни мусульманских народностей. Там встречаются правила регламентирующие даже общественные приличия и мельчайшие подробности явлений быта, домашней жизни, не исключая интимнейших сторон супружеских отношений. III устанавливает взгляд, что им все предусмотрено, что он вполне законченный кодекс, не подлежащий каким-либо изменениям и усовершенствованиям. Проникая во все уголки жизни, III тем самым подчиняет себе эту жизнь и закабаляет не только деяния, но даже мысль и воображение верующего мусульманина.

Генезис мусульманского права. Оказавший по своему глубокому консерватизму, застывшему в определенных раз навсегда формах более тысячи лет тому назад и не допускавшему никакого прогресса и реформ, крайне губительное вли-

яние на духовное развитие народов, исповедывавших ислам, III. своими корнями тесно слит с этой религией и отражает в себе полностью положенные в ее основание начала.

Ислам, возникший во время хозяйственного упадка Аравии VII веке явился там связующим звеном между обнищавшими и разрозненными вследствие скудной природы страны мелкими арабскими племенами для объединения их в более крупные образования с целью общих хищнических набегов и завоеваний. Первые мусульманские общины верующих были чисто военными союзами, в которых религиозное одушевление и жажда обогащения были искусно объединены и требовали соединения туховной и светской власти в одних руках, что привело в результате к господству теократического абсолютизма в государствах ислама. Государственное устройство начальной стадии распространения в Аравии ислама представляло собой религиозно-политический союз для порабощения и эксплуатации других народностей. Захватившему в свои руки власть классу необходимо было закрепить свое положение системой права. Наиболее удобно и выгодно было подогнать это право под то, что всецело составляло ореол и эгиду нового властвования, что оправдывало ее существование и породило ее — религию. И весьма последовательно и умело эта задача была решена, что дало соответствующий отпечаток всей системе мусульманского права. Появление и развитие III — один из нагляднейших примеров всемирной истории возникновения системы права господствующего класса и закрепления своего господства порабощением и духовным угнетением подчиненных.

Вместе с тем, как и талмуд, возникший под сенью синагоги, III. развился из религиозного источника. Учреждение халифата и целый ряд успешных завоевательных походов в продолжение нескольких веков обеспечили на Востоке преобладание положенным в основание ислама и III. принципам теократизма и деспотизма. Эти начала, отражаясь в кодексе права — III., от древнейших и до позднейших времен тяготели угнетающим образом и держали всю массу населения в состоянии умственного убожества и политического

несовершеннолетия, развивая вместе с тем безотрадный фатализм, религиозный фанатизм и нетерпимость. Безусловная покорность религиозному закону, непререкаемый божественный авторитет права, чисто воинская суровость отдельных его предписаний, теократический принцип, лежащий в основе властвования, деспотизм в семейных отношениях, затворничество и приниженное положение женщины, институт рабства, регламентирование всей жизни мусульманина, полное подавление индивидуума и какой-либо творческой инициативы—все эти черты сделали из ислама и Ш. один из гибельнейших бичей человеческого рода. Позднее, когда хищнические и завоевательные цели первых мусульманских государств на Востоке были достигнуты, эти государства приняли политические формы целиком в рамках религиозного закона, завещанного его основателями. Особой заботой государства была детальнейшая разработка догматики права; наступило время расцвета арабско-мусульманских юридических школ (мазхабов), появилась масса весьма авторитетных законопедов и учителей права. Не так как мусульманское законодательство строго связанное буквой религиозного закона, по существу своему обречено на застой и неподвижность. то для юристов (факыхов) только и оставалось, что заниматься глоссированием, комментированием и казуистикой, доведенной ими до высокой степени совершенства, и в этого рода своих работах мусульманские правоведы не имеют себе равных. В некоторых случаях деятельность комментаторов и интерпретаторов сводилась к прямому обходу закона с помощью подыскивания других постановлений Ш., на толковании коих можно было бы построить способы и приемы такого обхода. Категорическое запрещение Ш. частной собственности на землю было в результате хитроумной юридической стряпни сведено не только на фактическое установление таковой собственности, но и на обширную систему поземельного права. В трудах юристов, на ряду с изложением прямых постановлений закона, зачастую приводятся рецепты к их обходу.

Если, например, мусульманину запрещено носить шелковую одежду, то обойти это предписание можно, сделав сит-

цевую подкладку; если необходимо раз в жизни совершить паломничество в Мекку, то этого можно избежать, послав за свой счет другого человека; чрезвычайная суровость наказаний за некоторые преступления парализуется в некоторой степени необходимостью для осуждения добывания целого ряда иногда крайне затруднительных формальных доказательств. Эта система лицемерия и обмана и мусульманской религии и одноименного права оказала весьма вредное влияние на развитие нормального правового чувства и идеи права. Была создана самостоятельная чисто схоластическая отрасль мусульманского права—«ильмий-хылаф», т. е. наука о разногласиях, а также наука спора или наука о сходных и подобных предметах. Увлечение крючкотворством и казуистикой отразилось на всех без исключения сочинениях мусульманских юристов.

Распространение Ш. Ш., как действующий законодательный сборник, применялся (в известных пределах) среди туземного населения Туркестанского края во время империализма и ныне распространен среди мусульман-суннитов Афганистана, Египта, Алжира, Сирии, Индии, Аравии, Турции и Китая. Персия, как страна мусульман-шиитов, имеет свой особый Ш.

В конце XIX века в Турции был сделан опыт издания на европейский образец гражданского кодекса, составленного на началах Ш., каковой кодекс одно время и был введен в действие.

При установлении советской власти в областях Средней Азии и распространении новой судебной системы пришлось вести борьбу с туземными судьями (казнями), отправлявшими правосудие по Ш. В качестве временной меры правительством Туркестанской республики, а равно и на Кавказе, были оставлены в некоторых местностях упомянутые казии, но исключительно для разбора мелких имущественных споров и рассмотрения незначительных гражданских дел, а правом, однако, сторонам обжаловать решение в советский народный суд. Мертвящее и отжившее право Ш., естественно, не могло ужиться с новым советским правопорядком, казии постепенно утратили всякий авторитет среди населения, и казийские суды были окончательно ликвидированы.

Источники мусульманского законовeдения В первый период самостоятельной государственной жизни мусульманской общины Коран, посмертный сборник главнейших изречений и поучений основателя религиозного культа Мухаммеда, считался единственным источником права Но Коран заключающий в себе не более пятисот положений, имеющих юридическое значение, вскоре оказался недостаточным. Дополнение к нему было найдено в преданиях и рассказах о различных действиях и изречениях основателя ислама; эти предания записывались и получили название «хадисов». Этот второй источник права именуется арабским термином «сунна» В течение VIII и IX в.в. нашей эры было составлено шесть сборников таких преданий, касающихся юридических, обрядовых, исторических и этических вопросов. Так как сборники в отдельных случаях противоречили друг другу, то каждая мусульманская община так или иначе самостоятельно разрешала возникшие казусы в формах особых соборных постановлений при чем обычно выслушивала мнения авторитетных юристов. Так возник третий источник права, известный под названием «иджма». Последняя близка к тому, что в европейских теориях права принято именовать «*communis opinio doctorum*». Наконец, четвертым источником права во всех школах мусульманского законовeдения был признан так называемый «кьяс»—заключение по аналогии, представляющий собою в сущности метод для выведения необходимых норм из первоисточников, если подлежащий разрешению частный случай не был в них предусмотрен. Кроме перечисленных главных источников, в сборниках мусульманского права указываются как приемы и основания юридических выводов—«рай»—мнение догадка, и «адат» и «урф»—местный обычай. Однако, обычному праву отводится сравнительно незначительное место в мусульманской юриспруденции.

В виду того, что III. не представляет собою кодекса в европейском смысле, изучение мусульманского права целиком построено на богатой юридической литературе. главным образом, на арабском языке. По словам Кремера (*Kulturgeschichte des Orients unter den Chaluien*), «арабы были единственным народом, который в деле

развития и научной разработки понятия о праве представил труды, близко подходящие по своей грандиозности к тому, что в этом отношении создали римляне». Мусульманское право — в значительной степени «книжное» право, руководства авторитетных юристов являются главными справочными пособиями для его изучения. Среди последних одно из виднейших мест занимает «Хидая», сборник мусульманского законовeдения, составленный Алями Алием бен-Аби-Бекром Ферганским в XII веке. Авторитет этого законовeда стоял весьма высоко, и составленная им «Хидая» пользуется особой распространенностью. С английского перевода этой книги был сделан русский перевод, являющийся ныне наиболее полным сборником всего мусульманского права на русском языке В «Хидаяе» автор, на ряду с основными положениями догмы права, приводит мнения ученых законовeдов по спорным вопросам, вместе с доводами, на основании которых одно мнение предпочитается другому. Весьма распространенными в Средней Азии были и следующие руководства: «Мухтасар-ль-виқая», составленный законовeдом Бухары Убайдулой Садруш-ш-шариатом в XIII в., «Алямгири», полный курс законовeдения, составленный в Индии в XVII в., «Казыхан», содержащий в себе постановления по разным отделам III и написанный в XII в., «Шарх виқая», составленный в XIII в.

Четыре школы законовeдения мусульман-суннитов. Начало мусульманского законовeдения (фикха) связано с именем и личностью основателя ислама, как верховного законодателя для своих последователей Мухаммед представлялся верховным судьей и повелителем мусульман. После его смерти (632 г.) право решения религиозно-юридических положений принадлежало первым преемникам его власти (халифам)—Абу-Бекру, Омару, Осману и Алию. Наиболее выдающиеся из современников этих халифов были также облечены правом юрисдикции и руководствовались не только Кораном и сунною, но и ссылались на решения халифов, как на нормативный факт. В VIII в. появляются самостоятельные школы (мазхабы) в мусульманской юриспруденции, что составило эру в истории этой науки: до этого времени не существовало ни систематиче-

ского преподавания, ни руководств по праву. Одна из этих четырех ортодоксальных школ была образована видным мусульманским юристом, основателем всей науки мусульманского законоведения, арабизованным персом Ниманом бей Сабитом, прозванным Абу-Ханифой (699—767 г.г.) Учение, созданное последним доныне пользуется высшим юридическим авторитетом среди других школ мусульман-суннитов. Последователями школы Абу-Ханифы считались мусульмане Средней Азии, Кавказа, Крыма, Турции, Афганистана и большая часть мусульман Индии. Остальные три школы были основаны имамами Маликом, Шафием, Ибн-Ханбалом в VIII и нач. IX в. Их учения были распространены среди мусульман Испании, Северной Африки, Аравии, Египта, Явы, Цейлона. Несмотря на некоторые отличия указанных четырех школ все они считаются одинаково правоверными и пользуются полным религиозно-научным авторитетом. По смерти первых школоучителей, излагавших свое учение перед учениками преимущественно устно, была сознаана необходимость письменного изложения и приведения в систему обширного юридического материала составляющего содержание фикха. Эту сложную работу выполняли ученики главных имамов — учредителей школ твердо и раз навсегда закрепивших догматические основы права. Имя Абу-Ханифы было усвоено последователями его учения, которые и до настоящего времени известны под названием «ханифитов» Сборник «Хидая» основан на ханифитском учении.

Содержание система III. Книги III., одновременно вышедшие из-под пера разных авторов, написаны большей частью по одной и той же программе, при отсутствии, однако, строгой систематизации юридического материала. В общих чертах содержание этих книг сводится к следующему I. Религиозное (каноническое) право: очищение, молитва, закят (принудительная милостыня, собираемая в пользу бедных и на ведение священной войны), пост, паломничество в Мекку. II. Гражданское право—общие положения, обязательства, договоры залог, доверенность и поручительство, товарищество, право на вещь, владение и собственность, поземельное владение и право орошения

земли, права и обязанности собственников соседних земель, вакуф, наследственное право. III. Личное и семейное право—брак, развод, молочное родство, последствия брака относительно детей, опека, рабство, липа, находящиеся на особом положении (найденный, безвестно отсутствующие и т. д.). IV. Уголовное право—общие положения, кровавая месть, прелюбодеяние, употребление вина, кража, разбой, мятеж. V. Государственное право—верховная власть, отправление правосудия, священная война, война для сохранения внутреннего порядка, чиновники и управление государством. В «Хидая», в томе II, материал расположен в следующем порядке: 1) о гудуде или наказаниях 2) о сараке или воровстве, 3) о сияре или постановлениях, 4) о законах относительно лакытов или найденной, 5) о лукатах или находках 6) об ибаке или бегстве рабов, 7) о мафкудах или без вести пропавших, 8) о ширкате или товариществе, 9) о вакуфах, 10) о кунле-продаже 11) с продаже сарф, 12) о тафаляте или поручительстве, 13) с гавалите или переводе долга, 14) об обязательствах казнь, 15) о шагадате или доказательствах, 16) об отречении от наказания.

В III. нет некоторых европейских правовых понятий, напр. о гражданской давности, ипотеке, страховании, вексельном праве и т. д., некоторые законоположения, напр. о долговых обязательствах, залогах, наследовании, семейном праве, основаны на других принципах, чем европейские буржуазные законодательства; наконец, в III. имеются установления, неизвестные на Западе, напр. о вакуфах о зякете и проч. Размеры статьи не позволяют хотя бы и суммарно изложить постановления III. по разным отделам права. Остановимся лишь на некоторых наиболее характерных из области гражданского и уголовного права.

Брачный возраст установлен в 12 лет для мужчин и 9 лет для женщин. Но не достигшие этого возраста могут быть связаны без их согласия брачным договором их родителями. Умалашенным не возбраняется вступать в брак, но договор должен быть заключен их родителями или опекунами. Никаких писаных актов или брачных церемоний не требуется для действительности брака. Брачный договор заключается устно в присутствии свидетелей.

Мужчины вправе иметь одновременно не более четырех жен. Различие по религии служит вообще препятствием для брака, но мусульманин может жениться на христианке или еврейке. Мусульманке запрещается выходить замуж за иноверного. Права и обязанности мужа и жены определяются брачным договором, но условия относительно «мехра» предполагаются обязательно включенными в договор. «Мехр» есть то имущество, которое муж обязан выделить жене в собственность при вступлении в брак. Напоминая римскую «*donatio propter nuptias*», мехр служит некоторым обеспечением мусульманской женщины в случае развода. Жена обязана подчиняться приказаниям мужа, если они не безрассудны, строго соблюдать супружескую верность, избегать всякой предосудительной близости к посторонним мужчинам, не показываться без уважительных причин публичных местах. Непокорную жену муж вправе лишить свободы и подвергнуть легким телесным наказаниям. Муж не подвергается взысканию за несоблюдение супружеской верности. Обязанности его сводятся к содержанию жены сообразно ее состоянию; в случае, если жен несколько, он обязан по возможности равно делить между ними имущество. Муж вправе требовать, чтобы жена жила с ним в его доме. Муж может развестись с женой по своему желанию и усмотрению без объяснения причин. Жена никогда не может развестись с мужем против его воли, но при наличии известных обстоятельств она может получить развод по определению суда. Грубое обращение с женой и супружеская неверность мужа влекут жене права на развод.—Отец обязан содержать своего несовершеннолетнего сына, однако отец вправе принудить сына работать под личным его наблюдением или отдавать внаймы постороннему и может из доходов сына возмещать себе расходы понесенные на его содержание. Отец обязан содержать своих незамужних, сдвовевших или разведенных дочерей. Дети обязаны содержать своих немущих родителей даже в том случае, если последние не утратили трудоспособности. Обязанность выдавать содержание прекращается в случае отпадения той или другой стороны от ислама. Область права наследственного является одной из наиболее разработанных

частей Ш. Она касается порядка наследования, прав и обязанностей душеприказчиков и администраторов, подробного перечисления наследников во всех линиях и степенях и соответствующих частей наследства, права завещаний и дара на смертном одре. Твердо проводится правило о необходимом наследовании. Ишь в отношении $\frac{1}{3}$ наследства допускается свобода завещательного распоряжения. В основе права наследования лежит кровное родство и брак. Женщина в равных степенях получает половинную долю того, что получает мужчина. Незаконнорожденное дитя признается ребенком только своей матери и в качестве такового наследует только от матери и ее родственников. Для лишения права наследования существуют четыре повода: состояние рабства, совершение убийства, различие вероисповедания и подданства с наследодателем. Завещание может быть сделано письменно или устно, в последнем случае—в присутствии двух взрослых мужчин.

В области вещного права заслуживает упоминания «право преимущественной купли» (шифаат). Этот институт имеет в виду способствовать расширению земельных владений и состоит в праве собственника участка преимущественно перед другими лицами приобретать смежную недвижимость. Равным образом и совладелец общего имущества имеет преимущественное право выкупа остальной доли.

Своеобразным установлением мусульманского права являются вакуфы, сыгравшие большую роль в жизни мусульманских пародностей. Вакуфом (вернее—вакфем) называется предоставление на религиозные или благотворительные цели известного имущества с правом для одаряемого извлечения доходов, но с запрещением дальнейшего отчуждения. Вакуф устанавливается или для отдельного лица, или, главным образом, для коллектива, на пользу общую напр., «бедных города», учебного заведения, общины верующих, государства и т. д. В виду того, что культ усиленно предписывал благотворительность, учреждение вакуфов получило чрезвычайно большое распространение, в мусульманских государствах скоплялись весьма значительные средства, коими государства эти фактически могли распоряжаться. Благодаря вакуфам увеличива-

доси число учебных заведений, строились университеты, содержались убежища, проводились дороги, строились мосты и т. д. Институт вакуфов наглядно обнаруживает, какими способами восточные государства черпали средства от своих подданных

В области уголовного права Ш не делает различия между грехом и преступлением, так как нарушение любого из правил, установленных исламом, есть вместе с тем посягательство на религиозный закон. За некоторые деяния заранее определено наказание—это так называемый «гадл». Он применяется при совершении следующих преступлений: прелюбодеяния, содомии, ложного обвинения в прелюбодеянии состоящих в браке лиц, отступничества, пьянства, воровства и разбоя. За другие же признаваемые преступными деяния наказание налагается исключительно по усмотрению судьи—это так называемый «таазир», наказание по усмотрению. Карательная система весьма жестокая: квалифицированные виды смертной казни (напр., побиеие камнями и т. д.), членовредительство, телесные наказания, весьма часто практикуется сечение. Подробно регламентируется порядок совершения наказания. На суде главным доказательством являются показания свидетелей, при чем для доказательства отдельных преступлений требуется определенное число свидетелей. В тех редких случаях, когда допускаются показания женщин, две женщины приравниваются одному мужчине. Ш рекомендует сокрытие и укрывательство преступлений, как дело богоугодное, что крайне затрудняет отправление уголовного правосудия в стране с мусульманским населением. Дела гражданские разрешаются исключительно на основе свидетельских показаний, с устранением всякой письменности. Особым видом доказательств, играющим большую роль в судебном процессе, является клятва. Если, например, ответчик откажется произнести клятву в подтверждение своих доводов, казий постановляет решение против него в пользу истца. Благодаря широко практикуемому подкупу свидетелей состоятельный истец всегда восторжествует над бедным ответчиком.

Ш и государство. Гибельное влияние на государственную и общественную жизнь многовекового господства Ш можно видеть на примере состоянии эмир-

власти (см. Файзула Ходжаев — «К истории революции в Бухаре», Ташкент, 1926 г.). Тяжелый деспотизм окруженного могущественной теократией эмира и весь строй древней деспотии, забитое безграмотное население, никакого законодательного органа, кроме воли эмира, никаких законов, кроме Ш., никаких гарантий личной и имущественной неприкосновенности. В каждый момент любой бухарский подданный мог быть схвачен по приказанию эмира и имущество его конфисковано. Никаких выборных органов. Управление осуществляется неконтролируемыми чиновниками, директивы которым даются в тиши дворцовых канцелярий. Полный расцвет взяточничества и произвола. Население, с которого эмиральские чиновники собирали тяжкие налоги, лишено было даже утешительного права знать, куда идут собранные с него деньги. Никакого разграничения между личным хозяйством эмира и государственными доходами и расходами не существовало. Суд находился в руках мулл. Единение двух сил—эмира и духовенства—образовывало нерушимую сановную верхушку Бухары, монополизировавшую в своих руках все дело управления, суда и образования.

В советской юридической литературе пока не имеется общих исследований по мусульманскому праву. Между тем, знакомство с Ш. — квинт-эссенцией жизни и быта магометанских народностей—очень полезно для успешной работы среди народных масс на Востоке, где борьба за новое право должна вестись параллельно с опровержением и разоблачением Ш. так близко вошедшим в плоть и кровь некультурных низов. В качестве справочных пособий могут служить «Хидая», комментарии мусульманского права, т. т. I—IV. Ташкент, 1893 г. «Опыт систематического изложения главнейших начал Ш.» (издано ревизионной комиссией по обследованию правового быта туземцев Туркестана), Ташкент, 1909 г.; «Мусульманское право. Ш и Суд», перев. турецкого гражданского свода, т. т. I—II. Ташкент, 1911 г.; «Коран», перев. Сабдукова, Казань, 1877 г. и др.

Ю. Александров

ШКОЛА (общественнообразовательная). Основные начала пашей школьной системы были установлены осенью 1918 года, когда

Всероссийским СовеЩанием по Просвещению было принято утвержденное затем ВЦИКом «Положение о единой трудовой школе». В следующие годы в эту систему были внесены кое-какие изменения; некоторые пункты «Положения» остаются до сих пор пока декларативными, некоторые изменены практикой.

А. Основы советской школьной системы следующие:

1. Наша Ш.—единая. Под этим надо понимать, во-первых, что общеобразовательная Ш является единым типом Ш.; во вторых, что всевозможные другие типы Ш. (профессиональные, высшие) в возрастном и программном отношении должны быть скоординированы с единой Ш., дабы этим самым ликвидировать возможности привилегированной Ш. для более обеспеченной части населения. Установлением системы единой Ш. ликвидированы были всевозможные типы Ш., предназначенные для разных классов и сословий. «Разделение Ш на начальные, высшие начальные училища, гимназии, реальные училища, ремесленные, технические, коммерческие училища и все другие виды низших и средних школ упраздняется» (Положение о ед. труд. ш. ст I, прим 2)

2. Советская Ш.—трудова Ш. Идея трудовой Ш. не нова, ее пытается осуществить и лучшая буржуазная Ш. Есть, однако, существенная разница в самом понимании трудовой Ш у нас и у буржуазных школьных реформаторов, у которых труд в Ш. есть только метод преподавания. Положение о единой трудовой Ш. так формулирует идею трудовой Ш.

«Основой школьной жизни должен служить производительный труд, не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только, как метод преподавания, но именно как производительный, общественно-необходимый труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь. Постепенно осложняясь и выходя за пределы непосредственной обстановки детской жизни, производительный труд должен знакомить детей с самыми разнообразными формами производства, вплоть до самых высших» (пол о ед. тр. Ш., статья 12)

К этим словам необходимо сделать следующее замечание: не следует смешивать

«производительный труд» с трудом производственным. Здесь имеется в виду всякого рода непосредственно полезная для коллектива работа, ощутимая для учащихся по своим результатам, а следовательно, работа, для ребят переустроенная и их организующая.

Мы называем нашу Ш. также и политической Ш. В программе ВКП(б) мы читаем: «Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоого пола до 17 лет». Здесь в скобках дана общая расшифровка понимания политехнизма, очевидно, не как многоремесленничества, а как знакомства с основами производственных процессов современной техники и с главными отраслями производства. Маркс, в резолюции женецкого конгресса I Интернационала (в 1867 г.), так формулирует политехническое образование: «...Техническое образование, включающее знакомство с общими принципами всех процессов производства и в то же время дающее детям практические наставления для употребления различных рабочих инструментов».

В требованиях политехничности Ш. как оно формулируется Марксом и программой ВКП(б), второе существенное отличие советской трудовой Ш от трудовой Ш. Запада и Америки.

3. Наконец, к основным принципам нашей Ш. принадлежат: бесплатность обучения (сейчас она пока полностью декретирована лишь для школы I ступени), совместное обучение и детское самоуправление. Задача детского самоуправления—организация детской жизни и детских интересов в Ш., участие в общем строительстве Ш (через представителей в школьном совете, в различных комиссиях и т. д.). Педагогическая цель: воспитать организационные навыки, умение коллективно жить и работать.

В Первоначально единая Ш. расчленялась на I ступень из 5 лет обучения и II ступень—из 4-х (для возраста от 8 и до 13 и от 13 до 17 лет). Позднее в 1921 году, в связи с началом перехода на мирное строительство и необходимостью учесть огромные потребности в профтехнической подготовке, а также в виду невозможности

сти материально обеспечить III. полностью согласно Положения о сд. III., в качестве временной меры внесены следующие изменения в системе (для РСФСР): I ступень единой III. установлена в 4 года—от 8 до 12 лет, II ступень расчленена на 2 концента: 1-й концентр от 5-го по 7-й год обучения (13—15 лет) и 2-й концентр II ступени—8-ой и 9-ый годы обучения (16—17 лет). Таким образом, вместо двух ступеней III., мы имеем три: 4-летка, 7-летка, 9-летка. Много III. (не менее половины) 9-леток были по материальным соображениям укорочены до 7-леток, дальнейшее развертывание сети III. повышенного образования шло, главным образом, в сторону создания 7-летних III.

Система среднего профтехнического образования в виде техникумов различного типа (3 и 4-летних) строится на 7-летке. ВУЗ'ы—на 9-летке

В том же 1921 г в СССР была принята система: 4-летка, как начальная школа, 7-летка, как нормальная III. повышенной типа, а над нею 2-летняя профтехническая III. В СССР мы имеем, таким образом, большее снижение основной общеобразовательной III., чем в РСФСР (и др. союзных республиках)

Приспешнее снижение, вызванное трудностями материального порядка, не имеет значения принципиального изменения системы народного образования. По мере установления возможностей роста, общеобразовательная III. будет развернута, как единая 9-летняя.

Кроме того, мы имеем сейчас несколько типов III., входящих в общую систему единой III., но отличающихся некоторыми особенностями

1 III. крестьянской молодежи (ШКМ)—для нормального подросткового возраста (13—15 лет)—строится на базе I ступени. ШКМ не есть профессиональная школа, по-настоящему политехническая школа, имеющая в основе сельскохозяйственный труд. Задача ШКМ—подготовить культурного крестьянина—земледельца, осуществляющего вместе с рабочим и под его руководством задачи нашей революции. Эта III. по необходимости несколько (хотя и незначительно) понижена по общему объему знаний.

2. ФЗУ, т.-е. школа фабрично-заводского ученичества, строится сейчас на основе

4-летней I ступени и имеет 2—3-летний курс (в зависимости от производства). Учащиеся III. работают 4 часа на производстве (работа оплачивается) и 4 часа в III. ФЗУ по своему строению наиболее близка к политехнической III., хотя и не отвечает полностью ее требованиям, так как недостаток средств не позволяет нам пока подводить под профтехническое образование достаточный общеобразовательный и политехнический базис

Принципиально, однако, Наркомпрос придерживается того взгляда, что ФЗУ должна строиться на базе 7-летней III.

3. В 1925 г мы подошли к созданию еще одного типа политехнической III., т.-наз. фабрично-заводской семилетки (ФЗС). Аналогично ШКМ, фаб.-зав. семилетка есть общеобразовательная III. Характерной особенностью программы ФЗС будет, работа в школьных мастерских, изучение производства общественно-полезная работа связанная с фабрикой.

4. Восьмой и девятый годы обучения III 9-летки образуют так называемый 2-й концентр III II ступени. До 1924—25 2 концентр продолжал общее образование, доводя его уровень к моменту окончания III до уровня требований, предъявляемых к поступающим в ВУЗ'ы. В настоящее время второму концентру второй ступени дается тот или иной профессиональный уклон.

Под этим понимается следующее: в учебном плане большая часть (70—75%) времени отдается общеобразовательным дисциплинам, меньшая (25—30%) посвящается изучению какой-либо профессии, вернее—отрасли труда (что выражается в изучении некоторых специальных предметов), и практикуму в учреждениях данной отрасли деятельности. Основные проф. уклоны, получившие наибольшее распространение и отвечающие наиболее широким запросам на рабочую силу, являются: педагогический (избач, библиотекарь, ликвидатор безграмотности); кооперативный (счетовод кооперации, сортовед, работник прилавка, складской работник); административно-канторский (работники советского аппарата в низовой сети) и т. д.

5. Свообразный тип временной (одногодичной, кое-где двухгодичной) III. представляет собой III для подростков. Она примыкает к III по ликвидации безграмотно-

сти. Ее задача, пока не введено всеобщего обучения, охватить подростков, не проходивших III. в нормальном возрасте.

6. К III. общеобразовательного характера относятся и рабочие факультеты. Задача рабфаков заключается в том, чтобы продвинуть в высшие учебные заведения кадры рабочих и крестьян и создать тем самым новую, вполне советскую по своему классовому составу интеллигенцию тем же школы II ступени еще не могут дать достаточного количества молодежи из рабочих и крестьян для поступления в ВУЗ'ы. На рабфаки, понятно, следует смотреть, как на временный тип III., существование которых теряет смысл в тот момент, когда мы будем получать достаточное число рабочих и крестьянских детей для ВУЗ'ов через школы II ступени. Число рабфаков будет, естественно, постепенно уменьшаться, хотя надо определенно сказать, что время, когда нужно начать свертывать рабфаки, далеко еще не наступило.

Рабфаки—тип III. строящейся на уровне знаний в объеме I ступени III. Рабфаки бывают дневные—для рабочих и крестьян, снятых с производства или с земли и живущих на госстипендию, и вечерние, на которых учатся рабочие, продолжающие днем работать на производстве.

М. Пустряк

III. высшая я. — Высшие учебные заведения имеют своей задачей подготовку высококвалифицированных специалистов для индустрии и транспорта (инженеры), сельского хозяйства (агрономы, мелиораторы, землеустроители) организации народного хозяйства (экономисты, статистики и пр.), работников медицины и ветеринарии (врачи), суда и органов прокуратуры педагогов для III. II ступени техникумов и рабфаков, художников живописи, архитектуры, скульптуры, музыки и прикладных искусств, ученых языковедов, специалистов в области этнографии и материальной культуры и т. д. и т. д.

Помимо этой задачи вузы являются также центрами научного исследования, наравне с научно-исследовательскими институтами. В этом втором своем качестве они ведут работу научного исследования, а также готовят научных работников-исследователей и преподавателей для самой

высшей III. из числа лиц, оставляемых для такой подготовки при вузах (аспиранты).

В настоящее время в РСФСР имеется 70 высших учебных заведений со 153 факультетами. Означенные вузы делятся, применительно к указанным выше задачам высшего образования, на следующие виды: 1) индустриально-технические учебные заведения, 2) сельско-хозяйственные вузы, 3) ветеринарные вузы, 4) медицинские вузы, 5) педагогические вузы, 6) социально-экономические вузы, 7) художественные вузы.

Сроки обучения в вузах следующие: медицинские вузы и факультеты, агрономические и индустриально-технические — 5 лет, в остальных—4 года со включением срока на квалификационную работу.

Высшие учебные заведения большей частью делятся на факультеты, но есть и однофакультетные вузы. В свою очередь, факультеты могут разделяться на отделения, обнимающие круг родственных дисциплин. Еще более мелким делением являются циклы, на которые могут разделяться отделения и которые охватывают еще более дробную специализацию дисциплин. Так, например, лингвистическое отделение педагогического факультета может разделяться на циклы: а) романских языков б) германских языков, в) тюрко-татарских и проч.; отделение волокнистых веществ технологических факультетов — на циклы: а) кожевенный, б) писчебумажный, в) текстильный и т. п.

Управление высшими учебными заведениями определяется «Положением о высших учебных заведениях», изданным Совнаркомом РСФСР в 1922 г. (дополненное в 1925 г.). Согласно этому «Положению» вузом управляют правление и совет вуза. Правление состоит из 3 или 5 лиц, избираемых профессорами, преподавателями и студентами вузов на отдельных общих собраниях каждой из этих групп и утверждаемых Наркомпросом (по Главпрофобру). Во главе правления стоит ректор (председатель правления). Ректор назначается Наркомпросом из числа кандидатов на эту должность, выдвигаемых преподавательским составом вузов. Одному из членов правления поручается заведывание научно-учебной частью (проректор): этот член правления назначается из числа

профессоров данного вуза. Обычно также выделяется функция хозяйственно-административная, находящаяся в ведении одного из членов правления.

Ведению правления принадлежит руководство всей научно-учебной и административно-хозяйственной жизнью вуза, которое осуществляется под наблюдением и контролем Главпрофобра. Правление вуза назначается на 1 год, но Главпрофобру предоставляется право продлить срок его полномочий еще на год.

Ректор может принимать всякого рода решения и проводить мероприятия единолично. В случае несогласия с распоряжениями ректора, остальные члены правления (и каждый из них в отдельности) могут обжаловать их в Главпрофобр, не задерживая однако, их исполнения.

Совет вуза осуществляет направление всей работы вуза и контроль над ней. В состав его входит правление вуза (полностью), деканы всех факультетов, по 5 представителей от профессоров, преподавателей и аспирантов и студенчества вуза, представитель от месткома служащих и по одному представителю от межсоюзных профессиональных объединений губисполкома заинтересованных паркоматов. Профессора, преподаватели, аспиранты и студенты избирают своих представителей на своих курриальных собраниях. Для отправления своей деятельности совет вуза собирается не реже одного раза в триместр. Председательствует в совете вуза ректор.

В однофакультетных вузах совет вуза выполняет и функции учебного совета (см. ниже)

Факультеты вузов управляются деканатами и под общим наблюдением и контролем правления. Кроме того, органами управления факультетов являются учебные советы.

Деканат факультета состоит из декана и двух членов деканата. Кандидаты на должность декана и одного из членов деканата намечаются учебным советом факультета из числа профессоров или доцентов; 3-й член деканата намечается студенческими организациями из своей среды, и состав деканата в целом утверждается Главпрофобром. Деканат руководит всей деятельностью факультета. Ответственность за все происходящее на

факультете несет единолично декан, который для этого наделен обширными полномочиями. Так, например, он может приостанавливать все постановления отделений, циклов и предметных комиссий, доводя об этом до сведения правления. В случае, если остальной состав деканата не согласен с распоряжениями декана, он может обжаловать эти действия в правлении, но не может приостановить приведение их в исполнение.

Учебный совет факультета составляется из: 1) деканата факультета, 2) председателей предметных комиссий, 3) председателей бюро отделений и циклов (где таковые существуют), 4) представителей научных работников факультета, избираемых на общих собраниях профессоров, преподавателей и аспирантов по одному на каждую предметную комиссию, 5) представителей от студенчества в числе, равном числу предметных комиссий, 6) представителей профессиональных союзов, заинтересованных в работе факультета, ведомственных и хозяйственных органов, областных и губ. отделов народного образования или наркомпросов автономных республик — по одному от указанных учреждений. Учебный совет собирается не реже одного раз в месяц. К его ведению относится: выработка общей программы деятельности факультета, координация деятельности отделений, циклов и предметных комиссий; отзывы по кандидатурам профессоров, преподавателей и аспирантов, рекомендуемых предметными комиссиями; намечение кандидатов в должности декана и члена деканата от научных работников. Постановления учебных советов воспринимают силу после утверждения их правлениями, куда они представляются с отзывами деканата.

Органами, руководящими отделениями и циклами, являются учебные советы отделений и циклов и их бюро. Советы отделений и циклов составляются из всего их преподавательского состава и представителей студенчества в числе, равном половине числа преподавателей. Бюро отделений и циклов избираются их учебными советами в составе председателя и секретаря.

Учебно-программная и методическая работа осуществляется предметными комиссиями. Предметную комиссию составляют все научные работники, принимающие участие в преподавании соответствующих дис

циплин, представители студентов в половинном числе от научных работников и аспиранты, готовящиеся к научно-преподавательской деятельности по одной из дисциплин, входящей в ведение предметной комиссии, эти последние с совещательным голосом (также ординаторы клиник).

Постановления предметных комиссий входят в силу, если в течение недельного срока не будут опротестованы деканатом факультета. Преподавательский состав вузов состоит из: 1) профессоров, т.е. лиц, ведущих основные и наиболее важные предметы учебного плана данного вуза или факультета, 2) доцентов, ведущих самостоятельное преподавание остальных предметов, 3) ассистентов (старших и младших) руководящих занятиями студентов под руководством и ответственностью профессоров или доцентов. Кроме того, необязательные (факультативные) курсы могут читаться и лицами, не состоящими в числе преподавателей высших учебных заведений. Лица, ведущие такой необязательный курс, называются приват-доцентами. Профессора и доценты назначаются государственным ученым советом из числа кандидатов, конкурирующих на занятие профессорской или доцентской должности. На замещение вакантных профессорских должностей государственным ученым советом объявляются всероссийские конкурсы в бюллетенях ГУСа, вакантные доцентские должности замещаются по внутренним конкурсам, объявляемым вузами. Ассистенты назначаются Главпрофобротом из числа кандидатов, представляемых вузами. Срок назначения профессоров — 10 лет, остального преподавательского состава — 5 лет. По истечении этого срока должен быть объявлен новый конкурс. Права и обязанности научных работников регулируются «Положением о научных работниках» от 21/1—24 г.

Для подготовки к научно-преподавательской деятельности учрежден институт аспирантов (оставленных при вузах или научно-исследовательских институтах)

Студенческий состав вузов. К приему в высшие учебные заведения допускаются лица не моложе 17 лет и удовлетворяющие приемным требованиям. Окончивающие рабочие факультеты сдают выпускные испытания при рабфаке все остальные держат испытания в вузе на

русскому языку, математике, физике и обществоведению. Студенчество имеет свои организации — секции, построенные по профессиональным союзам. Общестуденческим органом ВУЗа является исполнительное бюро профессиональных секций (исполбюро профсекций). Кроме того, партийное студенчество организуется по общей схеме построения парторганизаций, в которые входят и партийные профессора и преподаватели. Студенты-члены комсомола имеют свои комсомольские организации. Окончившие рабочие факультеты, а также студенты из рабочих и крестьян получают от государства стипендию. Количество государственных стипендий достигает в настоящее время 39019. Помимо них имеется еще довольно значительное количество стипендий, выдаваемых хозяйственными органами и профсоюзами. Гос. стипендиаты получают от вуза также общежитие.

Для окончания вуза от студента требуется представление квалификационной (дипломной) работы или проекта. Работа или проект докладываются в заседании государственной квалификационной комиссии состоящей из председателя (назначаемого НКПросом), двух профессоров и представителей от заинтересованных учреждений и профсоюзов. Студенты индустриально-технических вузов по защите своих работ или проектов получают квалификацию инженера с указанием специальности (например, инженер-механик, инженер-строитель, электрик и т. под.). Окончившие агрономические вузы — квалификацию агронома также с указанием специальности (напр., агроном-животновод). Окончившие медицинские вузы или факультеты — квалификацию врача, ветеринарные ветеринарного врача. Окончившие прочие вузы (соц.-экономические, педагогические, художественные и физико-математические факультеты) особых квалификаций не получают.

И. Челянов

ШПИОНАЖ, т.е. деятельность, направленная на выведывание чужих государственных, в частности и в особенности, военных тайн и секретов, рассматривается во всех государствах как особо-опасное преступление. Рост милитаризма (см.) во всех современных капиталистических государствах, как государствах

империялистических (см. Империализм) приводит к тому, что каждое из этих государств все в более и более широких размерах практикует Ш. по отношению к другим государствам, создавая для этого особые органы и целые организации, и, конечно вместе с тем, усиленное внимание обращает и на задачу обеспечения себя от Ш. («контр-разведка» действующая, в свою очередь, методами Ш.). В результате создается целая международная сеть Ш.: шпионы разных стран не только шпионят друг за другом, но и «обслуживают» друг друга; поскольку к тому же для Ш. используются всякого рода международные проходимцы и аферисты — накупив, в изобилии порождаемая капиталистическим строем, — постольку, слоняясь рядом, шпион «работает» на разные стороны, получая вознаграждение от нескольких государств.

Враждебное капиталистическое окружение в котором находится СССР, проявляется, в частности, и в том, что одним из «излюбленных» объектов для международного Ш. стала СССР. Вместе с тем, «спрос на документы которые можно было бы использовать против СССР, естественно, рождает и «предложение» таких «документов» шпионами, организующими фабрикацию соотв. фальшивок (ср. дело Дружниковского).

О постановлениях советского права по вопросу о Ш.—каковой, в наших условиях, м. б. не только Ш. политическим или военным, но и Ш. экономическим — см. Контр-революционные преступления. Принятое ЦИК'ом СССР 25/II 1927 г. Положение о государственных преступлениях вообще производит в ст. 6-ой формулировку, приведенную в ст. 555 г. 2-го Ш., который вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов СССР, влечет согл. этой статье, расстрел или объявление врагом трудящихся, с конфискацией имущества, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и с изгнанием из пределов СССР навсегда. К статье о Ш. добавлено 2-е примечание по которому «в отношении Ш. военнослужащих сохраняет силу ст. 16 Положения о воинских преступлениях, утвержденного ЦИК СССР 31/X 1924 г.», ст. 16 указанного Положения предусматривая в о е и н ы й Ш. на

значает за него одну меру — расстрел

«Использование фальшивых документов» предусмотрено в ст. 5-й Положения о государственных преступлениях, как один из способов склонения иностранного государства к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: г) блокаде, захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., каковое склонение влечет те же меры, что и указанные выше за Ш. (ст. 6), с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до тишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже 3 лет, с конфискацией всего или части имущества. Те же меры, в качестве приговора (см. Покушение) должно влечь уже и самое изготовление предназначенных служить указанной выше цели фальшивых документов.

4 2

ШТАММЛЕР РУДОЛЬФ — немецкий профессор, нео-кантианец, представитель т.-п. Марбургской школы. Основные работы Ш. „Wirtschaft und Recht“ (переведена на русский яз.), „Lehre vom richtigen Rechte“, „Lehrbuch der Rechtsphilosophie“ — выдержали по нескольку изданий.

Ш. завоевал мировую известность и титул «Канта философии права» своей попыткой возродить старую философию права и в то же время взорвать марксизм изнутри, преодолеть его методологически. Для Ш. марксизм представляется «глубоко незрелым учением» «Он не закончен» ибо основные понятия его — понятие общества, понятие экономического явления и т. д., не установлены достаточно ясно. «Он не продуман» — ибо ему чуждо понимание особого характера социальной закономерности.

Общество для Ш. — «внешне регулируемая совместная жизнь людей». Внешнее регулирование, прежде всего право, это — форма общественной жизни совместные действия «связанных в общество чуждой, направленные на удовлетворение потребностей, социальное хозяйство» материя социальной жизни. Хозяйственная жизнь не может нами мыслиться, изучат.

ся, независимо от оформления ее правом. Между тем, право, как показывает догматическая юриспруденция, может изучаться и независимо от хозяйства. Поэтому закономерность правовой формы имеет основное значение для всей социальной науки и для всей социальной жизни. Но люди устанавливают правила правового регулирования, руководствуясь целями. Значит общество есть «царство целей». Закономерность общества — закономерность целевая, а не причинная. Так disproвергается марксизм во-первых. Но Ш для его «конечной цели» было недостаточно оторвать «форму» общественной жизни, право от материи хозяйства. Он прибегает и к полному их смешению. Одно и то же явление напр., купля-продажа-обмен может рассматриваться нами то как правовое явление, то как хозяйственное. «Форма» и «материя», «право» и «хозяйство» — только абстракции реально единого явления. Значит, между ними невозможно противоречие: развитие хозяйства не может взорвать правовую форму, как это учит Маркс. Так disproвергается марксизм во-вторых. Эта сторона теорий Ш с особым старанием развивалась русскими ренегатами марксизма с П. Б. Струве во главе.

Легко заметить, что социальная философия Ш базируется на смешении логических категорий и категорий реальных. То обстоятельство, что человек более или менее сознательно ставит перед собой цели (конечно необходимо причинно-обусловленные) превращается Ш. в закономерность соц. жизни, господствующую над причинностью. Впрочем, у самого Ш. понятие закономерности «крайне непродуманно и незаконченно», как это с полной убедительностью доказал М. Вебер.

Собственно-правовая теория Ш. разрешает вопросы о понятии права, обосновании его принудительности и справедливости. Понятие права утверждает Ш., не может быть выведено индуктивно. Оно может быть выведено только «путем критического саморазмышления над всей совокупностью социального опыта»

Внутри более широкого понятия социального регулирования право противопоставляется, с одной стороны, «правам», условным правилам (приличия, чести и т. д.) с другой — производу Право —

это принудительное и связывающее (по крайней мере, субъективно, в сфере благих намерений) и самого законодателя регулирование социальной жизни. Не менее пошло и «телеологическое» обоснование Ш. принудительности права. Право — «неизбежное средство, чтобы социально связать всех людей и быть в состоянии определять безусловно всякое возможное общество». Ведь не все хотят добровольно действовать в направлении конечной цели. Ш признает, что невозможно установить абсолютно справедливое «естественное» право, пригодное для всех времен и народов. «Естественное», вернее, справедливое, правильное право, это то действительное право, условное, имеющееся содержание которого соответствует социальному идеалу. Соц. идеал — не утопия, не идеал общественного строя, который может быть реально осуществлен. Это только метод, только способ оценки реально существующего по его отношению к конечной, а потому и вечно недостижимой цели. Конечная цель всякого общества, или соц. идеал, есть «общество свободных людей», т. е. людей, воля которых будет определяться не случайным и внешним, особым содержанием их опыта, а «законом свободы», старым знакомым — кантовским императивом».

Технически оформленный закон не может охватить всего многообразия жизни. Остается сфера, предоставленная усмотрению суда, сторон или администрации. Это сфера «кроткого» права. Справедливость — кроткое право — обычай гражданского оборота. Другие Палестины кроткого права — определение судом конкретной меры наказания в законных пределах.

Накопец, полное господство имеет кроткое право в административной юстиции: «в приговорах ссылкой на целесообразность». Так, со справедливым и кротким правом отождествляется классово-целесообразное усмотрение властей предрешающих.

Укрепляя активность, волю к жизни буржуазии своим «методологическим преодолением» исторического детерминизма, учение Ш. этим же оружием и своей теорией недостижимого социального идеала разлагает активность известных слоев пролетариата и руководящей им интеллигенции. С возвращением к Канту, происшедшего при посредничестве Когена и Штаммлера, нача-

лось перерождение Отто Бауэра, К. Шмидта, П. Струве и др.

С. Булатов

ШТАТЫ — количественный и качественный состав персонала, требуемого для обслуживания того или иного учреждения или предприятия; в техническом смысле — расписание должностей для данного учреждения или предприятия с распределением по отделам, отделениям и т. д. Существенными элементами Ш являются: а) количество должностей, т. е. величина штатного контингента; б) качественный состав, выражающийся в преобладании должностей высшей или низшей квалификации, и в) штатная структура, т. е. расчленение Ш. по составным частям учреждения или предприятия.

Понятию штатного контингента противопоставляется списочный состав (т. е. количество фактически замещенных должностей) и иаличный состав (количество работников, имеющих лицо в месте постоянной работы, т. е. списочный состав за вычетом находящихся в отпуску, в командировке, отсутствующих по болезни, по неуважительным причинам и т. д.). В случае превышения штатного состава над списочным (фактическим) мы имеем дело со штатным некомплектом, в обратном случае — со сверхкомплектном.

В СССР вопросы штатного некомплекта играют важную роль в деле финансирования учреждений, состоящих на государственном и местном бюджете, благодаря продолжающей существовать в большинстве этих учреждений т. н. фондовой системе. Последняя состоит в том, что в распоряжение данного учреждения или ведомства в целом отпускается определенный фонд на содержание личного состава, при чем фонд этот исчисляется путем умножения штатного количества должностей на некоторую среднюю величину зарплаты, расходование же этого фонда, распределение его между отдельными учреждениями, установление размера ставок для отдельных должностей и т. д. производится по усмотрению ведомства или по нормам, предусмотренным коллективными договорами и тарифными соглашениями. Та-

кой порядок породил стремление ведомств к сохранению возможно больших номинальных штатных контингентов, дабы иметь возможность за счет некомплекта увеличить зарплату фактического состава. Действительная структура учреждений и наименования должностей также сплошь и рядом отклоняются от установленных Ш.

С введением системы государственного нормирования зарплаты (система твердых окладов) и в связи с общими задачами рационализации работы госаппарата вопросы установления наиболее целесообразной структуры учреждений и правильного построения штатной номенклатуры приобрели в СССР первостепенное значение. В основу системы твердых окладов положены: а) установление номенклатуры и характеристик должностей с обозначением единым наименованием всех должностей, однородных по характеру и объему выполняемой работы, б) твердые Ш. с применением стандартизированной номенклатуры должностей; в) твердый оклад для каждой штатной должности (пост СНК СССР 9/VI—25 г. «о нормировании зарплаты служащих гос учреждений» — «Собр. Зак. СССР», 1925 г. № 42, ст. 321). Кредиты на зарплату, не использованные вследствие незаполнения части штатных должностей, подлежат сдаче в доход казны.

Установление Ш госучреждений составляет компетенцию НК РКП СССР и союзных республик, согласно существующих положений о них. Для разработки штатных вопросов при центральных и местных органах РКП образованы междуведомственные штатные комиссии в составе представителей РКП, органов НКТ, НКФ и соответствующих профсоюзных организаций. Ш учреждений, состоящих на общегосударственном бюджете утверждаются СНК Союза и союзных республик, местнобюджетных — СНК автономных республик, край-, обл. и губисполкомами. Установление единой штатной номенклатуры для учреждений, в которых введена система твердых окладов, относится к функциям НК РКП Союза.

В дореволюционное время состояние служащего в Ш имело значение для его служебного положения, так как с этим связывалось продвижение по лестнице чинов. По советскому праву государственная

служба рассматривается, как отношение трудового найма, и все гарантии, предусмотренные трудовым законодательством для работающих по найму, предоставляются независимо от зачисления работника в Ш. учреждения или предприятия. Нахождение вне Ш. не может также служить основанием для изъятия работника из сферы действия коллективного договора. Правовое значение имеет другое деление, а именно на постоянных и временных работников, поскольку условия труда временных работников регулируются особым положением, но для этого деления состояние в Ш. отнюдь не является решающим признаком, так как постоянный работник может быть внештатным и сверхштатным. При системе гос. нормирования заработной платы замещение штатной должности имеет то значение, что дает право на получение оклада, присвоенного данной штатной должности.

Р 3.

ШТЕЙН. Лоренц (1815—1890) — немецкий юрист, государствовед и историк, профессор венского университета, отразивший в своих сочинениях расцвет буржуазной политической идеологии. Два соединенные влияния определили характер учения Ш.: философия Гегеля, в которой Ш. примыкал к правому крылу, и французский утопический социализм, которого Ш. начал изучение законов общества. Те же источники, которые, как известно, питали и марксизм, в учении Ш. создали незаконченную и недодуманную систему: представитель капиталистического Junkерского землевладения, Ш. объявил идеал социализма политической утопией. Гос. мероприятия, направленные на улучшение положения рабочего класса, должны освободить современное общество от постоянной угрозы революции, в чем и состоит призвание временного государства. Даже радикальное, чисто демократическое изменение этого института и его функций невозможно «чистая демократия абсолютно неспособна к власти», и, ч. противно природе вещей, чтобы большинство правило, а меньшинство подчинилось.

Узкая ограниченность всей системы Ш. не помешала ему, однако, дать правильный анализ буржуазного общества и происходящей в нем классовой борьбы. Преж-

де всего устанавливается, что государство не является не только единственной, но даже главной формой человеческого общежития. Открытое Гегелем гражданское общество Ш. возводит на степень основной формы общения, так как даже «государственный строй и формы управления подчинены элементам и движению общественного порядка». Но так как имманентные принципы государства и общества прямо противоположны, то «содержание истории человеческого общения состоит в постоянной борьбе государства с обществом, общества с государством». Ограниченность сил индивида (die Einzelne) приводит к необходимости общественной кооперации: она выражается в стремлении одних лиц использовать для себя других; это приводит к постоянно встречающейся зависимости слабых от сильных, как что во всяком обществе всегда существуют «господствующий и зависимый классы». Таким образом, борьбу классов, «раздирающую современное общество» Ш. не только не считает явлением случайным и ненормальным, но признает основным и решающим элементом всякого общества. Более того, даже революция с его точки зрения «является необходимо совершенно естественным событием если зависимый класс приобрел материальные и духовные общественные блага, которые обуславливают его равенство с высшим классом, а этот высший класс отказывает ему в признании этого равенства в государстве и обществе». В своей «Истории социального движения во Франции 1789 до наших дней» (1850—1855) Ш. дал образцы исключительного для буржуазной науки мастерства анализа истории с точки зрения классовой борьбы. Достаточно указать, что, напр., борьбу жирондистов с монтаньярами он считает борьбой буржуазии (или «принципа свободы или негативного равенства») мелкой буржуазией (или «принципом позитивного равенства»), что эпоху Конвента он считает «принадлежащей к важнейшим (частям) всей мировой истории» и что короткий период г.-н террора не что иное, «оставил после себя урок настолько важный для всего будущего, что можно считать заключающуюся в нем истину приобретенной для последующих поколений не слишком дорогой ценой кровавого деспотизма» и т. д.

Теоретические достоинства учения Ш., однако, исчезают, как только он переходит к государству. Здесь «основной принцип человеческого общества» перестает действовать. Исследование общества Ш. заканчивается утверждением, что принципы свободы и равенства внутри общества никогда не будут осуществимы, и противоречие между идеальной-правственной сущностью личности и ее социальными определениями никогда не будет внутри общества разрешено. Разрешить это противоречие призвано государство, которое само есть «общечитие возведенное на степень самоопределившейся личности и вместе с тем на степень внешней и внутренней индивидуальности». Материализуется назначение государства в том, что оно «самодеятельно против воли и естественной тенденции господствующего класса, беретя за возвышение низшего социально и политически подчиненного класса». Наиболее удобная форма для выполнения этой задачи — монархия. Всякое народное представительство является «органом, посредством которого общество (т.-е. господствующий в нем класс) господствует над государством» наоборот наследственный монарх наиболее способен стать над сталкивающимися общественными интересами. Вся основная работа Ш. по исследованию государственного аппарата и его деятельности (*Die Verwaltungslehre I—VII, 1865—68*) уже не представляет интереса. Это — обычное профессорско-юридическое исследование, в котором результаты колоссальной эрудиции испорчены излишним лохотящим до догматичности систематизмом. Недоделанность учения Ш. и неумелое применение им гегелевской диалектики вызвали естественно пренебрежительное отношение к нему со стороны основоположников и учителей марксизма (ср. Маркс, письмо Энгельсу 8/1 1867; Морино, История герм. с.-д., т. I: гл. XII).

Изучение воззрений Штейна ныне позабытого буржуазной наукой представляет, однако, для марксизма некоторый интерес с точки зрения исторического развития идеи общественных классов.

С—й

ШТРАФ, как и **к о н ф и с к а и я** (см.), принадлежит к числу мер уголовной (или административной) репрессии и м у щ е с т в е н н о г о характера. Хотя между

Ш. и конфискацией материальной разницы как будто нет: конфискация относится лишь к наличному имуществу, Ш. может быть взыскан с любого, и будущего имущества.

Если, в отличие от современного права, современные буржуазные законодательства и теория по принципиальным соображениям (собственность священна), не признают конфискации в качестве нормального наказания, то Ш. является повсеместно признанной и широко употребляемой в современных государствах мерой уголовной репрессии, известной еще с древних времен и предоставляющей буржуазии возможность откупиться от другой меры. Большое место, которое Ш. занимает в системах уголовного принуждения (в Германии напр., в 1907—1911г.г. 49% всех осужденных было приговорено к Ш., 48% — к простой или каторжной тюрьме, и только 3% — ко всем остальным наказаниям) вполне понятно: это — мера 1) выгодная с фискальной точки зрения, 2) настолько простая, что «отбывание» ее никаких особых организационных и технических предпосылок не требует, 3) могущая оказаться в достаточной мере чувствительной для подвергнутого ей осужденного и способная в целом ряде случаев служить задаче общего предупреждения (правда, в буржуазном праве Ш. на крупную сумму неупотребительна, и стало быть Ш. рассчитан там лишь на то, чтобы быть чувствительным для мелкой буржуазии).

Буржуазные законодательства, допускаящие присуждение к Ш. без какого-либо учета имущественного положения осужденного, устанавливают вместе с тем и обязательность замены Ш. при неуплате (невозможности взыскания) такового тюремным заключением; таким образом за одно и то же преступление буржуа отделяется Ш., а пролетарий идет в тюрьму. В Англии по данным проф. Гернета, более половины всего числа содержащихся в тюрьмах содержатся там за неуплату Ш.: в первом десятилетии текущего века ежегодно от 90 до 100 тысяч человек попадали в Англии таким образом в тюрьму лишь вследствие неспособности для них уплаты Ш.

В советском праве Ш., в качестве меры социальной защиты, применяется по-иному Ст. 27 Осн. начал. угол. законодатель-

ства СССР гласит: «Ш. налагается судом в соответствии с имущественным положением осужденного. В случае невнесения Ш., Ш. может быть заменен принудительными работами, при чем порядок такой замены определяется законодательством союзных республик. Замена Ш. лишением свободы и лишения свободы Ш. не допускается» Примечание же к этой статье устанавливает, что предметы, не подлежащие конфискации, не могут быть изъяты и при наложении (взыскании) Ш. Эти же постановления воспроизведены в ст. 42 У. К. РСФСР ред. 1926 г., которая, в частности, предписывает при замене Ш. принудработами руководствоваться расчетом: за 100 рублей Ш. — 1 месяц принудработ. Такая замена Ш. зависит, однако, от суда; при отсутствии соответствующего определения суда, Ш. взыскивается с имущества осужденного судисполнителем или милицией (ст. 459 У. П. К.). Суд вправе согл. ст. 460 У. П. К., отсрочить или рассрочить уплату Ш. на срок до 6 мес. в тех случаях, когда немедленная уплата Ш. является непосильной для осужденного.

Ш. налагается судом в пределах, установленных отдельными статьями У. К. В 75 статьях У. К. содержатся указания насчет применения Ш.; в этих случаях санкция почти всегда является альтернативной, т. е. прямо предоставляется суду выбор между назначением Ш. или назначением принудработ, при чем Ш. обычно ограничивается суммой в 100 или 300, реже в 500 руб.; за нарушение правил, регулирующих торговлю (ст. 105), Ш. может достигать 2.000 руб., за нарушения строительного характера и т. п. (ст. 108) — 3.000 р.; за нарушение Т. К. (ост. 133,

ч. 2) — 10.000 руб. Но Ш. в качестве дополнительной меры соц. защиты может быть применен судом даже при осуждении по статье У. К. вообще не предусматривающей Ш. в своей санкции и в этом случае размер Ш. зависит от усмотрения суда, должен соотноситься только с имущественным положением осужденного.

Чтобы Ш. не превратился в пожизненную репрессию, Верховный Суд РСФСР разъяснил, что в случае несостоятельности обвиняемого суд должен заменить Ш. принудработами или производство прекратить (Пл. В. С. 26/X—25 г.).

В качестве меры административного взыскания, Ш. может быть устанавливаемыми постановлением исполнительными органами или горсоветов. Предельный размер Ш. в этих случаях не одинаков для городов и для сельских местностей.

В городах ставки Ш. в обязательных постановлениях уездного исполкома или совета уездного города не должны превышать 50 руб. (или 2 недели принудработ), а в обязат. постановлениях окр., губ. (обл.) или краевого исполкома или совета соотв. города — 100 руб. (или 1 мес. принудработ); для сельских же поселений в обязат. постановлениях ВИК'а ставки Ш. не должны превышать 3 руб. (или 5 дней принудработ). в обязат. постановлениях УИК'а — 5 руб. (или 1 неделя принудработ). наконец, в обязат. постановлениях окр., губ. (обл.) или краевого исполкома — 10 руб. (или 2 недели принудработ). В случаях, предусмотренных ст. 192 У. К. 1926 г. эти нормы повышены.

А. Э.

Э

ЭКСПЕРТИЗА (в уголовном процессе). При расследовании и рассмотрении социально-опасных деяний (преступлений) судебным работникам нередко приходится оперировать с такими фактами и обстоятельствами, исследование, истолкование и правильное понимание которых требуют специальных познаний в той или иной области науки искусства ремесла и т. д., которой относится соответствующее факт или обстоятельство по делу. В этих случаях судебные органы пользуются помощью сведущих людей, называемых экспертами. Экспертов не следует смешивать со свидетелями

«Свидетели и эксперты, — говорит Эли (Нёле), один из выдающихся французских процессуалистов, — отправляют две совершенно различные функции. Свидетелей создает само преступление: они призываются в суд не по чьей-либо воле произвольно, а самими обстоятельствами, приведшими их туда, где было совершено преступление... их дело на суде изложить только факты виденные ими или вообще им известные. Напротив, эксперты выбираются судьей. Призвание того или другого эксперта дело произвольное, не обусловленное обстоятельствами дела. На суде они не излагают фактов, а дают судье специальные сведения, которыми обладают, исследуют и оценивают факты, сообщаемые им для этой цели правосудием, и объявляют свое мнение, суждение о них» В соответствии с таким пониманием Э. ее задачи формулирует и ст. 63 У П К. РСФСР, гласящая что «в тех случаях, когда при расследовании или рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке искусстве или ремесле, вызываются эксперты». Э., т. обр., производится в отношении тех фактов и обстоятельств, для установления которых необходимы специальные познания Согласно ст. 58 У П К

Э является одним из судебных доказательств в уголовном процессе; Э. в уголовном процессе появляется значительно позже других судебных доказательств

Задача экспертов по действующему уголовно-процессуальному кодексу слагается из следующих двух актов:

1) Исследование и оценка представляемых следователем или судом фактов и обстоятельств по правилам и с точки зрения той специальной отрасли знания, к которой данные факты и обстоятельства относятся и представителем которой является эксперт

Круг вопросов подлежащих исследованию Э., определяется в стадии предварительного следствия — следователем (ст. 171 У П К.), в стадии судебного рассмотрения дела — судом Эксперты вправе, с разрешения следователя, прокурора и суда, знакомиться с теми материалами по делу, уяснение которых необходимо для удостоверения тех вопросов, которые эксперту предстоит проанализировать

2) Представление следователю или суду заключения о результатах произведенной Э., заключение должно быть представлено в письменном виде (ст. 173 У П К.)

Вопрос о процессуальной природе Э., о ее доказательной значимости вызывает большие споры. Некоторые из процессуалистов видят в экспертах научных судей и их заключение считают необходимым признавать приговором, безусловно обязательным для суда, особенно в отношении медицинской и психиатрической Э. Другие процессуалисты, отвергая обязательность для суда заключения экспертов, считают их учеными свидетелями. Наконец, ряд процессуалистов видят в Э. самостоятельный вид судебного доказательства. Наш У П К. по вопросу об Э. примыкает к последнему взгляду и заключение экспертов

считает самостоятельным видом судебного доказательства (ст 58 У П. К.) Никакой обязательной силы заключение экспертов для суда не имеет, и это доказательство подлежит такой же судебной оценке, как и всякое иное доказательство (ст. 298 У. П. К.), однако, при несогласии с Э суд обязан подробно мотивировать либо в приговоре, либо в особом определении причины и обстоятельства своего несогласия (ст. 298 У П. К.)

Э. применяется по действующему У. П. К. как в стадии предварительного следствия, так и в стадии судебного рассмотрения дела.

В практике наиболее часто приходится пользоваться медицинской и психиатрической Э., при чем «для установления причин смерти и характера телесных повреждений» (ст. 65 У П. К.) К. медицине Э. примыкает Э. микроскопическая и химическая, имеющие своей задачей исследование кровяных пятен, волос, тканей и т. д. Громадную роль в деле расследования преступлений и установления преступников играют теперь Э. антропометрическая и дактилоскопическая.

Психиатрическая Э. вызывается при наличии оснований, указывающих на психическую ненормальность обвиняемого или свидетеля (ст 65 У П. К.): таким образом, психиатрической Э. может быть подвергнут и свидетель.

В хозяйственных делах и делах о растратах нередко применяется бухгалтерская и коммерческая Э. Для выяснения подлинности и подложности документов в практике часто применяются каллиграфическая Э. и фотографическая Э. Наконец, нередко в практике применяется техническая Э. Одним словом, почти все отрасли науки, искусства и ремесла привлечены для правильного исследования дела.

Лица, вызываемые в качестве экспертов обязаны явиться как к следователю, так и в суд, и, в случае неявки без законных оснований, к ним применяются правила, изложенные в ст 60—62 У П. К

За дачу заведомо ложного заключения, эксперт отвечает в уголовном порядке по ст 95 У. К.

Г. Рогинский

ЭМБАРГО: Э. (термин, по-испански означивающий «задержание»), называется задержание судов в порту по распоряжению прибрежного государства. Э. в мирное время применяется в отношении иностранных судов в качестве специфической формы репрессалий (см.) В момент после объявления войны Э. применяется в отношении всех неприятельских судов, находящихся в портах данного государства. Так, Соединенные Штаты Америки и другие американские республики немедленно по вступлении их в войну с центральными державами в 1917 году наложили Э. на суда этих стран, пребывавшие в их портах.

Другой формой Э военного времени является т.-н. *arrêt de prince*— задержание иностранных судов с целью предупредить распространение новостей политической важности. Наконец, Э. может применяться и в отношении нейтральных судов, если их использование вызывается военной необходимостью: в этом случае Э. влечет за собой обязательство компенсации за убытки со стороны применяющего его государства.

Кроме международного Э. может иметь место Э. в отношении судов, плавающих под флагом данного государства. Право каждого государства на применение Э в отношении судов, принадлежащих ему или его гражданам, может осуществляться при всех условиях, непосредственно основываясь на суверенитете государства

Л. И.

ЭМИГРАЦИЯ— выселение из данной страны в другую, навсегда или на время, но преимуществу для отыскания лучших хозяйственных условий жизни, хотя бывает и Э. по мотивам политическим и религиозным. Для выселения недостаточно одного стремления улучшить условия своего существования в чужой стране: нужны еще три важных дополнительных условия. Первое заключается в том, чтобы государственная власть данной страны вообще допускала Э. В общем государство редко рассматривает Э., как явление желательное. Терять более или менее значительное число подданных, хотя бы и бедствующих, значит терпеть и хозяйственный ущерб, и ущерб военный (уменьшение числа отбывающих военную службу). Поэтому нередко Э. воспрещалась в тех или других странах особенно если зна

носила постоянный характер. В других странах ей ставились и ставятся разные ограничения. Напр., воспрещается эмигрировать не отбывшим военной повинности. Долгое время, впрочем, во многих странах не было специального законодательства об Э., и она происходила в условиях неопределенных и очень переменных. Только с тех пор, как она сделалась очень заметной, правительства принялись за ее юридическое регулирование. Напр., в Германии соответствующий закон, допускающий Э. лишь за немногими исключениями, появился только в 1887 г., а в Италии ставшей одной из важнейших стран Э., лишь в 1901 году. В революционной России она была вовсе воспрещена, а если все-таки имела место, то под видом временного переселения в поисках заработков, в каком качестве и практиковалась в довольно значительных размерах, переходя нередко в постоянное поселение в чужой стране. Следующим условием, необходимым для осуществимости Э. является наличие страны, в которой условия жизни лучше, чем на родине. На практике это самоочевидное условие оказывается довольно сложным. Хозяйственные конъюнктуры, в зависимости от которых находится данное условие, складываются иногда очень запутанно. Сплошь и рядом может оказаться и оказывается, что страна, куда направляются эмигранты в данное время экономически хуже их

родины. В таких случаях наблюдается более или менее значительный поток т.-п. обратной Э., которая в некоторые годы превосходит размеры прямой Э., или поднимается так высоко, что делает прямую Э. мало заметной. Конечно, это явление наблюдается чаще всего в периоды кризисов, особенно когда они поражают не во всех странах одновременно, а в некоторой последовательности, которую трудно предугадать эмигрантам плохо осведомленным об условиях хозяйственных конъюнктур. Наконец, последним общим условием Э. является согласие страны, в которую переселяются, на въезд иностранцев для постоянного жительства. Некоторые страны поощряли и поощряют иммиграцию. Другие ставят ей ряд ограничений. Для налаживания и технического осуществления Э. существует много посреднических организаций. Целый ряд пароходных обществ занимается как бы вербовкой эмигрантов, готовя себе в них пассажиров. Другие посреднические бюро набирают, напр., рабочих, желающих отправиться за сухопутную границу в отхожие промыслы. Более конкретное представление о характере и ходе Э. дает ознакомление с наиболее типичными странами, поставившими и поставившими эмигрантов. Долгое время на первом месте в этом смысле стояли в Европе англо-саксонские и германские страны. Следующая таблица дает представление о ходе английской Э. в XIX веке.

Г о д ы	Число эмигрантов	Г о д ы	Число эмигрантов
1815—20	123.528	1853—60	1.312.683
1821—30	249.911	1861—70	1.571.829
1831—40	703.150	1871—80	1.678.919
1841—50	1.684.892	1881—90	2.558.535
1851—52	704.730	1891—1900	1.644.981
		1901—05	584.910
37	3.466.211	53	9.351.857

Некоторые авторы оценивают английскую Э. с 1853 г. по 1920 г. в 20 миллионов человек. Главные причины этого мас-

сового выселения двойного рода. Одна, более общая, коренится в стремительной индустриализации Англии в XIX в. Ранее

других стран она испытала стремительное развитие промышленного капитализма, выбрасывающего за борт массы пролетаризированных и мелкобуржуазных элементов, которым только и оставалось эмигрировать, благо колониальные владения Англии были достаточно велики и нуждались в притоке белого населения. Да и Америка принимала их охотно. Другое, более специальное условие, поддерживавшее и усиливавшее английскую Э. XIX в., заключалось в ирландской политике Англии. Жесткие экономические и политические условия, созданные ею в Ирландии, делали почти поголовной необходимостью выселение из страны (большей частью—в Америку) И, например, между 1890 и 1901 г.г. Э из маленькой и сравни-

тельно слабо населенной Ирландии составляла от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$ общего числа великобританской Э. Другой характерной страной европейской Э. является Германия. По имеющимся данным, с 1871 по 1914 г. из нее выселилось 2.854.388 человек. Вплоть до 1881 г. германская Э. росла и абсолютно и относительно—в процентном отношении ко всему населению страны. Так, в 1871 г. она составляла 1,86%, а в 1881 г.—4,89% всего населения. Начиная с 1882 г., процент эмигрантов понижается до 0,17%. Особенно быстро начали понижаться размеры германской Э с 1894 г. Все это объясняется экономическим развитием страны после 1870 г. Как известно, по окончании войны 1870 г., в Германии началась грюндерская горячка, пустившая

	Абсолютное число		В процентах ко всей иммигр.	
	1882 год	1907 год	1882 год	1907 год
Старая иммигрант.	563.170	227.851	87,1	19,0
Новая »	83.320	971.608	12,9	81,0
Не установленная	274	107	меньше 0,05	
Всего	616.764	1.199.566	100	

по миру много народу. отсюда увеличение Э. Только с начала 80-х г.г. германское народное хозяйство вступило в полосу мощного и непрерывного развития; Германия становилась первоклассной капиталистической страной с беспрестанно расширяемой индустрией и рынками сбыта ее продукции. Для всего этого требовались рабочие руки в таком количестве, что для Э. их оставалось уже немного. Мало того, германское сельское хозяйство начало испытывать недостаток в рабочих, которые и полились в страну из России, Польши и Италии. Некоторую роль в падении размеров германской Э. сыграло и введение рабочего страхования. Замечено что с конца XIX в. Англия и Германия начали терять свое господствующее место в составе Э. Яркое представление об этом дает следующая таблица, где под старой иммиграцией в Соед Штаты разумеются иммигранты Англии, Германии, Франции

и Бельгии, а под новой—иммигранты из южно-романских и славянских стран. Особенно усилилась Э. из Италии. Вот таблица, изображающая ее развитие.

Годы	Число эмигрантов
1900—1913	652.737
1914	479.152
1915	146.019
1916	142.364
1917	46.496
1918	28.311
1919	243.417
1920	344.208

Не будь войны, на время остановившей развитие итальянской Э., мы имели бы еще более крупные цифры. Значительная

часть ее—временная, характера отхожих промыслов. Как много сил отнимала она у страны, видно из того, что в 1910 г. за границей проживало 5.557.764 итальянца. Особенно большая Э. шла из южных областей Италии. Напр., из Калабрии за 30 лет (1875—1905) ушло 150.000 чел. при наличном населении в 1.370.208 чел. Объяснение всему этому надо искать в индустриализации и, следовательно, пауперизации страны пошедших быстрыми шагами именно с конца XIX в. Из внеевропейских стран большую Э. дает Китай. Напр., в 1906 году в азиатских странах (вне Китая) жило 6.500.000 китайцев, в Америке—272.829 чел. в Австралии—34.465 ч., в Африке—8.200, в Европе—1.760 ч. Поставляют эмигрантов также Япония и Индия. Азиатская Э. могла бы быть во много раз больше европейской если бы для нее не создавались искусственные препятствия в целом ряде стран.

Т. Райнов

ЭНГЕЛЬС ФРИДРИХ (1820—1895)—ближайший друг и сотрудник Маркса, выдающийся деятель и теоретик научного коммунизма. Родился 28 ноября 1820 г. в Бармене, городе на реке Вупшер, притоке Рейна (Прусская прирейнская область) (отец Э.—фабрикант—имел много детей (Фридрих был старшим из восьми братьев и сестер). Семья была старозаветная.

В 1837 г. Э. не окончив курса гимназии в Эльберфельде (до окончания оставался один год), по семейным обстоятельствам вышел из гимназии и поступил на службу в коммерческое предприятие. К 1838—40 г. относятся религиозные искания Э. Воспитанный в духе протестантской публичности он лишь постепенно освободился от правоверной религии и от религиозного мировоззрения вообще.

Изучение произведений Гегеля оказало на него освобождающее влияние. Он примкнул к левым гегелианцам (радикальному крылу гегелевской школы, развивавшему революционную сторону гегелевской философии—диалектический метод). Отбывая с 1841—42 г. воинскую повинность вольноопределяющимся в гвардейской артиллерии в Берлине, Э. играл видную роль в кружке берлинских младо-гегелианцев. В апреле 1842 г. вышла его философская работа под заглавием «**Шеллинг и откровение**

Критика новейшей попытки реакции против свободной философии», где автор выступает уже решительным атеистом. В 1842 же году вышло шуточное стихотворение «Торжество веры» от Thioprop der Glauos в котором изображается идейная борьба левых гегелианцев против религии, богословия и реакционных профессоров и даны характеристики всем участникам литературных битв того времени Э. бывший, вероятно, одним из авторов этого стихотворения фигурирует там под своим псевдонимом Освальда. (См. М. и Э. Сочинения под ред. Д. Б. Рязанова, т. II. Предисловие редактора). С декабря 1842 по август 1844 г. Э. жил в Манчестере, работая в предприятии в котором его отец был пайщиком. За эти два года жизни в Англии Э. основательно ознакомился с произведениями теоретиков-экономистов и социалистов, изучил жизнь и противоречия развитого капиталистического общества Англии, сотрудничал в газете чартистов «Северная звезда» (Northern Star) и в газете Р. Оуэна «Новый правдивый мир» (New moral world) и посылал корреспонденции в «Рейнскую газету».

Знание диалектики, полученное Э. благодаря тому, что он внимательно изучал немецкую философию, сильно помогло ему справиться с пониманием противоречий капиталистического строя и закономерности его развития. В «Немецко-французских ежегодниках» (1844) были напечатаны статьи Э. «Очерки к критике политической экономии» и «Положение Англии» (по поводу книги Карлейля «Теперь и прежде» Past and present) из которых видны его социалистические взгляды.

В сентябре 1844 г., возвращаясь из Англии домой в Бармен, Э. встретился с Марксом в Париже. С этой встречи началась их дружба и сотрудничество, основанное на полном сходе их взглядов. Э. принял участие в книге Маркса «Святое семейство» (1845)—критика идеалистической философии Бруно Бауэра и всех младогегелианцев. Зимой 1844—45 г. живя в Бармене, Э. работал над книгой «Положение рабочего класса в Англии» (вышла в 1845 г.). В предисловии ко второму ее изданию 1892 г. Э. писал, что в 1844 г. научного социализма еще не существовало и взгляды развитые в книге, представляли

собой «одну из ступеней его зародышевого развития». Утопизм обнаруживается там в том, что социализму придается в и е-к-л-а-с-с-о-в-ы-й характер. «Коммунизм является делом не только рабочих, но и всего человечества», писал Энгельс в 1844 г.

Весной 1845 Э. вновь встретился Марксом в Брюсселе. В 1845—46 г. они совместно написали работу, в которой произвели окончательный расчет со своей философской совестью (рукопись «Немецкая идеология»). С осени 1846 г. до начала 1848 г. Э. жил по большей части в Париже, где вел пропаганду научного социализма в рабочих кружках (см. его письма 1846 г.). В это время появились статьи Э. о гражданской войне в Швейцарии в «Немецкой Брюссельской Газете» (*Deutsche Brüssler Zeitung* 1847 г.). У Маркса и Энгельса к тому времени вполне уже сложились взгляды научного социализма. Социализм для них стал не фантастическим измышлением возможно более совершенного общественного идеала, а уразумением природы, условий и вытекающих из них целей пролетарской борьбы» (Э. Предисловие (1885 г.) к брошюре Маркса «Разоблачения по поводу кельнского процесса коммунистов»). Из этого следовало, что наряду с научным обоснованием своих взглядов, Маркс и Э. должны были стремиться привлечь на сторону своих воззрений «европейский и прежде всего немецкий пролетариат». У них имелись связи с передовыми элементами революционных партий того времени: революционной частью английских чартистов, с французскими социал-демократами из газеты «Реформа», с брюссельскими демократами и, наконец, с немецкой революционной организацией — «Союзом справедливых», центр которого после поражения восстания «Общества четырех времен года» в 1839 г. в Париже был перенесен в Лондон. В 1847 г. возник «Союз коммунистов», в который вошли деятели бывшего «Союза справедливых»

Вышедший в начале 1848 г. «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Э. и излагавший сущность нового мировоззрения, являлся официальной программой союза коммунистов. В апреле 1848 г. Э. вместе с Марксом возвратились в Германию. С 1 июня 1848 г. они издавали в Кельне «Новую рейнскую газету» — первую газету, которая

последовательно проводила политику революционного марксизма. После закрытия «Н. Р. Г.» (19 мая 1849 г.) Э. принял участие в Баденском восстании в качестве адъютанта Виллиха (см. письмо его к жене Маркса от 25 июля 1849 г. из Швейцарии, куда после поражения прусскими регулярными войсками революционных отрядов последние вынуждены были отступить). Осенью 1849 г. Э. эмигрировал в Англию. Очутившись в эмиграции, Маркс и Э. приступили к изданию журнала «Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение». Вышел в течение 1850 г. всего шесть номеров в пяти тетрадах (последняя — двойной № 5—6). В этом журнале появились две больших статьи Э.: «Крестьянская война в Германии 1525 г.» (№ 5 и 6) и «Кампания за имперскую конституцию» (в первых трех номерах) — превосходные исторические работы. В циркулярном письме «Обращение Н. К. к союзу коммунистов», март 1850 г., М. и Э. подвели итог опыту революции 1848—49 г. и дали ряд ценнейших указаний по вопросам тактики революционного марксизма.

После того, как стало ясно, что реакция победила и неизбежный новый подъем революции немедленно наступить не может, Э., хотя и с большой неохотой, решил опять поступить на службу в коммерческое предприятие в Манчестере, где он работал раньше (в 1842—44 г.). Он вынужден был это сделать главным образом для того, чтобы своей материальной помощью дать Марксу возможность целиком посвятить себя теоретической работе. Сначала Э. работал как служащий; с августа 1864 г. он сделался компаньоном фирмы Эрмен и Э. на 5 лет (письмо Марксу от 2 сент. 1864 г.). В 1869 г. окончательно распростился с «собачьей коммерцией». 1 июля 1869 г. он писал Марксу с торжеством, что с торговлей закончил навсегда и стал свободным человеком. В сентябре 1870 г. переехал в Лондон и жил там до самой смерти, выезжая лишь на непродолжительное время (поездки в разное время на отдых в Брайтон: в августе-сентябре 1888 г. в Америку; в августе-сентябре 1893 г. в Швейцарию, Германию, Австрию и др.). В течение, приблизительно 40 лет, сотрудничая с Марксом Э. оказывал ему не только серьезную материальную поддержку, а также оказывал и

существенную помощь в литературной работе. Только благодаря этой всесторонней помощи Маркс смог написать свою теоретическую работу. Отношения между Э. и Марксом представляют собой замечательный пример дружбы и сотрудничества.

Освободившись от работы в предприятии Э. смог уже целиком посвятить себя научной, литературной и политической деятельности. Занимаясь вопросами естествознания, Э. работал над сочинением «Диалектика природы» (70—80 годы), к сожалению, оставшимся незаконченным. Заметки и материалы для этой большой работы (опубликованы во II томе Архива Маркса и Э.) и главы «Анти-Дюринга», посвященные естествознанию, показывают, что Э. превосходно разбирался в вопросах физики, химии биологии, для чего требовалась серьезная специальная подготовка.

Мастерство Э. в применении им марксистского метода делает его произведения классическими работами, на которых надо учиться революционному марксизму. Э. дал ряд прекрасных исторических работ, свидетельствующих, что он был превосходным историком. Кроме указанных уже выше, здесь надо указать на серию статей революции 1848 г. в Германии — «Революция и контрреволюция в Германии» (1851—52 г.), «Происхождение семьи, собственности и государства» (1884 г.) (особенно глава о германском роде и происхождении государства в древней Германии). Вопрос о возникновении Германской империи освещен в незаконченной рукописи, изданной уже после смерти Э. под заглавием «Ситак экономика в образовании Германской империи» (1887—88 г.). Здесь надо указать также работы о иерофитном христианстве (по поводу смерти Б. Бауэра (1882 г.) «К истории первофитного христианства» (1894 г.), а также ряд интересных и глубоких замечаний в письмах.

Такие книги, как «Анти-Дюринг» (1877—78) где наряду с полемикой против эклектика и позитивиста Е. Дюринга, излагаются основы теории марксизма, и «Людвиг Фейербах» (1887) (изображение процесса развития марксизма), до сих пор принадлежат к числу лучших изложений революционного марксизма.

Здесь же надо упомянуть блестящие теоретические письма 90 годов к Ф. Мерингу, К. Шмидту, П. Блоку и др., в которых Э. отвечал на ряд вопросов, относящихся к материалистическому пониманию истории а также статью «Юридически и естественнонаучно» (1887) написанную совместно с Каутским, в которой дается марксистское понимание права (см. Марксизм).

В вопросах военной истории и военного дела Э. являлся крупным специалистом (в тесном кругу его друзей у него было прозвище «Генерал»). Выпущенная им в 1859 г. анонимно брошюра «По и Рейн» произвела большое впечатление в кругах специалистов. Ошибочное убеждение, что автор ее — кто-либо из высокопоставленных военных, перешло даже, как говорит Меринг в некоторые новейшие исторические труды. Такова же вышедшая в 1860 г. брошюра «Савойя Ницца и Рейн». Кроме того, надо указать на ряд статей по военным вопросам в «Американской Энциклопедии» (The new American Cyclopaedia ed. by Gorge Kiple and Charles A. Dana. 1860 — 1862 г.г.). Статьи о крымской войне в Нью-Йоркской трибуне 1854—55 г. об итальянской войне 1859 г. в лондонской немецкой газете «Народ» (Das Volk) о датско-немецкой и немецко-австрийской войне в «Manchester Guardian» (1864—65), о франко-прусской войне в «Pall Mall Gazette» (1870—71). Сборник статей и писем Э. по военным вопросам (неполный) был выпущен в 1924 г. издательством «Красная Новь».

Давая характеристику Э., необходимо на первый план выдвинуть и подчеркнуть, что он был не только крупным теоретиком, но и выдающимся революционером, политиком и вождем рабочего класса.

На ряду с теоретической работой, Э. все время принимал участие в практическом руководстве рабочим движением. По всем вопросам международного рабочего движения, как и по вопросам национальных социал-демократических партий. Маркс постоянно советовался с Э. С переездом в Лондон Э. принял еще более близкое участие в работе Интернационала. После смерти Маркса Э. был до самой своей смерти тем центром, куда обращались за советом и руководством социалисты разных стран. Богатей-

ший материал в этом отношении дает переписка Э. По поводу переписки между ним и Марксом Э сам писал в письме Бернштейну, подчеркивая ее историческое значение (12 июня 1883 г.) Кроме этого, надо указать на письма Э. к И. Ф. Беккеру, Ф. Зорге, В. Либкнехту, А. Бебелю, Э. Бернштейну, К. Каутскому, Т. Куно, Ф. Мерингу, Г. Шлютеру и Шмилту, Николаю Ону (Даниэльскому), Ф. Вольте, И. Вейдемейеру и многим другим. В этих письмах, которые, если собрать их воедино, образуют ряд томов, освещается масса практических вопросов политики и тактики рабочего движения. Эта переписка — незаменимый источник для изучения как истории соответственных периодов рабочего движения, так и революционной тактики марксизма. Тесно связанный с середины 40-х гг. с рабочим движением, Э. откликался на разнообразные вопросы рабочего движения и политической борьбы особенно тех пор, когда с шестидесятых годов начался новый подъем среди пролетариата. Мы укажем здесь на некоторые его работы, кроме приведенных выше: Прусский военный вопрос и немецкое рабочее движение 1865 г. — по поводу конфликта между прусским правительством и буржуазией из-за конституции и по поводу рабоч. класса. Статьи «О жилищном вопросе», статьи о Польше в «Commonwealth» 1866 г.; против прудониста Мюльбергера 1872 г.; «Бакунисты за работой» «О восстании в Испании летом 1873 г. и бакунистской тактике»; Программа бланкистских беглецов коммуны 1874 г.; статьи о России против Ткачева, 1875 г. где Э. подвергает критике утопические теории народничества: Прусский инанс в немецком Рейхстаге 1876 г.; уже упомянутые статьи, в которых подвергались критике сочинения Дюринга 1877—78 г. Рабочее движение в Америке, 1887 г. По поводу возможности еврейской войны в предисловии к брошюре Боркгейма, 1888 г. «Критика Эофуртской программы» 1891 г. «Социализм в Германии» 1891 г. «Может ли Европа разоружиться?» 1891 г. «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», 1895 г.

Кроме руководства в практических во-

просах международного рабочего движения, Э. выполнял после смерти Маркса громадный труд по изданию оставшегося после Маркса литературного наследства. Заканчивая вчерне свою книгу по критике теоретической «экономии» — «Капитал» Маркс писал Э 13 февраля 1886 г. «Рукопись хотя и закончена, но огромна по размерам, и никто, кроме меня, не сможет издать ее — даже ты». Однако, Э. выполнил эту труднейшую задачу и выпустил через два года после смерти Маркса, в 1885 г. том II «Капитала» а в 1894 г. третий том. В своих предисловиях к этим томам Э. сообщил о том, что представляли собой рукописи Маркса и каковы были затруднения при их обработке. Это был поистине гигантский труд. Кроме того, Э. редактировал переводы этих томов на английский и французский языки. Э. переиздал ряд ранних произведений Маркса (также и своих), снабдив их предисловиями: несколько изданий «Коммунистического манифеста» на разных языках; «Наемный труд и капитал» (1891 г.); «Нищета философии» (1884 г.); «Речь о свободе торговли» (1890 г.); «Гражданская война во Франции» (1891); «Разоблачения по поводу процесса коммунистов в Кельне» (1885); «Маркс перед судом, присяжных в Кельне» (1885) и др.

Сохраняя до конца своей жизни работоспособности и ясный ум, Э. скончался 5 августа 1895 г.

Литература об Э.: В. Маркс и Ф. Э., сочинения, т. П. Ф. Э., Статьи и корреспонденции, 1839—44, под ред. и с примечаниями Д. Б. Рязанова; *Gotth. Mayer Schriften der Frühzeit* (1838—1844); Ф. Меринг. История Германской социал-демократии, т.т. I—IV; Ф. Меринг. Из литературного наследства Карла Маркса и Ф. Э., том I—III (собрание ранних произведений (неполное) от 1842 до 1850 г. снабженное вводными статьями и примечаниями Ф. Меринга); Ф. Меринг, К. Маркс. История его жизни; Лепшиц, Ф. Э. соч., т. XX, ч. I. Д. Рязанов. Маркс и Э. Лекции читанные на курсах марксизма при Социалистической Академии.

В. Адоратский

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРАВА — под этим названием в юридической литературе понимается особая отрасль, являющаяся введением в изучение права и представляющая

систематический обобщенный обзор специальных юридических наук и одновременно общее учение о праве. Она возникла значительно позднее, чем специальные юридические науки и была вызвана потребностью в целостной и единой системе всего положительного права и основных общих юридических понятий. В качестве общего учения о праве Э. п. сливается с философией права (см.) и с общей теорией права, ставящими себе аналогичные задачи. Наиболее отчетливое разграничение этих трех смежных дисциплин, проводимое в буржуазной юриспруденции состоит в том, что Э. п. представляет краткий систематический обзор всех специальных юридических отраслей и путем обобщения их фактического материала дает общее учение о праве: философия же права строит общее учение о праве дедуктивным путем, исходя из единого источника, из метафизической природы права на основе сверхопытного его познания; наконец, общая теория права выводит общие начала права из эмпирического материала отдельных правовых наук, но не ставит своей задачей дать их общий обзор. Однако, как вопрос о предмете и научном значении Э. п. так и вопрос о ее отношении к философии права и общей теории права представляется весьма спорным.

По первому вопросу в энциклопедической литературе существуют два основных направления: положительное и отрицательное. Энциклопедисты первого направления: Фридендер, Варкенит, Вальтер, Арнс, Ортлов. из русских: Рененкампф Неволин и др. признают Э. п. самостоятельной наукой; ее самостоятельность заключается не в особом содержании, т. к. она исходит из содержания специальных наук, а в том методе, способе изучения, с которым она к ним подходит, в том, что она представляет весь материал специальных наук в виде единой системы и изучает свой предмет как одно целое, т. е. следует синтетическому методу, между тем, как специальные науки, изучая его по частям, следуют аналитическому методу. Некоторые из писателей положительного направления: Фридендер, Вальтер Варкенит Рененкампф и др., дают этой идее несколько иную интерпретацию. Под влиянием идей Шеллинга они вносят в представление о праве понятие организма и особенность ме-

тода Э. п. усматривают в органическом построении права, в том, что она представляет все разнообразное содержание права как единый организм и сводит его к единой общей идее. Энциклопедисты т. н. отрицательного направления — Кононак, Фальк, Фридлиб, Гольдшmidt, из русских: Карасевич, Зверев Коркупов и др.—полагают, что Э. п. не является самостоятельной наукой, т. к. она не имеет ни особого предмета, ни особых методов, отличных от специальных юридических наук: они считают ее только предметом преподавания, служащим для педагогических целей введения в изучение права. Большинство этих писателей не дает исчерпывающих объяснений этому положению; наиболее отчетливо оно выражено у немецкого энциклопедиста Конопака. Энциклопедия, по его мнению, лишь излагает важнейшие положения отдельных наук, но сама не является наукой; в противном случае она сама вошла бы как часть в состав всеобщей Энциклопедии, и т. о. получилась бы «квадратура круга». Эти общие соображения он прилагает в частности и к Э. п. Помимо названных писателей к отрицательному направлению приемыкают почти все французские энциклопедисты.

По вопросу об отношении Э. п. к философии права и к общей теории права из всего разнообразия отдельных мнений выделяются три основные точки зрения. Одна группа энциклопедистов, а именно: Фридендер, Варкенит, Вальтер, Ортлов, Рененкампф, Карасевич Коркупов и др. совершенно отождествляют Э. п. с философией права, исходя из того, что обе эти науки исследуют последние основания и общие понятия права и т. о. представляют единую науку общего учения о праве. Характерно при этом, что даже среди писателей отрицательного направления мы встречаем отождествление Э. п. с философией права, что приводит к самому грубому эмпиризму, поскольку тем самым отрицается значение науки за общим учением о праве и сохраняется только за специальными юридическими дисциплинами: таковы, например, Белим, С. Пюттер и др. Другая группа: Шютце, Зверев и пр. отстаивают раздельное существование этих двух наук, исходя по большей части из разграничения метафизических начал права и положительного права, сверхчувственного и эмпирического

познания. «Философия права—говорит Шютте—относится к положительному правоведению (т.е. к Э. и. Б. Л.), как идеальный юридический порядок к реальному настоящему и прошедшему времени» По мнению же Зверева философия права составляет самостоятельную науку, тогда как энциклопедия служит только предметом преподавания; а потому первая относится ко второй, как оригинал к своей не вполне точной копии» Накопец, третья группа: Фальк, Меркель, Мюллер, Пост и др., заменяя, под влиянием позитивизма, философию права общей теорией права, считает возможным все же самостоятельное существование Э. п. как краткого обзора всех юридических наук, в том числе и общей теории права.

С точки зрения марксистской теории права все эти вопросы приобретают совершенно иной характер. В марксизме существует единое общее учение о праве—общая теория права, задачей которой являются развитие основных т.е. наиболее абстрактных юридических понятий в неразрывной связи с их конкретным социальным содержанием, т.е. социальное истолкование этих понятий (Е. Пашуканис — Общая теория права и марксизм) Этим самым отпадают или снимаются все контраверзы, возникающие по этому поводу в буржуазной науке права.

С одной стороны, поскольку марксизм не признает разрыва между общими началами права и их конкретным реальным развитием, он не признает разграничения между философией права и общей теорией права; в буржуазной науке это разграничение основывалось на разрыве мира метафизического и эмпирического, общих правовых понятий и положительного права, что совершенно неприемлемо с точки зрения марксизма. С другой стороны, последнему чужд и крайний позитивизм, и поэтому он не может сводить всю общую теорию права к Э. п. как к обзору позитивного содержания всех специальных юридических дисциплин и также не может признавать за Э. п. характера особой самостоятельной науки. Это, однако, не исключает возможности существования марксистской Э. п. в качестве педагогической дисциплины как особого предмета преподавания, относящегося к правовым наукам так же, как, например, т.н. «обществоведение» относится к общественным наукам;

однако это определяется исключительно педагогическими целями.

Исторически, возникновение Э. п. относится к XVI в., наиболее интересной из всей систематической литературы по праву в этот период является книга Лагуса (1543 г.), и Туциуса (1638 г.): в этот же период вышли еще два произведения: Фюрбурга (в 1640 г.) и Унферферта (в 1675 г.) оба они содержат обзорные отдельные отрасли права, соединяя их чисто механически. Название Э. п. появляется только в XVII в. В XVIII в. в энциклопедической литературе различаются уже два основных направления: естественно-правовое или «философское», и положительное; в первом наиболее интересна Э. п. Ноттельбланда, последователя Вольфа, во втором—С Нюттера однако философские идеи отразились на этих энциклопедиях лишь внешним образом. Наивысший расцвет энциклопедической литературы относится к XIX веку. Под влиянием философских учений Шеллинга и Гегеля, в особенности идеи первого об органическом единстве, согласно которой «каждая отрасль науки может быть понята и изучена настоящим образом только в связи с целым и следовательно, прежде изучения специальных отраслей необходимо ознакомиться с наукой как с одним целым», возникает обширная энциклопедическая литература, дающая органическое построение системы права. Лучшими из этих произведений являются энциклопедии Карла Шюттера Фридендера, Рутгарта, Ариса, Варженига и Вальтера. Однако наряду с органическим направлением выделяется и противоположное, под знаком идей исторической школы права: все эти энциклопедии дают не систему права, а лишь краткий очерк отдельных юридических наук. Сюда следует отнести также появившиеся в начале XIX века т.н. Э. государственствования, как, напр., „Encyclopédie des Stadswissenschaften“ Бюлау и затем, Мюлля. Из специальной энциклопедической литературы этого периода особенного внимания заслуживает книга Меркеля, *Juris ische Encyclopädie* (1855 г.) написанная под влиянием идей известного немецкого юриста Иеринга (см.); она построена крайне систематиче и дает сжатый обзор специальных юридических наук и общего учения о праве. Настоящее время является периодом упадка энциклопедической литерату-

бы; это явление объясняется главным образом тем, что преимущественное внимание стали уделять общей теории права и философии права. Из специально энциклопедической литературы по праву вышедшей в последние десятилетия следует отметить: в Германии Э. п. Геземапа Радбруха и Шмидта (вышедшие под названием «Введение в науку права») во Франции—Бриделя и Пикара, в Англии — Голлянда и Маркби, в России — Коркунова, Шершеневича и Тараповского (книга последнего вышла вторым изданием за рубежом в 1923 году). В советской литературе пока еще нет энциклопедических работ по праву. Накоплено, что касается преподавания Э. п. на юридических факультетах, то в настоящее время она преподается лишь в германских и английских университетах, в первых под именем «Введения в изучение права», в последних под именем «Общей юриспруденции».

Д. Л.

ЭТИКА — учение о нравственности, теория морали. Этическая проблема — одна из основных проблем, наряду с гносеологической и онтологической проблемами, всей домарксистской и всей современной буржуазной философии.

Под нравственностью или моралью (см. также Право), как известно, принято понимать особую историческую форму оценки, возникающую на определенной ступени общественного развития—систему представлений о «добре» и «зле», «справедливом» и «несправедливом». Характерной особенностью нравственных норм той или иной общественной эпохи и того или иного класса является то, что по определению Плеханова мы имеем в них совокупность понятий, идей и своих взаимных обязанностей. Легко заметить, однако, что означенная система идей и норм вполне соответствует системе общественных отношений из исторического развития которых нравственность возникает и от которых она только абстрагируется в этических теориях и представлениях. Недаром Энгельс, говоря о морали и праве как о «мнениях и чувствах», одновременно определял их как «общественные отношения». Но нравственность, имея ряд общих черт с правом, имеет, вместе с тем и неко-

торые отличительные черты, создающие из нее специфическую область идеологии. Прежде всего круг тех возникающих или мыслимых между людьми отношений, которые оцениваются, как «нравственные» или «безнравственные», гораздо шире области правоотношений. Такие явления, как благотворительность или скаредность, воздержанность или разгульный образ жизни, хотя и получают ту или иную нравственную оценку, но, поскольку они более или менее безразличны для охраны основных экономических и политических интересов господствующего класса они не регламентируются государством в принудительной форме законов. Однако, для правовой регламентации здесь не существует никакой непреходимой грани: мы знаем, что закон может охранять нас, напр. от брани и хулиганства, выступать против мотовства (см. Опека) и половой распущенности (регламентация брачных отношений и проституции). В области нравственности имеется тенденция легко переходить в область правовую, лишь только «безнравственные» действия начинают в каком-либо пункте чувствительно затрагивать интерес господствующего класса (напр., расточительность подлежит ограничению, т. к. бьет по буржуазной собственности, а вот скаредность остается ненаказуемой). Другое такое характерное отличие нравственности от права заключается в том, что одновременно возможны различные и своеобразные нравственные точки зрения у различных классов, профессиональных групп и т. д., в то время как право при данном классовом господстве может быть только одно. Нравственность может, таким образом, выражать точку зрения угнетенного или революционного класса, может противоречить и нравственности и праву эксплуататоров (напр. интрижкабредство, нарушающее пролетарскую солидарность, и борьба с ним, парализующая буржуазную «свободу труда»). Однако, при всем различии борющихся в обществе нравственных точек зрения, можно найти и некоторые общие для них исходные пункты, предопределяемые всей системой общественных отношений и лишь различно истолковываемые и своеобразно используемые общественными классами людьми одной профессии и т. д.

Принципы эти — справедливость, свобода, равенство (у пролетариата — свобода для кого, равенство для кого), совпадающие, в основном, с началами правовой идеологии этим самым придают нравственной форме оценки ее исторический характер.

Понятным становится, в какой мере и с какой стороны сохраняет свой смысл определение юристами права, как «этического минимума». Попытки психологической школы (см.) отграничить право от нравственности по характеру якобы сопровождающих «эмоций» — «императивно-атрибутивных» и просто «императивных» — оказались не только несостоятельными: их вообще нельзя связать с единственно марксистским объяснением права и нравственности — из общественных отношений. В действительности, только историческое рассмотрение развития нравственности может уяснить и моменты общности и моменты расхождения ее с правовой формой. Еще французск. материалисты (напр. Гельвеций) указывали, что в основе нравственных побуждений лежит «эгоистический интерес» «Интерес», но только не индивидуальный интерес, но «интерес» социальный и классовый. лежит в основе всякой нравственной формы. Первобытное общество, по характеристике Энгельса в своих обычаях еще не знает различия между правами и обязанностями и вообще социально-целесообразными формами поведения. Развитие частной собственности приводит к «понятию о собственности, имеющей только права и никаких обязанностей». Вместе с выделением группы общественных отношений, регламентируемых и санкционируемых правом и его внешней организацией, начинается обособление и нравственности, основанной на одном «внутреннем» принуждении. Развитие нравственности, таким образом, протекает параллельно развитию частной собственности и права. Эпохе феодальной собственности соответствует и основанная на авторитете патриархально-феодалная («гетерономная») Э. находящая себе, как и соответствующая форма права, идеологическую санкцию в религиозно-авторитарной идеологии (священные запреты правила рыцарской «чести», конфуцианская «почтительность» к стар-

шим и т. п.) Вместе с обменом развиваются принципы новой («автономной») Э — понятия «нравственной свободы» и «справедливости» Буржуазная Э. поит на этой ступени в и утри-классовый характер; она противоречит феодальному праву и феодальной нравственности и противопоставляется им в революционных идеалах «естественного права». Вслед за победой буржуазии и закреплением в буржуазном «положительном» праве новых отношений производства и собственности, за буржуазной Э. остается регламентация всей массы общественных отношений и действий, которые менее существенны для гарантии непосредственных классовых интересов господствующего класса, а также тех, где целесообразнее сохранение «экономической свободы». Санкцию этой буржуазной морали дают «общественное мнение» и религия (см.) уже приспособившаяся к потребностям нового класса: мораль по-прежнему выводится из внеклассовых, внечеловеческих представлений. Мы видим таким образом, как «сильно из народа в народ, из поколения в поколение изменяются понятия о добре и зле» и почему «здесь реже всего встречаются окончательные истины» (Эпгельс).

Эти изменяющиеся понятия о добре и зле находят себе выражение в различных этических учениях. Так, у древних греков, в противовес гетерономной, феодальной Э. Платона, выведившего сущность морали из сверх'естественного мира идей, создается новая, буржуазная (автономная) Э. Аристотеля. Здесь же возникает глубокое материалистическое учение Эпикура (IV в. до нашей эры), основанное на изучении человеческой природы. Потребность в наслаждении и счастье — вот что должно лежать в основе поведения человека и служить критерием «добра». Но в различных видах наслаждения нужно различать высшие и низшие формы, чувственные и духовные наслаждения. Стремление к низшей форме удовольствия и отказ от высшей формы его приводят ко злу. Поэтому высшими этическими нормами являются умеренность и душевное спокойствие. В противоположность «эпикуреизму», ставившему в центре внимания человека, другая древняя философская школа, стоиков, видела в нормах человеческого поведения наличие некото-

рого морального закона: он должен быть свободен от страстей и возникает из правильного познания человеком природы в целом и из подчинения ее необходимости, независимо от получаемого удовольствия и неудовольствия. Стоицизм, таким образом, стоит уже на полпути между эпикурейским гедонизмом (морали, основанной на удовольствии) и новой христианской моралью.

Период торгового капитализма приносит собой воскрешение древних материалистических тенденций: эпикуреистическое учение получает развитие у француза Гассенди (XVII в.), а затем — дальнейшего поколения французских материалистов в ториях правильно понятого социального интереса (Ламетри, Гольбах, Гельвеций). У более умеренной английской буржуазии замечается стремление противопоставить социальное начало чисто-хозяйственному, эгоистическому в виде особого «морального чувства» («Теория моральных чувств» А. Смита, 1759). Наконец, наиболее полное обоснование и выражение индивидуалистической буржуазной морали дает этика Канта (см.). Личность представляется Канту наделенной «свободой воли» в пределах абстрактного («интеллектуального») мира. В определении общего нравственного закона нельзя исходить из стремления отдельных людей к счастью, т. к. от этого «возникло бы противоречие всякой гармонии». Единственным мотивом деятельности каждого должно быть поэтому лишь некоторое общее правило, независимое от условий чувственного мира, безусловный «категорический императив»: «поступай так, чтобы правило, которым руководствуется твоя воля, могло послужить принципом всеобщего законодательства». Личность должна быть всегда лишь целью, но никогда не быть только средством. Несколько иную форму принимает та же защита буржуазной личности, когда речь заходит о противопоставлении ее массе эксплуатируемых, о защите привилегий крупных землевладельцев и капиталистов.

Здесь создается Э. Ницше (нач. 50-х гг. XIX в.), восхваляющая «сверх-людей», стоящих над «стадными людьми», «по ту сторону добра и зла»...

«Из разного рода нравственных теорий, существующих в данное время, говорит Энгельс,—ни одна не оказывается верной, если иметь в виду абсолютное и окончательное значение; но, конечно, та мораль обладает наибольшим количеством элементов, обещающих ей продолжительное значение которая в данную эпоху выражает точку зрения будущего». Энгельс имеет здесь в виду новую нравственность пролетариата, которая, по словам Плеханова, «стала быстро развиваться впоследствии на основе нового освободительного движения, вызванного таким развитием капитализма». Пролетариат, конечно, глубоко нужд всякому фетишизированию морали, всякому выведению ее из идеалистических предпосылок, всякому «этическому объяснению» истории. Однако и он не может не мыслить—поскольку живет в условиях товарного общества—в характерных для последнего категориях «свободы», «справедливости» и т. д.: пролетариат зато вкладывает в эти привычные формы нравственной оценки новое классовое, классово-целесообразное содержание. «В каком смысле—говорил Ленин—отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия.. Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата.. Коммунистическая нравственность—это та которая служит этой борьбе, которая объединяет грудящихся против всякой эксплуатации» Эта пролетарская нравственность отомрет только вместе с самим пролетариатом, как классом, отомрет вместе с государством и правом, постепенно растворяясь в системе социально-целесообразного поведения коммунистического будущего и давая историческую основу этой последней.

И. Р.

Ю

«ЮРИДИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» (Juristen-socialismus (вернее — социализм юристов). Это понятие введено Энгельсом (см. его статью в «*Neu Zeit*» 1887 г. и в переводе «Под знам. маркс.», № 1, 1923 г.) по поводу книги проф. Антона Мепгера, который «поставил себе задачу разработать социализм с точки зрения философии права», свести его к социалистическим основным правам». Это течение получило большое распространение с переходом капитализма в стадию монопольного капитала и ныне представляет собою даже два течения одно — чисто буржуазное и другое — социал-демократическое. Сущность его сводится к юридическому перерождению капитализма в новый, социалистический строй или к «юридическому перерастанию» в новый строй. Первая точка зрения чисто буржуазная, ибо представляет собой лишь переименование капитализма в социализм (напр. теория социальных функций), вторая создает иллюзию какого-то незаметного процесса революции (напр. теория так называемого выдалбливания права собственности). Оба направления — примиренческие оппортунистические. Ни того, ни у другого нет определенной школы и единства взглядов; их объединяет общий ход. Если первые из них доказывают, что и в капиталистическом строе каждый субъект права и каждое право (а главным образом право частной собственности) имеет свою социальную функцию, от его воли независимую и возложенную на него всеобщую силою как, напр. у Юги (см.) во имя солидарности, то ясна цель — отрицать, признать расхождение классовых интересов, ибо социальной функции капиталиста-собственника соответствует такая же социальная функция рабочего. Право введения урегулирование интересов этих двух «равноправных» социальных факторов, создает новое солидарное, социалистическое

общество. У этого течения понятия классов вообще нет или оно не играет роли. С.-д. крыло (а ныне вся с.-демократия поголовно) на словах признает общественные классы с противоположными интересами, но классовую борьбу стремится заменить сотрудничеством классов. Виднейшим представителем этого течения является австро-социалист Реннер (Карнер); ныне в ряды этого направления зачислился Каутский, который сам, вместе с Энгельсом является автором приведенной выше статьи 1887 г.

Объективные причины, вызвавшие это течение, как я уже указал в других статьях (см. Правоведение) кроются в монопольном характере капитализма обусловливающим стремление его к замене анархии производства и рынка планомерностью, капиталистической плановостью. Теория свободной договорной воли в виде естественного права как права рынка, обалтотилась потерей кредита. Поэтому оба течения главное свое внимание обращают на производственные отношения, т.е. право частной собственности. Социальная функция, присылаемая лицу группе лиц или классу переносится на самый объект права или на самое право (собственность). И для другого течения все сводится к примирению классов в производстве в процессе труда, ибо на рынке продолжается право равенства равное за равное. В государственном праве это течение сводится к «чистому демократизму», парламентаризму, в котором происходит мирное, т.е. правовое, перерастание буржуазного правового государства в общество будущего. Это то что в политике раньше называлось реформизмом, бернштейнством (но вождю германских оппортунистов Э. Бернштейну), ныне же охватывает всю с.-демократию вообще.

У нас Ю. с. играл и играет еще большую роль особенно в гражд. праве. Наиболее выдающимся представителем его можно на-

звать т. Гойхбарга, с легкой руки которого у нас распространилось увлечение учением Дюги, Гедемана и др. У нас для этих увлечений объективное основание дал нам переход к плановому хозяйству, и поэтому на первый взгляд, в нем как бы нет ничего предосудительного. По такой взгляд грубо грешит против революционной диалектики забывают или замалчивают важнейший факт — власть пролетариата. Если в капиталистическом обществе собственность одного ограничивается в пользу собственности другого, то это, по отношению к классу в целом, ничего в его правах не изменяет; а переход того или иного права к государству класса капиталистов несколько не умаляет капитализма. Мы в корне против Ю. с. уже потому, что у нас социализм, в его последней стадии коммунизме представляется не как победа социализма над правом вообще. Ибо с уничтожением классов и их антагонизма интересов — отмирает право вообще.

Как я уже сказал Ю. с. не является единым учением, это — общее обозначение для течения всей юридической мысли вообще капитализма второго периода, поскольку она не ограничивается одним чистым нормативизмом (см.).

II Стучка

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО может иметь двойное значение: 1) в широком смысле — юридической личности, субъекта права (см.) вообще, как буржуазно-правовой абстракции и 2) в узком смысле — как субъекта права, состоящего из совокупности лиц или имуществ, вернее, правовых организаций, удовлетворяющих известным законным условиям, как-то: общества, предприятия, заведения, учреждения и т. д. Мы здесь остановимся лишь на последнем понятии, ибо о лице вообще см. особую статью. Понятие Ю. л. является юридическою фикцией, правовым представлением или воображением, при чем воля Ю. л., как и воля живых индивидов недееспособных, заменяется волею его представителя. Качества недееспособного субъекта приписываются, предоставляются исключительно законом перечисленным выше примерно, объединениям эти и учреждениям. Оттуда и возникает несколько дикое для

обыкновенного смертного противопоставление, на языке правоведов, такого Ю. л., т. е. буквально «правового человека», физическому лицу т. е. естественному лицу, или, попросту говоря, живому человеку, гражданину. Некоторые новейшие законодательства, как, напр. германский гражданский кодекс, избегают вообще термина «Ю. л.» и предпочитают ему описательное изображение таких организаций, как государства, общества и т. д., которым сверх живых индивидов, законом предоставлено право быть субъектами гражд. или хозяйственного права.

По этим вопросам были большие теоретические споры; особенно много спорили по вопросу, правильно ли назвать понятие юридического лица правовой фикцией. Спор сводился, главным образом, к тому, что понимать под словом фикция. Poleмика обнаружила удивительную беспомощность хотя бы даже прогрессивных буржуазных юристов. Зачем в самом деле вводить понятие фикции, Ю. л. когда и понятие «физического лица» в юридическом смысле, т. е. как абстракции от живого человека, уже является одним правовым представлением в противоположность реальному конкретному факту? Лицо ведь является субъектом гражданского права не как лицо просто, но лишь как представитель экономической единицы или ячейки, как атом экономическ. явления. Напр., ни раб, ни невыделенные из семьи сын или дочь по римскому праву не имели качества субъекта прав. А когда со-временем в сознании, по крайней мере, юристов — а юристы технически управляют буржуазным миром — укрепилось понятие личности, как правовой абстракции и стали образовываться, вместо старых социальных общественных союзов, или рядом с ними, новые экономические и социальные объединения и союзы то юрист не знал другого выхода как «и р и р а в н и в а т ь» эти новые объединения своей фикции абстрактного лица. А так называемая теория социальных функций поставила все это по-троение на голову и заявила, что так же как Ю. л. получает свои качества лица только от закона и при условии постановления о том закона, и «физическим лицам» всякие гражданские или хозяйственные права делегируются, условно передаются лишь государством. Так Каллигула

мог юридически назначить своего жеребца в члены Сената¹; «Рокфеллер или Морган любого осла мог назначить в короли и президенты», или записать при помощи своего классового государства организацию нищих в миллиардеры но на деле ведь править будет Рокфеллер, а миллиардером на деле будет имеющее миллиард конкретное, а не фиктивное лицо, записанное, зарегистрированное в качестве Ю. л.

Иеринг, подходящий к праву и его конструкциям, как к чему-то конкретному («защищенный реальный интерес»), и в Ю. л. на первый план выдвигал составляющих его живых людей; но и он не ушел многим дальше от фикции Ю. л. как «левого имущества», когда он о действительных лицах, являющихся субъектами прав Ю. л., говорит, как о «дестинаторах права». «предопределятелях судьбы этого права», которым дается единая организация с усвоением этой организации самостоятельного значения в целях удобства сношений с третьими лицами.

При взгляде на гражданское право как на формальную организацию общественных отношений (отношений производства и обмена) и при распыленности всех экономических ячеек буржуазного общества на индивидов — оставшиеся от прежнего строя и вновь образовавшиеся коллективные ячейки пайдут в этой организации свое естественное, а не искусственное или фиктивное место. Французский правовед Платиоль выдвигает вместо правовой фикции положительное понятие коллективного имущества, коллективной собственности. В корне это объяснение правильно, но все-таки вернее и точнее говорить о лице, как о персонификации представителе экономической ячейки, индивидуальной или коллективной.

После Октябрьской революции вопрос о Ю. л. как бы отпал, но г

А современный юрист Коллер (*Lehrbuch des bürger. Rechts*, I, 320) пишет: „Лицом может быть каждое существо, так как объективное право (т.е. закон) может связать то или иное право с любым существом и приписать ему какие угодно права. Почему дерево или животное не могли бы обладать правами?“

декрете об отделении церкви от государства все-таки мы читаем, что «церковь прав Ю. л. не имеет». У нас было единое нар. хозяйство в госуд. масштабе: национализация (см.) всего хозяйства. Нарушала эту стройность лишь муниципализация или советизация, которая, однако, уже в силу конституции и постановлений съездов советов была введена в общую схему государственной власти и по отношению к национализации хозяйства.

С переходом к нэпу это централизованное хозяйство было разбито на экономические ячейки, допуская, рядом с национализацией, и хозяйствование частных лиц. Мы эту новую экономическую политику на юридическом языке изложили отчасти в своем Гражданском Кодексе.

Наш Г. К. вводит и у нас «Ю. л.», а его редактор, т. Гойхбарг следуя Леману прямо говорит, что и «правоспособность физического лица... предоставлена, октроирована (навязана) правопорядком». Но «в то время, как физическим лицам правоспособность делегируется в полном размере Г. К., правоспособность Ю. л. принципиально более узка, ибо — ограничивается пределами цели, для которой она была создана». В законе это выражено словами (ст. 13): «Ю. л. признаются объединения лиц учреждения или организации, которые могут, как таковые, приобретать права по имуществу вступать в обязательства, искать и отвечать на суде». К Ю. л. причисляются и «частные больницы, музеи, ученые учреждения, публичные библиотеки и т. д., по их учреждение целиком зависит от разрешения соответственных органов власти» (ст. 15) Для каких практических целей у нас потребовалось это последнее расширение понятия Ю. л. трудно сказать.

Ю. л. вообще должно иметь: 1) либо утвержденный или зарегистрированный (если достаточно одной регистрации) устав или положение, 2) либо, если оно относится к определенным в законе видам товариществ, преследующих хозяйственные цели, — надлежаще зарегистрированный договор.

«Рождение» Ю. л. «Правоспособность Ю. л. возникает с момента утверждения устава, а если закон требует лишь регистрации. — с момента регистрации» (ст. 14 Г. К.).

Смерть Ю. л. Ликвидация или «прекращение его существования определяется соответственным органом гос власти, если оно уклоняется от предусмотренной уставом или договором цели или если его органы (общее собрание, правление) в своей деятельности уклоняются в сторону, противную интересам государства». Участие Ю. л. в гражданском обороте, вступление в сделки и выступление на суде происходит через их органы, согласно устава или договора, или чрез общезаконных представителей последних.

Особое положение занимают предприятия и их объединения, переведенные на хозяйственный расчет и не финансируемые в сметном порядке (см. Тресты, Акц. обва). Они выступают в обороте, как самостоятельные

У нас потребность и смысл фикции абстрактного Ю. л. отпадают, как только мы подходим к нему с меркой конкретной. Кто скрывается за данным Ю. л.? Госуд. учреждения или частные лица? А в последнем случае, каков его личный состав? В то время, как буржуазное общество знает как общее правило, анонимное (акц.) общество из анонимных лиц (предъявителей акций), мы выдвигаем требование сведений о том, кто эти лица, к какому классу они относятся и т. д. Поэтому бесцельно расширять область применения понятия Ю. л.

Вопрос о Ю. л. у нас все еще остается в совершенно необработанном виде. Г. К. требует особой регистрации Ю. л., и относительно частных обществ, полных товариществ, акц. и уставных товариществ и иностранных Ю. л. это правило проводится строго. Но проф. союзы по Т. К. сами себя регистрируют, а как быть с правами их местных органов? Нынче ВЦИК объявил, что их месткомы не имеют права Ю. л., и пленум Верх. суда РСФСР 20 дек. 1926 г из этого сделал вывод на

будущее время по вопросу о рабочем кредите (журн. «Суд. практ. № 2/27). Партийные организации (ВКП(б), Коминтерн и его секции) не регистрируются особо, и споров об их правах Ю. л. не возникало. Тресты (см.) и синдикаты (см.) утверждаются в законном порядке. Но сложнее всего обстоит вопрос с правах гос учреждений, состоящих на госбюджете. Какие центральные и местные органы имеют право сами совершать договоры, обязываться обязательствами, искать и отвечать на суде? Кто из них имеет право обязываться векселями и г. д.? Эти вопросы еще ждут своего окончательного урегулирования. Верх. суд РСФСР (реш. пленума 28/VI—26 г.) так и разъяснил, что в этих случаях, при отсутствии прямого запрещения, судам приходится считаться с фактическими обстоятельствами дела. Но, разъясняет Верховный Суд (20 дек. 1926 г.), «взыскания по этим делам в большинстве случаев не могут быть произведены, поскольку госбюджетные учреждения не имеют соответствующих средств, а обращение взыскания на другие суммы и имущества законом не допускается». Таким образом возможность иска отделяется от возможности взыскания. Вопрос о сметных правах «местных» или «особых» управлений не урегулирован и поэтому при строгом проведении требования закона о Ю. л. создалось бы невозможное положение. Ныне ограничения в законе все же в значительной степени проведены, и пора бы приступить к кодификации этих положений. Крестьянский двор не пользуется правами Ю. л. договоры заключает и в суд является домохозяин, но крестьянское общество таковым является по закону, хотя у него обычно никакого общественного имущества нет, почему и взыскание производится обычно с отдельных домохозяев. Все эти недостатки ждут устранения.

И. Стучка

СОДЕРЖАНИЕ III ТОМА

Обеспечение	—	Партия	В. Адоратский.
Обеспечение иска	Ф. Вольфсон.	Паспортная система	А. Турубинер.
Обжалование (в гражданском процессе)	С Прушицкий	Патриотизм	—
Обжалование (в уголовном процессе)	Г. Рогинский.	Пацифизм	Г. Райнов.
Области	Г. Михайлов.	Пенитенциарные системы	Е. Ширвиндт.
Обнародование	В. Дябло.	Перемирие	Л. Иванов.
Обогащение	П. Ст.	Переходный период	П. Ст.
Обратная сила закона	П. Ст.	Петиция	А. Т.
Общая собственность	П. Ст.	Пиратство	Е. Пашукапис.
Общесоюзное или объединенное гос. политическое управление	М. Климов.	Плагиат	А. Э.
Общества и собрания	А. Колесников.	Платон	И. Р.
Общественное мнение	П. Р.	Пленные	Л. Иванов.
Общественное порицание	А. Э.	Плоды	П. Ст.
Общество	П. Р.	Повреждение или истребление имущества	А. Э.
Общество земельное	А. Л.	Подводная война	Е. П.
Община	А. Лисицын.	Подделка монеты, казначейских и банковых билетов	А. Эстрин.
Обыски и выемки	А. Вышинский.	Подлог	А. Э.
Обычное право	П. Стучка.	Подходный налог	Г. Болдырев.
Объект права	Е. П.	Подряд	С. Раевич.
Обязательные постановления	А. Колесников.	Подсудность	А. Вышинский.
Обязательственное право	П. Стучка.	Поединок или дуэль	А. Э.
Обязательство	П. Ст.	Позитивизм	П. Разумовский.
Обязательство абстрактное	П. Стучка.	Поклада	Ф. Вольфсон.
Ограничение средств войны	Е. П.	Покупка похищенного	А. Э.
Оккупация	Л. Иванов.	Покушение	—
Округ	Г. М.	Политика гражданско-правовая	П. Стучка.
Опека	С. Раевич.	Политика международная	Е. П.
Оппозиция	А. Т.	Политика права	П. Стучка.
Оптация	Е. П.	Политические преступления	А. Эстрин.
Органическая школа	П. Разумовский.	Политпросветработа	Ф. Павлов.
Ордена	К. Дунин-Борковский.	Политция международная	Л. Иванов.
Оружие	А. Т-р.	Половые преступления	В. Ундревич.
Освобождение от военной службы по религиозным убеждениям	С. Урешинович.	Поражение прав	В. Ундревич.
Оскорбление	А. Эстрин.	Порт	В. Егорьев.
Основные общесоюзного законодательства	П. Ст.	Портовые сборы	В. Егорьев.
Оставление в опасности	А. Э.	Порто-франко и вольные гавани	В. Розенблюм.
Ответственность государства	Е. П.	Поручительство	С. Раевич.
Ответственные политические работники	П. В.	Посредничество	Л. П.
Отозвание	П. Ч.	Поставка	—
Отчуждение	С. Р.	Потребительская кооперация	П. Смилга.
Охота	П. Зайцев.	Похищение имущества	А. Эстрин.
Охрана труда	С. Каплун.	Пошлины	Д. Кузовков.
Охрана труда (в угол. код.)	А. Эстрин.	Правила внутреннего распорядка	Г. Ривин.
Ошибка (в уголовн. праве)	А. Эстрин.	Право	П. Стучка.
Пай	П. Ст.	Правоведение (юриспруденция)	П. Стучка.
Парламентаризм	Г. Гурвич.	Правоотношение	П. Стучка.
Парламент	П. Челябинов.	Правосознание	П. Стучка.
Партизаны	Л. П.	Правоспособность	П. Ст.
		Предварительное следствие	А. Вышинский.
		Предприятие	А. Карасс.
		Представительство	Ф. Вольфсон.

Президент	И. Челябинов.	Родство	—
Презумпция	П. Ст.	Ростовщичество	А. Эстрин.
Прекарий	С. Р.	Русское право	С. Юшков.
Прелиминарий	Л. Иванов.	Руссо	С-й.
Прерогативы	В. Дябло.	Рыболовство в межд. праве	Т. П.
Преступление	А. Эстрин.	Саботаж	А. Э.
Преступление печати	А. Эстрин.	Самосуд	А. Э.
Преступления против по- рядка управления	А. Эстрин.	Самоубийство	А. Э.
Прецедент юридический	П. Стучка.	Самоуправление	Г. Михайлов.
Преюдиция	—	Самоуправство	А. Э.
Приданое	С. Р.	Санкция	А. Э.
Признание (в межд. праве)	Е. Пашуканис.	Сборы и пожертвования добровольные	А. Колесников.
Призы морские	Л. П.	Сварадж	Мукерджи.
Приказ начальства	А. Э.	Свидетели	С. Юшков.
Приказ судебный	В. Тадевосян.	Свидетели	Г. Рогинский.
Примирительно - третей- ское разбирательство	И. Войтинский.	Связь народная	А. Любвиц.
Присвоение власти	А. Э.	Сделка юридическая	П. Стучка.
Присяга	А. Т.	Севооборот принудитель- ный	—
Провокация	В. Максимовский.	Сельско - хозяйственная кооперация	П. Смилга.
Прокуратура	А. Вышинский.	Сельско - хозяйственный кредит	П. Смилга.
Промысловая кооперация	А. Афонский.	Сельско - хозяйственный налог	Т. Пьяреков.
Промысловый налог	П. Падейский.	Сельсоветы	Г. Михайлов.
Промышленные образцы	С. Раевич.	Семейное право	П. Стучка.
Пропаганда	В. Кнорин.	Семья	В. Максимовский.
Проституция	Л. Левин.	Сепаратный мир	Л. Иванов.
Протекторат	Е. П.	Сервитут	С. Раевич.
Профессиональный союз	А. Чекин (В. Яроц- кий)	Синдикализм	Г. Зайдель.
Проценты	П. Стучка.	Синдикат	А. Карасс.
Психологическая теория права	К. Яичков.	Служба государственная	А. Т.
Пути сообщения	Д. Сверчков.	Смертная казнь	А. Эстрин.
Рабочее время	С. Каплуи.	Смешанные суды	Г. Л.
Рабство	Я. Берман.	Собственности	П. Стучка.
Равновесие сил	Г. Ташкевич.	Совет народных комисса- ров	И. Челябинов.
Радиоправо	Г. Ташкевич.	Советская конституция	И. Челябинов.
Развод	П. Стучка.	Советское право	И. Стучка.
Разделение властей	И. Челябинов.	Советы народного хозяй- ства	Л. Гинцбург.
Разоружение	Т. Райнов.	Совместительство	А. Л.
Райисполкомы	Г. М.	Совокупность преступле- ний	А. Э.
Райсоветы	Г. М.	Совхозы	А. Л.
Растрата	А. Эстрин.	Согласие потерпевшего	А. Э.
Расеночно - конфликтные комиссии	И. Войтинский.	Солидаризм	И. Р.
Расчетная книжка	Г. Р.	Солидарное обязательство	Ф. Вольфсон.
Революционное правитель- ство (бурж.)	С-й.	Сопротивление власти	А. Э.
Революционное правитель- ство (пролет.)	П. Стучка.	Сословие	С. Юшков.
Революционный трибунал (франц. революции)	С-й.	Соучастие	А. Эстрин.
Революционный трибунал (Октябрьск. революции)	И. Крыленко.	Социализация земли	А. Павлов.
Революция	В. Адоратский.	Социализм	В. Адоратский.
Регресс	Ф. В.	Социальное обеспечение	А. В.
Реквизиция	С. Раевич.	Социальное страхование	Э. Теттенборн.
Религиозные общества	А. Колесников.	Социологическая школа уголовного права	С-й.
Религиозные преступления	А. Эстрин.	Социология	И. Разумовский.
Религия	А. Логинов.	Союз почтовый всемирный	Л. Иванов.
Рента земельная	П. Стучка.	Союз телеграфный все- общий	Л. Иванов.
Репарации	Т. Райнов.	Союзы международные	Л. Иванов.
Репрессалии	Л. Иванов.	Спекуляция	А. Эстрин.
Реторсии	Л. И.	Специальные ставки	И. Войтинский.
Рецидив	В. Ундревич.	Спиноза	А. А.
Решение	С. Прушниккий.	Справедливость	С. Раевич.
Римское право	И. Стучка.	Ссылка	Е. Ширвинат.

Статистика уголовная	—	Улучшения	—
Стачка	В. Яроцкий.	Улучшения земельные	П. Стучка.
Страхование	Е. Данилова.	Ультиматум	Л. П.
Субъект права	П. Стучка.	Умысел	А. Э.
Суверенитет	П. Челябин.	Уния	—
Суд	П. Стучка.	Условное освобождение	Е. Ш.
Судебная медицина	Т. Сегалов.	Условное осуждение	Е. Ширвиндт.
Судебное следствие	А. Вышинский.	Устав	А. Колесников.
Судимость	А. Э.	Устав ВКН (б)	С. Дманштейн.
Судопроизводство (гражданское)	С. Прушицкий	Усыновление	П. Ст.
Судопроизводство (уголовное)	А. Эстрин.	Утилитаризм	П. Р.
Судоустройство (в бурж. странах.)	А. Эстрин.	Ученичество	П. Каминская.
Судоустройство СССР	Д. Курский	Учредительное собрание	Н. Челябин.
Сферы интересов	Л. Иванов.	Факторы преступности	А. Эстрин.
Тайный совет	А. Турубинер.	Фальсификация	А. Э.
Таможенная политика	Б. Розенблюм.	Фашизм	Е. П.
Таможенный союз	Б. Розенблюм.	Федерация	Н. Челябин
Таможенный тариф	Б. Розенблюм.	Фейербах Анзельм	—
Телесные наказания	Б. Утевский.	Фейербах Людвиг	П. Р.
Телесные повреждения	А. Эстрин.	Феодализм	С. Юшков.
Теократия	П. Челябин.	Ферри	—
Территория	Е. Пашуканис	Философия права	П. Разумовский.
Террор (в бурж. рев.)	С-й.	Финансовый контроль (международный)	Г. Лашкевич.
Террор (в прод. рев.)	М. Климов.	Финансы	М. Бронский.
Товарищество	П. Стучка.	Фирма	С. Раевич
Товарные знаки	С. Раевич	Фихте	П. Р.
Толкование законов	П. Стучка.	Флаг	К. Дунин - Борковский.
Торги	Л. Гинцбург	Флот (военный и торговый)	Е. Престин.
Торговая политика	Б. Р.	Фракция	П. Т.
Торговая политика (внутренняя)	П. В.	Хартия	П. Ч.
Торговля	А. Колесников.	Хозяйственные преступления	А. Э.
Торговое мореплавание	В. Егорьев.	Хулиганство	А. Э.
Торговое право	С. Раевич.	Цель в праве	П. Стучка.
Торговые книги	С. Р.	Централизация	В. Беляев.
Торговые представительства	—	Центральное статистическое управление Союза ССР	В. Арнольд.
Транзит	Б. Розенблюм.	Центральный архив РСФСР	В. Максаков.
Транспортное право	С. Гераков.	Церковно - политические учения	П. Фиолетов
Трест	С. Раевич.	Церковь	С. Юшков.
Третейский суд	С. Прушицкий.	Цессия	С. Р.
Третейское разбирательство между споров	Л. Иванов.	Циркуляр	А. Турубинер.
Третья школа уг. права	—	Чек	С. Раевич.
Трудовая повинности	Т. Ривин.	Шайка	А. Э.
Трудовое землепользование	А. Лисицын.	Шантаж	А. Э.
Трудовое посредничество	М. Рубинчик.	Шарнат	Ю. Александров
Трудовое право	П. Войтинский	Школа общеобразовательная	М. Инстрак.
Трудовое право международное	Д. Хлебников.	Школа высшая	П. Челябин
Трудовой договор	П. Войтинский.	Шпионаж	А. Э.
Трудовые особые сессии нар. судов	Е. Малков.	Штаммлер	С. Булатов.
Убийство	А. Эстрин	Штаты	Р. З.
Увольнение	Г. Ривин.	Штейн Лоренц	С-й.
Уголовное право	А. Эстрин.	Штраф	А. Э.
Уголовно-процессуальный кодекс	П. Крыленко	Экспертиза (в уголовном процессе)	Г. Рогинский.
Уголовный кодекс РСФСР	П. Крыленко.	Эмбарго	Л. П.
Уголовный розыск	А. Э.	Эмиграция	Т. Райнов.
Угроза	А. Э.	Энгельс Фридрих	В. Адоратский.
Унеполкомы	Г. Михайлов	Энциклопедия права	Д. Л.
Уклонение от военной службы	—	Этика	П. Р.
Укрывательство	А. Э.	Юридический социализм	П. Стучка.
		Юридическое лицо	П. Стучка.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Общая редакция **П. И. Стучка**

Редакторы отделов и подотделов

Теория общества и государства	В. Адоратский, П. Стучка.	Международное право . . .	Е. Пашуканис.
Государственное право . . .	Г. Гурвич, Н. Челяпов.	Административное право .	Г. Михайлов.
Хозяйственное (гражданское) право	П. Стучка.	Трудовое право	И. Войтгинский.
Уголовное право	А. Эстрин.	Земельное право	А. Лисицын.
История политических учений	И. Разумовский.	Финансовое право	Д. Боголепов, М. Бронский, Д. Кузовков.
		Гражданский процесс	С. Прушицкий.
		Уголовный процесс	А. Вышинский.
		Торговая политика	Б. Штейн.

Ученый Секретарь **А. Горовиц.**

Авторы статей, помещенных в Энциклопедии государства и права

Курсивом даны сокращенные фамилии

1. Адоратский В.	38. Климов М.	77. Рогинский Г.
2. Александров Ю.	39. Кнорин В.	78. Розенблюм Б.
3. Александровский С.	40. Кокшайский П.	79. Розмирович Е.
4. Ангаров А. (А. А.)	41. Колесников А.	80. Рубинчик М.
5. Арнольд В.	42. Крыленко П.	81. Сверчков Д.
6. Афонский А.	43. Кузовков Д.	82. Свидаерский А.
7. Беляев В.	44. Күрский Д.	83. Сегалов Т.
8. Берман Я. А.	45. Лашкевич Г.	84. Сережников В.
9. Берман Я. Л.	46. Левин Д.	85. Смилга П.
10. Боголепов Д.	47. Левин Д. Б.	86. Смилга П.
11. Болдырев Г.	48. Лисицын А.	87. Соловьев З.
12. Бранденбургский Я.	49. Логинов А.	88. Старосельский Я.
13. Вронский М.	50. Лозовый А.	(С-й)
14. Булатов С.	51. Лупшол П.	89. Стучка П. (П. Ст.)
15. Виноградский П. (Н. В.)	52. Любович А.	90. Сухолюев П. (И. С.)
16. Вишневецкий А. (А. В.)	53. Лях А. (А. Л.)	91. Тагер С.
17. Войтгинский П. (И. В.)	54. Макаев В.	92. Тадевосян В. (В. Т.)
18. Вольсон Ф. (Ф. В.)	55. Макеямовский В.	93. Теттенборн З.
19. Вышинский А.	56. Малков Е.	94. Трояновский К.
20. Галактионов М.	57. Милютин В.	95. Турубинер А. (А. Т.)
21. Гераков С.	58. Михайлов Г.	96. Ундревич В.
22. Гинцбург Л.	59. Модель М.	97. Уревинович С.
23. Глузман А.	60. Мукерджи А.	98. Утевский Б.
24. Гурвич Г.	61. Пехамкин П.	99. Фиолетов П.
25. Данилова Е.	62. Павлов А.	100. Фрейберг П.
26. Диманштейн С.	63. Павлов Ф.	101. Хлебников Д.
27. Дунин-Борковский К.	64. Падейский П.	102. Челянов П.
28. Дябло В.	65. Пашуканис Е. (Е. П.)	103. Чельцов Ю. (Ю. Ч.)
29. Егорьев В.	66. Пистрак М.	104. Чудновский Ф.
30. Зайдель Г.	67. Плоткин М.	105. Ширвиндт Е.
31. Залкинд Л.	68. Поволоцкий М.	106. Шульц А.
32. Зилов С.	69. Подземский А.	107. Эстрин А. (А. Э.)
33. Иванов Л. (Л. Н.)	70. Полюдов Е.	108. Юшков С.
34. Имяреков Т.	71. Престин Е.	109. Яроцкий В.
35. Каминская П.	72. Прушицкий С.	110. Яичков К.
36. Каплун С.	73. Раевич С.	
37. Карасс А.	74. Райнов Т.	Корректора:
	75. Разумовский П. (И. Р.)	В. Печуров
	76. Ривин Г. (Г. Р.)	П. Печасев.

РЕГИСТР

(Жирным шрифтом указаны слова, на которые имеются специальные статьи)

А

- Аболиционизм** I, 1
Аболиция в уголовном праве I, 1-2.
Аборт I, 2-8; естественный I, 3; искусственный I, 3, 4, 5; законный I, 4; нелегальный I, 4, 6.
Абсентеизм II, 73-75, 97-98.
Абсолютизм I, 8-10, 13-15, 17, 18 664-665; II, 320; III, 1492-1493;
Абсолютизм — идеология. I, 10-18.
Абсолютная монархия I, 8, 9.
Абсолютное право I, 18-19.
Абсолютные права государства I, 19 21.
Абстрактные обязательства I 373.
Аванс I, 21, I, 1142; III, 308
Авария I, 21-23; а. общая I, 21, 22; а. частная I, 23; а. малая I, 22; а. взаимного вреда I, 23;
Аварийный расчет I, 22
Августин II, 347.
Автономия I, 23-45. а. воли I, 23; а. высшей школы I, 24; а. административная I, 25; а. законодательная или политическая I 25; а. национально-территориальная I, 30; а. культурно-национальная I, 27-30; а-ная провинция I, 26; а-ная область I, 25, 34, 35-36, 44-45; а-ная колония I, 38-44, 45; а-ная республика I, 34, 36-37; III, 921
Автор III, 282.
Авторское право I, 45-53; II, 531-532; III, 282. а. п. в международном праве I, 50-53; II, 205-206; а. п. в неприяельском государстве II, 1387
Агитатор I, 53.
Агитация I, 53, 246-247; контр-революционная а. I, 53.
Аграрная программа большевиков в 1917 г. I, 1203-1204; эсеров I 1204; III, 965-968; столыпинская I, 1203.
Аграрная реформа 1861 г. I 1203
Аграрный закон I, 54-55
Agrément I. 940-941.
Адвалор III, 1141
Адвокатура I, 55-62.
Адлер Г. I, 114.
Административная гарантия III 477-478.
Административная юстиция I, 62-68. 1206.
Административное право I, 68-73; а-ная автономия I, 25; а-ная власть II, 1371-1375; а-ная высылка III, 70; а-ная гарантия I, 1003-1004; а-ная функция I, 76-77; а-ный надзор III, 1204-1205; а-ный арест II, 771-773 775-776
Административно-территориальное деление III, 127-129.
Административный акт I, 73-77
Администрация, I, 77-78.
Адопция III, 1388.
Ажиотаж III, 1020.
Активное право посольства I, 939.
Акты гражданского состояния I, 78-93.
«Акты правительства» I, 65-66.
Акцепт банковый I, 217.
Акцепт вексельный I, 357.
Акцессия (принцип) I, 626.
Акциз I, 352-353; 412; II, 1090-1091; III, 1445-1446.
Акционерное общество I, 93-98, 218-220; III, 211-212, 458-461, 978.
Акционное представление III, 589.
Акция I, 94; 98.
Алеаторные договоры II, 5
Алексеев Н. Н. III, 1440.
Алиби I, 98-99.
Алимен III, 1261
Алименты I, 99-101, 874; III, 851.
Алкоголизм III, 1206.
Альтернативное обязательство I, 101-103.
Альтернативные решения судов I, 103
Альтузий III, 139
Амальгамация III, 578.
Амвросий Медиоланский II, 345.
Амнистия I, 103-112. I 2, 916
Амон I, 149, 154; III, 1011
Аналогия I, 112-114; III, 496-498.
Анархизм I, 114-135; III, 575.
Анархо-коммунизм I, 130-131 135
Анимизм II, 8.
Анкета I, 135-138 1168; а парламентская I, 136-137.
Аннексия I, 138-141, 172; III, 124, 562-563.
Аннулирование I, 141-146, 981-982; II, 616-617, 619; международных договоров I 981-982; государственных долгов II, 616-617, 619.
Антисемитизм I, 512, III, 975
Антропологическая школа уголовного права I, 146-155, 423-424; II, 792-793, 920-922.
Антропометрия III, 1088.
Апелляция III, 8 43, 515-516 1119, 1126-1127, 1254, 1342.
Аполон II, 195.
Арбитр, III, 1255, 1255-1256.
Арбитраж II, 752; III, 1249-1250.
Арбитражные комиссии I, 155-164, 257; II, 1393-1394; III, 1249-1250, 1254; высшая А. К. I, 156.
Аренда I, 164-172, 647-648, 1135; II, 1052; III, 1368-1370 1370-1372

Аренда голодная I, 168.
 Аренда земли I, 645—648.
 Арендатор парцеллярный I, 168.
 Арендная плата I, 169—170, 1200.
 Арене Г. III, 141, 1582.
 Арест II, 771—773, 776, 778; превентивно-судебный II, 772; превентивно-административный II, 772—773, 778; карательно-административный II, 773, 778; административный II, 771—773, 775—776.

Арест имущества I 398—399; III, 6.
 д'Аржентре II, 875—876.
 Аристократия I, 613.
 Аристотель I, 172—179, 1078, 1079.
 «Аркос» III, 1202.
 Армия I, 179—196, 952—954, III, 236—238; иостоянная А.—I, 474—475; национальная А.—I, 183—185; добровольческая А.—I, 185; линейная А.—I, 185; милиционная А.—I, 190, 192—193, 474—475.

Арнда I, 1231.
 Артель I, 196—208; трудовая А. I, 200—202; А. инвалидов I, 203—204; А. безработных —I, 202; рабочие А-ли III, 542; А-ли кустарно-промысловые I, 202—203; А. биржевые I, 197; А. сельско-хозяйственные I 204—208; II, 445—446, 450—451, 452; А. ответственного труда I, 202.

Архивные материалы III, 1507.
 Ассигнации I. 830—831.
 Ассистент III, 1551.
 «Ассоциативная школа» кооперации III, 542—543.
 Атавизм I, 148, 152.
 Атеизм II, 843.
 Аффект состояние А III, 1157

Б

Бакуини I, 125—130.
 Баланс активный торговли III, 1199.
 Бандитизм I, 209—213; III, 405.
 Банки I, 213—232; 122; II, 619—620; III 7, 833—835; Б-к госуд. РСФСР I, 223—225; Б-к госуд. СССР I, 225; Всероссийский кооп. Б. I, 230. Электро-Б. I, 229—230; Центральный Б. коммунального хозяйства и жилищного строительства I, 229; Б. для внешней торговли СССР I 228—229; Российский Коммерческий Б. I, 228; Б. Российско-Торгово-Промышленный (Промбанк) I, 225—227; Центральный Сельско-Хозяйственный Б. I, 227—228; III 833—835; Б. эмиссионные I, 215—219; коммунальные I, 229. «жиро-Б» I, 214; пассивные операции I 215; активные операции I, 216—217

Банковая система кассового устройства II, 391—392.

Банковские операции I, 387—388; пассивные I, 215; активные I, 216—217

Банковые билеты I 432.
 «Банковский акцепт» I, 217.
 Банкнотное обращение I, 826—827
 Банкноты I, 215, 812, 827—828, 829, 841; II, 595—596, 597, 603—605.

Банкротство II, 1389—1395.

Банкротство государственное II, 615—616.

Банкромфтовы договоры I, 232.
 Бармта (баранта) II, 982.
 Барнав II, 321, 855.
 Бартола II, 875.

Бастиа I, 566.
 Батрачество I, 233—239; III, 1295—1296.

Бауэр Бруно I, 563; III, 1419.

Бауэр Отто I, 27—28; II, 721; III, 976.

Бабель I, 582.
 Беджгот II, 328.

Безбилетный проезд по железным дорогам I, 401.

Безвестное отсутствие I, 90—91.
 Бездействие власти I, 1024.

Безденежные расчеты II, 599—605.
 «Безобъектные» права III, 102.

Безопасность труда III, 200.
 Безответственность главы государства I, 592.

Безответственность депутатов II, 137—138.

Безработица I, 863; III, 994—995, 1405

Беккариа I, 239—241; II, 175, 915.

Белерми I, 16.
 Белим III, 1584.

Бенефиция III, 1423, 1424.

Бентам Иеремия II, 735, 917—920; III, 134, 1391, 1392—1394.

Бергбом К I, 972—973, 1073; II, 299; III 317—318.

Береговые воды I, 241—244.
 Беременность I, 2, 1119—1120.

Берк Эд. II, 300.
 Бернер I, 1013; II, 588.

Бернштейн I, 95; II, 858.

Берт III, 862, 864
 Бертелеми I, 65.

Бесподданство I, 729.

Беспорядки (массовые) I, 244—247

Беспризорность детская I, 891—893; III, 1405.

Бесхозяйное имущество I, 247—248

Бесхозяйственность III, 1470—1471

Бесчестие I, 248—249; III, 155.

Библиотечное дело III, 348—349.

Билет казначейский III, 295—297.

Биметаллизм I, 102, 824, 825

Биндер II, 367.

Биндинг I, 415, 1014, 1021.

Бинкерсдук II 868

Биржа I, 249—250; III, 1019—1020, 1250.

Биржа товарная I, 253—255.

Биржа труда III, 1271—1276; муниципальная III, 1271—1272; филантропическая III, 1272; госуд. Б. Т. III, 1272—1273

Биржа фондовая I, 257—260.

Биржевая игра II, 6—7.

Биржевая котировка цен I, 254

Биржевой маклер II, 480.

Биржевые арбитражные комиссии I, 256—257.

Бисмарк I, 272.

Блекстон II, 189—190.

Блокада I, 260—263; бумажная б I, 260;

Б. советской России II, 1004.

Блокада мирная II, 1002—1004.

Блунчли I, 462; III, 139

Бове Винцент III, 139.
 Боден Жан I, 14—15: III, 1076.
 Бодмерея II, 1039.
 Бодо II, 730.
 Боевой экономизм III, 574.
 Бойкот I, 263—266; в международных отношениях I, 265.
 Бойкот (капитан.) I, 263.
 Большинство I, 266—272; Б. относительное I, 266—267. Б. абсолютное I, 266—267.
 Бональд II, 300.
 Бонфис II, 224—225.
 Боссюэт I, 15—16.
 Брайон II, 333.
 Брайс Д. I, 790, 791, 848; II, 332.
 Брак I, 272—277; I, 78—79, 92, 460, 733, 735—736; III, 851, 1538—1539; гражданский Б.—I, 275; Б. групповой III, 854; Кровно-родственный Б. III, 854; Б. в международном частном праве II, 885—886; Б-и консульские и дипломатические II, 886: I, 277—278.
 Брак и развод дипломатические I, 277—278; II, 886.
 Братание на фронте III, 272—273.
 Брачное право II, 886—887.
 Брачные обряды III, 856—857.
 Брачный возраст I, 81; III, 1538.
 Брейд-вымпел III, 1456.
 Брест-Литовский мир III, 860.
 Бридель III, 1585.
 Броня подростков в предприятиях I, 863; III, 1396.
 «Бросовые цены» III, 870.
 Брусс Поль I, 130.
 Брутто-Бюджет I, 313.
 «Бумажная Блокада» I, 260.
 Бумажные деньги I, 812, 827—838.
 Буржуа Леон III, 944.
 Буржуазия I, 26—27.
 Буржуазная демократия I, 804—810.
 Буржуазная революция I, 786, 798—800.
 Буржуазная революция и гражданское законодательство I, 278—295.
 Буржуазное государство I, 669—673, 679—681, 685—698.
 Буржуазное общество II, 17—32.
 Буржуазное право I, 295—299; III, 339—344.
 Бурламаки II, 867.
 Бухарин Н. I, 115.
 Бюджет государственный I, 299—339; II, 388—389, 987—991; III, 1446.
 Бюджет местный I, 323—330; II, 949—950, 965—967; III, 1449.
 Бюджет союзных республик II, 1241.
 Бюджетное право I, 321—339.
 Бюлов Оскар III, 1109—1110.
 Бюро всемирного почтового союза I, 345.
 Бюро жалоб I, 339—340.
 Бюро международные I, 344—348; II, 760—761.
 Бюро междугосударственного Союза для защиты произведений искусства и литературы I, 345—346.
 Бюро междугосударственного Союза для защиты промышленной собственности I, 345.

Бюро междугосударственного Союза для борьбы с работоторговлею I, 346.
 Бюро международного Союза для опубликования таможенных тарифов I, 346.
 Бюро постоянной сахарной комиссии I, 347.
 Бюрократизм I, 344.
 Бюрократия I, 340—344.

В

Вакуф III, 1540—1541.
 Вальполь II, 327.
 Ван-Гамель I, 146, 425.
 Варкениг III, 1582, 1584.
 Варрант III, 321—322.
 Вассал I, 349; III, 1425, 1426.
 «Вассалитет» I, 349—350.
 Вассальное государство I, 349—350.
 Вверительные грамоты I, 940.
 Ввоз и вывоз I, 350—353, 450.
 Ведомство I, 353—354.
 Вексель I, 354—357; I, 216—217; III, 119—120, 948; простой (соло) В. I, 355; переводный В. I, 354, 356—357; векселенадписатель I, 356; III, 697; вексельный мораторий II, 1030—1031.
 Вексельная давность I, 356.
 Вексельное поручительство III, 387.
 Вексельный устав I, 355.
 Великая французская революция I, 278—295; III, 388—339, 777—782.
 «Великая Хартия Вольностей» I, 322, 1467—1468.
 Великие державы I, 357—359.
 Вендель II, 869.
 Венерические болезни I, 1192—1195.
 Вербовка войск I, 359—361, 472.
 Вероисповедание III, 702—708, 710—715.
 Версальский договор III, 641.
 Верхние палаты I, 788—790.
 Верховная власть III, 466—469, 1163.
 Верховный суд I, 361—369, 958; III, 1132—1133, 1343, 1344; В. с. РСФСР I, 367—369; В. с. СССР I, 366—367; III, 161; швейцарский В. с. I, 365; английский В. с. I, 364—365; С. А. С. Ш. В. с. I, 363—364.
 Вето I, 590; II, 1253.
 Вещественные доказательства I, 369—371, 990—991; III, 1094.
 Вещное право I, 371—374, 18; II, 884—1390—1391; III, 119.
 Вещный иск I, 374—376.
 Вещь I, 376—379, 372; III, 289—290; В. движимая I, 372, 377—378, 379; В. недвижимая I, 372, 377—378, 379; В. главная и принадлежность главной В. I, 379; В-и делимые и неделимые I, 378; В-и заменимые и незаменимые I, 375, 378; В-и изъяты из оборота I, 378, 379; В-и телесные и нетелесные I, 378; В-и плодоприносящие I, 379.
 Взаимость I, 379—384; формальная I, 381—382, 383; материальная I, 381—382, 383.
 Взыскание I, 384—400, 1240; III, 512—516; В. в спорном порядке I, 385—386; В. в бесспорном порядке I, 385—386, 393;

В. на зарплату I, 397; имущество не подлежащее В. I, 396; льготы крестьянским хозяйствам I, 396—397; В на оборудование фабрик и заводов I, 397; В. на имущества госучреждений госбюджетных I, 397.

Взыскания административные I, 400—413, 449, 1016; II, 267; В. а за нарушение постановлений о налогах I, 412—413; В. а. за нарушение правил и постановлений об акцизе I, 412; В. а.—налагаемые органами милиции по постановл. ВУЦИК'а I, 404; В. а.—штрафы I, 404; В. а.—протоколы и наблюдение в полосе отчуждения ж. д. I, 403; В. а.—за несоблюдение постановлений, направленных к охране жизни и здоровья трудящихся I, 402—403; В. а.—за нарушения правил и инструкций о порядке гражданской авиации I, 402; В. а., за нарушение правил учета и переписей лошадей, рабочих животных, повозок и упряжи I, 402; В. а.—за несвоевременный платеж налогов и сборов I, 401; В. а.—за несвоевременный платеж единого с.х. налога I, 401—402; обжалование а В. I, 404—405; В. а.—за контрабанду I, 410—412.

Взыскатель I, 393.

Взятка II, 1368.

Взяточничество I, 413—419.

Виги II, 733—734.

Видок III, 810.

Виза I, 419—420.

Визитация I, 420—421.

Вильсон Вудро II, 332, 333, 748.

Вина I 421—429; II, 912—913; III, 481—482.

Виндельбанд В. II, 11, 367.

Виндикация I, 429—434, 374—375

Виндшейд I, 1231.

Винклер I, 1083.

Виновность I, 442.

Вице-консул II, 514.

Вклады I, 215; III, 1180.

ВКП(б) I, 934—935; III, 241—248 554—556, 1384—1388.

Владение I, 434—440; III, 896.

Власть I, 440—442, 671, 672—673, 682—683; III, 527—529, 632—638.

Власть государственная I, 16, 671, 672—673, 682—683; II, 39—40.

Власть на местах I, 441—442; II 266; III, 921.

Власть политическая I, 441.

Власть экономическая I, 440—441

Вменение I, 442—444, 423.

Вменяемость III, 1090—1091 1417.

Вмешательство во внутренние дела государства II, 226—227, 229.

Внебиржевые сделки I, 256

Водное право I, 445—446.

Военная конкуренция III, 638—644.

Военная служба I, 410, 474, 485, 550—551; II, 213; III, 150—153, 1365—1367.

Военная техника III, 121—124

Военное положение II, 264.

Военное положение на театре военных действий I, 446—450.

Военнопленные III, 285—289.

Военно-служащий I, 195.

Военные округа II, 940.

Военный коммунизм I, 495—499; II, 679—680; III, 928—929, 1290.

Возбуждение гражданского дела III, 1112.

Возбуждение уголовного дела III, 1336.

Воздушная бомбардировка I, 457—458, 458—459.

Воздушная война I, 456—459.

Воздушное право I, 450—459.

Воздушное пространство I 453—456.

Воздушные полеты I, 456.

Воздушные суда I, 455—456.

Возобновление утраченных документов I, 459—460.

Возраст в гражданском праве I, 460—461, 236; II, 86—87.

Воинская повинность I, 471—481, 194.

Воинские преступления I, 481—493.

Война (право войны) I 461—471 243, 421, 542, 982; III, 121—127, 285—289, 510—511, 638—644, 701—702, 717—727; революционная В. I, 462—463; национально-освободительная В. II, 463; империалистическая I, 462; «оборонительная» и «наступательная» I, 462; В. морская I, 467—468; В. подводная III, 292—294; В. химическая III 123; В. воздушная III, 123; В. минная III, 124.

Волисполкомы (ВИК) I, 493—501.

Волостное правление I, 502.

Волостное самоуправление I, 503—504.

Волостной старшина I, 502.

Волостной суд III, 1125—1126

Волостной сход I, 502.

Волость I, 501—504.

Вольные гавани III, 382—384.

Вольные города III, 380—382.

Вольные зоны III, 384—385.

Вольтер I, 7, 239, 240, 281, 1094.

Вольф Хр. I, 17—18, 1105; II, 867

Воля I, 505—508, 40—41.

Вооруженный мир. I, 508—509.

«Вопрос» парламентский I, 1165

Вормс Рене III, 146.

Воровство II, 172, 173, 174, 175.

Воспитание III, 129—132.

Восстание I, 509—511, 463—464.

Вотум множественный III, 48.

Вражда национальная I, 511—514.

Врачебная тайна I, 1195.

Вред I, 514—517, 899—900; III, 111—материальный I, 515; «моральный В.» I, 515.

Временное правительство II, 1017

Временные рабочие III, 1297.

Всеобщая воинская повинность I, 187—188.

Всесоюзный Съезд Советов III, 915—916.

Вскрытие III, 1094.

ВСНХ I, 600—602, 605—606; III, 926—932.

Вступление в законную силу I, 517—519.

Второй Интернационал II, 491—858; III, 261—262.

ВЦИК II, 141, 910.

ВЧК III, 66—67.

В'езд и выезд I, 450.

Выбор подданства I, 732—733; III, 134—136.
 Выборная кампания III, 240—241.
 Выборные должности III, 367, 368
 Вывоз I, 350—353
 Вывозная премия I, 1045.
 Выговор I, 519—520.
 Выгодоприобретатель по страхованию III, 1062, 1063—1064.
 Выдача преступников I, 520—525: общих-уголовных I, 521—522; политических I, 522—523.
 Выдел из общей собственности III, 64, 65.
 Выемки III, 96—98.
 Вызов войск I, 525—527.
 Вызывное производство по утраченным документам III, 1103.
 Выигрышные займы II, 610—611
 Выкуп I, 528—529, 623.
 «Выкуп мести» II, 979—980, 982.
 «Выкуп» невесты III, 500.
 Вымогательство I, 529—530, 416; II, 179; III, 1530.
 Выморочность двора I, 777—778.
 Выморочность наследства II, 1286.
 Вымпел III, 1456
 Выпускной курс % государственных займов II, 612—613.
 Выселение I, 531—535, 1128—1129.
 Высылка и ссылка I, 535—539; II, 267, 934, 1064; III, 70; административная I, 535—536, 538; II, 1064; судебная I, 538—539; В. за границу I, 538.
 Высылка иностранцев I, 539—544.
 Вычеты из зарплаты I, 1182, 1184—1185.

Г

Гаагские конференции I, 469; III, 639—641.
 Габеас корпус (Habeas corpus) I, 545—549; II, 1372—1373.
 Габелли I, 153.
 Гай I, 1081, 1082.
 Галлер К. Л. II, 301
 Ганс I, 562; II, 311
 Гарантии (в советск. трудов. праве) I, 549—552, 1190—1191; II, 461—462.
 Гарантии международные I, 552—555; II, 779.
 Гарантийные договоры I, 553.
 Гарофало I, 149—150, 154, 155; III, 478—479.
 Гаррингтон II, 855.
 Гарро II, 587; III, 1261
 Гарсон II, 587, 926.
 Гассенди III, 1589.
 Гвардия Красная I, 191.
 Гегель I, 555—561; II, 12, 14—15, 587, 588, 742; III, 137, 138—139, 140—141.
 Гегельянство I, 561—566; левое или младо Г. I, 563—566; правое или старо Г. I, 561—563.
 Гедеман III, 437—438.
 «Гедизм» III, 864.
 Геземан III, 1585.
 Гельвеций I, 240, 1103; II, 854—855; III, 1392.

Геминг I, 1083.
 Генерал-губернатор I, 744—748.
 Генеральное межевание I, 1214—1215.
 Генеральные Штаты III, 1398
 Геральдика I, 569—576.
 Герб I, 566—580; Г. СССР I, 578—579; I. РСФСР I, 577; Г. Москвы и Московской губернии I, 579.
 Гербовый сбор I, 83; III, 406, 410—411.
 Германский гражданский кодекс I, 580—582.
 «Герменевтика права» III, 1187.
 Гермоген I, 1081
 Геррес (фон) И. III, 142.
 Герцен II, 743.
 Гесс М. I, 125.
 Гессен I, 587, 787, 790; II, 746
 Геттис Фр. III, 1392.
 Геффекен II, 1003.
 Гигиена труда III, 200.
 Гизо II, 735.
 Гильдейский социализм III, 866—867.
 Гильом Жан I, 130.
 Гильфердинг Р. I, 95, 214, 250.
 Гимн I, 582—586; г. национальный I, 583—584; г. революционный I, 584—586
 Глава государства I, 586—594.
 Главки I, 602—604.
 Главкизм I, 594—611.
 Главконцесское II, 577
 Главный штаб I, 195
 Гладстон II, 328, 741
 Гласность (публичность) III, 80, 1118.
 Гоббс Томас, I, 611—615, 16, 1086—1087; II, 849—850.
 Говард I, 240; II, 917.
 Годвин I, 118—120
 Гойхбарг III, 1593—1596
 Голлянд III, 1585.
 Голосование по спискам II, 69—71.
 Гольбах I, 1103—1104; II, 850—852.
 Гольдшмит III, 1110, 1584.
 Гомруль I, 616—624.
 Гонорар I, 624—625; I, 48, 49, 50; II, 812.
 Горное законодательство I, 625—630.
 Город III, 1427, 1429.
 Городская черта I, 633—634.
 Городские думы II, 1060.
 Городские земли I, 630—638.
 Городские советы I, 638—645.
 Городские управы II, 1060—1062.
 Городское самоуправление II, 944—946, 1059—1062.
 Госбанк I, 223—225
 Госземимущества I, 645—648.
 Госплан I, 648—655.
 Госполитуправление I, 777—778; III, 66—70.
 Госетрах III, 1056—1057
 Гостеприимство II, 196—197.
 «Госторги» III, 1195.
 Государственная власть I, 16, 671—672—673, 682—683; II, 39—40.
 Государственная измена I, 548; II, 550—551.
 Государственная служба I, 416—417, 991—997, 998—999, 1029; III, 934—937, 368, 880—882.

Государственная собственность II, 166, 171.
 Государственное имущество I, 431—432, 397.
 Государственное управление II, 319.
 Государственные предприятия I, 311 314; II, 169.
 Государственные преступления II, 541—544.
 Государственные учреждения I 155—156, 161—162.
 Государственный аппарат I 1002.
 Государственный капитализм I, 9.
 Государственный контроль II, 1101—1108.
 Государственный минимум зарплаты I, 1188—1189.
 Государственный социализм II, 165 166; III, 972—978.
 Государство I, 655—699. 8, 19—21, 24, 25, 26—27, 115—117, 123, 126—127, 128—129, 176—179, 349—350, 558—560, 586—594, 613—614, 812—813, 936—937, 1101—1102, 1065—1066, 1069—1071; II, 354—361, 701—703, 717—718, 808—809, 810, 1412—1414 1416—1417; III, 165—183, 274—275, 421—422; г. буржуазное I, 669—673, 679—681 685—698; многонациональное г. I, 26—27 патриархальное г. I, 663—664; первобытное г. I, 663; г. переходного периода I, 659, 664—665; III, 907; г. прометарской диктатуры III, 1494—1495; г. простое I 677—678; г. сложное, I, 677—678; вассальное г. I, 677; г. союзное I, 677 союз г. I, 677—678; г. феодальное I, 664.
 Г. П. У. II, 777—778; III, 66—70.
 Грабарь II, 868—869.
 Грабеж I, 529—530; II, 173, 176, 178; III, 404—405.
 Грав Жан I, 133.
 Градовский II 744—745, 746.
 Гражданская война I, 513.
 Гражданская смерть II, 780.
 Гражданский иск III, 6.
 Гражданский кодекс РСФСР (история) I, 699—713.
 Гражданский Кодекс (система и оценка) I, 713—719.
 Гражданский оборот I, 719—720; II, 868—870, 1042—1043.
 Гражданский процесс III 535—541 736—741.
 Гражданское право I, 720—726, 776—779; II, 200—202; III, 324—328, 1214—1215.
 Гражданство I, 726—737, 521; II, 887—888, 1277—1278; III, 134—136, 1413—1414 территориальный принцип I, 728; национальный принцип I 728—729; декларативное установление в г. I, 730; принудительное установление г. I, 730 г. советское I, 731—737.
 Гракхи Тиверий и Кай I, 54.
 Границы государственные I, 737—740, 243, 1082.
 Гриви II, 330.
 Грегуар, аббат I, 20.
 Гирке I, 655.
 Гриффитс II 920.

Грольманн Карл III, 1417.
 Гроций Гуго I, 461—462, 520, 522, 972, 1084—1086; II, 527, 866—868, 1031—1032.
 Грузовой сбор III, 377—378.
 Грюн К. I, 125.
 Губернатор I, 740—755.
 Губернские земельные комиссии I, 1206—1214.
 Губернский суд III, 1131.
 Губисполком I, 756—764, 640; II, 264—265 910.
 Губсовдеп I, 756.
 Губсовет I, 756.
 Губсовнаркомы I, 756—757.
 Губсовнархозы I, 756—757.
 Губсуд I, 958.
 Губсезды советов I, 762.
 Гугеноты I, 14.
 Гуго Густав II, 304—306, 311.
 Гуляев, II, 532.
 Гумбольдт II, 742—743.
 Гумплович Л. II, 871; III, 435, 1011, 1014—1015.
 Гурвич Г. С. I 37.
 Гурнэ II, 730.
 Гуссерль II, 369, 1407, 1408.
 Гюббе-Шлейден II, 465.
 Гюйс-флаг III, 1456.

Д

Давность (гражданско-правовая) I, 765—767; III, 698—699; течение д. I, 766; II, 1030; исковая I, 767; вексельная I, 356; погасительная I, 765; приобретательная I, 765; специальная I, 767; д. в земельных спорах I, 765, 767.
 Давность дисциплинарная I, 956.
 Давность уголовная I, 767—771.
 Дайси I, 364, 547.
 Дактилоскопия III, 1088—1089.
 Дальман I, 563.
 Дальноеземелье I, 1223.
 Данкварт II, 37.
 «Дань кровью» I 472.
 Дарвин I, 148.
 Дарданеллы и Босфор II, 339—342.
 Дарение I, 771—772; III, 111.
 Дауэса план III, 723—727.
 Движимость I, 772—773, 1158—1161; III, 397.
 «Двойное подданство» I, 232, 729—730.
 Двор I, 773—783; II, 803; III, 1269.
 Дворянство II, 811; III, 951.
 Двупалатная система I, 783—793.
 Двупалатные парламенты I, 788—791.
 Двупартийная система II, 322—329.
 Двуподданство I, 729—730, 232.
 Девальвация I, 142, 833—834.
 Дегейтер I, 585—586.
 Деградация классов I, 148.
 Дееспособность I, 793—794, 460, 461, 871, 971; II, 200—202, 881—882, 1336; III, 821.
 Дезертирство II, 335.
 Деканат III, 1549—1550.
 Декарт I, 1084.
 Декларация (налоговая) III, 303.

- Декларация прав I, 794—804, 33; III, 911.
 Деликт международно-правовой III, 172—181.
 Демобилизация II, 1010.
 Демократические свободы I, 807—808.
 Демократический централизм III, 911—912, 1495—1496.
 Демократия I, 804—810; 613, III, 77—81; Д. первобытная I, 663—664; античная Д. I, 805; Д. в средние века I, 805; Д. буржуазная I, 805—807, 808—848; Д. капиталистическая I, 808—809.
 Демокрит II, 848—849.
 Демунципализация II, 1049, 1304—1305.
 Денационализация II, 1304—1305.
 Денежная система СССР I, 841—844.
 Денежное обращение I 607—608; II, 595—599.
 Денежные бумаги на предъявителя I, 432.
 Деноминация бумажных денег I, 834.
 Деньги I, 810—844; II, 21.
 Деньги бумажные I, 812. 827—838.
 Деньги металлические I, 813—826.
 Деньги «твердо-ценностные» I, 836—837.
 Депозит I. 844—846; д. суда I, 844—845; III, 116; д. — договор поклада I, 844—845, III, 318—319; д. банковый II, 599—601.
 Депутат I, 846—854; д-ская безответственность II, 137—138; д-ская неприкосновенность I, 849; II. 138—139; отозвание I III, 186—187.
 Дербург I, 435—1231.
 Деспотия I, 854—856, 9; II, 1011—1012.
 Деспотия «восточно-азиатская» I, 10, 854—855.
 Дестю-де-Траси II, 735.
 Десятихатник II, 268.
 Детенирование II, 929.
 Детерминизм I, 423; II, 843.
 Дети I 92—93, 442, 728, 735—736, 872—875, 1121; III, 1388—1389.
 Детоубийство III, 1321—1322.
 Детская беспризорность. I. 891—893; III. 1405.
 Детская комиссия ВЦИК'а I, 875—876.
 Детская преступность I, 881—889.
 Детские консультации I, 983.
 Детский труд I, 856—863.
 Детское право I, 863—893.
 Децентрализация III 1491—1493.
 Деяние I, 893—920.
 Джентилис I, 16.
 Диалектика и право I, 921—927.
 Диалектический материализм I 926—927.
 Диалектический метод I, 557.
 Дидро I, 240, 281, 1103—1104; II, 853.
 Дизраэли II, 328.
 Диксарх I, 179.
 Диктатура I. 927—937; Д. буржуазная I, 694—697; III, 1411—1413; Д. отдельных лиц II, 262—263; Д. пролетариата I, 445—448, 808—809—810, 928—932, 933—937; III, 273—274, 276—277, 695—696, 907—908, 909.
 Дипломатические акты I. 937—938.
 Дипломатические документы I 937—938.
 Дипломатические паспорта I, 943, 941.
 Дипломатические письма и депеши I, 944.
 Дипломатические сношения III 1373—1374.
 Дипломатический корпус I, 942.
 Дипломатический представитель II, 516, 779.
 Дипломатическое представительство I. 938—945.
 Дискредитирование власти I, 1024—1025.
 Дискриминация III. 729.
 Диспашер I, 22.
 Диспансация I, 945—946.
 Диспозитивность III, 1106—1107.
 Диспозиция III, 800.
 Дисциплина I, 946—948; военная Д. I. 481—482—486; партийная Д., I 947—III, 244—245, 1387.
 Дисциплинарная власть I, 948—957.
 Дисциплинарная ответственность судебных работников I, 954.
 Дисциплинарная провинность I, 1000.
 Дисциплинарные взыскания I, 950, 951—952, 956—957, 1002. III, 114—415.
 Дисциплинарные проступки I. 1011—1015, 1017—1018.
 Дисциплинарный суд I, 957—959, 1000, 1017; главный Д. С. I, 457—458; губернский Д. С. I, 958.
 Диффамация II, 422—424.
 Добровольческая армия I, 185.
 Добросовестность и добрая совесть I, 960—964.
 Добросовестный владелец I, 964.
 Добросовестный приобретатель I 375—376.
 «Добрые нравы» I, 962.
 «Добрые услуги» III, 387—388.
 Добыча военная I, 964—966.
 Доверенность I, 966—967; II, 812.
 «Догматический формализм» II, 369.
 Договор I, 967—972; III, 440, 446, 418—450, 944, 1068, 1280—1281; Д. дефективные I, 971; кабальные Д. I 971 «мнимый Д.» III, 944.
 Договор международный I. 972—984, 552.
 Дознание I, 1378, III, 1339—1340.
 Доказательство I, 985—991, 99; II, 567; III, 96—99, 1094, 1118, 1338, 1566—1567.
 Документы I, 459—460.
 Долги государственные III, 1441—1444.
 Долги текущие II, 609.
 Долги фундированные II, 609.
 «Долговая яма» I, 395.
 Должник I, 393, 395; III, 697—699.
 Должностное лицо I. 991—1022; III. 167—169.
 Должностные преступления I, 1002—1030, 488—489, 1000, 1001—1002.
 Дом I, 1030—1032.
 Домен II, 162.
 Доминионы I, 38, 44; II, 984.
 Домохозяин I, 779—780; III, 1269.
 Донос (ложный) I, 1032—1035.
 Допризывная подготовка I, 475—476.
 Досрочное освобождение I, 1035—1043.

Доход I, 310—311; III, 289—290, 301—303, 715—717; доходные статьи I, 646. Д. государственные III, 1447—1448; Д. местные III, 1499; Д. неналоговые II, 954.

Доцент III, 1551.

Драго-Доктрина I, 1043—1045

Драго Луис I, 1043.

Дробимость крестьянских хозяйств I, 782—783; II, 803.

«Друг Детей» О-во I, 877.

Думнинг I, 1045—1048, 353; II, 148—149, 522.

Дунай II, 892, 894—895.

Духовенство I, 1048—1064; III, 953.

Душевноболевные I, 442.

Дуэль I, 461; II, 981—982; III, 312—313.

Дюги Леон I, 1064—1068, 66, 589; III, 456, 1483—1484.

Дюнан Анри I, 1107.

Дюплесси-де-Морнэ I, 14.

Дюион-де-Немур II, 730.

Дюприэ II, 330.

Дюринг II, 13.

Дюркгейм Эм III, 146, 1013—1014

Е

Европейский концерт II, 568—572

Единогласие I, 269.

Единство кассы II, 389—390

Единство партийное III, 244—245.

«Единый путь» доктрина II, 529—530.

Единый сельскохозяйственный налог I 401—402, 477—478; III, 1447, 836—839

Exsertio veritatis II, 422—424.

Елинек Георг I, 1069—1072, 8—9, 19, 589.

Елистратов А. И. I, 69, 70.

Естественное право I, 1073—1106, 13; II, 12; III, 432—433.

Ефимов Е. Н. I, 153.

Ж

Жалоба I, 518; III, 11—14, 22—23, 278—279; апелляционная III, 11—14; Ж. в уголовном процессе I, 518; Ж. на действия органов власти III, 278—279; Ж. частная III, 22—23.

Жез Гастон I, 66.

Железнодорожное право III, 1229—1237.

Железные дороги I, 401; II, 265—266; III, 1230—1237.

«Желтый билет» III, 559

Женевские конвенции I, 1107—1112; II, 499.

Женский труд I, 1112—1122.

Жетоны III, 803

Живая церковь I, 1061—1062.

Жид Шарль III, 943.

Жижиленко I, 1027—1028.

Жилая площадь I, 1128—1129, 1135—1136.

Жилищная кооперация I, 1130, 1130—1125.

Жилищное право I, 1122—1130.

Жилищное строительство I, 1129—1130. Жилищное товарищество и жилищно-арендное кооперативное товарищество I, 1130—1138.

Жилищный вопрос I, 1122—1124, 1124—1125.

Жиро-банки I, 214.

Жиро-счета I, 215.

Жюри: «большое Ж». «малое Ж» III, 1123

З

Забастовка III, 1041—1054.

Заблуждение II, 1338; III, 821.

Завещание (духовное) I, 1139—1142; II, 1281—1282, 1285.

Завладение I, 247; III, 1163—1164.

Завоевание III, 1163—1164

Заговор I, 510; III, 1529.

Заграничный паспорт III, 251—252.

Задаток I, 1142—1143, 21; III, 5.

Задержание II, 1361—1362; 3. незаконное II, 1378.

Заем (договор) I, 1143—1146.

Займы государственные II, 608, 612, 615, 620—622; внешние II, 609; внутренние II, 609; срочные II, 609—610; бессрочные II, 609—610; выигрышные II, 610—611; хлебный 3. II, 620; сахарный 3. II, 620.

Заклученные II, 296—297, 298.

Закон I, 1147—1150, 442; II, 180—181, 182—183; III, 415—430; 3. общесоюзный I, 1150; 3-ны союзных республик I, 1150; 3-ны автономных республик I, 1150; 3. местный III, 103—107; обратная сила 3. III, 58—64; вступление в силу III, 51

«Закон Лиича» III, 788.

Законность буржуазная I, 1151.

Законность революционная I, 1150—1155.

Законодательство III, 160—162.

Законопроект III, 235—236.

Закуп I, 1145, III, 761.

Залог I, 1155—1161, 1201; III, 5, 308, 322—323, 458, 1240; 3. земли I, 1157—1158; 3. несколькими лицами I, 1159; денежный 3. I, 1161—3. государственных доходов I, 552—553.

Заложники I, 1161—1163.

Заочное решение III, 9—11.

Заочные приговоры II, 908.

Запродажа I, 1163—1164.

Запрос парламентский I, 1164—1170

Заработная плата I, 1170—1192, 549—552, 1397; III, 184—186, 1558; натуральная з. п. I, 1176—1178; денежная I, 1176; квитанционная система I, 1177—1178; максимум з. п. III, 1023—1024; расчетная книжка III, 653—658.

Заражение венерическими болезнями I, 1192—1195; III, 1158.

Заседатель I, 1195—1198.

Застройка I, 1198—1202—399; II, 395

Застройщик I, 1200.

Защита III, 1127; з. в гражданском процессе I, 61—62; з. в уголовном процессе I, 61

Защита дичи от уничтожения III, 194.
 Земельная регистрация I, 1226—1227.
 Земельная рента III, 715—717
 Земельная собственность I, 1158; II, 668—669.
 Земельное право I, 776—779
 Земельные комиссии I, 1206—1214
 Земельные общества I, 634—635.
 Земельный кодекс I, 1202—1206; З. к. и Г. К. и Т. К. I, 1205—1206, 1209—1210.
 Земельный суд I, 1206—1207.
 Землепользователь III, 1268—1269.
 Землеустроительные действия I, 1224.
 Землеустройство I, 1214—1228.
 Земли общего пользования I, 637
 Земские учреждения в дореволюционной России II, 941—944.
 Земский начальник I 503; III, 1126.
 Земство II, 941—944.
 Зиммель Г. III, 1011, 1013.
 Зинцхсймер II, 452—453.
 Златоуст Иоанн II, 345—346.
 Злонамеренное соглашение (представителя одного контрагента с другим контрагентом) II, 1337.
 Злоупотребление властью I 1018—1019, 1024.
 Злоупотребление доверием II, 1041—1042.
 Злоупотребление правом I, 1228—1233.
 Злоупотребление процессуальными правами III, 1112.
 Золотые займы I, 836.
 Зрелища и увеселения I, 1233—1240;
 явочная система I, 1236; разрешительная система I, 1236—1238.
 Зуш II, 868.

И

Игра II, 5—7; И. биржевая II, 6—7; И. спекулятивная III, 1019.
 Идеализм и право II, 7—13. 700—701; III, 1453—1454.
 Идентификация III, 1089.
 «Идеологические сословия» II, 25.
 Идеология (правовая) II, 13—26; I, 674—675; III, 334—337
 Идея у Платона III, 282—285
 Иеринг II, 36—44; I, 241, 437—438; III, 1479—1482.
 Изба-читальня III, 351.
 Избиратели I, 851—852.
 Избирательное право II, 44—98; I, 807—808; II, 1059—1060; III, 366—368; пассивное II, 65, 80; активное II, 65, 80; всеобщее и ограниченное И. п. II, 46—47, 49—52, 89—90; прямое и косвенное II, 63—64; равное И. п. II, 60—62, 94—96; тайное И. п. II, 61; пропорциональное II 67—69—72.
 Избирательное право советское II, 77—98; нормы представительства II, 93—94.
 «Избирательный метр» II, 69.
 Изгнание II, 98—102.
 Издержки III, 1368—1369.
 Измена II, 102—104; I, 548.
 Изнасилование II, 104—107; III, 365; И. проститутки II, 104, 105; И. материально

или служебно зависимой женщины II, 107.
 Изобретения II, 107—123, 206;
 Изоляторы особого назначения II, 298.
 Иммедиатизация III, 951
 Иммиграция II, 123—133.
 Иммуитет II, 133—141; И. членов ЦИК СССР II, 140—141; И. агентов административной власти II, 1374—1375
 Империализм II, 141—162; I, 470—471; II, 383—384, 1024—1025; III, 331—333, 1493.
 Импорт I, 1045.
 Имущества государственные II, 162—172; I, 157—158, 431—432, 397; II, 950—951
 Имуущественные преступления II, 172—180; III, 399—405.
 Имуущественный наем I, 164
 Имущество III, 500—503, 290—292, 699—702; И. местных советов и исполкомов II, 169; И. местного значения II, 950—951, 968—969.
 Имя I, 87—89, 93.
 Инвалидность III, 990—993.
 Инвалиды I, 537—538.
 Индетерминизм I, 423.
 Индивидуализм буржуазный I, 120.
 Инициант II, 181, 183.
 Инициатива II, 180—195, 1253; индивидуальная И. II, 192—193; коллективная И. II, 192—193; И. народная II, 187—193; И. конституционная II, 181, 186—187, 193—194; И. парламентская II, 181—186; И. правительственная II, 181—182, 183; И. законодательная II, 180—181, 194.
 Инквизиционный процесс III, 1115—1117
 Инкорпорация II, 436—437
 Иностранец II, 195—214; I, 731—733, 736; II, 1278—1279.
 Иностранные фирмы II, 208—209.
 Иностранные юридические лица II, 202—204, 207, 208.
 Инспекция труда II, 214—222; III, 415; санитарная II, 221; техническая II, 221.
 Инспекция фабричная II, 214—216.
 Институт права II, 222—223.
 Интеллигенция I, 46.
 Интенсивное хозяйство II, 796.
 Интервенция II, 223—232; I, 1043—1044
 Интерес II, 232—233, 38—39.
 Интернационал I I, 490; II, 829—830.
 Интернационал II II, 491, 858; III, 261—262.
 Интернационал III II, 491; III, 556.
 «Интернационал» (гимн) I, 585—586.
 Интернационализация II, 233—235.
 Интернациональные реки II, 892—896.
 Интернирование II, 235—238
 Интерпелляция I, 1165.
 Интерпретивные нормы III, 61.
 «Интуитивное право» III, 434
 Инфляция I, 829; II, 599.
 Иоанн Салисберийский I, 16, 1083—1084; II, 139.
 Ипотека I, 1156—1157.
 Ирредентизм II, 238—239
 Иск II, 239—260; I, 767; III, 5—7, 11; право на И. II, 242—245, 249—250; элементы И. II, 250; форма И. II, 250; основа-

ние И. II, 250—252; предмет И. II, 252—253; классификация И. II, 253—258; исполнительные И. II, 254—258; И. о признании II, 254—258; И. вещный II, 257—258; И. личный II, 257—258; И. положительные и относительные II, 258; цена И. II, 258; соединение И. 258—259; встречный и. II, 259—260; обеспечение И. III, 5—7

Исключительное положение I, 447.

Исключительные права II, 1386—1387; III, 112, 550—554, 1450—1453.

Ислам III, 1532.

Исократ I, 11

Исполкомы местные III, 103—107, 129, 645—646, 1363—1365.

Исполнение приговора I, 518—519; III, 1119.

Исполнение решений I, 159—161; III, 1318, 512—516.

Исполнитель преступления III, 958.

Исполнительная власть II, 269—274; III, 466—469.

Исполнительный лист I, 384—385.

Исправительно-трудовое воздействие II, 933—934; III, 1352.

Исправительно-Трудовой кодекс II, 274—299.

Историко-материалистический метод I, 117.

Историческая школа права II, 299—312; III, 36—37; III, 100, 433.

Исторический материализм II, 845—847, 14.

Источники права II, 312; III, 1216.

Истребление имущества III, 290—292.

Истязание III, 1158.

Итальянская забастовка III, 785—786

Й

Йомены I, 183; II, 648.

К

Кабала II, 313.

Кабальная запись II, 313.

Кабальные заемные сделки II, 313.

Кабальные сделки II, 313—318; I, 971

Кабальный холоп II, 313.

Кабели подводные II, 318—319.

Кабинет министров II, 319—334, 429; III, 228—231.

Каботаж II, 334—336, 1037; иностранный К. 335; К. «малый» II, 334; III, 1207; К. «большой» II, 334; III, 1207.

Кавалер III, 147.

Кавелин II, 744.

Кадастр II, 1089.

Кадастр национальный I, 28.

Казначейский билет III, 295—297

Калым III, 500, 856

Кальво I, 1043

Кальтенборн I, 462.

Камбон, I, 143.

Камитц II, 228—229.

Каналы и проливы международные II, 336—343; III, 1161.

Каноническое право II, 343—351.

Кант II, 351—364; I, 23, 1104—1105; II, 304—742, 917

Кантианство II, 364—369.

Кантональная система (армия) I, 184.

Капер II, 370—372.

Каперство III, 1209.

Капитал II, 593—594; III, 755—757, 1239—1240.

Капитал ссудный II, 590—591, 593—605.

Капитализм II, 372—385, 17—32, 151—154; государственный К. I, 9; империалистический К. II, 383—385; промышленный II, 377—380; торговый II, 374—377.

Капиталистическое производство II, 380—381.

Капитан морского судна II, 1037—1038.

Капитуляция II, 385—388.

Кар Лукреций II, 849.

Карасевич III, 1584.

Карательная система I, 151.

Карательные меры I, 150—151

Караульная служба I, 488.

Кареев Н. III, 1012.

Карлейль Томас III, 974

Карневале III, 1261.

Карпцов Бенедикт I, 240.

Картели III, 869, 871, 872.

Кассационная инстанция II, 1065.

Кассационное определение III, 1191—1192.

Кассационное производство III, 17—21.

Кассационные поводы в гражд. процессе III, 20.

Кассационные поводы в уголовн. проц. III, 38—39.

Кассационный надзор III, 1342.

Кассация III, 14—21, 28, 30—40, 1126—1127, 1342—1343, 1318.

Кассовое устройство II, 388—392; I, 338—339.

Касты—воинов I, 471.

Катков I, 18.

Каторжные работы II, 279, 280—281

Каутский I, 424; III, 976.

Кауфман II, 1417.

Кауэль I, 16.

Кафиеро I, 130.

Квартирная плата II, 392—395; I, 1137.

Квартирники (рабочие) I, 1406.

Кворум II, 395—396.

Кворум квалифицированный II, 395—396.

Кворум парламентский II, 396.

Квота II, 1086.

Кельзен Ганс II, 13, 1410—1417; III, 137—1440.

Кенэ II, 730.

Кильский канал II, 339.

Кинлей Мак II, 333.

Кирхман II, 37.

Класс II, 396—406; I, 507, 660—661; II, 810—811; III, 238—248, 420—421.

Классическая школа уголовного права II, 406—420; I, 146, 423; II, 928.

Классовая борьба II, 400—406, 792; III, 1281—1286.

Классовая расправа I, 422.

Клевета II, 420—425; I, 1034.

Клевета в печати II, 422—424, 425.

Клевленд II, 332.

Клеймо промышленное III, 1018.

- Клименко Э. д. I, 72.
Клубы II, 425—428; III, 351—352.
 Ключевский I, 269.
 Кнапп III, 587.
Коалиция II, 428—433; III, 1284—1286:
 К. парламентская II, 429—433; К. партий,
 III, 240.
 Кобден II, 429.
 Коген Герман II, 366.
 Кодекс II, 436.
 Кодекс законов об актах гражд. состо-
 яния I, 81.
 Кодекс законов о браке, семье и опеке
 III, 625—632.
Кодекс Наполеона II, 433—436. III, 339.
Кодификация II, 436—441; 876—877.
 Коллегиальное управление II, 441—443.
Коллегия II, 441—445.
 Коллегия защитников I, 60—61.
Коллективный договор II, 452—462; I,
 1186; III, 1275—1276; К. д. генеральный II,
 459; К. д. локальный II, 459.
Коллективы сельскохозяйственные (кол-
 хозы) II, 445—452; III, 824—825.
 Коллизионная норма II, 195, 878—879;
 «закон места исполнения сделки» (*lex loci*
solutionis) II, 879; «закон суда» (*lex fori*)
 II, 879; «закон места совершения сделки»
 (*lex loci actus*) II, 879; «закон нацио-
 нальный» (*lex patriae*) II, 878; «закон ме-
 стонахождения вещи» (*lex rei sitae*) II,
 878—879; «закон местонахождения лица»
 (*lex domicilii*) II, 878; «личный закон» (*lex*
personalis) II, 878.
 Колониальная политика II, 466—475; III,
 562—563.
 Колонизация II, 465.
Колонии и колониальная политика II,
 462—475.
 Колонии I, 464, 548; III, 330, 332; К.
 плантационные или сырьевые II, 464—465;
 К. поселенческие II, 464; К. торговые II,
 465; К. военно-политические II, 465—466;
 К. автономные I, 38—44, 45.
 Колоны II, 631.
 Колхозы III, 824—825; II, 445—452.
 Командный состав I, 194.
 Команды обслуживания I, 474.
 Комб II, 331.
 Комбатант I, 467, 470—471.
 Комбеды I, 494—495.
 Комвпоторг II, 1127—1137.
 Комивояжер II, 479.
Комиссар II, 475—478; I, 186, 194—195.
 Комиссионер II, 478—479, 480—482.
 Комиссионерские конторы II, 479—480.
Комиссионная (посредническая) сделка
 II, 478—483.
 Комиссионное вознаграждение I, 1029.
 Комиссия для несовершеннолетних I,
 882—884.
 Комиссия использования I, 606—607.
 Комиссия по электрификации России
 (ГОЭЛРО) I, 649—650.
 Коммендации III, 1424.
 Коммитент II, 478, 480.
Коммуна парижская II, 483—487, 107.
 Коммуна сельскохозяйственная II, 445,
 446—450, 451—452.
 Коммунальное хозяйство II, 941—957.
 Коммунальные предприятия II, 955—
 957.
Коммунизм II, 488—494; I, 115—117; II,
 972—974.
 Коммунизм первобытный II, 488.
 Коммунистическая партия I, 934—935,
 III, 241—248, 554—556.
 Коммунистический интернационал I,
 491; III, 556.
 Коммунистическое движение II, 490—
 491.
Компенсации II, 494—495.
 Комплектование иностранных судов II,
 212.
 Конвент III, 1398—1399.
Конвенции II, 495—502; III, 1303; К. эко-
 номическо-технические II, 496, 500—502;
 К. политические II, 496—499; К. о законах
 и обычаях войны II, 496, 499—500; III, 122.
 Конверсия государственных займов II,
 613—614.
 Кондотьер I, 12.
 Конкубинат III, 361—362, 364.
 Конкурсное управление II, 1392, 1392—
 1393.
 Конноль Джемс III, 867.
Коносамент II, 502.
 Консолидация долга II, 610.
 Констан Бенжамен II, 321—322, 736.
 Конституционный суд Австрии I, 365—
 366.
 Конституционный суд Чехо-Словацкой
 Республики I, 365.
Конституция II, 503—511.
 Конституция советская III, 906—921.
 Консул II, 511, 513—515, 515—517; К.
 штатный II, 514; К. нештатный II, 514; ге-
 неральный К. II, 514; К. советский II,
 515—517.
 Консульская юрисдикция II, 386—388.
 Консульские суды II, 386—388.
 Консульские части II, 517.
 Консульский агент II, 514.
Консульское представительство II, 511—
 517.
 Консульское удостоверение I, 515.
 Конт Огюст II, 736; III, 143—313—318,
 1010, 1011.
 Конт Шарль II, 300.
Контингентирование II, 517—520; I, 352.
 Континентальная система II, 764.
 «Контрагентный договор» I, 217.
Контрабанда II, 520—525; I, 242, 410—
 412, 538.
Контрабанда военная II, 525—531;
 условная II, 527—528; абсолютная II, 527;
 свободные товары II, 528.
Контрафакция II, 531—534.
Контрибуция II, 534—536; I, 552.
Контроль II, 536—541.
 Контроль высший судебный III, 24—27.
 Контроль документальный II, 539.
 Контроль последующий II, 538—539.
 Контроль предварительный II, 537—538.
 Контроль фактический II, 539.
 Контроль финансовый международный
 III, 1441—1444.
 «Контрольный пакет» I, 219.

- Контр-революционная агитация I, 53.
 Контр-революционер II, 542—543.
 Контр-революционные преступления II, 541—558; вооруженное восстание в к-р. целях II, 549—550; п. против рабочего класса при царском строе или к-р. правительствах II, 556—557; к-р. пропаганда и агитация I, 53; II, 551—552, 557; III, 530—535; к-р. п. против государств трудящихся, не входящих в СССР, II, 548—549; разрушение железных дорог, средств связи и иных общественно-полезных сооружений в к-р. целях II, 556; террористические акты против представителей сов. власти II, 555—556; участие в организациях международной буржуазии борющихся против сов. власти II, 551; экономическая к-р. II, 517—548, 552—554.
 Контр-революция III, 1173—1177.
 Конфедерация III, 1413—1414.
 Конференции и конгрессы II, 558—562; III, 122—123.
 Конференции по охране труда III, 1301—1307.
 Конфискация II, 562—568; II, 522—523, 530—531., 1288; III, 6, 187—188, 191—192, 700; К. в СССР по суду III, 564, 565; К. в СССР в административном порядке III, 564—565, 567.
 Конфликты международные III, 387—388.
 Конфликты трудовые III, 516—527, 648—653.
 Confusio III, 168.
 Концентрация производства II, 143—147.
 Концерт держав II, 568—572; I, 358—359.
 Концессионная система II, 574—575.
 Концессионная система учреждения обществ III, 71, 75—76.
 Концессия II, 572—578; I, 627, 1029; II, 567—568, 957, 1433; III, 166—167; К. советская II, 576—578; К. международная II, 575—576; К. внутренняя II, 572—575.
 Кооперация II, 578—585; I, 1129—1130; II, 582, 1304—1305, 1435; III, 391—399, 541—545, 823—828, 829—834.
 Копильгольдеры II, 648.
 Корабельная регистрация II, 1035.
 Корабельный сбор III, 374, 377.
 Коркунов I, 655; III, 1584, 1585.
 Корсар II, 370—372.
 Косвен М. II, 980—981.
 Косвенное обложение I, 309.
 Косвенные налоги III, 406—411.
 Котировка цен биржевая I, 254.
 Котляревский I, 26.
 «Коэффициент умножения» III, 1141.
 Кража II, 173, 174, 175—176, 177; III, 323—324, 399—403; простая II, 178; квалифицированная II, 178; у частного лица II, 178; у государств. и обществ. учреждений II, 178; лошадей и крупного рогатого скота II, 178.
 Крайняя необходимость II, 585—589, 1358; I, 443; III, 821.
 Крапоткин I, 130—133.
 Красная Армия I, 190—196, 473—474.
 Красная гвардия I, 191, 473.
 Красный крест I, 1107, 1110, 1112; III, 124.
 Кредит (теория кредита) II, 589—607.
 Кредит государственный II, 607—622; I, 309; денежный II, 611; натуральный II, 611—612; принудительный II, 612; добровольный II, 612.
 Кредит сельско-хозяйственный III, 829—836.
 Кредит частный II, 613.
 Кредитная кооперация II, 582.
 Кредитор I, 845; II, 113—118.
 Кредиты бюджетные I, 339.
 Крепостное право II, 622—654; 666—668; III, 769—774, 1262.
 Крестовые походы III, 329.
 Крестьянские комитеты обществ взаимопомощи II, 655—664.
 Крестьянское хозяйство I, 396—397.
 Крестьянство II, 664—677, 403—404: III, 954.
 Кризисы II, 127—128, 130.
 Критий I, 1078.
 Кровосмешение III, 362—364.
 Кровное родство I, 274.
 Кромвель I, 183—184.
 Круговая ответственность III, 947—948.
 Ксенофонт I, 11.
 Кузовков Д. I, 317.
 Ку-Клукс Клан III, 788.
 Культ III, 710—715.
 «Культивация» II, 465.
 Кунов I, 8: III, 1440.
 Купеческие книги III, 1217.
 Купля-продажа II, 677—683; III, 109—110; предмет к. п. по Г. К. II, 680; форма к. п. по Г. К. II, 680, 681; неисполнение договора к. п. II, 681; недостатки продавца II, 681; ответственность продавца II, 682.
 Купля-продажа в розницу с рассрочкой платежа II, 683—698, 315—316.
 Курс выпускной % государственных займов II, 612—613.
 Курский Д. И. I, 72.
 Кэстлин II, 916.

Л

- Лабриола Артур III, 866.
 Лавернь-Пегвильян II, 301.
 Лавров П. II, 11; III, 1012, 1013.
 Ламеннэ С. III, 675.
 Ламмаш I, 524.
 Ланге Фр. А. II, 366.
 Ласк Э. II, 13, 367—368.
 Лассаль II, 699—708; I, 143, 332, 562; II, 730; III, 59—66.
 Лассальянство II, 707—708.
 Лассон Ад. I, 563; II, 871.
 Лауренс I, 358, 980; II, 225.
 Лафарг П. I, 153.
 Леви III, 590.
 Левират III, 853.
 Левитский Н. В. I, 205.
 Легат I, 1139, 1141.
 Легислатура II, 708—710; III, 233—234.

Легисты I, 13, 16.
 Легитимация III, 248, 249—251
 Легитимизм II, 710—711.
 Лейбниц II, 303—304.
 Лексис (проф.) I, 214, 216; II, 6—7.
 Ленин II, 711—720.
 Ленинг I, 655; III, 590.
 Ленинизм II, 711—720.
 Леон (де) III, 866.
 Лсоннэ Энрико III, 866.
 Леруа Максим III, 862, 865.
 Лесное хозяйство II, 720—724.
 Лесной кодекс II, 720—728.
 Лесной кодекс Азербайджана II, 727.
 Лесной кодекс Б. С. С. Р. II, 726.
 Лесной кодекс Р. С. Ф. С. Р. II, 724—725, 726.
 Лесной кодекс У. С. С. Р. II, 725—726.
 Летрады I, 13.
 Лесферьер I, 279, 280.
 Либерализм II, 728—747; буржуазный II, 737—742; национал-л II, 746—747
 Libero veto II, 804.
 Лига Наций II, 747—761; I, 265—266; 347—348, 982; II, 804—806, 819, 820, 821—822, 901; III, 260—261, 333, 358—359, 562—563, 638—644, 1259; статут II, 750, 753; членство в Л. н. II, 750, 752—753; структура II, 750—751, 761; арбитраж. Л. п. II, 752; состав Л. н. II, 753—754; постоянные технические органы Л. н. II, 760.
 Ликвидационная комиссия II, 394.
 Ликвидация III, 1180—1181.
 Ликвидация неграмотности III, 347—348.
 Ликвидация предприятий II, 1389—1390.
 Ликвидация трестов по проекту ВСНХ II, 1395.
 Ликвидность банка I, 216.
 Лилиенфельд III, 139, 145.
 Лимитрофные государства I, 731—733.
 Лингэ (Linget) I, 281.
 Линкольн Авраам II, 332.
 «Линчевание» III, 788.
 Липман III, 1261.
 Лист II, 761—763; I, 19, 151, 265, 972, 980—981, 1162; II, 588, 761—763, 868, 873, 923—924.
 Литре III, 315.
 Лихоимство I, 416.
 Лицензия II, 763—766, 518.
 Лицо II, 766—771.
 Личная неприкосновенность I, 943.
 Личное задержание II, 771—779.
 Лишение гражданства I, 730—731.
 «Лишение мира» III, 1319.
 Лишение прав II, 779—781.
 Лишение прав в СССР III, 366—370.
 Лишение свободы II, 781—785; II, 267, 279, 280, 281, 282—283, 284—285, 917, 1246; III, 1159, 1334, 1354—1355.
 Локаут II, 785—792.
 Локк Джон I, 1091—1092, 1166; II, 320—321, 729; III, 634—635.
 Лольм (де) I, 785—786
 Ломбардные операции банков I, 216.
 Ломброзо II, 792—794: I, 146, 148, 149, 150, 151; II, 920.
 Лотц (Lotz W) I, 309.

Лоу Сидней II, 183, 328.
 Лоуэлль II, 328, 330, 333.
 Лоцман II, 1038—1039.
 Лоцманский сбор III, 378—379.
 Луговой фонд II, 796—797.
 Луговые комиссии II, 797.
 Луговые угодья II, 796—800.
 Лупарж III, 1011.
 Льготы военнослужащим I, 477—478.
 Льготы должностных лиц I, 998—999.
 «Лэбель» I, 264.
 Люблинский П. И. III, 1262.
 Людер I, 462.
 Лягардель III, 862.
 Лятапи III, 862.

M

Мабли I, 1104.
 Магеровский Д. А. I, 76.
 Мажоритарные выборы II, 67—69.
 Майер О. I, 69.
 Майорат II, 801—803.
 Майоризирование II, 803—806.
 Макиавелли II, 806—811; I, 13, 14, 16
 Мак-Кехни III, 145.
 Мак-Куллох II, 735, 737.
 Маклер биржевой I, 253—254; II, 480.
 Маклерская записка I, 254.
 Мак-Магон II, 330.
 Малоземелье I, 1222.
 Малый СНК III, 905—906.
 Мандант II, 812.
 Мандат II, 812—818; императивный M. II, 814—817, 818.
 Мандатарии II, 819, 820.
 Мандаты II, 819—822.
 Манифест II, 822—823
 Манн Томас III, 867.
 Манцини II, 587.
 Манципиум I, 436.
 Марвиц Лео II, 301
 Мариана I, 16.
 Маркби III, 1585.
 Марки благотворительные III, 803.
 Маркс Карл II, 824—831, 831—842.
 Марксизм II, 823—842; III, 976
 Мародерство I, 492.
 Марр Вильг. I, 125.
 Марсельеза I, 584—585.
 Марсилией Падуанский I, 1083; III, 139.
 Мартенс II, 868.
 Марциан I, 1080—1081
 Маслов С. I, 205, 206.
 Материализм и право II, 843—857.
 Материализм исторический II, 845—847
 Материализм механический II, 849—850.
 Материализм философский II, 843—845.
 Материнство I, 1119—1120; III, 989—990.
 Матриархат III, 853—854.
 Маутрнер, III, 146.
 Мздоимство I, 416.
 Медиация III, 387—388.
 Медикаменты III, 1206.
 Медицинская помощь при болезни III, 989.

«Медные ассигнации» I, 819, 820—822.
 Междуведомственные комиссии I, 253—254.
 Международная политика III, 328—334, 622.
 Международное Бюро I, 344—348; II, 760—761.
 Международное Бюро мер и весов I, 345.
 Международное Бюро постоянной палаты Третейского Суда в Гааге I, 346—347.
 Международное Бюро телеграфных управлений I, 345.
 Международное Бюро Труда I, 347—348; III, 1301—1302.
 Международное право II, 857—874; I, 1072, 50—53; III, 170—183, 638—644, 562—563, 622, 503—510, 328—334, 280—282.
 Международное радиографное Бюро I, 347.
 Международное санитарное Бюро I, 347.
 Международное частное право II, 874—892.
 Международные реки II, 892—896; Рейн II, 893—894; Эльба II, 894; Дунай II, 892, 894—895.
 Международные следственные комиссии III, 1256—1257.
 Международный договор II, 972—984.
 Международный контроль II, 338—342.
 Международный финансовый контроль III, 1441—1444.
 Мезер Ю. II, 306.
 Мекензи Дж. III, 145.
 Мелиорация III, 1368—1370, 1370—1373.
 Меи I, 247.
 Мена II, 896—897; III, 109—110.
 Менгер А. I, 582; II, 316; III, 326—435.
 Менмортабели II, 644.
 Меньшевики III, 1384—1385.
 Меньшинства II, 897—902.
 Мергейм II, 862.
 Мерительные свидетельства II, 902—908.
 Меркантилизм II, 763—764.
 Меркантильная система I, 9.
 Меркель А. I, 425, 426; II, 41—42, 299, 1417; III, 317.
 Мерсье-де-ла-Ривьер II, 730.
 Меры пресечения II, 908—910.
 Меры против измелъчания крестьянских хозяйств I, 782—783.
 Меры социальной защиты II, 910—937; I, 424, 443—444, 769, 1001—1002; II, 285—286, 936—937; III, 81—83, 1351—1352, 1353—1354, 1355; медицинского характера II, 937; судебно-исправительные II, 936—937.
 Места лишения свободы II, 290—291, 292—293; «режим» II, 293—295, 296—297; разряды заключенных II, 295.
 Местное военное управление II, 937—941.
 Местное самоуправление I, 25, 753—755; II, 976.
 Местное хозяйство II, 941—957.
 Местные имущества советов II, 950—951.

Местные налоги II, 968.
 Местные сборы I, 83, 84; II, 968.
 Местные финансы II, 958—977, 1241; м. доходы II, 967—970; м. расходы II, 965—967.
 Местный бюджет I, 323—330; II, 970—977, 949—950, 965—967; III, 1449.
 Местный закон III, 103—107.
 Местожительство II, 977—978.
 Местр Ж. II, 300.
 Месть II, 978—982; I, 422; индивидуальная II, 980—981; классовая II, 981; кровная М. I, 421—422; II, 979; родовая II, 978—979.
 Металлическая эмиссия I, 305—306, 819—826.
 Металлическое денежное обращение I, 813—825.
 Метеки II, 866.
 Методология III, 313—318.
 Метрические выписи, записи I, 79.
 Метрические книги I, 85—86.
 Метрополия II, 983—984.
 «Мехр» III, 1539.
 Милитаризация II, 984—985.
 Милитаризм II, 985—993; III, 638—644.
 Милиционная система армии I, 190, 192—193.
 Милиция II, 993—999.
 Миллар Дж. II, 855.
 Милль Джемс III, 1394.
 Милль Джон Стюарт II, 184, 737—741; III, 315, 1394.
 Мильеран II, 330.
 Миллюков II, 746.
 Министериализм III, 228—231.
 Министр II, 320.
 «Министр без портфеля» II, 329.
 Министр-резидент I, 942.
 Мины контактные II, 999—1000.
 Мины подводные II, 999—1002.
 Минье II, 735.
 Мир III, 271—273.
 «Мир без аннексий и контрибуций» I, 141; II, 535—536.
 Мир вооруженный I, 508—509.
 Мирная блокада II, 1002—1004; I, 26—27.
 Мировая сделка II, 1004—1009; III, 1111; судебная II, 1008; внесудебная II, 1008; невыполнение м. с. по Г. К. II, 1007—1008; оспаривание м. с. II, 1007.
 Миттермайер I, 1013; III, 479—480.
 Михайловский Н. II, 11; III, 145, 1012, 1013.
 Мишеле I, 566.
 Мобилизация II, 1009—1010; I, 450; III, 1366; подготовительный период м. II, 1010; объявление м. II, 1010; исполнительный период м. II, 1010; демобилизация II, 1010.
 Модель III, 550—554.
 Молль III, 1582.
 Монарх I, 587—588, 589; III, 473—475.
 Монархия II, 1011—1018; I, 613—614; абсолютная м. I, 8, 9, 10; II, 1012—1013; дуалистические м. II, 323—324; парламентарная м. II, 1014—1015; м. представительные II, 1015—1016; м. централизованная

.. 15: м. «сословно-представительная» I
 13: конституционная м. II, 1013—1016.
 Монархомахи I, 14, 270.
 Монета III, 295—297.
 Монетные союзы III, 1018
 Моногамия III, 857, 858.
 Монометаллизм I, 825.
 Монополия внешней торговли II, 1018—
 1023, 1446; III, 1220, 1473; выход на внеш-
 ний рынок II, 1020—1021.
 Монополия государственная II, 1091—
 1092; III, 1473.
 Монополия страхового дела III, 1056—
 1057.
 Монроэ доктрина II, 1023—1025.
 Монталамбер III, 974.
 Монтескье II, 1025—1029; I, 240, 281 364,
 785, 1094—1095, 1166; II, 270—271. 303,
 320—321, 731, 855; III, 633—635
 Монтэнь I, 1085.
 Мор Томас II, 930.
 Мораль III, 428—429, 1585—1590.
 Моральная статистика III, 1039.
 Мораторий II, 1030—1031; I, 766; инди-
 видуальный м. II, 1030; всельный м. II,
 1030—1031.
 Море внутреннее III, 1161.
 Море открытое II 1031 1033
 Морелли I, 1104.
 Морская война I, 1110—1111.
 «Морская опасность» I, 22.
 Морское вооружение III, 1461—1463.
 Морское право иностранцев II, 211—
 213.
 Морское страхование II, 1039—1040.
 Морское судно II, 1035—1036; отчужде-
 ние II, 1036; право собственности на м. с
 II, 1035; приписка к порту II, 1035; техни-
 ческий надзор II, 1036; классификация
 м. с. II, 1035.
 Морское частное право II, 1033 1040
 Мортификация I, 142.
 Мошенничество II, 1040—1044. 179; III,
 1406, 1407.
 «Мнимый договор» III, 944.
 Многонациональное государство I, 26
 27.
 Мужеложство III, 363.
 Муниципализация II, 1044—1054; I, 631,
 1031—1032; II, 1288; III, 187—188, 191—192.
 Муниципалитет II, 1053—1062; англий-
 ско-швейцарский тип м. II, 1056; германо-
 скандинавский тип м. II, 1056; франко-
 романский тип м. II, 1055—1056
 Муниципальный социализм III, 794 795.
 Муромцев II, 41—42, 746; III, 1482.
 Муссолини II, 333; III, 1408.
 Мэнор III, 1428.
 Мюллер Ад. II, 301.
 Мюльбергер I, 125.
 Мютюализм I, 122.

Н

Наблюдательные комиссии I. 1042—
 1043; II, 291.
 Надзор административный II, 1063—
 1064; III, 1204—1205

Надзор судебный II, 1064—1066, I, 366—
 367, 1155, 1210; III, 24 — 27, 10 — 42,
 535 541 1132, 1318.
 Наем жилищных помещений I. 1127—
 1128.
 Наем имущественный I, 164—172; III,
 110.
 Наем личный III, 110—111.
 Наемники I, 471—472.
 Наемные войска I, 182—183.
 Наемный труд в сельском хозяйстве I,
 233 239; III, 1295—1296.
 Наибольшее благоприятствование II
 1067—1077; американская система II,
 1067—1068; европейская система II, 1067;
 условное н. б. II, 1068, 1069, 1070; безу-
 словное н. б. II, 1068—1069; генеральная
 формула н. б. II, 1067; специальная фор-
 мула н. б. II, 1067.
 Наказ II, 1077—1082; парламентский II,
 1078—1079; дворянские н. III, 1080; н. де-
 путатам от избирателей II, 1081—1082; н
 в практике русского революционного
 пролетариата II, 1082.
 Наказание I, 149 150, 423—424, 770—
 771, 911; II, 910—937; III, 481—482, 1417,
 1151—1153, 1328—1329.
 Накопление II, 594—595.
 Налог сельскохозяйственный III, 836—
 839.
 Налоги II, 1082—1095; I, 305—307, 387
 401, 412—413, 630; II, 213—214, 599, 968;
 III, 301—305, 1445, 1446—1447; косвенные
 II, 1090—1092, 1083 1084; прямые II, 1083;
 реальные II, 1084—1086; личные II 1084;
 распределительные и окладные II 1086;
 преимущественные II, 1086—1087; н. с. на
 следств. II, 1087—1088; промышленные II,
 1088; III, 545—550; н. на недвижимости II
 1089—1090; н. на прирост ценностей II
 1090; п. сельско-хозяйственные III, 836—
 839.
 Налоговые доходы II, 954
 Налоговые конвенции II, 1095—1096.
 Нанесение побоев, ударов III, 1158.
 Нарком и Наркомат II, 1096—1101, 445;
 III, 1526; общесоюзные II, 1099—1100;
 объединенные II, 1099, 1100; I, 36; авто-
 номные I, 36; II, 1099.
 Наркомат РКИ II, 1101—1108.
 Наркомвнешторг II, 1108—1115, 1019.
 1020.
 Наркомвнудел II, 1115—1127.
 Наркомвнуторг II, 1127—1137.
 Наркомвоенмор II, 1137—1148.
 Наркомздрав II, 1148—1157
 Наркомзем II, 1157—1164.
 Наркоминдел II, 1164—1170.
 Наркомнац II, 1171—1186.
 Наркомпочтель II, 1186—1190.
 Наркомпрод II, 1190—1199
 Наркомпрос II, 1200—1209
 Наркомпуть II, 1209—1215.
 Наркомсобес II, 1215—1222.
 Наркомторг СССР II, 1222—1223; III,
 1218.
 Наркомтруд II, 1223—1233.
 Наркомфин II, 1234—1242.

Наркомюст II, 1242—1250.
Наркотизм II, 1250—1252
Народ I, 671, 672, 682.
Народное голосование II, 1252—1256.
Народное представительство II, 1256—1263, III, 80.
 Народные заседатели I, 1196—1198; II, 1265—1266.
Народный суд II, 1263—1276; III, 1129
 1130, 1131—1132; декрет о суде № 1 II, 1263—1264; программа ВКП(б) о н. с. II, 1267—1268.
 Нарушение мер по регулированию торговых операций гос. учреждений и предприятий I, 1029.
Население II, 1276—1280.
 Насилие I, 977; II, 1339, 1362; III, 821, 1158—1159; н. при заключ. сделки II, 1339; н. при заключ. международных договоров I, 977.
 Наследники I, 1141, 1142; II, 1285—1286.
 Наследование иностранцев II, 204—205.
 Наследование по завещанию I, 1141—1142; II, 1281—1282, 1285
Наследование по закону II, 1280—1286; I, 777—778; III, 851.
 Наследование по междунар. части. праву II, 890—891.
 Наследственное право II, 204—205, 890—891; III, 753—755, 847—848, 1539—1540.
 Наследство II, 1284—1285, 1286; III, 6.
 Наторп Пауль II, 366.
 Натурализация бюджета I, 317—318.
 Натурализация граждан I, 232, 730
 Натуралог II, 1196.
Находка II 1286—1287; I, 459; III, 400—401.
Национализация II, 1287—1308; III, 592—593, 187—188, 191—192; н. промышленности I, 597, 598—600, 604—605, 627—628, 628—629; II, 1299—1304; н. банков I, 223; II, 1298—1299; транспорта II, 1298—1299; строек I, 1031—1032; II, 1305, 1306—1307; авторского права I, 48.
Национализация земли в России II, 1308—1312.
 Национализм II, 1317—1318.
 Национал-либерализм II, 746—747.
 Национальное государство I, 12.
 Национальное самоопределение III, 1165—1166.
 Национальное собрание III, 1398.
 Национальное угнетение I, 27
Национальный вопрос II, 1313—1322; I, 26—27, 28—29, 511—514; II, 1171—1182.
Национальный режим II, 1322—1327
Нация II, 1327—1332; I, 672, 682; II, 1276—1277.
 Начет II, 537
 Небрежность III, 1376—1377.
Невменяемость II, 1322—1334; I, 442, 443.
 Недвижимость III, 897
Недействительность сделок II, 1334—1342; I, 971—972; II, 317—318; III, 821—822; момент н. с. II, 1341; частичная н. с. II, 1341—1342; н. с. противных или в обход закона, фиктивных II, 1339, 1340—1341; нарушение форм с. II, 1336; недееспособность участника с. II, 1336; отсутствие правильного представления о содержании с. II, 1337—1338; невменяемость II, 1336—1337; вынужденное вступление в сделку II, 1338—1339; н. с., направленных к явному ущербу для государства, II, 1339—1340.
 Недобросовестность I, 961—962.
 Недобросовестный приобретатель I, 376.
 Недоверие кабинету I, 1166.
 Недоимка I, 387.
Недонесение II, 1342—1343; I, 511; II, 557; III, 1368.
 Недостатки проданной вещи II, 681.
 Незаконное задержание I, 1025—1026.
 Незаконные меры при следствии или дознании II, 1378.
Независимые селяне Украины II, 1343—1348.
 Незнание закона I, 442.
 Неисполнение договора I, 971.
 Неисполнение обязательств по договору с государственными и общественными органами и предприятиями III, 1471—1472.
 Неисполнение приказа I, 485—487
 Нейтрализация II, 1348—1349.
 Нейтрализм III, 573.
Нейтрализованное государство II, 1348—1350.
Нейтралитет II, 1350—1357; I, 361, 468—469, 470; «вооруженный н.» II, 1353—1354
 Нейтральные государства I, 356—360; II, 525—526.
 Нейштат Макс I, 273.
 Некомбатант I, 467, 470—471.
 Неконституционность законов I, 363.
 Немировский I, 426; III, 1262.
 Неналоговые доходы II, 954.
Необлагаемый минимум III, 302, 304.
Необходимая оборона II, 1357—1364; I, 443; правомерная и неправомерная н. о. II, 1360—1361; превышение пределов н. о. II, 1361—1362.
 Неоказание помощи III, 163.
 Неокантианство II, 12—13, 366—369; марбургская школа II, 366—367; юго-западная школа II, 367—368.
 Неопределенные приговоры II, 918.
 Неосновательное обогащение III, 111, 56—58.
Неосторожность II, 1364—1367; I, 429, 444, 899—900, 1030; III, 1156—1157, 1352, 1376—1377.
 Неплатежеспособность II, 1393—1394.
 Непосредственность как принцип процесса III, 1118, 1097.
Неправосудие II, 1367—1370.
 Неправосудный приговор I, 1025.
 Неиредоставление сведений I, 1026—1027.
Непреодолимая сила II, 1370—1371; I, 766; III, 1234.
 Непрерывность судебного следствия III, 1097.
 Неприкосновенность депутатская II, 138—139.
 Неприкосновенность жилища II, 1063

способность участника с. II, 1336; отсутствие правильного представления о содержании с. II, 1337—1338; невменяемость II, 1336—1337; вынужденное вступление в сделку II, 1338—1339; н. с., направленных к явному ущербу для государства, II, 1339—1340.
 Недобросовестность I, 961—962.
 Недобросовестный приобретатель I, 376.
 Недоверие кабинету I, 1166.
 Недоимка I, 387.
Недонесение II, 1342—1343; I, 511; II, 557; III, 1368.
 Недостатки проданной вещи II, 681.
 Незаконное задержание I, 1025—1026.
 Незаконные меры при следствии или дознании II, 1378.
Независимые селяне Украины II, 1343—1348.
 Незнание закона I, 442.
 Неисполнение договора I, 971.
 Неисполнение обязательств по договору с государственными и общественными органами и предприятиями III, 1471—1472.
 Неисполнение приказа I, 485—487
 Нейтрализация II, 1348—1349.
 Нейтрализм III, 573.
Нейтрализованное государство II, 1348—1350.
Нейтралитет II, 1350—1357; I, 361, 468—469, 470; «вооруженный н.» II, 1353—1354
 Нейтральные государства I, 356—360; II, 525—526.
 Нейштат Макс I, 273.
 Некомбатант I, 467, 470—471.
 Неконституционность законов I, 363.
 Немировский I, 426; III, 1262.
 Неналоговые доходы II, 954.
Необлагаемый минимум III, 302, 304.
Необходимая оборона II, 1357—1364; I, 443; правомерная и неправомерная н. о. II, 1360—1361; превышение пределов н. о. II, 1361—1362.
 Неоказание помощи III, 163.
 Неокантианство II, 12—13, 366—369; марбургская школа II, 366—367; юго-западная школа II, 367—368.
 Неопределенные приговоры II, 918.
 Неосновательное обогащение III, 111, 56—58.
Неосторожность II, 1364—1367; I, 429, 444, 899—900, 1030; III, 1156—1157, 1352, 1376—1377.
 Неплатежеспособность II, 1393—1394.
 Непосредственность как принцип процесса III, 1118, 1097.
Неправосудие II, 1367—1370.
 Неправосудный приговор I, 1025.
 Неиредоставление сведений I, 1026—1027.
Непреодолимая сила II, 1370—1371; I, 766; III, 1234.
 Непрерывность судебного следствия III, 1097.
 Неприкосновенность депутатская II, 138—139.
 Неприкосновенность жилища II, 1063

Неприкосновенность зарплаты I, 1191.
Неприкосновенность личности II, 1371—1379; I, 545—546, 592, 849; II, 513—514, 773—774, 138—139.
 Неприятель I, 493.
Неприятельская собственность II, 1379—1387.
 Неприятельский контроль над н. соб. собственностью II, 1383—1385.
 «Неприятельское назначение товара» II, 527, 529—530.
 Неработоспособность III, 988—989.
Несовершеннолетие II, 1387—1389; I, 236, 461, 794; II, 1405—1406; III, 129—132; н. в уголовно-правовом отношении II, 1387—1389; н. и политические права II, 1389.
Несостоятельность и ликвидация предприятий II, 1389—1395; I, 142; привилегированные требования II, 1391; временное затруднительное положение II, 1395.
 Несостоятельность «торговая» II, 1392—1393.
 Несуверенное государство I, 25, 26.
Несчастный случай II, 1396—1398.
 Нетрудовой элемент I, 533—534.
 Нетто-Бюджет I, 312—313.
Неустойка II, 1398—1401; III, 5, 308; взывание н. и исполнение договора II, 1400; уменьшение н. II, 1400; н. в договорах о подрядах с государством II, 1400.
 Нефундированные доходы III, 302.
 Нечаев I, 272.
 Николаев I, 205.
 Нис (Nvs) I, 453.
 Нитти Фр. I, 312.
 Ничтожные сделки III, 1334—1335.
 Новация (novatio) III, 118.
Новая экономическая политика (НЭП) II, 1429—1456; I, 499—501; III, 1301—1304; III, 273—278, 1237—1238.
 Новгородцев I, 853; III, 368.
 Новиков III, 146.
 Новые обстоятельства III, 23—24.
 «Ножницы» III, 1453.
Норма II, 1401—1402; III, 103—107, 415—430.
Нормативизм II, 1406—1418, 1401—1402; III, 437.
 Нормативисты II, 1401, 1402, 1417.
Нормы выработки II, 1402—1406; н. в. для несовершеннолетних II, 1405—1406; н. в. для квартирников II, 1406.
 Норс II, 327.
 Нот I, 71—72.
Нотариальная форма II, 1418—1419; н. соблюдение н. ф. II, 1418—1419; госорганы и н. ф. II, 1418, 1419; Н-ная сделка II, 1418; Н-ое засвидетельствование сделки II, 1418.
 Нотариальные сборы II, 1419; III, 411.
Нотариат II, 1419—1429.
 Нотариат советский II, 1425—1429; сила нотар. актов II, 1428—1429; требование по н. документам II, 1429; жалоба на действия н-уса III, 1429; оплата н. действий II, 1419; III, 411; н. действия сельсоветов и волысполкомов II, 1429.
 Нотариус II, 1429.

Ночная работа I, 1119; III, 1299.
 Нравственность III, 428—429; 1585—1590.
Нэп II, 1429—1456; I, 499—501; II, 1301—1304; III, 273—278, 1237—1238

Обвинение III, 1127.
 Обвинительное заключение III, 1341.
 Обвинительный процесс III, 1114—1115.
Обеспечение обязательств III, 5, 385—387.
Обеспечение иска III, 5—7; I, 395.
 Обеспечение прав кредитора I, 385.
 Обжалование административных взысканий и распоряжений I, 404—405, 409, 532.
Обжалование (в гражданск. процессе) III, 8—27, 515—516.
Обжалование (в уголовн. процессе) III, 27—43, 1119.
Области III, 43—50, 127—129; I, 34, 35—36.
 Области автономные I, 34, 35—36, 44—45.
 Обложение I, 309; III, 301—305, 549—550, 1445.
 Обман I, 977; II, 179, 1043—1044, 1041—1042, 1337; III, 297—298, 821, 1406.
 Обмен I, 810—844; II, 19—22, 30—31; III, 108, 1066—1070, 1485—1486.
Обнародование III, 50—56; I, 460.
Обогащение III, 56—58.
 Оборот I, 719—720; «вне оборота» I, 719.
 Оборотный капитал III, 1239—1240.
Обратная сила закона III, 58—64, 1334—1335; по Г. К. РСФСР III, 62—63; по У. К. и УПК. РСФСР III, 63—64.
 Обратная сила разъяснений III, 61—62, 64.
 Обратное требование III, 697—699.
 Обряды III, 856—857.
 «Общая воля» Volonté général I, 260; III, 780.
 Общая оговорка ordre public II, 880—881.
Общая собственность III, 64—65.
 Общая часть У К III, 1328, 1345, 1346—1347.
 Общее предупреждение I, 444; II, 913—915, 932.
Общесоюзное или объединенное гос. политическое управление III, 66—70, II, 777—778.
Общества и собрания III, 70—77.
 Общества, не преследующие целей извлечения прибыли III, 71—72, 75—77.
 Общества религиозные III, 702—708.
 Общественно опасное деяние I, 895—896; II, 177.
Общественное мнение III, 77—81.
Общественное порицание III, 81—83.
 Общественность III, 81.
 «Общественный договор» I, 1100—1103.
Общество III, 83—87; I, 123, 558, 803—804.
Общество земельное III, 87—91; функ-

- ции III, 88; органы управления III, 89—90; ответственность з. о. III, 90—91; вступление в члены III, 91
- Община** III, 91—96.
- Общность имущества I, 780—781, 782.
- Обыски и выемки** III, 96—98; II, 268.
- Обычай I, 1147.
- Обычное право** III, 98—102
- Объект права** III, 102—103.
- Обязательные постановления** III, 103—107; II, 267; I, 1150; органы издающие о. н. III, 104—105; ведомственные о. п. III, 107; о. п. исполкомов I, 403; порядок издания III, 106; предмет издания III, 105—106; круг действия о. п. III, 105; срок действия о. п. III, 106; ответственность за нарушение о. п. III, 107; надзор за о. п. III, 106—107.
- Обязательственное право** III, 108—113, 1119—1120; II, 1390—1391.
- Обязательственное право в международном частном праве II, 884—885.
- Обязательство** III, 113—118; перевод долга III, 114; возникновение о. III, 113—114; прекращение о. III, 114—115; исполнение о. III, 115; срок III, 115; просрочка III, 115—116; место исполнения III, 116; способы исполнения III, 116—117; предмет обязат. III, 117; солидарная ответств III, передача о. III, 114; неисполнение о. III, 117—118; confusio III, 118; novatio III, 118; regress. III, 679—699.
- Обязательство абстрактное** III, 118—121; основание договора (causa) III, 119; вексель III, 119—120; перевод III, 119; банковые о. III, 120; о. на пред'явителя III, 120—121.
- Ограничение средств войны** III, 121—124.
- Одиночное заключение II, 782—783.
- Оказание помощи на море II, 1040.
- Оклад налога II, 1086.
- Оккупация (военная)** III, 124—127; I, 138, 468, 552.
- Окраины II, 879—898.
- Округ** III, 127—129.
- Округа военные II, 940.
- Округа территориальные II, 940, 941
- Ольдендорп I, 1083;
- Опасное состояние I, 155; II, 924—925, 926—927, 928—929, 934; III, 1105—1106.
- Опека** III, 124—132; I, 781, 893; II, 899—III, 463.
- Опекун III, 131—132.
- Опекунский суд III, 130.
- Опекунское право III, 129—132.
- Опознавание личности III, 1087—1090.
- Ополчение народное I, 471
- Оппенгейм I, 241, 1014.
- Опенгеймер Франц I, 205—206, 656; III, 505—506, 1011, 1015—1016.
- Оппозиция** III, 132—134.
- Оптация** III, 134—136; I, 732—733.
- Опыт II, 841.
- Организм III, 136—146.
- Органическая школа** III, 136—146.
- «Оргстрой» II, 1108.
- Ордена** III, 147—148, 369: красного зна-
- мени III, 147—148; трудового знамени III, 147—148.
- Ориу I, 143, 694—697.
- Ordre public II, 880—881
- Ортлов III, 1584.
- Орудия преступления II, 567.
- Оружие** III, 148—150; охотничье о. III, 148—149; военное о. III, 148—149, 150; огнестрельное о. III, 149—150.
- Осадное положение II, 261.
- Освобождение от военной службы по религиозным убеждениям** III, 150—153.
- Оскорбление** III, 154—160; I, 487—488; II, 420.
- Основной капитал III, 1239—1240.
- Основы общесоюзного законодательства** III, 160—162; III, 1346—1348.
- Особенная часть уголовного кодекса I, 896—898; III, 1328, 1345—1346.
- Особое производство гражданских дел III, 1102—1103.
- Оспоримая сделка II, 1334—1335.
- Оставление в опасности** III, 162—165.
- Оставление поля сражения I, 485.
- Остин Джон II, 871; III, 316—317
- Острогорский II, 328.
- Ответственность государства** III, 165—183.
- Ответственность должностных лиц I, 1000—1002.
- Ответственность жилтовариществ по долгам I, 1133.
- Ответственность за вред III, 1234
- Ответственность несовершеннолетних по У. К. II, 1388—1389.
- Ответственность объективная I, 422.
- Ответственность при исполнении приказа начальства III, 511—512.
- Ответственные политические работники** III, 184—186; I, 1189.
- Отвод участков под разработки I, 629—630.
- Отделение церкви от государства III, 1519—1520.
- Отдых III, 603—605.
- Отечество III, 252—254.
- Отзыв на заочное решение III, 9—11.
- Отзывные грамоты I, 941.
- Отказ от дееспособности I, 794
- «Открытые двери» III, 1134—1135.
- Отлагательное условие III, 822.
- Отман I, 1083.
- Отмена распоряжений центральных правительственных органов Союзных республик Верховным Судом СССР I, 366
- Отмена решений арбитражных комиссий I, 158.
- Отменительное условие III, 822.
- Отношение правовое III, 440—446.
- Отозвание** III, 186—187; I, 852.
- Отпуск I, 862; II, 495; III, 603—605.
- «Отрезки» I, 1216.
- Отсрочка взыскания I, 392.
- Отсрочка исполнения решений I, 519.
- Отсрочка от отбывания воинской повинности I, 474.
- Отсрочка приведения приговора в силу I, 518—519

Отсылка в международном частном праве II, 879—880.

Отчуждение III, 187 192; I, 50, 1201.

Отчуждение принудительное III 187 188, 191 -192.

Отягчающие обстоятельства III, 1357

Оуэн II, 930

Офицерский корпус I, 188.

Охота III, 193 196.

Охотничье оружие III, 148—149.

Охотничье хозяйство III, 194—195.

Охрана детей и подростков от преступных действий взрослых I, 889—891.

Охрана материнства и младенчества I, 877 -881.

Охрана труда III, 196—206; I 861- 863 1112- 1122, 1176: II, 216 -222; III, 1298 1301 -1302, 1395; правовая III, 200—201; санитарная III, 200—201; техническая III, 200—201; рабочее время III, 597—605; о. трудового дохода рабочего I, 1176, 1191—1192.

Охрана труда в Уголовном Кодексе III. 202 206.

Охрана трудового дохода рабочего I, 1176, 1191- 1192.

Оценка доказательств I, 99, 987.

Ошибка (в уголовном праве) III, 206 210. I 442 977. III, 962.

П

Павел I, 1081.

Падуанский Марсилиус I, 1083; III, 139.

Пай III, 211 -212; I, 1138.

«Пайторги» III, 1195.

Палата верхняя I, 788 790.

Палиенко I, 25.

Панамский канал II, 338.

Популярные линии III. 1088—1089.

Паран-Дюшатлэ I. 148

Пари II, 5

Парижская Коммуна I, 932—933

Паритет (денежный) I, 834.

Паритетные комитеты III, 1272.

Парламент III, 231 236; I, 788 -791, 1164—1170; II, 182—186, 189—190, 324-327; кабинет министров II, 324—327; оппозиция III, 132, 133. 134; отозвание депутатов III, 186.

Парламентаризм III, 212—231.

Партизаны III, 236 --238.

Партийная дисциплина I, 947. II, 244—245; III, 1387.

Партийная программа III, 240.

Партийные съезды III, 1384—1388.

Партикуляризм I, 31.

Партия III, 238—248; I, 615, 675 -676; II, 718, 810 811; III, 132—134. 1384—1388

Паскаль I, 1085.

Паспорт заграничный III, 251—252.

Паспорта дипломатические I, 941 943.

Паспортная система III, 248—252.

Пассивное право посольства I, 939.

Пассивный торговый баланс I, 352.

Патент II, 109, 110, 112—116; III, 1017; срок II, 119; первый заявитель II, 117; присвоение п. II. 118; права патенто-

обладателя II, 119; принудительное отчуждение и. II, 122; обязанность осуществления п. II, 119—122; выдача п. II, 122.

Патентное право II, 107—123; проверочная система II, 122—123; явочная система II, 122 -123; советская система II, 123; злоупотребление п. и II, 119—122.

Патентный сбор III, 547—548.

Патриархальная теория государственной власти I, 17

Патриархат III, 855—856.

Патриотизм III, 252 -254.

Паушализирование III, 1221.

Пацифизм III, 254—262, 638 -644.

Пашуканис Е. III, 418- 420, 893, 925

Пенитенциарная наука II, 917

Пенитенциарные системы III, 263—271; II 783 784, 917—918; III, 1378- 1379; советская п. с. II, 274—299; филладельфийская п. с. II, 919, III, 263 -264; оборнская п. с. III, 264—265; реформатории III, 265—266; колонизационная ссылка III, 266 -267; прогрессивная с. II. 286—287. 288; III, 267—268; Боротальские учреждения III, 268- 269; превентивное заключение III, 269--271.

Пенсионная система обеспечения III, 978—979.

Пеня II, 1400—1401; III, 5

Первородство II, 802.

Первый Интернационал I, 490; II, 829—830.

Перевод долга III, 1524.

Перевод как абстрактное обязательство III, 119.

Перевод иностранный I, 47.

Перевозка III, 1233 -1234.

Перевозочные тарифы III, 1231.

Перевозочное право III, 1228—1230.

Переворот III, 690—697

Передача обязательств. прав I, 139; III. 1164, 1523—1525.

Переделы III, 93.

Переложимость промыслового налога III, 546.

Перемена имен и фамилий I, 89, 93.

Перемирие III, 271- 273; приостановление вооруженных действий III, 271; общее перемирие III, 271—272; частичное перемирие III, 272; братание на фронте III, 272—273.

Перепечатка I, 47.

Перерывы в работе III, 603.

Пересмотр гражданских дел. III, 23 -27

Пересмотр уголовных дел III, 42—43.

«Переход к очередным делам» I, 1165—1166.

Переходной период III, 273—278; I, 838—841, 936—937.

Перипатетики I, 179.

Персональные ставки III, 1023 -1026; I, 1189.

Перье Казимир II, 330

Петиция III, 278—279; II, 188.

Петражицкий I, 70, 655 -656; II 13; III, 587 -591, 434.

Петрункевич II, 746.

Печатные машинки III. 1206 -1207

Печать III, 80, 486—189; п. как форма выявления общественного мнения III, 80; преступления против п. III, 486—489.

Пешкеш (бешкеш) III, 407

Пикар III, 1585.

Пининский I, 437.

Пиратство III, 279—282.

Плагиат III, 282; П, 532—533.

Плановость П, 1441—1442.

Плановые комиссии П, 1436—1437.

Платежная сила бумажных денег I, 828—823, 830, 831, 832, 833, 834.

Платон III, 282 285; I, 173, 177, 1078, 1079; П, 912, 913; III, 139.

Плебисцит П, 1252—1253; III, 1165.

Пледирование I, 59.

Плейс Френсис П 785—786.

Плен I, 485, 465—466. 1108; III, 285 289.

Пленные III, 285 289; I, 465—466. 1108; выкуп и обмен III, 285; правовое положение п. в XX в. III, 285—286; п. в империалистическую войну III, 287. гражданские п. III, 287: прекращение состояния п. III, 287—288.

Плоды (fructus) III, 289—290; I, 164.

Плутарх III, 139.

Плюсвалент III, 1485.

Побег арестованного III, 495.

Побег военнослужащего I, 484—485

Победоносцев I, 18, 19.

Побои III, 1158.

Поверенный в делах I, 942.

Повинности иностранцев П, 213

Повинность трудовая П, 268; III, 1262—1265,

Повреждение или истребление имущества III, 290—292; простое, III, 290, общепопасным способом III, 290, 291; повлекшее человеческие жертвы или общественные бедствия III, 290—291

Погашение государственных займов П, 614—615.

Погашение судимости III, 1100—1101

Погребальные обряды III, 857

Податная оценка III, 545—546.

Подвассал III, 1426.

Подведомственность I, 353.

Подводная война III, 292—294.

Подводная лодка III, 292—294.

Подготовка к преступлению I, 905.

Подданство I, 232, 726—727 П, 726 737. 1277—1278; III, 134—136.

Подделка монеты, казначейских и банковских билетов III, 295—297

Поджог III, 290, 291.

Подзаконный I, 74.

Подкидывание ребенка III, 164.

Подлог III, 297—301; материальный I, 1027—1028; интеллектуальный I, 1027; служебный I, 1027—1028; III, 299—301.

Подходный налог III, 301—305 1446—1447.

Подписка о невыезде I, 395.

Подростки III, 1396.

Подряд III, 305—308: 110—111. 1314—1315.

Подстрекательство I, 246—247; III, 958, 960—962.

Подсудность III, 308—312; I, 67, 213, 392, 449, 493, 511, 782; П, 1276; III, 476—478, 1235, 1317, 1337, 1348—1319 1367.

Поединок или дуэль III, 312—313

Поединок судебный I, 461.

Пожертвование добровольное I, 771: III, 801—803.

Позитивизм III, 313—318, 434; I, 146.

Познание П, 845.

Познышев П, 532.

Поиски и разведки в горном деле I, 627, 629,

Поклажа III, 318—323.

Покровский И. А. I, 721, 1144.

Покровский М. Н. I, 10, 435, 1145.

Покупка похищенного III, 323—324.

Покushение III, 324, 1352—1353; I, 417, 905—909, 914—920, 1030; с негодными средствами I, 918—920; на негодный объект I, 919.

Полянский Н. Н. III, 1262.

Политика гражданско-правовая III, 324—328.

Политика международная III, 328—334

Политика права III, 334—337.

Политические права военнослужащих I, 195.

Политические права иностранцев, II, 200.

Политические преступления III, 337—345.

Политические работники III, 184—186.

Политическое Управление (Красармии) I, 196.

Политпросветработа III, 346—354.

Полицейское государство I, 17—18, 665—666.

Полиция международная III, 354—359

«Полиция нравов» III, 559—560.

Половые преступления III, 359—366. 1093; кровосмешение III, 362, 364; проституция III, 362, 365—366; конкубинат III, 361—362, 364; мужеложство III, 363; растление III, 365; развращение малолетних III, 365; изнасилование III, 365; похищение к вступлению в половую связь III, 365,

Половая зрелость I, 274.

Полномочные министры I, 942.

Пользование I, 439—440; III, 895.

Помещики I, 534—535.

Помилование I, 104—105.

Понуждение к вступлению в половую связь III, 365.

Попов А. И. I, 72.

Поражение прав III, 366—370, 1355—1, 994.

Порнография III, 357

Порт III, 370—374.

Портовые сборы III, 374—380; корабельный с. III, 374, 377; грузовой с. III, 377—378; лоцманский с. III, 378—379; Osborne п. с. III, 379—380.

Порто-франко и вольные гавани III, 380—385,

Поручение П, 812—813; III, 111

Поручительство III, 385—387, 5, 697, 947

- «Порча монеты» I, 819 819 820 822 824.
 Посланник I, 942.
 Послух III, 810—811
 Посол I, 942.
 Пособие по болезни III, 989.
 Пособники I, 4, 5, 511, 557; III, 958, 961, 963.
 Посольское право I, 939—940
 Посольство I, 939.
 Посредник II, 478—483
 Посредническая сделка II, 478—483.
 Посреднические конторы (труда) III 1272.
Посредничество III, 387—388
Поставка III 388—391
 Поставление в опасное положение III, 63
 Постоянная палата третейского суда Гааге III, 1257—1258, 1259, 1260,
 Потехин П. А. I, 58.
Потребительская кооперация III, 391 399; II, 581.
 Потье Э. I, 585.
Похищение имущества III, 399 405; II, 179.
Пошлины III, 406—411, 380—382; II, 1082; ввозные и вывозные III, 1223; транзитные III, 1223; дифференциальные III, 1142; протекционные I, 351—352.
 Пошлины таможенные III, 1140—1142.
Правила внутреннего распорядка III, 411—415.
 Правительство III, 655—678.
Право III, 415—430; I, 123, 131, 557—558, 683, 720—722, 921—927, 1064—1065, 1071; II, 14, 29—32, 38, 353—354, 705—707, 719—720, 831—841, 1411—1412; III, 275—276, 366—370, 1436—1440; происхождение п. III, 416—420; п. и класс III, 420—421; п. и государство III, 421—422, базис и надстройка III, 423—424; п. и закон III, 424—427; п. в объективном, п. в субъективном смысле III, 427—428.
 Право абсолютное I, 18—19.
 Право вещное I, 18.
 Право визита I, 420—421.
 Право войны I, 461—471.
 Право обычное III, 98—102.
 Право обязательственное III, 108—113
 Право относительное I, 19.
 Право советское II 877—878, 891—892; III, 337, 921—926.
 Право убежища I, 520—525.
Правоведение (юриспруденция) III, 431—439.
Правоотношение III, 440—446, 102—103.
Правосознание III, 446—448.
Правоспособность III, 448—450; I, 793; II, 246, 770—771, 881—882; в советск. хозяйственном праве II, 770—771 в международном праве II, 881—882; процессуальная II, 246.
 Превышение власти I, 1024, 1025—1026.
 Превышение пределов необходимой обороны II, 1361—1363.
 Предание суду I, 449—450.
 Предварительное расследование III, 1127
Предварительное следствие III, 450—456, 1127.
Предметная комиссия ВУЗОВ III, 1550—1551.
 Предметы изъятые из обороны II, 567
 Предметы потребления III, 1407
 Предостережение III, 1355.
Предпринимательские бюро III, 1270—1271.
Предприятие III, 456—462; II, 1444—1445.
 Представительная система управления III, 212—231.
 Представительные учреждения I, 849—854.
Представительство III, 462—466 п. по закону II, 813, III, 463; договорное II, 813, III, 464—465; процессуальное п. III, 465—466.
 Предупреждение I, 520.
Президент III, 466—469, 475—476.
 Президиум ЦИКС III, 918.
Презумция III, 469—471
Прекарий III, 471—472, 1423.
 Прекращение уголовного дела III, 1336.
Прелиминарий III, 472.
 Премьер министр II, 326—327.
 Прения судебные III, 1098—1099.
 Пререкание о подсудности III, 311—312.
Прерогативы III, 472—478.
Преступление III, 478—486; I, 149, 153—154, 896; II, 180; III, 527—529, 729—735, 937, 997—1002, 1328—1329, 1350—1351, 1403—1404.
Преступления печати III, 486—489.
Преступления против пооядка управления III, 489—496, 527—529.
 Преступная небрежность II, 1365.
 Преступник I, 426—427, 520—525.
 Преступность I, 146; III, 1360
 «Преступные личности» I, 147
 «Преступный тип» I, 147.
 Претензионный порядок II, 1006
 Преус II, 869.
 Префект I, 748—750.
Прецедент юридический III 496—498, 100—101.
Преюдиция III, 498—500.
 Прибавочная стоимость II, 372—373
 Прибыль II, 991—992.
 Привилегия I, 46, 465, 626, 943—945, 1054; II, 108—109, 110; III 472—473.
 Привод незаконный II, 1378.
 Привод свидетелей III, 814.
 Приговор I, 518—519; II, 288, 918, III, 1341—1342 «абсолютно неопределенный п.» II, 288, 918; «относительно неопределенный» II, 288, 918.
 Приготовление (к преступлению) I, 907—911; III, 324, 1325—1353, 1362—1363.
 Пригульный скот II, 1287
Приданое III, 500—503.
Признание (в международном праве) III, 503—510; «п. по частям» III, 509; de facto III, 507—508; p. de jure III, 507—508.
 Призовой суд III, 511.
Призы морские III, 510—511

Призыв на военную службу I, 474, 485; III, 1365—1367.

Приказ начальства III, 511—512; I, 442, 485, 487, 489—491; III, 1525.

Приказ судебный III, 512—516.

Примак I, 780; III, 1388, 1389, 1390.

Примачество I, 780; III, 1388, 1389, 1390.

Применение оружия I, 526.

Приметы III, 1088.

Примирительно-третейское разбирательство III, 516—527; I, 238; III, 648—653.

Примирительные комиссии I, 238.

Принс П, 923, 925—926.

Принудительное отчуждение III, 699—702.

Принудительное разбирательство II, 1005—1006.

Принудительные работы I, 410; II, 292.

Принудительный курс бумажных денег I, 830.

Принуждение П, 179—180, 530, 1338, 1339.

Принуждение вне-экономическое I, 1170—1171.

Принципат I, 12.

Приостановление распоряжений центральных правительственных органов союзных Республик Верховным Судом СССР I, 336.

«Прирожденные преступники» I, 147.

Присвоение I, 1028; II, 179; III, 400—401.

Присвоение власти III, 527—529.

Присяга III, 529—530; судебная III, 529; п. на верность III, 529; Красная присяга III, 529—530.

Присяжные заседатели I, 1195—1196; II, 1265—1266; III, 1123—1125.

Присяжный поверенный I, 57—58, 59.

Причинение вреда III, 111.

Причинная связь I, 900—903.

Провинция I, 26.

Провокатор III, 530—535.

Провокация III, 530—535; П, 790—791.

Программа зрелищ и увеселений I, 1237, 1239—1240.

Программа партии III, 240.

Продажа III, 457—458, 1240.

Продажа арестованного имущества I, 398—399.

Продажа в рассрочку II, 683—698.

Продналог П, 1197—1199.

Продукты производства I, 372.

Произведение авторское I, 49; III, 282.

Производственные отношения I, 922, 1171.

Производственный принцип в профдвижении III, 575.

Производство исполнительное III, 1102.

Происхождение зачатых детей I, 92—93.

Прокат I, 164.

Проксен II, 511—512.

Прокуратура III, 535—541; I, 367, 409, 1154—1155; III, 1112, 1317—1318, 1335, 1339, 1340.

Прокуратура в гражданском процессе III, 535—541, 1112

Прокуратура в уголовном процессе III, 535—541.

Прокурор Верховного Суда СССР I, 367.

Прокурорский надзор I, 409, 1154—1155.

Пролетариат II, 35—36.

Пролетарская революция I, 681—683.

Проливы II, 336—343.

Промотание обмундирования, амуниции и т. п. военными служащими I, 491—492.

Промторги III, 1195.

Промысловая кооперация III, 541—545; II, 582.

Промысловый налог III, 545—550, 1088.

Промышленность I, 217—218, 597—600, 604—605; III, 541—545, 550—554.

Промышленные образцы III, 550—554; П, 206.

Промышленный капитализм III, 774—777.

Пропаганда III, 554—557, 346—354; I, 246—247.

Пропорциональная система избирательного права II, 67, 69—72.

«Просветители» I, 1094—1095.

«Просвещенный абсолютизм» I, 11, 17.

Просрочка III, 115—116, 306.

Простат II, 866.

Проституция III, 557—561, 362, 365—366.

Протагор II, 849.

Протекторат III, 562—563; I, 350, 677; II, 463—464.

Протекционный режим в таможен. политике I, 351—352; II, 148, 150; III, 1139, 1140.

Протест векселя I, 357.

Протоколы при административных взысканиях I, 403.

Профессия П, 1063.

Профессор III, 1551.

Профессиональные вредности III, 200.

Профессиональный союз III, 563—583; I, 935—936, 954; П, 461—462, 787—788; III, 81, 463, 1270—1271, 1409.

Профсоюзные посреднические бюро III, 1271.

Проценты III, 583—587; I, 1146; II, 589, 605—607.

Процесс III, 469—471, 1101—1121.

Процесс гражданский III, 1101—1113.

Процесс уголовный III, 96—98, 535—541, 1113—1121.

Прудон I, 122—125; II, 590; III, 975.

Прямое обложение I, 309.

Прямые налоги III, 406—411.

Психологическая теория права III, 587—591, 433—434.

Пуанкаре II, 331.

Публикация законов III, 50—52.

Публикация документа I, 460.

Публичность I, 86; III, 80, 1096, 1336.

Пуже III, 862, 864—865.

Пули разрывные III, 127.

Пуналуа семья III, 855.

Пути сообщения III, 591—596, 1228—1229, 1230—1237.

Пуфендорф I, 1089—1090; II, 867.

Пухта II, 12, 240, 309—311.

Пэн Томас II, 734.

Р

Рабочий контроль I, 595—597
 Рабочий день III, 597—605.
 Рабство III, 605—622; I, I, 175; III, 356—357.
 Рабфак III, 1547.
 Рабы III, 356—357, 605—622; I, I, 175
 Равенство I, 174, 925; III, 1070—1071.
 Равновесие сил III, 622; II, 870.
 «Равное отношение» III, 1231.
 «Равноправие в международном праве» II, 868—870.
 Радбрух III, 1585.
 Радиоправо III, 623—625.
 Разбой II, 178; III, 404—405.
 Разбой морской III, 279—282.
 Разведчики угрозыска III, 1361.
 Разверстка II, 1196.
 Развод III, 625—632; I, 92, 275, 277—278; II, 888.
 Развращение малолетних III, 365.
 Разглашение должностным лицом не подлежащих оглашению сведений I, 1026.
 Разделение властей III, 632—638; I, 63, 65, 76, 852, 1166—1167; II, 270—271, 272, 1027—1029; III, 213—214, 632—638
 Разделение труда I, 45—46; II, 25—26.
 Разделы I, 781—783, 1225—1226.
 Разоружение III, 638—644, 254—262.
 Разработки в горном деле I, 629—630
 Разъяснения законов I, 366; III, 1191.
 Райисполкомы III, 645—646.
 Районирование III, 127—129, 645—646.
 Райсоветы III, 646
 Райт I, 461.
 Ранги дипломатических представителей I, 942—943.
 Раненые и больные I, 465, 1108.
 Распорядительное заседание суда III, 1341
 Распорядительный документ III, 321—322.
 Распоряжение вещью III, 896.
 Распределительные комиссии I, 1039—1042; II, 277, 290—291; III, 1379.
 Расслоение крестьянства II, 672—673.
 Рассрочка платежа II, 315—316, 683—698.
 Раствление III, 365
 Расторжение брака I, 92, 275, 277—278; II, 888; III, 625—632.
 Растрата III, 646—648; I, 1010—1028; III, 1470.
 Расхищение государственного имущества III, 1471.
 Расценочно-конфликтные комиссии III, 648—653.
 Расчет I, 1174—1180.
 Расчетная книжка III, 652—655; I, 997.
 Ратификация I, 978—979; II, 496; III, 1307

Рацепгофер III, 1011.
 Рационализм идеалистический I, 17.
 Реабилитация III, 1100.
 Реалистическая школа II, 41—43
 Революционный совет I, 195.
 Ревизионный порядок рассмотрения дел III, 31—33, 1119, 1342, 1343—1344.
 Ревизионный суд II, 1065
 Ревизия III, 16—17, 21.
 Ревком I, 447—448, 449—450.
 Революционная законность I, 65, 68, 1154; III, 447—448, 335—341
 Революционная ситуация III, 694.
 Революционное правительство буржуазное III, 655—668.
 Революционное правительство пролетарское III, 668—678.
 Революционный трибунал великой Французской революции III, 678—683.
 Революционные трибуналы Октябрьской революции III, 683—690; II, 1266—1267.
 Революционный марксизм III, 246—247.
 Революция III, 690—697; I, 615, 666—667, 667—669, 669—671; III, 665—678, 678—690.
 Регалии I, 626; II, 1289—1290
 «Регальный закон» III, 265
 Регельсбергер I, 1231.
 Регистрация I, 78—80, 90—93, 274—275; гражданская I, 80; церковная I, 80; разводов I, 92; браков I, 78—79, 91—92, 274—275; рождений I, 87—90, 78—79; смертей I, 78—79, 90; безвестного отсутствия I, 90—91; происхождения зачатых детей I, 92—93
 Регистрация земельная I, 638.
 Регламентация гражданства I, 727—728.
 Регресс III, 697—699, 1066
 Рейн (река) II, 893—894.
 Рейснер III, 590—591.
 Рейхсгерихт I, 362.
 Рейхскамергерихт I, 361—362.
 Реквизиция III, 699—702; I, 450; II, 268, 534, 1288; III, 187—188, 191—192.
 Реки I, 445—446; II, 859—860; III, 1161; «договорные р.» II, 859—860; интернациональные III, 1161; сплавные I, 445—446; судоходные I, 445.
 Реклю Элизе I, 133
 Рекрут I, 184.
 Рекрутчина I, 472
 Релегация II, 925.
 Религиозная идеология I, 11.
 Религиозные общества III, 702—708.
 Религиозные преступления III, 708—710.
 Религия III, 710—715; I, 11; III, 702—708
 Рененкамф III, 1584.
 Реннер II, 858, 859; III, 1483, 1592.
 Рента I, 166—168; III, 715—717; денежная I, 166—167; капиталистическая III, 717; продуктовая I, 167; III, 716—717; трудовая III, 716; земельная I, 166—168; 715—717.
 Рента Земельная III, 715—717; I, 166—168.
 Рентное обложение II, 969.
 Ремонтации III, 717—727; I, 552; III, 287—289.

Репарационные платежи I, 552.
 Репертуар зрелищ и увеселений I, 1237-1240.
Репрессалии III, 727-729.
 Репрессия уголовная I 108-111 155; III, 1004, 1356.
 «Репудиация» I, 142.
 Res III, 103.
 Республика III, 466-469.
 Республики автономные I, 34, 36-37.
Реторсии III, 729; I, 382.
 Референдум II, 1252-1253.
 Реформаторий II, 918.
 Реформизм III, 573.
 Реформисты III, 1047.
 Рецепция римского права III, 432, 741 753.
Рецидив III, 729-735; II, 176, 924, 925.
Решение III, 736-741; I, 103, 519; III, 8-27, 496-498; дополнительные р. III, 737; частичное III, 737-738; обжалование р. III, 8-27.
 Реэкспорт I, 351.
 Риве III, 505.
 Риккерт Г. II, 11, 367.
 Римский папа II, 864.
Римское право III, 741-753; I, 430; II, 172-173; III, 289-290, 337-338, 401-402, 432, 958, 1032-1033, 1309-1311.
 Роберти III, 146.
 Родбертус I, 1158.
 Родители I, 873-874.
 Родительские права III, 367.
 Родственники III, 1368.
Родство III, 753-755; I, 274 994-995.
 Родство кровное I, 274.
 Рождение (регистрация) I, 78 79, 87 90.
Розыскной процесс III, 1116.
 Ройе-Коллар II, 735.
 Романьози I, 146.
 Роспись госуд. расходов и доходов I, 304.
Ростовщичество III, 755-757; II, 180, 315, 606-607.
 Рочдельская школа кооперации III, 542-543.
 Рочдельское общество III, 391, 392.
 «Рубль довоенный» I, 842.
 Рубль золотой I, 842-843.
 Ружье де-Лиль I, 584-585.
 Рузвельт II, 333.
Русское право III, 757-777.
Руссо III, 777-782; I, 270 1095-1103; II, 188-189, 271, 855.
 Рутгарт III, 1582.
Рыболовство в международном праве III, 782-784.

С

Саботаж III, 785-787; II, 553.
 Савиньи Фридрих II 37, 240, 303, 306, 307-309, 311.
 Салейль III, 436-437.
 Самовольное возвращение из изгнания II, 101.
 Самодержавие I, 8, 10.

Самодержец I, 9.
 Самонадеянность III, 1376-1377.
 Самоопределение национальностей I, 20, 21, 33-34, 41-42, 44, 740; II, 718-719, 898-899; III, 134.
 Самопродажа I, 1144-1145.
 Саморасправа II, 173.
 Самострахование III, 1054.
Самосуд III, 787-789; II, 173.
Самоубийство III, 789-792.
Самоуправление III, 792-798; I, 24-25, 503, 753-755; II, 90-91, 944-946, 1059, 1060-1062; III, 803-809.
 Самоуправление местное I, 753-755.
Самоуправство III, 798-800.
 Санирование финансов III, 1444.
 Санитарные учреждения I, 1108-1109.
 Санитарный контроль III, 354-356.
Санкция III, 800-801; 1327-1356; абсолютно неопределенная III, 801; абсолютно определенная III, 800-801; относительно-определенная III, 801.
 Саньяк I, 279, 280, 281.
 Сатуриин I, 1081.
Сборы и жертвования добровольные III, 801-803; I, 1028.
 Сборы налоговые II, 968; III, 545-550.
 Сборы портовые III, 374-380.
 Сбытово-снабженческая кооперация III, 826-827.
Свардж III, 803-809.
Свидетели III, 810-814, 1251.
 Свидетельские показания III, 813.
 «Свобода договора» (принцип) I, 925-926; III, 1231, 1280-1281.
 Свобода личности I, 549.
 Свобода передвижения II, 1063.
 Свобода печати I, 807.
 Свобода собраний и союзов I, 807; III, 72-74.
 Свобода труда III, 1279-1280.
 «Свобода усмотрения» I, 68.
 Свободная торговля II, 764.
 «Свободные товары» II, 528.
 Свободный государственный фонд I, 646.
 «Свод» (законов) II, 436-437.
 Свойство I, 994-995; III, 754.
Связь народная III, 814-817.
 Сдача в плен I, 485.
Сделка юридическая III, 817-823; I, 250, 256; II, 317-318, 1334-1342, 1427; III, 113-118, 440-446, 448-450, 471-472, 821-822; с. на срок I, 250; с. на разницу I, 250; с. оспоримые II, 1335-1336; недействительные с. I, 971-972; II, 317-318, 1334-1342; с. внебиржевые I, 256.
 Сделки недействительные I, 971-972; II, 317-318, 1334-1342; III, 821-822.
 Сдельный расценочек II, 1405.
Севооборот принудительный III, 823.
 Сезонные работы III, 1296.
 Секуляризация II, 1290.
 Селитбенная площадь I, 636-637.
 Сельден II, 1032.
 Селькоры II, 556; III, 1363.
Сельскохозяйственная кооперация III, 823-828; II, 581-582.

Сельскохозяйственный кредит III, 829—836.

Сельскохозяйственная кредитная кооперация III, 829—836.

Сельскохозяйственный налог III, 836—339, 1447; I, 477—478, 401—402.

Сельскохозяйственный Институт в Риме I, 347.

Сельсоветы III, 839—841.

Семейное право III, 841—852; I, 776—779; II, 888—889; III, 500—503, 625—632, 753—755.

Семейные разделы I, 781—783

Семейный совет III, 130.

Семья III, 852—859; I, 176; III, 842—846; 848—850; 753—755; с. большая III, 855; с. малая III, 857.

Сенека I, 1080; II, 913.

Сениор II, 735, 737.

Сен-Симон II, 736, 930; III, 142.

Сеньорат II, 801.

Сеньоризация III, 1422.

Сепаратизм I, 31.

Сепаратный мир III, 859—861

Сервитут III, 861—862.

Сервы II, 631—632; 644.

Серджи I, 153.

Сессии ЦИКС III, 917—918

Сецессия III, 1414.

Сиейс I, 786, 847; II, 815, 321

Симптоматология преступника I, 147

Синдикализм III, 862—869.

Синдикат III, 869—880, 573—575, 1194—1195; советские с. III, 874—880; члены III, 875—876; пай III, 878; капиталы III, 878; ответственность по обязательствам III, 875, 878; проект закона о С. III, 877—879.

Синдикатская конвенция III, 877.

Синдицирование принудительное III, 872—873, 878.

«Синие книги» I, 137

Синкретизм II, 737.

Складочное свидетельство III, 321—322.

Следственные органы III, 451.

Следствие II 1378; III, 450—456, 535—541, 1339, 1340.

Служба в отдаленных местностях I, 998—999.

Служба государственная III, 880—882; I, 416—417, 994—995, 995—997, 998—999, 1029; III, 367, 368, 934.

Служебный подлог III, 299—301.

Смертная казнь III, 882—888; I, 150; II, 173, 174; III, 338—345, 1319, 1354.

Смерть I, 78—79, 90, 516—517.

Смерть гражданская II, 780.

Смешанные суды III, 888—889.

Смит Адам I, 241; II, 731—733.

Смычка города с деревней II, 675—677, 1453—1454.

Смягчающие обстоятельства III, 1357—1358

Снос домов и строений I, 1032.

Сношение с неприятелем I, 493

Собрания III, 70—77.

Собственность III, 889—900; I, 121, 124—126—127, 372, 439—440, 717—718, 923—925; II, 166, 171, 435; III, 1163; социалистическая I, 717—718; государственная II,

166, 171; III, 899, 900; кооперативная III, 899; частная III, 899; родовая III, 891; античная общинная и государственная III, 891—892; феодальная или сословная III, 893; капиталистическая III, 893; земельная III, 900.

Совершеннолетние I, 460—461, 870—872.

Совет Народных Комиссаров III, 900—906; II, 273—274, 445; III, 918—919, 920—921.

Совет Национальностей I, 37—38, 791—792; III, 916—917.

Советская власть II, 717.

Советская конституция III, 906—921

Советская общественность III, 81.

Советское гражданство I, 731—737.

Советское право III, 921—926, 337; II, 877—878, 891—892.

Советы I, 933; III, 81, 646, 909.

Советы народного хозяйства (СНХ) III, 926—933.

Советы рабочих и солдатских депутатов II, 638—639.

Советы Союзного ЦИК'а I, 791—792.

Совнот II, 1108.

Совместительство III, 933—935; I, 417, 995.

Совокупность преступлений III, 935—937; идеальная III, 935, 936; реальная III, 935—936; «самостоятельное деяние» III, 936—937.

Совхозы III, 937—941; I, 645—647

Согласие потерпевшего III, 941—943; при трудовых договорах III, 942; при операциях III, 942—943.

Согласительные комиссии I, 792; III, 1256.

Сократ I, 1078, 1079.

Солидаризм III, 943—945.

Солидарная ответственность III, 117, 945—946, 947, 948, 959; по передаточным надписям на векселях III, 948; учредителей акционерного общества III, 948; в договорах товарищества III, 947; при поручительстве III, 947; соучастников III, 959; совместно причинивших вред III, 948.

Солидарное обязательство III, 945—948; 967.

Солидарность активная кредиторов III, 945—946.

Соло-вексель I, 355.

Сообщество III, 85, 87.

Сопrotивление власти III, 949—950—493—494.

Сорель III, 862, 864.

Сорорат III, 853.

Сословие III, 950—957; I, 58—59, 472; с крестьян III, 954; с духовенства III, 953; с горожан III, 951—953; с дворян III, 951.

Сословная монархия I, 13; III, 955—956.

Сословное представительство I, 14.

Сословно-представительные учреждения III, 956—957.

Сословные привилегии I, 465.

Состязательность III, 1095—1096, 1107—1108, 1110—1111, 1338.

Соучастие III, 958—964; I, 418—419,

1030; III, 1367—1368, 1529—1530; неосторожное III, 962; квалифицированное III, 962; при должностных преступлениях III, 963, в «преступных сообществах» III, 963—964; ошибка с-ка в характере своих действий III, 962; как «посредственное умение» III, 960; солидарная ответственность при С. III, 959.

Софисты I, 173.

Социализация земли III, 964—971.

Социализм III, 972—978; II, 385; научный III, 976—977; утопический I, 1104; III, 976, 977; консервативный или буржуазный III, 675—676; реакционный III, 974—975; феодальный III, 974—975; «конструктивный с.» III, 975; победа с. в одной стране III, 977—978.

Социалистическая революция I, 76—77

Социальная функция II, 769; III, 436—437.

Социальное обеспечение III, 978—980, 165; I, 537—538; II, 1218—1219, 1220—1221.

Социальное страхование III, 980—995; I, 879; добровольное III, 981; обязательное III, 981; на случай болезни III, 988—989; на случай материнства III, 989—990; на случай инвалидности III, 990—993; на случай смерти III, 993; на случай безработицы III, 994—995.

Социально-опасное лицо I, 536—537.

«Социальный дарвинизм» III, 1014—1016.

«Социальный мир» I 64—65; III, 862—863.

Социологическая школа уголовного права III, 995—1009; I, 424—425; II, 923—925—; III, 479.

Социология III, 1009—1016, 85—87, 136—146; марксистская III, 85—87; «генетическая» III, 1010; психологическая школа в с III, 1011—1012; буржуазная III, 1010, 1011; «суб'ективная с.» III, 1012—1013.

«Социальный дарвинизм» III, 1014—1016.

Союз государств I, 677—678

Союз почтовый всемирный III, 1016, 1017.

Союз профессиональный III 563—583

Союз С. С. Р III, 160—162, 912—921, 1415—1417.

Союз телеграфный всеобщий III, 1016, 1017.

Союзное государство I, 677—678

Союзные республики III, 920—921, 1416.

Союзный Совет I 791—792, III, 916—917

Союзы международные (административные) III, 1016—1018.

Спасение и подача помощи на море II, 1040

Спекуляция III, 1018—1023; I 250.

Спекуляция биржевая I, 250.

Спенсер Г II, 736; III, 139, 143—145, 1011.

Сперанский М. М. I, 18; II, 271—272.

Специальное межевание I, 1215—1216.

Специальное предупреждение II, 931—932, 933.

Специальные ставки III, 1023—1026.

Специальные суды III, 1130—1131.

Специальный текущий счет I, 216.

Спиноза Борух III 1026—1030; I, 16, 1087—1089.

Спиртные напитки III, 357—358.

Способствование неприятелю I, 489.

Справедливость III, 1030—1035.

Средний заработок I, 550.

Средства войны I, 469—470.

Средства производства I, 372; II, 595.

Ссуда I, 1143—1144; III, 110.

Ссуда—засм III, 110.

Ссудные капиталы II, 590—591, 593—605.

Ссылка III, 1035—1039, 1355; II 925; I, 536, 538—539; административная I, 536; судебная I, 538—539.

Стабилизация бумажных денег I, 833—834.

Сталин I, 29—30, 37, 44, 993.

Старейшина дипломатического корпуса I, 942.

Статистика моральная III, 1039.

Статистика уголовная III, 1039—1041.

Статистическая плановая комиссия III, 1501.

Статистические переписи III, 1498.

Статут, «теория статутов» II, 875—876.

Стачка III, 1041—1054; II, 787—791, 1371; III, 862—863, 1285; всеобщая III, 1044; частичная III 1044; местная III, 1044; солидарности III, 1044; революционная III, 1045; политическая III, 1045—1046; национальная III, 1044; «прямого действия» III, 1044—1045

Стифен I, 1022.

Стихийное бедствие I, 766; II, 1370—1371; III, 1234, 1264.

СТО I, 157—158; III, 919—920.

Стоики III, 849

«Стоимость конституированная» I, 122.

Столыпинская реформа I, 1217—1219.

Стороны в гражданском процессе III, 1112.

Страхование III, 1054—1066; I, 237—238; II, 6, 1039—1040, 1227—1228; III, 111, личное III, 1062—1064; окладное и неокладное III, 1057—1059; обязательное III, 1057—1060; добровольное III, 1055—1056; 1060—1062; принудительное III, 1055; взаимное III, 1055, морское II, 1039—1040.

Страхователь III, 1062.

Страховые кассы III, 988.

Струве П. Б. III, 1555.

Стряпчий I, 59.

Стучка П. И. II, 949.

Субвенционные фонды и пособия II, 969.

Суб'аренда земли I, 637.

Суб'ект международно-правовых отношений II, 863.

Суб'ект права III, 1066—1074; I, 508; II, 40, 766—767; 863; III, 102—103, 441—442, 448—450.

Суб'ективный идеализм III, 1453

Суверен III, 1075.

Суверенитет III, 1074—1082; I, 10, 19, 20,

24, 25, 671, 673, 799, 1001—1002, 1071—1072; II 358—360, 809—810, 1413—1415; III, 1076—1079.

Суверенитет народный I, 20, 799; III, 1076—1079.

Суверенное государство I, 19, 24, 25.

Суд III, 1082—1084; I, 64; II, 1263—1276; III, 9—11, 14—21, 510—511, 517—518, 678—690, 1084, 1121—1125, 1129—1132; народный II, 1263—1276; III, 1129—1132; единый с: I, 64; кассационный III, 14—21; апелляционный III, 9—11; административный III, 1084; присяжный III, 1123—1125; третейский III, 517—518, 1245—1254; призовой III, 510—511; шеффенов III, 1123, 1125; трибунальские II, 1266—1267; III, 678—690.

Суда иностранные II 211—213.

Суда морские II, 902—906; III, 510—511.

Суда речные II, 906—907.

Судебная медицина III, 1084—1095.

Судебная практика III, 496—498.

Судебное производство III, 736—741.

Судебное следствие III, 1095—1099, 1341

Судебно-административные органы I, 64

Судебные работники II, 910.

Судебные исполнители I, 392—393.

Судебный Комитет Тайного Совета I, 364—365.

Судебный надзор I, 366—367.

Судебные пошлины III, 406, 410—411.

Судебный пристав I, 392.

Судимость III, 1099—1101; I, 108.

Судовая команда II, 1038.

Судовая роль II, 211.

Судовые документы II, 1036—1037

Судовые лазареты I, 1111

Судовой реестр II, 1035.

Судовой экипаж II, 1037, 1038.

Судовые свидетельства II, 1035.

Судовые списки II, 1035.

Судопроизводство гражданское III 1101—1113.

Судопроизводство (уголовное) или уголовный процесс III, 1113—1121.

Судоустройство (в бурж. стран). III, 1121—1127.

Судоустройство СССР III, 1127—1133.

Судохозяин II, 1037.

Суды краевые и окружные III, 1131—1132

Суды специальные III, 1130—1131

Суды смешанные III, 888—889.

Супруги I, 735—736; II, 625—632.

Суточные II, 495.

Суэцкий канал II, 337—338.

«Сфера влияния» II, 463—464

Сфеоы интересов III, 1133—1136, 1162—1163; II, 463.

Сход III, 841.

Сэй Ж. Б. II, 737.

Сюзерен III, 1075, 1425.

Сюзеренитет I, 12—13.

Т

Тайный Совет III, 1137—1138.

Талейран-Перигор I, 847—848.

Талион II, 979

Таможенная война III, 729

Таможенная политика III, 1138—1143.

Таможенное присоединение III, 1143.

Таможенные налоги III, 1446.

Таможенные пошлины II, 1091; III, 1140—1142; ценовые III, 1141; боевые III, 1141; покровительственные III, 1141; фискальные III, 1140—1141; специфические III, 1141.

Таможенный союз III, 1143—1147.

Таможенный тариф III 1147—1151, 1018, 1142—1143.

Таможня III, 372, 374.

Тарановский I, 362; III, 1585

Тард Г III, 1011, 1012.

Тариф таможенный III, 1147—1151, 1018, 1142—1143; генеральный и конвенционный т. т. III, 1147—1148, 1150, 1151; максимальный и минимальный т. т. III, 1148; тройной т. т. III, 1149; привозной т. т. III, 1147; вывозной т. т. III, 1147; автономный т. т. III, 1147; дифференциальный т. т. III, 1149.

Татья II, 174.

Театр I, 1234—1235

Текущие долги II, 609.

Телеология III, 283.

Телеологизм богословский II, 9.

Телеологизм рационалистический II, 9.

Телесные наказания III, 1151—1153.

Телесные повреждения III, 1153—1159, 1091—1093; II, 1362.

Теократия III, 1159—1160, I, 11

Терехов I, 432.

Территориальная милиция I, 196.

Территориальные округа Красармии II, 940, 941.

Территория III, 1161—1166; I, 670, 673, 681—682.

Террор III, 1166—1178; II, 931; массовый т. III, 1166—1167; индивидуальный т III, 1166—1167.

Террор в Октябрьскую революцию III, 1173—1178.

Террористические акты II, 555—556.

Терчасти Красармии I, 474—476

Течение давности I, 766.

Тибо II, 306—308.

Тиран I, 11.

Тирании древне-греческие I, 855—856

«Тираноубийцы» I, 16, 14, 270, 1083.

Товар II, 19—22.

Товарищество III, 1178—1183; III, 111—211—212, 1451.

Товарищество на вере III, 1179, 1180—1181, 1182.

Товарищество полное III, 697, 1179—1182.

Товарищество по общественной обработке земли II, 446, 451—452.

Товарищество простое III, 1179—1182.

Товарищество с ограниченной ответственностью III, 1179, 1183.

Товарищество торговое I, 397.

• Товарно-складочные операции I, 387—388.

Товарные биржи I, 253—255.

Товарные знаки III, 1183—1185; II, 206—207.

Товарные склады III, 320—321.
 Товаропроизводитель III, 1487—1488.
 Токвилль А. I, 364.
 Токсикология III, 1359.
 Толкование законов III, 1185—1194; I, 112, 432—433, 714; грамматическое III, 1187; логическое III, 1187; систематическое III, 1187; историческое III, 1187; по аналогии III, 1188; ограничительное III, 1188; распространительное III, 1188; легальное III, 1187; доктринальное III, 1187; автентическое III, 1187: судебное III, 1187.
 Толстой Л. Н. I, 134—135.
 Томазий I, 1089—1090; II 867.
 Тоннаж III, 1210.
 Торги III, 1194—1197, 1242.
 Торговая политика III, 1197—1204; II, 1075—1077 активная III, 1198—1199; пассивная III, 1198—1199; автономная III, 1199; договорная III, 1199.
 Торговая политика внутренняя III, 1201—1204
 Торговля III, 1204—1207.
 Торговля наркотическими средствами II, 1251.
 Торговля оружием III, 148—150.
 Торговля рабами I, 1; III, 356—357.
 Торговое мореплавание III, 1207—1213.
 Торговое право III, 1213—1217, 112—113
 Торговые книги III, 1217—1218.
 Торговые планы III, 1203—1204.
 Торговые порты III, 370.
 Торговые представительства III, 1218—1222; II, 1151, 1021—1022.
 Торговый баланс пассивный I, 352.
 Торговый договор II, 1073—1075, 1075—1077, 1324—1327; III, 1197—1204, 1219—1221, 1222.
 Торговый капитализм III, 765—769
 Торгпредства II, 1115, 1021—1022; III, 1218—1222.
 Транзит III, 1222—1227.
 Транзитные лавки II, 523—524.
 Транзитные пошлины III, 1223.
 Транспортное право III, 1228—1237.
 Транспортные операции I, 387—388.
 Трассант I, 356.
 Трассат I, 356
 Тратта I, 356.
 Тред-юнионы III, 569—571, 1046—1047
 Трест III, 1237—1245; II, 1445; III, 870, 1451; центральный III, 1240—1241; междуведомственный III, 1241; сельскохозяйственный III, 1242—1243; коммунальные II, 955—957; III, 1242; местного значения II, 169; III, 1241—1242.
 Третейская запись III, 1248.
 Третейский договор III, 1248.
 Третейский суд III, 1245—1254, 517—518.
 Третейский судья III, 1248—1249.
 Третейское разбирательство III, 1245.
 Третейское разбирательство международных споров III, 1254—1261
 Третье сословие III, 952.
 Третьи лица I, 393, 399, 970—971.
 Третий Интернационал II, 491; III, 556
 Третья школа уголовн. права III, 1261—1262.

Трибуналы революционные II, 1266—1267; III, 678—690.
 Тридентский собор (о регистрации) I, 78.
 Трипель I, 973.
 Трифонин I, 1081—1082.
 Тройственный союз 1879 и 1832 г. III, 333.
 Троцкий Л. I, 192, 193, 194, 195
 Трубецкой Е II, 368.
 Труд I, 47; II, 25—29; III, 196—206, 411—415, 597—605, 648—653, 1279—1280.
 Труд малолетних I, 236; III, 1286—1287.
 Трудовая артель I, 197
 Трудовая повинность III, 1262—1265; II, 268.
 Трудовая прокуратура III, 1317—1318.
 Трудовое землепользование III, 1265—1270.
 Трудовое начало III, 967—968.
 Трудовое отношение III, 1276—1277.
 Трудовое посредничество III, 1270—1276.
 Трудовое право III, 1276—1297; 516—527, 597—605, 648—653, 653—655.
 Трудовое право международное III, 1297—1307.
 Трудовой договор III, 1307—1316; I, 461, 862, 871, 1178—1179, 1179—1185; III, 653—655, 1323.
 Трудовой кодекс III, 1291.
 Трудовые дома для несовершеннолетних II, 297—298.
 Трудовые колонии II, 297
 Трудовые (особые) сессии народных судов III, 1316—1318.
 Трудовые списки III, 882.
 Тьер I, 330, 735.
 Тьерри Ог. II, 735.
 Тэкер Венъямин I, 133—134.
 Тэн III, 315.

У

Убийство III, 1319—1322, 312—313; квалифицированное III, 1321; неосторожное III, 1322; привилегированное III, 1321; умышленное III, 1319—1320, 1321
 Увечье I, 516—517; II 1396—1398.
 Увольнение III, 1322—1327, I, 238.
 Угодия земельные I, 637—638.
 Угодья рыболовные и зверобойные II, 209—210.
 Уголовная политика III 1349—1350.
 Уголовная репрессия I, 108—109, 109—111; II, 174—175; III, 1327.
 Уголовная этиология I, 146.
 Уголовное право III, 1327—1329: I, 146—155.
 Уголовно-процессуальный кодекс III, 1329—1345.
 Уголовный кодекс РСФСР III, 1345—1358; 1327—1328.
 Уголовный процесс III, 535—541, 1114—1119.
 Уголовный розыск III, 1359—1361.
 Угроза III, 1362—1363, 821—II, 1339.

- Удостоверение личности I, 997—998; III, 248—252.
- Уисполкомы** III, 1363—1365.
- Уклонение от военной службы** III, 1365—1367; I, 485.
- Укрывательство** III, 1367—1368, 963.
- Уложение** II, 436.
- Улучшения** III, 1368—1370; I, 170.
- Улучшения земельные** III, 1370—1373; I, 170.
- Ульман** II, 876.
- Ульпиан** I, 1081.
- Ультиматум** III, 1373—1375; простой III, 1373; квалифицированный III, 1373, 1374.
- Умысел** III, 1375—1377; I, 429, 444, 904—905, 1030; III, 1352; волевая теория III, 1376; прямой у. III, 1375; «теория представления» III, 1376; эвентуальный у. III, 1375.
- Унификация государственных долгов** II, 614.
- Унификация права** III, 161.
- Унитарное государство** III, 1413.
- Уния** III, 1377—1378; личная у. I, 677 III, 1377—1378; реальная у. I, 677; III, 1378.
- Уокер** II, 871.
- Уорд Л.** III, 1011, 1012
- Уплотнение** I, 1128.
- Управление** I, 71—72, 449; III, 489—496.
- «Упущенная выгода»** I, 516, 517
- Уравнительное землепользование** I 1204; III, 965—968.
- Уравнительность** III, 967—968, 1265.
- Уравнительный сбор** III, 548—549.
- Усадьбы участки** I, 632—633.
- Условное освобождение** III, 1378—1379 II, 918.
- Условное осуждение** III, 1379—1383.
- Устав** III, 1383—1384; I, 1133—1134.
- Устав ВКП(б)** III, 1384—1388.
- Уставный капитал** III, 1239.
- Устность** III, 1097, 1118
- Устрашение в уголовн. праве** II, 930—931.
- Усыновление** III, 1388—1390.
- Утилитаризм** III, 1390—1394.
- Утопический социализм** I, 1104.
- Утрата документа** I, 459—460.
- Участники преступления** I, 510—511.
- Учебное заведение** III, 349—350.
- Учебные сборы** III, 1366.
- Учебный совет** III, 1550.
- Ученичество** III, 1394—1397; I, 863.
- Учет векселей** I, 216—217.
- Учредительное собрание** III, 1397—1402.
- ❖
- Фабзавкомы** III, 580—582.
- Фабричная инспекция** II, 214—216.
- Файоль А.** I, 71.
- Файхингер** II, 367.
- Факторы преступности** III, 1403—1406 I, 423.
- Фальсификация** III, 1406—1407; II, 1044.
- «Фальшивка»** III, 1553—1554.
- Фамилия** I, 84, 89, 93, 872.
- Фаринаций Проспер** I, 240.
- Фашизм** III, 1407—1413; II, 927 III, 344—345.
- Фашистская партия** III, 1411
- Федерализм** I, 124.
- Федеративное устройство** I, 26.
- Федерация** III, 1413—1417, I, 32, 731; III, 1491.
- Федерация Советских национальных республик** I, 32—33.
- Федкомзем** II, 1183.
- Фейербах Анзельм** III, 1417—1419; I, 146; II, 587.
- Фейербах Людвиг** III, 1419—1421; I, 563—564; II, 855—856.
- Феод** III, 1425—1426.
- Феодализм** III, 1421—1434; I, 181—182, 463; III, 762—765, 1421—1422, 1428, 1492; ф. политический III, 1422; ф. социальный III, 1422; происхождение ф. III, 1422—1430; ф. в Западной Европе III, 1428—1430, 1431; ф. в России III, 1430; ф. в Китае III, 1432—1434.
- Феодалная лестница** III, 1421, 1423, 1426.
- Феофраст** I, 179.
- Фенелон** II, 748.
- Фергюссон Д.** II, 855
- Фердрос Ал.** I, 973; II, 1417.
- Ферри Энрико** III, 1434—1436; I, 147, 149—150, 151, 154, 155, 424.
- Фетишизм закона** I, 112.
- Фетишизм товарный** II, 20—21.
- Физиократы** I, 1092—1094; II, 729—730.
- Фидеикомиссы** II, 802—803.
- Фиктивные сделки** II, 1340—1341.
- Филанджери** I, 240; II, 587.
- Философия права** III, 1436—1440; I, 557—560; II, 843—845; III, 313—318.
- Философия позитивная** III, 313—318.
- Философия просвещения** I, 1090—1106.
- Философский материализм** II, 843—845.
- Фильмер** I, 16.
- Финансирование натуральное** III, 1240.
- Финансовый капитал** II, 142—143.
- Финансовый контроль (международный)** III, 1441—1444.
- Финансы** III, 1444—1450.
- Финансы местные** II, 958—977.
- Финотделы (на местах)** II, 1241—1242.
- Фирма** III, 1450—1453.
- Фихте Иоганн** III, 1453—1456; I, 1105; II, 587, 742; III, 137.
- Флаг** III, 1456—1458; II, 212—213, 1036; ф. национальный III, 1456; ф. сигнальный III, 1456, 1456—1457; ф-ги СССР III, 1458; ф-ги РСФСР III, 1458; красный флаг III, 1457—1458.
- Флот (военный и торговый)** III, 1458—1464; ф. военный III, 1460—1463; ф. красный III, 1463—1464; ф. торговый III, 1212, 1459—1460.
- Флорентин** I, 1081
- Флориан** II, 587.
- Фойницкий** I, 56—57; II, 532.
- Фома Аквинский** I, 1082.
- Фондовые биржи** I, 257—260.
- Фондовые отделы бирж** I, 257—260.

Фор Себастьян I, 133
 Форд Г III, 145.
 Форлендер III, 1440.
 Формализм III, 1103—1105.
 Формальные доказательства I, 988—989; 989—991
 Фошиль I, 453.
 Фракция III, 1464—1466.
 Фрахтовые ставки III, 1227.
 Фрахтовый договор II 1039
 Фригольдеры II, 648.
 Фридлендер III. 1582, 1583, 1584.
 Фридлиб III. 1584.
 Фримен I, 364.
 Фритредер II, 30.
 Фритредерство I, 239; II, 30, 734; III. 1138, 1139.
 Фуллье Альфред III, 146.
 Фундированные долги II, 609.
 Фундированные доходы III, 302.

Х

Халатность должностная I, 1024, 1026—1027; III, 1471
 Хартия III. 1467—1468: I. 545—546; II, 506.
 Хищение III, 323—324
 Хлебный заем II, 620.
 Хозрасчет II, 1442—1444.
 Хозяйственная деятельность иностранцев II, 208—211.
 Хозяйственное право I, 725—726.
 Хозяйственные преступления III, 1468—1474.
 Христианство III, 1510—1512.
 Хулиганство III, 1474—1476.

Ц

Цахариа Карл III, 142.
 Цезарепапизм I, 12; III, 1518.
 Целесообразность II, 43; III. 1478—1479. 1484, 1485, 1487
 Цель в праве III, 1477—1490. II, 38
 Ценз возрастной II, 48
 Ценз имущественный II, 46.
 Ценз образовательный II, 47—48.
 Ценз оседлости II, 47
 Ценз половой II, 48—49.
 Централизация III, 1490—1496; I. 318.
 Централизм I. 31.
 Централизм партийный III, 244—245.
 Центральная комиссия о несовершеннолетних I. 884—888.
 Центральное Бюро международное геодезической ассоциации I, 345
 Центральное Бюро международн. транспортов I, 346.

Центральное статистическое управление Союза ССР III, 1496—1506; сельскохозяйственная статистика III, 1502—1503; социальная статистика III, 1502; промышленная статистика III, 1503; статистика труда III, 1503; статистика обмена III. 1503

Центральный Архив РСФСР III, 1506—1510.

Центральный Исполнительный Комитет Союза (ЦИКС) I. 791—792: II, 140—141; III, 916—918, 920.

Центральный крестьянский комитет общественной взаимопомощи II, 1218—1219.

Центросоюз III, 399.

Церковно-политические учения III, 1510—1517.

Церковь III, 1517—1523; I, 678; III, 1425, 1426—1427. феодальная III, 1518—1519; государственная ц. III, 1518; отделение ц. от государства; III, 1519—1520; католическая III, 1520—1521; евангелическо-лютеранская III. 1521; русская III. 1521—1523.

Цертепартия (договор ц.) II, 1039.

Цессия III, 1523—1525; I, 139; III 1164.

Цивилизация II, 861—862.

Циркуляр III, 1525—1526; общесоюзных наркоматов III, 1526; объединенных наркоматов III, 1526.

Цицерон I, 1080.

Цорн II, 869.

Цусстрах II. 1227—1228.

Ч

Чартизм II, 734.

Частная собственность I, 46, 175—176, 467—468, 923—925, 965—966 1097 1098; II, 1044—1045; III, 1070.

Частное международное право II, 874—892.

Частное обжалование III, 29—30.

Частное предупреждение I, 444.

Чек III, 1527—1528; I, 357.

Чеканка денег I, 813—819.

Червонец I, 837—838

Чересполосица междуселенная и внутриселенная I, 1222—1223.

Черный передел I. 54. 55.

Честь III, 153—154.

Чиновник III, 880—881

Чичерин Б. II. II, 743—744; III, 1440.

Членство I, 1133—1135.

Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности III, 1175—1177.

Чрезвычайные меры охраны порядка II, 267—269.

Чубинский II, 779

Чупров II, 740.

Чусоснабарм I, 649.

Ш

Шайка III, 1529—1530.

Шантаж III 1530—1531; I, 530; II. 179.

Шариат III, 1531—1542.

Швейцарский федеральный суд I, 365.

Шеллинг II, 12, 301—303; III, 140.

Шершеневич II, 532; III, 1585.

Шеффле III, 145—146.

Шикана I, 1229. 1231—1232.

Школа общеобразовательная III, 1542—1547; единая ш. III, 1543, 1544—1545; трудовая ш. III, 1543—1544; политехническая ш. III, 1544; ш. крестьянской молодежи (III. К. М.) III, 1545; ш. фабрично-заводского ученичества (Ф. З. У.) III, 1545—1546, 1396; фабрично-заводские семилетки (Ф. З. С.) III, 1546; 2-ой концентр школ II-й ступени III, 1546; ш. для подростков III, 1546—1547; Рабфаки III, 1547.

Школа высшая III, 1547—1552; I, 24.

Шлегель Ф. П. 301.

Шлейермахер II, 301

Шмидт Р. I, 386; III, 1585

Шпионаж III, 1552—1554; II, 555

Шпионаж экономический II, 554—555.

Шталь Ф. I, 563, II, 301.

Штаммлер Рудольф III, 1554—1557; I, 1073; II, 13, 366—367; III, 434, 1440.

Штаты III, 1557—1559; Постоянный контингент ш. III, 1557; качественный состав ш. III, 1557; штатная структура III, 1557; списочный состав III, 1557; наличный состав III, 1557; штатный некомплект III, 1557—1558; штатный сверхкомплект III, 1557; система твердых окладов III, 1558.

Штейн Лоренц III, 1559—1561; II, 37; I, 565—566.

Штейнбах I, 1230, 1231.

Штирнер I, 120—122. 564.

Штрассер I, 463.

Штраус Д. I, 563; III, 1419.

Штраф III, 1561—1564; I, 395, 404, 1182—1184; II, 172, 267, 522—523; III, 1355; судебный III, 1561—1563; административный III, 1564; замена ш. принудительными работами III, 1553; замена ш. лишением свободы III, 1562, 1563.

Штурм Р. I, 303.

Шютце I, 1013; III, 1584

Э

Эвакуационный транспорт I, 1109—1110.

Эвентуальный умысел III, 1375.

«Экзекватур» II, 515.

Экзогамия III, 855.

Экономическая контрреволюция II, 547—548, 552—554.

Экономические совещания (ЭКОСО) III, 921.

Экономический шпионаж II, 554—555.

Эксперт III, 1565—1566.

Экспертиза III, 1565—1567; III, 1084—1085, 1251; исследование и оценка III, 1566; представление заключений III, 1566; э. медицинская III, 1567; э. психиатрическая III, 1567; э. бухгалтерская и коммерческая III, 1567

Эксплоатация капиталистическая II, 24—25, 29.

Экспроприация I, 375. II, 191—192.

Экстерриториальность I, 593, 943—944; III, 1220—1222.

Эльба II, 894.

Эмбарго III, 1568, 728.

Эмиграция III, 1568—1573; I, 729—730, 734.

Эмиссии банкнот II, 595—596, 597, 603—605.

Эмиссии металлических денег I, 819—826.

Эмиссионные отделы банков II, 596—597.

Эмиссионные отделы казначейств II, 596—597.

Эмоция III, 588—590.

Эмпиризм философский III, 313—318.

Энгель I, 272.

Энгельс Фридрих III, 1573—1580.

Энклав III, 1161.

Энсон В. I, 136.

Энциклопедисты I, 1103—1104

Энциклопедия права III, 1580—1585.

Эпиктет I, 1080.

Эпикур I, 1079; II, 849; III, 1588.

Эпикурский гедонизм III, 1588—1589.

Эрдман, I, 563.

Эсмен I, 137.

Этика III, 1585—1590.

Этиология преступления I, 147

Этиология уголовная I, 146.

Эффективность блокады I, 260—261.

Ю

Юз II, 383.

Юридическая школа уголовного права I, 146.

Юридические консультации I, 61.

Юридический метод I, 1074.

Юридический позитивизм III, 315—318.

«Юридический социализм» III, 1591—1593; III, 435.

Юридический формализм II, 1409.

Юридическое лицо III, 1593—1598; II, 202—204, 207, 208, 882—883, 1384—1385; III, 463, 841, 878; понятие ю. л. III, 1593—1596; устав ю. л. III, 1596; ликвидация ю. л. III, 1597; ю. л. в советской практике III, 1597—1598.

Юридическое мировоззрение II, 14—17, 36, 831, 840.

Юридическое мышление I, 923.

Юридическое отношение III, 440—446.

Юрисдикция I, 242, 454, 944, 945; II, 386, 388; дипломатических представителей I, 944—945; ю. в воздушном пространстве I, 454; ю. в береговых водах I, 242; консульская II, 386, 388.

Юриспруденция III, 431—439.

Юристы I, 922—923, 1073—1074. II, 27—29.

Я

Явка свидетелей III, 813.

Явочный порядок собраний III, 72.

Язык I, 978, 999—1000; III, 1097, 1336—1337; я. судопроизводства III, 1097, 1336—1337; я. международных договоров I, 978; должностное лицо и местный я. I, 999—1000.

Якоби II, 301.

Яхонтов В. И. I, 72

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Том	Страница	Строка	Напечатано :	Следует читать
I	14	25 сверху	Юний	Юлий
I	31	21 снизу	центростремительных	центробежных
I	"	18 "	центростремительные	центробежные
I	190	16 "	1823	1923
I	262	18 сверху	занугатг	запутать
I	313-314	2 снизу	395	385
I	315-316	6 сверху	2945	2494
I	332	22 снизу	II-ой	I-ой
I	391	1 "	рядовой	родовой
I	491	1 сверху	зыскание	взяточничество
I	504	11 "	1927	1917
I	547	24 "	as Corpus	Habeas Corpus
I	582	11 "	Мангер	Менгер
I	640	17 снизу	V Всерос. Съезд	VII Всерос. Съезд
I	721	14 "	Jaisser	Laisser
I	768	1 "	Всякое	кого
I	927	2 "	агитаторы	диктаторы
I	1087	6 "	кантеизм	пантеизм
I	1078	5 "	Критин	Критий
II	611	10 "	надежном К.	денежном К.
II	720	2 сверху	ласть	власть
II	735	21 снизу	Дестюг де-Траси	Дестю-де-Траси
II	1231	9 сверху	Виндшейнд	Виндшейд
II	1410	21 снизу	приспособить	приспособить
В содержании II тома:			Розинекий	Рогинский
			Гразновский	Трояновский
			Помадов	Полудов
III	440	15 и 16 снизу	(„Общая теория пр.“) и Марке показали	(„Общая теория пр. и маркеизм“) показал
III	826	16 снизу	1926 г.	1920 г.
III	869	12 сверху	кальевой	калийной
III	897	7 снизу	по закону	по запаху
III	970	5 сверху	Пусть из-за этого	Пусть... Из-за этого

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГОСУДАРСТВА и ПРАВА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Члена Коммунистической Академии

П. И. СТУЧКА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

== Список важнейших статей: ==

- 1) Идеализм и право
- 2) Идеология правовая
- 3) Иорвиг
- 4) Избирательное право
- 5) Империализм
- 6) Имущества государственные
- 7) Имущественные преступления
- 8) Иностранец
- 9) Инспекция труда
- 10) Интервенция
- 11) Иск
- 12) Исправительно-трудовой Кодекс
- 13) Историческая школа
- 14) Кабинет министров
- 15) Каноническое право
- 16) Кант
- 17) Кантианство
- 18) Капитализм
- 19) Класс
- 20) Классическая школа уголовного права
- 21) Кодекс Наполеона
- 22) Коллектив сельско-хозяйственный
- 23) Колонии
- 24) Коммунизм
- 25) Конституция
- 26) Контрреволюционные преступления
- 27) Кредит (теория)
- 28) Кредит государственный
- 29) Крепостное право
- 30) Крепостное право (история)
- 31) Крестьянские комитеты Общества Взаимопомощи
- 32) Крестьянство
- 33) Купля-продажа
- 34) Купля-продажа в розницу с рассрочкой платежа
- 35) Лассаль
- 36) Ленинизм
- 37) Лесной Кодекс
- 38) Либерализм
- 39) Лига Наций

- И. И. Разумовский
В. В. Адоратский.
С. й.
Г. С. Гуревич.
Т. И. Районов.
А. В. Карасе.
А. Я. Эстрин.
М. Плоткин, Б. Ро
С. И. Каплун.
Е. Б. Пашуканис.
С. М. Прушицкий
Е. Ширвиндт.
И. П. Разумовский
А. М. Турубвнер.
Н. Фиолетов.
В. К. Сережников
И. П. Разумовский
В. В. Адоратский
В. В. Адоратский.
С. й.
П. И. Стучка.
А. А. Лисицын.
К. Трояновский.
В. В. Адоратский
Г. С. Гуревич.
И. В. Крыленко.
Д. В. Кузовков.
Д. П. Поголов.
Я. Берман.
С. В. Юшко
Н. Милютин.
П. И. Стучка.
П. И. Стучка.
С. И. Раевич.
И. П. Разумовский
П. И. Стучка.
А. И. Шульц.
И. П. Разумовский
Л. Н. Иванов.